Право И Государство Пресс

E-mail: prigos@mail.ru

www.prigospress.ucoz.ru

ISSN 1815-1337

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:

теория и практика

2025

№ 8

- *Бидова Б.Б., Исмаилов М.А., Мелешко О.П.* Национальная политика России как ключевой элемент в структуре безопасности государства
- *Кожевников В.В.* Правотворческая политика: общетеоретический аспект
- *Фастович Г.Г.* Роль профилактических мероприятий, направленных на противодействие антитеррористического сознания у молодежи (комплексное исследование по итогам первого полугодия 2025 года)
- *Редкоус В.М.* Открытость и публичность как принцип организации и деятельности полиции в государствах-участниках СНГ (практика законодательного закрепления)
- *Соколов В.В.* Понятие и сущность системы права в контексте геополитических изменений
- *Кофтина Ю.Н.* Кадровые технологии как средства обеспечения государственной кадровой политики
- *Кемрюгов Т.Х.* Развитие идеи баланса в конституционном правоприменении
- *Баттахов П.П.* Развитие энергетики в России: актуальные проблемы правового регулирования
- Другие материалы

ISSN 1815-1337

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. 2025. № 8 Федеральный научный юридический ежемесячный журнал	LAW AND STATE: the theory and practice. 2025. № 8 Federal scientific juridical monthly journal
Учредитель: *А.И. Бобылев*	**Constitutor:** *A.I. Bobylev*
Издатель: Издательство «Право и государство пресс»	**Publisher:** Publishing house «Law and state press»
Главный редактор: *С.В. Алексеев – доктор юридических наук, профессор (Москва)*	**Chief editor:** *S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow)*
Ответственный редактор: *С.В. Зубкова (Москва)*	**The editor-in-chief:** *S.V. Zubkova (Moscow)*
Редакционный совет:	**Editorial council:**
С.В. Алексеев – д.ю.н., профессор (Москва),	*S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва)	*E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Грозный),	*B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Grozny),*
С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),	*S.A. Bogolyubov - Doctor of Law, Professor (Moscow),*
Е.Ю. Грачёва – д.ю.н., профессор (Москва),	*E.Yu. Gracheva – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),	*N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),	*V.N. Zhukov - Doctor of Law, Professor (Moscow),*
А.И. Землин - д.ю.н., профессор (Москва),	*A.I. Zemlin - Doctor of Law, Professor (Moscow),*
С.А. Комаров – д.ю.н., профессор (Санкт-Петербург),	*S.A. Komarov – Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg),*
В.М. Корякин – д.ю.н., профессор (Москва),	*V.M. Koryakin – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
П.В. Крашенинников – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),	*P.V. Krasheninnikov – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),*
Н.В. Кроткова – к.ю.н. (Москва),	*N.V. Krotkova – Associate Professor (Moscow),*
А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов),	*A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov),*
И.М. Мацкевич – д.ю.н., профессор (Москва),	*I.M. Matskevich – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва),	*T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
Е.А. Фролова – д.ю.н. (Москва)	*E.A. Frolova - Doctor of Law (Moscow)*
В.В. Чубаров – д.ю.н. (Москва)	*V.V. Chubarov - Doctor of Law (Moscow)*
Редакционная коллегия:	**Editorial board:**
И.В. Ершова – д.ю.н., профессор (Москва),	*I.V. Ershova - Doctor of Law, Professor (Moscow),*
Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),	*N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва),	*N.M. Zolotuhina – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
П.А. Калиниченко – д.ю.н., профессор (Москва),	*P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва),	*V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва),	*M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
М.М. Милованова – к.ю.н., доцент (Москва),	*M.M. Milovanova – Candidate of Law, Associate Professor (Moscow)*
В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),	*V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow),*
Н.А. Соколова – д.ю.н., доцент (Москва),	*N.A. Sokolova – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow),*
Р.Ф. Степаненко – д.ю.н., профессор (Казань),	*R.F. Stepanenko – Doctor of Law, Professor (Kazan),*
О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)	*O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)*

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17836 от 22 марта 2004 г.

Адрес редакции и издателя:
141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, 4-230.
E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospress.ucoz.ru.
Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20

Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобразования и науки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4)
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI).

При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы». Подписка 2025. Второе полугодие. Наш индекс 11193.

За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Издательство «Право и государство пресс», 2025 (16+)

СОДЕРЖАНИЕ 2025 № 8

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Аметка Ф.А., Хаваджи Д.Р.
Закон Дрейера – основа правосудия послевоенной Германии
и инструмент реабилитации нацистских преступников……...……8

Раттур М.В.
Идентичность в политико-правовом вокабуляре:
от логико-понятийной к теоретико-юридической конструкции……..…13

Волк-Леонович С.О.
В.М. Гессен о проблемах особых правовых режимах в Российской империи……...17

Мазитов Ш.А.
Взаимосвязь правовой политики и правосознания: теоретико-правовой анализ……22

Фастович Г.Г.
Роль профилактических мероприятий, направленных
на противодействие антитеррористического сознания у молодежи
(комплексное исследование по итогам первого полугодия 2025 года)……..…..25

Козинникова Е.Н.
Сущность государственного принуждения и пределы его применения
в трактовке российских государствоведов конца XIX – начала XX вв……...28

Савенков А.А.
Идентичность, индивидуализация
и правовой порядок в концепции а-законности Г. Линдаля……..32

Рыжик А.В.
Юриспруденция в системе общественных дисциплин……...36

Габибова З.Р.
Цифровая трансформация экономики
и ее влияние на реализацию экономических прав граждан……..40

Фетищев Д.В., Галузо В.Н.
О динамическом стереотипе участника гражданского судопроизводства
(опыт праворегулирования в Судебной коллегии по гражданским делам
Второго кассационного суда общей юрисдикции)……44

Бидова Б.Б., Исмаилов М.А., Мелешко О.П.
Национальная политика России
как ключевой элемент в структуре безопасности государства……..…48

Сейтиев А.С.-С.
Юридический статус этнических групп
в структуре внутренней политики России дореволюционного периода……..51

Плотникова Т.В., Харин В.В.
Роль правовых традиций в формировании правовых институтов,
законности и правопорядка: на примере публичного права……..54

Пучнин В.В.
Значение правовых новаций
в развитии правовой культуры социума социологический аспект……59

Бикмурзина Н.С.
Факторы, оказывающие влияние на формирование
активной жизненной позиции и правового воспитания обучающихся……64

Палеха Р.Р., Павлова Е.В., Павлов Е.А.
Право и нравственность: основы соотношения……..67

Галузо В.Н.
О действенности теории правоохраны в Российской Федерации
(опыт праворегулирования в Кунцевском районном суде города Москвы)……70

Патюлин Г.С.
Соотношение и структура общенаучной методологии и методологии права
(к вопросу о методе и методологии юридической науки, часть 2)……75

Рябова Е.В., Паулова Ю.Е., Юденков А.В., Романова Д.А.
Эффективные методы формирования гражданских качеств личности на уроках права78

Гвоздева Т.Б.
Тройные победы в греческой атлетике……...81

Майборода Э.Т., Федорова С.А.
Правовой режим археологических находок в частных коллекциях:
сравнительный анализ законодательства России и КНР……85

Куприянов А.Ю.
Активизация познавательной деятельности обучающихся
на уроках по гражданскому праву……90

Давыдов Д.Г., Биктеев Д.Е., Яшкина М.А.
О роли дискуссионных игр и их применении на уроках права……..…94

Канищев В.П., Соловьева Л.Л.
Закон и его истоки в воззрениях И. Г. Г. фон Юсти
и интегративное правопонимание……98

Сотников Я.В., Пронин А.А., Лошкарев А.В.
Развитие банкротных процедур как элемента права на судебную защиту
в дореволюционной и советской России……100

Капаев М.А., Симонов В.А.
Изучение эффективности использования
лекционного метода обучения в средней школе……..105

Бидова Б.Б., Мелешко О.П., Сергиенко Л.М.
Государственная политика по сохранению исторической памяти……109

Дашин А.В., Сальников Г.А.
Смарт-контракты как новая форма исполнения обязательств:
проблемы правового регулирования……112

Корбат Л.А.
Цифровизация правоотношения:
инструмент развития или самостоятельная правовая сущность……...114

Сорокун П.В.
Проблемные аспекты и вызовы в формировании профессионального правосознания…..117

Спиридонов Е.Р.
Цифровая трансформация права: эволюция юридических процессов в цифровую эпоху.119

Пьянусов А.В.
МЧС России в механизме нормотворчества……...121

Назарова И.С.
Историко-правовые аспекты развития организационных основ
территориальной обороны в Российской Федерации……125

Кожевников В.В.
Правотворческая политика: общетеоретический аспект……...129

Шмидт А.В.
Специальный правовой статус: вопросы функционального предназначения……133

Епифанова Е.В., Чупрова А.А.
Морально-нравственные начала российского законодательства –
основа обеспечения национальной безопасности……...136

Сотников Я.В., Пронин А.А., Ушатов М.В.
Медиация: краткий теоретический анализ и предпосылки развития……...140

Канищев В.П., Соловьева Л.Л.
Естественное право и его истоки в воззрениях И. Г. Г. фон Юсти
и интегративное правопонимание……143

Пузиков Р.В., Клемешев Ю.Г.
Правовые новации как продукт правотворчества в сфере частного права……..145

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Суркова О.Е., Касаткин Н.А.
Цифровизация законотворчества в Российской Федерации……..150

Малашкина О.Ф., Савинкина Л.А., Ермаков Д.Н., Асадов В.Г.
Правовые аспекты внедрения инновационных инструментов управления персоналом
на промышленном предприятии (на примере ПАО «Мосэнерго»)……..152

Волковская Л.Н.
Правовое регулирование деятельности
иностранных строительных компаний на территории России……..…158

Конохов М.В.
Актуальность вопросов правового регулирования имущественных
и личных неимущественных отношений с участием военнослужащих
и членов их семей в период Великой Отечественной войны
на современном этапе развития военной организации государства…….....…..161

Соловьев Н.П.
Публично-правовое регулирование обеспечения климатической безопасности:
современные тенденции и перспективы развития……..165

Конохов М.В.
Правовые средства обеспечения информационной безопасности личности……...169

Абакумова Е.Б.
Правовой режим применения цифровых технологий и искусственного интеллекта
в антикоррупционной деятельности государства. Часть 1……173

Минбалеев А.В., Осипов Д.П.
Современное состояние правового регулирования в области
использования наборов данных для искусственного интеллекта……176

Гундерич Г.А., Лукавенко А.В.
Современные тенденции развития законодательства об информационной безопасности.180

Будникова А.Б.
Социальные гарантии сотрудников органов внутренних дел
как средство сбережения личного состава……..183

Морозов В.Е.
Особенности назначения и проведения таможенной экспертизы
в системе таможенного контроля Евразийского экономического союза:
правовые и организационные аспекты……186

Сидоров С.А., Юхим М.И., Сахно В.П.
Арктический регион в политическом треугольнике: Россия – КНР – США…....189

Кусаинова Д.К.
Критерии малозначительного деяния в российском уголовном праве……194

Кан К.А.
Административно-правовые аспекты
взаимодействия федеральной территории и Российской Федерации……....197

Бондаренко О.В., Чуксина В.В.
СМИ как институт гражданского общества:
информационно-коммуникационное измерение и правовое регулирование……200

Кемрюгов Т.Х.
Предпосылки формализации баланса в сфере правовой действительности…….205

Ибрагимов К.Х., Ибрагимов А.К.
Экстернальные и эндогенные факторы эффективности
промышленной политики России: организационно-правовые аспекты……..…209

Кемрюгов Т.Х.
Развитие идеи баланса в конституционном правоприменении……..…….214

Уманская В.П.
Роль доктринальных принципов права
в совершенствовании российского законодательства……..…219

Бунин Д.А.
Понятие и сущность публичного права
в сфере судопроизводства и массовой коммуникации…….224

Минина А.А., Сердюкова Е.В., Чуниха А.А.
Цифровой рубль: вопросы правового регулирования,
перспективы развития и роль в монетарной политике…….230

Смирнова И.Н., Бычинская И.С.
Сущность и значение функции организации в рамках реализации
уголовно-исполнительной системой задач пробации……..233

Соколов В.В.
Понятие и сущность системы права в контексте геополитических изменений…….236

Голоманчук Э.В., Попов К.А., Каюшникова Ю.Е.
Роль и особенности правового регулирования технологических инноваций
в процессе обеспечения экологической безопасности Российской Федерации…….242

Магомедов Ш.Б., Гаврилов А.С.
Конституционализация противодействия коррупции:
историко-правовая эволюция и современные вызовы……..246

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Крылов С.В.
Правовые основы и история военно-технического сотрудничества
Российской Федерации с иностранными государствами…….251

Коноплянникова Т.В., Шагивалеева И.З.
К вопросу об имущественных правах……...255

Крылов С.В.
Актуальные проблемы правового регулирования военно-технического сотрудничества
Российской Федерации с иностранными государствами……...259

Грязева О.И.
Теоретические и практические проблемы использования технологий искусственного
интеллекта при подготовке проектов судебных актов по гражданским делам…….....262

Баттахов П.П.
Развитие энергетики в России: актуальные проблемы правового регулирования…….....267

Баттахов П.П.
История становления и особенности судопроизводства
в Якутской Советской Социалистической Республике……..…..271

Васильев Е.В.
Актуальные вопросы юридической практики
процедур банкротства умершего должника-физического лица……..….275

Потапова Л.В., Польская Е.В.
Правовые механизмы защиты несовершеннолетних от жестокого обращения в семье:
проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики…..…278

Губайдуллина Э.Х., Китин Д.И.
Роль судебной системы в решении актуальных проблем наследственного права
в Российской Федерации: проблемы правоприменения……...….282

Хамов С.С.
Инстанционная подсудность дел в цивилистическом процессе
(на примере дел о защите интеллектуальных прав)……..285

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Шухов Ф.Г.
Некоторые правовые аспекты внедрения
систем искусственного интеллекта в охрану труда……..288

Сараева О.Н.
Правовые аспекты цифровой трансформации
в системе профессионального образования: тенденции и вызовы……..291

Росенко М.И., Пузанов А.М.
Об организационно-правовых механизмах участия учреждений системы образования
в противодействии идеологии терроризма и профилактике экстремизма……295

Редкоус В.М.
Открытость и публичность как принцип организации и деятельности полиции
в государствах-участниках СНГ (практика законодательного закрепления)…….301

Джагарян Н.В., Абдурахманова И.В.
Конституционно-правовое содержание имплементации…….305

Соловьев Н.П.
Публично-правовое регулирование обеспечения климатической безопасности:
современные тенденции и перспективы развития……309

Пьянусов А.В.
Нормотворческая деятельность в системе МЧС России……313

Рашидова В.Ю.
Суд по интеллектуальным правам как звено арбитражной системы
Российской Федерации: предпосылки создания и организация деятельности…….316

Халезов Н.Л.
Совершенствование научно-методического обеспечения органов внутренних дел
как способ повышения эффективности антикоррупционной деятельности……..320

Антонова С.Г.
Проблемы правового регулирования миграции в Российской Федерации……323

Шатская И.И., Илясов Д.А.
Отечественный и зарубежный опыт регулирования маркетплейсов……327

Скородумова Е.А., Скобелев А.А.
Квалификационные требования к судьям: роль ученой степени и последствия ее утраты…331

Бутов А.Ю.
Генезис конституционной формализации категории «народ» в российском государстве.335

Поляничко А.Л., Базарова М.И., Мутамбанаше Ладислоус
К вопросу о противодействии коррупции
в системе органов внутренних дел (из зарубежного опыта)……..340

Елистратов Д.В.
Особенности нормативно-правовой регламентации применения
сотрудниками ОВД специальных мер административного пресечения……..344

Глушко О.А.
Особенности реализации правового механизма
обеспечения прав граждан в сфере природопользования……..348

Кофтина Ю.М.
Кадровые технологии как средства обеспечения государственной кадровой политики…351

Крамаровский Л.О.
Публично-правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта:
сравнительно-правовой анализ ведущих юрисдикций……...355

Астафурова О.А., Каюшникова Ю.Е.
Институт административной ответственности за управление
транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения……..360

Мохов А.Ю., Голоманчук Э.В.
Профессиональные деформации правосознания нотариуса: сущность и специфика…….364

Джагарян Н.В., Маркина Е.В.
Конституционно-правовые основы и тенденции модернизации
обеспечения информационной безопасности Российской Федерации……368

Кулаков А.О.
Особенности налогообложения финансовых услуг, предметом которых
выступают денежные средства и финансовые инструменты……372

Зайцев В.А., Чистюхина М.В.
Особенности правового статуса лиц, не имеющих документов,
удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность……378

Шеншина Л.А.
Правовое регулирование защиты прав ребенка в Российской Федерации……..382

Зураев А.М., Беликова С.Б.
О некоторых вопросах совершенствования
законодательства об исполнительном производстве……..386

Мазеин А.В., Кожевников А.К.
Участие институтов гражданского общества
в обеспечении безопасности избирательного процесса в России…….389

Птицына Е.А., Алтухова О.Н., Наумов И.Н., Селезнева И.Г., Сухова А.С.
Ценностные ориентиры молодежи как индикатор правовой культуры……...393

Минина А.А., Перепадя С.М., Перепадя О.А.
Актуальные вопросы правового обеспечения использования
и развития технологий искусственного интеллекта……...396

Пьянусов А.В.
Правовая основа деятельности органов местного самоуправления
в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций……..400

Горелов И.П., Каштанова Е.А.
Полномочия органов исполнительной власти как субъектов
административно–правового механизма ограничения прав и свобод граждан……...405

Татарченко Е.А.
Доктринальные подходы к определению понятия
«конституционно-правовая модель» в России и Франции……408

Шатская И.И., Малешина Л.М.
Правовое обеспечение государственной
и муниципальной поддержки малого и среднего предпринимательства……412

Ктитаров В.Л.
О традиционных ценностях России……416

Шадрина Л.В.
Правовой статус палат Федерального Собрания Российской Федерации:
сходства и различия……...419

Шеншин В.М.
О некоторых проблемах участия войск национальной гвардии Российской Федерации
в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности……..423

Игнатьева И.В., Зедгенизова И.И.
К вопросу о добровольном страховании граждан в Российской Федерации……..428

Ишков А.Ю.
Проект уголовно-исправительно-полицейского кодекса 1803 года
как первый этап кодификации уголовного процесса наполеоновской Франции……432

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Иванов П.И.
Оперативно-розыскная психология, сопряженная с теорией ОРД……..…436

Матвеев А.А.
Факторы, влияющие на преступность мигрантов в малых городах:
причины возникновения и способы искоренения……..……...441

Набатов М.Б.
К вопросу о доверии общества
к российскому уголовному судопроизводству в современных условиях……...444

Гараева Т.Б.
Подписка о невыезде и надлежащем поведении:
эффективность законодательных поправок……..……448

Абакарова А.М.
Новеллы статьи 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей»
и риски чрезмерной криминализации…….....451

Попова Е.М., Помелов А.А.
Преступность в сфере реализации национального проекта «здравоохранение»:
криминологическая характеристика и предложения
по осуществлению оперативного поиска и оперативной проверки……456

Глебова Е.В., Попова В.В.
К вопросу понятия, признаках
и системы принципов уголовно-исполнительного права…….460

Чепик М.М.
О совершенствовании законодательства,
регулирующего судопроизводство с участием суда присяжных……464

Бешукова З.М.
К вопросу о причинах и условиях преступных проявлений экстремизма…….467

Базаров П.Р., Толченкина М.Э., Мехтиев Э.Р.
Нарушение правил обращения опасных веществ и отходов:
особенности состава преступления……471

Горовой В.В., Прихожая Л.Е.
Оперативно-розыскная характеристика
преступлений экстремистской направленности……474

Гунькин И.В.
История развития статуса потерпевшего в уголовном процессе России……...479

Елисов П.П., Гаманенко Л.И.
Классификация уголовных наказаний…….…..483

Казак И.Б., Шерхов Р.Р.
К вопросу о классификации методов оперативно-розыскного
предотвращения преступлений экстремисткой направленности,
совершаемых в пенитенциарных учреждениях……486

Тищенко Ю.Ю.
Особенности индивидуализации воспитательного
и педагогического воздействия на осужденных……488

Цаплин И.С.
Эволюция уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы……..491

Догузов С.А., Качмазова М.Э.
О необходимости либерализации уголовного законодательства
на примере преступления, предусмотренного статьей 193.1 УК РФ……..494

Агарков А.В.
Оперативно-розыскная профилактика и оперативно-розыскное предупреждение
незаконного наркооборота в учреждениях уголовно-исполнительной системы:
проблемы законодательства……498

Иванов П.И.
О перспективах применения блокчейн-технологии
в сфере противодействия коррупции (точка зрения)……501

Алексеев А.А.
Современные представления о механизме преступного поведения.
Мотивация преступлений, совершаемых представителями
криминально-этнических общностей, методы предупреждения……505

Смирнова И.Н., Антоненко Н.А.
К вопросу о месте центра временного содержания
несовершеннолетних правонарушителей
в системе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних……509

Бажанов С.А.
Использование искусственного интеллекта в пенитенциарной системе:
перспективы и проблемные аспекты……..512

Базаров Р.А.
Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в
отношении несовершеннолетних: криминологический и уголовно-правовой анализ..514

Иванов П.И.
Психологическое обеспечение орд как условие или же как средство? Точка зрения...517

Бакирова Н.Ж.
Цифровое правосудие как новая модель процессуального регулирования:
принципы и вызовы……..521

Бешукова З.М., Меретукова М.А.
Социально-правовые предпосылки
криминализации распространения заведомо ложной информации……525

Червяков М.Э., Власов В.А.
К вопросу о физических методах обнаружения следов рук
и совершенствовании технико-криминалистического обеспечения деятельности
экспертных подразделений органов внутренних дел (продолжение)……528

Гааг И.А., Жигалин Г.А.
Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики налоговых преступлений..532

Колобова А.А.
Теоретико-практические предпосылки разработки методики расследования склонения
к потреблению наркотических средств и психотропных веществ……..536

Миронов А.Н.
Экстрадиция и права человека……539

Замараев В.И.
Приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем:
вопросы толкования объективных и субъективных признаков……..543

Потапов Д.В., Польская Е.В.
О создании цифровой платформы взаимодействия в ходе досудебного производства
надзирающего прокурора и органа предварительного расследования……..548

Прихожая Л.Е.
Отдельные проблемы квалификации преступлений,
совершаемых сотрудниками органов внутренних дел
при исполнении служебных обязанностей, и пути их решения……552

Лапша В.Л.
Конвергенция социальных и криминологических основ
преступности несовершеннолетних (некоторые аспекты)……556

Евсеева Е.В.
Уголовно-правовые последствия уклонения (злостного уклонения)
от отбывания наказания в виде лишения свободы……559

Смольянинов Е.С., Красовская О.В., Воробьева И.Н.
Доктринальный анализ понятия «уклонение от уплаты налогов»……562

Сурогина Е.Н.
Заведомо ложная информация о преступлении от осужденных,
как один из способов дезорганизации деятельности учреждений……565

Толченкина М.Э., Базаров П.Р.
Конституционно-правовой статус института семьи в Российской Федерации……..568

Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А.
О содержании педагогической структуры индивидуальной работы
с осужденными в исправительных учреждениях……..571

Шматова Е.В.
К вопросу о понятии судебного решения
в механизме регулирования уголовно-исполнительных правоотношений……..575

Маючих А.И.
Некоторые аспекты уголовно-правовой оценки преступлений
в сфере контрабанды наркотических средств и психотропных веществ……580

Яковлев Н.М.
Нормативные требования патриотического воспитания студентов……585

Базаров Р.А., Ольков С.Г.
Превенция преступности несовершеннолетних: международно-правовые основы……..587

Ежова Е.В.
Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь
открывшихся обстоятельств: проблемы и перспективы реформирования……..590

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Мельников О.О.
Прекращение договора технологического присоединения
по инициативе заявителя: проблемы законодательства и судебной практики……...593

Ястремский И.А.
Анализ судебной практики по спорам, связанным с исполнением договоров
возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия……598

Бондаренко И.В., Бондаренко Т.А.
Роль банков в системе страхования вкладов:
правовые аспекты и актуальные проблемы возмещения……...601

Уткин Г.Н.
Обязательства по выполнению работ в частном праве России……604

Шакеров Р.Р.
Правовые основы регулирования биржевой торговли на рынках нефти
и нефтепродуктов в России: состояние, особенности и перспективы развития……..608

Телибекова И.М.
Концепции образовательного страхования в российской доктрине……612

Джикаева Ф.З.
Особенности правового режима в энергетике……615

Гартина Ю.А.
Соблюдение формы сделок как гарантия защиты прав субъектов……...619

Панина С.А., Химич Т.М.
К вопросу о защите прав потребителей при перевозке легковым такси……..622

Демина И.А., Плахова Е.С.
Механизмы регулирования традиционных и цифровых правоотношений……..625

Альбов А.П., Панченко В.Ю.
Принудительное лицензирование как инструмент обеспечения
технологического суверенитета России в условиях санкционных ограничений……628

Стародубова Л.В., Соколова А.А.
Расторжение гражданско-правового договора
в условиях существенного изменения обстоятельств……634

Томашук Н.А.
Актуальность медиации в эпоху развития искусственного интеллекта……...637

Бондаренко И.В., Решетникова Т.Н.
Институт долевого строительства: историческая эволюция
и современные вызовы правового регулирования в России……..641

Демина И.А., Плахова Е.С.
Общая характеристика и особенности цифровой собственности……645

Каирова А.И., Черкашина Н.В.
Понятие и качество услуг лицам с ограниченными возможностями здоровья……...649

Огнева К.О.
К вопросу о реализации принципа доступности правосудия
по делам о защите избирательных прав……...652

Чеснокова Ю.В.
Правовое закрепление и применение пределов осуществления родительских прав……..655

Догузов С.А., Кочиев Г.К.
Использование объекта патентных прав без согласия правообладателя
как инструмент обеспечения национальной безопасности……...658

Ястремский И.А.
Проблематика законодательства, регулирующего деятельность
по профилю пластическая хирургия и перспективы его совершенствования……661

Егорова Е.В., Демидов Н.В.
Основные формы дискриминации в сфере труда……..664

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Макиева И.З.
Трансформация криминальных финансовых схем
в условиях санкционного давления на российскую экономику……667

CONTENTS 2025 № 8

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Ametka F.A., Khawaja D.R.
Dreyer's Law – the basis of justice in post-war Germany
and a tool for the rehabilitation of Nazi criminals.....8

Rattur M.V.
Identity in the political and legal vocabulary:
from the logical-conceptual to the theoretical-legal construction.....13

Volk-Leonovich S.O.
V.M. Gessen on the problems of special legal regimes in the Russian Empire.....17

Mazitov S.A.
Interrelation of legal policy and legal awareness: theoretical and legal analysis.....22

Fastovich G.G.
The role of preventive measures aimed at
to counteract the anti-terrorist consciousness among young people
(comprehensive study based on the results of the first half of 2025).....25

Kozinnikova E.N.
The essence of state coercion and the limits of its application
in the interpretation of Russian historians of the late XIX – early XX centuries.....28

Savenkov A.A.
Identity, individualization and legal order in the concept of legality by G. Lindahl.....32

Ryzhik A.V.
Jurisprudence in the system of social disciplines.....36

Gabibova Z.R.
Digital transformation of the economy
and its impact on the realization of economic rights of citizens.....40

Fetishchev D.V., Galuzo V.N.
On the dynamic stereotype of a participant in civil proceedings
(experience of law regulation in the Judicial Board for Civil Cases
The Second Court of Cassation of general jurisdiction).....44

Bidova B.B., Ismailov M.A., Meleshko O.P.
Russian National Policy as a key element in the security structure of the state.....48

Seitiev A.S.-S.
The legal status of ethnic groups
in the Structure of Russia's domestic Policy in the pre-Revolutionary period.....51

Plotnikova T.V., Kharin V.V.
The role of legal traditions in the formation of legal institutions,
legality and law and order: using the example of public law.....54

Puchnin V.V.
The importance of legal innovations
in the development of the legal culture of society a sociological aspect.....59

Bikmurzina N.S.
Factors influencing the formation
of an active lifestyle and legal education of students.....64

Palekh R.R., Pavlova E.V., Pavlov E.A.
Law and morality: the basics of correlation.....67

Galuzo V.N.
On the effectiveness of the theory of law enforcement in the Russian Federation
(experience of legal regulation in the Kuntsevsky District Court of Moscow).....70

Patyulin G.S.
Correlation and structure of general scientific methodology and methodology of law
(on the question of the method and methodology of legal science, part 2).....75

Ryabova E.V., Paulova Yu.E., Yudenkov A.V., Romanova D.A.
Effective methods of forming civic qualities of a personality in law lessons.....78

Gvozdeva T.B.
Triple victories in Greek athletics.....81

Mayboroda E.T., Fedorova S.A.
The legal regime of archaeological finds in private collections:
a comparative analysis of the legislation of Russia and China.....85

Kupriyanov A.Y.
Activation of cognitive activity of students in lessons on civil law.....90

Davydov D.G., Bikteev D.E., Yashkina M.A.
On the role of discussion games and their application in law lessons.....94

Kanishchev V.P., Solovyova L.L.
The law and its origins in the views of I. G. G. von Justi
and integrative legal understanding.....98

Sotnikov Ya.V., Pronin A.A., LoshkarevA.V.
The development of bankruptcy procedures as an element of the right
to judicial protection in pre-revolutionary and Soviet Russia.....100

Kapaev M.A., Simonov V.A.
Studying the effectiveness of use
the lecture method of teaching in secondary schools.....105

Bidova B.B., Meleshko O.P., Sergienko L.M.
State policy for the preservation of historical memory.....109

Dashin A.V., Salnikov G.A.
Smart contracts as a new
form of fulfillment of obligations: problems of legal regulation.....112

Korbat L.A.
Digitalization of legal relations: a development tool or an independent legal entity.....114

Sorokun P.V.
Problematic aspects and challenges in the formation of professional legal awareness.....117

Spiridonov E.R.
Digital transformation of law: the evolution of legal processes in the digital age.....119

Pyanusov A.V.
The Ministry of Emergency Situations of Russia in the mechanism of rulemaking.....121

Nazarova I.S.
Historical and legal aspects of the development of the organizational foundations
of territorial defense in the Russian Federation.....125

Kozhevnikov V.V.
Law-making policy: a general theoretical aspect.....129

Schmidt A.V.
Special legal status: issues of functional purpose.....133

Epifanova E.V., Chuprova A.A.
Moral principles of Russian legislation – the basis for ensuring national security.....136

Sotnikov Ya.V., Pronin A.A., Ushatov M.V.
Mediation: a brief theoretical analysis and prerequisites for development.....140

Kanishchev V.P., Solovyova L.L.
Natural law and its origins in the views
of I. G. G. von Justi and integrative legal understanding.....143

Puzikov R.V., Klemeshev Yu.G.
Legal innovations as a product of law-making in the field of private law.....145

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Surkova O.E., Kasatkin N.A.
Digitalization of lawmaking in the Russian Federation.....150

Malashkina O.F., Savinkina L.A., Ermakov D.N., Asadov V.G.
Legal aspects of the introduction of innovative personnel management tools
at an industrial enterprise (using the example of Mosenergo PJSC).....152

Volkovskaya L.N.
Legal regulation of the activities of foreign construction companies in Russia.....158

Konokhov M.V.
The relevance of issues of legal regulation of property and personal non-property relations
involving military personnel and their family members during the Great Patriotic War
at the present stage of development of the military organization of the state.....161

Solovyov N.P.
Public law regulation of climate security: current trends and development prospects.....165

Konokhov M.V.
Legal means of ensuring personal information security.....169

Abakumova E.B.
The legal regime of the use of digital technologies and artificial intelligence
in the anti-corruption activities of the state. Part of 1.....173

Minbaleev A.V., Osipov D.P.
The current state of legal regulation
in the field of using datasets for artificial intelligence.....176

Gunderich G.A., Lukavenko A.V.
Modern trends in the development of legislation on information security.....180

Budnikova A.B.
Social guarantees of law enforcement officers as a means of saving personnel.....183

Morozov V.E.
Features of the appointment and conduct of customs expertise
in the customs control system of the Eurasian Economic Union:
legal and organizational aspects.....186

Sidorov S.A., Yuhim M.I., Sakhno V.P.
The Arctic region in the political triangle: Russia – China – USA.....189

Kusainova D.K.
Criteria for a minor act in Russian criminal law.....194

Kan K.A.
Administrative and legal aspects
of interaction between the federal territory and the Russian Federation.....197

Bondarenko O.V., Chuksina V.V.
Mass media as an institution of civil society:
information and communication dimension and legal regulation.....200

Kemryugov T.H.
Prerequisites for the formalization of balance in the sphere of legal reality.....205

Ibragimov K.Kh., Ibragimov A.K.
External and endogenous factors of the effectiveness
of Russia's industrial policy: organizational and legal aspects.....209

Kemryugov T.H.
The development of the idea of balance in constitutional law enforcement.....214

Umanskaya V.P.
The role of doctrinal principles of law
in improving Russian legislation.....219

Bunin D.A.
The concept and essence of public law
in the field of legal proceedings and mass communication.....224

Minina A.A., Serdyukova E.V., Chunikha A.A.
Digital ruble: issues of legal regulation,
development prospects and role in monetary policy.....230

Smirnova I.N., Bychinskaya I.S.
The essence and significance of the organization's function in the framework
of the implementation of probation tasks by the penal system.....233

Sokolov V.V.
The concept and essence of the legal system in the context of geopolitical changes.....236

Golomanchuk E.V., Popov K.A., Kayushnikova Yu.E.
The role and features of legal regulation of technological innovations
in the process of ensuring environmental safety of the Russian Federation.....242

Magomedov S.B., Gavrilov A.S.
Constitutionalization of anti-corruption:
historical and legal evolution and modern challenges.....246

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Krylov S.V.
Legal foundations and history of military-technical cooperation
Of the Russian Federation with foreign states.....251

Konoplyannikova T.V., Shagivaleeva I.Z.
On the issue of property rights.....255

Krylov S.V.
Actual problems of legal regulation of military-technical cooperation
of the Russian Federation with foreign states.....259

Gryazeva O.I.
Theoretical and practical problems of using artificial intelligence technologies
in the preparation of draft judicial acts in civil cases.....262

Battakhov P.P.
Energy development in Russia: actual problems of legal regulation.....267

Battakhov P.P.
The history of formation and features of legal proceedings
in the Yakut Soviet Socialist Republic.....271

Vasiliev E.V.
Actual issues of the legal practice
of bankruptcy procedures of a deceased debtor-an individual.....275

Potapova L.V., Polskaya E.V.
Legal mechanisms for the protection of minors from domestic abuse:
problems of legislative regulation and law enforcement practice.....278

Gubaidullina E.H., Kitin D.I.
The role of the judicial system in solving current problems of inheritance law
in the Russian Federation: problems of law enforcement.....282

Khamov S.S.
The instance jurisdiction of cases in the civil process
(using the example of intellectual property protection cases).....285

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Shukhov F.G.
Some legal aspects of the introduction
of artificial intelligence systems into labor protection.....288

Saraeva O.N.
Legal aspects of digital transformation
in the vocational education system: trends and challenges.....291

Rosenko M.I., Puzanov A.M.
About organizational and legal mechanisms of participation of educational institutions
in countering the ideology of terrorism and preventing extremism.....295

Redkous V.M.
Openness and publicity as a principle of police organization and activity
in the CIS member States (legislative practice).....301

Dzhagaryan N.V., Abdurakhmanova I.V.
Constitutional and legal content of the implementation.....305

Solovyov N.P.
Public law regulation of climate security: current trends and development prospects.....309

Pyanusov A.V.
Standard-setting activities in the Russian Ministry of Emergency Situations.....313

Rashidova V.Yu.
The Intellectual Property Rights Court as a link in the arbitration system
The Russian Federation: prerequisites for the creation and organization of activities.....316

Khalezov N.L.
Improving the scientific and methodological support of internal affairs
bodies as a way to increase the effectiveness of anti-corruption activities.....320

Antonova S.G.
Problems of legal regulation of migration in the Russian Federation.....323

Shatskaya I.I., Ilyasov D.A.
Domestic and foreign experience in regulating marketplaces.....327

Skorodumova E.A., Skobelev A.A.
Qualification requirements for judges:
the role of an academic degree and the consequences of its loss.....331

Butov A.Y.
The genesis of the constitutional formalization
of the category "people" in the Russian state.....335

Polyanichko A.L., Bazarova M.I., Mutambanashe Ladislous
On the issue of combating corruption
in the system of internal affairs bodies (from foreign experience).....340

Elistratov D.V.
Features of the regulatory and legal regulation of the use
of special administrative restraint measures by police officers.....344

Glushko O.A.
Features of the implementation of the legal mechanism
ensuring the rights of citizens in the field of environmental management.....348

Koftina Yu.M.
Personnel technologies as a means of ensuring the state personnel policy.....351

Kramarovsky L.O.
Public law approaches to the regulation of artificial intelligence:
comparative legal analysis of leading jurisdictions.....355

Astafurova O.A., Kayushnikova Yu.E.
Institute of Administrative Responsibility for Management
a driver who is intoxicated by a vehicle.....360

Mokhov A.Yu., Golomanchuk E.V.
Professional deformations of notary's legal consciousness: essence and specifics 364

Dzhagaryan N.V., Markina E.V.
Constitutional and legal foundations and trends of modernization
of information security of the Russian Federation.....368

Kulakov A.O.
Features of taxation of financial services, the subject of which
are cash and financial instruments.....372

Zaitsev V.A., Chistyukhina M.V.
Features of the legal status of undocumented persons,
identity documents and citizenship documents.....378

Shenshina L.A.
Legal regulation of child rights protection in the Russian Federation.....382

Zuraev A.M., Belikova S.B.
On some issues of improving the legislation on enforcement proceedings.....386

Mazein A.V., Kozhevnikov A.K.
The participation of civil society institutions
in ensuring the security of the electoral process in Russia.....389

Ptitsyna E.A., Altukhova O.N., Naumov I.N., Selezneva I.G., Sukhova A.S.
Value orientations of youth as an indicator of legal culture.....393

Minina A.A., Perepadya S.M., Perepadya O.A.
Current issues of legal support for the use
and development of artificial intelligence technologies.....396

Pyanusov A.V.
The legal basis of the activities of local governments
in the field of protection of the population and territories from emergency situations.....400

Gorelov I.P., Kashtanova E.A.
The powers of executive authorities as subjects of the administrative
and legal mechanism for restricting the rights and freedoms of citizens.....405

Tatarchenko E.A.
Doctrinal approaches to the definition of the concept
the "constitutional and legal model" in Russia and France.....408

Shatskaya I.I., Maleshina L.M.
Legal support for state
and municipal support of small and medium-sized businesses.....412

Ktitarov V.L.
About the traditional values of Russia.....416

Shadrina L.V.
The legal status of the Chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation:
similarities and differences.....419

Shenshin V.M.
About some problems of the participation of the troops of the National Guard
of the Russian Federation in the protection of public order and ensuring public safety.....423

Ignatieva I.V., Zedgenizova I.I.
On the issue of voluntary insurance of citizens in the Russian Federation.....428

Ishkov A.Y.
Draft Penal and Correctional Police Code of 1803
as the first stage of the codification of the criminal process of Napoleonic France.....432

CRIMINAL LAW SCIENCES

Ivanov P.I.
Operational investigative psychology related to the theory of hordes.....436

Matveev A.A.
Factors influencing migrant crime in small towns: causes and methods of eradication.....441

Nabatov M.B.
On the issue of public trust towards Russian criminal proceedings in modern conditions....444

Garayeva T.B.
Self-imposed detention and proper behavior:
effectiveness of legislative amendments.....448

Abakarova A.M.
Novelties of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation
"Illegal circulation of funds of payments" and risks of excessive criminalization.....451

Popova E.M., Pomelov A.A.
Crime in the implementation of the national healthcare project:
criminological characteristics and proposals on the implementation
of operational search and operational verification.....456

Glebova E.V., Popova V.V.
On the issue of the concept, features
and system of principles of penal enforcement law.....460

M.M. Chepik.
On improving legislation governing judicial proceedings involving a jury trial.....464

Beshukova Z.M.
On the causes and conditions of criminal manifestations of extremism.....467

Bazarov P.R., Tolchenkina M.E., Mehdiyev E.R.
Violation of the rules for handling hazardous substances and waste:
features of the corpus delicti.....471

Gorovoy V.V., Prikhozhaya L.E.
Operational and investigative characteristics of extremist crimes.....474

Gunkin I.V.
The history of the victim status development in the Russian criminal process.....479

Elisov P.P., Gamanenko L.I.
Classification of criminal penalties.....483

Kazak I.B., Sherkhov R.R.
On the classification of methods of operational investigative
prevention of extremist crimes committed in penitentiary institutions.....486

Tishchenko Yu.Y.
Peculiarities of individualization of educational
and pedagogical influence on convicts.....488

Tsaplin I.S.
The evolution of criminal liability for escape from prison.....491

Doguzov S.A., Kachmazova M.E.
On the need to liberalize criminal legislation on the example of the crime provided
for in Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.....494

Agarkov A.V.
Operational search prevention
and operational search prevention of illicit drug trafficking in institutions
of the penal system: problems of legislation..... 498

Ivanov P.I.
On the prospects of using blockchain technology
in the field of anti-corruption (point of view)……501

Alekseev A.A.
Modern ideas about the mechanism of criminal behavior. Motivation of crimes committed
by representatives of criminal ethnic communities, methods of prevention.....505

Smirnova I.N., Antonenko N.A.
On the issue of the place of the temporary detention center
for juvenile offenders in the juvenile delinquency prevention system.....509

Bazhanov S.A.
The use of artificial intelligence in the penitentiary system:
prospects and problematic aspects.....512

Bazarov R.A.
The Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice:
criminological and criminal law analysis……...514

Ivanov P.I.
Psychological support for hordes as a condition or as a means? Point of view……..517

Bakirova N.J.
Digital justice as a new model of procedural regulation: principles and challenges.....521

Beshukova Z.M., Meretukova M.A.
Socio-legal prerequisites
for criminalizing the dissemination of deliberately false information.....525

Chervyakov M.E., Vlasov V.A.
On the issue of physical methods for detecting handprints
and improvement of technical and forensic support for the activities
of the expert units of the internal affairs bodies (continued)……..528

Hague I.A., Zhigalin G.A.
Actual issues of criminal law characteristics of tax crimes……...532

Kolobova A.A.
Theoretical and practical prerequisites for the development
of methods of investigation of declension
to the consumption of narcotic drugs and psychotropic substances.....536

Mironov A.N.
Extradition and human rights.....539

Zamaraev V.I.
Acquisition or sale of criminally acquired property:
questions of interpretation of objective and subjective signs.....543

Potapov D.V., Polskaya E.V.
On the creation of a digital platform for interaction between the supervising prosecutor
and the preliminary investigation body during pre-trial proceedings.....548

Prikhozhaya L.E.
Selected problems of qualification of crimes
committed by law enforcement officers
in the performance of official duties, and ways to solve them.....552

Lapsha V.L.
Convergence of social and criminological foundations
of juvenile delinquency (some aspects)……556

Evseeva E.V.
Criminal and legal consequences of evasion (malicious evasion)
from serving a sentence of imprisonment.....559

Smolyaninov E.S., Krasovskaya O.V., Vorobyeva I.N.
Doctrinal analysis of the concept of "tax evasion".....562

Surogina E.N.
Knowingly false information about a crime from convicts
as one of the ways to disrupt the activities of institutions.....565

Tolchenkina M.E., Bazarov P.R.
The constitutional and legal status of the family institution in the Russian Federation.....568

Tishchenko Yu.Y., Samoylova A.A.
On the content of the pedagogical structure of individual work
with convicts in correctional institutions.....571

Shmatova E.V.
On the issue of the concept of judicial decision
in the mechanism of regulation of penal law relations.....575

Mayuchikh A.I.
Some aspects of the criminal law assessment of crimes
in the field of smuggling narcotic drugs and psychotropic substances.....580

Yakovlev N.M.
Regulatory requirements for patriotic education of students.....585

Bazarov R.A., Olkov S.G.
Prevention of juvenile delinquency: international legal framework 587

Yezhova E.V.
The stage of resuming criminal proceedings
due to new or newly discovered circumstances: problems and prospects of reform.....590

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Melnikov O.O.
Termination of the technological connection agreement on the initiative of the applicant:
problems of legislation and judicial practice.....593

Yastremsky I.A.
Analysis of judicial practice in disputes related to the execution of contracts
paid provision of medical services in the field of plastic surgery.....598

Bondarenko I.V., Bondarenko T.A.
The role of banks in the deposit insurance system:
legal aspects and current issues of compensation.....601

Utkin G.N.
Obligations to perform works in the private law of Russia.....604

Shakerov R.R.
The legal basis for regulating exchange trading in the oil
and petroleum products markets in Russia: status, features and development prospects.....608

Telibekova I.M.
Concepts of educational insurance in the Russian doctrine.....612

Dzhikaeva F.Z.
Features of the legal regime in the energy sector.....615

Gartina Yu.A.
Compliance with form of transactions as a guarantee of protection of rights of subjects…..619

Panina S.A., Khimich T.M.
On the issue of consumer protection during passenger taxi transportation.....622

Demina I.A., Plakhova E.S.
Mechanisms of regulation of traditional and digital legal relations.....625

Albov A.P., Panchenko V.Y.
Compulsory licensing as a security tool
technological sovereignty of Russia in the context of sanctions restrictions.....628

Starodubova L.V., Sokolova A.A.
Termination of a civil contract in the context of a significant change in circumstances.....634

Tomashuk N.A.
The relevance of mediation in the era of artificial intelligence development.....637

Bondarenko I.V., Reshetnikova T.N.
Institute of shared-equity construction: historical evolution
and modern challenges of legal regulation in Russia.....641

Demina I.A., Plakhova E.S.
General characteristics and features of digital property.....645

Kairova A.I., Cherkashina N.V.
The concept and quality of services for people with disabilities.....649

Ogneva K.O.
On the implementation of the principle of accessibility of justice
in cases of protection of electoral rights.....652

Chesnokova Yu.V.
Legal consolidation and application of limits on the exercise of parental rights……...655

Doguzov S.A., Kochiev G.K.
Use of an object of patent rights without the consent of the copyright holder
as a tool for ensuring national security.....658

Yastremsky I.A.
Problems of legislation regulating activities
in the field of plastic surgery and prospects for its improvement.....661

Egorova E.V., Demidov N.V.
The main forms of discrimination in the sphere of work.....664

CRIMINAL LAW SCIENCES

Makieva I.Z.
Transformation of criminal financial schemes
under the conditions of sanctions pressure on the Russian economy.....667

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_8

УДК 340.156

ЗАКОН ДРЕЙЕРА – ОСНОВА ПРАВОСУДИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ И ИНСТРУМЕНТ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ
DREYER'S LAW IS THE BASIS OF JUSTICE IN POST–WAR GERMANY AND A TOOL FOR THE REHABILITATION OF NAZI CRIMINALS

АМЕТКА Фатма Аблямитовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
295011, Республика Крым г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9.
E-mail: fatma18@mail.ru;

ХАВАДЖИ Динара Ремзиевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.
295011, Республика Крым г. Симферополь, ул. Павленко, д. 5.
E-mail dhavadzhi@mail.ru@mail.ru;

AMETKA Fatma Ablyamitovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Crimean Legal Institute (branch of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation).
9 Gogol St., Simferopol, Republic of Crimea, 295011.
E-mail: fatma18@mail.ru;

KHAVADZI Dinara Remziyevna,
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of theory and history of state and law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice.
Pavlenko str., 5, Simferopol, Republic of Crimea, 295011.
E-mail dhavadzhi@mail.ru@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается правовая политика послевоенной Германии, направленная на создание правовых механизмов, в частности, принятие закона Дрейера, с целью правового закрепления отмены срока давности за международные преступления, совершенные нацистскими преступниками.*

Abstract*. The article examines the legal policy of post-war Germany aimed at creating legal mechanisms, in particular, the adoption of the Dreyer Law, in order to legally consolidate the abolition of the statute of limitations for international crimes committed by Nazi criminals.*

Ключевые слова: *право, закон, закон Дрейера, концлагерь, фашистская Германия, нацистские преступники, денацификация, нюрнбергский процесс, международный трибунал, военные трибуналы, срок давности, неотвратимость наказания.*

Keywords: *law, law, Dreyer's law, concentration camp, Nazi Germany, Nazi criminals, denazification, Nuremberg trials, international tribunal, military tribunals, statute of limitations, inevitability of punishment.*

Для цитирования: *Аметка Ф.А., Хаваджи Д.Р. Закон Дрейера – основа правосудия послевоенной Германии и инструмент реабилитации нацистских преступников // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 8-12. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_8.*

For citation*: Ametka F.A., Khavadzi D.R. Dreyer's law is the basis of justice in post–war Germany and a tool for the rehabilitation of nazi criminals // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 8-12. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_8.*

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025

Актуальность представленной темы заключается рядом факторов. На нынешнем этапе развития цивилизации принципы неотвратимости наказания, неприменения сроков давности за международные преступления являются базовыми и фундаментальными для современного правосудия. Однако его международно-правовое правовое закрепление и национальное воплощение во внутригосударственном праве имело ряд проблем и сложностей, и, как ни странно, одной из таких стран являлась послевоенная Германия, в частности ФРГ, где политическая элита и национальный правотворческий орган с решительным сопротивлением выступили против принятия закона о закреплении принципа неприменения срока давности за военные преступления и преступления против человечности, совершенные нацистскими преступниками, что позволило избежать справедливой кары многочисленным фашистским преступникам. Доктринальное изучение проблем реализации принципа о неприменимости срока давности затрагивает важные не только правовые, но этические вопросы о том, как общество должно относиться к злодеяниям прошлого и какие меры необходимо принимать для предотвращения безнаказанности.

Понимание и осознание преступлений, совершенных фашистами, важно для сохранения исторической памяти целых поколений, историко-правовое исследование проблем реализации принципа неотвратимости наказания, позволит формировать эффективные механизмы предупреждения и реагирования на подобные преступления в будущем.

В современных условиях, когда на территории ряда государств мы наблюдаем политику реновации фашистской идеологии, приведшей к возникновению вооруженных конфликтов, угрозам этнических чисток, военным преступлениям, важно понимать, указанные преступления не окажутся безнаказанными. Неприменимость срока давности к международным преступлениям является надеждой на справедливость для жертв и их потомков, поскольку многие из них продолжают искать справедливость и признание своих страданий. Исследование этой темы подчеркивает важность обеспечения правосудия для жертв и их потомков, что может способствовать процессу исцеления, а его изучение способствует осознанию значимости правосудия над военными преступниками, и позволяет предотвратить повторение подобных злодеяний в будущем.

Особое значение указанная тема исследования имеет для молодого поколения, и для просвещения в целом, поскольку рассмотрение представленной темы способствует осведомленности о правах человека и важности борьбы с безнаказанностью.

На особую актуальность объекта исследования указывает и степень ее изученности в современной историографии. Казалось бы, тема о роли и значении Нюрнбергского трибунала и его влиянии на международное право и национальное законодательство большинства стран мира рассмотрена достаточно всесторонне. Однако проведённое исследование доказывает нам, что не все грани послевоенной Германии были изучены.

Нюрнберг для рейхсканцлера Германии и фюрера Национал-социалистической немецкой рабочей партии А. Гитлера был значимым городом, именно там в сентябре 1934 года прошел один из самых многочисленных политических митингов за всю историю человечества – это был 6-й съезд нацистской партии, собравший более 700 000 человек. Подобные мероприятия являлись эффективным инструментом трансформации обычного человека в необходимый для политического руководства покорный винтик огромной беспощадной нацистской машины. Сам Гитлер выступал с многочасовыми речами, его выступления, пропагандистски искусно выстроенные, были наполнены националистической риторикой, обещаниями великого будущего Германии и пропагандой расовой теории. Съезды транслировались по радио по всей стране, достигая многомиллионной аудитории. Созданные нацистскими кинематографистами хроники съездов, стали действенным механизмом пропаганды, формируя у населения образ непобедимой нацистской Германии, превосходства арийской расы, и убежденности своего превосходства и необходимости проведения агрессивной внешней политики[1] . Однако через 8 лет (в 1945-м) именно эти граждане скажут, что никогда не поддерживали идеи Гитлера[2].

Нюрнберг стал эпицентром форматирования менталитета немцев в нужном для руководства Третьего Рейха направлении мирового господства, почвой для последующей Второй мировой войны, преступной политики германского фашизма против человечества. Именно эти участники митингов впоследствии будут содействовать либо активно принимать участие в захватнической и самой кровопролитной войне за всю историю, которая распространилась на три континента, будут строить концлагеря, надзирать за их «эффективным» функционированием, проводить зверские опыты, поджигать печи, включать газовые камеры, ставшие машиной в руках хладнокровных убийц, в которых уничтожено по разным данным от 35 до 80 млн человек[3].

Победа во Второй мировой войне Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции стала началом коренного преобразования общественных устоев и жизни немцев, к денацификации государства, уничтожению причин и факторов развития нацистской идеологии, к становлению и процветанию кардинально новых ценностей и жизненных ориентиров. Однако, к сожалению, большинством немцев поражение воспринималось не как шаг к построению новой светлой жизни и будущего, а как национальную катастрофу и унижение[4].

20 ноября 1945 г. в 10 часов утра в небольшом немецком городке Нюрнберге начался знаменитый в настоящее время международный судебный процесс по обвинению главных нацистских преступников Германии, организовавших и устроивших Вторую мировую войну, унесшую жизни десятков миллионов людей. Выбор Нюрнберга в качестве места проведения судебного процесса был неслучайным, поскольку именно здесь началось зарождение нацистской, человеконенавистнеческой идеологии, этот город стал молчаливым свидетелем массовых заговоров и преступлений против мира и безопасности человечества. Международный военный трибунал был создан на основании Лондонского соглашения, заключенного 8 августа 1845 г. лидерами антигитлеровской коалиции – СССР, США, Великобританией и Францией. Позже к данному соглашению присоединились еще 19 государств-членов коалиции, которые поставили своей целью привлечение к ответственности виновных в развязывании самого масштабного и жесткого за всю историю человечества вооруженного конфликта и коренное уничтожение нацизма[5].

Обвинение было предъявлено 24 главным военным преступникам[6], из которых двенадцать человек, в том числе заочно Мартин Борман, были приговорены к смертной казни через повешение, три человека получили пожизненное заключение, два человека были приговорены к 20 годам тюрьмы, один – к 15 годам и один – к 10 годам. Еще троих подсудимых в конечном счете оправдали. Важно подчеркнуть, что Международный Нюрнбергский трибунал, был не единственным. В период 1946 – 1949 гг. в Нюрнберге под эгидой США состоялось еще двенадцать процессов, именуемых последующими или малыми Нюрнбергскими процессами[7]. Наиболее известными из них стали: процесс над нацистскими врачами (с 9.12.1946 г. по 20.08.1948 г.), Нюрнбергский процесс над нацистскими судьями (5.03-4.12.1947 г.); Нюрнбергский процесс по делу Главного административно-хозяйственного управления СС (8.04-3.11.1947 г.) и др.[8] Таким образом, трибунал рассматривал дела против врачей, дипломатов, журналистов, солдат, прокуроров, судей и иных функционеров Третьего рейха[9]. По итогам всех малых процессов было осуждено 142 человека, 35 - оправданы. Однако в 1951 году некоторым осужденным были сокращены сроки или они вовсе попали под амнистию.

[1] Дергачев В. «От триумфа нацистской воли до Нюрнбергского трибунала» [электронный ресурс] // URL: https://dergachev-va.livejournal.com/ (дата обращения 18. 10. 2024).
[2] История одной фотографии // Livejurnal. 07.02.2022 [электронный ресурс] // URL: https://topbloger.livejournal.com/45242789.html (дата обращения 24. 10. 2024).
[3] Рыбаковский, Л.Л. «Людские потери СССР и России» // Народонаселение. 2011. № 1. С. 8-23.
[4] Там же // Народонаселение. 2011. № 1. С.8.
[5] Шепова, Н.Я. Нюрнбергский процесс: история и современность [электронный ресурс] // URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12079489%40cmsArticle (дата обращения 15. 10. 2024).
[6] Трофимов А. Нюрнбергский процесс. Главный суд XX века в фактах и цифрах [электронный ресурс] // URL: https://histrf.ru/read/articles/niurnbierghskii-protsiess-glavnyi-sud-khkh (дата обращения 18. 10. 2024).
[7] Синченко Г.Ч. Возрождая интерес к Нюрнбергским военным трибуналам. Вступительная статья к публикации извлечений из материалов суда над нацистскими судьями 1947 года // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29. № 1 (88). С. 64.
[8] Болотина, М. О. Наследие Нюрнберга: материалы обвинения Международного Военного Трибунала о преступлениях нацистов и их пособников в фондах государственного архива Российской Федерации / М. О. Болотина // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII-XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: Материалы III международной научно-практической конференции, Волгоград, 01–02 октября 2021 года. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2021. С. 455.
[9] 12 Нюрнбергских процессов [электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/infographics/9295 (дата обращения 28. 10. 2024).

Нюрнбергский процесс стал одним из самых значимых и эпохальным событием во всей мировой цивилизации за весь период истории новейшего времени. Итоги трибунала не только юридически оформили результаты Второй мировой войны, но и стали фундаментом кардинально нового мирового правопорядка, они заложили будущее развитие всего мирового сообщества, определили высшую ценность человеческой жизни и установили новые общемировые ценности и ориентиры. Принципы, нормы и обычаи международного военного трибунала над нацистскими преступниками стали фундаментальными основами дальнейших международных отношений и заключаемых на их основе международных договоров и соглашений, категорически осуждающих человеконенавистническую идеологию. Кроме того, итоги Нюрнбергского процесса стали началом становления принципиально новой системы международного уголовного права и судопроизводства, что в дальнейшем нашло отражение в национальных законодательствах всех стран[1].

По завершении Второй мировой войны состоялось множество судебных процессов не только в Нюрнберге, но и во многих городах Советского Союза, а также в других государствах. Все проводимые трибуналы над военными нацистскими преступниками были основаны на остро стоящей необходимости искоренения и осуждению нацистской идеологии, наказанием всех виновных в многомилионных человеческих жертвах. Первые судебные процессы состоялись в СССР еще до окончания Великой Отечественной войны в 1943 г. по мере освобождения советских территорий от немецкой оккупации. Наиболее значимыми стали результаты судебных процессов проведенных в Краснодаре, Харькове и Краснодоне, на тех территориях, где немецко-фашистские захватчики оставили наиболее неизгладимый след. Прецедентом стали итоги Харьковского процесса, которые получили международно-правовое значение и учитывались в ходе Нюрнбергского трибунала. В последующем судебные процессы проводились также в Смоленске, Брянске, Ленинграде, Великих Луках, Минске, Риге, Николаеве, Севастополе и др. Проведенные на территории СССР судебные процессы над военными преступниками в историографии получили название «Советский Нюрнберг», «Малые Нюрнбергские процессы» и т.д.[2]

В других государствах также происходило множество трибуналов над нацистскими преступниками и их пособниками, фундаментов которых стали результаты и опыт Нюрнбергского судебного процесса. К наиболее значимым и известным относятся процессы, проведенные на территории Польши, Румынии, Франции, Чехословакии, Югославии и др.[3]

Таким образом, Нюрнбергский трибунал стал мощным фактором правовой трансформации не только международного права, но и отправной точкой изменения национального права большинства стран мира в духе уважения прав и свобод человека, равенства всех независимо от происхождения, расы, национальности, цвета кожи, закреплены базовые и фундаментальные права человека в сфере уголовного судопроизводства, международные стандарты обращения с заключёнными и важнейшим фактом признания и юридического закрепления базового принципа неотвратимости наказания за международные преступления. Так 26 ноября 1968 года Генеральная Ассамблея ООН приняла «Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества»[4].

Законы о неприменении (или приостановлении) срока давности к лицам, виновным в преступлениях против человечества и военных преступлениях, приняли Бельгия (3 декабря 1964 г., Венгрия (10 ноября 1964 г.), Польша (22 апреля 1964 г.), Франция (26 декабря 1964 г.), Швеция (20 марта 1964 г.), Швеция (20 марта 1964 г.). 4 марта 1965 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от № 3332-VI «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений», который закрепил, что «народы Советского Союза, понесшие в войну наибольшие потери, не могут допустить, чтобы фашистские варвары остались безнаказанными. Советское государство неизменно исходит из общепризнанных норм международного права о необходимости наказания гитлеровских преступников, где бы и как долго они ни скрывались от правосудия…Президиум Верховного Совета СССР в соответствии с общепризнанными принципами международного права, нашедшими свое выражение в Уставе Международного Военного Трибунала и в резолюциях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, постановляет: нацистские преступники, виновные в тягчайших злодеяниях против мира и человечности и военных преступлениях, подлежат суду и наказанию независимо от времени, истекшего после совершения преступлений»[5].

При этом в самой послевоенной Германии можно было наблюдать парадоксальные факты. Дело всё в том, что по итогам международных процессов над военными преступниками в комплексе было привлечено около 200 человек, но возникает справедливый вопрос, а понесли ли ответственность те многомиллионные сторонники и верные служители Третьего рейха, которые покорно исполняли преступные приказы на трех континентах, кто работал в машине смерти в концлагерях, расстреливал мирных граждан. Дело в том, что часть из них сразу после войны сбежали и обосновывались в Южной Америке. Так, например, Эрих Прибке был найден только в 1990-х годах, причем жил он под своим именем и даже свободно ездил в Италию, где во время войны руководил расстрелами[6].

В 1946 году Контрольный совет, совместный орган СССР, США, Великобритании и Франции, созданный для осуществления верховной власти в Германии, принял ряд законов, в которых определил круг лиц, подлежавших денацификации, и утвердил создание специальных судеб-

[1] Хамитов, А. Р. Историческая роль Нюрнберского процесса в становлении международного уголовного правосудия / А. Р. Хамитов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10 (137). С. 43.
[2] Иванова, Т. П. Судебные процессы над немецкими военными преступниками в СССР и других странах / Т. П. Иванова, В. П. Юран // На пути к гражданскому обществу. – 2023. № 4 (52). С. 38.
[3] Там же. С. 38.
[4] Гойденко В. Г. Европейское законодательство против возрождения нацизма и реабилитации коллаборационистов. Институт стран СНГ [электронный ресурс] // URL: https://i-sng.ru/publikacii/evropeyskoe-zakonodatelstvo-protiv-vozrojdeniya-nacizma-i-reabilitacii-kollaboracionistov/ (дата обращения 18. 10. 2024).
[5] Указ Президиума Верховного Совета СССР от N 3332-VI «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений» от 4 марта 1965 г. https://base.garant.ru/6340941/#friends (дата обращения 05. 11. 2024).
[6] Erich Priebke: SS officer who was extradited to stand trial in Italy for the Ardeatine murders [электронный ресурс] // URL: https://www.independent.co.uk/news/obituaries/erich-priebke-ss-officer-who-was-extradited-to-stand-trial-in-italy-for-the-ardeatine-murders-8877319.html (дата обращения 23. 10. 2024).

ных органов для рассмотрения их дел[1]. В результате процедуры денацификации каждый взрослый житель Германии должен был заполнить специальную анкету, составленную «Контрольным советом», состоящий из более 130 вопросов. Участие в анкетировании было обязательным, отказавшимся не выдавались продуктовые карточки. По окончании опроса немцев поделили на 5 групп: не замешанные, оправданные, «попутчики», виновные, виновные в высшей степени. Те, кто попал в три последние группы, представали перед судом, определявшим их вину и вариант наказания. Дополнительно для «попутчиков» разработали систему штрафов. А всех, кого относили к виновным, принудительно отправляли в лагеря[2]. Однако эта методика была абсолютно несовершенной. Неискренние ответы опрашиваемых и круговая порука снижали эффективность процесса денацификации. Десятки тысяч нацистов сумели избежать суда и уехать в другие страны, получив там достаточно высокие должности[3]. Более того, большая часть общества ФРГ негативно относилась к продолжению судебных процессов. У многих немцев Западной Германии появилось стремление подвести черту, покончить с процессом переосмысления прошлого[4]. Судебные процессы, за исключением самых громких (например, против работников Аушвица), были непопулярными в немецком обществе. Об этом говорят результаты опросов общественного мнения, проведенных в марте 1965 г. По результатам опроса, проведенного Институтом демоскопии Алленсбаха, 57% опрошенных высказались за подведение итоговой черты, 32% поддержали дальнейшее преследование нацистских преступников, 11% воздержались[5].

Небольшой процент идеалистов, надеявшихся, что после войны в немецкой правовой системе произойдёт кардинальная перемена, что закон, который ранее поддерживал злодейский режим, теперь должен стать на защиту гуманистических ценностей[6].

Ровно через двадцать лет после разгрома нацистской Германии, 8 мая 1965 г. в ФРГ истекали сроки давности военных преступлений, согласно внутреннему законодательству государства. Однако многие лица, причастные к развязыванию жесткой бесчеловечной войны, оставались до сих пор безнаказанными, в отличие от ситуации, имевшей место в ГДР, где данный вопрос был решительно решен в 1964 г. В стране был принят Закон об отмене срока давности для привлечения к ответственности за совершение данной категории преступлений, что окончательно решило вопрос денацификации и борьбы с бывшими членами нацистской партии Германии.

Принятый в ГДР Закон вызвал множество дискуссий и противоречий в соседней Западной Германии, ФРГ, где неоднозначно отзывались о законности отмене сроков давности. Проблемы привлечения преступников к ответственности также заключались в сложностях квалификации их деяний, поскольку уголовное законодательство ФРГ не содержало положений о преступлениях против человечности, а также о геноциде, наиболее жестоком и радикальном их проявлении. Статья 68 Уголовного кодекса ФРГ ограничивала срок давности за убийство двадцатью годами. Ряд юристов полагали, что изменение срока давности противоречит параграфу 2 статьи 103 Основного Закона[7]. Проблема истечения срока давности быстро стала предметом научных политических дебатов и разногласий. Сложность решения данной проблемы также обострилась крайне низкой политико-правовой активностью политических лидеров и высших органов власти государства, вследствие чего четкого решения поставленных вопросов представлено не было. В разговоре с главой израильской миссии в Кёльне Ф. Шиннаром канцлер, однако, заявил, что судебные процессы над нацистскими преступниками «должны прекратиться, потому что они необычайно вредят международному имиджу Германии»[8]. Э. Бухер, немецкий политик, также в своем интервью журналу «Шпигель» заявил: «Ничто не оправдывает в моих глазах такое решение, которое однажды может быть рассмотрено в качестве прецедента для манипуляции над Основным Законом»[9]. Кроме того, противники изменений законодательства парировали тем, что большая часть преступников уже понесла свое наказание, определенное международным трибуналом. На основании вышеизложенного, можно считать, что одной из ключевых причин отсутствия каких бы то ни было решений была боязнь разоблачения, опасения скомпрометировать себя и подорвать свою репутацию, ведь многие нынешние политические лидеры так или иначе внесли свой вклад в развязывание Второй мировой войны.

В 1968 г. в ФРГ был принят закон, согласно которому на военные преступления нацистов и организацию и развязывание Второй мировой все таки распространялись сроки давности. Инициатором принятия данного закона стал прокурор Тироля Эдуард Дрейер, прослывший тираном и людоедом, поскольку именно за период нахождения его на значимых в государстве должностях нацистские преступники потеряли всякий страх быть наказанными[10]. После принятия закона о распространении сроков давности все обвиняемые по данной категории дел и вовсе были освобождены от уголовной ответственности.

Более того, имела место явная изобретательность органов «правосудия», парламента ФРГ по отбеливанию, стремлению освободить нацистских преступников от ответственности, которая по своим масштабам была беспредельна и беспрецедентна по своему цинизму. Так, начальник 6-й эйнзацкоманды СС штандартенфюрер Эрхард Крёгер участвовал со своими подчиненными в бойне в Бабьем Яре и многочислен-

[1] Большая российская энциклопедия, 2007. - С. 524., а также Erich Priebke: SS officer who was extradited to stand trial in Italy for the Ardeatine murders [электронный ресурс] // URL: https://www.independent.co.uk/news/obituaries/erich-priebke-.html (дата обращения 28. 10. 2024).
[2] Как жил народ в Германии после поражения в последней войне [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/@cinema_storis-pulse899960297288320027 5-2022-11-01-03-03-55 (дата обращения 24. 10. 2024).
[3] Лезина Е. Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы // Вестник общественного мнения. 2018. № 3-4. С. 192.
[4] Давлетшина А. М. Проектирование «ответственного за прошлое» немца в ФРГ в 1950–1980-е годы: этические и правовые аспекты // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 111.
[5] Сайнакова, В.С. Дискуссия в Западной Германии по вопросу об отмене срока давности привлечения к ответственности за преступления национал-социализма в 1964–1965 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 142.
[6] Берг Р. Закон на стороне нацистов // https://jewish.ru/ru/events/world/8323/ (дата обращения 19. 10. 2024).
[7] Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. [электронный ресурс] // URL: http://www.bundestag.de/ dokumente/ rechtsgrundlagen/ grundgesetz/index.html (дата обращения 28. 10. 2024).
[8] Gespräch des Bundeskanzlers Adenauer mit dem Leiter der Israel-Mission, Shinnar (182) // Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland. 1963. Bd. 1. München: Oldenburg Verlag, 1994. S. 593.
[9] Сайнакова, В.С. Дискуссия в Западной Германии по вопросу об отмене срока давности привлечения к ответственности за преступления национал-социализма в 1964–1965 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 142.
[10] Берг Р. Закон на стороне нацистов [электронный ресурс] // URL: https://jewish.ru/ru/events/world/8323/ (дата обращения 19. 10. 2024).

ных расстрелах в Украине. В 1966 г. преступник был выдан Швейцарией ФРГ. Процесс над ним начался 3 июня 1969 г. в небольшом городе Тюбинге. Было ясно, что Крёгер организовал ряд массовых расстрелов, отбирал жертвы и командовал экзекуциями во Львове, Добромиле, Виннице, Днепропетровске, руководил совершением многих жестоких и бесчеловечных акций. Обвиняемый заявил, что все расстрелы являлись якобы «актами возмездия» и «мероприятиями для устрашения» в ответ на «злодеяния противника», что, по его мнению, относилось к нормальным военным действиям и не противоречило международному праву. Полное оправдание Крёгера было явно невозможно, уж слишком красноречивы были факты. Однако Крёгера суд не объявил убийцей, а только пособником, ибо, как было сказано в приговоре, он действовал не по собственной инициативе, а выполнял чужую волю. Помимо этого, «нашлись» еще откровенно абсурдные «смягчающие» обстоятельства: подсудимый – прибалтийский немец, и его «тяжкая судьба» озлобила и толкнула в объятия национал-социализма; служил он в эйнзацкоманде не до конца войны. Итог – три года и четыре месяца лишения свободы. С учетом предварительного заключения убийца тысяч мирных жителей вышел на свободу, незапятнанный жестокостью и зверским отношением к простым мирным гражданам. Следовало ожидать, что после войны профессиональные юристы утратят возможность оправдывать несправедливость, полагаясь на нормы международного права. Многие ожидали, что юридическая деятельность превратится из обычной услуги в нечто большее – в миссию, подразумевающую значительную моральную ответственность перед послевоенным обществом. Казалось бы, в пост нацистскую эпоху немцы, должны были оценить всю опасность положения, при котором буква закона подменяет собой нормы морали и человеческую совесть, однако этого, к сожалению, не произошло.

Список литературы:

1. Аванесян В. В. Нюрнбергский трибунал и геноцид // Общество и право. 2011. № 11 (35). С 18-21.
2. Болотина, М. О. Наследие Нюрнберга: материалы обвинения Международного Военного Трибунала о преступлениях нацистов и их пособников в фондах государственного архива Российской Федерации / М. О. Болотина // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII-XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: Материалы III международной научно-практической конференции, Волгоград, 01–02 октября 2021 года. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2021. С. 455-459.
3. Gespräch des Bundeskanzlers Adenauer mit dem Leiter der Israel-Mission, Shinnar (182) // Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland. 1963. Bd. 1. München: Oldenburg Verlag, 1994. S. 593–596.
4. Денацификация / Вишлёв О. В. // Григорьев Динамика М.: Большая российская энциклопедия, 2007. - С. 524.
5. Давлетшина А. М. Проектирование «ответственного за прошлое» немца в ФРГ в 1950–1980-е годы: этические и правовые аспекты // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3(66). С. 111–123.
6. Иванова, Т. П. Судебные процессы над немецкими военными преступниками в СССР и других странах / Т. П. Иванова, В. П. Юран // На пути к гражданскому обществу. – 2023. – № 4(52). – С. 38-41.
7. Лезина Е. Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы // Вестник общественного мнения. 2018. № 3-4. С. 192-206.
8. Нечевин, Д. К. Нюрнбергский процесс и рождение новых основ правопорядка в мире / Д. К. Нечевин // Публичное и частное право. – 2012. – № 1(13). – С. 22-38.
9. Рыбаковский, Л.Л. «Людские потери СССР и России» // Народонаселение. 2011. № 1. С 8-24.
10. Сайнакова, В.С. Дискуссия в Западной Германии по вопросу об отмене срока давности привлечения к ответственности за преступления национал-социализма в 1964–1965 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. №1 (17). С. 142-146.
11. Синченко Г.Ч. Возрождая интерес к Нюрнбергским военным трибуналам. Вступительная статья к публикации извлечений из материалов суда над нацистскими судьями 1947 года // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29. № 1 (88). С. 64-73.
12. Хамитов, А. Р. Историческая роль Нюрнберского процесса в становлении международного уголовного правосудия / А. Р. Хамитов // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 10(137). – С. 43-44.

References:

1. Avanesyan V. V. The Nuremberg Tribunal and genocide // Society and Law. 2011. No. 11 (35). From 18-21.
2. Bolotina, M. O. The Legacy of Nuremberg: materials of the prosecution of the International Military Tribunal on the crimes of the Nazis and their accomplices in the funds of the State Archive of the Russian Federation / M. O. Bolotina // Military-historical aspects of the life of the South of Russia in the XVII-XXI centuries: issues of study and museification: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Volgograd, October 01-02, 2021. Volgograd: Sphere Limited Liability Company, 2021. pp. 455-459.
3. Gespräch des Bundeskanzlers Adenauer mit dem Leiter der Israel-Mission, Shinnar (182) // Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutsch-land. 1963. Bd. 1. München: Oldenburg Verlag, 1994. S. 593-596.
4. Denazification / Vishlev O. V. // Grigoriev Dynamics M.: Bolshaya Russian Encyclopedia, 2007, pp. 524.5.
Davletshina A.M. Designing a German "responsible for the past" in Germany in the 1950s and 1980s: ethical and legal aspects // Bulletin of Perm University. History. 2024. No. 3(66). pp. 111-123.
6. Ivanova, T. P. Trials of German war criminals in the USSR and other countries / T. P. Ivanova, V. P. Yuran // On the way to civil society. – 2023. – № 4(52). – Pp. 38-41.
7. Lezina E. Denazification of West Germany. 70 years since the end of the program // Bulletin of Public Opinion. 2018. No. 3-4. pp. 192-206.
8. Nechevin, D. K. The Nuremberg trials and the birth of new foundations of law and order in the world / D. K. Nechevin // Public and private law. – 2012. – № 1(13). – Pp. 22-38.
9. Rybakovsky, L.L. "Human losses of the USSR and Russia" // Population. 2011. No. 1. From 8-24.
10. Sainakova, V.S. The discussion in West Germany on the abolition of the statute of limitations for prosecution for crimes of national socialism in 1964-1965 // Bulletin of Tomsk State University. 2012. No. 1 (17). pp. 142-146.
11. Sinchenko G.Ch. Reviving interest in the Nuremberg military Tribunals. Introductory article to the publication of extracts from the materials of the trial of Nazi judges in 1947 // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 29. No. 1 (88). pp. 64-73.
12. Khamitov, A. R. The historical role of the Nuremberg trials in the development of international criminal justice / A. R. Khamitov // Eurasian Law Journal. – 2019. – № 10(137). – Pp. 43-44.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_13

УДК 36.364

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ВОКАБУЛЯРЕ: ОТ ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНОЙ К ТЕОРЕТИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ
IDENTITY IN POLITICAL-LEGAL VOCABULARY: FROM LOGICAL-CONCEPTUAL TO THEORETICAL-LEGAL CONSTRUCTION

РАТТУР Мария Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН)
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru;

RATTUR Maria Vladimirovna,
PhD in History, Associate Professor, Researcher of the Department of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory,
Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences.
Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru

Краткая аннотация. *Актуальность темы статьи обусловлена широкой трактовкой термина «идентичность» в современном политико-правовом пространстве и отсутствием единства его толкования в отечественной правовой системе, что требует насыщения его политико-правового содержания смыслообразующими теоретико-правовыми конструкциями во избежание смысловых потерь и деконцептуализации, содержащей риски невозможности эффективного использования понятия «идентичность» в отечественных нормативных актах. Рассмотрены развитие содержательного наполнения понятия и эволюция его смыслов. Делается вывод о том, что в результате развития политико-правовой мысли идентичность предстает как национально-культурная самобытность построения правовых институтов и формулирования политико-правовых идей, с одной стороны, и как самостоятельный предмет научного познания и направление исследования в политико-правовых учениях.*

Abstract: *The relevance of the topic of the article is due to the broad interpretation of the term "identity" in the modern political and legal space and the lack of unity of its interpretation in the domestic legal system, which requires saturation of its political and legal content with meaningful theoretical and legal constructions in order to avoid semantic losses and deconceptualization, containing risks of the impossibility of effective use of the concept of "identity" in domestic regulations. The development of the content of the concept and the evolution of its meanings are considered. It is concluded that as a result of the development of political and legal thought, identity appears as a national and cultural identity of building legal institutions and formulating political and legal ideas, on the one hand, and as an independent subject of scientific knowledge and direction of research in political and legal teachings.*

Ключевые слова: *идентичность, социально-нормативное пространство, правовой концепт, социальный конструкт, самобытность, экспликация.*

Keywords: *identity, social and normative space, legal concept, social construct, identity, explication.*

Для цитирования: *Раттур М.В. Идентичность в политико-правовом вокабуляре: от логико-понятийной к теоретико-юридической конструкции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 13-16. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_13.*

For citation*: Rattur M.V. Identity in political-legal vocabulary: from logical-conceptual to theoretical-legal construction // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 13-16. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_13.*

Статья поступила в редакцию: 07.08.2025

В политико-правовом пространстве идентичность все чаще фигурирует в нормативных правовых актах и в научных публикациях, неуклонно возрастает использование этого понятия как в вокабуляре ученых-обществоведов, так и в политической риторике. Ее включение в систему политико-правовых знаний при разработке отечественной историографической модели может стать перспективным средством противодействия идеологическим искажениям представлений о цивилизационном развитии России. О назревшей необходимости создания российской историографической модели развития политико-правовой мысли убедительно свидетельствуют аргументы ученых [1, С. 7-23; 2, С. 50-63; 3, С. 63-76].

Осмысление идентичности в праве сопряжено с рядом трудностей, обусловленных, во-первых, сложившимися на сегодняшний день двумя подходами, которые производны от индивидуальной и коллективной идентичности. Психологическая исследовательская традиция изначально формировалась на основе представлений об индивидуальной идентичности, а социологическая – коллективной. Рассмотрение правового содержания феномена идентичности в рамках лишь одной из этих общепризнанных традиций представляется затруднительным, учитывая его многогранность, на которой акцентировал внимание еще Ульпиан. Он отмечал, что «изучение права распадается на два положения: публичное и частное» [4, С.83].

Во-вторых, исследование идентичности как политико-правового феномена, который, с одной стороны, выступает в качестве механизма обособления индивида или группы, а с другой – является способом интеграции общества и преодоления социальной аномии, требует междисциплинарного подхода для всестороннего анализа антиномии, ярко проявляющейся именно в правовом аспекте. Для психологов и социологов смещение акцентов на внутренний и внешний мир соответственно позволяет нивелировать антиномию идентичности при проведении научных изысканий. Для правоведов столкновение с этой трудностью представляется практически неизбежным.

В-третьих, дуальность идентичности, которая обусловлена для теории и истории правовой науки национально-культурной самобытностью построения правовых институтов или формулирования идей, с одной стороны, и самостоятельностью предмета исследования специфического политико-правовой феномена, требующего изучения генезиса, истоков формирования, развития представлений и политико-пра-

вовых идей.

В науку понятие «идентичность» пришло благодаря изысканиям психолога Э. Эриксона. Изучение им резерваций индейцев племен сиу и юроков в США, позволило собрать обширный материал в отношении взаимодействия социальных групп в конце 30-х годов XX в. В период Второй мировой войны он по заказу Пентагона исследовал «военный невроз». Именно в этих исследованиях Э. Эриксоном впервые была обозначена идея учения об идентичности.

Тождественность самому себе сквозь призму идентичности своей социальной группы стала для психолога основным вектором для разработки целого пласта проблем индивидуальной и групповой идентичностей. При этом Э. Эриксон занялся темой «связи индивидуального жизненного цикла с циклом поколений и вообще проблемой динамики поколений» [5, С. 16]. Собрав статьи разных лет в книгу «Идентичность: юность и кризис» (вышла в свет в 1968 г.), психолог продемонстрировал множество значений предложенного им термина. Таким образом, с момента появления идентичности в качестве научного понятия проявляется, с одной стороны, широкий простор для его использования, а с другой – терминологическая неопределенность, которая, по словам профессора Р. Брубейкера, создает ситуацию, при которой идентичность «означает слишком много (когда понимается в сильном смысле) или слишком мало (когда понимается в слабом смысле) или вообще ничего не означает» [6, С. 63].

Дальнейшее развитие научных представлений об идентичности связано с ее изучением как психологического феномена. Французский психолог, директор Европейской лаборатории социальной психологии С. Московичи в начале 1980-х обосновал идею о коллективных репрезентациях членов группы. В 1986 г. А. Тэшфел и Дж. Тернер представили «Я-концепцию», которая развилась из сформулированной А. Тэшфелом минимальной групповой парадигмы [7].

Среди отечественных психологов первым к разработке проблем идентичности обратился И.С. Кон. В его представлении идентичность – это динамический конструкт личности. Убедительному обоснованию своей позиции он посвятил работу «В поисках себя. Личность и ее самосознание», опубликованную в 1984 г. [8].

Трансфер понятия «идентичность» из психологии в другие науки был довольно быстрым и стремительным. В.С. Малахов отмечает, что «Идеи Эриксона о том, что идентичность изменчива на протяжении жизни, идентичность не есть автономия, были восприняты во всех философских, психологических и социологических школах» [9, С.46].

Так, немецкий философ и социолог Ю. Хабермас построил поиск консенсуса между государством, обществом и субъектом в процессе правотворчества на сочетании индивидуальной и коллективной идентичности [10, 11]. Теория идентичности английского социолога Э. Гидденса, сформулированная в 1990 г., базируется на современной культуре. В работе «Устройство общества: очерк теории структурации» он обосновывает культурологический подход к самоидентичности и идентичности [12, С.100-112].

Представляется значимым тот факт, что современные исследователи отмечают важную роль предшественников Э. Эриксона в вопросах рассмотрения идентичности в качестве предмета исследования. Так, например, психолог, профессор Л.Б. Шнейдер отмечает, что для З. Фрейда идентичность - составная часть его теории идентификации, а обретается она в результате «работы с областью бессознательного» [13, С.34]. А. Фрейд в ставшей классической работе «Психология Я и защитный механизмы» посредством идентичности характеризует ресурсы психики при соприкосновении с внешним миром [14]. Изучение Э Фроммом особенностей взаимоотношений личности и общества позволило ему прийти к выводу о том, идентичность есть итог индивидуализации каждого индивида [15, С.26].

Социологическое направление исследования идентичности контекстно связано с теорией символического интеракционизма. У Джеймс еще в конце XIX в. занимаясь проблемами самосознания определял последовательность и непротиворечивость субъекта как «тождественность себе». Дж. Г. Мид, будучи представителем Чикагской социологической школы, исследовал идентификацию как обозначение личности или коллектива через социально конструируемые категории. При этом в системе его построений важнейшая роль принадлежала языку, в частности, письменной и устной речи. Он использовал термин «самость», подразумевая идентичность.

В работе Э. Гоффмана и П. Бергера «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» идентичность представлена в виде явления, которое видоизменяется под влиянием социальных факторов [16, С. 323]. Французский антрополог и социолог Г. Лебон, занимавшейся разработкой теории «массового общества», предложил критерии самоопределения субъектов и способы влияния на народные массы, внушения массам идей, влияния на настроение толпы, контекстно связанные с идентичностью [17].

Кроме психологической и социологической традиций исследования идентичности следует выделить философскую компоненту в ее изучении. В философии проблема «Я» изучается очень давно и успешно. Так, Д. Юм занимался решением проблемы тождества личности [18, С. 157-174]. Создание концепции социальной феноменологии, рассматривающей социальный порядок как результат повседневного взаимодействия, во многом предвосхитило идею идентичности, которая будет сформулирована несколько позже. Так, Э. Гуссерль отмечает, что: «Всю важность трансцендентальной очевидности ego cogito (понимаемого в самом широком картезианском смысле) мы переносим теперь (оставляя в стороне вопросы области действия ее аподиктичности) с тождественного себе ego на многообразные cogitations…» [19, С. 123].

Контекстно связанные с идентичностью теории национальной принадлежности, выдвинутые в Европе, основывались, с одной стороны, на идее права народа быть сувереном политико-правовой жизни Ж.-Ж. Руссо, а с другой – на представлениях об иррациональной природе наций немецких и английских философах-идеалистах. К рассмотрению вопросов национальной принадлежности в разное время обращались Г. Гегель, Ф. Гизо, А. де Токвиль. Несмотря на разные подходы, они приходили к выводу о том, что нация и государство во многом взаимообусловлены.

В отечественной науке вопросы, связанные с идентичность рассматривал историк В.В. Мавродин, изучая национальное самосознание.

В работе «Формирование русской нации», вышедшей в 1947 г., он определил его как «единство людей, принадлежащих к данному периоду и данной народности или нации, единство из интереса, психического склада» [20, С.36]. М.М. Бахтин, развивая идеи культурно-исторической психологии занимался проблемами формирования коллективного самосознания в процессе исторического развития, тем самым, предвосхищая ныне существующие теории коллективной идентичности.

В отечественных нормативных правовых актах понятие «идентичность» впервые встречается в Федеральной целевой программе развития образования на 2011-2015 гг., утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 61. Она предусматривала внедрение в образование «инновационных воспитательных моделей, обеспечивающих формирование гражданской идентичности обучающихся в условиях поликультурного и поликонфессионального общества с целью устранения причин и условий, способствующих проявлениям национализма и сепаратизма среди детей во всех субъектах Российской Федерации[1]. В 2014 г. Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» понятие «общероссийская гражданская идентичность» закрепилось в сфере культуры, молодежной политики и образования[2].

Расширение понятийной области идентичности как политико-правового конструкта произошло в декабре 2016 г. Утверждение Правительством Российской Федерации Государственной программы «Реализация государственной национальной политики» и подпрограммы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России» до 31 декабря 2025 г. определило в качестве одной из задач «повышение уровня общероссийской гражданской идентичности с 70 % в 2016 году до 80 % в 2025 году»[3]. Сложно сказать, каким образом был рассчитан этот норматив, но попытка охарактеризовать идентичность в виде количественного показателя была предпринята.

При этом определение общероссийской гражданской идентичности закреплено лишь в 2018 г. В Указе Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» обозначено, что общероссийская гражданская идентичность – это «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»[4].

Несмотря на то, что базовые ценности российского общества получат законодательное определение лишь спустя четыре года, документ закрепляет ряд сущностных характеристик, определяющих понятие «идентичность» в политико-правовом аспекте, наполняя его конкретным содержанием. Так, например, Стратегия обозначает историческую память народа как один из ключевых элементов общероссийской гражданской идентичности и манифестирует необходимость противодействия попыткам фальсификации истории.

Принцип конституционной идентичности как основание для принятия решений содержит ряд решений Конституционного Суда РФ. Он является одним из механизмов противостояния расширению наднационального правового регулирования межгосударственными органами (ЕСПЧ в частности).

Так, разрешение вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО Нефтяная компания ЮКОС против России» стало причиной использования принципа конституционной идентичности. П. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П/2017 гласит, что «от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке»[5].

С 2020 г. в Основном законе Российской Федерации (п.3 ст.69) обозначена необходимость сохранения общероссийской культурной идентичности. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет общероссийскую гражданскую идентичность как основу для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, которые необходимы для укрепления единства народов Российской Федерации[6]. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» понятие «идентичность» упомянуто пять раз[7].

«Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» понятие «историческое просвещение» определяют через идентичность. В п.3 «Основ» сказано, что, историческое просвещение – «регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 07.02.2011 г. № 61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011 - 2015 годы» // СЗ РФ. 2011. № 10. Ст. 1377.
[2] Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СЗ РФ. 2014. № 52. Ч. 1. Ст. 7753.
[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»» // СЗ РФ. 2017. № 2. Ч. 1. Ст. 361.
[4] Указ Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843 (дата обращения 21.02.2025 г.)
[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 года № 1-П/2017 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Высшая%20сила%20Конституции%20и%20взаимоотношения%20с%20ЕКПЧ.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
[6] Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 26.02.2025)
[7] Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 26.02.2025).

идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества»[1].

В отечественной правовой системе понятие «идентичность» на сегодняшний день содержится лишь в небольшом количестве нормативных правовых актах, но именно они во многом определяют базовые для российского общества категории: традиционные ценности, защита исторической правды, сохранение исторической памяти и др. [21, С. 138].

Историография понятия «идентичность» весьма обширна, но в правоведении предпринимаются лишь первые серьезные шаги для ее фундаментального изучения. Включение данного феномена в создаваемую отечественную историографическую модель политико-правовых знаний при условии тщательного отбора и упорядочения корпуса источников позволит не только эксплицировать термин «идентичность» в российском политико-правовом пространстве, но и избежать деконцептуализации, содержащей риски невозможности эффективного использования понятия «идентичность» в отечественных нормативных актах.

Список литературы:

1. Савенков А. Н. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7-23. DOI 10.31857/S102694520027259-5. –EDN HZYWCX.
2. Жуков В. И. Глобализм и цивилизация в парадигме философии права // Государство и право. 2024. № 7. С. 50-63. DOI 10.31857/S1026945224070047. EDN RILLQH.
3. Жуков В. И. Историографическая концепция генезиса Российской цивилизации в Отечественной политико-правовой мысли / В. И. Жуков, М. В. Раттур // Государство и право. 2024. № 9. С. 63-76. DOI 10.31857/S1026945224090055. EDN WRCTZR.
4. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т.1. М.: Статут, 2008. 583 с.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.-344с.
6. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 406 с.
7. Тернер Дж., Оукс П. Дж., Хелем С.А., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. № 2. С. 47-61.
8. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
9. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. №2. С.41-54.
10. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: лекции и интервью / Философы современного мира: лекции в ин-те философии АН СССР. Москва, апрель 1989 г. М.: Наука, 1992. 175 с.
11. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003. – 414 с.
12. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003. 525 с.
13. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: опыт теоретико-экспериментального исследования. М.: Прометей, 2004. 334 с.
14. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика-пресс, 1993. 140 с.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М.: АСТ, 2004. 571 с.
16. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 327 с.
17. Лебон Г. Психология народов и масс [пер. с фр. Э.Пименовой, А.Фридмана]. М.: Академический проект, 2014. 239 с.
18. Юм Д. О тождестве личности // О человеческой природе / пер. с англ. СПб.: Азбука, 2017. С. 157-174.
19. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Скляднева. Изд. 2-е, стер. СПб.: Наука, 2006. 315 с.
20. Мавродин В. В. Формирование русской нации. Л.: Тип. им. Володарского, 1947. 36 с.
21. Раттур М. В. Идентичность в аксиологии конституционализма: от социального конструкта к правовому концепту // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 137-139. DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_137. EDN VUFJPS.

References:

1. Savenkov A.N. Philosophy of law in Russia as the ideological and theoretical basis of national legal ideology: history, modernity and prospects//State and law. 2023. № 8. P. 7-23. DOI 10.31857/S102694520027259-5. EDN HZYWCX.
2. Zhukov V.I. Globalism and civilization in the paradigm of the philosophy of law//State and law. 2024. № 7. P. 50-63. DOI 10.31857/S1026945224070047. EDN RILLQH.
3. Zhukov V.I. Historiographic concept of the genesis of Russian civilization in domestic political and legal thought/V.I. Zhukov, M.V. Rattur//State and law. 2024. № 9. P. 63-76. DOI 10.31857/S1026945224090055. EDN WRCTZR.
4. Digests of Justinian/resp. ed. L. L. Kofanov. T.1. M.: Statute, 2008. 583 p.
5. Erickson E. Identity: adolescence and crisis/general. ed. and foreword. A.V. Tolstykh. M.: Progress, 1996.-344P.
6. Brubaker R. Ethnicity without groups. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 406 p.
7. Turner J, Oakes PJ, Helem SA, David W. Social Identity, Self-Categorization, and Group//Foreign Psychology. 1994. № 2. P. 47-61.
8. Con I.S. Looking for himself. Personality and its self-awareness. M.: Politizdat, 1984. 335 p.
9. Malakhov V. S. Inconveniences with identity//Questions of philosophy. 1998. №2. P.41-54.
10. Habermas Y. Democracy. Mind. Morality: lectures and interviews/Philosophers of the modern world: lectures in the philosophy of the USSR Academy of Sciences. Moscow, April 1989 M.: Nauka, 1992. 175 p.
11. Habermas Y. Philosophical discourse on Art Nouveau/Per. with nem. MM Belyaeva et al. M.: The whole world, 2003. 414 p.
12. Giddens E. The structure of society: an essay on the theory of structuring. M.: Academic project, 2003. 525 p.
13. Schneider L. B. Professional identity: experience in theoretical and experimental research. M.: Prometheus, 2004. 334 p.
14. Freud A. "Self" psychology and defense mechanisms. M.: Pedagogy-press, 1993. 140 p.
15. Fromm E. Flight from Freedom. A man for himself. M.: AST, 2004. 571 p.
16. Berger P, Lookman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. M.: "Medium," 1995. 327 p.
17. Lebon G. Psychology of peoples and masses [translated from Fr. E. Pimenova, A. Fridman]. M.: Academic project, 2014. 239 p.
18. Yum D. On personality identity//On human nature/per. From English St. Petersburg: ABC, 2017. P. 157-174.
19. Husserl E. Cartesian reflections/trans. With German D.V. Sklyadneva. Ed. 2nd, erased. St. Petersburg: Science, 2006. 315 p.
20. Mavrodin V.V. Formation of the Russian nation. L.: Type. them. Volodarsky, 1947. 36 p.
21. Rattur M.V. Identity in the axiology of constitutionalism: from a social construct to a legal concept//Law and state: theory and practice. 2024. № 5(233). P. 137-139. DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_137. EDN VUFJPS.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 08.09.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения 10.05.2024)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_17

УДК 34.01

В.М. ГЕССЕН О ПРОБЛЕМАХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМАХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
V.M. GESSEN ON THE PROBLEMS OF SPECIAL LEGAL REGIMES IN THE RUSSIAN EMPIRE

ВОЛК-ЛЕОНОВИЧ Станислав Олегович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Нижегородская академия МВД России.
603144, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: Ejiwolf2006@yandex.ru;
ORCID 0009-0005-4621-6979,

VOLK-LEONOVICH Stanislav Olegovich,
Assistant professor (Reader) of the Department of Theory and History of State and Law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.
Ankudinovskoe shosse, 3, Nizhny Novgorod, 603144, Russia.
E-mail: Ejiwolf2006@yandex.ru;
ORCID 0009-0005-4621-6979

Краткая аннотация: *Введение: Статья посвящена анализу взглядов выдающегося российского правоведа В.М. Гессена на проблему особых правовых режимов в Российской империи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта регулирования исключительных правовых состояний и их влияния на современные государственно - правовые институты Российской Федерации. Методы: В работе использованы, формально-юридический метод и методы исторического исследования, в том числе историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Результаты: Исследование выявило, что В.М. Гессен рассматривал особые правовые режимы (военное положение, осадное положение, чрезвычайное положение) как инструменты сохранения государственного порядка Российской империи, но подверг критики применение властями указанных режимов, что приводило к нарушению принципа верховенства права. Выводы: Анализ концепции В.М. Гессена позволяет сделать вывод о противоречивости норм, регулирующих особые правовые режимы в имперской России, а равно и порядок применения данных норм: с одной стороны, они обеспечивали стабильность, с другой — подрывали законность. Его идеи сохраняют значение для понимания баланса между безопасностью и правами личности в современных условиях.*

Abstract: *Introduction: The article is devoted to the analysis of the views of the outstanding Russian legal scholar V.M. Gessen on the problem of special legal regimes in the Russian Empire. The relevance of the study is due to the need to understand the historical experience of regulating exceptional legal states and their impact on modern state and legal institutions of the Russian Federation. Methods: The work uses the formal-legal method and methods of historical research, including historical-genetic, historical-comparative and historical-systemic methods. Results: The study revealed that V.M. Gessen considered special legal regimes (martial law, state of siege, state of emergency) as instruments for maintaining the state order of the Russian Empire, but criticized the use of these regimes by the authorities, which led to a violation of the principle of the rule of law. Conclusions: Analysis of the concept of V.M. Gessen allows us to conclude that the norms regulating special legal regimes in imperial Russia, as well as the procedure for applying these norms, are contradictory: on the one hand, they ensured stability, on the other, they undermined the rule of law. His ideas remain important for understanding the balance between security and individual rights in modern conditions.*

Ключевые слова: *В.М. Гессен, история права, особые административно-правовые режимы, осадное положение, военное положение, положение усиленной (чрезвычайной) охраны, полиция, губернатор.*

Key words: *V.M. Hessen, history of law, special administrative and legal regimes, state of siege, martial law, state of enhanced (emergency) security, police, governor.*

Для цитирования: *Волк-Леонович С.О. В.М. Гессен о проблемах особых правовых режимах в Российской империи // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 17-21. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_17.*

For citation*: Volk-Leonovich S.O. V.M. Gessen on the problems of special legal regimes in the Russian empire // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 17-21. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_17.*

Статья поступила в редакцию: 19.06.2025

Исследование исторического опыта правового регулирования чрезвычайных ситуаций приобретает особую значимость в условиях современной действительности. Мы можем наблюдать множество негативных тенденций, включающих в себя существенное ухудшение экологии, влекущее природные катастрофы, социальные конфликты и технологические риски, влекущие техногенные катастрофы. Всё это обуславливает деструктивное воздействие на экосистему, человеческое существование, общественные и государственные структуры, формирует угрозу безопасности и требует обеспечения баланса интересов государства и личности. В этом контексте обращение к наследию В.М. Гессена, выдающегося российского правоведа, способствует осмыслению фундаментальных проблем, связанных с взаимодействием личности и государства в чрезвычайных условиях, оптимизации баланса публичного интереса и прав человека. Труды Владимира Матвеевича являются образцом анализа законодательных механизмов Российской империи в кризисных ситуациях. Несмотря на значительный вклад ученого в изучение особых правовых режимов, тщательный анализ его взглядов на имперскую систему исключительных положений практически не проводился, что ограничивает возможности для глубокого понимания его концепции и её потенциала для совершенствования законодательства о чрезвычайных ситуациях.

Основной целью данной статьи является реконструкция теории чрезвычайного права В. М. Гессена и оценка её применимости для современных правовых систем. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: выявить критику Гессеном имперской системы исключительных положений и её основные недостатки; проанализировать его предложения по правовой институционализации чрезвычайных ре-

жимов и их влияние на развитие правового регулирования в Российской империи; оценить потенциал его идей для совершенствования законодательства о чрезвычайных ситуациях и их возможное применение в современных правовых системах.

Результаты данного исследования имеют практическую значимость для следующих областей: модернизация законодательства о чрезвычайных ситуациях, что позволяет учесть исторический опыт и современные вызовы; использование материалов статьи в учебных курсах по истории права и правам человека, что способствует более глубокому пониманию эволюции правового регулирования в кризисных ситуациях; участие в экспертных дискуссиях о пределах ограничений прав и свобод в условиях чрезвычайных ситуаций, что позволяет предложить обоснованные и научно обоснованные рекомендации для совершенствования правового регулирования.

Основными трудами ученого, в которых осуществлялся анализ особых правовых режимов, являются «Лекции по теории государственного права», «Административное право» (СПб., 1903), «Вопросы местного управления» (СПб., 1904), «Исключительное положение» (СПб., 1908), «Русское государственное право» (СПб., 1909).

В.М. Гессен, будучи приверженцем концепции естественного права, активно продвигал идею создания представительной демократии, основанной на системе сдержек и противовесов, а также на принципах верховенства закона и правового государства. Важное место в его творчестве отводится специализированным юридическим конструкциям, вводимым государством в условиях, когда существует непосредственная угроза безопасности личности, общества и государства. Такие конструкции предполагают адаптацию функционирования государственных органов, местного самоуправления, а также хозяйствующих субъектов к новым правовым условиям, что обеспечивает более эффективное реагирование на вызовы и минимизацию рисков с одной стороны, а с другой стороны может повлечь нарушение прав и свобод граждан. Ученым проводится детализированное исследование и, прежде всего, объектом исследования становится чрезвычайное законодательство Российской империи [1].

Обращаясь к истории российского законодательства В.М. Гессен отмечает, что в контексте исторического развития законодательства, положение, утверждённое 14 августа 1881 года, представляет собой не более чем систематизацию ранее принятых мер, которые, как оказалось, не были эффективными. Рассматривая органы, в компетенцию которых входили меры по обеспечению государственной безопасности ученый отмечает, что институционализация таких органов возникает в начале XIX века в результате реорганизации. Особенная канцелярия при министерстве внутренних дел преобразовалась в третье отделение собственной его величества канцелярии. Ученый отмечает, что данная структура наделяется юрисдикцией в сфере государственной безопасности. В компетенцию третьего отделения входили полномочия по сбору сведений о лицах, находящихся под надзором, высылка неугодных, неблагонадёжных, подозрительных лиц в административном порядке из столиц, определённых губерний или городов с предоставлением или без предоставления права выбора места жительства вне данной местности, а также администрирование мест заключения государственных преступников. В 1880 году была создана Верховная Распорядительная Комиссия, наделённая неограниченными (диктаторскими) полномочиями. Результатами деятельности комиссии явилось преобразование третьего отделения в департамент полиции в составе министерства внутренних дел [7, с. 162].

На местах полномочиями по обеспечению государственной безопасности наделялись губернаторы, в сферу компетенции которых помимо всего прочего входило руководство полицией, а в 1879 году были учреждены временные генерал-губернаторы с чрезвычайными полномочиями [7, с. 162-163].

В.М. Гессен обращает внимание, что вышерассмотренные институты власти в течение XIX в. осуществляют руководство государственной безопасностью в центре и на местах, в руках данных органов сосредоточены исключительные полномочия, среди которых ключевое место занимают право административной высылки и ссылки, до 1855 года право административной высылки и ссылки не было урегулировано законом, в 1855 году предпринимается попытка ограничить данный вид административного воздействия, правда безуспешно [7, с. 165].

В 1881 году было введено положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 14 августа 1881 года предусматривающее положения чрезвычайной и усиленной охраны. Правой режим усиленной охраны на протяжении данного периода вводился на территории многих губерний и действовал фактически непрерывно в течение 24 лет, включая Петербургскую, Московскую и Харьковскую. Ученый высказывает мнение, что данный режим не смог достичь основной цели предотвратить «революционную волну», что повлекло за собой введение в 1905 году правового режима чрезвычайной охраны и военного положения, прежде всего в тех губерниях, «которые в течение 25 лет непрерывно охранялись от революции усиленной охраной» [7, с. 170].

Современная для ученого политическая ситуация в Российской империи позволила представителям государственной власти ввести исключительное положение, которое в той или иной форме, действовало повсеместно. Несмотря на исключительный по характеру полномочий, предоставляемых администрации, исключительное положение стало нормальным и общим режимом управления [2, с. 124].

Ученый восклицает, что «в этом сопоставлении … величайшая трагедия русской государственной и общественной жизни. Будущий историк … разумеется, вспомнит, что то поколение, на долю которого выпала тяжелая историческая задача обновления государственного уклада России, является больным, политически и морально развращенным поколением, … которое не видало иного государственного порядка, кроме порядка чрезвычайных, исключительных по своей жестокости, полицейских мер и лишь по книгам знает об общих законах Российской Империи» [7, с. 170].

В.М. Гессен указывает, что очень часто под особым правовым режимом (исключительным положением) понимается только положение усиленной и чрезвычайной охраны, исключительные меры по охране общественной безопасности, однако к особым правовым режимам (исклю-

чительному положению) следует отнести военное, осадное положение, а также исключительные полномочия местных властей.

Рассматривая действия закона во времени, ученый указывает, что действие положения от 14 августа 1881 года является временным, действующим на период не более трех лет, и, несмотря на принятие основных законов Российской империи, действие Положения постоянно продлевалось, до завершения пересмотра исключительного законодательства [7, с.174]. Ученый уверен, что продление действия закона прямо противоречит Основным законам Российской империи. Согласно Основным Законам, с наступлением установленного срока действие временного закона должно было прекращаться, фактически означая его отмену. Однако Совет Министров, инициируя данное продление, нарушал компетенции законодательной власти, что подрывало юридическую основу Положения. Таким образом, Положение 1881 года утрачивало статус действующего закона, что создавало правовую неопределенность и противоречие с конституционными нормами [7, с.175-176].

В.М. Гессен указывает, что недействительность Положения 1881 года исключает его использование в качестве правовой основы для введения чрезвычайных мер на территориях, не объявленных в исключительном положении. Любые действия власти, предпринятые на основании данного акта после утраты им юридической силы, не могли быть признаны легитимными, что ставит под сомнение законность их применения и порождает правовую коллизию. Практика применения Положения 1881 года вступала в явное противоречие с Основным Законом Российской империи, фактически представляет собой не право, а «систему беззакония» [7, с. 177]. Данная практика по мнению ученого, требуют глубокого анализа в контексте правового развития государства [10, с. 4].

Исследование действия Положения 1881 года во времени и его соответствие Основным законам Российской империи позволяет ученому сделать вывод о необходимости переосмысления правового наследия Российской империи в контексте современных ему правовых стандартов. Анализируя правовой конфликт между временным характером закона и практикой его применения, В.М. Гессен подчеркивает важность соблюдения конституционных норм и принципов верховенства закона, что является ключевым аспектом правового государства.

Рассматривая юрисдикцию органов государственной власти, уполномоченных вводить режим усиленной и чрезвычайной охраны, ученый отмечает, что такими полномочиями наделялся министр внутренних дел и генерал-губернаторы. Министр внутренних дел обязан был уведомить Правительствующий Сенат о принятом решении и представить соответствующий доклад императору. Срок действия усиленной охраны составлял один год и мог быть продлен при наличии обоснованных причин. Что касается режима чрезвычайной охраны, то такой режим вводился на основании Высочайшего утверждения Совета Министров по представлению министра внутренних дел. Срок ее действия не превышал шести месяцев, но также мог быть продлен при необходимости. Чрезвычайная охрана применялась в ситуациях, когда в обществе возникали тревожные настроения, требующие принятия экстренных мер для стабилизации обстановки [3, с. 47].

В случае полного или значительного нарушения функционирования системы коммуникаций генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники наделялись полномочиями по введению усиленной охраны без предварительного согласования с центральной властью. После восстановления нормального функционирования коммуникационных сетей министр внутренних дел имел право отменить введенные меры. Этот механизм обеспечивал оперативную реакцию на кризисные ситуации, минимизируя бюрократические процедуры.

В.М. Гессен отмечает, что существенные изменения в юрисдикции должностных лиц, уполномоченных инициировать указанные режимы, связаны с принятием Свода законов 1906 года, что привело к значительным изменениям в порядке введения исключительных режимов. Однако, несмотря на внесенные уточнения, статья 15 Основных Законов 1906 года существенно трансформировала сложившуюся систему, закрепив исключительное право объявления исключительных положений за императором. Закон от 29 ноября 1905 года, который ранее наделял местные власти полномочиями по введению охраны, был отменен. Эти изменения способствовали централизации контроля над данной сферой, усиливая роль центральной власти в управлении чрезвычайными ситуациями [7, с. 196].

Анализируя фактические основания для введения усиленной и чрезвычайной охраны, ученый обращает внимание, что усиленная охрана вводилась в случаях, когда возникали нарушения общественного порядка, обусловленные преступной деятельностью. Чрезвычайная охрана применялась при наличии тревожных настроений в обществе. Несмотря на формальное закрепление процедур введения охраны, на практике данные положения не ограничивали дискреционные полномочия верховной власти, позволяя ей принимать решения в зависимости от текущей политической и социальной обстановки.

Обращаясь к юридической природе усиленной и чрезвычайной охраны, В.М. Гессен приходит к выводу, что усиленная и чрезвычайная охрана представляют собой специфические формы гражданской диктатуры, активируемые в условиях особых правовых режимов. Эти режимы характеризуются введением дополнительных административных и правовых механизмов для обеспечения общественного порядка и безопасности. В рамках усиленной охраны функции обеспечения правопорядка передаются генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам, которые наделяются расширенными полномочиями для реализации мер по стабилизации обстановки. Чрезвычайная охрана отличается административно-правовым характером, что подчеркивает её направленность на поддержание гражданской, а не военной диктатуры [2, с. 124].

Анализируя полномочия генерал-губернаторов и градоначальников в период действия режима усиленной охраны, ученый указывает, что они наделяются правами и полномочиями, включающими координацию действий различных правоохранительных структур, введение комендантского часа, ограничение свободы передвижения и другие меры, направленные на обеспечение общественной безопасности. В условиях введения усиленной охраны местные административные органы наделяются расширенными полномочиями, включая как превентивные, так и репрессивные меры. Гарантии личной неприкосновенности и свободы собраний временно приостанавливаются, что позволяет более эффективно противодействовать потенциальным угрозам общественному порядку [7, с. 182-191].

Генерал-губернаторы и губернаторы получают право административной высылки, позволяющей ограничивать пребывание лиц в регионах с усиленным режимом охраны. Полиция и жандармерия уполномочены осуществлять задержание подозреваемых в государственных преступлениях, а также проводить обыски для выявления и предотвращения противоправной деятельности [7, с. 182].

Военные суды наделены полномочиями выносить смертные приговоры за вооруженное сопротивление властям и нападения на должностных лиц, что обеспечивает эффективное противодействие организованной преступности и террористическим угрозам. Генерал-губернаторы и командующие войсками обладают правом утверждения приговоров военных судов, что обеспечивает согласованность и легитимность принимаемых решений [7, с. 188].

Губернаторы обладают полномочиями по установлению карательных санкций за несоблюдение обязательных постановлений, что способствует поддержанию дисциплины и правопорядка [4, с.41]. Генерал-губернаторы вправе передавать дела о преступлениях на рассмотрение военного суда, что позволяет применять более строгие меры наказания к лицам, совершившим правонарушения [7, с. 201].

В условиях введения чрезвычайной охраны административная власть не только сохраняет свои полномочия в полном объеме, но и наделяется чрезвычайными, так чрезвычайные полномочия губернатора включают в себя как предупредительные, так и репрессивные полномочия.

Предупредительные полномочия губернатора.

1. Право назначения лиц, наделенных чрезвычайными полномочиями: в рамках чрезвычайной охраны предоставляется возможность назначения лиц с гражданскими и военными полномочиями для управления определенными территориями [7, с. 189].
2. Учреждение военно-полицейских команд: для усиления функций полиции могут быть сформированы военно-полицейские команды, в функции которых входят задачи по обеспечению общественного порядка [7, с. 189].
3. Секвестр и арест имущества: в целях обеспечения безопасности предоставляется право на запрет или ограничение по распоряжению недвижимым имуществом и право наложение ареста на движимое имущество [7, с. 189].
4. Регулирование деятельности общественных организаций: в условиях чрезвычайной охраны предоставляется право разрешать, приостанавливать и закрывать собрания сословных, городских и земских учреждений [7, с. 189].
5. Ограничение свободы печати: в рамках обеспечения общественного порядка предусмотрена право на приостановление деятельности периодических изданий на время действия чрезвычайной охраны [7, с. 190].
6. Контроль над образовательными учреждениями: право на временное закрытие учебных заведений на срок до одного месяца, с возможностью последующего продления [7, с. 190].
7. Устранение от должности: в условиях чрезвычайной охраны предоставляется право на отстранение от должности чиновников и служащих, избранных на выборные должности [7, с. 190].

Репрессивные полномочия губернатора.

1. Усиление карательной санкции: в условиях чрезвычайной охраны за нарушение обязательных постановлений может быть предусмотрено повышение карательной санкции [7, с. 190-191].
2. Административное разрешение дел: предоставляется право изъятия дел из общей подсудности и их административного разрешения [7, с. 191].
3. Передача дел военному суду: в условиях чрезвычайной охраны определенные категории преступлений и проступков могут быть переданы на рассмотрение военного суда [7, с. 191].

Рассматривая роль министра внутренних дел, ученый приходит к мнению, что данное должностное лицо является высшим органом, координирующим действия по охране порядка, чьи распоряжения подлежат немедленному исполнению всеми местными органами власти. Министр внутренних дел обладает правом отменять распоряжения генерал-губернаторов и главноначальствующих[1]. Отмена таких распоряжений возможна с высочайшего соизволения или через Совет Министров, что подчеркивает сложный механизм взаимодействия различных ветвей власти в условиях чрезвычайной правовой ситуации [7, с. 192-194].

Ученый отмечает, что в условиях усиленной и чрезвычайной охраны полномочия административной власти приобретают столь масштабный характер, что бездействие должностных лиц может быть расценено как более серьезное правонарушение нежели превышение им своих должностных полномочий [2, с. 131].

Таким образом, усиленная и чрезвычайная охрана представляют собой сложные правовые институты, требующие тщательного анализа, данные режимы позволяют государству оперативно реагировать на угрозы общественному порядку и безопасности, используя для этого широкий спектр административных и правовых инструментов. Введение усиленного режима охраны предполагает комплексное применение административных, правоохранительных и судебных мер, направленных на обеспечение безопасности и стабильности в регионе.

Обращаясь к анализу фиктивного военного положения в Российской империи, В.М. Гессен обращает внимание на то, что в правовой системе Российской империи не существует такого института. Военное положение вводится исключительно в условиях войны или мобилизации.

[1] После принятия «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г., была институционализирована практика временного наделения особыми полномочиями отдельных лиц в рамках экстраординарных мер по обеспечению общественного порядка и безопасности. В рамках данной правовой конструкции, при введении режима чрезвычайной охраны, губернаторы конкретных губерний (за исключением тех, которые входили в состав генерал-губернаторств) временно приобретали статус главноначальствующих. Этот статус наделял их расширенными правомочиями, позволяющими осуществлять контроль и управление в пределах подведомственной территории в условиях повышенной угрозы общественному порядку и безопасности.

Применение военного положения в контексте внутренних конфликтов или политической нестабильности является неправомерным и противоречит законодательным нормам [7, с. 197].

Ученый считает, что различия между военным положением и чрезвычайной охраной весьма значительны, так военное положение представляет собой форму диктатуры, реализуемую военными структурами, в то время как чрезвычайная охрана является гражданской формой управления, направленной на обеспечение правопорядка в условиях кризисных ситуаций. Введение военного положения автоматически аннулирует действие Положения 14 августа, что свидетельствует о его особом правовом статусе [7, с. 200].

Генерал-губернаторы, как представители административной власти, могут передавать дела на рассмотрение военного суда, что свидетельствует о приоритете военных структур в процессе принятия решений. В условиях военного положения учебные заведения могут быть закрыты, а лица — высланы из региона или за границу, что свидетельствует о репрессивных мерах, направленных на поддержание порядка и безопасности.

Полномочия командующего армией весьма значительны, в частности командующий армией обладает правом задерживать лиц, которые могут оказаться необходимыми в зоне ведения боевых действий, реквизировать имущество и запрещать вывоз имущества необходимого для обеспечения армии, он также вправе принимать решения об уничтожении строений, препятствующих передвижению войск, что является крайней мерой, направленной на обеспечение оперативной мобильности [3. С. 48-49].

Главнокомандующий имеет право принимать чрезвычайные меры, уведомляя об этом императора, подобные меры могут включать в себя широкий спектр самых разнообразных действий, направленных на обеспечение национальной безопасности и стабильности [3. С. 49].

Что касается осадного положения, ученый определяет его как особую форму военного управления, вводимую в районах, обладающих фортификационными сооружениями, предназначенными для долговременной обороны в условиях внешней агрессии [7, с. 203-204]. Комендант крепости наделяется полномочиями, аналогичными полномочиям главнокомандующего в условиях военного положения, что позволяет ему эффективно управлять оборонительными мероприятиями [7, с. 204].

Таким образом, В.М. Гессен провел достаточно строгую классификацию и тщательный разбор нормативного регулирования особых правовых режимов Российской империи. Им выявлены системные недостатки законодательства об особых режимах. Указано на чрезмерную централизацию полномочий губернаторов, отсутствие четких критериев для введения исключительных мер, а также на подмену правовых процедур административным усмотрением. Эти недостатки свидетельствуют о несовершенстве правовой системы того времени и необходимости ее реформирования.

Труды В.М. Гессена имеют уникальное теоретическое значение, так как представляют собой синтез российской и европейской правовой мысли. Он был одним из первых, кто попытался конституционализировать исключительное право, что является важным вкладом в развитие правовой науки. Его работы могут служить методологической основой для сравнительно-правовых исследований, направленных на изучение различных моделей законодательства об особых режимах.

Концепция Гессена может быть использована при реформировании законодательства о чрезвычайном положении. Введение в учебные курсы по конституционному праву анализа его трудов будет способствовать формированию более глубокого понимания проблем, связанных с законодательством об особых режимах. Разработка комментариев к современным законам с учетом критики Гессена также может быть полезной для обеспечения их соответствия принципам законности и справедливости.

Список литературы:

1. Гессен В.М. Возрождение естественного права. — СПб.: тип. Спб. о-ва Е. Евдокимов, 1902. — 43 с.
2. Гессен В.М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901—1902 учебн. году в Александровской военно-юридической академии. — СПб.: типо-лит. М. Гинсбурга, 1902. — 354 с.
3. Гессен В.М. Административное право. — СПб., 1903. — 240 с.
4. Гессен В.М. Вопросы местного управления. — СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1904. — 235 с.
5. Гессен В.М. О правовом государстве // Вестник Права. — 1905.
6. Гессен В.М. О неприкосновенности личности. — СПб.: скл. изд. при Юрид. кн. скл. «Право», 1908. — 68 с.
7. Гессен В.М. Исключительное положение. — СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1908. — 410 с.
8. Гессен В.М. Русское государственное право: Курс лекций, чит. проф. В. М. Гессеном в С.-Петерб. политехн. ин-те на экон. отд-нии в 1909/10 учеб. г. — СПб.: Студ. касса взаимопомощи при С.-Петерб. политехникуме, 1909. — 335 с.
9. Гессен В.М. Теория правового государства: Ст. из сб. «Политический строй современных государств». — СПб.: Касса взаимопомощи студентов С.-Петерб. политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1912. — 67 с.
10. Гессен В.М. Губернатор, как орган надзора. — СПб.: изд. Студ. Кассы взаимопомощи при С.-Петерб. политехн. ин-те имп. Петра Великого, 1912. — 37 с.

References:

1. Gessen V.M. The revival of natural law. — St. Petersburg: tip. Spb. o-va E. Evdokimov, 1902. 43 p.
2. Gessen V.M. From lectures on police law given in the 1901-1902 academic year. graduated from the Alexander Military Law Academy. St. Petersburg: M. Ginsburg Printing House, 1902. 354 p.
3. Gessen V.M. Administrative law. — St. Petersburg, 1903. — 240 p.
4. Gessen V.M. Issues of local government. — St. Petersburg: Jurid. kn. skl. Pravo, 1904, 235 p.
5. Gessen V.M. On the rule of law // Bulletin of Law. — 1905.
6. Gessen V.M. About the inviolability of the person. — St. Petersburg: skl. ed. at the Law School. Pravo, 1908, 68 p.
7. Gessen V.M. Exceptional situation. — St. Petersburg: Jurid. kn. skl. Pravo, 1908, 410 p.
8. Gessen V.M. Russian state law: A course of lectures, read by prof. V. M. Gessen at St. Petersburg Polytechnic University. in-te on the economy. Department of Scientific Research in 1909/10 academic year — St. Petersburg: Stud. Mutual Aid fund at St. Petersburg Polytechnic, 1909. — 335 p.
9. Gessen V.M. Theory of the rule of law: An article from the collection "The political system of modern states". — St. Petersburg: Student Mutual Aid Office of St. Petersburg Polytechnic University. in-ta imp. Peter the Great, 1912. — 67 p.
10. Gessen V.M. The governor as a supervisory authority. — St. Petersburg: ed. Student. Mutual aid offices at St. Petersburg Polytechnic University in-te imp. Peter the Great, 1912. — 37 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_22
УДК 340

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
INTERRELATION BETWEEN LEGAL POLICY AND LEGAL CONSCIOUSNESS: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

МАЗИТОВ Шамиль Айратович,
аспирант юридического факультета, Университет управления «ТИСБИ» г. Казань
420012, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари д. 13.
E-mail: incuren@gmail.com;
MAZITOV Shamil Ayratovich,
graduate student Faculty of Law, University of Management «TISBI» Kazan.
420012, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, st. Mushtari, 13.
E-mail: incuren@gmail.com

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию взаимосвязи правовой политики и правосознания как ключевых явлений правовой системы общества. Рассматриваются и анализируются факторы влияния данных феноменов друг на друга: каким образом уровень и характер правосознания влияют на процесс развития и формирования государственной правовой политики, а также как правовые акты и институты трансформируют и изменяют существующие представления о праве. Отмечаются механизмы взаимодействия официальной правовой стратегии и общественного правосознания. На основе теоретико-правового анализа предлагаются пути оптимизации этого взаимодействия с целью повышения эффективности правового регулирования и укрепления правовой культуры.*

Abstract: *The article examines the interrelation between legal policy and legal consciousness as key phenomena of a society's legal system. It explores and analyzes the factors of mutual influence between these phenomena: how the level and nature of legal consciousness affect the development and formation of state legal policy, as well as how legal acts and institutions transform existing perceptions of law. The mechanisms of interaction between official legal strategy and public legal consciousness are highlighted. Based on a theoretical and legal analysis, the study proposes ways to optimize this interaction in order to enhance the effectiveness of legal regulation and strengthen legal culture.*

Ключевые слова: *правовая политика, правосознание, правовая культура, юридическая действительность, правовое регулирование.*
Key words: *legal policy, legal awareness, legal culture, juristic reality, legal governance.*

Для цитирования: *Мазитов Ш.А. Взаимосвязь правовой политики и правосознания: теоретико-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 22-24. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_22.*
For citation*: Mazitov Sh.A. Interrelation between legal policy and legal consciousness: a theoretical and legal analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 22-24. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_22.*

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025

Правосознание как многоаспектное явление, является целостным и сложным правовым феноменом, сочетающим в себе как субъективную сторону реальности, в контексте личности, которая отражает отношение к праву, так и объективную сторону, выражающуюся во внешне зафиксированной, институциональной форме практического характера. Современные реалии информационного пространства явным образом демонстрируют насколько правовая политика во всех ее проявлениях, вплоть от государственной правовой стратегии до критики традиционных моделей, взаимосвязана с правосознанием. Цифровизация оказывает влияние и на видоизменение общественного сознания как в целом, так и на правосознание в частности, а такие процессы в свою очередь непосредственно взаимосвязаны с механизмами правовой политики.

Проблемы правового сознания, которые непосредственно входят в предмет изучения теоретического правоведения [1], хронологически одновременно начинают формироваться с проблемами становления государства и права. Зарождение и становление права как многоаспектного феномена, испытывающего на себе влияние других сопредельных (культуры, политики, экономики и др.), оказывало ключевое влияние на трансформацию правосознания, его видоизменение, формируя разнообразную типологию с отличными друг от друга характеристиками (деградированное, здоровое, отчужденное и т.д.) как отрицательного, так и положительного характера. [2]. Следовательно, та или иная историческая эпоха, а также особенности эволюции государственного устройства и человека, являлись основанием для метаморфоз правосознания.

Исследуя вопрос об определении правосознания, обнаруживается достаточное обширное количество трудов ученых-правоведов, что говорит о глубокой разработанности данной темы. Правовое сознание, как и другие явления правовой системы, имеет множество дефиниций, и соответственно, неоднородное мнение среди научной среды. Однако можно выделить некоторые общие черты среди дефиниций, а именно определение данного явления как системы знаний, включающей в себя историю становления и развития права[3, с.134], концепции, принципы и понятия надлежащего правового регулирования; отражение юридической реальности различными способами, например, в форме правовых знаний; как отношение личностного и общественного характера к правовой составляющей, а также оценка действий человека[4, с.28] и объема его прав и обязанностей; понимание права, формируемое через рациональный анализ и субъективные ценностные установки[5]; профессиональное юридическое восприятие правовой реальности, базирующееся на системных знаниях и обширной правовой практике.

Примером достаточно содержательного определения может служить определение А.В. Полякова, представителя феноменологического-коммуникативного подхода к праву, который понимает правосознание как динамика взаимодействие и его продукт в виде «психосоциокультурной интерпретации» различных аспектов правовой реальности индивидуальным, групповым и общественным сознанием. Исследователь акцентирует, что восприятие и осмысление человеком информации о мире не ограничивается простым психическим отражением или эмоциональными реакциями. Речь идет о комплексном процессе информационного отбора, где задействуется «духовный мир в целом, что позволяет иметь отношение к анализируемой информации, корректируемое внешним социальным окружением... Когда взаимодействующие в рамках правовой систе-

мы субъекты понимают и признают, что они реализуют принадлежащие им права и обязанности, которые вытекают из соответствующих социально легитимированных правовых текстов, тогда и только тогда можно говорить о правовой норме, о правовой коммуникации и о феномене права» [6, с. 28-29]. Следовательно, в теории Полякова правосознание имеет двойственную природу: будучи рефлексивной формой действующего права, оно одновременно представляет собой механизм селекции правовых положений по критериям социальной целесообразности и соответствия векторам развития государства и общества.

В противовес мнению А.В. Полякова следует упомянуть позицию В.В. Лазарева, который рассматривает правосознание через аксиологическую призму и определяет его как одну из форм общественного сознания, которая объединяет в себе рациональные компоненты в виде правовых теорий и концепций, эмоциональные реакции, выражающиеся в оценках, чувствах и эмоциях и ценностные ориентации по отношению ко всей юридической действительности. Данное определение охватывает достаточно много аспектов правосознания, поскольку в него включается вся юридическая действительность, которая в свою очередь содержит и правовую политику в том числе. Оно также содержит как рациональные, так и психоэмоциональные компоненты правосознания, однако не учитывается динамическая составляющая правосознания, а именно процессуальные аспекты его формирования и развития. Не менее интересной представляется позиция В.Н. Протасова описанная достаточно кратко, но в то же время содержательно, а именно определение правосознания как «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей (классов, наций, народов) к действующему и желаемому праву, а также к праву прошлых эпох» [7, с. 62]. В данном случае акцент делается не только на существующей правовой среде, но и на историчности правовых явлений, что позволяет проследить ход изменения и развития правосознания более полным образом, а также на «желаемом» праве, то есть говорится о правовых инициативах, «нарождающихся» правовых нормах и естественной стороне права.

Раскрывая содержание и сущность правовой политики хочется отметить значительный прогресс в изучении данного явления (ее типов, направлений, методов реализации, субъектного состава, уровней организации и стратегических приоритетов), но несмотря на это многие основополагающие теоретические вопросы остаются предметом научных споров. Эти дискуссионные проблемы носят системообразующий характер, поскольку от их решения зависит понимание всех аспектов формирования и практического воплощения правовой политики. Особую остроту сохраняет полемика вокруг таких ключевых вопросов, как сущностное определение и структурная организация правовой политики.

На основе анализа юридической литературы применительно к правовой политике, можно сделать вывод, что данная категория имеет два основных значения. В первом случае правовая политика понимается как политико-правовая деятельность уполномоченных субъектов, которая осуществляется в установленных законодательством рамках и опирается на существующую нормативно-правовую базу. Довольно точно и кратко основную идею данного понимания правовой политики выразил Е.Ю. Пермяков: «Если власть опирается на право, есть все основания говорить о правовой политике» [8, с. 6]. То есть признак «правовая» выступает ключевой характеристикой политики, независимо от области общественных отношений, в которых она реализуется.

Второй подход трактует правовую политику как особую разновидность политической деятельности, направленную исключительно на правовую сферу. В данном контексте определение «правовая» указывает не на качественную характеристику, а на сферу влияния: это политика, осуществляемая в области права и через правовые механизмы. Как отмечают исследователи, в этом значении правовая политика представляет собой систему целей, принципов, программ и методов, реализуемых в рамках правового поля и с использованием юридических инструментов [9, с.28].

Представляется, что более точным будет не связывать правовую политику с правом как с формой регулирования общественных отношений, а с деятельностью политических субъектов, как государственных, так и иных, по выработке стратегических юридических решений и их воплощению в практике правового регулирования.

Как упоминалось ранее, правовая политика может иметь областью влияния не только правовую сферу, более того некоторые ученые считают ошибочным такое ограничение [10, с.104]. В данном случае можно согласиться, поскольку нормы права пронизывают все области общественной жизни, обеспечивая регуляцию практически любых отношений. Также инструментарий правовой политики не сводится исключительно к юридическим механизмам. Наряду с правовыми средствами активно используются экономические, административные, социальные и иные внеправовые.

Правовая политика одной из своих основных целей ставит трансформацию правового мышления. Создавая соответствующие институциональные условия, государство способствует формированию у личности такого уровня правовой культуры, который позволяет ей самостоятельно отстаивать свои права. Развитое правосознание выполняет важнейшую функцию - оно мотивирует личность к активной защите своих законных интересов, выступая таким образом внутренним (личностным) регулятором правового поведения. В этой связи можно упомянуть мнение А.П. Коробовой, которая в контексте выделения форм реализации правовой политики государства помимо правотворчества и правоприменения вычленяет и «правовое воспитание» [11, с.19].

Взаимосвязь и взаимное влияние категорий правовая политика и правосознание ярче всего раскрываются через проблемные стороны современной действительности. Правовая политика формирует правосознание различными средствами, например, через законотворчество, правоприменительную практику и т.д. И в этом случае деформации правосознания напрямую связываются с негативными явлениями правового бытия. Например, правовая незащищенность граждан, вызванная несправедливыми решениями со стороны правоприменительных и исполнительных органов, создает деформированное отношение личности как к процессу правового регулирования, так и к правовой составляющей.

Условия стремительного процесса цифровизации общественных отношений только усиливает данную проблему, поскольку человеческое сознание постоянно находится в информационном потоке, который может транслировать лишь отрицательную сторону правовой жизни государства. В этой связи могут возникать деформации правового сознания в виде идеализма и нигилизма, что создает проблемную почву для построения право-

вого государства. В данном случае важно не ограничивать такой поток, а совершенствовать юридическую практику, поскольку это средство является важной частью проверки каждой стратегической правовой идеи. Как справедливо отмечают исследователи, право раскрывает свой созидательный потенциал лишь при его непосредственной реализации, когда оно начинает эффективно воздействовать на развитие общественных отношений [12, с. 49].

Правосознание также выступает «фильтром» по отношению к законам в контексте человеческого сознания. Нормативно-правовые акты, не имеющие поддержки среди населения, противоречащие установкам общественного сознания переходят в категорию «формального существования», то есть устанавливается декларативный характер. В этой связи необходимо правовое просвещение со стороны государства, отражение правовой стратегии посредством распространения знаний о сущности принимаемых актов и особенностях их реализации. Однако же и такой процесс должен быть сбалансирован, и не политизирован, а исходить из общих начал права, чтобы действенным образом формировать правосознание и правовую культуру населения. Таким образом, повысится не только уровень правосознания, но и сформируется должный образ «мудрого» законодателя, который учитывает и суммирует общественные интересы.

Суммируя вышесказанное, ключевая цель правовой политики в области формирования правосознания заключается в создании системных условий для трансформации индивидуального и общественного сознания через: применение государственно-властных механизмов; мобилизацию общественных институтов; комплексное воздействие на правовую культуру населения. Неполная практическая реализация прав и свобод человека является актуальной проблемой и настоящее время, что соответственно понижает уровень правосознания. Существующие противоречия могут характеризоваться «формальным» характером принимаемых правовых актов, нереализованными юридическими конструкциями, оторванными от практики социально-правовыми установлениями. Несмотря на постоянное устойчивое государственное развитие в области регулирования правовых отношений, все так же остается актуальной проблема деформации правового сознания. Изменения характера общественных отношений, социально-экономической действительности вынуждает новые методы правового просвещения. Стратегии развития правовой политики должны включать в себя такие приоритетные направления как обеспечение информационной открытости, формирование правовых ориентиров, укрепление авторитета закона и т.д. Но существующие методы вовлечения населения в такой процесс остаются малоэффективными. Современные тенденции информатизации показывают, что такими средствами могут являться: «геймификация» правового образования, то есть использование игровых технологий для изучения права; использование социальных сетей как средств правовой социализации, персонализированные правовые уведомления, система «правового рейтинга» для органов государственной власти. Таким образом, современная правовая политика должна опираться на существующие тенденции развития общественных отношений для выбора самого оптимального варианта повышения уровня правосознания населения, поскольку данная категория является системообразующей для возможности реализации правовых преобразований. Только через комплексный подход возможно достижение гармоничного соотношения между правовой политикой государства и правосознанием граждан, что является необходимым условием построения правового государства в России.

Список литературы:

1. Сайфуллин, А. И. Факторы деформации правового сознания в эпоху цифровизации / А. И. Сайфуллин // Наука, образование: современные цифровые технологии формирования экосреды инновационного развития региона в условиях системных преобразований : Материалы национальной научно-практической конференции. В 2-х частях, Казань, 02 декабря 2022 года / Под редакцией А.Н. Грязнова, А.М. Найда. Ч. 2. Казань: Университет управления "ТИСБИ", 2022. – С. 117-120.
2. Степаненко, Р. Ф. Генезис общеправовой теории маргинальности / Р. Ф. Степаненко. – Казань : Университет управления "ТИСБИ", 2012. – 267 с.
3. Сырых В. М. Теория государства и права: Учебник для вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2012. – 704 с.
4. Пискунова С. С. Современное правосознание: понятие, характерные черты и функции // Закон и право. – 2003. – № 8. – С. 28-31.
5. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. – СПб., 2017. – 467 с.
6. Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 26-43.
7. Протасов, В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. – М.: Новый Юрист, 1999. – 240 с.
8. Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики. – Самара, 1993. – 103 с.
9. Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – № 11. – С. 27-43.
10. Ишмухаметов С.Р. К вопросу о правовой политике как об одном из основных направлений политики государства: теоретико-правовые основы // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 10 (173). – С. 104-106.
11. Коробова А.П. Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – 275 с.
12. Мельников С.А. Коллективная форма реализации права: теоретико-методологическое обоснование необходимости внедрения в понятийные ряды теории государства и права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 1 (144). – С. 48-54.

References:

1. Saifullin, A. I. Factors of deformation of legal consciousness in the era of digitalization / A. I. Saifullin // Science, education: modern digital technologies for the formation of the eco-environment of innovative development of a region in the context of systemic transformations: Proceedings of the national scientific and practical conference. In 2 parts, Kazan, December 02, 2022 / Edited by A. N. Gryaznov, A. M. Naida. Volume Part 2. – Kazan: University of Management "TISBI", 2022. – P. 117-120.
2. Stepanenko, R. F. Genesis of the general legal theory of marginality / R. F. Stepanenko. – Kazan: University of Management "TISBI", 2012. – 267 p.
3. Syrykh V. M. Theory of State and Law: Textbook for Universities. - 6th ed., revised. and add. – M.: ZAO Yustitsinform, 2012. – 704 p.
4. Piskunova S. S. Modern legal consciousness: concept, characteristic features and functions // Law and Right. – 2003. – No. 8. – P. 28-31.
5. Polyakov A. V., Timoshina E. V. General theory of law. – St. Petersburg, 2017. – 467 p.
6. Polyakov A. V. Postclassical jurisprudence and the idea of communication // Jurisprudence. – 2006. – No. 2. – P. 26-43.
7. Protasov, V. N. Theory of law and state. Problems of the theory of law and state: Questions and answers. – M.: Novyi Yurist, 1999. – 240 p.
8. Permyakov Yu. E. Introduction to the Fundamentals of Criminal Policy. – Samara, 1993. – 103 p.
9. Matuzov N.I. General concept and main priorities of Russian legal policy // Legal policy and legal life. – 2000. – No. 11. – P. 27-43.
10. Ishmukhametov S.R. On the issue of legal policy as one of the main directions of state policy: theoretical and legal foundations // Eurasian Law Journal. – 2022. – No. 10 (173). – P. 104-106.
11. Korobova A.P. Legal policy: concept, forms of implementation, priorities in modern Russia: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. – Saratov, 2000. – 275 p.
12. Melnikov S.A. Collective form of realization of law: theoretical and methodological substantiation of the need for introduction into the conceptual series of the theory of state and law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2022. – No. 1 (144). – P. 48-54.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_25

УДК 342.7

РОЛЬ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У МОЛОДЕЖИ (КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИТОГАМ ПЕРВОГО ПОЛУГОДИЯ 2025 ГОДА)
THE ROLE OF PREVENTIVE MEASURES AIMED AT COUNTERING ANTI-TERRORIST CONSCIOUSNESS AMONG YOUNG PEOPLE

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна,
старший преподаватель Кафедра «Теории и истории государства и права»
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
660049, Россия, г. Красноярск, проспект Мира, 90.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru;

FASTOVICH Galina G.,
Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law
Krasnoyarsk State Agrarian University.
90 Mira Avenue, Krasnoyarsk, 660049, Russia.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются мероприятия профилактического, воспитательного, культурно-просветительского и спортивного направлений, проводимых в ВУЗах России, предусмотренных Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610. В ходе анализа проведенного цикла мероприятий, сессий, встреч автор подчеркивает значимость проделанной работы, которая способствуют недопущению антитеррористического сознания у молодежи.*

Abstract. *The article examines preventive, educational, cultural and sports activities carried out in Russian universities, as provided for by the Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024-2028, approved by the President of the Russian Federation from December 30, 2023 No. Pr-2610. During the analysis of the conducted cycle of events, sessions, meetings, the author emphasizes the importance of the work done, which helps to prevent anti-terrorist consciousness among young people.*

Ключевые слова: *молодежь, система высшего образования, мероприятия антитеррористического характера, Комплексный план противодействия идеологии терроризма, государственная политика, эффективность.*

Key words: *youth, higher education system, anti-terrorist measures, Comprehensive plan to counter the ideology of terrorism, state policy, efficiency.*

Для цитирования: *Фастович Г.Г. Роль профилактических мероприятий, направленных на противодействие антитеррористического сознания у молодежи (комплексное исследование по итогам первого полугодия 2025 года) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 25-27. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_25.*

For citation*: Fastovich G.G. The role of preventive measures aimed at countering anti-terrorist consciousness among young people // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 25-27. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_25.*

Статья поступила в редакцию: 13.07.2025

В системе высшего образования Российской Федерации деятельность, направленная на противодействие идеологии терроризма, возложена на структурные подразделения воспитательной направленности, управления по молодежной политики и службы безопасности. Во исполнение Комплексного Плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610 (далее – Комплексный план) [1] и в целях развития у студенческой молодежи, активной гражданской позиции, направленной на неприятие идеологии терроризма, на базе аграрных ВУЗов Российской Федерации по итогам 1 полугодия 2025 года проведено 1 966 мероприятий профилактического, воспитательного, культурно-просветительского характера. Работа проводится на плановой основе, уделяя особое внимание студентам прибывших из стран Центрально-Азиатского региона (п. 2.3 Комплексного Плана), а именно:

- общее количество лиц, прибывших из стран Центрально-Азиатского региона, с которыми проведены мероприятия – 4 109 человека, из них проживают в общежитиях – 3 500 человек;

- общее количество мероприятий, реализованных с лицами, прибывшими из стран Центрально-Азиатского региона – 2 228 мероприятий [2].

Красноярский ГАУ, Иркутский ГАУ, Омский ГАУ, Белгородский ГАУ проводит патронированние иностранных студентов, где на кураторских часах происходит знакомство граждан с правовыми нормами Российской Федерации, видами и формами ответственности за совершенные правонарушения, а также создаются условий для благоприятной правовой адаптации и социализации студентов. Охват мероприятия – более 1 000 человек.

Арктический ГАТУ проводит «Час Наставника», где студенты старших курсов активно проводят мероприятия со студентами 1 курсов по доведению норм правовой, социальной и культурной жизни студенческого сообщества ВУЗа. Охват мероприятия – 120 человек [3].

В Башкирском ГАУ, Красноярском ГАУ, Казанском ГАУ, Иркутском ГАУ эффективно действует проект «Равный равному». В течение всего периода обучения студентам оказывается юридическая помощь в рамках студенческой правовой клиники, где разъясняются нормы действующего законодательства и меры ответственности, предусмотренные за нарушение норм административного и уголовного законодательства. Вместе с тем, реализуется Проект «Дружба», «Матрешка» в рамках которых проводятся ряд мероприятий. В образовательных организациях опреде-

лены педагоги-кураторы, которые особое внимание уделяют процессу адаптации иностранных студентов в правовом, социальном и языковом поле, подготовлены и реализованы. Программы кураторских часов с участием гостей из правоохранительной сферы.

В вышеуказанных образовательных организациях реализуются принципы корректирующего воздействия «триединства»: обучения, воспитания и психолого-педагогического сопровождения студентов. Охват мероприятия составляет более 800 человек.

В Белгородском ГАУ действует объединенный международный центр «Притяжение». Охват мероприятия составляет более 950 человек. В Тверской ГСХА продолжает реализацию проект «Патриотизм, подвиг, героизм», в рамках которого важная роль отводится работе по выявлению «группы риска» (обучающихся с отклонениями в поведении и обучающиеся, находящиеся в социально опасном положении), признаков повышенной агрессии и депрессивного состояния у студентов, анализу причин асоциального поведения. Центральным звеном профилактической работы выступают кураторы, которые способствуют вовлечению такой категории обучающихся в общественно-полезную, спортивную, волонтерскую, духовно-нравственную деятельность. Отдельный раздел в программе посвящён вопросам организации социально-психологического сопровождения и психологической поддержки. Охват мероприятия составляет более 280 человек.

Большое внимание в воспитательной работе аграрных вузов уделено формированию законопослушного поведения в студенческой среде, развитию активной гражданской позиции и привитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Среднее количество мероприятий, проводимых ВУЗами варьируется от 38 до 160 за отчетный период. Кубанский ГАУ, Иркутский ГАУ, Белгородский ГАУ, Брянский ГАУ, Омский ГАУ, Красноярский ГАУ, Южно-Уральский ГАУ, Пензенский ГАУ являются лидерами по проведению мероприятий [4].

Среди традиционных форм: тематические выставки на темы «Наш мир – без терроризма», «Экстремизму, терроризму скажем — нет!», «Терроризм – это зло», «Терроризм – это не про нас!», беседы и обучающие семинары «Ответственность за участие молодежи в несанкционированных массовых мероприятиях, в том числе радикального характера», «Современная вербовка!», «Экстремизм и терроризм – проблема современности», «Социальные сети в работе куратора» (Белгородский ГАУ, Кубанский ГАУ), организованы кинолектории «Россия без террора» (Кузбасский ГАУ), интеллектуальные игры «Нет терроризму», «Диктант победы» (Рязанский ГАУ, Смоленская ГСХА), адаптационно-профилактические встречи (Санкт-Петербургский ГУВМ), культурно-просветительские проекты «Урок мужества, посвященный трагической дате - дню памяти жертв теракта в Беслане» (Бурятская ГСХА, Красноярский ГАУ), лекции со студентами первого курса по «Противодействию экстремизма».

Особого внимания заслуживает практика Дагестанского ГАУ, где реализуется проект «Патриотизм. Воспитание. Будущее». Проект направлен на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Охват мероприятия – более 100 человек.

Некоторые вузы имеют отдельные планы работы в рамках адаптации иностранных студентов. Так, например, в Башкирском ГАУ успешно реализуется проект «Открытый диалог» на тему «Антитеррористическая безопасность-наша общая задача», «Равный равному», направленные на доверительные беседы приглашенных спикеров с иностранными студентами по недопущению их вовлечения в незаконные формирования террористического характера. Охват встреч – более 100 человек. Мероприятия спортивного направлений с привлечением федеральных и региональных политических деятелей, представителей правоохранительных органов, авторитетных представителей общественных и религиозных организаций, науки, представителей органов исполнительной власти, культуры и спорта, охват лиц – 110 020 человек (п. 1.2 Комплексного Плана).

Так, Кубанский ГАУ, Омский ГАУ, Чувашский ГАУ на системной основе проводит патронированние иностранных студентов, где на кураторских часах происходит знакомство граждан с правовыми нормами Российской Федерации, видами и формами ответственности за совершенные правонарушения, а также создаются условий для благоприятной правовой адаптации и социализации студентов. Охват мероприятия – более 150 человек.

В каждом ВУЗе определены педагоги-кураторы, которые особое внимание уделяют процессу адаптации иностранных студентов в правовом, экономическом, социальном, духовном и языковом поле. Реализуются программы/курсы по бесплатному изучению русского языка Алтайский ГАУ, Южно-Уральский ГАУ, Костромская ГСХА). Так по итогам более 600 иностранных студентов прошли подготовку и эффективно освоили/усилили знание русского языка [5].

В Дагестанском ГАУ, Дальневосточном ГАУ активно реализуются программы кураторских часов с участием гостей из правоохранительной сферы. Охват мероприятия – более 160 человек.

Кузбасский ГСХА, Ульяновский ГАУ, Арктический ГАТУ активно реализуют проект «Равный равному-мы едины», в вышеуказанных образовательных организациях реализуются принципы корректирующего воздействия «триединства»: обучения, воспитания и психолого-педагогического сопровождения студентов. Охват мероприятия составляет более 200 человек.

В Белгородском ГАУ эффективно действует объединенный международный центр «Притяжение», который в 2024 году реализовал мероприятия не только с иностранными студентами, но и мероприятия, которые были направлены на поддержку участников СВО и их семей. Охват мероприятия составляет более 420 человек.

В Тверской ГСХА успешно продолжает реализацию проект «Патриотизм, подвиг, героизм», в рамках которого важная роль отводится работе по выявлению «группы риска» (обучающихся с отклонениями в поведении и обучающиеся, находящиеся в социально опасном положении), признаков повышенной агрессии и депрессивного состояния у студентов, анализу причин асоциального поведения. Охват мероприятия составляет более 150 человек. В качестве пилотного проекта Иркутский ГАУ эффективно принял эстафету по реализации данного формата мероприятия. Охват – более 80 человек. Центральным звеном в данном формате мероприятия выступают кураторы, которые способствуют вовлечению такой категории обучающихся в общественно-полезную, спортивную, волонтерскую, духовно-нравственную деятельность.

Большое внимание в воспитательной работе аграрных вузов уделено формированию законопослушного поведения в студенческой

среде, развитию активной гражданской позиции и привитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, семейным ценностям, в рамках проводимого 2024 года «Год Семьи в России».

Среднее количество мероприятий за 2024 год, проводимых ВУЗами увеличилось по сравнению с 2023 годом и варьируется от 100 до 250 за отчетный период. Кубанский ГАУ, Белгородский ГАУ, Брянский ГАУ, Омский ГАУ, Красноярский ГАУ, Вавиловский ГАУ, Кузбасская ГСХА являются лидерами по проведению мероприятий.

Среди традиционных форм: кураторские часы с приглашением авторитетных спикеров органов государственной власти, лидеров духовно-религиозного мнения, участников СВО, тематические лекции с приглашенными спикерами общества «Знание», проведением круглых столов, конференций с приглашением кураторов Национального антитеррористического комитета (ежегодное межвузовское мероприятие аграрных ВУЗов «Противодействие идеологии терроризма в молодежной среде» на базе Красноярского ГАУ, объединяющее более 40 ВУЗов и 60 участников.

Особого внимания заслуживает практика Кабардино-Балкарского ГАУ, Дагестанского ГАУ, Великолукская ГСХА, Казанская ГАВМ, где реализуется проект «Патриотизм. Воспитание. Будущее» Проект направлен на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Охват мероприятия – более 200 человек.

В целях предотвращения использования религиозного фактора в распространении идеологии терроризма и совершенствования форм и методов профилактической работы [6] среди верующих на системной основе образовательными организациями организованы встречи со священнослужителями, муфтиями и представителями национальных общин (общее количество приглашенных религиозных деятелей – более 15000 человек).

Комплексный План предусматривает мероприятия профилактического, воспитательного, культурно-просветительского и спортивного направлений с привлечением федеральных и региональных политических деятелей [7], представителей правоохранительных органов, авторитетных представителей общественных и религиозных организаций, науки, представителей органов исполнительной власти, культуры и спорта.

Список литературы:

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденный Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610: [сайт]. – URL.: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.03.2025). – Текст: электронный.
2. Провалинский Д.И., Тепляшин И.В. Государственно-правовая политика Российской Федерации: основные направления и пути развития: обзор материалов круглого стола / Д.И. Провалинский, И.В. Тепляшин // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2021. - № 2. - С. 150–165.
3. Фастович Г.Г., Шитова Т.В. К вопросу о международном академическом пространстве: проблемы и перспективы / Г.Г. Фастович, Т.В. Шитова // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 9 (177). - С. 71-72.
4. Рябченок О.Н., Фастович Г.Г. Интернет и его воздействие на современное общество /О.Н. Рябчченок, Г.Г. Фастович // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - № 3-1.- С. 143-145.
5. Фастович Г. Г. К вопросу о цифровой экономике в юриспруденции/ Г. Г. Фастович // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 2(170). – С. 62-65.
6. Землякова Е.В., Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах /Е.В. Землякова, Г.Г. Фастович // В сборнике: Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. - 2019. - С. 121-123.
7. Курбатова С.М., Айснер Л.Ю. Некоторые аспекты правового регулирования процесса цифровизации сельского хозяйства // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 58-59.

References:

1. Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024-2028, approved by the President of the Russian Federation on December 30, 2023, No. Pr-2610: [website]. – URL.: https://www.consultant.ru / (accessed 03/20/2025). – Text: electronic.
2. Provalinsky D.I., Teplyashin I.V. State and legal policy of the Russian Federation: main directions and ways of development: a review of the materials of the round table / D.I. Provalinsky, I.V. Teplyashin // Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. – 2021. - No. 2. - pp. 150-165.
3. Fastovich G.G., Shitova T.V. On the issue of international academic space: problems and prospects / G.G. Fastovich, T.V. Shitova // Agrarian and land law. - 2019. - № 9 (177). - Pp. 71-72.
4. Ryabchenok O.N., Fastovich G.G. The Internet and its impact on modern society /O.N. Ryabchenok, G.G. Fastovich // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2019. No. 3-1. pp. 143-145.
5. Fastovich G. G. On the issue of the digital economy in jurisprudence/ G. G. Fastovich // Agrarian and Land law. – 2019. – № 2(170). – Pp. 62-65.
6. Zemlyakova E.V., Fastovich G.G. On the use of information technologies in logistics systems /E.V. Zemlyakova, G.G. Fastovich // In the collection: Logistics - the Eurasian bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 121-123.
7. Kurbatova S.M., Eisner L.Y. Some aspects of the legal regulation of the digitalization of agriculture // Agrarian and Land law. 2019. No. 9 (177). pp. 58-59.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_28

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРСТВОВЕДОВ КОНЦА XIX– НАЧАЛА XX ВВ.

THE ESSENCE OF STATE COERCION AND THE LIMITS OF ITS APPLICATION IN THE INTERPRETATION OF RUSSIAN STATE SCHOLARS OF THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

КОЗИННИКОВА Екатерина Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.
E-mail: katerina_kozinnikova@mail.ru;

KOZINNIKOVA Ekaterina Nikolaevna,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: katerina_kozinnikova@mail.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье рассмотрены взгляды виднейших отечественных государствоведов конца XIX– начала XX вв. на вопросы о сущности и границах применения государственного принуждения в управлении государством вообще и при введении чрезвычайного положения в частности. Автор выделяет основные подходы к определению понятия «государственное принуждение», сформулированные в отечественной правовой науке в период действия в Российской империи чрезвычайного правового режима исключительного положения. В заключение отмечается, что именно в конце XIX– начала XX вв. в российской правовой наукой была обоснована важная мысль о том, что условия применения государственного принуждения и границы его применения должны быть зафиксированы в законе таким образом, который бы исключал возможность личного усмотрения со стороны правоприменительных государственных органов, наделенных полномочиями по применению данных мер.*

Abstract: *This article examines the views of the most prominent Russian state scholars of the late 19th and early 20th centuries on the essence and limits of the use of state coercion in the management of the state in general and during the imposition of a state of emergency in particular. The author highlights the main approaches to defining the concept of "state coercion" that were formulated in Russian legal science during the period of the extraordinary legal regime of the exceptional situation in the Russian Empire. In conclusion, it is noted that it was in the late 19th and early 20th centuries that Russian legal science developed the important idea that the conditions for the use of state coercion and the limits of its use should be specified in law in a way that would exclude the possibility of personal discretion on the part of law enforcement agencies that have the authority to apply these measures.*

Ключевые слова: *принуждение, государственное принуждение, государствоведение, полицейское право, государственное управление, меры государственного принуждения, чрезвычайный правовой режим.*

Keywords: *coercion, state coercion, state studies, police law, public administration, state coercive measures, and emergency legal regime.*

Для цитирования: *Козинникова Е.Н. Сущность государственного принуждения и пределы его применения в трактовке российских государствоведов конца XIX – начала XX вв. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 28-31. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_28.*

For citation*: Kozinnikova E.N. The essence of state coercion and the limits of its application in the interpretation of Russian state scholars of the late 19th and early 20th centuries // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 28-31. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_28.*

Статья поступила в редакцию: 26.06.2025

Обострение социально-политической обстановки в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., обусловленной неоднократно складывавшейся революционной ситуацией, привело к введению во многих частях Российской империи чрезвычайного правового режима [10, с. 167].

Введенный на время чрезвычайный режим, стал реалиями жизни целого поколения российских подданных, поскольку фактически действовал более 30 лет. В данной ситуации одним из важнейших вопросов правоведения в указанный период стал вопрос о ***сущности и границах применения государственного принуждения в управлении государством*** вообще и при введении чрезвычайного положения в частности.

В конце XIX – начале XX в. понятие «принуждение» можно было встретить в толковых словарях, где оно определялось как «противозаконное физическое или психическое (посредством угроз) воздействие на человека с целью побуждения его к совершению или несовершению какого-либо действия против его воли» [1, с. 4096].

Возможность легального принуждения, как и понятие «государственное принуждение» в справочной литературе указанного периода отсутствовали.

Проблемы применения легального принуждения со стороны государства были осмыслены отечественными государствоведами в конце XIX – начале XX в. в рамках науки полицейского права, что в результате позволило ввести понятия «принуждение», «меры государственного принуждения», «легальное принуждение» в научный язык и язык законодательства.

Большинство отечественных полицеистов конца XIX в. признавали за личностью свободу выбора и свободу воли, но практически никто не допускал возможности построения общества на принципе полной свободы. Большинство государствоведов сходились во мнении, что развитие личности обусловлено состоянием общественного строя, поддержание которого обеспечивается принуждением со стороны государства. Поэтому главная задача, стоящая перед правом, – определить границы применения государственного принуждения, чтобы принуждение оставляло достаточно места свободе как элементу развития личности.

Одним из государствоведов, осмысливших категорию «государственное принуждение» являлся представитель отечественной либе-

ральной политико-правовой мысли профессор Павел Иванович Новгородцев. Являясь приверженцем концепции естественного права, Новгородцев рассматривал нравственную личность как абсолютную ценность и цель прогресса общества [11, с. 30]. Такая личность представляет собой источник норм естественного права, на основе которых возможно проводить оценку существующих положений и выдвижение предложений к усовершенствованию и реформе положительного права для нравственных целей. В этом смысле интересы личности и общества не могут быть в полной мере гармонично слиты в единое целое; имеют место столкновения человека с обществом, которые либо разрешаются примирением, либо вовсе не разрешаются. По мнению П. И. Новгородцева, только разумное сочетание интересов личности и общества в соответствии с принципами естественного права может дать наилучший результат. Однако это возможно лишь в правовом государстве, которое возлагает на себя «миссию общественного служения», ведь государство – «это, прежде всего, властвование и подчинение, это дисциплина и узда внешнего закона» [15, с. 134]. Анализируя работы К. Маркса и Ф. Энгельса, П. И. Новгородцев указывал на то, что распоряжение вещами и руководство процессами производства «немыслимо без публично-правового регулирования экономического оборота, без принудительных действий государственной власти» [15, с. 136]. Новгородцев рассматривал право и государство как средства, с помощью которых возможно формирование нравственной личности (с учетом того, что органы власти и принуждения являются необходимыми элементами государства) [15, с. 140].

Общественный деятель и политический теоретик Лев Александрович Тихомиров считал, что человеческое общество немыслимо без определенного порядка, который является первой потребностью человека, живущего в условиях общества [12, с. 284]. Именно для организации порядка необходимо наличие власти, способной к осуществлению принуждения. Однако принуждение непременно должно быть ограничено правом, поскольку сама цель принуждения заключается в том, чтобы подчинять произвольные личные желания общеизвестным и общеобязательным нормам [17, с. 9–10]. То есть, применять государственное принуждение необходимо в тех случаях, когда личный интерес отдельного индивида противоречит интересам всего общества. В этом смысле государственному принуждению придается значение средства разрешения конфликтов в обществе.

Известный отечественный государствовед Александр Семенович Алексеев полагал, что феномен «принуждение» в человеческих союзах неразрывно связан с властью и подчинением [2, 3, 4]. Идеи власти и подчинения возникают в человеческих союзах как ответ на необходимость людям с различными интересами удерживаться в «общественной связанности» [4, с. 25] и достигать целей, ради которых был создан союз. Поэтому правовой порядок, существующий в обществе, – это не что иное, как совокупность принудительных норм, разграничивающих сферу интересов и область деятельности отдельных людей и союзов и определяющих формы их совместной деятельности [4, с. 28–29]. Высшей формой власти в обществе является государственная власть. Государственная власть представляет собой активную силу, «способную хотеть и действовать в виде тех целей, которые поставлены государственному общежитию» [4, с. 21]. В своих реальных проявлениях она сводится к принуждению и к повелению. Принуждение – это достижение определенной цели посредством преодоления чужой воли. Будучи сторонником идей правового государства, А. С. Алексеев подчеркивал, что принуждение должно применяться только государством и только в правовых формах. Принуждение, не предусмотренное правом данного государства, не может считаться легальным. «Воздействие государства, пока оно не организовано и не проявляется в определенных формах, – писал он, – есть проявление фактической силы, а не проявление государственной власти» [2, с. 26]. Фактическая сила может «вынуждать и вызывать принуждением подчинение, но не имеет права повелевать и своими повелениями вызывать обязанность повиноваться» [2, с. 26].

Владимир Александрович Гаген полагал, что государство во исполнение своих функций дарует гражданам права и одновременно с этим налагает на них массу публично-правовых обязанностей (подчиняться правовым предписаниям, платить налоги, защищать Отечество и т. д.). В случае неисполнения гражданами обязанностей, государство располагает целым ассортиментом различных способов понуждения к их исполнению, а потому может немедленно осуществить одну или нисколько понудительных мер, которые дадут желанный результат [6, с. 4]. По мнению В. А. Гагена, применение таких мер, в которых проявляется власть и могущество государства и которые имеют своей задачей понуждение граждан к исполнению публично-правовых обязанностей, является государственным принуждением [6, с. 4]. Эти меры заключаются в воздействии на личность человека путем применения физической силы, в ограничении его прав, как гражданских, так и публичных, в удалении его из данной местности, в воздействии на психику гражданина путем угрозы наказанием. В каждой стране сложился свой специфический строй государственного принуждения. Профессор В. А. Гаген отмечал, что чем «полнее и явственнее государство осуществляет идеалы права, тем резче сказывается влияние судов» [7, с. 8] при применении государственного принуждения, и тем ощутительнее для граждан становится благодетельность проверки судом требований исполнительных органов к гражданам и, следовательно, необходимость применения той или иной меры государственного принуждения. Напротив, чем больше государство сохраняет в своей правовой жизни остатков, пережитков полицейского государства, тем шире произвол органов исполнительной власти в применении мер принуждения, тем чувствительнее отражается это усмотрение органов исполнительной власти на правах граждан [7, с. 5–6].

В. М. Гессен, рассуждая о сущности государственного принуждения, приходил к выводу о том, что по силе и результату воздействия на убеждения человека принуждение не является главным средством, и ему «не принадлежит последнее слово» [8, с. 127]. Принуждение как средство для поддержания заданного порядка в социуме позволяет большинству людей безопасно реализовывать свои права и интересы. Посредством принуждения происходит противодействие асоциальным и противостоящим интересам общества поступкам человека, ограничивается его свобода, продуцируется желательное поведение в целях снятия социальной напряженности и создания условий для развития общества. Исходя из этого, по мнению В. М. Гессена, принуждение – это одна из важнейших функций государства. Законодательство, предусматривающее возможность применения принуждения, должно носить провизорный характер, то есть заранее предусматривать все возможные меры принужде-

ния, случаи их применения и границы и исключать возможность широкого личного усмотрения со стороны должностных лиц, уполномоченных на его применение.

Схожую точку зрения высказывал профессор Санкт-Петербургского университета Николай Михайлович Коркунов. Он рассматривал принуждение как средство социальной власти, которое служит для установления общественного порядка. Коркунов подчеркивал, что принуждение не только обеспечивает условия мирного общежития и «сообщает большую твердость тем правам, которые могут быть принудительно осуществляемы» [13, с. 75], но и обеспечивает правопорядок. Развитие правопорядка приводит к воспрещению всякого частного насилия и самоуправства, что обуславливает социальную ценность принуждения. По мнению Н. М. Коркунова, применение принуждения должно допускаться только со стороны общественной власти в целях осуществления правомерных требований, поэтому принуждение должно «служить исключительно праву» [13, с. 75], оно «дисциплинируется правом» [14, с. 31]. В своих работах государствовед охарактеризовал форму социального принуждения – правовое государственное принуждение [14, с. 31].

И. Е. Андреевский, будучи приверженцем теории правового государства, полагал, что права и свободы человека гарантируются строгой, но основанной на законе полицейской властью, поэтому и принуждение, осуществляемое государством, государствовед отождествлял с принуждением, используемым полицией. Сущность полицейского принуждения – в устранении причин и условий, нарушающих безопасность отдельного лица, общества или государства; предупреждении и пресечении «злой воли» людей, посягающих на права других субъектов; предупреждении и пресечении угроз, вытекающих не из «злой воли» человека, а из его природы [5, с. 1–8]. Андреевский писал, что при любых условиях человеческой жизни, даже при самых благоприятных, всегда найдутся личности, готовые посягнуть на права других, поэтому государству всегда придется изыскивать предупредительные меры для противодействия таким явлениям [5, с. 2]. К числу предупредительных мер государствовед относит наблюдение за общественными союзами и ассоциациями, пресечение «восстаний», «возмущений», «расхищения государственной собственности» и др. – все эти меры он относил к принудительной деятельности полиции. Андреевский признавал за каждым человеком право на личную свободу деятельности и считал не просто излишним, но и вредным ограничивать ее со стороны государства, когда этого не требуется. Формула, которая выступала критерием допустимости вмешательства органов государства в частную сферу, определялась положением: «во всех случаях, когда отдельное лицо собственными силами и средствами не может создать таких условий безопасности и благосостояния, без которых развитие его невозможно, на помощь ему должна явиться деятельность других, называемая полицейской» [5, с. 17].

И. Т. Тарасов определял принуждение как деятельность администрации, посредством которой устраняется и подавляется сопротивление, встречаемое администрацией при исполнении ею законных задач [16, с. 67], и отводил принуждению важнейшую роль в государственном управлении. Государствовед подчеркивал, что государство наделено «правом принуждения», либо «правом принудительной власти» – совокупностью принудительных мер, на применение которых уполномочены законом администрация и полиция. При этом И. Т. Тарасов подчеркивал, что границы и условия осуществления принуждения со стороны административной и полицейской власти должны быть четко предусмотрены законодательством.

М. Н. Палибин относил принуждение к деятельности полиции, полагая, что деятельность правительства по созданию и обеспечению условий безопасности и благосостояния [16, с. 2] (полицейская деятельность в узком смысле) невозможно осуществлять без принудительных мер. К таким мерам он относил личное задержание, производство домовых обысков и выемок, арест имущества, вскрытие частной корреспонденции [16, с. 30].

Таким образом, анализ теоретического наследия отечественных государствоведов конца XIX – начала XX в. в контексте вопросов, касающихся сущности государственного принуждения, позволяет сделать выводы о том, что государственное принуждение рассматривалось ими как необходимость, выступающая способом воздействия на общественные отношения для установления социального и правового порядка (В. А. Гаген, В. М. Гессен, Н. М. Коркунов, И. Т. Тарасов, И. Е. Андреевский), а также как средство разрешения конфликтов, когда интересы отдельного индивида противоречат интересам общества в целом и появляется потребность в регулировании общественных отношений посредством волевого, целенаправленного воздействия на социальное поведение со стороны государства, результатом которого становится состояние подчинения социального субъекта государству (П. И. Новгородцев, Л. А. Тихомиров, А. С. Алексеев). В рамках науки полицейского права государствоведами была обоснована важная мысль о том, что условия применения государственного принуждения и границы его применения должны быть зафиксированы в законе таким образом, который бы исключал возможность проявления личного усмотрения со стороны государственных органов при применении данных мер.

Список литературы:

1. Настольный энциклопедический словарь. 5-е изд. с доп. до 1901 г. Т. 8: Приматы – Сутана. Москва: Т-во бр. А. и. И. Гранат и К°, 1901. С. 4096.
2. Алексеев А. С. Безответственность монарха и ответственность правительства. М., 1907.
3. Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910.
4. Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М.,1895.
5. Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб., 1874. С. 17.
6. Гаген В. А. Учебник административного права. Ростов-н/Д., 1916.
7. Гаген В. А.Административная юстиция: конспект лекций, читанных студентам III курса юридического факультета Императорского Варшавского университета. В 1911–1916 гг. Ростов-н/Д, 1916.
8. Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901⌐1902 учебн. году в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902.
9. Козинникова Е. Н. Отечественное государствоведение конца XIX – начала XX в. о полицейской деятельности в чрезвычайных правовых режимах: Дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2023.
10. Козинникова Е. Н. Положение усиленной охраны как форма чрезвычайного правового режима в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи) [Электронный ресурс]: Материалы XVIII международной научной конференции. СПб., 29–30 апреля 2021 г. Часть I. СПб., 2021. С. 205–211.

11. Козинникова Е. Н. «Положение чрезвычайной охраны» как форма чрезвычайного правового режима в Российской империи в конце XIX–начале XX веков // Актуальные проблемы полицейского права: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Омск: Омская академия МВД России, 2021. С. 28–32.

12. Козинникова Е. Н. Российская полицеистика конца XIX – начала XX века об административной высылке как мере обеспечения действия исключительного положения // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России). Материалы XX международной научно-теоретической конференции. В 2-х частях. Часть I. СПб., 2023. С. 284–292.

13. Коркунов Н. М. Лекции по теории права. Изд. 8-е. СПб., 1909.

14. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Пособие к лекциям. Т. 1. Введение и общая часть / Под ред. и с доп. З. Д. Авалова, М. Б. Горенберга, К. Н. Соколова. Изд. 6. СПб., 1908.

15. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Т. III: Об общественном идеале. Вып. I / [Сочинение] П. Новгородцева. М., 1917.

16. Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 2. Общая часть. М., 1910. С. 67.

17. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Ч. 1: Происхождение и содержание монархического принципа. Москва: Унив. тип., 1905.

References:

1. Desktop encyclopedic dictionary. 5th ed. from supplement to 1901, vol. 8: Primates – Cassock. Moscow: Publishing House of br. A. I. I. Granat and Co., 1901. p. 4096.

2. Alekseev A. S. Irresponsibility of the monarch and responsibility of the government. Moscow, 1907.

3. Alekseev A. S. On the question of the legal nature of the monarch's power in a constitutional state. Yaroslavl, 1910.

4. Alekseev A. S. On the doctrine of the legal nature of the state and state power. Moscow, 1895.

5. Andreevsky I. E. Police law. St. Petersburg, 1874. p. 17.

6. Hagen V. A. Textbook of administrative law. Rostov-N.D., 1916.

7. Hagen V. A. Administrative justice: a summary of lectures given to third-year students of the Faculty of Law of the Imperial Warsaw University. In 1911-1916 . Rostov-n/A, 1916.

8. Gessen V. M. From lectures on police law given in the 1901-1902 academic year. year at the Alexander Military Law Academy. St. Petersburg, 1902.

9. Kozinnikova E. N. Domestic political science of the late XIX – early XX century. on police activity in emergency legal regimes: Dis. ... kand. jurid. sciences'. St. Petersburg, 2023.

10. Kozinnikova E. N. The provision of enhanced security as a form of emergency legal regime in the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX century // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 300th anniversary of the Russian Empire) [Electronic resource]: Proceedings of the XVIII International Scientific Conference. St. Petersburg, April 29-30, 2021 Part I. St. Petersburg, 2021. pp. 205-211.

11. Kozinnikova E. N. "The state of emergency protection" as a form of emergency legal regime in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries // Actual problems of police law: proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the entry into force of Federal Law No. 3-FZ dated February 7, 2011 "On the police." Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. pp. 28□32.

12. Kozinnikova E. N. Russian political science of the late 19th – early 20th century on administrative expulsion as a measure to ensure the operation of an exceptional provision // State and Law: evolution, current state, development prospects (dedicated to the 25th anniversary of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Materials of the XX international scientific and theoretical conference. In 2 parts. Part I. St. Petersburg, 2023. pp. 284-292.

13. Korkunov N. M. Lectures on the theory of law. Ed. 8th St. Petersburg, 1909.

14. Korkunov N. M. Russian state law. Lecture guide. Vol. 1. Introduction and general part / Ed. and with additions by Z. D. Avalova, M. B. Gorenberg, K. N. Sokolov. Ed. 6. St. Petersburg, 1908.

15. Novgorodtsev P. I. Introduction to the philosophy of Law. Vol. III: About the social ideal. Issue. I / [Essay] P. Novgorodtseva, M., 1917.

16. Tarasov I. T. Lectures on police (administrative) law. Vol. 2. General part. Moscow, 1910. P. 67.

17. Tikhomirov L. A. Monarchical statehood. Part 1: The origin and content of the monarchical principle. Moscow: Univ. tip., 1905.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_32

УДК 340.12

ИДЕНТИЧНОСТЬ, ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ И ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК В КОНЦЕПЦИИ А-ЗАКОННОСТИ Г. ЛИНДАЛЯ
IDENTITY, INDIVIDUALIZATION AND LEGAL ORDER IN CONCEPT OF A-LEGALITY BY H. LINDAHL

САВЕНКОВ Артем Александрович,
кандидат юридических наук, директор правового и корпоративного развития АО «НАСК»,
докторант Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: artyomhabil@yandex.ru;

SAVENKOV Artyom Alexandrovich,
PhD in Law, Director of Legal and Corporate Development, NASK JSC,
Post-Doctoral student at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: artyomhabil@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуется концепция а-легальности Г. Линдаля как ответ на вызовы, с которыми сталкиваются традиционные правовые категории в условиях глобализации, цифровизации и трансформации социально-экономических реалий. Автор анализирует линдалевский подход, синтезирующий феноменологию (М. Мерло-Понти) и теорию права, который предлагает рассматривать правопорядок не как статичную систему норм, а как динамический процесс установления границ. Особое внимание уделяется понятию а-легальности, объясняющему «пограничные» явления (криптовалюты, трансграничные данные), не подпадающие под бинарные схемы «легальное/нелегальное». Критически оценивается вклад Линдаля в преодоление государственно-центричных парадигм и разработку плюралистической модели права, учитывающей конфликты юрисдикций и новые формы нормативности. Подчеркивается методологическая ценность его концепции для анализа современных правовых трансформаций, однако отмечается ее недостаточная проработанность в определении специфики права относительно иных нормативных систем. Статья акцентирует необходимость дальнейших исследований для интеграции линдалевского подхода в общую теорию права.*

Abstract: *The article examines the concept of legality by H. Lindahl as a response to the challenges faced by traditional legal categories in the context of globalization, digitalization and transformation of socio-economic realities. The author analyzes the Lindahl approach, which synthesizes phenomenology (M. Merleau-Ponty) and the theory of law, which suggests considering the rule of law not as a static system of norms, but as a dynamic process of setting boundaries. Special attention is paid to the concept of a-legality, which explains "borderline" phenomena (cryptocurrencies, cross-border data) that do not fall under the binary "legal/illegal" schemes. Lindahl's contribution to overcoming state-centric paradigms and developing a pluralistic model of law that takes into account conflicts of jurisdiction and new forms of normativity is critically evaluated. The methodological value of his concept for the analysis of modern legal transformations is emphasized, however, its lack of elaboration in determining the specifics of law in relation to other regulatory systems is noted. The article highlights the need for further research to integrate the Lindahl approach into the general theory of law.*

Ключевые слова: *Линдаль, концепция а-законности, легитимность, правовой порядок, глобализация, границы права, коллективные действия, Мерло-Понти.*

Keywords: *Lindahl, the concept of a-legality, legitimacy, legal order, globalization, boundaries of law, collective action, Merleau-Ponty.*

Для цитирования: *Савенков А.А. Идентичность, индивидуализация и правовой порядок в концепции а-законности Г. Линдаля // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 32-35. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_32.*

For citation*: Savenkov A.A. Identity, individualization and legal order in concept of a-legality by H. Lindahl // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 32-35. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_32.*

Статья поступила в редакцию: 27.07.2025

В современных условиях традиционные правовые категории, выработанные в рамках классических парадигм юриспруденции, столкнулись с беспрецедентными вызовами [2]. Возникновение принципиально новых социальных, экономических и технологических реалий - от цифровых валют до миграции, вызываемой изменениями климата на Земле, - поставило под вопрос саму возможность применения классических бинарных схем «легальное/нелегальное». Именно в этом контексте концепция а-легальности Г. Линдаля приобрела особую актуальность, предложив принципиально новый взгляд на природу правопорядка.

Причем в подходе Линдаля предлагается существенное обновление традиционного понятийного языка теории права при обсуждении такой важной темы, как законность и правопорядок. В.С. Горбань пишет: «Из представления о теории права как конкретном историческом явлении следует и другая чрезвычайно важная проблема общественных наук, в частности юридических. Она заключается в характере их понятийного языка, в наборе тем и средств выразительности» [1, с. 107].

Ключевая ценность концепции а-легальности заключается в ее способности объяснить те нормативные феномены, которые существуют в своеобразной «серой зоне» - не будучи ни легальными, ни нелегальными в традиционном понимании. Возьмем, к примеру, статус криптовалют: они не являются деньгами в юридическом смысле, но и не могут быть однозначно отнесены к запрещенным финансовым инструментам. Подобные «пограничные явления требуют нового концептуального аппарата, который и предлагает Линдаль через понятие а-легальности.

Феноменологическая основа этой концепции, восходящая к работам М. Мерло-Понти, позволяет рассматривать право не как статичную систему норм, а как динамический процесс постоянного переопределения границ. Такой подход особенно важен в цифровую эпоху, когда традиционные территориальные юрисдикции теряют свое значение. Например, регулирование трансграничных потоков данных или деятельности глобальных платформ невозможно адекватно осмыслить в рамках классических правовых парадигм.

Примечательно, что концепция а-легальности находит применение не только в теоретических исследованиях, но и в практической

юриспруденции. Она помогает анализировать: конфликты юрисдикций в международном праве, правовой статус новых технологических феноменов, нормативные коллизии в условиях глобализации.

Более того, эта концепция позволяет по-новому взглянуть на традиционные правовые институты. Так, понятие суверенитета в свете теории а-легальности предстает не как абсолютная категория, а как постоянно оспариваемая и переопределяемая граница нормативного порядка.

Именно эта способность концепции а-легальности служить связующим звеном между философской рефлексией и актуальными правовыми вызовами объясняет ее растущую популярность в современной юридической науке. Она предлагает не просто новый термин, но целостную методологическую перспективу для осмысления трансформаций правопорядка в XXI веке.

Основные идеи своей концепции голландский правовед Г. Линдаль, занимающий в настоящее время должность заведующего кафедрой глобального права на юридическом факультете Лондонского университета королевы Марии (ранее – профессор философии права в Тилбургском университете, Нидерланды), опубликовал монографию «Линии разлома глобализации: легальный порядок и политика а-легальности» [5].

В данном труде Линдаль разрабатывает оригинальную концепцию правового порядка, синтезирующую методологические принципы юридического позитивизма и феноменологического подхода. Центральным тезисом его исследования является утверждение о ключевой роли границ и предельных значений в конституировании правового порядка как специфической формы нормативного регулирования.

Ученый обосновывает идею *правовых порядков во множественном числе от первого лица*, подчеркивая, что установление границ представляет собой имманентное свойство любого нормативного порядка, претендующего на легитимность. Согласно его теории, демаркация пределов правовой системы не только обеспечивает ее когерентность, но и выступает необходимым условием ее нормативного функционирования в условиях глобализации, характеризующейся возрастающей правовой плюральностью и конфликтом юрисдикций.

Исследование Г. Линдаля *«Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality»* представляет собой фундаментальное исследование в области философии права и глобальных правовых исследований. В ней автор критически анализирует традиционные концепции правового порядка в условиях глобализации, предлагая альтернативную теоретическую модель.

Линдаль, в частности, подвергает сомнению универсалистские трактовки права, характерные для классического позитивизма и естественно-правовых теорий. Он утверждает, что глобализация обнажает «линии разлома» (fault lines) в правовых системах, выявляя зоны а-легальности (a-legality) – ситуации, в которых действия или нормы не подпадают четко ни под легальные, ни под нелегальные категории.

Опираясь на идеи Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти, Линдаль рассматривает право не как статичную систему норм, а как динамический процесс *разграничения* (boundary-setting). Правопорядок, по его мнению, формируется через постоянное проведение границ между легитимным и нелегитимным, внутренним и внешним, правовым и неправовым.

Разрабатывая концепцию «правовых порядков во множественном числе», Линдаль предлагает отказаться от монистического понимания права в пользу плюралистической модели, где сосуществуют конкурирующие нормативные системы (национальные, международные, транснациональные). Ключевой вопрос: как различные правовые порядки определяют свои границы и легитимируют себя перед лицом альтернативных нормативных систем?

Автор вводит понятие *а-легальности* (a-legality) – состояния, в котором действия или нормы не могут быть однозначно квалифицированы в рамках существующего правопорядка (например, киберпространство, миграция, глобальные корпорации). А-легальные явления требуют от права постоянной адаптации и переосмысления своих границ.

Работа Линдаля вносит вклад в дискуссии о природе суверенитета, легитимности и границ права в эпоху глобализации. Она находится на стыке философии права, политической теории и международных отношений, предлагая новый концептуальный аппарат для анализа транснациональных правовых процессов.

«Fault Lines of Globalization» представляет собой значимую попытку переосмыслить традиционные парадигмы юридической науки в контексте современных вызовов, связанных с фрагментацией правовых систем и появлением новых форм нормативности.

Г. Линдаль предлагает радикально новое прочтение природы правопорядка в условиях глобализации, опираясь на ключевые идеи М. Мерло-Понти [7-9]. Если традиционные теории права (позитивизм, естественно-правовые доктрины) рассматривают право как статичную систему норм или универсальных принципов, то Линдаль, вслед за Мерло-Понти, понимает его как динамический процесс конституирования границ через перцептивный и интерсубъективный опыт. Этот подход позволяет объяснить, почему в эпоху глобализации правовые системы сталкиваются с кризисом легитимности и как возникают зоны а-легальности – пространства, не поддающиеся однозначной юридической квалификации.

Мерло-Понти, критикуя картезианский дуализм, утверждал, что сознание не противопоставлено миру, а «воплощено» в нем через тело – именно телесный опыт задает структуру восприятия реальности. Линдаль переносит этот тезис в правовую плоскость:

- правопорядок не существует как набор текстов или институтов, но как совокупность практик, которые «переживаются» субъектами. Например, закон о миграции становится реальным только в момент его применения на границе, где мигрант сталкивается с явленностью пограничного контроля;

- границы права – не линии на карте, а зоны перцептивного напряжения. Как у Мерло-Понти граница между «я» и миром подвижна, так и у Линдаля юридические демаркации (например, между национальным и международным правом) постоянно пересматриваются через конфликты интерпретаций.

Этот подход объясняет, почему глобализация дестабилизирует право: она вводит новые «телесности» (корпорации, цифровые субъекты, экологические движения), которые не вписываются в традиционные рамки.

Для Мерло-Понти восприятие всегда ситуативно – один и тот же объект может быть «вещью» или «фоном» в зависимости от позиции наблюдателя. Линдаль использует эту идею для анализа а-легальности.

А-легальные феномены (например, киберпространство) – это «слепые пятна» права, которые не могут быть однозначно классифицированы. Они подобны мерло-понтианскому «пределу поля восприятия» – тому, что есть, но не схватывается в текущем нормативном горизонте.

Право реагирует на а-легальность не через включение/исключение, а через переопределение своих границ. Например, общий регламент по защите данных – попытка «увидеть» цифровую идентичность как новый объект регулирования, что требует перестройки всей системы перцептивных рамок права.

Мерло-Понти вводит понятие «интеркорпоральности» – взаимопроникновения телесных опытов, создающих общий мир. Линдаль применяет это к глобальному праву. Конфликты юрисдикций (например, между ЕСПЧ и национальными судами) – это не столкновение норм, а борьба альтернативных «способов восприятия» справедливости. Легитимность права зависит от его способности учитывать множественность интеркорпоральных связей.

Линдаль, синтезируя Мерло-Понти с юридической теорией, предлагает феноменологическую модель глобального правопорядка, в которой право – не система, а перформативный акт проведения границ, где текст закона вторичен по отношению к его воплощению в практиках. А-легальность – не аномалия, а условие развития права, заставляющее его расширять перцептивные рамки (например, признание прав искусственного интеллекта или экосистем).

Глобализация, согласно линдалевской концепции, делает неизбежным плюрализм правопорядков, так как единая «телесность» мира невозможна – отсюда и «линии разлома».

Таким образом, Линдаль не просто использует Мерло-Понти для описания права, но показывает, что сама материальность глобальных конфликтов требует феноменологического переосмысления юридических категорий. Это ставит под вопрос традиционные теории суверенитета и открывает путь для новых форм легитимности.

Концепция Линдаля ставит перед собой методологическую задачу разработки общей теории правопорядка, основанной на принципе «первого лица множественного числа» (терминология, заимствованная у видного теоретика права Берта ван Рурмунда [10, 11]). Речь идет о концептуализации правопорядка как коллективного «мы», в рамках которого множественные субъекты осуществляют совместную нормативную деятельность [5, p. 4].

Согласно Линдалю, именно анализ коллективных действий правовых сообществ позволяет выявить базовые параметры понимания правопорядка, включая его границы, предельные значения и линии разлома. При этом предлагаемая модель претендует на преодоление государство-центричной парадигмы, которая, по мнению автора, продолжает доминировать в социологических и нормативных исследованиях глобализации.

Фундаментальным элементом данного теоретического подхода выступает радикальная переориентация правовой теории. Линдаль констатирует традиционную сосредоточенность юридической науки на проблеме идентичности права - вопросе о том, что объединяет множество правовых норм в единый нормативный порядок. Его исследовательская программа предполагает смещение акцентов с этой проблематики, что аргументируется двумя ключевыми тезисами.

Концепция Линдаля осуществляет эпистемологический сдвиг в теории правопорядка, предлагая радикальную переориентацию от традиционной парадигмы юридического монизма к плюралистической модели коллективной нормативности.

Рурмунд, на которого опирается Линдаль, в своей работе разрабатывает феноменологическую теорию коллективной правосубъектности, где право понимается не как внешний регулятивный механизм, а как имманентная форма совместного бытия-в-праве (being-in-law). Линдаль развивает этот подход, утверждая, что правопорядок конституируется через перформативные акты коллективного самоопределения («мы-утверждения»), которые одновременно устанавливают и постоянно пересматривают границы нормативного пространства.

Критический пафос концепции Линдаля направлен против двух доминирующих тенденций в современной теории права: государственно-центричного позитивизма, редуцирующего право к иерархии норм, и глобалистского конструктивизма, растворяющего право в транснациональных дискурсах

Альтернативой выступает феноменологически обоснованная модель «права как совместного действия», где нормативность возникает из интерсубъективных практик разграничения, легитимность производна от процессуальности коллективного самоопределения, границы понимаются как динамические зоны нормативного напряжения.

Работа Рурмунда служит важным теоретическим основанием для этого подхода, разрабатывая онтологию коллективной правосубъектности, концепцию «нормативного горизонта» как условия возможности правопорядка, критику метафизических оснований юридического монизма.

Таким образом, линдалевская концепция представляет собой синтез: феноменологического анализа коллективной нормативности (Рурмунд), критической теории глобального правопорядка, постпозитивистской философии права.

Это позволяет предложить новую исследовательскую программу для изучения правовых трансформаций в условиях глобализации, преодолевающую ограничения как этатистских, так и космополитических подходов.

По замыслу Линдаля, если порядок, заимствуя кантовскую формулировку, является единством многообразного, то проблема правового порядка не может быть только проблемой единства множества норм, как считает Кельзен [3] и многие другие. Не менее важно, как правопорядок проявляет себя как единство по отношению к каждому из нормативных аспектов поведения, регулируемых законом [5, p. 16].

С феноменологической точки зрения, закон, как нормативный порядок, устанавливает отношения между местами, между субъектами, между временами и между действиями - содержаниями - и объединяет эти четыре вида отношений как измерения единого порядка поведения, так что определенные действия определенных лиц разрешаются или запрещаются в определенное время и в определенных местах [5, p. 16].

В рамках чистого учения о праве Г. Кельзен разрабатывает концептуальное различение между двумя типами правовых порядков. Эта дихотомия служит не просто классификационным инструментом, но выполняет ключевую методологическую функцию в его теории. Ограниченные правовые порядки, по Кельзену, характеризуются конкретными пространственно-временными и содержательными границами, что соответствует эмпирической реальности национальных правовых систем. В противоположность этому, концепция неограниченного правового порядка представляет собой теоретическую абстракцию, позволяющую рассматривать право как автономную нормативную систему, независимую от внешних социальных и политических детерминант.

Значение кельзеновской концепции неограниченного порядка выходит за рамки чисто теоретической конструкции. Она выполняет три важнейшие функции: 1) служит методологическим основанием для разработки общей теории права; 2) обеспечивает критерий для различения правовых и неправовых нормативных систем; 3) позволяет обосновать единство правового порядка через основную норму.

Однако именно эти теоретические преимущества становятся предметом критики со стороны Линдаля, который выявляет внутренние противоречия данной концепции [4, 6].

Линдаль подвергает сомнению саму возможность существования неограниченного правового порядка, аргументируя свою позицию следующими тезисами: нормативность права по определению предполагает существование границ между дозволенным и запрещенным, универсальный правовой порядок лишается критериев для такого разграничения, практика правового регулирования всегда осуществляется в условиях плюрализма правовых систем. Эта критика приводит Линдаля к необходимости пересмотра традиционной постановки проблемы правового единства.

Совершая методологический поворот, Линдаль предлагает заменить вопрос о формальном единстве правового порядка (проблема идентичности) вопросом о критериях различения правовых систем (проблема индивидуации). Такой подход позволяет преодолеть абстрактность кельзеновской модели, учесть реальную сложность современных правовых систем, разработать аналитический инструментарий для исследования взаимодействия различных правовых порядков.

Разработанная Линдалем концепция открывает новые возможности для понимания современной правовой реальности. Акцент на процессах дифференциации и взаимодействия правовых систем дает возможность анализировать механизмы правового плюрализма, исследовать границы юридического суверенитета в условиях глобализации, разрабатывать новые модели правовой интеграции.

Предложенный Линдалем подход, несмотря на указанные нерешенные вопросы, представляет значительный интерес для современной юриспруденции, поскольку проблематизирует традиционные критерии правовой идентичности, предлагает новый ракурс рассмотрения нормативных конфликтов, а также создает методологическую основу для междисциплинарных исследований нормативных систем

Требует дальнейшей разработки вопрос о том, как совместить радикальный критический потенциал линдалевского подхода с необходимостью позитивного определения специфики правовой нормативности.

Список литературы:

1. Горбань В.С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25, № 1. С. 107-127. DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107.
2. Савенков А.Н. Новый технологический уклад и социогуманитарные вызовы // Государство и право. 2025. № 1. С. 14-36. DOI 10.31857/S1026945225010017.
3. Kelsen H. Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966; herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. 826 S.
4. Lindahl H. Authority and the globalisation of inclusion and exclusion. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 474 p,
5. Lindahl H. Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality, Oxford University Press, Oxford, 2013. 286 p.
6. Lindahl H. The opening: alegality political agonism // Law and agonistic politics. Farnham [u.a.]: Ashgate, 2009. P. 57-70.
7. Merleau-Ponty M. Phénoménologie de la perception. Paris: Gallimard, 1945. 531 p.
8. Merleau-Ponty M. Signs. 6. print. - Evanston: Northwestern univ. press, 1978. 355 p.
9. Merleau-Ponty M. Texts and dialogues; Ed. a. with an Introd. by Hugh J. Silverman a. James Barry Jr.; Transl. by Michael B. Smith et al. New Jersey; London: Humanities press, 1992. 207 p.
10. Roermund B. First-person Plural Legislature: Political Reflexivity and Representation // Philosophical Explorations, 6(3), 2003. P. 235-250.
11. Roermund B. Objectifying Legal Norm Claims: Validity and Self Reference // John Gardner, Leslie Green & Luis Duarte de Almeida, (eds), The Pure Theory of Law Revisited: The Jurisprudence of Hans Keisen. Oxford University Press 2012. P. 11-41.

References:

1. Gorban V.S. The role of historiography in the philosophy of law and the formation of the conceptual language of modern legal theory // Antinomies. 2025. Vol. 25, No. 1. pp. 107-127. DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107.
2. Kelsen H. Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966; herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. 826 S.
3. Lindahl H. Authority and the globalisation of inclusion and exclusion. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 474 p,
4. Lindahl H. Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality, Oxford University Press, Oxford, 2013. 286 p.
5. Lindahl H. The opening: alegality political agonism // Law and agonistic politics. Farnham [u.a.]: Ashgate, 2009. P. 57-70.
6. Merleau-Ponty M. Phénoménologie de la perception. Paris: Gallimard, 1945. 531 p.
7. Merleau-Ponty M. Signs. 6. print. - Evanston: Northwestern univ. press, 1978. 355 p.
8. Merleau-Ponty M. Texts and dialogues; Ed. a. with an Introd. by Hugh J. Silverman a. James Barry Jr.; Transl. by Michael B. Smith et al. New Jersey; London: Humanities press, 1992. 207 p.
9. Roermund B. First-person Plural Legislature: Political Reflexivity and Representation // Philosophical Explorations, 6(3), 2003. P. 235-250.
10. Roermund B. Objectifying Legal Norm Claims: Validity and Self Reference // John Gardner, Leslie Green & Luis Duarte de Almeida, (eds), The Pure Theory of Law Revisited: The Jurisprudence of Hans Keisen. Oxford University Press 2012. P. 11-41.
11. Savenkov A.N. A new technological order and socio-humanitarian challenges // State and Law. 2025. No. 1. pp. 14-36. DOI 10.31857/S1026945225010017.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_36

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСЦИПЛИН
JURISPRUDENCE IN THE SYSTEM OF SOCIAL DISCIPLINES

РЫЖИК Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор ГКОУ ВО «Российская таможенная академия».
ул. Знаменская, д.39, г. Москва, 107392, Россия.
E-mail: aspirant8381@mail.ru;
RYZHIK Andrey Vladimirovich,
Doctor of Law, Professor State Treasury Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy".
Znamenskaya street, 39, Moscow, 107392, Russia
E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена роли правовой науки в системе общественных дисциплин. Юриспруденция как концентрированное выражение, проекция государства и права неотделима от них. Чем выше уровень её внедрения в организационно-управленческую деятельность государства и права, тем выше их эффективность.*

Abstract: *The article is devoted to the role of legal science in the system of social disciplines. Jurisprudence as a concentrated expression, projection of the state and law is inseparable from them. The higher the level of its implementation in the organizational and managerial activities of the state and law, the higher is their effectiveness.*

Ключевые слова: *государство, право, политика, общественные науки, юриспруденция, наукометрия, целесообразность, справедливость.*

Keywords: *state, law, politics, social sciences, jurisprudence, scientometry, expediency, justice.*

Для цитирования: *Рыжик А.В. Юриспруденция в системе общественных дисциплин // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 36-39. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_36.*

For citation*: Ryzhik A.V. Jurisprudence in the system of social disciplines // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 36-39. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_36.*

Статья поступила в редакцию: 17.08.2025

Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Любой субъект, ведущий научное исследование (даже Робинзон на необитаемом острове, ученый в закрытой лаборатории) являются продуктами социальной и культурной жизни, несут «родимые» пятна. Направленность их действий во многом предопределена государственной политикой, стратегическими планами, установками, приоритетными направлениями развития страны, предпочтениями руководства, выделенными средствами и т.д. Субъект и объект тесно взаимодействуют. Важно избежать абсолютизации как их тождества, так и их противопоставления. В противном случае может возникнуть ситуация, о которой писал Ф. Ницше: «Тот, кто борется с чудовищем, должен остерегаться, чтобы и самому не превратиться в чудовище. И если ты долго глядишь в пропасть, то и пропасть также проникает взором в тебя» [1, с.85]. В области естественных и технических наук субъективирование объекта исследования значительно меньше, чем общественных (хотя даже советская история знает массу примеров борьбы с различными буржуазными «лженауками»: генетикой, кибернетикой и др.). Природа объективно не зависит от человека и нуждается лишь в защите от него через продуманную экологическую политику «зеленого общества». С.Л. Франк писал: «И к человеческой природе применимы слова Бэкона: natura parendo vinticur: овладеть природой можно только подчиняясь ей» [2, с. 455].

В обществе действуют объективные причинно-следственные и вероятностные связи. Социальные законы в большинстве своем – это законы-тенденции, определяющие основное направление движения в разрезе эпох и столетий. Они в значительной степени вероятностны, вариативны, суммируются в закономерности. Ускорить, либо замедлить их наступление может властная элита и народные массы [3, с. 6–9]. Социальный мир – результат творческого, конвенционального гения человечества, созданный по его образцу и подобию. По мнению проф. В.Н. Жукова, не наука, а политическая практика создала современное государство, показав его преимущества [4, с. 9].

Истины социальных наук происходят как правило из области субъективного мировосприятия, договора, конвенции, желания, предубеждения, заблуждения, намерения. Они лишь опосредованно влияют на уровень материальной жизни общества через идеологию, обучение, воспитание, формирование гражданственности, патриотизма. Социальные науки могут нести свободомыслие и критику власти, обосновывать её легальность и легитимность, законность и демократизм. Однако отказ от их мировоззренческо-научной основы, переписывание истории нашего героического прошлого в годы Великой Отечественной войны заводит «потерянное поколение» в болото национализма, неофашизма, потребительства, ненависти, что мы видим на примере современной Украины, некоторых стран Западной Европы и США.

Социальная наука в значительной степени антропоморфна, производна от человека, его сознания, психологии, физиологии, компетентности и сферы деятельности [5, с. 37, 44]. Человеческая форма социальности (включая право), рукотворна, искусственна как феномен культуры, и не может быть признана естественным образованием, абсолютно объективным (А.В. Поляков). Этнос, национальные традиции, система образования и воспитания, персонифицированный лидер, правящая элита обуславливают её направленность. Мир культуры неоднороден, поэтому существуют различные типы совместимой и несовместимой социальности, а общественные науки, в условиях плюрализма, содержат разные возможности для смены направлений, движения государства, парадигм, курсов.

Исследователь социальных отношений, являясь его участником, включен прямо или опосредовано в изучаемые предметы и процессы. Это происходит через призму определенных мировоззренческих, методологических, национальных, религиозных, классовых, корпоративных, групповых, ценностных, профессиональных установок ученого. Кроме этого, он должен учитывать мнение научного руководителя (консультанта),

кафедры, института, рецензентов, оппонентов, ученого совета, ведущих ученых и др. Все это так или иначе включается в результат. Поэтому очень сложно встать на позицию полностью незаинтересованного наблюдателя, стремящегося только к истине. Здесь нужно помнить, что коммуникативный диалог «с другим» является единственной возможностью познавательного процесса в плане достижения объективного результата [6, с. 379–380]. Однако истина и прагматизм могут вступать в противоречие в научном исследовании, поставить автора перед выбором.

Интересную проблему духовной буржуазности в русской науке поднимал ещё в 1926 году Н.А. Бердяев. Она и сегодня не потеряла своей актуальности. По мнению автора, буржуа-ученый (где буржуазность понимается прежде всего не как социальная, экономическая, а как духовная категория), «хочет казаться и бессилен быть. Он живет не творческой онтологической силой своей личности, а кажущейся и призрачной силой той косной духовной среды, в которой он занял «положение» или хочет занять. Кризис современного российского правоведения – это грозный симптом той буржуазно-либеральной болезни, не излечившись от которой можно получить пожизненную инвалидность» [7, с. 8].

Представляется, что общественным наукам прежде всего не хватает научности, точности, правдивости, смелости, воплощения обещаний, предсказаний, конкретных рекомендаций по совершенствованию общества. Пока что, вера в них на массовом (очевидно, и на официальном) уровнях в значительной степени утрачена. Они предстают как любопытные факты, интересные мифы, утопии, учения, объясняющие, почему прогноз не оправдался, кто виноват и что делать. Отсутствует четкий научный критерий истинности, правильности, полезности, просчитанности, перспективности гуманитарных научных теорий. Попытки их реализации на практике привели, в основном, к негативным результатом в России, которые не стоили затраченных жертв, сил и средств (Октябрьская революция, гражданская война, сталинские репрессии, создание (а затем и уничтожение) мировой системы социализма, помощь России всем «братским» странам, разрушение Советского Союза, роспуск Варшавского договора, объединение Германий, либерализация экономики, приватизация общенародной собственности, увлечение западной «демократией», заключение Минских соглашений и др.). Это требует осмысления, объективных выводов и взвешенных решений. Пока говорят, что время, практика все покажут, история (либо Бог) все рассудит (а люди все забудут). Ждем, готовы менять вывески и оценки. Можно ли сказать что-то новое в общественных науках? Очевидно, нужно вспомнить старую истину, что новое – это хорошо забытое старое. Нужно помнить историю и учиться на чужих ошибках (хотя бы на своих). Пока не просматриваются современные титаны общественной мысли, у которых хотелось бы учиться, и теории которых целесообразно бы претворять в жизнь. Проблема качества образования отстает от предлагаемого количества. Из школы и вуза уходит квалифицированный, одержимый учитель и преподаватель с «горящими глазами», обнищавший и забюрократизированный. В науку идет уже не «середняк» (в 80-е годы XX вв. на философском факультете ЛГУ им. А.А. Жданова, где посчастливилось учиться в аспирантуре, бытовало выражение, если раньше «середняк» шел в аспирантуру, то теперь, в докторантуру), сейчас можно сказать, что туда устремился уже «бедняк». Происходит отчуждение от науки, ввиду отсутствия результатов, реализуемых на практике, отсутствия заинтересованности, падения престижа. Вопросов больше, чем ответов. Как оценить научный вклад ученого? Пока он относительный, связанный преимущественно с количественными показателями (степенью, званием, должностью, доступом к власти), официальным признанием, наградами, наукометрией (библиометрией), включающими публикационную активность, в т.ч. в Scopus, в рейтинговых изданиях.

Особое место в системе общественных дисциплин занимает **юриспруденция**. Правоведение входит в её состав как ведение, знание права (хотя чаще всего они понимаются как синонимы). По мнению проф. Л.И. Петражицкого, юриспруденция – это «весьма древняя наука и ученая профессия». Это характерный спутник правовой жизни на таких ступенях культуры, когда о появлении и развитии научно-теоретического знания и исследования еще не может быть и речи. Правоведение занимает *особое и исключительное положение* (выделено мной – А.Б.), представляя гипертрофированную ветвь знания, имеющую раннее развитие и обильное процветание на почве права [8, с. 185].

Юриспруденция, будучи качественной характеристикой, проекцией государства и права, неотделима от них. Она включает содержательно-формальную часть исторически определенного социально-национально-культурного долженствования. Юридическая наука влияет на государственную стратегию, правотворчество, законодательное регулирование, правореализацию, объем прав и обязанностей субъектов права, обеспечение законности и правопорядка, формирование кадрового потенциала. По сравнению с другими общественными дисциплинами больше всего задействована в государственно-властной деятельности, содействует и зависима от неё.

Юриспруденция в широком смысле слова – это вся система накопленных и сохранившихся знаний о государстве и праве (мифологических, религиозных, утопических, научных), юридической практики, процесса, правосознания, культуры (правомерной и противоправной), обучения, воспитания, профессиональной юридической подготовки, институциализации и объективирования текстуального выражения. Узкое понятие связано с наукой, причинно-следственными связями, механизмом правового регулирования, социальным заказом, целесообразностью и результативностью. Включает систему юридических наук. Для студентов, магистрантов, аспирантов юридических специальностей – система юридических дисциплин, определенных в учебных планах. Безусловно, юриспруденция стремится к научности во всех своих аспектах, не отказываясь от усиливающих её факторов (риторики, геральдики, музыки, ораторского искусства, психологической, физической, духовно-нравственной подготовки), способствующих достижению социально значимых результатов.

Своему возникновению она обязана появлению государства и права, истоки которых кроются в социально-биологической природе человека, нуждающегося в управлении, организации и охране. Будучи способом закрепления и сохранения власти, собственности, владения, пользования, распоряжения, распределения, юриспруденция, влияющая на суверенитет, законность, правопорядок, стала частью государственной политики. По мнению российского дореволюционного профессора, доктора римского права И.А. Покровского: «Право есть не самоцель, а лишь средство для достижения некоторой цели; целесообразность есть существенное свойство права и его животворящее начало» [9, с. 33].

Право, как и юридический мир в целом – это особая абстрактная и конкретная реальность. Прежде чем надстраиваться над эмпириче-

ской действительностью, юридизировать и управлять ею, правовая жизнь в форме долженствования создается творческим, конвенциональным гением человечества в виде правовых понятий, догм, доктрин, аксиом, презумпций, фикций, симулякров, мемов, мифологем, физических, юридических лиц и др.

Развитие правовой науки начинается с Древнего Востока (Древнего Египта, Месопотамии, Хетской державы, Древнего и раннесредневекового (доисламского) Ирана и Древней Палестины), античности (Древней Греции и Древнего Рима), древних индийских, китайских, японских и монгольских правовых воззрений [10, с. 20].

Западная (римская) политико-правовая мысль относит возникновение светской юриспруденции к IV – нач. III в. до н.э. и связывает с именем Гнея Флавия, вольноотпущенника и писца римского патриция Аппия Клавдия Цека. Флавий похитил и опубликовал составленный Цеком сборник процессуально-правовых формул. Совокупность этих формул стала называться цивильным правом Флавия, а знатоки права – юристами [11, с. 4]. Проф. Л.И. Петражицкий считал, что юриспруденция существовала и процветала под другими наименованиями у разных народов задолго до появления древнеримской юриспруденции, в частности, у народов древнего культурного Востока: в Ассирии, Египте, у древних евреев и т.д., на почве соответствующего права, имевшего религиозный, сакральный характер. Поэтому древнееврейские книжники, были ничем иным как учеными юристами, знатоками древнееврейского сакрального и светского права [8. с. 185].

Духовной основой юриспруденции послужили древнеиндийские сокровищницы знаний Веды, Законы Ману, достижения древнекитайских мудрецов (Лао-цзы, Конфуция), древнегреческих философов (Гераклита, Пифагора, Демокрита, Сократа), древнеримских мыслителей (Тита Лукреция Кара, Цицерона, Павла, Цельса) и др. Так древние египтяне видели смысл права в образе богини справедливости Маат, древние индийцы – в Варуне, боге справедливости, древние греки – в Фемиде, древние китайцы – во всеобщем законе мироздания Дао. Первые знания о праве в систематической форме были изложены древнегреческими мыслителями Платоном и Аристотелем.

Появление правоведения обусловлено социальными потребностями, развитием правовых обычаев, унификацией, позитивацией права. Л.И. Петражицкий включал в состав деятельности ученой юриспруденции: критику (установление нормативных фактов положительного права); толкование (interpretation, комментирование, выяснение законодательного смысла норм права, устранение произвольного толкования); научную обработку права (создание общих понятий, приведение их в единую систему, и дедуктивные выводы частных, специальных положений из них) [8, с. 187–194]. Автор видел миссию позитивно-правовой, догматической юриспруденции в авторитетно-научной, беспристрастно-объективной работе невзирая на лица, чьи денежные, политические интересы сокращают «до минимума простор для разных индивидуальных мнений и конфликтов, тенденциозных толкований, произвола, попрания интересов слабых и проч.» [8, с. 194]. Он сравнивал юриспруденцию с математикой по точности понятий, наличию однообразно фиксированного шаблона, строгой дедуктивной последовательности мышления и доказательности своих положений [8, с. 194–195]. Французский философ А. Бергсон полагал, что интеллект как разумное и рассудочное познание, конструирующее искусственные картины мира, достигает высших форм в методах физико-математических наук, хотя и теряет свой неповторимый «жизненный порыв», основанный на интуиции [12, с.49].

Основное предназначение правовой науки – обслуживание (обоснование) и совершенствование государства и права. Процесс этот исторически неизбежный, объективно-субъективный, необходимый, закономерный и прогрессивный. Проблемы порядка, справедливости, равенства, свободы во все времена волновали и волнуют человека, как «расширенную личность», и общество, как «коллективный, общечеловеческий институт» (В.С. Соловьев).

С одной стороны, истоки и безразмерный резерв юриспруденции находятся в многомерности (неисчерпаемости) социальной материи, причинно-следственных и вероятностных государственно-личностных отношений, синергетичной неопределенности будущего, наличии противоречий, конфликтов, нуждающихся в цивилизованном разрешении благодаря механизму правового регулирования, обеспечивающему стабильность и развитие.

Юриспруденция – это межмультидисциплинарная дисциплина, направленная на решение юридически значимых проблем, выходящих за пределы права, преимущественно в политическую, экономическую и социальную области, и служащая инструментом их осуществления. Данные сферы связаны с достижением осязаемого результата: власти, богатства, привилегий, безопасности, комфорта.

Маховик права во все времена вращается прежде всего вокруг власти и собственности. По мнению дореволюционного российского юриста проф. П.И. Новгородцева, право – это продукт взаимодействия борьбы различных общественных сил. Поэтому оно никогда не может быть ни строго логическим, ни вполне совершенным и справедливым. Исходя из этого оно будет содержать в себе элементы партийности и несправедливости [13. С. 110]. Добро и правда эмоционально, субъективно пронизывают понятие справедливости в русском менталитете. Справедливость носит исторически изменяющийся социокультурный характер. К сожалению, справедливость надо завоевать и заслужить. По мнению проф. И.А. Ильина – это неодинаковое обхождение с неодинаковыми людьми, индивидуальное отступление, исключение, вытекающее из предметно-обоснованного неравенства, основанное на живой совести и живой любви к человеку. Это художественное, интуитивное начало, которое созерцает жизнь сердцем, улавливает своеобразие каждого человека, старается оценить его верно и обойтись с ним предметно [14. с. 236–240] . Как считал Аристотель: «Справедливость – понятие относительное и различается столько же в зависимости от свойств объекта, сколько и от свойств субъекта» [15. с. 459]. История дает примеры, когда несправедливость для народа, страны, государства, покрытая духом жертвенности, представляет большую ценность, чем «справедливый» беспорядок [6, с. 484]. Иногда справедливость приносится в жертву интересам порядка, выживания и такая жертва является более необходимой. «Людская справедливость не может быть абсолютной» [16. с. 32].

Особое место юриспруденции среди общественных дисциплин обусловлено тем, что именно она вбирает в себя концентрированные

интересы государства и права, выражает их в законодательно-научно-доктринальной форме, доказывает легальность и легитимность власти, демократизм политического строя, свободу народовластия. Правоведение тесно связано с политикой, экономикой, моралью, философией, логикой, психологией, религией, лингвистикой, культурой, педагогикой инновационными информационными технологиями.

Право имеет нормативный, ценностный, идеологический, искусственный и естественные грани. Это – сплав, органическая, комплексная, единая система знаний, мифов, иллюзий, технологий, мировоззренческих подходов, правовой аргументации, рационально-иррационального восприятия государственно-правовой действительности. Она представляет собой попытку через все многообразие сведений, концепций, опыта, на основе правовых норм, юридических фактов найти справедливое, правдивое, истинное решение. Партийность, народность, реализм (социалистический, либеральный, демократический, элитарный) юриспруденции требует от неё убедительности, яркости, доступности, опоры на понятные мифологемы, традиционные обычаи и образы, непосредственное психологическое восприятие, эмоциональность, созвучности ожиданиям, переживаниям, интересам народных масс и власти.

Основная надежда общества связана с точными науками, хотя роль гуманитарных – до сих пор так и не определена. Она часто сводится к субъективизму, выдумке, утопии, обслуживанию интересов властно-имущественных кругов. Если в естествознании можно проследить научную преемственность, то в гуманитарных науках (особенно в сфере убеждения) это сделать сложно.

Черты правоведения как науки: 1) система, комплекс знаний; 2) органическая целостность, взаимосвязанность и социальная обусловленность; 3) объективность, истинность, верифицированность;4) гуманистичность и практико-направленность; 5) способность переводить социальные законы и закономерности в юридические, своевременно отвечать на вызовы и противоречия времени; 6) основой, духовным фундаментом выступает философия права, методология права, социология права, конституционное право, макро- и микротеория государства и права.

Выводы

1. Юриспруденция является системным, концентрированным, преимущественно научно-политическим, качественным выражением государства и права, их справедливости, правды и истины.

2. Уровень правовой науки во многом зависит от степени её доктринальной, законодательной и правореализующей разработки, практического внедрения.

3. Юриспруденция, занимая особое место среди общественных дисциплин, создает государственные возможности, правовые рамки для их развития, опираясь на их мировоззренческую, концептуальную и методологическую базу. Их связи – прямо- и обратно пропорциональные, причинно-следственные и вероятностные.

4. Право (правоведение) – это не самоцель, а средство для достижения политических, властных, экономических, культурных, военных, образовательных интересов.

Список литературы:

1. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла; К генеологии морали: А. Николаева, Е. Воронцова, В. Вейнштока. / Предисл. Н.В. Рожина. – Мн.: Беларусь, 1992. – 335 с.
2. Франк, С.Л. Духовные основы общества. – М.: Респ.-ка, 1992. – 511 с.
3. Бочков, А.А. Методологические основы современной юриспруденции / А.А. Бочков, П.В. Гурщенков, Г.Ш. Бочкова // Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал. Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» 2021 № 1(21). С. 3–11.
4. Жуков, В.Н. Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. – С. 5 – 24.
5. Жуков, В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Природа научного метода. // Государство и право. 2020. № 10. С. – 36 – 44.
6. Поляков, А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. – 2-е изд., исправл. и доп. – Москва: Проспект, 2023. – 832 с.
7. Бердяев, Н.А. О духовной буржуазности // Путь. № 3. Париж, 1926. – С.3 – 13.
8. Петражицкий, Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности. – СПб.: Изд.-во «Лань», 2000. – 608 с.
9. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд.-е Юридического книжного склада «Право». Петроград, Литейный просп., 28. 1917 г. –327 с.
10. Клеандров, М.И. О недоправоспособности крионированных людей: нужен новый субъект права // Государство и право. 2020. № 5. – С. 19–31.
11. Демичев, Д.М. Понятие и предмет общей теории права. / Д.М. Демичев, А.А. Бочков Общая теория права: учебное пособие. – 2-е изд., испр. – Минск. – Вышэйшая школа, 2022. –С. 4 – 14.
12. Философский энциклопедический словарь Гл. ред.-ция: Л.Ф. Ильичев и др. М., «Сов. энц.-дия» 1983. – 840 с.
13. Новгородцев, П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 110; С. 103 – 113.
14. Ильин, И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 236 – 240.
15. Аристотель. Политика // Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. Т.4. М., 1984. – С. 375–644.
16. Морандьер, Ж.-Л. Де ла. Гражданское право Франции. Пер. и вступ. ст.: Флейшиц Е.А. Т. 1. М., Изд.-во «Иностр. лит.-ра» 1958. – 742 с.

References:

1. Nietzsche, F. Beyond good and evil; Towards the genealogy of morality: A. Nikolaeva, E. Vorontsov, V. Weinstock / Preface by N.V. Rozhin. Minsk.: Belarus, 1992. 335 p.
2. Frank, S.L. The spiritual foundations of society. – M.: Rep.-ka, 1992. – 511 p.
3. Bochkov, A.A. Methodological foundations of modern jurisprudence / A.A. Bochkov, P.V. Gurshchenkov, G.Sh. Bochkova // Law. Economy. Psychology. Scientific and practical journal. Educational institution "Vitebsk State University named after P.M. Masherov" 2021 No. 1(21). Pp. 3–11.
4. Zhukov, V.N. Jurisprudence as a science: a return to forgotten truths // State and law. 2017. No. 9. – pp. 5-245. Zhukov V.N. From "methodological essentialism" to totalitarianism: the unfinished dispute between Karl Popper and Plato. The nature of the scientific method. // State and law. 2020. No. 10. Pp. 36–44.
6. Polyakov, A.V. General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach: textbook. – 2nd ed., corrected. and supplemented. – Moscow: Prospekt, 2023. – 832 p.
7. Berdyaev, N.A. On the spiritual bourgeoisie // Path. No. 3. Paris, 1926. – Pp.3–13.
8. Petrazhitsky, L.I. Theory of State and law in connection with the theory of morality. – St. Petersburg,: Publishing house "Lan", 2000. – 608 p
9. Pokrovsky, I.A. The main problems of civil law. Publishing house of the Legal book warehouse "Pravo". Petrograd, Liteyny Prospekt., 28. 1917 – 327 p.
10. Kleandrov, M.I. On the incapacity of cryonized people: a new subject of law is needed // State and Law. 2020. No. 5. – Pp. 19–31.
11. Demichev, D.M. The concept and subject of the general theory of law. / D.M. Demichev, A.A. Bochkovskaya general theory of law: textbook. – 2nd ed., ispr. – Minsk. – Higher School, 2022. – Pp. 4–14.
12. Philosophical Encyclopedic Dictionary, ed. - M.: L.F. Ilyichev et al. M., "Sov. encyclopedia. – M., 1983. – 840 p.
13. Novgorodtsev, P.I. Law and morality // Pravovedenie. 1995. No. 6. p. 110; Pp. 103 – 113.
14. Ilyin, I.A. The singing heart. The book of quiet contemplations // Ilyin I.A. Collected works: in 10 volumes. V. 3. M., 1994. Pp. 236–240.
15. Aristotle. Politics // Aristotle. Collected works: In 4 vols.4. M., 1984. – Pp. 375–644.
16. Morandier, J.-L. De la. The civil law of France. Translation and introduction: by Fleishits E.A. T. 1. M., Publishing house "Foreign literature" 1958. – 742 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_40

УДК 330

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН
THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY AND ITS IMPACT ON THE REALIZATION OF ECONOMIC RIGHTS OF CITIZENS

ГАБИБОВА Зейнаб Рауфовна,
студентка Высшей школы государственного аудита,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ).
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: zeynab.gabibova@bk.ru;

GABIBOVA Zeynab Raufovna,
master's student Higher School of State Audit Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.
E-mail: zeynab.gabibova@bk.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена анализу вопросов, связанных с цифровой трансформацией российской экономики, а также реализацией экономических прав в данной сфере. Автором проанализированы доктринальные определения термина «цифровая экономика», изучены преимущества и недостатки данного явления, рассмотрено влияние цифровизации на реализацию гражданами принадлежащих им прав.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of issues related to the digital transformation of the Russian economy, as well as the implementation of economic rights in this area. The author analyzes the doctrinal definitions of the term "digital economy", examines the advantages and disadvantages of this phenomenon, and examines the impact of digitalization on the realization of citizens' rights.*

Ключевые слова*: цифровая экономика, цифровизация, информационные технологии, безопасность, экономические права, цифровые технологии, искусственный интеллект.*

Keywords: *digital economy, digitalization, information technology, security, economic rights, digital technologies, artificial intelligence.*

Для цитирования: *Габибова З.Р. Цифровая трансформация экономики и ее влияние на реализацию экономических прав граждан // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 40-43. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_40.*

For citation*: Gabibova Z.R. The digital transformation of the economy and its impact on the realization of economic rights of citizens // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 40-43. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_40.*

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

Применение цифровых технологий в настоящее время – неотъемлемая часть функционирования российского общества и государства. Процесс цифровизации, главным образом, направлен на интеллектуализацию человеческой деятельности путем внедрения различных информационных технологий. Цифровизация затрагивает большинство сфер общественной жизни, включая экономику и бизнес. Особое значение цифровая трансформация имеет для государственного сектора экономики, ведь это позволяет повышать качество услуг гражданам и бизнесу, а также способствует развитию общественного сектора экономики, снижению цифрового неравенства отдельных регионов.

Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном подходе к анализу влияния цифровой трансформации экономики на реализацию экономических прав граждан, который позволяет выявить новые закономерности и тенденции в этой области.

В научных исследованиях отмечается, что трансформация национальной экономики в цифровую необходима в целях закрепления новых позиций на мировом рынке, а также для повышения эффективности производства, сокращения расходов, необходимых для поддержания производственного процесса, и т.д. [2, с. 75]. Отметим, что в рамках развития мировой экономики в целом цифровая трансформация относится к основной тенденции, поскольку, именно достижения цифровой экономики выступают одним из основополагающих факторов повышения уровня благосостояния субъектов экономики. Кроме того, именно цифровая экономика служит фундаментом для создания успешных моделей производства, торговли, бизнеса и т.д. Нельзя не отметить, что, в настоящее время, особое внимание уделяется анализу баланса между инновационным развитием и защитой прав граждан, между технологическим прогрессом и социальной справедливостью в условиях цифровой экономики.

Также цифровая экономика обеспечивает беспрецедентный рост производительности труда, создаёт новые формы занятости и предпринимательской деятельности, существенно снижает издержки бизнеса и повышает доступность экономических благ для граждан. Развитие цифровых технологий открывает возможности для глобальной конкуренции, оптимизации бизнес-процессов и повышения качества государственных услуг, что делает переход к цифровой экономике необходимым условием сохранения конкурентоспособности как отдельных компаний, так и целых государств в условиях глобальной цифровизации.

В диссертационном исследовании Д. А. Нагорного отмечается, что цифровая трансформация экономики выступает одним из самых главных факторов ее технологического развития, это позволяет повышать конкурентоспособность бизнеса, создавать для него новые возможности развития [8, с. 7]. Далее представляется необходимым определить, что конкретно стоит понимать под цифровой экономикой, с учетом того, что, в настоящее время, она имеет ключевое стратегическое значение для экономического роста российского государства. Анализ доктрины показал, что ученые по-разному трактуют данный термин, рассматривая его с учетом различных подходов.

К примеру, в исследовании О. К. Тихоновой отмечается, что с учетом отраслевого подхода цифровую экономику стоит рассматривать

как отдельный сектор, где центральное место занимают именно отрасли, ориентированные на преимущественное применение цифровых технологий (например, ИТ, электронная коммерция и т.д.) [11, с. 25]. Помимо этого, автор выделяет также технологический подход, в рамках которого в качестве цифровой экономики понимается экономическая деятельность на основе использования конкретных цифровых технологий; гибридный подход, где цифровая экономика представлена и в виде отдельного сектора, и в виде трансформирующего фактора ряда отраслей.

В работе С. Э. Желаевой отмечается, что мировая практика до сих пор не содержит единого окончательного термина «цифровая экономика» [7, с. 43]. По мнению автора, определение цифровой экономики должно учитывать не только технологические, но и экономические, социальные аспекты. Тем самым, автор считает, что цифровая экономика представляет собой качественно новый способ организации взаимодействий экономического и социального характера.

Т. В. Ершова, рассматривая концептуальную схему развития цифровой экономики, отмечает, что данный термин приобретал с течением времени новый смысл, ведь изначально под ней понималась именно деятельность, основанная на достижениях сети Интернет; затем цифровая экономика стала включать в себя и способы ведения бизнеса с использованием машинного обучения, технологий облачных вычислений и т.д. [6, с. 235]. В настоящее время, по мнению исследователя, цифровая экономика связана не только с производством цифровых продуктов, но и с их распространением в различные сферы экономической деятельности.

П. Э. Прохоров в рамках диссертации, посвященной исследованию развития цифровой экономики в России, определяет, что цифровая экономика, главным образом, представляет собой экономическую деятельность, которая: связана с использованием цифровых технологий, а также производством товаров и оказанием услуг в этой сфере; производством товаров и оказанием услуг в электронном виде [10, с. 12].

Интерес представляет собой исследование Г. Г. Головенчик, которая, рассматривая подходы к определению понятия «цифровая экономика», указывает, что это отдельный сектор реальной экономики, существование которого не представляется возможным в отрыве от материального производства [4, с. 43]. Кроме того, в работе обозначено, что цифровую экономику можно трактовать как систему социальных, экономических и технологических отношений, функционирование которой в глобальном информационном пространстве тесно связано непосредственно с использованием цифровых технологий.

На основании изложенного, следует вывод, что среди представителей доктрины не сложилось единого мнения относительно трактовки рассматриваемого термина. При этом, стоит отметить, что понятие цифровой экономики получило свое отражение на уровне действующего законодательства. Так, в соответствии с Указом Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» «цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» (пп. «р» п. 4 документа) [1]. Тем самым, исходя из анализа доктринальных и легального определения термина «цифровая экономика», можно сделать вывод о том, что она неразрывно связана с деятельностью по созданию, использованию и распространению цифровых технологий, продуктов и услуг.

Представляется, что в рамках настоящей статьи нельзя не отметить, что в 2024 г. была завершена реализация национального проекта «Цифровая экономика», к задачам которого относились и реализация подготовки высококвалифицированных кадров в сфере цифровой экономики, и обеспечение информационной безопасности, и создание комплексного правового регулирования цифровой экономики и т.д. Безусловно, в рамках реализации данного проекта отрасли экономики прошли цифровую трансформацию, что послужило основой для дальнейшего цифрового развития государства, в том числе в сфере экономики и бизнеса. Эксперты оценивают реализацию данного нацпроекта положительно, поскольку, именно с помощью его реализации Россия заняла уверенные позиции в рамках проникновения цифровых сервисов в экономическую сферу. В 2025 г. был запущен новый национальный проект – «Экономика данных и цифровая трансформация государства», реализация которого направлена на дальнейшее внедрение достижений искусственного интеллекта в сферу экономики, повышение уровня кибербезопасности, цифровизацию государственного управления, развитие цифровых платформ во всех ключевых отраслях экономики, обеспечение технологической независимости, повышение уровня защищенности информации, обеспечение мобильности и т.д.

Далее в рамках настоящего исследования полагаем целесообразным обратить внимание на преимущества цифровой экономики, поскольку они оказывают влияние на реализацию экономических прав, создают новые возможности в данной сфере. Так, цифровая экономика способствует снижению издержек при производстве, появлению более широкого спектра качественных товаров и услуг, повышению производительности труда, устойчивому развитию национальной экономики и т.д. Как отмечает в своей работе О. П. Покшиванова, в рамках принятия управленческих решений цифровые продукты оказывают существенную помощь, поскольку, способствуют быстрому выявлению и устранению противоречий, а также качественному анализу рисков [9, с. 183]. Безусловно, отметим, что при грамотном использовании достоинств цифровой экономики современные участники экономического рынка обладают возможностью получения конкурентных преимуществ, что способствует расширению клиентской базы и, как следствие, увеличению прибыли. Цифровая экономика также позволяет оптимизировать операционные процессы, способствует инновациям, ускоряет производственные процессы.

Ю. С. Воронина в своей работе в рамках рассмотрения преимуществ цифровизации экономики обращает внимание на следующие составляющие: развитие цифровой экономики влияет на повышение производительности труда, поскольку, цифровые технологии способствуют минимизации человеческих факторов, оказывающих негативное влияние на нее; цифровизация непосредственно связана со снижением издержек организации; цифровая экономика способствует повышению уровня качества жизни населения, а также позволяет преодолеть простран-

ственные рамки [3, с. 75]. При этом, автор справедливо отмечает, что нельзя фокусироваться исключительно на преимуществах цифровой экономики, принимая во внимание такие недостатки, как необходимость значительных инвестиционных затрат в развитие информационных технологий; увеличение числа мошенничеств ввиду того, что информационные технологии способствуют разработке новых мошеннических схем, которые не всегда доступны правоохранительным органам; сокращение рабочих мест ввиду информатизации и т.д. Особое внимание представляется необходимым обратить именно на риск потери рабочих мест, поскольку, автоматизация процессов приводит к тому, что ряд профессий теряют свою актуальность, что выступает следствием повышения уровня безработицы и усиления социальной напряженности. Представляется, что это напрямую взаимосвязано и с реализацией экономических прав граждан, поскольку, ограничивается право на труд, усиливается цифровое неравенство между специалистами и т.д. Кроме того, в рамках рассмотрения недостатков цифровой экономики, стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что цифровые технологии связаны с наличием киберугроз в силу своей специфики.

Далее отметим, что цифровая трансформация экономики формирует новые правовые реалии для граждан, что влияет, в свою очередь, на реализацию экономических прав. К примеру, актуальной проблемой выступает цифровая дискриминация граждан, которая находит свое отражение в следующем: не все граждане обладают возможностью использовать цифровые технологии, одновременно с этим, ввиду низкого уровня цифровой грамотности многие не обладают возможностью противостоять случаям экономического цифрового мошенничества. Повышенное внимание государства и общественности в современных условиях должно быть направлено на обеспечение прав человека в цифровом пространстве.

В исследовании Г. Ю. Григорьевой отмечается, что в целях минимизации негативного влияния цифровизации на реализацию экономических прав граждан целесообразно: обратить внимание на разработку законодательных норм, регламентирующих использование цифровых технологий именно с учетом особенностей конституционных прав и свобод граждан; реализовать усиленное внедрение мер по защите личных данных граждан; повысить роль гражданского общества; использовать достижения искусственного интеллекта именно с учетом этических принципов и т.д. [5, с. 36]. Автор лишний раз подчеркивает, что цифровизация, в том числе экономической сферы, затрагивает реализацию прав граждан, создавая риски для конфиденциальности и безопасности.

Безусловно, в эпоху цифровой трансформации экономики необходимым выступает усиление защиты экономических прав граждан в цифровом пространстве, ведь цифровые инструменты могут послужить основой для новых технологических решений, направленных на нарушение прав граждан. Законодательные нормы требуют постоянной адаптации к изменяющимся условиям цифровой экономики.

Анализ влияния цифровой трансформации экономики на реализацию экономических прав позволяет выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, существенно расширяются возможности для осуществления предпринимательской деятельности, благодаря цифровым платформам. Во-вторых, появляются новые формы занятости и трудовой деятельности. В-третьих, изменяется характер взаимодействия между участниками экономических отношений, что требует адаптации существующих правовых механизмов к новым условиям. Вместе с тем, цифровая трансформация порождает ряд проблем в сфере реализации экономических прав. Среди них можно выделить риск цифрового неравенства, угрозы кибербезопасности, сложности в защите прав потребителей в цифровой среде, а также необходимость постоянного обновления профессиональных компетенций.

По мнению С. С. Вашуриной, «несмотря на значительное количество нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере цифрового пространства, на уровне конституционно-правового регулирования в недостаточной степени сформулирован правовой базис, способный выступить ориентиром для законодателей и правоприменителей с точки зрения разработки и принятия норм в отдельных сферах общественной жизни. На сегодняшний день развитие технологий в большей степени регулируется программно-стратегическими актами, которые в большей степени направлены на решение задачи совершенствования и массового внедрения технологий, в то время как создание единого правового механизма не предусматривается. Стоит отметить, что под единым правовым механизмом в данном случае может пониматься не только, например, кодекс, который бы мог обобщить и гармонизировать законодательство в сфере применения информационных технологий. В данном случае просматривается особая роль и высокая значимость конституционного права» [2, с. 77].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, следует вывод о том, развитие государства и общества на современном этапе не представляется возможным без применения и совершенствования информационных технологий. Ввиду активной цифровизации экономики и появления в связи с этим новой сферы правоотношений, необходимым выступает детальная проработка экономических прав граждан, связанных с цифровой экономикой. Цифровая экономика обладает не только преимуществами, но и рисками, тем самым, для минимизации рисков и угроз целесообразным выступает разработка эффективных механизмов, нацеленных на обеспечение экономических прав граждан в условиях цифровизации. Отметим, что государство ведет планомерную работу по обеспечению прав граждан в цифровом пространстве, которая сопровождается регулярной доработкой законодательства, особенно, если учесть тот факт, что возможность создания отдельного самостоятельного правового акта, посвященного правам граждан в цифровой сфере, отсутствует.

По нашему мнению, представляется необходимым: внедрять программы повышения цифровой грамотности граждан, что позволит создать условия для их полноценного участия в цифровой экономике и обеспечит их защиту в онлайн-пространстве; обратить внимание на создание комплексной информационной системы, которая объединит в себе все необходимые инструменты для реализации и защиты экономических прав граждан, а также упростит взаимодействие между бизнесом и государством. Кроме того, сотрудникам правоохранительных органов целесообразно использовать технологии искусственного интеллекта в целях автоматического выявления нарушений экономических прав граждан в условиях цифровизации экономики и оперативного реагирования на них, обеспечения безопасности использования персональных данных.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
2. Вашурина, С. С. Влияние цифровизации на конституционные права граждан / С. С. Вашурина // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 1(19). – С. 74-83.
3. Воронина Ю. С. Цифровизация экономики: преимущества и недостатки / Ю. С. Воронина // НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НОВОЙ науки: опыт ТЕОРЕТИЧЕСКОГО и ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 13 февраля 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 72-76.
4. Головенчик Г. Г. Теоретические подходы к определению понятия «цифровая экономика» / Г. Г. Головенчик // Наука и инновации. – 2019. – № 2(192). – С. 40-45.
5. Григорьева Г. Ю. Влияние цифровизации на конституционные принципы и права граждан / Г. Ю. Григорьева // Лучшие студенческие исследования 2024: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 октября 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 36-38.
6. Ершова, Т. В. Цифровая экономика: от теоретических концепций к российской практике / Т. В. Ершова, Ю. Е. Хохлов // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 2(67). – С. 234-243.
7. Желаева С. Э. Цифровая экономика: сущность и значение / С. Э. Желаева, И. С. Бакшаев, А. Д. Базалюк // Экономика, управление и образование: Материалы VI Национальной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 25 октября 2024 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2024. – С. 42-45.
8. Нагорный Д. А. Цифровая трансформация мировой экономики: тенденции и перспективы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2021. – 24 с.
9. Покшиванова О. П. Преимущества развития цифровой экономики / О. П. Покшиванова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 3, № 8(139). – С. 180-185.
10. Прохоров П. Э. Статистическое исследование развития цифровой экономики в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2022. – 25 с.
11. Тихонова О. К. Сущность и явление цифровой экономики / О. К. Тихонова, А. О. Ужегов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 10(492). – С. 21-31.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/09/2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 20. – Art. 2901.
2. Vashurina, S. S. The impact of digitalization on the constitutional rights of citizens / S. S. Vashurina // Theoretical and applied jurisprudence. – 2024. – № 1(19). – Pp. 74-83.
3. Voronina Yu.S. Digitalization of the economy: advantages and disadvantages / Yu. S. Voronina // NEW CHALLENGES OF NEW science: experience of THEORETICAL and EMPIRICAL ANALYSIS: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, February 13, 2023. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.), 2023. pp. 72-76.
4. Golovenchik G. G. Theoretical approaches to the definition of the concept of "digital economy" / G. G. Golovenchik // Science and Innovation. – 2019. – № 2(192). – Pp. 40-45.
5. Grigorieva G. Y. The impact of digitalization on constitutional principles and citizens' rights / G. Y. Grigorieva // The best student research 2024: collection of articles of the II International Scientific Research Competition, Penza, October 15, 2024. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. pp. 36-38.
6. Yershova, T. V. Digital economy: from theoretical concepts to Russian practice / T. V. Yershova, Yu. E. Khokhlov // Journal of the New Economic Association. – 2025. – № 2(67). – Pp. 234-243.
7. Zhelaeva S. E. Digital economy: essence and significance / S. E. Zhelaeva, I. S. Bakshaev, A. D. Bazalyuk // Economics, Management and Education: Proceedings of the VI National Scientific and Practical Conference, Ulan-Ude, October 25, 2024. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management, 2024. pp. 42-45.
8. Nagorny D. A. Digital transformation of the world economy: trends and prospects: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. – Moscow, 2021. – 24 p.
9. Pokshivanova O. P. Advantages of digital economy development / O. P. Pokshivanova // Economics and management: problems, solutions. – 2023. – Vol. 3, No. 8(139). – pp. 180-185.
10. Prokhorov P. E. Statistical study of the development of the digital economy in the Russian Federation: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. – Moscow, 2022. – 25 p.
11. Tikhonova O. K. The essence and phenomenon of the digital economy / O. K. Tikhonova, A. O. Uzhegov // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2024. – № 10(492). – Pp. 21-31.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_44

О ДИНАМИЧЕСКОМ СТЕРЕОТИПЕ УЧАСТНИКА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ОПЫТ ПРАВОРЕГУЛИРОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВТОРОГО КАССАЦИОННОГО СУДА ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ)

ON THE DYNAMIC STEREOTYPE OF A PARTICIPANT IN CIVIL PROCEEDINGS (EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION IN THE JUDICIAL BOARD FOR CIVIL CASES OF THE SECOND CASSATION COURT OF GENERAL JURISDICTION)

ФЕТИЩЕВ Дмитрий Владимирович,
доктор юридических наук, МИРЭА – Российский технологический университет.
119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 78.
E-mail: vgrmn@yandex.ru;
ГАЛУЗО Василий Николаевич,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.
123056, Россия, г. Москва, пер Электрический, д. 10.
E-mail: vgrmn@yandex.ru;
FETISHCHEV D.V.,
Doctor of Law, MIREA is a Russian Technological University.
78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: vgrmn@yandex.ru;
GALUZO V.N.,
PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.
10 Elektroicheskiy Lane, Moscow, 123056, Russia.
E-mail: vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье относительно динамического стереотипа участника гражданского судопроизводства в Российской Федерации обосновано несколько суждений: гражданское судопроизводство включено в исчерпывающий перечень судопроизводств в Российской Федерации, что регламентировано в части 2 ст. 118 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.; все разновидности судопроизводств, в том числе и гражданское судопроизводство, принято называть судебная власть; доктрина о балансе интересов личности, общества и государства, закрепленная в статьях 1, 8, 17, 55 Конституции РФ, распространяется и на гражданское судопроизводство; положения части 2 ст. 158 ГПК РФ противоречат положениям о паритете обеспечения интересов личности, общества и государства, предусмотренным в Конституции РФ; при осуществлении гражданского судопроизводства во Втором кассационном суде общей юрисдикции посредством рассмотрения гражданского дела за № 8Г-18674/2025 от 29 июля 2025 г. относительно заинтересованного участника гражданского судопроизводства не был обеспечен баланс интересов личности, общества и государства; основу гражданского судопроизводства во всяком суде общей юрисдикции, в том числе и во Втором кассационном суде общей юрисдикции, должна составлять доктрина паритета обеспечения интересов личности, общества и государства.*

Abstract: *the article provides several arguments regarding the dynamic stereotype of a participant in civil proceedings in the Russian Federation: civil proceedings are included in the exhaustive list of proceedings in the Russian Federation, which is regulated in Part 2 of Article 118 of the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993; all types of legal proceedings, including civil proceedings, are collectively referred to as the judiciary; the doctrine of the balance of interests of the individual, society, and the state, enshrined in Articles 1, 8, 17, and 55 of the Constitution of the Russian Federation, also applies to civil proceedings; the provisions of part 2 of Article 158 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation contradict the provisions on the parity of ensuring the interests of the individual, society, and the state, provided for in the Constitution of the Russian Federation; during the civil proceedings in the Second Cassation Court of General Jurisdiction, through the consideration of the civil case No. 8G-18674/2025 dated July 29, 2025, regarding a participant in civil proceedings, the balance of the interests of the individual, society, and the state was not ensured; the doctrine of the parity of interests of the individual, society, and the state should form the basis of civil proceedings in any court of general jurisdiction, including the Second Court of Cassation of General Jurisdiction.*

Ключевые слова: *Российская Федерация; законодательство; нормативный правовой акт; Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.; федеральный закон РФ; Гражданский процессуальный кодекс РФ от 23 октября 2002 г.; суд общей юрисдикции; Лефортовский районный суд города Москвы; Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда; Московский городской суд; Судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции; Второй кассационный суд общей юрисдикции; правосудие; судопроизводство; гражданское судопроизводство; судья; участник гражданского судопроизводства; соотношение интересов личности, общества и государства; приоритет интересов государства над интересами общества и личности; паритет в обеспечении интересов личности, общества и государства; комплексное праворегулирование.*

Key words: *Russian Federation; legislation; normative legal act; Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993; Federal Law of the Russian Federation; Code of Civil Procedure of the Russian Federation dated October 23, 2002; court of General Jurisdiction; Lefortovsky District Court of Moscow; Judicial Board for Civil Cases of the Moscow City Court; Moscow City Court; Judicial Board for Civil Cases of the Second the Court of Cassation of general jurisdiction; The Second Court of Cassation of general jurisdiction; justice; legal proceedings; civil proceedings; judge; participant in civil proceedings; correlation of interests of the individual, society and the state; priority of interests of the state over interests of society and the individual; parity in ensuring interests of the individual, society and the state; comprehensive legal regulation.*

Для цитирования: *Фетищев Д.В., Галузо В.Н. О динамическом стереотипе участника гражданского судопроизводства (опыт праворегулирования в Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции)// Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 44-47. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_44.*

For citation*: Fetishchev D.V., Galuzo V.N. On the dynamic stereotype of a participant in civil proceedings (experience of legal regulation in the Judicial Board for Civil Cases of the Second Cassation Court of General Jurisdiction) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 44-47. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_44.*

Статья поступила в редакцию: 22.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Предметом данной статьи является динамический стереотип участника гражданского судопроизводства[1].

Поводом же для данной статьи послужил результат гражданского судопроизводства во Втором кассационном суде общей юрисдикции от 29 июля 2025 г. по гражданскому делу за 8Г-18674/2025.

Первоначально о многозначности понятия «динамический стереотип», которое используется в разных науках, в том числе и в юридической психологии[2].

Так, М.В. Дудиков утверждает следующее: «Необходимо также учесть то, что в каждой формулировке закона кроется определенное юридическое значение. Раскрытие, толкование и усвоение этого значения базируются на профессиональных юридических знаниях, устоявшихся традициях, динамическом стереотипе при познавательном и понятийном восприятии правовых норм для установления фактических обстоятельств дела и правильного применения норм права. Следует при этом помнить, что юридические нормы транслируют модель поведения в сложных, противоречивых, конфликтных ситуациях»[3].

Авторы – единомышленники (Л.Я. Драпкин и А.Е. Шуклин) при использовании «метода аналогии для преодоления проблемных ситуаций, возникающих в процессе расследования преступлений» выявили следующую закономерность: «Устойчивый, повторяющийся способ совершения общественно опасных деяний, стабильно используемый серийными преступниками, формируется под воздействием динамического стереотипа, позволяющего получать полезную информацию и выявлять лиц, совершающих уголовные деликты аналогичным способом, и тем самым с высокой степенью вероятности раскрывать криминальные деяния»[4].

А.Е. Постников умозрительно констатирует: «Эта часть правовой культуры хотя и "улавливает" импульсы текущей политики, воспринимает конституционные ценности и конституционные принципы, но, будучи более консервативной, а в определенной части и архаической, усваивает их более длительно, поскольку для их практического освоения требуется повторяемость соответствующих конституционных правоотношений, что обеспечивает формирование стереотипов вовлеченности в них граждан»[5].

Термином «динамический стереотип» оперирует и А.И. Чучаев («Однако следует иметь в виду, что переход от одного режима к другому (в частности, от автоматического управления к ручному) требует дополнительных усилий со стороны управляющего субъекта. Это объясняется тем, что для перехода к новому динамическому стереотипу сбора информации и сенсомоторной координации нужно определенное время. Изменяется и динамический стереотип преобразования потока поступающей информации в управляющее воздействие, а следовательно, повышается психофизиологическое напряжение, что иногда приводит к неблагоприятным последствиям»)[6].

С.М. Федяев отмечает: «Условно-рефлекторные связи очень подвижны и в то же время, будучи упрочены предшествующим опытом, могут фиксироваться. В результате многократных повторений в коре головного мозга складывается сложная уравновешенная функциональная система, которую И.П. Павлов назвал динамическим стереотипом»[7].

Само же понятие «динамический стереотип», сформулированное И.П. Павловым, обнаруживаем в иной публикации: «Динамический стереотип - это определенная система условно-рефлекторных связей, обеспечивающих поиск оптимального режима движений, возникающих в результате неоднократного повторения движения в сходных условиях»[8].

Термин «динамический стереотип» использован и в подзаконных нормативных правовых актах: приказ Минпросвещения РФ «Об утверждении федеральной адаптированной образовательной программы основного общего образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» № 1025 от 24 ноября 2022 г.[9]; приказ Минпросвещения РФ «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования» № 370 от 18 мая 2023 г.[10].

Гражданское судопроизводство является одной из разновидностей судопроизводств в Российской Федерации[11], что предусмотрено в части 2 ст. 118 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.[12]. Совокупность же всех разновидностей судопроизводств, в том числе и гражданского судопроизводства, принято определять как судебная власть[13].

Нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования гражданского судопроизводства и по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ, является Гражданский процессуальный кодекс РФ от 23 октября 2002 г.[14], введенный в действие

---

[1] О гражданском судопроизводстве подробнее см., например: Галузо В.Н. О несовершенстве гражданско-процессуального законодательства Российской Федерации о доказывании // Международный журнал гражданского и торгового права. 2021. № 1. С. 73-76; Галузо В.Н., Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Доказывание при праворегулировании в Российской Федерации: Монография. 7-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 172-196.

[2] См. об этом, например: Беркович О.Е. Юридическая психология в правоохранительной деятельности: учебное пособие. Казань: Бук, 2022; Димитрова Е.А. Юридическая психология: Учебное пособие. М.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023; Кравцова Ю.А. Юридическая психология: Курс лекций. Воронеж: Воронежский институт МВД РФ, 2023; Юридическая психология и психология безопасности: Учебное пособие / Под общей ред. Ю.А. Шаранова. Санкт-Петербург: СПбУ МВД РФ, 2024.

[3] Дудиков М.В. Договорные формы, применяемые в законодательстве о недрах: проблемы и пути решения // Гражданское право. 2017. № 4.

[4] См.: Драпкин Л.Я., Шуклин А.Е. Использование метода аналогии для преодоления проблемных ситуаций, возникающих при расследовании уголовных дел // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 198-202.

[5] Постников А.Е. Конституционное право в контексте правовой культуры // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 42-53.

[6] Чучаев А.И. Механизм транспортного преступления (понятие и общая характеристика) // Lex russica. 2013. № 6. С. 641-654.

[7] Федяев С.М. Характеристика системы методов криминалистической фоноскопической экспертизы // Российский следователь. 2008. № 5.

[8] См.: Карлов В.Я. Криминалистика: тезаурус-словарь и схемы: Учебное пособие. М.: Альфа-Пресс, 2011.

[9] В официальных источниках не опубликован.

[10] В официальных источниках не опубликован.

[11] Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

[12] См.: РГ. 1993. 25 декабря; …; 2020. 4 июля.

[13] Подробнее об этом см.: Фетищев Д.В. Судебная власть в механизме государства (вопросы теории и практики): Монография. М.: Научная книга, 2007; он же: Судебная власть в современном государстве (история, теория и практика): Монография. М.: Научная книга, 2007; он же: «Судебное право» и судебная система (проблема развития и совершенствования): Монография. М.: Научная книга, 2007.

[14] См.: СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; …; 2025. № 31. Ст. 4698.

с 1 февраля 2023 г.[1] («1. Порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции определяется Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом "О судебной системе Российской Федерации", настоящим Кодексом и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами, порядок гражданского судопроизводства у мирового судьи - также Федеральным законом "О мировых судьях в Российской Федерации". 2. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора. Не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом. 3. Гражданское судопроизводство ведется в соответствии с федеральными законами, действующими во время рассмотрения и разрешения гражданского дела, совершения отдельных процессуальных действий или исполнения судебных постановлений (судебных приказов, решений суда, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции), постановлений других органов. 4. В случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи … применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)» - ст. 1).

Гражданское судопроизводство, как правило, осуществляется судами общей юрисдикции[2], к числу каковых относится и Второй кассационный суд общей юрисдикции[3].

Итак, первоначально гражданское дело в соответствии со ст. 4 ГПК РФ было возбуждено в Лефортовском районном суде города Москвы[4] (гражданское дело за № 02-5840/2023), которое рассматривалось на протяжении одиннадцати месяцев (гражданское дело за № 02-0186/2024). В последующем гражданское дело рассматривалось в Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда (гражданское дело за № 33-9539/2025). И, наконец, 23 июня 2025 г. гражданское дело за № 33-9539/2025 из Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда поступило в Судебную коллегию по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции. Судебное разбирательство по уголовному делу за № 8Г-18674/2025 и уже в Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции было назначено на 29 июля 2025 г. в зале № 603. Накануне судебного разбирательства и в тот же день заинтересованным участником гражданского судопроизводства было представлено семь ходатайств. Обычно судебное разбирательство в названном суде общей юрисдикции продолжается несколько минут. Вероятно, обилие ходатайств, а также активная позиция заинтересованного участника гражданского судопроизводства продлило судебное разбирательство на несколько десятков минут. Основу судебного разбирательства по всякому гражданскому делу, в том числе и по гражданскому делу за № 8Г-18674/2025, в Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции должен составлять баланс интересов государства, общества и личности. Именно этого и добивался заинтересованный участник гражданского судопроизводства.

30 июля 2025 г. на сайте Второго кассационного суда общей юрисдикции относительно судебного разбирательство по гражданскому делу за № 8Г-18674/2025 от 29 июля 2025 г. была помещена запись: «АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТМЕНЕНО – с направлением на новое рассмотрение».

21 августа 2025 г. в Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции и после неоднократных обращений с ходатайствами во Второй кассационный суд общей юрисдикции заинтересованный участник гражданского судопроизводства получил процессуальные документы, а также техническое устройство.

Таким образом, исследования относительно динамического стереотипа участника гражданского судопроизводства в Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, гражданское судопроизводство включено в исчерпывающий перечень судопроизводств в Российской Федерации, что регламентировано в части 2 ст. 118 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.

Во-вторых, все разновидности судопроизводств, в том числе и гражданское судопроизводство, принято называть судебная власть.

В-третьих, доктрина о балансе интересов личности, общества и государства, закрепленная в статьях 1, 8, 17, 55 Конституции РФ, распространяется и на гражданское судопроизводство.

В-четвертых, положения части 2 ст. 158 ГПК РФ противоречат положениям о паритете обеспечения интересов личности, общества и государства, предусмотренным в Конституции РФ.

В-пятых, при осуществлении гражданского судопроизводства во Втором кассационном суде общей юрисдикции посредством рассмотрения гражданского дела за № 8Г-18674/2025 от 29 июля 2025 г. относительно заинтересованного участника гражданского судопроизводства не был обеспечен баланс интересов личности, общества и государства.

---

[1] См.: О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 23.10.2002 г. // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4531.

[2] См.: О судебной системе Российской Федерации: ФКЗ РФ от 26.12.1996 г. // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: ФКЗ РФ («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года»; «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года») // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898; …; 2025. № 30 (часть I). Ст. 4363.

[3] На деятельность названного суда общей юрисдикции нами уже обращалось внимание (см.: Галузо В.Н. О Втором кассационном суде общей юрисдикции в Российской Федерации (опыт праворегулирования) // Актуальные исследования. 2022. № 28. С. 9-16).

[4] О несоответствии теории правоохраны названий всех районных судов города Москвы, как субъекта Российской Федерации, подробнее см.: Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в городе Москве: обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 7. С. 128-135.

В-шестых, основу гражданского судопроизводства во всяком суде общей юрисдикции, в том числе и во Втором кассационном суде общей юрисдикции, должна составлять доктрина паритета обеспечения интересов личности, общества и государства.

Список литературы:

1) Беркович О.Е. Юридическая психология в правоохранительной деятельности: учебное пособие. Казань: Бук, 2022.
2) Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123.
3) Галузо В.Н. О Втором кассационном суде общей юрисдикции в Российской Федерации (опыт праворегулирования) // Актуальные исследования. 2022. № 28. С. 9-16.
4) Галузо В.Н. О несовершенстве гражданско-процессуального законодательства Российской Федерации о доказывании // Международный журнал гражданского и торгового права. 2021. № 1. С. 73-76.
5) Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в городе Москве: обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 7. С. 128-135.
6) Галузо В.Н., Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Доказывание при праворегулировании в Российской Федерации: Монография. 7-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 172-196.
7) Димитрова Е.А. Юридическая психология: Учебное пособие. М.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023.
8) Драпкин Л.Я., Шуклин А.Е. Использование метода аналогии для преодоления проблемных ситуаций, возникающих при расследовании уголовных дел // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 198 - 202.
9) Дудиков М.В. Договорные формы, применяемые в законодательстве о недрах: проблемы и пути решения // Гражданское право. 2017. № 4.
10) Карлов В.Я. Криминалистика: тезаурус-словарь и схемы: Учебное пособие. М.: Альфа-Пресс, 2011.
11) Кравцова Ю.А. Юридическая психология: Курс лекций. Воронеж: Воронежский институт МВД РФ, 2023.
12) Постников А.Е. Конституционное право в контексте правовой культуры // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 42-53.
13) Федяев С.М. Характеристика системы методов криминалистической фоноскопической экспертизы // Российский следователь. 2008. № 5.
14) Фетищев Д.В. Судебная власть в механизме государства (вопросы теории и практики): Монография. М.: Научная книга, 2007.
15) Фетищев Д.В. Судебная власть в современном государстве (история, теория и практика): Монография. М.: Научная книга, 2007.
16) Фетищев Д.В. «Судебное право» и судебная система (проблема развития и совершенствования): Монография. М.: Научная книга, 2007.
17) Чучаев А.И. Механизм транспортного преступления (понятие и общая характеристика) // Lex russica. 2013. № 6. С. 641 - 654.
18) Юридическая психология и психология безопасности: Учебное пособие / Под общей ред. Ю.А. Шаранова. Санкт-Петербург: СПбУ МВД РФ, 2024.

References:

1) Berkovich O.E. Legal Psychology in Law Enforcement: A Textbook. Kazan: Buk, 2022.
2) Galuzo V.N. The Constitutional and Legal Status of Russia: The Problem of Naming the State // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. Pp. 119-123.
3) Galuzo V.N. On the Second Cassation Court of General Jurisdiction in the Russian Federation (Experience in Legal Regulation) // Current Research. 2022. No. 28. Pp. 9-16.
4) Galuzo V.N. On the Inadequacy of the Civil Procedure Legislation of the Russian Federation on Proof // International Journal of Civil and Commercial Law. 2021. No. 1. Pp. 73-76.
5) Galuzo V.N., Kanafin N.A. On the Jurisdiction of State Judicial Bodies of the District Level in the City of Moscow: Are the Provisions of the Theory of Law Enforcement Being Ensured? // Education and Law. 2017. No. 7. Pp. 128-135.
6) Galuzo V.N., Redkous V.M., and Duvanov N.Yu. Proof in Legal Regulation in the Russian Federation: Monograph. 7th edition, revised and expanded. Moscow: Prospekt, 2024, pp. 172-196.
7) Dimitrova, E.A. Legal Psychology: Textbook. Moscow: VGUYu (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2023.
8) Drapkin L.Ya., Shuklin A.E. Using the method of analogy to overcome problematic situations that arise during the investigation of criminal cases // Russian Law Journal. 2014. No. 5. Pp. 198 - 202.
9) Dudikov M.V. Contractual forms used in the legislation on subsoil: problems and solutions // Civil Law. 2017. No. 4.
10) Karlov V.Ya. Criminalistics: Thesaurus-Dictionary and Schemes: A Study Guide. Moscow: Alfa-Press, 2011.
11) Kravtsova Yu.A. Legal Psychology: A Course of Lectures. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023.
12) Postnikov, A.E. Constitutional Law in the Context of Legal Culture // Journal of Russian Law. 2024. No. 8. Pp. 42-53.
13) Fedyaev S.M. Characteristics of the System of Methods of Forensic Phonoscopic Expertise // Russian Investigator. 2008. No. 5.
14) Fetishchev D.V. Judicial Power in the State Mechanism (Issues of Theory and Practice): Monograph. Moscow: Nauchnaya Kniga, 2007.
15) Fetishchev D.V. Judicial Power in the Modern State (History, Theory, and Practice): Monograph. Moscow: Nauchnaya Kniga, 2007.
16) Fetishchev D.V. «Judicial Law» and the Judicial System (Problems of Development and Improvement): Monograph. Moscow: Nauchnaya Kniga, 2007.
17) Chuchaev A.I. Mechanism of a Transport Crime (Concept and General Characteristics) // Lex russica. 2013. No. 6. Pp. 641-654.
18) Legal Psychology and Security Psychology: Textbook / Under the General Editorship of Yu.A. Sharanov. St. Petersburg: SPbU MVD RF, 2024.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_48
УДК 340.1

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ В СТРУКТУРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА
RUSSIA'S NATIONAL POLICY AS A KEY ELEMENT IN THE SECURITY STRUCTURE OF THE STATE

БИДОВА Бэла Бертовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки,
профессор кафедры правовых дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края.
360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. **Нальчик**, **ул. Чернышевского**, **173.**
E-mail: bela_007@bk.ru;

ИСМАИЛОВ Магомедсаид Абдулмуслимович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова».
360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. **Нальчик**, **ул. Чернышевского**, **173.**
E-mail: tauzhank@list.ru;

МЕЛЕШКО Ольга Петровна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки.
355045, Россия, г. Ставрополь, ул. Пирогова, 58.
E-mail: olyameleshko@yandex.ru;

BIDOVA Bela Bertovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki,
Professor of the Department of Legal Disciplines of the branch Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk, Stavropol Territory.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: bela_007@bk.ru ;

ISMAILOV Magomedsaid Abdulmuslimovich,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: tauzhank@list.ru;

MELESHKO Olga Petrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch
Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki.
58 Pirogova str., Stavropol, 355045, Russia.
E-mail: olyameleshko@yandex.ru

Краткая аннотация: *исследование фокусируется на взаимосвязи между результативностью проводимой национальной политики и состоянием безопасности России на государственном уровне. В работе анализируются стратегические векторы, целевые ориентиры и приоритетные задачи национальной политики государства. Значительное внимание уделено современным угрозам и сложностям, влияющим на национальную безопасность страны, а также исследованию потенциала государственной политики в национальной сфере для эффективного противодействия этим вызовам. В многонациональных государствах современности особую остроту приобретают вопросы сохранения этнического многообразия и гармонизации межнациональных отношений. Согласно заключению исследователя, именно национальная политика государства выступает фундаментальным инструментом, обеспечивающим безопасность и стабильное развитие страны в наши дни. Эта функция приобретает критическую значимость в условиях этнической неоднородности общества.*

Abstract: *the study focuses on the relationship between the effectiveness of the national policy and the state of Russia's security at the state level. The paper analyzes strategic vectors, targets and priorities of the national policy of the state. Considerable attention is paid to modern threats and complexities affecting the national security of the country, as well as to the study of the potential of state policy in the national sphere to effectively counter these challenges. In the multinational states of our time, the issues of preserving ethnic diversity and harmonizing interethnic relations are becoming particularly acute. According to the researcher, it is the national policy of the state that acts as a fundamental tool ensuring the security and stable development of the country in our days. This function becomes critically important in the context of the ethnic heterogeneity of society.*

Ключевые слова: *нация, политика, национальная политика, безопасность, национальная безопасность.*
Keywords: *nation, politics, national policy, security, national security.*

Для цитирования: *Бидова Б.Б., Исмаилов М.А., Мелешко О.П. Национальная политика России как ключевой элемент в структуре безопасности государства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 48-50. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_48.*
For citation*: Bidova B.B., Ismailov M.A., Meleshko O.P. Russia's national policy as a key element in the security structure of the state // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 48-50. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_48.*

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Одной из ключевых задач государства, стремящегося к устойчивому развитию и сохранению своего суверенитета, является обеспечение национальной безопасности, а для страны с многонациональным составом и огромными территориальными просторами, какой является Российская Федерация, этот вопрос приобретает особую актуальность. Национальная безопасность здесь выступает не только в качестве обеспечения военной обороны государства, но и как гарантия стабильности социально-политической жизни, экономического развития, а также сохранения культурного и национального многообразия [1, с.15].

В центре государственной национальной политики, направленной на обеспечение национальной безопасности, находится концепция сбалансированного учета интересов всех национальных и этнических групп, проживающих в России, что подразумевает создание условий для их гармоничного сосуществования и развития, предотвращение межнациональных конфликтов и экстремизма, и, основными принципами здесь выступают равенство всех граждан перед законом, гарантирование прав и свобод человека и гражданина, независимо от его национальной принадлежности.

Реализация государственной национальной политики в рамках обеспечения национальной безопасности предполагает комплекс мероприятий, к ним относятся:

- укрепление законодательной базы, направленной на защиту национального многообразия и предотвращение социальной дискриминации;
- разработка программ социально-экономического развития регионов, которые учитывают специфику и потребности местного населения;
- усиление работы органов государственной власти и управления в области предупреждения и пресечения межнациональных конфликтов.

Эффективная национальная безопасность невозможна без устойчивого внутреннего политического курса, поддерживающего социальное единство и межнациональное согласие, не мало важным аспектом является также активная внешняя политика, направленная на защиту прав и интересов соотечественников за рубежом, что также способствует укреплению внешнеполитического положения России и ее имиджа на международной арене.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что концептуальные основы национальной безопасности России тесно связаны с государственной национальной политикой, которая выступает как важнейший инструмент достижения социальной стабильности, экономического процветания и поддержания мира и гармонии в многонациональном обществе.

Согласимся с мнением Г.П. Корева и Н.А. Кулагина в том, что государственная национальная политика России, направленная на поддержку и развитие многонационального общества, вносит значимый вклад в обеспечение стабильности и национальной безопасности страны в ее уникальном этническом и культурном многообразии, которое требует тщательно выстроенного подхода к управлению национальными отношениями [2, с.9].

Одним из ключевых аспектов политико-правового обеспечения безопасности многонациональной России является совершенствование законодательства в сфере национальных отношений, что предполагает создание нормативно-правовой базы, способствующей предотвращению межнациональных конфликтов и способствующей интеграции всех наций и народностей в единое общественное пространство и ключевую роль здесь играет конституционное закрепление равноправия и защиты прав и свобод человека независимо от его национальной принадлежности.

Важным направлением становится также развитие и поддержка культурного диалога между различными этническими и религиозными группами: государственная поддержка языкового и культурного многообразия, организация образовательных программ, направленных на изучение культур и традиций народов России, способствуют укреплению межнационального и межкультурного согласия.

Особое внимание уделяется разработке мер по интеграции представителей всех наций в социально-экономический процесс страны, что включает в себя предоставление равных возможностей в области трудоустройства, образования, доступа к социальной инфраструктуре и такие меры позволяют устранять экономическую и социальную изоляцию этнических меньшинств, стимулируя их активное участие в жизни общества.

Отметим еще следующее: комплексный подход к политико-правовому обеспечению национальной безопасности многонациональной России, включающий в себя правовую защиту прав меньшинств, поддержку культурного многообразия и интеграцию всех народностей в общественную жизнь, создаёт устойчивую основу для развития гармоничного и поддерживающего общества, способного противостоять вызовам, угрожающим его безопасности и стабильности.

В Российской Федерации сложилась уникальная этнополитическая картина, которая характеризуется высокой степенью многообразия и полиэтничности, обусловленного присутствием на ее территории более чем 190 народностей и этнических групп, каждая из которых имеет свои языки, традиции, религии и культурные ценности и такое многообразие является не только богатством страны, но и создает определенные вызовы для государственной национальной политики, направленной на поддержание стабильности и обеспечение российской национальной безопасности [3, с.130].

На современном этапе основными задачами государственной национальной политики России являются предотвращение межнациональных конфликтов, интеграция представителей различных народностей в единое общественное пространство и развитие межкультурного и межрелигиозного диалога, реализация этих задач требует грамотного подхода и внимательного отношения к особенностям каждой этнической группы, а также разработки мер, способствующих снижению социальной напряженности и укреплению гражданского мира и согласия.

Специфика российской этнополитической ситуации требует также адаптации и модернизации нормативно-правовой базы, направленной на защиту прав и свобод всех народов и национальностей, проживающих в России, что включает в себя усовершенствование законодательства в области языковой политики, образования, культурного развития и предоставления равных возможностей для всех граждан независимо от их этнической принадлежности.

Важное значение в рамках обеспечения национальной безопасности России придается проектам и инициативам, направленным на укрепление культуры мира, толерантности и взаимопонимания между различными этническими сообществами и это способствует формированию сплоченного общества, основанного на принципах многонациональности и мультикультурализма, что в итоге служит надежной основой для стабильности и процветания государства на международной арене [4, с.100].

Необходимо подчеркнуть, что государственная национальная политика России на современном этапе играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности, ставя во главу угла укрепление межнационального согласия и поддержание социальной стабильности в стране.

В современной российской действительности вопросы национальной безопасности неразрывно связаны с эффективностью государственной национальной политики. По мнению Б.Б. Бидовой, «одним из ключевых аспектов данной политики является противодействие проявлениям наци-

онализма, этнонационального сепаратизма и угрозе терроризма, представляющие собой не только вызов для внутренней стабильности страны, но и критическую точку, на которой определяется способность государства обеспечивать защиту своих граждан и территориальную целостность» [5, с.179].

Разнообразие этнического состава России является богатством страны, тем не менее, оно же и создает определенные риски, а именно – этнонациональный сепаратизм, возникающий на почве экстремистских настроений, может быть использован внешними и внутренними недоброжелателями для дестабилизации обстановки в регионах, а разработка и воплощение в жизнь комплексной стратегии, направленной на предотвращение конфликтов между различными национальными группами, становится первоочередной задачей государственной национальной политики. Терроризм, особенно его этнонациональное измерение, представляет собой еще одну серьезную угрозу, в силу того что террористические акты не только несут непосредственную опасность для жизни и здоровья граждан, но и способны подорвать основы государственности и межнационального согласия. Борьба с терроризмом требует от государства не только применения силовых методов, но и развития социально-экономических, культурных и образовательных программ, направленных на ликвидацию почвы для экстремизма [6, с.47]. Добавим, что эффективная национальная политика должна основываться на диалоге с представителями всех национальностей, проживающих в стране, и обеспечивать равные возможности для развития и реализации потенциала каждого и только в таком случае можно достичь стабильности и обеспечить надежную защиту национальной безопасности России от вызовов национализма, этнонационального сепаратизма и терроризма.

Межнациональные отношения, казалось бы, сплетение различных культур, традиций и идентичностей, могут стать источником как богатства и силы, так и потенциальных конфликтов: недопонимание, предвзятые взгляды и экстремизм – всё это может подорвать основы межнационального диалога и безопасности. Угрозы, возникающие в сфере межнациональных отношений, многообразны и могут проявляться в форме: этнического экстремизма, сепаратизма, ксенофобии и расизма; социально-экономической несправедливости, неуважения к культурному наследию и традициям народов России. Не мало важная проблема находится в области миграционной политики – миграционные потоки могут удвоить напряженность в обществе, создавая благоприятную среду для межнациональных.

Для обеспечения национальной безопасности необходимо принять ряд мер, направленных на снижение уровня межнациональной напряженности и предотвращение возможных конфликтов:

- формирование у граждан России чувства патриотизма и гражданской идентичности, превыше всего ставящее интересы многонационального государства;

- интеграция мигрантов через образовательные программы, изучение русского языка и культуры, понимание прав и обязанностей – все это должно стать обязательной частью национальной политики;

- активное противодействие проявлениям ксенофобии и экстремизма, чему могут способствовать как законодательные инициативы, так и работы общественных организаций;

- создание и поддержка площадок для межкультурного диалога, освещение успехов представителей различных национальностей в СМИ способствуют формированию положительного образа многонационального сообщества [7, с.53].

В конечном итоге, успех национальной политики в области межнациональных отношений и обеспечения безопасности государства определится способностью властей и общества к сотрудничеству, основанному на взаимном уважении, толерантности и включенности всех граждан в процесс развития страны и ее территорий.

Существенным шагом на пути к укреплению национальной безопасности является адаптация национальной политики к современным мировым реалиям, что требует от государства гибкости и способности к быстрой реакции на меняющуюся международную обстановку, с акцентом на поддержку многонационального и мультикультурного характера российской общественности, предотвращение этнических конфликтов и способствование развитию гражданского общества.

Список литературы:

1. Беляев В.П., Бидова Б.Б. Сущность национальных интересов: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 7 (116). С. 11-21.
2. Корнев Г.П. Государственность и гражданственность как смыслообразующие признаки нации // Вестник ВятГУ. 2017. №7. С. 5-12.
3. Юрченко М.В. Теоретико-методологические аспекты изучения проблематики национально-государственных интересов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. №1. С. 128-131.
4. Лазарев В.В. Национальный интерес в конструировании изменений законодательства // Юридическая техника. 2023. №17. С. 98-102.
5. Бидова Б. Б. Обеспечение национальных интересов России в контексте стратегии национальной безопасности: Научное издание. Кисловодск: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования и науки "Учебный центр "Магистр", 2018. 236 с.
6. Мареев П.Л. Национальные интересы в системе национальной безопасности государства // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. №3. С. 42-50.
7. Беляев В.П., Беляева Г.С., Бидова Б.Б. К вопросу о понятии национальных интересов и особенностях их юридического закрепления в североамериканской традиции // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8(176). С. 52-54.

References:

1. Belyaev V.P., Bidova B.B. The essence of national interests: a general theoretical aspect // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 7 (116). pp. 11-21.
2. Kornev G.P. Statehood and citizenship as semantic signs of a nation // Bulletin of Vyatka State University. 2017. No. 7. pp. 5-12.
3. Yurchenko M.V. Theoretical and methodological aspects of studying the problems of national and state interests // Bulletin of Volga State University. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations. 2011. No. 1. pp. 128-131.
4. Lazarev V.V. National interest in the design of legislative changes // Legal technology. 2023. No. 17. pp. 98-102.
5. Bidova B. B. Ensuring Russia's national interests in the context of the national Security strategy: A scientific publication. Kislovodsk: Autonomous Non-profit Organization of additional professional education and Science "Magister Training Center", 2018. 236 p
. 6. Mareev P.L. National interests in the national security system of the state // International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law. 2020. No. 3. pp. 42-50.
7. Belyaev V.P., Belyaeva G.S., Bidova B.B. On the concept of national interests and the specifics of their legal consolidation in the North American tradition // Law and the State: theory and practice. 2019. No. 8(176). pp. 52-54.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_51

УДК 340.1

ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В СТРУКТУРЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА
THE LEGAL STATUS OF ETHNIC GROUPS IN THE STRUCTURE THE DOMESTIC POLICY OF RUSSIA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

СЕЙТИЕВ Анварбек Солтан-Салимович,
соискатель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова».
360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. **Нальчик**, **ул. Чернышевского**, **173.**
E-mail: seitievass@gmail.com;

SEITIEV Anvarbek Soltan-Salimovich,
Candidate of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: seitievass@gmail.com

Краткая аннотация: *исследование фокусируется на трансформации юридических принципов и законодательных актов, определявших существование разнообразных этнических сообществ внутри российской государственности. Используя архивные материалы и академические труды, автор прослеживает динамику этих изменений. На протяжении всей истории России, начиная с раннего средневековья и заканчивая предреволюционной эпохой, взаимоотношения государства с различными народностями оставались критически важным аспектом внутренней политики. Значительные реформы государственного устройства, происходившие за это тысячелетие, неизменно сказывались на положении национальных меньшинств и этнических сообществ. Изучение трансформации правового статуса этнических групп охватывает период от становления древнерусского государства до революционных преобразований начала прошлого столетия, акцентируя внимание на критических исторических моментах. Данный анализ раскрывает не только характер межнациональных взаимоотношений внутри государства, но и демонстрирует, каким образом политические реформы трансформировали юридический статус народностей в составе России.*

Abstract: *The research focuses on the transformation of legal principles and legislative acts that determined the existence of diverse ethnic communities within the Russian statehood. Using archival materials and academic papers, the author traces the dynamics of these changes. Throughout the history of Russia, from the early Middle Ages to the pre-revolutionary era, the relationship between the state and various ethnic groups remained a critically important aspect of domestic policy. The significant reforms of the State structure that have taken place over this millennium have consistently affected the situation of national minorities and ethnic communities. The study of the transformation of the legal status of ethnic groups covers the period from the formation of the ancient Russian state to the revolutionary transformations of the beginning of the last century, focusing on critical historical moments. This analysis reveals not only the nature of interethnic relations within the state, but also demonstrates how political reforms have transformed the legal status of ethnic groups within Russia.*

Ключевые слова: *этнические общности, национальные группы, народности, юридический статус, государственные системы.*
Keywords: *ethnic communities, national groups, nationalities, legal status, state systems.*

Для цитирования: *Сейтиев А.С.-С. Юридический статус этнических групп в структуре внутренней политики России дореволюционного периода // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 51-53. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_51.*
For citation*: Seitiev A.S.-S. The legal status of ethnic groups in the Structure of Russia's domestic Policy in the pre-Revolutionary period // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 51-53. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_51.*

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Российская политическая система, с ее уникальными чертами, формировалась на протяжении многих веков, отражая разнообразие этнических групп внутри государства. Многоэтапное развитие страны, начиная с IX столетия и до первых десятилетий XX века, заложило фундамент правового статуса различных народностей в государственной структуре. Эволюционный путь, пройденный от времен Киевской Руси, характеризовался не только внутренними культурными, социально-экономическими и политическими трансформациями, но и воздействием внешних факторов. Комплексность этого исторического процесса определила особенности взаимоотношений между многочисленными нациями, населяющими Россию.

Российские земли от девятого до семнадцатого столетия характеризовались феодальной раздробленностью, где княжеская власть обеспечивала определённую самостоятельность регионам. Постепенная консолидация вокруг московского центра привела к усилению централизованного управления. Расширяя свои границы, Россия включала в свой состав разнообразные этнические группы, обогащавшие политический и культурный ландшафт страны своими неповторимыми традициями и обычаями [1, с.249].

Начиная с петровских преобразований в восемнадцатом столетии, российское государство решительно встало на путь обновления, ориентируясь на европейские модели и усиление властной вертикали. Эти трансформации охватывали не только политико-социальную сферу, но и стремились сформировать унифицированную юридическую систему, где центральная администрация устанавливала права и обязанности подданных [2, с.69]. Важно подчеркнуть, что подобные нововведения неминуемо трансформировали юридический статус разнообразных этносов, населявших империю, способствуя созданию единой национальной идентичности, хотя это порождало определенные конфликты между различными этническими сообществами и социальными слоями.

Девятнадцатое столетие стало эпохой кардинальных общественных изменений и трансформаций. Ключевым событием явилась ликвидация крепостничества в 1861 г., даровавшая сельскому населению персональную независимость и создавшая фундамент для становления новой социальной структуры. Тем не менее, юридический статус этнических групп и народностей империи продолжал вызывать озабоченность. Требования этнической самоидентификации усиливались, в то время как имперское правительство стремилось сохранить целостность государственного организма, нередко используя методы принудительной ассимиляции и дискриминации национальных сообществ.

На рубеже двадцатого столетия Россия столкнулась с серьезным кризисом, вызванным нарастающими противоречиями в обществе и

национальной сфере. Эти глубинные проблемы впоследствии спровоцировали революционные взрывы 1905 и 1917 годов. В результате этих потрясений политический ландшафт страны подвергся коренной трансформации, что ознаменовало начало принципиально нового исторического этапа. В зарождающемся советском государстве вопросы национальной идентичности и правового положения различных народов приобрели совершенно иное звучание и значение.

Анализируя историко-правовую эволюцию России с девятого столетия до начала двадцатого, можно заключить, что трансформация политического устройства неотделима от судеб множества этносов, обитавших на её территории. Различные исторические периоды по-разному формировали юридический статус этих сообществ, закладывая основу современного многонационального государственного образования [4, с. 42]ю

В многовековой летописи России юридическое положение этнических сообществ играло ключевую роль. В эпоху Киевской Руси статус народностей определялся преимущественно племенными обычаями и традиционным укладом [4, с. 83]. Межкняжеские соглашения того времени уже включали признаки уважения самобытности и устанавливали определённые обязательства перед центром власти.

В эпоху становления Московского государства ключевую роль играл процесс территориального объединения. Укрепление центральной власти и экспансия требовали гибкого подхода к разнообразным этническим сообществам. Правовые отношения координировались через приказы, которые стремились интегрировать местное население в единую правовую систему, одновременно допуская существование региональных правовых традиций.

С воцарением династии Романовых, особенно в имперский период, активизировались попытки систематизации правовых норм. Ярким примером стало Соборное уложение 1649 года, заложившее фундамент юридического статуса как для коренного русского населения, так и для представителей других народностей [5, с.15].

Существенным историческим моментом явились Царский Манифест от 17 октября 1905 года и пересмотренные Фундаментальные Законы Российского Государства (23 апреля 1906 г.), которые теоретически утвердили юридическое равноправие всех граждан, хотя фактически различные этнические сообщества продолжали испытывать неравенство и притеснения. Ранее, 30 апреля 1905 года (по новому стилю), был обнародован императорский указ Николая II, направленный на расширение религиозной толерантности. Этот документ, несмотря на сохранение запрета на переход в нехристианские конфессии и отсутствие возможности быть атеистом, несомненно продвинул общество к большей религиозной свободе [6, с.456].

Казачьи сообщества выступают показательным примером, обладая уникальным положением с конкретными привилегиями и обязательствами в военной сфере и распределении земель. Горские народности Кавказского региона и аборигенные этносы Сибирской территории также получили специальные права в контексте колонизационной стратегии. В этот исторический отрезок наблюдались стремления к формированию целостного юридического поля, учитывающего потребности и особенности этнического многообразия империи. Однако практическое воплощение данных концепций зачастую противоречило действительности и политическим амбициям, вызывая социальную напряженность и противоречия в российском государстве.

До начала прошлого столетия юридический статус этнических групп и национальностей в государственной структуре России существенно трансформировался. Эти перемены затронули как нормативно-правовую базу, так и общественное устройство. Подобная динамика статуса разных народов демонстрирует всю комплексность администрирования полиэтнического государства с глубокими историко-культурными различиями. На протяжении более тысячелетия – с IX по начало XX века – властные механизмы Российского государства значительно видоизменялись, особенно в аспекте законодательного регулирования положения разнообразных этносов на её территории. По мере территориального роста Россия вбирала множество народностей с самобытными традициями, языками и культурным наследием, что неизбежно отражалось на структуре государственного управления.

Историческая трансформация влияния различных этнических групп на государственное устройство прослеживается через века. С момента зарождения древнерусского государства в IX столетии, через период возвышения Москвы и вплоть до имперской эпохи, происходило постоянное расширение границ путем военных кампаний и политических присоединений. Для эффективного управления приобретенными землями применялась стратегия гибкого включения в государственную структуру, при которой региональным правящим кругам предоставлялись определенные привилегии и самоуправление. Такой подход минимизировал конфликты и облегчал адаптацию новых территорий к центральной власти [4, с.100].

Особо важным этапом стало время правления Ивана III, который в значительной степени способствовал объединению русских земель и заложил основы централизованной российской государственности. И такая политика продолжилась в эпоху Ивана IV (Грозного), когда были предприняты первые серьёзные попытки создания единой административной системы, включая интеграцию национальных окраин.

Однако, наибольшее влияние на правовое положение и роль народов в политической системе оказали реформы Петра I и последующие административные преобразования XVIII - начала XX века. С этого периода началось активное формирование институтов централизованной власти, стремление к единообразию законодательства и управленческих методов. Во времена Петра Великого была предпринята попытка преобразования русского общества по европейскому образцу, что предполагало в том числе изменения в правовом статусе национальных меньшинств и народов [7, с.16].

Дальнейшее развитие пришло в XIX - начале XX века, когда в России начали активно формироваться национальные движения и общества, стремящиеся к автономии или независимости. Правовой статус многонационального состава государства становился всё более сложным, что находило отражение в реформах, направленных на улучшение отношений между центральной властью и национальными периферия-ми. Особенно это касалось Польши, Финляндии, Кавказских регионов, где были предприняты попытки предоставления определённой степени автономии в обмен на лояльность к императорскому центру [4, с.114].

Динамика отношений между центральной властью и этническими общностями охватывает широкий спектр взаимодействий от сотрудничества до конфликтов, что значительно влияло на политическую, социальную и культурную жизнь в стране. Присоединение новых территорий к России часто осуществлялось через военные походы и последующую аннексию, что неизбежно порождало конфликтные ситуации. Так, например, взаимоотношения с кавказскими народами в XIX веке были осложнены из-за попыток централизованной Империи включить эти территории в свой состав, что вызывало сопротивление местного населения.

Однако взаимодействие между центральной властью и этническими общностями не всегда было конфликтным. В Российской империи существовали попытки интеграции народов путем диалога и согласования интересов. Примером такого подхода может служить политика кантонизма в отношении еврейского населения или создание автономных территориальных образований, таких как Финляндский княжество. Эти и подобные меры позволяли на определенных этапах снижать напряженность и строить более гармоничные отношения между центральной властью и многочисленными народами империи [7, с.18].

Важным фактором, влияющим на правовое положение народов и наций в составе Российской империи, было их собственное стремление к сохранению уникальности своей культуры, традиций и социально-политического устройства. Зачастую это проявлялось в форме национально-освободительных движений, направленных против ассимиляционной политики центральной власти. К числу таких можно отнести польские восстания XIX века или участие некоторых кавказских народов в антироссийских вооруженных выступлениях.

К концу XIX - началу XX века, в условиях ускорения процессов модернизации и нарастания общественного недовольства политическим устройством империи, вопросы взаимодействия между народами и центральной властью становятся еще более актуальными. Рост национального самосознания ведет к усилению национальных движений, а политика Русификации, проводимая правительством, вызывает протесты и усиливает сепаратистские настроения среди некоторых этнических групп.

Таким образом, период с IX по начало XX века в истории России характеризуется как временем комплексного и многоаспектного взаимодействия между центральной властью и народами, проживающими на ее территории. Баланс между стремлением к поддержанию целостности государства и учетом прав и интересов различных народов оставался важнейшей задачей политической системы, решение которой определяло как внутреннее развитие страны, так и ее внешнеполитическое положение.

Вместе с тем, политика Российской империи в отношении народов и наций была далека от идеала. Сильное централизованное государство и попытки русификации, особенно в последние десятилетия до революции 1917 года, часто приводили к усилению национального сопротивления и порождали конфликты.

В период с IX по начало XX века Российская империя эволюционировала в своей национальной политике, выстраивая сложную систему взаимоотношений с этническими группами на подконтрольных землях. Этот исторический путь сочетал военную экспансию и административную адаптацию присоединенных регионов с поддержкой их самобытного развития. Данный исторический опыт стал фундаментом для современного федеративного устройства России, определив принципы распределения полномочий между федеральным центром и региональными субъектами, что имеет критическое значение для функционирования государства.

Историческое влияние заметно в современной системе этнических образований России. Административные структуры, берущие начало в царской России и трансформированные при СССР, сегодня создают особые условия для этнических сообществ внутри федерации.

Вместе с тем, исторический багаж создаёт существенные препятствия в процессе построения справедливого общества, где все граждане, вне зависимости от этнического происхождения, имели бы равные возможности и права.

Вопросы уважения к различным национальностям и вероисповеданиям, а также вовлечение этнических групп в общие государственные дела сохраняют свою значимость и нужд

Список литературы:

1. Селютин А. В. Бремя модернизации // Территория науки. 2013. №6. С. 243-256.
2. Лисовская Г. В. Развитие представлений о национальном государстве в истории политико-правовой мысли // Философия права. 2011. №4. С. 67-72.
3. Рязанов В.Т. Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2011. №2. С. 3-17.
4. Дзалаев О.Ф. Национальная политика досоветской России как фактор оптимизации взаимодействия общества и государства. М.: Проспект, 2023. 128 с.
5. Левакин И. В. Императорская «конституция» 1905–1906 гг. (исторический контекст, содержание, причины провала) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 13-20.
6. Высочайше утверждённые Основные государственные законы. 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 26 (1906). СПб., 1909. № 27805. 1160 с. https://www.prlib.ru/item/358578
7. Дзалаев О.Ф. Государственная национальная политика в имперской России: историко-правовой анализ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 14-20.

References:

1. Selyutin A.V. The burden of modernization // The territory of science. 2013. No. 6. pp. 243-256.
2. Lisovskaya G. V. The development of ideas about the national state in the history of political and legal thought // Philosophy of Law. 2011. No. 4. pp. 67-72.
3. Ryazanov V.T. The reform of 1861 in Russia: causes and historical lessons // Bulletin of St. Petersburg University. Economy. 2011. No. 2. pp. 3-17.
4. Dzalaev O.F. The national policy of pre-Soviet Russia as a factor in optimizing the interaction of society and the state. Moscow: Prospekt, 2023. 128 p.
5. Levakin I. V. The Imperial "Constitution" of 1905-1906. (historical context, content, reasons for failure) // Law and order: history, theory, practice. 2022. No. 1 (32). pp. 13-20.
6. Highly approved Basic State Laws. April 23, 1906 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3-E. T. 26 (1906). St. Petersburg, 1909. No. 27805. 1160 p. https://www.prlib.ru/item/358578
7. Dzalaev O.F. State national policy in Imperial Russia: historical and legal analysis // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2024. No. 4 (167). pp. 14-20.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_54

РОЛЬ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ, ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА: НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА
THE ROLE OF LEGAL TRADITIONS IN THE FORMATION OF LEGAL INSTITUTIONS, LEGALITY, AND LAW AND ORDER: ON THE EXAMPLE OF PUBLIC LAW

ПЛОТНИКОВА Татьяна Владиславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.
392024, Россия, г. Тамбов, Интернациональная ул., 33.
E-mail: tplotnikova@tsu.ru;

ХАРИН Вадим Витальевич,
старший преподаватель
кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.
392024, Россия, г. Тамбов, Интернациональная ул., 33.
E-mail: harin@tsu.ru;

PLOTNIKOVA Tatyana Vladislavovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Special Training and National Security at Derzhavin TSU.
33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392024, Russia.
E-mail: tplotnikova@tsu.ru;

HARIN Vadim Vitalievich,
Senior Lecturer at the Department of Special Training and National Security at Derzhavin TSU.
33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392024, Russia.
E-mail: harin@tsu.ru

Краткая аннотация: *авторы настоящего исследования провели работу по анализу и сущностным характеристикам правовых традиций в сфере обеспечения законности и правопорядка. Были выявлены роль правовых традиций, прежде всего в сфере публичного права и причины их формирования. Делается вывод о том, что в сфере публичного права роль правовых традиций заключается в необходимости обеспечения единства защиты прав и законных интересов субъектов права. Например, единство судебного процесса обеспечивается за счет правовых традиций, оказавших влияние на формирование таких отраслей права как гражданский процесс, уголовный процесс.*

Abstract: *The authors of this study have conducted an analysis of the essential characteristics of legal traditions in the field of ensuring the rule of law and the rule of law and order. The role of legal traditions, especially in the field of public law, and the reasons for their formation have been identified. It is concluded that in the field of public law, the role of legal traditions is to ensure the unity of protection of the rights and legitimate interests of legal entities. For example, the unity of the judicial process is ensured through legal traditions that have influenced the formation of such branches of law as civil procedure and criminal procedure.*

Ключевые слова: *правовые традиции, публичное право, законность, правопорядок*
Keywords: *legal traditions, public law, rule of law, law and order*

Для цитирования: *Плотникова Т.В., Харин В.В. Роль правовых традиций в формировании правовых институтов, законности и правопорядка: на примере публичного права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 54-58. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_54.*

For citation*: Plotnikova T.V., Harin V.V. The role of legal traditions in the formation of legal institutions, legality, and law and order: on the example of public law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 54-58. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_54.*

Статья поступила в редакцию: 02.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Формирование правовых институтов, обеспечение законности и правопорядка – весьма сложный, трудоемкий процесс, который должен основываться на необходимости соблюдения преемственности в регулировании общественных процессов. Как отметил А.П. Алексеев, переосмысление правовых взглядов и оценок правовых явлений, появление новых научных исследований правовых институтов должны быть основаны на системообразующем, исторически сложившемся подходе изучения государственно-правовых и частноправовых учений[1].

Возникающие острые, кризисные моменты в развитии общества, как правило, требуют механизма выхода из ситуации, основанного на существующих правовых традициях в механизме правового регулирования. Вместе с тем, как отметил Р.С. Сулипов, правовые традиции могут иметь двоякую роль в кризисные моменты: «С одной стороны, они отвлекают внимание населения от проблем современности, концентрируя его на отдалённом прошлом, а с другой - подсказывают решение социальных проблем, создающих социальную напряженность, дестабилизацию общества и нарушающих его целостность»[2].

В целях формирования представлений о роли правовых традиций в публичном праве необходимо рассмотреть, что представляет собой данный правовой феномен.

Анализ научных источников по вопросам определения положения правовых традиций в механизме правового регулирования позволяет говорить о том, что данный термин достаточно часто встречается в работах российских и зарубежных ученых, однако единого подхода к опре-

[1]Алексеев А.П.Конституционно-правовые институты и российская государственно-правовая традиция // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 2 (9). С. 20.
[2]Сулипов Р.С. Роль правовых традиций в механизме правового регулирования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2 (27). С. 34.

делению данного феномена до настоящего времени так и не выработано. Отсутствие единого подхода к определению правовой традиции дает возможность изучить всю многогранность, многоаспектность, полисистемность данного явления, вместе с тем, наличие подобной ситуации в научных исследованиях может создавать препятствия в исследовании роли правовых традиций в формировании отраслей права, отдельных институтов, использования правовых традиций в механизме обеспечения законности и правопорядка.

В научной литературе отмечается, что «правовая традиция представляет собой связь времен, социальное (правовое) наследование. В свою очередь, Г. Гленн рассматривает правовую традицию как правовую систему в ее историческом развитии. Ю. Лобода рассматривает правовую традицию как закономерности развития сферы правового бытия общества, и одновременно принцип, идею и тенденцию развития правовой составляющей социальной организации»[1].

Д.А. Вовк отметил, что правовая традиция, как категория, которая отображает своеобразие бытия правовой системы, имеет плюралистический характер. Общность исторического развития разных социумов в пределах определенной цивилизации является предпосылкой для существования в правовых системах этих социумов традиций, которые охватывают цивилизацию в целом (традиции христианства, римского права и т.п.)[2].

В ходе исследования научных источников было установлено, что выделяется несколько подходов к пониманию сущности правовой традиции. Так, согласно первому (трансмиссионному) «правовая традиция состоит впередаче элементов культуры в процессе коммуникации между поколениями. Вторая (объективная) трактовка рассматривает традицию как хранилище истории, актуализированное наследие прошлого. Третий (субъективный) подход изображает традицию как оценочное обращение данного поколения к прошлому, особый род ценностей, защита или критика которых содержит апелляцию к их происхождению из прошлого»[3].

А В. Мурунова, исследуя сущность правовых традиций, утверждает: «Правовые традиции могут способствовать или, напротив, препятствовать развитию права. Когда они способствуют развитию права, то удерживают право в его специальных границах; наследуют и передают будущему общекультурные ценности в праве; доносят до новых времен великие общедемократические идеалы, усвоенные правом или правосознанием прошлых эпох. А когда препятствуют развитию права, становятся тормозом появления новых правоотношений и новых институтов, вынуждают государственную власть к разного рода компромиссам в реализации новой правовой ситуации»[4].

Так, например, в России в отсутствии правовой традиции официального и разрешенного продвижения интересов третьих лиц за счет воздействия на органы государственной власти, процесс возникновения и развития правового института был весьма затруднен. Как отметила Д.И. Чуева, «в Российской Федерации лоббистская деятельность осуществляется в условиях правового вакуума. Попытки легализовать лоббистскую деятельность предпринимаются с 1990-х годов. Так, с 1996 года по настоящее время в Государственную Думу было внесено четыре законопроекта, посвященных регулированию лоббистской деятельности 136, однако ни один из них так и не был принят. Тем не менее, дискуссия вокруг возможности законодательного регулирования лоббистской деятельности не прекращается»[5].

Правовая традиция в научной литературе характеризуется как базовая категория сравнительно-правовых исследований[6]. Так, например, при исследовании источников права, как в рамках одной правовой семьи, так и применительно к исследованиям источников права разных правовых семей, ученые обращаются к общим и частным закономерностям развития общества, историческим особенностям формирования государственно-правовых институтов и публичного права. Одной из таких общих черт формирования и развития государственно-правовых явлений можно назвать религию, на основе которой многие государства выстраивали собственный либо модернизировали заимствованный механизм правового регулирования.

Необходимость разделения общественных отношений на сферы личную и публичную как одна из традиций в ее, в том числе, историко-правовом аспекте неизбежно ведет к необходимости выделения публичных и частных отраслей права и, соответственно, правовых институтов.

М.Н. Марченко отметил: «разделение было обусловлено в решающей степени влиянием римского права на процесс формирования и развития романо-германского права, которое унаследовало от него не толькоосновополагающие принципы, институты и доктрины, но и классификацию норм права на нормы частного и публичного права»[7].

Вместе с тем, необходимо отметить, что в настоящее под влиянием уже ныне существующих правовых традиций в европейской системе стали стираться грани частного и публичного права. Так, Е.А. Милова указывает, что «традицию разделения права на частное и публичное в современной континентальной Европе может быть охарактеризована, скорее, как терминологическую. Сегодня понятие частного права противопоставляется публичному, эти категории обозначают разные порядки, разные формы воздействия на общественные отношения»[8].

Многие правоведы достаточно много внимания уделяют правовым традициям в сфере государственного механизма и публичного права, являющегося его базисом, давая определения правовым традициям именно в этой сфере.

По мнению А.П. Алексеева, «государственно-правовая традиция понимается как исторически сложившаяся совокупность взглядов об-

[1] Цит. по: Вовк Д.А. Правовая традиция как феномен правовой системы // PolitBook. 2012. № 4. С. 172.
[2] Там же. С. 175.
[3] Сонин В.В. Правовая культура и правовая традиция в их соотношении // Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 77.
[4] Мурунова А.В. Правовые традиции России и Запада: сравнительно-правовой анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. Выпуск 5. С. 120.
[5] Чуева Д.И. Институт лоббизма в России: концептуальные основы и проблемы правового регулирования // Теория и практика современной науки. 2016. № 12 (18). С. 414.
[6] Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 37.
[7] Цит.по: Яковлев А.В. Значение наследия дореволюционных ученых-юристов для построения правового государства// Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 149.
[8] Милова Е.А.К вопросу об источнике деления права на публичное и частное // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 30 (72). С. 81.

щества о государстве и его институтах, о праве и политике, а также основанное на ней политико-правовое устройство этого общества»[1].

Отраслью права, в которой происходило и происходит формирование правовых институтов на основе правовых традиций, является конституционное право. К.В. Арановский в своей диссертации отметил, что «конституционное право образует традицию, которую нельзя представить в описании одного лишь законодательства. Конституцию определяет не понятие «основной закон государства», а исторически сложившееся единство правоположений, выражающих народовластие, личную и политическую свободу, верховенство права, правила территориального устройства государства. При этом конституционная традиция представляет собой обновляемое, но устойчивое и целостное правообразование. Она обеспечена индивидуалистическим мировоззрением, рационализмом и прагматизмом. Ее отличают специфические образы (народа, личности, государства, закона, суда), манеры восприятия, селекция эмоций, развитая нормативность, умение людей выстраивать, усваивать и возобновлять правила, система передачи и потребления правосодержащей информации»[2].

В.И. Червонюк отметил, что «как и правовые вообще, конституционные традиции могут иметь как универсальное значение (так сказать, трансграничное), распространяясь на все страны и континенты, так и действовать в границах одной правовой семьи и даже отдельной правовой системы. Так, в странах общего права, а также заимствовавших вестминстерскую систему правления, безусловный приоритет в нормативной структуре права отдается процессуальным правовым институтам. Тем самым по-прежнему действует доминанта, соответственно которой общее право рассматривается как совокупность процессуальных решений; средства защиты предшествуют праву и т. д. Отсюда, несмотря на обилие принятых в последние годы статутов, и даже если будет принята писаная конституция (притом что отмеченные акты имеют конституционное значение), исследователи утверждают, что это не лишит английское право оригинальности, проявляющейся в доминировании судебных решений. В рамках различий типов правовых семей и конституционных систем конституционная традиция формулирует особенные подходы к фундаментальным понятиям, в частности, к пониманию закона. Так, в странах общего права юридическая теория и практика исходят из понимания закона в материальном и формальном значениях. В материальном смысле под законом понимается любая норма писаного права, в то время как собственно принимаемые парламентом статуты представляют закон в его формальном значении»[3].

В ходе исследования роли правовых традиций в сфере публичного права удалось выяснить, что «следование традициям выступает одним из ориентиров конституционно-правового регулирования общественных отношений. Вот лишь некоторые законодательные решения. Во-первых, в Декларации СНД РСФСР от 12 ноября 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» закреплено, что традиции составляют одну из основ государственности республики: «Суверенитет РСФСР – естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции». Во-вторых, исходя из традиций народов России хранить и беречь память о защитниках Родины, тех, кто отдал свои жизни в борьбе за ее свободу и независимость, законодательно установлены способы увековечения победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В-третьих, в тексте присяги как торжественной клятвы, произносимой при приобретении гражданства Российской Федерации, есть обещание «быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции»; общность традиций является одной из составляющих самобытности при самоидентификации лиц как соотечественников. В-четвертых, в отношении коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации установлены правовые основы образования, охраны и использования территорий их традиционного природопользования и традиционного образа жизни. В-пятых, в субъектах Российской Федерации наименование законодательного(представительного) органа государственной власти, наименование должности высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти), а также наименование высшего исполнительного органа государственной власти устанавливаются конституцией (уставом)субъекта Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций субъекта Российской Федерации. В-шестых, наименования представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования) устанавливаются законом субъекта Российской Федерации с учетом исторических и иных местных традиций. В-седьмых, наименование Общественной палаты субъекта Российской Федерации устанавливается законом субъекта Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций субъекта Российской Федерации. В-восьмых, принципом национально-культурной автономии в России является уважение языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей»[4].

Правовые традиции в сфере публичного права обеспечивают формирование доверия граждан к закону и обеспечивают законность и правопорядок в обществе. Одним из регуляторов доверия граждан к закону и действиям государства является обеспечение эффективного функционирования государственного аппарата работающего на всех уровнях государственной власти. В свое время И.А. Ильин писал: «Государство по своей идее есть живая система всеобщего доверия, и тот, кто облечен властью, имеет священную и в то же время правовую обязанность поддерживать к ней доверие»[5]. Это значит, что легитимность принятых государством правовых актов и иных решений, поддержка государственной политики населением во многом зависит от авторитета представителей власти[6]. В Российской Федерации формирование авторитета пред-

[1] Алексеев А.П. Конституционно-правовые институты и российская государственно-правовая традиция // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 2 (9). С. 20.
[2]Арановский К.В. Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.02 / Константин Викторович Арановский. СПб., 2004, С. 15.
[3] Червонюк В.И. Конституционные традиции как универсальные правовые регуляторы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 111.
[4] Сазонникова Е.В. Категория «традиция» в науке конституционного права // Конституционализм и государствоведение. 2020. № 2 (18). С. 16-17.
[5]Ильин И.А. О сущности правосознания//Теория государства и права. М., 2003. С.368-369.
[6]Абдулин Р.С. Конституционные принципы и правовые регуляторы доверия граждан к закону и действиям государства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 72.

ставителей власти основывается на законодательной основе, в статье 4 Конституции Российской Федерации[1] прямо закреплено верховенство закона, которое обеспечивается принудительным их исполнением. Стоит отметить, что на любом этапе исторического развития российского общества авторитет государственной власти обеспечивался посредством издания нормативных правовых актов и принудительным их исполнением.

Правовые традиции в сфере публичного права тесно связанны с механизмом обеспечения прав человека, который в нашем государстве имеет свой особенный путь исторического развития. Например, Конституционный Суд РФ нередко объяснял конкретно-историческими условиям попрание прав человека в российской новейшей истории, как было со свободой слова и информации, правом на свободу передвижения[2].

В исследованиях российских ученых некоторое время назад отмечался вопрос «о национальном стандарте прав человека, который зачастую расходится с международным. Такой отход от главного основополагающего принципа европейского и мирового законодательства неминуемо приведет к деформации отечественной правовой системы. Ряд авторов логично считают, что обеспечение прав человека «открывают путь нациям к полноценному международному общению», а отход от общеевропейских ценностей сулит не только политическую, но и правовую «изоляцию»»[3].

Исследуя роль правовых традиций в сфере публичного права, нельзя не отметить тот факт, именно в публичном праве проявляется отечественное устойчивое мировоззрение на многие государственно-правовые явления.

Р.С. Сулипов отмечает, что «при создании норм права правовые традиции выступают выражением тех правовых ценностей, которых достигло право в предыдущие периоды. Выражение правового опыта в правовых традициях позволяет придать вновь создаваемой норме права свойство эффективности. Законодателю легче принять закон и ввести его в действие, если он основан на традициях. В этом случае право воздействует на материальную сферу общественных отношений, закрепляет императив поведения, опирающегося на принудительную силу закона, а традиции воздействуют на духовную сферу. Таким образом, эти два компонента дополняют друг друга, делают правовое регулирование более эффективным. Традиции складываются под влиянием ценностных ориентиров и регулируют повседневное поведение индивида даже в тех случаях, когда он этого не осознаёт, поскольку в структуре социальных действий большую часть составляют традиционные акты - поступки по правилу «так поступают все». Традиции заложены в основе социального порядка и влияют на общество в большей степени, чем правовая система. Права нарушаются, когда следование нормы права противоречит социальным образцам»[4].

Например, наличие в российском обществе и российской правовой действительности такой традиции как необходимость обеспечения сохранности объектов культурного и исторического наследия привело к формированию правового института юридической (административной) ответственности в соответствии со ст. 7.14.1 Кодекса Российской Федерации об административной ответственности[5].

Рассматривая российское административное право как одну из основных отраслей публичного права и его правовые институты, необходимо отметить, что именно данная отрасль права складывалась на основе правовых традиций, берущих начало еще в полицейском праве нашего государства. М.Н. Кобзарь-Фролова, анализируя работу круглого стола «Система административного права», отметила: «Административное право исторически вышло из полицейского права и во многом опиралось на его основные постулаты. Дореволюционный правовед и видный полицеист Иван Трофимович Тарасов в своих Очерках 1897 г. разделял науку полицейского права на Общую и Особенную части. Его учение развил уже в административном праве профессор Казанского, а позднее Московского университета Аркадий Иванович Елистратов. В 1917 г. ученый писал о том, что в противоположность полицейскому праву предметом административного права является не административная деятельность в себе, а система правоотношений, складывающихся на ее почве. Существующая ныне система административно права (с группировкой норм) окончательно сложилась в 50-60-е гг. советского периода развития государственности, отражая реалии социалистического о строительства. За прошедшие годы изменился общественный строй, выстроена принципиально иная система органов государственной власти, изменилось законодательство и правосознание»[6].

Говоря о правовых традициях в системе обеспечения законности и правопорядка нельзя не упомянуть о том, что современные «судебные» отрасли права (например, гражданский процесс, уголовный процесс) уходят своими корнями к дореволюционному праву, ряд их институтов (состязательность, институт присяжных поверенных и т.д.) сформированы именно под влиянием правовых традиций.

А.В. Яковлев отмечает, что «помимо теоретических построений не менее достойна пристального изучения и созданная действовавшая правовая система государства. Хотя не все сферы общественных отношений были урегулированы на достаточном уровне, ряд отраслей права представлял собой действительно выдающимся достижением того времени. Примером этих достижений является уголовно-процессуальное право и гражданско-процессуальное право, созданные в результате судебной реформы 1865 года. Процессуальное право России в пореформенный период в результате преобразований не уступало самым прогрессивным зарубежным образцам, а зачастую и превосходило их. Это наглядный пример успешного построения эффективно работающего права в условиях авторитарного сословного государства. Представляется, что подобные примеры на сегодняшний день являются весьма полезными для нашей страны, политический строй которой является еще весьма далеким от демократических идеалов. То, что построение успешно функционирующих правовых институтов возможно без коренной перестройки государственного аппарата, а благодаря политической воли высших должностных лиц государства, должно быть вдохновляющим примером для современных политических деятелей»[7].

Стоит обратить внимание, что наличие в уголовном процессуальном праве Российской Федерации института частного обвинения, сфор-

[1]Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
[2]Цит.по: Рузанов И.В. Правовое положение личности в современном конституционном праве: традиции и новации // Право - явление цивилизации и культуры. Российский университет дружбы народов. 2019. С. 449.
[3] Скутнев А.В.Права человека в России как отражение конституционно-правовой традиции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 71-74.
[4]Сулипов Р.С. Роль правовых традиций в механизме правового регулирования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2 (27). С. 37.
[5]Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
[6] Кобзарь-Фролова М.Н. Система административного права: традиции и новации // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. С. 289-290.
[7] Яковлев А.В. Значение наследия дореволюционных ученых-юристов для построения правового государства// Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 150.

мированного на основе правовой традиции «примирения с обиженным», является одним из демократических механизмов регулирования общественных отношений, позволяющих гражданам в упрощенном варианте осуществлять защиты своих прав и интересов. Не смотря на демократический характер данного правового института, начало он берет еще в XIXвеке, что позволяет говорить о влиянии правовых традиций дореволюционной России на современное публичное право. Так, «в России определение уголовно-процессуальных начал в регулировании вопросов частного обвинения как главенствующих имеет отношение к периоду конца XIX - начала XX века. До этого времени право частного обвинения работало в составе единого механизма «примирения с обиженным», закрепленным Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Данный систематизированный акт российского законодательства в области уголовного права придал данному обстоятельству значение юридического факта, отменяющего наказание по делам, возбуждаемым исключительно по жалобе потерпевшего. Однако последний (по времени принятия) фундаментальный законодательный акт Российской империи — Уголовное Уложение1903 года — уже совсем не упоминал этого. Новое Уложение нигде в своих нормах не обращалось к терминам «примирение» или «жалоба потерпевшего», которые с этого момента становятся сугубо процессуальными категориями»[1].

Таким образом, в ходе проведенного исследования установлено, что правовые традиции, являясь своего рода исторически обусловленной правовой идеей, традицией развития общества и государства, оказывает влияние на формирование и развитие правовых норм, институтов, обеспечение законности и правопорядка. Правовые традиции закладывают базис, основной лейтмотив регулирования отношений в российском государстве. Как было установлено в процессе проведения исследования, одной из основных отраслей права, в которых прослеживается влияние правовых традиций, является конституционное право. В конституционном праве можно найти не только исторически обусловленные особенности регулирования политико-правовых, государственных явлений, но и особенности обеспечения защиты прав людей.

Кроме того, в сфере публичного права роль правовых традиций заключается в необходимости обеспечения единства защиты прав и законных интересов субъектов права. Например, единство судебного процесса обеспечивается за счет правовых традиций, оказавших влияние на формирование таких отраслей права как гражданский процесс, уголовный процесс.

Список литературы:

1. Алексеев А.П. Конституционно-правовые институты и российская государственно-правовая традиция // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 2 (9). С. 20.
2. Сулипов Р.С. Роль правовых традиций в механизме правового регулирования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2 (27). С. 34.
3. Вовк Д.А. Правовая традиция как феномен правовой системы // PolitBook. 2012. № 4. С. 172.
4. Сонин В.В. Правовая культура и правовая традиция в их соотношении // Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 77.
5. Мурунова А.В. Правовые традиции России и Запада: сравнительно-правовой анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. Выпуск 5. С. 120.
6. Чуева Д.И. Институт лоббизма в России: концептуальные основы и проблемы правового регулирования // Теория и практика современной науки. 2016. № 12 (18). С. 414.
7. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 37.
8. Яковлев А.В. Значение наследия дореволюционных ученых-юристов для построения правового государства// Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 149.
9. Милова Е.А.К вопросу об источнике деления права на публичное и частное // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 30 (72). С. 81.
10. Арановский К.В. Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.02 / Константин Викторович Арановский. СПб., 2004, С. 15.
11. Червонюк В.И. Конституционные традиции как универсальные правовые регуляторы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 111.
12. Сазонникова Е.В. Категория «традиция» в науке конституционного права // Конституционализм и государствоведение. 2020. № 2 (18). С. 16-17.
13. Ильин И.А. О сущности правосознания//Теория государства и права. М., 2003. С.368-369.
14. Абдулин Р.С. Конституционные принципы и правовые регуляторы доверия граждан к закону и действиям государства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 72.
15. Рузанов И.В. Правовое положение личности в современном конституционном праве: традиции и новации // Право - явление цивилизации и культуры. Российский университет дружбы народов. 2019. С. 449.
16. Скутнев А.В.Права человека в России как отражение конституционно-правовой традиции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 71-74.
17. Кобзарь-Фролова М.Н. Система административного права: традиции и новации // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. С. 289-290.
18. Фильченко А.П. Право частного обвинения и его значение для возникновения отношения уголовной ответственности // Публичное и частное право. 2013. № 2 (18). С. 108.

References:

1. Alekseev A.P. Constitutional and legal institutions and the Russian state-legal tradition // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 2 (9). p. 20.
2. Sulipov R.S. The role of legal traditions in the mechanism of legal regulation // Bulletin of Omsk University. The Pravo series. 2011. No. 2 (27). p. 34.
3. Vovk D.A. Legal tradition as a phenomenon of the legal system // PolitBook. 2012. No. 4. p. 172.
4. Sonin V.V. Legal culture and legal tradition in their relationship // Jurisprudence. 2014. No. 2 (313). p. 77.
5. Murunova A.V. Legal traditions of Russia and the West: comparative legal analysis // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2011. Issue 5. p. 120.
6. Chueva D.I. Institute of lobbying in Russia: conceptual foundations and problems of legal regulation // Theory and practice of modern science. 2016. No. 12 (18). p. 414.
7. Berman G. J. The Western tradition of law: the era of formation. Moscow, 1998. P. 37.
8. Yakovlev A.V. The significance of the legacy of pre-revolutionary legal scholars for building a rule of law// The rule of law: theory and practice. 2013. No. 2 (32). p. 149.
9. Milova E.A. On the issue of the source of the division of law into public and private // Problems of modern science and education. 2016. No. 30 (72). p. 81.
10. Aranovskiy K.V. Constitutional tradition and its spread in Russian society: Dissertation by Dr. Yurid. sciences': 12.00.01, 12.00.02 / Konstantin Viktorovich Aranovsky. St. Petersburg, 2004, p.
15-11. Chervonyuk V.I. Constitutional traditions as universal legal regulators // Law and the State: theory and practice. 2020. No. 1 (181). p. 111.
12. Sazonnikova E.V. The category "tradition" in the science of constitutional law // Constitutionalism and state studies. 2020. No. 2 (18). pp. 16-17.
13. Ilyin I.A. About the essence of legal awareness//Theory of the State and Law. Moscow, 2003. pp.368-369.
14. Abdulin R.S. Constitutional principles and legal regulators of citizens' trust in the law and state actions // Legal technology. 2020. No. 14. p. 72.
15. Ruzanov I.V. The legal status of the individual in modern constitutional law: traditions and innovations // Law is a phenomenon of civilization and culture. Peoples' Friendship University of Russia. 2019. p. 449.
16. Skutnev A.V. Human rights in Russia as a reflection of the constitutional and legal tradition // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 2 (109). pp. 71-74.
17. Kobzar-Frolova M.N. The system of administrative law: traditions and innovations // Legal policy and legal life. 2022. pp. 289-290.
18. Filchenko A.P. The right of private prosecution and its significance for the emergence of a criminal liability relationship // Public and private law. 2013. No. 2 (18). p. 108.

[1] Фильченко А.П. Право частного обвинения и его значение для возникновения отношения уголовной ответственности // Публичное и частное право. 2013. № 2 (18). С. 108.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_59

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ НОВАЦИЙ В РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИУМА СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
THE SIGNIFICANCE OF LEGAL INNOVATIONS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY'S LEGAL CULTURE: A SOCIOLOGICAL ASPECT

ПУЧНИН Владимир Михайлович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392024, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
E-mail: vmpuchnin_@yandex.ru;
Puchnin Vladimir Mikhailovich,
Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law at Derzhavin Tambov State University.
33 Internatsionalnaya Street, Tambov, 392024.
E-mail: vmpuchnin_@yandex.ru

Краткая аннотация: *в настоящем исследования автором делается попытка осмысления такого правового явления как правовые новации и их роли в процессе формирования и развития правовой культуры общества. Автором отмечается, что правовая культура не является статичным феноменом: она находится в динамичном взаимодействии с правовой системой, отражая степень правосознания населения, уровень правовой социализации и готовность индивидов к соблюдению юридических норм. Одним из ключевых факторов, способствующих развитию правовой культуры, являются правовые новации, которые в социологическом измерении представляют собой проявление адаптивной функции права в ответ на изменяющиеся запросы социума, а следовательно именно правовые новации в социологическом измерении представляют собой важнейший ресурс обновления и развития правовой культуры социума. Они выполняют не только нормативную, но и культурную функцию, формируя новое качество правового сознания, стимулируя правовую активность, укрепляя правовую идентичность и обеспечивая взаимодействие человека и государства в правовом поле. Своевременные, научно обоснованные и культурно адаптированные правовые новации являются залогом формирования зрелой правовой культуры и устойчивости современного правопорядка.*

Abstract: *In this study, the author attempts to comprehend the legal phenomenon of legal innovations and their role in the formation and development of the legal culture of society. The author notes that legal culture is not a static phenomenon; it is in a dynamic interaction with the legal system, reflecting the level of legal awareness, legal socialization, and individuals' readiness to comply with legal norms. One of the key factors contributing to the development of legal culture is legal innovations, which, in the sociological dimension, represent the adaptive function of law in response to the changing demands of society. Therefore, legal innovations in the sociological dimension are the most important resource for updating and developing the legal culture of society. They perform not only a regulatory, but also a cultural function, forming a new quality of legal consciousness, stimulating legal activity, strengthening legal identity, and ensuring interaction between the individual and the state in the legal field. Timely, scientifically grounded, and culturally adapted legal innovations are the key to the formation of a mature legal culture and the stability of the modern legal order.*

Ключевые слова: *правовые новации, правовая культура, правосознание, правовая доктрина.*
Keywords: *legal innovations, legal culture, legal consciousness, legal doctrine.*

Для цитирования: *Пучнин В.В. Значение правовых новаций в развитии правовой культуры социума социологический аспект // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 59-63. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_59.*
For citation*: Puchnin V.M. The significance of legal innovations in the development of society's legal culture: a sociological aspect // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 59-63. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_59.*

Статья поступила в редакцию: 29.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Современное общество находится в состоянии постоянной трансформации, обусловленной как внутренними изменениями социальной структуры, так и воздействием глобальных процессов. В этих условиях особое значение приобретает правовая культура как важнейший элемент системы духовных координат, способствующий обеспечению правопорядка, гражданской ответственности и социальной устойчивости. Правовая культура не является статичным феноменом: она находится в динамичном взаимодействии с правовой системой, отражая степень правосознания населения, уровень правовой социализации и готовность индивидов к соблюдению юридических норм. Одним из ключевых факторов, способствующих развитию правовой культуры, являются правовые новации, которые в социологическом измерении представляют собой проявление адаптивной функции права в ответ на изменяющиеся запросы социума.

Правовые новации включают в себя как формальное обновление правовых норм, так и институциональные изменения, направленные на модернизацию механизмов регулирования общественных отношений. Их появление отражает эволюцию юридических и социальных потребностей, а также взаимодействие различных субъектов правотворческого процесса — государства, экспертного сообщества и гражданского общества. Новые законодательные акты, реформы, развитие цифрового права, экологического регулирования, прав человека и иных отраслей свидетельствуют о стремлении правовой системы к постоянному обновлению и гибкости. Однако эффективность этих изменений во многом зависит от восприятия их обществом, степени принятия и усвоения новых правовых ценностей, что ставит в центр внимания проблему социокультурного восприятия и легитимации правовых новаций.

Социологический подход к анализу правовых новаций позволяет выявить не только их формальное содержание, но и то, как эти изменения влияют на поведение граждан, трансформацию правовых установок и институциональное доверие. В рамках правовой социологии рассматривается взаимосвязь между новыми правовыми нормами и социальным действием, исследуются механизмы правовой адаптации, сопротивления или, наоборот, ускоренного восприятия изменений. Правовая культура в данном контексте выступает как медиатор между нормативной системой и социальным поведением: она обеспечивает интернализацию новых норм, делает их частью ценностной картины мира, а также способствует формированию устойчивых моделей правомерного поведения.

Процесс формирования правовой культуры представляет собой сложный феномен, эволюционировавший на протяжении тысячелетий. Он развивается под воздействием объективных обстоятельств — уровня развития общества, экономических условий, религиозных традиций — и субъективных факторов — сознания и самосознания людей, их представлений о справедливости и праве. Эволюция правовой культуры начинается с доисторических времен и охватывает древние цивилизации, средневековые правовые системы и новое время, а также российскую правовую традицию. Каждый этап вносит свои особенности в понимание «правовой культуры» как совокупности правовых знаний, навыков, практик, ценностей и представлений, которые поддерживают правопорядок и формируют правосознание.

Уже на заре цивилизаций нормы права были тесно связаны с религией и моралью. Законы Хаммураппи (около XVIII века до н.э.) демонстрировали одну из первых систематизированных правовых норм, в основе которой лежало восприятие правосудия как воля богов. Обвиняемый, обвинитель и судья находились под влиянием религиозных представлений о положении человека в космосе, что закладывало основы правовой культуры, где нормы воспринимались как проявление божественной справедливости. Образ богини Маат, являющейся носительницей порядка и справедливости, символизировал связь права с высшими нравственными принципами. В этих условиях правовая культура служила не только регулятором поведения, но и способом выражения коллективного космического порядка, настойчиво связывая индивидуальную ответственность с универсальными нравственными ценностями.

Правовые традиции древних обществ отличались признанием социальных каст и неравенства, отраженного в законах «Ману» в Древней Индии, где правовая культура представлялась системой допусков и запретов, подкрепленных кастовой принадлежностью. В Элладе, напротив, право обретало республиканские черты, выраженные в присягах граждан, давших обет уважения законов, что свидетельствовало о зарождении сознания коллективного гражданства и ответственности перед государством.

В Древнем Риме, правовая культура эволюционировала в сторону интерпретации права через стремление к справедливости: знаменитое афористическое выражение «Jusestbonietaequi» подчеркивало, что право — это искусство добра и справедливости. Судьи должны были руководствоваться не только буквой закона, но и этическими принципами справедливого решения. Такая сочетанность норм и нравственности оказала глубокое влияние на последующую историю европейской юридической мысли.

На фоне формирования европейских правовых традиций представляет интерес и русская правовая культура. Ее истоки, уходящие в древнерусскую мифологию, где категории «правда», «кривда», «суд» и «ряд» формировали представление о справедливом поведении, отражают прямое взаимодействие правовых норм и коллективного сознания. Народные обычаи, церковные правила, обрядовые нормы взаимодействовали в развитии правовых представлений, оказывая влияние на устойчивость норм и ценностей правоотношений.

Трансформация происходила вместе с развитием государственной власти и законодательства. В XIX веке русская правовая культура начала привлекать умеренные рационалистические принципы, основанные на европейском праве: идеи государственного суверенитета, равенства перед законом и правовой определенности. Ученые и правоведы формулировали понимание права как институциональной основы общественной жизни. При этом сохранялась связь с традициями общинного устройства, которое, как правильно отметил Н.А. Рожков, влияло на коллективную-религиозную, аграрную, природную основу предмета регулирования[1].

Развитие института индивидуального права, закрепленного в конституциях и кодексах, усиливало идеи личной ответственности и правосознания. В то же время коллективистские традиции не исчезали полностью. Философы того времени отражали внутренний конфликт общества между индивидуальным и коллективным началом, что сформулировало понимание правовой культуры как баланса между правовыми нормами и культурными традициями.

Так Бердяев Н. А. отмечал: «с русским коллективизмом связано и отрицательное отношение к праву, смешение права с моралью…Отрицание права есть знак ослабления личного самосознания, есть недостаток личного достоинства, есть погруженность в безликий коллектив. Это свойство оказалось роковым для России»[2].

Современный этап характеризуется многообразием правовых форм и институтов — цифровых, международных, корпоративных, экологических — что требует гибкого и адаптивного восприятия права. Новые вызовы (глобализация, технологические инновации, рост правосознания граждан) диктуют необходимость формирования правовой культуры, основанной на открытости к изменениям, уважении прав и свобод, способности реализовывать правовые нормы в новых условиях.

Законодательная деятельность на Руси, по мнению многих исследователей, берет свое начало с IX века, с приходом к власти династии Рюриковичей. Уже в тот период появляются первые нормы права — уставы, уроки, устанавливающие размер дани и порядок взимания. Одним из ключевых событий стало принятие христианства в 988 году, что ознаменовало переход от языческого миропорядка к христианскому пониманию справедливости, морали и права. Эта трансформация стала значимым этапом в развитии правовой культуры, поскольку духовные ориентиры народа начали формироваться на основе новых религиозных и этических норм. Несмотря на то, что законодательство той эпохи сохраняло следы язычества, оно постепенно приобретало черты светскости.

Краеугольным камнем становления русской правовой культуры можно назвать появление «Русской правды» — одного из первых письменных сводов законов Киевской Руси (XI–XII вв.). В этом памятнике уже можно наблюдать стремление к установлению правопорядка, регулированию имущественных, процессуальных и уголовных отношений. Хотя религиозные вопросы в «Русской правде» практически не затрагиваются, этот источник отражает начальный уровень осознания важности закона и закрепления норм поведения через правовые механизмы. Это

[1] Рожков Н.А. Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С.167.
[2] Бердяев Н.А. Философия неравенства. Берлин, 1923. С. 23.

говорит о начале складывания представлений о праве как инструменте социальной регуляции.

Период татаро-монгольского ига (XIII–XV вв.) стал серьезным испытанием для отечественной правовой культуры. По оценке В.А. Рогова, «ордынский смерч» разрушил города и экономику, привел к архаизации права, ограничил развитие законодательной деятельности. Правотворчество сосредотачивалось в руках князей, а основным источником оставалось обычное право[1]. Тем не менее, в этот период формируется принцип приоритета писаного закона над обычаем: обычаи продолжали действовать до тех пор, пока не были отменены государственным законодательством. Это свидетельствовало о признании законов как высшей правовой силы, что укрепляло юридическое сознание общества.

Существенное значение в развитии правовой культуры имели такие источники, как Псковские и Новгородские судные грамоты (XV век), а также Судебники 1497 и 1550 годов. Эти документы представляли собой попытки систематизации и упорядочивания норм права, закрепляли процессуальные основы судопроизводства, а также нормы уголовного и гражданского права. Их содержание отражало синтез христианских, моральных и правовых начал, что способствовало формированию особой православной правовой традиции.

Следующим важным этапом стало правление Петра I. В этот период начинается печатание и рассылка законов, государственная власть осознает необходимость ясного и понятного законодательства.

Как отмечает Радищев А.Н.: «Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховныя власти, яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодеяния»[2].

Петр I заложил принципы правовой доступности и прозрачности. Это время характеризуется созданием Воинского устава (1716), Морского устава (1720), Регламента Главного магистрата (1721), развитием юридической науки и появлением первых правоведов. Все это заложило основу институционализации правотворческой и правоприменительной деятельности, укрепив правовую культуру чиновничества и управленцев.

В XIX веке значительный вклад в развитие правовой культуры внесла работа по систематизации законодательства. Итогом этой работы стал «Свод законов Российской Империи» 1832 года. В этот период также активно развивается юридическая мысль. Работы таких правоведов, как Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич, формировали научную основу отечественного правоведения. Они рассматривали право как социальное явление, подчеркивая его связь с моралью, культурой и развитием личности. Это была эпоха философского и социологического осмысления права, в которой формировалась теоретическая база современной правовой культуры.

Особо стоит отметить реформы Александра II. Судебная реформа 1864 года, предусматривающая введение принципов гласности, состязательности, независимости судей и участия присяжных, внесла ощутимый вклад в повышение правосознания населения. Появление института адвокатуры, открытое обсуждение судебных дел, широкое распространение юридических знаний в печати — все это повышало уровень правовой информированности граждан и стимулировало развитие правового мышления.

Как отмечал государственный деятель и реформатор Сперанский М. М.: «Закон должен не только указывать, но и воспитывать: иначе он будет мертвым постановлением, а не действием государства»[3].

Несмотря на значительное развитие юридических институтов и укрепление правопорядка, в общественном сознании сохранялись патриархальные традиции и представления о приоритете коллективного над индивидуальным. Это находило отражение в правовой культуре того времени: право часто воспринималось не как гарантия свободы личности, а как средство обеспечения общественного порядка. Тем не менее, именно в этот период закладывались основы современного правосознания, формировались правовые ценности, которые позднее получили развитие в XX веке.

Как отмечает Сивохин М. Е.: «В начале XX в. происходит изменение российской государственности и появляется Советское государство. Советской правовой системе были присущи следующие особенности: основана на учении марксизма-ленинизма; подчинение судебных органов государству; слияние государства и партии; абсолютный приоритет интересов государства над интересами личности; ряд существенных положений регулировался не законами, а партийными директивами, которые также были обязательны для исполнения. Говоря о состоянии правовой культуры в советское время, следует отметить, что она находилась в зоне достаточно пристального внимания государства, которое занималось процессами ее формирования на общенациональном уровне»[4].

На современном этапе правовая культура представляет собой сложное и многогранное социальное явление, интегрирующее в себе знания о праве, отношение к праву, правовую активность и соблюдение правовых норм. В условиях стремительного развития информационного общества, цифровизации государственных и частных институтов, глобализации правовых систем значение правовой культуры возрастает, поскольку именно она становится одним из ключевых факторов устойчивости правопорядка и демократического развития.

Современное понимание правовой культуры основывается на ее концептуальной трактовке как совокупности правовых знаний, установок, ценностей, моделей поведения, выражающих уровень правосознания личности и общества в целом. Правовая культура выступает индикатором правового развития общества, формой выражения правовой зрелости граждан и государства. В нее входят не только знание законов, но и способность их интерпретировать, применять и оценивать с точки зрения справедливости и правовой логики.

Как отмечает Витман В. Н.: «На современном этапе в научной литературе преобладает точка зрения о том, что правовая культура складывается из ряда взаимосвязанных элементов:

[1] Рогов В. А. История государства и права России IX-начала XX веков Учеб. для юрид. вузов и фак. Москва : Изд. фирма «Манускрипт», 1994. С. 189.
[2] Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Санкт-Петербург : Издание В. Врублевского, 1906. С. 54.
[3] Сперанский М. М. Руководство к познанию законов // Санкт-Петербург : тип. Второго отделения Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. С.17.
[4] Сивохин М. Е. Формирование правовой культуры в России: исторический аспект // Современное право. 2007. № 9-1. С. 105.

− уровень правосознания и правовой активности граждан, выраженный в степени освоения гражданами, должностными лицам юридических предписаний норм действующего права. В связи с этим каждый субъект общественных отношений должен стремиться к пониманию права как ценности, изучения и уяснения юридических основ, к способности истолковать абстрактные правовые предписаний для защиты собственных прав, свобод и законных интересов;

− уровень правотворческой деятельности и качественное состояние действующей в государстве правовой системы, который может быть оценен путем анализа нормативноправовых актов на предмет их качества, продуманности, согласованности, культуре, то есть оценка того, насколько исполнены требования юридической техники;

− уровень правоприменительной (в том числе правоохранительной и судебной) деятельности, выражающийся в качестве работы компетентных органов государственной власти и их должностных лиц в процессе реализации ими возложенных государственно-властных полномочий, связанных с реализацией правовых норм»[1].

Отличительной особенностью правовой культуры в современную эпоху является усиление ее функционального значения. Она не только отражает текущее состояние правовой системы, но и активно участвует в ее формировании и трансформации. Через правовую культуру формируются отношения граждан к закону, доверию к институтам правосудия, правам и свободам личности, а также к правовой ответственности. Слабая правовая культура приводит к правовому нигилизму, правонарушениям и девиантному поведению, тогда как развитая правовая культура способствует укреплению правового государства и гражданского общества.

Как отмечает Орехова Н. А.: «Важный элемент правовой культуры общества — уровень совершенства всего комплекса нормативных правовых актов, являющихся итогом правоприменительной и правотворческой деятельности. Если в обществе высокий уровень правовой культуры, то это означает, что в стране создана совершенная система законодательства, в котором нет противоречий и пробелов, нечеткости и неясности норм и правовых предписаний, что исключает произвол должностных лиц, органов и государства»[2].

В условиях стремительных социальных изменений, цифровизации и трансформации правовых институтов важную роль начинают играть правовые новации — новые, усовершенствованные правовые нормы, институты или способы правового регулирования, направленные на модернизацию правовой системы и адаптацию ее к новым общественным условиям. В социологическом аспекте правовые новации приобретают особое значение как инструменты, способствующие не только обновлению правовой среды, но и формированию, воспроизводству и углублению правовой культуры общества.

Современное общество характеризуется высокой степенью социальной мобильности, информационной открытости и ускоренным темпом правовой эволюции. В этих условиях правовая культура уже не может оставаться статичной и выступает в качестве динамического явления, чувствительного к внешним и внутренним изменениям. Как отмечает Новгородцев П. И.: «Истинная правовая культура невозможна без признания высших нравственных начал, стоящих над законом»[3].

Правовые новации, как отклик на вызовы времени, становятся механизмом поддержания релевантности и эффективности правовой системы. Однако они также представляют собой социокультурное явление, формирующее новые правовые смыслы и модели правового поведения, воздействующее на мотивационные установки и ценностные ориентиры граждан.

Одним из ключевых аспектов социологического осмысления правовых новаций является их восприятие обществом. Правовая норма — это не только результат деятельности законодателя, но и элемент массового правосознания. Новые законы, особенно затрагивающие повседневную жизнь граждан, должны быть поняты, приняты и интегрированы в практику. Если правовая новация не находит отклика в правовом сознании, она может остаться формально действующей, но фактически игнорируемой. Таким образом, эффективность правовых новаций во многом зависит от уровня правовой культуры общества, а в то же время сами новации способны повышать этот уровень, если реализуются через просветительские, воспитательные и информационные механизмы.

Социологический подход к правовым новациям предполагает их анализ как части более широкого культурного и общественного процесса. Правовые новации не существуют изолированно: они вплетаются в социальные практики, формируют и закрепляют определенные образцы поведения, способствуют воспроизводству легитимности власти и укреплению социального порядка. Особенно важно это в условиях правового плюрализма, когда взаимодействуют различные источники нормативности — государственные, религиозные, корпоративные, традиционные. Введение правовых новаций позволяет координировать эти источники, повышать их согласованность и снижать правовую фрагментарность.

Правовые новации в современных условиях все чаще сопровождаются не только юридическим, но и коммуникативным сопровождением — разъяснением новых норм, вовлечением экспертного сообщества, обсуждением реформ в публичной сфере. Этот процесс напрямую влияет на развитие правовой культуры, поскольку формирует в обществе привычку осмысленного восприятия правовых изменений. Важно подчеркнуть, что правовая культура — это не просто сумма знаний о праве, а готовность и способность действовать в правовом поле. Нововведения, таким образом, не только обновляют правовую среду, но и активизируют правовую субъектность граждан.

Особенно значимым является влияние правовых новаций на молодежную среду. Социологические исследования показывают, что именно молодежь, обладая высоким уровнем адаптивности, чаще всего становится носителем новых правовых практик. Цифровизация права, развитие онлайн-услуг, появление новых правовых институтов (например, цифрового нотариата, автоматических сделок, смарт-контрактов) тре-

[1]Витман В. Н. Правовая культура: понятие, функции и виды // Modern Science. 2019. № 4-2. С. 217.
[2] Орехова Н. Л. Соотношение понятий «правовая культура» и «правовой менталитет» // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 1. С. 65.
[3] Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. М., 1909. С.281.

буют нового уровня правовой грамотности, которая, в свою очередь, влияет на структуру правовой культуры нового поколения. В этом смысле правовые новации выступают не только как фактор правового регулирования, но и как средство правового воспитания и социализации.

Не менее важно значение правовых новаций для повышения доверия к институтам власти и легитимности права. Социологические опросы нередко фиксируют высокий уровень правового нигилизма и недоверия к правовой системе. Одна из причин — отставание действующих норм от реальных общественных процессов. Введение правовых новаций, адекватных запросам общества, способно нивелировать эти риски, укрепить восприятие права как справедливого и рационального механизма регулирования. При этом, чтобы новации действительно выполняли такую функцию, они должны быть результатом диалога государства и общества, а не исключительно волевого решения.

В заключении хотелось бы отметить высказывание Алексеева С.С.: «Право, как явление цивилизации призвано быть носителем высших начал, основополагающих ценностей цивилизации, реализовать историческое предназначение общества, связанное с утверждением в нем силы и потенциала разума, высоких гуманитарных начал»[1].

Таким образом, правовые новации в социологическом измерении представляют собой важнейший ресурс обновления и развития правовой культуры социума. Они выполняют не только нормативную, но и культурную функцию, формируя новое качество правового сознания, стимулируя правовую активность, укрепляя правовую идентичность и обеспечивая взаимодействие человека и государства в правовом поле. Своевременные, научно обоснованные и культурно адаптированные правовые новации являются залогом формирования зрелой правовой культуры и устойчивости современного правопорядка.

Список литературы:

1. Алексеев, С С. Общая теория права : Курс в 2-х т. / С. С. Алексеев. Т. 2. –Москва : Юрид. лит., 1982. – 359 с.
2. Бердяев, Н.А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – Берлин, 1923. – С. 22-23.
3. Витман, В. Н. Правовая культура: понятие, функции и виды / В. Н. Витман // Modern Science. – 2019. – № 4-2. – С. 214-217.
4. Новгородцев, П.И. Нравственный идеализм в философии права / П. И. Новгородцев. – М., 1909. – С.264-281.
5. Орехова, Н. Л. Соотношение понятий «правовая культура» и «правовой менталитет» / Н. Л. Орехова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2020. – № 1. – С. 58-65.
6. Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву / А. Н. Радищева. – Санкт-Петербург : Издание В. Врублевского, 1906. – 191 с.
7. Рогов, В. А. История государства и права России IX-начала XX веков Учеб. для юрид. вузов и фак. / В. А. Рогов. — Москва : Изд. фирма «Манускрипт», 1994. — 299 с.
8. Рожков, Н.А. Советская историография Киевской Руси / Н. А. Рожков.–Л., 1978. С.166-167.
9. Сивохин, М. Е. Формирование правовой культуры в России: исторический аспект / М. Е. Сивохин // Современное право. – 2007. – № 9-1. – С. 105-110.
10. Сперанский, М. М. Руководство к познанию законов // М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург : тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. – 171 с.

References:

1. Alekseev, S. S. The general theory of law : A course in 2 volumes / S. S. Alekseev. Vol. 2. – Moscow : Jurid. lit., 1982. – 359 p
2. Berdyaev, N.A. Philosophy of inequality / N. A. Berdyaev. Berlin, 1923. pp. 22-23.
3. Wittman, V. N. Legal culture: concept, functions and types / V. N. Wittman // Modern Science. – 2019. – No. 4-2. – pp. 214-217.
4. Novgorodtsev, P.I. Moral idealism in the philosophy of law / P. I. Novgorodtsev Moscow, 1909, pp.264-281.
5. Orekhova, N. L. The relationship between the concepts of "legal culture" and "legal mentality" / N. L. Orekhova // Theoretical and applied jurisprudence. 2020. No. 1. pp. 58-65.
6. Radishchev, A. N. Journey from St. Petersburg to Moscow / A. N. Radishcheva. – St. Petersburg : Edition of V. Vrublevsky, 1906. – 191 p.
7. Rogov, V. A. History of the state and law of Russia of the IX-early XX centuries Textbook for jurists. universities and faculty / V. A. Rogov. — Moscow : Publishing house of the firm "Manuscript", 1994. — 299 p.
8. Rozhkov, N.A. Soviet historiography of Kievan Rus / N. A. Rozhkov, Moscow, 1978, pp.166-167.
9. Sivokhin, M. E. The formation of legal culture in Russia: a historical aspect / M. E. Sivokhin // Modern law. – 2007. – № 9-1. – pp. 105-110.
10. Speransky, M. M. Guide to the knowledge of laws // M. M. Speransky. – St. Petersburg : type. The second edition of His own E. I. vel. kantselari, 1845. – 171 p.

[1]Алексеев С. С. Общая теория права : Курс в 2-х т. Т. 2. Москва : Юрид. лит., 1982. С. 512

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_64

УДК 34:378(045)

ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ АКТИВНОЙ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ И ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ *
FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF AN ACTIVE LIFESTYLE AND LEGAL EDUCATION OF STUDENTS

БИКМУРЗИНА Наталья Сергеевна,
к.ист.н., доцент, доцент ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430034, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11А.
E-mail: bikmurzina.n@inbox.ru;

BIKMURZINA Natalya Sergeevna,
the candidate of science of history, Departments of Law and Philosophy
FGBOU VO «Mordovian state pedagogical University named after M. E. Evsevyev».
430034, Republic of Mordovia, Saransk, 11A Studencheskaya St..
E-mail: bikmurzina.n@inbox.ru

Краткая аннотация: *В данной статье рассматриваются понятие и факторы, влияющие на формирование правового воспитания и активной жизненной позиции у молодежи. Особое внимание уделяется роли семьи, правового образования и воспитания в формировании правового сознания. Также выделяется важность правовой социализации, которая включает в себя воздействие социально-правовой среды на молодежь и помогает формированию правильного правового сознания, а также активной жизненной позиции.*

Abstract: *This article discusses the concept and factors influencing the formation of legal education and an active lifestyle among young people. Special attention is paid to the role of the family, legal education and upbringing in the formation of legal consciousness. The importance of legal socialization is also highlighted, which includes the impact of the socio-legal environment on young people and helps to form a correct legal consciousness, as well as an active lifestyle.*

Ключевые слова: *правовое образование, правовое правосознание, гражданско-патриотическое воспитание, активная жизненная позиция.*

Keywords: *legal education, legal awareness, civic and patriotic education, active life position.*

Для цитирования: *Бикмурзина Н.С. Факторы, оказывающие влияние на формирование активной жизненной позиции и правового воспитания обучающихся // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 64-66. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_64.*

For citation*: Bikmurzina N.S. Factors influencing the formation of an active lifestyle and legal education of students // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 64-66. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_64.*

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Процесс воспитания личности способствует формированию социально-развитого, высококультурного, законопослушного общества. Стоит отметить, что в нашем обществе правовое воспитание и развитие у обучающихся активной жизненной позиции является национальной задачей, поскольку его результат оказывает влияние на создание государства, в котором права и свободы человека являлись бы высшей ценностью, т.е. правового государства. В таком государстве независимость судов, взаимная ответственность власти и общества являются непременными атрибутами и способствуют установлению высокого качества жизни населения.

Отметим, что при этом воспитание выступает инструментом построения правового сознания личности и в конечном итоге является средством достижения цели воспитанию гуманного, культурно развитого гражданина.

Правовое воспитание – это определённый педагогический процесс, который направлен на формирование правового сознания, что в свою очередь влияет на формирование активной жизненной позиции. Безусловно, этот процесс оказывает колоссальное влияние на личность, закладывает в нём фундамент сознательного гражданина.

Специалисты склонны видеть развитие данного понятия в контексте совершенствования права в целом, как науки и как вида деятельности.

Процесс воспитания в конечном итоге создаёт фундамент для формирования общего правосознания граждан, для формирования их активной жизненной позиции. По оценкам специалистов, для того, чтобы у человека сложилось устойчивое правосознание, ориентированное на положительное отношение к закону, необходимо наличие качественного, в том числе юридического образования. Иначе ему будет сложно воспринимать те нормы, которые диктует ему общество. Это связано с тем, что у личности к этому возрасту уже сложился определённый устоявшийся взгляд на многие вещи, в том числе на роль права в их жизни. В этой связи отмечается достаточно высокий процент людей старшего поколения с нигилистическими взглядами [23, с. 23].

Напротив, молодым людям гораздо легче отслеживать динамику изменений в обществе и нормативно-правовых актах, а также оперативно реагировать на эти изменения. С течением времени человек всё меньше и меньше времени уделяет правовому самопросвещению, а сформировавшиеся понятия о праве не всегда отражают реальную действительность.

*Статья написана в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (УГПУ имени И. Н. Ульянова и МГПУ имени М. Е. Евсевьева» по теме «Формирование правовой компетентности будущих педагогов современной школы»

Планируя правовое воспитание, нужно обязательно анализировать исторический бэкграунд, быть в курсе нынешних педагогических технологий и производить прогноз на будущее, учитывая изменяющиеся реалии. При этом важнейшим моментом является привитие основ правового знания, правовой культуры и активной жизненной позиции в целом со школьного возраста, поскольку именно в этот период закладываются жизненные ориентиры и ценности человека [4, с. 65].

Активная жизненная позиция школьника включает в себя правовое знание, правовую идеологию и правовую деятельность, которую личность выстраивает в соответствии с правовой культурой общества. Среди учёных-правоведов бытует мнение, что для обеспечения социальной стабильности, в обществе необходимо культивировать высокое правосознание и активную жизненную позицию. Гражданину страны нужно осмыслить и утвердить в своём сознании мысль о важности защиты прав и соблюдения обязанностей. Тогда общество сделает серьёзный шаг навстречу по-настоящему развитому будущему.

Учёные выработали несколько подходов к определению активной жизненной позиции, тем не менее, на их основе можно сделать некоторые обобщающие выводы.

Активная жизненная позиция, как и правовое воспитание, заключается в том, чтобы заложить в формирующуюся личность зёрна уважительного отношения к закону, а также привить ей необходимость и возможность защиты своих прав и законных интересов, вместе с тем, соблюдая права других и неся ответственность за свои действия.

Для грамотной организации педагогической работы необходимо определить задачи правового образования, которые тесно связаны с формированием активной жизненной позиции обучающихся.

Такими задачами являются:

– формирование правосознания;

–..профилактика правонарушений, понимание объективной необходимости правопорядка;

– уважение законов РФ;

– формирование навыков и привычек правомерного поведения.

Стоит отметить, что учителя играют в этом процессе значительную, но не исключительную роль. Важное место отводится таким социальным институтам, как семья, государство. В ходе образовательного процесса акцент должен быть сделан на формирование целостной личности, способной к осмысленному и активному социальному поведению и у которой в конечном итоге сформировано неприятие к пагубным, противозаконным явлениям. Безусловно, для того, чтобы привить и воспитать культурного в данном отношении человека, который имеет активную жизненную позицию, необходимо постоянное правовое просвещение и самообразование, помощниками в котором выступают педагоги. Так или иначе, правовое обучение способствует социализации и оказывает положительное влияние на формирование правовой культуры личности [1, с. 115].

Следует использовать различные формы педагогической деятельности для организации правового воспитания и формирования активной жизненной позиции школьников. Так, в состав такой деятельности могут входить квесты, деловые игры, мастер-классы, лекции, круглые столы. При этом, можно выделить целый ряд направлений для такой работы:

1) психологическая проверка участников образовательного процесса с целью своевременной корректировки воспитательного процесса;

2) мониторинг правового поведения обучающихся, с целью анализа правовой культуры поведения;

3) реализацию воспитательных программ правового воспитания с привлечением специализированных представителей различных органов власти;

4) пересмотр содержательного компонента урочной деятельности с целью включения в него правового компонента [26, с. 78].

Активная жизненная позиция это то, что характеризует собственное законопослушное человека, поведение отдельной личности. Стоит отметить, что часть подростков имеют психологические характеристики, которые затрудняют усвоение правовых норм. Кроме того, индивидуальное правосознание отвечает за правовую направленность поведения индивида и в конечном итоге, когда мы имеем дело с законопослушным либо противоправным поведением, мы апеллируем к индивидуальному правосознанию. Индивидуальное правосознание – конечный итог правовой социализации личности, за который отвечает система воспитания [12, с. 75].

Когда речь идёт об активной жизненной позиции, то индивидуальное правосознание в общем и целом отражает мировоззренческую систему человека и включает в себя некоторые свойства личности, которые связаны с восприятием действительности. При этом одной из ведущих сфер при формировании активной жизненной позиции выступает когнитивная. В когнитивную сферу включаются знаниевый компонент, поскольку, когда человек живёт в обществе, он должен знать законы, по которым это общество живёт и функционирует.

Немаловажное значение имеют оценочные эталоны, по которым школьник должен оценить, является ли это поведение правомерным или нет. С оценочными эталонами возникают проблемы, поскольку часто педагоги не могут донести их до обучающихся, а обучающиеся не могут их сформировать [6, с. 78]..

Стоит отметить и роль личностных принципов и норм. Это продукт переработки, который накладывается на личностные характеристики, на то, насколько человек воспитан.

Рассматривая факторы, детерминирующие развитие активной жизненной позиции обучающихся, стоит выделить то обстоятельство, что их можно выделить несколько групп, в зависимости от происхождения. Тем не менее, традиционно на первый план выходит семья, а также

круг знакомых, с которыми происходит непосредственное близкое общение, и другие агенты социализации. Уклад жизни, принятый в семье, очень часто переносится на жизнь самого человека. Семья является первичным агентом социализации и призвана привить патриотические ценности и уважительное отношение к праву [3, с. 80].

Для решения данной проблемы необходимо уделить особое внимание тому, чтобы учителя сами осознавали всю важность этого явления. Именно педагоги ответственны за формирование уважительного отношения к праву и закону, привитие законопослушного отношения, то есть за правовое воспитание. Важно показать школьникам, насколько их представления и убеждения в области права не соответствуют реальности, подкорректировать их неправильные их убеждения и избавить от ложных стереотипов [2, с. 22].

Вышесказанное дает понять, что для формирования активной жизненной позиции личности подрастающего поколения, преподавателю необходимо уделять внимание не только знанию буквы закона, но и развитию его личностных качеств, а именно: знание правил и формирование системы социального взаимодействия, соблюдение личные границ, умение найти подход к каждому ученику.

Таким образом, стоит отметить важность правового воспитания и формирования активной жизненной позиции для формирования зрелой личности, развитого гражданского общества и правового государства. Это возможно только при правильной методической организации урочной и внеурочной деятельности. Планируя организацию правового воспитания, необходимо использовать разные формы работы и привлекать другие государственными органы для решения этой задачи.

Список литературы:

1. Аракелова, Е. В. Проблемы формирования правосознания молодежи в современных социокультурных условиях российской реальности / Е. В. Аракелова, Э. В. Сергеев. – Текст: непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 77-80.
2. Бацукин, А. А. Роль молодежных общественных объединений в преодолении правового нигилизма в России / А. А. Бацукин, А. В. Меркулов. – Текст: непосредственный // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – № 2. – С. 87-94.
3. Селедцов, В. А. Формирование правовой культуры современного школьника / В. А. Селедцов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 43 (385). – С. 281-283. – URL: https://moluch.ru/archive/385/84702/ (дата обращения: 19.06.2025).
4. Третьяков, А. Л. К вопросу о правовом просвещении обучающихся как успешном факторе развития устойчивого социокультурного и образовательного пространства современной России / А. Л. Третьяков. – Текст: непосредственный // Культурологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 36-46.
5. Харников, М. В. Сущность и структура правовой культуры подростка как результат социального воспитания и правового просвещения / М. В. Харников. – Текст: непосредственный // Вестник Тамбовского университета. – 2018. – № 175. – С. 30-35.
6. Шамсутдинова, Д. В. Гражданско-правовая культура современной молодежи: концепт и феномен в культурологической парадигме: диссертация на соискание степени кандидата культурологических наук / Шамсутдинова Дарина Венировна; Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. – Санкт-Петербург, 2020. – 189 с. – Текст: непосредственный.

References:

1. Arakelova E. V., Sergeev E. V. Problems of formation of legal awareness of youth in modern socio-cultural conditions of the Russian reality. – Text: direct // Bulletin of the Adygea State University. – 2022. – No. 3. – pp. 77-80.
2. Batsukin, A. A. The role of youth public associations in overcoming legal nihilism in Russia / A. A. Batsukin, A.V. Merkulov. – Text: direct // Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2019. – No. 2. – pp. 87-94.
3. Seledtsov, V. A. Formation of the legal culture of a modern schoolboy / V. A. Seledtsov. – Text : direct // Young scientist. – 2021. – № 43 (385). – Pp. 281-283. – URL: https://moluch.ru/archive/385/84702 / (date of reference: 06/19/2025).
4. Tretyakov, A. L. On the issue of legal education of students as a successful factor in the development of a sustainable socio-cultural and educational space in modern Russia / A. L. Tretyakov. – Text: direct // Cultural journal. – 2017. – No. 1. – pp. 36-46.
5. Kharnikov, M. V. The essence and structure of legal culture of a teenager as a result of social education and legal education / M. V. Kharnikov. – Text: direct // Bulletin of Tambov University. – 2018. – No. 175. – pp. 30-35.
6. Shamsutdinova, D. V. Civil law culture of modern youth: a concept and phenomenon in the cultural paradigm: dissertation for the degree of Candidate of Cultural Sciences / Shamsutdinova Darina Venirovna; St. Petersburg University of Humanities Prof. – St. Petersburg, 2020– 189 p. – Text: direct.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_67

ПРАВО И НРАВСТВЕННОСТЬ: ОСНОВЫ СООТНОШЕНИЯ
LAW AND MORALITY: FUNDAMENTALS OF THE RATIO

ПАЛЕХА Роман Робертович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства
Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: paleharr@mail.ru;

ПАВЛОВА Елена Вячеславовна,
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: pavlova.elena2009@yandex.ru;

ПАВЛОВ Егор Андреевич,
студент факультета непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы
Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: egor.pavlov2007@yandex.ru;

PALEKHA Roman Robertovich,
candidate of Law, assistant professor, assistant professor of chair of theory and history of law and state
The Central Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: paleharr@mail.ru;

PAVLOVA Elena Vyacheslavovna,
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of Law and the State
of the Central Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev" (Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: pavlova.elena2009@yandex.ru;

PAVLOV Yegor Andreevich,
student of the Faculty of Continuing Education for the training of specialists for the judicial system
The Central Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: egor.pavlov2007@yandex.ru

Краткая аннотация: *в настоящей статье рассматриваются основы соотношения права и нравственности в исследованиях Н.М. Коркунова, Г.Ф. Шершеневича, Е.Н. Трубецкого, В.С. Соловьева. Каждый подход отличается своими особенностями и не создает унифицированного понимания относительно того, как соотносятся право и нравственность.*

Abstract: *this article examines the fundamentals of the relationship between law and morality in the research of N.M. Korkunov, G.F. Shershenevich, E.N. Trubetskoy, V.S. Solovyov. Each approach has its own characteristics and does not create a unified understanding of how law and morality relate.*

Ключевые слова: *право, правопонимание, Н.М. Коркунов, нравственность, юридическая наука, Г.Ф. Шершеневич, Е.Н. Трубецкой, свобода, личность, В.С. Соловьев, оценка интересов, государство.*

Keywords: *law, legal understanding, N.M. Korkunov, morality, legal science, G.F. Shershenevich, E.N. Trubetskoy, freedom, personality, V.S. Solovyov, assessment of interests, and the state.*

Для цитирования: *Палеха Р.Р., Павлова Е.В., Павлов Е.А. Право и нравственность: основы соотношения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 67-69. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_67.*

For citation*: Palekha R.R., Pavlova E.V., Pavlov E.A. Law and morality: fundamentals of the ratio // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 67-69. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_67.*

Статья поступила в редакцию: 02.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Право и нравственность как важнейшие социальные регуляторы постоянно находятся в фокусе внимания ученых-исследователей. Так, значительное внимание вопросам соотношения права и нравственности уделял известный русский правовед Н.М. Коркунов, который, исходя из природы правовых и нравственных норм отграничивает их друг от друга [5, с. 36]. В основе теории Н.М. Коркунова находится интерес, требующий своей оценки. Оценка целевых установок и интересов – есть сущность нравственности. Таким образом, нравственные правила устанавливают различие добра и зла, того, что нужно делать и чего нет, нравственных и безнравственных целей. Нравственные правила служат высшим руководящим началом всей нашей деятельности, оценкой всех наших проступков [1, с. 128].

В связи с тем, что психология разных индивидов отличается, нравственные воззрения неодинаковы при столкновении интересов, немыслима полная нравственная оценка отдельных целей, также невозможно определить, чей же интерес должен быть поставлен выше. Н.М. Коркунов следующим образом трактует данный вопрос: «При столкновении интересов нескольких личностей нельзя уладить их соотношение посредствам одной сравнительной оценки. Интересы могут быть одинаковые. Подробности, обусловливающие относительную оценку интересов, обыкновенно при том остаются неизвестными. Наконец, дело осложняется еще тем, что нравственные воззрения у людей неодинаковы»

[1, с. 129]. Таким образом, условием возможности нравственного регулирования выступает моральное воспитание. Более того, моральное воспитание должно быть сердцевиной всех форм воспитательных работ [2, с. 49].

Другой известный исследователь права, Г.Ф. Шершеневич был одним из видных представителей юридического позитивизма. Одной из основных проблем позитивистов была проблема соотношения права и государства. Сущность права, основывается на неразрывной его связи с государством, т.к. именно оно санкционирует часть норм, издает их в процессе своей законотворческой деятельности. Таким образом, государство генерирует правовые нормы воплощая в них свою государственную волю.

Первая и основная задача для теоретико-правовой науки, отмечал Е.Н. Трубецкой, «заключается в определении самого понятия о праве. Пока мы не выясним для себя, что такое право вообще, все наши суждения о тех или других конкретных видах права будут страдать неясностью, отсутствием определенного научного содержания. При отсутствии удовлетворительного определения понятия права не могут быть проведены ясные границы между правоведением и другими науками; а при отсутствии таких границ наука права всегда рискует или не охватывать весь свой предмет, или совершать захваты из других, чуждых ей, областей знания» [7, с. 278].

Е.Н. Трубецкой о «правомерном принуждении» писал, что «не всякое вообще принуждение, физическое или психическое», признается в качестве признака права, а только то, «которое не представляется актом произвола». Принуждение может быть правомерным, «если оно исходит из признанной правом власти, которая при этом не выходит из пределов представленных ей полномочий», но оно может быть и неправомерным, если применяется «непризнанными к тому лицам, самозваными властями, или если власть, хотя бы установленная правом, нарушает пределы своих полномочий» [9, с. 17].

В различных изданиях можно встретить указания и на другие признаки, отличающие право от нравственности. Данные признаки выражают ценность права для общества. Правовые нормы многообразны, богаты в количественном и качественном отношении, т.к. они регулируют организацию сложного дифференцированного общества. На основании вышерассмотренных признаков можно определить право, как «правило общественного поведения, поддерживаемого государственной властью посредством принуждения на случай нарушения» [10, с. 79]. Изъясняясь современным языком, право – это нормативное выражение исторически сложившегося порядка общественных отношений между свободными и равными субъектами, отклонения от которых могут быть устранены средствами государственного принуждения. Приведенное определение права не является единственным и бесспорным. В современной юридической науке предложено великое множество определений права. В связи с этим, хотелось бы остановиться на рассмотрении сущности права в работах таких видных ученых как В.С. Соловьев и Е.Н. Трубецкой. Для этого рассмотрим теории, одна из которых рассматривает право, как реализацию минимума добра (теория этического минимума), которую развивал в своих учениях Вл. Соловьев, Еллинек, Ященко, другая же рассматривает право, как меру свободы (Трубецкой, Михайловский, Чичерин).

Крупнейший русский религиозный философ второй половины XIX века Владимир Сергеевич Соловьев в своей работе «Право и нравственность», исследуя сущность права, отмечал, что, прежде всего, правом определяется отношение личностей. Личностью же признается «существо, не могущее по природе своей служить только средством для другого, а существующее, как цель в себе и для себя, существо, в котором всякое внешнее на него наталкивается на возможность безусловного сопротивления, нечто такое, что этому внешнему действию может, безусловно, не поддаваться, и есть внутреннее и самобытное – для другого непроницаемое и неустранимое» [6, с. 17]. Иными словами, это свобода в смысле определенности и неизменной особенности всякого существа, одинаково проявляющейся во всех его действиях.

Таким образом, в основе права, по В.С. Соловьеву, находится свобода, принадлежащая любой личности. Но сама по себе свобода еще не образует права, а становится им только тогда, когда свобода признается за каждым человеком в равной степени. Поэтому, право – это свобода, обусловленная равенством, иными словами, «право есть синтез свободы и равенства». В данном случае речь идет о положении людей в обществе, которое обеспечивает их равноправие, их одинаковое отношение к закону. Но следует отметить, что свобода любой личности, обусловлена не только равенством всех личностей, но и реальными условиями этого равенства. Так, например, в Конституции РФ закреплено, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [4]. Но данное право будет реализовано при условии удовлетворения определенных требований, предъявляемых при приеме на работу и заключении трудового договора с работодателем. В силу ст. 18 ГК граждане могут иметь имущество в праве собственности [3]. Но, чтобы это право возникло, необходимо, чтобы гражданин осуществил один из способов приобретения имущества, а именно: купил какое-то имущество, принял его в дар, унаследовал, приобрел путем изготовления вещи или постройки дома и т.д.

В этой связи, В.С. Соловьев рассматривал право, как определенный минимум нравственности. Человек существует и развивает свою свободу и нравственность в обществе. Хотя, В.С. Соловьев и пишет, что право является некоторым минимумом нравственности, но доказывает и то, что основным различием между правом и нравственностью является следующее: нравственные законы предполагают добровольное исполнение. «Всякое принуждение, не только физическое, но и психологическое, здесь по существу дела и нежелательно и невозможно» [6, с. 34]. Что касается права, то оно обеспечивается принуждением. И поэтому, мы видим следующее понятие права: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [6, с. 35].

Из вышеизложенного со всей очевидностью прослеживается, что право, как один из социальных регуляторов всегда есть определенные нормы, устанавливающие правила поведения, для участников социального взаимодействия через определения границ и направленности их социальной активности. Убедительно, по этому поводу писал Е.Н. Трубецкой: «Любое право выражает собою правило поведения». В каком бы смысле мы не употребляли слово «право», «мы всегда подразумеваем под ним что-то такое, против чего не следует посягать, чего не должно нарушать». С этим словом «в нашем уме всегда связывается то или другое поведение, предписание каких-либо положительных действий или

воздержания от действий» [8, с. 16].

В своей работе «Энциклопедия права» Е.Н. Трубецкой, исследуя соотношения права и нравственности, не поддерживает точки зрения, в которой право определяется как определенный минимум нравственности. Первоначально он выделяет необходимые и существенные признаки права, а именно: 1) свобода личности, которая является основой их существования; 2) наличие правил, норм, «которые бы, с одной стороны, представляли отдельным лицам определенную сферу внешней свободы, а с другой, ограничивали бы свободу лиц в их взаимных отношениях» [8, с. 18]. Следовательно, право, по Е.Н. Трубецкому, – это внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой. Но данное определение является весьма широким, т.к. по сути, оно не содержит существенных отличий области права от области нравственности. Таким образом, данное определение подходит как к правовым нормам, так и нормам нравственности.

Таким образом, подводя итог основам соотношения права и нравственности, следует заметить, что в науке оформилась достаточно широкая палитра мнений и позиций представленных воззрениями различных исследователей, таких как Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, Е.Н. Трубецкой, В.С. Соловьев. Каждый исследователь внес свой бесценный вклад в понимание права и нравственности и соотношения этих важнейших социальных регуляторов. Исследования этих выдающихся русских ученых позволили тщательно и всесторонне изучить природу права и нравственности, выявить их сходства и различия, что позволило лучше понять значение этих важнейших социальных регуляторов, раскрыть их созидательный потенциал как норм, преобразующих социальную действительность.

Список литературы:

1. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Сост. [и авт. вступ. ст., с. 8-25] А. П. Альбов и др. - СПб.: Алетейя, 1997 [1999]. - 398с.
2. Валеев Д.Ж. Происхождение морали / Д. Ж. Валеев. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. - 168с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 11.06.2025).
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права [Текст] / Н. М. Коркунова, профессора С.-Петербургского университета. - Изд. 8-е (без измен.). - Санкт-Петербург: [Н. К. Мартынов], 1909. - 354 с.
6. Соловьев В.С. Право и нравственность / Владимир Соловьев. - Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. - 190 с.
7. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / Е. Н. Трубецкой; [Сост. И. И. Евлампиев]. - СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2001. - 540 с.
8. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права [Текст]: Для использования в учебном процессе со студентами вузов, обучающимися по юридическим специальностям / Е. Н. Трубецкой; [Вступ. ст. Г. Г. Бернадского]; МВД России. С.-Петерб. ун-т. - Санкт-Петербург: Лань: Сев.-Зап. акад. гос. службы, 1998. - 217 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве: Лекции Г.Ф. Шершеневича / Моск. о-во нар. ун-тов. - [2-е изд.]. - Москва: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. - 163 с.

References:

1. Russian Philosophy of Law: philosophy of faith and morality: An Anthology / Comp. [and auth. introductory article, pp. 8-25] A. P. Albov et al. - St. Petersburg: Alteteya, 1997 [1999]. - 398s.
2. Valeev D.J. The origin of morality / D. J. Valeev. - Saratov: Sarat Publishing House. University, 1981. - 168c.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/29/2017) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - St. 3301.
4. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020 // Official Internet portal of Legal Information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (date of reference: 06/11/2025).
5. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law [Text] / N. M. Korkunova, Professor of St. Petersburg University. - 8th ed. (without changes). - St. Petersburg: [N. K. Martynov], 1909. - 354 p.
6. Solovyov V.S. Law and morality / Vladimir Solovyov. Minsk: Harvest; Moscow: AST, 2001. 190 p.
7. Trubetskoy E.N. Works on the philosophy of law / E. N. Trubetskoy; [Comp. I. I. Evlampiev]. - St. Petersburg: Publishing House of Rus. Christians. humanitarian. in-ta, 2001. - 540 p.
8. Trubetskoy E.N. Encyclopedia of Law [Text]: For use in the educational process with university students studying in legal specialties / E. N. Trubetskoy; [Introduction by G. G. Bernadsky]; Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg University. - St. Petersburg: Lan: Sev.-Zap. Academy of State Services, 1998. - 217 p.
9. Shershenevich G.F. The general doctrine of law and the state: Lectures by G.F. Shershenevich / Moscow time. about the nar. univ. - [2nd ed.]. - Moscow: I.D. Sytin's tip. t-va, 1911. - 163 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_70

О ДЕЙСТВЕННОСТИ ТЕОРИИ ПРАВООХРАНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОПЫТ ПРАВОРЕГУЛИРОВАНИЯ В КУНЦЕВСКОМ РАЙОННОМ СУДЕ ГОРОДА МОСКВЫ)
ON THE EFFECTIVENESS OF THE THEORY OF LAW ENFORCEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION IN THE KUNTSEVSKY DISTRICT COURT OF MOSCOW)

ГАЛУЗО Василий Николаевич,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.
123056, Россия, г. Москва, пер Электрический, д. 10.
E-mail: vgrmn@yandex.ru;
GALUZO V.N.,
PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.
10 Elektroicheskiy Lane, Moscow, 123056, Russia.
E-mail: vgrmn@yandex.ru;

Краткая аннотация: *в статье на основе анализа юридической литературы и опыта правоприменения правоохранительных органов Российской Федерации, в том числе и одного судебного органа общей юрисдикции города федерального значения – города Москвы, о действенности теории правоохраны обосновано несколько суждений: Российская Федерации является правовом государством, что продекларировано в части 1 статьи 1 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. и что означает исключительность права в качестве регулятора общественных отношений; статус «судья» един и урегулирован Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г.; все иные характеристики статуса судьи (в частности, «федеральный судья») могут рассматриваться лишь как импровизация, ибо не являются обоснованными; статус «судья» предполагает наличие трех обстоятельств: порядок наделения полномочиями, права, обязанности; порядок наделения полномочиями всякого судьи, в том числе и Кунцевского районного суда города Москвы, предполагает наличие подзаконного нормативного правового акта, а именно указа Президента РФ, предназначенного для регулирования названного общественного отношения; помещение ошибочных сведений относительно статуса судей на сайтах судов общей юрисдикции, в том числе и на сайте Кунцевского районного суда города Москвы, является безусловным основанием для отвода судьи, в том числе и судьи Кунцевского районного суда города Москвы.*

Abstract: *based on an analysis of legal literature and the experience of law enforcement agencies in the Russian Federation, including one court of general jurisdiction in the city of federal significance of Moscow, several statements are made about the effectiveness of the theory of law enforcement: the Russian Federation is a state governed by the rule of law, which is declared in part 1 of Article 1 of the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, and which means that law is the exclusive regulator of public relations; the status of «judge» is unified and regulated by the Law of the Russian Federation «On the Status of Judges in the Russian Federation» dated June 26, 1992; all other characteristics of the status of a judge (in particular, «federal judge») can only be considered as improvisation, as they are not justified; the status of «judge» implies the presence of three circumstances: the procedure for granting authority, rights, and obligations; the procedure for granting authority to any judge, including the Kuntsevo District Court of Moscow, implies the existence of a subordinate legal act, namely a decree of the President of the Russian Federation, designed to regulate this social relationship; the placement of erroneous information regarding the status of judges on the websites of general jurisdiction courts, including the Kuntsevo District Court of Moscow, is an unconditional basis for the removal of a judge, including the judge of the Kuntsevo District Court of Moscow.*

Ключевые слова: *Российская Федерация, правовое государство, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеральный конституционный закон РФ, Федеральный конституционный закон РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года», «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года»), федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 21 апреля 2006 г., закон РФ, Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г., статус, судья, «федеральный судья», общественное отношение, регулятор, система регуляторов общественных отношений, политика, право, религия, традиция, комплексное правоприменение, противоречие, коллизия, конкуренция.*

Key words: *Russian Federation, rule of law, legislation, normative legal act, system of normative legal acts, Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, Federal Constitutional Law of the Russian Federation, Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation» («Approved by the State Duma on January 28, 2011», «Approved by the Federation Council on February 2 2011»), the Federal Law of the Russian Federation, the Federal Law of the Russian Federation «On the procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation» dated April 21, 2006, the law of the Russian Federation, the Law of the Russian Federation «On the Status of Judges in the Russian Federation» dated June 26, 1992, status, judge, «federal judge», public relations, regulator, the system of regulators of public relations, politics, law, religion, tradition, complex legal regulation, contradiction, conflict, competition.*

Для цитирования: *Галузо В.Н. О действенности теории правоохраны в Российской Федерации (опыт правоприменения в Кунцевском районном суде города Москвы) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 70-74. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_70.*

For citation*: Galuzo V.N. On the effectiveness of the theory of law enforcement in the Russian Federation experience of legal regulation in the Kuntsevsky District Court of Moscow) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 70-74. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_70.*

Статья поступила в редакцию: 09.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Предметом данной статьи является судопроизводство, как одна из разновидностей правоохраны[1], причем на примере одного из судов общей юрисдикции города федерального значения – города Москвы[1].

[1] Об этом подробнее см.: Галузо В.Н. Теория правоохраны - новое направление в российской юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15-16; он же: Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110-113; Галузо В.Н., Канафин Н.А. Теория правоохраны как подтверждение приоритета юридической науки над правоприменением в Российской Федерации // Образование и право. 2018. № 3. С. 40-48; Галузо В.Н. Теория правоохраны как феномен юридической науки Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 5. С. 33-36; он же: Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. С. 76-140.

Первоначально, с целью обеспечения объективности данного критического изложения, представлены результаты переписки с Председателем Кунцевского районного суда города Москвы, причем в полном объеме и в виде нонпарели (франц. nonpareille)[2].

Так, результаты гражданского судопроизводства Лефортовского районного суда города Москвы при рассмотрении гражданского дела за № 02-5840/2023 (в 2024 г. – за № 02-0186/2024)[3] побудили к обращению с исковым заявлением в Кунцевский районный суд города Москвы. Таковое состоялось 16 апреля 2025 г. (№ 25-02735/25).

При обращении с исковым заявлением в названный суд общей юрисдикции районного звена города Москвы был обнаружен неординарный факт, который не смогли оставить без внимания.

Первое обращение к Председателю Кунцевского районного суда города Москвы именно в этой связи состоялось 21 апреля 2025 г. («№ 1-15957/25»).

«Уважаемая О… А…!

Принимая во внимание Указ Президента РФ № 827 от 30 сентября 2024 г. (см.: СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6143), а также руководствуясь Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. (ст. 33), Федеральным конституционным законом РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года», «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года»), Федеральным законом РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 21 апреля 2006 г., Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г., приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» № 36 от 29 апреля 2003 г. и с целью обеспечения легитимности деятельности судьи Кунцевского районного суда г. Москвы Ш…, впервые обращаюсь к Вам.

Поводом для данного обращения явился факт обнаружения на сайте Кунцевского районного суда города Москвы ошибочных сведений относительно назначения на должность судьи Ш… В частности, речь идет о записи: «Назначена Указом Президента Российской Федерации № 343 от 23 октября 2011 года». Легитимность деятельности судьи Кунцевского районного суда г. Москвы Ш… может быть обеспечена при помещении на сайте Кунцевского районного суда города Москвы иной записи: «Назначена Указом Президента Российской Федерации № 343 от 24 марта 2011 года» (см.: СЗ РФ. 2011. № 13. Ст. 1752).

Подобное обращение также предопределено подачей искового заявления в Кунцевский районный суд г. Москвы к ПАО «Совкомбанк» от 16 апреля 2025 г. ... В тот же день на сайте Кунцевского районного суда города Москвы относительно … искового заявления была помещена запись: «М-2390/2025» ... А 17 апреля 2025 г. на сайте Кунцевского районного суда города Москвы относительно … искового заявления была помещена запись: «Судья Ш…») … Надеюсь, что в соответствии со статьями 4, 131, 132 ГПК РФ и без дополнительных обременений будет возбуждено гражданское дело. Также надеюсь, что данное обращение к Вам не повлечет для … неблагоприятных последствий, в том числе и в соответствии со статьями 134, 135, 136 ГПК РФ. Прошу не осуществлять переписку посредством электронной почты, ибо стремление к цифровизации лишь усложняет объективное установление обстоятельств дела. Намерен отвечать лишь на сообщения, полученные по обычной почте и с номером почтового идентификатора (ст. 165[1] ГК РФ)».

Второе обращение к Председателю Кунцевского районного суда города Москвы состоялось 25 апреля 2025 г. («№ 1-16640/25»).

«Уважаемая О… А…!

Принимая во внимание Указ Президента РФ № 827 от 30 сентября 2024 г. (см.: СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6143), а также руководствуясь Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. (ст. 33), Федеральным конституционным законом РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года», «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года»), Федеральным законом РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 21 апреля 2006 г., Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г., приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» № 36 от 29 апреля 2003 г. уже во второй раз (первое обращение – от 21 апреля 2025 г.) обращаюсь к Вам.

Поводом для данного обращения явился факт обнаружения утром 24 мая 2025 г. на сайте Кунцевского районного суда города Москвы сведений относительно … искового заявления от 16 апреля 2025 г. … и посещение Кунцевского районного суда города Москвы в период с 9 часов до 9 часов 30 минут от 24 апреля 2025 г. ...

Спустя несколько часов … первого обращения к Вам от 21 апреля 2025 г. на сайте Кунцевского районного суда города Москвы обнаружил запись «Назначена Указом Президента Российской Федерации № 343 от 24 марта 2011 года», которая предлагалась … вместо ошибочной записи «Назначена Указом Президента Российской Федерации № 343 от 23 октября 2011 года». Иначе говоря, отныне обеспечена легитимность судьи Ш…, которая может осуществлять гражданское судопроизводство.

Разумеется, я рассчитывал на «бонус» (в соответствии со статьями 4, 131, 132 ГПК РФ и без дополнительных обременений возбуждение гражданского дела по … исковому заявлению от 16 апреля 2025 г.) за обнаружение ошибочной записи на сайте Кунцевского районного суда города Москвы. Однако, этого не случилось и … наступили неблагоприятные последствия (в соответствии со статьей 135 ГПК РФ возвращение

[1] О таковых подробнее см.: Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в городе Москве: обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 7. С. 128-135.

[2] О значении данного термина см., например: Краткая Российская энциклопедия. В 3 т. Т. 2 «К-Р» / Сост. В.М. Карев. М.: Большая Российская энциклопедия; ОНИКС 21 век, 2004. С. 714.

[3] Подробнее об этом см.: Галузо В.Н. О соотношении гражданского законодательства и законодательства о банкротстве (опыт праворегулирования в Лефортовском районном суде города Москвы) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11. С. 12-15.

искового заявления). Решение судьи Ш..., конечно, удивило. Складывается впечатление, что на судью Ш... не распространяется ГПК РФ (в частности, о подсудности – ст. 29) и ее судейское усмотрение ничем не ограничено.

В этой связи и в соответствии со статьями 135 (часть 3), 331 ГПК РФ … вынужден обратиться с частной жалобой в Московский городской суд с надеждой, что Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда отменит определение судьи Кунцевского районного суда города Москвы от 23 апреля 2025 г., как незаконное и необоснованное.

Прошу не осуществлять переписку посредством электронной почты, ибо стремление к цифровизации лишь усложняет объективное установление обстоятельств дела. Намерен отвечать лишь на сообщения, полученные по обычной почте и с номером почтового идентификатора (ст. 165^1 ГК РФ)».

Третье обращение к Председателю Кунцевского районного суда города Москвы состоялось 16 мая 2025 г. («№ 1-19017/25»).

«Уважаемая О… А…!

Принимая во внимание Указ Президента РФ № 827 от 30 сентября 2024 г. (см.: СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6143), а также руководствуясь Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. (ст. 33), Федеральным конституционным законом РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года», «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года»), Федеральным законом РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 21 апреля 2006 г., Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г., приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» № 36 от 29 апреля 2003 г. уже в третий раз (первое обращение – от 21 апреля 2025 г.; второе обращение – от 25 апреля 2025 г.) обращаюсь к Вам.

Поводом для данного обращения явился факт обнаружения утром 15 мая 2025 г. на сайте Кунцевского районного суда города Москвы сведений относительно повторного решения уже легализованной судьи Ш… и уже относительно … частной жалобы, поданной … 29 апреля 2025 г. Речь шла еще об одном процессуальном документе, составленном уже легализованной судьей Ш..., но уже относительно … частной жалобы с записью «12 мая 2025 г. Оставлено без движения». То есть речь шла об использовании в качестве правового обоснования статьи 136 ГПК РФ. Именно данное обстоятельство и побудило … незамедлительно посетить Кунцевский районный суд города Москвы 15 мая 2025 г, памятуя, что в этот день уже легализованная судья Ш... осуществляла прием посетителей с 9 до 13 часов. Около 12 часов … уже находился в Кунцевском районном суде города Москвы и ожидал вызова. Прием осуществляла помощник уже легализованной судьи Ш…, причем в форменной одежде. Как … и предполагал, определение уже легализованной судьи Ш... было основано на факте отсутствия оплаты госпошлины за подачу частной жалобы. …, действительно, не оплачивал госпошлину за подачу частной жалобы (3000 рублей), ибо полагал это нарушением подпункта 4 пункта 2 ст. 333^{36} Налогового кодекса РФ (Часть вторая от 19 июля 2000 г.). К Вашему сведению, именно в этой связи ранее … неоднократно обращался и к Председателю Лефортовского районного суда города Москвы, и к Председателю Московского городского суда. … потребовал от помощника судьи уже легализованной судьи Ш... определение от 12 мая 2025 г., в соответствии с которым была оставлено без движения … частная жалоба от 29 апреля 2025 г. (ст. 136 ГПК РФ). Однако помощник уже легализованной судьи Ш... отказалась представить … искомый процессуальный документ, ввиду его отсутствия. Оказывается, искомый процессуальный документ уже легализованной судьей Ш... не составлялся. Более того, помощник уже легализованной судьи Ш... заявила, что необходимости в уплате … госпошлины в размере 3000 рублей за подачу частной жалобы нет и … частная жалоба будет непременно передана в правомочное структурное подразделение Кунцевского районного суда города Москвы («Апелляционный отдел») для последующей передачи в Московский городской суд. Но при этом помощник уже легализованной судьи Ш... разговаривала … грубо, не уважительно, делала замечания.

Изложенное побуждает … просить Вас о проведении служебной проверки относительно деятельности уже легализованной судьи Ш… и ее помощницы, осуществлявшей прием посетителей 15 мая 2025 г.».

Четвертое обращение к Председателю Кунцевского районного суда города Москвы состоялось 21 июня 2025 г.

«Уважаемая О… А…!

Принимая во внимание Указ Президента РФ № 827 от 30 сентября 2024 г., а также руководствуясь Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. (ст. 33), Федеральным конституционным законом РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года», «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года»), Федеральным законом РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 21 апреля 2006 г., Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г., приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» № 36 от 29 апреля 2003 г. уже в четвертый раз (первое обращение – от 21 апреля 2025 г.; второе обращение – от 25 апреля 2025 г.; третье обращение – от 16 мая 2025 г.) обращаюсь к Вам.

Поводом для данного обращения явился факт получения в почтовом отделении № 121359 г. Москвы пакета …, в котором обнаружил сообщение за № 2-04810/25 от 19 мая 2025 г. ...

В сообщении за № 2-04810/25 от 19 мая 2025 г., представленном в виде семи абзацев, подтверждены лишь факты … обращения с исковым заявлением в Кунцевский районный суд города Москвы и о намерении названного суда общей юрисдикции города Москвы «в ближайшее время» отправить … частную жалобу в Московский городской суд. Иначе говоря, сообщении за № 2-04810/25 от 19 мая 2025 г. оцениваю как маловразумительную отписку.

Само же сообщение представлено лишь относительно … обращения в Кунцевский районный суд города Москвы, «поступившее

21.04.2025 г. (вх. № 1-15957/25)». А как же с … обращениями от 25 апреля 2025 г. (№ 1-16640/25) и от 16 мая 2025 г. (№ 1-19017/25)?

29 мая 2025 г. при посещении Кунцевского районного суда города Москвы в одном из подразделений названного суда общей юрисдикции города Москвы («Апелляционный отдел») получил извещение о принесении апелляционной жалобы / представления по гражданскому делу, правда, без подписи Председателя Кунцевского районного суда города Москвы и без печати ...

Прошу не осуществлять переписку посредством электронной почты, ибо стремление к цифровизации лишь усложняет объективное установление обстоятельств дела. Намерен отвечать лишь на сообщения, полученные по обычной почте и с номером почтового идентификатора (ст. 165^1 ГК РФ)».

Пятое обращение к Председателю Кунцевского районного суда города Москвы состоялось 1 июля 2025 г. («1-25947/25»).

«Уважаемая О… А…!

Принимая во внимание Указ Президента РФ № 827 от 30 сентября 2024 г., а также руководствуясь Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. (ст. 33), Федеральным конституционным законом РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года», «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года»), Федеральным законом РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 21 апреля 2006 г., Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г., приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» № 36 от 29 апреля 2003 г. уже в пятый раз (первое обращение – от 21 апреля 2025 г.; второе обращение – от 25 апреля 2025 г.; третье обращение – от 16 мая 2025 г.; четвертое обращение – от 21 июня 2025 г.) обращаюсь к Вам.

Поводом для данного обращения явился факт неполучения в одном структурном подразделении Кунцевского районного суда г. Москвы, а именно – в «Апелляционном отделе», - материала за № 2390/2025 (судья Ш...) ... Более того, ответственная сотрудница фактически сообщила об утрате этого материала. Данное обстоятельство не позволяет … ознакомиться с этим материалом до передачи его в Судебную коллегию по гражданским делам Московского городского суда.

На основании изложенного, прошу:

1) провести проверку относительно места нахождения материала за № 2390/2025 (судья Ш...), а виновных лиц привлечь к юридической ответственности;

2) сообщить об отправке материала за № 2390/2025 из Кунцевского районного суда г. Москвы в Судебную коллегию по гражданским делам Московского городского суда.

Прошу не осуществлять переписку посредством электронной почты, ибо стремление к цифровизации лишь усложняет объективное установление обстоятельств дела. Намерен отвечать лишь на сообщения, полученные по обычной почте и с номером почтового идентификатора (ст. 165^1 ГК РФ)».

Шестое обращение к Председателю Кунцевского районного суда города Москвы состоялось 1 августа 2025 г. («1-29926/25»).

«Уважаемая О… А…!

Принимая во внимание Указ Президента РФ № 827 от 30 сентября 2024 г., а также руководствуясь Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. (ст. 33), Федеральным конституционным законом РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года», «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года»), Федеральным законом РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 21 апреля 2006 г., Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г., приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» № 36 от 29 апреля 2003 г. уже в шестой раз (первое обращение – от 21 апреля 2025 г.; второе обращение – от 25 апреля 2025 г.; третье обращение – от 16 мая 2025 г.; четвертое обращение – от 21 июня 2025 г.; пятое обращение – от 1 июля 2025 г.) обращаюсь к Вам.

Поводом для данного обращения явился достаточно длительный срок (с 29 апреля 2025 г.) отсутствия сведений уже относительно … частной жалобы на определение Кунцевского районного суда г. Москвы от 23 апреля 2029 г. (№ 1-17145/25 от 29 апреля 2025 г.). Искомые сведения отсутствуют и на сайте Московского городского суда.

Именно в этой связи счел возможным вновь побеспокоить Вас посредством формулирования нескольких вопросов, на которые, надеюсь, получить вразумительные ответы.

1) Отправлялось ли дело за № М-2390/25 из Кунцевского районного суда г. Москвы в Судебную коллегию по гражданским делам Московского городского суда?

2) Если дело за № М-2390/25 отправлено из Кунцевского районного суда г. Москвы в Судебную коллегию по гражданским делам Московского городского суда, прошу документально подтвердить этот факт.

3) Если дело за № М-2390/25 отправлено из Кунцевского районного суда г. Москвы в Судебную коллегию по гражданским делам Московского городского суда, прошу сообщить дату и время рассмотрения … частной жалобы на определение Кунцевского районного суда г. Москвы от 23 апреля 2029 г. (статьи 333-334 ГПК РФ).

Отсутствие вразумительных ответов и разъяснений на сформулированные … вопросы побудит … обратиться непосредственно к Председателю Московского городского суда.

Прошу не осуществлять переписку посредством электронной почты, ибо стремление к цифровизации лишь усложняет объективное установление обстоятельств дела. Намерен реагировать лишь на сообщения, полученные по обычной почте и с номером почтового идентифика-

тора (ст. 165[1] ГК РФ)».

На шесть обращений поступил ответ из Кунцевского районного суда г. Москвы лишь однажды, а именно 29 мая 2025 г. в виде персонального уведомления, полученное в почтовом отделении № 121359 г. Москвы.

Таким образом, исследования относительно действенности теории правоохраны в Российской Федерации необходимо продолжить.

Изложенное позволяет высказать несколько суждений.

Во-первых, Российская Федерации является правовом государством, что продекларировано в части 1 статьи 1 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. и что означает исключительность права в качестве регулятора общественных отношений.

Во-вторых, статус «судья» един и урегулирован Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г.

В-третьих, все иные характеристики статуса судьи (в частности, «федеральный судья») могут рассматриваться лишь как импровизация, ибо не являются обоснованными.

В-четвертых, статус «судья» предполагает наличие трех обстоятельств: порядок наделения полномочиями, права, обязанности.

В-пятых, порядок наделения полномочиями всякого судьи, в том числе и судьи Ш… Кунцевского районного суда города Москвы, предполагает наличие подзаконного нормативного правового акта, а именно указа Президента РФ, предназначенного для регулирования названного общественного отношения.

В-шестых, помещение ошибочных сведений относительно статуса судей на сайтах судов общей юрисдикции, в том числе и на сайте Кунцевского районного суда города Москвы, является безусловным основанием для отвода судьи, в том числе и судьи Ш… Кунцевского районного суда города Москвы.

Список литературы:

1) Галузо В.Н. Теория правоохраны - новое направление в российской юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15-16.
2) Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110-113;
3) Галузо В.Н. Теория правоохраны как феномен юридической науки Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 5. С. 33-36.
4) Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. С. 76-140.
5) Галузо В.Н. О соотношении гражданского законодательства и законодательства о банкротстве (опыт праворегулирования в Лефортовском районном суде города Москвы) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11. С. 12-15.
6) Галузо В.Н., Канафин Н.А. Теория правоохраны как подтверждение приоритета юридической науки над правоприменением в Российской Федерации // Образование и право. 2018. № 3. С. 40-48.
7) Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в городе Москве: обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 7. С. 128-135.
8) Краткая Российская энциклопедия. В 3 т. Т. 2 «К-Р» / Сост. В.М. Карев. М.: Большая Российская энциклопедия; ОНИКС 21 век, 2004. С. 714.

References:

1) Galuzo V.N. The Theory of Law Enforcement: A New Direction in Russian Legal Science? // Law and Law. 2009. No. 12. Pp. 15-16.
2) Galuzo V.N. The Theory of Law Enforcement in the Russian Federation: Pro et Contra // State and Law. 2012. No. 11. Pp. 110-113.
3) Galuzo V.N. The Theory of Law Enforcement as a Phenomenon of the Legal Science of the Russian Federation // Agrarian and Land Law. 2019. No. 5. Pp. 33-36.
4) Galuzo V.N. The Theory of Law Enforcement in the Russian Federation (Historical and Legal Research): Monograph. Moscow: UNITY-DANA: Law and Law, 2022. Pp. 76-140.
5) Galuzo V.N. On the relationship between civil legislation and bankruptcy legislation (experience of legal regulation in the Lefortovo District Court of Moscow) // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 11. pp. 12-15.
6) Galuzo V.N., Kanafin N.A. The theory of law enforcement as a confirmation of the priority of legal science over law enforcement in the Russian Federation // Education and Law. 2018. No. 3. Pp. 40-48.
7) Galuzo V.N., Kanafin N.A. On the Jurisdiction of State Judicial Bodies of the District Level in the City of Moscow: Are the Provisions of the Theory of Law Enforcement Being Ensured? // Education and Law. 2017. No. 7. Pp. 128-135.
8) Concise Russian Encyclopedia. In 3 volumes. Vol. 2 «K-R» / Compiled by V.M. Karev. Moscow: Great Russian Encyclopedia; ONIKS 21st, 2004. P. 714.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_75

УДК 34; 340

СООТНОШЕНИЕ И СТРУКТУРА ОБЩЕНАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПРАВА (К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ И МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ, ЧАСТЬ 2)

CORRELATION AND STRUCTURE OF GENERAL SCIENTIFIC METHODOLOGY AND METHODOLOGY OF LAW (ON THE ISSUE OF THE METHOD AND METHODOLOGY OF LEGAL SCIENCE, PART 2)

ПАТЮЛИН Георгий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.
119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А.
E-mail: g.patulin@gmail.com;

PATIULIN Georgii Sergeevich,
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Foreign Trade Academy.
6A Vorobyovskoe highway, Moscow, 119285, Russia.
E-mail: g.patulin@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье продолжено изучение подходов к определению понятия и содержания методологии и методов юридической науки, структуре методологии, иным средствам познания правовой действительности. Описываются современные западные подходы к базовым категориям и стратегиям научного познания правовой материи.*

Abstract: *The article continues to explore approaches to defining the concept and content of methodology and methods of legal science, the structure of methodology, and other means of understanding legal reality. Modern Western approaches to the basic categories and strategies of scientific knowledge of legal matter are described.*

Ключевые слова: *метод, методология, наука, юридическое исследование, сравнительное правоведение, понятия, категории, структура, средства познания.*

Key words: *method, methodology, science, legal research, comparative law, concepts, categories, structure, means of cognition.*

Для цитирования: *Патюлин Г.С. Соотношение и структура общенаучной методологии и методологии права (к вопросу о методе и методологии юридической науки, часть 2) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 75-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_75.*

For citation*: Patiulin G.S. Correlation and structure of general scientific methodology and methodology of law (on the issue of the method and methodology of legal science, part 2) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 75-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_75.*

Статья поступила в редакцию: 02.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Развивая положения, раскрытые в предыдущей статье, используя описанную в ней классификацию методологии [10] и подразделяя ее на всеобщую, общую и частную применительно к процессу познания права, можно предположить, что объектом наиболее адекватного, а значит, и наиболее эффективного использования всеобщей методологии являются правовые семьи и процесс их конвергенции [9, с. 191-214]. В качестве объекта общей методологии, обусловливающего особенности процесса его познания, в таком случае будут выступать национальные правовые системы, а объектом частной методологии - различные отрасли и институты права [5].

Таким образом, в зависимости от характера, логического объема и других особенностей исследуемого правового объекта формируется логическая цепочка взаимосвязанных, взаимозависимых и дополняющих друг друга методологических явлений и категорий в виде всеобщей, общей и частной методологии.

Д.А. Керимов отмечал, что общенаучная методология и методология права, как и отраслевые методологии (в частности, правовые), «не существуют изолированно друг от друга, а взаимодействуют, взаимопроникают и - что особенно важно подчеркнуть - интегрированы в гносеологических функциях». Смысл и назначение методологии он видел в «научном поиске оптимальных путей, методов, приемов, способов познания объектов», отмечая при этом, что «сам по себе поиск при всей его важности не представляет самостоятельной ценности, поскольку таковым является результат поиска, выраженный в достижении истины» [8, с. 11-12].

Рассматривая вопрос о соотношении понятия методологии юридической науки с общим понятием методологии, можно логически прийти к выводу о том, что эти понятия и сами явления соотносятся между собой как «общее» и «особенное», где общее понятие методологии, как об этом свидетельствует уже само его название, выступает в качестве «общего», а понятие методологии юридической науки, как и сама методология, проявляется в виде «особенного».

Методология юридической науки как правило, рассматривается в качестве элемента общей теории права и изучается в ее рамках. В то же время она как относительно самостоятельная научная дисциплина выступает в виде интегративного образования, возникающего на базе таких ее составных частей, как методология познания правовых семей и национальных правовых систем, методология исследования отраслей и институтов права, методология правотворчества, законотворчества, правообразования и правоприменения, методология правоохранительной и правообеспечительной деятельности.

Структура методологии юридической науки представляет собой внутреннее строение, взиморасположение и связь составных частей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе [16, с. 657; 11, с. 292]. Структура любого объекта, не исключая методологии, обусловливается его характером, логическим объемом его понятия и содержания, а также многими другими объективными и отчасти - в социальных явлениях - субъективными факторами. Последние в значительной мере проявляются особенно тогда, когда в процессе познания того или иного явления с помощью системы различных методов и других средств авторы отдают предпочтение какому-либо одному методу, считая его наиболее эффективным, лучшим [4, p. 66]. В качестве примера можно привести точку зрения некоторых исследователей-компаративистов, которые, широко используя различные методы, в то же время особо выделяют среди них «чисто функциональный» метод [7, p. 34]. Аналогичная ситуация нередко складывается в процессе познания не только правовых, но и иных объектов, существующих в социально-экономической, социально-политической и иной среде, где при изучении системного объекта в структуре его методологии на первый план выступает системный метод, а при рассмотрении комплексного объекта - комплексный метод и т.д.

Особенность структуры методологии юридической науки заключается в ее двухуровневом порядке, определяемым пониманием методологии одновременно как системы методов и способов познания и как учения о них. На «материальном» уровне находится совокупность методов и всех иных средств познания рассматриваемой правовой материи, а на другом «теоретическом» - учение об этих методах и средствах. На каждом из данных уровней есть своя структура, являющаяся составной частью общей структуры методологии юридической науки, и свои структурные элементы.

Структурными элементами «теоретическом» уровня методологии юридической науки являются теоретические положения, научные гипотезы и взгляды на понятия и содержания используемых методов и других средств познания правовой материи, их видов, характера их взаимосвязи и взаимодействия, места и роли их в исследовании того или иного правового объекта. Кроме того, еще одним элементом «теоретического» уровня является мировоззрение исследователя, понимаемое в качестве «системы принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих как отношение к действительности, общее понимание мира, так и жизненные позиции, программы деятельности людей» [15, с. 397]. Являясь приверженцем тех или иных мировоззренческих позиций, каждый исследователь обладает определенными, сформированными в рамках этих позиций, знаниями и убеждениями и, руководствуясь ими в своей деятельности, оказывает определенное влияние на процесс формирования и развития «теоретического» уровня методологии юридической науки. Это возможно лишь в случае признания того факта, что мировоззрение исследователя выступает не как нечто внешнее по отношению к методологии юридической науки, а как ее внутренняя составляющая, ее неотъемлемый структурный элемент [14, с. 20-21]. Отнесение мировоззрения к структурным элементам методологии подтверждается и практикой зарубежных ученых-юристов, которые в качестве используемых в европейском и международном праве методологий исследования называют, в том числе, естественное право, юридический позитивизм, космополитизм, конституционализм, марксизм, феминизм и т.п. [2, p. 163].

Структура методологии юридической науки на «материальном» уровне формируется прежде всего из методов, а также из иных средств познания права. И если методы познания исследованы достаточно хорошо, единого мнения о «других средствах познания» нет ни среди отечественных, ни среди зарубежных авторов, занимающихся исследованием различных сторон и аспектов методологии, как нет и единого перечня этих средств. Основная причина такого положения вещей заключается, с одной стороны, в различном понимании сути и содержания самой методологии, нередко сводящейся лишь к простой совокупности методов и других средств познания и игнорирующих учение об этих методах и средствах, а с другой - в недооценке в тех или иных средствах познания их методологических свойств и методологического потенциала.

Несмотря на имеющиеся разногласия относительно «других средств познания», в научной литературе наряду с методами познания нередко выделяются такие, в частности, «средства», как понятия и категории. При этом категории, как и понятия, традиционно воспринимаются изначально не иначе как в философском смысле и наполняются в последующем юридическим содержанием. Согласно сложившемуся в философской литературе представлению категории рассматриваются как «формы осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающие наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления» [15, с. 282].

Помимо того, что в процессе познания правовой материи данные средства в виде философских понятий и категорий должны быть наполнены юридическим содержанием, они также должны быть, по справедливому замечанию В.М. Сырых, «истинными» феноменами, которые «верно отражают устойчивые, необходимые, общие связи, свойства исследуемых конкретных явлений и процессов». Обеспечить же истинность правовых категорий и понятий, как и всего понятийного аппарата общей теории права, «его способность выступать надежным средством научного познания, а также своевременно освобождаться от устаревших понятий, приводить их в соответствие с новыми закономерностями и процессами нельзя иначе, как последовательно изучая все те процессы и явления, которые составляют объект остальных юридических наук» [13, с. 103].

В плане обеспечения истинности и других свойств правовых категорий, наполняющих собой содержание «материального» уровня методологии познания правовой материи, западные исследователи апеллируют прежде всего к трем следующим феноменам, именуемым «базовыми категориями», обеспечивающими «стратегию научного познания». Первый из них - методология чтения (Reading Methodology) исследуемого материала, которая, будучи неотъемлемой составной частью общей методологии познания правовой материи, сводится «к анализу соответствующих документов, историографии, к архивной работе, к контент-анализу газет, фотографий и т.д.». Второй - интерактивное исследование (Interacting Research), связанное с «этнографическими познаниями, с проведением соответствующих интервью, с подготовкой тематических обзоров и с изучением судебных прецедентов». Третий - методология исчисления (Counting Methodology), связанная с широким использованием имеющих прямое отношение к исследуемой материи различных статистических данных, финансовых обзоров и проч. [5, p. 954-955].

Помимо понятий и категорий в качестве иных средств познания правовой материи в научной литературе довольно широко использу-

ются и различные правовые доктрины, выступающие в виде научных или философских теорий, учений, применяемые в процессе изучения правовых семей, национальных правовых систем и других правовых явлений; юридические концепции, понимаемые как определенный способ трактовки правовых явлений, «основная точка зрения, руководящая идея для их освещения» [12, с. 633]; предлагаемые в рамках того или иного мировоззрения различные модели, своего рода стандарты или образцы (эталоны) построения и функционирования тех или иных правовых систем [6, p. 421-425]; подходы к познанию права, представляющие собой совокупность способов и приемов, используемых исследователями в процессе изучения правовых явлений; различные принципы, лежащие в основе построения и функционирования как внутригосударственных (национальных) правовых систем, так и международного права. Так, рассматривая те или иные принципы под углом зрения присущих им методологических свойств, западные исследователи обращают внимание прежде всего не на их идеологические «западные или иные стандарты», а на те социальные и иные жизненные ценности [3, p. 234], которые лежат в их основе.

Исходя из основных положений теории глобального правового плюрализма, западные авторы акцентируют внимание на необходимости использования таких методологически значимых подходов в процессе познания правовой материи, как монистический подход, этатистский или государственнический подход, агностический подход и подход, связанный с радикальным пересмотром сложившейся на Западе концепции права.

Монистический, или, как его еще называют, ортодоксальный юридический подход к процессу познания различных правовых систем означает требование необходимости выработки единого критерия определения характера и сути права, независимо от того, о какой правовой системе или правовой семье идет речь. Агностический подход в противоположность монистическому, наоборот, избегает, по мнению авторов, «любого окончательного определения критерия права» и признает лишь факт взаимосвязи и взаимодействия «различных правовых режимов» независимо от уровня их «практической эффективности и влияния». Этатистский подход к познанию права с позиций глобального правового плюрализма базируется на признании и анализе существующих в мире тех или иных «правовых режимов» не на основе «глобальных» - единых или различающихся друг от друга критериев, а на основе критериев, признанных («моделированных») в пределах каждой отдельно взятой страны. Наконец, особенность последнего подхода к познанию правовой материи заключается в том, что, отвергая все ранее названные подходы и критерии идентификации права, он настаивает на необходимости решительного пересмотра сложившихся на Западе теорий права и критериев «в пользу» признания новых, «более гибких форм права» глобального и локального (внутригосударственного) уровней [1, p. 410].

Однако следует признать, что даже с учетом развития представлений о способах научного познания, появления новых его средств, ведущую роль в методологии юридической науки неизменно занимает метод. Именно методам юридической науки будет посвящена завершающая статья цикла.

***Список литературы*:**

1. *Cotterrell R.* Transnational Communities and the Concept of Law // The Methodology of Legal Theory / *M. Crudice, W. Waluchow, M. Delmar* (eds.). Vol. I. N.Y.: Routledge, 2010. pp. 403-420.
2. *Cryer R., Hervey T., Sokhi-Bulley B.* Research methodologies in EU and international law. Journal of Contemporary European Research. 2008, Vol. 3. Iss. 2. Pp. 161-165.
3. *De Cruz P.* Comparative Law in a Changing World. London: Cavendish Pub., 1995. 496 p.
4. *Glanert S.* Method? // Methods of Comparative Law / *P. Monateri* (ed.). Northampton: Edward Elgar Publ., 2012. pp. 61-81.
5. *Nielsen L.* The Need for Multi-Method Approaches in Empirical Legal Research // Empirical Legal Research / P. Cane, H. Kritzer (eds.). Oxford, 2010. P. 952-971.
6. *Twining W.* Have Concepts, Will Travel: Analitical Jurisprudence in a Global Context // The Methodology of Legal Theory / *M. Crudice, W. Waluchow, M. Delmar* (eds.). Vol. I. N. Y. 2010. Pp. 421-456.
7. *Zweigert K., Kotz H.* An Introduction to Comparative Law. 3rd ed. Oxford, 1998. 714 p.
8. *Керимов Д.А.* Общенаучная методология и методология права // Теоретико-методологические проблемы права / под ред. *М. Н. Марченко.* Вып. 2. М., 2007. С. 7-18.
9. *Марченко М.Н., Дерябина Е.М.* Правовая система Европейского Союза. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 703 с.
10. *Патюлин Г.С.* К вопросу о методе и методологии юридической науки (часть 1) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 125-127.
11. Словарь русского языка: В 4-х томах. Т. 4: С-Я. М.: Русский язык, 1984. 789 с.
12. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980. 1600 с.
13. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2000. 527 с.
14. Теория и методология юридической науки: учебник для магистратуры: в 2 ч. / отв. ред. М.Н. Марченко. Ч. 1. Общие вопросы теории и методологии юридической науки. М.: Норма, 2019. 319 с.
15. Философский словарь / под ред. *И.Т. Фролова.* Изд. 8, дораб. и доп. М.: Респ.: Современник, 2009. 845 с.
16. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 841 с.

References:

1. *Cotterrell R.* Transnational Communities and the Concept of Law // The Methodology of Legal Theory / *M. Crudice, W. Waluchow, M. Delmar* (eds.). Vol. I. N.Y.: Routledge, 2010. pp. 403-420.
2. *Cryer R., Hervey T., Sokhi-Bulley B.* Research methodologies in EU and international law. Journal of Contemporary European Research. 2008, Vol. 3. Iss. 2. Pp. 161-165.
3. *De Cruz P.* Comparative Law in a Changing World. London: Cavendish Pub., 1995. 496 p.
4. *Glanert S.* Method? // Methods of Comparative Law / *P. Monateri* (ed.). Northampton: Edward Elgar Publ., 2012. pp. 61-81.
5. *Nielsen L.* The Need for Multi-Method Approaches in Empirical Legal Research // Empirical Legal Research / *P. Cane, H. Kritzer* (eds.). Oxford, 2010. P. 952-971.
6. *Twining W.* Have Concepts, Will Travel: Analitical Jurisprudence in a Global Context // The Methodology of Legal Theory / *M. Crudice, W. Waluchow, M. Delmar* (eds.). Vol. I. N. Y. 2010. Pp. 421-456.
7. *Zweigert K., Kotz H.* An Introduction to Comparative Law. 3rd ed. Oxford, 1998. 714 p.
8. *Kerimov D.A.* General scientific methodology and methodology of law // Theoretical and methodological problems of law / edited by M. N. Marchenko. Issue 2. Moscow, 2007. pp. 7-18.
9. *Marchenko M.N., Deryabina E.M.* The legal system of the European Union. Moscow: Norm: INFRA-M, 2012. 703 p.
10. *Patiulin G.S.* On the issue of the method and methodology of legal science (part 1) // Law and State: The Theory and Practice 2024. № 7 (235). Pp. 125-127.
11. Russian Russian Dictionary: In 4 volumes. Vol. 4: S-Ya. Moscow: Russkiy yazyk, 1984. 789 p.
12. Soviet Encyclopedic Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980. 1600 p.
13. *Syrykh V.M.* Logical foundations of the general theory of law: in 2 volumes. Vol. 1. Elementary composition. Moscow: Justicinform, 2000. 527 p.
14. Theory and methodology of legal science: textbook for magistracy: in 2 parts / ed. by *M.N. Marchenko*. Part 1. General issues of theory and methodology of legal science. Moscow: Norm, 2019. 319 p.
15. Philosophical Dictionary / ed. by *I.T. Frolov*. Ed. 8. M.: Rep.: Sovremennik, 2009. 845 p.
16. Philosophical Encyclopedia. M.: Soviet Encyclopedia, 1983. 841 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_78

УДК 34:378(045)

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ НА УРОКАХ ПРАВА*
EFFECTIVE METHODS FOR DEVELOPING CIVIC QUALITIES IN LAW CLASSES

РЯБОВА Евгения Васильевна,
кандидат философских наук, доцент, доцент
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430034, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Пушкина, д.72.
E-mail: riabova-e@rambler.ru;

ПАУЛОВА Юлия Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430034, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11А.
E-mail: paulova79@yandex.ru;

ЮДЕНКОВ Алексей Владимирович,
аспирант кафедры права и философии
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430000, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11А.
E-mail: ay171280@yandex.ru;

РОМАНОВА Дарья Андреевна,
студентка факультета истории и права
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430000, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11А.
E-mail: daryaromanova7228@gmail.com;

RYABOVA Evgenia Vasilevna,
the candidate of science of philosophy, Departments of Law and Philosophy
FGBOU VO «Mordovian state pedagogical University named after M. E. Evsevyev».
72 Pushkin St., Saransk, Republic of Mordovia, 430034, Russia.
E-mail: riabova-e@rambler.ru;

PAULOVA Yulia Evgenevna,
candidate of legal sciences, Departments of Law and Philosophy
FGBOU VO «Mordovian state pedagogical University named after M. E. Evsevyev».
11a Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430034, Russia.
E-mail: paulova79@yandex.ru;

YUDENKOV Alexey Vladimirovich,
postgraduate student of the Department of Law and Philosophy
FGBOU HE «Mordovia State Pedagogical University named after M.E. Evseviev».
11a Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430000, Russia.
E-mail: ay171280@yandex.ru;

ROMANOVA Daria Andreevna,
student of the Faculty of History and Law of the Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev.
11a Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430000, Russia.
E-mail: daryaromanova7228@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются методические приёмы, позволяющие сформировать личностные качества для воспитания у обучающихся гражданской идентичности как обобщённого социально-педагогического феномена. Рассматриваются современные педагогические технологии как инструмент формирования гражданской идентичности. По итогам анализа каждой технологии делается обобщающий вывод.*

Abstract: *The article discusses methodological techniques that enable the formation of personal qualities for fostering civic identity in students as a generalized socio-pedagogical phenomenon. Modern pedagogical technologies are considered as a tool for shaping civic identity. A summary conclusion is made based on the analysis of each technology.*

Ключевые слова: *гражданская идентичность, правовое образование, педагогическая технология, методический приём, гражданско-патриотическое воспитание.*

Keywords: *civic identity, legal education, pedagogical technology, methodological approach, civic and patriotic education.*

Для цитирования: *Рябова Е.В., Паулова Ю.Е., Юденков А.В., Романова Д.А. Эффективные методы формирования гражданских качеств личности на уроках права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 78-80. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_78.*

For citation*: Ryabova E.V., Paulova Yu.E., Yudenkov A.V., Romanova D.A. Effective methods for developing civic qualities in law classes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 78-80. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_78.*

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Современная школа стоит перед важными задачами по воспитанию учеников в соответствии с ценностями мира, терпимости, воспитания ценностей патриотизма и гражданственности. Одним из главных направлений этого воспитания является формирование личности обучающихся в соответствии с качествами успешного гражданина-патриота Родины.

*Статья написана в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (УГПУ имени И.Н. Ульянова и МГПУ имени М. Е. Евсевьева» по теме «Формирование правовой компетентности будущих педагогов современной школы»

Учебная дисциплина «Право» является инструментом формирования устойчивой гражданской позиции и патриотизма у обучающихся, а потому к современному уроку права и образовательным результатам, достигнутым в ходе его проведения, выдвинуты особые требования. Целеполагание в первую очередь должно коррелировать с положениями, обозначенными в стандарте по праву, а конкретно, цель правового образования должна:

1) Способствовать формированию национального и культурного самоопределения обучающихся, патриотизма, гражданской ответственности, правосознания, толерантности, а также осознания важности ценностных установок, отраженных в Конституции Российской Федерации.

2) Оказывать содействие обучающимся на особой ступени их социализации и становления как личности в культурно-нравственном развитии; формировании высокого уровня политико-правовой культуры и общественного поведения, базирующегося на положительном отношении к правовому полю государства; пробуждении и поддержании познавательного интереса в области гуманитарных наук; побуждение к высокоэффективной, продуктивной работе.

3) Формировать у обучающихся устойчивые актуальные представления о структуре социума, соответствующие современной степени разработанности этой темы; массив необходимых знаний о главных отраслях человеческой деятельности, институтах общества, методах, формах и способах регулирования отношений в социуме, являющихся необходимыми для взаимодействия с общественной средой и осуществления стандартных социальных ролей индивида, личности и гражданина.

4) Способствовать овладению обучающимися способностями добывать из разнообразных источников и анализировать необходимые социальные данные, структурировать, подвергать критическому анализу полученную информацию; приобретению ими навыков познавательной, коммуникативной, практической деятельности, необходимых для функционирования в роли гражданина правового государства [4, с. 26].

На уроках права недостаточно просто преподносить материал, важно его закрепить на практике, через определенные технологии:

1. Игровые педагогические технологии;
2. Технология проблемного обучения;
3. Технология развития критического мышления;
4. Технология опорных конспектов;
5. Технология коллективного обучения.

Гражданско-патриотическое воспитание молодежи должно быть постоянным и систематическим процессом. Только так можно добиться того, чтобы молодое поколение стало грамотными и ответственными гражданами. Таким образом, деятельность учителя должна быть сознательной и направленной на активное участие детей в образовательном процессе, в проектном, исследовательском и творческом направлении саморазвития. И только тогда, когда эти задачи выполняются, возможно реализовать гражданского-патриотическое воспитание личности. А из связи между правом и моралью, можно уверенно сказать, что гражданско-патриотическое воспитание является одним из направлений целостного духовно-нравственного воспитания. Оно помогает формированию у молодежи правильных ценностных ориентиров, способствует развитию культуры законности и правосознания. Именно поэтому, государству и его органам необходимо данной проблеме уделять особое внимание [3, с. 32].

Так, социальное развитие, прежде всего, это складывание основ единства гражданской и российской идентичности на базе признания учениками демократических ценностей; толерантного отношения в социуме, развитие патриотизма, постижение социальных ролей и повседневных норм.

Личностное развитие – подготовка школьников и формирование у них способностей к самореализации, раскрытию творческих возможностей в духовной и практической деятельности; высокая социальная мобильность в контексте непрерывного образования; складывание мировосприятия, ценностно-смысловых и нравственных базисов индивидуального морального выбора; развитие самоуважения, самосознания, самооценки, желания в открытой форме выражать свои убеждения, доказывать позицию; стремление к независимым действиям, осознанию и признанию ответственности за их последствия; напористость в достижении конкретной цели, устойчивость по отношению к возможным трудностям; выработка навыков противостояния каким-либо факторам, опасным для жизнедеятельности, готовность обезопасить себя и ближайший социум в пределах своих возможностей.

В настоящее время уже накоплен определенный опыт по формированию гражданской идентичности в процессе обучения праву. Отличительной чертой российского правового образования является его разнообразие.

Современные развивающие технологии обучения несовершеннолетних в своей основе имеют интерактивность как свойство, имеющее свою организационную форму, с помощью которой и происходит организация учебной познавательной деятельности субъектов образовательного процесса. При этом важным является факт совместной деятельности субъектов и участников образовательного процесса, способствующий совместному и общему решению социально-правовых проблем, моделированию здоровой правовой ситуации, а также формирующий педагогико-правовую оценку личного и контекстного сотрудничества.

Рассмотрим более подробно такой метод гражданско-патриотического воспитания, как дебаты. Данный метод обучения выступает одним из востребованных в современном образовательном процессе. Это объясняется тем, что в последнее время прослеживается тенденция снижения уровня коммуникативных способностей учащихся образовательных учреждений. А также усложняется тем, что проведение занятий в рамках деятельностного подхода, который определяют стандарты школьного образования, напрямую зависит от базовой готовности и способности обучающихся к общению, рассуждениям, выражению своей точки зрения и т.д. Ввиду этого, применение активных методов обучения, а в частности метода дебатов, является весьма актуальным, так как оказывает влияние на развитие коммуникативных способностей учащихся.

В данной взаимосвязи является необходимым обеспечить преподавателей методическими пособиями, которые будут соответствовать современным направлениям развития в образовании, предусматривающим требования нового образовательного стандарта [1, с. 34].

Дебаты, как педагогическая технология, получили развитие от одноименной политической игры. Идейным разработчиком рассматриваемой интеллектуальной игры является К. Поппер, знаменитый философ и социолог. Характерной чертой дебатов выступает то, что необходимо создать условия, обеспечивающие столкновение двух точек зрения, отличающихся друг от друга. При этом дебаты базируются не на том, чтобы просто выступить с речами, участнику необходимо парировать аргументы противника, убедить жюри в превосходстве своей позиции, используя различного рода доказательства и доводы.

Следует отметить, что во время школьного урока, ограниченного во времени, невозможно провести «классические» дебаты, согласно соблюдению всех правил и этапов, предложенных К. Поппером. Исходя из этого, дебаты были модифицированы под школьное обучение и теперь все чаще применяются на уроках права.

Каждая из команд обладает перерывом, длительностью 8 минут, который может использовать полностью или частями на протяжении всех дебатов для обсуждения плана действий, обдумывания аргументов со своей командой и т.д.

Дебаты состоят из нескольких этапов. За ходом игры следит судейская комиссия (нечетное количество экспертов), заполняя специальный протокол и оценивает каждый этап, не обсуждая результаты друг с другом. В конце дебатов судьи посчитывают баллы и выносят общее определение, победителем признается та команда, которая набрала большее количество баллов и чьи аргументы были более убедительными [2, с. 50].

Дебаты сами по себе являются шумным мероприятием, поэтому проведение их на внеурочном занятии более целесообразно. Поэтому при их проведении нужно заранее объяснить участникам правила: не перебиваем друг друга, отвечаем по одному, при желании ответить нужно – поднять руку. Класс делиться на 2 команды. Те, кто защищает участников преступлений, и те, кто считает, что к ним нужно относиться по всей строгости закона. Для проведения дебатов необходимы слушатели, поэтому класс нужно будет поделить на 3 группы участников. Участникам предоставляется право выбора, в какой группе они хотят находиться: слушатели, обвинители или защитники. Тему дебатов можно сформировать так: «Способы защиты авторских прав в сети «Интернет»». Каждая команда должна будет приводить ряд аргументов, чтобы слушатели смогли решить, к чьей точки зрения они склоняются больше.

Дебаты, предполагают наличие двух сторон с разными точками зрения, имеющих целью доказать свою правоту и опровергнуть чужую точку зрения. В случае дебатов можно предложить обучающимся обсудить разные взгляды на принцип равенства супругов в семье. Класс условно делится на три части, каждая из которых получает свою роль. Так, одна группа может выступать согласной с позицией сторон или, например, «правительством», вторая – противниками – «оппозицией», а третья – независимыми экспертами, подводящими итоги. Таким образом, правительство может выступать за необходимость соблюдения принципа равенства супругов, приводя примеры успешных браков, основанных на исполнении данного принципа. Оппозиция, в свою очередь, должна доказать, что равенство супругов не является важнейшим условием для успешного существования семейно-брачных отношений. При этом важно объяснить обучающимся, что их личная точка зрения может не совпадать с мнением, которое выпало доказывать их команде.

В заключение следует отметить, что дебаты можно использовать в классическом формате как полноценную форму урока; как один из этапов урока для актуализации знаний, осуществления практической работы учащихся, обобщения, закрепления изученного материала и форму обратной связи; как вид аттестации и проверки знаний обучающихся по пройденной теме/главе.

Учебная дискуссия. Данный активный метод близок к рассмотренной выше технологии дебатов, но обладает своими особенностями. Дискуссия помогает развивать у учащихся умение логично, доказательно отстаивать свою точку зрения, умение грамотно формулировать и выражать свои мысли, приводить доводы и аргументы, тем самым оказывает влияние на формирование коммуникативных способностей ребенка [5, с. 448].

Все задания носят проблемный характер, значимы и интересны для обучающихся. Групповая работа позволяет формировать коммуникативную компетенцию, учит работать в команде и вместе с тем она носит личностно-ориентированный характер, т.к. каждый член мини-группы выполняет свою роль; докладчика, секретаря, художника, хронометриста, т.д.

Но, самое главное, такие уроки формируют гражданственность. Они помогают понять обучающимся, что в их возрасте возможно что-либо изменить, если не в мире, то в своем городе, микрорайоне, школе. Ведь гражданская идентичность включает в себя: готовность к диалогу и сотрудничеству с людьми разных убеждений, национальностей и религий, толерантность к иному мнению, иной позиции, иному взгляду на мир.

Список литературы:

1. Анцибор, М. М. Активные формы и методы обучения: научно – методическое пособие / М. М. Анцибор. – Тула : ТГУ, 2022. – 127 с. – ISBN 5-86269-019-0. – Текст: непосредственный.
2. Кравцова, Э. М. Формы и методы работы с подростками / Э. М. Кравцова. – Саратов, 2022. – 70 с. – Текст: непосредственный.
3. Панфилова, А. П. Инновационные педагогические технологии: активное Обучение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А. П. Панфилова. – Москва : Издательский центр «Академия». 2021. – 191 с. – ISBN 978-5-4468-0167-1. – Текст: непосредственный.
4. Тарас, А.Е. Правовое воспитание старшеклассников / А.Е. Тарас. Минск : Народная асвета, 2022. – 72 с. – ISBN 5-341-00013-7. – Текст: непосредственный.
5.Шухат, И.Н. Формирование российской гражданской идентичности школьников как педагогический процесс / И. Н. Шухат, А.Н. Кохичко // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12. – № 4А. – С. 442–456. – Текст : непосредственный.

References:

1. Antsibor, M. M. Active forms and methods of teaching: a scientific and methodological guide / M. M. Antsibor. – Tula : TSU, 2022. – 127 p. – ISBN 5-86269-019-0. – Text: direct.
2. Kravtsova, E. M. Forms and methods of working with teenagers / E. M. Kravtsova. – Saratov, 2022. – 70 p. – Text: direct.
3. Panfilova, A. P. Innovative pedagogical technologies: Active Learning: a textbook for students of higher educational institutions / A. P. Panfilova. – Moscow : Publishing center "Academy". 2021. – 191 p. – ISBN 978-5-4468-0167-1. – Text: direct.
4. Taras, A. E. Legal education of high school students / A. E. Taras. – Minsk : Narodnaya asvet, 2022. – 72 p. – ISBN 5-341-00013-7. – Text: direct.
5. Shukhat, I.N. Formation of the Russian civic identity of schoolchildren as a pedagogical process / I. N. Shukhat, A.N. Kohichko // Pedagogical journal. – 2022. – vol. 12. – No. 4A. – pp. 442-456. – Text : direct.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_81

УДК 94 (38) 04

ТРОЙНЫЕ ПОБЕДЫ В ГРЕЧЕСКОЙ АТЛЕТИКЕ
TRIPLE WINS IN GREEK ATHLETICS

ГВОЗДЕВА Татьяна Борисовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной литературы
ФГОБУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»;
доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru;

GVOZDEVA Tatiana Borisovna,
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Literature,
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow;
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History,
Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

***Краткая аннотация**. Статья посвящена греческой атлетике и особенностям её организации на панэллинских и местных играх, в частности вопросу о тройных победах, которые могли быть в разных видах атлетики, и составляли гордость атлетов. Автор отмечает, как тройные победы были отражены в надписях атлетов.*

***Abstract.** The article is devoted to Greek athletics and the peculiarities of its organisation at the Panhellenic and local games, in particular to the question of triple victories, which could be in different kinds of athletics and were the pride of athletes. The author notes how triple victories were reflected in the athletes' inscriptions.*

***Ключевые слова:** Олимпийские игры, Пифийские игры, Истмийские игры, Немейские игры, Великие Панафинеи.*
***Keywords:** Olympic Games, Pythian Games, Isthmian Games, Nemean Games, Great Panathenaia.*

***Для цитирования:** Гвоздева Т.Б. Тройные победы в греческой атлетике // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 81-84. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_81.*
***For citation**: Gvozdeva T.B. Triple wins in Greek athletics // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 81-84. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_81.*

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Победа на панэллинских, и особенно Олимпийских играх, считалась одним из величайших достижений античных атлетов. Победители игр награждались священными венками, им посвящали хвалебные оды (эпиникии), устанавливали статуи в их честь. Однако среди атлетов существовала так называемая «иерархия успеха». Отдельные, уникальные победы всегда выделялись в надписях атлетов и победители получали особые названия. Одним из таких был титул триаста (triastes) – титул атлета-победителя, предназначенный для тех, кто сумел победить в трех дисциплинах на одних Играх [8, с. 51; 10, p. 168]. Лишь немногим атлетам удалось достичь этого успеха.

Бег (dromos) различался как по длине дистанции, так и по способу преодоления атлетом трассы. «Стадий», или «короткий бег» получил свое название, т.к. что его длина равнялась 1 стадию, длина которого в Олимпии составляла 192,27м [7, с. 317; 8, с. 37–38; 10, p. 158]. Таким образом, на Олимпийских играх бегуну в этом виде состязаний надо было преодолеть дистанцию почти в 2 м. Короткий бег долго считалась первым и единственным олимпийским соревнованием с 776 по 724 г. до н.э. (с 1-й по 14-ю Олимпиаду). Первым победителем в беге и, соответственно, первым олимпиоником стал Кореб из Элиды (Paus. V. 8. 6) [4, с. 292–293; 10, p. 44]. С 14-й Олимпиады (724 г. до н.э.) в программу был включен «двойной» бег (diaulos) длиною в 2 стадия, а с 15-й Олимпиады (720 г. до н.э.) — «длинный» бег (dolichos) длиною от 7 до 24 стадиев (Paus. V. 8. 6—7). Кроме того, на 65-й Олимпиаде (520 г. до н.э.) был добавлен самый «тяжелый» вид бега – гоплитодром (hoplitodromos), т.е. бег вооруженных гоплитов (Paus. V. 8. 10) [6, с. 319–320]. В коротком беге атлеты бежали по прямой дорожке, от старта до финиша. В двойном беге или длинном беге атлеты, пробежав 1 стадий по прямой трассе, должны были повернуть у меты (поворотного столба), и бежать по другой дорожке обратно [16, p. 35–43]. Победитель в первом забеге получал право на участие в следующем (Paus. VI. 13. 2). Бегуны, как правило, специализировались на определенных дистанциях. Так, знаменитый Дромей из Стимфалеи был периодоником в длинном беге – он дважды побеждал в Олимпии, дважды на Пифийских играх, трижды – на Немейских играх, и пять раз – на Истмийских играх (Paus. VI. 7. 10; SIG^3 516) [4, с. 297; 10, p. 37–38]. Однако, некоторые бегуны с успехом выступали на разных дистанциях – так, Хионид из Спарты одержал несколько побед на Олимпийских играх в коротком и двойном беге (29–31 Олимпиады = 664–656 гг. до н.э.) [4, с. 306; 10, p. 37–38]. Хионид был первым, кто выиграл в беге на трех Олимпиадах подряд. Кроме того, он прославился своим прыжком в длину на 7,5 м, хотя и не смог победить в пятиборье. Статуя Хионида работы знаменитого скульптора Мирона была установлена в Олимпии (Paus. III. 14. 3, IV. 23. 4, VI. 13. 2, VIII. 39. 3; Euseb. Chron. 1.197 Schoene) [4, с. 297; 8, с. 54; 10, p. 37–38]. И только немногие атлеты могли победить на разных дистанциях на одних играх.

Бегуны в победных надписях все время подчеркивали, что гордятся тем, что могли выиграть как короткий бег, так и двойной, или, что еще лучше, обе гонки, и в придачу к ним гоплитодром, как в одних Играх, так и в последовательных. Если атлет выигрывал три разных забега на одних Играх, ему присваивался особый титул «триаста»; такие успешные спортсмены могли удостоиться почетного звания «трехкратных победи-

телей» (πρῶτος ἐτρίσσευσεν) (Jul. Afric. Ol. 67; Philostr. Gymn. 33; Suda s.v. τριαχθῆναι) [14, p. 155; 20, p. 44].

Соревнования по бегу обычно проводились в один день, но на местных играх могли быть и исключения (так, на καισάρεια в Хиосе состязания в беге растянулись на три дня) [11, p. 243; 19, s. 54]. Среди бегунов чаще всего «тройную» победу одерживали атлеты, которые побеждали в «коротких» дистанциях на одних Играх за один день – в коротком беге, двойном беге и в беге в вооружении.

Первое упоминание о триастах относится к победе Фанас из Пелены (Ахея) в 512 г. до н.э. На 67-й Олимпиаде (512 г. до н.э.) он в один день выиграл в коротком беге, в двойном беге и в гоплитодроме (Euseb. Chron. 1.201 Schoene) [4, с. 303; 10, p. 131; ср.: 15, no. 142 ff.]. В источниках сохранились в основном имена олимпийских триастов. После Фанаса почти через 70 лет вторым триастом стал легендарный атлет Астил из Кротона. Он победил на трех Олимпиадах подряд (73–75-й Олимпиадах = 488–480 гг. до н.э.) [15, no. 178, 186, 196; 4, с. 305–306; 10, p. 13]. На 73–74-й Олимпиадах Астил победил в коротком и двойном беге, а на 75-й Олимпиаде – в коротком беге, двойном беге и в гоплитодроме (Paus. VI. 13. 1). Однако, если на 73-й Олимпиаде (488 г. до н.э.) Астил выступал как гражданин своего родного города Кротона, то позднее он, получив большие деньги от тирана Сиракуз Гиерона, и на 74-й Олимпиаде (484 г. до н.э.) объявил себя сиракузянином. Таким образом, тройную победу в беге Астил одержал на Играх в 480 году до н.э., когда уже выступал за Сиракузы. Он стал триастом в тех же дисциплинах, что и Фанас. После Астила тройную победу в Олимпии никто не одерживал течение почти 300 лет. Но во II в. до н.э. его рекорд превзошел знаменитый Леонид с Родоса, самый лучший бегун древности. На протяжении четырех Олимпиад (154–157 Олимпиады = 164–152 гг. до н.э.), он одержал 12 (!) побед на всех трех дистанциях, навсегда увековечив свое имя (Paus. VI. 13. 4; Jul. Afric. Ol. 157; Philostr. Gymn. 33) [15, no. 618, 622, 626, 633; 4, с. 322–323; 10, p. 96]. Леонид был трижды «тройным» победителем (154–156 Олимпиады = 164–152 гг. до н.э.), а на 157-й Олимпиаде (152 гг. до н.э.) стал первым в коротком беге. Еще через 50 лет знаменитый бегун Никокл, сын Никета, из Акрии (Лакония) (II–I вв. до н.э.) выиграл пять забегов на двух Олимпиадах, возможно, двойной бег, длинный бег и гоплитодром в 100 г. до н.э. (170-я Олимпиада) и двойной бег и еще одну гонку (?) в 96 г. до н.э. (171-я Олимпиада), возможно, это был длинный бег или гоплитодром. Никокл также выиграл короткий бег, двойной бег и гоплитодром на Амфиарее в Оропе, и два забега на Элевтериях в Ларриссе (Paus. III. 22. 5; IG^5.1 1108, 7 415+ 417, 9.2 529) [10, p. 110–111]. Почти через 30 лет бегун Гекатомн из Милета выиграл на 177-й Олимпиаде (72 г. до н.э.) короткий бег, двойной и гоплитодром (Phlegon, FGrH 257 F12; Euseb. Chron. 1.211 Schoene) [10, p. 77–78].

Среди атлетов особо ценились победы на разные дистанции – короткие (в коротком беге и в двойном) и длинные (в длинном беге). Забеги на длинные дистанции и забеги на короткие дистанции были разными дисциплинами, поэтому победа в них в один день была большой редкостью [12, p. 107]. В этой связи следует особо отметить победу Полита из Керама (Кария), единственного победителя олимпийского триаста на разные дистанции. На 212-й Олимпиаде (69 г. н. э.) он одержал уникальную победу – помимо двух коротких дистанций (короткий бег и двойной бег), он, в отличие от остальных триастов, выиграл длинный бег, а не гоплитодром, и был прославлен как величайший бегун древности [15, no. 796; 4, с. 327; 10, p. 137; 19, s. 55–56]. Павсаний пишет, что сначала Полит одержал победу в изнурительном длинном беге, потом в коротком, а затем еще и в двойном беге, т.е. стал единственным «тройным» победителем в Олимпии, который, помимо двух коротких дистанций выиграл бег на длинную дистанцию, а не гоплитодром (Paus. VI. 13. 3) [15, no. 796]. Последним «тройным победителем» стал Тит Флавий Гермоген из Ксанфа (Малая Азия), который в течение трех Олимпиад восемь раз был увенчан победным венком. На 215-й Олимпиаде (81 г. н.э.) и 217-й Олимпиаде (89 г. н.э.) он стал тройным победителем, выиграв забеги на короткие дистанции (короткий бег, двойной бег и бег гоплитов), а в 216-ю Олимпиаду (85 г. н.э.) он победил в двойном беге и беге гоплитов. За это от зрителей он удостоился почетного прозвища – Гиппос («Конь») (Paus. VI. 13. 3; Euseb. Chron. 1.215 Schoene). Гермоген также пять раз побеждал на Пифийских играх, девять раз на Истмийских и Немейских, и, вероятно, на первых Капитолийских играх в 86 г., за что, возможно, получил римское гражданство [10, p. 68]. Гермоген также удостоился чести пожизненно быть ксистархом на всех играх в родной Ликии (Paus. VI. 13. 3; Euseb. Chron. 1.215 Schoene) [4, с. 328; 10, p. 68]. К этим уникальным атлетам следует отнести и Элия Граниана из Сикиона. На 230-й Олимпиаде (141 г. н.э.) он стал победителем в пятиборье, двойном беге и гоплитодроме. Возможно, что Элий Граниан также был олимпийским победителем на разных дистанциях – в коротком беге среди мальчиков (? 228-я Олимпиада = 133 г. н.э.), в двойном беге и в гоплитодроме (? 229-я Олимпиада = 137 г. н.э.) (Paus. II. 11. 8; SEG 11.838) [4, с. 329; 10, p. 3].

Многие атлеты, не добившись такого успеха на Олимпийских играх, могли заработать славу тройного победителя на других панэллинских или местных играх. Пиндар в XIII Олимпийской оде перечисляет победы Фессала из Коринфа, который победил в 504 г. до н.э. на 69-й Олимпиаде в двойном беге (?), в один и тот же день на Пифийских играх – в коротком и двойном беге, а также в один и тот же день на Панафинейских играх в Афинах – в коротком беге, двойном беге и в гоплитодроме, а также в беге с факелами на празднике Геллотии в Коринфе (Pind. Ol. XIII. 35–40) [10, p. 165].

Интересно, что Элий Гранион из Сикиона помимо побед в беге на короткие дистанция также дважды победил в пятиборье (229–230-й Олимпиадах = 137–141 гг. н.э.) (Paus. II. 11. 8; 19. 11). В состав греческого пятиборья входили прыжки в длину, метание диска, метание копья, бег и борьба. Бег и борьба в программе панэллинских и местных игр были представлены и как самостоятельные состязания, в отличие от прыжков, метания диска и копья, которые проводились только в рамках пятиборья (Poll. III. 151). Пятиборцы состязались в беге на 1 стадий. Правила организации бега и борьбы в пятиборье были такие же, как и в отдельных состязаниях [7, с. 372; 9, p. 62; 21, p. 32]. Не удивительно, что отдельные атлеты, список которых также был небольшой, могли одерживать победы в пятиборье, и в беге на короткие дистанции. Так, в этом сочетании на 79-й Олимпиаде (464 г. до н.э.) победу одержал легендарный атлет Ксенофон, сын Фессала из Коринфа – он был первый, кто выиграл на одной Олимпиаде пятиборье и короткий бег. Ксенофон был выдающимся спринтером, недаром он смог победить и в беге, и в пятиборье в один день. Он также дважды победил на Истмийских играх и один раз – на Немейских играх (Pind. Ol. XIII; Paus. IV. 24. 5; Athen. 13.573E–574B) [4, с. 308; 7,

с. 379–380; 10, p. 177]. После Ксенофона мы встречаем имена атлетов, которые или побеждали (в основном на панэллинских играх) в пятиборье и в беге на разных играх, или становились победителями в обеих дисциплинах на местных играх. Так, знаменитый Фаилл из Кротона на Пифийских играх (ок. 500 г. до н.э.)[1] дважды был первым в пятиборье и один раз в коротком беге (Paus. X. 9. 2; ср.: Aristoph. Acharn. 215; Wasps. 1206) [7, с. 378; 8, с. 55–56]. Атлет Николаид из Коринфа (V в. до н. э.) был успешным пятиборцем и бегуном, побеждавшим на панэллинских и местных играх. Победы Николаида известны по эпиграмме, приписываемой Симониду Кеосскому (AP. XIII. 19) [10, p. 111; 11, p. 92–96]. К IV в. до н.э. относятся победы Эвполема из Элиды, который дважды одержал победу в пятиборье на Пифийских играх (ок. 398 г. до н.э. и ок. 394 г. до н.э.) и один раз на Немейских играх (ок. 397 г. до н.э.), а на 96-й Олимпиаде (396 г. до н.э.) стал победителем в коротком беге (Paus. VI. 3. 7; VIII. 45. 4) [4, с. 314; 7, с. 380; 8, с. 56; 10, p. 64]. Знаменитый Горг из Элиды (III в. до н.э.) был четырехкратным олимпиоником в пятиборье, а также – олимпиоником в двойном беге и в беге гоплитов (Paus. VI. 15. 9) [7, с. 380; 10, p. 72]. Дамиск из Мессении одолел своих соперников на 103-й Олимпиаде (368 г. до н.э.) в коротком беге среди παῖδες, а позднее выиграл пятиборье на Немейских и Истмийских играх (Paus. VI. 2. 10–11) [4, с. 316; 10, p. 48]. Деметрий с Саламина (Кипр) (III в. н.э.) в Олимпии трижды побеждал в коротком беге на Олимпийских играх (возможно, 229, 233, 237 гг. н.э.) и дважды – в пятиборье [14, no. 253–257; 4, с. 330; 10, p. 50]. А вот Аврелий Поликрат из Кибиры (Ликия) (III в.н.э.) прославился, как бегун в категории «юноши» в коротком беге [3, с. 31; 5, с. 247]. Он выиграл и короткий бег и пятиборье на Адрианеях в Афинах (IAG 82) [10, p. 23–24]. Таким образом, пятиборцы одерживали победы в коротком беге, двойном или беге гоплитов, т.е. в основном в беге на короткие дистанции.

Что касается единоборств, то программа Олимпийских игр включала в себя борьбу, кулачный бой и панкратион. Борьба поводилась в Олимпии с 18-й Олимпиады (708 г. до н.э.), кулачный бой – с 23-й Олимпиады (688 г. до н.э.), а панкратион – с 33-й Олимпиады (648 г. до н.э.) (Paus. V. 8. 7–8). Античные единоборства не знали деления по весовым категориям. Атлет в легком весе мог оказаться в паре с «тяжеловесом». Кроме того, не было ограничения поединков по времени, т.е. раундов. При таком подходе, очевидно, доминировали атлеты в тяжелом весе [12, p. 119; 13, p. 29]. Трудно объяснить, почему в единоборствах не вводили весовые категории, возможно, что частично решить эту проблему могло введение возрастные категории атлетов [17, p. 241].

Среди единоборцев наибольшей славой пользовались атлеты, одержавшие победы за одну Олимпиаду в панкратионе и в борьбе, как в свое время это удалось сделать Гераклу на первых Олимпийских играх (Paus. V. 8. 3; Philost. Imag. II. 25. 2). Они получали почтенный титул δεύτερος (τρίτος κτλ.) ἀφ' Ἡρακλέους («второй (третий и т. д.) после Геракла»). Согласно Павсанию, таких победителей было семь: Капр из Элиды, Аристомен с Родоса, Протафан из Магнезии, Стратон из Александрии, Марион из Александрии, Аристей из Стратоникеи, Никострат из Киликии (Paus. V. 21. 10–12) [2].

Были также уникальные атлеты, которые одерживали победы на одних играх в кулачном бое и в панкратионе. Так, знаменитый Феаген из Фасоса в 486 г. до н.э. на Истмийских играх победил в один день и в кулачном бое и в панкратионе! Поскольку эти изнурительные соревнования были запланированы в программе одно за другим, совместная победа в кулачном бое и в панкратионе случалась редко и приносила борцу дополнительную славу. Кроме того, Феаген одержал победу на 75-й Олимпиаде (480 г. до н.э.) в кулачном бое, а на 76-й Олимпиаде (476 г. до н.э.) – в панкратионе. В Альтисе ему была установлена статуя работы скульптора Главкия из Эгины (Paus. VI. 11. 3). Три раза в кулачном бое Феаген побеждал на Пифийских играх и по девять раз – на Истмийских и Немейских играх (Syll^3 64A) [4, с. 306; 10, p. 163; 18, p. 107]. Уникальной также считалась также победа Клитомаха из Фив, который вторым после легендарного Феагена с Фасоса победил в панкратионе и в кулачном бое на 141-й Олимпиаде (216 г. до н.э.) (Paus. VI. 15. 3). Статую Клитомаха в Альтисе воздвиг его отец Гермеократ. На Пифийских играх Клитомах трижды побеждал в панкратионе. Но именно на Истмийских играх Клитомах в один день (!) одержал свою главную победу во всех трех единоборствах – в панкратионе, борьбе и кулачном бое (Paus. VI. 15. 3; AP. IX. 588) [1, с. 123–124; 4, с. 321; 10, p. 42; 18, p. 106–107]! Его подвиг воспел поэт Алкей Мессенский (AP. IX. 588).

Надо отметить, что подобные тройные победы в единоборствах были засвидетельствованы на местных играх [14, no. 40, 62, 68, 85], но на панэллинских Клитомах был единственным. Так, раньше Клитомаха, подобное совершил Каллистрат, сын Филоталеса из Сикиона. Он прославился как победитель во всех единоборствах (в борьбе, в кулачном бое и в панкратионе) на местных и панэллинских играх. Сохранилась надпись посл. трети III в. до н.э., в которой перечислены победы Каллистрата. В категории «мальчиков» он одержал победы в панкратионе на Истмийских играх и в кулачном бое на Немейских играх, а также в борьбе на Басилеях, в панкратионе на Ликейских играх и Асклепиях, в кулачном бое – на Панафинеях. Но на Нэях в Додоне и Риэях в Рионе Каллистрат одержал уникальные победы – на каждых Играх победил во всех трех единоборствах. В дальнейшем он триумфально выступал в кулачном бое в категориях «юношей» и «мужчин» в Истмиях, где победил на одних и тех же Играх – еще один редкий подвиг! Л. Моретти полагает, что, возможно, в тот же день, когда он выиграл среди «юношей», Каллистрат перешел в категорию «мужчин», и вновь выиграл. Позднее, уже в категории «мужчин» Каллистрат одержал множество других побед среди взрослых борцов, в том числе в кулачном бое на Пифийских играх и на Истмийских играх, трижды в панкратионе на Немейских играх (причем на одной из этих Игр он одержал победу и в кулачном бое), и смог повторить свой выдающийся успех во всех трех единоборствах в Риии (IG 4.1 128) [10, p. 32; 14, no. 40].

Из других известных нам тройных побед в единоборствах Л. Моретти называет еще нескольких атлетов. Демократ, сын Демократа из Магнезии на Меандре, атлет-тяжеловес (I в. до н.э.) был периодоником в кулачном бое. Демократ трижды побеждал на Олимпийских играх (возможно, в 25, 29 и 33 гг. н.э. = 201–203 Олимпиады), на Пифийских играх, дважды – на Немейских и Истмийских играх, а также трижды на Актион-

[1] Возможно, в 482 г. до н.э., или до 482 г. до н.э. [21, p. 104].

ских играх и дважды на Гереях в Аргосе. Среди других его побед отмечена и победа во всех трех единоборствах на Ликийских играх (IvO 211, 212; IMagn. 149) [10, p. 50; 14, no. 62]. Тит Флавий Архибий из Александрии (I–II вв. н.э.) был победителем в панкратионе среди «мальчиков» на Немейских играх и среди «юношей» на Пифийских и Капитолийских играх (в 94 г. н.э.). Он успешно продолжил карьеру во взрослой категории «мужчин», когда победил дважды в Олимпии (220–221 Олимпиады = 101–105 гг. н.э.), и Дельфах, и трижды в Немее и на Капитолийских играх. Он также был победителем в борьбе, и однажды выиграл все три единоборства на Балбилеях в Эфесе (IG 14 747) [10, p. 67; 14, no. 68].

Таким образом, тройные победы могли быть как в легкой атлетике, так и в единоборствах. Хотя в единоборствах, которые обычно проводились в один день, обычно тройные победы были на местных играх.

Список литературы:

1. Гвоздева Т.Б. Олимпийские игры античности (от мифа к истории). М., 2013. 200 с.
2. Гвоздева Т.Б. Олимпионики древней Эллады – «вторые после Геракла» // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2016. № 4. С. 59–72.
3. Гвоздева Т.Б. Возрастные категории атлетов на Олимпийских играх античности // Современный юрист. 2019. № 3 (28). С. 28–37.
4. Гвоздева Т.Б. Хронология Олимпийских игр (от античности до наших дней) // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности) / под ред. В. О. Никишина. СПб.: Алетейя, 2021. С. 292–424.
5. Гвоздева Т.Б. Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 243–256.
6. Гвоздева Т.Б. Гоплитодромос – категория древнегреческой атлетики // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 318–329.
7. Гвоздева Т.Б. Греческие пятиборцы: путь к победе // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 369–383.
8. Гвоздева Т.Б. Атлеты Древней Греции – вкус победы // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2024. № 2–3. С. 36–65.
9. Crowther N.B. Sport in Ancient Times. London, 2007. 208 p.
10. Golden M. Sport in the ancient world from A to Z. London, N.Y., 2004. 184 p.
11. Ebert J. Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen. Berlin, 1972. 280 p.
12. Kyle D. Sport and Spectacle in the Ancient World. Malden, 2007. 376 p.
13. Kyle D.G. Greek Athletic Competitions: The Ancient Olympics and More // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity / eds. by P. Christesen, D.G. Kyle. Wiley-Blackwell, 2014. P. 21–35.
14. Moretti L. Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953. 286 p.
15. Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olympici. Roma, 1957. 143 p.
16. Miller S.G. Ancient Greek Athletics. New Haven; London, 2004. 288 p.
17. Petermandl W. Growing Up with Greek Sport: Education and Athletics // Christesen P., Kyle D.G. (eds). A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity. Wiley Blackwell, 2014. P. 236–245.
18. Poliakoff M. Studies in the Terminology of Greek Combat Sports. Königstein, 1982. 202 p.
19. Ramba D. Bestimmung der prägenden Wesenszüge im Sport der griechisch-römischen Antike. PhD. Göttingen, 2014. 277 s.
20. Swaddling J. The Ancient Olympic Games. London, 2008.
21. Young D.C. A Brief History of the Olympic Games. London, 2004. 200 p.

References:

1. Gvozdeva T.B. Olympic Games of Antiquity (from myth to history). M., 2013. 200 c.
2. Gvozdeva T.B. Olympians of ancient Hellas – “the second after Heracles” // RUDN Journal of World History. 2016. № 4. С. 59–72.
3. Gvozdeva T.B. Age categories of athletes at the Olympic Games of antiquity // Modern Lawyer. 2019. № 3 (28). С. 28–37.
4. Gvozdeva T.B. Chronology of the Olympic Games (from antiquity to the present day) // Olympic Games in politics, everyday life and culture (from antiquity to the present day) / ed. by V. O. Nikishin. SPb.: Aleteia, 2021. С. 292–424.
5. Gvozdeva T.B. Younger age categories of athletes at the Panathenaic Games // RUDN Journal of World History. 2022. Т. 14. № 3. С. 243–256.
6. Gvozdeva T.B. Goplitodromos – a category of ancient Greek athletics // RUDN Journal of World History. 2023. Т. 15. № 3. С. 318–329.
7. Gvozdeva T.B. Greek pentathletes: the path to victory // RUDN Journal of World History. 2024. Т. 16. № 3. С. 369–383.
8. Gvozdeva T.B. Athletes of Ancient Greece – the taste of victory // Bulletin of the Literary Institute named after A.M. Gorky. 2024. № 2–3. С. 36–65.
9. Crowther N.B. Sport in Ancient Times. London, 2007. 208 p.
10. Golden M. Sport in the ancient world from A to Z. London, N.Y., 2004. 184 p.
11. Ebert J. Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen. Berlin, 1972. 280 p.
12. Kyle D. Sport and Spectacle in the Ancient World. Malden, 2007. 376 p.
13. Kyle D.G. Greek Athletic Competitions: The Ancient Olympics and More // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity / eds. by P. Christesen, D.G. Kyle. Wiley-Blackwell, 2014. P. 21–35.
14. Moretti L. Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953. 286 p.
15. Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olympici. Roma, 1957. 143 p.
16. Miller S.G. Ancient Greek Athletics. New Haven; London, 2004. 288 p.
17. Petermandl W. Growing Up with Greek Sport: Education and Athletics // Christesen P., Kyle D.G. (eds). A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity. Wiley Blackwell, 2014. P. 236–245.
18. Poliakoff M. Studies in the Terminology of Greek Combat Sports. Königstein, 1982. 202 p.
19. Ramba D. Bestimmung der prägenden Wesenszüge im Sport der griechisch-römischen Antike. PhD. Göttingen, 2014. 277 s.
20. Swaddling J. The Ancient Olympic Games. London, 2008.
21. Young D.C. A Brief History of the Olympic Games. London, 2004. 200 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_85

УДК 304.4

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК В ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КНР
LEGAL REGIME OF ARCHAEOLOGICAL FINDS IN PRIVATE COLLECTIONS: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF RUSSIA AND CHINA

МАЙБОРОДА Эльвира Тагировна,
кандидат философских наук, доцент;
доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета
Северо-Западный институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.
E-mail: ellamaiboroda@mail.ru;

ФЕДОРОВА Софья Александровна,
студентка юридического факультета; Северо-Западный институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.
E-mail: 2fedsofya03@gmail.ru;

MAYBORODA Elvira Tagirovna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor Northwestern Institute of Management is a branch
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation.
Russia, 199178, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43.
E-mail: ellamaiboroda@mail.ru;

FEDOROVA Sofia Aleksandrovna,
student;Northwestern Institute of Management is a branch
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation.
Russia, 199178, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43.
E-mail: 2fedsofya03@gmail.ru

Краткая аннотация *в статье проведен сравнительный анализ правового режима археологических находок в частных коллекциях согласно законодательству России и КНР, выявление общих черт и различий в подходах к регулированию данной сферы, а также определение наиболее эффективных механизмов защиты археологического наследия при соблюдении законных интересов частных коллекционеров.*

Abstract: *The article provides a comparative analysis of the legal regime of archaeological finds in private collections in accordance with the legislation of Russia and China, the identification of common features and differences in approaches to the regulation of this area, as well as the determination of the most effective mechanisms for the protection of archaeological heritage while respecting the legitimate interests of private collectors.*

Ключевые слова: *культурное наследие, частные коллекции археологических находок, системы учета объектов культурного наследия, идентификации объектов археологического наследия, правовой режим охраны археологического наследия.*

Keywords: *cultural heritage, private collections of archaeological finds, systems of registration of cultural heritage objects, identification of archaeological heritage objects, legal regime of archaeological heritage protection.*

Для цитирования: *Майборода Э.Т., Федорова С.А. Правовой режим археологических находок в частных коллекциях: сравнительный анализ законодательства России и КНР // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 85-89. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_85.*

For citation*: Mayboroda E.T., Fedorova S.A. Legal regime of archaeological finds in private collections: comparative analysis of the legislation of Russia and China // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 85-89. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_85.*

Статья поступила в редакцию: 27.05.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В последние десятилетия проблема правового регулирования археологических находок, находящихся в частных коллекциях, приобрела особую актуальность как в России, так и в Китае. Это связано с возросшими масштабами незаконных археологических раскопок, активизацией черного рынка археологических артефактов и необходимостью защиты культурного наследия обеих стран. При этом в обоих государствах существует значительное количество частных коллекций археологических предметов, сформированных задолго до введения современных ограничений оборота культурных ценностей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между государственной охраной археологического наследия и правами добросовестных владельцев археологических коллекций, сформированных до введения современных ограничений. Кроме того, сравнительный анализ законодательства России и Китая позволяет выявить наиболее эффективные правовые механизмы регулирования данной сферы.

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного сравнительно-правового анализа законодательства двух стран в сфере регулирования частных археологических коллекций с учетом последних изменений нормативной базы и правоприменительной практики.

В российском законодательстве основным нормативным актом, регулирующим правовой режим археологических находок, является Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002

№ 73-ФЗ. Согласно данному закону, под археологическими предметами понимаются движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки.

Принципиально важным является положение п. 3 ст. 49 указанного закона, согласно которому объекты археологического наследия и археологические предметы, находятся в государственной собственности. При этом установлена презумпция государственной собственности на археологические предметы, обнаруженные после вступления в силу данного закона.

Ключевую роль в развитии законодательства сыграл Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», который установил важный переходный период для легализации частных коллекций. Согласно этому закону, до 1 сентября 2016 года физические и юридические лица, владеющие археологическими предметами, имели возможность включить их в состав негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации. Данная норма была призвана обеспечить легализацию археологических предметов, находившихся в частном владении до принятия современных ограничений оборота культурных ценностей [1].

Существенным элементом правового регулирования выступает статья 7.15.1 КоАП РФ, устанавливающая административную ответственность за незаконный оборот археологических предметов. Законодатель предусмотрел дифференцированный подход к определению размера штрафа в зависимости от субъекта правонарушения: для граждан он составляет от двух до пяти тысяч рублей, для должностных лиц – от двадцати до пятидесяти тысяч рублей, а для юридических лиц – от трехсот до восьмисот тысяч рублей. Важно отметить, что во всех случаях предусмотрена конфискация археологических предметов, что подчеркивает приоритет государственных интересов в сфере охраны археологического наследия. Данная норма дополняет общие положения законодательства об объектах культурного наследия и создает действенный механизм административно-правового принуждения в сфере охраны археологических находок.

В рамках совершенствования системы учета объектов культурного наследия Министерство культуры России в 2018 году завершило создание единого электронного реестра, включающего информационную карту исторических памятников. В реестре было зарегистрировано 143 876 объектов культурного наследия, из которых 48 процентов имели федеральное значение, 50 процентов – региональное и 2 процента – муниципальное [2]. Создание электронного реестра ознаменовало переход от бумажного документооборота к цифровой системе учета, что упростило процесс регистрации памятников и способствовало более эффективному планированию мероприятий по их охране.

Анализ правоприменительной практики показывает сложность и неоднозначность подходов к решению вопросов, связанных с археологическими находками в частных коллекциях [3, с.66]. Показательным является дело Крикунова В.Ю., рассмотренное российскими судами [4]. По материалам дела, Крикунов В.Ю. сначала приобрел археологические предметы в открытой продаже, а впоследствии пытался их продать. Несмотря на то, что производство по делу об административном правонарушении в отношении Крикунова В.Ю. было прекращено в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности, сами археологические предметы были обращены в собственность государства [4].

Суды указали, что обращение в собственность государства данных археологических предметов не является конфискацией, поскольку Крикунов В.Ю. не был привлечен к административной ответственности. При этом согласно статье 8 Федерального закона № 245-ФЗ физические и юридические лица, владеющие археологическими предметами, не вправе отчуждать данные предметы, за исключением исчерпывающего перечня случаев. Когда Крикунов В.Ю. обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой на то, что норма статьи 7.15.1 КоАП РФ нарушает его права, позволяя обращать в собственность государства археологические предметы, принадлежащие гражданам, вина которых в нарушении законодательных требований не установлена, Конституционный Суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению [4].

Также существует проблема идентификации археологических предметов. В современных условиях на основании возрастного признака к числу археологических предметов могут быть причислены вещи, изготовленные и находящиеся в быту относительно недавно – в начале XX в. Это создает риски для владельцев частных коллекций, особенно нумизматических собраний, сформированных задолго до введения современных ограничений.

Проблема возрастного критерия в п. 12 ст. 18 Федерального закона № 73-ФЗ (не менее ста лет) вызывает многочисленные вопросы и затруднения в правоприменительной практике. Например, серебряные, медные и медно-никелевые монеты 20-х – 30-х годов XX века безоговорочно будут признаваться археологическими предметами, если они имеют следы окислов или загрязнений, что свидетельствует о их возможном происхождении из культурного слоя.

Однако такой подход к идентификации изъятых из культурного слоя либо у лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, старинных вещей является далеко не бесспорным. Ведь, по сути, на основании возрастного критерия любая вещь, найденная в земле или под водой, возраст которой не превышает 100 лет, может быть заранее признана археологическим предметом. Это, в свою очередь, не может не явиться благодатной почвой для возбуждения дел об административном правонарушении, предусмотренном ст. 7.15.1 КоАП РФ, в отношении граждан, увлечённых, например, коллекционированием монет советского периода российской истории.

Также особую сложность в российском правовом регулировании представляет коллизия между общими нормами гражданского законодательства о приобретательной давности и специальными нормами об археологических предметах. Согласно ст. 234 ГК РФ, лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее им как своим собственным в течение установленного срока, приобретает право собственности на это имущество. Эта норма теоретически могла бы служить основанием для признания права собственности на археологические предметы, длительное время находящиеся в частных коллекциях.

Однако в российской правоприменительной практике сформировался иной подход. Суды часто занимают позицию защиты государственных интересов, отказывая в признании права частной собственности даже при длительном открытом владении предметами. Это особенно ярко проявляется в делах о признании права собственности на археологические предметы в силу приобретательной давности. Судебная практика показывает, что при рассмотрении подобных дел приоритет отдается специальным нормам законодательства об объектах культурного наследия над общими положениями гражданского законодательства о приобретательной давности.

Данное противоречие создает правовую неопределенность для владельцев частных коллекций, особенно тех, кто не успел легализовать свои коллекции до 1 сентября 2016 года путем включения их в состав негосударственной части Музейного фонда РФ. Ситуация осложняется тем, что многие коллекции формировались в течение десятилетий, когда коллекционирование различных старинных вещей (почтовых марок, значков, монет и др.) считалось правомерным занятием, а предметы старины приобретались и обменивались свободно без предоставления документов об их происхождении.

Проблема усугубляется тем, что суды, рассматривая дела об археологических предметах, часто руководствуются формальным подходом, основанным на презумпции государственной собственности на археологические предметы, установленной п. 3 ст. 49 Закона № 73-ФЗ. При этом не учитывается исторический контекст формирования частных коллекций и длительность добросовестного владения предметами.

В Китайской Народной Республике правовой режим археологических находок регулируется несколькими нормативными актами, эволюция которых отражает изменение подходов государства к охране культурного наследия. Для понимания современной системы регулирования важно отметить терминологическую особенность: «Вэньу» (文物), хотя и переводится как «культурное наследие» в новейших административных и юридических текстах, в первую очередь относится к материальным историческим остаткам. Изначально термин переводился как «культурные реликвии» и до сих пор используется в этом значении в некоторых научных работах в китайском контексте[5] .

Основополагающим является Закон КНР "Об охране памятников культуры" 1982 года [6]. В первоначальной версии закон устанавливал жесткий государственный контроль над оборотом культурных ценностей, практически исключая возможность их нахождения в частной собственности. Статья 24 закона прямо указывала, что культурные реликвии в частных коллекциях могут быть приобретены только подразделениями, назначенными департаментами по управлению культурным наследием. Статья 25 строго запрещала перепродажу культурных реликвий из частных коллекций с целью получения прибыли и их частную продажу иностранцам. За нарушение установленных требований предусматривались административные санкции, включая предупреждение или штраф, с возможной конфискацией незаконно полученных доходов и самих культурных реликвий.

Существенная модернизация правового регулирования произошла с принятием новой версии закона в 2007 году [7]. В отличие от прежней, более общей редакции[8], новая версия создала легальные механизмы для формирования и пополнения частных коллекций. Статья 50 закона установила основные способы приобретения культурных ценностей частными лицами: наследование, дарение, покупка в специализированных магазинах и на аукционах, обмен между коллекционерами. При этом законодатель сохранил строгий контроль за оборотом особо ценных категорий культурных реликвий, установив в статье 51 исчерпывающий перечень объектов, изъятых из гражданского оборота.

Важным нововведением стала детализированная система санкций. Вместо общих формулировок об административной ответственности закон 2007 года ввел четкую систему штрафов, привязанную к сумме незаконного дохода. Показательно также внимание к регламентации деятельности специализированных торговых организаций и аукционных домов, что создало инфраструктуру для легального оборота культурных ценностей.

Значимым этапом в развитии правового регулирования стало принятие Гражданского кодекса в 2020 году, вступившего в силу с 1 января 2021 года. Документ, объединивший восемь ранее существовавших гражданских законов, существенно повлиял на правовой режим археологических находок в частных коллекциях. В контексте регулирования археологических находок особое значение приобрела концепция двойственной природы культурных ценностей [9]. Как отмечает Цай: «Двойственные атрибуты культурного наследия и собственности делают вэньу особым типом товаров. Как собственность они имеют коммерческие атрибуты, в то время как в качестве культурного наследия они обладают некоммерческими характеристиками» [10].

Новейшим этапом развития законодательства стало принятие в ноябре 2024 года пересмотренного Закона об охране культурного наследия, который вступит в силу 1 марта 2025 года. Значимость этих изменений подчеркивается масштабами культурного наследия КНР: по официальным данным 2023 года, в стране насчитывается более 760 тысяч недвижимых памятников культуры и 108 миллионов движимых культурных ценностей, включая 40 объектов Всемирного культурного наследия и четыре объекта смешанного наследия[11].

Параллельно с обновлением законодательства до 2026 года проводится масштабная национальная перепись культурных ценностей [12]. Это комплексное мероприятие направлено на актуализацию данных о культурном наследии и создание более эффективной системы его охраны. Сочетание законодательных изменений с практическими мерами по учету отражает системный подход китайского правительства к сохранению культурного наследия.

Сравнительный анализ подходов России и КНР

При сравнении правового регулирования археологических находок в частных коллекциях в России и КНР можно выделить как общие черты, так и существенные различия в подходах двух стран.

Общими чертами являются:

1. Признание приоритета государственной собственности на вновь обнаруженные археологические предметы

2. Наличие механизмов легализации частных коллекций, сформированных до введения современных ограничений
3. Установление особых требований к учету и хранению археологических предметов
4. Развитие цифровых систем учета культурного наследия

Анализ систем учета культурного наследия показывает различные подходы к организации данной работы. В России с 2018 года действует единый электронный реестр, включающий 143 876 объектов, с четкой градацией по уровням значимости (федеральный, региональный и муниципальный уровни). КНР реализует более масштабную систему учета: по данным 2024 года зафиксировано более 760 тысяч недвижимых памятников культуры и 108 миллионов движимых культурных ценностей, при этом до 2026 года планируется завершение национальной переписи культурных ценностей[11].

Существенные различия наблюдаются в подходах к регулированию частных коллекций. Российское законодательство придерживается строгого подхода с четко определенными процедурами легализации и включения предметов в музейный фонд. КНР демонстрирует более гибкую модель, что отражается в принятии нового закона об охране культурного наследия (вступает в силу с 1 марта 2025 года) и развитии механизмов государственно-частного партнерства [13, с.188].

Различается и система санкций за нарушения в сфере оборота культурных ценностей. В России действует система фиксированных штрафов с четко определенными размерами для разных категорий нарушителей, в то время как в КНР размер санкций привязан к сумме незаконного дохода, что создает более гибкий механизм правового регулирования.

Обе страны демонстрируют системный подход к охране культурного наследия, но реализуют его различными методами. Российская модель характеризуется четкой структурированностью и строгой регламентацией процедур, в то время как китайская модель отличается большей гибкостью при сохранении строгого государственного контроля.

Сравнительный анализ законодательства России и КНР в сфере регулирования археологических находок в частных коллекциях показывает, что обе страны обладают развитыми системами охраны культурного наследия, реализуя различные подходы к решению сходных задач.

В России создана строго регламентированная система с четкой градацией объектов культурного наследия и унифицированным электронным реестром, что обеспечивает системность учета и контроля. КНР, в свою очередь, развивает более гибкую модель регулирования, сочетающую масштабный государственный учет с механизмами государственно-частного партнерства.

Опыт обеих стран демонстрирует эффективные решения в сфере цифровизации учета культурного наследия: российский единый электронный реестр с четкой градацией объектов и китайская комплексная система учета с проведением национальной переписи культурных ценностей представляют различные подходы к решению задачи систематизации данных о культурном наследии.

Для совершенствования механизмов правового регулирования археологических находок в частных коллекциях представляется перспективным взаимный учет опыта обеих стран. В частности:

1. Создание сбалансированной системы учета и контроля, сочетающей четкость российского подхода с гибкостью китайской модели
2. Развитие механизмов государственно-частного партнерства при сохранении эффективного государственного контроля
3. Совершенствование систем санкций с учетом различных подходов к определению размеров штрафов и иных мер ответственности

Эффективное решение проблемы правового режима археологических находок в частных коллекциях требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательства, так и развитие механизмов его реализации, при сохранении баланса между государственными интересами в сфере охраны культурного наследия и правами добросовестных владельцев частных коллекций.

Список литературы:

1.Письмо Министерства культуры РФ от 3 февраля 2016 г. № 33-01-39-ВА Об отчуждении археологических предметов [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71223148/

2.Минкульт провёл перепись культурных памятников России [Электронный ресурс]. URL: https://culture.gov.ru/press/news/minkult_provel_perepis_kulturnykh_pamyatnikov_rossii/ (дата обращения: 30.01.2025)

3. Рыбак Кирилл Евгеньевич К проблеме обнаружения и коллекционирования археологических предметов // Журнал Института Наследия. 2024. №4 (39). С.65-72.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 N 2473-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крикунова Владимира Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 7.15.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102017-n-2473-o/.

5. Zhang, S. The development and institutional characteristics of China's built heritage conservation legislation. Built Heritage 6, 11 (2022). [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1186/s43238-022-00057-x (дата обращения 30.01.2025)

6. Law of the People's Republic of China on Protection of Cultural Relics (принят 19 ноября 1982 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/english/environment/34304.htm (дата обращения: 30.01.2025).

7. Law of the People's Republic of China on Protection of Cultural Relics, 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/laws_regulations/2014/08/23/content_281474983042361.htm (дата обращения 30.01.2025)

8. Rong, Xing & Li, Chao. (2023). A Brief Analysis of the Improvement of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Cultural Relics. Scientific and Social Research. 5. 18-23. 10.26689/ssr.v5i6.5055. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/372041190_A_Brief_Analysis_of_the_Improvement_of_the_Law_of_the_People's_Republic_of_China_on_the_Protection_of_Cultural_Relics (дата обращения 30.01.2025)

9. Liu, Zuozhen. (2016). The Case for Repatriating China's Cultural Objects. p. 122 10.1007/978-981-10-0597-8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/314671840_The_Case_for_Repatriating_China's_Cultural_Objects

10. Cai, Dafeng. 2000. An introduction to the study of cultural relics. In Wenhua Yichan Yanjiu Jikan [Collected Papers of Cultural Heritage Studies], ed. Department of Cultural Heritage and Museology, 1–30. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House.

10. Cai, Dafeng. 2000. An introduction to the study of cultural relics. In Wenhua Yichan Yanjiu Jikan [Collected Papers of Cultural Heritage Studies], ed. Department of Cultural Heritage and Museology, 1–30. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House.

11. СИНЬХУА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://russian.news.cn/20241108/aa4e83ee48cd4f17974abec834fff229/c.html (дата обращения: 30.01.2025)

12. В Китае принят пересмотренный Закон об охране культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: https://russian.news.cn/20241108/aa4e83ee48cd4f17974abec834fff229/c.html (дата обращения: 30.01.2025).

13. Майборода Э.Т., Черявко Е.Д. Правовые основы сохранения нематериального культурного наследия в РФ и КНР в условиях глобализации //Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 187-189.

References:

1. Letter of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated February 3, 2016 No. 33-01-39-VA On the alienation of archaeological objects [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71223148/

2. The Ministry of Culture conducted a census of cultural monuments of Russia [Electronic resource]. URL: https://culture.gov.ru/press/news/minkult_provel_perepis_kulturnykh_pamyatnikov_rossii / (date of reference: 30.01.2025)

3. Kirill E. Rybak On the problem of discovering and collecting archaeological objects // Journal of the Institute of Heritage. 2024. No. 4 (39). pp.65-72.

4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 26, 2017 N 2473-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Yurievich Krikunov for violation of his constitutional rights by Article 7.15.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102017-n-2473-o/.

5. Zhang, S. The development and institutional characteristics of China's built heritage conservation legislation. Built Heritage 6, 11 (2022). [Electronic resource]. URL: https://doi.org/10.1186/s43238-022-00057-x (accessed 30.01.2025)

6. Law of the People's Republic of China on Protection of Cultural Relics (adopted on November 19, 1982) [Electronic resource]. URL: http://www.china.org.cn/english/environment/34304.htm (date of request: 30.01.2025).

7. Law of the People's Republic of China on Protection of Cultural Relics, 2007 [Electronic resource]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/laws_regulations/2014/08/23/content_281474983042361.htm (accessed 30.01.2025)

8. Rong, Xing & Li, Chao. (2023). A Brief Analysis of the Improvement of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Cultural Relics. Scien-tific and Social Research. 5. 18-23. 10.26689/ssr.v5i6.5055. [Electronic resource] URL: https://www.researchgate.net/publication/372041190_A_Brief_Analysis_of_the_Improvement_of_the_Law_of_the_People's_Republic_of_China_on_the_Protection_of_Cultural_Relics (accessed 30.01.2025)

9. Liu, Zuozhen. (2016). The Case for Repatriating China's Cultural Objects. p. 122 10.1007/978-981-10-0597-8 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/314671840_The_Case_for_Repatriating_China's_Cultural_Objects

10. Cai, Dafeng. 2000. An introduction to the study of cultural relics. In Wenhua Yichan Yanjiu Jikan [Collected Papers of Cultural Heritage Studies], ed. Depart-ment of Cultural Heritage and Museology, 1–30. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House.

10. Cai, Dafeng. 2000. An introduction to the study of cultural relics. In Wenhua Yichan Yanjiu Jikan [Collected Papers of Cultural Heritage Studies], ed. Depart-ment of Cultural Heritage and Museology, 1–30. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House.

11. XINHUA News [Electronic resource]. URL: https://russian.news.cn/20241108/aa4e83ee48cd4f17974abec834fff229/c.html (date of request: 30.01.2025)

12. China has adopted a revised Law on the Protection of Cultural Heritage [Electronic resource]. URL: https://russian.news.cn/20241108/aa4e83ee48cd4f17974abec834fff229/c.html (date of access: 30.01.2025).

13. Mayboroda E.T., Cheryavko E.D. Legal bases of preservation of intangible cultural heritage in the Russian Federation and China in the context of globalization //Law and the State: theory and practice. 2024. No. 7 (235). pp. 187-189.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_90

УДК-001.8

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ
ACTIVATION OF COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS IN LESSONS ON CIVIL LAW

КУПРИЯНОВ Андрей Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры права и философии
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, Студенческая ул., 11А.
E-mail: kupriandr@yandex.ru;

KUPRIYANOV Andrey Yu.,
PhD, Associate Professor of the Department of Law and Philosophy
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "M. N. E. N. Evseviev Mordovian State Pedagogical University".
11a Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russia.
E-mail: kupriandr@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются методы активизации познавательной деятельности школьников на уроках гражданского права. Автор анализирует современные педагогические технологии, такие как игровые методы, метод «Синквейна», дискуссии, интерактивные формы работы. Особое внимание уделяется практико-ориентированным заданиям способствующим развитию критического мышления. Раскрыты содержательные аспекты рассматриваемого вопроса.*

Abstract: *The article discusses the methods of activating the cognitive activity of schoolchildren in the lessons of civil law. The author analyzes modern pedagogical technologies such as game methods, the "Cinquain" method, discussions, interactive forms of work. Special attention is paid to practice-oriented tasks that promote the development of critical thinking. The substantive aspects of the issue under consideration are revealed.*

Ключевые слова: *гражданское право, методика, технологии, урок, учебная дисциплина, игра, дисскусия.*
Keywords: *civil law, methodology, technology, lesson, academic discipline, game, discussion.*

Для цитирования: *Куприянов А.Ю. Активизация познавательной деятельности обучающихся на уроках по гражданскому праву // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 90-93. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_90.*

For citation*: Kupriyanov A.Yu. Activation of cognitive activity of students in lessons on civil law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 90-93. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_90.*

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Опыт преподавания гражданского права в школе показывает, что эта отрасль российского права у школьников к сожалению, вызывает более меньший интерес, чем, например, семейное или уголовное право. Она кажется им скучной и не имеющей к ним непосредственного отношения. Однако в повседневной жизни несовершеннолетние достаточно часто оказываются в ситуациях, которые регулируются именно нормами гражданского права.

На гражданских правоотношениях построена основа общества, поэтому необходимо обеспечить обучающимся тот уровень правовых знаний, благодаря которому они могли бы наиболее спокойно адаптироваться в жизненных ситуациях, принимать верные решения для общего блага и, самое главное, умели самостоятельно мыслить и трезво оценивать происходящие события в мире. Гражданско – правовые дисциплины должны научить молодое поколение грамотно защищать свои права и привить им мысль о необходимости выполнения возложенных на них обязанностей для поддержания всеобщего порядка.

К сожалению, о таком влиянии гражданско-правовых дисциплин на обучающихся говорить пока рано, так как не созданы условия, позволяющие реализовать эти желания на практике. Это объясняется недостаточным количеством учебных часов, отведенных на изучение гражданско-правовых дисциплин, отсутствием дополнительных спецкурсов, решающих определённые жизненные задачи при помощи знаний определённой отрасли права для более полного изучения той или иной дисциплины.

За последнее время, главные выводы и положения, которые, по своей сути, отражают объект и предмет гражданского права, показывают пути решения возникающих задач по поводу имущественных и личных неимущественных отношений, нацелены помогать обучающимся ориентироваться в правовых вопросах в будущем.

Актуальность изучения учебной дисциплины «Гражданское право» определена большой практической значимостью тех отношений, которые призвана регулировать данная отрасль права.

Гражданское право как учебная дисциплина занимает особое значение современной юриспруденции. Выделяясь, эта важная дисциплина отличается своим большим объемом и кардинальным значением для формирования у учеников правоведческого мышления.

В современном демократическом обществе повышение роли гражданско-правовых знаний объясняется ещё и тем, что сейчас гражданам РФ предоставлена полная свобода действий, разумеется в пределах закона, и ввиду этого, очень важно разъяснить молодёжи как правильно пользоваться своими правами, защищать их в случае необходимости, а также, ещё более важно, объяснить, что у каждого из них есть свои обязанности, которые они обязаны выполнять [4, с. 32]. Все мы понимаем, что будущее России целиком и полностью зависит от молодёжи.

Правовое воспитание обучающихся – необходимый итог в условиях правового государства. Для её достижения является необходимым создать единую систему правового образования, которая сможет дать школьникам гражданско – правовые знания, научит защищать свои

интересы, руководствуясь нормами права. Очень важно воспитать самостоятельную личность, способную оценивать различные ситуации с правовой точки зрения, принимать ответственные решения и отвечать за их последствия.

Стандарты этой системы должны меняться в связи с требованиями времени и, соответственно, процессами, происходящими в обществе. Сейчас мы можем наблюдать изменения в области отношений между государством, отдельным гражданином, да и в целом, мы видим совершенно другое положение гражданина в России. Любой гражданин России имеет свои права, свои свободы: он имеет право на жизнь, на свободу мысли, свободу слова, на пользование родным языком, на неприкосновенность частной жизни, он может избирать и быть избранным, он вправе сам выбирать религию или не исповедовать никакой религии, имеет право на судебную защиту своих интересов и многое, многое другое. Важно, чтобы молодёжь на новом этапе своей жизни была образована в правовой сфере, так как именно молодёжь является слабо защищённой в политическом, экономическом и социальном плане [2, с. 739].

Одной из важнейших проблем в правовом образовании школьников является проблема отбора материала, предназначенного для обучения. Очень сложно из всего потока информации выбрать то, что будет кратко и понятно обучающимся. Кроме этого, ограничено и время для объяснения нового материала, так как объём информации постоянно увеличивается.

Для решения этой проблемы необходимо систематизировать и структурировать материал, выбрать методы, которые помогут наиболее полно донести информацию до обучающихся, и провести работу непосредственно по выбранному материалу. Сейчас эта задача решается при помощи системно-структурного анализа учебного материала [4, с. 33].

Но, кроме того, что материал должен быть системным и научным, изложение материала должно быть последовательным и доступным.

Для достижения этих целей следует использовать на уроках такие методы, как репродуктивный и исследовательский, а также такие формы преподавания, как активные и интерактивные. При репродуктивном методе обучения учебная деятельность осуществляется в соответствии с инструкцией, то есть обучающиеся применяют уже имеющиеся знания для решения каких – либо задач. Активные и интерактивные формы преподавания предполагают взаимодействие между учащимися. Это может быть мозговой штурм, деловая игра, беседа, дебаты и т. д.

Комбинация различных методов обучения вызывает больший интерес к предмету, нежели скучная лекция учителя. Применение диспутов или ролевых игр развивает правовое мышление школьников, формирует их гражданскую позицию, повышает уровень правового сознания.

Целесообразно в начале урока задать учащимся несколько вопросов, подтолкнув их к мысли о том, что представленная тема важная и нужная при изучении гражданского права. И в итоге, у учеников будет создан образ относительно всего гражданского права, которое в правовом государстве будет актуален всегда, так как регулирует огромный круг общественно значимых вопросов и призван следить за соблюдением всех норм закона всеми [3, с. 61].

Ученикам предлагается подумать, кто является участников гражданских правоотношений. Из всех ответов необходимо зафиксировать основные понятия и особенности, и на завершающем этапе урока обратить на них внимание.

Учеников необходимо познакомить с Гражданским кодексом РФ и проанализировать этот правовой документ, обратиться к основным проблемам, которые он декларирует.

В завершении урока нужно подвести итог всему изученному. Это можно сделать при помощи составления таблицы, где будут отражены основные понятия, характеристики, связи и прочее. Учитель может смоделировать какую-либо проблемную ситуацию и предложить ученикам решить её, используя знания, полученные на уроке. Также можно предложить обучающимся сформировать главные выводы, которые они выделили для себя на данном уроке.

На уроках права на этапе рефлексии, многие учителя применяют метод «Синквейна». Синквейн – это особое стихотворение, которое возникает в результате анализа и синтеза, полученной на уроке информации, и состоящее из пяти строчек, которые составлены по определенным правилам.

По итогу изучения правовой защиты потребителей, можно составить примерный синквейн на данную тему:

1. Потребитель.
2. Получающий, покупающий.
3. Заказывает, приобретает, использует.
4. Потребители – это все мы ... человечество.
5. Гражданин.

Этот прием дает возможность усовершенствовать навыки резюмировать информацию, излагать сложные идеи, чувства и представлять в нескольких словах. Это быстрый, но сильный прием для обобщения урока.

Применение презентаций на уроках обществознания и права на данный момент основательно закрепилось в повседневную практику учителя. Это могут быть презентации, представленные самим педагогом, или подготовленные учениками по заданию учителя. Учащимся предлагается самим выбрать форму представления материала и дизайна слайдов. Помимо этого, существует возможность применить разные средства мультимедиа, чтобы показать классу материал более зрелищным. Так, например, после изучения «Азбуки потребителя» на уроке права в 10 классе, учащиеся в форме зачета представили презентации на тему: «Основные права потребителей».

Следующий интерактивный метод, используемый на уроках права – это игра.

Существует огромное количество видов игровой деятельности. К рассмотрению представлены игры, связанные непосредственно с

правовым изучением в школе.

Игры – драматизации, включающие в себя разыгрывание сценок и исполнение ролей, основу которых составляют целенаправленные действия учащихся в моделируемой жизненной ситуации в соответствии с сюжетом и распределенными ролями. Такой метод симпатизирует учащимся из–за похожих условий настоящей работы родителей и родственников, предоставляется возможность почувствовать себя взрослыми и принимать серьезные деловые решения.

Когда игра построена на отработке различных умений и навыков, игры – драматизации реализуют повторение сценки, пока участники полностью не овладеют точной модели поведения. К данному виду игровой деятельности можно отнести игру «Обмен ролями», которая применяется на уроках права, а конкретно в изучении потребительской культуры.

В игре участникам предлагается меняться ролями и повторно разыгрывать сценки. Такой прием используется для выражения разных взглядов, нарушение чьих–то прав, в частности выбор такого поведения самим играющим. Поменявшись местами, он сможет ощутить себя на месте потерпевшей стороны, имея в виду, продавец может оказаться на месте покупателя и наоборот. Важно, чтобы ребята смогли увидеть разные стороны конфликта, понять точку зрения потерпевшего и обвинителя, а также в ходе игры узнать права и обязанности обеих сторон.

К интерактивным методам обучения относится также ролевая игра. Она позволяет обучаться на собственном опыте благодаря организации «проживания» жизненной и профессиональной ситуации.

Сценарий ролевой игры близко связывает события с реальностью, дает возможность ученикам увидеть и понять развитие общественных отношений и применить иную стратегию поведения. При разыгрывании сценической роли, ребята обретают эмоциональный опыт взаимодействия с другими людьми личностно и профессионально значимых ситуациях, установить связь между своим поведением и его последствиями на основе анализа своих переживаний, а также переживаний партнера по общению, экспериментируют с новыми моделями поведения в аналогичных обстоятельствах.

В ролевой игре, связанной с защитой прав потребителей, можно придумать и разыграть всевозможные ситуации. Например, человек купил в магазине яблоки, но, не взяв чек, дома обнаружил, что они испорчены. На следующий день покупатель приходит в этот же магазин с требованием вернуть деньги, но продавец отказался, ссылаясь на отсутствие чека. Кто прав, а кто виноват, участники сценки сами определяют и показывают аудитории правовую основу данной ситуации.

Таких ситуаций для игровой деятельности можно разыграть огромное количество, но главным остается одно, что дети в ролевой игре строят свои взаимоотношения самостоятельно, сталкиваясь с интересами своих партнеров, взаимодействуют с ними в совместной работе над ситуацией.

Еще существуют игры по станциям. Для них необходимо несколько ведущих и несколько команд учащихся. Ведущие находятся в разных концах помещения, создавая маршрут для игроков. На каждой станции ученикам необходимо выполнить множество заданий и набрать наибольшее количество баллов для победы [1, с. 154].

Так, например, игра по станциям «Азбука потребителя» охватывает базовые знания этой темы. Участники на станциях должны ответить на вопросы, связанные с потребителем, продавцом, правами потребителя, что нужно делать в определенных ситуациях, представленных ведущими, а также выполнить творческие задания, такие как вспомнить песню или стихотворения о магазине или покупках, разыграть сценку, где будут применены потребительские отношения и многое другое.

Игра по станциям образует частичное обучение для детей, которые играют по своему индивидуальному плану и в своем индивидуальном темпе. Задания составлены с учетом интересов учащихся, требований программы, имеют различную степень сложности, способные успешной работе каждого ученика. В применении такой игры у учителя появляется возможность выявить сильных и слабых учащихся для дальнейшей индивидуальной работы.

Игровые суды также относятся к интерактивным методам обучения. Они подразумевают представление упрощенной модели судебного процесса. Роли обвинителя, защитника, присяжных, свидетелей могут быть как индивидуальными, так и групповыми. Учащимся потребуется время для того, чтобы подготовить свои выступления. Но нужно отличать игровые суды от игр про суд. Игры про суд – это знакомства учащихся с судебной процедурой, где анализируются детали и признаки судебных систем. Игровые суды в меньшей степени раскрывают судебную процедуру, но в большей поставленные проблемы. Педагог после наблюдения сможет выявить лидеров процесса и менее активных участников для развития их умственных и личностных качеств.

Таким образом, следует сделать вывод, что игровая форма обучения наиболее обширная среди интерактивных методов и в последнее время получила широкое применение на уроках права. Знания о потребительской культуре быстро усваиваются именно в игровой деятельности, ведь данную тему легче изучать наглядно на практике, нежели на традиционном уроке.

Современному человеку невозможно представить свою жизнь без науки, ведь именно наука сегодня играет основополагающую роль во всех сферах жизни, её развитие важно для каждого из нас, так как с её помощью преодолеваются кризисы и решается большинство проблем в экономике, в политике, в социуме. И, конечно же, состояние всего общества напрямую зависит от развития такой важной самостоятельной области научных знаний, как юридическая наука.

Нам известно, что юридическая наука представляет собой систему знаний о праве и различных правовых явлениях, а если это система, то она имеет свою структуру и разделена на определённые отрасли, которые регулируют узконаправленные общественные отношения в какой – либо области права [5, с. 94].

Многовековая история России богата разнообразными процессами и явлениями социально – экономического характера. Здесь можно говорить об имущественных отношениях, возникающих непосредственно по поводу собственности, о трудовых отношениях, возникающих на основе трудовой деятельности и семейных отношениях, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения между членами семьи. Многообразие вариантов возникновения отношений такого рода обуславливает необходимость концентрации большего внимания такому направлению образования российской молодёжи, как подготовка к семейным, трудовым правоотношениям и отношениям в сфере экономики.

В процессе дискуссии упоминаются собственные примеры из жизни, известные случаи применения или недостаточного использования потребительских прав человека в современном обществе. Дискуссия как метод реализует необходимость принципов применения основных прав и свобод: право на выражение мнения.

Если представленная тема будущей дискуссии окажется сложной или неинтересной, нужно подготовить более эмоциональное начало. Учитель может прочесть небольшой яркий текст, ученики разыграть сценку (импровизационно или подготовившись заранее). Можно показать ученикам тематический видеофрагмент (эпизод из фильма или документального видео).

В процессе обсуждения очень важно поддерживать атмосферу доверия и открытости. Обучающиеся должны знать, что, какими бы ни были их идеи и мнения, они будут приняты и внимательно выслушаны независимо оттого, насколько противоречив или болезненен предмет обсуждения.

Таким образом, дискуссионный метод и все вышеперечисленные методы являются интерактивной формой обучения, способствующие повышению интеллектуальной активности учеников и эффективности урока. Даже самые безучастные ребята включаются в работу с огромным желанием, у них наблюдается развитие навыков оригинального мышления, творческого подхода к решаемым проблемам.

Список литературы:

1. Безрукова, В. С. Все о современном уроке в школе: проблемы и решения / В. С. Безрукова. – Москва : Сентябрь, 2022. – 176 с. – ISBN 5-88753-072-3. – Текст : непосредственный.
2. Букреева, С. Н. Современный урок как основополагающий компонент в образовательном процессе XXI века / С. Н. Букреева, И. И. Мухортова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 2. – С. 738–740.
3. Волох, Т. С. Изменения в технологии конструирования урока по праву / Т. Волох. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 5 (9). – С. 60–63.
4. Петренко, О. Л. Совершенствование методики преподавания гражданского права в высших учебных заведениях / О. Л. Петренко. – Текст : непосредственный // Основы государства и права. – 1997. – № 5. – С. 32–33.
5. Традиционное и инновационное в методике преподавания юридических дисциплин : учебное пособие для молодых преподавателей / И. Г. Брадецкая, В. Н. Власенко, И. А. Дудко [и др.] ; Российский государственный университет правосудия. – Москва : Российский государственный университет правосудия (РГУП), 2016. – 220 с. – ISBN 978-5-93916-502-8. – Текст : непосредственный.

References:

1. Bezrukova, V. S. All about the modern lesson at school: problems and solutions / V. S. Bezrukova. – Moscow : September, 2022. – 176 p. – ISBN 5-88753-072-3. – Text : direct.
2. Bukreeva, S. N. Modern lesson as a fundamental component in the educational process of the 21st century / S. N. Bukreeva, I. I. Mukhortova. – Text : direct // Young scientist. – 2014. – No. 2. – pp. 738-740.
3. Volokh, T. S. Changes in the technology of designing a lesson in law / T. Volokh. – Text : direct // Humanitarian research. – 2015. – № 5 (9). – Pp. 60-63.
4. Petrenko, O. L. Improving the methods of teaching civil law in higher educational institutions / O. L. Petrenko. – Text : direct // Fundamentals of the State and law. - 1997. – No. 5. – pp. 32-33.
5. Traditional and innovative in the methodology of teaching legal disciplines : a textbook for young teachers / I. G. Bratskaya, V. N. Vlasenko, I. A. Dudko [et al.] ; Russian State University of Justice. – Moscow : Russian State University of Justice (RGUP), 2016. – 220 p. – ISBN 978-5-93916-502-8. – Text : direct.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_94

УДК 340.114.5

О РОЛИ ДИСКУССИОННЫХ ИГР И ИХ ПРИМЕНЕНИИ НА УРОКАХ ПРАВА[1]
ON THE ROLE OF DISCUSSION GAMES AND THEIR APPLICATION IN LAW LESSONS

ДАВЫДОВ Денис Геннадьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры права и философии
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, Студенческая ул., 11А.
E-mail: davden81@mail.ru;

БИКТЕЕВ Дмитрий Евгеньевич,
студент факультета истории и права
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, Студенческая ул., 11А.
E-mail: dmitrybikteev13@mail.ru;

ЯШКИНА Мария Алексеевна,
студент факультета истории и права
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, Студенческая ул., 11А.
E-mail: mashayashkina5@gmail.com;

DAVYDOV Denis Gennadievich,
PhD, Associate Professor of the Department of Law and Philosophy
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "M.E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University".
11a Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russia.
E-mail: davden81@mail.ru;

BIKTEEV Dmitry Evgenievich,
student of the Faculty of History and Law.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "M.E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University".
11a Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russia.
E-mail: dmitrybikteev13@mail.ru;

YASHKINA Maria Alekseevna,
student of the Faculty of History and Law.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "M.E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University".
11a Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russia.
E-mail: mashayashkina5@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье подробно представлен авторский взгляд на роль дискуссионных игр в процессе правового обучения. В исследовании подробно описывается применение различных игр на уроках права.*

Abstract: *The article presents in detail the author's view on the role of discussion games in the process of legal education. The study describes in detail the use of various games in law lessons.*

Ключевые слова: *дискуссионные игры, деловая игра, иллюстрационная игра, дидактическая игра.*

Keywords: *discussion games, business game, illustration game, didactic game.*

Для цитирования: *Давыдов Д.Г., Биктеев Д.Е., Яшкина М.А. О роли дискуссионных игр и их применении на уроках права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 94-97. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_94.*

For citation*: Davydov D.G., Bikteev D.E., Yashkina M.A. On the role of discussion games and their application in law lessons // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 94-97. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_94.*

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Дискуссионные игры предоставляют собой структурированную платформу для выражения и обмена идеями, способствуя развитию критического мышления, коммуникативных навыков и умения строить логичные аргументы. Они позволяют участникам учиться слушать и уважать мнения других, а также разрешать конфликты через диалог и демократический процесс. В эпоху информационного общества, где мнения сталкиваются на платформах социальных сетей и медиа, умение участвовать в дискуссионных играх становится особенно ценным для формирования общественного диалога, принятия обоснованных решений и разрешения конфликтов в различных сферах жизни [1].

Дискуссионные игры – это тип игр, где участники обсуждают и аргументируют свои мнения по различным темам. Они могут быть как формальными (дебаты, судебное заседание), так и неформальными (мозговой штурм, аквариум).

Основные виды дискуссионных игр:

1. Дебаты – формализованное обсуждение, где участники представляют и отстаивают свою точку зрения на заданную тему. Часто используются в образовательных целях и на политических мероприятиях.

2. Судебное заседание – имитация судебного процесса, где участники исполняют роли сторон, свидетелей, судьи и т. д.

[1]Статья написана в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (УГПУ имени И. Н. Ульянова и МГПУ имени М. Е. Евсевьева» по теме «Формирование правовой компетентности будущих педагогов современной школы».

3. Мозговой штурм – интенсивное обсуждение, направленное на генерирование идей и решений по конкретной проблеме. Часто используется в бизнесе и образовании для разработки инноваций.

4. Аквариум – разговорная дискуссия, где участники от команд высказывают свои мнения по очереди, а остальные участники наблюдают и при необходимости могут дать совет своему представителю.

5. Кейс-стади (case-study) – обсуждение конкретного реального или вымышленного случая, где участники анализируют ситуацию, выявляют проблемы и предлагают решения.

6. Ролевые игры – участники принимают на себя определенные роли и действуют в рамках данной роли.

7. Дискуссии – обмен мнениями по различным вопросам, часто используются в образовательных и общественно-политических сферах.

8. Настольные игры с элементами обсуждения.

9. Игры на социально-коммуникативное развитие [2].

Исследование по оценке эффективности дискуссионных игр проводилось во время опытно-экспериментальной работы в МБОУ «Инсарская средняя общеобразовательная школа №2» Инсарского муниципального района Республики Мордовия в 9-х классах.

Перед применением дискуссионных игр были проведены психологические тесты, направленные на изучение отношений внутри классной группы. Использовались такие методики, как: «Наши отношения», «Атмосфера в классе». На основании результатов проверки было выявлено, что группа сплоченная, чаще всего раскрываются позитивные, активные, отзывчивые и доброжелательные отношения внутри группы, преобладающей атмосферой в классе выступает дружелюбие, что даёт хорошее поле для реализации игровых технологий.

Проведенный урок приурочен ко Дню Конституции, который празднуется 12 декабря. Урок был направлен на формирование уважительного отношения к главному закону страны, симпатии к правопорядку и законности в обществе, воспитание правовой культуры молодого поколения.

При реализации урока психологическая атмосфера в классе была эмоциональной, доверительной, доброжелательной. Обучающиеся занимались с удовольствием. Данный урок наглядно и с практической стороны продемонстрировал результативность и обоснованность применения игровых технологий в образовательном процессе [3].

Практическую значимость в образовательном процессе имела деловая игра «Выборы». Смыслом деловых игр является обучение детей применению знаний по праву для разрешения и рассмотрения проблем и ситуаций в повседневной жизни человека и общества, выработке навыков разрешения конфликтных ситуаций по правовым вопросам, формирование мнения у детей по глобальным и важным проблемным вопросам современности. Точного конечного результата в данном виде игр нет, все зависит от творческой направленности и разносторонности обучающихся. Деятельность игры направлена на воспроизведение правовых процессов общественной жизни.

Целью игры являлось ознакомление обучающихся с предвыборной деятельностью. Задачами в данной деловой игре выступили: формирование условий для получения опыта деятельности с социальной и политической сферой жизни общества и государства, складыванию интереса обучающихся к актуальным и практическим вопросам окружающей действительности, а также воспитание терпимости к иному мнению. Была проведена подготовительная работа, заключающаяся в выборе избираемых на должность главы района, формирование штабов политиков, инициативных групп, подготовка конспекта и сценария игры.

Так же на базе школы мною была реализована иллюстрационная игра «Яблоко раздора». Иллюстративные игры в правовом обучении направлены на рассмотрение и изучение определенного процесса, понятия и явления в праве. Рассматриваемая игра направлена на формирование четкого мнения о необходимости и неотвратимости закона в жизни общества и государства.

После проведения уроков с использованием игровых технологий для подведения итога исследования использовалась методика Н. Г. Лускановой и результаты показали повышение уровня познавательной активности: 25% учащихся – высокий уровень активности, 65% – средний уровень, 10% – низкий уровень.

Игровая технология является распространенным приёмом в педагогической деятельности педагогов. В игре мотивов гораздо больше, чем в обычной и повседневной учебной деятельности. Игра эмоциональна по своей природе и потому способна даже самую сухую информацию оживить, сделать яркой и запоминающейся. Порой, в процессе игры некоторые дети показывают себя с другой стороны, раскрывают скрытые таланты, застенчивые дети проявляют незаурядные способности, пассивный ребёнок способен выполнить такой объём работы, какой ему совершенно недоступен в обычной учебной ситуации [5].

Характерной особенностью урока с дидактической игрой является включение игры в его конструкцию в качестве одного из структурных элементов урока. Методисты рекомендуют проводить такие игры в начале изучения новой темы или для закрепления ранее изученного правового материала. Игра «Чудо-фраза» направлена на закрепление знаний отраслей права и восстановление целого из разделенных частей. На листах оформляется неверное понятие юридической ответственности, сформулированное из частей других видов ответственности. Понятие размещается на доске. Каждой команде дается определенный вид ответственности (уголовная, гражданская, дисциплинарная и административная). Команда выбирает части, которые соответствуют их виду ответственности и размещают на своем игровом поле и до оформляют до правильного определения [4].

Дидактическая игра «Крокодил» направлена на активную деятельность детей в процессе игры, при этом отгадывая те или иные правовые сюжеты. Классный коллектив делится на 2 группы, одинаковые по количеству. Каждая из групп, коллективно показывает другой заранее загаданное юридическое понятие. Задумать можно правоотношения, правовые ситуации, разновидности профессий юриста.

Еще одним интересным примером дидактических игр является игровая технология «Контакт». Обучающиеся делятся на две команды. Первая команда тайно придумывает юридическое понятие, далее отбирает одного члена из команды противников и сообщает ему слово. В последующем участник, которому сообщили слово, молча, только мимикой, жестами, заранее оговоренными знаками объясняют своей команде задуманное понятие.

Примером имитационной игры является «Административное правонарушение». Подготовительным этапом игр выступает оглашение обучающимся ситуации из практики совершения административного правонарушения. Дети сами выбирают роль и выносят ответ, почему именно эта роль была ими реализована, ими же осуществляется подготовка документов необходимых для рассмотрения административного правонарушения в суде. Осуществляется процедура судебного процесса по административным делам.

Интересной обучающей имитационной игрой является «Разработка законопроекта». Целью игрового процесса является имитация в школьных условиях с классным коллективом правотворческой деятельности. Данная игра позволит увидеть обучающимся сложность создания правовых норм, что поспособствует формированию уважительного отношения к нормам законодательства страны.

Имитация создания законодательных норм в условиях классного коллектива и в пределах школьного обучения является очень сложным и трудоемким процессом. Необходим большой спектр знаний по правовым вопросам, которые необходимо урегулировать путем применения той нормы права, которую обучающиеся захотят создать. При этом данная игра позволит заострить внимание обучающихся к современным проблемам общества, что вызовет активную заинтересованность учебным процессом. Поэтому данную игру следует проводить в более простом формате, нежели сам процесс правотворчества.

Активно в педагогической деятельности реализуют сюжетно-ролевые игры. В центре сюжетно-ролевой игры лежит жизненная, правовая ситуация. Основой игры выступает сюжет, как реальный, так и придуманный. Обучающиеся делят роли. Возможны некоторые отступления от запланированного хода игры.

Игра «И один в поле воин» является интересным примером сюжетно-ролевого вида игровой технологии. Задействованному обучающемуся, который выполняет заранее определенную роль, необходимо убедить одноклассников принять его мнение по выбранному юридическому вопросу. После его выступления происходит рефлексия: вышло ли задуманное у их одноклассника, какие приемы он использовал для доказывания своей правоты, какова была его аргументация и так далее. Данная игра позволяет рассмотреть законы, с которыми обучающиеся соприкасаются в повседневной жизни.

Деловая игра является важной и вызывающей интерес разновидностью дискуссионных игр. Основополагающей целью деловой игры выступает процесс моделирования и имитации правовой ситуации профессиональной направленности. Для закрепления материала по видам ответственности, гражданским, семейным и имущественным отношениям реализуется игра «Правовая борьба». Первоочередной целью игры выступает обучение детей пользованию и поиску необходимой информации в источниках права нашей страны. В игре обсуждается правильное ли решение по предложенному вопросу высказано при подготовке и в процессе игры командой-противником, при этом каждая из сторон стремится проявить себя с более благоприятной стороны. Также возможно распределение ролей внутри команды ее игроками для более продуктивной и качественной работы группы в ходе игры. Исход игры зависит не только от уровня правовых знаний обучающихся, но от тактической направленности команды, что добавляет интереса к игровой деятельности среди классного коллектива.

Самым ярким примером деловой игры является всеми известный «Судебный процесс». Целями данной деловой игры выступает рассмотрение и анализ вопроса в форме творческого, игрового процесса, рассмотрение темы с различных сторон и под разным углом, формирования в умах обучающихся факта сложности установления правды и принятия верного и правомерного решения.

Содержание деловой игры «Судебный процесс», заключается в рассмотрении и рассуждении по правовой ситуации, выраженной в форме «спектакля» судебного процесса.

Еще одна разновидность обучающих игр, применяемых на уроках права, это – иллюстрационные игры, используемые для разъяснения и полного рассмотрения юридических понятий и явлений.

Примером иллюстрационных игр является игровая технология «Компенсация». Смысл игры заключается в закреплении знаний о Конституции России, основных прав граждан нашей страны, умения отстаивать собственное мнение, при этом оперирую фактами.

Основой игры выступает вымышленное маленькое государство. Управление им осуществляется парламентом с представительством от двух партий в количестве десяти человек от каждой. Согласно законодательству поочерёдно каждая партия может вносить новую поправку раз в месяц. Так, первая партия своими действиями пытается добиться национализации собственности народа и использования ее советом, а вторая – желает достигнуть единичного пользования собственника своим имуществом без вмешательства государства в личные дела граждан. На момент начала игрового действа в собственности государства находится: железная дорога, морской порт, три производственных здания, половина жилищных комплексов и домов, а граждане имеют право собственности на половину жилищных комплексов и домов, гидроэлектростанцию, сельскохозяйственные поля, рыболовецкие судна, фруктовые сады [6].

Игроки делятся на две команды, каждая из них представляет определенную партию и отстаивает ее позицию в политической направленности. Партии, соблюдая очередность, выдвигают поправки с разъяснением того, какие изменения и последствия будут реализованы в будущем. При этом партии ожесточенно борются за свои позиции и мнение в политической сфере государства. Единственным ограничительным моментом выступает то, что на момент начала игрового процесса законодательной базой данной страны выступает лишь законы, имеющие основой статьи Конституции РФ (тридцать четвертая по тридцать седьмую).

Таким образом, существует множество примеров применения на практике дискуссионных игр.

Игровые технологии раскрывают потенциал обучающихся, их творческие, интеллектуальные и коммуникативные возможности. Игра позволяет обучающимся рассмотреть правовые аспекты изнутри, что позитивно влияет на практическую деятельность подрастающего поколения в будущем. Посредством применения игровых технологий дети получают первичные знания и навыки правового грамотного взаимодействия, что позитивно влияет на формирование правомерного гражданина нашего государства.

Список литературы:

1. Давыдов, Д. Г. Дискуссионный метод и проектная технология в правовом обучении школьников / Д. Г. Давыдов, М. А. Капаев, А. Ю. Куприянов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 7(211). – С. 39-41. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_7_39. – EDN BHCZBJ.
2. Давыдов, Д. Г. Методы и технологии обучения праву в образовательных организациях / Н. С. Бикмурзина, Д. Г. Давыдов, М. А. Капаев, Д. Е. Биктеев // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12(228). – С. 59-62. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_12_59. – EDN ZALGQK.
3. Давыдов, Д. Г. О роли геймификации в процессе формирования правовой компетенции обучающихся / Н. С. Бикмурзина, Д. Г. Давыдов, М. А. Капаев [и др.] // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 6(210). – С. 36-38. – DOI 10.47643/1815-1329_2022_6_36. – EDN FXUEGJ.
4. Давыдов, Д. Г. Особенности организации урока уголовного права с применением игровых методов / Д. Г. Давыдов, М. А. Капаев, А. Ю. Куприянов, А. И. Кичкаева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12(228). – С. 539-542. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_12_539. – EDN MEXORZ.
5. Давыдов, Д. Г. Правовые компетенции обучающихся: постановка проблемы / А. Р. Еналеева, Д. Г. Давыдов // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Саранск, 14–15 марта 2019 года. – Саранск: Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева, 2019. – С. 236-241. – EDN AUVEFZ.
6. Давыдов, Д. Г. Преподавание права в школе / А. С. Лобанова, Д. Г. Давыдов // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук : Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 25 января 2025 года. – Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2025. – С. 219-224. – EDN UFUCYC.

References:

1. Davydov, D. G. Discussion method and project technology in legal education of schoolchildren / D. G. Davydov, M. A. Kapaev, A. Yu. Kupriyanov // Law and the state: theory and practice. – 2022. – № 7(211). – Pp. 39-41. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_7_39. – EDN BHCZBJ.
2. Davydov, D. G. Methods and technologies of teaching law in educational organizations / N. S. Bikmurzina, D. G. Davydov, M. A. Kapaev, D. E. Bikteev // Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 12(228). – Pp. 59-62. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_12_59. – EDN ZALGQK.
3. Davydov, D. G. On the role of gamification in the process of forming the legal competence of students / N. S. Bikmurzina, D. G. Davydov, M. A. Kapaev [et al.] // Agrarian and land law. – 2022. – № 6(210). – Pp. 36-38. – DOI 10.47643/1815-1329_2022_6_36. – EDN FXUEGJ.
4. Davydov, D. G. Features of the organization of the lesson of criminal law using game methods / D. G. Davydov, M. A. Kapaev, A. Yu. Kupriyanov, A. I. Kichkaeva // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 12(228). – Pp. 539-542. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_12_539. – EDN MEXORZ.
5. Davydov, D. G. Legal competencies of students: problem statement / A. R. Enaleeva, D. G. Davydov // Theoretical aspects of jurisprudence and law enforcement issues : a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Saransk, March 14-15, 2019. – Saransk: M.E. Evseviev Mordovian State Pedagogical Institute, 2019. pp. 236-241. – EDN AUVEFZ.
6. Davydov, D. G. Teaching law at school / A. S. Lobanova, D. G. Davydov // Modern trends in the development of fundamental and applied sciences : Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Bryansk, January 25, 2025. Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology, 2025. pp. 219-224. - EDN UFUCYC.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_98

ЗАКОН И ЕГО ИСТОКИ В ВОЗЗРЕНИЯХ И. Г. Г. ФОН ЮСТИ И ИНТЕГРАТИВНОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ
THE LAW AND ITS ORIGINS IN THE VIEWS OF I. G. G. VON JUSTI AND INTEGRATIVE LEGAL UNDERSTANDING

КАНИЩЕВ Валерий Петрович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: kanishhev1953@mail.ru;

СОЛОВЬЕВА Лариса Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: solo_l1974@mail.ru;

KANISHCHEV Valery Petrovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State Central branch of "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev" (the city of Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: kanishhev1953@mail.ru;

SOLOVYOVA Larisa Leonidovna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State Central branch of "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev" (the city of Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: solo_l1974@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья представляет собой краткий обзор взглядов об истоках закона в воззрениях известного немецкого ученого XVIII века Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти. Опираясь на воззрения Ш.Л. Монтескье, И.Г.Г. Юсти являлся сторонником естественного права. Ученый обратил внимание на такие факторы как цель, сила закона, а также предложил собственную классификацию законов.*

Keywords: *The article is a brief overview of the views on the origins of law in the views of the famous German scientist of the XVIII century Johann Heinrich Gottlieb von Justi. Based on the views of S.L. Montesquieu, I.G.G. Justi was a proponent of natural law. The scientist drew attention to such factors as the purpose, the force of the law, and also proposed his own classification of laws.*

Ключевые слова: *право, интегративное правопонимание, закон, И.Г.Г. Юсти.*
Abstract: *law, integrative legal understanding, law, I.G.G. Justi.*

Для цитирования: *Канищев В.П., Соловьева Л.Л. Закон и его истоки в воззрениях И. Г. Г. фон Юсти и интегративное правопонимание // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 98-99. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_98.*
For citation*: Kanishchev V.P., Solovyova L.L. The law and its origins in the views of i. G. G. Von Justi and integrative legal understanding // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 98-99. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_98.*

Статья поступила в редакцию: 05.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В настоящее время современная зарубежная и отечественная теоретическая юриспруденция в своих изысканиях все больше ориентируется на плюралистический подход к пониманию права как специфического явления социальной жизни, его сущности, выявлению происхождения, истоков, факторов его развития. Теоретико-правовая наука предлагает множество интерпретаций понимания права – от юснатурализма до интегративного подхода, который, как верно отметили Р.Р. Палеха и В.П. Канищев, «демонстрирует свою мировоззренческую и методологическую неоднородность, представлен различными подходами, имеет разнообразные философские и методологические основания понимания природы права, но, что особо ценно, воспринимает право как органически целостное явление во всем его многообразии и противоречии, социально-исторической изменчивости, как неизменный синтез двух его взаимодополняющих начал: позитивистского и естественно-правового, выступающего стержневой и определяющей его природу характеристикой» [1, с. 217]. Данный подход расширяет возможности в поиске истины о праве и позволяет сформировать целостное представление о нем.

Интеллектуальный поиск сущностных основ права, его происхождения, формы, содержания не возможен без обращения к комментариям известных как отечественных, так и зарубежных ученых прошлых столетий. В этой связи, особый интерес представляют исследования о законе немецкого экономиста, профессора, камералиста XVIII в. Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти (1717-1771).

По мнению И.Г.Г. Юсти, законы есть суть воля (добрая и разумная) всего народа свободного и мыслящего. Другими словами закон – путеводитель и средство «государственного благоденствия».

И.Г.Г. Юсти считал, что сила законов не должна основываться на страхе. Воздействие страхом не дает положительных результатов в регулировании отношений, в обеспечении порядка в целом в обществе и государстве. Опираясь на исторические примеры, автор, в частности, указывал: «Коль часто полагались лютые казни за воровство, разбой и прочие злодейства. Новость вещи и первая боязнь имели только действие на весьма короткое время. Но в скорости привыкали к зрению таких истязаний и так же много крали и разбойничали, как и до введения лютых казней» [3, с. 228]. Сила законов должна зависеть, как считал немецкий ученый, от двух условий: первое - нравственность и второе - закон должен быть добрым и полезным.

Нравственность как важнейший фактор силы законов будет иметь место только в том случае, когда у большей части людей, живущих в государстве добродетель (доброта), честь являются нравственным благом, этической ценностью, устойчивой формой бытия общества. «Всегда больше пользы будет государству и законы будут иметь реальную силу, ежели люди добродетелию инстинствуют. Добродетель есть первое и все-

общее в государстве подкрепление…Но как добродетель между гражданами не всегда… распространена быть может, то должно довольствоваться… честью… Срам преступить закон… чувствительнее есть для сих людей, нежели лишение имения и лишение наказания для народа чести не знающего» [3, с. 229-230]. Добродетель, которая становится основой государственных законов, трансформируется в государственное, гражданское законодательство, регулирующее права, обязанности, ответственность и имеющее всеобщий характер и общеобязательную силу на всей территории государства.

Второе условие силы закона – он должен быть изначально «добрым и полезным» для благополучия и благоденствия как отдельного индивида, так и для всего общества в целом. «Наисельнейшее подкрепление для разумного существа, дабы покориться установлениям другого, есть уверение, что сие установление будет ему на пользу и благоденствие» [3, с. 233].

Опираясь на воззрения Ш.Л. Монтескье, И.Г.Г. Юсти являлся сторонником естественного права, указывая на то, что «каждое существо, каждая вещь, каждое установление имеют свои законы, основанные на естестве своем и намерении… Как существо вещей есть вечно, то проистекающие из оных законы суть вечные же» [3, с. 214]. Напротив, законом не может быть все то, что противоречит народной воле, благополучию государства, например, злоупотребление властью. В этой связи немецкий ученый предложил собственную классификацию законов, дифференцируя последние на естественные, законы веры, народное право и нравственные законы.

Например, раскрывая суть естественных законов (естественное право), И.Г.Г. Юсти ориентировался на то, что человек, прежде всего существо, состоящее из духа и тела, имеющее естественные побуждения, соответственно, производящее естественное право. К естественным действиям (побуждениям) относят самосохранение, самолюбие, умножение человеческого рода, детолюбие, желание наслаждения, отвращение к противным и болезненным ощущениям, любовь и т.п. Данные побуждения и есть, по мнению автора, первые естественные законы и единственные источники всего естественного права, которые все же отличаются от права, производимого разумом. Примером истории зарождения, дальнейшего развития идеи естественного права, как и другие юснатуралисты И.Г.Г. Юсти считал Древнеримскую цивилизацию, отмечая, в частности, что «римские правоучителя, имевшие великое знание как в любомудрии, так и в других частях учения основывали естественное право на естественных побуждениях, и объясняли его правом во всех тварях естеством насажденным» [3, с. 245]. В итоге, естественное право есть высочайший закон в состоянии естественной воли, который никто не может преступить.

В отдельную группу законов автор отнес законы государственные (позитивное право): политические законы (государственные узаконения), законы о государственных доходах, гражданские законы государства (в том числе об ответственности), полицейские законы. Так, законы государственные – суть законы разума, соединяющие народ (общество) общим благом. К ним относятся политические законы, закрепляющие форму государственного устройства, основы государственного управления, характер властеотношения между управляющими и управляемыми. В этой связи данные законы разделяются на государственное право и законы государственного домостроительства.

Законы гражданские – законы, регулирующие непосредственно отношения граждан между собой, путем закрепления прав, обязанностей и ответственности последних. Цель таких законов – обеспечение общественного «благоденствия» в государстве. В свою очередь данные законы дифференцируются на собственно гражданские, регулирующие отношения собственности, права, свободы, безопасность субъектов права и т.п.; благоустройственные (полицейские), осуществляющие правоохранительную деятельность по обеспечению общественного порядка, законности в государстве.

Законы естественные и законы разума (государственные) разделены между собой, но законы государственные должны быть основаны на естественном праве. «Все государственные узаконения должны наперед поставлять естественные законы за первое свое основание, и невредимость их все прилежно наблюдать, так что и ничего определить не могут, что оным противно… Невредимость сия естественного права должна наблюдаема быть как в политических, так и в гражданских законах… Побуждение к самосохранению превосходит все гражданские узаконения» [3, с. 260].

Таким образом, по мнению И.Г.Г. Юсти главная цель закона «состоит в безопасности гражданина, нетокмо в рассуждении его лица, прав и вольностей, но и имения его; общественное благоденствие, сие всеобщее конечное всех государств или народов намерение, из коего яко из высочайшего его закона, все прочие уставы проистекать долженствуют ... утверждается особливо на трех главных понятиях, на вольности, безопасности и на внутренней силе» [3, с. 258]. Указанная И.Г.Г. Юсти триада закона – вольность, безопасность, внутренняя сила – есть отсылка к воззрениям Ш.Л. Монтескье, которому импонировал немецкий ученый. Как верно отметил Д.Е. Расков, «это лишний раз свидетельствует в пользу того положения, что в Европе эпохи Просвещения идеи свободно циркулировали через границы стран и языков… Юсти … опирался на Монтескьё, а опыт Англии считал образцовым… В книге Юсти показывалось, что государственное благосостояние держится на вольности, безопасности и внутренней силе, которые зависят от незыблемости недвижимой собственности, поощрения торговли и нравственности подданных. Совершенно не случайно на первое место Юсти помещает вольность или свободу, а не безопасность и силу» [2, с. 69-70].

Обладая широким кругозором знаний в таких различных областях как литература, философия, естественные науки, история, право, экономика, сельское хозяйство и мн. др., И.Г.Г. Юсти, тем самым использовал комплексно-интегративный подход в исследовании многих вопросов, в том числе об истоках, сути, видах закона.

Список литературы:

1. Палеха Р.Р., Канищев В.П. Интегративный подход к правопониманию: история и современность / Р.Р. Палеха, В.П. Канищев // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. - № 3. – С. 211-217.
2. Расков Д.Е. Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века / Д.Е. Расков // TERRA ECONOMICUS. – 2019. - № 17(4). – С. 63-79.
3. Юсти И.Г.Г. Существенное изображение естества народных обществ и всякаго рода законов / И.Г.Г. Юсти; перевод на рус. яз. А.Волков. - Москва: Императорский Московский университет. – 1770 г. – 384 с.

References:

1. Palekh R.R., Kanishchev V.P. Integrative approach to legal understanding: history and modernity / R.R. Palekh, V.P. Kanishchev // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. - No. 3. – pp. 211-217.
2. Raskov D.E. Cameralism of books: translations of Justi in Russia of the XVIII century / D.E. Raskov // TERRA ECONOMICUS. – 2019. - № 17(4). – Pp. 63-79.
3. Yust I.G.G. The essential image of the nature of national societies and any kind of laws / I.G.G. Yusty; translated into Russian by A.Volkov. M.: Imperial Moscow University. 1770 384 p .

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_100

УДК 340.1

МЕДИАЦИЯ: КРАТКИЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ
THE DEVELOPMENT OF BANKRUPTCY PROCEDURES AS AN ELEMENT OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION IN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET RUSSIA

СОТНИКОВ Ярослав Валерьевич,
Аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии,141.
E-mail: sotnikovyv@mail.ru;

ПРОНИН Александр Анатольевич,
Аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии,141.
E-mail: legion63s@mail.ru;

УШАТОВ Максим Викторович,
Аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГАОУ «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии,141.
E-mail: ushatovmv@gmail.com;

SOTNIKOV Yaroslav Valerievich,
Postgraduate student of the Department of Civil and Arbitration Procedure
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: sotnikovyv@mail.ru;

PRONIN Aleksandr Anatolyevich,
Postgraduate student of the Department of Civil and Arbitration Procedure
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: legion63s@mail.ru;

USHATOV Maksim Viktorovich,
Postgraduate student of the Department of Civil and Arbitration Procedure
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: ushatovmv@gmail.com

Краткая аннотация: *В современной России законодатель уделяет больше внимания внесудебным формам защиты нарушенного или оспариваемого права. Популяризация среди граждан внесудебных форм защиты прав позволяет существенным образом снизить нагрузку на суды и дает выбор, каким образом защищать свое нарушенное право. Одним из таких подспорьев судебной системе стал институт медиации. Практикам известно, что количество заседаний судьи в день, к примеру в банкротных составов может превышать количества полутора сотен. Целью данной статьи является попытка выяснить правовую природу, своевременность и предпосылки возникновения медиации.*

Abstract: *In modern Russia, the legislator pays more attention to extra-judicial forms of protection of violated or disputed rights. Popularization among citizens of extra-judicial forms of protection of rights allows to significantly reduce the burden on the courts and gives a choice of how to protect their violated rights. One of such aids to the judicial system has become the institution of mediation. Practitioners know that the number of sessions of a judge per day, for example, in bankruptcy courts can exceed one and a half hundred. The purpose of this article is an attempt to clarify the legal nature, timeliness and prerequisites for the emergence of mediation.*

Ключевые слова: *медиация, арбитражный процесс, банкротство, предпосылки возникновения медиации, медиативный процесс, судоустройство, правосудие.*

Key words: *mediation, arbitration process, bankruptcy, prerequisites for the emergence of mediation, mediation process, judicial system, justice.*

Для цитирования: *Сотников Я.В., Пронин А.А., Лошкарев А.В. Развитие банкротных процедур как элемента права на судебную защиту в дореволюционной и советской России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 100-104. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_100.*

For citation*: Sotnikov Ya.V., Pronin A.A., Loshkarev A.V. The development of bankruptcy procedures as an element of the right to judicial protection in pre-revolutionary and Soviet Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 100-104. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_100.*

Статья поступила в редакцию: 11.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В положениях правовой доктрины под внесудебной защитой прав человека понимается институт права, регулирующий общественные отношения, тесно связанные с защитой субъективного права личности без обращения в суд или без доведения процесса до принятия итогового судебного акта, разрешающего дело по существу.

Внесудебные формы защиты права, по мнению автора публикации, в настоящее время набирают популярность благодаря их «мобильности», отсутствию больших финансовых затрат и времени для конфликтующих сторон. Эффективность внесудебных механизмов защиты прав существенно выше, поскольку достигнутые договоренности, как правило, добровольно исполняются обеими сторонами. Тем не менее, су-

дебная защита остается наиболее популярным и универсальным способом разрешения правовых споров, что подтверждается преобладанием судебных разбирательств в общей практике защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц. Хотя отечественный законодатель активно работает над развитием альтернативных способов защиты прав, существующая система внесудебной защиты пока не получила достаточного правового оформления. «Формализованность» и сложности в применении внесудебных правовых процедур во многом объясняются отсутствием их детальной нормативно-правовой регламентации. В связи с этим возникает острая необходимость комплексного исследования данного института как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Вместе с этим, требуется провести глубокий анализ существующих проблем и разработать рекомендации по совершенствованию отечественной законодательной базы внесудебной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц. В свою очередь, то позволит не только устранить существующие пробелы в национальном законодательстве, но и создать более эффективные правовые механизмы защиты прав граждан во внесудебном порядке.

Безусловно, особое внимание следует уделить изучению потребностей общества в развитии альтернативных способов защиты прав и анализу международного опыта в данной сфере с последующей адаптацией успешных практик к российским правовым реалиям.

В современной России законодатель уделяет больше внимания внесудебным формам защиты нарушенного или оспариваемого права [1]. Популяризация среди граждан внесудебных форм защиты прав позволяет существенным образом снизить нагрузку на суды и дает выбор, каким образом защищать свое нарушенное право. Существующие теоретические разработки и законодательные нововведения демонстрируют существенный недостаток: они созданы без должного анализа специфики внесудебных механизмов защиты прав. При их разработке не был учтен социально-экономический контекст и особенности функционирования российского общества.

Между тем, внесудебная форма защиты права характеризуется относительной самостоятельностью, а также специфичностью способа правового регулирования.

Правовое регулирование рассматриваемого института включает в себя как регулирование рассматриваемого института в целом, так и отдельных способов, и форм внесудебной защиты нарушенного права.

В качестве субъектов, наделенных правом на осуществление внесудебной защиты прав и законных интересов, следует рассматривать государственные органы, например, Уполномоченный по правам человека РФ, и негосударственные, к примеру, третейский суд.

Внесудебная защита прав представляет собой механизм, в рамках которого уполномоченные государственные и негосударственные органы осуществляют правоприменительную деятельность согласно установленным законом процедурам. При этом важно отметить, что если законодательством не предусмотрена специальная процедура внесудебной защиты прав человека, то «пострадавшее» лицо получает возможность самостоятельно выбирать наиболее подходящий способ защиты своих интересов. Такой выбор осуществляется индивидуально в каждом конкретном случае с учетом личных обстоятельств и имеющихся возможностей. Данная особенность внесудебной защиты позволяет гибко подходить к решению правовых вопросов, предоставляя гражданам возможность самостоятельно определять оптимальные методы защиты своих прав в ситуациях, не урегулированных специальными процедурами [2].

Особенностью рассматриваемого способа защиты права является, в частности, то, что лицо, чье право нарушено, самостоятельно выбирает каким способом и в какой форме будет осуществляться защита его права [3]. Лицо может выбрать как один из предложенных способов, так и сразу несколько [4].

Законодательные органы ведут достаточно активную работу по данному направлению, однако правовое регулирование деятельности в рамках данного института имеет недостатки. К примеру, ряд важных положений носит рекомендательный характер, что уменьшает эффективность их применения. Также ставится вопрос о необходимости единого кодифицированного акта, который бы регулировал внесудебные формы защиты права. Однако, по мнению автора публикации, это приведет только к перегруженности правовой системы и вызовет еще большую путаницу.

Таким образом, развитие и внесение изменений в рассматриваемые нормативные акты неизбежно. Необходимо на постоянной основе изучать развитие и применения внесудебных форм защиты права в России и вносить изменение в законодательные акты. Только тогда можно добиться эффективного функционирования рассматриваемого института, а также популяризации его среди граждан России.

Также нельзя не отметить, что явным недостатком нормативного регулирования рассматриваемого института является расплывчатость формулировок, допускающих двоякое их понимание, в частности положения, касающиеся функций и полномочий специально уполномоченных органов как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Важным направлением исследования становится усиление правовой регламентации в сфере отношений, где граждане реализуют свое право на самозащиту. Данная область требует глубокого изучения и существенной доработки существующих правовых механизмов.

Представляется целесообразным создать детальные рекомендации в форме инструкции, которая поможет гражданам действовать в ситуациях, связанных с самозащитой. Для реализации этой задачи необходимо провести комплекс мероприятий по разработке и внедрению мер, направленных на повышение правовой грамотности населения.

Особого внимания заслуживает работа с представителями административного аппарата – государственными и муниципальными служащими. Кроме того, требуется разработка новых законодательных норм, которые бы детально регламентировали порядок и процедуры осуществления права на самозащиту, обеспечивая их четкое правовое регулирование.

Также, считается, что проблемой на пути эффективного функционирования института внесудебной защиты становятся отсутствие правосознания личности. Правовое воспитание граждан в России, к сожалению, не развито в достаточной степени. Люди зачастую не осведом-

лены о своих правах, не говоря уже о способах их защиты. Если государство называет себя правовым и закрепляет это в основном законе страны, оно должно нести ответственность перед своими гражданами [5, 10]. Необходимо проведение глобальной программы по повышению уровня правовой грамотности среди населения Российской Федерации. Между тем, улучшение правового регулирования не даст должного результата без повышения уровня правосознания гражданина.

На сегодняшний день процедуре медиации как внесудебной форме защиты права уделяется большое внимание как в научных кругах, так и на практике. Положения статья 2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» раскрывает понятие медиации как способа урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Не ошибкой будет сказать, что медиация по своей сути является правовым процессом, поскольку базируется на правовых нормах и принципах, регулирующих деятельность медиатора и участников правового конфликта. При этом, сам конфликт представляет собой противоречие между субъективным пониманием должного поведения и его правовым выражением.

Вопрос о правовой природе медиации остается предметом активных дискуссий в современной юридической доктрине. Существует несколько подходов к определению ее сущностного содержания. Один из них рассматривает медиацию как явление с «государственной природой», однако данная позиция имеет существенные противоречия. Основной аргумент против «государственной природы» медиации заключается в том, что медиатор не обладает властными полномочиями, характерными для должностных лиц, а участники конфликта, как правило, не являются государственными структурами и образованиями. Это существенно отличает медиацию от традиционных форм государственного правоприменения и указывает на ее особый «негосударственный характер». Таким образом, несмотря на правовой характер медиации, ее правовая природа не может быть однозначно определена как государственная, что требует дальнейшего исследования и осмысления данного института в контексте современных правовых реалий. Согласно второму подходу, процедура медиации лишена «государственного характера». Однако, подобная позиция не может считаться полностью корректной по нескольким причинам. Во-первых, ее принятие неизбежно ведет к разрыву правовых связей между гражданином и государством, что фактически означает выведение лица за пределы государственного правового поля и его регулирующих механизмов. Во-вторых, такая позиция приводит к отрыву механизма правового регулирования от реального содержания отношений между участниками правового конфликта, в результате возникает ситуация, при которой отсутствует ответственность индивида перед обществом, что является абсолютно недопустимым. В-третьих, подобная трактовка приводит к разрушению фундаментальной связи между правом и государством, что противоречит основам правовой системы и может привести к дезорганизации всего правового порядка. Таким образом, отрицание правовой связи между участниками конфликта и государственными институтами создает серьезные риски для стабильности правовой системы и может привести к разрушению базовых принципов правопорядка.

Тот факт, что конфликт имеет частноправовой характер, а его урегулирование осуществляется в рамках частного права, не означает, что право не может выступать эффективным инструментом разрешения такого спора. Любые отклонения от установленных законом требований, независимо от их причин, категорически недопустимы. Нельзя игнорировать и тот факт, что систематическое отступление от правовых постулатов, даже если они кажутся несовершенными или устаревшими, неизбежно приведет к правовой неопределенности и нанесет серьезный ущерб как обществу в целом, так и принципу верховенства права. Как отмечает профессор А.Ф. Черданцев, «выгода отступления от законности для конкретного случая перекрывается огромным вредом расшатывания законности». Это означает, что краткосрочные преимущества от нарушения правовых норм существенно уступают долгосрочному негативному эффекту, который выражается в подрыве основ законности и правопорядка [6, 11]. Таким образом, даже в рамках частноправовых отношений необходимо строго следовать установленным законом правилам, поскольку только это обеспечивает стабильность правовой системы и защищает интересы всех участников правоотношений.

Принципы являются важнейшей частью процедуры медиации. Положения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» закрепляет такие принципы в статье 3. Поскольку принципы являются важной частью правовой системы, их следует рассмотреть более подробно.

Также стоит отметить тот факт, что медиатор не всегда занимается организацией процесса примирения самостоятельно. В практике рассматривается вопрос о привлечении к процессу медиации фасилитатора, под которым понимается лицо, которое обеспечивает успешное проведение медитативной процедуры. По мнению автора публикации, данное лицо должно обладать специальными познаниями в области психологии и права.

Процедура медиации проводится исключительно на добровольной основе, так как очень важно, чтобы каждая из сторон, стремящихся к примирению, согласилась на проведение процедуры. Понуждать к проведению медиации категорически запрещено, поскольку, это не приведет к результатам, на которые нацелена медиация, а в последствии это может привести к повышению конфликтности ситуации либо к неисполнимости заключенного медиативного соглашения. Исключение из этого правила может быть сделано только в том случае, если обязательный характер процедуры медиации был ранее указан в соглашении сторон, например, в медиативной оговорке. Результатом процедуры медиации является медиативное соглашение, требования к которому закреплены в статье 12 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

На сегодняшний день важной проблемой является отсутствие Кодекса профессиональной этики медиатора. В частности, в юридической сфере распространено создание Кодексов профессиональной этики в целях формирования положительного отношения к профессии, а

также предотвращение злоупотребления и превышения своих полномочий. Существуют Кодексы профессиональной этики судьи, прокурора, адвоката и др. В сфере медиации единого Кодекса профессиональной этики нет. Такие Кодексы создаются каждой саморегулируемой организацией медиаторов самостоятельно и примерно похожи друг на друга. Однако, необходимо создать единый Кодекс профессиональной этики с целью популяризации данного института, а также повышения доверия граждан к медиаторам.

В современной научной и практической среде выделяется множество видов медиации. В различных научных исследованиях существует множество классификаций медиации по различным основаниям. Изучение различных классификаций позволяет изучить медиацию как многоаспектное явление во всех ее проявлениях. Ниже будут приведены различные классификации медиации и анализ.

Аллахвердова О.В. предлагает классифицировать процедуру медиации по порядку применения [7]:

1. Добровольная, согласно которой суд или сторона может предложить урегулировать спор при помощи проведения процедуры медиации, в свою очередь противоположная сторона может либо принять предложение, либо отклонить его;

2. Обязательная, согласно которой суд своим постановлением (определением) принимает решение о проведении процедуры медиации.

В данном случае необходимо обратить внимание на противоречии модели обязательной медиации Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», так как согласно положениям статьи 3 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» одним из принципов медиации является добровольность.

В зависимости от сферы правового регулирования выделяют следующие виды медиации: частная и судебная.

В литературе также отмечается, что в России преобладает частный вид медиации без привлечения ресурсов суда. В данном случае процедура медиации проводится частными медиаторами за счет конфликтующих сторон.

Рассмотрим модель расчетов. Прежде всего необходимо отметить то, что рассматриваемая модель основана на переговорных позициях и направлена на урегулирование спора при помощи справедливого распределения ресурсов. В таком случае посредник, организующий переговорный процесс, не должен обладать специальными полномочиями и знаниями в области посредничества.

Далее рассмотрим терапевтическое посредничество, целью которого является восстановление дружественных отношений между сторонами. В таком случае основная задача посредника заключается в использовании специальных методов в целях создания условий нормального общения между сторонами, а также развития посреднических навыков. Для проведения рассматриваемого вида посредничества посреднику в обязательном порядке необходимо обладать определенными знаниями, а также навыками в области психологии.

В зависимости от применяемых подходов к процедуре медиации выделяют:

- экосистемную медиацию, основное внимание уделяется урегулированию семейных споров и межкультурных конфликтов.

- оценочную медиацию. Основной целью оценочной медиации является достижение соглашения, максимально приближенного к вероятному решению суда по данному делу.

Посредничество, основанное на понимании, заключается в том, что в нем участвуют сами стороны, а не посредник, который понимает спор и то, как его разрешить, а также последствия решений, принятых сторонами. В последние годы роль так называемого «онлайнового посредничества» с помощью интернет-технологий возросла с развитием цифровизации. Использование «онлайновой технологии» повышает вероятность того, что посредник будет участвовать в спорах между физическими лицами и организациями, которые не могут непосредственно участвовать в посредническом процессе в связи с раздельным проживанием, или в ситуациях, когда важность спора не оправдывает или значительно перевешивает расходы на личное присутствие посредника.

Перечень видов медиации не является исчерпывающим, так как развитие этой процедуры не стоит на месте. Каждый из вышеперечисленных видов медиации предполагает свой собственный стиль проведения процедуры, а это значит, что существует потребность в медиаторе с определенным набором качеств и опыта. Характер правоотношений между сторонами определяет выбор конкретной модели медиации, которые различаются по порядку организации и проведения процедуры медиации. Дифференциация медиации по видам позволяет понять специфику рассматриваемой процедуры в различных сферах, а также выбрать наиболее оптимальный вид медиации для медиатора, учитывая его навыки и полномочия, для разрешения конфликтной ситуации.

Также помимо медиации в научной и практической среде выделяют такой вид примирительной процедуры как переговоры. В частности, переговоры могут осуществляться в двух ситуациях: конфликта и сотрудничества. Однако проведение переговоров в ситуации сотрудничества не исключает саму возможность конфликта. Также возможна прямо противоположная ситуация, когда из конфликта лица выходят на сотрудничество. По итогам проведения переговоров возможно принятие трех итоговых решений, а именно компромисс, асимметрия и абсолютно новое решение. Компромисс возможен тогда, когда обе стороны готовы пойти на уступки. Ассиметричное решение будет принято в случае, когда стороны не могут найти решение, которое бы устроило обе стороны. Однако отличительной особенностью данного вида решения является то, что уступки одной стороны явно превышают уступки другой. Принятие абсолютно нового решения происходит в случае, если стороны в процессе проведения переговоров рассматривают конфликт шире намеченных позиций.

Так, например, в Бразилии медиация рассматривается в качестве способа заключения соглашения между сторонами при взаимодействии с незаинтересованным лицом, заключаемого для содействия сторонам правового конфликта. Назначается специально уполномоченное сторонами лицо - комиссар. Соглашение направлено на восстановление или улучшение отношений путем превращения конфликтов в диалог и

на предотвращение конфликтов, которые могут возникнуть в будущем. В Бразилии существуют две модели работы посредников: активная и пассивная. В первом случае посредник активно взаимодействует с заинтересованными сторонами и представляет решение. Во втором случае посредник действует скорее, как наблюдатель.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что большинство государств стремятся к разрешению споров с помощью механизмов, учитывающих мнения сторон и признавая, что это эффективно. Такой подход к пониманию посредничества создает и развивает компромиссы как метод урегулирования конфликтов. Отметим, что посредничество имеет целый ряд преимуществ перед судебным или даже третейским разбирательством. Так, явным преимуществом посредничества является максимально «устраиваемый» стороны результат при минимальном использовании времени. Стороны, обратившись к услугам посредника осознают проблему, а значит готовы к ее решению. Материальные затраты на услуги посредника, несомненно, высоки, однако затраты на оплату судебных издержек могут оказаться гораздо выше.

К числу основных проблем медиации в отечественной правовой действительности доктринальным сообществом справедливо относятся проблемы, связанные с недостаточной развитостью нормативно-правовой базы, регулирующей точечные аспекты проведения процедуры медиации, а также ее слабую интеграцию в отечественную систему правосудия. Вместе с этим, авторами в качестве прикладной проблемы называется дефицит профессиональных медиаторов, что нивелирует возможности применения внесудебных процедур разрешения споров в малонаселенных регионах. Отдельного внимания заслуживают проблемы злоупотребления недобросовестных участников процесса при проведении медиации, которые как правило, приводят к неблагоприятным последствиям и невозможности реализации целей и задач института альтернативных способов и форм разрешения правовых споров.

В завершении настоящего исследования отметим, что процесс проведения процедуры медиации носит правовой характер [8, 12], ибо правила, в рамках которых действует медиатор и участники конфликтов, по характеру являются правовыми, а сам конфликт есть ни что иное как противоречие между должным, каким его понимает субъект и должным, каким оно выражено в праве. Медиация должна осуществляться исключительно на добровольной основе, исключая любую возможность давления на стороны. В настоящее время главной проблемой в институте медиации является ее нераспространенность. Граждане попросту не осведомлены в достаточной степени [9, 13] о самой возможности прибегнуть в разрешении спора к примирительной процедуре. Однако нельзя не отметить, что в данном направлении ведется активная законодательная работа, в частности в гражданском процессе суды обязаны осведомлять граждан об их праве закончить дело мировым соглашением на любой стадии процесса.

Список литературы:

1. Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права : Электронное издание / С. Ф. Афанасьев, Е. В. Богатова, В. Е. Бондаренко [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2024. – ISBN 978-5-8339-0283-7. – EDN OUESNO.
2. Колиева А.Э., Кокоева Л.Т. Доверительные отношения как объект регулирования ГК РФ // Современная научная мысль. М., 2015. № 5. С. 158-163.
3. Лошкарев, А. В. Основные виды примирительных процедур в арбитражном процессе / А. В. Лошкарев, В. О. Кожевникова // Вопросы экономики и права. – 2022. – № 163. – С. 28-31. – DOI 10.14451/2.163.28. – EDN LCSQCA.
4. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. 2002. № 10. С. 22.
5. Решетникова И.В. Перспективы развития посредничества в российском праве // Российский юридический журнал. – 2005. – № 5.
6. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Курс лекций. Екатеринбург, 1996. С. 193.
7. Аллахвердова О.В. Карпенко А.Д. Медиация – переговоры с участием посредника. – СПб.: Роза мира, 2007. – 144 с.
8. Ланг, П. П. Правовая процедура и юридический процесс (теоретико-правовой аспект) / П. П. Ланг // Современные проблемы права и управления : 5-я Международная научная конференция: сборник докладов, Тула, 18–19 сентября 2015 года / Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации ; главный редактор: И. Б. Богородицкий, ответственный редактор: Ю. В. Киселевич. – Тула: Папирус, 2015. – С. 80-85. – EDN UGIJCJ.
9. Примирительные процедуры в гражданском процессе и проблема их реализации / А. В. Лошкарев, П. А. Воронина, Д. А. Дурникова, В. А. Салманова // Вопросы экономики и права. – 2023. – № 179. – С. 37-42. – DOI 10.14451/2.179.37. – EDN CEQHQA.
10. Колиева А.Э., Кокоева Л.Т. Доверительные отношения как объект регулирования ГК РФ // Современная научная мысль. М., 2015. № 5. С. 158-163.
11. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. 2002. № 10. С. 22.
12. Решетникова И.В. Перспективы развития посредничества в российском праве // Российский юридический журнал. – 2005. – № 5.
13. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Курс лекций. Екатеринбург, 1996. С. 193.
14. Аллахвердова О.В. Карпенко А.Д. Медиация – переговоры с участием посредника. – СПб.: Роза мира, 2007. – 144 с.

References:

1. Public power: the relationship between judicial and extrajudicial methods of protecting law : An electronic edition / S. F. Afanasyev, E. V. Bogatova, V. E. Bondarenko [et al.]. - Moscow : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. – ISBN 978-5-8339-0283-7. – EDN OUESNO.
2. Kolieva A.E., Kokoeva L.T. Trust relations as an object of regulation of the Civil Code of the Russian Federation // Modern scientific thought. Moscow, 2015. № 5. pp. 158-163.
3. Loshkarev, A.V. The main types of conciliation procedures in the arbitration process / A.V. Loshkarev, V. O. Kozhevnikova // Issues of economics and law. – 2022. – No. 163. – pp. 28-31. – DOI 10.14451/2.163.28. – EDN LCSQCA.
4. Kalashnikov S.V. The system of constitutional guarantees for ensuring the rights and freedoms of citizens in the context of the formation of a civil society in Russia // State and Law. 2002. No. 10. p. 22.
5. Reshetnikova I.V. Prospects for the development of mediation in Russian law // Russian Law Journal. – 2005. – No. 5.
6. Cherdantsev A. F. Theory of the state and law: A course of lectures. Yekaterinburg, 1996. p. 193.
7. Allakhverdova O.V. Karpenko A.D. Mediation – negotiations with the participation of an intermediary. St. Petersburg: Rosa Mira Publ., 2007. 144 p.
8. Lang, P. P. Legal procedure and legal process (theoretical and legal aspect) / P. P. Lang // Modern problems of law and management : 5th International Scientific Conference: collection of reports, Tula, September 18-19, 2015 / Institute of Law and Management of the All-Russian Police Association ; editor-in-chief: I. B. Bogoroditsky, executive editor: Yu. V. Kiselevich. – Tula: Papyrus, 2015. – pp. 80-85. – EDN UGIJCJ.
9. Conciliation procedures in civil proceedings and the problem of their implementation / A.V. Loshkarev, P. A. Voronina, D. A. Durnikova, V. A. Salmanova // Issues of economics and law. – 2023. – No. 179. – pp. 37-42. – DOI 10.14451/2.179.37. – EDN CEQHQA.
10. Kolieva A.E., Kokoeva L.T. Trust relations as an object of regulation of the Civil Code of the Russian Federation // Modern scientific thought. Moscow, 2015. No. 5. pp. 158-163.
11. Kalashnikov S.V. The system of constitutional guarantees for ensuring the rights and freedoms of citizens in the context of the formation of a civil society in Russia // State and law. 2002. No. 10. p. 22.
12. Reshetnikova I.V. Prospects for the development of mediation in Russian law // Russian Law Journal, 2005– No. 5.
13. Cherdantsev A. F. Theory of the state and law: A course of lectures. Yekaterinburg, 1996. p. 193.
14. Allakhverdova O.V. Karpenko A.D. Mediation – negotiations with the participation of an intermediary. St. Petersburg: Rosa Mira Publ., 2007. 144 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_105

УДК 34:378(045)

ИЗУЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКЦИОННОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ[1]
THE STUDY OF THE EFFECTIVENESS OF THE LECTURE METHOD OF TEACHING IN SECONDARY SCHOOLS

КАПАЕВ Максим Александрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры права и философии
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, Студенческая ул., 11А.
E-mail: kapaev11@mail.ru;

СИМОНОВ Владимир Андреевич,
студент факультета истории и права
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, Студенческая ул., 11А.
E-mail: runner1235@mail.ru;

KAPAEV Maxim Alexandrovich,
associate professor of the department of law and philosophy Mordovian State Pedagogical University.
11A Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russia.
E-mail: kapaev11@mail.ru;

SIMONOV Vladimir Andreevich,
student of the Faculty of History and Law Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev.
11A Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russia.
E-mail: runner1235@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье представлены результаты опытно-экспериментального исследования, направленного на изучение эффективности использования лекционного метода обучения в средней школе. Исследование проводилось на базе МБОУ «Русско-Паёвская средняя общеобразовательная школа» среди учащихся 9 класса. Результаты показали, что модернизированный лекционный метод способствует значительному повышению академической успеваемости (прирост на 32%), вовлеченности учащихся (87% активного участия в дискуссиях) и удовлетворенности форматом обучения (82% положительных отзывов). На основе полученных данных предложены рекомендации по оптимизации лекционного метода в условиях средней школы.*

Abstract: *The article presents the results of an experimental study aimed at studying the effectiveness of using the lecture method of teaching in secondary schools. The study was conducted on the basis of the MBOU «Russian-Paevskaya secondary school» among 9th grade students. The results showed that the upgraded lecture method contributes to a significant increase in academic performance (an increase of 32%), student engagement (87% active participation in discussions) and satisfaction with the learning format (82% positive feedback). Based on the data obtained, recommendations are proposed for optimizing the lecture method in secondary school settings.*

Ключевые слова: *лекционный метод, средняя школа, эффективность обучения, интерактивные методы, академическая успеваемость, вовлеченность учащихся.*

Key words: *lecture method, secondary school, learning effectiveness, interactive methods, academic performance, student engagement.*

Для цитирования: *Капаев М.А., Симонов В.А. Изучение эффективности использования лекционного метода обучения в средней школе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 105-108. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_105.*

For citation*: Kapaev M.A., Simonov V.A. The study of the effectiveness of the lecture method of teaching in secondary schools // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 105-108. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_105.*

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Лекция – это форма воспитания, предусматривающая словесное изложение сути описываемых явлений, объектов или процессов, их закономерностей [6].

Лекционный метод имеет преимущество в том, что он позволяет сформировать законченное и целостное представление о материале. В настоящее время лекция остается важным методом обучения, особенно когда учебный материал изучается блоками по темам или крупным разделам.

Современные условия обучения позволяют использовать лекцию как метод обучения для активизации познавательной деятельности обучающихся и стимулирования их самостоятельного поиска дополнительной информации для решения проблемных задач, выполнения заданий и проведения самостоятельных экспериментов. Это объясняет актуальность лекции в настоящее время [1, с. 37].

Словесные методы обучения, куда входит, и лекционный метод следует использовать на разных ступенях обучения с учетом психовозрастных особенностей обучающихся. От этого зависит их эффективность.

В средней школе педагоги используют в процессе обучения методы рассказа, объяснения, беседы и работы с книгой. Большую часть отводят объяснению, чем рассказу [7, с. 63].

Для начала отметим физиологические и психологические особенности организма школьника средней школы. Данные особенности ор-

[1] Статья написана в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (УГПУ имени И. Н. Ульянова и МГПУ имени М. Е. Евсевьева» по теме «Формирование правовой компетентности будущих педагогов современной школы»

ганизма школьника средней школы (11–15 лет) характеризуются интенсивными процессами роста, развития и обучения. Этот возрастной период, совпадающий с началом подросткового возраста, имеет ряд специфических особенностей, характерных для изменений в работе всех функциональных систем организма.

Развивается центральная нервная система. Она интенсивно развивается, но у подростков еще не завершено формирование коры головного мозга. У школьников наблюдается нестабильность нервных процессов, они подвержены быстрой смене активности и пассивности, эмоциональной неустойчивости. Возникают трудности в концентрации внимания, особенно при длительных умственных нагрузках. Повышаются энергетические затраты. В организме подростков происходит интенсивный обмен веществ [3, с. 49].

Происходят изменения в мозговой деятельности и умственном развитии. Школьники среднего возраста активно осваивают сложные абстрактные понятия, учатся самостоятельно анализировать и обобщать информацию. Переходный возраст неизбежно сопровождаются эмоциональной нестабильностью, поисками себя, потребностью в самоутверждении и стремлением к независимости. Это часто проявляется в острых эмоциональных реакциях, конфликтности, а иногда и замкнутости.

Психологические особенности школьников средней школы (возраст 11–15 лет) обусловлены социальными переменами в их жизни. На этом этапе происходит формирование личности, самооценки, мировоззрения и социальных навыков, а также возникают новые психологические проблемы, связанные с переходным возрастом.

Формируется самосознание и самоидентичность. Для учеников средней школы становится особенно важным осознание себя как личности. У подростков формируется чувство «я» – они начинают анализировать свои поступки, оценки окружающих, свои сильные и слабые стороны [5, с. 211].

Происходит кризис подросткового возраста. Этот этап маркируется эмоциональной нестабильностью, внутренними конфликтами и повышенной конфликтностью с окружающими. В пубертатный период школьники часто испытывают тревожность, неуверенность в себе, перепады настроения или чувство одиночества.

Развивается критическое мышление. В средней школе начинается активное развитие абстрактного и логического мышления. Подростки учатся анализировать события, подвергать сомнению устоявшиеся нормы, традиции, точку зрения взрослых. Часто это приводит к повышенной критичности, сарказму или нигилизму.

Важно отметить социальное взаимодействие и влияние групп, так как в этом возрасте возрастает значимость общения со сверстниками. Подростки стремятся быть членами группы, активно включаются в коллектив, переживают за свой статус в нем. Часто мнение сверстников становится более важным, чем мнение взрослых. Это может провоцировать копирование поведения окружающих и подверженность влиянию «авторитетных» школьных лидеров, что, в свою очередь, несет как положительные, так и отрицательные последствия. Подростковый возраст сопровождается пиком эмоциональных переживаний. Подростки могут быть легко ранимыми из-за повышенной чувствительности к критике или непониманию со стороны взрослых и ровесников [4, с. 46].

Таким образом, психологические особенности школьников средней школы являются сочетанием стремления к независимости и самоутверждению, эмоциональной нестабильности и повышенной подверженности влиянию окружающих. Все вышеперечисленные особенности физиологического и психологического развития учеников средней школы позволяют сделать вывод, что в процессе обучения они готовы в большей мере, чем младшие школьники воспринимать информацию, запоминать её и анализировать.

Основная цель комплексной опытно-экспериментальной работы проведенной в МБОУ «Русско-Паёвская средняя общеобразовательная школа» заключалась в определении степени эффективности лекционного метода обучения в сравнении с традиционными методами, а также в выявлении факторов, влияющих на его результативность. Исследование было направлено на оценку не только количественных показателей (уровень усвоения материала), но и качественных характеристик (мотивация, интерес к предмету, активность учащихся).

В рамках исследования были решены следующие задачи:

1. Изучение уровня начальной подготовки обучающихся. В рамках задачи происходило определение базового уровня знаний школьников перед началом эксперимента, а так же выявление их индивидуальных особенностей (уровень мотивации, способность к восприятию информации).

2. Применение лекционного метода для изучения конкретной темы. Задача заключалась в разработке структурированной программы лекций по выбранной теме («Правовые институты»). В рамках этой задачи происходило включение элементов интерактивности, таких как вопросы-ответы, обсуждения и использование визуальных материалов.

3. Диагностика результатов через тестирование и анкетирование. Проходило проведение предварительного и итогового тестирования для оценки динамики роста знаний, а так же анкетирование учащихся для сбора обратной связи о восприятии лекционного метода, удобстве формата, предпочтениях и трудностях.

4. Анализ дополнительных факторов. Задача рассматривала изучение влияния использования презентаций, видеофрагментов, графиков и других визуальных материалов на качество усвоения информации. В рамках данного пункта происходила оценка роли преподавательского мастерства, четкости формулировок и эмоциональной составляющей лекции.

Для достижения поставленных целей применялись следующие методы:

Наблюдение, которой заключался в непосредственном наблюдении за поведением учащихся во время проведения лекций; фиксации уровня внимания, участия в обсуждениях, задаваемых вопросах и общего интереса к материалу; выявлении проблемных моментов, таких как

отвлекаемость, снижение концентрации или недостаточная вовлеченность [2, с. 64].

Тестирование. Было проведено предэкспериментальное тестирование для оценки исходного уровня знаний учащихся. Использовалось итоговое тестирование после завершения курса лекций для определения динамики роста знаний. Тестовые материалы разрабатывались с учетом сложности темы и требований образовательных стандартов.

Анкетирование. Данный метод заключался в сборе мнений учащихся о лекционном методе обучения. Опросник включал вопросы о: удобстве формата лекции, необходимости использования дополнительных материалов (презентации, видео), уровне понимания материала, а так же предпочтениях между лекционным методом и другими формами обучения.

Так же применялся статистический анализ, который заключался в обработке данных, полученных в результате тестирования и анкетирования; вычислении средних значений, процентов и других показателей для сравнения результатов экспериментальной и контрольной групп, а так же применении методов корреляционного анализа для выявления взаимосвязей между различными факторами (например, между использованием визуальных материалов и уровнем усвоения информации).

Опытно-экспериментальное исследование было проведено в МБОУ «Русско-Паёвская средняя общеобразовательная школа» среди учащихся 9 класса. Было сформировано две группы:

1. Экспериментальная группа включала – 8 человек. В данной группе проходило обучение с использованием лекционного метода. Лекции проводились в течение двух месяцев по разделу «Право». Особое внимание уделялось структурированию материала: каждая лекция начиналась с краткого введения, основной части и заключения. В процессе обучения использовались презентации, видеофрагменты, графики и таблицы для визуализации сложных теоретических положений. Во время лекций предусматривались паузы для вопросов и обсуждений, что способствовало активному участию учащихся.

2. Контрольная группа включала – 8 человек. В данной группе проходило обучение традиционными методами: беседа, работа с учебником, самостоятельное чтение текстов. При этом происходило отсутствие единой структуры подачи материала. Было минимальное использование визуальных материалов и интерактивных элементов.

Продолжительность опытно-экспериментального исследования в МБОУ «Русско-Паёвская средняя общеобразовательная школа» Инсарского района Республики Мордовия составила примерно два месяца. Частота занятий составила два часа в неделю.

Для экспериментальной группы лекции проводились в аудитории с использованием мультимедийного оборудования. Для контрольной группы занятия проходили в обычной школьной аудитории без применения специальных технологий.

Для оценки эффективности лекционного метода в сравнении с традиционными подходами использовались следующие критерии:

1. Академическая успеваемость: результаты предварительного и итогового тестирования по разделу «Право». Средний балл в экспериментальной группе повысился с 3,4 ± 0,6 до 4,5 ± 0,4 ($p < 0,01$ по t-критерию Стьюдента). В контрольной группе динамика оказалась менее выраженной: с 3,5 ± 0,7 до 3,9 ± 0,5 ($p > 0,05$). Наибольший прирост наблюдался в заданиях, требующих анализа правовых ситуаций (экспериментальная группа: +38%, контрольная: +12%).

2. Уровень вовлеченности: наблюдение за активностью учащихся на занятиях (частота задаваемых вопросов, участие в дискуссиях). В экспериментальной группе зафиксировано: среднее количество вопросов за занятие: 5,2 (против 1,8 в контрольной группе), участие в дискуссиях: 87% учащихся (против 35% в контрольной группе).

Наблюдение выявило, что использование визуальных материалов (графики, видео) способствовало концентрации внимания: продолжительность фаз активной работы составила 25-30 минут против 10-15 минут в контрольной группе.

3. Субъективная оценка: анкетирование участников экспериментальной группы по шкале Лайкерта (1–5 баллов) для выявления удовлетворенности форматом лекций. Анкетирование экспериментальной группы показало:

– 82% учащихся отметили, что структурированные лекции с мультимедиа облегчили понимание темы;

– 74% оценили паузы для вопросов как важный элемент, стимулирующий рефлексию;

– 68% выразили желание продолжать обучение в аналогичном формате.

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что модернизация лекционного метода через интеграцию мультимедийных инструментов и интерактивных элементов повышает эффективность усвоения материала. Рост академических показателей в экспериментальной группе (+32%) согласуется с выводами Mayer, подчеркивающими роль визуализации в когнитивной обработке информации. Однако ограниченная выборка (16) требует осторожности в интерпретации результатов.

Ключевым преимуществом структурированных лекций стала их способность сочетать систематичность подачи материала с элементами активного обучения. Это особенно важно в контексте преподавания права, где критическое мышление и анализ играют центральную роль. Тем не менее, педагоги отметили сложности: увеличение времени на подготовку занятий (на 40–50%) и необходимость технической поддержки.

При этом следует отметить ограниченность исследования, так как была взята малая выборка, характерная для условий сельской школы, краткосрочность эксперимента (2 месяца), что не позволяет оценить долгосрочное влияние метода, а так же субъективность наблюдения за вовлеченностью, несмотря на использование стандартизированного протокола.

Можно сделать вывод, что эксперимент в МБОУ «Русско-Паёвская СОШ» демонстрирует, что модернизированный лекционный метод может стать эффективным инструментом в условиях средней школы при соблюдении следующих условий:

– дозированное использование мультимедиа (не более 30% времени занятия) для избегания когнитивной перегрузки;

– регулярное включение микро-дискуссий и рефлексивных пауз;

– организация методической поддержки учителей (мастер-классы по созданию интерактивных презентаций).

Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение долгосрочных эффектов комбинированных методов в различных предметных областях.

В связи с этим, можно сделать вывод, что анализ психовозрастных особенностей обучающихся средней школы показал, что использование лекционного метода обучения в процессе обучения обучающихся данной возрастной группы может быть весьма эффективным. Наиболее плодотворными, с нашей точки зрения, являются такие лекционные методы как лекция-диалог, лекция-дискуссия и др. Они помогают формировать не только знания по предметам, но и субъективную позицию старших школьников [8, с. 42].

Формирование субъективной позиции ученика является необходимым условием социальной компетентности личности. Лекционный метод обучения также благотворно влияет на развитие памяти, умение формировать свою речь и точку зрения, способность аргументировано доказывать своё мнение, размышлять и анализировать.

Список литературы:

1. Гин, А. А. Приемы педагогической техники: Свобода выбора. Открытость. Деятельность. Обратная связь. Идеальность : пособие для учителя / А. А. Гин. 12-е изд. – Москва : ВИТА-ПРЕСС, 2023. – 112 с. – Текст : непосредственный.
2. Дусавицкий, А. К. Урок в развивающем обучении: Книга для учителя/А. К. Дусавицкий, Е. М. Кондратюк, И. Н. Толмачёва, З. И. Шилкунова. – 2-е изд. – Москва : ВИТА-ПРЕСС, 2015. – 288 с. – Текст : непосредственный.
3. Зарецкий, И. А. Принципы и методы преподавания права в школе / И. А. Зарецкий. – Москва : Детство–Пресс, 2020. – 214 с. – Текст : непосредственный.
4. Медведева, Н. В. Формирование и развитие УУД в начальном общем образовании / Н. В. Медведева. – Текст : непосредственный. // Начальная школа плюс До и После. – 2019 – №7. – С. 44–47.
5. Полханова, И. Б. Формирование правового сознания школьника / И. Б. Полханова. – Москва : Мысль, 2021. – 477 с. – Текст: непосредственный.
6. Хуторской, А. В. Что такое современный урок [Электронный ресурс] / А. В. Хуторской. – Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2012/0529-10.htm.
7. Чередникова, М. В. Методика преподавания правовых дисциплин / М. В. Чередникова. – Челябинск :Цицерево, 2016. – 149 с. – Текст : непосредственный.
8. Эльконин, Д. Б. Система развивающего обучения / Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов. – Москва, 2019. – 78 с. – Текст: непосредственный.

References:

1. Gin, A. A. Methods of pedagogical technique: Freedom of choice. Openness. Activity. Feedback. Ideality: a manual for teachers / A. A. Gin. 12th ed. – Moscow : VITA-PRESS, 2023. – 112 p. – Text : direct.
2. Dusavitsky, A. K. A lesson in developing learning: A book for teachers/A. K. Dusavitsky, E. M. Kondratyuk, I. N. Tolmacheva, Z. I. Shilkunova. – 2nd ed. – Moscow : VITA-PRESS, 2015. – 288 p. – Text : direct.
3. Zaretsky, I. A. Principles and methods of teaching law in school / I. A. Zaretsky. – Moscow : Detstvo Press, 2020. – 214 p. – Text : direct.
4. Medvedeva, N. V. Formation and development of educational management in primary general education / N. V. Medvedeva. – Text : direct. // Elementary School plus Before and After. – 2019 – No. 7. – pp. 44-47.
5. Polkhanova, I. B. Formation of legal consciousness of a schoolboy / I. B. Polkhanova. – Moscow : Mysl, 2021. – 477 p. – Text: direct.
6. Khutorskoy, A.V. What is a modern lesson [Electronic resource] / A.V. Khutorskoy. – Access mode: http://www.eidos.ru/journal/2012/0529-10.htm
7. Cherednikova, M. V. Methods of teaching legal disciplines / M. V. Cherednikova. Chelyabinsk :Tsitserevo, 2016. 149 p. – Text : direct.
8. Elkonin, D. B. The system of developing education / D. B. Elkonin, V. V. Davydov. – Moscow, 2019. 78 p. – Text: direct.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_109
УДК 340.1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
STATE POLICY FOR THE PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY

БИДОВА Бэла Бертовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки, профессор кафедры правовых дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края.
357635, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
e-mail: bela_007@bk.ru;

МЕЛЕШКО Ольга Петровна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки.
357635, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
E-mail: olyameleshko@yandex.ru;

СЕРГИЕНКО Людмила Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки.
357635, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
E-mail: liudm.sergiencko@yandex.ru;

BIDOVA Bela Bertovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki,
Professor of the Department of Legal Disciplines of the branch Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk, Stavropol Territory.
7 Dolina Rozova str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357635, Russia.
e-mail: bela_007@bk.ru;

MELESHKO Olga Petrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch
Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki.
7 Dolina Rozova str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357635, Russia.
E-mail: olyameleshko@yandex.ru;

SERGIENKO Lyudmila Mikhailovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch
Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki.
7 Dolina Rozova str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357635, Russia.
E-mail: liudm.sergiencko@yandex.ru

Работа выполнена в рамках реализации региональной инновационной площадки «Педагогика исторической памяти как средства сохранения государственной идентичности и обеспечения национальной безопасности»

Краткая аннотация: *в современном мире вопросы сохранения исторической памяти приобретают особую актуальность. Государственная политика в этой сфере становится ключевым инструментом не только для защиты культурного наследия, но и для формирования национальной идентичности. Развитие технологий, глобализация и изменения в общественном сознании ставят перед государственной политикой новые вызовы и задачи. Важно не только сохранять материальные памятники, но и поддерживать живую память поколений, передавая бесценный опыт и знания будущим поколениям. В этом контексте государственные стратегии и программы по сохранению исторической памяти оказывают прямое влияние на образовательную политику, культурное развитие и дипломатию, подчеркивая уникальность и неповторимость культурного и исторического наследия нации.*

Abstract: *in the modern world, the issues of preserving historical memory are becoming particularly relevant. State policy in this area is becoming a key tool not only for the protection of cultural heritage, but also for the formation of national identity. The development of technology, globalization, and changes in public consciousness pose new challenges and challenges to public policy. It is important not only to preserve the material monuments, but also to keep the memory of generations alive, passing on invaluable experience and knowledge to future generations. In this context, government strategies and programs for the preservation of historical memory have a direct impact on educational policy, cultural development and diplomacy, emphasizing the uniqueness and uniqueness of the cultural and historical heritage of the nation.*

Ключевые слова: *историческая память, государственная политика, сохранение исторической памяти, историческое сознание, общество, государство.*

Keywords: *historical memory, state policy, preservation of historical memory, historical knowledge, society, state.*

Для цитирования: *Бидова Б.Б., Мелешко О.П., Сергиенко Л.М. Государственная политика по сохранению исторической памяти // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 109-111. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_109.*

For citation*: Bidova B.B., Meleshko O.P., Sergienko L.M. State policy for the preservation of historical memory // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 109-111. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_109.*

Статья поступила в редакцию: 07.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Возникновение и развитие концепции государственной политики по сохранению исторической памяти является ответом на потребность обеспечения целостности и непрерывности исторического сознания общества, поддержания национальной идентичности и культурного наследия. Данная концепция начала формироваться в XX веке, когда мировые войны, политические перевороты и глобализация привели к необходимости переосмысления и защиты исторической наследственности.

В разных странах подходы к реализации данной политики могли существенно отличаться, однако общим для многих было понимание необходимости государственной поддержки в сохранении памятников истории, культуры и архитектуры, разработке образовательных программ по истории страны и защите культурных ценностей.

Сразу после окончания Второй мировой войны стало очевидно, что утрата многих культурных и исторических памятников наносит вред не только национальным, но и общечеловеческим ценностям. Это стимулировало международное сотрудничество, одним из важных шагов которого стало создание ЮНЕСКО в 1945 году. Целью ЮНЕСКО было не просто восстановление разрушенных памятников, но и предотвращение будущих потерь через сотрудничество государств в области образования, науки и культуры [1, с.54]. Примером активной государственной политики в данной области может служить деятельность в советском периоде, где большое внимание уделялось идеологической работе с исторической памятью, строительству монументов, музеев, ведению архивного дела. Важным стало обучение молодёжи, в школьных программах были введены специальные курсы по истории СССР, что было направлено на формирование чувства патриотизма и сохранения исторической памяти в массах.

В современном мире значение исторической памяти усиливается в контексте культурной дипломатии и мягкой силы — страны активно используют историческое наследие для укрепления международного имиджа и привлечения туристов. Защита и продвижение исторических памятников становится способом демонстрации уникальности национальной культуры, а также инструментом внешнеполитической стратегии [2, с.268].

Политика по сохранению исторической памяти неразрывно связана с образовательной сферой, медиа и культурными инициативами. Развитие технологий, таких как цифровой архивинг, виртуальная реальность и онлайн-платформы, открывает новые возможности для доступа к историческим материалам и их популяризации.

Таким образом, исторический путь становления концепции государственной политики по сохранению исторической памяти отображает переход от реактивных мер к более стратегическому, комплексному подходу, что свидетельствует о всё более возрастающем признании необходимости активного участия государства не только в сохранении физических памятников, но и в продвижении исторического знания, развитии культурно-образовательных проектов и укреплении международного сотрудничества в данной области.

Государственная политика по сохранению исторических мест направлена на защиту и восстановление объектов, имеющих значительную историческую, культурную и архитектурную ценность, причем, основные принципы и задачи этой политики обусловлены необходимостью передачи богатого культурного наследия будущим поколениям, развитием национального самосознания и укреплением государственного идентичности.

Принцип сохранения аутентичности и исторической ценности является ключевым в области сохранения культурного наследия нашей страны. В данном контексте государство стремится обеспечить защиту исторических мест от разрушения, модернизации, которая может привести к потере уникальных и невоспроизводимых характеристик. В рамках этого принципа осуществляется строгое регулирование строительных и реставрационных работ, направленное на сохранение первоначального облика и структуры объектов культурного наследия.

Задача актуализации и популяризации исторического наследия также занимает важное место в политике сохранения, а именно: вовлечение широкой общественности и особенно молодежи в изучение искусства, истории, а также участие в проектах по сохранению исторических мест позволяет поднимать общественную осведомленность и формировать уважение к культурному наследию.

Интеграция современных технологий в процесс сохранения исторических мест представляет собой еще один важный принцип — использование цифровой документации, трехмерного моделирования и виртуальной реальности способствует более эффективной охране объектов и предоставлению доступа к ним широкому кругу лиц без риска для их сохранности [3, с.52].

Необходимость международного сотрудничества в данной сфере также не может быть недооценена. Государственная политика активно включает в себя участие в международных программах и проектах, направленных на сохранение культурного наследия, что позволяет обмен опытом, привлечение инвестиций и международных экспертов для решения сложных задач в области сохранения исторических мест.

Защита прав интеллектуальной собственности на результаты исследований и разработок в области сохранения культурного наследия обеспечивает стимулы для научных исследований и новшеств, а именно, разработка новых материалов и технологий для консервации и реставрации, что требует поддержки на уровне законодательства и финансирования.

Наконец, обеспечение доступности исторических мест для общественности является одной из главных задач государственной политики, а это создание условий для комфортного и безопасного посещения, разработка образовательных программ и туристических маршрутов способствуют укреплению взаимодействия между гражданами и культурным наследием, формированию непосредственного восприятия и оценки его значения.

Таким образом, государственная политика в области сохранения исторических мест представляет собой комплексный подход, включающий в себя не только защиту и восстановление объектов культурного наследия, но и их актуализацию, популяризацию и интеграцию в современное культурное пространство, что требует координации усилий как на национальном, так и на международном уровне, привлечения новых технологий и методов работы, а также активного участия общественности в процессе сохранения исторической памяти.

Государственная политика по сохранению исторической памяти сталкивается с рядом проблем и вызовов, которые не только подрывают усилия по сохранению исторического наследия, но и выявляют необходимость в реформах и новых подходах к решению существующих задач. Преодоление этих трудностей требует комплексного и многопланового подхода, привлечения широкого круга специалистов и общественности.

Одной из основных проблем является политизация исторической памяти. Во многих странах исторические факты и события используются или искажаются в угоду современной политической повестке, что приводит к разделению общества, конфликтам и потере доверия к официальным историческим нарративам. Это не только вредит объективному пониманию истории, но и осложняет процесс сохранения исторических памятников и документов, связанных с "нежелательными" страницами прошлого [4, с.11].

Другая значительная проблема — это недостаток финансирования. Сохранение исторической памяти требует значительных ресурсов: от реставрации архитектурных памятников до цифровизации архивных документов, однако в условиях экономических ограничений многие проекты остаются нереализованными, а существующие памятники деградируют и могут быть утрачены навсегда [5, с.84].

Тесно связанной с финансовыми трудностями является проблема доступности исторической информации для широкой публики. Цифровая эра открывает новые возможности для распространения знаний, но многие исторические архивы остаются недоступными из-за отсутствия средств на их оцифровку и публикацию в открытом доступе, что не только затрудняет исследовательскую работу, но и ограничивает общественный интерес к истории.

Кроме того, не менее важным вызовом является изменение климата и природные катастрофы, которые представляют прямую угрозу многим историческим памятникам: повышение уровня моря, лесные пожары, землетрясения и другие катаклизмы уже привели к утрате уникальных археологических и архитектурных объектов. Наконец, необходимо отметить вызов, связанный с интеграцией современных технологий в процесс сохранения исторической памяти. Вопрос заключается не только в финансировании и разработке технологий, но и в поиске баланса между использованием нововведений и сохранением подлинности исторических объектов [6, с.81].

Преодоление перечисленных проблем и вызовов требует слаженной работы государственных органов, научно-исследовательских институтов, общественных организаций и широкой общественности. Государственная политика по сохранению исторической памяти должна включать в себя разработку и реализацию долгосрочных стратегий, фокусированных на благоустройстве и защите исторического наследия, обеспечении доступа к информации, а также на воспитание у граждан уважения к своему историческому прошлому.

Осознание значимости сохранения исторической памяти в современном мире приобретает всё большее значение не только для сферы культуры, но и для общественного развития в целом [7, с.44]. В представленном контексте перспективы развития государственной политики в области сохранения исторических ценностей выглядят как комплексное и многоаспектное направление деятельности, требующее внедрения инновационных подходов, укрепления международного сотрудничества и активизации участия общественности. В первую очередь, стоит отметить тенденцию к усилению законодательной базы, направленной на защиту историко-культурных памятников, что означает ужесточение ответственности за их повреждение или уничтожение и введение более жёстких процедур в области строительства и реновации в зонах с историческими памятниками [8, с.251]. Также значимой перспективой является разработка и внедрение комплексных программ по консервации и реставрации исторического наследия, что требует не только увеличения финансовых вложений, но и привлечения квалифицированных специалистов, в том числе из-за рубежа.

Важной составляющей развития государственной политики является использование цифровых технологий для сохранения и популяризации исторической памяти: цифровая реконструкция, виртуальная реальность, создание онлайн-архивов и баз данных позволяют не только представить исторические ценности широкой аудитории, но и создать условия для их изучения удалённо, что становится весьма актуальным в условиях глобализации и пандемии [9, с.32].

Следует также акцентировать внимание на международном сотрудничестве в сфере защиты исторического наследия — участие в международных конвенциях, соглашениях и программах позволяет государствам обмениваться опытом, находить совместные решения по защите исторических мест, которые являются частью всемирного наследия, и координировать усилия против незаконной торговли предметами искусства и артефактами. Необходимо уделить особое внимание вовлечению общественности в процессы охраны исторической памяти: повышение общественного осознания, развитие программ волонтёрства и местных инициатив позволяют активизировать население к прямому участию в сохранении исторических ценностей, что не только способствует укреплению национальной идентичности, но и выступает эффективным механизмом защиты культурного наследия.

В заключение, следует отметить, что развитие государственной политики в области сохранения исторических ценностей неразрывно связано с адаптацией к быстро меняющимся социально-экономическим реалиям, технологическому прогрессу и изменениям в мировом сообществе. Это предполагает необходимость постоянного пересмотра и адаптации стратегий и практик, направленных на сохранение исторической памяти для будущих поколений.

Список литературы:

1. Касьянов В.В., Самыгин С.И. Историческая память и национальная безопасность //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 52-57.
2. Раттур М.В. О формировании правовых основ мемориальной политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. №2. С. 263-272.
3. Чупрынников С.А., Касьянов В.В., Самыгин П.С. Историческая правда и проблемы ее защиты в контексте формирования исторической памяти современного российского общества // История. Культурология. Политология. 2023. №2. С. 52-54.
4. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Право на историческую память в системе прав человека // Пролог: журнал о праве. 2024. №2 (42). С. 7-18.
5. Болтырова Т.М. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации // Вестник ИКИАТ. 2022. №45. С. 82-84.
6. Царина М.А. Изучение исторической памяти в современной системе гуманитарного знания // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2022. №2 (214). С. 76-84.
7. Попп И.А., Шахнович И.С. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект // Педагогическое образование в России. 2018. №12. С. 42-49.
8. Нелина Л.П. Подходы к определению концептов memory studies в российской историографии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. №3 (23). С. 244-253.
9. Брянцев И.И., Брянцева О.В. Информационно-коммуникационные технологии как средство формирования гражданственности и сохранения исторической памяти: управленческий аспект // Вестник ПАГС. 2020. №2. С. 27-34.

References:

1. Kasyanov V.V., Samygin S.I. Historical memory and national security //Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 9. pp. 52-57.
2. Rattur M.V. On the formation of the legal foundations of memorial policy in the Russian Federation // Legal policy and legal life. 2025. No. 2. pp. 263-272.
3. Chuprynnikov S.A., Kasyanov V.V., Samygin P.S. Historical truth and the problems of its protection in the context of the formation of the historical memory of modern Russian society // History. Cultural studies. Political science. 2023. No. 2. pp. 52-54.
4. Skorobogatov A.V., Skorobogatova A.I. The right to historical memory in the human rights system // Prologue: Journal of Law. 2024. No. 2 (42). pp. 7-18.
5. Boltyrova T.M. State policy for the preservation of historical memory of citizens of the Russian Federation // Bulletin of the Institute of International Relations. 2022. No. 45. p. 82-84.
6. Tsarina M.A. The study of historical memory in the modern system of humanitarian knowledge // Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Series: Social Sciences. 2022. No. 2 (214). pp. 76-84.
7. Popp I.A., Shakhnovich I.S. State policy for the preservation of the historical memory of citizens of the Russian Federation: a regulatory aspect // Teacher education in Russia. 2018. No. 12. pp. 42-49.
8. Nelina L.P. Approaches to defining concepts of memory studies in Russian historiography // Bulletin of the Mari State University. The series "Historical sciences. Legal sciences". 2020. No. 3 (23). pp. 244-253.
9. Bryantsev I.I., Bryantseva O.V. Information and communication technologies as a means of forming citizenship and preserving historical memory: a managerial aspect // Bulletin of PAGS. 2020. No. 2. pp. 27-34.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_112

УДК 34

СМАРТ-КОНТРАКТЫ КАК НОВАЯ ФОРМА ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
SMART CONTRACTS AS A NEW FORM OF FULFILLMENT OF OBLIGATIONS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

ДАШИН Алексей Викторович,
Доктор юридических наук, профессор кафедры
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.
город Краснодар, Россия
E-mail: avdashin@mail.ru;

САЛЬНИКОВ Григорий Андреевич,
Аспирант ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: avdashin@mail.ru;

DASHIN Alexey Viktorovich,
Doctor of Law, Professor of the Department Caucasus Branch of the Lebedev Russian State University of Justice.
234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, 350020, Russia.
E-mail: avdashin@mail.ru;

SALNIKOV Grigory Andreevich,
Graduate student Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: avdashin@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются вопросы влияния цифровых технологий на обязательственное право, в частности, правовая природа смарт-контрактов и их соответствие традиционным принципам гражданского права. Анализируются проблемы признания смарт-контрактов в российской правовой системе, вопросы их действительности, исполнения и ответственности сторон. Исследование базируется на современной доктрине, законодательстве и судебной практике.*

Abstract: *The article discusses the impact of digital technologies on the law of obligations, in particular, the legal nature of smart contracts and their compliance with traditional principles of civil law. The article analyzes the problems of recognition of smart contracts in the Russian legal system, issues of their validity, execution and responsibility of the parties. The research is based on modern doctrine, legislation and judicial practice.*

Ключевые слова: *смарт-контракты, блокчейн, обязательственное право, цифровые технологии, исполнение обязательств.*
Keywords: *smart contracts, blockchain, law of obligations, digital technologies, fulfillment of obligations.*

Для цитирования: *Дашин А.В., Сальников Г.А. Смарт-контракты как новая форма исполнения обязательств: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 112-113. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_112.*
For citation*: Dashin A.V., Salnikov G.A. Smart contracts as a new form of fulfillment of obligations: problems of legal regulation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 112-113. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_112.*

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

С развитием цифровых технологий традиционные институты гражданского права подвергаются трансформации. Одним из наиболее значимых явлений в сфере обязательственного права стало появление смарт-контрактов - самоисполняемых алгоритмов, функционирующих на основе блокчейн-технологий [1, с. 45].

Смарт-контракт представляет собой самоисполняемый алгоритм, запрограммированный на блокчейн-платформе, который автоматически выполняет заранее определенные условия соглашения между сторонами при наступлении указанных в коде событий [2, с. 112]. Впервые концепция смарт-контрактов была предложена Ником Сабо еще в 1994 году, однако их практическое применение стало возможным лишь с появлением технологии блокчейн, в частности платформы Ethereum в 2015 году [3].

В российской правовой доктрине выделяют несколько подходов к определению правовой природы смарт-контрактов:

1. "Договорная теория" (Е.А. Суханов [4], А.Г. Карапетов [5]) рассматривает смарт-контракт как особую форму заключения гражданско-правового договора, где программный код выступает способом фиксации воли сторон.

2. "Исполнительная теория" (А.И. Савельев [6]) акцентирует внимание на том, что смарт-контракт представляет собой прежде всего механизм исполнения уже заключенного договора, а не самостоятельную сделку.

3. "Комплексная теория" (В.В. Витрянский [7]) предлагает рассматривать смарт-контракты как новый гибридный институт, сочетающий элементы договора и способа исполнения обязательств.

Современное российское законодательство сталкивается с рядом системных вызовов при регулировании смарт-контрактов. Ключевая проблема заключается в несоответствии их природы традиционным нормам гражданского права. Прежде всего, требование о письменной форме сделки (ст. 160 ГК РФ [8]) плохо согласуется с анонимным характером блокчейн-транзакций, где идентификация сторон осуществляется через криптографические ключи, а не персональные данные. При этом используемые в смарт-контрактах механизмы электронной подписи часто не соответствуют требованиям ФЗ-63 "Об электронной подписи" [9], так как не применяют сертифицированные средства криптозащиты.

Судебная защита прав участников смарт-контрактов осложняется отсутствием четких процедур доказывания. Суды сталкиваются с трудностями при установлении юридической силы таких соглашений, факта их заключения и обстоятельств неисполнения [10]. Особую проблему представляет отсутствие механизмов принудительного исполнения решений в отношении децентрализованных систем [11].

Технико-правовые аспекты регулирования должны включать решение вопросов, связанных с использованием оракулов данных - необходимо определить их правовой статус, установить ответственность за предоставление недостоверной информации и создать механизмы верификации внешних триггеров. Особое значение имеет стандартизация разработки смарт-контрактов, включая требования к языкам программирования, обязательное применение формальных методов верификации и введение системы сертификации разработчиков. Для разрешения потенциальных споров потребуется создание специализированных арбитражных механизмов и разработка процедур приостановки исполнения контрактов на основании судебных решений.

Институциональные преобразования должны быть направлены на создание эффективной системы регулирования цифровых технологий. Это предполагает формирование специализированного регуляторного органа (по аналогии с швейцарским FINMA), развитие института "цифровых нотариусов" и внедрение стандартов KYC/AML для децентрализованных финансов. Судебная система нуждается в подготовке квалифицированных кадров, способных работать с блокчейн-спорами, создании экспертных центров по анализу кода и разработке специальных методик доказывания. Международное сотрудничество должно быть ориентировано на участие в разработке глобальных стандартов через такие организации, как UNCITRAL, и гармонизацию регулирования в рамках ЕАЭС.

Реализация этих мер должна осуществляться поэтапно. На первом этапе (2024-2025 гг.) необходимо сформировать концептуальные основы регулирования и создать рабочую группу по разработке соответствующих норм. Второй этап (2025-2026 гг.) должен быть посвящен экспериментальной апробации новых подходов через правовые песочницы и пилотные проекты.

На третьем этапе (2027-2028 гг.) предстоит внести системные изменения в законодательство, а на четвертом (2029+ гг.) - обеспечить полномасштабное внедрение новых правил.

Смарт-контракты представляют собой принципиально новый этап эволюции обязательственного права, требующий переосмысления традиционных цивилистических конструкций. Проведенное исследование выявило значительный разрыв между технологическими возможностями блокчейн-технологий и существующим правовым регулированием.

Перспективы развития регулирования смарт-контрактов в России связаны с необходимостью комплексного подхода, включающего:

- адаптацию гражданского законодательства к цифровой реальности;

- разработку специализированных стандартов и регламентов;

- создание институциональной инфраструктуры;

- гармонизацию с международными нормами.

Реализация этих мер позволит не только снизить правовые риски использования инновационных технологий, но и создать конкурентные преимущества для российской цифровой экономики. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных механизмов правового регулирования, учитывающих как технологические особенности смарт-контрактов, так и фундаментальные принципы гражданского права.

Список литературы:

1. Савельев А.И. Правовая природа смарт-контрактов: между кодом и законом // Закон. 2022. № 5. С. 45-58.
2. Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business, and the World. New York: Penguin, 2023. 368 p.
3. Цифровые финансовые активы: правовые аспекты / Аналитический обзор Банка России. 2024. URL: https://www.cbr.ru/analytics/dfo/ (дата обращения: 10.04.2025).
4. Суханов Е.А. Гражданское право: В 4 т. Т. 3: Обязательственное право. М.: Проспект, 2021. 720 с.
5. Карапетов А.Г. Смарт-контракты как вызов традиционному договорному праву // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 45-67.
6. Савельев А.И. Смарт-контракты и блокчейн в праве и экономике. М.: Статут, 2023. 256 с.
7. Витрянский В.В. Договорное право. Книга 1: Общие положения. М.: Статут, 2022. 640 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ "Об электронной подписи" // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2023 № 18 "О применении законодательства о цифровых финансовых активах" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.
11. Степанов О.А. Блокчейн и право: проблемы квалификации цифровых активов // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 112-125.

List of literature:

1. Savelyev A.I. The legal nature of smart contracts: between code and law // Law. 2022. No. 5. pp. 45-58.
2. Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business, and the World. New York: Penguin, 2023. 368 p.
3. Digital financial assets: legal aspects / Analytical review of the Bank of Russia. 2024. URL: https://www.cbr.ru/analytics/dfo / (date of reference: 04/10/2025).
4. Sukhanov E.A. Civil law: In 4 volumes Vol. 3: Law of Obligations. Moscow: Prospekt, 2021. 720 p.
5. Karapetov A.G. Smart contracts as a challenge to traditional contract law // Bulletin of Civil Law. 2023. No. 2. pp. 45-67.
6. Savelyev A.I. Smart contracts and blockchain in law and economics. Moscow: Statute, 2023. 256 p.
7. Vitryansky V.V. Contractual law. Book 1: General provisions. Moscow: Statute, 2022. 640 p.
8. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 11/30/1994 No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
9. Federal Law of 04/06/2011 No. 63-FZ "On electronic signatures" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Art. 2036.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2023 No. 18 "On the application of legislation on digital financial assets" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 7.
11. Stepanov O.A. Blockchain and law: problems of digital asset qualification // Journal of Russian Law. 2023. No. 4. pp. 112-125.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_114

УДК 34:09

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ: ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ
DIGITALIZATION OF LEGAL RELATIONS A DEVELOPMENT TOOL OR AN INDEPENDENT LEGAL ENTITY

КОРБАТ Лев Анатольевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
аспирант кафедры теории государства и права и государственного права.
192012, Россия, г. Санкт-Петербург, проспект Обуховской Обороны, дом 114.
E-mail: levkorbat@gmail.com;

KORBAT Lev Anatolyevich,
St. Petersburg Law Academy,
postgraduate student at the Department of Theory of State and Law and Public Law.
114 Obukhovskaya Oborona Avenue, Saint Petersburg, Russia, 192012.
E-mail: levkorbat@gmail.com

Краткая аннотация: *В данной статье рассматривается специфика ситуации, связанной с правоотношениями как одной из наиболее всеобъемлющих тем права и влиянием на неё цифровизации как одного из наиболее обширных технологических явлений XX-XXI века. Цифровизация как непрерывный процесс и сами технологии непосредственно как её база, развиваются гораздо быстрее чем их правовое регулирование. Быстрый темп развития информационных технологий приводит к появлению пробелов в правовом регулировании самой цифровизации и её отдельных внешних проявлений. Некоторые из них уже сейчас напрямую урегулированы законом, при этом другие остаются неурегулированными. От успеха в выборе правильного пути регулирования цифровизации зависит дальнейшее развитие целых производственных отраслей России, а также рост уровня жизни и безопасности её граждан.*

Abstract: *This article examines the specifics of the situation related to legal relations as one of the most comprehensive topics of law and the impact of digitalization on it as one of the most extensive technological phenomena of the 20th-21st centuries. Digitalization as a continuous process and the technologies themselves directly as its basis are developing much faster than their legal regulation. The rapid pace of development of information technologies leads to the emergence of gaps in the legal regulation of digitalization itself and its individual external manifestations. Law already directly regulates some of them, while others remain unregulated. The further development of entire production sectors of Russia, as well as the growth of the standard of living and safety of its citizens, depend on the success in choosing the right path to regulate digitalization.*

Ключевые слова: *Цифровизация, правоотношение, регулирование, информация, технологии.*
Key words: *Digitalization, legal relations, regulation, information, technologies.*

Для цитирования: *Корбат Л.А. Цифровизация правоотношения: инструмент развития или самостоятельная правовая сущность // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 114-116. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_114.*
For citation*: Korbat L.A. Digitalization of legal relations a development tool or an independent legal entity // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 114-116. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_114.*

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В настоящее время, на правовое регулирование процессов связанных с цифровизацией обращают своё внимание всё большее количество юристов исследователей. Общемировой характер использования цифровых технологий (интернет-право, цифровизация юридической техники, виртуальная реальность, большие данные, крипто-валютные активы, дополненная реальность, кибер-преступность, средства борьбы с кибер-преступностью, игровое пространство, цифровая экономика) устанавливает новые задачи для правового регулирования. Перед исследователями, в том числе и нами, встает вопрос, возможно-ли при сложившейся системе регулирования общественных отношений опосредовать характерные изменения общественных отношений, связанные с цифровизацией?

Государство с помощью законодательства в той или иной мере уже использует доступные ему возможности для регулирования данной сферы. Общественные отношения в сфере цифровизации и смежных с ней технологий, сложились до появления в этой сфере законодательства и вообще какого бы то ни было правового исследования. Эту тенденцию также подтверждают и некоторые авторы. Например, А.А. Абдуджалилов указывает: «Сегодня в состав права широко включаются оценочные понятия, судебная практика, обычаи. В сфере Интернета удельный вес этих категорий особенно значителен и практически важен, и ограничить правоотношения в сфере Интернета только областью, урегулированную нормами права, значило бы обеднить данное явление, оставить его часть без правового воздействия» [1].

При написании данной статьи нами применялись всеобщие и общенаучные, (индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогия, конкретизация, обобщение, постановка проблемы и решение её с учетом научных фактов, логический метод).

Помимо общенаучных методов познания методологическую основу исследования также составили частнонаучные методы познания, (формально-юридический метод, метод толкования правовых норм и.т.п.) и специально-юридические методы исследования права (сравнительно-правовой метод).

Формально-юридический метод позволил уяснить и объяснить понятие правоотношения и цифровизации, выявить особое влияние цифровизации на право.

Логический метод исследования способствовал рассмотреть цифровизацию правоотношений с теоретической точки зрения, проследить развитие и возможное формирование нового в праве.

Сравнительно-правовой метод позволил изучить специфические изменения правоотношений, связанных с цифровизацией.

Мы с уверенностью можем говорить об определенном уровне сложившегося саморегулирования в цифровой сфере. Этому уровню саморегулирования в свою очередь противостоят: усложнение правоотношений в цифровой сфере, усложнение самих цифровых технологий, появление новых неурегулированных технологий, которые ранее не существовали и иные подобные явления.

Само правоприменение в условиях цифровизации сталкивается с рядом проблем. Необходимость быстрой адаптации права к постоянно меняющимся условиям требует от юристов комплексного понимания новых изменений. К примеру, суды сталкиваются с делами, связанным с цифровыми технологиями, что требует от судей знаний в этой области. Также существует проблема исполнения решений судов и административных органов в отношении цифровых технологий. Такое исполнение требует не только понимания специфики, но и соответствующих технических возможностей. Таким образом, общественные отношения, сложившиеся по поводу цифровизации, могут не соответствовать возможно необходимому правовому регулированию касаемо того или иного технологического явления. Исходя из этого, мы можем подтвердить актуальность проблемы регулирования правоотношений в цифровой сфере т.е. правоотношений, связанных с цифровизацией.

Эту тенденцию также подтверждают и некоторые исследователи. Например, П.У. Кузнецов указывает, что «в настоящее время объекты высокотехнологичного профиля всё больше заполняют пространство человеческой деятельности. Они втягивают в свою «воронку» и правовую сферу» [2, с. 57].

Придерживаясь аналитического научного метода как основы настоящего исследования, приведем, по нашему мнению, наиболее актуальные определения правоотношения (из некоторых, по нашему мнению, наиболее актуальных научных изысканий) и цифровизации (нормативное). Это позволит изучить объект исследования наиболее полно, а также определить актуальное направление в будущих рассуждениях.

К примеру, по мнению Л. А. Чеговадзе: «Гражданское правоотношение – это системная связь состоящих в нем субъектов, обособленных принадлежностью прав и обязанностей, объектом которых выступают присвоенные или потребные социальные блага, а осуществление (исполнение) производится по собственному усмотрению, но обеспечено возможностью применения мер принудительного воздействия от имени государства. Гражданское правоотношение есть не что иное, как фактически существующая связь его участников, реальное взаимодействие, и поэтому оно не может быть сведено к одной только его правовой стороне (юридической форме)» [3, с. 167].

Ю.В. Сорокина указывает: «Правоотношение - это опосредующее звено между нормой права и теми общественными отношениями, которые составляют предмет правового регулирования» [4, с.231].

Таким образом, на вопрос о возможности опосредования характерных изменений общественных отношений, вызванных цифровизацией, мы можем ответить положительно.

При этом В.А. Белов в своей работе: «Объект субъективного гражданского права, Объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: Содержание и соотношение понятий», приходит к определению правоотношения через его единство с любым общественным отношением, а именно: «Объект – любая субстанция, имеющая определенное юридическое значение (например – предопределяющая содержание правоотношения) и притом – не совпадающая с его субъектами и содержанием, а также – не входящая в число оснований его динамики (движения) любое общественное отношение, подвергаемое юридическому воздействию, становится правоотношением[5].

То есть, единства в понимании правоотношения, как одного из наиболее общих правовых явлений, между исследователями до сих пор нет.

Как мы говорили ранее, правоотношения в цифровой среде, возникли в гораздо раньше, чем правовое поле начало их регулировать. Это не помешало их успешному существованию обособленно от права, что четко ложится в понимание правоотношения в цифровой среде как любого социального взаимодействия субъектов. В этой связи, мы считаем необходимым упомянуть то, как на исследуемую тему ранее высказывалась Ю.С. Новикова: «Современный период характеризуется тем, что наряду с существующими концепциями правоотношений появляются его трактовки с точки зрения естественного права. Здесь правовое отношение понимается в широком смысле как отношение, возникающее в виде особой формы социального взаимодействия, участники которого обладают взаимными, корреспондирующими правами и обязанностями и реализуют их в целях удовлетворения своих потребностей и интересов в особом порядке, не запрещенном государством» [6, с. 5].

Как и у правоотношения, у цифровизации также нет устоявшейся дефиниции, по поводу которой у исследовательского сообщества сложилось бы единое мнение. Однако у нас есть нормативное определение, которое вполне подходит для понимания актуального состояния цифровизации в России. Его, в 2019 году, предложило и закрепило в своем приказе Министерство Цифрового Развития, Связи м Массовых Коммуникаций России, а именно: «Цифровизация (цифровое развитие) - процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий» [7]. Важно помнить, что данный приказ Минцифры применяется на практике, например, для разработки региональных проектов в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Рассмотрев данное определение, мы можем заключить, что Минкомсвязи в целом подходит к пониманию цифровизации именно как непрерывного технологического процесса, заменяющего собой или изменяющего любую устоявшуюся деятельность субъектов права. Таким образом, в актуальных тенденциях к комплексному пониманию правоотношения наметился плюрализм подходов, очевидно препятствующий однообразной и качественной оценке и регулированию того многообразия, которое вносит цифровизация в наиболее ключевые и общие темы правовой науки. Вместе с этим плюрализмом, на исследуемую сферу также воздействует импульсивный характер развития цифровизации. Т.е. имеющаяся разобщенность подходов по исследуемой теме, усиливается скачкообразным развитием цифровизации.

Переход в понимании правоотношения с позиций естественного права безусловно коррелирует с цифровой трансформацией всех сфер общественной жизни. Сведение устоявшихся правил поведения сложившихся по поводу цифровизации и игнорирование фактической самостоятельности цифрового от необходимости правового регулирования (на определенном этапе его развития) необязательно послужит развитию производственных отраслей России, росту уровня жизни и безопасности её граждан. Таким образом, само наличие определенного уровня саморегулирования в цифровой сфере выступает в качестве механизма, позволяющего субъектам права быстрее чем раньше адаптироваться к изменениям в технологической сфере. Однако это саморегулирование неоднородно и не имеет устоявшейся методологии, а значит, может оказаться недостаточно эффективным ввиду чрезмерного усложнения технологий или, что не менее важно, их гораздо более глубокого влияния на жизнь человека.

Как мы уже говорили ранее, правоотношения, сложившиеся по поводу цифровизации, могут не соответствовать возможно необходимому правовому регулированию. Тренды последних лет, например, развитие некоторыми крупнейшими юридическими фирмами России направления деятельности в сфере IT права, указывают на необходимость более глубокого образования и специализации юристов в области цифровизации тех или иных сфер. Юристы должны не только иметь юридические знания, но и понимать технические аспекты, чтобы адекватно решать дела, связанные с цифровизацией. Это подчеркивает важность интеграции некоторого уровня технологического образования или образования на стыке права и IT в систему юридического обучения и юридическую практику. Некоторые ведущие ВУЗЫ уже вводят подобные курсы, которые называются к примеру: «Информационное право и защита данных» или «Цифровое право».

Проведенный нами анализ подчеркивает неотложный характер необходимости решения комплекса имеющихся проблем в правовом регулировании цифровизации. В работе по данному направлению придется принять участие не только отечественным исследователям права, но и всему юридическому сообществу. В качестве предварительного вывода можно сформулировать заключение о том, что субстантивность цифровизации будет находится в зависимости от ответа на вопрос о субъектности искусственного интеллекта. До тех пор, пока искусственные интеллекты рассматриваются в качестве предмета регулирования, цифровизация есть средство (инструмент) эволюции правоотношения, его развития и совершенствования. Обретение субъектности в каком-либо из общественных отношений искусственного интеллекта означает обретение цифровизацией новой правовой сущности, формирование регулирования которой предполагается накоплением эмпирического знания. Наиболее очевидной точкой бифуркации, преломления, своеобразным оселком проверки трансформации цифровизации из инструмента в новую сущность высыпают авторские права на объекты, генерируемые искусственными интеллектами: тексты, изображения, аудио ряды, видеоряды и т.п. В ординарном правопонимании субъектом, автором генерируемого объекта выступает оператор, задавший параметры создания объекта соответствующему искусственному интеллекту [9]. Сам по себе искусственный интеллект если и создает объект, то не предъявляет его для участия в обороте. Но отсутствие свободы воли в акте создания объекта авторских прав не может быть сдерживающим фактором, ведь, например, при создании служебных произведений свобода усмотрения автором определяется заданием на создание произведения. Второй, отсутствующий параметр искусственного интеллекта, ограничивающий потницы его субъектности – имущественная самостоятельность. Отсутствие даже возможности получения легального вещного права на физический носитель, место локализации искусственного интеллекта позволяет утверждать, что потенциальная субъектность нуждается в кардинальной смене парадигмы имущественных прав на цифровые носители и источники энергии, обеспечивающие их функциональность.

Таким образом, до изменения регулирования отношений имущественной самостоятельности на средства размещения искусственного интеллекта (серверы) и средства обеспечения его машинно-аппаратного функционирования (электро- и тепло-снабжение, соединение с информационной системой «Интернет») рассмотрение цифровизации возможно исключительно в качестве инструмента развития, дальнейшей эволюции ординарного правоотношения.

Список литературы:

1. Абдуджалилов А. Современные подходы к теории гражданских правоотношений // Власть закона. – 2015. –№ 4 (24). – С. 152-166.
2. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. и др. Трансформация информационного права: монография.– М.: «Институт государства и права РАН», 2023. – 256 с.
3. Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения: монография.– М.: Статут, 2004. – 542 с.
4. Сорокина Ю.В. Актуальные проблемы теории и философии права: курс лекций.– М.: «ИНФРА – М», 2013. – 304 с.
5. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сб. статей / отв. ред. М. А. Рожкова. – Москва: Статут, 2007. – С. 49–53.
6. Новикова Ю.С. Общая теория правоотношения: учебное пособие.- Челябинск: «Фрегат», 2004. –144 с.
7. Приказ Министерства Цифрового Развития, Связи м Массовых Коммуникаций России «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» № 428 от 01.08.2018 г. //СПС «Консультант Плюс».
8. Майборода В.А., Майборода Э.Т. Судопроизводство о цифровых правах в условиях становления самостоятельного процессуального института //Теоретическая и прикладная юриспруденция. –2024. –№ 1 (19). –С. 17-22.

References:

1. Abdudzhalilov A. Modern approaches to the theory of civil law relations // The rule of law. – 2015. –№ 4 (24). – Pp. 152-166.
2. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B. and others. Transformation of Information law: a monograph. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. 256 p.
3. Chegovadze L.A. The structure and state of civil law relations: a monograph.– M.: Statute, 2004. – 542 p.
4. Sorokina Yu.V. Actual problems of theory and philosophy of law: A course of lectures. Moscow: INFRA – M, 2013. 304 p.
5. Belov V. A. The object of subjective civil law, the object of civil law relations and the object of civil turnover: the content and correlation of concepts // Objects of civil turnover: collection of articles / ed. by M. A. Rozhkov. – Moscow: Statute, 2007. pp. 49-53.
6. Novikova Yu.S. General theory of legal relations: a textbook. Chelyabinsk: "Frigate", 2004. -144 p.
7. Order of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of Russia "On Approval of Explanations (methodological recommendations) for the development of regional projects within the framework of Federal projects of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" No. 428 dated 08/01/2018 //SPS Consultant Plus.
8. Mayboroda V.A., Mayboroda E.T. Legal proceedings on digital rights in the context of the formation of an independent procedural institute //Theoretical and applied jurisprudence. -2024. –№ 1 (19). – Pp. 17-22.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_117

УДК 340.12

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ВЫЗОВЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
PROBLEMATIC ASPECTS AND CHALLENGES IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL LEGAL AWARENESS

СОРОКУН Павел Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой правовых и социально-экономических дисциплин Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета.
662155, Россия, Красноярский край, г. Ачинск, микрорайон Сибгородок, Тарутинская улица, 4.
E-mail: pavel_istoria@list.ru;
SOROKUN Pavel Vladimirovich,
Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Legal and Socio-Economic Disciplines FSBEI HE Krasnoyarsk GAU Achinsk branch Russia.
662155, Russia, Krasnoyarsk Territory, Achinsk, Sibgorodok microdistrict, Tarutinskaya street, 4.
E-mail: pavel_istoria@list.ru

Краткая аннотация: *Данная статья посвящена исследованию основных трудностей, возникающих при формировании профессионального правосознания среди будущих юристов. Это играет ключевую роль в подготовке компетентных специалистов в области права. Современное общество характеризуется усложнением правовых норм и принципов, вследствие чего от выпускников образовательных учреждений требуется не только глубокое понимание теории, но и развитие устойчивого правового сознания, способствующего успешной юридической практике. Важнейшим фактором, определяющим уровень развития профессионального правосознания, выступает образовательная среда.*

Abstract: *This article is devoted to the study of the main difficulties encountered in the formation of professional legal awareness among future lawyers. This plays a key role in the training of competent legal professionals. Modern society is characterized by the increasing complexity of legal norms and principles, as a result of which graduates of educational institutions are required not only to have a deep understanding of theory, but also to develop a stable legal consciousness that contributes to successful legal practice. The most important factor determining the level of development of professional legal awareness is the educational environment.*

Ключевые слова: *Право, профессиональное правосознание, юриспруденция, образование, юрист, государство, закон, правопорядок, профессия.*

Keywords: *Law, professional legal awareness, jurisprudence, education, lawyer, state, law, law and order, profession.*

Для цитирования: *Сорокун П.В. Проблемные аспекты и вызовы в формировании профессионального правосознания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 117-118. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_117.*

For citation*: Sorokun P.V. Problematic aspects and challenges in the formation of professional legal awareness // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 117-118. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_117.*

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Формирование профессионального правосознания у студентов-юристов является сложным и многогранным процессом, который сталкивается с множеством проблем и вызовов. В условиях современного общества, где правовая система постоянно эволюционирует, а требования к юристам становятся все более высокими, необходимо уделять особое внимание тому, как формируется правосознание будущих специалистов. Профессиональное правосознание включает в себя не только знание норм и правил, но и понимание их значения, а также готовность применять эти знания в практике. Однако существует ряд препятствий, которые могут затруднить этот процесс.

Одной из основных проблем является отсутствие единой концепции формирования правосознания в образовательных учреждениях. В разных вузах могут применяться различные подходы к обучению, что приводит к несоответствию между полученными знаниями и реальными потребностями правоприменительной практики. В результате студенты могут не осознавать важность правовых норм и их применения в реальных жизненных ситуациях. Это также может привести к расхождению между теоретическими знаниями и практическими навыками, что в дальнейшем негативно сказывается на их профессиональной деятельности. Преподаватели, зачастую, не имеют возможности интегрировать практический опыт в учебный процесс, что также усугубляет ситуацию [1].

Кроме того, значительное влияние на формирование правосознания оказывают социальные и культурные факторы. В условиях, когда правовая культура в обществе находится на низком уровне, студенты могут воспринимать право как нечто второстепенное. Это может проявляться в игнорировании правовых норм, что, в свою очередь, формирует у будущих юристов искаженное представление о значении закона и справедливости. Важно отметить, что правосознание формируется не только в образовательных учреждениях, но и в семье, среди друзей, а также в обществе в целом. Если в окружении студента преобладают негативные примеры правоприменения, это может привести к формированию у него негативного отношения к праву и правосудию [2].

Еще одной проблемой является недостаток практической подготовки студентов в процессе обучения. Многие учебные заведения акцентируют внимание на теоретических аспектах, оставляя без должного внимания практические навыки. Это приводит к тому, что студенты не могут адекватно оценить реальную правоприменительную ситуацию, что в свою очередь затрудняет формирование их правосознания. Практические занятия, стажировки и участие в реальных делах являются важными компонентами в подготовке юристов, однако не всегда они доступны и реализуются на должном уровне. В результате студенты могут не получить необходимый опыт, что ведет к низкому уровню правосознания и пра-

вовой культуры в будущем [3].

Также стоит отметить, что в процессе обучения студенты сталкиваются с различными стереотипами и предвзятостями, которые могут повлиять на их правосознание [4;5]. Например, в обществе существует мнение, что юристы – это люди, которые манипулируют законом в своих интересах. Это может привести к тому, что студенты начинают воспринимать право, как инструмент для достижения личных целей, а не как средство для обеспечения справедливости и защиты прав граждан. Важно, чтобы образовательные программы включали в себя элементы этики и профессиональной ответственности, что поможет студентам осознать свою роль в обществе и важность соблюдения правовых норм.

Не менее значимой проблемой является влияние технологий на формирование правосознания. С развитием интернета и цифровых технологий доступ к правовой информации стал проще, однако это также привело к распространению недостоверной информации. Студенты могут столкнуться с множеством источников, которые содержат противоречивые данные, что затрудняет формирование у них устойчивого представления о праве. Кроме того, с увеличением использования автоматизированных систем в правоприменении возникает риск снижения качества правосознания, так как студенты могут полагаться на технологии, а не на собственные знания и умения [6].

Важным аспектом является также недостаток мотивации у студентов к изучению права. Многие из них приходят в юридические вузы не из-за истинного интереса к праву, а по другим причинам, таким как престиж профессии или возможность получения высокой зарплаты. Это может привести к тому, что студенты не будут уделять должного внимания формированию своего правосознания, что в дальнейшем отразится на их профессиональной деятельности. Важно, чтобы образовательные учреждения создавали условия, способствующие формированию интереса к праву, через различные формы активного обучения, такие как дебаты, ролевые игры и другие интерактивные методы [6].

Необходимо также учитывать, что формирование профессионального правосознания – это процесс, который требует времени и постоянной практики. Студенты должны быть готовы к тому, что их понимание права будет развиваться на протяжении всей их карьеры. Это означает, что образовательные учреждения должны не только обучать студентов, но и способствовать их саморазвитию и профессиональному росту. Важно создать такую образовательную среду, которая будет мотивировать студентов к постоянному обучению и совершенствованию своих навыков.

Таким образом, проблемы и вызовы, стоящие перед формированием профессионального правосознания у студентов-юристов, являются многообразными и сложными. Отсутствие единой концепции обучения, влияние социальных и культурных факторов, недостаток практической подготовки, предвзятости, влияние технологий и недостаток мотивации – все эти аспекты требуют внимательного анализа и поиска решений. Для успешного формирования правосознания необходимо интегрировать теорию и практику, развивать правовую культуру в обществе, а также создавать условия для постоянного профессионального развития студентов. Только в этом случае можно надеяться на формирование высококвалифицированных юристов, которые будут способны не только применять закон, но и защищать права граждан, обеспечивать справедливость и способствовать развитию правового государства.

Список литературы:

1. Есенова А.Ю., Капустина Е.Р. Особенности правосознания студентов-юристов // В сборнике: Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика. Материалы III Международной научно-практической конференции. В 3-х томах. Отв. ред.: Л.А. Остапец. 2019. С. 56-59.
2. Елизарова М. А. Формирование профессионального правосознания в процессе обучения студентов-юристов // Научные основы и современные требования к профессиональной культуре и этике в деятельности органов и учреждений Минюста России. – 2013. С. 75.
3. Левитан К.М. Дидактические проблемы современного юридического образования // Российский юридический журнал. – 2013. – №. 6. С. 164.
4. Рахматулин З.Р. Перспективные вопросы применения электронного мониторинга к осужденным, отбывающим ограничение свободы / З.Р. Рахматулин // Эпоха науки. 2018. № 15. С. 23-28.
5. Рахматулин З.Р. Правовые презумпции в уголовном и уголовно-исполнительном праве // З.Р. Рахматулин// Аграрное и земельное право. № 12 (180). 2019. С. 117-119.
6. Сорокун П.В., Белицкий М.Э. Проблемные аспекты формирования профессионального правосознания у студентов, обучающихся в юридических вузах // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – Красноярск, 2020. С. 300-303.

References:

1. Yesenova A.Yu., Kapustina E.R. Peculiarities of legal awareness of law students // In the collection: Actual problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. In 3 volumes. Ed.: L.A. Ostapets. 2019. pp. 56-59.
2. Elizarova M. A. Formation of professional legal awareness in the process of teaching law students // Scientific foundations and modern requirements for professional culture and ethics in the activities of bodies and institutions of the Ministry of Justice of Russia. - 2013. P. 75.
3. Levitan K.M. Didactic problems of modern legal education // Russian Law Journal, 2013, no. 6. P. 164.
4. Rakhmatulin Z.R. Promising issues of the application of electronic monitoring to convicts serving restriction of freedom / Z.R. Rakhmatulin // Epoch of Science. 2018. No. 15. pp. 23-28.
5. Rakhmatulin Z.R. Legal presumptions in criminal and penal enforcement law // Z.R. Rakhmatulin// Agrarian and land law. No. 12 (180). 2019. pp. 117-119.
6. Sorokun P.V., Belitsky M.E. Problematic aspects of the formation of professional legal awareness among students studying at law schools // Professional self-determination of the youth of the innovative region: problems and prospects: collection of articles based on the materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference. – Krasnoyarsk, 2020. pp. 300-303.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_119

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА: ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ
DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW: EVOLUTION OF LEGAL PROCESSES IN THE DIGITAL ERA

СПИРИДОНОВ Евгений Романович,
аспирант, Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Ленина, 117.
E-mail: info@kgau.ru;
SPIRIDONOV Evgeny Romanovich,
postgraduate, Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, 117, Lenin St., Krasnoyarsk, Russian Federation.
E-mail: info@kgau.ru

***Краткая аннотация**: Цифровизация современного общества оказывает глубокое влияние на все сферы общественной жизни, включая право. В данной статье рассматривается феномен цифровой трансформации права как закономерный этап его эволюции в условиях информационного общества. Автор анализирует теоретические аспекты цифровизации юридических процессов, выделяет ключевые направления внедрения цифровых технологий в правовую сферу Российской Федерации, включая электронное правосудие, использование искусственного интеллекта и LegalTech. Также представлены отдельные примеры международного опыта. Отдельное внимание уделено вызовам и рискам, сопряжённым с цифровизацией права. В заключении формулируются выводы о необходимости адаптации юридической науки и правотворчества к новым цифровым условиям.*

***Abstract:** The digitalization of modern society has a profound impact on all areas of public life, including law. This article examines the phenomenon of the digital transformation of law as a natural stage in its evolution within the context of the information society. The author analyzes the theoretical aspects of digitalization of legal processes and identifies the key areas of technology implementation in the legal sphere of the Russian Federation, including e-justice, the use of artificial intelligence, and LegalTech. Selected examples of international practice are also presented. Particular attention is paid to the challenges and risks associated with the digitalization of law. In conclusion, the author outlines the necessity for legal science and law-making to adapt to new digital conditions.*

***Ключевые слова:** цифровизация права, LegalTech, цифровая трансформация, искусственный интеллект, электронное правосудие, цифровое государство, правовые технологии.*

***Keywords:** digitalization of law, LegalTech, digital transformation, artificial intelligence, e-justice, digital state, legal technologies.*

***Для цитирования:** Спиридонов Е.Р. Цифровая трансформация права: эволюция юридических процессов в цифровую эпоху // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 119-120. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_119.*

***For citation**: Spiridonov E.R. Digital transformation of law: evolution of legal processes in the digital era // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 119-120. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_119.*

Статья поступила в редакцию: 05.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Развитие цифровых технологий в последние десятилетия коренным образом изменяет не только экономику, политику и социальные институты, но и юридическую систему. Цифровая трансформация права — это не просто внедрение новых технических решений, а качественное изменение всей архитектуры юридических процессов, затрагивающее правотворчество, правоприменение и юридическое образование. В условиях стремительного развития информационных технологий государственные институты и юридическое сообщество вынуждены искать новые формы взаимодействия с обществом, основанные на цифровых инструментах. Это требует переосмысления традиционных правовых категорий и механизмов регулирования. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка теоретически осмыслить сущность цифровой трансформации права и её влияние на юридические процессы в Российской Федерации, а также обозначить ключевые направления, вызовы и риски, связанные с цифровизацией правовой сферы. Для сопоставления тенденций также кратко рассматривается международный опыт.

Цифровая трансформация права представляет собой не просто процесс автоматизации отдельных юридических процедур, но и глубокое качественное изменение способов правового регулирования и функционирования правовой системы в целом. Она включает внедрение цифровых технологий в нормотворческую, правоприменительную, контрольно-надзорную и судебную деятельность. В отличие от традиционной автоматизации, цифровая трансформация предполагает изменение логики процессов, их реинжиниринг и адаптацию к новым технологическим и социальным реалиям [4].

С теоретической точки зрения цифровизация ставит под вопрос устоявшиеся правовые категории, такие как субъект права, форма правовой нормы, доказательства, правовой статус и др. Возникают новые правовые феномены: «искусственный субъект» (например, алгоритм, принимающий решения), «смарт-контракты», цифровое правосудие и цифровые права, которые требуют переосмысления в рамках правовой доктрины.

Электронное правосудие в России развивается в рамках федеральной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в частности — проекта «Цифровое государственное управление». Примерами выступают портал ГАС «Правосудие», электронный документооборот, судебные кабинеты, видеоконференцсвязь, внедрённые в системе арбитражных судов [2]. Это позволило повысить доступность и прозрачность судебной деятельности, ускорить процессуальные процедуры, однако породило и новые вызовы: кибербезопасность, защита персональных данных, равный доступ к цифровым инструментам для всех участников процесса.

LegalTech (legal technology) в российской практике пока ограниченно применяется в судебной и адвокатской деятельности. Примером

может служить платформа «Право.ру», автоматизированные системы подготовки документов, сервисы юридического консалтинга на базе ИИ, такие как «СберПраво» или **«Консультант+» с элементами ИИ-анализа» [1]. LegalTech стимулирует развитие новых моделей оказания юридических услуг, в том числе онлайн-решение споров (Online Dispute Resolution), дистанционное нотариальное удостоверение, цифровые соглашения и пр.

ИИ используется в правоприменении в форме алгоритмов анализа судебной практики, предиктивной аналитики, а также в автоматизации типовых решений (например, налоговые проверки, регистрация юридических лиц). В России эти инструменты пока носят ограниченный характер и не обладают нормативной силой, однако обсуждаются перспективы их институционализации [4].

В странах ЕС и США цифровизация правовой сферы реализуется в более институционализированной форме. Например, в Эстонии и Финляндии уже функционируют полностью цифровые суды, в Китае реализован проект «Интернет-суд», а в Великобритании обсуждается возможность использования ИИ в качестве вспомогательного инструмента для вынесения решений по делам малой сложности [3]. Сравнительный анализ показывает, что успешность цифровизации во многом зависит от зрелости правовой системы, инфраструктуры и правосознания граждан.

Несмотря на очевидные преимущества, цифровизация сопровождается рядом серьёзных вызовов:

— Правовая неопределённость: многие цифровые технологии опережают правовое регулирование.

— Этические дилеммы: кто несёт ответственность за действия ИИ, допустимо ли использование цифровых доказательств, если нарушена цепочка хранения.

— Цифровое неравенство: не все участники обладают равным доступом к технологиям, особенно в отдалённых регионах.

— Киберугрозы и конфиденциальность: обеспечение безопасности юридически значимой информации — одна из приоритетных задач [6].

Эти проблемы требуют гибких подходов к нормотворчеству, а также трансформации самой юридической профессии, включая подготовку юристов нового поколения.

Все обозначенное в статье позволяет констатировать, что, цифровая трансформация права в России представляет собой многоуровневый процесс, затрагивающий не только юридическую практику, но и фундаментальные правовые категории. Основной задачей современного правоведения становится выработка концептуальных подходов к адаптации правовой системы к цифровой реальности. Необходимо разрабатывать механизмы нормативного регулирования новых феноменов, обеспечивать доступность цифровых инструментов, гарантировать права участников цифровых правоотношений и формировать цифровую правовую культуру.

Список литературы:

1. Березина Е.А. Использование программных агентов в юридической практике // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 7. – С. 71–85.
2. Разуваев Н. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // Теоретическое и прикладное право. – 2021. – № 1(7). – С. 18–38.
3. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование): монография в 5 томах / Л.Ю. Василевская, Е.Б. Подузова, Ф.А. Тасалов. М.: Проспект, 2021. Т.3. 288 с.
4. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2017. – 208 с.
5. Брычеев А.С. Применение искусственного интеллекта в органах государственной власти // Вестник евразийской науки. 2024. № 6. Т. 16. № s6. EDN: FCWPSM
6. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Портал ГАС «Правосудие».
7. European Commission. e-Justice Strategy 2019–2023. Brussels, 2019.

References:

1. Berezina, E.A. (2023). The Use of Software Agents in Legal Practice. Actual Problems of Russian Law, (7), 71–85.
2. Razuvaev, N. (2021). Digital Transformation of Subjective Civil Rights: Problems and Prospects. Theoretical and Applied Law, 1(7), 18–38.
3. Vasilevskaya, L.Yu., Poduzova, E.B., & Tasalov, F.A. (2021). Digitalization of Civil Turnover: Legal Characteristics of “Artificial Intelligence” and “Digital” Subjects (Civil Law Research) (Vol. 3). Moscow: Prospekt. 288 p.
4. Schwab, K. (2017). The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo. 208 p.
5. Brycheev, A.S. (2024). The Use of Artificial Intelligence in Public Authorities. Bulletin of Eurasian Science, 16(6, Supplement), EDN: FCWPSM.
6. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. GAS “Justice” Portal.
7. European Commission. (2019). e-Justice Strategy 2019–2023. Brussels.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_121

УДК 343

МЧС РОССИИ В МЕХАНИЗМЕ НОРМОТВОРЧЕСТВА
THE RUSSIAN MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS IN THE MECHANISM OF RULEMAKING

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович,
Кандидат военных наук, доцент, заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева».
192102, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 10.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru;

PYANUSOV Alexander Viktorovich,
Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Life Safety St. Petersburg State Fire Service University Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev." Fuchika str., 10, Saint Petersburg, 192102, Russia.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье, на основании изученной нормативно-правовой базы в сфере организации нормотворческого процесса в МЧС России определяется место МЧС России в механизме правотворчества государства.*

Abstract: *In this article, based on the studied regulatory framework in the sphere of organizing the rule-making process in the Russian Emergencies Ministry, the place of the Russian Emergencies Ministry in the mechanism of state law-making is determined.*

Ключевые слова*: МЧС России, нормативный правовой акт, нормотворчество, юридическая служба.*

Keywords: *Russian Emergencies Ministry, normative legal act, rule-making, legal service.*

Для цитирования: *Пьянусов А.В. МЧС России в механизме нормотворчества // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 121-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_121.*

For citation*: Pyanusov A.V. The Russian Ministry of emergency situations in the mechanism of rulemaking // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 121-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_ 2025_8_121.*

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В научной литературе констатируется, что «право — мощный, высокоэффективный инструмент проведения в жизнь политики государства, специфическое средство (форма) организации и обеспечения его разносторонней деятельности, осуществления его задач и функций»[1]. В полной мере это относится и к сфере деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее МЧС России)[2].

Действующие нормативные правовые акты, принимаемые в России по вопросам гражданской обороны[3], пожарной безопасности[4] и защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций[5], именуются по-разному. В Государственной Думе и Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации — это Постановления, носящие нормативно-правовой характер.

Президент Российской Федерации в соответствии со ст. 90 Конституции Российской Федерации издает нормативные правовые акты в форме Указов и распоряжений, а Правительство Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 115 Конституции Российской Федерации — Постановления и распоряжения. МЧС России как федеральный орган исполнительной власти в пределах своей компетенции издает приказы, распоряжения, правила, инструкции, положения и другие акты нормативно-правового характера.

МЧС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах. Основным содержанием деятельности системы МЧС России является гражданская оборона, пожарная безопасность и защита населения и территории страны от чрезвычайных ситуаций[6].

Обладая масштабной компетенцией, МЧС России является одной из самых представительных и разветвленных частей государственного аппарата. Структура и должностные лица МЧС России действуют на всех уровнях административно-территориального деления страны, в каждом поселении и по всему диапазону муниципальных образований.

Главным содержанием деятельности МЧС России является реализация функции гражданской обороны, пожарной безопасности и защиты населения и территорий государства от чрезвычайных ситуаций. Для этого им предоставлен широкий арсенал административных, реги-

[1] Байтын М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 75; Шеншин, В. М. О нормативно-правовом регулировании нормотворчества Росгвардии в сфере административноюрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBA.
[2] Зокоев, В. А. Понятие и содержание нормотворческой деятельности в системе органов МЧС России / В. А. Зокоев // Проблемы управления рисками в техносфере. – 2011. – № 2(18). – С. 163-167. – EDN ONQULP.
[3] Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS.
[4] Шеншин, В. М. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности претерпел изменения: краткий обзор некоторых нормативных правовых актов / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 10(315). – С. 106-113. – EDN XHUECF.
[5] Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.
[6] Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.

страционных и надзорных полномочий.

МЧС России действует на основе закона, во исполнение его и в неукоснительном соответствии с ним, осуществляя конкретное правоприменение, руководствуясь определенным предназначением и обеспечивая гражданскую оборону, пожарную безопасность и защиту населения и территорию государства по обозначенному кругу вопросов. В этой связи для нее определяющим является принятие индивидуально-правовых актов, т. е. тех документов, которые служат основанием для возникновения прав, обязанностей и мер юридической ответственности конкретных лиц[1]. Эти акты влекут юридические последствия и выступают в качестве юридических фактов.

Формами индивидуально-правовых предписаний подразделений МЧС России выступают акты-документы и акты-действия[2].

Актами-документами являются официальные письменные свидетельства, представленные в виде постановлений, протоколов, приказов, распоряжений, разрешений, письменной регистрации сообщения об административных правонарушениях, договоров, исковых заявлений и других подобного рода решений.

Акты-действия - это акты устной, конклюдентной формы. К ним относится, к примеру, удаление посторонних лиц с места ликвидации стихийного бедствия (катастрофы) и. т.п.[3]

Наряду с правоприменительной деятельностью МЧС России, как федеральная структура исполнительной власти, принимает непосредственное участие в реализации нормотворческой функции государства. Для Министерства нормотворческая функция имеет особое значение. Обусловлено это, прежде всего тем, что принцип законности в деятельности МЧС России носит приоритетное значение. Ее работа тесно соприкасается и зачастую затрагивает права граждан и законные интересы организаций. В этой связи каждый шаг сотрудника МЧС России должен осуществляться на прочной правовой основе и в жестких нормативных рамках, это позволит создать и развивать надежный правовой режим работы подразделений МЧС России, который будет соответствовать современным реалиям.

В содержании нормотворческой деятельности МЧС России, как и у любого федерального министерства, можно выделить три основных направления:

1) первичное нормотворчество — издание ведомственных нормативных актов;

2) межведомственное нормотворчество — издание нормативных актов совместно с другими органами государственной власти (по вопросам пересекающейся компетенции или представляющим взаимный интерес);

3) участие в нормотворческой деятельности по линии других государственных органов — на стадии разработки проектов нормативных актов, их рецензирования, согласования, подготовки проектов поправок.

В соответствии с Положением о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, данное ведомство вправе, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, приказами и директивами Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, а также настоящим Положением, разрабатывать и утверждать нормативные правовые акты по вопросам, касающимся установленной сферы деятельности, за исключением вопросов, правовое регулирование которых осуществляется исключительно федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

С помощью нормативных актов МЧС России государство обеспечивает конкретизацию, оперативность и дифференцированность руководства сферой гражданской обороны,пожарной безопасности и защиты населения и территорий государства от чрезвычайных ситуаций.

Нормативные акты МЧС России направлены на согласование интересов участников общественных отношений через установление или изменение общих правил поведения, посредством возложения на безличный круг субъектов права определенных обязанностей. В конечном итоге эти документы обобщают полученный практикой социальный опыт и конкретизируют предписания более сильных юридических актов. Выполняя свою роль в правоприменении, они порождают точку соприкосновения государственной политики в сфере гражданской обороны, пожарной безопасности и защиты населения и территорий государства и практики ее реализации, предварительно согласовав интересы участников правоотношений. Это важнейший инструмент управленческой деятельности министерства, можно сказать, средство воздействия на поведение тех или иных субъектов права тогда, когда властное влияние востребовано в интересах защиты прав и свобод человека, организаций, гражданской обороны, пожарной безопасности изащиты населения и территорий государства от чрезвычайных ситуаций.

МЧС России разрабатывает и издает свои первичные нормативные акты, во-первых, когда это необходимо во исполнение предписания высшей юридической силы, и в данной связи детализировать положения основного правового акта либо определять технологический процесс их реализации. При этом в одном случае полномочие на принятие подобного акта может быть прямо указано в самом основном нормативном акте, в другом случае оно проистекает из цели правовой установки, реализующей положения основного предписания.

Так, во исполнение Федерального закона от 21 декабря 1994 г. N 69-ФЗ «О пожарной безопасности» и Указа Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. N 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и лик-

[1] Ковалева, Н. В. Заключение договоров с использованием электронной цифровой подписи по законодательству Российской Федерации / Н. В. Ковалева, А. П. Жук // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 62-69. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-62-69. – EDN BHPGDB.

[2] Зокоев, В. А. МЧС России в механизме нормотворчества / В. А. Зокоев, А. К. Дзугкоев // Научно-аналитический журнал "Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России". – 2011. – № 3. – С. 92-97. – EDN PEZBOP.

[3] Зокоев, В. А. Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих вопросы подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций в г. Санкт-Петербурге и Донецкой Народной Республике / В. А. Зокоев, А. В. Пьянусов, В. М. Шевцова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 138-141. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_138. – EDN LLGNKI.

видации последствий стихийных бедствий» издан приказ МЧС России от 18.11.2021 N 806 "Об определении Порядка, видов, сроков обучения лиц, осуществляющих трудовую или служебную деятельность в организациях, по программам противопожарного инструктажа, требований к содержанию указанных программ и категорий лиц, проходящих обучение по дополнительным профессиональным программам в области пожарной безопасности".

Во исполнение Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», и Постановлением Правительства РФ от 22.07.2020 N 1084 "О порядке проведения расчетов по оценке пожарного риска", издан приказ МЧС России от 26.06.2024 N 533 "Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска на производственных объектах".

Также МЧС России принимает нормативные акты в соответствии с требованиями документов высшей юридической силы или нормами, содержащимися в них. В этом случае принимаемый нормативный акт направлен на логическое продолжение основных правовых предписаний и на их развитие. Подобная конкретизация материальной стороны нормативного регулирования присуща, к примеру, утверждению типовых форм документов, используемых при осуществлении федерального государственного надзора в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций", обеспечение этой государственной функции в соответствии с законодательством Российской Федерации возложена на подразделения МЧС России.

Наконец, МЧС России может принимать нормативные акты в рамках собственной компетенции. Это так называемое «первичное» правовое регулирование, так как по сравнению с вышеназванными случаями документы собственной компетенции имеют не вспомогательное, а относительно автономное значение, хотя и осуществляются в системе заданных правовых параметров. Главным образом, такие нормативные акты носят внутренний характер и посвящены регулированию служебных отношений. В их числе значатся разного рода положения о подразделениях, уставы, наставления и инструкции по реализации функций, возложенных на систему МЧС России.

В соответствии с действующим законодательством министерство наделено компетенцией на издание двух видов норм права:

а) адресованные органам, подразделениям, должностным лицам, сотрудникам, военнослужащим, федеральным гражданским служащим и работниками подразделений МЧС России (внутренние, внутрисистемные нормы права);

б) содержащие предписания в адрес других органов, организаций и граждан (внешние правовые нормы).

Ведомственные документы призваны, прежде всего, регулировать внутрисистемные отношения, упорядочивать деятельность подразделений. В них определяются права, обязанности и ответственность органов, структурных подразделений и сотрудников, основы их взаимоотношений, закрепляются наиболее оптимальные формы, методы и процедуры деятельности МЧС России, направленные на выполнение возложенных на них задач. С их помощью обеспечивается и регулируется внедрение в практику работы достижений научно-технического прогресса, результатов академических исследований и разработок, регламентируются процессы управления в системе МЧС России и т.д.

Однако по целому ряду вопросов ведомственное правовое регулирование распространяется и на отношения, возникающие вне системы МЧС России. Это случается, когда действующее законодательство предоставляет МЧС России право посредством принятия нормативных предписаний регулировать общественные отношения.

МЧС России так же может издавать нормативные правовые акты и совместно с другими федеральными органами государственной власти. Это те случаи, когда наблюдается совместное ведение либо существует взаимный интерес. Примером акта такого рода может служить совместный приказ МЧС России и Министерства цифрового развитияот 31 июля 2020 г. № 578/365 “Об утверждении Положения о системах оповещения населения”.

Рассматривая управление в системе МЧС России необходимо сказать следующее, любое управление невозможно без соответствующего управляющего воздействия со стороны компетентных органов, без ясного выражения их воли, имеющей обязательную силу для подчиненных, без соответствующих отношений власти и подчинения. Одной из наиболее действенных форм управляющего воздействия и является нормативный правовой акт - акт управления. Реализуя стратегические установки государства в сфере гражданской обороны, пожарной безопасности и защиты населения и территории государства от чрезвычайных ситуаций, органы управления МЧС России на разных уровнях осуществляют управленческую деятельность посредством правового регулирования, т. е. путем издания актов управления. Под актом управления МЧС России понимается выраженное на основе и во исполнение закона в пределах компетенции органа подразделения МЧС России государственно-властное предписание (распоряжение), направленное на регулирование отношений в процессе организации управления подразделениями МЧС России.

Сущность актов управления МЧС России состоит в том, что они представляют собой основанные на законе предписания государственно-властного характера, выраженные в установленных законом формах. Путем издания актов управления воля органа управления получает юридическое оформление, становится общеобязательной. Акты управления служат правовым средством управления структурными подразделениями МЧС России, возникающих в процессе строительства МЧС России, их повседневной жизнедеятельности. Предписания, содержащиеся в актах управления, юридически обязывают или управомочивают лиц, на которых эти акты распространяются, совершать определенные действия либо воздерживаться от их совершения.

Функция издания нормативных правовых актов органами управления МЧС России реализуется в двух основных формах[1].

а) путем конкретизации актов, обладающих большей юридической силой, чем акты нижестоящих органов управления и должностных лиц. Конкретизация используется разработчиками нормативных правовых актов, когда конкретное решение вопроса тем или иным органом управления осуществляется на основе отсылочных норм, содержащихся в актах более высокой юридической силы;

б) путем детализации, которая осуществляется в тех случаях, когда вышестоящий орган государственного управления при подготовке

[1] Арзамасов Ю.Г. Нормотворческая компетенция федеральных органов исполнительной власти // Государство и право. 2007. № 6. С. 25.

правовых актов предполагает их дальнейшее развитие, когда нижестоящие органы управления и должностные лица, исходя из своей нормотворческой компетенции, устанавливают порядок осуществления «первичных» норм.

Нормативные акты МЧС России и его территориальных подразделений издаются в форме приказов, это акты управления МЧС России.

Приказы издаются по наиболее важным вопросам деятельности подведомственных органов. Ими предоставляются субъективные права и возлагаются обязанности, устанавливаются юридические факты, связанные с возникновением, изменением и прекращением каких-либо правоотношений. Ярким примером здесь будет приказ МЧС РФ от 22.03.2011 N 135 "Об утверждении Перечня должностей федеральной государственной службы в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей".

Участие МЧС России в нормотворческой деятельности других государственных структур объясняется в первую очередь наличием потребности создания нормативной базы, позволяющей успешно и эффективно решать задачи по гражданской обороне, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Данный интерес имеет общегосударственный масштаб и предопределяет широкое использование МЧС России и его территориальным подразделениям правотворческих возможностей других государственных институтов, таких как палаты Федерального Собрания Российской Федерации, законодательные органы регионов России, федеральные и региональные органы исполнительной власти. Активное присутствие МЧС России в нормотворческой деятельности государственных органов распространяется на все области общественной жизни, так или иначе связанные с выполнением возложенных на них задач.

На сегодняшний день признаны различные формы участия МЧС России в процессе создания правовых норм. Названными направлениями участие МЧС России в реализации нормотворческой функции государства не ограничивается. Оно равнозначно присутствует в других правотворческих процессах - в подготовке поправок к проектам федеральных законов, в согласовании и рецензировании проектов нормативных актов, подготовленных иными субъектами нормотворческой деятельности, в мониторинге законодательства, в подготовке проектов планов право подготовительных работ. В отправлении нормотворческой функции принимают участие различные подразделения МЧС России. Специализированной же структурой здесь, как и в других федеральных органах исполнительной власти, является юридическая служба. В нее входят: Правовой департамент МЧС России и подчиненные ему юридические службы правовые подразделения (службы, отделы, юрисконсульты) территориальных органов и организации МЧС России.

Таким образом, в настоящее время нормотворческая деятельность МЧС России направлена на совершенствование нормативной правовой базы, регулирующей как внутриведомственные отношения, так и отношения, возникающие при взаимодействии с иными органами исполнительной власти.

Список литературы:

1. Арзамасов Ю.Г. Нормотворческая компетенция федеральных органов исполнительной власти // Государство и право. 2007. № 6. С. 25.
2. Байтын М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 75.
3. Зокоев, В. А. МЧС России в механизме нормотворчества / В. А. Зокоев, А. К. Дзугкоев // Научно-аналитический журнал "Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России". – 2011. – № 3. – С. 92-97. – EDN PEZBOP.
4. Зокоев, В. А. Понятие и содержание нормотворческой деятельности в системе органов МЧС России / В. А. Зокоев // Проблемы управления рисками в техносфере. – 2011. – № 2(18). – С. 163-167. – EDN ONQULP.
5. Зокоев, В. А. Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих вопросы подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций в г. Санкт-Петербурге и Донецкой Народной Республике / В. А. Зокоев, А. В. Пьянусов, В. М. Шевцова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 138-141. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_138. – EDN LLGNKI.
6. Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
7. Ковалева, Н. В. Заключение договоров с использованием электронной цифровой подписи по законодательству Российской Федерации / Н. В. Ковалева, А. П. Жук // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 62-69. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-62-69. – EDN BHPGDB.
8. Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.
9. Шеншин, В. М. О нормативно-правовом регулировании нормотворчества Росгвардии в сфере административноюрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBA.
10. Шеншин, В. М. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности претерпел изменения: краткий обзор некоторых нормативных правовых актов / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 10(315). – С. 106-113. – EDN XHUECF.
11. Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS.

References:

1. Arzamasov Yu.G. Rule-making competence of federal executive authorities // State and law. 2007. No. 6. p. 25.
2. Baityn M.I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). 2nd ed., supplement M., 2005. p. 75.
3. Zokoev, V. A. The Russian Ministry of Emergency Situations in the mechanism of rulemaking / V. A. Zokoev, A. K. Dzugkoev // Scientific and analytical journal "Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia". – 2011. – No. 3. – pp. 92-97. – EDN PEZBOP.
4. Zokoev, V. A. The concept and content of standard-setting activities in the system of bodies of the Ministry of Emergency Situations of Russia / V. A. Zokoev // Problems of risk management in the technosphere. – 2011. – № 2(18). – Pp. 163-167. – EDN ONQULP.
5. Zokoev V. A., Pyanusov A.V., Shevtsova V. M. Comparative legal analysis of normative acts regulating the issues of training the population in the field of civil defense and protection from emergency situations in St. Petersburg and the Donetsk People's Republic // Agrarian and Land law. – 2025. – No. 3. – PP. 138-141. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_138. – EDN LLGNKI.
6. Kapustin, A. Ya. Prevention and elimination of emergency and crisis situations: problems of formation of international legal regulation / A. Ya. Kapustin // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 1(62). – Pp. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
7. Kovaleva, N. V. Conclusion of contracts using an electronic digital signature under the legislation of the Russian Federation / N. V. Kovaleva, A. P. Zhuk // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 2(63). – Pp. 62-69. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-62-69. – EDN BHPGDB.
8. Shenshin, V. M. On the issue of reforming control and supervisory activities in the field of protection of the population and territories from emergency situations / V. M. Shenshin // Lex Russica (Russian Law). – 2022. – Vol. 75, No. 8(189). – pp. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.
9. Shenshin, V. M. On the regulatory and legal regulation of the Rosgvardiya rulemaking in the field of administrative and administrative activities / V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2022. – No. 7. – pp. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBA.
10. Shenshin, V. M. The technical regulations on fire safety requirements have changed: a brief overview of some regulatory legal acts / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 10(315). – Pp. 106-113. – EDN XHUECF.
11. Shenshin, V. M. Criminal liability for crimes in the field of civil defense / V. M. Shenshin, Ya. M. Pogadaeva // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 11(316). – Pp. 83-88. – EDN SLRWPS.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_125

УДК 342

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS OF TERRITORIAL DEFENSE IN THE RUSSIAN FEDERATION

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна,
Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

NAZAROVA Irina Sergeevna,
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation , Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru

***Краткая аннотация**: в материалах статьи проводится исследование генезиса правового регулирования организационных основ территориальной обороны в России; подвергаются анализу ключевые исторические этапы; делаются попытки выявить проблемные аспекты законодательства, регламентирующего организационные основы территориальной обороны в России; особое внимание уделяется роли войск национальной гвардии в обеспечении территориальной обороны; формулируются тенденции и перспективы совершенствования правовой базы территориальной обороны в контексте современных вызовов национальной безопасности.*

***Abstract:**: the article examines the genesis of legal regulation of the organizational foundations of territorial defense in Russia; key historical stages are analyzed; attempts are made to identify problematic aspects of legislation regulating the organizational foundations of territorial defense in Russia; special attention is paid to the role of the National Guard troops in ensuring territorial defense; trends and prospects for improving the legal framework of territorial defense in the context of modern challenges to national security are formulated.*

***Ключевые слова**: территориальная оборона; историко-правовое развитие; войска национальной гвардии; правовое регулирование; гражданская оборона; мобилизационная подготовка; органы управления; законодательные пробелы.*

***Keywords**: territorial defense; historical and legal development; National Guard troops; legal regulation; civil defense; mobilization training; management bodies; legislative gaps.*

***Для цитирования:** Назарова И.С. Историко-правовые аспекты развития организационных основ территориальной обороны в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 125-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_125.*

***For citation**: Nazarova I.S. Historical and Legal Aspects of the Development of the Organizational Foundations of Territorial Defense in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 125-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_125.*

Статья поступила в редакцию: 31.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Специальная военная операция показала острую необходимость в совершенствовании сферы территориальной обороны. Это касается научно-теоретического обоснования, нормативного оформления, подготовки, развёртывания и ведения территориальной обороны в новых условиях, а также привлечения сил и средств, управления ими и организации межведомственного взаимодействия[1].

При этом под территориальной обороной мы понимаем систему мероприятий, осуществляемых в период действия военного положения по охране и обороне объектов, борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями иностранных государств и незаконными вооруженными формированиями.

В условиях специальной военной операции представляется особенно важным исследование организационных основ территориальной обороны для совершенствования нормативной правовой базы и взаимодействия вооруженных сил, других войск и органов в реализации требований национальной безопасности и защиты населения и территорий, материальных и культурных ценностей в мирное и военное время.

Как отечественный, так и зарубежный исторический опыт подчёркивают особую значимость территориальной обороны как одного из элементов обеспечения национальной безопасности государства[2]. Анализ опыта становления и развития территориальной обороны позволяет выявить её характерные черты, основные тенденции развития, определяющие её будущее состояние.

Территориальная оборона охраняет все объекты, которые имеют значение для жизни и здоровья людей или могут им угрожать. Она борется с диверсантами, террористами, вражеской разведкой и всеми незаконными вооруженными формированиями. Территориальная оборона является неотъемлемой составляющей оборонного потенциала любого государства, обеспечивающего защиту населения, критической инфраструктуры и объектов стратегического значения от военных угроз, диверсий и террористических актов. В современных условиях гибридных конфликтов и дестабилизации региональной безопасности ее значение для России многократно возрастает. Однако правовое регулирование территориальной обороны остается фрагментарным, что подтверждается дискуссиями на уровне Межпарламентской Ассамблеи СНГ о необходимости

[1] Кайнов, В. И. О реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации задач, возложенных на них законодательством / В. И. Кайнов, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 39-45. – EDN RZCYIV.
[2] Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.

принятия соответствующего модельного закона. Исследование историко-правовых аспектов позволяет выявить системные проблемы и предложить пути их решения.

В научной и практической среде сформировались несколько подходов к определению территориальной обороны. Так, согласно функциональному подходу, территориальная оборона трактуется как комплекс мероприятий по защите населения, военных и гражданских объектов в зоне возможных боевых действий. Акцент делается на использовании средств вооруженной борьбы и координации гражданских и военных администраций[1].

Сторонники институционального подхода рассматривают территориальную оборону как систему специальных органов и формирований, территориальных войск, отрядов самообороны, действующих под единым командованием. Этот подход раскрывает преимущественно структурные аспекты[2].

Режимно-правовой подход связывает территориальную оборону с режимом военного положения, поскольку она является его ключевым элементом. Вне этого режима отдельные мероприятия территориальной обороны могут проводиться ограниченно[3].

Развитие правовых основ территориальной обороны можно разделить на несколько ключевых периодов.

Первый этап состоит в зарождении правовых основ территориальной обороны, охватывает 1914-1918 годы. В период Первой мировой войны появляется военная авиация и химическое оружие, что вызывает потребность в защите тыловых объектов. Принимаются первые правовые акты. В частности, Приказ № 90 командующего 6-й армией от 30 ноября 1914 г. «Об организации воздушной обороны Петрограда», Инструкция по поведению населения при воздушных налетах и газовых атаках (1915-1918 гг.), предусматривающие возложение соответствующих обязанностей на домовые комитеты, создание противогазов и организацию их производства как элемент противохимической защиты.

Второй этап связан со становлением местной противовоздушной обороны (1930-е – 1950-е гг.). Местная противовоздушная оборона становится правопреемником территориальной обороны. Ее задачи находят закрепление в общесоюзных положениях и включают защиту от воздушных налетов, ликвидацию последствий ударов, светомаскировку. Правовой статус формирований Местной противовоздушной обороны определялся решениями СНК СССР.

Третий, выделенный нами этап состоит в развитии вопросов территориальной обороны в рамках гражданской обороны (1960-е – 1991 гг.). С созданием общегосударственной системы гражданской обороны функции территориальной обороны интегрируются в ее структуру. Закон СССР «О гражданской обороне» 1961 года и последующие акты регламентировали защиту населения и объектов, но не выделяли территориальную оборону как самостоятельный институт[4].

Четвертый этап, постсоветский период, который начался в 1991 году. В этот период принимается первый профильный закон - Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», который впервые использовал термин «территориальная оборона» на законодательном уровне. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» расширил задачи сил территориальной обороны. Указ Президента РФ от 5 февраля 2023 г. № 68 «Об утверждении Основ государственной политики в области территориальной обороны» явился актуальной, последняя крупной вехой, систематизирующей различные подходы к территориальной обороне[5].

К ведению территориальной обороны привлекается широкий круг субъектов под единым руководством Президента РФ и федеральных органов исполнительной власти.

Большая роль отведена правовым актам Министерства обороны РФ. Координирующая роль Министерства обороны раскрывается через Генеральный штаб, регулирующий вопросы развертывания и применения территориальных войск, соединений, воинских частей, предназначенных для территориальной обороны[6].

Войска национальной гвардии РФ играют важную роль в механизме обеспечения территориальной обороны, составляя ключевой её компонент, посредством решения задач внутри территориальной обороны, особенно в части охраны общественного порядка и безопасности в условиях особых периодов, борьбы с диверсионно-разведывательными группами и незаконными вооруженными формированиями, охраны важных государственных объектов и специальных грузов[7].

МЧС России осуществляет организацию мероприятий гражданской обороны, главным образом, эвакуацию, защиту населения, ликвидацию последствий[8].

Органы исполнительной власти субъектов РФ и местного самоуправления обеспечивают мобилизационную готовность экономики, ресурсов, оповещение населения, формирование (при необходимости) отрядов народного ополчения, территориальной самообороны.

---

[1] Кардаш И. Л. Развитие нормативно-правовой базы территориальной обороны Российской Федерации в современных условиях // Вестник военного права. -2018.- № 1.-С. 35-39.
[2] Сагайда А. В. Территориальная оборона. История её образования в российском государстве // Проблемы современной науки и образования. -2017.- № 15 (97). - С.75-78.
[3] Княжев В. Б., Майдыков А. Ф. Территориальная оборона в системе безопасности российского государства и место в ней МВД России // Пробелы в российском законодательстве. -2014.-№ 2.- С. 89-93.
[4] Синодов И.В., Лебедев В.Г. Участие органов внутренних дел в мероприятиях гражданской и территориальной обороны // Закон и право. - 2008.- № 8. -С. 25-29.
[5] Кривов А. А., Ловпаче Е. А. Анализ моделей тылового обеспечения частей и подразделений территориальной обороны стран НАТО и ОДКБ // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России: Межвузовский сборник научных трудов. -2016.- Выпуск № 2 (37). - С. 49-54.
[6] Асилов Н. Т., Жексенбинов Б. Н., Адельбаев Е. Б. Территориальная оборона по опыту войн и вооружённых конфликтов // Мир образования — образование в мире. - 2020.- № 1 (77). - С.24-28.
[7] Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.
[8] Семенова, У. С. Место и роль МЧС России в системе органов исполнительной власти / У. С. Семенова, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 3. – С. 12-15. – DOI 10.18572/1813-1247-2023-3-12-15. – EDN IXHUKS.

ФСБ, МВД, другие силовые структуры в пределах своей компетенции выполняет ряд существенных задач в рамках организации территориальной обороны.

Росгвардия играет уникальную роль в системе территориальной обороны, благодаря своим полномочиям и структуре. Росгвардия подчиняется непосредственно Президенту РФ, что обеспечивает оперативность реагирования в кризисных ситуациях как военного, так и внутриполитического характера[1].

Росгвардия имеет органы управления и подразделения во всех регионах страны, что позволяет быстро задействовать силы и средства в интересах территориальной обороны на конкретной территории.

Войска национальной гвардии выполняют широкий спектр задач, от охраны правопорядка и критической инфраструктуры (энергетика, транспорт) до участия в контртеррористических операциях и пресечения деятельности Диверсионно-разведывательных групп противника. Это напрямую соответствует задачам территориальной обороны по защите объектов и коммуникаций.

Специальные подразделения Росгвардии (СОБР, ОМОН), авиация, артиллерия позволяют эффективно действовать в различных условиях.

Росгвардия тесно взаимодействует с населением. Тесная связь с органами МВД на местах облегчает координацию и привлечение граждан к мероприятиям территориальной обороны (оповещение, содействие).

Исследование правовой базы территориальной обороны позволило выделить проблемные аспекты правового регулирования.

Так, в настоящее время отсутствует единый базовый закон, регламентирующий вопросы организационных основ территориальной обороны[2]. Нормативное регулирование территориальной обороны фрагментировано между десятками законов и подзаконных актов (Федеральный закон «Об обороне», федеральный конституционный закон «О военном положении», федеральный закон «О безопасности», Указы Президента, постановления Правительства). Это создает правовую неопределенность и сложности в применении норм.

Нечеткость статуса формирований территориальной обороны. Правовое положение добровольческих отрядов территориальной самообороны, их полномочия, порядок создания, вооружения, финансирования и включения в общую систему территориальной обороны на законодательном уровне не урегулированы детально.

Недостаточно четко разграничены полномочия военной и гражданской администрации. Существует риск противоречий между военной и гражданской администрацией при организации и ведении территориальной обороны в условиях военного положения.

Правовые основания и пределы проведения отдельных мероприятий территориальной обороны (учений, создания инфраструктуры, подготовки формирований) в мирное время требуют более четкой регламентации.

Гарантии социальной и правовой защиты граждан, привлекаемых к мероприятиям территориальной обороны (особенно в добровольческих формированиях), а также членов их семей в случае травмы или гибели, разработаны недостаточно[3].

Не урегулированы вопросы создания и содержания в военное время необходимых сил и средств, решения ими задач охраны объектов в ходе ведения территориальной обороны, а также организации взаимодействия и управления.

Не установлен порядок применения некоторых мер. Например, не определён порядок введения особого режима работы объектов, обеспечивающих функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды.

Для решения этих проблем представляется целесообразным внесение изменений в Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении», Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне», а также в иные нормативные правовые акты федерального, регионального и муниципального уровней.

Таким образом, институт территориальной обороны в России прошел сложный путь развития от локальных мер противовоздушной и противохимической защиты времен Первой мировой войны до комплексной системы, интегрированной в стратегию национальной безопасности. Исторический опыт свидетельствует о том, что импульсом к развитию правового регулирования территориальной обороны неизменно служили новые военные угрозы. Современные вызовы требуют дальнейшего совершенствования законодательства.

Ключевыми направлениями развития института территориальной обороны, по нашему мнению, могут стать принятие специального федерального закона «О территориальной обороне» на базе модельного закона, принятого Межпарламентской ассамблеей СНГ, детально регламентирующего все аспекты ее организации и ведения; четкое определение правового статуса добровольческих формирований и гарантий для их участников; отработка механизмов безусловного обеспечения единоначалия и эффективного взаимодействия всех субъектов территориальной обороны, как в мирное время, так и в особый период. Войска национальной гвардии, обладая уникальными возможностями и территориальным охватом, доказали свою незаменимую роль в механизме территориальной обороны, и их потенциал должен быть учтен при дальнейшем реформировании системы. Устранение выявленных правовых пробелов повысит эффективность территориальной обороны как инструмента

[1] Шеншин, В. М. О месте и роли Росгвардии в системе осуществления федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 1(306). – С. 123-128. – EDN IEHCXI.

[2] Немченко, С. Б. О необходимости принятия федерального закона «О территориальной обороне» / С. Б. Немченко, А. А. Зозуля // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 8(337). – С. 95-101. – EDN JZDODF.

[3] Шеншин, В. М. О планируемых новых гарантиях участникам специальной военной операции / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 10(327). – С. 27-31. – EDN MWIQHN; Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.

обеспечения военной безопасности Российской Федерации в современных условиях.

Список литературы:

1. Асилов Н. Т., Жексенбинов Б. Н., Адельбаев Е. Б. Территориальная оборона по опыту войн и вооружённых конфликтов // Мир образования — образование в мире. -2020.- № 1 (77). - С.24-28.
2. Гордеев Д. А., Мацулевич А. М. Территориальная оборона: история и современность // Специальная техника и технологии транспорта». - 2019.- № 3 (41). - С. 45-49.
3. Кардаш И. Л. Развитие нормативно-правовой базы территориальной обороны Российской Федерации в современных условиях // Вестник военного права. -2018.- № 1.-С. 35-39.
4. Княжев В. Б., Майдыков А. Ф. Территориальная оборона в системе безопасности российского государства и место в ней МВД России // Пробелы в российском законодательстве. -2014.-№ 2.- С. 89-93.
5. Кривов А. А., Ловпаче Е. А. Анализ моделей тылового обеспечения частей и подразделений территориальной обороны стран НАТО и ОДКБ // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России: Межвузовский сборник научных трудов. -2016.- Выпуск № 2 (37). - С. 49-54.
6. Сагайда А. В. Территориальная оборона. История её образования в российском государстве // Проблемы современной науки и образования. - 2017.- № 15 (97). - С.75-78.
7. Синодов И.В., Лебедев В.Г. Участие органов внутренних дел в мероприятиях гражданской и территориальной обороны // Закон и право. - 2008.- № 8. -С. 25-29.
8. Шеншин В.М., Назарова И.С. Противодействие экстремизму: основной понятийно-категориальный аппарат: учебное пособие / Санкт-Петербург: Белгород: Изд-во: «Эпицентр»; Военная ордена Жукова Академии войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. - 95 с.
9. Немченко, С. Б. О необходимости принятия федерального закона «О территориальной обороне» / С. Б. Немченко, А. А. Зозуля // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 8(337). – С. 95-101. – EDN JZDODF.
10. Кайнов, В. И. О реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации задач, возложенных на них законодательством / В. И. Кайнов, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 39-45. – EDN RZCYIV.
11. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
12. Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.
13. Шеншин, В. М. О месте и роли Росгвардии в системе осуществления федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 1(306). – С. 123-128. – EDN IEHCXI.
14. Шеншин, В. М. О планируемых новых гарантиях участникам специальной военной операции / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 10(327). – С. 27-31. – EDN MWIQHN.
15. Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.

References:

1. Asilov N. T., Zheksenbinov B. N., Adelbaev E. B. Territorial defense based on the experience of wars and armed conflicts // The world of education — education in the world. -2020.- № 1 (77). - Pp.24-28.
2. Gordeev D. A., Matsulevich A.M. Territorial defense: history and modernity // Special equipment and transport technologies". - 2019.- № 3 (41). - Pp. 45-49.
3. Kardash I. L. Development of the regulatory framework of the territorial defense of the Russian Federation in modern conditions // Bulletin of Military Law. -2018.- No. 1.-pp. 35-39.
4. Knyazhev V. B., Maidykov A. F. Territorial defense in the security system of the Russian state and the place of the Ministry of Internal Affairs of Russia in it // Gaps in Russian legislation. 2014.No. 2. pp. 89-93.
5. Krivov A. A., Lovpache E. A. Analysis of models of logistics support for units and subunits of territorial defense of NATO and CSTO countries // Regional aspects of management, economics and law of the North-Western Federal District of Russia: Interuniversity collection of scientific papers. -2016.- Issue No. 2 (37). - pp. 49-54.
6. Sagaida A.V. Territorial defense. The history of her education in the Russian state // Problems of modern science and education. -2017.- № 15 (97). - Pp.75-78.
7. Synodov I.V., Lebedev V.G. Participation of internal affairs bodies in civil and territorial defense activities // Law and Law. - 2008.- No. 8. -pp. 25-29.
8. Shenshin V.M., Nazarova I.S. Countering extremism: the basic conceptual and categorical apparatus: textbook / St. Petersburg: Belgorod: Publishing house: "Epicenter"; Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation, 2025. - 95 C.
9. Nemchenko, S. B. On the need to adopt the federal law "On Territorial Defense" / S. B. Nemchenko, A. A. Zozulya // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 8(337). – Pp. 95-101. – EDN JZDODF.
10. Kainov, V. I. On the implementation by the troops of the National Guard of the Russian Federation of the tasks assigned to them by legislation / V. I. Kainov, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 7(312). – Pp. 39-45. – EDN RZCYIV.
11. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2022. 202 p. ISBN 978-5-6048482-9-6. EDN CCFOMJ.
12. Volkogon, T. A. On the issue of the legal regimes "martial law" and "counter-terrorism operation" and the exercise by the troops of the National Guard of the Russian Federation of their powers in these regimes / T. A. Volkogon, A. N. Tulaev, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 9(314). – Pp. 21-32. – EDN OTKMXR.
13. Shenshin, V. M. On the place and role of the Rosgvardiya in the system of federal state control (supervision) over the activities of security units of legal entities with special statutory tasks and departmental security units / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 1(306). – Pp. 123-128. – EDN IEHCXI.
14. Shenshin, V. M. On planned new guarantees for participants in a special military operation / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 10(327). – Pp. 27-31. – EDN MWIQHN.
15. Utkin, N. I. Observance of law and order as a factor of support for citizens participating on a voluntary basis in the protection of the State border of the Russian Federation / N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 2. – pp. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_129

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
LAW-MAKING POLICY: GENERAL THEORETICAL ASPECT

КОЖЕВНИКОВ Владимир Валентинович,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ Достоевского).
Россия, 644077, г. Омск, ул. пр.Мира 55а.
E-mail: kta6973@rambler.ru;
KOZHEVNIKOV Vladimir Valentinovich,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of Omsk State University them. F.M. Dostoevsky (Omsk State University of Dostoevsky).
Russia, 644077, Omsk, st. Mira Ave. 55a.
E-mail: kta6973@rambler.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются различные подходы понимания правотворческой политики. Особое внимание обращается на возможность правотворческих ошибок и их последствия.*
Abstract: *the article analyzes various approaches to understanding law-making policy. Particular attention is paid to the possibility of law-making errors and their consequences.*

Ключевые слова: *правовая политика, правотворческая политика, стратегия, тактика, правотворческая ошибка.*
Keywords: *legal policy, law-making policy, strategy, tactics, law-making mistake.*

Для цитирования: *Кожевников В.В. Правотворческая политика: общетеоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 129-132. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_129.*
For citation*: Kozhevnikov V.V. Law-making policy: general theoretical aspect // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 129-132. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_129.*

Статья поступила в редакцию: 22.05.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Обращаем внимание на то, что практически все исследователи правовой политики выделяют такой ее вид, как **правотворческую политику**[1].

В свое время Н.И. Матузов утверждал, что «среди разновидностей правовой политики обычно выделяют законодательную, уголовную, судебную, следственную, надзорную, правоохранительную и др.»[2]. Представляется, что правовая политика государства является основой, предпосылкой по отношению прежде всего правотворческой, а также правоинтерпретационной и правореализационной, в том числе правоприменительной, политики.

Несмотря на данной утверждение, по мнению некоторых ученых, «правовая политика осуществляется… в форме правотворческой деятельности государства, при которой последнее в лице законодательных органов власти непосредственно принимает законы…»[3].

А.В. Малько и А.Ю. Саломатин, говоря уже о правотворческой форме правовой политики, пишут о том, что она «воплощается преимущественно в принятии, изменении и отмене нормативных актов и договоров»[4].

Имея ввиду данную форму правовой политики В.В. Путило писал: «Данного рода деятельность представляет собой процесс постоянного совершенствования действующего права в свете правовых принципов. Она, несомненно, должна соответствовать экономической и социальной политике, так как переводит на язык права потребности общественной жизни. Принятие заведомо финансово не обеспеченных законов, особенно популярное в сфере социальной защиты, совершенно недопустимо в нынешних условиях»[5].

Сразу обратим внимание, что правовая политика при всем многообразий характеристик и определений понимается и воспринимается в обществе прежде всего как политика правотворчества[6]. С.В. Поленина писала, что «такое положение не случайно, поскольку, будучи закрепленной в преамбулах, определениях и статьях законов и иных нормативных правовых актах, правовая политика приобретает наиболее ясную и доступную населению для широкого обозрения и ознакомления форму»[7]. Здесь же подчеркивается, что четкая, целостная и последовательная правотворческая политика есть необходимая предпосылка эффективности законодательной и иной правотворческой деятельности. Основной целью которой должно быть разрешение экономических, экологических, социальных, этнических и иных задач в соответствии с требованиями Конституции РФ. Для того чтобы эта цель могла претворяться в жизнь, нужно, чтобы не только сами законодательная и иная правотворческая деятельность, но и положенная в ее основу правотворческая политика формировались путем выявления существенных потребностей в правовой регламентации определенных областей общественных отношений в интересах населения всей страны и входящих в Федерацию субъектов, а также при условии органичного, т. е.

[1] См.: Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М., 2006; .С.182; Юмадилов Б.Г. Об элементах правовой политики//Евразийский юридический журнал. 2009.№9. С.13; Мазуренко А.П. Правотворческая политика: понятие и соотношение со смежными юридическими категориями//Гос. и право. 2010.№4. С.17-20.
[2] Матузов Н.И. Правовая политика// Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2009.С.473-474.
[3] См.: Комаров С.А., Г.М Азнагулова Правовая политика: понятие, роль и обеспечение в правовой системе общества //Правовая политика и правовая жизнь. 2012.№3. С.13.
[4] См.: Малько А.В., Саломатин А.Ю. Политология для юристов: учебник. М., 2010.С. 306.
[5] Путило Н.В. Правовая политика современного демократического государства //Социология права : учебник/под ред. В.М. Сырых.М.., 2001.С.137.
[6] См.:Поленина С.В. Правотворческая политика//Российская правовая политика: курс лекций /под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько.М., 2003.С.180.
[7] Там же.

непротиворечивого вхождения данного закона или иного нормативного правового акта в систему законодательства[1].

Итак, что же учеными понимается под **правотворческой политикой?**

При ответе на данный вопрос приходится констатировать, что ее трактовка во многом обусловливается тем или иным пониманием автором термина «правовая политика». Так, И. Б. Романов понимает ее, как **деятельность** государства в сфере правового регулирования[2], хотя ранее утверждал, что «…важное значение для правотворческой деятельности имеет исследование, выяснение объективных закономерностей и тенденций, присущих не только правовому регулированию, но и правовому развитию в целом»[3]. В этой же работе автором предлагается иная трактовка правотворческой политики: «…под правотворческой политикой следует понимать научно обоснованную, планомерную и системную деятельность, направленную на обеспечение необходимых условий для эффективного правотворчества, осуществляемого на различных уровнях государственного и общественного управления»[4].

Наконец, предлагается и такой вариант, при котором правовая политика рассматривается как стратегия и тактика правового развития общества.

Автором при этом поясняется следующее. **Правовая стратегия** включает в себя закономерности правового развития, определяет задачи и цели как в целом правовой системы, так и ее отдельных элементов, распределяет правовые ресурсы по отдельным направлениям функционирования и развития правовой системы, правового развития общества. Стратегия представляет собой определенные стандарты целедостижения, основу выработки определенных целей, направление совокупной целевой деятельности. Правовая политика как стратегия правового развития-наиболее общее, магистральное, основанное на господствующих правовых идеях направление правового развития общества. В практическом плане правовая стратегия преимущественно связана с реализацией правотворческой функции высших органов государственной власти. Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ и другие высшие органы государственной власти участвуют в формулировании стратегии правового развития российского общества, что отражается в принимаемых ими правовых актов. Политико-правовой основой стратегии государственной политики в сфере права являются общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституция РФ, законодательство РФ, определяющие направление правового развития государства и общества[5].

Понятие стратегии правового развития тесно связано с понятием **тактика,** которое является подчиненным по отношению к первому. Тактика представляет собой совокупность приемов и средств для достижения намеченной цели Если стратегия правового развития связана с определением наиболее приоритетных общих задач и целей, концептуальных подходов развития правовой системы общества, то правовая тактика должна пониматься как система последовательных действий и политико-правовых операций, связанных с решением конкретных политических (управленческих) задач в сфере права и на его основе[6].

С позиции И.Б. Романова, понимание правовой политики как стратегии и тактики правового развития российского общества является основой подготовки различных концептуальных, доктринальных, программных и иных документов, определяющих конкретные тактические цели, принципы и направления деятельности государства в правовой сфере. Такое понимание правовой политики может рассмотрено в трех взаимосвязанных аспектах: во-первых, правовая идеология, правовые идеи, которые влияют на характер правовой политики и формирование стратегии правового развития общества (идейно-аксиологический аспект); во-вторых, это конкретные программы, установки , цели, задачи и т. п. (теоретико-программный, телеологический аспект); в-третьих, совокупность реальных отношений, возникающих как результат осуществления правовой политики в реальности, фиксирующих момент правового развития общества (социально-практический аспект)[7].

В словаре-справочнике «Юридическая техника» говорится, что « правотворческая политика – научно обоснованная, последовательная и системная **деятельность** государственных и негосударственных структур, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества, на создание необходимых условий для эффективной правотворческой работы.

Самостоятельность правотворческой политики подтверждается наличием **признаков,** отличающих ее от других видов правовой политики.

Среди ее признаков можно выделить следующие:

1) особая форма реализации правовой политики, которая воплощается преимущественно в принятии, изменении и отмене нормативно-правовых актов и нормативных договоров;

2) в рамках ее формируется стратегия и тактика правотворческой деятельности, что существенным образом отражается на выстраивании системы права;

3) субъектами данного вида политики выступают органы представительной (законодательной) и исполнительной государственной власти, институты гражданского общества;

4) целью ее выступает оптимизация правотворческого процесса, содействие правоприменительной и иной юридической деятельности;

5) средствами являются соответствующие правовые акты, концепции, программы, мониторинг российского законодательства,

[1] См.: Поленина С.В. Указ. соч.С.182.
[2] См.: Романов И.Б. Правотворческая политика современного демократического государства: понятие, принципы, стратегия и тактика// Юридическая наука. 2014.№1. С.29.
[3] Там же.
[4] Там же. С.32.
[5] Там же.С.34.
[6] Там же.С.34-35.
[7] Там же.С.35.

правотворческая (в том числе законотворческая) техника, систематизация нормативных правовых актов, моделирование, вето президента, специализация и унификация законодательства и т. п.

6) осуществляется в правотворческой сфере на международном, общефедеральном, региональном, муниципальном и локальном уровнях.

Правовая политика-явление сложное, многогранное, подразделяющееся на различные виды. В зависимости от того, какой срез правотворческого процесса выступает объектом правотворческой политики – законотворческий или подзаконный, выделяют, соответственно: законотворческую и подзаконную политику[1].

А.П. Мазуренко несколько шире понимает рассматриваемый феномен: «под правотворческой политикой следует понимать особое явление политико-правовой действительности, выражающееся в научно обоснованной, планомерной и системной деятельности государственных органов и негосударственных структур, направленной на определении стратегии и тактики правотворчества, осуществляемой на различных уровнях правового регулирования в целях обеспечения необходимых условий для создания непротиворечивой и целостной системы права»[2].

Т.А. Золотухина, определяя правовую политику (правотворческую политику) как политику, основанную на праве, полагает, что она, будучи осознанной, консолидированной, воплощается прежде всего в законах, конституциях, кодексах, других основополагающих нормативно-правовых актах[3].

Представляется, что более предпочтительной является определение, согласно которому «правотворческая политика представляет собой комплекс концептуальных идей, программ, планов, направленны на модернизацию правотворчества, повышение его эффективности в целях создания непротиворечивой и целостной системы права, а с другой- является научно-обоснованной, последовательной и системной деятельностью государственных структур и субъектов гражданского общества по формированию и реализации стратегии и тактики правотворчества».[4]

Заметим, что понятие «стратегия» в отношении законотворчества и правотворчества в целом встречается довольно часто. Так, например, О.А. Гаврилов под **стратегией правотворчества** понимает систему взаимосвязанных и взаимозависимых мер, направлений развития правовых институтов и отраслей, планов, прогнозов, способствующих гармоничному и планомерному процессу законотворчества на базе учета всех политических и экономических факторов. По его мнению, эффективная стратегия правотворчества должна опираться на получение и использование прежде всего долгосрочных юридических и социальных прогнозов[5].

Т.Н. Рахманина считает, что для принятия решения о разработке конкретного законопроекта немаловажное значение имеют стратегия законодательной деятельности и правильно выбранные ее приоритеты[6]. М.А. Голощапов видит роль государственно-правовой стратегии в том, чтобы координировать и направлять все правовые действия и законотворческие ресурсы органов государственной власти на достижение политических, правовых, экономических и социальных целей[7].

Констатируя, что правотворческая стратегия и правотворческая политика- тесно связанные юридические категории, но далеко не тождественные, А.П. Мазуренко пришел к выводу о том, что правотворческая политика - понятие более широкое, ибо такая политика является не только стратегией, но тактикой в сфере правотворчества. Ученый пишет, что «помимо планирования и прогнозирования, она включает такие обязательные элементы, как научное обоснование, учет общественного мнения, экспертное и методическое обеспечение законодательной деятельности, системный подход в сфере правового регулирования и др., с помощью которых решаются стоящие перед ней тактические задачи»[8]. На эту особенность в отношении правовой политики в целом обращает внимание Н.В. Исаков: «Правовая политика в идеале должна иметь свою стратегию и тактику, ясные и обоснованные цели и соответствующие средства их достижения… Правовые идеи стратегического характера могут быть выполнимыми, если их реализацию обеспечивают продуманные на основе правовой политики решения, задачи и действия тактического характера. Поэтому в тактическом плане правовая политика решает ближайшие задачи»[9].

А.В. Малько и А.П. Мазуренко выделяют **перспективные (стратегические) цели** и **ближайшие (тактические) задачи правотворческой политики Российской Федерации.**

К стратегическим целям относятся: - создание правовых условий для закрепления долговременной стратегии законотворчества; - укрепление юридических гарантий, правовых механизмов, обеспечивающих реализацию стратегических целей и тактических задач нормативно-правового регулирования; - совершенствование нормативно-правовой базы стимулирования экономического прогресса, развития инновационной экономики, высокой производительности труда; - закрепление надежно и эффективно работающих механизмов обеспечения и защиты неотчуждаемых прав и свобод человека; - создание необходимых правовых гарантий безопасности личности, общества и государства; - законодательное обеспечение достойного уровня благосостояния, качества и продолжительности жизни граждан; - широкая легитимация нравственных и культурных ценностей и традиций; - разработка стабильной законодательной базы цивилизованных социально-политических и экономических отношений; - преодоление пробельности российского законодательства; - обеспечение согласованности в системе действующих нормативных правовых актов; - повышение степени легитимности государственной власти и правовой системы, нормативно-правовое стимулирование эффективных механизмов государственного управления и правового регулирования; - создание необходимых политико-правовых условий для преодоления коррупции в органах власти всех уровней и декриминализации общественных отношений; - обеспечение благоприятных нормативных предпосы-

[1] См.: Правотворческая политика // https://determiner.ru/termin/pravotvorcheskaja-politika.html (дата обращения: 16. 02 2024 г.)
[2] Мазуренко А.П. Указ. соч. С.20.
[3] См.: Золотухина Т.А. Правотворческая политика российского государства//История государства и права. 2008.№15.С.13.
[4] Мазуренко А.П., Дьяченко О.В. Современная правотворческая политика: основные подходы к исследованию // Magyar Tudomaneos Jornal. №41.2020.С.28.
[5] См.: Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование.М., 1993.С.26-27.
[6] Рахманина Т.Н. Организация и методика подготовки законопроектов//Законотворчество в Российской Федерации/под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000.С.191.
[7] Голощапов А.М. Место и роль Государственной Думы в функционировании государственно-правовой стратегии // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. №1.С.430.
[8] Мазуренко А.П. Указ. соч.С.16.
[9] Исаков Н.В. Основные приоритеты современной российской правовой политики: монография/ под ред. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2003.С.32.

лок для преодоления правового нигилизма, оздоровления нравственного состояния российского общества.

К числу тактических задач правотворческой политики относятся: - нормативно-правовое обеспечение антикризисных мер, стимулирование процессов стабилизации экономического положения страны; - создание правовых условий для выравнивания социально-экономических отношений в обществе; - законодательное стимулирование развития социальных связей, участия населения в принятии государственно-значимых правотворческих решений; - научное обоснование стратегии развития правотворчества на длительную перспективу; - разработка среднесрочных и краткосрочных программ развития отдельных отраслей правового регулирования; - инвентаризация законодательства с оценкой степени его эффективности; - всеобщая систематизация и кодификация законодательства; - оптимизация процедур профилактики и преодоления коллизий правовых актов Российской Федерации и субъектов РФ; - совершенствование законодательства об общественных, в частности неправительственных организациях, местном самоуправлении, средствах массовой информации; - создание эффективного механизма реализации антикоррупционного законодательства; - повышение действенности нормативной базы по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью; - разработка законотворческой политики в сфере совершенствования института частного права; - реформирование налогового законодательства, снижение налогового бремени в целях стимулирования инноваций и частных инвестиций в человеческий капитал; - эффективное правовое регулирование вопросов экологической и продовольственной безопасности; - совершенствование миграционного законодательства; - реформирование системы социального, в частности, медицинского законодательства; - развитие законодательства по вопросам активизации институтов гражданского общества и их влияния на правовую жизнь страны; - нормативное закрепление интересов наций и народностей России в разнообразных отношениях общества и государства[1].

С.В. Поленина замечала, что правовая жизнь в целом, правовая политика далеко не всегда может быть охарактеризована положительно. Причем дефекты этой политики, хотя и обнаруживаются чаще всего в ходе правоприменения, нередко имеют своей причиной **ошибки в политике правотворческой.** Примеры такого рода ошибок правотворческой политики, совершенных в период так называемой перестройки и повлекшие за собой тяжелейшие политические, экономические, социальные и нравственные последствия для целостности государства, единства общества, интересов населения в целом и отдельных индивидуумов, весьма многочисленны и широко известны[2]. С.В. Поленина полагала, что значимость ошибок правотворческой политики тем более высока, что, будучи реализованы в законах и других нормативных правовых актах, они уже не могут быть исправлены, а в лучшем случае лишь слегка скорректированы в ходе претворения в жизнь правоприменительной политикой. По большому счету то же относится и к правоинтерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ, которая подчас выходит за рамки полномочий этого органа, подменяя интерпретацию Конституцию РФ собственной правотворческой политикой, как это имело место, в частности, с признанием конституционности так называемых опережающих законы указов Президента РФ[3].

В заключение подчеркнем, что правотворческая политика, являясь разновидностью правовой политики в юридической науке трактуется неоднозначно, однако, несмотря на это обстоятельство, следует иметь в виду, что ошибки в ее осуществлении могут привести весьма к негативным последствиям в иной правовой деятельности, в том числе правоприменительной.

Список литературы:

1. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М., 2006; .С.182.
2. Юмадилов Б.Г. Об элементах правовой политики//Евразийский юридический журнал. 2009.№9. С.13.
3. Мазуренко А.П. Правотворческая политика: понятие и соотношение со смежными юридическими категориями//Гос. и право. 2010.№4. С.17-20.
4. Матузов Н.И. Правовая политика// Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2009.С.473-474.
5. Комаров С.А., Г.М Азнагулова Правовая политика: понятие, роль и обеспечение в правовой системе общества //Правовая политика и правовая жизнь. 2012.№3. С.13.
6. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Политология для юристов: учебник. М., 2010.С. 306.
7. Путило Н.В. Правовая политика современного демократического государства //Социология права : учебник/под ред. В.М. Сырых.М.., 2001.С.137.
8. Поленина С.В. Правотворческая политика//Российская правовая политика: курс лекций /под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько.М., 2003.С.180.
9. Романов И.Б. Правотворческая политика современного демократического государства: понятие, принципы, стратегия и тактика// Юридическая наука. 2014.№1. С.29.
10. Мазуренко А.П., Дьяченко О.В. Современная правотворческая политика: основные подходы к исследованию // Magyar TudomaneosJornal. № 41. 2020. С. 28.
11. Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование.М., 1993.С.26-27.
12. Рахманина Т.Н. Организация и методика подготовки законопроектов // Законотворчество в Российской Федерации/под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000. С. 191.
13. Исаков Н.В. Основные приоритеты современной российской правовой политики: монография/ под ред. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2003.С.32.
14. Малько А.В. Мазуренко А.П. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). М., 2011. С.14-16.

References:

1. V. Chervonyuk.Laureate of the prize named after Theory of State and Law: textbook, M. Sc., 2006; .According to S. N.182.
2. B. Yumadilov.According to G. N. On the elements of legal policy//The Eurasian Law Journal. 2009.№9. According to S. N.13.
3. A. Mazurenko.In accordance with paragraph Law-making policy: the concept and relation to related legal categories//The State It's a right. 2010.№4. According to the opinion of S. N.17-20.
4. Matuzov N. is a laureate of the prize named after Legal policy / / Matuzov N., Winner of the A. Malko Prize, Theory of the State and Law: textbook, M.Sc., 2009.According to S. N.473-474.
5. S. Komarov.A. N. G.M. Aznagulova Legal policy: concept, role and provision in the legal system of society //Legal policy and legal life. 2012.№3. According to S. N.13.
6. A. Malko.V. N. A. Salomatin.Yu. n. Political science for lawyers: textbook. M. N., 2010.According to S. N. 306.
7. Putilo N.V. N. Legal policy of a modern democratic state/ / Sociology of law : textbook / ed. by N.V. N.M. N. Blonde M. N., 2001.According to S. N.137.
8. S. Polenin.V. N. Law-making policy / / Russian Legal Policy: a course of lectures / edited by N. N. Prizewinner. Matuzova and A. N. V. N. Malko, M. Sc., 2003.According to S. N.180.
9. I. Romanov. B. N. Law-making policy of a modern democratic state: the concept, principles, strategy and tactics// Legal science. 2014.№1. According to S. N.29.
10. A. Mazurenko.According to P. O. Dyachenko, V. N. Modern law-making policy: basic approaches to research // Magyar tudomaneosjornal. № 41. 2020. According to S. N. 28.
11. O. Gavrilov. A. n. Strategy of law-making and social forecasting. n., 1993.According to S. N.26-27.
12. T. Rachmaninoff.N. Organization and methodology of preparation of draft laws // Lawmaking in the Russian Federation/ed. by N. A. N.According to S. N. Pigolkin. M. N., 2000. According to S. N. 191.
13. Isakov N.V. N. The main priorities of modern Russian legal policy: a monograph/ edited by N. V. N.A. N. Kaznacheyev. Pyatigorsk, 2003.According to S. N.32.
14. A. Malko.V. N. A. Mazurenko.In accordance with the paragraph. The concept of law-making policy in the Russian Federation (draft). M. N., 2011. According to S. N.14-16.

[1] См.: Малько А.В. Мазуренко А.П. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). М., 2011. С.14-16.
[2] См.: Поленина С.В. Указ. соч.С.180-181.
[3] Там же.С.181.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_133

УДК 340.1

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС: ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ SPECIAL LEGAL STATUS: QUESTIONS OF FUNCTIONAL PURPOSE

ШМИДТ Анна Валерьевна,
преподаватель кафедры теории государства и права
ФГБОУ «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Вольская 1.
E-mail: jurist.sar@yandex.ru;

SCHMIDT Anna Valeryevna,
Lecturer at the Department of Theory of State and Law Saratov State Law Academy.
410056 Russian Federation, Saratov, Volskaya str., 1.
E-mail: yurist.sar@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются идентифицирующая, структурирующая, ориентирующая, аксиологическая, инициирующая, регулятивная, репрезентативная и прогностическая функции. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что специальный правовой статус – особый феномен правовой реальности, который может найти свое непосредственное предназначение лишь тогда, когда будет функционировать.*

Abstract: *The article analyzes identifying, structuring, orienting, axiological, initiating, regulatory, representative and predictive functions. As a result of the conducted research, it is concluded that special legal status is a special phenomenon of legal reality, which can find its immediate purpose only when it functions.*

Ключевые слова: *специальный правовой статус, функции, особое правовое положение, специальные права и обязанности.*
Keywords: *special legal status, functions, special legal status, special rights and obligations.*

Для цитирования: *Шмидт А.В. Специальный правовой статус: вопросы функционального предназначения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 133-135. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_133.*
For citation*: Schmidt A.V. Special legal status: issues of functional purpose // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 133-135. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_133.*

Статья поступила в редакцию: 06.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В современных условиях вопрос о статусе постоянно возникает в повседневной жизни человека. Данный феномен обладает двойственной природой: с одной стороны, он может рассматриваться как своего рода ущемление, нарушение свободы личности, а с другой, - и как необходимое средство, позволяющее человеку присутствовать в социальном пространстве в определенной роли с конкретными функциями.

Основное предназначение специального правового статуса заключается в том, чтобы сделать меняющуюся реальность более устойчивой. Он устанавливает для субъектов нормативные условия и границы, при соблюдении которых они могут свободно осуществлять свою деятельность, вступать в отношения с другими членами общества и в принципе ориентироваться в социальном пространстве.

Специальный правовой статус необходим там, где предполагается учесть какие-либо отличительные черты индивидов или социальных групп. По верному замечанию А.В. Маркова, правовой статус, имеющий общий характер и распространяющийся на всех граждан страны, получает нормативную конкретизацию применительно к отдельным категориям и группам граждан [5, с. 21]. На этой основе складывается специальный правовой статус, изначально формируемый на нормативном уровне и лишь затем в порядке правореализации, переходящий на уровень индивидуального правового регулирования, исходным фактором, которого являются не личные, а именно групповые характеристики. Специальный правовой статус отражает определенную совокупность признаков, особенности положения неких категорий граждан, которые могут иметь дополнительные субъективные права и обязанности.

Вместе с тем специальный правовой статус как феномен правовой реальности может найти свое непосредственное предназначение лишь тогда, когда будет функционировать. Именно функции могут более детально раскрыть не только сущность и содержание специального правового статуса, но и его роль в обществе и государстве. Как думается, специальный правовой статус выполняет идентифицирующую, структурирующую, ориентирующую, аксиологическую, инициирующую, регулятивную, репрезентативную и прогностическую функции.

1. Идентифицирующая функция. В современных условиях правовая идентичность стала «призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [3, с. 101]. Не является исключением и феномен «специальный правовой статус». По точному замечанию Ю.Ю. Ветютнева, понятие правовой идентичности может выступать функциональной характеристикой правового статуса личности. Это обусловливается принадлежностью того или иного субъекта к конкретной социальной общности, из факта причастности к которой вытекает наличие субъективных прав и юридических обязанностей [2, с. 41-42]. Специальный правовой статус не только является следствием мыслительной операции идентификации, т.е. узнавания и соотнесения разных объектов между собой, но и сам необходим для того, чтобы определять место лица в системе социальных связей, а также для того, чтобы ему выстраивать собственную идентичность.

Идентифицирующая функция отражает осознание субъектом наличия у него специального правового статуса и обеспечение этого положения со стороны государства. Осознание предполагает субъективное ощущение и понимание субъектом своей принадлежности к отдельной категории лиц, у которых имеется набор специфических прав, свобод, законных интересов, обязанностей, стимулов и ограничений. Однако для

реализации специального правового статуса этого свойства недостаточно. Ключевое значение имеют официальное признание со стороны государства, наличия особой социальной группы, со свойственными ей специфическим положением, требующего государственного обеспечения.

2. Структурирующая функция. Социальные связи и взаимоотношения человека в обществе многообразны. Любой субъект является представителем определенной нации, этноса, класса и т.д. При этом он одновременно принадлежит к общностям, которые формируются по возрастным, гендерным, профессиональным признакам. То или иное лицо, занимая некое место в обществе, имеет правовой статус, поскольку относится к конкретной социальной группе. Соответственно, специальный статус необходим для того, чтобы сформировать структуру общества, т.е. социальную целостность, достигаемую через разделённость, причем как по горизонтали, так и вертикали. В частности, одним из таких ключевых разделений является иерархическое (по вертикали). Это объясняется тем, что в структуре специального правового статуса существует неопределенно большое множество его подвидов [11, с. 335]. Так, специальный правовой статус сотрудника ОВД аккумулирует одновременно признаки нескольких видов специальных статусов, количество которых ориентировочно равно количеству видов должностей в службе. Именно специальный статус позволяет отграничить уровни, на которых может находиться человек (ступени развития карьеры).

Разделение также может быть и горизонтальным, когда специальный статус позволяет различать группы людей по дееспособности, по полу, по возрасту, по национальности и т.д. В качестве примера можно привести специальный правовой статус ребенка-инвалида, ребенка-сироты, или ребенка, оставшегося без попечения родителей, у которых возникновение специального положения связано со стойким расстройством функций организма или потерей законных представителей.

3. Ориентирующая функция. Это направление воздействия позволяет определить место и роль специального правового статуса в социальной системе, точно и достоверно, без искажений донести предназначение специального правового статуса. Иными словами, ориентирующая функция дает представление о сущности специального правового статуса и его роли в обществе, устанавливает перспективы закрепления специального правового положения для той или иной категории участников, ориентирует субъектов права, в чем заключаются преимущества (ограничения) в таком правовом состоянии. В частности, наделение осужденных-женщин некоторыми правовыми преимуществами по сравнению с мужчинами в виде послабления порядка отбывания наказания, полного или частичного освобождения от отдельных обязанностей, смягчения установленных ограничений и запретов происходит в связи в необходимостью учета гендерных различий с позиции гуманизма и справедливости, сущности женщины и ее роли в семье и обществе [8, с. 26-27]. Специальный статус «размещает» субъектов права в социальном пространстве и достаточно надежно производит разметку этого пространства, позволяя каждому сравнительно легко определять стратегию своего взаимодействия с другими, исходя из своего и их правового положения.

4. Аксиологическая функция. Правовой статус – это параметр, который указывает на социальную оценку, которую конкретное лицо получает в обществе. Статус – это следствие признания или непризнания субъекта социальных процессов в качестве того, кто имеет «высокий», «средний» или «низкий» уровень значимости, а следовательно, отражение общепринятых ценностей данной культуры. Аксиологическая функция заключается в формировании, накоплении и передаче тех морально-нравственных, этических, социальных, идеологических и др. ценностей, которые несет в себе специальный правовой статус. Так, специальное положение сотрудника ОВД содержит высокие требования к их моральному облику и нравственным качествам. Как верно отмечает С.В. Прокурова, «они должны служить образцом правопорядка, порядочности и честности, как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности. Нравственные ценности сотрудника должны составлять основу морального духа человека, служившего в органах внутренних дел, его профессиональный долг, честь и достоинство должны выступать самыми важными критериями моральной зрелости» [7, с. 202].

5. Инициирующая функция. Поскольку статус приобретается вследствие социального признания или непризнания, то в культуре складываются соответствующие социальные практики, в процессе которых индивид проходит обряд инициации – осуществляет переход из одного статуса в другой. Например, аспирант защищает кандидатскую диссертацию и становится кандидатом наук. Предтечей такой инициации служат социальные притязания, т.е. «требования, которые предъявляют индивиды, социальные группы или иные субъекты к обществу и государству об осуществлении практических действий, способствующих реализации конкретных социальных интересов, а также их институализации» [10, с. 7]. Именно социальные притязания выступают тем самым катализатором в приобретении специального правового статуса, поскольку отражают потенциальную возможность в наделении специальными правами и обязанностями для появления специальной правовой модели поведения, дающей возможность получить специальные права и обязанности.

6. Регулятивная функция выступает системообразующей, обеспечивающей упорядочивание общественных отношений. Не лишен данного направления воздействия и специальный правовой статус, социальное назначение которого ориентировано на координирование поведения людей. Специальный правовой статус имеет определенные границы, в пределах которых субъекты получают возможность обладать соответствующими правами и обязанностями, с помощью осознанных действий реализовывать их [4, с. 57].

Регулятивная функция специального правового статуса состоит в регламентации поведения отдельной категории лиц путем установления прав, свобод, законных интересов, обязанностей, стимулов и ограничений, утверждения круга субъектов специальных правоотношений и обстоятельств, ведущих к их возникновению, изменению или прекращению. Поэтому можно согласиться с З.Л. Ковтун о том, что «закрепление и изменение правового статуса граждан посредством правовых норм является одним из важных путей осуществления регулятивной функции права» [4, с. 58]. Специальный правовой статус – это фактор, который налагает на субъекта социальных отношений те или иные обязательства, в рамках которых он может совершать действия, взаимодействовать с другими людьми и вещами, благодаря чему формируется порядок социальных отношений.

7. Репрезентативная, или социотворческая функция. В основе данной функции лежит Кантовское обоснование теории репрезентативной функции сознания как познавательного процесса «конструирования реальности, ее произведения (изведения) из «самой реальности как «вещи-в-себе» путем ее отграничения трансцендентальными условиями познания – чувственными и рассудочными априори» [6, с. 36].

Репрезентативная функция правового статуса реализуется специальными субъектами на основе индивидуального опыта, полученного при вступлении в специальные правоотношения. Специальный статус дает субъекту социальных отношений возможность представить другим продукты своей деятельности, чтобы получить за них признание и, как следствие, впоследствии ему идентифицировать себя с тем или иным институтом или сообществом людей, делая его присутствие в группе легитимным. По мнению П. Рикера, «эта связь между репрезентациями и социальными практиками выражается в роли символического посредника, которую играют репрезентации, когда у социальных практик имеется определенная цель — установление социальной связи и соответствующих ей модальностей идентичности» [9, с. 130].

8. Прогностическая функция является одной из основных функций научного, в т.ч. и юридического знания [1, с. 67]. Данное направление воздействия обусловлено тем, что большинство социальных процессов и институтов, которые были достаточно успешно спроектированы или сформированы, никогда не функционируют в том виде в каком они были изначально запланированы. При их фактическом воплощении в жизнь неминуемо возникают непреднамеренные социальные последствия [12, с. 94-96].

Поскольку специальный правовой статус – это относительно стабильное явление, то он позволяет с высокой долей вероятности спрогнозировать правовое поведение лиц, которые обладают тем или иным статусом и его последствия. Например, получение воинского звания определяет поведение и место человека в иерархии, причем носит длительный характер – до получения следующего ранга. Прогнозируя результаты фактического функционирования специального правового статуса, можно выяснить, требуется ли расширять (ограничивать) пределы правового положения той или иной категории субъектов, нужно ли подключать действие общих норм, как оценивать результативность закрепления специального статуса и его фактического претворения. В частности, необходимость спрогнозировать пути улучшения положения участников специальной военной операции позволила законодателю расширить круг субъектов, причислив к ветеранам боевых действий всех категорий лиц, участвовавших в специальной военной операции, в т.ч. людей, которые пришли из мест лишения свободы.

Таким образом, специальный правовой статус – это особый феномен правовой реальности, отражающий определенную совокупность признаков, особенности положения отдельных категорий граждан, которые могут иметь дополнительные субъективные права и обязанности. Специальный правовой статус находит свое непосредственное предназначение посредством реализации таких функций как идентифицирующая, структурирующая, ориентирующая, аксиологическая, инициирующая, регулятивная, репрезентативная и прогностическая.

Список литературы:

1. Баранова М.В. Прогностическая функция опережающего правотворчества // Философия права. 2016. № 5 (78). С. 67-71.
2. Ветютнев Ю.Ю. Возможна ли универсальная правовая идентичность? // Права человека и проблемы идентичности в России и современном мире / под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2005. С. 41-52.
3. Виноградова Е.В., Данилевская И.Л., Патюлин Г.С. Юридическая наука и образование как элементы российской конституционно-правовой идентичности // Образование и право. 2022. № 6. С. 100-108.
4. Ковтун З.Л. О реализации регулятивной функции // Теория и практика общественного развития. 2016. № 1. С. 57-59.
5. Марков А.В. Специальный правовой статус лиц гражданского персонала в Вооруженных Силах МВД России. 2011. № 3 (51). С. 20-26.
6. Петрова Г.И. Репрезентативная функция языка: классическая и современная интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 34-39.
7. Прокурова С.В. Нравственные ценности – основа морального облика сотрудника ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 202-204.
8. Репьев А.Г., Репьева А.М. Правовые преимущества как элемент специального правового статуса женщины-осужденной // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4. С. 24-29.
9. Рикер П. Путь признания. Три очерка; [пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 268 с.
10. Смирнова М.Г. Социальные притязания в праве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2011. 42 с.
11. Суменков С.Ю. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности и формы объективирования // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. № 47 (2). С. 334-341.
12. Честнов И.Л. Прогностическая функция теории государства и права // Ученые записки Санкт-Петербургского университета им. В.Б. Бобкова ф-ла Российской таможенной академии. 2022. № 1 (81). С. 94-96.

***References**:*

1. Baranova M.V. The prognostic function of anticipatory lawmaking // Philosophy of law. 2016. No. 5 (78). Pp. 67-71.
2. Vetyutnev Yu.Y. Is universal legal identity possible? // Human rights and identity problems in Russia and the modern world / edited by O.Y. Malinova and A.Y. Sungurov. St. Petersburg: Norm, 2005. Pp. 41-52.
3. Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L., Patyulin G.S. Legal science and education as elements of the Russian constitutional and legal identity // Education and the right. 2022. No. 6. Pp. 100-108.
4. Kovtun Z.L. On the implementation of the regulatory function // Theory and practice of social development. 2016. No. 1. Pp. 57-59.
5. Markov A.V. Special legal status of civilian personnel in the Armed Forces of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 3 (51). Pp. 20-26.
6. Petrova G.I. The representative function of language: classical and modern interpretations // Bulletin of Tomsk State University. 2012. No. 4 (20). Pp. 34-39.
7. Prokurova S.V. Moral values are the basis of the moral image of the police officer // Psychology and pedagogy of professional activity. 2020. No. 4. Pp. 202-204.
8. Repyev A.G., Repyeva A.M. Legal advantages as an element of the special legal status of a convicted woman // Penal enforcement law. 2015. No. 4. Pp. 24-29.
9. Riker P. The path of recognition. Three essays; [translated from French by I. I. Blauberg, I. S. Vdovina]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. 268 p.
10. Smirnova M.G. Social claims in law : abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. nauk. SPb., 2011. 42 p.
11. Sumenkov S.Y. Special and exceptional norms as a component of a special legal status: features and forms of objectification // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2022. No. 47 (2). Pp. 334-341.
12. Chestnov I.L. Prognostic function of the theory of state and law // Scientific Notes of the St. Petersburg University named after V.B. Bobkov Faculty of the Russian Customs Academy. 2022. No. 1 (81). Pp. 94-96.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_136

УДК 340

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА - ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
THE MORAL PRINCIPLES OF RUSSIAN LEGISLATION ARE THE BASIS FOR ENSURING NATIONAL SECURITY

ЕПИФАНОВА Елена Владимировна,
профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.
350040, Россия, г. Краснодар, Ставропольская ул., 149.
E-mail: Epifanova_Elen@mail.ru;
ЧУПРОВА Альбина Алексеевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.
350040, Россия, г. Краснодар, Ставропольская ул., 149.
E-mail: chuprova.albina@yandex.ru;
EPIFANOVA Yelena V.,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kuban State University, PhD in Law, Associate Professor.
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia.
E-mail: Epifanova_Elen@mail.ru;
CHUPROVA Albina A.,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kuban State University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia.
E-mail: chuprova.albina@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена вопросам законодательного закрепления морально-нравственных начал, как основы обеспечения национальной безопасности, ядром которых являются традиционные духовно-нравственные ценности, в том числе и получивших отражение в Указе Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Рассматриваются философско – правовые подходы к пониманию соотношения морально-нравственных начал и права. Нравственные ценности, закрепляясь в российском законодательстве, способствуют его адаптации к изменяющимся социальным реалиям, обеспечивая его актуальность и способность отвечать на новые вызовы времени.*

Abstract: *The article is devoted to the issues of legislative consolidation of moral principles as the basis for ensuring national security, the core of which is traditional spiritual and moral values, including those reflected in the Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022, No. 809 "On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values." The article examines philosophical and legal approaches to understanding the relationship between moral principles and law. Moral values, which are enshrined in Russian legislation, contribute to its adaptation to changing social realities, ensuring its relevance and ability to respond to new challenges of the time.*

Ключевые слова: *морально - нравственные начала, российское законодательство, функции законодательства, национальная безопасность, общественная безопасность.*

Keywords: *moral principles, Russian legislation, legislative functions, national security, public safety.*

Для цитирования: *Епифанова Е.В., Чупрова А.А. Морально-нравственные начала российского законодательства – основа обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 136-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_136.*

For citation*: Epifanova E.V., Chuprova A.A. The moral principles of Russian legislation are the basis for ensuring national security // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 136-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_136.*

Статья поступила в редакцию: 21.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Сложно представить право без духовно-нравственного наполнения, характеризующие основополагающие принципы жизни общества. Морально-нравственные начала играют определяющую роль в становлении отправных идей современного отечественного законодательства. Прежде всего, синтез права и нравственности находит своё отражение в принципах права, таких как справедливость, истина, равенство, свобода, добросовестность, которые реализуются как в правотворческой деятельности, так и в нормах материального и процессуального российского законодательства. Считаем, что реалии современного российского общества выдвигают на первый план необходимость учета моральных принципов в решении возникающих социальных проблем ввиду того, что мораль не только регулирует, но и совершенствует общественные отношения, выступает опорой обеспечения национальной безопасности страны.

В современной научной литературе существует сотни определений морали и нравственности, в которых раскрываются различные стороны этих важнейших общественных институтов. В толковом словаре С.И. Ожегова мораль (от лат. moralis - нравственный) - это система правил и норм поведения, которые люди используют по отношению друг к другу и к обществу [1].

Если говорить о сущности этого явления, то можно сказать, что мораль – это выражение меры человечности, принятое в конкретном обществе, а также во всём универсуме людей.

Термин «нравственность» берет свое начало от слова нрав. К старорусскому слову «нрав» (обычай) восходят понятия, наименования

которых заимствованы из разных языков: этика, мораль, нравственность. Греческое слово «этика» («ethika»), латинское мораль («moralis»), русское «нравственность» по своей этимологии однородны [2].

Взаимосвязь морали и законодательства играет ключевую роль в формировании и поддержании социальной гармонии. Нормы права, взаимосвязанные с нравственными ценностями, обеспечивают ориентировку индивидов в их повседневном поведении, влияя на представления о допустимом и недопустимом в обществе. Легитимность и принятие правовых положений населением зависят от соответствия этих норм базовым нравственным принципам. Несоответствие может вести к социальным разладам и утрате доверия к правовой системе.

Таким образом, нравственные ценности определяют направление правотворчества и в то же время содействуют стабильности правопорядка, способствуя моральному созреванию общества и укреплению его благосостояния. Они применяются как навигатор, устанавливающий курс для норм права в сторону гуманизации и справедливости; их роль нельзя недооценить, так как они гарантируют, что законные предписания не сводятся к пустой формальности, и направлены на создание благоприятной атмосферы в обществе.

Нравственные ориентиры служат звеном, превращающим абстрактные юридические формулировки в конкретные поддерживающие действия, которые способствуют укреплению человеческого достоинства и социальной гармонии. Становится очевидным, что проблемы современности требуют гибкого и мудрого использования данного механизма для поддержания его функционирования и эффективности, причем невозможно не учитывать необходимость постоянной модификации нравственных основ с учётом новейшей технологической эволюции и изменений общественного бытия для обеспечения их релевантности, и способности решать возникшие проблемы

В литературе можно встретить различные точки зрения, касаемо соотношения морально-нравственных начал и права. Значение слова "соотношение" толкуется в словаре русского языка С.И. Ожегова как "взаимная связь разных величин предметов, действий. Как отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-либо".

С одной стороны – это позиция, в основном высказываемой теоретиками естественного права, в основе которой нравственные начала уже заложены природой права и представляются основой закона, С другой стороны – мнение о принципиальном отличии и самостоятельности права и нравственности, которое вытекает из юридического позитивизма.

Так, например, Романец Ю.В. полагает, что фундаментом права вообще и гражданского права в частности является нравственный закон, свыше заложенный в человеческую природу. Нравственный закон – это объективный закон существования каждого человека и общества в целом. Подчинение ему – непременное условие жизни. Следовательно, предназначение права состоит в утверждении этого закона юридическими средствами. Жизнь по юридическому закону, не имеющего нравственного содержания, духовно убивает человека и общество [3].

Г.В. Мальцев в работе «Нравственные основания права» так же утверждает, что право представляет собой нравственный феномен: «всякую юридическую проблему можно, так или иначе интерпретировать как проблему нравственную в терминах и понятиях этики» [4]. Определяющим критерием в пользу единство права и морали, служат на наш взгляд, духовно – нравственные ценности, которые исторически характерные для нашего общества и лежащие в основе культурных традиций народов России.

Принципиально другую позицию занимает Слыщенков В.А.: будучи особым социальным регулятором, право обладает собственной значимостью и целесообразностью, поэтому не может служить нравственности. Постмодернистское понятие инаковости позволяет наглядно показать принципиальное отличие права от нравственности по ряду ключевых вопросов и подробно рассмотреть феномен человеческой свободы, исследовать природу взаимного признания и обосновать важность чувственной составляющей правоотношения [5].

В видении соотношения права и морали мы солидарны с первой позицией, и предлагаем рассматривать морально – нравственные начала российского законодательства как основу обеспечения национальной безопасности. Рассмотрение права через призму его соотношения с нравственностью для России является традиционным аспектом. Единство правового и нравственного начал, при явной первичной ценности последних и вторичной ценности юридических регуляторов, – отмечал еще Иларион в своем известном труде, – заложено в самом термине «Правда». Таким образом, в традиционном российском правосознании происходит смешение правовых и нравственных ценностей, в отличие от западноевропейской правовой культуры, где наблюдается инструментальное отношение к правовым ценностям.

Обращение к праву как к законодательно оформленной нравственности подчеркивает его роль в структурировании социальных взаимодействий. Считаем, что эффективность реализации основных функций российского законодательства, например регулятивной и воспитательной, была бы значительно выше, если бы законодатель основывался на подходе: право обеспечено не только принудительной силой государства, но и силой его убеждения. Исходя из этих критериев, обществом дается нравственная интерпретация и оценка поступков и действий людей, всего комплекса разнообразных общественных институтов и отношений.

На современном этапе развития общества российское законодательство выступает инструментом взаимосвязи и взаимообусловленности важнейших явлений общественной жизни. Право оказывает воспитывающее воздействие как через отдельные нормы, институты, механизмы, так и в целом как самостоятельный фактор духовной жизни страны. Нравственные ценности, проникая в законодательство, способствуют его адаптации к изменяющимся социальным реалиям, обеспечивая его актуальность и способность отвечать на новые вызовы времени. Защита прав человека, равенство и свобода — все эти принципы становятся возможными благодаря тому, что они укоренены в нравственных представлениях о добре, справедливости и уважении к личности.

Указ Президента Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6] прямо закрепил перечень духовно-нравственных ценностей, заложенных в основу, являющихся фундаментом, самой сутью российского государства. Они выступают гарантом национальной безопасности Российской

Федерации, включая развитие духовного потенциала нашего народа. Полагаем, что тем самым законодатель прямо сказал о морально - нравственных началах, которые должны быть положены в основу отраслевого законодательства в защиту жизни и достоинства россиян, ценностей семьи взаимопомощи и уважения. Следует отметить, что к рассмотрению проблемы морально-нравственных начал российского законодательства исследователи подходят с философской, юридической позиций по-разному.

Морально-нравственные начала в философии рассматриваются в рамках этики. Как философская категория — это система идей, принципов, норм и правил, посредством которых определяются моральные и нравственные требования к обществу и индивиду в их общественном поведении и в совместной деятельности. Их отличительная особенность проявляется в характере и способе воздействия на сознание и поведение людей с позиций добра и зла, похвального и постыдного, честного и бесчестного, благородного и неблагородного, совести, чести, долга и т. д.. Моральное пространство гораздо шире правового, границы их не совпадают.

Морально-нравственные начала в правовом аспекте — это общие принципы и нормы, которые регулируют поведение людей в обществе. Их основой являются традиционные ценности. Морально-нравственные начала российского законодательства включают в себя следующие аспекты: соответствие права нравственным нормам, использование механизма моральных презумпций, закрепление морально-этических категорий в основополагающих началах законодательства. Правовыми инструментами реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей является, в том числе, совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Отечественное законодательство должно отражать ценностные ориентиры развития российского общества, например такие как, созидание, доверие, согласие.

В качестве успешного, по нашему мнению, регионального опыта мы бы хотели привести Этический кодекс» жителя Краснодара, который был принят 21 ноября на V форуме общественных объединений «Гражданская солидарность». Документ разработан по инициативе Общественной палаты города Краснодара при активном участии представителей гражданского общества, поддержан городской администрацией и Думой, включает 11 пунктов/правил, которые рекомендованы к соблюдению горожанам. Основной акцент сделан на нравственных аксиомах, таких как уважение закона, сохранение традиций, бережное отношение к историческим памятникам, забота о старших и младших, поддержка экологической чистоты и активное участие в жизни города [7].

Данный документ важен для подрастающего поколения, поскольку определяет приоритет истинных ценностей и помогает передавать эстафету лучших традиций и достижений от поколения к поколению с одной стороны. Такого рода законодательные инициативы дают осознание нравственной ответственности, основываясь на общепризнанных морально-этических нормах и ценностях, с другой стороны, существует административное, уголовное законодательство, устанавливающее ответственность, например, уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия народов Российской Федерации и т.д.

Таким образом, решая вопросы защиты национальных интересов, государство, прежде всего встает на защиту значимых потребностей личности, общества в безопасности и устойчивом развитии. Через правовое регулирование осуществляется охрана культурного наследия и тем самым сохраняется культурный, духовно-нравственный код нашего народа. Принимая во внимание значимость взаимодействия правовых и этических норм, государственное управление должно выстраивать правовое пространство, сопряженное с морально-нравственными ценностями общества, каждая новая правовая норма должна подвергаться оценке с точки зрения ее соответствия этическим стандартам.

Кроме того, взаимодействие права и морали через нравственные ценности имеет важное значение для формирования правовой культуры. Это развитие важно для воспитания граждан, которые способны критически оценивать не только правовые нормы, но и этические устои, на которых они базируются. Такой подход способствует активному гражданству, где каждый член общества осознает свою роль и ответственность в построении правового государства.

В соответствии со ст. 44 Конституции РФ каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [8].

Одна из задач современной России - обеспечение на всей ее территории единого культурного пространства, включающего в себя законодательные, институциональные и организационные гарантии устойчивого развития культурной среды. Свободный доступ ко всем культурным благам и освоение всех существующих творческих ресурсов - главные параметры этого развития, создающие надлежащие основы для актуального гражданского диалога как внутри страны, так и за ее пределами [9].

Культурные ценности – это нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты [10].

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. При этом отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия народов Российской Федерации регулируются Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [11].

К объектам культурного наследия относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки

и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона № 73-ФЗ объекты культурного наследия подразделяются на объекты культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального)значения. Сведения об объектах культурного наследия включаются в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, который ведется Министерством культуры РФ.

Законодательством предусмотрен ряд мер, направленных на охрану объектов культурного наследия. Министерством культуры, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации осуществляется надзор за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия.

В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации.

Административная ответственность установлена статьей 7.13. КоАП РФ за нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, нарушение режима использования земель в границах территорий объектов культурного наследия либо несоблюдение ограничений, установленных в границах зон охраны объектов культурного наследия, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 7.13. влечет наложение административного штрафа на граждан [12].

Статьей 243 Уголовного кодекса РФ установлена уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей [13].

Национальная безопасность — это обобщённое понятие. Оно включает в себя несколько видов безопасности, которые предусмотрены Конституцией и законодательством РФ. Помимо государственной безопасности, в разрезе поднятой нами темы исследования, мы делаем акцент на общественную безопасность, которая призвана выступать в защиту морали и нравственности, духовных ценностей и исторической памяти. Моральный фактор должен оказывает воздействие на правообразовательный процесс на всех этапах его развития, подлежать учету при разработке научной концепции планируемого правового акта, при подготовке законопроекта официальными структурами.

В условиях формирования гражданского общества необходимо найти оптимальное сочетание правовых и нравственных методов воздействия. Считаем, что отечественному законодателю необходимо шире использовать морально-нравственные начала при правотворчестве, что послужит совершенствованию организационно-правового механизма обеспечения общественной безопасности современной России. Формирование российского общества на основе государственности и гражданственности возможно при использовании механизма морально-правого взаимодействия, который дает положительное решение проблемы согласования норм морали и права, и способствует преодолению социальных противоречий и конфликтов. В монографии известного правоведа Серкова Н.Н. специально отмечается, что «чем выше уровень морального сознания членов общества, тем легче, безболезненно и бесконфликтно соблюдаются и исполняются нормы права» [14].

Список литературы:

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2018. С. 244.
2. Семенов К. Б., Семенова А. С., Хлызова И. В. Проблемы нравственного воспитания в России: история, теория, практика // Московский педагогический журнал. 2021. №. 3. С. 21.
3.Романец Ю.В. Духовно-нравственные начала современного гражданского права//https://base.garant.ru/57574279/.
4. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 45-46.
5. Слыщенков В.А. С49 Право и нравственность: различия понятий. М.: Юрлитинформ, 2020. 56 с.
6. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/
7. kodekskrd.ru
8. https://docs.cntd.ru/document/9004937?marker
9. https://alrf.msk.ru/uchastie_grazhdan_rossiyskoy_federacii_v_kulturnoy_zhizni_i_po_1
10. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 25.12.2023)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/
11. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/
12.https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/6d3a764bb0e22830ad1cb6cdf022003e30b06c54
13. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/activity/legal-education/explain?item=61734097
14. Серков П.П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования): монография. М.: издательство «Норма», 2020. С.47.

References:

1. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2018. p. 244.
2. Semenov K. B., Semenova A. S., Khlyzova I. V. Problems of moral education in Russia: history, theory, practice // Moscow Pedagogical Journal. 2021. No. 3. p. 21.
3.Romanets Yu.V. Spiritual and moral principles of modern civil law//https://base.garant.ru/57574279 /.
4. Maltsev G. V. The moral foundations of law. Moscow, 2008. pp. 45-46.
5. Slyshchenkov V.A. S49 Law and morality: differences of concepts. Moscow: Yurlitinform, 2020. 56 p.
6. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/
7. kodekskrd.ru
8. https://docs.cntd.ru/document/9004937?marker
9. https://alrf.msk.ru/uchastie_grazhdan_rossiyskoy_federacii_v_kulturnoy_zhizni_i_po_1
10. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 09.10.1992 N 3612-1) (as amended on 25.12.2023)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870 /
11. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318 /
12.https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/6d3a764bb0e22830ad1cb6cdf022003e30b06c54
13. Criminal liability for the destruction or damage of cultural heritage objects // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/activity/legal-education/explain?item=61734097
14. Serkov P.P. Legal relations (The morality of modern legal regulation): monograph. Moscow: publishing house "Norma", 2020. p.47.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_140

УДК 340.1

РАЗВИТИЕ БАНКРОТНЫХ ПРОЦЕДУР КАК ЭЛЕМЕНТА ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ
DEVELOPMENT OF BANKRUPTCY PROCEDURES AS AN ELEMENT OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION IN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET RUSSIA

СОТНИКОВ Ярослав Валерьевич,
Аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБАОУ «Самарский государственный экономический университет», г. Самара.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: sotnikovyv@mail.ru;

ПРОНИН Александр Анатольевич,
Аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБАОУ «Самарский государственный экономический университет», г. Самара.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: legion63s@mail.ru;

ЛОШКАРЕВ Андрей Викторович,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБАОУ «Самарский государственный экономический университет», г. Самара.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: 2482337@mail.ru;

SOTNIKOV Yaroslav Valerievich,
Postgraduate student of the Department of Civil and Arbitration Procedure
FGBAOU Samara State University of Economics, Samara.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: sotnikovyv@mail.ru;

PRONIN Aleksandr Anatolyevich,
Postgraduate student of the Department of Civil and Arbitration Procedure
FGBAOU Samara State University of Economics, Samara.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: legion63s@mail.ru;

LOSHKAREV Andrey Viktorovich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure
FGBAOU Samara State University of Economics, Samara.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: 2482337@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматриваются этапы развития банкротных процедур вол взаимосвязи с правом на судебную защиту в дореволюционной и советской России.*

Abstract: *the article examines the stages of development of bankruptcy procedures in relation to the right to judicial protection in pre-revolutionary and Soviet Russia.*

Ключевые слова: *банкротство, судебная защита, банкротные процедуры, арбитражный процесс, право на судебную защиту, история развития банкротства.*

Key words: *bankruptcy, judicial protection, bankruptcy procedures, arbitration process, right to judicial protection, history of bankruptcy development.*

Для цитирования: *Сотников Я.В., Пронин А.А., Ушатов М.В. Медиация: краткий теоретический анализ и предпосылки развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 140-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_140.*

For citation*: Sotnikov Ya.V., Pronin A.A., Ushatov M.V. Development of bankruptcy procedures as an element of the right to judicial protection in pre-revolutionary and soviet Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 140-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_140.*

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

По оценкам исследователей, наиболее ранние известные упоминания о нормах и процедурах, соответствующих нынешнему содержанию процедур банкротства, находили отражение ещё в XI столетии.

В частности, в ст. 14 Русской Правды предусматривались правовые последствия неисполнения должником взятых на себя обязательств, включая меры ответственного специального характера в форме штрафных санкций.

Вместе с тем было бы ошибочным признать развитие института несостоятельности в российском праве последовательным, поскольку в том числе и на дореволюционном этапе происходило немало социально-политических преобразований, влекущих за собой изменение курса правовой политики государства.

Нельзя не отметить и отсутствие целостного представления об этапе эволюции российского права, поскольку единственным возможным способом выявить существовавшие закономерности и тенденции является анализ сохранившихся источников права. Так, с момента закрепления в Русской Правде мер ответственности в отношении недобросовестного должника и вплоть до принятия в 1467 году Псковской судной грамоты не сохранилось источников, которые бы могли позволить отследить процесс развития общественных отношений за три столетия, разде-

ляющие указанные источники права.

Тем не менее, важно отметить, что в содержании Псковской судной грамоты уже получил закрепление принцип пропорционального удовлетворения требований кредиторов, который в последующем сохранил свое действия и находит отражение в том числе и в современном законодательстве. Вместе с тем отдельной процессуальной фигуры, которая бы выполняла функции современного арбитражного управляющего, в тот период ещё не было сформировано.

В Судебниках, принятых последовательно друг за другом в 1497 и 1550 гг., нельзя отметить наличие каких-либо нововведений – как отмечает в своей работе А.Э. Захарова, в указанных документах в значительной степени нашли отражение положения, которые уже имели закрепление в Русской Правде и Псковской судной грамоте[1].

Возникновение же в рамках процессуальной фигуры, соответствующей по своему функциональному предназначению современному арбитражному управляющему, произошло только в начале XVIII века и было обусловлено масштабным заимствованием норм и институтов зарубежного законодательства, осуществленным в период правления Петра I.

Следует предполагать, что заимствования были осуществлены в первую очередь из немецкого права, поскольку именно оно в значительной степени унаследовало правовые конструкции и институты, сформированные ещё в римском праве.

И процедуры банкротства наряду со специальным составом субъектом тому не исключение. Подобное заимствование сформировало своего рода импульс для последующего развития законодательства, и уже в 1740 году в Уставе о банкротах нашел отражение обособленный правовой статус кураторов, которые фактически выполняли ряд функций, присущих в настоящее время арбитражным управляющим.

Таким образом, первичное закрепление правового статуса специального субъекта, являющегося прообразом арбитражного управляющего, произошло в середине XVIII столетия под воздействием заимствованных правовых конструкций зарубежных правопорядков, которые, в свою очередь, были основаны на романо-германской правовой традиции, берущей свое начало ещё со времен Римской империи.

Институт кураторов в рамках отрасли конкурсного права, сформировавшейся в рассматриваемый период, получил дальнейшее закрепление в рамках нового Устава о банкротах, принятого в 1800 году, действовавшим вплоть до принятия в 1836 году Устава о торговой несостоятельности, в положения которого фактически был существенным образом систематизирован и структурирован субъектный состав участников конкурсных процедур.

В рамках Устава 1836 года функции, относимые к статусу современного арбитражного управляющего, были сосредоточены в рамках процессуального статуса администраторов, в качестве которых выступали органы государственной власти.

Как указывают исследователи, функциональное предназначение указанных органов охватывалось в первую очередь задачей восстановления платежеспособности должника, отстранявшегося от управления.

Предполагалось, что срок действий полномочий администраторов был обусловлен достижением вышеуказанной цели[2].

В целом же решение задач, вытекающих из конкурсного производства, осуществлялось в рамках деятельности коллегиального органа, функционирующего на постоянных и выборных началах, обобщенно именуемого «конкурсное управление».

В литературе при анализе деятельности указанного органа вполне обоснованно проводится аналогия с комитетом кредиторов, находящим отражение в современном законодательств [2, с 146-148] .

В свою очередь, в качестве субъекта, соотносимого с современным статусом арбитражного управляющего, в рассматриваемый исторический период выступал присяжный попечитель.

Роль указанного субъекта состояла в осуществлении фактического управления имуществом должника вплоть до момента открытия конкурсного производства. Важно отметить, что законодательство рассматриваемого периода достаточно кратко регламентировало статус присяжного попечителя и не формулировало квалификационных и иных требований к лицу, претендующему на соответствующий статус.

Как уже было ранее отмечено, значительная часть органов управления в рамках конкурсного процесса в рассматриваемый период не назначалась судом, а носила выборный характер.

Важно отметить, что деятельность присяжного попечителя носила возмездный характер, что подтверждается положениями ст. 639 Устава торгового судопроизводства, которыми был определен размер вознаграждения, причитающегося данному лицу. Величина вознаграждения ставилась в зависимость от достигнутого результата – суммы, вырученной вследствие использования имущества должника, что можно рассматривать как своего рода материальный стимул для присяжного попечителя.

Аналогично положениям современного законодательства, регламентирующим вопросы вознаграждения арбитражного управляющего, в дореволюционном конкурсном законодательстве устанавливался принцип приоритетного (первоочередного) удовлетворения сумм, подлежащих выплате присяжному попечителю.

Принципиально важным представляется то, что в дореволюционной юридической науке отсутствовало единообразие в вопросе о природе и содержании статуса присяжных попечителей – аналогично тому, как в современной правовой доктрине не определено положение арбитражного управляющего в структуре общественных отношений, связанных с проведением процедур банкротства.

Основной причиной расхождения во взглядах служила оценка того, чьи интересы представляет рассматриваемый субъект. Приводились позиции о том, что присяжный попечитель действует в интересах кредита, в интересах должника, а также одновременно в интересах обеих сторон.

В работах Г.Ф. Шершеневича получила обоснование ещё одна позиция, в соответствии с которой конкурсным попечителем обеспечивался публичный интерес, что подтверждалось в числе прочего и тем, что в качестве данного субъекта в производстве участвовали государ-

ственные органы[3].

Таким образом, в дореволюционной правовой доктрине выступали предметом дискуссии вопросы, которые и в настоящее время являются предметом обсуждения в юридическом сообществе.

В этом, как и во многом другом, отражается преемственность в развитии законодательства о банкротстве.

К середине-второй половине XIX столетия в российском праве сформировался полноценный комплекс правовых норм, обеспечивающих стабильность гражданского оборота посредством предприятия мер по восстановлению платежеспособности должников. Осуществление функций по распоряжению и охране имущества должника было возложено на присяжного (конкурсного) попечителя, который в ряде своих сущностных характеристик имеет значительные сходства со статусом арбитражного управляющего.

После Революции 1917 года, следствием которой было социальнополитическое переустройство общества, востребованность института банкротства как частного права в целом была утрачена, поскольку новая господствующая идеология отрицала отношения, вытекающие из права частной собственности.

Несмотря на то, что в период Новой экономической политики (НЭП) произошло частичное возвращение к основам частноправовых отношений, и в структуру ГПК РСФСР была даже включена в 1927 году отдельная глава, всецело посвященная вопросам несостоятельности юридических и физических лиц (гл. 37), фактически востребованность в существовании данного правового института, равно как и востребованность в выделении присяжных (конкурсных) попечителей как субъектов соответствующих процедур.

Нельзя не отметить, что в условиях советского государства назначение и контроль за деятельностью вышеуказанных лиц принадлежало к исключительным полномочиям государственных органов власти. Закономерным итогом сложившейся в советский период тенденции стало исключение института банкротства из поля законодательного регулирования в 60-х гг. XX столетия. В последующем указанный правовой институт нашел применение уже только накануне возникновения современного этапа российского законодательства, в переходный период перестройки и последовавшего за ним распада СССР.

На современном этапе развития законодательства о банкротстве, начало которого принято относить к началу 90-х гг. прошлого столетия, в регулировании статуса арбитражного управляющего неоднократно происходили существенные изменения, обусловленные процессом формирования правовой системы, принципиально отличной от ранее действовавшей советской. В указанный период с учетом необходимости внесения оперативных изменений в законодательство получила распространения практика издания указов Президента РФ, посредством которых происходило восполнение Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. главой 37: 12 пробелов, существовавших в формируемом российском законодательстве[4]. В частности, одним из таких указов в 1992 году в правовое поле было введено понятие административного управляющего. Назначение указанного лица и последующий контроль осуществлялся органом исполнительной власти, что в значительной степени указывает на сохранение принципиальных основ регулирования специальных статусов, имевших место в советской правовой системе. Как уже было упомянуто в предыдущем параграфе, на момент исключения из текста советского законодательства института несостоятельности, в отношении конкурсных попечителей действовала аналогичная модель назначения и контроля. Однако уже в конце 1992 года был принят Закон РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», с вступлением в силу которого в российской правовой системе впервые появилось понятие арбитражного управляющего. И уже в рамках нового законодательного акта получила отражение современная модель, предполагающая назначение арбитражного управляющего для участия в процедурах банкротства на основании соответствующего акта арбитражного суда. В указанный период, однако, функциональная роль арбитражного управляющего сводилась к реализации мер, обеспечивающих восстановление должником платежеспособности, а также к осуществлению функций по внешнему управлению имуществом указанного субъекта. Следует признать, что на тот момент перечень процедур, реализуемых в рамках производства о банкротстве, был значительно более узким. Активное развитие экономических отношений, а также принятие уже после вступления в силу вышеупомянутого федерального закона ряда основополагающих законодательных актов, определявших принципиально иные правовые основы экономической деятельности, повлекло за собой меры по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур[5]: необходимость разработки и принятия нового федерального закона с аналогичным предметом регулирования в 1998 году[6] .

Таким образом, банкротные процедуры в дореволюционный и советский периоды развались в непосредственной взаимосвязи с процессуальными процедурами судебной защиты, что явилось предпосылкой становления судебной защиты прав должников и кредиторов современной парадигме правового устройства России.

Список литературы:

1. Захарова А. Э. Историческое развитие и изменение правового статуса арбитражного управляющего // Молодой ученый. 2017. № 49 (183). С. 250-252.
2. Филимонов В.Р., Тебряев А.А. История возникновения и эволюция конкурсного производства // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 146-148.
3. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Исследование приват-доцента Казанского университета Г.Ф. Шершеневича // Казань. 1890. С. 289.
4. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28.11.1927 // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения: 04.05.2025).
5. Указ Президента РФ от 14.06.1992 № 623 // Доступ из справ.- правовой системы Гарант (дата обращения: 05.05.2025).
6. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (утратил силу) // Гарант. Режим доступа: base.garant.ru/3960874/ (дата обращения: 04.05.2025).

References:

1. Zakharova A. E. Historical development and change in the legal status of an arbitration manager // Young scientist. 2017. No. 49 (183). P. 250-252.
2. Filimonov V. R., Tebryaev A. A. History of the emergence and evolution of bankruptcy proceedings // Eurasian Law Journal. 2022. No. 3 (166). P. 146-148.
3. Shershenevich G. F. Insolvency doctrine. Research of the associate professor of Kazan University G. F. Shershenevich // Kazan. 1890. P. 289.
4. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR dated November 28, 1927 // Access from the ConsultantPlus reference and legal system (accessed: May 4, 2025).
5. Decree of the President of the Russian Federation of 14.06.1992 No. 623 // Access from the reference legal system Garant (date of access: 05.05.2025).
6. Federal Law of January 8, 1998 No. 6-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (no longer in effect) // Garant. Access mode: base.garant.ru/3960874/ (date of access: 04.05.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_143

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ЕГО ИСТОКИ В ВОЗЗРЕНИЯХ И. Г. Г. ФОН ЮСТИ И ИНТЕГРАТИВНОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ

NATURAL LAW AND ITS ORIGINS IN THE VIEWS OF I. G. G. VON JUSTI AND INTEGRATIVE LEGAL UNDERSTANDING

КАНИЩЕВ Валерий Петрович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства
Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: kanishhev1953@mail.ru;

СОЛОВЬЕВА Лариса Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства
Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: solo_l1974@mail.ru;

KANISHCHEV Valery Petrovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State Central branch
of "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev" (the city of Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: kanishhev1953@mail.ru;

SOLOVYOVA Larisa Leonidovna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State Central branch
of "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev" (the city of Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: solo_l1974@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья представляет собой краткий обзор взглядов о естественном праве и его истоках в воззрениях известного немецкого ученого XVIII века Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти. Опираясь на воззрения Ш.Л. Монтескье, И.Г.Г. Юсти являлся сторонником естественного права. Используя комплексно-интегративный подход к пониманию права, И.Г.Г. Юсти уделил внимание исследованию юснатурализма как учения о естественном праве. К естественным законам, основанным на разуме немецкий ученый отнес божественное право, народное право, нравственные законы, в свою очередь являющиеся источником права государственного.*

Keywords: *The article is a brief overview of the views on natural law and its origins in the views of the famous German scientist of the XVIII century Johann Heinrich Gottlieb von Justi. Based on the views of S.L. Montesquieu, I.G.G. Justi was a proponent of natural law. Using a comprehensive and integrative approach to understanding law, I.G.G. Yusty paid attention to the study of naturalism as a doctrine of natural law. The German scientist attributed divine law, popular law, and moral laws to natural laws based on reason, which in turn are the source of state law.*

Ключевые слова: *право, интегративное правопонимание, естественное право, И.Г.Г. Юсти.*
Abstract: *law, integrative legal understanding, law, I.G.G. Justi.*

Для цитирования: *Канищев В.П., Соловьева Л.Л. Естественное право и его истоки в воззрениях И. Г. Г. фон Юсти и интегративное правопонимание // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 143-144. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_143.*
For citation*: Kanishchev V.P., Solovyova L.L. Natural law and its origins in the views of I. G. G. von Justi and integrative legal understanding // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 143-144. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_143.*

Статья поступила в редакцию: 20.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Своеобразным ориентиром, основой для переосмысления традиционных, а также формирования новых научных взглядов о праве, как специфическом явлении социальной жизни, является интегративный (интегральный, синтетический) подход, в соответствие с которым право может быть представлено как «системная ценность»[3,с.55], «плюрализм легитимных источников права» [1,с.12], где право рассматривается «во множестве проявлений и одновременно в его единстве» [2,с.115-116] и т.п. Следует согласиться с позицией А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной о том, что «обобщающая теория права должна интегрировать идеи классических правовых школ и, выйдя за их пределы, сформулировать более широкое определение права». [3,с.56] Но любой интеллектуальный поиск генезиса, эволюции права, его сущности, типологии и иных факторов не возможен без обращения к комментариям известных как отечественных, так и зарубежных ученых прошлых столетий. Ведь попытки исследовать право с позиции интегративного правопонимания имели место и ранее. Так, например, особый интерес представляют исследования немецкого экономиста, профессора, камералиста XVIII в. Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти (1717-1771). Обладая широким кругозором знаний в таких различных областях как литература, философия, естественные науки, история, право, экономика, сельское хозяйство и мн. др., И.Г.Г. Юсти использовал комплексно-интегративный подход к пониманию права, в частности, уделил внимание исследованию юснатурализма как учения о естественном праве – идейной основы западноевропейской правовой традиции XVII-XVIII вв. Так, автор отмечал: «Законы суть необходимые из естества вещей происходящие содержания и определения». [4,с.241] Такие побуждения как самосохранение, самолюбие, умножение человеческого рода, детолюбие, желание наслаждения, воспитание, отвращение к противным и болезненным ощущениям, любовь и т.п. по мнению автора, первые естественные законы человечества.

Человек, по словам И.Г.Г. Юсти, есть духовное и разумное существо. Разум в отличие от врожденных инстинктов («естественных вольностей», как говорил сам автор), представляет собой тип мыслительного процесса, дальнейшее закономерное развитие мышления в процессе становления человека как личности, его социализации в обществе. Данный процесс может состоять из множества этапов, где человек через определенный опыт – положительный или отрицательный (например, поведение преступного характера), через заблуждения объективным путем приходит к выводу о том, что невозможно оставаться в состоянии «естественной вольности», следует «покориться законам гражданского учреждения. И как он между тем принадлежит к разумным существам, то наипаче из сея точки и надлежит взирать на его естество… Гражданские учреждения суть ничто иное как законы им самим себе налагаемые» [4,с.245-246]. Историческим примером генезиса и эволюции естествен-

ного права, основанного на разуме, И.Г.Г. Юсти считал Древнеримскую цивилизацию. В итоге, естественное право есть высочайший закон в состоянии естественной воли народа, который никто не может преступить, поскольку сам народ является автором данных законов. От соединения силы и воли происходит начальная власть народа как основание установления верховной власти и формирования самого права (законов) – главного «путеводителя», регулирующего общественные отношения и обеспечивающего порядок в обществе (государстве).

Естественные законы разнообразны. Правила веры («божественное право») – исток права, закон разума. Как считал И.Г.Г. Юсти, человек на ранней стадии своего развития предстает существом ограниченным и зависимым, но религиозный разум «покажет, что ему (человеку – от авт.) надлежит в рассуждении Высочайшего существа, его произведшего, быть всегда в такой зависимости, в которой он до своего происхождения пребывал». [4,с.246] В этой связи богопочитание является важнейшим и высочайшим законом разума. По мнению, И.Г.Г. Юсти «Бог есть законодатель естественного права, и намерение его состоит в сохранении человека и человеческого рода». [4,с.267]

Народное право – следующий исток права, закон разума. Народное право – правило поведения, закрепляющее взаимоотношения народов между собой. Опирается народное право на сложившиеся обыкновения, представляющие собой выражение правового сознания (разума) народа. Каждый народ имеет свои законы разума – «естественные вольности». Эти законы могут как совпадать, так и противоречить «естественным вольностям» других соседствующих народов. Народное право – это формирование общих правил поведения между народами, их признание как важного источника регулирования отношений. При этом, как утверждал И.Г.Г. Юсти, «страх подобного поведения и равного поступка есть сила и действие народного права». [4,с.249] Главная позиция народного права: «народы должны между собой поступать таким образом как они хотят, чтобы в подобных случаях с ними поступлено было». [4,с.302] К законам народного права, немецкий ученый относил: первый закон – мир; второй закон – чувство самосохранения; третий закон – гуманность в отношении врага; четвертый закон – война должна оставлять свободный путь к достижению мира; пятый закон – военные договоры должны строго соблюдаться; шестой закон – неприкосновенность и безопасность послов; седьмой закон – никакой народ не должен разрушать общение между другими народами.

Нравственные законы – следующий исток права. Обыкновение есть источник нравов. В основе развития и функционирования любого общества должны стоять нравственные законы – все то, что будет соответствовать общественному благу. Поведение считается нравственным, когда, по мнению немецкого ученого, на первое место ставятся взаимопомощь, общественный покой, благопристойность жизни. Нравственные ценности - устойчивая форма бытия общества. «Всегда больше пользы будет государству и законы будут иметь реальную силу, ежели люди добродетелию инстинствуют. Добродетель есть первое и всеобщее в государстве подкрепление…Но как добродетель между гражданами не всегда… распространена быть может, то должно довольствоваться… честью… Срам преступить закон… чувствительнее есть для сих людей, нежели лишение имения и лишение наказания для народа чести не знающего». [4,с.229-230] И.Г.Г. Юсти считал, что все указанные выше истоки права – «законы человечества» - должны стать источником государственных законов, имеющих всеобщий характер и общеобязательную силу на всей территории государства.

Государственные законы – суть законов разума. Главная цель государственных законов - обеспечение общественного благополучия, приоритетными в этой связи являются политические законы и гражданские законы. Политические законы, как считает И.Г.Г. Юсти, дифференцируются на государственное право и «законы государственного домостроительства». Основой политических законов являются «вольность (государственная, гражданская), безопасность, внутренняя сила». [4,с.334]

Гражданские законы делятся на собственно гражданские и благоустройственные (полицейские). Гражданские законы – законы, регулирующие и охраняющие общественные отношения в государстве. Регулятивный характер данных законов заключается в определении прав, вольностей, безопасность от неосновательных притязаний. Цель охранительных («наказательных») законов – с помощью правосудия обеспечить безопасность населения и его имущества, намерение государства оградить население от разного рода насилия. Наказания должны соответствовать преступлениям: «Всякое государство или народ не должен признавать никаких других преступлений, кроме имеющих вредоносное влияние на покой, безопасность и общее благо гражданского общества». [4,с.366]

Суть благоустройственных (полицейских) законов, по словам И.Г.Г. Юсти состоит в том, что «граждане имеют нужду не только в предписаниях к взаимному своему отношению и поступкам…, но надобны им еще и законы, дабы поведение их друг к другу таким образом означено было, чтобы все сие общему благу соответствовало». [4,с.367] Другими словами, благоустройственные (полицейские) законы должны осуществлять правоохранительную деятельность по обеспечению общественного порядка, законности в государстве. И.Г.Г. Юсти резюмирует: «политических законов намерение есть вольность области и гражданина, гражданские же и наказательные имеют предметом безопасность гражданина или подданного. Законы же благоустройства… стараются действительную учинить внутреннюю области силу». [4,с.369-370]

Таким образом, являясь сторонником юснатурализма, используя комплексно-интегративный подход к правопониманию, И.Г.Г. Юсти указывал на то, что каждое существо, каждая вещь, каждое установление имеют свои естественные законы, основанные на разуме, к которым отнес божественное право, народное право, нравственные законы, в свою очередь являющиеся источником права государственного.

Список литературы:

1. Коновалова А.С. Обычное право в российской правовой жизни/ А.С. Коновалова: Автореф.дисс…канд.юрид.наук. – М., 2005. – 23 с.
2. Немытина В.М. Современные методы исследования в правоведении : [монография] / [Ветютнев Ю.Ю и др.] ; Саратовский юридический ин-т МВД России; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - Саратов: Саратовский юридический ин-т МВД России, 2007. – 559 с.
3. Поляков А.В. Тимошина Е.В. Общая теория права: курс лекций/ А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПБ., 2017. – 468 с.
4. Юсти И.Г.Г. Существенное изображение естества народных обществ и всякаго рода законов / И.Г.Г. Юсти; перевод на рус.яз. А.Волков. - Москва: Императорский Московский университет, 1770. – 384 с.

References:

1. Konovalova A.S. Customary law in the Russian legal life/ A.S. Konovalova: Abstract.Dissertation of the Candidate of Law, Moscow, 2005, 23 p.
2. Nemytina V.M. Modern research methods in jurisprudence : [monograph] / [Vetyutnev Yu.Y. and others]; Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,; edited by N.I. Matuzov, A.V. Malko. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 559 p.
3. Polyakov A.V. Timoshina E.V. General theory of law: course of lectures / A.V. Polyakov, E.V. Timoshina. – ST. PETERSBURG, 2017. – 468 p.
4. Yusti I.G.G. The essential image of the nature of national societies and all kinds of laws / I.G.G. Yusti; translated into Russian by A.Volkov. M.: Imperial Moscow University, 1770. 384 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_145

ПРАВОВЫЕ НОВАЦИИ КАК ПРОДУКТ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В СФЕРЕ ЧАСТНОГО ПРАВА
LEGAL INNOVATIONS AS A PRODUCT OF LEGISLATION IN THE FIELD OF PRIVATE LAW

ПУЗИКОВ Руслан Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392024, Россия, г. Тамбов, Интернациональная ул., 33.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru;

КЛЕМЕШЕВ Юрий Геннадьевич,
аспирант кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392024, Россия, г. Тамбов, Интернациональная ул., 33.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru;

PUZIKOV Ruslan Vladimirovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law at the Institute of Law and National Security of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tambov State University named after G.R. Derzhavin".
33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392024, Russia.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru;

KLEMESHEV Yuri Gennadievich,
Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law at the Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tambov State University named after G.R. Derzhavin".
33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392024, Russia.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru

Краткая аннотация: *авторы настоящего исследования сделали попытку анализа современного состояния правотворчества в сфере частного права с позиций правовых традиций и правовых новаций. Авторами отстаивается позиция, согласно которой правотворчество в сфере частного права, являясь результатом взаимодействия государства, юридической доктрины и судебной практики, представляет собой сложный, динамичный процесс, отражающий изменения в хозяйственном обороте, уровне цифровизации, а также в модели взаимодействия субъектов частноправовых отношений, что в свою очередь ставит перед законодателем новые задачи и поиска путей их решения. Очевидно, что правовые новации в сфере частного права — это неотъемлемый результат современного правотворчества, ориентированного на адекватное и своевременное реагирование на изменения в социально-экономической среде. Их взаимосвязь проявляется в том, что правотворчество выступает инструментом порождения новаций, а сами новации — критерием эффективности и прогрессивности правотворческой деятельности.*

Abstract: *The authors of this study have attempted to analyze the current state of lawmaking in the field of private law from the perspective of legal traditions and legal innovations. The authors argue that lawmaking in the field of private law, which is the result of the interaction between the state, legal doctrine, and judicial practice, is a complex and dynamic process that reflects changes in economic turnover, the level of digitalization, and the model of interaction between private law entities, which in turn presents new challenges and requires the legislator to find solutions. It is obvious that legal innovations in the field of private law are an integral result of modern law-making, which is focused on an adequate and timely response to changes in the socio-economic environment. Their relationship is manifested in the fact that law-making is a tool for generating innovations, and the innovations themselves are a criterion for the effectiveness and progressiveness of law-making.*

Ключевые слова: *правотворчество, правовые традиции, правовые новации.*
Keywords: *law-making, legal traditions, legal innovations.*

Для цитирования: *Пузиков Р.В., Клемешев Ю.Г. Правовые новации как продукт правотворчества в сфере частного права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 145-149. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_145.*
For citation*: Puzikov R.V., Klemeshev Yu.G. Legal innovations as a product of legislation in the field of private law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 145-149. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_145.*

Статья поступила в редакцию: 19.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В условиях постоянной трансформации общественных отношений и ускоряющейся модернизации социально-экономической среды ключевую роль в развитии частноправового регулирования начинают играть правовые новации — новые нормы, институты и механизмы, формируемые в процессе правотворчества. Правотворчество в сфере частного права, являясь результатом взаимодействия государства, юридической доктрины и судебной практики, представляет собой сложный, динамичный процесс, отражающий изменения в хозяйственном обороте, уровне цифровизации, а также в модели взаимодействия субъектов частноправовых отношений. Правовые новации, возникающие в этом контексте, нередко становятся реакцией на дефицит правового регулирования, правовую неопределенность или неэффективность устаревших механизмов. Они не только направлены на устранение пробелов, но и призваны обеспечить гибкость и адаптивность правовой системы в условиях меняющейся реальности.

Современное частное право сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных конструкций, таких как договор, ответственность, вещные права, с учетом новых вызовов. Возникают нестандартные правовые формы, обновляются подходы к защите прав и законных интересов участников гражданского оборота, усиливается значение превентивных и компенсационных механизмов. Важным фактором в формировании правовых новаций становится судебная практика, особенно в условиях, когда право приобретает казуистический и прецедентный характер в результате активной интерпретационной деятельности судов. Это позволяет рассматривать правотворчество не только как прерога-

тиву законодательной власти, но и как более широкое явление, охватывающее доктринальные и правоприменительные источники изменений.

Понятие правотворчества восходит к глубокой древности и изначально формировалось в рамках философских и политико-правовых представлений античных обществ. Уже в трудах Платона и Аристотеля прослеживается идея о том, что законы — результат деятельности разумных субъектов власти, стремящихся к упорядочиванию общественных отношений на основе принципов справедливости, порядка и общего блага. У римских юристов, таких как Ульпиан и Гай, правотворчество трактовалось через призму juscivile и jusgentium — как деятельность, направленная на формирование норм, регулирующих повседневную жизнь римских граждан и чужеземцев. Важным вкладом античности стало осмысление права как продукта человеческого разума, а не только божественного установления, что заложило основу для последующего развития светского правопонимания в Европе.

В русской дореволюционной юридической мысли понятие правотворчества рассматривалось через призму общего учения о праве и государства, а также в рамках теории законодательства.

Как отмечаетКлычев Р. А.: «Если проводить сравнение раннего феодального российского периода и такого же периода в западных странах, то становится очевидным, что большее влияние на процедуру правотворчества имела церковь, а не западная культура и иностранное давление. … Только с момента развития Московского государства можно говорить об увеличении источников права, об их многообразии и разносторонности. Именно по данной причине во времена московских князей и был создан первый Судебник. С 1497 года в течение дальнейших шестидесяти лет их было разработано три. Логическим завершением эпохи судебников является создание в средине XVII века Соборного Уложения. Данный сборник является одним из самых важных достижений того времени в области права. Именно в нем впервые начинает систематизироваться право, все законы, которые регулируют различные правовые отношения. Хотя по мнению ученого сообщества данная попытка систематизации не вполне удачная, по-нашему мнению, это уложение один из важнейших источников права того периода развития государственности, и в нем заложено начало всей систематизации дальнейшего законодательства»[1].

Что касается понятия правотворчества, отметим, что выдающийся российский юрист Коркунов Н.М. подчеркивал, что правотворчество представляет собой деятельность по установлению новых юридических норм и является отличительной чертой государственной воли.При этом, по мнению ученого, государство не творит право, а лишь выражает его в нормативных актах и способствует реализации юридических норм. Силой, созидающей право, является практика индивидов, обеспечивающая жизнеспособность общества и государства[2].

В русской дореволюционной правовой науке правотворчество рассматривалось как центральный элемент теории права и государства. В отличие от абстрактных философских категорий, дореволюционные исследователи стремились юридически очертить и институционализировать само понятие правотворческой деятельности. Одним из авторитетных ученых, уделявших пристальное внимание этой теме, был Шершеневич Г.Ф., который в своих трудах подчеркивал, что правотворчество — это деятельность государственной власти по формированию норм объективного права. Он проводил четкую грань между правотворчеством и правоприменением, отмечая, что первое связано с созданием новых правил поведения, в то время как второе — с их реализацией и толкованием[3]. Правотворчество имело исключительно публично-правовой характер и выражало волю государства как единственного легитимного источника права.

Дореволюционные юристы также уделяли внимание систематизации источников права и процедуре законотворчества. В условиях самодержавной монархии, где законодательная власть была сосредоточена в руках императора, понятие правотворчества трактовалось с учетом монархической природы власти. В «Свободе и законе» Ковалевского М.М. подчеркивается, что законодатель — это не только носитель воли государства, но и выразитель исторической и культурной идентичности народа. Таким образом, правотворчество рассматривалось не просто как юридико-техническая функция, но как высшее проявление государственной мудрости.

Особое внимание в дореволюционный период уделялось вопросам разграничения форм правотворчества и их иерархии. В этой связи заслуживает отдельного упоминания труд Казанского П. Е. «О проблемах правотворчества в Российской империи начала XX века», в котором автор обстоятельно анализировал формы правообразования, правовую природу закона и его место в системе источников права. Казанский утверждал, что акт правотворчества — это не только юридическое действие, но и результат политико-правового выбора, обусловленного взаимодействием государства и общества[4]. Он рассматривал официальное законодательство как высшую форму выражения правовой воли, но при этом подчеркивал наличие в Российской империи множества внепарламентских и ведомственных нормотворческих практик, которые формально не имели силы закона, но фактически регулировали значительные сферы общественной жизни.

В советский период проблема правотворчества получила системное научное осмысление, что отразилось в целом ряде фундаментальных исследований, подготовленных крупнейшими отечественными учеными.В работе«Научные основы советского правотворчества», авторами которой выступили О. А. Гаврилов, Н. П. Колдаева, А. С. Пиголкин и другие исследователи, был осуществлен комплексный анализ принципов, форм и этапов правотворческой деятельности в условиях социалистической системы: «Правотворчество в советском обществе должно не только соответствовать потребностям государства и плановой экономики, но и обеспечивать реализацию политических целей партии, выражая интересы всего трудового народа. Основным направлением развития советского законодательства является его планомерность, согласованность с государственными задачами, а также научное обоснование принимаемых нормативных актов»[5].

[1]Клычев Р. А. Правотворчество России как процесс объективации права: исторический анализ // Вестник экспертного совета. 2023. № 1(32). С. 74.
[2] Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб. : Юридический книжный магазин Н. К. Мартынова, 1909. С. 93.
[3] Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 56.
[4] Шипилов А. Н. Правовое учение П.Е. Казанского о государственной власти : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01. - Белгород, 2017. С. 13.
[5] Научные основы советского правотворчества // АН СССР, Ин-т государства и права. Москва : Наука, 1981. С. 89.

ГоршеневВ.М. рассматривал правотворчество как одну из самостоятельных форм правовой деятельности государства, отчетливо разграничивая его с правоприменением. Такая классификация подчеркивала различие между созданием нормативных предписаний и их реализацией в конкретных жизненных ситуациях. По мнению ученого, правотворчество требует не только формального выражения государственной воли, но и правовой инициативы, юридической аргументации и обоснования в контексте общей концепции развития права[1].

Таким образом, в условиях советской правовой системы правотворчество рассматривалось как централизованный процесс, находящийся под жестким государственным и партийным контролем, при этом подчеркивалась необходимость его научной проработки.

Правотворчество – это общее понятие, которое охватывает весь процесс создания, изменения и отмены правовых норм. Данный термин включает в себя деятельность различных органов государственной власти и местного самоуправления, направленную на формирование правовой системы, регулирующей общественные отношения. Правотворчество включает в себя определенные элементы.

В рамках правотворчества происходит создание новых правовых норм, т.е. процесс разработки и принятия новых нормативных актов, которые вводят новые правила поведения, изменяют или отменяют существующие.

Законотворчество представляет собой разновидность правотворчества, связанную исключительно с процессом создания законов. Сюда относится разработка, обсуждение, принятие и обнародование законов. Законотворчество осуществляется в рамках законодательной ветви власти, которая включает в себя парламент: федеральный или региональный.

В свою очередь нормотворчество – это процесс воздания любых нормативных актов, регулирующих общественные отношения. В отличие от законотворчества, нормотворчество включает в себя не только создание законов, но и подзаконных актов, включая указы, постановления, распоряжения и приказы. Нормотворчество осуществляется различными органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также отдельными должностными лицами.

Правотворчество представляет собой завершающую стадию формирования права. Она проявляется в нормативных актах, целью которых является адаптация и совершенствования действующей системы правового регулирования в ответ на изменяющиеся общественные потребности.

В своей работе Валитов Д. Р. отмечает следующее понятие правотворчества: «Правотворчество трактуется как особая форма государственной деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц, опосредующая создание, изменение или отмену правовых норм (либо решений, санкционирующих обычаи и другие источники в качестве основания возникновения, изменения или отмены субъективных юридических прав и обязанностей членов общества), которая основана на познании объективных социальных потребностей и интересов социальных сообществ. Правотворчество представляет собой специфический процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства, формирование и принятие правовых актов уполномоченными субъектами в рамках соответствующих процедур»[2].

Правотворчество как явление представляет собой не просто техническое закрепление норм, а является результатом проявления публичной воли, основанной на определенных целях и ценностях, присущих конкретному этапу общественного развития.

Теоретическое осмысление правотворчества восходит к античной философии, в рамках которой закон трактовался как разумный порядок, устанавливаемый для поддержания общественной справедливости и порядка. Современное правопонимание исходит из того, что правотворчество отличается институциональной закрепленностью и формальной процедурностью. Оно реализуется в определенных правовых формах — прежде всего, в виде законодательных актов, подзаконных нормативных правовых актов и иных источников позитивного права. Однако правотворчество не сводится исключительно к формальному законоизданию. Оно охватывает широкий круг правовых действий, включая подготовку, обсуждение, принятие и публикацию нормативных актов, а также их последующую интерпретацию и адаптацию.

Существенный вклад в развитие теоретических представлений о правотворчестве внес С. С. Алексеев — один из крупнейших отечественных правоведов второй половины XX века. В своих трудах он подчеркивал, что правовое регулирование представляет собой сложную систему, основанную на взаимодействии различных механизмов, каждый из которых выполняет специфическую функцию в обеспечении воздействия права на общественные отношения. С его точки зрения, правотворчество не может рассматриваться исключительно как процедура издания нормативных правовых актов. Оно должно пониматься шире — как системно организованный процесс, охватывающий не только юридико-техническую, но и социально-ценностную, содержательную сторону правового регулирования[3].

Понятие правовой новации представляет собой результат эволюции правовой мысли и отражает потребность в адекватной реакции законодательства на изменения общественных, экономических и технологических реалий. В юридической науке под правовыми новациями принято понимать установление, изменение или отмену правовых норм, отличающихся от существующего правового порядка новизной подходов, целей или содержания. Такие изменения могут касаться как новых институтов, ранее неизвестных отечественному правопорядку, так и обновления традиционных механизмов правового регулирования, преломленных через призму изменившихся условий.

Правовая новация в широком смысле охватывает не только принятие новых законов или поправок, но и включает в себя создание новых правовых конструкций, форм взаимодействия субъектов, а также концептуальные трансформации правовой доктрины. В этом контексте правовая новация является не просто техническим результатом законодательной деятельности, а выражением интеллектуального и прогностического ресурса правотворчества. Она представляет собой форму правового прогресса, предполагающую переосмысление устоявшихся правовых подходов и выход за пределы правового консерватизма.

[1] Горшенев В. М. Формы участия общественных организаций в правотворчестве Советского государства // Межвуз. науч. конф. «Роль общественности в выполнении государственных функций в условиях развернутого строительства коммунистического общества. Тезисы докл. и науч. сообщений 24-26 мая». М.: Изд-во МГУ, 1960. С. 25.
[2] Валитов Д. Р. Понятие и признаки судебного правотворчества // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 10-1(22). С. 175.
[3] Алексеев С. С. Теория права. М. : Изд-во Бек, 1993. С. 123.

Рассматривая понятие новации Калюжный В. В. отмечает: «Новации - это новые идеи и знания, полученные в результате законченных научно-исследовательских (фундаментальных и прикладных), опытно-конструкторских разработок, иные научно-технические результаты. Они могут иметь форму открытий, понятий, методик, инструкций и т.д.»[1].

Отличительной чертой правовой новации является ее временная и системная нестабильность, поскольку каждая новация вводится в контекст уже функционирующей системы права. Это создает риск как внутреннего противоречия, так и проблем интерпретации и правоприменения. В связи с этим правовые новации требуют не только тщательного концептуального обоснования, но и системного анализа с позиций теории права, юридической техники, социологических и политико-правовых факторов.

Следует отметить, что не всякое изменение в законодательстве обладает признаками правовой новации. К примеру, изменения редакционного или корректирующего характера, не влияющие на суть правового регулирования, к новациям не относятся. В то время как нормы, устанавливающие новые основания юридической ответственности, регулирующие отношения в ранее не охватываемой правом сфере (например, цифровые активы, искусственный интеллект, биоэтика) или изменяющие сложившийся баланс прав и обязанностей субъектов права, несомненно, обладают новаторским характером.

Одной из ключевых особенностей правовых новаций является их тесная связь с социальным запросом. Общество, вступая в новую фазу своего развития, предъявляет к праву новые требования: гибкость, оперативность, технологическую совместимость. В этом контексте правовая новация выступает как форма адаптации системы права к изменяющейся социальной среде. Именно поэтому успешная правовая новация требует не только юридического анализа, но и учета мнений экспертов в смежных сферах – экономике, информационных технологиях, экологии, социальной политике. Правовая новация предполагает наличие субъекта новационного правотворчества, которым чаще всего выступают государственные органы, наделенные нормотворческими полномочиями, но возможна и инициатива со стороны научного сообщества, общественных организаций, профессиональных объединений. В условиях правового государства большое значение приобретает участие в процессе подготовки новаций гражданского общества, что способствует их легитимации и устойчивости.

Особый интерес представляет соотношение правовой новации и правовой традиции. В одних случаях новации вступают в острое противоречие с традицией, создавая правовой разрыв и кризис легитимности. В других — они органично вплетаются в существующую структуру, развивая ее в рамках правопреемственности. Баланс между новизной и правовой преемственностью является важнейшим фактором устойчивости правовой системы.

Правовая новация, как и любой элемент правовой системы, подвержена оценке со стороны правоприменительной практики. Только ее внедрение и закрепление в правовом сознании и юридической деятельности свидетельствует о ее жизнеспособности. Практика часто выявляет как скрытые преимущества, так и недостатки новационных норм, что требует постоянного мониторинга и возможной корректировки. В этом контексте можно говорить о цикличности и динамике правовых новаций, их способности к трансформации в зависимости от обратной связи со стороны правоприменителя.

Правовые новации представляют собой результат целенаправленной деятельности правотворческих субъектов, направленной на совершенствование и обновление действующей системы норм. В частном праве, где правовое регулирование тесно связано с динамикой экономических отношений, развитием предпринимательства, технологическими инновациями и изменениями модели поведения участников гражданского оборота, правотворчество приобретает особое значение как источник гибких и адаптированных к современности правовых решений. В этом контексте правовые новации неразрывно связаны с правотворчеством, поскольку именно последнему принадлежит ведущая роль в их формировании и институционализации.

В сфере частного права правотворчество представляет собой не только принятие новых законов, но и более сложный, многоступенчатый процесс конструирования правовых норм, способных обеспечить баланс частных и публичных интересов. Обновление правового материала становится ответом на изменения в практике заключения договоров, появления новых форм предпринимательской кооперации, развития цифровой экономики, трансграничных сделок, интеллектуальной собственности, финансовых технологий и других компонентов частноправовых отношений. Таким образом, правовая новация — это не просто формальная правовая поправка, а содержательное преобразование, обусловленное глубинными трансформациями внутри самой системы социально-экономических отношений.

Особенности правотворчества в частном праве проявляются в повышенной чувствительности к экономическим условиям, ускоренной динамике делового оборота и необходимости обеспечения юридической определенности. С одной стороны, правовые нормы должны быть стабильными, создавая условия для прогнозируемости поведения участников. С другой — они должны реагировать на появление новых правовых явлений, обеспечивать защиту интересов субъектов, своевременно устранять правовые лакуны. Именно на стыке этих двух задач рождаются правовые новации — как результат поиска наиболее эффективных правовых конструкций, которые, сохраняя системность и преемственность, в то же время предлагают новые пути правового регулирования.

Одной из форм правотворчества, ориентированной на формирование новаций, выступает так называемое прогностическое нормотворчество, в рамках которого законодатель стремится предвосхитить развитие правовых отношений и заранее заложить нормы, способные регулировать еще только формирующиеся институты. Примером могут служить положения о цифровых правах в Гражданском кодексе Российской Федерации, которые закрепили возможность распоряжения цифровыми активами как новым объектом гражданских прав. Этот подход ярко де-

[1]Калюжный В. В. Современные трактовки понятия «Инновация» и его уточнение с использованием усовершенствованного метода системных триад дефиниций // Управление проектами и развитие производства. 2003. №1 (6). С. 99.

монстрирует, как правотворчество в сфере частного права может опережать фактическую практику, задавая вектор ее развития.

Вместе с тем, правотворчество в частноправовой сфере подвержено влиянию международных правовых тенденций и необходимости гармонизации с зарубежными правовыми системами. При заимствовании иностранных правовых моделей происходит адаптация институтов и понятий под специфику российского правопорядка. Так, формирование новых типов договоров, развитие института добросовестности, а также регулирование сделок, заключаемых с использованием электронных и автоматизированных систем, отражают влияние как внутренних потребностей, так и глобальных правовых трендов. Такие правовые новации, как правило, проходят стадию научного анализа и экспертной проработки, что подчеркивает важность доктринального правотворчества и его участия в разработке новаций.

Такие правовые новации, как правило, проходят стадию научного анализа и экспертной проработки, что подчеркивает важность доктринального правотворчества и его участия в разработке новаций. Как справедливо отмечает Яловенко Т. В.: «Эффективность правотворчества зависит от многих аспектов, ее повышению будет способствовать активное использование научного прогнозирования, правового мониторинга, планирование правотворческой деятельности, а также создание любого нормативного правового акта с учетом правил и методов юридической техники. Осуществление правотворческой деятельности должно проходить строго в рамках закона и отвечать целям и задачам общества. Только критически оценивая каждый вносимый законопроект с точки зрения его необходимости и целесообразности, законодатель сможет стабилизировать законотворческий процесс и улучшить качество принимаемых нормативных правовых актов»[1].

Правовые новации, будучи продуктом правотворчества, требуют высокого уровня юридической техники и оценки рисков, связанных с их внедрением. Ошибки на стадии разработки могут привести к правовой неопределенности, правоприменительным коллизиям или даже подрыву доверия к правовой системе. В этом смысле правотворчество в сфере частного права нуждается в научной и практической обратной связи, а также в прозрачных механизмах мониторинга правоприменения. Именно поэтому успешность правовой новации во многом зависит от комплексного подхода к ее подготовке, включающего правовой анализ, прогнозирование последствий, моделирование поведения участников, оценку сопутствующих рисков.

Нельзя не отметить, что современное правотворчество активно вовлекает различные формы участия общественности и профессионального сообщества в формировании новаций. Разработка проектов нормативных актов, регулирующих частноправовые отношения, все чаще сопровождается общественными обсуждениями, публикацией экспертных заключений, участием научных и образовательных организаций. Это способствует повышению легитимности правовых новаций, их соответствию реальным потребностям субъектов гражданского оборота и минимизации правоприменительных рисков.

Таким образом, правовые новации в сфере частного права — это неотъемлемый результат современного правотворчества, ориентированного на адекватное и своевременное реагирование на изменения в социально-экономической среде. Их взаимосвязь проявляется в том, что правотворчество выступает инструментом порождения новаций, а сами новации — критерием эффективности и прогрессивности правотворческой деятельности. Эффективные правовые новации усиливают устойчивость и конкурентоспособность правовой системы, создавая условия для ее развития и адаптации к вызовам времени.

Список литературы:

1. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. - М. : Изд-во Бек, 1993. - 223 с
2. Калюжный, В. В. Современные трактовки понятия «Инновация» и его уточнение с использованием усовершенствованного метода системных триад дефиниций / В. В. Калюжный // Управление проектами и развитие производства. – 2003. – №1 (6). – С. 86-99.
3. Валитов, Д. Р. Понятие и признаки судебного правотворчества / Д. Р. Валитов // Символ науки: международный научный журнал. – 2016. – № 10-1(22). – С. 172-175.
4. Горшенев, В. М. Формы участия общественных организаций в правотворчестве Советского государства / В. М. Горшенев // Межвуз. науч. конф. «Роль общественности в выполнении государственных функций в условиях развернутого строительства коммунистического общества. Тезисы докл. и науч. сообщений 24-26 мая». – М.: Изд-во МГУ, 1960. – С. 23-25.
5. Клычев, Р. А. Правотворчество России как процесс объективации права: исторический анализ / Р. А. Клычев, И. Г. Воропае // Вестник экспертного совета. – 2023. – № 1(32). – С. 69-74.
6. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов // СПб. : Юридический книжный магазин Н. К. Мартынова, 1909. – С. 93-97.
7. Научные основы советского правотворчества / О. А. Гаврилов, Н. П. Колдаева, А. С. Пиголкин и др. // АН СССР, Ин-т государства и права. - Москва : Наука, 1981. - 317 с.
8. Шершеневич, Г.Ф. Общее учение о праве и государстве / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 159 с.
9. Шипилов, А. Н. Правовое учение П.Е. Казанского о государственной власти : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Шипилов Алексей Николаевич; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. - Белгород, 2017. - 23 с.
10. Яловенко, Т. В. Правотворчество в современном государстве / Т. В. Яловенко, Р. А. Мерзликин, Г. А. Никитина // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2022. – № 3(55). – С. 76-82.

References:

1. Alekseev, S. S. Theory of law / S. S. Alekseev. - M. : Publishing House of Bek, 1993. - 223 p.
2. Kalyuzhny, V. V. Modern interpretations of the concept of "Innovation" and its refinement using the improved method of system triads of definitions / V. V. Kalyuzhny // Project management and production development. – 2003. – №1 (6). – Pp. 86-99.
3. Valitov, D. R. The concept and signs of judicial lawmaking / D. R. Valitov // Symbol of Science: international scientific journal. – 2016. – № 10-1(22). – Pp. 172-175.
4. Gorshenev, V. M. Forms of participation of public organizations in the law-making of the Soviet state / V. M. Gorshenev // Inter-university. scientific conference "The role of the public in the performance of state functions in the context of the extensive construction of a communist society. Abstracts of the doctoral and scientific messages on May 24-26." Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1960. pp. 23-25.
5. Klychev, R. A. Lawmaking in Russia as a process of objectification of law: a historical analysis / R. A. Klychev, I. G. Voropae // Bulletin of the Expert Council. – 2023. – № 1(32). – Pp. 69-74.
6. Korkunov, N. M. Lectures on the general theory of law / N. M. Korkunov // St. Petersburg : Legal Bookstore of N. K. Martynov, 1909. – pp. 93-97.
7. Scientific foundations of Soviet lawmaking / O. A. Gavrilov, N. P. Koldaeva, A. S. Pigolkin et al. // AN USSR, Institute of State and Law. Moscow : Nauka Publ., 1981. 317 p.
8. Shershenevich, G.F. The general doctrine of law and the state / G. F. Shershenevich. Moscow: Printing House of I.D. Sytin, 1908. – 159 p.
9. Shipilov, A. N. P.E. Kazansky's legal doctrine of state power : abstract of the dissertation of the Candidate of Law : 12.00.01 / Shipilov Alexey Nikolaevich; [Place of defense: Belgorod State National University. research. university]. - Belgorod, 2017. - 23 p.
10. Yalovenko, T. V. Law-making in the modern state / T. V. Yalovenko, R. A. Merzlikin, G. A. Nikitina // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. – 2022. – № 3(55). – Pp. 76-82.

[1]Яловенко Т. В. Правотворчество в современном государстве // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2022. № 3(55). С. 76.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_150
УДК 342

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
DIGITALIZATION OF LAWMAKING IN THE RUSSIAN FEDERATION

СУРКОВА Ольга Егоровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично правовых дисциплин
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443066, Россия, г. Самара, ул. Антонова – Овсеенко, д.81.
E-mail: surkova.olga2011@yandex.ru;
ORCID: 0000-0001-8562-8822;

КАСАТКИН Никита Александрович,
аспирант, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443105, Россия, г. Самара, ул. Майская, 5.
E-mail: kasatkin.na.163@gmail.com;

SURKOVA O.E.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines
of the Samara State University of Economic».
443066,Samara, st. Antonova-Ovseenko, 81.
E-mail: surkova.olga2011@yandex.ru;

KASATKIN N.A.,
Postgraduate Student Samara State University of Economics.
443105, Samara, st. Maiskay, 5.
E-mail: E-mail:kasatkin.na.163@gmail.com

Краткая аннотация: *сложно представить современное общество без использования цифровых технологий. Подобные технологии проникают во все сферы общественной жизни и непосредственно влияют на них. Не остаются в стороне и вопросы применения цифровизации в процессе принятия и совершенствования действующего законодательства. По всему миру проводится политика по усовершенствованию и автоматизации процессов законотворчества, которая также затронула и Российскую Федерацию. Курс на цифровизацию законотворчества в России был намечен еще в 2016 году, когда В.И. Путин в послании Федеральному Собранию РФ объявил о переходе на цифровую экономику. С данного периода официально был начат переход на автоматизацию и усовершенствование процессов принятия законов с помощью цифровых технологий. Однако, несмотря на определенные успехи, сделанные в данном направлении, имеется ряд нерешенных проблем как технического, так и правового порядка, некоторые из которых затронуты в рамках настоящей статьи.*

Abstract: *today it is difficult to imagine a society without the use of digital technologies. Such technologies penetrate into all spheres of public life and directly affect them. The issues of applying digitalization in the process of adopting and improving current legislation are not left out. A policy is being implemented worldwide to improve and automate lawmaking processes, which has also affected the Russian Federation. The course towards digitalization of lawmaking in Russia was outlined back in 2016, when V.I. In his message to the Federal Assembly W. Putin announced the transition to the digital economy. Since this period, the transition to automation and improvement of law-making processes using digital technologies has officially begun. This process continues to the present time, however, despite the duration of its application, there are a number of problematic issues that will be investigated in the framework of this article.*

Ключевые слова: *цифровизация, законотворчество, искусственный интеллект, цифровая экономика, проблемы правоприменения.*
Keywords: *digitalization, lawmaking, artificial intelligence, digital economy, law enforcement issues.*

Для цитирования: *Суркова О.Е., Касаткин Н.А. Цифровизация законотворчества в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 150-151. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_150.*
For citation*: Surkova O.E., Kasatkin N.A. Digitalization of lawmaking in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 150-151. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_150.*

Статья поступила в редакцию: 19.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Практика использования цифровых технологий активно внедряется в сферу законотворческого процесса и в последнее время является предметом обсуждения не только в научной среде, но и на уровне общественности. Так, согласно недавнему исследованию, более 70% граждан России поддерживают идею о необходимости упрощения и ускорения процесса законотворчества через цифровизацию. Это подчеркивает общественный запрос на более прозрачные и эффективные способы разработки законов, что также является весомым аргументом для выбора данной темы [6]. В условиях глобальных вызовов, например, таких как пандемия COVID-19, многие страны, включая Россию, столкнулись с необходимостью адаптации своих государственных правовых систем к новым реалиям.

Статистические данные показали, что именно период изоляции граждан во время COVID-19 привел к увеличению необходимости обращения к способам дистанционного выстраивания деятельности, в том числе государственных органов власти. Следует заметить, что более 60% россиян считают, что цифровизация законотворчества может повысить качество принимаемых законов и их соответствие общественным потребностям.

Цифровизация законотворческого процесса в Российской Федерации направлена на модернизацию законодательной деятельности с использованием современных информационных технологий. Цифровизация законотворческого процесса позволит увеличить степень доверия граждан к власти, повысить уровень правовой грамотности, повысить эффективность и прозрачность нормативного регулирования.

В современных условиях есть все необходимые предпосылки для того, чтобы трансформировать взаимодействие общества и государства посредством использования социальных сетей, мобильных приложений, специальных цифровых платформ, что приведет к вовлечению граждан в процесс управления государством, в том числе, в обсуждение законодательных проектов и их принятии [5].

Одним из основных этапов на пути цифровизации является создание электронных платформ для подготовки и обсуждения законопроектов. Такие платформы позволят собирать мнения граждан, экспертов, юридических сообществ и других заинтересованных сторон, а также способствовать более качественному уровню законов. Использование онлайн-опросов, форумов и других инструментов обратной связи дает возможность учитывать общественное мнение на ранних стадиях законотворческого процесса.

Как известно, законодательный процесс является громоздким и достаточно сложным, требующем согласования на разных стадиях, поэтому принятие новых законов, внесения изменений, дополнений и поправок занимает много времени, что в условиях быстро меняющихся общественных отношений и современных вызовов приводит к значительным нарушениям к неурегулированным правоотношениям.

Внедрение цифровых технологий позволит повысить качество законотворческого процесса на всех его этапах, сократить время прохождения законопроектов в представительных органах власти, а также упростит и ускорит процесс правоприменения [2].

Более того, усовершенствованные цифровые процессы помогут управлять большим объемом информации, анализировать и сопоставлять данные в части законодательного регламентирования, что во многом облегчит законотворческую деятельность органов власти. Такие задачи, как сбор статистики, аналитика общественного мнения, решение и автоматизация рутинных действий позволит освободить должностных лиц от технической работы и направить их деятельность на разработку эффективных и качественных законов.

Не менее значимым является использование аналитических инструментов и технологий больших данных для оценки эффективности действующего законодательства. Анализ статистических данных, мониторинг социальных сетей и других источников информации позволяют выявлять проблемные области и потребности населения, что помогает формировать более актуальные законодательные инициативы.

Более того, внедрение цифровых технологий требует развития и совершенствования правового регулирования данной сферы деятельности, что способствует развитию новых отраслей права, таких как информационные и цифровое право. Однако, на пути становления цифровой трансформации, встречается немало трудностей, как технических, так и юридических, поскольку, это относительно новое для России направление, которое независимо от его поступательного развития не может в должной степени ответить на вопросы, связанные с автоматизацией на основе искусственного интеллекта (далее ИИ) [4]. Одним из наиболее спорных в процессе цифровизации является вопрос об использование искусственного интеллекта в деятельности органов публичной власти, поскольку нельзя с достоверностью ответить на вопрос о пределах допустимости внедрения ИИ в процесс принятия решений органами власти, в том числе и в законотворческом процессе. Несмотря на существование алгоритмов, позволяющих ИИ создавать правовые нормы, отвечающие требованиям юридической техники, правовым принципам и основам национального законодательства, им может быть присущ излишний формализм, отвлеченность от норм морального и этического характера, реальных запросов общества [8].

Кроме того, при определении возможности использования ИИ в законотворчестве важно учитывать готовность непосредственных пользователей применять современные технологии при выполнении повседневных задач.

Дополнительные сложности может создавать сложная и разветвленная структура правовой системы Российской Федерации, состоящей не только из федерального, но и законодательства субъектов Российской Федерации, нормы которого могут дублировать вышестоящий нормативный правовой акт. Цифровизация законотворчества в России сталкивается с рядом вызовов, таких как: недостаточный уровень кибербезопасности; неосведомленность граждан и служащих органов государственной власти о способах и методах защиты конфиденциальной и личной информации при работе с техническими и информационными средствами; неравномерность распределения цифровых технологий в крупных городах РФ и отдаленных регионах. К сожалению, население страны имеет разный уровень правовой и цифровой грамотности, что становится препятствием на пути к активному использованию средств, созданных для работы с информационными технологиями.

Следует предположить, что пока многие граждане находятся в изоляции от технических средств и не могут получать качественные интернет-услуги, это будет существенным образом тормозить распространение информационных технологий в Российской Федерации и являться препятствием на пути к более активному развитию деятельности государства в указанной сфере. При этом необходимо учитывать, что внедрение цифровых технологий ознаменовано не только положительными результатами, но и рядом вызовов и угроз, в том числе в отношении кибербезопасности, а также возможности утечки информации и манипуляций с ней через иные цифровые платформы. В целом, пока нельзя говорить о цифровизации законотворческого процесса как о достигнутом этапе, поскольку продолжается разработка технологий и методов работы с цифровыми технологиями в области законотворчества, но безусловно данный процесс является весьма актуальным и необходимым и требует скорейшего завершения.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. ст. 2901.
2. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 01.08.2024) «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // СЗ РФ. 2019. № 11. ст. 1119.
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 32. ст. 5138 (утратило силу).
4. Искусственный интеллект в законотворчестве: Казахстан на пороге цифровой эры. URL: https://parlaminst-mtqb.qr-pib.kz/en/p/42742 (дата обращения: 17.05.2025).
5. Меньшикова Г.А., Евстратчик С.В., Баринов А.М. Досье НПА: новые возможности цифровизации для совершенствования законотворческого процесса // Управление бизнесом в цифровой экономике. 2021. С. 406-412.
6. Морозов А.Е. К вопросу цифровизации законотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3(51). С. 266-267.
7. Сивоконева П.С., Гаврилова В.Д. Перспективы и риски принятия Цифрового кодекса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-5(96). С. 196-199.
8. Солдаткина О.Л. Модернизация нормотворчества в контексте формирования цифрового права // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 62-72.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/09/2017 No. 203 "On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // SZ RF. 2017. No. 20. art. 2901.
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated 03/02/2019 No. 234 (as amended on 08/01/2024) "On the management system for the implementation of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" (together with the "Regulation on the management system for the implementation of the national program "Digital Economy of the Russian Federation") // SZ RF. 2019. No. 11. art. 1119.
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r "On approval of the program "Digital Economy of the Russian Federation" // SZ RF. 2017. No. 32, Article 5138 (expired).
4. Artificial intelligence in lawmaking: Kazakhstan is on the threshold of the digital age. URL: https://parlaminst-mtqb.qr-pib.kz/en/p/42742 (date of access: 05/17/2025).
5. Menshikova G.A., Evstratchik S.V., Barinov A.M. Dossier of the NPA: new opportunities for digitalization to improve the legislative process // Business management in the digital economy. 2021. pp. 406-412.
6. Morozov A.E. On the issue of digitalization of lawmaking // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3(51). pp. 266-267.
7. Sivokoneva P.S., Gavrilova V.D. Prospects and risks of adopting the Digital Code // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 9-5 (96). pp. 196-199.
8. Soldatkina O.L. Modernization of rulemaking in the context of the formation of digital law // Legal policy and legal life. 2024. No. 3. pp. 62-72.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_152

УДК 346.5

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАО «МОСЭНЕРГО»)

LEGAL ASPECTS OF THE INTRODUCTION OF INNOVATIVE PERSONNEL MANAGEMENT TOOLS AT AN INDUSTRIAL ENTERPRISE (USING THE EXAMPLE OF «MOSENERGO»)

МАЛАШКИНА Ольга Фёдоровна,
доцент кафедры инновационного менеджмента в отраслях промышленности
Инженерной академии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы», кандидат экономических наук.
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198.
E-mail: malashkina_of@pfur.ru;

САВИНКИНА Лариса Александровна,
доцент кафедры организационно-кадровой работы в органах государственной власти
Института технологий управления МИРЭА - Российский технологический университет, доцент кафедры туризма
Московского государственного университета спорта и туризма, кандидат географических наук, доцент.
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 5, Москва, Россия, 119435.
E-mail: danaya1967@mail.ru;

ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич,
профессор кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
профессор кафедры организационно-кадровой работы в органах государственной власти
Института технологий управления МИРЭА - Российский технологический университет; профессор кафедры туризма
Московского государственного университета спорта и туризма, доктор экономических наук, доктор политических наук,
кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
Территория Ленинские Горы, 1, район Раменки, Западный административный округ, Москва, Россия,119234.
Researcher ID: **AAS-7807-2020**
Scopus Author ID: 56610014800
РИНЦ ID: 319114
ORCID: 0000-0002-0811-0058.
E-mail: dermakow@mail.ru;

АСАДОВ Видади Гафизович,
соискатель ВНИИ труда Минтруда России.
ул. Земляной вал, 34, Москва, Россия, 105064.
E-mail: vidas.78@mail.ru;

MALASHKINA Olga F.,
Associate Professor at the Department of Innovation Management in Industries
Engineering Academy of the P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Candidate of Economic Sciences.
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198.
E-mail: malashkina_of@pfur.ru;

SAVINKINA Larisa A.,
Associate Professor of the Department of Organizational and Personnel Work in Public Authorities
MIREA Institute of Management Technologies - Russian Technological University, Associate Professor of the Department of Tourism
Moscow State University of Sports and Tourism, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor.
Malaya Pirogovskaya str., 1, building 5, Moscow, Russia, 119435.
E-mail: danaya1967@mail.ru ;

ERMAKOV Dmitry Nikolaevich,
Professor of the Department of History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History Lomonosov Moscow State University;
Professor of the Department of Organizational and Personnel Work in Public Authorities
MIREA Institute of Management Technologies - Russian Technological University; Professor of the Department of Tourism
Moscow State University of Sports and Tourism, Doctor of Economics, Doctor of Political Sciences,
Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.
The territory of Leninskie Gory, 1, Ramenki district, Western Administrative District, Moscow, Russia,119234.
Researcher ID: AAS-7807-2020
Scopus Author ID: 56610014800
RSCI ID: 319114
ORCID: 0000-0002-0811-0058.
E-mail: dermakow@mail.ru ;

ASADOV Vidadi Gafizovich,
applicant of the All-Russian Research Institute of Labor of the Ministry of Labor of Russia.
34 Zemlyanoy Val St., Moscow, Russia, 105064.
E-mail: vidas.78@mail.ru

Краткая аннотация: *Реализация как тактических, так и стратегических ориентиров компании напрямую зависит от активного, осознанного и результативного участия сотрудников. Персонал в управленческой системе предприятия выполняет двойную роль: с одной стороны, он является объектом оперативного воздействия, а с другой — элементом долгосрочного планирования. Эффективное руководство строит архитектуру менеджмента, опираясь на устойчивые связи между работниками и другими структурными элементами организации. Любая кадровая модель, внедряемая в практическую деятельность, не случайна — она логически вплетена в общую систему управления, выстроенную руководством. Поэтому без качественного человеческого капитала достижение ключевых бизнес-целей становится невозможным. В статье проанализирована кадровая стратегия ПАО «Мосэнерго».*

Abstract: *The implementation of both tactical and strategic guidelines of the company directly depends on the active, conscious and effective participation of employees. Personnel in the company's management system performs a dual role: on the one hand, they are the object of operational impact, and on the other, they are an element of long—term planning. Effective management builds a management architecture based on stable connections between employees and other structural elements of the organization. Any personnel model implemented in practice is not accidental — it is logically woven into the overall management system built by the management. Therefore, without high-quality human capital, achieving key business goals becomes impossible. The article analyzes the personnel strategy of PJSC Mosenergo.*

Ключевые слова: *электроэнергетика; инновации в электроэнергетике; управление персоналом; управление человеческим капиталом; система управления персоналом; аттестация персонала.*

Keywords: *electric power industry; innovations in the electric power industry; personnel management; human capital management; personnel management system; personnel certification.*

Для цитирования: *Малашкина О.Ф., Савинкина Л.А., Ермаков Д.Н., Асадов В.Г. Правовые аспекты внедрения инновационных инструментов управления персоналом на промышленном предприятии (на примере ПАО «Мосэнерго») // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 152-157. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_152.*

For citation*: Malashkina O.F., Savinkina L.A., Ermakov D.N., Asadov V.G. Legal aspects of the introduction of innovative personnel management tools at an industrial enterprise (using the example of «Mosenergo») // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 152-157. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_152.*

Статья поступила в редакцию: 23.07.2025

Нехватка кадров представляет собой насущную проблему, и решение ее - одна из важнейших задач России. Об этом заявил Президент РФ Владимир Владимирович Путин на встрече с участниками программы "Время героев". Российский президент отметил, что нехватка кадров - "одна из проблем сегодняшнего дня", хотя "собственно, эта всегда проблема присутствует". Причина ее особенной актуальности - "очень много изменений в стране происходит - и в технологиях, и в образе жизни, в стандартах, которые рождаются, управления", пояснил Президент России. "Одна из важнейших задач - это кадры", - заключил Президент РФ В.В. Путин.[1]

В научной литературе встречается множество подходов к определению понятия «система управления персоналом». Так, А. Я. Кибанов рассматривает ее через призму формирования вертикальных и горизонтальных взаимодействий между управленцами и специалистами в процессе разработки, согласования, принятия и реализации управленческих решений.

Другой взгляд предлагает М. Армстронг. Он определяет управление персоналом как систему технологий, методов и практических приемов, направленных на организацию работы с кадрами. Сильная сторона этого подхода — ориентация на конкретные инструменты и необходимость четкой систематизации кадровой деятельности, что делает определение более прикладным и ориентированным на практическое применение[2].

Иную точку зрения высказывает О.А. Горленко, определяя управление персоналом как совокупность взаимосвязанных организационных, экономических и социально-психологических компонентов. Безусловным достоинством этого подхода является признание сложности и многоуровневости структуры кадрового менеджмента, а также учета разнообразных факторов, влияющих на его функционирование[3].

Свою версию определения предлагает и А.А. Литвинюк, рассматривая систему управления персоналом как набор методов работы с сотрудниками организации. Данный подход ценен тем, что подчеркивает методологическую основу кадрового менеджмента. Однако в нем не раскрывается взаимосвязь между элементами этой системы, а также не показано, каким образом используемые методы соотносятся с целями управления персоналом в рамках общего менеджмента [4].

Суммируя приведенные точки зрения, можно выделить два основных подхода: первый — связывает кадровое управление с общей системой менеджмента, второй — рассматривает его как самостоятельную, изолированную систему. Более обоснованным представляется первый вариант, при котором управление человеческими ресурсами воспринимается как органичная часть общей управленческой структуры. В этом случае работа с персоналом направлена не только на выполнение отдельных задач, но и на обеспечение активного вовлечения сотрудников в производственные процессы, что способствует успешной деятельности маркетинговых, финансовых и других подразделений организации [5].

В рамках организационной структуры особое значение приобретает согласование работы с персоналом с глобальными стратегическими целями. Для эффективного раскрытия кадрового потенциала необходимо формулировать задачи, встроенные в общую миссию компании, обеспечивая тем самым устойчивое развитие и конкурентоспособность организации.

Публичное акционерное общество «Мосэнерго» находится под управлением ООО «Газпром Энергохолдинг», которое выступает в качестве управляющей структуры. Уставный капитал общества составляет внушительную сумму в размере 39 749 359 700 рублей, что свидетельствует о масштабности деятельности компании.[6] Основной профиль деятельности предприятия сосредоточен в области выработки электрической энергии посредством использования теплоэлектростанций. Компания осуществляет полный цикл работ, включающий техническое сопровождение и эксплуатационное обслуживание энергетических объектов.

На российском энергетическом рынке организация занимает доминирующие позиции, являясь крупнейшим поставщиком энергоресурсов. Более того, по показателям теплопроизводства компания лидирует в мировом масштабе.

Производственная база включает пятнадцать электростанций, суммарная мощность которых достигает 12,5 тысяч мегаватт. Такие

[1] https://tass.ru/obschestvo/21104341 (Дата обращения: 12.07.2025).
[2] Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами. 14-е изд. / М. Армстронг, С. Тейлор. — Санкт-Петербург : Питер, 2022. — С.19.
[3] Горленко, О. А. Управление персоналом : учебник для вузов / О. А. Горленко, Д. В. Ерохин, Т. П. Можаева. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 211 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20315-8. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/562120 (дата обращения: 13.04.2025).
[4] Литвинюк, А. А. Управление персоналом : учебник и практикум для среднего профессионального образования / А. А. Литвинюк ; под редакцией А. А. Литвинюка. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — С.52 — (Профессиональная практика). — ISBN 978-5-534-16151-9. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/560904 (дата обращения: 13.04.2025).
[5] Красюк, А. В. Применение современных методов деловой оценки персонала как необходимое условие развития организации / А. В. Красюк, Г. С. Киселева // Colloquium-Journal. – 2021. – № 3-4(90). – С. 21.
[6] https://mosenergo.gazprom.ru/ (Дата обращения: 12.07.2025).

объемы производственных мощностей делают предприятие ключевым звеном в энергетической системе Российской Федерации.

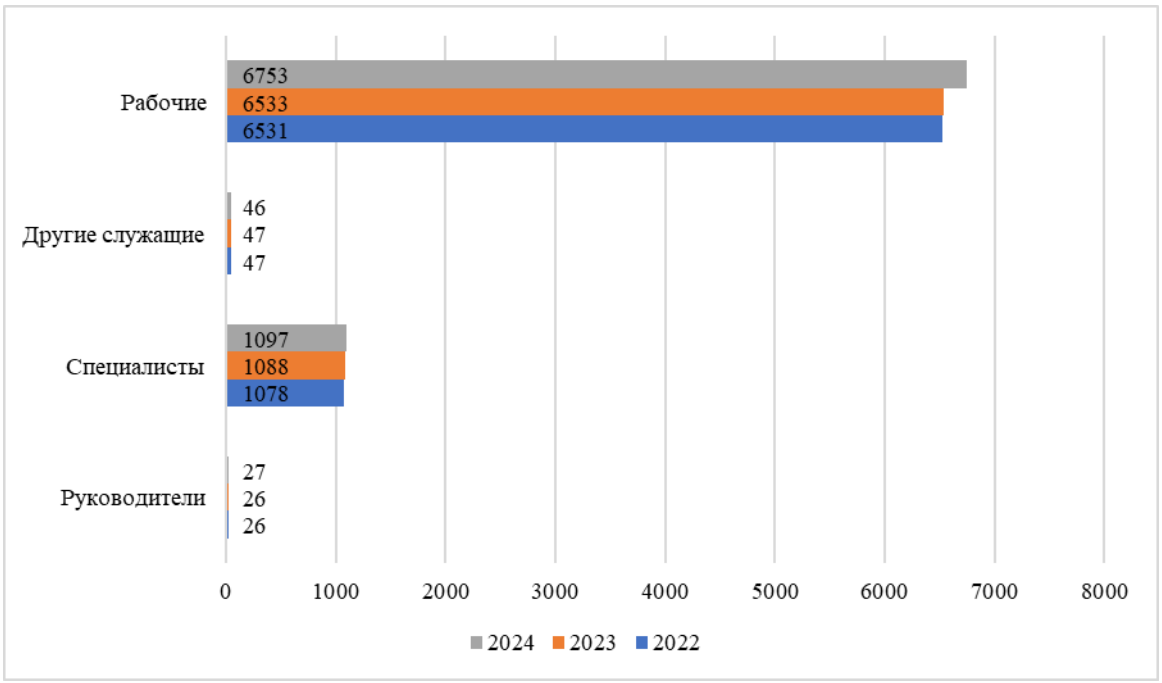
Внедрение передовых парогазовых решений существенно улучшило экологические характеристики производства и повысило его энергоэффективность. Применение подобных технологий позволило ПАО «Мосэнерго» значительно оптимизировать производственные процессы.

Компания практически полностью покрывает потребности московского региона в тепловых ресурсах. Одновременно предприятие вырабатывает свыше половины всей электроэнергии, потребляемой в области.

Общая тепловая мощность всех производственных объектов, включая районные котельные, теплоэлектроцентрали и крупные энергетические комплексы, составляет 43,7 тысячи гигакалорий в час. Стратегическими приоритетами организации остаются постоянная модернизация существующих мощностей и расширение производственного потенциала. Руководство компании уделяет особое внимание техническому перевооружению и развитию инфраструктуры. Корпоративное управление в ПАО «Мосэнерго» характеризуется высокой степенью открытости и строгим следованием установленным стандартам. Менеджмент компании последовательно реализует комплексные программы, направленные на укрепление позиций предприятия на рынке.

Руководящий состав организации активно формирует и реализует долгосрочные планы развития, основной целью которых является увеличение инвестиционной привлекательности и наращивание рыночной стоимости компании.

Рисунок 1 - Изменения в структуре персонала по категориям ПАО «Мосэнерго» за 2022-2024 гг., чел.

Исследование информации, отраженной в первом рисунке, демонстрирует значительные изменения в структуре персонала на протяжении временного отрезка с 2022 по 2024 годы.

Управленческий аппарат демонстрировал неизменность своей численности в течение двухлетнего периода 2022-2023 годов. Однако к завершению анализируемого периода отмечается рост данной категории работников на 3,8 процента, что в абсолютном выражении составляет одного дополнительного сотрудника.

Что касается профильных специалистов, здесь прослеживается тенденция к планомерному увеличению штата. Первоначально в 2023 году зафиксирован прирост в размере 0,9 процента. Данная динамика продолжилась и в следующем году, когда численность специалистов возросла еще на 0,8 процента.

Кардинально иная картина складывается в сегменте прочих служащих. В этой категории к 2024 году наблюдается уменьшение штатной численности на 2,1 процента, что в количественном измерении означает сокращение на одну единицу персонала по сравнению с показателями предшествующего года.

Наиболее драматичные преобразования затронули категорию производственных работников. Первый этап изменений в 2023 году характеризовался минимальным приростом всего на 0,03 процента, что соответствует двум дополнительным рабочим местам.

Кульминацией трансформационных процессов стал 2024 год, когда численность рабочего персонала увеличилась на 3,4 процента. В абсолютных цифрах это означает привлечение 220 дополнительных производственных сотрудников. Подобная динамика свидетельствует о стратегическом курсе организации на усиление производственного потенциала.

Детальное рассмотрение кадрового состава ПАО «Мосэнерго», охватывающее структурные характеристики и качественный состав работников в период 2022-2024 годов, систематизировано в первой таблице исследования.

Таблица 1 - Состав и структура работников ПАО «Мосэнерго» за 2022-2024 гг.

Показатели	2022 год		2023 год			2024 год		
	Количество, чел.	Удельный вес, %	Количество, чел.	Удельный вес, %	Изменение	Количество, чел.	Удельный вес, %	Изменение
1	2	3	4	5	6 = 5-3	7	8	9 = 8-5
Руководители	26	0,4	26	0,4	-	27	0,3	-0,1
Специалисты	1 078	14,0	1 088	14,1	0,1	1 097	13,8	-0,3
Другие служащие	47	0,6	47	0,6	-	46	0,6	-
Рабочие	6 531	85,0	6 533	84,9	-0,1	6 753	85,3	0,4
Итого	7 682	100,00	7 694	100,00	-	7 923	100,00	-

Исследование данных первой таблицы позволяет выявить определенные закономерности в кадровой структуре анализируемого предприятия. Производственный персонал составляет подавляющее большинство всех сотрудников организации.

Динамика численности рабочих характеризуется относительной стабильностью. В период с 2022 по 2023 год наблюдалось незначительное сокращение их удельного веса на 0,1 процентного пункта - с 85,0% до 84,9%. Однако в следующем отчетном периоде ситуация изменилась в противоположную сторону: к 2024 году доля рабочих возросла до 85,3%.

Управленческие кадры занимают крайне малую нишу в общей структуре персонала. На протяжении двух лет их представительство составляло 0,4% от общей численности работников. К концу анализируемого периода произошло дальнейшее сокращение этого показателя до 0,3%.

Категория высококвалифицированных работников продемонстрировала неоднородную динамику. Первоначально отмечался рост их доли на 0,1% в 2023 году относительно предыдущего периода. Впоследствии тенденция кардинально изменилась: в 2024 году зафиксировано снижение на 0,3% по сравнению с 2023 годом.

К началу 2024 года произошли определенные корректировки в гендерном составе сотрудников, однако эти изменения носили весьма ограниченный характер. Процентная доля работниц увеличилась на шесть десятых процента и составила 26,8%. Соответственно, удельный вес мужского персонала претерпел незначительное сокращение до отметки в 73,2%.

Фундаментальным условием для реализации стратегических задач любого промышленного предприятия выступает высокая степень вовлеченности его кадрового состава. Достижение успеха в современных экономических реалиях напрямую детерминировано качеством человеческого капитала; без его эффективного использования любые цели становятся труднодостижимыми. Стабильность и продуктивность всей управленческой архитектуры, выстраиваемой руководством, в значительной мере зависит от гармонично выстроенных взаимоотношений внутри коллектива и между персоналом и другими элементами организационной системы. Следует подчеркнуть, что роль сотрудников выходит далеко за рамки простого исполнения функциональных обязанностей, охватывая их участие в процессах стратегического целеполагания.

В академической среде существуют различные подходы к определению системы управления персоналом; их можно условно разделить на концепции, рассматривающие её как автономный блок, и теории, настаивающие на её глубокой интеграции в общую корпоративную структуру. Практика показывает, что второй подход является более целесообразным и продуктивным. Рассматривая менеджмент персонала как неотъемлемую подсистему общего управления, организация создает условия для синергетического эффекта. Именно поэтому любая модель работы с кадрами должна быть логически обоснована и органично вписана в общую управленческую парадигму.

Таким образом, система кадрового менеджмента, будучи ключевым компонентом управленческого аппарата, призвана стимулировать активное участие специалистов в производственной деятельности. Такое вовлечение, в свою очередь, оказывает прямое положительное воздействие на смежные функциональные области, включая маркетинг и финансы, что в конечном счете способствует повышению совокупной производительности и конкурентоспособности предприятия.

По своей сути, управление персоналом представляет собой комплексную область научных знаний и практических методологий. Его основная миссия двойственна: с одной стороны, это обеспечение организации квалифицированными специалистами, способными качественно выполнять поставленные задачи, а с другой — создание условий для максимально рационального и продуктивного использования их трудового потенциала во имя достижения стратегических императивов компании.

В условиях перманентной трансформации социально-экономической среды закономерно происходит и эволюция инструментария кадрового менеджмента. Ключевым вектором развития современного HR становится персонифицированное взаимодействие с каждым сотрудником, поскольку именно такой подход позволяет сформировать результативную, сплоченную и динамично развивающуюся команду. Перспективы управления человеческими ресурсами видятся в гуманистическом ключе, что находит отражение в актуальных тенденциях. Успешность современных организаций все больше определяется их способностью культивировать индивидуальный подход, проявлять эмпатию, поддерживать высокий уровень вовлеченности и выстраивать эффективные каналы обратной связи. Эффективность и конкурентоспособность современной организации напрямую детерминированы качеством управления ее человеческим капиталом. Достижение стратегических целей компании в значительной степени зависит от результативности функционирования кадровой политики.

В современных реалиях, характеризующихся обостренной конкуренцией за квалифицированных специалистов, повышенной текучестью кадров и необходимостью оперативного закрытия вакансий, на руководителей кадровых служб ложится особая ответственность. Они вынуждены применять весь арсенал доступных методов для оптимизации процедур найма, адаптации и удержания персонала.

Ключевыми факторами организационного развития в данном контексте выступают прогрессивные управленческие методики, инновационные образовательные программы для сотрудников, а также многокомпонентные системы оценки трудовой производительности. В частности, технологические платформы трансформировались в фундаментальную составляющую современного менеджмента человеческих ресурсов.

Применение аналитических подходов к обработке данных о персонале открывает для кадровых служб принципиально новые горизонты. Использование современных цифровых продуктов, в том числе облачных сервисов и профильного программного обеспечения, кардинально меняет парадигму управления. Это позволяет сместить акцент с выполнения рутинных административных задач на стратегически значимую деятельность по сохранению и развитию наиболее ценных сотрудников. Инвестиции в аналитические системы предоставляют возможность своевременно выявлять латентные проблемы в коллективе и вырабатывать стратегии, основанные на объективных показателях.

Аттестация персонала представляет собой многоаспектный исследовательский процесс, направленный на изучение профессиональных и личностных качеств работников. Полученная в ходе оценки информация служит эмпирической базой для принятия взвешенных управленческих решений. Следует отметить, что в академической среде существуют различные трактовки этого понятия.

В арсенале современных HR-специалистов имеется широкий спектр методик для проведения такой оценки. Среди них можно выделить как комплексные подходы, такие как ассессмент-центры и метод «360 градусов», так и более сфокусированные инструменты, включая оценку по ключевым показателям эффективности (KPI), матрицу «9 Box Grid», а также ситуационные методики, например, решение кейсов и участие в деловых играх.

Для обеспечения валидности и надежности результатов оценочных процедур необходимо соблюдение ряда основополагающих постулатов. К ним относятся объективность и беспристрастность, прозрачность критериев и ясность методологии, систематичность проведения, ориентация на дальнейшее развитие сотрудника, конструктивное взаимодействие между всеми участниками процесса, а также практическая целесообразность самой процедуры.

Примером организации, демонстрирующей зрелость корпоративного управления, является Публичное акционерное общество «Мосэнерго». Для данной компании характерен высокий уровень транспарентности управленческих процессов и строгое следование принятым корпоративным нормам. Менеджмент компании целенаправленно работает над реализацией стратегических программ, ориентированных на усиление инвестиционной привлекательности и увеличение рыночной стоимости акционерного капитала. Кроме того, предприятие целенаправленно реализует политику, направленную на предотвращение систематических переработок персонала.

Деятельность ПАО «Мосэнерго» в области управления человеческими ресурсами традиционно характеризуется высоким уровнем эффективности. Организация демонстрирует приверженность принципам сбалансированного режима труда и отдыха, что подтверждается отсутствием практики сверхурочной работы и предоставлением сотрудникам полного спектра отпускных периодов, включая плановые, учебные и предоставляемые по согласованию сторон.

Тем не менее, на фоне стабильно низких показателей ротации персонала в период с 2022 по 2024 год, в последнем отчетном году был зафиксирован их аномальный рост. Данное обстоятельство требует пристального внимания, несмотря на сохраняющийся в целом высокий уровень кадрового менеджмента на предприятии.

Проведенный анализ позволяет выдвинуть гипотезу о том, что первопричиной данного негативного тренда являются определённые несовершенства в существующей системе оценки персонала. Предполагается, что эти недостатки проявляются как на этапе отбора новых кандидатов, так и в ходе аттестации уже работающих специалистов.

Следует отметить, что в течение последних трех лет на предприятии была предпринята попытка модернизации оценочных процедур посредством внедрения метода кейс-заданий. Этот инновационный подход был интегрирован как в процесс рекрутмента, так и в систему развития внутреннего кадрового потенциала.

Применение кейс-технологии для действующих сотрудников позволяет выявлять их скрытые компетенции и нетривиальные способности, что служит основанием для зачисления в кадровый резерв или для дальнейшего карьерного продвижения. Особенно продуктивным этот подход оказался на стадии первичного скрининга соискателей, так как он дает возможность отсеивать кандидатов, не обладающих требуемыми навыками, еще до этапа очного интервью, что ведет к значительной экономии корпоративных ресурсов.

Вместе с тем, результативность применения указанной технологии в настоящее время ставится под сомнение из-за недостаточной адаптации оценочных материалов к отраслевой и корпоративной специфике ПАО «Мосэнерго». Наглядной иллюстрацией служит прецедент, когда для оценки кандидата на должность руководителя отдела продаж было применено задание, изначально разработанное для финансово-кредитной организации.

Подобная практика использования нерелевантных материалов, заимствованных из других сфер бизнеса, неизбежно приводит к искажению итоговых оценок профессиональных качеств соискателей. Это, в свою очередь, снижает объективность и валидность всей процедуры отбора. Таким образом, для верификации выдвинутого предположения о связи роста текучести кадров с недостатками оценочной системы требуется проведение углубленного аудита применяемой на предприятии методологии, с особым акцентом на процесс кастомизации и релевантности используемых кейс-заданий. Одним из фундаментальных недостатков применения ситуационных задач в процессе отбора персонала является выраженная тенден-

ция к субъективизму в суждениях. Данная проблема зачастую коренится в недостаточной квалификации самих экспертов, привлекаемых к оценке, что вызывает обоснованные сомнения в объективности и справедливости всей процедуры и провоцирует недовольство в коллективе.

Существующая методология оценки не всегда позволяет адекватно измерить реальный управленческий потенциал соискателей. Когда в качестве оценщиков выступают сотрудники, не обладающие необходимой подготовкой для подобной деятельности, итоговые результаты могут быть существенно деформированы. Это приводит к формированию нерепрезентативной картины профессиональных качеств кандидатов и указывает на необходимость концептуальной ревизии применяемых подходов.

Эффективность оценочных мероприятий также снижается, когда используемые кейсы разрабатываются в отрыве от реального операционного контекста организации. Изолированные тестовые задания не способны достоверно спрогнозировать поведенческие реакции индивида в динамично изменяющихся и сложных деловых условиях, равно как и его долгосрочную результативность в постоянно меняющейся среде.

Серьезную угрозу для валидности оценочного инструментария представляет информационная компрометация кейс-заданий посредством их распространения через внешние интернет-ресурсы или внутренние корпоративные сети. Подобная утечка с течением времени нивелирует объективность процедуры как для внешних кандидатов, так и для действующих сотрудников, проходящих аттестацию.

Для поддержания надежности системы оценки необходим внедренный механизм систематического аудита. Проведение регулярного, например, ежемесячного или поквартального, анализа статистических данных по выполнению заданий позволяет выявлять аномалии. Зафиксированный статистически значимый рост средних баллов по определенному сценарию следует рассматривать как прямой сигнал к его немедленной корректировке или полной замене, что обеспечивает достоверность всей системы.

Адаптация ситуационных задач к специфике и актуальным вызовам конкретной организации повышает их релевантность и делает процесс оценки более прозрачным для соискателей, предоставляя им возможность продемонстрировать применимые на практике компетенции. Внедрение подобного подхода, сопряженное с формированием междисциплинарной экспертной комиссии, позволило существенно минимизировать фактор предвзятости. Эмпирическим подтверждением этого служит тот факт, что кандидаты под литерами A, D и E продемонстрировали практически идентичный уровень результатов, в то время как разброс в оценках других участников достигал значений от 1,0 до 2,0 балла. Анализ результатов оценочных процедур, проведенных среди кандидатов из кадрового резерва, позволяет сформулировать гипотезу о характере их подготовки. Существует аргументированное предположение, что пятеро соискателей прибегли к использованию заранее заученных, шаблонных решений для стандартных ситуационных задач. Их ответы на практические кейсы, которые не были адаптированы к специфике корпоративной среды, характеризовались применением универсальных подходов и готовых речевых конструкций.

На этом фоне особо выделяется предложение одного из претендентов на должность руководителя отдела продаж. В ходе обсуждения стратегий по наращиванию объемов реализации продукции на высококонкурентном энергетическом рынке, данный кандидат сделал акцент на необходимости совершенствования системы управления клиентскими взаимоотношениями. Его концепция предполагает, что оптимизация коммуникаций, углубленный анализ данных и повышение качества обслуживания являются ключевыми факторами для укрепления рыночных позиций.

Представленная соискателем проектная инициатива по интеграции CRM-системы в операционную деятельность ПАО «Мосэнерго» прошла детальную экспертизу на предмет экономической целесообразности. Оценка продемонстрировала значительный потенциал данного проекта для улучшения финансовых показателей предприятия. Использование кейс-метода в процессе аттестации кандидата позволило подтвердить, что предложенные им управленческие решения обладают высоким потенциалом для позитивного влияния на экономическое состояние компании.

Согласно представленным финансовым расчетам, успешная реализация проекта способна обеспечить прирост общей рентабельности на 0,1%. Прогнозируемый объем дополнительно сгенерированной прибыли составляет 4 333 267 тысяч рублей. Важно отметить, что инвестиции в проект окупятся в срок, не превышающий одного года, при этом показатель рентабельности вложений (ROI) достигнет 2,9%. Совокупность приведенных метрик однозначно указывает на стратегическую ценность и экономическую обоснованность выдвинутой инициативы для дальнейшего корпоративного развития ПАО «Мосэнерго».

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024).
2. Базаров, Т. Ю. Психология управления персоналом : учебник для вузов / Т. Ю. Базаров. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 386 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17956-9. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/535855 (дата обращения: 29.02.2024).
3. Бесклетка, С. А. Применение искусственного интеллекта в промышленности / С. А. Бесклетка, В. С. Жмака, А. А. Борисова // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук : материалы студенческой интерактивной научно-практической конференции, Таганрог, 01 ноября 2022 года – 30 2023 года. – Таганрог: ДиректСайнс, 2023. – С. 14-17.
4. Бойков, Д. Е. Методы оценки персонала / Д. Е. Бойков // Научный Лидер. – 2023. – № 6(104). – С. 62-65.
5. Бондарьков, Д. П. Управление персоналом компании в условиях цифровизации / Д. П. Бондарьков // Сборник научных статей аспирантов Московской международной академии : Сборник статей. – Москва : Московская международная академия, 2024. – С. 22-25.
6. Вепринцева, К. А. Деловые игры как один из наиболее эффективных способов функционирования компании / К. А. Вепринцева, В. А. Тверитинова, А. В. Колесников // Нормирование и оплата труда в промышленности. – 2021. – № 1. – С. 56-59.

References:

1. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated 12/30/2001 (as amended on 02/14/2024).
2. Bazarov, T. Y. Psychology of personnel management : textbook for universities / T. Y. Bazarov. — 2nd ed., revised and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2024. 386 p. (Higher education). — ISBN 978-5-534-17956-9. — Text : electronic // Educational platform Yurayt [website]. — URL: https://urait.ru/bcode/535855 (date of access: 02/29/2024).
3. Beskletka, S. A. Application of artificial intelligence in industry / S. A. Beskletka, V. S. Zhmaka, A. A. Borisova // Topical issues of modern humanities : materials of the student interactive scientific and practical conference, Taganrog, November 01, 2022 – November 30, 2023. Taganrog: DirectSines, 2023. pp. 14-17.
4. Boikov, D. E. Methods of personnel assessment / D. E. Boikov // Scientific Leader. – 2023. – № 6(104). – Pp. 62-65.
5. Bondarkov, D. P. Company personnel management in the context of digitalization / D. P. Bondarkov // Collection of scientific articles by graduate students of the Moscow International Academy : Collection of articles. Moscow : Moscow International Academy, 2024. pp. 22-25.
6. Veprintseva, K. A. Business games as one of the most effective ways of company functioning / K. A. Veprintseva, V. A. Tveritinova, A.V. Kolesnikov // Rationing and remuneration in industry. - 2021. – No. 1. – pp. 56-59.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_158

УДК 347.1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ
LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF FOREIGN CONSTRUCTION COMPANIES IN RUSSIA

ВОЛКОВСКАЯ Людмила Николаевна,
старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ).
191023, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, 30-32.
E-mail: volkovskay@mail.ru;
VOLKOVSKAYA Lyudmila Nikolaevna,
Senior Lecturer at the Department of Business and Energy Law
St. Petersburg State University of Economics (SPbGEU).
30-32 Griboyedov Canal Embankment, Saint Petersburg, Russia, 191023.
E-mail: volkovskay@mail.ru

***Краткая аннотация**. В условиях международных санкций проблемы правового регулирования иностранных строительных организаций существенно обостряются. Прежде всего усложняется сложившийся механизм реализации гражданских правоотношений в строительной сфере. Целью статьи является анализ особенностей правового регулирования деятельности иностранных строительных компаний на территории РФ. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается теоретическим анализом научной юридической литературы, формально-юридическим методом, анализом судебной практики. На основе мнений исследователей установлено, что различные правовые институты определяют правовой статус иностранных строительных компаний. Делается вывод о том, что для легализации правового статуса иностранные компании должны выполнить целый ряд административно-правовых требований.*

***Abstract.** In the context of international sanctions, the problems of legal regulation of foreign construction organizations are significantly aggravated. First of all, the existing mechanism for the implementation of civil law relations in the construction sector is becoming more complicated. The purpose of the article is to analyze the specifics of the legal regulation of the activities of foreign construction companies in the territory of the Russian Federation. The reliability of the research results is ensured by the theoretical analysis of scientific legal literature, the formal legal method, and the analysis of judicial practice. Based on the opinions of researchers, it has been established that various legal institutions determine the legal status of foreign construction companies. It is concluded that in order to legalize their legal status, foreign companies must comply with a number of administrative and legal requirements.*

***Ключевые слова:** строительство, правовое регулирование, иностранный застройщик, легализация.*
***Keywords**: construction, legal regulation, foreign developer, legalization.*

***Для цитирования:** Волковская Л.Н. Правовое регулирование деятельности иностранных строительных компаний на территории России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 158-160. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_158.*
***For citation**: Volkovskaya L.N. Legal regulation of the activities of foreign construction companies in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 158-160. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_158.*

Статья поступила в редакцию: 06.08.2025

Актуальность. Российский законодатель устанавливает право участия иностранных застройщиков в градостроительной деятельности на территории России. Филиалы и представительства иностранных компаний принимают активное участие в предпринимательской деятельности, связанной со строительством и реконструкцией, широким спектром строительных услуг, поставками необходимого для строительства оборудования. Принадлежность к зарубежным субъектам предпринимательской деятельности определяет особенности их правового статуса и правовой режим допуска их к предпринимательской деятельности.

Анализ особенностей предпринимательской деятельности зарубежных компаний в строительной отрасли имеет важное теоретическое и практическое значение для определения проблем и противоречий в правовом регулировании. В условиях международных санкций, не имеющих ничего общего с нормами международного права, важное значение имеет обеспечение баланса интересов между РФ и иностранными компаниями. Поэтому ответной мерой должно быт снятие административных барьеров посредством внесения изменений в законодательство. Нечеткие правовые формулировки правовых норм формируют риски злоупотребления со стороны застройщиков и дестабилизации гражданского оборота, проблемы для правоприменительной практики.

Целью статьи является анализ особенностей правового регулирования деятельности иностранных строительных компаний на территории РФ.

Материалы и методы. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается теоретическим анализом научной юридической литературы, формально-юридическим методом, анализом судебной практики.

Термин «правовое регулирование» следует понимать, как специально организованную деятельность, задающая вектор опосредованного влияния на социально-экономические отношения и поведение людей и организаций с помощью «правил игры» и нормативно-правовых средств, распространяющихся на правотворчество и правореализации. На российское гражданско-правовое регулирование влияние оказывают нормы международного права. Кроме Гражданского кодекса РФ и градостроительного кодекса РФ, отношения в строительной сфере с иностранными компаниями регулируются нормами земельного, лесного, водного, природоохранного, культурно-охранного и другого отрас-

левого законодательства. Самостоятельное значение приобретают правовые позиции судебных инстанций. Отдельно следует упомянуть о коллизионном методе гражданско-правового регулирования, когда речь идет о договоре строительного подряда. Важное значение для отрасли имеют акты саморегулируемых организаций и технические акты. Кроме федеральных законов и подзаконных актов, регулирующее значение имеют региональные законы и муниципальные правовые акты.

Результаты и обсуждение. Представленная в статье проблема вызывает научный и практический интерес. Изменения в российском гражданском законодательстве способны дать импульс для деловой активности в строительной отрасли. Тем не менее, следует прогнозировать, что значение временных мер, предложенных для строительной отрасли и участвующих в ней иностранных компаний рисует для нее лишь краткосрочные перспективы в контексте устойчивого развития. Требуют развития инновационные формы правового регулирования. На современном этапе для регулирования строительства применяется значительное количество публично-правовых и частно-правовых способов. Усложняет этот процесс влияние норм международного права и национального права зарубежных стран (например, Международные стандарты финансовой отчетности).

Из принадлежности к иностранным субъектам вытекает комплекс правовых проблем, касающихся отраслей предпринимательского, гражданского, коммерческого и международного частного права, которые определяют пробелы в правовом регулировании. Выделение особенностей правового регулирования требует уточнения правового статуса иностранных строительных организаций. Уделяя внимание данной проблеме, В.В. Никитин дает отсылку к российскому градостроительному законодательству, которое разрешает далеко не все виды градостроительной деятельности: к их числу относятся лишь те виды деятельности, которые разрешены застройщику. Связанные со строительством проектные и изыскательные работы по своему характеру относятся к предпринимательству, результатом чего является производство материальных и нематериальных благ. Таким образом, раскрывая особенности правового регулирования в строительстве не лишним будет охарактеризовать правовой статус предпринимателя посредством норм частного и публичного права, устанавливающих их стимулы, права, льготы, требования и запреты. Выстраивая вертикальные отношения с органами власти, строительные организация одновременно выстраивают горизонтальные отношения, построенные на гражданско-правовых нормах, и выстраивают договорные, корпоративные и имущественные отношения. В работе с зарубежными предпринимателями существуют правовые особенности заключения сделок и имущественной их ответственности. То есть иностранным компаниям приходится ориентироваться на нормы российского и национального законодательства. В целом ряде государств приняты специальные правовые акты для регулирования профессионального предпринимательства (Гражданский кодекс, Торговый кодекс и др.). Законодательство уточняет особенности заключения коммерческих сделок, основных субъектов коммерческой деятельности. По отношению к нормам гражданского законодательства эти нормы носят специальный характер, так как они не содержат в себе норм гражданского законодательства, а значит подчинены национальному гражданскому законодательству.

До момента проведения строительных работ иностранные строительные организации должны определиться с выбором организационно-правовой формы работы на территории Российской Федерации, а также легализировать себя в правовой системе на основании российского права и личного закона. Для этого российский законодатель допускает создание на территории страны дочерних организаций. Вариант легализации иностранной компании на основе личного законодательства позволяет установить правовой статус юридического лица, его организационно-правовую форму, особенности правоспособности и ответственности по обязательствам [2]. В то же время следует подчеркнуть примеры, в рамках которых существуют страны с общей системой права. Государства континентальной Европы для определения юрисдикции юридического лица широко применяют правовой критерий, учитывающий местонахождение управляющего центра организации [3]. В других государствах, прежде всего развивающихся, применение получил критерий центра деятельности (или эксплуатации). Как показывает практика, критерий оседлости в последнее время теряет популярность, так как создает правовые проблемы для признания иностранных юридически лиц. Решение подобных проблем в зарубежном праве связывается с позициями Суда ЕС. Отдельное внимание следует уделить практике применения критерия контроля, в рамках которой меньшее внимание уделяется формальным критериям, но при этом акцент делается на национальности лиц из числа топ-менеджмента, которые принимают участие в управлении иностранным юридическим лицом [5].

Российское градостроительное законодательство устанавливает ряд условий для допуска иностранных строительных организаций к работе. В частности, речь идет о вступлении в саморегулируемую организацию с соответствующим допуском к проведению профильных работ независимо от имеющихся лицензий, выданных иностранными государствами [1]. В настоящее время лицензирование строительной деятельности было упразднена с 2010 г. Как показывает практика, отдельные иностранные строительные организации, работая на российских территориях, учреждают обособленные филиалы и представительства. В таких случаях главные организации широко применяют инкорпоративное законодательство для уточнения правового статуса работающих за рубежом филиалов, так как они не являются юридическими лицами. Однако, этот шаг не избавляет иностранные филиалы строительных организаций от обязанности пройти аккредитацию и стать на учет в налоговом органе в регионе присутствия [6].

Ключевым вопросом правового регулирования деятельности иностранных строительных компаний является вопрос об их правоспособности, о праве ведения переговоров и подписания контрактов и несения ответственности. В данном аспекте важные уточнения дает Высший арбитражный суд РФ, в постановлении которого уточняется, что выписка из торгового реестра страны происхождения позволяет подтвердить правовой статус иностранной строительной компании [4]. Выбор организационно-правовой формы для дочерних компаний иностранных строительных организаций детерминирован получением налоговых преимуществ и возможностями налогового планирования, а также возможностями преодоления административно-правовых ограничений, характерных для дочерних компаний. Для дочерних компаний и представительств право-

вое регулирование налоговых и финансовых отношений имеет существенные отличия: преимущественно работа ведется через представительства и филиалы снижает потенциальные инвестиционные риски. Отдельно стоит подчеркнуть, что, несмотря на то, что представительства зарубежных строительных организаций выступают самостоятельным участником предпринимательских правоотношений, российский законодатель лишает собственной правоспособности, несмотря на организационное единство и имеющиеся ресурсы.

Правовая регламентация целевой деятельности иностранных строительных организаций на территории РФ является частью управления внешнеэкономической деятельности. Законодатель определяет для иностранных строительных субъектов обязанности по выполнению условий, соблюдение которых позволяет вступать в договорные правоотношения и отношения с органами власти. К их числу следует отнести: 1) создание и регистрация постоянного представительства для ведения предпринимательской деятельности; 2) обязанность осуществления профильной деятельности в строго определенном месте (по месту нахождения строительной площадки). В отдельных случаях на основе международных соглашений строительные площадки могут не признаваться как постоянное представительство на конкурентный период времени, что позволяет иностранным строительным фирмам избежать двойного налогообложения, если время проведения строительных работ не превысило установленный в соглашении срок. Согласно Конституции РФ, нормы международных соглашений имеют приоритетность.

Выводы. Правовое регулирование деятельности иностранных строительных организаций представляет собой сложную многоаспектную проблему. Строительные организации выступают субъектами гражданских правоотношений. Установлено, существующий механизм реализации гражданских прав и обязанностей значительно усложняется, и порождает широкий круг актуальных проблем. Правовые инструменты санкций причиняют ощутимый юридический ущерб системе гражданских правоотношений в строительной отрасли, нарушают частно-правовые связи.

Деятельность иностранных строительных компаний в РФ регулирует значительное количество отраслевых правовых институтов, детерминирующих появление у иностранных строительных организаций права и обязанности как субъектов предпринимательской деятельности. Для иностранных организаций в сфере строительства существуют определённые правоограничения. Легализация правового статуса требует от иностранных строительных компаний: 1) вступления в саморегулируемую организацию с соответствующим допуском к проведению профильных работ; 2) выбора организационно-правовой формы; 3) применение инкорпоративного законодательство для уточнения правового статуса работающих за рубежом филиала; 4) прохождение аккредитации и постановка на учет в налоговом органе в регионе присутствия.

Список литературы:

1. Даутия Т.В. Особенности правового статуса члена саморегулируемой организации в сфере строительства / Т.В. Даутия // Журнал российского права. – 2018. – №11. – С.76-84.
2. Лукьянцев А.А. Ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности в гражданском законодательстве России: теория и судебная практика : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03 / Сев.-Кавказ. акад. гос. службы. – Ростов-на-Дону, 2006. – 37с.
3. Предпринимательское право Российской Федерации [Текст] : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / [Губин Е. П. и др.] ; отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – М.: Юристъ, 2006. – 999с.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.06.1999 N 8 (ред. от 27.06.2017) "О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса" // СПС Консультант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23447/ (дата обращения: 5.08.2025).
5. Райников А.С. Основные частноправовые семьи: общие черты / А.С. Райников // Журнал российского права. – 2013. – №9. – С.72-80.
6. Федеральный закон "Об иностранных инвестициях в Российской Федерации" от 09.07.1999 №160-ФЗ // СПС Консультант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/ (дата обращения: 5.08.2025).

References:

1. Dautia T.V. Features of the legal status of a member of a self-regulatory organization in the field of construction / T.V. Dautia // Journal of Russian Law. - 2018. – No. 11. – pp.76-84.
2. Lukyantsev A.A. Responsibility in carrying out entrepreneurial activity in the civil legislation of Russia: theory and judicial practice : abstract of the dissertation... Doctors of Law : 12.00.03 / North Caucasus. Academy of Public Services. – Rostov-on-Don, 2006. - 37c.
3. Business law of the Russian Federation [Text] : textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence" / [Gubin E. P. et al.] ; ed. by E. P. Gubin, P. G. Lakhno. - M.: Jurist, 2006. – 999c.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 06/11/1999 N 8 (as amended on 06/27/2017) "On the operation of international treaties of the Russian Federation in relation to issues of arbitration" // ATP Consultant. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23447 / (date of access: 08/5/2025).
5. Rainikov A.S. Basic private law families: common features / A.S. Rainikov // Journal of Russian Law. – 2013. – No. 9. – pp.72-80.
6. Federal Law "On Foreign Investments in the Russian Federation" dated 07/09/1999 No. 160-FZ // SPS Consultant. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283 / (date of access: 08/5/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_161

УДК 347

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОПРОСОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА[1]

THE RELEVANCE OF THE ISSUES OF LEGAL REGULATION OF PROPERTY AND PERSONAL NON-PROPERTY RELATIONS INVOLVING MILITARY PERSONNEL AND THEIR FAMILY MEMBERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF THE MILITARY ORGANIZATION OF THE STATE

КОНОХОВ Максим Васильевич,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: konohov76@mail.ru;

KONOKHOV Maxim Vasilyevich,
Candidate of Law, Leading Researcher at the Information Law and International Information Security Sector
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, Russia, Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: konohov76@mail.ru

***Краткая аннотация**: в статье автор проводит сравнительно-правовой анализ правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений с участием военнослужащих и членов их семей в период Великой Отечественной войны и в период специальной военной операции на Украине. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу об актуальности опыта правового регулирования названных общественных отношений в период Великой Отечественной войны на современном этапе развития военной организации государства. По мнению автора, опыт Великой Отечественной войны необходимо применять при совершенствовании правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений с участием военнослужащих и членов их семей в период военных конфликтов и проведения специальных военных операций. В свою очередь, такое совершенствование, как полагает автор, необходимо проводить заблаговременно, до начала военного конфликта или проведения специальной военной операции.*

***Abstract:** In the article, the author conducts a comparative legal analysis of the legal regulation of property and personal non-property relations involving military personnel and their family members during the Great Patriotic War and during the special military operation in Ukraine. Based on the analysis, the author comes to the conclusion about the relevance of the experience of legal regulation of these public relations during the Great Patriotic War at the present stage of development of the military organization of the state. According to the author, the experience of the Great Patriotic War should be applied in improving the legal regulation of property and personal non-property relations involving military personnel and their family members during military conflicts and special military operations. In turn, such improvement, according to the author, should be carried out in advance, before the outbreak of a military conflict or a special military operation.*

***Ключевые слова**: Великая Отечественная война, специальная военная операция, военнослужащие, имущественные и личные неимущественные отношения, военная организация государства, объявление умершим, признание безвестно отсутствующим, признание фактических брачных отношений, брачно-семейные отношения.*

***Keywords**: The Great Patriotic War, special military operation, military personnel, property and personal non-property relations, military organization of the state, declaration of deceased, recognition of missing persons, recognition of actual marital relations, marital and family relations.*

***Для цитирования:** Конохов М.В. Актуальность вопросов правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений с участием военнослужащих и членов их семей в период Великой Отечественной войны на современном этапе развития военной организации государства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 161-164. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_161.*

***For citation**: Konokhov M.V. The relevance of the issues of legal regulation of property and personal non-property relations involving military personnel and their family members during the Great Patriotic war at the present stage of development of the military organization of the state // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 161-164. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_161.*

Статья поступила в редакцию: 21.08.2025

Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 2025 год был объявлен в Российской Федерации Годом Защитника Отечества [17]. Несомненно, что издание этого указа обусловлено, в том числе уважением к ратному подвигу как участников Великой Отечественной войны, так и участников специальной военной операции на Украине (далее-СВО) [8]. В то же время такое уважение предполагает необходимость усиления мер социальной защиты военнослужащих, членов их семей, граждан, уволенных с военной службы, неотъемлемой частью которой, несомненно, является правовая охрана и защита имущественных и личных неимущественных прав военнослужащих, участвующих в военных конфликтах.

В этой связи В.М. Корякин справедливо отмечает, что «во все времена предметом особой заботы государства являлись защитники Отечества и их семьи в период войн и вооруженных конфликтов. Именно в этот период неизмеримо возрастают опасности и риски, связанные с

[1] Исследование выполнено в рамках выполнения государственного задания ИГП РАН «Повышение эффективности функционирования оборонно-промышленного комплекса страны правовыми средствами» (№ FMUZ-2024-0030).

исполнением воинского долга, практически неизбежными являются гибель и ранения военнослужащих. Все это требует от государства принятия дополнительных, повышенных мер социальной защиты военнослужащих и членов их семей» [2, с. 21].

Очевидно, что, исполняя свой воинский долг с риском для жизни, военнослужащий должен быть уверен в том, что его собственность защищена и перейдет в случае его гибели к близким ему лицам, даже если он не успел оформить брак или завещание общеустановленным порядком. Поднимаясь по тревоге, он должен быть уверен в том, что его имущественные права будут реализованы без волокиты и лишних формальностей, соблюсти которые ему не позволили обстоятельства, связанные с исполнением обязанностей военной службы.

Необходимость специального правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений с участием военнослужащих в условиях военных конфликтов и проведения военных операций достаточно аргументировано подтверждает как опыт Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), так и опыт СВО.

Такая необходимость, в частности, подтверждается принятием как в период Великой Отечественной войны, так и период СВО специального законодательства в области признания военнослужащих умершими и объявления их безвестно отсутствующими.

В частности, в период Великой Отечественной войны вопросы признания военнослужащих безвестно отсутствующими и объявления их умершими вызывали значительные затруднения в правоприменительной практике. Наиболее часто в судебной практике случались ошибки, связанные с необоснованным признанием военнослужащего умершими судебными органами, когда таковое признание в соответствии со ст. 12 ГК РСФСР и ст. 57–61 Положения о государственном нотариате РСФСР [14] должно было быть осуществлено нотариальными органами, а также в связи с непредоставлением стороной в судебном заседании доказательств, подтверждающих исковые требования. [14, с. 108].

Судебная практика также свидетельствовала о возможности признания военнослужащего умершим без предварительного признания его безвестно отсутствующим в случае наличия соответствующего подтверждения данного факта органами военного ведомства [9-12].

Анализ законодательства периода Великой Отечественной войны позволяет утверждать, что для получения выплат социального характера, установление факта безвестного отсутствия не требовалось, для защиты же имущественных прав в отношениях, имеющих гражданско-правовой характер, признание военнослужащего безвестно отсутствующим или объявление его умершим было обязательным [13].

Большое количество пропавших без вести военнослужащих, связанное с этим наличие в судах большого количества гражданских дел о признании без вести пропавших военнослужащих умершими в период Великой Отечественной войны, отсутствие единства в правоприменительной практике по данному вопросу обусловили издание инструктивного письма НКЮ СССР № АД-9 от 23 февраля 1945 г. «О порядке признания без вести пропавших военнослужащих умершими», которым было предписано нотариальным органам при выдаче свидетельств о признании без вести пропавших военнослужащих умершими требовать помимо уведомлений надлежащих органов военного ведомства представления других документальных данных, подтверждающих факт гибели военнослужащего. Все дела такого рода, в соответствии со ст. 12 ГК РСФСР и соответствующими статьями гражданских кодексов других союзных республик, рассматривались в судебном порядке по иску заинтересованных лиц, в том числе и учреждений, при обеспечении предварительной тщательной досудебной подготовки этих дел [1, с. 362].

Таким образом, неопределенность в правовом регулировании отношений по признанию военнослужащих безвестно отсутствующими и объявления их умершими обусловило издание специального разъяснительного письма НКЮ СССР по указанному вопросу.

Аналогичная ситуация сложилась и в период проведения СВО. В частности, Федеральным законом от 14 апреля 2023 года № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее-ГК РФ)» [19] Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 52-ФЗ был дополнен статьей 24, в соответствии с которой положения п. 2 ст. 45 ГК РФ применяются к гражданам, участвовавшим в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области или в ходе вооруженной провокации на Государственной границе Российской Федерации и приграничных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, в том числе в качестве лиц, проходивших военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, лиц, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, а также к лицам, заключившим контракт (имевшим иные правоотношения) с организацией, содействующей выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, а также к некоторым иным категориям лиц, связанных с проведением СВО.

Если гражданин, относящийся к числу вышеуказанных граждан, пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, и в течение шести месяцев с момента возникновения таких обстоятельств в месте жительства этого гражданина нет сведений о месте его пребывания, в том числе такие сведения не предоставлены членам семьи этого гражданина командиром воинской части или иным уполномоченным должностным лицом, этот гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц объявлен умершим в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

Актуальность вопросов правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений периода Великой Отечественной войны на современном этапе развития военной организации государства также подтверждается специальным правовым регулированием брачно-семейных отношений с участием военнослужащих и членов их семей, необходимость в котором возникла как в период Великой Отечественной войны, так и в период проведения специальной военной операции.

Так в период Великой Отечественной войны существенно изменился порядок заключения и расторжения брака с военнослужащими, а также порядок признания фактических брачных отношений с последними. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об уве-

личении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [18]. предусматривал обязательную регистрацию факта заключения и расторжения брака в органах ЗАГС, а также признавал юридическую силу фактических брачных отношений, возникших до даты издания Указа, только в случае их обязательной регистрации в органах ЗАГС, при этом требовалось личное присутствие лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, что в условиях войны было практически невозможно.

В том случае, когда один из супругов, не состоящих в зарегистрированном браке, погиб или пропал без вести на фронте, другому супругу предоставлялась возможность обратиться с заявлением в суд о признании супругом умершего или пропавшего без вести на фронте в соответствии с законодательством, действовавшим до 8 июля 1944 г. Такая возможность была предусмотрена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» [18], а также Инструктивным письмом НКЮ СССР от 16 ноября 1944 г. № Д-41 [1].

От установления фактических брачных отношений с военнослужащим часто напрямую зависело получение льгот фактическими супругами военнослужащих [1]. При этом при установлении фактических брачных отношений с военнослужащим необходимо было установить, как наличие вышеуказанных признаков фактических брачных отношений, так и сроки нахождения в фактических брачных отношениях [10]. Помимо всего прочего в судебном заседании необходимо было обязательное участие представителей военного ведомства [11] для установления факта отсутствия в иных фактических или юридических брачных отношениях [12].

Затруднения помимо признания фактических брачных отношений также были вызваны и при реализации права военнослужащих на заключение брака, которое требовало обязательное личное присутствие обоих лиц, желающих заключить брак [6, 7].

Некоторые аналогичные ситуации могут иметь место и в мирное время. В частности, четыре женщины, состоявшие в фактических брачных отношениях с подводниками, погибшими 12 августа 2000 года на атомном ракетоносце «Курск», не смогли получить государственную поддержку и оформить наследство из-за отсутствия в законодательстве соответствующих такому случаю норм [20].

Такая же ситуация возникла и в период проведения специальной военной операции на Украине: женщины, состоящие в фактических брачных отношениях с участниками операции, которые погибли при выполнении обязанностей военной службы, не могли претендовать на получение тех социальных выплат, которые они получили бы, если бы состояли с погибшим военнослужащим в законном браке. В связи с этим в Государственную Думу в мае 2024 г. был внесен законопроект, в соответствии с которым, в случае, если ни одно из лиц, находившихся в фактических брачных отношениях, не состояло в тоже время в зарегистрированном браке; и будет доказано, что фактические брачные отношения действительно существовали, причем не менее трех лет, и пара не рассталась до гибели военнослужащего в специальной военной операции, то по решению суда в порядка особого судопроизводства такие отношения могут быть признаны равными законодательно оформленным [5].

Таким образом, не вызывает сомнений необходимость использования опыта Великой Отечественной войны при совершенствовании законодательства в области брачно-семейных отношений с военнослужащими, проходящими военную службу в условиях военных конфликтов, в том числе и при признании фактических брачных отношений.

Анализ опыта Великой Отечественной войны, а также опыта СВО приводит к выводу о том, что военнослужащие, проходящие военную службу в условиях военного конфликта, испытывают значительные затруднения при реализации своих имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей. Эти затруднения вызваны, в первую очередь, особенности военной службы.

По мнению А. В. Кудашкина, главная особенность военной службы состоит в исполнении военнослужащими специфических функций, связанных с применением или возможностью применения средств вооруженной борьбы, в целях решения государственными органами и организациями задач в области защиты Отечества (обороны и военной безопасности), закрепленных за ними в нормативном порядке [3, с. 54]. Названная особенность военной службы также подчеркивается правовыми актами Конституционного Суда Российской Федерации [15].

Указанная выше особенность военной службы обусловливает один из ее основополагающих принципов – непрерывность, то есть военная служба ограничивается исключительно рамками ее начала и окончания, а в пределах этих рамок исполнение военной службы является непрерывным [4, с. 42]. Непрерывность военной службы, в свою очередь, в некоторых случаях является препятствием военнослужащему к реализации имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей. Непрерывность военной службы наиболее остро проявляется в условиях военного конфликта, то есть именно тогда, когда военнослужащие с оружием в руках выполняют свои конституционные обязанности по защите Отечества.

Анализ опыта Великой Отечественной войны, а также опыта СВО свидетельствует о том, что названные особенности военной службы оказывали достаточно существенное влияние на возможности реализации военнослужащими своих имущественных и личных неимущественных прав, что потребовало принятие специального законодательства в названной сфере общественных отношений уже после начала Великой Отечественной войны и СВО.

Таким образом, следует прийти к выводу о наличии особых условий военной службы в период военного конфликта и проведения специальных военных операций, связанных с ограниченностью свободы передвижения военнослужащих в пределах дислокации воинской части, постоянной боевой готовностью и передислокацией воинской части при изменении оперативной обстановки, повышенной опасностью для жизни и здоровья военнослужащих при исполнении своих обязанностей, значительно затрудняющих реализацию имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей военнослужащих. Опыт как Великой Отечественной войны, так и СВО наглядно продемонстрировал, что указанные условия военной службы оказывали достаточно негативное влияние на возможности реализации имущественных и личных неимуществен-

ных прав и обязанностей военнослужащих, защиты их имущественных и личных неимущественных прав.

Также следует прийти к выводу о том, что меры, направленные на реализацию, охрану и защиту имущественных и личных неимущественных прав военнослужащих и членов их семей, должны разрабатываться и приниматься заблаговременно, не когда начинается проведение специальных военных операций или военный конфликт, а до их начала. Если же специальная военная операция, введение военного положения или другие подобные ситуации окажутся неизбежными, то законодателю придется лишь корректировать уже имеющиеся правовые нормы, а не разрабатывать их заново.

Список литературы:

1. Инструктивное письмо НКЮ СССР от 16 ноября 1944 г. № Д-41 // Собрание военного законодательства. С. 362.
2. Корякин В.М. Военно-социальное законодательство военного времени: теория и практика // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 3. С. 21-30.
3. Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. М., 2003.
4. Кудашкин А.В. Принципы военной службы. М., 1999.
5. Неофициальных вдов приравняют к официальным. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6713261?ysclid=m2c28v2mze84418261 (дата обращения: 12.02.2025).
6. О порядке взимания с личного состава Красной Армии налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР и о порядке предоставления льгот по этому налогу: приказ заместителя НКО СССР от 25 августа 1944 г. № 164 // Сборник Приказов народного комиссариата и Верховного Главнокомандующего 1944 г. Ч. 2. №№ 121–237.
7. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. // Собрание военного законодательства. С. 101-102.
8. Обращение Президента Российской Федерации // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения 12.08.2025).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по иску Светличной М. И. о признании безвестно отсутствующим Светличного А. Г. от 31 января 1942 г. № 186 // П. Е. Орловский. Практика Верховного Суда СССР по гражданским делам в условиях Отечественной войны / под ред. И. Т. Голякова. М.: НКЮ СССР, 1944. С. 26-27.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по заявлению Паллу о признании фактических брачных отношений с Пилл от 31 июля 1946 г. № 36/469 // Судебная практика Верховного Суда СССР 1946. Выпуск III (XXVII) / под ред. И. Т. Голякова. М.: Министерство юстиции СССР, 1947. С. 17–18.
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по делу Горбаневской от 9 декабря 1943 г. № 1059 // Орловский П. Е. Практика Верховного Суда СССР по гражданским делам в условиях Отечественной войны. М.: НКЮ СССР, 1944. С. 62-64.
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по иску Евтушенко А. М. и Попко Н. И. о признании фактических брачных отношений с Евтушенко Ф. А. от 28 июля 1944 г. по делу № 36/420 // Судебная практика Верховного Суда СССР 1946. Выпуск IV (XVI) / под ред. И. Т. Голякова. Министерство юстиции СССР. 1947. С. 22–23.
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 9 июня 1949 г. по делу А. // Судебная практика Верховного Совета СССР 1946. Выпуск № 10. М.: НКЮ СССР, 1946. С. 28-29.
14. Положение о государственном нотариате РСФСР // Собрание узаконений СССР. 1929. № 40. Ст. 419. С. 106–114.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 окт. 2010 г. № 18-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5578; Определение Конституционного суда РФ № 17-П от 26 декабря 2002 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 1.
16. Собрание военного законодательства / под ред. А. М. Мелентьева и В. В. Миронова. М., 1947. С. 342–348.
17. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501160039?ysclid=m77jpv1bmt266842695 (дата обращения 12.08.2025).
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 60. Ст. 52.
19. Федеральный закон от 14.04.2023 № 120-ФЗ // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49174. (дата обращения 21.08.2025).
20. Черкашин А.Н. Унесенные бездной. Гибель «Курска». URL: http://bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/25744.htm (дата обращения: 12.02.2025).

***References*:**

1. Instructional letter of the NKJ of the USSR dated November 16, 1944 No. D-41 // Collection of military legislation. p. 362.
2. Koryakin V.M. Military and social legislation of wartime: theory and practice // Law in the Armed Forces – Military and Legal Review. 2023. No. 3. pp. 21-30.
3. Kudashkin A.V. Military service in the Russian Federation: theory and practice of legal regulation. Moscow, 2003.
4. Kudashkin A.V. Principles of military service. Moscow, 1999.
5. Unofficial widows are equated to official ones. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6713261?ysclid=m2c28v2mze84418261 (date of application: 02/12/2025).
6. On the procedure for levying tax on bachelors, single and small-family citizens of the USSR from the Red Army and on the procedure for granting benefits for this tax: Order No. 164 of the Deputy NCO of the USSR dated August 25, 1944 // Collection of Orders of the People's Commissariat and the Supreme Commander-in-Chief 1944 Part 2. No. 121-237.
7. On increasing state assistance to pregnant women, large and single mothers, strengthening the protection of motherhood and childhood, establishing the honorary title of "Mother Heroine" and the establishment of the Order of Maternal Glory and the Medal of Motherhood: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated July 8, 1944 // Collection of Military Legislation. pp. 101-102.
8. Address of the President of the Russian Federation // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843 (accessed 08/12/2025).
9. The ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the USSR on the claim of Svetlichnaya M. I. on the recognition of A. G. Svetlichny as missing on January 31, 1942, No. 186 // P. E. Orlovsky. The practice of the Supreme Court of the USSR on civil cases in the conditions of the Patriotic War / edited by I. T. Goliakov. Moscow: NKYU USSR, 1944. pp. 26-27.
10. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the USSR on Pallu's application for recognition of de facto marital relations with Pill dated July 31, 1946 No. 36/469 // Judicial Practice of the Supreme Court of the USSR 1946. Issue III (XXVII) / edited by I. T. Goliakov. Moscow: Ministry of Justice of the USSR, 1947. pp. 17-18.
11. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the USSR in the Gorbanevskaya case of December 9, 1943, No. 1059 // Orlovsky P. E. The practice of the Supreme Court of the USSR on civil cases in the conditions of the Patriotic War. Moscow: NKYU USSR, 1944. pp. 62-64.
12. The ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the USSR on the claim of Yevtushenko A.M. and Popko N. I. on the recognition of de facto marital relations with Yevtushenko F. A. dated July 28, 1944 in case No. 36/420 // Judicial Practice of the Supreme Court of the USSR 1946. Issue IV (XVI) / edited by I. T. Goliakov. Ministry of Justice of the USSR. 1947. pp. 22-23.
13. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the USSR dated June 9, 1949 in the case of A. // Judicial practice of the Supreme Soviet of the USSR 1946. Issue No. 10. Moscow: NKYU USSR, 1946. pp. 28-29.
14. Regulations on the state notary of the RSFSR // Collection of laws of the USSR. 1929. No. 40. Art. 419. pp. 106-114.
15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 20, 2010 No. 18-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2010. No. 43. Art. 5578; Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 17-P dated December 26, 2002 // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2003. No. 1.
16. Collection of military legislation / edited by A.M. Melentyev and V. V. Mironov. M., 1947. pp. 342-348.
17. Decree of the President of the Russian Federation dated January 16, 2025 No. 28 "On holding the Year of Defender of the Fatherland in the Russian Federation" // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501160039 ?ysclid=m77jpv1bmt266842695 (accessed 08/12/2025).
18. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated November 10, 1944 "On the procedure for recognizing de facto marital relations in the event of death or missing persons at the front of one of the spouses" // Vedomosti VS USSR. 1944. № 60. Art. 52.
19. Federal Law dated 04/14/2023 No. 120-FZ // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49174 . (accessed 08/21/2025).
20. Cherkashin A.N. Gone with the Abyss. The death of the Kursk. URL: http://bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/25744.htm (date of request: 12.02.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_165

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
PUBLIC LAW REGULATION OF CLIMATE SECURITY: CURRENT TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

СОЛОВЬЕВ Никита Павлович,
аспирант Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: super-manyasha@mail.ru;
SOLOVIEV Nikita Pavlovich,
PhD student at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS).
119019, Russia, Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: super-manyasha@mail.ru

Краткая аннотация: *Актуальность исследования публично-правовых механизмов адаптации к изменению климата обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, затрагивающих глобальную безопасность, национальные интересы России и социально-экономическую стабильность ее субъектов. В статье исследуется процесс формирования эффективных публично-правовых механизмов адаптации к изменению климата. Делается вывод, что это одна из самых значимых задач для современной России. Успех в ее решении напрямую зависит от способности государства создать четкую правовую базу, обеспечить адекватное финансирование, развить региональный потенциал и наладить межведомственную координацию.*

Abstract: *The relevance of the study of public law mechanisms of adaptation to climate change is determined by a set of interrelated factors affecting global security, Russia's national interests and the socio-economic stability of its subjects. The article examines the process of forming effective public law mechanisms for adaptation to climate change. It is concluded that this is one of the most significant tasks for modern Russia. Success in solving it directly depends on the ability of the State to create a clear legal framework, ensure adequate funding, develop regional capacity and establish interagency coordination.*

Ключевые слова: *Климатическая безопасность, изменение климата, публично-правовые механизмы, экологическое право, государственное регулирование, адаптация, смягчение последствий.*

Keywords: *Climate security, climate change, public law mechanisms, environmental law, government regulation, adaptation, mitigation of consequences.*

Для цитирования: *Соловьев Н.П. Публично-правовое регулирование обеспечения климатической безопасности: современные тенденции и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 165-168. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_165.*

For citation*: Soloviev N.P. Public law regulation of climate security: current trends and development prospects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 165-168. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_165.*

Статья поступила в редакцию: 02.07.2025

Неотвратимость последствий изменения климата становится очевидной, климатическая повестка на протяжении многих лет воспринимается как элемент системы экологической безопасности. «Вместе с тем вопросы экологической безопасности, по сравнению с другими ее видами (экономической, информационной и др.) не стали приоритетными в массовом сознании россиян, проблематика экологической безопасности формирует аксиому своей безусловной важности весьма неспешно»[1].

Следует отметить, что определенные шаги в сфере нормативного регулирования экологических проблем в последние годы весьма очевидны. В Послании Федеральному собранию 2023 г. было обращено внимание на то что и перед органами публичной власти и перед бизнесом по прежнему актуальным видится решение задач по существенному снижению вредных выбросов и переходу к экономике замкнутого цикла[2]. «Зеленая повестка» стала актуальной в исследованиях не только экологов, но и юристов,[3].

На это направлена работа по закреплению на конституционном уровне гарантий обеспечения прав и свобод в экологической сфере. При этом, должно обеспечиваться единство и системность государственной политики, включающей «…охрану окружающей среды, организацию рационального природопользования и обеспечение экологической безопасности»[4].

Изменение климата представляет собой глобальный вызов, последствия которого носят выраженный региональный и локальный характер. В то время как меры по смягчению (mitigation) направлены на сокращение выбросов парниковых газов, адаптация (adaptation) фокусируется на минимизации ущерба от уже неизбежных климатических изменений. Для такой страны, как Россия, с ее колоссальным географическим и климатическим разнообразием (от таяния вечной мерзлоты в Арктике до засух на юге и наводнений на Дальнем Востоке), разработка и реализация эффективных механизмов противостоящих катастрофическим изменениям климата становится критически важной задачей обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития. Поэтому эта задача должна решаться на всех уровнях публичной власти. Социальная власть – неотъемлемый необходимый атрибут общества. Власть придает обществу целостность, управляемость, служит важнейшим фактором организованности и подконтрольности. Каждое историческое общество, – пишет С.С. Алексеев, – требует строго определенного регулирования

[1] Виноградова Е.В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры– инвестиция в будущее.// Правовая политика и правовая жизнь. 2022. №3. С.203.
[2] Обращение Президента России В.В.Путинас посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г.
[3] Виноградова Е.В. Конституционно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности. // Юридическая наука : история и современность 2023, №2. С.52.
[4] Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права: монография. - М.: 2015.С.187.

отношений. От меры регулирования зависит качество развития общества. Регулировать отношения в социальной жизни, значит давать направление поведению людей, вводить в определенные рамки, упорядочивать[1]. Это упорядочивание должно происходить в формате установленных правовыми нормами общественных отношений. Общественное отношение становится правовым, когда порядок действий каждого из участников регламентируется (прописывается) в правовой норме. При этом каждый из участников наделяется правовой нормой правами и обязанностями[2].

Публично-правовые механизмы адаптации к изменениям климата – это совокупность инструментов, методов и процедур, установленных нормами публичного права (в первую очередь, административного, экологического, градостроительного, финансового), с помощью которых органы публичной власти (федеральные, региональные, местные) организуют деятельность по снижению уязвимости природных и антропогенных систем, экономики и населения к негативным последствиям изменения климата. А.И. Елистратов к основным элементам публичного правоотношения относил: 1) правовую обязанность и 2) субъективное право или правомочия (т.е. долженствования и возможности), которые создаются правовыми нормами для участников (субъектов), 3) субъекты и 4) объекты[3].

Необходимость регионального подхода к адаптации определена рядом факторов, в числе которых географическая и климатическая неоднородность. Она предопределена последствиями изменения климата (повышение температуры, изменение режима осадков, экстремальные погодные явления, таяние мерзлоты, подъем уровня моря) проявляются по-разному в Арктике, Сибири, на юге Европейской части России или Дальнем Востоке.

Кроме того, необходимо учитывать различия в экономической структуре, обусловленные тем, что экономики региона зависит от ее специализации (сельское хозяйство, добывающая промышленность, туризм, транспортная инфраструктура), и социально-демографические особенности: Плотность населения, состояние здоровья жителей, традиционный уклад жизни коренных народов требуют специфических мер поддержки.

Разность уровня институционального потенциала, объясняется также тем, что регионы обладают различными ресурсами, компетенциями и опытом в области планирования и управления климатическими рисками.

Система публично-правовых механизмов адаптации на региональном уровне можно классифицировать по их основным функциям и правовой природе. Планирование и программно-целевое регулирование должно заключаться в разработке и принятии региональных планов (программ, стратегий) адаптации к изменению климата. Это ключевой инструмент, предусмотренный на федеральном уровне (Национальный план мероприятий первого этапа адаптации). При этом план должен базироваться на региональной оценке климатических рисков и уязвимостей (климатическое профилирование региона), содержать конкретные цели, задачи, приоритетные направления адаптации (сельское хозяйство, ЖКХ, здоровье населения, защита от ЧС, инфраструктура, природные экосистемы). Очень важно, чтобы он был интегрированным в другие региональные стратегии и программы (социально-экономического развития, экологические, территориального планирования, ГОиЧС).

С юридической точки зрения очень важно правовое закрепление требований к адаптации в региональных законах и подзаконных актах (например, законы об охране окружающей среды субъекта РФ, об охране здоровья населения, о градостроительной деятельности).

Создание и ведение Региональных систем мониторинга климата и его последствий (сбор данных о температуре, осадках, уровне вечной мерзлоты, пожарной опасности, состоянии здоровья населения и пр.) должно осуществляться в тесной связи с Росгидрометом. Очень важные этапы - формирование и актуализация Реестра (кадастра) объектов, наиболее уязвимых к климатическим изменениям (инфраструктура на мерзлоте, объекты в зонах подтопления/затопления, сельхозугодья в зонах засухи и т.д.) и обеспечение свободного доступа к климатически значимой информации для органов власти, бизнеса и населения (региональные геопорталы, доклады).

Ответственность за координацию адаптационной политики в соответствии с нормативными положениями регионального и муниципального уровня закрепляется за конкретным органом региональной исполнительной власти (часто – Минприроды или экологии региона или специализированная структура).

Региональный экологический надзор с учетом климатических аспектов (контроль за состоянием объектов в зонах риска), а также специально должны создаваться органы на которые возлагаются функции разработки и актуализация планов действий по предупреждению и ликвидации ЧС природного характера, усиленных из-за изменения климата (паводки, лесные пожары, штормы). Эти мероприятия должны осуществляться с учетом правового содержания их, как механизмов реализации властных правоотношений. Предпримем попытку разобраться в сути и юридическом значении термина «мероприятие».

Толковые словари дают следующую трактовку. Мероприятие - организованное действие или совокупность действий, направленных на осуществление определенной цели[4]. С.И. Ожегов раскрывает понятие термина «мероприятие» через совокупность действий, объединённых одной общественно значимой задачей.[5] В справочнике технического переводчика мероприятие – это кратковременный неформализованный набор работ, направленных на получение заданных результатов. Мероприятие можно рассматривать как проект, к которому применяется упрощенный документооборот в связи с его краткосрочностью и низкой трудоемкостью[6].

Говоря о мероприятиях к ним вне всякого сомнения можно отнести формирование и исполнение регионального бюджета с учетом рас-

[1] Алексеев С.С. Теория права. – 2-е перераб. изд. – М.: БЭК, 1995. – С. 31-33. – 311 с.
[2] Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность // Государство и право. – 2022. – №4. – С. 90-102.
[3] Елистратов А.И. Основные начала административного права [Текст]/ А.И. Елистратов. – 2-е изд., доп. – М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917. – 305 с.С. 69-70.
[4] Словарь русского языка. Институт Русского языка АН СССР / под ред. А.П. Евгеньевой. – в 4 т. – 3-е изд. – М.: РУССКИЙ ЯЗЫК, 1986. – Т. 2. – С. 254. – 800 с.
[5] Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
[6] Словари и энциклопедии на академке [Электронный ресурс] : сайт Академик, 2000-2022. – URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/116241/%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 13.03.2021).

ходов на адаптацию (выделение целевых статей/подпрограмм), как правило происходит с привлечением внебюджетных источников финансирования (региональные "зеленые" облигации, ГЧП для адаптационных проектов), региональных систем страхования климатических рисков которые пока развиты слабо, а также субсидий и иных мер поддержки для:

- Сельхозпроизводителей, внедряющих засухоустойчивые культуры и технологии.
- Предприятий ЖКХ, модернизирующих сети для работы в условиях экстремальных температур.
- Бизнеса, осуществляющего защиту своих объектов от климатических рисков (например, укрепление фундаментов на мерзлоте).
- Муниципалитетов на реализацию локальных адаптационных проектов.

- Большое значение для включенности институтов гражданского общества имеют Проведение общественных обсуждений проектов региональных планов адаптации и крупных инфраструктурных проектов с климатической составляющей.

Большое значение для включенности институтов гражданского общества имеют проведение общественных обсуждений проектов региональных планов адаптации и крупных инфраструктурных проектов с климатической составляющей, климатическое просвещение и информирование населения о рисках и мерах индивидуальной защиты, а также поддержка инициатив местных сообществ по адаптации.

Приводя примеры региональной практики в Российской Федерации, следует остановиться на начинающих формироваться позитивных примерах: Арктические регионы (ЯНАО, Якутия): Фокус на защите инфраструктуры от деградации вечной мерзлоты. Разработка методик мониторинга, требования к строительству на мерзлоте, пилотные проекты по термостабилизации грунтов. Принятие региональных документов по адаптации. Сахалинская область: В рамках климатического эксперимента активно развивается не только углеродное регулирование, но и направление адаптации (мониторинг прибрежных зон, оценка рисков для инфраструктуры). Краснодарский край, Крым где сделан акцент на адаптацию сельского хозяйства к засухам, борьбу с опустыниванием, защиту прибрежной зоны от эрозии и подтопления. Развитие систем мелиорации. В Санкт-Петербурге разработан план по адаптации к изменению климата, включающего меры по защите от наводнений, жары, ливневых паводков. В Москве-программа по снижению "теплового острова", озеленение, адаптация систем здравоохранения к волнам жары.

Вместе с тем необходимо учитывать ключевые проблемы и барьеры:

1. Фрагментарность и формальный подход: Многие региональные планы адаптации носят декларативный характер, не подкреплены финансированием и конкретными механизмами реализации. Отсутствует системность.
2. Дефицит данных и методик: Недостаточность детальных региональных климатических прогнозов и оценок уязвимости, особенно на муниципальном уровне. Сложности в оценке экономического ущерба от климатических рисков.
3. Недостаток финансирования: Отсутствие стабильных и достаточных источников финансирования адаптационных мероприятий в региональных бюджетах. Слабое привлечение частных инвестиций.
4. Нехватка компетенций: Дефицит квалифицированных кадров в региональных органах власти и на местах, способных заниматься планированием и управлением адаптацией.
5. Слабая координация: Недостаточное взаимодействие между федеральным центром, регионами и муниципалитетами, а также между различными отраслевыми ведомствами внутри региона (экология, строительство, сельское хозяйство, МЧС, здравоохранение).
6. Недостаточное правовое регулирование: Отсутствие федерального закона, прямо регулирующего адаптацию, приводит к тому, что региональные нормы разрознены и не образуют единой системы. Нет четкого разграничения полномочий.
7. Низкая осведомленность и вовлеченность: Недостаточное понимание проблемы и важности адаптации среди населения, бизнеса и части чиновников.

Перспективы развития и пути совершенствования региональных механизмов адаптации заключаются в разработке и принятии Федерального закона "Об адаптации к изменению климата": Закон должен установить единые принципы, разграничить полномочия уровней власти, закрепить требования к региональным планам адаптации и их финансированию, ввести обязательность учета климатических рисков в отраслевых решениях. В частности, усиление методической и информационной поддержки регионов со стороны федерального центра: Разработка типовых методик оценки рисков и уязвимости, создания планов адаптации, ведения мониторинга. Создание федерального климатического портала с агрегированными региональными данными.

Важным видится создание целевых финансовых механизмов:

- Введение в Бюджетный кодекс РФ статей, предусматривающих финансирование адаптационных мероприятий.
- Создание федерального и/или региональных фондов адаптации.
-Стимулирование "зеленых" инвестиций в адаптационную инфраструктуру.
- Развитие системы страхования климатических рисков с господдержкой.

Повысить потенциал регионов можно за счет обучения чиновников, создание региональных климатических центров/рабочих групп, обмен лучшими практиками между субъектами РФ. Усиления интеграции адаптации в отраслевое планирование: Обязательный учет климатических рисков и адаптационных мер в региональных программах развития сельского хозяйства, ЖКХ, транспорта, энергетики, здравоохранения, в документах территориального планирования. Развития механизмов вовлечения бизнеса и населения: Публичные слушания, гранты для НКО и местных инициатив, информационные кампании, программы поддержки для бизнеса по внедрению адаптационных технологий.

В заключении следует отметить, что одна из самых актуальных задач для современной России – создание эффективных публично-правовых механизмов регулирования обеспечения климатической безопасности. Успех в ее решении напрямую зависит от способности государства создать четкую правовую базу, обеспечить адекватное финансирование, развить региональный потенциал и наладить межведомственную координацию. учет специфики каждого региона – от Арктики до южных степей – является ключевым принципом при разработке и реализации адаптационных мер. Только комплексный, основанный на праве и научных данных подход к адаптации на местах позволит минимизировать растущие социально-экономические и экологические риски, связанные с изменением климата, и обеспечить устойчивое будущее для всех регионов Российской Федерации.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. – 2-е перераб. изд. – М.: БЭК, 1995. – С. 31-33. – 311 с.
2. Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права: монография. - М.: 2015.С.187.
3. Виноградова Е.В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры– инвестиция в будущее.// Правовая политика и правовая жизнь. 2022. №3. С.203.
4. Виноградова Е.В. Конституционно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности. // Юридическая наука : история и современность 2023, №2. С.52.
5. Елистратов А.И. Основные начала административного права [Текст]/ А.И. Елистратов. – 2-е изд., доп. – М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917. – 305 с.
6. Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность // Государство и право. – 2022. – №4. – С. 90-102.
7. Обращение Президента России В.В.Путинас посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г.
8. Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.

References:

1. Alekseev S.S. Theory of law. -2nd edition. - M. N.: BEC, 1995. - St. 31-33. - 311 p. ill.
2. Bogolyubova S.A. Implementation of environmental policy through law: monograph. - M. N.: 2015.Art.187.
3. Vinogradova E.V. Constitutional priorities of environmental education and fostering ecological culture are investments in the future.// Legal policy and legal life. 2022. No. 3. St.203.
4. Vinogradova E.V. Constitutional and legal aspects of ensuring environmental safety. // Legal Science : History and Modernity 2023, No. 2, Article 52.
5. Elistratova A.I. The basic principles of administrative law [Text / A. N.Year. Elistratov. -2nd ed., additional M. N.: State A. N. Lehman and S. N. Year. Sakharov, 1917. – 305 p.
6. Kobzar-Frolova M.N. Administrative legal relations: the evolution of views on the concept and essence // State and law. – 2022. – No. 4. - St. 90-102.
7. Address of the President of Russia V. N.V. N.Putin's address to the Federal Assembly of the Russian Federation on February 21, 2023
8. Explanatory dictionary of the Russian language [Text: 72500 words and 7500 phraseological expressions / S. N. Year. Ozhegov, N. The spell. Shvedova; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian, Russian Cultural Foundation. -2nd ed., ispr. and add. - M. N.: Az, 1994. - 907 p. ill.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_169

УДК 341.3

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ[1]
LEGAL MEANS OF ENSURING PERSONAL INFORMATION SECURITY

КОНОХОВ Максим Васильевич,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: konohov76@mail.ru;

KONOKHOV Maxim Vasilyevich,
Candidate of Law, Leading Researcher at the Information Law and International Information Security Sector
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, Russia, Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: konohov76@mail.ru

***Краткая аннотация**: в статье рассматриваются вопросы обеспечения информационной защищенности личности от внутренних и внешних угроз правовыми средствами. Автор приводит примеры таких угроз и анализирует состояние действующего законодательства на предмет его полноты и эффективности в деле обеспечения информационной защищенности прав и законных интересов граждан и других субъектов права. Автором формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации, в том числе по дополнению Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отдельным разделом «Информационная безопасность личности».*

***Abstract**: the article discusses the issues of ensuring information security of the individual from internal and external threats by legal means. The author provides examples of such threats and analyzes the current legislation for its completeness and effectiveness in ensuring information security of the rights and legitimate interests of citizens and other subjects of law. The author formulates proposals for improving the current legislation of the Russian Federation, including supplementing the National Security Strategy of the Russian Federation with a separate section "Personal information security".*

***Ключевые слова**: безопасность, информация, информационная безопасность, информационная безопасность личности, Стратегия национальной безопасности.*

***Keywords**: security, information, information security, personal information security, National security strategy.*

***Для цитирования:** Конохов М.В. Правовые средства обеспечения информационной безопасности личности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 169-172. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_169.*

***For citation**: Konokhov M.V. Legal means of ensuring personal information security // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 169-172. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_169.*

Статья поступила в редакцию: 23.08.2025

Одним из наиболее важных конституционных прав человека и гражданина является право на информацию.

Согласно п. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, за исключением сведений, составляющих государственную тайну, перечень которых определяется федеральным законом [1].

Информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правоотношений, и соответственно информация может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу.

В тоже время право на информацию тесно связано с другим правом – правом на информационную безопасность личности, т.е. правом на защищенность важных интересов человека в информационной сфере от внутренних и внешних угроз, в том числе на защищенность от негативных информационных воздействий, которые могут повлиять на поведение человека; защищенность от утечки личных денных в результате целенаправленных действий третьих лиц и использование ими этих данных в корыстных целях и т.п.

Иными словами, никто не может искать, получать и использовать информацию в целях нарушения прав и законных интересов других лиц.

Стоит отметить, что само понятие «информация» (лат. informare – «придавать вид, форму, обучать, мыслить, воображать») имеет несколько значений в зависимости от отрасли человеческой деятельности, в которой это понятие используется.

Так, согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова под информацией понимаются сведения об объектах, явлениях и процессах, полученные из внешнего мира, которые воспринимаются человеком или устройством, осознаются, фиксируются, обрабатываются и используются [2, с. 224].

Определение «информации», содержащееся в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», весьма лаконично. Согласно ст. 2 указанного Федерального закона, информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [3].

С каждым годом информация как объект правоотношений и информационные технологии, служащие получению, сбору, хранению, ис-

[1] Исследование выполнено в рамках выполнения государственного задания ИГП РАН Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами (FMUZ-2024-0035).

пользованию и передаче информации находят все более широкое распространение в различных сферах общественной жизни.

Как вполне обосновано отмечает В.В. Ястребов, цифровые технологии

активно используются в реальном мире, деформируя привычные элементы взаимосвязей и подчиняя их своему влиянию [4, с. 316].

В связи с этим информация имеет важное значение не только в области публичных правоотношений, но и частных, так как информация и соответствующие информационные технологии активно используются и обычными гражданами в своих личных и бытовых целях, не связанных с предпринимательской и иной деятельностью. Однако такое использование информации гражданами должно быть безопасным как для самих граждан, так и для общества в целом.

При этом, защита права человека и гражданина на информационную безопасность является обязанностью государства. В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации гарантии прав и свобод человека и гражданина включают условия, средства, меры, направленные на обеспечение осуществления, охрану и защиту этих прав и свобод.

По мнению Т.В. Закупель, информационная безопасность представляет собой социальное, а не чисто техническое явление; его нельзя отождествлять с применением специальных технических средств и методов для защиты информации от несанкционированного доступа, похищения, уничтожения и т.п. [5. С. 28-34].

Информационная безопасность личности складывается из информационно-технической безопасности (защищенности информации от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, чреватых нанесением ущерба владельцам или пользователям информации), информационно-идеологической безопасности (защищенности личности от преднамеренного или непреднамеренного информационного воздействия, имеющего результатом нарушение прав и свобод в области создания, потребления и распространения информации, пользования информационной инфраструктурой и ресурсами, противоречащего нравственным и этическим нормам, оказывающего деструктивное воздействие на личность, имеющего негласный (внечувственный, неосознанный) характер, внедряющего в общественное сознание антисоциальные установки) и т.п.

Именно поэтому информационная безопасность является одной из составляющих национальной безопасности Российской Федерации, она оказывает влияние на защищенность национальных интересов Российской Федерации в различных сферах жизнедеятельности общества и государства.

В связи с этим важно отметить, что ежегодно отмечается рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, при этом значительную часть таких преступлений составляет мошенничество. С одной стороны, этому факту способствует, так называемый личный фактор, т.е. доверчивость граждан или их компьютерная (информационная) неграмотность. С другой стороны, - перевод многих процессов в онлайн-режим и повышение темпов цифровизации не только в отдельных странах, но и в мире в целом. При этом, основными способами, которые используют мошенники, являются телефонное мошенничеств и фишинг (вид интернет-мошенничества, целью которого является получение данных пользователей, в том числе логинов и паролей для доступа к различным сервисам, например, Госуслугам) [6].

Так, в частности, по сообщению пресс-службы Минцифры Российской Федерации 22 августа 2025 года Госуслуги подверглись массированной DDoS-атаке из-за рубежа [7].

Также по информации МВД России в целях получения доступа к личным данных граждан на Госуслугах мошенники в период с апреля по август 2025 года часто использовали такой прием как звонок, якобы из военкомата или приемной комиссии вузов и других учебных заведений. Например, в первом случае мошенники в телефонном разговоре говорят о необходимости уточнения данных воинского учета в связи с началом функционирования электронных повесток, а во втором о необходимости уточнения списка зачисленных абитуриентов [8].

Несмотря на то, что государство в лице МВД РФ, ЦБ РФ, СК РФ, органов прокуратуры использует все средства оповещения широкого круга лиц о схемах мошеннических действий, и через средства массовой информации (радио, телевидение и др.), информационные листки, размещаемые в метро, на стендах информации около жилых домов и в местах массового скопления граждан, постоянно призывает к бдительности и осторожности, число преступлений, совершаемых против граждан и их собственности с применением информационных средств, не уменьшается.

Так, в период с апреля по июнь 2025 года банки отразили 38,7 миллиона попыток мошенников похитить деньги у клиентов. Это в 1,5 раза больше, чем в среднем за предыдущие четыре квартала. Тем самым банки защитили 3,4 триллиона рублей клиентов. В тоже время в указанный период злоумышленники совершили 273,1 тысячи мошеннических операций на общую сумму 6,3 миллиарда рублей [10].

Среди мер, которые предпринимаются для недопущения подобных действий, есть как технические меры, так и правовые. К числу первых относится, в частности, ограничение голосового траффика в мессенджерах, которое нанесло ощутимый удар по мошенническим колцентрам. Введение ограничений на голосовые вызовы через иностранные мессенджеры привело к резкому снижению объема телефонного мошенничества. Так, по оценке банков и операторов связи, за первую же неделю после ограничений в WhatsApp и Telegram, т.е. с 11 августа 2025 года, количество успешных мошеннических действий сократилось на 40%, подозрительный трафик через эти каналы снизился на 70%. Однако, одновременно увеличился на 83% объем мошеннических звонков с международных номеров по традиционной сотовой связи. Злоумышленники массово вернулись к старым методам, используя номера, в основном из Великобритании. Высказываются и мнения о том, что неизбежными будут попытки освоить альтернативные платформы для атак [11].

Информационная безопасность личности обеспечивается различными средствами, в том числе правовыми, как на уровне Конституции

Российской Федерации и федеральных законов, так и на уровне подзаконных нормативных правовых актов [3, 12].

Так, в частности, Банком России были разработаны и утверждены «Методические рекомендации Банка России по проведению тестирования на проникновение и анализа уязвимостей информационной безопасности объектов информационной инфраструктуры организаций финансового рынка» (утв. Банком России 22 января 2025 года № 2-МР). Целью Методических рекомендаций является обеспечение единого подхода к реализации кредитными организациями, некредитными финансовыми организациями, субъектами национальной платежной системы, а также бюро кредитных историй обязанности по проведению тестирования на проникновение и анализа уязвимостей информационной безопасности автоматизированных систем, программного обеспечения, средств вычислительной техники, телекоммуникационного оборудования.

В целях противодействия противоправным действиям в информационной сфере и обеспечения защищенности прав и законных интересов граждан в 2021 году Указом Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 года была утверждена Стратегия национальной безопасности, которая определила, что последовательно проводимый Российской Федерацией курс на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала обеспечил укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления (п. 1) [13].

Обеспечение информационной безопасности недаром указано в Стратегии в качестве одного из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности России, а также одной из основных угроз международному миру и безопасности (п. 48-49). Это объясняется быстрым развитием информационно-коммуникационных технологий, расширением использования таких технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности [14].

Стоит отметить, что ранее Указом от 5 декабря 2016 года № 646 Президентом Российской Федерации была утверждена «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», которая представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. При этом информационная безопасность Российской Федерации понимается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при которых обеспечивается реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства (ст. 2 Доктрины) [15].

Однако, думается, в целях наиболее эффективного достижения указанных целей Доктрину информационной безопасности Российской Федерации целесообразно дополнить отдельным разделом – «Информационная безопасность личности», ведь, если не будет информационно защищен каждый член общества, значит не будет информационно защищено общество в целом, а, следовательно, и само государства.

В связи с этим, необходимо постоянное внедрение новых информационных, организационных и правовых средств, направленных на информационную защиту каждого гражданина.

Активную роль в данном случае играет Центральный банк Российской Федерации, как основной финансовый регулятор, ведь именно посредством совершения банковских операций и осуществляется большинство мошеннических действий. В связи с этим Банком России разрабатываются различные мероприятия, направленные на противодействие мошенничеству.

Например, с 1 сентября 2025 года вступают новые правила совершения гражданами отдельных банковских операций, в том числе снятия денег в банкомате. При этом Центральный банк Российской Федерации утвердил 9 критериев мошеннических операций при совершении таких операций, при наличии хотя бы одного из которых банки смогут ограничивать снятие через банкомат наличности, если операция покажется им подозрительной. Так, Банк России посчитал подозрительными такие действия как нехарактерное для человека поведение при снятии денег, непривычное время суток, нетипичная сумма или местонахождение банкомата, запрос на выдачу средств несвойственным клиенту способом – например, не с карты, а по QR-коду, изменение активности телефонных разговоров как минимум за 6 часов до операции, рост количества СМС с новых номеров, в том числе в мессенджерах; снятие денег в течение 24 часов после оформления кредита или займа или увеличение лимита на выдачу наличных, в том числе по кредитной карте, перевод человеком на свой счет более 200 тысяч рублей СБП со своего счета в другом банке или досрочное закрытие вклада на аналогичную сумму, и др.

С 1 сентября 2025 года банк, прежде чем выдать наличные со счета человека через банкомат, будет обязан проверить, не снимает ли человек деньги под влиянием мошенников. Если банк найдет признаки подозрительности сделки, то он должен будет на 48 часов ограничить выдачу наличных на сумму не более 50 тысяч рублей в сутки, а также незамедлительно уведомить клиента о причинах ограничения. По мнению, Центрального банка Российской Федерации, за это время человек, который находится под воздействием злоумышленников, может отказаться от снятия наличных и их передачи мошенникам.

Важно отметить, что такая мера крайне необходима, ведь за первые шесть месяцев 2025 года украли у граждан России с банковских счетов более 13,1 млрд. рублей [16].

Несмотря на то, что законом предусмотрена уголовная, административная и гражданско-правовая ответственность за совершение мошеннических действий, на практике привлечь мошенников к ответственности достаточно сложно, так как, как правило они находятся за пределами Российской Федерации. Но можно привлечь к ответственности лиц, которым мошенникам помогают, в частности, так называемых «дроперов» (лиц, предоставляющих свои банковские карты для перевода средств мошенникам), а также курьеров (лиц, которым потерпевшие передают свои наличные денежные средства для сохранения на «безопасном счете»). Такие посредники находятся на территории России, и должны нести

соответствующую ответственность за свое соучастие в преступлении.

При этом, думается, что целесообразно существенно ужесточить ответственность таких граждан. Например, возложить на них гражданско-правовую ответственность за причинение вреда (в полном размере той суммы, которую они получили от потерпевших и передали мошенникам), а также увеличить размеры штрафов или сроки иного наказания, в том числе сроки лишения свободы, за совершение правонарушения или преступления.

Предполагается, что усиление такой ответственности будет сдерживать недобросовестных граждан от участия в мошеннических схемах.

Также важно отметить, что Правительством Российской Федерации распоряжением от 14 августа 2025 г. № 2207-р утвержден план мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [17].

Документ включает комплекс мер по совершенствованию законодательства, техническому противодействию злоумышленникам и повышению цифровой грамотности населения. Таким образом, Правительство Российской Федерации на системной основе усиливает меры по защите граждан от мошенников, синхронизирует работу всех ведомств для достижения общей цели – формирования комфортной и безопасной цифровой среды. Среди ключевых направлений плана мероприятий – совершенствование законодательства. В частности, планируется проработка вопроса об установлении обязанности операторов связи, интернет-провайдеров, организаторов распространения информации и других структур уведомлять правоохранительные органы о случаях выявления признаков преступлений, совершаемых с помощью цифровых технологий, а также вопроса об определении необходимого объема обрабатываемых персональных данных для бизнеса.

Таким образом, указанная Концепция и план мероприятий по ее реализации, направлены на противодействие киберпреступлениям. В связи с этим, думается целесообразно разработать и утвердить Указом Президента Российской Федерации отдельную Концепцию – Концепцию правового обеспечения информационной безопасности личности.

На основании вышеизложенного, можно заключить, что предложения, сформулированные в настоящей статье, будут способствовать совершенствованию не только информационного права, но и законодательства Российской Федерации в целом.

Список литературы:

1.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. N 237 (первоначальный текст).

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Около 57 000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1982. С. 224.

3. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть 1), ст. 3448.

4. Ястребов О.А. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2018 Т. 22. № 3. 315–328. С. 316.

6. Закупень Т. В. Понятие и сущность информационной безопасности и ее место в системе обеспечения национальной безопасности РФ // Информационные ресурсы России. 2009. № 4. С. 28—34.

7.URL: https:// www.garant|ru/ articale//1528258 (дата обращения 18.08.2025).

8.URL: https://regnum.ru/news/3983792 (дата обращения 23.08.2025).

9.URL: https://russian.rt.com/russia/news/1515427-moshenniki-voenkomat-zvonki (дата обращения 22.08.2025).

10. URL: https://mail.yandex.ru/?uid=7517842#message/190558559233228704 (дата обращения 18.08.2025).

11.URL: https://dzen.ru/a/aKXArpbIZCgzP53a?ysclid=mek1ul3loj874868526 (дата обращения 22.08.2025).

12.Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. С. 7074.

13.Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ 2016. № 50. Ст. 7074.

14.URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения 20.07.2023).

15.Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ 2016. № 50. Ст. 7074.

16.URL:https://www.rbc.ru/quote/news/article/68a317959a79479d3ce24579?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F7cb38e62-9066-527d-9d14-152f9da2e746&from=copy (дата обращения 23.08.2025).

17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.08.2025 г. № 2207-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412408244/.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta No. 237 dated December 25, 1993 (original text).

2. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language: About 57,000 words / edited by Dr. Philol. sciences, prof. N. Yu. Shvedova. 14th ed., stereotype. Moscow: Rus. yaz., 1982. p. 224.

3. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 "On Information, information Technologies and information Protection" // SZ RF. 2006. No. 31 (part 1), art. 3448.

4. Yastrebov O.A. ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LEGAL SPACE // Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences 2018 Vol. 22. No. 3. 315-328. pp. 316.

6. Kupren T. V. The concept and essence of information security and its place in the system of ensuring national security of the Russian Federation // Information Resources of Russia. 2009. No. 4. pp. 28-34.

7.URL: https:// www.garant/ru / articale//1528258 (accessed 08/18/2025).

8.URL: https://regnum.ru/news/3983792 (accessed 08/23/2025).

9.URL: https://russian.rt.com/russia/news/1515427-moshenniki-voenkomat-zvonki (accessed 08/22/2025).

10. URL: https://mail.yandex.ru/?uid=7517842#message/190558559233228704 (accessed 08/18/2025).

11.URL: https://dzen.ru/a/aKXArpbIZCgzP53a?ysclid=mek1ul3loj874868526 (accessed 22.08.2025).

12.Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // SZ RF. 2016. No. 50. P. 7074.

13.Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 "On approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // Federal Law OF the Russian Federation 2016. No. 50. Art. 7074.

14.URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (accessed 07/20/2023).

15.Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // SZ RF 2016. No. 50. Art. 7074.

16.URL:https://www.rbc.ru/quote/news/article/68a317959a79479d3ce24579?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F7cb38e62-9066-527d-9d14-152f9da2e746&from=copy (accessed 08/23/2025).

17. Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/14/2025 No. 2207-r "On Approval of the action plan for the Implementation of the Concept of the State System for Countering Unlawful Acts committed using Information and communication Technologies" // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412408244/

DOI 10.61726/1333.2025.12.73.001

УДК 328.185

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА. ЧАСТЬ 1
LEGAL REGIME FOR THE APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES OF THE STATE. PART 1

АБАКУМОВА Екатерина Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН,
доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.
630116, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.
E-mail: civilization1981@mail.ru

ABAKUMOVA Ekaterina Borisovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Social and Legal Research Department of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Associate Professor of the Civil Law Department of the Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation.
630116, Novosibirsk, Nikolaeva Street, 8.
E-mail: civilization1981@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье на основе обобщения и анализа актуальных данных о мероприятиях антикоррупционного регулирования отношений государственной службы подчеркивается их практическая результативность и осуществляется рассмотрение перспективности развития нормативной базы и целевого правоприменения цифровых технологий и искусственного интеллекта. Среди существующих факторов, сдерживающих более эффективное развитие антикоррупционных практик, использующих инновационные информационные методы, автор называет недостаточность их теоретической проработанности и, как следствие, отсутствие должной нормативной урегулированности, юрисдикционной практической применимости условий и оснований допустимости доказательств, получаемых посредством применения технологий искусственного интеллекта. Автором формулируется целевой вопрос о необходимости выработки и нормативного закрепления практической методологии правового оценивания результатов, получаемых от систем искусственного интеллекта, и о связанных с этим перспективах развития института общественного контроля в антикоррупционной деятельности государства.*

Abstract: *Based on the generalization and analysis of current data on anti-corruption regulation of public service relations, the article highlights their practical effectiveness and considers the prospects for the development of a regulatory framework and targeted enforcement of digital technologies and artificial intelligence. Among the existing factors hindering the more effective development of anti-corruption practices using innovative information methods, the author cites the lack of their theoretical elaboration and, as a result, the lack of proper regulatory regulation, jurisdictional practical applicability of the conditions and grounds for the admissibility of evidence obtained through the use of artificial intelligence technologies. The author formulates the objective question of the need to develop and normalize the practical methodology of legal assessment of the results obtained from artificial intelligence systems, and the prospects for the development of the institute of public control in the anti-corruption activities of the state with their application.*

Ключевые слова: *преступления коррупционной направленности, цифровизация государственного управления, механизмы общественного контроля, электронное правительство, информационная система «Посейдон», китайская система «Zero Trust», правовое регулирование технологий искусственного интеллекта.*

Keywords: *corruption crimes, digitalization of public administration, mechanisms of public control, e-government, information system «Poseidon», Chinese system «Zero Trust», legal regulation of artificial intelligence technologies.*

Для цитирования: *Абакумова Е.Б. Правовой режим применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности государства. Часть 1 // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 173-175. http://doi.org/10.61726/1333.2025.12.73.001*

For citation*: Abakumova E.B. Legal regime for the application of digital technologies and artificial intelligence in the anti-corruption activities of the state. Part 1 // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 173-175. http://doi.org/10.61726/1333.2025.12.73.001.*

Статья поступила в редакцию: 09.07.2025

Практически все современные публично-государственные образования в мире, де-юре и де-факто относящиеся к категории правовых государств, прилагают значительные усилия в борьбе с коррупцией, что в свою очередь послужило разработке соответствующих рекомендаций на уровне международных организаций. Антикоррупционная деятельность государства рассматривается в теории политических технологий и государственного управления как совокупность мер публично-правового воздействия, ориентированных на системное предупреждение, своевременное выявление и пресечение коррупционных правонарушений, методологически определяемая, нормативно закрепляемая и практически реализуемая с учетом комплекса правовых, экономико-социальных, организационно-образовательных и информационных аспектов [1, с. 91].

Конвенция ООН против коррупции стала одним из базовых документов, который определил национальные антикоррупционные стратегии для нашей страны, послужив основой для успешной реализации государственной антикоррупционной политики. В силу требований Конвенции был принят Национальный план противодействия коррупции [2], коррупционные преступления по субъектному составу и прочим квалифицирующим характеристикам были выделены в отдельный блок, предусмотрены меры по предупреждению коррупции и правовой защите заявителей о коррупции. Опираясь на опыт международного сообщества, Россия создала свою собственную нормативную правовую базу, направленную на

искоренение данного негативного и дестабилизирующего социального явления в органах власти и обществе в целом. В 2008 году был принят специализированный Федеральный закон «О противодействии коррупции», который стал основой для интеграции антикоррупционных норм в специализированный кластер нормативных правовых актов, включающий на сегодняшний день более 120 актов только федерального уровня. В результате активного законодательного процесса произошли существенные изменения и в правоприменительной практике, которые, без сомнения, привели к повышению эффективности мер по борьбе с коррупцией в стране. Однако несмотря на успехи последних лет, коррупция в органах государственной власти в России все еще остается на высоком уровне – по Индексу восприятия коррупции, составляемом международной неправительственной организацией Transparency International, в 2024 году Россия набрала лишь 22 балла из 100, существенно снизив позицию в рейтинге стран по данному показателю по сравнению с прошлым годом (в 2023 году Индекс коррупции в России составлял 26 баллов; исторический максимум был достигнут в 2020 году – 30 баллов) [3]. Не последнюю роль в такой отрицательной динамике сыграло прекращение членства России в Совете Европы (СЕ) и как следствие – прекращение членства Российской Федерации в Группе государств против коррупции (ГРЕКО) и выход из Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [4]. Кроме того, в связи с проведением СВО и необходимостью защиты персональных данных публичных лиц в стране произошел откат назад в реализации значимых антикоррупционных практик – декларировании доходов и имущества депутатов и сенаторов [5]. С 1 марта 2023 года в силу вступил закон, согласно которому декларации российских сенаторов и депутатов публикуются в открытом доступе без личных данных – обнародуется только обобщенная статистическая информация о количестве поданных деклараций. Также произошло существенное законодательное упрощение порядка декларирования доходов региональных и муниципальных депутатов, а муниципальные и региональные парламентарии, работающие на общественных началах, были освобождены от ежегодного декларирования доходов.

Вместе с тем, в нашей стране наблюдается устойчивая положительная динамика по выявлению преступлений коррупционной направленности – по статистике Генпрокуратуры за первые шесть месяцев 2024 года в России было выявлено 10 251 человека, совершившего коррупционные преступления. Это самый высокий полугодовой показатель за последние 13 лет. За аналогичный период 2023 года было зарегистрировано 9 917 коррупционеров, в 2022 году – 9 880, в 2021 году – 8 792 человека [6]. Надо понимать, что коррупционные преступления являются по своей сути высоколатентными, поэтому рост показателей статистики свидетельствует не о росте совершенных, а об увеличении выявленных преступлений. Также растет число обвинительных приговоров по делам коррупционной направленности – за прошедший год суды вынесли 21 729 обвинительных приговора по основной и дополнительной квалификациям по составам преступлений коррупционной направленности (для сравнения, в 2023 году – 22 014, в 2022 году – 20 560, в 2021 году – 9621) [7]. Закономерно предположить, что резкий рост числа осужденных за коррупционные преступления начиная с 2022 года обусловлен дефицитом бюджета в связи с проведением СВО и сопутствующими экономическими проблемами – государство стало активнее интересоваться вопросом эффективности расходования бюджетных средств, что, безусловно, положительно. Однако не вызывает сомнений, что существенный вклад в успешность антикоррупционной борьбы последних лет был также внесен развитием цифровых и информационных технологий, существенно расширяющих практические возможности правоохранительных органов по выявлению различных коррупционных цепочек и дополнительных преступных эпизодов.

В современном мире использование цифровых технологий стало необходимым условием для успешного функционирования и адаптации практически всех социальных институтов, и публичная власть не исключение [8]. Внедрение новых технологических решений позволяет оптимизировать процесс публичного управления, открывает новые возможности для реальной борьбы с коррупцией и создает современную платформу для достижения многогранного межотраслевого эффекта. В настоящее время Россия находится в процессе активного внедрения информационных технологий в сферу государственного управления как части общей стратегии «цифровой трансформации» публичной власти. Применение цифровых технологий стало определяющим условием современной антикоррупционной стратегии России, что нашло отражение в приоритетах государственной политики обозначенных в рамках Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» по направлению «Цифровое государственное управление» [9]. Данная программа призвана не только модифицировать различные аспекты государственного управления, но и служить основой для формирования новых подходов и механизмов для противодействия коррупции в органах власти. В качестве ключевого показателя программа устанавливает увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 % к 2030 г. Цифровая трансформация в сфере государственного управления представляет собой что-то большее, чем просто использование современных технологий, – она является стратегическим элементом, играющим решающую роль в повышении прозрачности и доступности государственных институтов для внешнего контроля, которые в соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» являются обязательным требованием для органов власти Российской Федерации. Этот аспект цифровизации нельзя недооценивать, поскольку он формирует необходимые условия для повышения эффективности мер, направленных на противодействие коррупции. Цифровая трансформация способна качественно изменить традиционные модели взаимодействия государства, общества и личности, обеспечивая тем самым более высокий уровень профилактики и противодействия различным формам коррупционных правонарушений. В контексте современных вызовов, связанных с коррупционными рисками, именно цифровые решения, такие как системы электронного документооборота и платформы для открытых данных, позволяют создать условия для мониторинга и аудита деятельности государственных органов, что, в конечном счете, способствует инновационной трансформации самого механизма государственного управления. Это означает, что цифровизация может рассматриваться как одна из наиболее эффективных и многообещающих стратегий в борьбе с коррупцией. При этом следует отметить, что открытость и доступность информации, получаемой посредством цифровых технологий, оказывают комплексное воздействие на антикоррупционную практику. Увеличение объемов доступной для общества информации о деятельности властных структур не только способствует формированию общественного контроля, но

и создает атмосферу, в которой коррупционные схемы становятся менее осуществимыми. Такая атмосфера служит профилактическим препятствием для потенциальных коррупционеров, поскольку увеличивает вероятность обнаружения неправомерных действий [10, с. 54]. Таким образом, установка на цифровую трансформацию государственных процессов представляет собой не просто актуальную необходимую меру, а целенаправленную комплексную стратегию, способствующую формированию эффективной антикоррупционной среды. Цифровизация государственного управления, интеграция механизмов контроля и мониторинга через цифровые платформы ведет не только к повышению его эффективности и прозрачности, но и становится важной основой для формирования новой правовой культуры, основанной на принципах открытости и вовлеченности граждан в общественные процессы, что позволит не только снизить уровень коррупции, но и значительно повысить доверие граждан к институтам власти, тем самым содействуя их устойчивому развитию и укреплению демократии.

Важно понимать, что для достижения этих целей необходимо осуществление комплексных реформ и постоянное совершенствование законодательной базы, обеспечивающей баланс прав граждан и государства в условиях развития цифровых технологий. Российская Федерация представляет собой демократическое правовое государство с республиканской формой правления, которое основано на принципах верховенства права и обеспечения прав и свобод человека как важнейших ценностей государственной организации власти [11]. Система конституционных принципов, формирующая нормативную правовую основу государства, требует реализации декларированных правовых гарантий, чтобы избежать узурпации властных полномочий, которые народ делегирует своим представителям, и их применения в узкокорыстных интересах отдельных лиц или их групп [12]. Важнейшую роль в реализации конституционных правовых гарантий осуществляют институты общественного контроля, через которые граждане и различные негосударственные некоммерческие организации могут осуществлять надзор за деятельностью органов публичной власти. Такие институты общественного контроля посредством механизмов прозрачности и отчетности призваны следить за решениями, которые принимаются на уровне государственных структур, а также за действиями органов и учреждений, выполняющих определенные публичные функции, что, в свою очередь, является основой для стабилизации социальной среды и построения эффективного гражданского общества. Реализация, защита и охрана соответствующих прав и свобод граждан и различных групп граждан является обязанностью всех государственных органов. Ни один орган власти не может действовать вне рамок этой юридической обязанности, что подчеркивается как основными положениями Конституции Российской Федерации, так и многочисленными законами, регулирующими сферу прав человека. Таким способом, путем обеспечивая межотраслевых гарантий прав и свобод человека через механизмы общественного контроля, государство стремится к достижению сбалансированности интересов власти и общества, направляя данный механизм на предотвращение коррупции и должностных злоупотреблений. Это служит основой для текущего и будущего экономического развития на базе формирования правового государства, в котором через повышение правосознания общественности и формирование активной гражданской позиции населения происходит усиление контроля над деятельностью лиц, наделенных властными полномочиями, со стороны гражданского общества и его институтов, не оставляя пространства для должностного произвола и коррупционных преступлений.

Список литературы:

1. Гарбатович Д.А. Проблемы внедрения и соблюдения в России международных антикоррупционных стандартов // Закон. 2022. №4. С. 91-100.
2. Национальный план противодействия коррупции (утв. Президентом РФ 31 июля 2008 г. Пр-1568) // Рос.газ. от 5 августа 2008 г., № 164.
3. Россия - Индекс коррупции // Trading Economics [Сайт]. - URL: https://ru.tradingeconomics.com/russia/corruption-index (дата обращения: 22.06.2025).
4. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28.02.2023 №43-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 28.02.2023; О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: Федеральный закон от 28.02.2023 №42-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 28.02.2023.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 06.02.2023 №12-ФЗ (ред. от 15.05.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.02.2023.
6. «Начали считать деньги»: в России выявили рекордное число коррупционеров, 24.01.2025 // RTVI [Сайт]. - URL: https://rtvi.com/news/nachali-schitat-dengi-v-rossii-vyyavili-rekordnoe-chislo-korrupczionerov/ (дата обращения: 22.06.2025).
7. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Сайт]. - URL: https://cdep.ru/?id=150 (дата обращения: 22.06.2025).
8. Рувинский Р.З. Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 123-147.
9. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. №309 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 07.05.2024
10. Корреляция мер по противодействию коррупции с причинами и условиями ее возникновения : научно-методическое пособие / Е.И. Добролюбова, А.В. Павлушкин, Э.Л. Сидоренко [и др.] ; под ред. В.Н. Южакова, А.М. Цирина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. 156 с.
11. Гагиева Х. И., Костоева Ф. М. Роль государственных органов в борьбе с коррупцией в гражданской службе // Российский научный вестник. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstvennyh-organov-v-borbe-s-korruptsiey-v-grazhdanskoy-sluzhbe (дата обращения: 20.06.2025).
12. Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни. // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 164-189.

References:

1. Garbatovich D.A. Problems of implementation and observance of international anti-corruption standards in Russia // Law. 2022. No. 4. pp. 91-100.
2. National Anti-Corruption Plan (approved by the President of the Russian Federation on July 31, 2008, Pr-1568) // Russian Gas. dated August 5, 2008, No. 164.3. Russia - Corruption Index // Trading Economics [Website]. - URL: https://ru.tradingeconomics.com/russia/corruption-index (date of request: 06/22/2025).
4. On the termination of the international treaties of the Council of Europe with respect to the Russian Federation: Federal Law No. 43-FZ dated 02/28/2023 // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 02/28/2023; On the denunciation by the Russian Federation of the Convention on Criminal Liability for Corruption: Federal Law No. 42-FZ of 02/28/2023 // Official Internet Portal of the Legal information http://pravo.gov.ru , 02/28/2023.
5. On Amendments to the Federal Law "On the General Principles of the Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation": Federal Law No. 12-FZ dated 02/06/2023 (as amended on 05/15/2024) // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 02/06/2023.
6. "They started counting money": a record number of corrupt officials were identified in Russia, 01/24/2025 // RTVI [Website]. - URL: https://rtvi.com/news/nachali-schitat-dengi-v-rossii-vyyavili-rekordnoe-chislo-korrupczionerov / (date of access: 06/22/2025).
7. Judicial statistics on corruption cases // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Website]. - URL: https://cdep.ru/?id=150 (accessed: 06/22/2025).
8. Ruvinsky R.Z. Data-based regulation: from the rule of law to public loyalty programs // Antinomies. 2023. Vol. 23, issue 1. pp. 123-147.
9. On the National development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 No. 309 // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 05/07/2024
10. Correlation of anti-corruption measures with the causes and conditions of its occurrence : a scientific and methodological guide / E.I. Dobrolyubova, A.V. Pavlushkin, E.L. Sidorenko [et al.]; ed. by V.N. Yuzhakov, A.M. Tsirin. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : INFRAMoscow, 2023. 156 p.
11. Gagieva Kh. I., Kostoeva F. M. The role of government agencies in the fight against corruption in the civil service // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstvennyh-organov-v-borbe-s-korruptsiey-v-grazhdanskoy-sluzhbe (date of access: 06/20/2025).
12. Mochalov A.N. Digital traces of a person and privacy. // Antinomies. 2024. Vol. 24, issue. 4. Pp. 164-189.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_9_176

УДК 34.096

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАБОРОВ ДАННЫХ ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[1]

CURRENT STATE OF LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF DATA SET USAGE FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович,
заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий,
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор.
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.
E-mail: avminbaleev@msal.ru;

ОСИПОВ Даниил Павлович,
студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.
E-mail: dpo.osipov@yandex.ru;

MINBALEEV Alexey Vladimirovich,
Head of the Department of information law and digital technologies
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: avminbaleev@msal.ru;

OSIPOV Daniil Pavlovich,
student Moscow State Law University (MSAL).
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: dpo.osipov@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье произведен анализ современное состояние правового регулирования в области использования наборов данных для искусственного интеллекта. Исследовано международное регулирование, новейшие документы БРИКС, СНГ, а также акты стратегического планирования и последнее законодательство в сфере использования набора данных для искусственного интеллекта. Авторами выделены основные направления правового регулирования и возникающие в связи с этим проблемы. Анализ международного и российского законодательства свидетельствуют о повышении значимости и все большем правовом регулировании отношений, возникающих по поводу наборов данных для искусственного интеллекта. Это обусловливает необходимость более пристального внимания к данному вопросу как со стороны законодателя, так и юридической науки.*

Abstract: *The article analyzes the current state of legal regulation in the field of using datasets for artificial intelligence. International regulation, the latest BRISKS and CIS documents, as well as strategic planning acts and the latest legislation in the field of using a dataset for artificial intelligence are studied. The authors identify the main areas of legal regulation and the problems that arise in this regard. An analysis of international and Russian legislation indicates an increasing importance and increasing legal regulation of relations arising regarding data sets for artificial intelligence. This necessitates closer attention to this issue from both the legislator and the legal profession.*

Ключевые слова: *БРИКС, данные, искусственный интеллект, международное регулирование, наборы данных, правовое регулирование, правоприменение, СНГ, стратегическое планирование, технологии искусственного интеллекта, цифровые технологии.*

Keywords: *Keywords: BRICS, data, artificial intelligence, international regulation, datasets, legal regulation, law enforcement, CIS, strategic planning, artificial intelligence technologies, digital technologies.*

Для цитирования: *Минбалеев А.В., Осипов Д.П. Современное состояние правового регулирования в области использования наборов данных для искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 176-179. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_176.*

For citation*: Minbaleev A.V., Osipov D.P. Current state of legal regulation in the field of data set usage for artificial intelligence // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 176-179. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_176.*

Статья поступила в редакцию: 28.07.2025

Проблематика регулирования формирования, использования и предоставления равного доступа к актуальным, качественным наборам данных сегодня стала предметом активного обсуждения на международном уровне. Можно сказать, что в данном контексте она имеет сквозную природу и гармонично дополняет политическую, гуманитарную и др. повестки, связанные с искусственным интеллектом. В России правовые исследования данных вопросов пока не столь многочисленны, но все чаще поднимаются в доктрине [1-4].

В марте 2024 г. ГА ООН приняла *Резолюцию 78/265 «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития»*[2], в которой дана рекомендация государствам-членам содействовать разработке общих методов и стандартов для обучения систем искусственного интеллекта в целях защиты людей от дискриминации, злоупотреблений и причинения вреда на протяжении жизненного цикла систем искусственного интеллекта. Как указано в Резолюции, достижение этих целей возможно за счет «анализа и смягчения предвзятости» при формировании наборов данных без вреда развитию технологий в целом. Разработки, которые снижают культурные и языковые барьеры, должны поощряться.

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет -2030».

[2] См.: Резолюция 78/265 «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития» URL: https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n24/065/94/pdf/n2406594.pdf (дата обращения:13.07.2025).

В июле 2024 г. принята инициированная Китаем *Резолюция 78/311 «Укрепление международного сотрудничества в деле наращивания потенциала в области искусственного интеллекта»*[1], в которой также подчеркнута необходимость расширения многоязычия в наборах данных, преодоления цифрового разрыва. В связи с чем государствам с накопленным потенциалом рекомендовано организовать обмен знаниями, расширять сотрудничество в области научных исследований с учетом национальной специфики государства, которому оказывается помощь или с которым устанавливается сотрудничество, что должно обеспечить доступ бедных государств к преимуществам искусственного интеллекта.

В *Заключительном докладе Консультативного органа ООН по искусственному интеллекту*[2] акцентируется внимание на необходимости выработки международного регулирования как эффективной реакции на вызовы, а также оптимальных решений, предотвращающих «гонку на понижение» и «предотвращающих трансграничные регуляторные трения». Примечательно, что в докладе используются верные, с нашей точки зрения, пределы регулирования отношений: разработка, внедрение и использование технологий искусственного интеллекта. В качестве меры, направленной на поддержку государств, ограниченных в доступе к средствам и не имеющим достаточного потенциала и задела для сотрудничества, в докладе предлагается создать Глобальный фонд для искусственного интеллекта. Речь идет именно о сокращении разрыва между государствами в области искусственного интеллекта, смягчении геополитической конкуренции, создании условий для выработки моделей регулирования комплекса вопросов. Традиционный инструментарий утрачивает свой регулятивный потенциал ввиду скорости, непрозрачности и автономности систем. При этом, как приводится в докладе, в краткосрочной перспективе темпы разработки увеличатся на 74%, а внедрение и использование на 89%. Данные аспекты требуют активизации анализа практики, объективной оценки результатов использования.

Перспективным направлением является выработка правовой модели для трансграничного ущерба или решения таких проблем в рамках сложных цепочек поставок вычислительной инфраструктуры, потоков обучающих данных и источников энергии. Кроме того, процессы технической стандартизации должны приводить к совместимости и реагированию на инциденты, возникающие в различных юрисдикциях при использовании искусственного интеллекта. Полагаем, это объясняется отстающим развитием инструментов торговли и торговой политики в целом, ранее созданной для аналоговых технологий. Непосредственно этапы от создания до утилизации технологий искусственного интеллекта должны использоваться в разработке новых концепций торговых политик.

Глобальная система данных находится в развивающемся состоянии и формирование механизмов поддержки сыграет здесь ключевую роль. Прежде всего это возможно за счет: совместного использования вычислительных ресурсов для обучения и отладки модели, создания учебно-экспериментальных центров и инструментов бенчмаркинга и тестирования, выработки модельных решений с возможностью тиражирования, использования наборов данных в интересах ЦУР с постоянными исследованиями по совершенствованию и объединению данных и моделей, создания хранилища для них. Также отсутствуют модели регулирования процессов формирования наборов данных для обучения искусственного интеллекта, отмечается, что коммерческая конкуренция порождает риски для развития сферы в целом, создает барьеры для доступа и использования, а также препятствует управлению цепочкой создания стоимости. Подчеркивается, что некоторые страны не используют существующие наборы данных, а потребность в данных как таковых усиливается на глобальном уровне в силу языковых и культурных барьеров.

В *Докладе «Технологии и инновации-2025», выпущенном в апреле 2025 г. ЮНКТАД,* упоминается о приближающейся Пятой промышленной революции, концентрирующейся на сотрудничестве человека и машины, устойчивом и персонализированном подходе. Между тем барьеры для равного извлечение преимуществ из сферы искусственного интеллекта формируют компании ИИ-гиганты, доход каждой из которых превышают совокупный ВВП некоторых государств. Исследования опирается на активную трансформацию промышленности, трудовых отношений, анализе потенциальных рисков для социальной, экономической, экологической и некоторых других сфер. В докладе подтверждая проблема глобального дефицита данных, неразвитости вычислительной инфраструктуры с необходимостью расширения ее использования другими государствами, сотрудничестве в предоставлении доступа к качественным наборам данных, формировании талантов, недостаточность механизмов реализации принципов справедливости и инклюзивности в процессе разработки[3].

Выработка правовых моделей актуальна и на уровне региональных международных организаций. Так, в апреле 2025 г. Межпарламентской ассамблеей Содружества Независимых Государств принят *Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта»*[4] *(далее – Модельный закон об ИИ)*.

В главе 6 Модельного закона об ИИ освещены вопросы использования, обработки, хранения и защиты данных, несмотря на отсутствие указания данных отношений в предмете правового регулирования. Между тем в соответствии с положениями закона процессы формирования, подготовки, разметки использования наборов данных регламентируются на национальном уровне. В качестве признаков данных выделяются: достоверность, достаточность и целесообразность, соответствие принципам управления данными, процессы сбора, обеспечения полноты, репрезентативности, хранения, реализации политики доступа, этапы подготовки, оценки, аудита и тд. должны соответствовать требованиям оператора. В качестве требований предусмотрены: предварительная обработка и подготовка для машинного обучения. Этапы такой подготовки включают: очистку данных, масштабирование и нормализацию, кодирование категориальных данных, разделение на тренировочный и тестовый наборы.

Предусматриваются требования для наборов данных: соответствие стандартам; принятие мер для недопущения дискриминации, обеспе-

[1] См.: Резолюция 78/311 «Укрепление международного сотрудничества в деле наращивания потенциала в области искусственного интеллекта». URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/197/28/pdf/n2419728.pdf (дата обращения: 13.07.2025).
[2] См.: Заключительный доклад «Управление искусственным интеллектом в интересах человечества». URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf?ysclid=md954ly8uu78791764 (дата обращения: 18.07.2025).
[3] См.: Technology and Innovation Report. 2025. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf (дата обращения: 18.07.2025).
[4] См.: Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» (Принят Постановлением МПА СНГ от 18.04.2025 г. № 58-8). URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1292 (дата обращения: 17.07.2025).

чение защиты конфиденциальности и персональных данных. Также, согласно ст. 2 Модельного закона об ИИ, под наборами данных понимается «совокупность данных, прошедших предварительную подготовку (обработку) в соответствии с требованиями законодательства и необходимых для разработки и функционирования технологий искусственного интеллекта и (или) систем с использованием технологий искусственного интеллекта»[1]. Определение представляют собой переработку из первой редакции Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 (в ред. от 15.02.2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[2] (далее – Национальная стратегия ИИ), а также ряда технических стандартов Российской Федерации.

В рамках саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро, прошедшего 6-7 июля 2025 г., государства-участники приняли *Заявление о глобальном управлении искусственным интеллектом*[3]. Подтверждена цель на снижение рисков и учет потребностей всех стран, особенно Глобального Юга. Формирование моделей управления на международном уровне при центральной роли ООН, предотвращение фрагментации и цифрового разрыва возможны за счет коллективных усилий. Отдельное внимание государствами уделено регулированию рынка, управлению данными и доступу к технологиям. Направлен вектор на предоставление доступа к качественным данным на основе справедливости, а также защиты интеллектуальной собственности и безопасности личности и государства. Отмечено, что необходимо найти разумный баланс в вопросах использования объектов интеллектуальной собственности при использовании искусственного интеллекта, а также обеспечить прозрачность алгоритмов. Кроме того, поддержано развитие open-source и международного научного сотрудничества. А ИИ-модели должны разрабатываться для реализации специальных целей, в том числе ресурсосбережения. Искусственный интеллект должен создаваться на этичной, надежной и ответственной основе, алгоритмы должны учитывать языковые, расовые и культурные особенности.

Достижение глобальной технологической конкурентоспособности Российской Федерации долгие годы является основой для стратегического планирования и одним из направлений федерального проекта *«Искусственный интеллект»* в рамках национального проекта *«Экономика данных и цифровая трансформация государства»*, определяющих развитие сферы искусственного интеллекта на 2025-2030 годы. Одним из приоритетных показателей национального и федерального проекта определено «создание единой платформы обработки больших данных, формирования дата-сетов и искусственного интеллекта для внедрения и использования в отраслях экономики, социальной сфере и государственном управлении на федеральном и региональном уровнях» [4].

Согласно пп. «д» п. 5 Национальной стратегии ИИ под набором данных понимается как «состав данных, которые структурированы или сгруппированы по определенным признакам, соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации и необходимы для разработки программ для электронных вычислительных машин на основе искусственного интеллекта»[5]. В первоначальной редакции определение концентрировалось на «совокупности данных, прошедших предварительную подготовку (обработку) в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации…»[6]. Представленная здесь общая формулировка отражает признаки, имеющие практическое значение для надлежащей юридической квалификации, по сути, указывающие на контент, который непосредственно набор данных может содержать. В пп. «е» дано определение подготовительному процессу обработки данных – разметке данных, в пп. «п» - исходным данным. В новой редакции Национальной стратегии ИИ исключен пп. «к», дающий определение общедоступной платформе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которой размещаются открытые наборы данных. Важное значение для развития различных отраслей экономики, в том числе промышленности, имеют промышленные данные (пп. «у»).

В качестве признаков процесса формирования наборов данных в Национальной стратегии ИИ указываются:

– наличие релевантной, репрезентативной и корректной разметки (п.8);

– формирование на основе полных и актуальных данных, соответствующих приоритетам развития отраслей экономики, социальной сферы и государственного и муниципального управления (пп. «и» п.51.1);

– создание и предоставление должно соответствовать нормативно определенным правилам (пп. «о» п. 51.8, пп. «б» п.51.11);

– наравне с алгоритмами и методами для машинного обучения наборы данных должны соответствовать принципу недискриминации (данный принцип закреплен в пп. «г» п. 51.10 и имеет стратегическое организационно-техническое значение с потенциалом стать правовым, но, к сожалению, полноценного желаемого правового определения в Национальной стратегии ИИ не содержится. Полагаем, что в данном контексте принцип недискриминации следует понимать как недопущение в отношении отдельных лиц или групп лиц нарушения их прав, свобод и законных интересов в зависимости от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к какой-либо социальной группе и других обстоятельств);

– стимулирование разработки со стороны органов публичной власти, коммерческих и некоммерческих организаций, включая предоставление разработчикам недискриминационного доступа к данным (пп. «б» п. 51.11);

– развитие научных исследований за счет механизмов распространения, объединения и обмена (пп. «б» п. 51.13);

[1] Там же.
[2] См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
[3] См.: Заявление лидеров стран БРИКС по глобальному управлению в области искусственного интеллекта. Неофициальный перевод с английского языка. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/n1eGkN9xVCOwXlAGekbAlJOLApDGIXEq.pdf (дата обращения: 21.07.2025).
[4] См.: Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», утв. протоколом заочного голосования членов президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. № 12пр. URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 21.07.2025).
[5] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
[6] Там же.

– международное сотрудничество и поддержка в области создания репозиториев открытых данных и наборов данных (пп. «б» п. 51.13).

В *Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г*[1]. фрагментарно были выделены конкретные данные, для обеспечения защиты которых в процессе обучения ИИ-моделей необходимо определить разумный баланс. Предусматривалось ряд целей, необходимых для выполнения задачи по повышению доступности и качества данных, их решение возможно посредством адаптации законодательства. К их числу отнесено: обезличивание данных, расширение доступа к открытым данным, а также данным, на которые распространяются правовые режимы государственной, медицинской, банковской и иных видов тайн. Ожидается, что в ближайшем будущем будет принята новая концепция, проект которой сейчас обсуждается. Полагаем, что в ней явно необходимо указать на существующие риски и угрозы при нормативном обеспечении процессов, связанных с наборами данных, а также применительно сформулировать легальные модели использования данных к конкретным сферам, на которые бы могли распространяться специальные правовые режимы. Также важно определить отечественную модель правового регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта в целом.

Указом Президента Российской Федерации[2] Правительству Российской Федерации поручено обеспечить включение федерального проекта «Искусственный интеллект» в национальный проект по формированию экономики данных на период до 2030 года. Согласно *пп. «г» п.1 Перечня поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» (утв. Президентом РФ от 17 января 2024 г. № Пр-83)*[3] необходимо обеспечить разработку механизма использования архивов государственных и муниципальных органов, фондов библиотек для создания наборов данных с учетом ограничения доступа к информации. В *Дорожной карте развития высокотехнологичного направления «Искусственный интеллект» на период до 2030 года*[4] поставлена задача по формированию и предоставлению востребованных организациями наборов данных.

Правоприменение в части использования набора данных в России пока активно не развивается, но имеет перспективы развития. Полагаем, что во многом оно будет развиваться по мировому сценарию. Так, в настоящее время в мировой судебной практике преобладающее количество дел связаны с использованием объектов интеллектуальных прав объектов интеллектуальных прав (объектов интеллектуальной собственности), персональных данных физических лиц в процессе формирования наборов данных. Наряду с этим, суды рассматривают споры, связанные с заключением соглашений на разработку систем искусственного интеллекта и обжалованием решений административных органов в данной сфере.

Таким образом, анализ международного и российского законодательства свидетельствуют о повышении значимости и все большем правовом регулировании отношений, возникающих по поводу наборов данных для искусственного интеллекта. Это обусловливает необходимость более пристального внимания к данному вопросу как со стороны законодателя, так и юридической науки.

Список литературы:

1. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. М. : ООО "Проспект", 2025. 104 с.
2. Комплексное исследование правовых и этических аспектов, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: монография / В. В. Архипов, Г. Г. Камалова, В. Б. Наумов, А. В. Незнамов. Санкт-Петербург : НП-Принт, 2022. 336 с.
3. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография. М.: ООО "Проспект", 2023. 264 с.
4. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. №. 1. P. 168-178.

References:

1. Artificial intelligence and law: from fundamental problems to applied problems / D. L. Kuteynikov, O. A. Izhaev, S. S. Zenin, V. A. Lebedev. Moscow : Prospect LLC, 2025. 104 p.
2. Comprehensive study of legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems: a monograph / V. V. Arkhipov, G. G. Kamalova, V. B. Naumov, A.V. Neznamov. St. Petersburg : NP-Print, 2022. 336 p.
3. Mechanisms and models of digital technology regulation: a monograph. Moscow: Prospect LLC, 2023. 264 p. (In Russ.).
4. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. №. 1. P. 168-178.

[1] См.: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.
[2] См.: Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 8. Ст. 1102.
[3] См.: Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта (утв. Президентом РФ 17.01.2024 № Пр-83) // СПС «КонсультантПлюс».
[4] См.: Дорожная карта развития высокотехнологичного направления «Искусственный интеллект» на период до 2030 года // СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_180

УДК 34.096

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF INFORMATION SECURITY LEGISLATION

ГУНДЕРИЧ Галина Альбертовна,
кандидат технических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9.
E-mail: lomach_a@mail.ru;

ЛУКАВЕНКО Андрей Викторович,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9.
E-mail: lukavenkoklass1@rambler.ru;

GUNDERICH Galina Albertovna,
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Participation of Prosecutor in Criminal Proceedings of Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
9 Gogol St., Simferopol, Republic of Crimea, 295011, Russia.
E-mail: lomach_a@mail.ru;

LUKAVENKO Andrey Viktorovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
9 Gogol St., Simferopol, Republic of Crimea, 295011, Russia.
E-mail: lukavenkoklass1@rambler.ru;

Краткая аннотация. *В современном информационном обществе, когда большая часть информации цифровизирована, самое главное – уметь реагировать на внезапные или непредвиденные ситуации, которые связаны с сохранностью информации. В связи с этим в первую очередь необходимо акцентировать внимание на защите и правовой охране информации. С учетом актуальности вопроса совершенствования законодательства об информационной безопасности в статье рассмотрены основные направления, актуальные угрозы в сфере информационной безопасности и защиты сохранности информации в деятельности органов прокуратуры, а также соблюдение законодательства в данной области.*

Abstract. *In the modern information society, where most of the information is digitized, it's essential to be able to respond to sudden or unforeseen situations related to the information safety. In this regard, first of all, it is necessary to focus on the legal protection of information. Taking into account the relevance of the issue of improving legislation on information security, the article examines the main directions, current threats in the field of information security and protection of information safety in the activities of the prosecution agencies, as well as compliance with legislation in this area.*

Ключевые слова: *информационное общество, информационная безопасность, законодательство, информационная инфраструктура, сеть Интернет, органы прокуратуры.*

Keywords: *information society, information security, legislation, information infrastructure, the Internet, prosecution agencies.*

Для цитирования: *Гундерич Г.А., Лукавенко А.В. Современные тенденции развития законодательства об информационной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 180-182. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_180.*

For citation*: Gunderich G.A., Lukavenko A.V. Current trends in the development of information security legislation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 180-182. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_180.*

Статья поступила в редакцию: 25.06.2025

Введение. Российская Федерация в данный момент стоит на пути формирования информационного общества. Государственная политика РФ направлена на внедрение в общество информационно-телекоммуникационных технологий, формирование цифровой экономики и обеспечение должного уровня информационной безопасности. Помимо внедрения данных технологий, проводится огромная работа по их совершенствованию и удобству для граждан. В настоящее время мы на практике можем наблюдать развитие «Госуслуг», приложений и сайтов для самозанятых и индивидуальных предпринимателей, оперативность работы и удобства банковских приложений.

Органам прокуратуры как «проводнику надлежащего исполнения нормативно-правовых актов» [1] важно держать руку на пульсе изменений в законодательстве и изменений условий существования общества, развитие которого в вопросах информационной безопасности происходит слишком интенсивно, при этом остается немало базовых моментов, которые необходимо закреплять федеральными законами, что дает дополнительную нагрузку на органы прокуратуры.

Для более оперативного реагирования на изменяющиеся условия информационного общества и обеспечение его информационной безопасности используются Указы Президента Российской Федерации, в которых закрепляются основные задачи по стратегии развития информационного общества. Наиболее актуальными для сотрудников прокуратуры являются Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [2] и Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы [3].

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации является основополагающим актом по направлению политики в сфере информационной безопасности. Доктрина по своей сути является стратегическим планом, в ней указаны конкретные шаги по формированию информационной безопасности. Данный документ охватывает все основные направления жизни общества, указывает на критичные аспекты и уязвимости в существующих системах по обеспечению информационной безопасности.

Если рассмотреть основные направления доктрины информационной безопасности, то среди них можно выделить:

1) соблюдение конституционных прав граждан в сфере доступа к информации и обеспечение её безопасности;

2) устойчивое существование, развитие и функционирование информационной инфраструктуры;

3) отдельно выделяется деятельность по обеспечению информационной безопасности от компьютерных атак – как от недружественных государств, так и от отдельных организаций террористической направленности;

4) оценка существующей политики Российской Федерации для её последующей доработки;

5) содействие и доработка иностранного законодательства для формирования международной информационной безопасности.

Все направления должны быть взаимосвязаны друг с другом, поскольку, если одно из направлений будет выделено в особый приоритет, то все остальные направления потеряют в своем качестве, в данном случае информационная безопасность РФ в общем итоге упадет. Важно учитывать и международное сотрудничество с дружественными государствами, поскольку информационное пространство не может быть ограничено физически.

Наиболее актуальной угрозой в настоящее время для Российской Федерации является «наращивание информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях». Данный аспект связан с проведением СВО. Особо активизировалась информационная разведка недружественных государств с целью нахождения уязвимостей в системе связи государственных органов и военного управления, организаций и предприятий военно-промышленного комплекса, научно-исследовательских институтов, попытки воздействия на население Российской Федерации для подрыва государства изнутри, изменение существующих исторических фактов и их фальсификация. Для последних целей существует предвзятое отношение иностранных СМИ, публикуемых в сети Интернет. Для противодействия им согласно Доктрине необходимо повышать уровень осведомленности граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности.

Отдельно стоит выделить создание своей технической базы по типу разработки различных электронно-вычислительных машин собственной конструкции, создание отдельных узлов интернет-соединений, защищенных от иностранных вмешательств, совершенствование кадрового обеспечения путем привлечения специалистов, возвращения их из-за рубежа, повышения популярности данных профессий для появления новых кадров.

Для дальнейшего повышения уровня информационной безопасности существует необходимость развития патриотического воспитания от дошкольных учреждений до высших учебных заведений, развитие общего духовно-нравственного уровня жизни.

Вышеуказанные положения Доктрины информационной безопасности говорят об её актуальности, в ней указаны наиболее критичные в настоящее время направления деятельности, необходимые для формирования по-настоящему защищенной системы информационной безопасности. Также в ней впервые указаны качественно новые приоритеты государственной политики.

Если обратиться к Стратегии развития информационного общества, которая также является одним из основополагающих актов государственной политики по обеспечению информационной безопасности, то согласно данному документу основной его целью является просвещение граждан и создание «общества знаний». Данный документ больше направлен на развитие общества, чем на установление информационной безопасности, в нём во многом прослеживается преемственность и комплементарность к международным принципам построения информационного общества, обеспечения прав граждан, доступ к знаниям и услугам [3]. Хоть данный документ скорее и направлен на развитие информационного общества, в нем все же уделяются вопросы информационной безопасности. Рассматриваются вопросы создания обособленной инфраструктуры, продвижения на международной арене отечественных стандартов защиты как граждан, так и персональных данных [4]. Таким образом, Стратегия является продолжением и больше раскрывает Доктрину информационной безопасности, в ней выделяются схожие основные приоритеты: увеличение уровня контроля государства в сети Интернет для обеспечения информационной безопасности, независимость от мировой сети, создание механизмов блокировки вредной информации.

Для развития положений, указанных в Доктрине информационной безопасности и Стратегии развития информационного общества, а именно – закреплении основных, незыблемых положений, целесообразней было бы закрепить их в федеральном законе «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 года № 187. В данном Федеральном законе закрепляются основные положения об обеспечении информационной инфраструктуры для её стабильного функционирования и развития, противодействия компьютерным атакам. Благодаря данному закону была создана специализированная система по обнаружению, предупреждению и ликвидации последствий компьютерных атак на объекты информационной инфраструктуры. В нем также закреплены объекты значимой инфраструктуры, ведется их реестр, перечислены подходы по оценке безопасности критической информационной инфраструктуры.

В качестве контрольного органа приводится ФСТЭК путем проведения как плановых, так и внеплановых проверок (тут необходимо уточнить момент про мораторий на проведение проверок, данный мораторий не распространяется на объекты контроля, отнесенных к категории чрезвычайно высокого и высокого риска). Данные проверки должны проводиться раз в 3 года, со дня включения в реестр значимых объектов. Внеплановые проверки должны проводиться при условии выявления нарушений требований текущего законодательства, после истечения срока по их устранению; и при возникновении различных инцидентов, после которых последовали негативные последствия. Проверка проводится на основании приказа руководителя ФСТЭК в соответствии с поручениями президента либо на основании требований прокурора, после поступления к нему материалов и обращений граждан и выявления фактов нарушения действующего законодательства [5].

Данный ФЗ расширил полномочия прокурора в сфере обеспечения информационной безопасности. Данный федеральный закон закладывает основы по обеспечению информационной безопасности в Российской Федерации, он не может полностью урегулировать все общественные отношения в данной сфере, поскольку информационная безопасность слишком изменчивая и непостоянная сфера жизнедеятельности общества. В случае полного урегулирования всех вопросов информационной безопасности законодательство будет слишком быстро устаревать,

и, учитывая неповоротливость государственных механизмов, будет невозможно своевременно подстраиваться под меняющиеся условия информационного общества. Одним из недостатков закона является то, что меры по обеспечению критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ) и состоянию её защищенности относятся к сфере государственной тайны, однако во многом идентичные способы защиты используются и в различных организациях, которые не относятся к государственной тайне, что позволяет узнать методы защиты, охраняемые государственной тайной. Целесообразней разработать определенное количество отличающихся ГОСТов и разделить их для использования в организации, оставив старые механизмы защиты для организаций, однако учитывать уровень их актуальности и разработать качественно новые методы защиты для государственных организаций, желательно вообще не связанных с иными организациями, и уже их отнести к государственной тайне.

Отдельно стоит отметить изменение ответственности за воздействие на критическую информационную инфраструктуру. В 2017 году были внесены изменения в Уголовный кодекс РФ, а именно: была внесена ст. 274.1 УК РФ. В данной статье предусматривается ответственность за неправомерное воздействие на КИИ Российской Федерации.

Развитие КИИ в Российской Федерации осуществляется на основании ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». В него наиболее оперативно вносятся изменения об ограничении доступа к информации, указывается круг обязанностей лиц по обороту информации и т.д. Отдельно в нем рассматриваются вопросы использования отечественных ЭВМ, компьютерных программ и использования серверных механизмов, порядок осуществления финансовой поддержки для их разработки, создание реестров отечественного программного обеспечения.

К примеру, в прокуратуре РФ в настоящее время расширяют список полномочий. Наиболее актуальным можно назвать полномочие по блокировке различных ресурсов в сети Интернет. Отдельно стоит обратить внимание на то, что к данным ресурсам относятся не только блокировка интернет-сайтов, распространяющих информацию, наносящую вред гражданам и государству, к ним также относится блокировка интернет-ресурсов, распространяющих пиратское программное обеспечение и пиратский контент.

Начиная с 2020 года, проводилась активная блокировка VPN-сервисов (специализированные сервисы, позволяющие подключаться к изолированным сервисам через общедоступное интернет-соединение, наиболее актуально в настоящее время подключение к сетям других государств через российский сегмент сети Интернет (для получения доступа к запрещённым в РФ сервисам), однако подключение через VPN возможно и к отдельным закрытым серверам, которые используют как и законопослушные компании для защиты коммерческой тайны, так и злоумышленники), различных анонимайзеров (программ, позволяющих скрыть свой адрес подключения к сети и уникальные идентификационные номера устройств), анонимных браузеров и интернет-сетей (наиболее известным является браузер TOR, относящийся к реализации сети третьего поколения, обеспечивающий сквозное подключение в зашифрованном виде, так называемое «луковое» соединение, именно отсюда и исходит название данного браузера).

Отдельный пласт по информационной безопасности относится к сфере регулирования информационной безопасности детей. Основная проблема состоит в том, что в настоящее время информационное воздействие идет на несовершеннолетних путем распространения пропагандирующей информации, поощряющей антиобщественное поведение несовершеннолетних. Также в настоящее время распространяются специализированные группы, действующие в социальных сетях, нацеленные на уничтожение несовершеннолетних, так называемые «группы смерти» (наиболее известной и распространенной является «Синий кит»). Данные группы нацелены на подростков, которые не могут нормально социализироваться в обществе, и путем угроз доводят несовершеннолетних до самоубийств. Исходя из этого существует необходимость первоочередного урегулирования и надзора за распространением информации в различных социальных сетях с учетом их особенностей.

Для защиты несовершеннолетних от данной информации считаем необходимым обязательное установление на устройства несовершеннолетних родительского контроля, а также определение конкретного набора инструментов и сайтов, к которым бы имели доступ несовершеннолетние. Также считаем необходимым предоставление доступа к сети Интернет путем ввода персональных данных несовершеннолетних.

Таким образом, несмотря на стремительное развитие законодательства об информационной безопасности, оно банально не может охватить все сферы общественных отношений и поэтому требует доработки и дополнений, а также необходимо отдельно отслеживать его актуальность в связи с постоянно меняющимися условиями существования общества.

Список литературы:

1. Стрельников В.В. Понятие, основное содержание и проблемы информационного обеспечения в органах прокуратуры Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2012. № 1 (1). С. 110.
2. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 №646 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.
3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 № 2030.
4. Официальная позиция РАЭК по Стратегии развития Информационного общества в Российской Федерации 2017-2030 годы : публикация от 13.05.2017 [Электронный ресурс] // Российская Ассоциации Электронных коммуникаций (РАЭК): официальный веб-сайт. - URL: https://raec.ru/live/position/9411/ (05.05.2025).
5. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ // Рос. Газета. 2017. № 167. 31 июля.

References:

1. Strelnikov V.V. The concept, main content and problems of information support in the prosecutor's office of the Russian Federation // Eurasian Advocacy. 2012. No. 1(1). p. 110.
2. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 // Sobr. He was growing up. Federation. 2016. No. 50. Art. 7074.
3. Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030 : Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 2030.
4. The official position of the RAEC on the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation 2017-2030 : publication dated 05/13/2017 [Electronic resource] // Russian Association of Electronic Communications (RAEC): official website. - URL: https://raec.ru/live/position/9411 / (05.05.2025).
5. On the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation: feder. the law of July 26, 2017 No. 187-FZ // Russian. Newspaper. 2017. No. 167. July 31.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_183

УДК 342.9

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СРЕДСТВО СБЕРЕЖЕНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА
SOCIAL GUARANTEES FOR INTERNAL AFFAIRS STAFF AS A MEANS OF SAVING PERSONNEL

БУДНИКОВА Анастасия Борисовна,
заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск.
660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.
E-mail: kr9082009866@gmail.com;

BUDNIKOVA Anastasia Borisovna,
senior Lecturer of the Department of Administrative Law,
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk.
20 Rokossovsky str., Krasnoyarsk, 660131, Russia.
E-mail: kr9082009866@gmail.com

Краткая аннотация: *в настоящей научной работе раскрываются некоторые проблемы реализации социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, указывается на недостаточность отдельных мер социальной поддержки и предлагаются возможные пути решения.*

Abstract: *This scientific work reveals some of the problems of implementing social guarantees for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, points out the inadequacy of certain measures of social support and suggests possible solutions.*

Ключевые слова: *государственная служба в органах внутренних дел, сотрудник органов внутренних дел, социальные гарантии.*
Key words: *civil service in the internal affairs bodies, employee of the internal affairs bodies, social guarantees.*

Для цитирования: *Будникова А.Б. Социальные гарантии сотрудников органов внутренних дел как средство сбережения личного состава // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 183-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_183.*
For citation*: Budnikova A.B. Social guarantees for internal affairs staff as a means of saving personnel // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 183-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_183.*

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025

Служба в органах внутренних дел (далее – ОВД) характеризуется сложными обстоятельствами и сопряжена с влиянием множества неблагоприятных факторов на личный состав. К ним относятся: интенсивный график и большой объем выполняемых служебных обязанностей, взаимодействие с нарушителями закона и криминальными элементами, риск получения увечий и травм при исполнении служебных обязанностей. Помимо этого, для сотрудников ОВД предусмотрены определенные ограничения в политических и социально-экономических правах (запрет на осуществление предпринимательской и иной оплачиваемой деятельности, невозможность участия в политических партиях и объединениях, ограничение на выезд за пределы страны и т.д.).

В связи с этим, в рамках административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел, законодательством предусмотрен определенный перечень юридических гарантий, обеспечивающих их социальную защищенность. Наличие данных гарантий выступает в качестве своеобразной компенсации за те негативные условия, которые сопутствуют несению службы в полиции, а также способствует удержанию сотрудников на службе, стимулированию профессиональной деятельности, укреплению авторитета и повышению престижа службы в ОВД.

Социальные гарантии сотрудников ОВД определены положениями Федеральных законов от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», а также ряда других законодательных и подзаконных нормативных актов.

К числу наиболее востребованных и реализуемых в настоящее время социальных гарантий относятся:

- предоставление мест для детей сотрудников ОВД в первоочередном порядке в общеобразовательных и дошкольных образовательных организациях по месту жительства сотрудника [1, ч. 6 ст. 46];

- предоставление мест для детей сотрудников ОВД в первоочередном порядке в летних оздоровительных лагерях [1, ч. 6 ст. 46];

- оплата проезда к месту проведения отпуска и обратно для сотрудника ОВД и члена его семьи (для сотрудников, проходящих службу в Уральском, Сибирском или Дальневосточном федеральных округах) [2, ч. 6 ст. 3];

- компенсация за наем (поднаем) жилых помещений при отсутствии у сотрудника своего жилья по месту прохождения службы [2, ст. 8];

- обязательное государственное страхование жизни и здоровья и страховые выплаты, производимые в связи с получением сотрудником ОВД в период прохождения службы ранений, травм и увечий [3].

Федеральным законодательством установлены также и иные социальные гарантии, связанные с денежным довольствием и пенсионным обеспечением, обеспечением жилыми помещениями, медицинским обеспечением сотрудников, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел, членов их семей и лиц, находящихся (находившихся) на их иждивении. Большая часть проблем, связанных с реализацией установленных законодательством социальных гарантий, обусловлена недостаточным бюджетным финансированием.

Однако следует отметить и ряд проблемных аспектов, связанных с установлением и нормативным регулированием отдельных соци-

альных гарантий.

Значительным количеством авторов отмечается недостаточная урегулированность вопросов жилищного обеспечения сотрудников ОВД. В числе наиболее острых проблем выделяют недостаточную обеспеченность служебным жильем [4, с. 155], длительность получения единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения, необеспеченность жильем сотрудников ОВД, имеющих право на получение жилого помещения по договору социального найма [5, с. 64] и другие.

Анализ ситуации с жилищным обеспечением сотрудников ОВД позволяет выявить и иные несовершенства нормативного правового регулирования данной социальной гарантии. Так, отсутствует механизм реализации права на жилое помещение для сотрудников ОВД, не имеющих своего жилья на момент поступления на службу и пытающихся решить этот вопрос самостоятельно, например, путем приобретения жилья за счет ипотечных кредитов или иных источников. При этом сотрудники, решающие приобрести жилье за счет кредитных средств, зачастую сталкиваются с невозможностью накопления нужной суммы для кредитам.

Например, стоимость однокомнатной квартиры площадью около 33 кв.м. в г. Красноярске сейчас составляет в среднем около 4,5 млн рублей, первоначальный взнос 1,5 млн рублей, и платеж по ипотеке составляет от 62 тыс. рублей ежемесячно в течение 25 лет. При этом размер денежного довольствия для сотрудника ППСП со стажем службы 2-3 года представляет 55 – 60 тысяч рублей. Решением жилищной проблемы для сотрудников ОВД могло бы выступить введение льготной ипотеки, аналогичной военной ипотеке для военнослужащих. Интересной и перспективной для внедрения видится и практика оплаты процентов по ипотечному кредиту, которая существовала на территории Красноярского края до 2011 года (для сотрудников милиции, чьи должности финансировались за счет средств краевого бюджета). В условиях невысокого денежного довольствия сотрудников милиции данная социальная гарантия зачастую была решающим фактором для дальнейшего прохождения службы в ОВД.

Другой проблемой видится отсутствие нормативно закрепленных критериев, по которым можно было бы оценить возможность сотрудника ежедневно возвращаться в свое жилое помещения и прибывать на службу, без чего возникают трудности в установлении денежной компенсации за наем (поднаем) жилого помещения сотруднику, чье жилое помещение, принадлежащее ему на праве собственности или находящееся в социальном найме, расположено на значительном удалении от места несения службы. В данном случае жилищно-бытовые комиссии ориентируются на такие показатели, как удаленность жилья от места службы и наличие (отсутствие) регулярного транспортного сообщения. Нуждается в пересмотре и сам размер компенсации за наем жилого помещения. Так, в настоящее время в Красноярске стоимость аренды однокомнатной квартиры стартует от 20-22 тысяч рублей (в зависимости от района и условий проживания), тогда как размер ежемесячной компенсации составляет 13800 рублей.

Обращает внимание и невозможность применения данной гарантии для сотрудников, имеющих незначительные доли в праве собственности в жилом помещении по месту прохождения службы, и нуждающихся в улучшении жилищных условий. В качестве примера: сотрудник (24 года, стаж в ОВД 2 года) является собственником 1/8 доли в двухкомнатной квартире, где, кроме него, проживают его родители и несовершеннолетний брат. По вполне понятным причинам, сотрудник желает проживать отдельно и создавать собственную семью. Однако такой сотрудник может претендовать только на получение единовременной социальной выплаты, первым условием которой является выслуга 10 и более лет в календарном исчислении. Претендовать на получение служебного жилья или компенсации за наем жилого помещения такой сотрудник не может.

Вопрос медицинского обеспечения сотрудников ОВД и членов их семей также является весьма важным, поскольку напрямую связан с поддержанием должного состояния здоровья, что сказывается как на повседневной работоспособности сотрудников, так и на возможности длительного прохождения службы. Как верно отмечает А.В. Карпунина, существует очевидная взаимосвязь между состоянием физического и психологического здоровья сотрудника и качеством исполнения им непосредственных служебных обязанностей, периодами временной нетрудоспособности, потенциальной выслугой, минимизацией получения инвалидности в период прохождения службы [6, с. 66] Несмотря на то, что действующее законодательство устанавливает гарантии доступности медицинской помощи, на практике сотрудники ОВД сталкиваются с рядом проблем, связанных с доступностью и качеством медицинских услуг. Речь идет не только об отсутствии возможности получения медицинской помощи членами семей сотрудников ОВД по профилю «педиатрия», отсутствии медицинской помощи по ведению беременности сотрудников ОВД женского пола, но и длительном ожидании приема узких специалистов, проведения необходимых обследований, недостаточном обеспечении медицинских организаций современным оборудованием и медикаментами.

Важной социальной гарантией, направленной на сохранение и поддержание здоровья сотрудников ОВД и членов их семей, является предоставление путевок на отдых и санаторно-курортное лечение. Однако, как показывает практика, данная гарантия реализуется не в полной мере, и не все сотрудники, фактически нуждающиеся в санаторно-курортном лечении, могут его получить, что обусловлено ограниченным количеством путевок. Учитывая, что сотрудники ОВД не подлежат обязательному медицинскому страхованию и не имеют полиса ОМС, претендовать на получение путевок в системе ОМС они также не могут. Вариантом решения проблемы могла бы выступать модель, при которой сотрудник, нуждающийся по заключению врачебной комиссии в санаторно-курортном лечении, при отсутствии возможности выделения ему путевки по профилю лечения в соответствующем календарном году, мог бы приобрести путевку за счет собственных денежных средств с последующей компенсацией понесенных расходов. Полагаем, что рассмотрение этого вопроса с определением тарифов по возмещению понесенных расходов на санаторно-курортное лечение могло бы не только снизить нагрузку на медицинские организации МВД России, но и гарантировать право на надлежащее медицинское обеспечение сотрудников ОВД.

Таким образом, анализ существующих проблем в сфере реализации социальных гарантий сотрудников ОВД позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования нормативно-правовой базы и увеличения бюджетного финансирования. Необходимо разработать и внедрить механизмы, обеспечивающие доступность и эффективность социальных гарантий для всех категорий сотрудников ОВД, а также членов их семей и лиц, находящихся на их иждивении. Решение этих проблем позволит повысить престиж службы в органах внутренних дел, привлечь и удержать квалифицированные кадры, а также обеспечить социальную защиту и благополучие сотрудников и их семей.

Список литературы:

1. О полиции [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». (дата обращения 07.06.2025).
2. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». (дата обращения 07.06.2025).
3. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы Гарант (дата обращения 07.06.2025).
4. Суворова, А. Д. социальная защита сотрудников органов внутренних дел / А. Д. Суворова // Инновационная наука. – 2021. – № 6. – С. 154-156. – EDN IISDEF.
5. Шаршавова, М. Ю. К вопросу о жилищном обеспечении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / М. Ю. Шаршавова, Ю. Н. Рыжакова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 116-13. – С. 62-65. – DOI 10.18411/trnio-12-2024-582. – EDN HHEUYF.
6. Карпунина, О. Н. Проблемные вопросы организации санаторно-курортного лечения и оздоровительного отдыха сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / О. Н. Карпунина // The Newman in Foreign Policy. – 2021. – Т. 3, № 60(104). – С. 66-69. – EDN WCUVZZ.

References:

1. About the police [Electronic resource]: Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011. Access from the help.- Consultant Plus legal system. (accessed 06/07/2025).
2. On social guarantees to employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 247-FZ of July 19, 2011. Access from the help.- Consultant Plus legal system. (accessed 06/07/2025).
3. On compulsory State life and health insurance for military personnel, citizens called up for military training, rank-and-file and commanding officers of the internal affairs bodies of the Russian Federation, the State Fire Service, employees of institutions and bodies of the penal enforcement system, employees of the troops of the National Guard of the Russian Federation, employees of enforcement agencies of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 52-FZ of March 28, 1998. Access from the help.-the Garant legal system (date of application 06/07/2025).
4. Suvorova, A.D. social protection of employees of law enforcement agencies / A.D. Suvorova // Innovative science. – 2021. – No. 6. – pp. 154-156. – EDN IISDEF.
5. Sharshavova, M. Yu. On the issue of housing provision for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation / M. Yu. Sharshavova, Yu. N. Ryzhakova // Trends in the development of science and education. – 2024. – No. 116-13. – pp. 62-65. – DOI 10.18411/trnio-12-2024-582 . – EDN HHEUYF.
6. Karpunina, O. N. Problematic issues of the organization of sanatorium-resort treatment and recreational recreation for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation / O. N. Karpunina // The Newman in Foreign Policy. - 2021. – Vol. 3, No. 60(104). – pp. 66-69. – EDN WCUVZZ.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_186

УДК 346.7

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ ТАМОЖЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМЕ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

THE FEATURES OF APPOINTMENT AND CONDUCT OF CUSTOMS EXAMINATION IN THE CUSTOMS CONTROL SYSTEM OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

МОРОЗОВ Виталий Евгеньевич,
старший преподаватель Высшей школы публичного права
Тихоокеанского государственного университета.
ул. Тихоокеанская, 136, Хабаровск, Российская Федерация, 680035.
E-mail: myself007@mail.ru,
ORCID 0000-0002-6403-8433,

MOROZOV Vitaliy Evgenievich,
Senior Lecturer of the Higher school of public law, Pacific National University.
36 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russian Federation, 680035.
E-mail: myself007@mail.ru,
ORCID 0000-0002-6403-8433

Краткая аннотация: *В представленной статье проводится всесторонний анализ института таможенной экспертизы как ключевого элемента системы таможенного контроля в государствах-членах Евразийского экономического союза. Исследование охватывает нормативно-правовые основы регулирования экспертной деятельности в таможенной сфере, детально рассматривает процедурные аспекты назначения и проведения экспертных исследований, а также проводит сравнительный анализ с судебной экспертизой. Особое внимание уделяется практической деятельности Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления (ЦЭКТУ) как основного субъекта проведения таможенных экспертиз. На основе анализа статистических данных за 2019-2023 годы, судебной практики и нормативных документов выявляются актуальные проблемы и перспективы развития данного института. В работе использованы современные методы юридического исследования, включая сравнительно-правовой, формально-юридический и статистический анализ. Результаты исследования имеют значительную практическую ценность для нормотворческой деятельности таможенных органов, могут быть использованы в учебном процессе при подготовке специалистов в области таможенного дела, а также представляют интерес для участников внешнеэкономической деятельности.*

Abstract*: This article provides a comprehensive analysis of the customs examination system as a key element of customs control in the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU). The study examines the legal and regulatory framework governing expert activities in the customs sphere, details the procedural aspects of initiating and conducting expert examinations, and offers a comparative analysis with forensic expertise. Special attention is given to the practical operations of the Central Customs Forensic Directorate (CCFD) as the primary entity responsible for conducting customs examinations. Based on an analysis of statistical data from 2019–2023, judicial practice, and regulatory documents, the study identifies current challenges and future prospects for the development of this institution. The research employs contemporary legal methodologies, including comparative legal, formal legal, and statistical analysis. The findings hold significant practical value for the regulatory activities of customs authorities, can be applied in educational programs for training specialists in customs affairs, and are of interest to participants in foreign economic activity.*

Ключевые слова: *таможенная экспертиза, таможенный контроль, ЦЭКТУ, экспертные исследования, пробы товаров, заключение эксперта, Евразийский экономический союз, внешнеэкономическая деятельность, административные процедуры, экономическая безопасность, техническое регулирование.*

Keywords: *customs examination, customs control, CCFD, expert research, product samples, expert opinion, Eurasian Economic Union, foreign economic activity, administrative procedures, economic security, technical regulation.*

Для цитирования: *Морозов В.Е. Особенности назначения и проведения таможенной экспертизы в системе таможенного контроля Евразийского экономического союза: правовые и организационные аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 186-188. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_186.*

For citation*: Morozov V.E. The features of appointment and conduct of customs examination in the customs control system of the Eurasian Economic Union: legal and organizational aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 186-188. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_186.*

Статья поступила в редакцию: 14.06.2025

Современные тенденции развития международной торговли характеризуются постоянным увеличением объемов товарооборота и усложнением структуры товарных потоков. По данным Евразийской экономической комиссии, в 2023 году внешнеторговый оборот государств-членов ЕАЭС составил 923,4 млрд долларов США, что на 12,7% превышает показатели предыдущего года [1, с. 15]. В этих условиях особую значимость приобретают эффективные механизмы таможенного контроля, среди которых центральное место занимает таможенная экспертиза. Этот институт служит важным инструментом обеспечения экономической безопасности государств-членов ЕАЭС, защиты внутреннего рынка от недобросовестной конкуренции и предотвращения незаконного перемещения товаров через таможенную границу.

Правовое регулирование таможенной экспертизы в рамках ЕАЭС представляет собой многоуровневую систему, включающую как наднациональные, так и национальные нормативные акты. Основополагающим документом является Таможенный кодекс ЕАЭС (раздел 5, глава 53), который определяет общие принципы назначения и проведения таможенных экспертиз. В статье 389 ТК ЕАЭС закреплено понятие таможенной экспертизы как "исследования, проводимые таможенными экспертами (экспертами) с использованием специальных и (или) научных знаний для решения задач, возложенных на таможенные органы" [2, с. 412]. На национальном уровне в Российской Федерации правовые основы таможенной экспертизы установлены Федеральным законом от 03.08.2018 № 289-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации" (глава 58), а также многочисленными подзаконными актами ФТС России.

Сравнительный анализ законодательства государств-членов ЕАЭС показывает определенные различия в подходах к регулированию таможенной экспертизы. Если в России и Казахстане созданы специализированные экспертные подразделения в структуре таможенных органов,

то в Армении и Киргизии практикуется привлечение сторонних экспертных организаций. Эти различия обусловлены историческими традициями организации таможенного дела и имеющейся материально-технической базой. Однако общим для всех стран ЕАЭС является признание важности таможенной экспертизы как действенного инструмента таможенного контроля [3, с. 89].

Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление (ЦЭКТУ) ФТС России, созданное в соответствии с Приказом ФТС России от 19.11.2018 № 1859, представляет собой централизованную систему экспертных подразделений, осуществляющих все виды таможенных экспертиз. Организационная структура ЦЭКТУ включает головной офис в Москве и 15 региональных филиалов, оснащенных современными лабораториями. По данным годовых отчетов, численность сотрудников ЦЭКТУ составляет около 1 200 человек, из которых более 600 имеют статус аттестованных экспертов [4, с. 23]. Важно отметить, что за последние пять лет бюджетное финансирование ЦЭКТУ увеличилось на 45%, что позволило существенно модернизировать материально-техническую базу экспертных подразделений.

Статистика проводимых экспертиз демонстрирует устойчивую динамику роста. Если в 2019 году было проведено 11 850 исследований, то в 2023 году этот показатель достиг 16 240, что свидетельствует о возрастающей роли данного института в системе таможенного администрирования [5, с. 56]. Анализ структуры экспертиз по видам показывает, что наибольший удельный вес занимают товароведческие экспертизы (34% от общего количества), которые включают определение классификационного кода ТН ВЭД, страны происхождения товаров и их таможенной стоимости. Материаловедческие экспертизы составляют 28% и направлены на установление физико-химических характеристик товаров. Криминалистические экспертизы (22%) преимущественно связаны с исследованием поддельных документов и маркировок товаров. Остальные 16% приходятся на иные виды экспертиз, включая биологические, экологические и компьютерно-технические [6, с. 78].

Процедура назначения таможенной экспертизы представляет собой строго регламентированный процесс, состоящий из нескольких последовательных этапов. Первоначально должностное лицо таможенного органа при наличии достаточных оснований выносит мотивированное решение о необходимости проведения экспертизы. Согласно Приказу ФТС России от 16.01.2019 № 34, такое решение должно содержать четкую формулировку вопросов, требующих разрешения, перечень материалов, направляемых на исследование, и сведения о назначенном эксперте [7, с. 34]. В течение одного рабочего дня с момента вынесения решения декларант или иное заинтересованное лицо уведомляется о назначении экспертизы, что соответствует принципам гласности и открытости таможенного контроля, закрепленным в статье 5 ТК ЕАЭС.

Особое значение в процедуре назначения экспертизы имеет правильность отбора проб и образцов товаров. Этот процесс осуществляется в строгом соответствии с Приказом ФТС России от 07.05.2021 № 384, который устанавливает требования к количеству отбираемых проб, методам их упаковки и опечатывания [8, с. 45]. Практика показывает, что около 12% случаев отказа в проведении экспертиз связаны именно с нарушениями при отборе проб, что подчеркивает важность строгого соблюдения установленных правил [9, с. 112]. Отобранные пробы и образцы сопровождаются актом отбора, который подписывается должностным лицом таможенного органа и декларантом. В случае отказа декларанта от подписания акта делается соответствующая отметка, что не препятствует проведению экспертизы.

Сроки проведения таможенных экспертиз варьируются в зависимости от сложности исследования и вида экспертизы. Общий срок, установленный статьей 391 ТК ЕАЭС, составляет 20 рабочих дней с момента принятия материалов экспертом. Однако для сложных экспертиз, требующих применения нескольких методов исследования или изучения большого количества образцов, срок может быть продлен до четырех месяцев на основании Приказа Минфина России от 25.11.2019 № 200н [10, с. 67]. Анализ статистических данных показывает, что средний срок проведения экспертизы в 2023 году составил 23 дня, что на 15% меньше по сравнению с 2020 годом (27 дней). Это снижение обусловлено оптимизацией экспертных процедур и внедрением новых информационных технологий [11, с. 34].

Заключение таможенного эксперта, оформляемое по результатам исследования, имеет строго регламентированную форму, утвержденную Приказом ФТС России от 17.01.2019 № 46. Этот документ должен содержать подробное описание примененных методик, использованного оборудования, полученных результатов и сделанных выводов [12, с. 89]. В отличие от судебного экспертного заключения, которое имеет доказательственное значение в процессе, заключение таможенного эксперта служит основанием для принятия решений в рамках таможенного контроля. Однако статья 395 ТК ЕАЭС предусматривает возможность использования результатов таможенной экспертизы в качестве доказательств по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, что подчеркивает ее важное значение в правоприменительной практике.

Сравнительный анализ таможенной и судебной экспертиз позволяет выявить существенные различия между этими институтами. Если судебная экспертиза назначается исключительно в рамках процессуальных действий и регулируется УПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ, то таможенная экспертиза проводится в административном порядке и направлена на предупреждение нарушений таможенного законодательства. Круг объектов таможенной экспертизы ограничен товарами, транспортными средствами и таможенной документацией, тогда как судебная экспертиза может исследовать любые объекты, имеющие значение для дела. Существенно различаются и субъекты проведения экспертиз: таможенные эксперты проходят специальную аттестацию в ФТС России, а судебные эксперты - в Министерстве юстиции РФ [13, с. 145].

Актуальные проблемы развития института таможенной экспертизы требуют особого внимания со стороны законодателей и практиков. К числу наиболее значимых можно отнести:

1. Неравномерность оснащенности региональных лабораторий современным оборудованием. Если центральные лаборатории ЦЭКТУ в Москве и Санкт-Петербурге имеют оборудование последнего поколения, то некоторые региональные филиалы испытывают дефицит технических средств [14, с. 56].

2. Кадровый дефицит, особенно в части экспертов по узкоспециализированным направлениям (например, экспертиза высокотехнологичной продукции или наноматериалов). Средний возраст экспертов составляет 47 лет, что свидетельствует о необходимости притока

молодых специалистов [15, с. 78].

3. Необходимость гармонизации методик проведения экспертиз с международными стандартами, особенно в свете расширения торгово-экономических связей ЕАЭС с третьими странами.

4. Проблемы правового регулирования, связанные с отсутствием единых стандартов оформления экспертных заключений в государствах-членах ЕАЭС.

Решение этих проблем видится в следующих направлениях:

1. Увеличение бюджетного финансирования экспертных подразделений с акцентом на модернизацию региональных лабораторий. Опыт последних лет показывает, что каждый рубль, вложенный в техническое оснащение экспертных подразделений, дает 3-5 рублей дополнительных таможенных платежей за счет выявления недостоверного декларирования [16, с. 112].

2. Развитие системы профессиональной подготовки экспертов через создание специализированных учебных центров и увеличение количества образовательных программ в вузах.

3. Активное внедрение цифровых технологий в экспертный процесс, включая использование искусственного интеллекта для предварительного анализа товаров и блокчейн-технологий для фиксации результатов экспертиз.

4. Углубление международного сотрудничества в области таможенных экспертиз, особенно между государствами-членами ЕАЭС, что позволит выработать единые стандарты экспертной деятельности.

Перспективы развития таможенной экспертизы тесно связаны с процессами цифровой трансформации таможенного контроля. Пилотный проект по использованию искусственного интеллекта для предварительной классификации товаров, реализуемый ФТС России с 2022 года, уже показал свою эффективность - точность автоматической классификации достигает 87% по основным товарным группам [17, с. 45]. Создание единой базы экспертных заключений в рамках ЕАЭС позволит значительно сократить сроки проведения экспертиз за счет использования уже имеющихся результатов аналогичных исследований. Особое значение имеет развитие международного сотрудничества в области таможенных экспертиз, что особенно актуально в условиях функционирования ЕАЭС и расширения торговых связей со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Список литературы:

1. Доклад о состоянии взаимной торговли государств-членов ЕАЭС в 2023 году. - М.: Евразийская экономическая комиссия, 2024. - 234 с.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). - М.: Инфра-М, 2018. - 512 с.
3. Сравнительно-правовой анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в области таможенного контроля / Под ред. А.В. Костина. - М.: Проспект, 2023. - 312 с.
4. Годовой отчет ЦЭКТУ ФТС России за 2023 год. - М.: ЦЭКТУ, 2024. - 187 с.
5. Статистический сборник ФТС России "Таможенная служба Российской Федерации в 2019-2023 гг." - М.: ФТС России, 2024. - 345 с.
6. Аналитическая записка о структуре таможенных экспертиз в 2023 году. - М.: ЦЭКТУ, 2024. - 56 с.
7. Приказ ФТС России от 16.01.2019 № 34 "Об утверждении Порядка проведения таможенной экспертизы, формы решения таможенного органа о назначении таможенной экспертизы" // Таможенные ведомости. - 2019. - № 2. - С. 34-38.
8. Приказ ФТС России от 07.05.2021 № 384 "Об утверждении Порядка отбора проб и (или) образцов товаров для проведения таможенной экспертизы" // Бюллетень нормативных актов. - 2021. - № 12. - С. 45-49.
9. Петров С.И. Проблемы назначения и проведения таможенных экспертиз // Таможенное дело. - 2023. - № 3. - С. 112-118.
10. Приказ Минфина России от 25.11.2019 № 200н "Об установлении случая продления срока проведения таможенной экспертизы" // Финансовая газета. - 2019. - № 48. - С. 67-68.
11. Анализ сроков проведения таможенных экспертиз в 2020-2023 гг. / Сост. К.Л. Семенова. - М.: ЦЭКТУ, 2024. - 78 с.
12. Приказ ФТС России от 17.01.2019 № 46 "Об утверждении формы заключения таможенного эксперта (эксперта) и Порядка заполнения заключения таможенного эксперта (эксперта)" // Таможня. - 2019. - № 3. - С. 89-93.
13. Карагодин В.Н. Судебная и таможенная экспертиза: сравнительно-правовой анализ. - М.: Юстицинформ, 2023. - 256 с.
14. О состоянии материально-технической базы региональных экспертных подразделений ЦЭКТУ в 2023 году. - М.: ФТС России, 2024. - 67 с.
15. Кадровый состав ЦЭКТУ: проблемы и перспективы / Под ред. Л.П. Федоровой. - М.: Таможенная академия, 2023. - 145 с.
16. Экономическая эффективность таможенных экспертиз: расчеты и анализ. - М.: НИИ таможенного дела, 2023. - 89 с.
17. Цифровизация таможенных экспертиз: первые результаты пилотного проекта // Таможенные технологии. - 2023. - № 5. - С. 45-51.

References:

1. Report on the State of Mutual Trade Among EAEU Member States in 2023. - Moscow: Eurasian Economic Commission, 2024. - 234 p. (In Russian)
2. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Annex No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union). - Moscow: Infra-M, 2018. - 512 p. (In Russian)
3. Comparative Legal Analysis of the Legislation of EAEU Member States in the Field of Customs Control / Ed. by A.V. Kostin. - Moscow: Prospect, 2023. - 312 p. (In Russian)
4. Annual Report of the Central Customs Forensic Directorate of the Federal Customs Service of Russia for 2023. - Moscow: CCFD, 2024. - 187 p. (In Russian)
5. Statistical Compendium of the Federal Customs Service of Russia "Customs Service of the Russian Federation in 2019-2023". - Moscow: FCS of Russia, 2024. - 345 p. (In Russian)
6. Analytical Note on the Structure of Customs Examinations in 2023. - Moscow: CCFD, 2024. - 56 p. (In Russian)
7. Order of the Federal Customs Service of Russia No. 34 dated 16.01.2019 "On Approval of the Procedure for Conducting Customs Examination, Form of the Customs Authority's Decision on Appointment of Customs Examination" // Customs Bulletin. - 2019. - No. 2. - Pp. 34-38. (In Russian)
8. Order of the Federal Customs Service of Russia No. 384 dated 07.05.2021 "On Approval of the Procedure for Sampling Goods for Customs Examination" // Bulletin of Regulatory Acts. - 2021. - No. 12. - Pp. 45-49. (In Russian)
9. Petrov S.I. Problems of Appointment and Conduct of Customs Examinations // Customs Affairs. - 2023. - No. 3. - Pp. 112-118. (In Russian)
10. Order of the Ministry of Finance of Russia No. 200n dated 25.11.2019 "On Establishing Cases of Extension of the Customs Examination Period" // Financial Newspaper. - 2019. - No. 48. - Pp. 67-68. (In Russian)
11. Analysis of Terms for Conducting Customs Examinations in 2020-2023 / Comp. by K.L. Semenova. - Moscow: CCFD, 2024. - 78 p. (In Russian)
12. Order of the Federal Customs Service of Russia No. 46 dated 17.01.2019 "On Approval of the Form of Customs Expert's Conclusion and Procedure for Filling Out Customs Expert's Conclusion" // Customs. - 2019. - No. 3. - Pp. 89-93. (In Russian)
13. Karagodin V.N. Forensic and Customs Examination: Comparative Legal Analysis. - Moscow: Justitsinform, 2023. - 256 p. (In Russian)
14. On the State of Material and Technical Base of Regional Expert Divisions of CCFD in 2023. - Moscow: FCS of Russia, 2024. - 67 p. (In Russian)
15. Personnel Composition of CCFD: Problems and Prospects / Ed. by L.P. Fedorova. - Moscow: Customs Academy, 2023. - 145 p. (In Russian)
16. Economic Efficiency of Customs Examinations: Calculations and Analysis. - Moscow: Customs Research Institute, 2023. - 89 p. (In Russian)
17. Digitalization of Customs Examinations: First Results of the Pilot Project // Customs Technologies. - 2023. - No. 5. - Pp. 45-51. (In Russian)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_189

АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ: РОССИЯ – КНР – США
THE ARCTIC REGION IN THE POLITICAL TRIANGLE: RUSSIA- CHINA – USA

СИДОРОВ Сергей Александрович,
доктор политических наук, доцент кафедры
Всероссийского государственного университета юстиции (Дальневосточный филиал).
680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;
ЮХИМ Михаил Иванович,
преподаватель кафедры Всероссийского государственного университета юстиции.
680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;
САХНО Василий Павлович,
преподаватель Всероссийского государственного университета юстиции.
680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;
SIDOROV Sergey Alexandrovich,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department
All-Russian State University of Justice (Far Eastern Branch).
31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;
YUHIM Mikhail Ivanovich,
lecturer at the Department of the All-Russian State University of Justice.
31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru ;
SAKHNO Vasily Pavlovich,
lecturer at the All-Russian State University of Justice.
31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье авторы рассматривают основные направления сотрудничества России, КНР и США в Арктике в условиях трансформации общественно-политической обстановки в мире. Авторы полагают, что в ближайшее десятилетие арктический регион ждут быстрые стратегические изменения, обусловленные активностью России, КНР и США. Вероятнее всего США и КНР будут выступать за свободу навигации в арктическом регионе.*

Abstract: *In the article, the authors consider the main areas of cooperation between Russia, China and the United States in the Arctic in the context of the transformation of the socio-political situation in the world. The authors believe that in the next decade, the Arctic region will face rapid strategic changes due to the activity of Russia, China and the United States. Most likely, the United States and China will advocate for freedom of navigation in the Arctic region.*

Ключевые слова: *Арктический регион, арктическая стратегия, ресурсные корпорации, арктическая политика США, стратегическое партнерство, проекты, сырье, инвестиции, многовекторность, инфраструктура.*

Keywords: *Arctic region, Arctic strategy, resource corporations, US Arctic policy, strategic partnership, projects, raw materials, investments, multi-vector, infrastructure.*

Для цитирования: *Сидоров С.А., Юхим М.И., Сахно В.П. Арктический регион в политическом треугольнике: Россия – КНР – США // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 189-193. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_189.*

For citation*: Sidorov S.A., Yuhim M.I., Sakhno V.P. The Arctic region in the political triangle: Russia- China – USA // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 189-193. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_189.*

Статья поступила в редакцию: 14.07.2025

История развития отношений России и КНР в Арктике развивалась сложно и противоречиво, несмотря на добрососедские, взаимовыгодные отношения, основанные на стратегическом партнерстве. Партнерство предусматривает развитие сотрудничества в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной и других областях, на основе «Китайско-российского договора о добрососедстве и дружбе и сотрудничестве», подписанного 16 июля 2001 года председателем КНР Цзян Цзэминем и Президентом РФ В. В. Путиным в Москве[1].

Важно подчеркнуть, что в 2014-2021 годах происходит активизация контактов РФ и КНР в Арктике, но в тоже время эти отношения становятся неравновесными. С российской стороны сотрудничество с КНР приобретает вынужденно безальтернативный характер, связанный с ухудшением отношений с Западом и введением экономических санкций. Позиции КНР усиливаются благодаря росту его экономической и технологической мощи и выходу на глобальный уровень. В 2014 году «Роснефть» и китайская нефтегазовая корпорация (CNPC) договорились о совместном изучении Западно-Приновоземельского участка в Баренцевом море, а также Южно-Русского и Медынско-Варандейского участков в Печорском море, начав сотрудничество РФ и КНР на строительстве «Ямал-СПГ»[2].

В Совместном заявлении Российской Федерации и КНР от 8 июня 2018 года впервые было подчеркнуты значение «укрепления рос-

[1] Московское совместное заявление глав государств Китая и России. Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3417 (дата обращения: 20.06.2025)
[2] Журавель В. П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность. С. 120.

сийско-китайского сотрудничества в Арктике в интересах ее устойчивого развития», а также роль поддержки развития взаимодействия между заинтересованными ведомствами, органами и предприятиями двух стран, в том числе в области научных исследований, реализации совместных инфраструктурных транспортных и энергетических проектов, а также освоения и использования потенциала СМП, туризме и экологической сфере.[1]

Китай участвует в теоретическом и социально-политическом состязании в Арктике, направленном на трансформацию прежних легитимаций (арктическая страна, суверенные права арктических стран, «исконные» исторические права России и Канады), и поиском признания и легитимности новых «заинтересованных сторон в Арктике». В частности, он использует популярный дискурс «травмы», чтобы обратить свою слабую позицию − «дискриминируемой стороны в Арктике» − в сильную с помощью принципа «позитивной дискриминации». «По мере того, как Китай проводит все большую и большую деятельность в арктическом регионе, «теория арктических угроз Китая» и другие стигматизирующие речи и действия в адрес Китая будут продолжаться в течение долгого времени. Для этого Китай должен и дальше совершенствовать методы внешней пропаганды, укреплять народную дипломатию и формировать имидж Китая как ответственной великой страны»[1]. «Политика идентичности» является политикой потому, что она связана с борьбой за статус, власть и ресурсы[2].

Основными факторами, способствующими формированию и развитию совместных интересов Китая и России в вопросах развития Арктического региона, по мнению китайского исследователя Гао Тяньмин, являются: (1) геополитические факторы; (2) транспортные факторы; (3) экономические факторы; (4) инвестиционные факторы и (5) технологические факторы[3]. Полученный Китаем в 2013 году статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете позволил снять ряд препятствий на пути развития российско-китайского двустороннего сотрудничества в Арктике. Несмотря на сохраняющееся значение геополитического контекста, на первый план вышли перспективы экономического и инвестиционного сотрудничества двух стран[4].

Важно понимать, что объективное противоречие интересов России и Китая в Арктике связано с заинтересованностью России в расширении континентального шельфа на 1,2 млн кв. км за счет подводных хребтов Менделеева и Ломоносова (согласно заявке 2015 года), что представляется невыгодным для Китая. Кроме того, многие западные эксперты, опасаясь союза России и Китая, пытаются этому помешать, всячески внушая российскому правительству, что Китай может создать «региональную угрозу» в Арктике.

Таким образом, отчасти благодаря помощи КНР, РФ смогла выдержать санкционное давление США и ЕС[5]. В российском официальном арктическом дискурсе выражено представление об иерархии стран, обладающих разным статусом и объемом прав в Арктике. С точки зрения Москвы, наибольшим объемом прав в Арктике обладают Россия, Дания, Канада, Норвегия и США или арктические страны (А-5). Каждая из них обладает выходом в Северный Ледовитый океан и исключительными экономическими зонами в нем, обеспечивает там военно-стратегическую безопасность, имеет доступ и возможности разработки в регионе природных ресурсов и должна заботиться о коренном населении Севера.

Российские эксперты считают, что под лозунгом Арктики как «общего наследия всего человечества» Пекин пытается реформировать устоявшийся статус-кво и занять более высокий статус в арктической зоне в ущерб «традиционным» лидерам региона[1]. Эти общие стратегические соображения не мешают двум странам сотрудничать в различных сферах на основе совпадения прагматических интересов. За последние годы уже 15 судов китайской компании COSCO совершили больше 20 рейсов по Северному морскому пути. Совместным решением ПАО «Новатэк», «Совкомфлот», «CoscoShipping» и Фонда Шелкового Пути 7 июня 2019 года было учреждено ООО «Морской арктический транспорт» в Санкт-Петербурге[6].

По итогам Петербургского экономического форума 2019 года было анонсировано строительство на верфи «Звезда» флота ледовых газовозов в составе 15-17 специализированных судов для «Арктик СПГ-2». В строительстве самой верфи принимает участие целый ряд китайских компаний, включая «China Ship building & Offshore International», «Qingdao Beihai Shipbuilding Heavy Industry», «China Communication Construction Company»и«China State Construction Engineering Corporation»[1].

Важнейшим моментом на раннем этапе освоения Арктического региона является строительство инфраструктуры. Порты на Северном морском пути России в основном были построены в советское время, их оборудование устарело. Как уже упоминалось выше, Россией разработан целый ряд масштабных инфраструктурных проектов в арктическом регионе, включающий строительство железнодорожной магистрали Белкомур (Белое море − Коми − Урал), реализацию Северного широтного хода в ЯНАО, Мурманского транспортного узла (МТУ), глубоководного района морского порта «Архангельск», модернизацию других портов на арктических маршрутах, строительство судостроительного и судоремонтного заводов. Россия сталкивается с проблемами в области финансирования и новых технологий, что также дает возможность китайским компаниям участвовать в сотрудничестве.

Китайские предприниматели принимают активное участие в строительстве инфраструктуры проекта «Ямал-СПГ», включающей морские порты, базы, автомобильные и железные дороги, аэропорты.

Следует отметить, что инвестиционный вклад китайской стороны в «Ямал-СПГ» – 12 млрд долл., в то время как общий объем инве-

[1] Печерица В. Ф. Основные направления китайской политики в Арктике / В. Ф. Печерица, Лэй Шуан // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3, № 4. – С. 7-16.
[2] Миненков Г. Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука. – 2005. № 3. С. 24.
[3] Гао Т. Сотрудничество России и Китая в Арктике в формате опорных зон // Вестник университета / Государственный университет управления. – 2018. – № 4. С. 44.
[4] Миненков Г. Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 26-28.
[5] Габуев А. Остановить нельзя терпеть: Европа и российско-китайское сближение // Московский центр Карнеги. Режим доступа: https://carnegie.ru/2021/03/19/ru-pub-84128 (дата обращения: 20.05.2025).
[6] «Новатэк», «CoscoShipping», «Совкомфлот» и Фонд Шелкового Пути подписали соглашение в отношении ООО «Морской арктический транспорт» // НОВАТЭК 2019. 7 июня. Режим доступа: URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=3243 (дата обращения: 28.05.2025).

стиций в проект составил около 30 млрд долл[1]. Кроме того, 85% строительства проекта выполнено китайскими предприятиями. Для строительства завода «Ямал-СПГ» потребовались 142 модульные конструкции, подряд на строительство 120 из которых получили семь китайских предприятий. Для транспортировки строительных материалов использовались 30 судов, 7 из которых построены в Китае, а 14 из 15 газовозов эксплуатируются китайскими компаниями.

Согласно долгосрочному договору, подписанному Китаем и Россией, после ввода в эксплуатацию всех трех производственных линий в Китай по Северному морскому пути будут поставляться 4 млн тонн СПГ ежегодно. Одна из четырех полярных криогенных буровых установок на Южно-Тамбейском газоконденсатном месторождении также произведена в Китае[2].

Основными партнерами Китая в Арктике являются крупные ресурсные корпорации (Роснефть, Газпром, Новатэк, Норникель и др.), которые задают территориальную и социальную структуру процесса нового освоения, а продукцию реализуют на глобальных рынках. Эти корпорации имеют характер «суперорганизаций»[1] − олигархических иерархических структур, имеющих не только экономическую, но и социально-политическую монополию на территории своей деятельности[3]. Необходимо отметить, что 7 июня 2019 года компания ПАО «Новатэк» подписала договоры купли-продажи в отношении 20% доли участия в проекте «Арктик СПГ-2» с китайскими компаниями CNPC и CNOOC[2]. Согласно соглашению, CNPC и CNOOC приобретают по 10% долю в проекте «Арктик СПГ-2»[3]. Подписание данного соглашения является продолжением сотрудничества между CNPC и «Новатэком» после успешной реализации проекта «Ямал СПГ»[4].

Постоянные члены Арктического совета рассматривают участие Китая в развитии арктического маршрута и китайско-российское сотрудничество в Арктике как угрозу их праву управления полярными маршрутами. Такие приарктические страны, которые конкурируют с КНР в Арктике, как Япония и Южная Корея, заявляют, что Китай нарушает арктические стандарты с точки зрения защиты окружающей среды, технологий и гуманитарной силы. Япония и Южная Корея утверждают, что все их суда, проходящие через Арктику, соответствуют требованиям стандартов защиты окружающей среды Арктического совета – экологически чистые, с нулевыми выбросами, в то время как Китай не может проектировать экологически чистые суда. Япония и Южная Корея также заявляют о своих преимуществах перед Китаем: они могут предоставить высококачественные полярные научно-исследовательские приборы и оборудование для России и Норвегии, такие как ледоколы, круизные лайнеры противообледенительного типа и поисково-спасательное оборудование[5].

Для всеобъемлющего участия в арктических делах Китай должен развивать отношения с арктическими странами и участвовать в сотрудничестве с соответствующими международными организациями в соответствии с нормами «Конвенция ООН по морскому праву». Стратегические соображения и ожидания России в отношении сотрудничества определяют широту и глубину китайско-российского сотрудничества в Арктике[6].

Суровые природные условия и слабая инфраструктура в Арктике требуют высоких затрат на разработку и сильной технической поддержки. С точки зрения технологий и безопасности Правила, сформулированные Международной морской организацией (ИМО), содержат высокие требования и ограничения в отношении технических гарантий и стандартов защиты окружающей среды для судов, пересекающих полярные воды. В настоящее время у Китая пока недостаточно опыта и технологий в строительстве ледоколов и навигации. Некоторые эксперты выражают разочарование тем фактом, что, несмотря на официальные декларации первых лиц КНР и РФ, ожидаемого роста китайских инвестиций в российские экономические проекты не произошло. Они объясняют это прагматизмом китайского бизнеса, готового инвестировать только в сверхприбыльные проекты, обеспеченные к тому же государственными гарантиями. Так, не были реализованы планы по строительству «Белкомура» с китайским участием и др[7].

В качестве официального понятия, характеризующего современные отношения между двумя странами, чаще всего используется термин «стратегическое партнерство». Он, как это часто подчеркивается в российских СМИ, указывает на уникальность и особое качество этих отношений. Однако, как указывает С. К. Песцов[8], в китайской трактовке стратегическое партнерство представляет собой стандартный инструмент в его практике «многовекторной дипломатии», которой он следует с начала 1990-х годов.

Взаимодействие России и КНР по вопросам развития Арктического региона представляет собой одно из важных направлений российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

Очевидно, что отдельные положения китайской и российской стратегий в Арктике прямо противоречат друг другу. Тем не менее, на практике Москва и Пекин находят общие интересы и взаимодействуют во взаимовыгодных совместных проектах. Характер этого взаимодействия определяется российскими политико-экономическими структурами освоения арктического региона, такими как «суперорганизации» и «карманы эффективности», к которым китайские корпорации успешно адаптируются.

---

[1] Пока китайской экономике нужна наша нефть, у России есть надежда. Режим доступа: https://finance.rambler.ru/business/47344314/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink https://finance.rambler.ru/business/47344314-poka-kitayskoy-ekonomike-nuzhna-nasha-neft-u-rossii-est-nadezhda/

[2] Пэн Яо. Крупный проект китайско-российского сотрудничества в области энергетики – проект «Ямал-СПГ» официально запущен в производство в России. Режим доступа: URL: https://www.china.com.cn/news/2017-12/10/content_41978506.html. (дата обращения:19.05.2025).

[3] Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России: ретроспектива и прогноз. Магадан, 1996. 145 с.

[4] «Новатэк» продает 20% в «Арктик СПГ-2» китайским CNPC и CNOOC // EADaily. Новости России. 2019. 07 июля. Режим доступа: URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/06/07/novatek-prodaet-20-v-arktik-spg-2-kitayskim-cnpc-i-cnooc (дата обращения: 12.05.2025)

[5] Го Жуй, Сунь Тяньюй. Арктическая стратегия в рамках «Новой северной политики» Корейской Республики: процесс и пределы // Исследование международных отношений. 2020. № 03. С. 136-153, 159.

[6] См.: Ян Лэй, Цзя Чжэнъюй. Китайско-российское арктическое сотрудничество: вопросы и направления // Знание и действие. 2019. № 6. С. 119-123.

[7] См., например: Морозов Ю. В., Клименко А. Ф. Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «Арктической гонке» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. № 20. С. 173-191.

[8] Песцов С. К. Российско-китайские отношения: внешние интерпретации и оценки / С. К. Песцов // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. № 5-2. – С. 6–13.

Отношения Китая с Соединенными Штатами Америки в арктических делах до недавнего времени не были активными. Поскольку США – лидер современного западного мира, как в политическом, так и в экономическом отношении. Однако активность США в Арктике невелика: имеется всего 2 ледокола (один построен еще в 1975, другой – в 1999 году). Вместе с тем, в июне 2020 года администрация США выпустила «меморандум, которым поручил своим ведомствам подготовить программу формирования к 2029 году собственного ледокольного флота». ИнициативаТрампа предполагает строительство к 2029 году трех тяжелых ледоколов, возможно, атомных, оснащенных, в том числе, «оборонительным вооружением».[1]

Арктическая политика США излагается в целом ряде документов, таких как: Директива по арктической политике 2009 года (NSPD 66/HSPD 25), Стратегия национальной безопасности 2010 года, Национальная стратегия для Арктического региона 2013 года, План реализации национальной стратегии для арктического региона 2014 года, распоряжение президента США о совершенствовании и координации национальных усилий в Арктике[2], а также Стратегия национальной безопасности 2015 года[3] и Стратегия национальной безопасности 2017 года, подписанная Д. Трампом[4]. Отношения двух стран в Арктике до пандемии носили умеренно дружественный характер. В 2013 году США поддержал включение Китая в состав постоянных наблюдателей Арктического совета. «Национальная стратегия США в арктическом регионе» признавала важную роль неарктических участников (в том числе Китая) для развития международного сотрудничества в Заполярье[5].

Следует отметить, что местом встречи и дискуссий американцев и китайцев по арктическим проблемам в 2015-2017 годах выступали ежегодная бизнес-конференция «Аляска – Китай» (Анкоридж) и китайско-американский семинар по Арктике (Вашингтон). С китайской стороны спонсором мероприятий выступало Государственное управление океанологии. Организаторами семинара в 2016 году были университет Тунцзи (Шанхай) и Центр стратегических и международных исследований (The Center for Strategic and International Studies, CSIS). Следует заметить, что в 2017 году при администрации Б. Обамы был подписан договор о рыбной ловле в центральной части Северного Ледовитого океана. В этом же году у двух стран возник общий проект в Арктике – проект «АляскаСПГ» (Alaska LNG). 9 ноября 2017 года властями Аляски, компанией Alasca Gasline Development Corporation (AGDC) и тремя госкорпорациями Китая – China Petrochemical Corp. (Sinopec), госфондом China Investment Corp. (CIC) и Bank of China было подписано соглашение о реализации на территории американского штата проектов по сжижению природного газа на 43 млрд долл. Его подписание состоялось в ходе официального визита президента США Д. Трампа в Китай[6]. Важно понимать, что экономические связи Аляски и КНР достаточно прочны: китайский импорт составляет 27% всей ввозимой продукции. За последние десятилетия китайские инвестиции выросли в 140 раз. Торговля рыбой с КНР приносит Аляске доход почти в 1 млрд долл[7]. Аляска для Китая является важным поставщиком других видов сырья: морепродуктов, минеральных ресурсов и леса-кругляка. Важной сферой сотрудничества до пандемии Ковид-19 являлись авиаперевозки[8].

Однако со временем отношения США и КНР резко ухудшились из-за так называемой «торговой войны», инициированной Д. Трампом, и усиленной эпидемией Ковид-19. Согласно принятой в 2018 году Национальной стратегии по обороне, Китайская Народная Республика была названа «одной из современных угроз безопасности США», прежде всего как государство, уровень экономического развития которого динамичен, и которое проводит полномасштабную модернизацию вооруженных сил, что «глубоко противоречит интересам» США[9]. Особое беспокойство США, одного из пяти арктических государств, имеющих в Северном Ледовитом океане свои территориальное море, 200-мильную ИЭЗ и континентальный шельф, вызывает «чрезмерная» активность Китая на арктическом направлении. Международно-правовая позиция США в отношении политики Китая в Арктике отражена в ряде официальных документов Министерства обороны и Береговой охраны, Китай определен одной из главных угроз национальным интересам США в Арктике. Однако китайские руководители и большинство китайских ученых, комментируя вышеуказанные американские заявления, неоднократно подтверждали мирный характер политики страны. Они также отмечают, что именно арктические страны, НАТО и США в последнее время усиливают милитаризацию арктического региона[10].

Необходимо почеркнуть, что китайский бизнес в США может опираться на посреднические услуги и лоббистский потенциал такого института, как китайская диаспора. Китайская диаспора в США является сплоченной и успешной национальной общиной, успешно интегрированной в экономику страны и заинтересованной в партнерстве с компаниями из КНР. Власти относятся к выходцам из КНР позитивно, так как они законопослушны и исправно платят налоги.

Таким образом, сотрудничество КНР и США приносит взаимные экономические выгоды, а также усиливает переговорные позиции КНР с другими арктическими партнерами, которые конкурируют между собой на рынке природных ресурсов и за доступ к китайским инвестициям.

В целом, анализ взаимоотношений КНР с такими крупными федерациями в Арктике, как США и Канада, показывает, что эти страны

[1] Кадомцев А. Россия, США и КНР усиливают позиции в Арктике // Международная жизнь. 2021. Режим доступа: URL: https://interaffairs.ru/news/show/29418 (дата обращения: 10.06.2025).
[2] Кобзева М. А. Китай как возможный партнер США в Арктике: настоящее и будущее // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 9 (366). С. 1769.
[3] National Securit Strategy. US. February 2015. 29 p. Режим доступа: URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 19.06.2025).
[4] National Security Strategy. US. December 2017. 56 p. Режим доступа: URL: https://ge.usembassy.gov/2017-national-security-strategy-united-states-america-president/ (дата обращения: 19.06.2025).
[5] Кобзева М. А. Китай как возможный партнер США в Арктике: настоящее и будущее. С. 1765.
[6] Китай и Аляска подписали соглашение об СПГ-проектах на $43 млрд // Интерфакс. 2017. 9 ноября. Режим доступа: URL: https://www.interfax. ru/business/586709 (дата обращения: 12.05.2025).
[7] Office of the Secretary of Defense. Annual Report to Congress: Military and security developments involving the People's Republic of China. 2019. 2 May. Режим доступа: URL: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2025_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (дата обращения: 07.04.2025).
[8] Governor walker recognizes four companies with awards for international excellence. 2015. December. Режим доступа: URL: https://gov.alaska.gov/newsroom/2015/12/governor-walker-recognizes-four-companies-with-awards-for-international-excellence (дата обращения: 16.05.2025).
[9] Summary of the 2018 National Defense Strategy. 2018. Режим доступа: URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf (дата обращения:16.06.2025).
[10] Ли Цзинъюй, ЧжаньЛунлун, МаПин. Стратегическое видение развития Китаем Северо-Восточного прохода // Журнал Дунбэйского университета финансов и экономики. 2014. № 2. С. 50.

(особенно США) обеспокоены проблемами безопасности, сохранением суверенитета и реагируют на продвижение Китая в Арктику как на экономическую и геополитическую угрозу, причем эта тенденция усиливается особенно в связи с «торговыми войнами».

Важно заметить, что вне зависимости от ратификации Конвенции ООН, США будут выступать за свободу навигации в подобных районах, однако больше преимуществ для сотрудничества с Китаем может дать Вашингтону ратификация документа. С учетом близости идейных посылов обеих стран относительно освоения «общего достояния человечества» и заинтересованности в свободном проходе по северным морским маршрутам, есть вероятность того, что китайская и американская трактовки Конвенции ООН применительно к арктическому региону будут совпадать. В таком случае в Арктике может образоваться тандем двух крупнейших акторов, стремящихся продвигать идею «общего достояния» с опорой на ключевой международный документ.

Список литературы:

1. «Новатэк», «CoscoShipping», «Совкомфлот» и Фонд Шелкового Пути подписали соглашение в отношении ООО «Морской арктический транспорт» // НОВАТЭК 2019. 7 июня. Режим доступа: URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=3243 (дата обращения: 28.05.2025).
2. Габуев, А. Остановить нельзя терпеть: Европа и российско-китайское сближение// Московский центр Карнеги. Режим доступа: URL: https://carnegie.ru/2021/03/19/ru-pub-84128 (дата обращения: 20.05.2025).
3. Гао Т. Сотрудничество России и Китая в Арктике в формате опорных зон // Вестник университета / Государственный университет управления. 2018, № 4. С. 40-44.
4. Го Жуй, Сунь Тяньюй. Арктическая стратегия в рамках «Новой северной политики» Корейской Республики: процесс и пределы // Исследование международных отношений. 2020. № 03. С.136-153, 159.
5. Журавель, В. П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность. С. 120.
6. Кадомцев А. Россия, США и КНР усиливают позиции в Арктике // Международная жизнь. 2021. Режим доступа: URL: https://interaffairs.ru/news/show/29418 (дата обращения: 10.06.2025).
7. Китай и Аляска подписали соглашение об СПГ-проектах на $43 млрд // Интерфакс. 2017. 9 ноября. Режим доступа: URL: https://www.interfax. ru/business/586709 (дата обращения: 12.05.2025).
8. Кобзева, М. А. Китай как возможный партнер США в Арктике: настоящее и будущее // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 9 (366). С. 1765-1769.
9. Ли Цзинъюй, Чжань Лунлун, Ма Пин. Стратегическое видение развития Китаем Северо-Восточного прохода // Журнал Дунбэйского университета финансов и экономики. 2014. № 2. С. 50.
10. Миненков Г. Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 26-28.
11. Морозов Ю. В., Клименко А. Ф. Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «Арктической гонке» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. № 20. С.173-191.
12. Московское совместное заявление глав государств Китая и России Режим доступа: http://www.kremlin.ru/supplement/3417 (дата обращения: 20.06.2025)
13. Новости России. 2019. 07 июля. «Новатэк» продает 20% в «Арктик СПГ-2» китайским CNPC и CNOOC // EADaily. Режим доступа: URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/06/07/novatek-prodaet-20-v-arktik-spg-2-kitayskim-cnpc-i-cnooc (дата обращения: 12.05.2025)
14. Песцов, С. К. Российско-китайские отношения: внешние интерпретации и оценки / С. К. Песцов // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 5-2. – С. 6-13.
15. Печерица, В. Ф. Лэй Шуан Основные направления китайской политики в Арктике // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3, № 4. – С. 7–16.
16. Пилясов, А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России: ретроспектива и прогноз. Магадан, 1996. 145 с.
17. Пэн Яо. Крупный проект китайско-российского сотрудничества в области энергетики – проект «Ямал-СПГ» официально запущен в производство в России. Режим доступа: URL: http://www.china.com.cn/news/2017-12/10/content_41978506.html. (дата обращения:19.05.2025).
18. Ян Лэй, Цзя Чжэнъюй. Китайско-российское арктическое сотрудничество: вопросы и направления // Знание и действие. 2019. № 6. С. 119-123.
19. National Securit Strategy. US. February 2015. 29 p. Режим доступа: URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 19.06.2025).
20. National Security Strategy.US. December 2017. 56 p. Режим доступа: URL: https://ge.usembassy.gov/2017-national-security-strategy-united-states-america-president/ (дата обращения: 19.06.2025).
21. Office of the Secretary of Defense. Annual Report to Congress: Military and security developments involving thePeople's Republic of China. 2019. 2 May. Режим доступа: URL: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2025_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (дата обращения: 07.04.2025).
22. Governor walker recognizes four companies with awards for international excellence. 2015. December. Режим доступа: URL: https://gov.alaska.gov/newsroom/2015/12/governor-walker-recognizes-four-companies-with-awards-for-international-excellence (дата обращения: 16.05.2025).
23. Summary of the 2018 National Defense Strategy. 2018. Режим доступа: URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf (дата обращения: 16.06.2025).

References:

1. Novatek, CoscoShipping, Sovcomflot and the Silk Road Foundation signed an agreement regarding Marine Arctic Transport LLC // NOVATEK 2019. June 7. Access mode: URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=3243 (date of reference: 05/28/2025).
2. Gabuev, A. It cannot be tolerated to stop: Europe and the Russian-Chinese rapprochement// The Carnegie Moscow Center. Access mode: URL: https://carnegie.ru/2021/03/19/ru-pub-84128 (date of request: 05/20/2025).
3. Gao T. Cooperation between Russia and China in the Arctic in the format of reference zones // Bulletin of the University / State University of Management. - 2018., No. 4. pp. 40-44.
4. Guo Rui, Sun Tianyu. Arctic strategy in the framework of the "New Northern Policy" of the Korean Republic: process and limits // International Relations Research. 2020. No. 03. pp.136-153, 159.
5. Zhuravel, V. P. China, the Republic of Korea, Japan in the Arctic: politics, economics, security. p. 120.
6. Kadomtsev A. Russia, the USA and China are strengthening their positions in the Arctic // International life. 2021. Access mode: URL: https://interaffairs.ru/news/show/29418 (accessed: 06/10/2025).
7. China and Alaska signed an agreement on LNG projects worth $43 billion // Interfax. 2017. November 9. Access mode: URL: https://www.interfax ru/business/586709 (accessed: 05/12/2025).
8. Kobzeva, M. A. China as a possible partner of the United States in the Arctic: present and future // National interests: Priorities and security. 2018. Vol. 14, No. 9 (366). pp. 1765-1769.
9. Li Jingyu, Zhang Longlong, Ma Ping. Strategic Vision of China's development of the Northeast Passage // Journal of the Dongbei University of Finance and Economics. 2014. No. 2. p. 50.
10. Minenkov G. Ya. The politics of identity from the point of view of modern social theory // Political Science. 2005. No. 3. pp. 26-28.
11. Morozov Yu. V., Klimenko A. F. China and other states of Northeast Asia in the "Arctic Race" // China in world and regional politics. History and modernity. 2015. No. 20. pp.173-191.
12. Moscow Joint Statement by the Heads of State of China and Russia Available at: http://www.kremlin.ru/supplement/3417 (date of request: 06/20/2025)
13. Russian News. 2019. July 07. Novatek sells 20% of Arctic LNG-2 to Chinese CNPC and CNOOC // EADaily. Access mode: URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/06/07/novatek-prodaet-20-v-arktik-spg-2-kitayskim-cnpc-i-cnooc (accessed: 05/12/2025)
14. Pestsov, S. K. Russian-Chinese relations: external interpretations and assessments / S. K. Pestsov // Problems of the Far East. – 2019. – No. 5-2. – pp. 6-13.
15. Pecheritsa, V. F. Lei Shuang The main directions of Chinese policy in the Arctic // Russian-Chinese studies. 2019. Vol. 3, No. 4. pp. 7-16.
16. Pilyasov, A. N. Patterns and features of the development of the North-East of Russia: a retrospective and forecast. Magadan, 1996. 145 p.
17. Peng Yao. The Yamal-LNG project, a major project of Sino–Russian cooperation in the field of energy, has officially been put into production in Russia. Access mode: URL: http://www.china.com.cn/news/2017-12/10/content_41978506.html . (date of request:19.05.2025).
18. Yang Lei, Jia Zhengyu. Sino-Russian Arctic cooperation: issues and directions // Knowledge and Action. 2019. No. 6. pp. 119-123.
19. National Securit Strategy. US. February 2015. 29 p. Access mode: URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (date of access: 06/19/2025).
20. National Security Strategy.US . December 2017. 56 p. Access mode: URL: https://ge.usembassy.gov/2017-national-security-strategy-united-states-america-president / (date of access: 06/19/2025).
21. Office of the Secretary of Defense. Annual Report to Congress: Military and security developments involving thePeople's Republic of China. 2019. 2 May. Access mode: URL: https://media.defense .gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/ 2025_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (accessed: 04/07/2025).
22. Governor walker recognizes four companies with awards for international excellence. 2015. December. Access mode: URL: https://gov.alaska.gov/newsroom/2015/12/governor-walker-recognizes-four-companies-with-awards-for-international-excellence (date of request: 05/16/2025).
23. Summary of the 2018 National Defense Strategy. 2018. Access mode: URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf (date of request: 06/16/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_194

КРИТЕРИИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОГО ДЕЯНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
CRITERIA FOR A MINOR ACT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

КУСАИНОВА Джамиля Канибековна,
старший прокурор отдела по надзору за исполнением законов на транспорте Московской межрегиональной транспортной прокуратуры,
аспирант ГКОУ ВО «Российская таможенная академия».
140015, Россия, Московская область, г. Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4.
E-mail: dzhamilya713@yandex.ru;

KUSAINOVA Jamilya Kanibekovna,
Senior Prosecutor of the Department for Supervision of the Enforcement of Laws on Transport Moscow Interregional Transport Prosecutor's Office, postgraduate student at the Russian Customs Academy.
4 Komsomolsky Prospekt, Lyubertsy, Moscow region, 140015, Russia.
E-mail: dzhamilya713@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье анализируется институт малозначительности деяния в российском уголовном праве, его сущность и роль в разграничении формально преступных действий, не представляющих реальной угрозы общественной безопасности. Рассматриваются теоретические подходы и практические проблемы применения нормы, закрепленной в части 2 статьи 14 УК РФ, а также вопросы судебной оценки критериев малозначительности с учетом особенностей деяния, мотивации субъекта и обстоятельств совершения преступления.*

Abstract. *The article analyzes the institution of insignificance of an act in Russian criminal law, its essence and role in distinguishing formally criminal acts that do not pose a real threat to public safety. Theoretical approaches and practical problems of applying the norm stipulated in Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered, as well as issues of judicial assessment of criteria of insignificance, taking into account the specifics of the act, the motivation of the subject and the circumstances of the crime.*

Ключевые слова: *малозначительность, критерии деяния, общественная опасность, уголовное право, преступные действия.*
Keywords: *insignificance, criteria of the act, public danger, criminal law, criminal acts.*

Для цитирования: *Кусаинова Д.К. Критерии малозначительного деяния в российском уголовном праве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 194-196. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_194.*
For citation*: Kusainova J.K. Criteria for a minor act in Russian criminal law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 194-196. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_194.*

Статья поступила в редакцию: 13.04.2025

Малозначительность деяния в российском уголовном праве рассматривается как правовое явление, позволяющее вывести некоторые формально подпадающие под признаки состава преступления действия за рамки уголовной ответственности. При этом содержание категории «малозначительность» не было однозначным ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной российской правовой доктрине. Изначально высказывались предположения об отсутствии необходимости сохранять соответствующую норму в новом Уголовном кодексе Российской Федерации[1] (далее - УК РФ), так как полагали, будто само понятие малозначительности не привносит чего-либо важного в законодательное определение преступления и в систему уголовно-правового регулирования. Однако в итоге законодатель все же сохранил данное положение и включил его в часть вторую статьи 14 УК РФ, подчеркнув, что не любое формально противоправное посягательство, даже если оно подходит под конкретные уголовно-правовые признаки, следует считать социально опасным.

Среди теоретиков, которые настаивали на обоснованности и необходимости данного правила, можно назвать В.В. Мальцева[2], который указывает, что норма о малозначительности дополняет юридическую конструкцию преступления, поскольку позволяет отграничивать случаи, при которых уголовная противоправность носит чисто формальный характер и не сопровождается общественной опасностью. Аналогичные идеи развивали и другие исследователи, указывая, что без наличия нормы о малозначительности возникала бы опасность негибкого применения уголовного закона при весьма незначительном вреде или незначительной угрозе вреда.

Текст части 2 статьи 14 УК РФ устанавливает, что формально подпадающие под состав преступления действия или бездействие не считаются преступлением, если они в силу малозначительности не представляют общественной опасности. Из этого следует, что для признания деяния малозначительным лицо должно внешне (то есть формально) нарушить уголовно-правовой запрет и, соответственно, в его деянии должны прослеживаться признаки состава преступления.

Однако одновременно должно быть доказано, что отсутствует сама социальная вредность, то есть что деяние не причинило вреда или не создало угрозы его причинения объектам уголовно-правовой охраны. Подобное правовое регулирование породило существенные дискуссии в научных кругах относительно того, какие именно критерии позволяют суду и иным правоприменителям прийти к выводу об отсутствующей опасности.

В правоведении сложилось мнение, что вопрос о признании деяния малозначительным носит в значительной степени оценочный характер. Указанное означает, что законодатель оставил полномочия принимать такое решение непосредственно судьям и уполномоченным органам, которые обязаны учитывать все фактические обстоятельства дела. От роли субъекта и его умысла до размера возможных или уже

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25 Ст. 2954.
[2] Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 1993. С.18.

наступивших последствий — все это должно быть проанализировано в совокупности. В профессиональной среде неоднократно подчеркивалось, что сами по себе незначительные последствия (скажем, минимальный имущественный ущерб) могут указывать на малозначительность, но лишь при условии, что в данном конкретном случае деяние не было сопряжено с теми характеристиками, которые бы делали поступок все же опасным для общества. В судебной практике иногда встречаются примеры, когда незначительный ущерб влечет признание деяния малозначительным, а иногда - не влечет, если при этом присутствовали дополнительные обстоятельства, повышающие риск повторения или указывающие на большую вредоносность способа посягательства[1].

Особо важным признаком, позволяющим судить о наличии или отсутствии общественной опасности, является форма вины субъекта, а именно наличие прямого умысла, направленного на причинение именно несущественного ущерба и исключающего более тяжкие последствия. В исследованиях, посвященных данной проблеме, отмечалось, что деяния, совершаемые по неосторожности, нередко предполагают материальный состав, а значит, там наступают конкретные вредные последствия; в таких ситуациях говорить о малозначительности затруднительно, поскольку, если итоговый ущерб существенен, уже нет оснований выводить такое поведение из числа преступных. Параллельно существует позиция, которая допускает более сложный подход: даже при неосторожном правонарушении при особых обстоятельствах последствия могут быть настолько незначительны, что суд вправе усмотреть отсутствие общественной опасности. Однако такая позиция встречает возражения в доктрине именно из-за того, что неосторожные деяния в большинстве случаев имеют конкретно установленные вредоносные итоги, без которых о составе преступления не может идти речь.

Анализу подвергались и условия, которые суд оценивает помимо формы вины. Это размер ущерба (если речь идет о преступлениях против собственности), способ посягательства, личность виновного, его мотивация и характер поведения на стадии возбуждения дела или в ходе расследования. При этом не существует точного перечня критериев, который был бы универсален для всех категорий уголовных дел. Судебная практика исходит из совокупности факторов, обусловленных особенностями каждого конкретного дела. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в том Постановлении от 23 ноября 2010 года № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)»[2], обращал внимание на то, что малозначительными могут являться случаи, при которых деяние формально посягает на установленный законом порядок, но не приводит к конкретному ущербу природе или государству и не содержит реальной угрозы разрушения экосистемы, не создает прецедента для массового нарушения. В качестве примеров приводились ситуации с единичным выловом мелкой рыбы простым способом без нанесения экологии ощутимого вреда. Судебные органы при этом должны принимать во внимание, каков был способ посягательства, повлек ли он потерю ресурсов в значительном масштабе, существует ли риск воспроизводства таких вредных действий и т.д. Иными словами, официальная судебная практика фактически подтверждает оценочную природу категории «малозначительности», оставляя конкретную оценку фактическим обстоятельствам дела и профессиональному усмотрению суда.

Помимо этого, в научных дискуссиях рассматривались вопросы соотношения малозначительности с иными правовыми институтами уголовного права. Прежде всего отграничение от обстоятельств, исключающих преступность деяния (таких как необходимая оборона, крайняя необходимость, исполнение приказа и т. д.), выстраивается на том, что в перечисленных ситуациях само действие носит изначально правомерный или социально полезный характер, а потому не способно выступать в роли преступного посягательства. Малозначительное деяние, напротив, в формальном плане выглядит как преступление: лицо уже переходит границы дозволенного, однако фактически тот вред, который обычно ассоциируется с данной уголовно-правовой нормой, не наступил, и никакая существенная угроза не была создана. Следовательно, при обстоятельствах главы 8 УК РФ речь идет именно об общественно полезном либо социально допустимом причинении вреда, тогда как при малозначительности ущерб может существовать, но он ничтожен настолько, что государство считает нецелесообразным реагировать на него посредством уголовной ответственности.

Сходные логические сложности возникают при сопоставлении малозначительности с институтом добровольного отказа. Добровольный отказ предполагает, что лицо, по собственной воле прекращая действия, не доводит их до завершения. Часть исследователей указывала, что, если вред не был причинен вовсе, можно говорить о малозначительности. Однако такое сопоставление не вполне корректно, поскольку добровольный отказ исключает ответственность уже на стадии неоконченного преступления из-за активного волевого решения самого субъекта, а малозначительность же связана с объективными свойствами уже совершенного деяния: оно формально отвечает признакам закона, но в таком незначительном объеме, что не может расцениваться как преступное. Именно поэтому законодатель и разместил норму о малозначительности в статье 14 УК РФ, посвященной понятию преступления, а не в разделе УК РФ, где идут обстоятельства, освобождающие от ответственности по дополнительным критериям (например, примирение с потерпевшим или деятельное раскаяние).

Практическое значение института малозначительности проявляется в первую очередь в том, что суды и следственные органы, руководствуясь частью 2 статьи 14 УК РФ, могут исключать из сферы уголовной ответственности дела, где фактический вред не соизмерим с репрессивными мерами, предусмотренными уголовным законом. Указанное особенно важно для обеспечения принципа экономии уголовной репрессии, заложенного в общую идеологию российского законодательства. Целесообразнее не возбуждать уголовное дело или прекращать его,

[1] Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2019. С.152.
[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 (ред. от 31.10.2017) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 1.

если лицо едва ли нанесло существенный урон правоохраняемым интересам. При этом само по себе наличие даже небольшой материальной потери не лишает суд возможности признать деяние малозначительным, если очевидно, что ущерб был символическим, не посягающим серьезным образом на благополучие потерпевшего или другие объекты. С другой стороны, практика знает и обратные примеры, когда малый размер похищенного или иные факторы кажутся ничтожными, но способ совершения или дополнительный риск для общества все же говорят об общественной опасности, и в таких случаях суд не соглашается квалифицировать действие как малозначительное[1].

Не следует также упускать из виду, что институт малозначительности имеет тесную связь и с другими отраслями права. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях[2] (далее - КоАП РФ) существует положение о малозначительности в статье 2.9 КоАП РФ, которое почти дословно повторяет логику уголовного закона о возможности освобождения лица от административной ответственности при очевидном отсутствии серьезных вредных последствий для общественных отношений. Схожая межотраслевая конструкция подтверждает идею, что явление малозначительности представляет собой общеюридическую категорию, позволяющую дифференцировать формы внешне неправомерного поведения в зависимости от их реальной опасности. Однако при этом в административном праве критерии признания деяния малозначительным, как и в уголовной сфере, формулируются достаточно широко, в результате чего решающее слово отдается дискретным полномочиям суда или иного органа, рассматривающего дело.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что значение положения о малозначительности деяния в уголовном праве определяется его вкладом в баланс между формальными признаками состава преступления и необходимостью конкретной оценки общественной опасности. Законодатель специально подчеркивает в статье 14 УК РФ, что общественно опасный характер - обязательное свойство преступления. Если конкретное действие, несмотря на формальные признаки, не способно породить вред или значимую угрозу, наказание в уголовном порядке теряет смысл. Таким образом, эта норма служит важным инструментом для защиты прав граждан от чрезмерного уголовного преследования и для оптимизации судебной деятельности. Разумеется, абсолютной ясности в вопросе о критериях малозначительности пока нет, так как часть экспертов считает нужным придать такой норме более конкретизированное содержание, другие полагают, что оценочность дают судьям и следователям необходимый простор для справедливого решения по каждому делу. В любом случае идея малозначительности укрепилась в российском уголовном законодательстве как уравновешивающее звено между интересами государства в защите важных ценностей и принципом гуманизма, согласно которому незначительное отклонение от правил не должно наказываться по самым строгим меркам уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25 Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 1 (часть I). Ст. 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 (ред. от 31.10.2017) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 1.
4. Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2005. 168 с.
5. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2019. 231 с.
6. Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 1993. 39 с.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 28.02.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25 Art. 2954.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offences dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 03.02.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 1 (Part I). Art. 1.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/23/2010 No. 26 (as amended on 10/31/2017) "On certain issues of the application by courts of legislation on criminal liability in the field of fisheries and conservation of aquatic biological resources (Part 2 of Articles 253, 256, 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 1.
4. Bagirov Ch.M. Insignificance of an act and its criminal-legal significance: dissertation of the cand. jurid. sciences': 12.00.08. Tyumen, 2005. 168 p.
5. Korsun D.Y. Insignificant act in criminal law: problems of theory and practice: dissertation of the cand. jurid. sciences': 12.00.08. Moscow, 2019. 231 p.
6. Maltsev V.V. The problem of reflection and assessment of socially dangerous behavior in criminal law: abstract of the dissertation... doct. jurid. sciences': 12.00.08. Moscow, 1993. 39 p.

[1] Багиров Ч.М.о. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2005. С.79.
[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 1 (часть I). Ст. 1.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_197

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN THE FEDERAL TERRITORY AND THE RUSSIAN FEDERATION

КАН Клим Александрович,
аспирант кафедры административного права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Генеральный директор ООО «АМС Групп».
119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13.
E-mail: klim.kan@mail.ru;

KAN Klim Alexandrovich,
postgraduate student at the Lomonosov Moscow State University, Law Faculty, Department of Administrative Law, General Director of AMS Group LLC.
1 Leninskie gory st., Moscow, 119991, Russia.
E-mail: klim.kan@mail.ru

Краткая аннотация: *Настоящая статья посвящена исследованию административно-правовых аспектов взаимодействия федеральной территории «Сириус» и Российской Федерации. Автор приходит к выводу о необходимости четкой регламентации учреждения территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в федеральной территории. Установлено, что легальная дефиниция понятия «государственная гражданская служба» не предусматривает возможность прохождения гражданской службы в органах публичной власти федеральной территории. Кроме того, автор формулирует предложения по регламентации контрольно-надзорной деятельности в федеральной территории.*

Abstract: *This article is devoted to the study of administrative and legal aspects of interaction between the federal territory "Sirius" and the Russian Federation. The author comes to the conclusion about the need for clear regulation of the establishment of territorial bodies of federal executive authorities in the federal territory. It has been established that the legal definition of the concept of "state civil service" does not provide for the possibility of performing civil service in public authorities of the federal territory. In addition, the author formulates proposals for regulating control and supervisory activities in the federal territory.*

Ключевые слова: *федеральная территория, орган публичной власти, федеральный орган исполнительной власти, административно-правовые отношения.*

Keywords: *federal territory, public authority, federal executive authority, administrative legal relations.*

Для цитирования: *Кан К.А. Административно-правовые аспекты взаимодействия федеральной территории и Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 197-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_197.*

For citation: *Kan K.A. Administrative and legal aspects of interaction between the federal territory and the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 197-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_197.*

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025

Федеральная территория занимает особое место в системе публично-правовых образований. Это объясняется специфической системой органов управления федеральной территорией, а также особенностями взаимодействия федеральной территории с другими публично-правовыми образованиями.

Федеральная территория, в отличие от субъектов РФ, не упомянута в конституционных положениях как территориальное образование, являющееся отдельным элементом территории России. Вместе с тем, осуществление власти в федеральной территории неразрывно связано с тем, что органы федеральной территории тесно взаимодействуют как с федеральными, так и с региональными органами. В связи с этим административно-правовое исследование вопросов управления федеральной территорией не представляется возможным без рассмотрения вопросов взаимодействия федеральной территории и Российской Федерации.

Одним из важнейших аспектов взаимодействия Сириуса (единственной существующей в настоящее время федеральной территории) и РФ является *организация осуществления полномочий федеральных органов исполнительной власти в Сириусе*. Правовые основы взаимоотношений федеральной территории и федеральных государственных органов установлены положениями Федерального закона «О федеральной территории «Сириус» [1].

В соответствии с частью 1 статьи 8 данного законодательного акта органам федеральной территории могут передаваться полномочия РФ. В то же время в соответствии с частью 1 статьи 9 рассматриваемого нормативного правового акта предполагается, что в отсутствие делегирования полномочий федеральные органы осуществляют полномочия РФ в федеральной территории.

При этом вызывает интерес положение части 2 статьи 9 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус», согласно которой осуществление полномочий РФ федеральными органами исполнительной власти в Сириусе может возлагаться на специальные территориальные органы или иные обособленные подразделения, создаваемые актами руководителей соответствующих федеральных органов.

В связи с этим С.А. Авакьян замечает, что не уточняется о каких именно органах должна идти речь в данном случае, но данные органы должны будут сочетать в своей деятельности интересы самой федеральной территории, РФ, сопредельных муниципальных образований [2]. Мы находим данное замечание справедливым.

В связи с этим видится интересным анализ типовых положений федеральных органов исполнительной власти об их территориальных

органах. Так, например, до сих пор не предусмотрено типовое положение о территориальном органе Федеральной налоговой службы (далее – ФНС России) по федеральной территории – это следует из содержания Приказа Минфина России от 17.07.2014 № 61н [3].

Вместе с тем, Инспекция ФНС России по федеральной территории существует [4]. Таким образом, территориальный орган федерального органа исполнительной власти в федеральной территории создан, а типовое положение о нем отсутствует. На наш взгляд, органы исполнительной власти, создающие территориальные органы для осуществления полномочий в федеральной территории, должны утвердить соответствующие типовые положения.

На наш взгляд, для решения данного вопроса необходимо уточнение части 2 статьи 9 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус» и закрепление возможности осуществления полномочий федеральных государственных органов и внебюджетных фондов в Сириусе не только специально создаваемыми территориальными органами, но и уже существующими территориальными органами.

Немаловажным административно-правовым аспектом взаимодействия федеральной территории и РФ является *организация государственной службы в Сириусе.* Анализ Реестра должностей федеральной государственной гражданской службы [5] позволяет прийти к выводу о том, что сотрудники органов публичной власти федеральной территории отнесены к федеральным государственным гражданским служащим.

При этом само легальное определение понятия «государственная гражданская служба», закрепленное в части 1 статьи 3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [6] предполагает прохождение гражданской службы в государственных органах, но не в органах публичной власти. На это несоответствие справедливо обращает внимание О.А. Кожевников [7].

На наш взгляд, вряд ли можно признать тождественными понятия «государственный орган» и «орган публичной власти». Понятие «орган публичной власти» представляется более широким по содержанию, поскольку охватывает органы, которые осуществляют как государственные полномочия, так и полномочия местного самоуправления. В связи с этим не лишено оснований определение органов публичной власти Сириуса как «гибридных», то есть сочетающих функции государства и местного самоуправления [8].

Исходя из вышесказанного можно констатировать следующее – легальное определение государственной гражданской службы не приведено в соответствие с существующей системой публично-правовых образований, которая была дополнена новым элементом – федеральной территорией. На наш взгляд, необходимо внести уточнение в понятие «государственная гражданская служба» и предусмотреть возможность прохождения данного вида государственной службы в органах публичной власти.

Также отметим неопределенность в содержании части 5 статьи 10 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус», которая позволяет создавать в федеральной территории органы, где отсутствуют государственные должности и должности гражданской службы. В связи с этим возникнет вопрос о правовом статусе сотрудников данных органов, если данные органы будут созданы в дальнейшем.

Будут ли эти сотрудники исполнять обязанности по трудовым договорам, либо же речь идет о государственной службе иного вида (не военной и не гражданской) – этот вопрос остается открытым. По нашему мнению, этот вопрос должен быть регламентирован на уровне федерального закона в целях определенности правового статуса кадрового состава федеральной территории.

Нельзя обойти вниманием и вопросы осуществления *государственного контроля (надзора), муниципального контроля в федеральной территории.* Возможность установления специального правового регулирования в данной сфере предусмотрена законом. Органы федеральной территории наделены компетенцией по установлению особенностей контрольно-надзорной деятельности. При этом законодатель ставит условие – регламентация всех особенностей контроля и надзора в федеральной территории должна быть согласована с уполномоченными органами. О каких именно органах в данном случае идет речь в законе не уточняется.

При этом, как справедливо отмечает Е.А. Бочкарева [9], в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [10] отсутствуют положения, посвященные установлению компетенции федеральной территории по регламентации и осуществлению контрольно-надзорной деятельности. Налицо существование правового пробела регулирования отношений, возникающих в рамках контрольно-надзорной деятельности.

В целях полной регламентации контрольно-надзорной деятельности в федеральной территории необходимо определить круг уполномоченных органов, с которыми должно быть согласовано установление особенностей контроля и надзора в федеральной территории, а также регламентировать порядок такого согласования. На наш взгляд, в качестве указанных органов должны выступать федеральные, региональные органы, уполномоченные осуществлять федеральный или региональный контроль (надзор) в той или иной сфере.

Кроме того, представляется правильным установить на законодательном уровне компетенцию органов публичной власти федеральной территории по регламентации и осуществлению контрольно-надзорной деятельности. От решения данного вопроса будет зависеть установление пределов возможного усмотрения органов федеральной территории при регулировании контрольных мероприятий.

В настоящей статье были рассмотрены некоторые административно-правовые аспекты взаимодействия федеральной территории и Российской Федерации. Представляется, что дальнейшее исследование данных вопросов необходимо в целях гармонизации взаимодействия федеральной территории с другими уровнями публичной власти, а также обеспечения соответствия управления в федеральной территории конституционным положениям и федеральному законодательству.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 52 (Часть I). С. 8583.

2. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.
3. Приказ Минфина России от 17.07.2014 № 61н «Об утверждении Типовых положений о территориальных органах Федеральной налоговой службы» // Российская газета, № 287, 17.12.2014.
4. Инспекция ФНС России по федеральной территории «Сириус». URL: https://www.nalog.gov.ru/rn23/ifns/sirius/ (дата обращения 24.05.2025).
5. Указ Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 1. С. 118.
6. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. С. 3215.
7. Кожевников О.А. Законодательство о муниципальной и государственной гражданской службе через призму конституционных трансформаций // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 2. С. 16-20.
8. Каримов Б.Р. Федеральные территории в Российской Федерации: первый опыт создания и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 51-58.
9. Бочкарева Е.А. Вопросы правового закрепления финансово-контрольных полномочий органов федеральной территории "Сириус" // Финансовое право. 2025. № 2. С. 2-5.
10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). С. 5007.

References:

1. Federal Law of 22.12.2020 No. 437-FZ "On the Federal Territory "Sirius" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 52 (Part I). P. 8583.
2. Avakyan S.A. Representation in constitutional law: issues of theory and practice: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2022. 484 p.
3. Order of the Ministry of Finance of Russia dated 17.07.2014 No. 61n “On approval of the Model Regulations on territorial bodies of the Federal Tax Service” // Rossiyskaya Gazeta, No. 287, 17.12.2014.
4. Inspection of the Federal Tax Service of Russia for the Federal Territory "Sirius". URL: https://www.nalog.gov.ru/rn23/ifns/sirius/ (date of access 05/24/2025).
5. Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2005 No. 1574 "On the Register of Federal State Civil Service Positions" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 1. P. 118.
6. Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 31. P. 3215.
7. Kozhevnikov O.A. Legislation on municipal and state civil service through the prism of constitutional reforms // Municipal service: legal issues. 2022. No. 2. P. 16-20.
8. Karimov B.R. Federal territories in the Russian Federation: first experience of creation and problems of constitutional and legal regulation // Constitutional and municipal law. 2022. No. 3. P. 51-58.
9. Bochkareva E.A. Issues of legal support for financial control authorities of the federal territory "Sirius" // Financial Law. 2025. No. 2. P. 2-5.
10. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). P. 5007.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_200

УДК 342.7

СМИ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
THE MEDIA AS AN INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY: INFORMATION AND COMMUNICATION DIMENSION AND LEGAL REGULATION

БОНДАРЕНКО Ольга Валентиновна,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и истории Иркутского государственного аграрного университета имени А.А. Ежевского.
664038, Россия, Иркутская область, Иркутский район, пос. Молодежный, 1.
E-mail: ov-bond@yandex.ru;

ЧУКСИНА Валентина Валерьевна,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: v-chuksina@yandex.ru;

BONDARENKO Olga Valentinovna,
Doctor of science in philosophy, Professor, Head of chair of philosophy, sociology and history Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky.
Irkutsk Region, Irkutsk District, pos. Molodezhny, 1.
E-mail: ov-bond@yandex.ru;

CHUKSINA Valentina Valerievna,
Doctor of law, Professor, Head of the Chair of legal support of national security, Baikal State University.
11, Lenin str., 664003, Irkutsk.
E-mail: v-chuksina@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу изменений нормативно-правовых регуляторов в ответ на трансформацию института средств массовой информации (СМИ) под воздействием цифровых информационно-коммуникационных технологий. Исследуется исторический контекст законодательного регулирования средств массовой информации в постсоветской России. Выявлены отдельные пробелы в нормативно-правовом регулировании свободы слова блогеров, в организации образовательных блогов и тренингов. Сделан вывод о необходимости перехода от ситуативных изменений законодательства об информации и СМИ к формированию единообразного правового поля масс-медиа – экосистемы медиаправа как практической реализации синергии информации, технологических средств коммуникации и межотраслевого нормативно-правового регулирования.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of changes in regulatory and legal regulators in response to the transformation of the institute of mass media under the influence of digital information and communication technologies. The historical context of the legislative regulation of mass media in post-Soviet Russia is investigated. Some gaps have been identified in the legal regulation of bloggers' freedom of speech, in the organization of educational blogs and trainings. The conclusion is made about the need to move from situational changes in legislation on information and mass media to the formation of a uniform legal framework of the media ecosystem of the media center as a practical implementation of the synergy of information, technological means of communication and intersectoral regulatory framework.*

Ключевые слова*: СМИ, информация, информационно-коммуникационные технологии, нормативно-правовое регулирование, российское законодательство, Роскомнадзор, медиаправо.*

Keywords: *Media, information, information and communication technologies, regulatory and legal regulation, Russian legislation, Roskomnadzor, media law.*

Для цитирования: *Бондаренко О.В., Чуксина В.В. СМИ как институт гражданского общества: информационно-коммуникационное измерение и правовое регулирование // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 200-204. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_200.*

For citation: *Bondarenko O.V., Chuksina V.V. The media as an institution of civil society: information and communication dimension and legal regulation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 200-204. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_200.*

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025

Навряд ли кто будет отрицать, что средства массовой информации (еще до момента появления самого термина) являлись не только основным источником новостей, но и в большей или меньшей степени выступали как один из факторов формирования социокультурных норм и ценностей общества, повышения эффективности государственного управления. Поэтому данному феномену даже (в «до-интернетную» эпоху) уделяли внимание теоретики и практики средств массовой информации (далее – СМИ), законодательные структуры во всех государствах мира. В силу этого саморегулирование и нормативно-правовое регулирование деятельности СМИ со стороны государства являются естественной необходимостью.

Напомним, что в России само понятие «СМИ» закрепилось в русском языке только в 70-е гг. XX в., причем по инициативе Отдела пропаганды и агитации при ЦК КПСС и до сих пор активно используется. В современную информационную эпоху во многих странах его практически вытеснили из лексикона, заменив понятиями «новые медиа», «масс-медиа», «средства массовой коммуникации» (СМК), и др. [4]. К тому же в стратегических документах (например, в Постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 25.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество») «медиа» используется в качестве приставки ко многим понятиям.

Сегодня под влиянием цифровизации информационных технологий человеческая активность все больше «загружается» в виртуаль-

ное информационное пространство: от деловых коммуникаций, дружеского общения, поиска информации, игр … до киберпреступлений и информационных войн [2, с. 50]. Эта тенденция стала мейнстримом и для СМИ, резко актуализируя проблему их нормативного правового регулирования и правоприменительной практики. Осознавая влияние новых техногенных факторов на все стороны жизни общества закономерно, что Конституцией РФ (с изменениями 2020 г.) «информационные технологии» (п. «и» ст. 71) впервые были отнесены к ведению Российской Федерации. Учитывая революционную роль информационно-коммуникационных технологий, можно сказать, что они стали причиной формирования новой отрасли права – медиаправа [5, с. 16], расширения предмета правового регулирования в контексте требований государства к содержанию и форме представления и распространения информации СМИ.

Радикальная трансформация общественного строя в нашей стране в конце XX в. отразилась в законодательстве о СМИ. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (Закон о СМИ) установил запрет любой (предварительной и карательной) цензуры массовой информации и по сравнению с советским законом о печати дал более развернутое понятие «цензуры» (ст. 3). Примечательно, что в законе РФ содержание ст. 1 «Свобода массовой информации» по смыслу весьма аналогично положению ст. 19 «Всеобщей Декларации прав человека», лишь с той разницей, что в первом случае речь идет о свободе массовой информации (от ее поиска до распространения и недопустимости злоупотребления свободой ст. 4). А во втором – о правах человека на свободу «искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами», причем независимо от государственных границ. «Закон о СМИ» в соответствии с социально-экономическими, политическими, технологическими реалиями исторического этапа развития постсоветской России (видимо не без влияния западных демократий) закрепил нормы и правила, которые стали базовыми регуляторами отношений между обществом, государством, гражданами и СМИ. Тем самым создав юридические возможности для учреждения и регистрации независимых (от государства, политических партий) газет, журналов, теле- и радиопрограмм, агентств новостей[1].

В целом, принятый в «российский до-интернетный» период Закон о СМИ претерпел значительные изменения к сегодняшнему дню в редакции от 23.11.2024 г. в связи с многочисленными поправками и дополнениями, внесенными федеральными актами, стимулированные преимущественно развитием информационно-коммуникационных технологий и их реальными возможностями управления информационным контентом. Тем не менее, начиная с 1995 г. и вплоть до 2011 г., несмотря на ежегодное внесение изменений в «Закон о СМИ» (например, за 1995 г. – 3 раза), они принципиально не влияли на функционирование СМИ, затрагивая в основном замену терминов или, как в 2008 г., расширили список учредителей (соучредителей) печатных СМИ за счет органов местного самоуправления (ч. 1 ст. 7). Множественные существенные изменения сразу в 14 статей закона были внесены в конце 2011 г. В том числе, благодаря использованию в первоначальной редакции (1991 г.) ст. 2 морфологической конструкции «иная форма периодического распространения массовой информации» стало возможно расширение перечня СМИ, закрепление в качестве признаков СМИ периодичности и постоянного наименования (названия). Добавлена ст. 6.1 о государственной информационной системе в области средств массовой информации для учета зарегистрированных СМИ и реализации обратной связи с ними.

Понятно, что отмена цензуры в «Законе о СМИ» не означала абсолютной свободы оборота информации в силу необходимости соблюдения баланса публичных интересов государства и прав и свобод человека, следствием чего является законодательно установленные ограничения свободы СМИ в условиях чрезвычайного и военного положения, контртеррористической операции, запрет на разглашение государственной тайны, и др. Например, правовой реакцией на действия в информационном пространстве недружественных стран федеральными законами неоднократно (особенно с 2022 г.) вносились изменения, ограничивающие взаимодействия СМИ с иностранными агентами. Среди новелл 2024 г. – запрет рекламы информационных ресурсов иноагентов (дополнение ст. 4), а также запрет пропаганды нетрадиционных ценностей – отказа от деторождения (ч. 1 ст. 4).

Современные цифровые технологии добавили Роскомнадзору и Роспечати «работы» по изданию нормативных актов, регулирующих деятельность СМИ. Более того, в последние годы на законодательном уровне происходит существенное расширение и унификация контрольных и надзорных полномочий государственных органов (особенно Роскомнадзора) в отношении различных видов производителей и распространителей информации в сети Интернет.

Осознание возрастающей роли трансформирующихся СМИ, блогов, социальных сетей, и др. новых источников информации как потенциального оружия деструктивного ментального воздействия и угрозы информационной безопасности России закономерно требует от государства принятия адекватных мер регулирования [1, с. 53; 3, с. 882]. В свою очередь это нашло отражение в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025)[2] (далее – Закон об информации). В 2012 г. к основным понятиям, используемым в данном законе добавились выражения «сайт и страница сайта в сети Интернет» (ст. 2 п. 13).

В 2016 г. была введена ст. 10.4, расширившая перечень распространителей информации, включив в него новостные агрегаторы, при наличии у их владельцев более одного миллиона пользователей сети «Интернет». Регулирование их деятельности служит еще одним подтверждением ситуативного изменения законодательных норм, например, Проектом от 17.05.2025 г. Постановления Правительства «Об утверждении Правил предоставления владельцем агрегатора сведений…», вступающего в силу предположительно с 1 сентября 2025 г. вводятся новые требования к владельцам агрегаторов, определяющие порядок, перечень сведений и сроки передачи информации по запросу госорганов, ведущих

[1] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс»
[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс»

оперативно-розыскную деятельность или обеспечивающих безопасность РФ[1].

В 2020 г. в «Законе об информации» в названии ст. 10.6 появился еще один участник – социальная сеть [6, с. 416]. Хотя в тексте она определяется, как и новостной агрегатор - владелец сайта/ страницы сайта в сети Интернет, и (или) информационной системы, и (или) программы для ЭВМ, с той лишь разницей, что социальная сеть предназначена для предоставления/распространения информации посредством создания пользователями персональных страниц, доступ к которым в течение суток составляет более 500 000 пользователей сети Интернет, находящихся на территории РФ. Использование русского языка, государственных языков республик в составе России или других языков народов РФ, на которых размещается реклама, ориентированная на российских потребителей – определено в качестве одного из признаков социальных сетей.

Федеральным законом от 01.04.2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] с 1.03.2026 г. владелец социальной сети (сайта) должен будет осуществлять взаимодействие с этой государственной информационной системой в порядке, устанавливаемым Правительством РФ (ст. 10.6 «Закона об информации» дополняется п. 15).

Примечательно, что гораздо ранее Федеральным законом от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» в обязанности государственных органов, органов местного самоуправления, подведомственных им организаций включено создание официальных сайтов в сети Интернет, т.е. официально госпаблики функционируют как социальные сети.

Интересная история сложилась с правовым регулированием блогерства. «Закон об информации» в 2014 г. был дополнен статьей 10 (2), в которой (п. 1) впервые в законодательство был введен термин «блогер» - распространитель общедоступной информации и владелец сайта/страницы сайта в сети «Интернет» (при условии доступа к ним в течение суток более трех тысяч пользователей). Роскомнадзор обязан вести реестр блогов и мониторинг таких Интернет-сайтов. Блогеры, также, как и традиционные СМИ должны соблюдать требования законодательства РФ в отношении распространения массовой информации. При этом владельцы сайтов, зарегистрированные в соответствии с Законом о СМИ в качестве сетевых изданий, блогерами не являются. Критерий «три тысячи пользователей» фактически стер разницу между сетевым СМИ и блогером и их правовым регулированием.

Однако изменения, внесенные в июле 2017 г. в «Закон об информации», практически прекратили действие «первого закона о блогерах 2014 г.», в частности, статья 10.2. полностью утратила силу. При этом введена статья 15.8, значительно расширившая требования к владельцам информационно-телекоммуникационных сетей, информационных ресурсов (в их число попадают и блогеры) в отношении запрета использования информационных ресурсов и сетей, доступ к которым ограничен на территории РФ.

Если можно так сказать, началом третьего этапа эволюции регуляторных норм в отношении блогеров стал Федеральный закон от 08.08.2024 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в том числе в «Закон об информации». Хотя сам термин «блогер» не упоминается в тексте изменений Закона об информации, но во многих пунктах говорится о новых обязанностях (п. 10.6 п.п. 12 –14) создателя персональной страницы в социальной сети, количество пользователей которой составляет уже более 10000. В частности, он обязан предоставлять по запросу Роскомнадзора сведения, позволяющие его идентифицировать; размещать на персональной странице информацию о включении ее в создаваемый новый перечень персональных страниц; ограничить доступ к персональной странице до выполнения требований контролирующего госоргана. Новые требования определены и к организатору сервиса обмена мгновенными сообщениями (ч. 4.2 ст. 10.1 дополнены п. 1.1, п. 3.1).

Нововведения в «Закон об информации» можно назвать «законом о деанонимизации» владельцев блогов на площадках, включенных Роскомнадзором в реестр соцсетей и подписанных на них пользователей (если их больше 10 тысяч человек). Курс государства на отказ от анонимного распространения массовой информации в Интернете конкретизирован в Постановлении Правительства РФ от 28.12.2024 № 1963 «Об отдельных вопросах распространения информации в социальных сетях». Вместе с ним в соответствии со статьей 10.6 «Закона об информации» были утверждены для «десятитысячников» Правила предоставления сведений о пользователе социальной сети в Роскомнадзор, Правила размещения на персональной странице информации о включении в перечень персональных страниц и Правила предоставления пользователем социальной сети, сведений, позволяющих его идентифицировать.

В сложившихся геополитических условиях идентификация владельцев каналов простимулирует их более ответственно подходить к обеспечению достоверности распространяемой информации, что должно повысить к ним доверие аудитории, а также защитить от блогеров-двойников. В частности, в соответствии с «Законом об информации» (ст. 10.6) информация, размещенная «блогером-десятитысячником» на персональной странице, не включенной в перечень персональных страниц (незарегистрированных в Роскомнадзоре), с 1.01.2025 г. запрещена для последующего распространения. Получается, с одной стороны, законно принятые ограничения, с другой, оригинальное согласование с правом каждого человека свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ).

[1] Проект от 17.05.2025 г. Постановление Правительства «Об утверждении Правил предоставления владельцем агрегатора сведений с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия по запросу уполномоченного государственного органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс»

[2] Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

Размещение рекламы в популярном канале, который не включен в перечень, повлечет за собой штраф как для рекламодателя, так и для распространителя рекламы (ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ). С 1 мая 2025 г. работа блогеров закреплена в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД). Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) с 1 сентября 2025 г. вступает в силу требование (дополнение ст. 5 ч. 10.7) о запрете рекламы на нежелательных ресурсах; Федеральным законом от 07.04.2025 № 72-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» не допускается распространение рекламы на информационных ресурсах организаций, ликвидированных или деятельность которых запрещена по решению суда. Данные ограничения тоже непосредственно касаются блогеров. Для блогеров, не готовых работать по новым правилам, возможны ограничения доступа пользователей к их страницам («Закон об информации» п. 14 ч. 1 ст. 10.6).

Безусловно новые меры правового регулирования должны повысить легальность и прозрачность рынка производства и распространения массовой информации, потенциал выявления нарушений (налогового и рекламного законодательства) и случаев незаконного предпринимательства. Однако определенный в десять тысяч объем пользователей ограничивает менее популярных блогеров в возможности получения «знака качества» от контролирующего органа (Роскомнадзора) со всеми вытекающими последствиями.

Несомненно, что несмотря на устаревшее разграничение классификации традиционных СМИ и новых «цифровых» производителей и распространителей информации, государство в последнее время активизировало контроль за процессами в информационном пространстве Интернета, включая деятельность блогеров. Но один из важных моментов их (зачастую искусственного ажиотажного) онлайн (и оффлайн) информационно-просветительского активизма выпал из правового поля. В частности, это касается организации блогерами обучающих курсов сомнительной пользы/откровенного вреда в форме создания информационных продуктов с использованием дистанционных технологий. Представляется, что для предотвращения нанесения урона блогерами ментальному здоровью граждан и общества, экономических преступлений, особенно мошенничества, следовало бы принять законодательные меры к регулированию содержательного контента их образовательных курсов и тренингов по аналогии с лицензионными требованиями к образовательным учреждениям и программам.

С учетом современных реалий также необходимо отметить значимость Федерального закона от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» для снижения рисков распространения противоправной информации, в том числе манипулятивного характера. Данным законом предусмотрено дополнение «Закона об информации» статьей 10.2-2, определившей особенности предоставления информации с применением рекомендательных технологий, обязанности владельцев информационных ресурсов, на которых применяются рекомендательные технологии, правила применения таких технологий. Рекомендательные технологии – информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа предпочтений пользователей сети Интернет, так называемый профайлинг пользователей. Представляется, что сам алгоритм категоризации предпочтений пользователей для ранжирования и персонализированного предложения информационного контента будет играть второстепенную роль при условии соблюдения прав и законных интересов граждан и организаций, а также законодательства РФ при использовании рекомендательных технологий. Хотя вероятность возникновения проблем с защитой персональных данных и коммерческих тайн не исключена.

Надо сказать, что на сегодняшний день 100%-эффективного инструмента, позволяющего оперативно отслеживать и блокировать нелегальный контент нет. Нормативно-правовое регулирование, скорее всего и дальше будет отставать от скорости технологических новаций. Тем не менее на законных основаниях существует возможность ограничения доступа к запрещенной информации во внесудебном порядке на основании решения уполномоченного органа исполнительной власти. А также владельцы информационных ресурсов не должны забывать, что блокировки доступа к информации и штрафы за нарушения российского законодательства предусмотрены КоАП РФ, ГК РФ (ст. 152), вплоть до уголовной ответственности (например, в УК РФ в 2020 г. добавлены ст. 207.1 и 207.2, ст. 207.3 – март 2022 г.).

Особо стоит отметить Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в плане ликвидации правовых пробелов по вопросу злоупотребления свободой массовой информации (ст. 13.15 ч. 12 и п. 3 и п. 4 Примечаний). Дополнение ст. 13.15. частью 12 предусматривает наложение административного штрафа (если нет признаков уголовно наказуемого деяния) на граждан/должностных лиц/юридических лиц за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, оскорбляющей человеческое достоинство, общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, и др., из хулиганских или иных низменных побуждений. В Примечаниях к статье в п. 3 указано, что действие положений ч. 12 не распространяется на материалы зарегистрированных СМИ., в п. 4 дается определение хулиганским побуждениям[1]. Это имеет важное значение для правоприменительной практики, т.к. прецеденты с привлечением к ответственности СМИ (телевидения) уже были. При этом до сих пор в ст. 13.15 КоАП РФ нет однозначных и одинаковых требований к распространителям и средствам распространения массовой информации, в том числе с учетом новых технологий (например, в этом отношении п. 1; п. 2.1; п. 4; п. 6 отличаются между собой и с п. 5; п. 7 – п. 10). Хотя, как можно сравнивать место и роль в информационном пространстве кроссплатформенного мессенджера Telegram (внесенного Роскомнадзором еще в 2017 г. в «Реестр распространителей информации») и рядового блогера. Еще в 2023 г. Глава Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека В. Фадеев отмечал, что деятельность Телеграм-каналов (живущих более вольготно) ничем не отличаются от традиционных СМИ, в отличие от их законодательного регулирования[2].

[1] Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс»
[2] Telegram-каналы предложили регулировать по примеру СМИ // https://tass.ru/obschestvo/17682485

Таким образом, очевидно, что сегодня современные средства массовой информации под воздействием информационно-коммуникационных технологий есть результат синергии информации и цифровых технологий. Их междисциплинарный характер, соответственно, требует межотраслевого правового регулирования, тем более, что законодательство явно не успевает реагировать на изменение увеличивающихся источников массовой информации.

На государственном уровне пока нет официального признания технологически новых коммуникационных источников массовой информации в качестве СМИ. Тем не менее можно сказать, что требования к соблюдению российского законодательства и нормированию распространения информации в сети «Интернет» через блогеров, сайты (страницы сайтов), агрегаторов, социальные сети, сетевые издания, и др., принципиально совпадают с аналогичными нормами, предъявляемыми к традиционным СМИ. К тому же, так называемые по старинке, традиционные СМИ все активней предпринимают попытки персонализации информационных материалов (посредством ведения авторских программ, различных колонок, создания возможностей для обмена мнениями с пользователями, и др.), дополняя схожесть с персонализированными продуктами деятельности блогеров, информационных агрегаторов.

Разница между старыми (традиционными) и новыми источниками создания и распространения информации сохраняется в отдельных специфических нюансах, касающихся регистрации и выполнения требований (правил) Роскомнадзора, конечно, дополнительно институт традиционных СМИ ограничен редакционными нормами. Главное, что принцип «все что не запрещено, то разрешено» является детерминантом объема прав и обязанностей, как субъектов информационных отношений в сети Интернет, так и традиционных СМИ. На этой основе представляется, что пора ввести легально в законодательство более широкое понятие «медиа», т.к. конвергенция трансформирующихся традиционных СМИ под воздействием цифровых информационно-коммуникационных технологий и новых субъектов информационных процессов требует их объединения в единый социальный институт масс-медиа. В результате актуализируется необходимость выработки общности юридического языка их нормативного регулирования и создания эко-системы медиа-права.

Список литературы:

1. Батурин А.Д. Понятие права на неприкосновенность частной жизни и проблемы его реализации в интернет-пространстве / А.Д. Батурин, С.А. Баранова. — DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(1).51-59. - EDN FLXQVP // Baikal Research Journal. -2025. -Т. 16, № 1. С. 51–59.
2. Бондаренко О.В., Мартыненко А.И. Проблема духовного здоровья российской нации в контексте информационного общества / О.В. Бондаренко, А.И. Мартыненко // Проблемы и перспективы формирования здорового образа жизни в информационном обществе. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. - С. 50.
3. Лантух Э.В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / Э.В. Лантух, В.С. Ишигеев, О.П. Грибунов. - DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).882-890 // Всероссийский криминологический журнал. - 2020. - Т. 14, № 6. - С. 882–890.
4. Уэбстер Ф. Теория информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 398с.
5. Федотов М.А. Медиаправо: доктрина, законодательство, правоприменение: учеб. для академического бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. - С. 16.
6. Шастина А.Р. Использование социальных сетей в целях предвыборной агитации: законодательные рамки и проблемы их соблюдения / А.Р. Шастина. – DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).416-422. – EDN UKVZRW // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25, № 3. – С. 416–422.

References:

1. Baturin A.D. The concept of the right to privacy and the problems of its implementation in the Internet space / A.D. Baturin, S.A. Baranova. — DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(1).51-59. - EDN FLXQVP // Baikal Research Journal. -2025. -Vol. 16, No. 1. pp. 51-59.
2. Bondarenko O.V., Martynenko A.I. The problem of the spiritual health of the Russian nation in the context of the information society / O.V. Bon-darenko, A.I. Martynenko // Problems and prospects of healthy lifestyle formation in the information society. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2017. - p. 50.
3. Lantukh E.V. The use of special knowledge in the investigation of crimes in the field of computer information / E.V. Lantukh, V.S. Ishigeev, O.P. Gribunov. - DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).882-890 // All-Russian Journal of Criminology, 2020, vol. 14, No. 6, pp. 882-890.
4. Webster F. Theory of the Information Society. Moscow: Aspect Press, 2004. 398 p.
5. Fedotov M.A. Media policy: doctrine, legislation, law enforcement: textbook. for academic undergraduate, specialty, graduate and postgraduate studies. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2025. p. 16.
6. Shastina A.R. The use of social networks for election campaigning: legislative frameworks and problems of their observance / A.R. Shastina. – DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).416-422. – EDN UKVZRW // Academic Law Journal. – 2024. – Vol. 25, No. 3. – pp. 416-422.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_205

УДК 342

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМАЛИЗАЦИИ БАЛАНСА В СФЕРЕ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
PREREQUISITES FOR THE FORMALIZATION OF BALANCE IN THE SPHERE OF LEGAL REALITY

КЕМРЮГОВ Тенгиз Хатызович,
директор юридического института имени Е.А. Энгеля
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»,
заведующий кафедрой конституционного и административного права, кандидат юридических наук, доцент.
Петербургское шоссе, 2, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Россия, 196601.
E-mail: tengiz_09@bk.ru;

KEMRYUGOV Tengiz Khatyzovich,
Director of the E.A. Engel Law Institute Saint Petersburg State Agrarian University,
Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Candidate of Law, Associate Professor.
Peterburgskoe highway, 2, Pushkin, Saint Petersburg, Russia, 196601.
E-mail: tengiz_09@bk.ru

Краткая аннотация: *в данной статье рассматриваются предпосылки формализации баланса с учетом мнений ряда авторитетных ученых, считающих, что методология правотворчества и разрешения правовых споров и связанных с ними социальных противоречий, конфликтов в современных условиях не может быть свободной от все более активного применения метаюридической аргументации.*

Abstract: *This article examines the prerequisites for the formalization of balance, taking into account the opinions of a number of authoritative scientists who believe that the methodology of lawmaking and the resolution of legal disputes and related social contradictions and conflicts in modern conditions cannot be free from the increasingly active use of meta-legal argumentation.*

Ключевые слова*: формализация баланса, правовая действительность, концепт баланса.*

Keywords: *formalization of balance, legal validity, concept of balance.*

Для цитирования: *Кемрюгов Т.Х. Предпосылки формализации баланса в сфере правовой действительности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 205-208. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_205.*

For citation: *Kemryugov T.Kh. Prerequisites for the formalization of balance in the sphere of legal reality // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 205-208. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_205.*

Статья поступила в редакцию: 20.07.2025

Утверждение концепта «баланс» в сфере правовой действительности, казалось бы, не должно было вызывать затруднений, поскольку речь идет о лексеме, смысловое содержание которой интуитивно понятно, само слово широко употребляемо и в обыденной, и в научной речи. Но это далеко не так.

К. Поппер еще в середине 50-х гг. прошлого века заметил, что «теория ничего не утверждает о балансе: согласно теории, всякое нарушение равновесия (а нарушения имеют место постоянно) влечет за собой «движение к равновесию»[1].

По авторитетному мнению ряда ученых методология правотворчества и разрешения правовых споров и связанных с ними социальных противоречий, конфликтов в современных условиях не может быть свободной от все более активного применения метаюридической (в том числе социально-культурной, политико-правовой, экономической) аргументации[2].

Неизвестный ранее динамизм, стремительность обновления как политических, социально-экономических, нравственно-этических, так и конституционных основ государственной и общественной жизни (с чем столкнулись, в частности, государства, возникшие на постсоветском пространстве) объективно предопределяют необходимость активного дополнения догматических методов изучения и оценки нормативно-правовой, публично-властной составляющей конституционализма социологическим, историческим, нравственно-этическим, философско-мировоззренческим методами познания сложных, комплексных по своей природе явлений современной правовой действительности.

В особой степени понимание того, что современная юридическая рациональность обусловлена системным подходом к пониманию права как открытой динамической системы, находящейся в сложных прямых и обратных связях со средой, является значимым для институтов права, учитывая, что право «есть исторически выверяемый баланс между идеалом и реальностью, должным и возможным»[3]. В этой связи правоприменительная и, прежде всего, судебная деятельность, предполагающая развитие интерпретационно-оценочных, нормативных начал, представляет собой в соответствующих ее проявлениях нечто большее, чем просто нормоконтроль или толкование. Это особая когнитивная деятельность, направленная на познание конституционной нормативности в ее сложном культурно-социологическом контексте и выходящая в реальности на уровень конституционной политики[4]. Поэтому все большую убедительность приобретают суждения о том, что «никакая рациональная аргументация не может быть свободной от метаоснований определенной культуры и нравственности»[5].

Формированию конституционно обоснованной современной догмы российского права должно непременно сопутствовать погружение в

[1] Поппер К.Р. Нищета историцизма: [Пер. с англ.] / К. Поппер. - Москва: Прогресс: VIA, 1993. С. 134.
[2] Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. – С. 98.
[3] Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. - Москва: НОРМА, 2010. - С. 12.
[4] См.: Гаджиев Г.А. Право и экономика (методология): учебник для магистрантов / Г. А. Гаджиев. - Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2016. С. 171
[5] Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М., 2007. С. 732.

социальную сущность и предназначение тех институтов, которые она выражает. Только таким путем, как было замечено еще С.А. Муромцевым, познается источник различных свойств института, их значение и взаимное соотношение, тогда как пренебрежение этим путем создает некую ловушку односторонности, и излишнее предпочтение может быть отдано свойству, почему-либо бросившемуся в глаза[1]. Нынешнее состояние философии конституционализма и методологических основ современного правосудия может быть охарактеризовано, говоря словами российского философа права И.А. Ильина, как утрата веры в спасительный методологический монизм и переход к принципиальному признанию методологического плюрализма[2].

В практическом плане методология философско-мировоззренческого плюрализма требует взвешенного сочетания формально-юридических и иных (включая политические) аргументов, значимых с точки зрения правовой аргументации, т.е. она подразумевает применение комплексной политико-правовой логики с ориентацией на системообразующее значение - в равной мере с формально-догматическим анализом - социокультурного, аксиологического подхода. Полная и неискаженная картина правового регулирования в обществе, справедливо подчеркивает Г.В. Мальцев, может быть составлена на основе познавательного материала, добытого в результате научного, нормативного и ценностного постижения юридической действительности, - одной же формы познания недостаточно, и ни одну из этих форм нельзя искусственно преувеличивать за счет других, только вместе они могут претендовать на более или менее правильное объяснение реальности[3]. Отсюда - необходимость четкого понимания того, что и ненормативистское, аксиологическое восприятие правовой действительности не может на методологическом уровне останавливаться на приспособлении неюридического феномена ценностей к потребностям конституционного права: актуальные точки роста конституционной аксиологии находятся и могут быть целесообразно востребованы лишь в ее междисциплинарном взаимодействии с другими формами познания[4].

Практическое конституционно-правовое значение в единстве с иными формами юридического познания аксиология приобретает как учение о конституционных ценностях демократического правового развития общества и государства, признания и защиты прав и свобод граждан, равенства и справедливости, воплощения в жизнь, в том числе с помощью конституционно-правовых средств, основных ценностей нашей жизни[5]. В контексте же конституционализации правовой жизни посредством правосудия становится возможным соответствующие различные аспекты конституционной аксиологии отразить наиболее рельефно, зримо, и в том числе здесь находят свое проявление и оказываются практически востребованными междисциплинарные начала ценностного подхода.

Существенный потенциал аксиологии как важного объединительного (системообразующего) фактора в рамках современной методологии познания российского конституционализма и методологии конституционализации коренится прежде всего в его личностных началах, поскольку в центре конституционно-правовой системы находятся человек и его проявления в юридической реальности - права и свободы. Вместе с тем это связано с объективной ролью, которую конституционные ценности играют в конституционно-правовой (и шире - государственно-общественной) системе, имея в виду, в частности, такие их функции, как: а) интегративно-коммуникативная (как внутри национального сообщества, так и в отношениях международного общения); б) идеально-прогностическая - формирование и фиксация конституционных образов будущего, ориентирующих на стремление к ним в настоящем; в) континуально-передаточная - трансляция воспринятых от предшествующих поколений государственно-правовых традиций и обеспечение соотносимого с цивилизационно-культурным генотипом нации преемственного государственно-правового развития; г) нормативно-регулятивная; д) контрольно-охранительная; е) идеологическая[6].

В свете философии конституционного мировоззрения, основанной на восприятии методологического плюрализма, предполагается, таким образом, что правосудие, призванное гарантировать охрану национальных социально-правовых ценностей, не может быть реализовано эффективно без учета в судебной практике специфически-национального контекста (социокультурной специфики) и конкретных социально-политических условий, без разумного использования метода исторического толкования конституционных и законодательных норм. Уместно подчеркнуть, что речь не идет (и не может идти!) о придании судебной власти неких «оборонительных» функций в отношении национальных ценностей, рассматриваемых в противопоставлении (тем более антагонизме) с общепринятыми ценностями современной правовой цивилизации. Правоприменитель (прежде всего мы говорим здесь, по вполне понятным причинам, о Конституционном Суде Российской Федерации) призван находить в рамках толкования и применения норм права отвечающий требованиям Конституции исторически выверенный баланс в отношении приверженности восприятию универсальных правовых стандартов в свете национальной конституционной идентичности, с тем чтобы само существо и функциональность конституционного строя, характеризующего основы публичного порядка, не были поколеблены. Судебно-правовая практическая конституционная аксиология направлена в итоге на обогащение посредством устойчивого диалога ценностей современного конституционализма, складывающегося через интегративное восприятие специфически-национального опыта. Ведь, как заметил Г.Д. Гурвич, любой из несводимых друг к другу видов духовного опыта представляет собой бесконечную множественность опытных восприятий, которые лишь частично и по-своему постигают тот или иной участок духовности, а для того чтобы воспринять духовность во всем ее бесконечном многообразии, требу-

[1] См.: Муромцев С. Что такое догма права? (Окончание): Май - июнь // Юридический вестник: Май - июнь. Издание Московского Юридического Общества. - М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1884, № 5-6. С. 239 – 240.
[2] См.: Ильин И.А. Понятия права и силы (опыт методологического анализа) // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 9 – 10.
[3] См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. - Москва: Норма: Инфра-М, 2011. С. 76 - 77.
[4] См.: Перепелица Е.В. Познавательные задачи и возможности конституционной аксиологии / Е. В. Перепелица. - (Проблемы теории). // Конституционное и муниципальное право. - 2016. - № 10. С. 14.
[5] Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. - Москва: Юрист, 2013.
[6] См.: Джагарян А.А., Джагарян Н.В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии // Юридический мир. 2014. № 2.

ется совместный труд всех эпох, всех цивилизаций, всех наций и социальных групп[1].

Использование в рамках правосудия методологических подходов, основанных на философско-мировоззренческом плюрализме, включая обеспечение посредством конституционной юстиции эволюционно-преобразовательного толкования Конституции, нельзя считать тождественным признанию возможности изменения действующего законодательства решениями судов, которые служат источником права особого рода. В частности, толкование Конституции- в какой бы форме конституционно-судебного контроля оно ни осуществлялось - выражается не в корректировке ее норм, а в приведении буквы Конституции в соответствие с ее духом. Соответственно, и учет КС РФ в процессе своей нормоконтрольной и интерпретационной деятельности разнообразных метаюридических, социокультурных факторов объективно необходим для обеспечения эффективной реализации конституционных норм в изменяющихся социальных условиях. Более того, поскольку положения Конституции проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования, притом в развивающемся социально-историческом контексте, правовые позиции, сформулированные КС РФ в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции применительно к проверявшемуся нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования[2].

Вместе с тем это важно и для иных судебных органов, и прежде всего Верховного Суда РФ, поскольку все суды призваны обеспечивать актуализированное конституционное истолкование подлежащих применению норм, а практика высшего суда имеет институциональное значение.

Воздействие на формирование судебной аргументации и в итоге на судебную политику наряду с собственно правовыми иных, метаюридических факторов носит комплексный объективно-субъективный характер. А.С. Гамбарян предлагает разделить факторы, влияющие на судебную политику, на две группы: не латентные (правовые) и латентные (не правовые) факторы воздействия - в зависимости от того, действительно ли тот или иной фактор, который определенно влияет на судебную политику, официально отражен в судебном акте. Латентные факторы, к числу которых отнесены имеющиеся в стране политические тенденции и традиции общества, научные комментарии закона и политические взгляды, влияют на судебную политику, как он полагает, опосредованно (косвенно), и в своей основе они являются субъективными[3]. Между тем подобное разделение во многом условно. Судебная аргументация служит формализованным выражением внутреннего убеждения судьи, основанного на общем и профессиональном правосознании, объективном праве и общественном контексте, от которого судья в любом случае не может отстраниться, не избежав упрека в том, что это грозит утратой связи правосудия с реальностью. Судья, замечает А. Барак (Председатель Верховного суда Израиля с 1995 по 2006 г., профессор юриспруденции Йельского университета), есть часть своей нации, часть своего времени, порождение своей эры, он движется вместе с историей, «иногда он может жить в башне из слоновой кости, но эта башня... находится на холмах Иерусалима, а не на Олимпе»[4]. В условиях развития судебного правотворчества, прецедентных начал в правовой системе принцип историзма приобретает особое значение, что находит подтверждение не только в англосаксонской правовой среде (для которой данный принцип всегда был присущ, но и для континентальной системы права.

Сегодня становится очевидным и то, что экономические факторы и конституционно-правовое развитие - это, по выражению Г.А. Гаджиева, «сообщающиеся сосуды», что приводит в итоге к формированию качественно новых интегративных связей и зависимостей экономики и права в системе экономического конституционализма[5], концептуальные начала которой имеют в том числе важное практико-прикладное назначение. В этих условиях, например, судьи не только не могут уклоняться от необходимости учитывать экономические последствия принимаемых ими решений, но не могут не стремиться к тому, чтобы - при всех сложностях, с которыми связана реализация методологического подхода, основанного на принципах экономического конституционализма и, в более широком плане, экономического анализа права, - судебные решения были ориентированы, насколько возможно, на повышение уровня общественного благосостояния, рост эффективности экономической и социальной политики.

Так, выработанная Верховным Судом РФ позиция, согласно которой «ошибочное предположение заемщика о выгодности займа в той или иной иностранной валюте само по себе не означает, что стороны не могли и не должны были предвидеть возможность изменения курса валют» и в связи с этим «изменение курса иностранной валюты по отношению к рублю само по себе нельзя расценивать как существенное изменение обстоятельств, являющееся основанием для изменения договора»[6], характеризует интерпретацию соответствующих законоположений (ст. 451 ГК РФ) в свете сложившихся экономических реалий и коррелирует с ранее сделанным судебно-правовым выводом о том, что «финансовый кризис явился объективным обстоятельством, в условиях которого оказались все хозяйствующие субъекты»[7].

На необходимость учета общественно-политического контекста при восприятии, применении норм права Верховный Суд РФ прямо

[1] Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. / Г.Д. Гурвич; пер. с фр. М.В. Антонова; пер. с англ. М.В. Ворониной. - СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004 (ОАО ИПП Искусство России). С. 250

[2] См.: абз. 6 п. 5 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ, 16.01.2006, № 3, ст. 336.

[3] Гамбарян А. С. Судебная политика в Республике Армения (общетеоретические и методологические проблемы). - Дисертация д-ра юрид. наук: 12.00.01, Рос.-Арм. (Славян.) ун-т. - Ереван, 2012. С. 15-19.

[4] Барак А. Судейское усмотрение: Пер. с англ. / Аарон Барак; Вступ. ст. М. В. Баглая. - Москва: НОРМА, 1999. С. 169.

[5] Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики / Н. С. Бондарь. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021.

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.08.2016 № 57-КГ16-7 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

[7] Постановление Президиума ВАС РФ от 07.08.2001 № 4876/01 // СПС «КонсультантПлюс».

указывает, в частности, применительно к выяснению судами вопросов о том, имеет ли место злоупотребление свободой массовой информации: судам следует учитывать в том числе «общественно-политическую обстановку в стране в целом или в отдельной ее части (в зависимости от региона распространения данного средства массовой информации)»[1]. В одном из решений по делам об экстремизме Верховный Суд РФ разъяснил, что «запрет на пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, не касается, не отменяет и не умаляет значения культурно-исторического наследия русского народа и других народов, созданных в ходе их исторического развития ценностей мировой художественной культуры, а представляет из себя лишь необходимую в сложившейся в настоящее время общественно-политической ситуации меру по предотвращению создания и деятельности фашистских организаций и движений на территории РФ»[2].

Список литературы:

1. Поппер К.Р. Нищета историцизма: [Пер. с англ.] / К. Поппер. - Москва: Прогресс: VIA, 1993. С. 134.
2. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. – С. 98.
3. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. - Москва: НОРМА, 2010. - С. 12.
4. Гаджиев Г.А. Право и экономика (методология): учебник для магистрантов / Г. А. Гаджиев. - Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2016. С. 171
5. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М., 2007. С. 732.
6. Муромцев С. Что такое догма права? (Окончание): Май - июнь // Юридический вестник: Май - июнь. Издание Московского Юридического Общества. - М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1884, № 5-6. С. 239 – 240.
7. Ильин И.А. Понятия права и силы (опыт методологического анализа) // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 9 – 10.
8. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. - Москва: Норма: Инфра-М, 2011. С. 76 - 77.
9. Перепелица Е.В. Познавательные задачи и возможности конституционной аксиологии / Е. В. Перепелица. - (Проблемы теории). // Конституционное и муниципальное право. - 2016. - № 10. С. 14.
10. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. - Москва: Юрист, 2013.
11. Джагарян А.А., Джагарян Н.В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии // Юридический мир. 2014. № 2.
12. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. / Г.Д. Гурвич; пер. с фр. М.В. Антонова; пер. с англ. М.В. Ворониной. - СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004 (ОАО ИПП Искусство России). С. 250
13. Гамбарян А. С. Судебная политика в Республике Армения (общетеоретические и методологические проблемы). - Дисертация д-ра юрид. наук: 12.00.01, Рос.-Арм. (Славян.) ун-т. - Ереван, 2012. С. 15-19.
14. Барак А. Судейское усмотрение: Пер. с англ. / Аарон Барак; Вступ. ст. М. В. Баглая. - Москва: НОРМА, 1999. С. 169.
15. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики / Н. С. Бондарь. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021.

References:

1. Popper K.R. The poverty of historicism: [Trans. from English] / K. Popper. - Moscow: Progress: VIA, 1993. P. 134.
2. Bondar N.S., Dzhagaryan A.A. Justice: orientation to the Constitution: a monograph. Moscow: NORM, INFRA-M, 2018. – P. 98.
3. Zorkin V.D. The modern world, law and the Constitution / V. D. Zorkin. Moscow: NORMA, 2010. pp. 12.
4. Gadzhiev G.A. Law and economics (methodology): textbook for undergraduates / G. A. Gadzhiev. - Moscow: NORMA: INFRA-M, 2016. P. 171
5. Kruss V.I. Theory of constitutional law enforcement. Moscow, 2007. p. 732.
6. Muromtsev S. What is the dogma of law? (End): May - June // Legal Bulletin: May - June. Edition of the Moscow Law Society. Moscow: Tip. A.I. Mamontov and Co., 1884, No. 5-6. pp. 239-240.
7. Ilyin I.A. Concepts of law and force (experience of methodological analysis) // Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 4. Moscow, 1994 Pp. 9-10.
8. Maltsev G.V. Social foundations of law / G. V. Maltsev. Moscow: Norma: Infra-M, 2011. pp. 76-77.
9. Perepelitsa E.V. Cognitive tasks and possibilities of constitutional axiology / E. V. Perepelitsa. - (Problems of theory). // Constitutional and municipal law. - 2016. - No. 10. p. 14.
10. Bondar N. S. Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice / N. S. Bondar. Moscow: Yurist Publ., 2013.
11. Dzhagaryan A.A., Dzhagaryan N.V. An apology for a value-based approach in Constitutional Law and Justice // Yuridicheskiy Mir, 2014, No. 2.
12. Gurvich G.D. Philosophy and sociology of law: selected works / G.D. Gurvich; translated from French by M.V. Antonov; translated from English by M.V. Voronina. - St. Petersburg: Izdat. St. Petersburg State University, 2004 (JSC IPP The Art of Russia). p. 250
13. Gambaryan A. S. Judicial policy in the Republic of Armenia (general theoretical and methodological problems). - Dr. Jurid's dissertation. sciences': 12.00.01, Russian-Armenian (Slavs.) univ. - Yerevan, 2012. pp. 15-19.
14. Barak A. Judicial discretion: Translated from English / Aaron Barak; Introductory article by M. V. Baglaya. Moscow: NORMA Publ., 1999, p. 169.
15. Bondar N. S. Economic constitutionalism of Russia: essays on theory and practice / N. S. Bondar. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2021.

[1] Пункт 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2010.
[2] Определение Верховного Суда РФ от 27.07.2004 по делу № 50-Г04-10 // СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_209

УДК 33.338

ЭКСТЕРНАЛЬНЫЕ И ЭНДОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
EXTERNAL AND ENDOGENOUS FACTORS OF THE EFFECTIVENESS OF RUSSIA'S INDUSTRIAL POLICY: ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS

ИБРАГИМОВ Кюри Хамзатович,
профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»,
доктор сельскохозяйственных наук, кандидат юридических наук,
главный научный сотрудник Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН,
академик Академии наук Чеченской Республики.
ул. Старопромысловское ш., 21 а, г. Грозный, Чеченская Республика, 366002, Россия.
E-mail: 7800467mail.ru;

ИБРАГИМОВ Алхазур Кюриевич,
кандидат экономических наук, сельскохозяйственный предприниматель.
г. Грозный, Чеченская Республика, 366000, Россия
E-mail: ialhazur@yahoo.com;

IBRAGIMOV Kyuri Khamzatovich,
Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law Kadyrov Chechen State University,
Doctor of Agricultural Sciences, Candidate of Law, Chief Researcher
at the Laboratory of Socio-Political Research Comprehensive Research Institute named after H.I. Ibragimov
of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Chechen Republic.
Staropromyslovskoe sh., 21 a, Grozny, Chechen Republic, 366002, Russia.
E-mail: 7800467mail.ru;

IBRAGIMOV Alkhazur Kyurievich,
PhD in Economics, agricultural entrepreneur.
Grozny, Chechen Republic, 366000, Russia.
E-mail: ialhazur@yahoo.com

***Краткая аннотация**. В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты экстернальных и эндогенных факторов эффективности промышленной политики России. Рассмотрены их основные характеристики. Показано, что экстернальные факторы развития промышленной политики могут быть непредсказуемы, но именно благодаря им промышленность не застаивается, а развивается, преодолевая преграды и открывая новые горизонты. Примеры социальных эффектов от позитивного действия эндогенных факторов развития промышленной политики со всей очевидностью свидетельствуют в пользу приоритетности развития промышленного производства России, зависящего только от внутренних факторов. Вместе с тем, авторы пришли к выводу, что при гармоничном сочетании экстернальных и эндогенных факторов в рамках научно обоснованной промышленной политики они могут дополнять друг друга. Следовательно, реальная промышленная политика России всегда должна искать баланс между этими двумя видами факторов.*

***Abstract.** The article examines the organizational and legal aspects of external and endogenous factors of the efficiency of industrial policy in Russia. Their main characteristics are considered. It is shown that external factors of industrial policy development can be unpredictable, but it is thanks to them that the industry does not stagnate, but develops, overcoming obstacles and opening up new horizons. Examples of social effects from the positive action of endogenous factors of industrial policy development clearly testify in favor of the priority of industrial production development in Russia, depending only on internal factors. At the same time, the authors came to the conclusion that with a harmonious combination of external and endogenous factors within the framework of scientifically based industrial policy, they can complement each other. Consequently, the real industrial policy of Russia should always seek a balance between these two types of factors.*

***Ключевые слова:** промышленная политика, экстернальные и эндогенные факторы, организационно-правовые аспекты, нормативно-правовые акты, принципы, эффективность.*

***Keywords:** industrial policy, external and endogenous factors, organizational and legal aspects, regulatory legal acts, principles, efficiency.*

***Для цитирования:** Ибрагимов К.Х., Ибрагимов А.К. Экстернальные и эндогенные факторы эффективности промышленной политики России: организационно-правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 209-213. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_209.*

***For citation:** Ibragimov K.Kh., Ibragimov A.K. External and endogenous factors of the effectiveness of Russia's industrial policy: organizational and legal aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 209-213. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_209.*

Статья поступила в редакцию: 06.07.2025

Многолетний опыт реализации промышленной политики в развивающихся странах свидетельствует о наличии двух основных видов факторов, влияющих на эффективность индустриального развития – внешних или экстернальных, и внутренних или эндогенных. В научной литературе отсутствуют очевидные данные об однозначной приоритетности какого-либо из двух этих видов для реализации индустриальной политики. Первый взгляд в пользу эндогенных факторов терпит неудачу, как только вообразим, что успех промышленности Южной Кореи основывался, в основном, на экспорте их промышленных товаров.

Хотя вряд ли можно данный пример Кореи однозначно брать в качестве образца для России. Если, например, предприятие производит продукцию, пользующуюся преимущественным спросом населения ряда соседних стран, а они, к сожалению, начали затяжную войну, или там пандемия наподобие коронавируса, или против них ввели санкции, или произошел провал рынка, или случилось какое-то бедствие (земля-

трясение, наводнение, голодомор и т.д.), оно в той или иной степени потерпит неудачу. Или, например, по этим же причинам страны, поставлявшие комплектующие или сырье для предприятия прекратили их отгрузку, тогда также оно понесет убытки, равно как это случится и тогда, когда соседние страны за одну и ту же работу будут платить рабочим более высокую зарплату и создадут более комфортные условия труда. Глобальные экономические кризисы и повышение мировых цен на сырье и энергоносители также могут негативно повлиять на промышленное развитие в стране.

Иначе говоря, внешние или экстернальные факторы развития промышленности — это те силы и обстоятельства, которые формируют промышленное развитие извне, независимо от внутренней структуры и организации предприятий. Эти факторы могут быть как благоприятными, так и ограничивающими, и их влияние может оказаться решающим для развития индустрии не только в регионах, но и в России, в целом. Рассмотрим их подробно:

- географические и природные условия можно вполне рассматривать внешними по отношению к заводам и фабрикам конкретной местности. Географию действительно можно считать судьбой индустрии. Как утверждал Ф. Ратцель, - один из основателей географического детерминизма, - наличие природных ресурсов, климат, доступ к морям и рекам определяют возможности для размещения и развития промышленности. «Наиболее важными характеристиками географии государства являются размеры, местоположение и границы. Далее следует типы почвы вместе с растительностью, ирригация и, наконец, соотношения с остальными конгломератами земной поверхности, и в первую очередь, с прилегающими морями и незаселенными землями, которые, на первый взгляд, не представляют особого политического интереса. Совокупность всех этих характеристик составляют страну (das Land)» [4]. Например, угольные и железорудные бассейны стали колыбелью промышленной революции в Англии и Германии. Без этих природных ресурсов невозможно было бы представить себе ни мануфактуры, ни гигантские заводы этих стран.

- государственная политика и институты. «Государство — это дирижёр промышленного оркестра», - подчеркивал А. Гершенкрон в своей знаменитой работе «Экономическая отсталость в исторической перспективе» (1962) [3, с. 41]. Он доказывал, что именно государственная поддержка, протекционизм, инвестиции в инфраструктуру и образование становятся катализаторами индустриализации. Примером служит политика Петра I в России или «новый курс» Ф. Рузвельта в США. Без научно обоснованного и решительного вмешательства государства промышленность часто буксует, сталкиваясь с непреодолимыми барьерами.

- научно-технический прогресс и внешние инновации. Й. Шумпетер отмечал: «Идеи витают в воздухе, но их реализация зависит от того, найдется ли человек, способный их использовать» [13, с. 133], т.е. все зависит от того, станут ли они двигателями прогресса. В своей книге «Теория экономического развития» он подчеркивал роль инноваций и предпринимателей, которые внедряют новые технологии, зачастую заимствуя их из других стран и отраслей. Внешние научные открытия, такие как паровая машина Джеймса Уатта или электричество Томаса Эдисона, изменили облик промышленности во всем мире, независимо от национальных границ.

- международная торговля и глобальные рынки. Мир — это огромная кузница промышленных товаров и рынок одновременно. А. Смит в 1776 г. отмечал: «Если иностранная страна может снабдить нас каким-либо товаром дешевле, чем мы сами можем его произвести, то лучше покупать его у неё за часть продукта собственного труда, употреблённого на то, в производстве чего мы имеем преимущество» [10, с. 395]. Д. Рикардо в 1817 г. заметил: «Каждая страна выигрывает от внешней торговли, специализируясь на производстве тех товаров, которые она может производить с наименьшими издержками, и обменивая их на товары других стран» [9, с. 134]. Эти ученые одни из первых показали, что внешняя торговля позволяет странам специализироваться, обмениваться технологиями и капиталом, что ускоряет промышленное развитие.

Открытие новых рынков, приток иностранных инвестиций, развитие транснациональных корпораций — всё это мощные экстернальные стимулы для роста промышленности.

- социальные и культурные влияния. Культурные ценности общества — невидимые, но могущественные силы, способные кардинально влиять на развитие индустрии. Макс Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма» (1905) убедительно показал, что культурные установки, религиозные убеждения и социальные нормы могут либо способствовать, либо тормозить промышленное развитие. Хотя данная сентенция проходит через всё его произведение и является его центральной идеей, наиболее выражена данная мысль в цитате: «Религиозные представления, в особенности этические установки протестантизма, оказали решающее влияние на формирование того типа личности, который оказался наиболее приспособленным к капиталистическому хозяйству…» [2, с. 61-62]. Например, культ труда и рациональности в протестантских странах стал важным внешним фактором для формирования промышленного капитализма.

- войны, кризисы и катастрофы. «Великие потрясения — это не только бедствия, но и толчки к обновлению, - однозначно считал Чарльз Тилли в работе «Война и строительство государств в Европе». Он утверждал, что войны и кризисы часто становятся катализаторами технологических и организационных изменений в промышленности. Мобилизация ресурсов, массовое производство, инновации в военной технике — всё это потом находит применение в мирной экономике. Он, в частности, отмечал:

- «Войны и подготовка к ним требовали новых технологий, новых форм организации производства и управления, что в свою очередь стимулировало развитие промышленности и бюрократии»;

- «Военные нужды часто становились катализатором для внедрения новых технологий и организационных решений, которые затем распространялись и на гражданскую сферу»;

- «Крупные войны и кризисы ускоряли процессы технологических и организационных изменений, делая государства более способными к мобилизации ресурсов и развитию промышленности» [11, с. 74, 110, 312].

Внешние или экстернальные факторы развития промышленной политики, могут быть жестоки и непредсказуемы, но именно благодаря им промышленность не застаивается, а развивается, преодолевая преграды и открывая новые горизонты. Вероятно, без этих могучих внешних

сил не было бы ни индустриальных революций, ни технологических прорывов, ни процветания современных обществ.

Таким образом, экстернальные факторы развития промышленности — это те, что приходят извне и часто не поддаются изменению под влиянием правительства страны.

Другое дело эндогенные факторы — это то, что правительство, на своё усмотрение, может изменить или контролировать «внутри» реализации промышленной политики. К эндогенным факторам развития индустрии, в частности, относятся следующие основные факторы: квалификация и численность рабочей силы; наличие и качество инфраструктуры (транспорт, энергетика); научно-технический потенциал, уровень инноваций; государственная промышленная политика и поддержка; организация управления предприятиями; внутренний рынок и платежеспособный спрос и т.д.

Если в России сегодня начали внедрять новые образовательные программы для инженеров — это эндогенный фактор. " В России должна быть сформирована единая сквозная система подготовки технических кадров - от школы до университета. Такую задачу поставил Владимир Путин на заседании Совета по науке и образованию. … С учетом стремительного технологического развития нужно серьезно переосмыслить наполнение учебных программ, сами механизмы обучения", - обратился Путин к минобрнауки. Президент пояснил, что имеет в виду в первую очередь будущих инженеров» [5]. Символично, что более 300 лет назад "об умножении школы инженерной" повелевалось и в Именном Указе Петра Первого [8].

Эндогенные факторы, влияющие на эффективность промышленной политики, - это тогда, когда промышленная продукция предприятия ориентирована исключительно на спрос местного населения, и само её производство основано в основном на использовании местного сырья. Например, в Чеченской Республике такой продукцией является цемент Чири-Юртовского цементного завода. При равном качестве с «импортным» цементом, стоимость его несколько ниже. Населению также доступнее предъявить претензию цементному заводу в случае несоответствия цемента требованиям качества. С другой стороны, сырье для цемента добывается в соседних горах, а избыток трудоспособного населения обеспечивает дешевую рабочую силу, - это обеспечивает более низкую себестоимость производства цемента и, соответственно, более высокую прибыль завода. Естественно, недостатком является то, что клубы тяжелого дыма с примесью цементной пыли, тоннами выбрасываемые трубами завода, наносят огромный вред местной окружающей среде и здоровью всего живого. И если сравнить отмеченные выше плюсы и минусы цементного производства с отложенным на перспективу вредом для экологии и здоровья человека, то, наверное, можно будет, без сомнения, говорить о необходимости его закрытия или переводе на экологически чистую основу, используя, например, технологию цементного производства Японии.

При таком экологическом благополучии цементный завод выступил бы в качестве неоспоримого общего блага. Производство достаточных объемов цемента стимулировало бы строительную индустрию – население обеспечивалось бы жильем и новыми рабочими местами, причем, в разных сферах – торговли, транспорта, машиностроении, ремонте и др., а также значительно снизилась преступность и иные виды асоциального поведения граждан. Наличие рабочих мест, стабильные достойные зарплаты способствовали бы лучшему количественному и качественному питанию населения, а это снижало бы его заболеваемость, и, наоборот, повышало его производительность труда, позитивно влияло бы на успехи молодежи в учебе, спорте и военном деле. На эти и другие социальные цели рост промышленного производства позитивно повлиял бы и увеличением налоговых поступлений. Это позволило бы государству инвестировать в социальную инфраструктуру: здравоохранение, образование, транспорт.

Развитие промышленности в регионах способствовало бы выравниванию экономических возможностей между сельскими и городскими территориями, снижая уровень миграции селян в крупные города, а также развитию местных сообществ, укреплению социальной сплоченности и формированию корпоративной социальной ответственности.

К эндогенным факторам также следует отнести и стимулирование инновационной активности. Поддержка научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ способствует развитию экологически чистых технологий и появлению новых продуктов и услуг, что положительно сказывается на уровне жизни и возможностях самореализации граждан.

Эти эндогенные эффекты могут проявиться в России в результате эффективной промышленной политики, основанной на использовании внутренних ресурсов, инноваций, кадрового потенциала и институциональных преимуществ страны.

Примеры социальных эффектов от позитивного действия внутренних факторов эффективного развития данной политики можно было бы продолжить. Они со всей очевидностью свидетельствуют в пользу приоритетности развития промышленного производства России, зависящего только от внутренних факторов: от местного сырья, рабочей силы и ее квалификации, местного рынка и т.д. Такой подход, – ориентация на собственные возможности в развитии промышленности, - является традиционным для России. Так, еще в 1712 г. в Именном Указе Петра Великого имеется наставление сенаторам: "Завод суконный размножить не в одном месте так, чтобы в 5 лет не покупать мундиру заморского" [8].

И это с полной ответственностью осознают высшие органы публичной власти России. Подтверждением тому является ряд документов, принятый ими в последние годы, а именно: Федеральный закон РФ "О промышленной политике в Российской Федерации" от 31.12.2014 N 488-ФЗ от 31 декабря 2014 года N 488-ФЗ, в котором впервые после 1990 г. применены термины «российская промышленная продукция» и «реестр российской промышленной продукции»; Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации"; Постановление Правительства РФ от 17.07.2015 № 719 "О критериях отнесения промышленной продукции к промышленной продукции, не имеющей аналогов, произведенных в Российской Федерации"; Постановление Правительства РФ от 04.08.2015 № 794 "Об индустриальных (промышленных) парках и управляющих компаниях индустриальных (промышленных) парков"; Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 N 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года» и др.

В приведенном выше ФЗ РФ N 488-ФЗ приведен почти полный перечень эндогенных факторов, на учет которых должна быть направлена политика промышленного развития России. Поскольку принципы — это основные, исходные положения, руководящие идеи, на которых

строится какая-либо деятельность, система взглядов, поведение или наука и служат фундаментом для принятия решений, определения норм и правил [7, с. 31], а также для оценки поступков и явлений, приведем перечень принципов политики промышленного развития России, установленный в п. 3 ст. 4 данного закона:

1) программно-целевой метод формирования документов стратегического планирования в сфере промышленности;

2) измеримость целей развития промышленности и реализации мер стимулирования субъектов деятельности в сфере промышленности;

3) мониторинг эффективности промышленной политики и контроль за ее реализацией;

4) применение мер стимулирования деятельности в сфере промышленности для достижения показателей и индикаторов, установленных документами стратегического планирования;

5) координация мер стимулирования деятельности в сфере промышленности, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления;

6) рациональное сочетание форм и методов государственного регулирования и рыночной экономики, мер прямого и косвенного стимулирования деятельности в сфере промышленности;

7) обеспеченность ресурсами и их концентрация на развитии приоритетных отраслей промышленности;

8) информационная открытость при разработке промышленной политики и применении мер стимулирования деятельности в сфере промышленности с учетом интересов безопасности государства;

9) равный доступ субъектов деятельности в сфере промышленности к получению государственной поддержки в соответствии с условиями ее предоставления;

10) интеграция науки, образования и промышленности;

11) учет интересов субъектов Российской Федерации в решении вопросов функционирования и развития оборонно-промышленного комплекса при условии соблюдения приоритета федеральных интересов [12].

Эти принципы имеют фундаментальную значимость для современного государства, стремящегося к устойчивому развитию и технологическому суверенитету, в них квинтэссенция рационального государственного вмешательства в развитие промышленности, столь необходимого сегодня, в эпоху структурных сдвигов и глобальных вызовов. Разберем каждый из них:

1. Программно-целевой метод — это не просто бюрократическая формальность, но воплощение советской веры в силу планирования. В условиях, когда "невидимая рука" рынка не способна обеспечить оптимальное распределение ресурсов, именно государство должно взять на себя роль архитектора будущего, формируя стратегические документы, которые станут дорожной картой для всей промышленности.

2. Измеримость целей — это требование времени. Экономика, лишённая чётких ориентиров, подобна кораблю без компаса. Только через количественные показатели можно оценить эффективность политики, скорректировать курс, избежать излишних издержек и достичь максимального эффекта от вложенных средств.

3. Мониторинг и контроль — здесь проявляется забота российского государства о результативности. Государство не должно быть слепым дирижёром: оно обязано видеть, слышать и чувствовать, как реализуются его решения, чтобы вовремя вмешаться, если что-то идёт не так.

4. Применение мер стимулирования — это признание того, что промышленность нуждается в поддержке, особенно в периоды спада или структурных изменений. Прямое и косвенное стимулирование — инструменты, которые позволяют сгладить циклические колебания, поддержать занятость и инновации.

5. Координация мер — важнейший принцип, без которого усилия различных уровней власти могут превратиться в разлад, как в басне Крылова о лебеде, раке и щуке. Только слаженная работа федеральных, региональных и муниципальных органов способна обеспечить синергетический эффект.

6. Рациональное сочетание регулирования и рынка — это ключевой принцип концепции промышленного планирования : не отрицание рынка, а его дополнение, исправление его провалов, создание условий для его эффективного функционирования.

7. Концентрация ресурсов на приоритетах — эта идея "созидательного разрушения" Е.А. Шумпетера имеет ключевое значение в политике промышленного планирования, суть которой в том, что ресурсы в первую очередь должны идти туда, где они принесут наибольшую отдачу, где рождаются новые отрасли, новые технологии, новые рабочие места.

8. Информационная открытость — это важнейшее условие для формирования доверия между государством, бизнесом и обществом. Без прозрачности любые меры поддержки рискуют превратиться в источник коррупции и неэффективности.

9. Равный доступ к поддержке — принцип справедливости, столь важный для социальной стабильности. Только при равных условиях конкуренции можно ожидать появления новых российских чемпионов - предпринимателей, способных выйти на мировые рынки.

10. Интеграция науки, образования и промышленности — это залог инновационного развития. Без тесной связи между этими сферами невозможно создать экономику знаний, столь необходимую в XXI веке.

11. Учет интересов регионов и приоритет федеральных интересов — это баланс между централизацией и децентрализацией, между единством страны и многообразием её регионов, между обороной и развитием гражданских отраслей.

В целом, представленный набор принципов — это не просто декларация, а вызов времени, попытка найти золотую середину между свободой и порядком, между инновациями и стабильностью, между интересами государства и общества. Это — промышленная политика, достойная эпохи больших перемен, и, если она будет реализована с умом и настойчивостью, Россия сможет не только сохранить, но и приумно-

жить свой промышленный потенциал, стать одним из лидеров новой индустриальной революции.

Между тем, на наш первый взгляд, между принципами № 7 и № 9 имеется серьезное противоречие. Согласно принципу № 7 ресурсы государства должны идти туда, где наибольшая отдача, где рождаются новые отрасли, технологии, рабочие места. Это принцип эффективности: государство должно инвестировать туда, где ожидается максимальный экономический и социальный эффект.

В соответствии с принципом № 9 равный доступ предпринимателей к поддержке государства означает: только при равных условиях конкуренции можно ожидать появления новых предпринимателей, способных выйти на мировые рынки. Это принцип справедливости и стимулирования конкуренции: все предприниматели должны иметь равные шансы на получение поддержки, чтобы не возникало монополий и чтобы появлялись новые игроки.

На наличие между этими принципами противоречия наводит следующее суждение: если ресурсы направляются только туда, где "наибольшая отдача", то это может привести к поддержке уже сильных, крупных, успешных компаний или отраслей, а не новичков. Если же обеспечивать "равный доступ", то ресурсы могут распределяться и на менее перспективные проекты, что снизит общую эффективность реализации промышленного планирования. Однако, если применить к разбору данного противоречия системный подход, то коллизия между этими принципами сойдет на нет. Данный подход предусмотрен в п. 3 ст. 78 Бюджетного кодекса РФ: «Отбор получателей субсидий… осуществляется на конкурентной основе следующими способами:

1) запрос предложений - проведение отбора получателей субсидий исходя из соответствия участников отбора получателей субсидий категориям и (или) критериям и очередности поступления предложений (заявок) на участие в отборе получателей субсидий;

2) конкурс - проведение отбора получателей субсидий исходя из наилучших условий достижения результатов предоставления субсидий [1] и т.д. Как раз о последнем и упоминается в п.п. 1 п. 2 ст. 10 ФЗ «ФЗ РФ "О промышленной политике в Российской Федерации", а именно: «использование конкурсных механизмов предоставления субсидий с включением в число критериев отбора их получателей показателей эффективности использования субсидий». Данная норма конкретизируется в п. 1 ст. 18 данного закона: «Специальный инвестиционный контракт заключается в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, по результатам проведения открытого или закрытого конкурсного отбора…». Таким образом, российское государство решает создать прозрачные критерии отбора, которые одновременно учитывают потенциал отдачи и обеспечивают равные стартовые условия для всех претендентов. Например, оно объявляет конкурс на поддержку инновационных проектов, где все предприниматели могут подать заявки, а победители определяются по объективным критериям (инновационность, потенциал роста, создание рабочих мест и т.д.). Другими словами, сохраняется равный доступ предпринимателей к государственной поддержке (все могут подать заявку), но ресурсы получают те, чьи проекты обещают наибольшую отдачу.

Выводы. Таким образом, рассмотренные два вида факторов эффективности промышленной политики - экстернальные и эндогенные – являются важными для экономического роста промышленности. При гармоничном их сочетании в рамках научно обоснованной промышленной политики они могут дополнять друг друга. Очевидно то, что реальная промышленная политика России всегда должна искать баланс между этими двумя видами факторов.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 17 июля 1998 г. в редакции от 25.01.2024 № 3-П //http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102365303&backlink=1&&nd=102054721
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма [пер. с нем. М. И. Левиной]. – М.: Бизнеском, 2013. – С. 61-62.
3. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / науч. ред. А. А. Белых, пер. с англ. А. В. Белых; Российская акад. народного хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. – М.: Изд. дом Дело, 2015. – С. 41.
4. Дугин А. «Ф. Ратцель: политическая география как предшественница геополитики». 07.01.2016 // https://www.geopolitika.ru/article/fratcel?ysclid=mcs2ry9tzy590049528
5. Замахина Т. Какие поручения дал Владимир Путин по подготовке кадров для экономики. 06.02.2025
6. // https://rg.ru/2025/02/06/inzhenery-vse-nuzhny.html?ysclid=mcq1jgdpvl139502753
7. Ибрагимов К.Х., Ибрагимова Ф.К. Соотношение принципов земельного законодательства с принципами и нормами Конституции Российской Федерации //Аграрное и земельное право, 2016. № 12. – С. 31.
8. Именной указ Петра I от 11 января 1715 г. «О размножении суконных заводов» //https://ya.ru/search/?text=Именной+указ+Петра+I+от+11+января+1715+г.&lr=1106&clid
9. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения [пер. с англ.; предисл. П. Клюкина]. – М.: Э, 2016. - 1040 с. – с. 134.
10. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов [перевод с английского В. С. Афанасьева]. – М.: Эксмо, 2007. - С. 395.
11. Тилли Ч. Война и строительство государств в Европе. — М.: Логос, 2010. – С. 74, 110, 312.
12. Федеральный закон РФ "О промышленной политике в Российской Федерации" от 31.12.2014 N 488-ФЗ от 31 декабря 2014 года N 488-ФЗ //http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102365303&ysclid=mcr8ns5s98177494529
13. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) /пер. с нем. В. С. Автономова и др. – М.: Прогресс, 1982. – С. 133.

References:

1. Budget Code of the Russian Federation of July 17, 1998, as amended on January 25, 2024, No. 3-P //http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102365303&backlink=1&&nd=102054721
2. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism [translated from German by M. I. Levina]. - M .: Businesscom, 2013. - P. 61-62.
3. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective / scientific ed. A. A. Belykh, translated from English by A. V. Belykh; Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. - M .: Publ. dom Delo, 2015. – P. 41.
4. Dugin A. "F. Ratzel: political geography as a predecessor of geopolitics". 01/07/2016 // https://www.geopolitika.ru/article/fratcel?ysclid=mcs2ry9tzy590049528
5. Zamakhina T. What instructions did Vladimir Putin give for training personnel for the economy. 02/06/2025
6. // https://rg.ru/2025/02/06/inzhenery-vse-nuzhny.html?ysclid=mcq1jgdpvl139502753
7. Ibragimov K.Kh., Ibragimova F.K. Correlation of principles of land legislation with principles and norms of the Constitution of the Russian Federation // Agrarian and land law, 2016. No. 12. - P. 31.
8. Personal decree of Peter I of January 11, 1715 "On the reproduction of cloth factories" //https://ya.ru/search/?text=Именной+указ+Петра+I+от+11+января+1715+г.&lr=1106&clid
9. Ricardo D. Principles of Political Economy and Taxation [translated from English; foreword by P. Klyukin]. - M .: E, 2016. - 1040 p. - p. 134.
10. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations [translated from English by V.S. Afanasyev]. – M.: Eksmo, 2007. - P. 395.
11. Tilly C. War and State Building in Europe. - M.: Logos, 2010. - P. 74, 110, 312.
12. Federal Law of the Russian Federation "On Industrial Policy in the Russian Federation" dated 31.12.2014 N 488-FZ dated December 31, 2014 N 488-FZ //http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102365303&ysclid=mcr8ns5s98177494529
13. Schumpeter J. Theory of Economic Development (Study of Entrepreneurial Profit, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle) / trans. from it. V. S. Avtonomova et al. – M.: Progress, 1982. – P. 133.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_214

УДК 342

РАЗВИТИЕ ИДЕИ БАЛАНСА В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ
DEVELOPMENT OF THE IDEA OF BALANCE IN CONSTITUTIONAL LAW ENFORCEMENT

КЕМРЮГОВ Тенгиз Хатызович,
директор юридического института имени Е.А. Энгеля
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»,
заведующий кафедрой конституционного и административного права, кандидат юридических наук, доцент.
Петербургское шоссе, 2, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Россия, 196601.
E-mail: tengiz_09@bk.ru;

KEMRYUGOV Tengiz Khatyzovich,
Director of the E.A. Engel Law Institute Saint Petersburg State Agrarian University,
Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Candidate of Law, Associate Professor.
Peterburgskoe highway, 2, Pushkin, Saint Petersburg, Russia, 196601.
E-mail: tengiz_09@bk.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматривается развитие идеи баланса в конституционном правоприменении, анализируется практика Конституционного Суда Российской Федерации в области конституционных прав и обязанностей.*

Abstract: *The article examines the development of the idea of balance in constitutional law enforcement and analyzes the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in the area of constitutional rights and obligations.*

Ключевые слова*: баланс конституционных прав и обязанностей, идея баланса.*

Keywords: *balance of constitutional rights and obligations, idea of balance.*

Для цитирования: *Кемрюгов Т.Х. Развитие идеи баланса в конституционном правоприменении // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 214-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_214.*

For citation: *Kemryugov T.Kh. Development of the idea of balance in constitutional law enforcement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 214-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_214.*

Статья поступила в редакцию: 20.07.2025

Отдельным вопросом, который требует исследования, является проверка гипотезы о том, что в силу особого социально-правового значения Конституции Российской Федерации баланс субъективных прав и обязанностей не может не учитывать наличие у конституционных обязанностей специфических юридических особенностей, явно выделяющих их из всех иных юридических обязанностей. Например, исключение возможности установления иммунитета в отношении конституционных обязанностей, либо особый порядок освобождения от исполнения конституционных обязанностей с заменой формы исполнения с учетом определенных юридических фактов (возраст, пол, состояние здоровья и др), или придание установленному факту неисполнения конституционной обязанности особого юридического (правоограничительного, правопресекательного, квалифицирующего) значения.

Некоторые основания для таких выводов мог бы дать Федеральный закон от 02.07.2013 № 170-ФЗ (с изм. от 30.10.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» (далее – Федеральный закон № 170-ФЗ)[1]. Этим законодательным актом части 1 статьи 16 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[2] была дополнена положением о том, что гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае признания его не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии (за исключением граждан, прошедших военную службу по контракту). Однако, если разобраться в мотивах законодателя при установлении рассматриваемого ограничения, становится понятно, что в основе ограничения лежит не факт неисполнения лицом конституционной обязанности, установленной статьей 59 Конституции РФ, а соображения несколько иного порядка.

Согласно Пояснительной записке к проекту Федерального закона № 170-ФЗ, посредством введения указанной нормы предполагалось реализовать содержащееся в Указе Президента РФ от 07.05.2012 № 604 «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации»[3] требование о предоставлении преференций гражданам, прошедшим военную службу по призыву, при поступлении на государственную гражданскую службу, а также при включении их в резерв управленческих кадров. Поскольку при конкурсном отборе, существующем при поступлении на государственную гражданскую службу, предоставление каких-либо преференций одному из претендентов затруднительно, так как связать навыки, полученные во время службы в армии, с требованиями, предъявляемыми к государственному гражданскому служащему, не представляется возможным.

[1] Федеральный закон от 02.07.2013 № 170-ФЗ (с изм. от 30.10.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» // Российская газета, № 148, 10.07.2013.
[2] Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.08.2004, № 31, ст. 3215.
[3] Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 604 «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации» //Российская газета, № 102, 09.05.2012.

В этом случае установление специальных преференций при поступлении на гражданскую службу только на основании факта прохождения гражданином военной службы по призыву может вступить в противоречие с ч. 4 ст. 32 Конституции РФ, предусматривающей равный доступ граждан к государственной службе. Разработчики же законопроекта пошли по другому пути, введя соответствующее ограничение в законодательство о государственной службе.

Имеющаяся в связи с рассматриваемыми отношениями практика Конституционного Суда Российской Федерации подталкивает к тому, чтобы еще раз обратиться к обсуждаемому в отечественной научной литературе вопросу взаимосвязанности и взаимообусловленности конституционных прав и конституционных обязанностей.

В своем постановлении от 30.10.2014 № 26-П Конституционный Суд РФ выразил правовую позицию о том, что «… Отношение гражданина Российской Федерации к своей конституционной обязанности соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы проявляется, в частности, и в его отношении к конституционной обязанности по защите Отечества путем прохождения военной службы по призыву, исполнение которой уже само по себе характеризует его как лицо, способное к ответственному и добросовестному осуществлению профессиональной деятельности, связанной с реализацией публичных функций, а следовательно, вполне обоснованно может рассматриваться как особое репутационное требование, которое государство вправе предъявлять к лицам, претендующим на занятие должности государственного служащего»[1]. Далее Конституционный Суд РФ указывает, что «… осуществляя в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий правовое регулирование отношений в сфере государственной гражданской службы с учетом специфики стоящих перед ней задач и одновременно преследуя цель повышения престижа и привлекательности военной службы по призыву, федеральный законодатель отнес к обстоятельствам, при наличии которых гражданин не может быть принят на государственную гражданскую службу, а государственный гражданский служащий не может находиться на государственной гражданской службе, признание лица не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии. … Приведенное нормативное регулирование направлено на недопущение к государственной гражданской службе лиц, не исполнивших – при отсутствии предусмотренных законом оснований для их освобождения от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу или отсрочки от призыва – возложенную на них Конституцией Российской Федерации обязанность по защите Отечества путем прохождения военной службы по призыву и тем самым проигнорировавших общеправовое требование соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, т.е. лиц, не проявивших соответствующих морально-нравственных качеств, которыми должны обладать государственные гражданские служащие, осуществляющие возложенные на них функции в публичных интересах»[2].

Очевидно, что Конституционный Суд не придал неисполнению конституционной обязанности по защите Отечества самостоятельного правового значения, увязав данную обязанность с универсальной конституционной обязанностью соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. По логике Конституционного Суда РФ, неисполнение лицом возложенной Конституцией Российской Федерации обязанности по защите Отечества путем прохождения военной службы по призыву само по себе еще не означает, что такое лицо не проявило соответствующих морально-нравственных качеств, которыми должны обладать государственные гражданские служащие. Проявление отсутствия соответствующих морально-нравственных качеств Суд усматривает в том, что лицо проигнорировало общеправовое требование соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

Можно предположить, что в основе такой логики лежит особое правовое значение обязанности, содержащейся в части 2 статьи 15 Конституции Российской Федерации. Из всех конституционных обязанностей указанная является единственной, отнесенной к основам конституционного строя (тогда как все иные содержащиеся в тексте Конституции Российской Федерации обязанности формально, следуя положениям статьи 64 Конституции Российской Федерации, относятся к основам правового статуса личности). В то же время нельзя не отметить, Конституционный Суд РФ так опосредует деяние, связанное с неисполнением обязанности по защите Отечества, нормами специальных законов, что самостоятельное правовое значение конституционной обязанности (неисполнения конституционной обязанности) совершенно теряется, размывается.

Неисполнение гражданином Российской Федерации конституционной обязанности по защите Отечества путем прохождения военной службы по призыву при отсутствии предусмотренных законом оснований для освобождения от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу или отсрочки от призыва предполагает, – указывает Конституционный Суд – совершение им действий или бездействие, которые сопряжены с неисполнением им обязанностей по воинскому учету, предусмотренных Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», или свидетельствуют об уклонении от призыва на военную службу и для пресечения которых в действующем законодательстве предусматриваются механизмы, влекущие административную или уголовную ответственность[3].

Такой подход, возможно, отвечает тем целям, которые стояли перед Конституционным Судом РФ, разрешавшим правовую неопределенность в конкретном деле. Вместе с тем, попытка положить логику Конституционного Суда РФ в основу теоретической модели баланса конституционных прав и обязанностей как универсального (в силу своей конституционной природы) правового средства сталкивается с серьезными противоречиями. Ведь на самом деле, гражданин не может быть принят на государственную гражданскую службу, а государственный гражданский служащий не может находиться на государственной гражданской службе в случае признания его не прошедшим военную службу по призы-

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» // Собрание законодательства РФ, 17.11.2014, № 46, ст. 6424.
[2] Там же, п. 3.2.
[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» // Собрание законодательства РФ, 17.11.2014, № 46, ст. 6424.

ву, не имея на то законных оснований. При этом в отношении Президента Российской Федерации – гаранта Конституции Российской Федерации – законодательство Российской Федерации таких требований не содержит. Более того, не допуская к участию в выборах на должность Президента Российской Федерации в качестве кандидатов лиц, которые на день голосования считаются подвергнутыми административному наказанию за совершение некоторых административных правонарушений, избирательное законодательство не препятствует баллотироваться лицу, привлеченному к ответственности (на день голосования) за деяние, предусмотренное составом статьи 21.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету). То есть лицо, проигнорировавшее общеправовое требование соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы и продемонстрировавшее тем самым отсутствие соответствующих морально-нравственных качеств, государственным служащим быть не может, но главой государства и гарантом Конституции Российской Федерации вполне способно быть? Не вполне понятно, почему не имеет права быть избранным депутатом Государственной Думы гражданин Российской Федерации, подвергнутый административному наказанию за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьями 20.3[1] и 20.29[2] Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, но при этом нет никаких законодательных препятствий к участию в выборах лицу, которое на день голосования считается подвергнутым административному наказанию за совершение административных правонарушений, предусмотренных, к примеру, статьей 5.35[3] Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Перечень вопросов подобного рода можно продолжать долго. К примеру, среди требований к кандидату в судьи Конституционного Суда Российской Федерации содержится требование безупречной репутации. В. В. Балытников и В. А. Сивицкий, комментируя положения статьи 8 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»[4], отмечают, что минимальный уровень соответствующей безупречности в отношении любого судьи в нашей стране определяется положениями подп. 2 п. 1 ст. 4 Закона о статусе судей, согласно которому судьей может быть только гражданин, не имеющий или не имевший судимости, либо гражданин, уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям.

Представляется, однако, что применительно к кандидату на должность судьи Конституционного Суда РФ минимальные требования в данной сфере ни в коем случае не могут быть признаны исчерпывающими. С учетом того, что безупречность репутации представляет собой по преимуществу императив морально-этического характера, думается, было бы правильным заключить, что кандидат на должность судьи Конституционного Суда РФ уже в процессе своего назначения должен оцениваться в том числе и с точки зрения соответствия основным, базовым, требованиям «профильного» для всего отечественного судейского сообщества Кодекса судейской этики. Указанные требования включают в себя обязанность в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, причинить ущерб репутации осуществляющего ее лица и поставить под сомнение его объективность и независимость в процессе осуществления правосудия. Именно такого рода качества должны составлять морально-нравственный фундамент безупречной репутации лица, предназначаемого к участию в осуществлении конституционного правосудия[5].

Примечательно, что, обращаясь к оценочным понятиям «личное достоинство», «честь» и так далее, авторы не используют такой однозначный формально-юридический критерий как исполнение конституционных обязанностей, не усматривая, таким образом, ничего противоестественного в том, что судьей Конституционного Суда Российской Федерации будет лицо, подвергавшееся административно-правовому преследованию за неисполнение либо ненадлежащее исполнение одной из обязанностей, установленных Конституцией Российской Федерации. Подчеркнем, что высказанные нами суждения не являются чисто гипотетическими. В отношении судей иных судов уже отмечаются факты умышленного уклонения от исполнения конституционной обязанности, при этом органы судейского сообщества не усматривают нарушения Кодекса судейской этики[6].

Эту линию размышлений можно продолжить. Так, требуя в настоящее время от педагогических работников наличия справки об отсутствии судимости, законодатель оставляет за пределами своего внимания вопрос о том, чему сможет научить детей педагог, лишенный родительских прав. В научной литературе достаточно давно дискутируется вопрос о том, что безусловной проблемой реализации конституционной нормы об исполнении родителями своих обязанностей является то, что в связи с полным отсутствием воспитания ребенка, содержанием его в ненадлежащих условиях, угрожающих его физическому или психическому здоровью, родителей не наказывают, а ограничивают в правах на ребенка или лишают этих прав. Как известно, ответственность – это всегда возложение на субъекта правонарушения каких-либо дополнительных обременений и обязанностей, лишение имеющих для него ценность прав или преимуществ. А какие же обременения, дополнительные обязанности или лишения возникают у родителей, которые освобождаются от воспитания, судя по их поведению, вовсе им ненужного ребенка? Остающиеся у такого родителя обязанности по уплате алиментов на содержание ребенка и сохранение за несовершеннолетним права на жилое помещение

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
[2] Там же. Ст. 20.29.
[3] Там же. Ст. 5.35.
[4] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собрание законодательства РФ, 25.07.1994, № 13, ст. 1447.
[5] Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю.А. Андреева, В.В. Балытников, Н.С. Бондарь и др.; под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012. – С. 112.
[6] См., в частности, аналитический обзор «Информация о причинах отказа в назначении судей на вакантные судебные должности, по данным, представленным Управлением Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы и кадров», подготовленный председателем комиссии Совета судей Российской Федерации по реализации мероприятий противодействия коррупции, урегулированию конфликта интересов во внеслужебных отношениях и при исполнении судьями своих полномочий Е. А. Соседовым. Доступно на: http://lip.vkks.ru/publication/34071/

являются лишь частью ранее имевшихся родительских обязанностей[1].

Резюмируя, изложим некоторые рассуждения и выводы.

Постольку, поскольку в основе конституционных прав и обязанностей лежит диалектика парных категорий «возможность/необходимость», указанные права и обязанности человека и гражданина (как известно, в полной мере распространяемые и на объединения граждан) с полным основанием можно отнести к правовым явлениям, которые непосредственно связывают содержание позитивного права с его основами – теми закономерностями общественной жизни, на которых данная система права построена и которые она закрепляет.

В качестве социально-правовых предпосылок реализации закрепленного в статье 75.1 Конституции Российской Федерации положения о сбалансированности (балансе) прав и обязанностей мы можем указать на следующие:

а) закрепившаяся в практике Конституционного Суда Российской Федерации тенденция расширения и углубления процесса конституционализации общественных отношений требует, во-первых, все большего разнообразия конституционно-правовых средств, во-вторых, качественно более высокого уровня гармонизации разнообразных конституционно-правовых средств, без чего достижение целей конституционно-правовой политики крайне затруднительно;

б) доминирование в практике Конституционного Суда Российской Федерации идеи баланса конституционных ценностей и принципов с необходимостью требует наполнения концепта конституционных прав и обязанностей личности таким правовым значением, без чего конституционный баланс будет либо невозможен (дисфункция конституционных прав и обязанностей, дисфункция конституционных обязанностей между собой), либо найденный баланс будет крайне непрочен (что само по себе не отвечает потребностям конституционно-правового развития российского общества и государства).

В этом смысле крайне показательно и важно принятое относительно недавно, в 2014 году, постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 26-П[2], которое нами уже анализировалось. Текст мотивировочной части этого судебного решения очень наглядно обнажает тенденции и противоречия конституционного развития России последних 20 лет.

Разумеется, одного судебного решения, пусть даже и высшего органа конституционного контроля, недостаточно для сколько-нибудь серьезных выводов. И все же рискнем высказать суждение о том, что Россия и российское общество в своем конституционно-правовом развитии пришли сегодня к точке бифуркации.

Находясь в рамках сложившейся за 20 лет конституционно-правовой логики, Конституционный Суд Российской Федерации, вероятно, не мог ранее иначе разрешать стоявшие перед ним вопросы. Конституционная идеологема автономии личности, ответственности личности только перед законом, но никак не перед обществом, с необходимостью обусловила вывод Суда о том, что неисполнение лицом обязанности по защите Отечества путем прохождения военной службы по призыву само по себе еще не означает, что такое лицо не проявило соответствующих морально-нравственных качеств, которыми должны обладать государственные гражданские служащие; отсутствие соответствующих морально-нравственных качеств заключается в том, что лицо проигнорировало общеправовое требование соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

Конституционный императив прав и свобод личности предопределил правовую позицию Конституционного Суда о том, что «…. пункт 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву»[3], вводящий для граждан, признанных в соответствии с заключением призывной комиссии не прошедшими без законных на то оснований военную службу по призыву, не имеющее предельных сроков действия ограничение на поступление на государственную гражданскую службу и на ее прохождение, ставит таких граждан при реализации ими закрепленных Конституцией Российской Федерации права на равный доступ к государственной службе (статья 32, часть 4) и права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1) в худшее положение по сравнению с теми гражданами, для которых запрет замещения определенных должностей выступает в качестве наказания за совершение административного правонарушения или преступления».

Данной правовой позиции предпосланы следующие суждения Конституционного Суда: «…Ограничение на доступ к государственной гражданской службе, установленное пунктом 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву», фактически предполагает для граждан, признанных в соответствии с заключением призывной комиссии не прошедшими при отсутствии на то законных оснований военную службу по призыву, бессрочный запрет на замещение должностей государственной гражданской службы. Данное ограничение, возникающее в силу факта признания гражданина в установленном порядке не прошедшим без законных на то оснований военную службу по призыву, по своему характеру сопоставимо с предусмотренными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовным кодексом Российской Федерации административным и уголовным наказаниями в виде запрета на замещение определенных должностей (включая должности государственной гражданской службы) – дисквалификацией и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью соответственно».

---

[1] Трофимова Г.А. Забота о ребенке: проблемы гарантирования конституционной нормы / Г.А. Трофимова // Адвокат. 2015. № 4. – С. 67.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 26-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. В. Апухтина, К. К. Багирова и других» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 5, 2018.

[3] Федеральный закон от 02.07.2013 № 170-ФЗ (с изм. от 30.10.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» // Российская газета, № 148, 10.07.2013.

Вместе с тем, в правовых позициях данного судебного решения содержатся предпосылки для принципиально иного подхода к соотношению конституционных прав и обязанностей. Так, в пункте 3 мотивировочной части своего постановления Конституционный Суд Российской Федерации отмечает: «Согласно статье 15 (часть 2) Конституции Российской Федерации органы публичной власти, должностные лица и граждане обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Несоблюдение данного общеправового требования гражданином, желающим реализовать свое право на выбор рода деятельности и профессии путем поступления на государственную службу и прохождения такой службы, и тем самым проявление неуважительного отношения к основанному на этом требовании правопорядку могут поставить под сомнение способность такого гражданина к ответственному и добросовестному исполнению обязанностей государственной службы, которые так или иначе связаны с реализацией публичных функций и обусловлены особым правовым статусом государственного служащего.

Соответственно, федеральный законодатель, вводя те или иные обусловленные статусом государственных служащих и характером возлагаемых на них задач ограничения, связанные с поступлением на государственную службу и ее прохождением, вправе устанавливать специальные правила доступа к любому виду государственной службы, включая государственную гражданскую службу, в том числе предусматривать определенные последствия как исполнения, так и неисполнения гражданином, желающим реализовать свое конституционное право на равный доступ к государственной службе, обязанностей, возложенных на него Конституцией Российской Федерации и законами».

Конечно же данные позиции следует воспринимать в контексте постановления в целом, но нам представляется важным то обстоятельство, что Конституционный Суд связал неисполнение конституционной обязанности не с конкретным правоотношением (отношениями государственной службы, к примеру), а с правопорядком в целом. Определенные надежды на развитие конституционных обязанностей как универсального конституционно-правового средства дает позиция Суда о том, что законодатель вправе предусматривать определенные последствия как исполнения, так и неисполнения гражданином, желающим реализовать свое конституционное право, обязанностей, возложенных на него Конституцией Российской Федерации.

Если данная позиция Конституционного Суда Российской Федерации будет поддержана практикой (будет признана универсальной в отношении всех конституционных прав и обязанностей), это даст мощный импульс развития конституционного права как отрасли права, расширит спектр регулирующего воздействия конституционного права на самый широкий круг общественных отношений, придаст качественно новые характеристики обязыванию как методу конституционно-правового регулирования и средству конституционно-правового режима в отдельных сферах общественных отношений. Наоборот, если возобладает другая позиция Суда, содержащаяся все в том же постановлении № 26-П о том, что ограничение, возникающее в силу факта признания гражданина не исполнившим конституционную обязанность, по своему характеру сопоставимо с предусмотренными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовным кодексом Российской Федерации административным и уголовным наказаниями[1], хотя, на наш взгляд, ограничения из несоблюдения конституционной обязанности и отраслевые (административно-правовые и уголовно-правовые) санкции совершенно несопоставимы ни по социальному значению, ни по правовой природе, ни по назначению – так вот, если тем не менее данная позиция утвердится в практике, это существенно редуцирует конституционное право как отрасль российского права.

Список литературы:

1. Трофимова Г.А. Забота о ребенке: проблемы гарантирования конституционной нормы / Г.А. Трофимова // Адвокат. 2015. № 4. – С. 67.

References:

1. Trofimova G.A. Child care: problems of guaranteeing constitutional norms / G.A. Trofimova // Advocate. 2015. No. 4. – p. 67.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» // Собрание законодательства РФ, 17.11.2014, № 46, ст. 6424.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_219

УДК 342; 34.037

РОЛЬ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
THE ROLE OF DOCTRINAL PRINCIPLES OF LAW IN IMPROVING RUSSIAN LEGISLATION

УМАНСКАЯ Виктория Петровна,
профессор Департамента публичного права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, доцент.
109028, Россия, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3.
E-mail: umanskaia@mail.ru;

UMANSKAYA Victoria Petrovna,
Department professor of Public Law National Research University Higher School of Economics, Dr. Sci. (Law), Associate Professor.
3, per. B. Trekhsvyatitelsky, Moscow, Russia, 109028.
E-mail: umanskaia@mail.ru

Краткая аннотация: *Доктринальные принципы права выступают катализатором эволюции правовой системы. В современном российском праве эти принципы играют ключевую роль в преодолении пробелов законодательства, гармонизации норм и адаптации права к изменяющимся социальным реалиям. В статье проанализированы понятие доктринальных принципов, их специфика, механизмы влияния на законотворчество и правоприменение. Особое внимание уделено тому, как эти принципы способствуют совершенствованию российского законодательства, делая его более согласованным, социально ориентированным и соответствующим критериям правового государства.*

Abstract: *The doctrinal principles of law act as a catalyst for the evolution of the legal system. In modern Russian law, these principles play a key role in bridging legislative gaps, harmonizing norms, and adapting law to changing social realities. The article analyzes the concept of doctrinal principles, their specifics, mechanisms of influence on lawmaking and law enforcement. Special attention is paid to how these principles contribute to the improvement of Russian legislation, making it more coherent, socially oriented and consistent with the criteria of the rule of law.*

Ключевые слова: *принципы права, доктрина, доктринальные принципы, законодательство, система законодательства, судебная практика.*

Key words: *principles of law, doctrine, doctrinal principles, legislation, system of legislation, judicial practice.*

Для цитирования: *Уманская В.П. Роль доктринальных принципов права в совершенствовании российского законодательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 219-223. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_219.*

For citation*: Umanskaya V.P. The role of doctrinal principles of law in improving Russian legislation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 219-223. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_219.*

Статья поступила в редакцию: 02.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Доктринальные принципы права представляют собой социально значимые идеи, сформулированные учеными, практиками и политиками в научных работах, текстах или публичных выступлениях, которые еще не получили нормативного закрепления в положительном праве. Некоторые исследователи в связи с этим отмечают, что в отличие от нормативно закрепленных принципов (принципов позитивного права), доктринальные принципы носят во многом субъективный, вариативный характер и могут не соответствовать текущему законодательству, но при этом служат основой для его эволюции [11]. Более обоснованной, однако, представляется позиция В.А. Четвернина, определяющего доктринальные принципы как выработанные правовой доктриной нормативные правоположения, представляющие собой основополагающие суждения о праве, на которых строится вся правовая система [45, с. 157].

Специфика этих принципов заключается в их отличии от правовых аксиом и нормативных принципов. Правовые аксиомы - всегда социально значимые идеи, проверенные историческим опытом, в то время как доктринальные принципы могут быть новыми, не всегда практическими и подверженными изменениям под влиянием объективных или субъективных факторов. Они не обладают императивной силой, не являются юридически обязательными и могут даже противоречить действующим нормам, но именно эта гибкость позволяет им выступать в роли «мостов» между теорией и практикой. В российской доктрине подчеркивается, что доктринальные принципы не фиксированы в нормативных актах, в отличие от принципов позитивного права, которые объективны, стабильны и служат для заполнения пробелов в регулировании [44].

Это можно продемонстрировать на примере принципа равенства перед законом. В доктринальном виде он существовал как идея в научных трудах до закрепления в ст. 19 ч. 1 Конституции РФ 1993 г., где он трансформировался в общий правовой принцип, отраженный затем в отраслевом законодательстве: ст. 6 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 7 Арбитражного процессуального кодекса РФ и ст. 4 Уголовного кодекса РФ. Этот переход показывает, как доктрина «оживляет» право, делая его более адаптивным.

Доктринальные принципы играют ключевую роль в совершенствовании российского законодательства, выступая в качестве научной основы для нормативных актов. Они влияют на законотворчество через три основных пути: принятие Конституции, закрепление в отраслевом законодательстве и введение специальных федеральных законов [15, с. 198]. В контексте реформирования правовой системы РФ актуальность доктрины обусловлена необходимостью модернизации законодательства для соответствия социально-экономическим нуждам - доктрина обеспечивает научную обоснованность норм, компенсируя дефициты в позитивном праве и способствуя единству правового пространства [15].

Так, например, Доктрина информационной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ № Пр-1895 от 09.09.2000 г., представляла собой систему принципов, целей и задач, которая позже воплотилась в федеральном законодательстве. В данном случае доктриналь-

ные принципы (например, баланс между свободой информации и национальной безопасностью) послужили основой для совершенствования законодательства, устраняя пробелы в регулировании цифровой сферы[1].

Доктринальный подход к анализу системы законодательства позволяет сделать вывод о том, что принципы способствуют ее систематизации [4], корреляции федеральных и региональных норм на основе субсидиарности, а также гармонизации с международными стандартами [17, с. 99]. Это приводит к модернизации без радикальных трансформаций, фокусируясь на балансе интересов - частных, групповых и государственных. Примером может служить развитие корпоративного законодательства: доктринальные принципы корпоративной ответственности, выработанные в научных работах, повлияли на поправки в Федеральный закон «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ от 26.12.1995 г., усиливая механизмы защиты миноритарных акционеров и повышая эффективность норм права.

В конституционном праве доктринальные принципы способствуют выстраиванию стабильной иерархической системы законодательства, а конституции (в частности, Конституция РФ 1993 г.) играют в этом процессе стабилизирующую роль. Доктрина усиливает структуру конституционного законодательства, ограничивая субординационные методы в отношениях государства и гражданина для защиты автономии прав человека [17, с. 245]. Показательным примером является доктринальный принцип запрета поворота к худшему (non reformatio in pejus), который, хотя и не закреплен напрямую, применяется в судебной практике Конституционного Суда РФ и повлиял на совершенствование процессуального законодательства, делая его более гуманным [21; 24; 25].

В гражданском праве доктринальные принципы, такие как добросовестность, разумность и справедливость (ст. 6 ГК РФ), были реципированы из научных идей и способствовали заполнению пробелов в правовом регулировании частноправовых отношений.

Принципы права обусловливают научный поиск и на основе достигнутых в его ходе результатов - реформирование и совершенствование правовых норм: например, принцип разумного срока судопроизводства, введенный Федеральным законом № 68-ФЗ от 30.04.2010 г., был доктринальной идеей, позже закрепленной в ст. 6.1 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 6.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ и ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Это повысило эффективность правосудия, сократив задержки и усилив доверие к системе [32, с. 149].

В судебной практике РФ доктринальные принципы права активно используются для толкования норм. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 13 от 30.06.2020 г. подчеркнута роль принципов надлежащей правовой процедуры в арбитражном судопроизводстве, а их нарушение может являться основанием для отмены судебных актов [29]. Конституционный Суд РФ часто ссылается на доктрину: в Постановлении № 15-П от 16.06.2015 г. по делу о проверке конституционности положений Семейного кодекса РФ доктринальный принцип традиционного брака (как союза мужчины и женщины) повлиял на отказ в легализации однополых браков, что позже отразилось в поправках к Конституции 2020 г. (ст. 72 ч. 1 п. «ж») [22].

В современных исследованиях правовая доктрина анализируется в контексте парадигмального развития: она ложится в основу правовых позиций Конституционного Суда РФ, влияя на законотворчество. Так в деле о проверке конституционности ч. 2 ст. 1.7 и п. 2 ст. 31.7 Кодекса об административных правонарушениях РФ [26] доктринальный принцип пропорциональности наказания привел к корректировке административного законодательства, сделав его более справедливым, хотя «справедливость как требование к процессуальному акту упоминается только в Уголовно-процессуальном кодексе РФ» [7, с. 22].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.11.2016 г. «О некоторых вопросах применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации о поручительстве» доктринальный принцип добросовестности (bona fides) был использован для толкования обязательств поручителя. Судебная практика, опирающаяся на доктрину, уточнила, что поручитель не несет ответственности в случае недобросовестного поведения кредитора, что способствовало унификации применения норм ГК РФ и устранению противоречий в правоприменении. Этот пример иллюстрирует, как доктринальные принципы, выработанные в научной среде, влияют на формирование единообразной судебной практики, что, в свою очередь, стимулирует законодательное закрепление таких подходов [28].

Следует отметить, что доктринальные принципы права, формируемые в научной среде, имеют не только национальное, но и международное значение, особенно в условиях взаимодействия правовых систем. В сравнительном правоведении подчеркивается, что доктрина играет ключевую роль в гармонизации национальных законодательств с международными стандартами, что особенно актуально для России как участника международных организаций, таких как ООН, Совет Европы и ЕАЭС. Как отмечает В.Д. Зорькин, доктринальные принципы способствуют адаптации российского права к обязательствам по международным договорам, что закреплено в ст. 15 ч. 4 Конституции РФ, где международные договоры признаются частью правовой системы [10, с. 13].

Международные доктринальные принципы, такие как верховенство права (rule of law), транспарентность и защита прав человека, активно интегрируются в российское законодательство через научные разработки и судебную практику. Например, доктринальный принцип верховенства права, разработанный в трудах европейских и американских ученых [7; 1], повлиял на развитие российского конституционного законодательства. Одним из наиболее ярких примеров можно назвать ряд актов Конституционного суда по вопросу социальной защиты граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, в которых отдельные нормы соответствующего федерального закона признавались неконституционными [23; 27] либо определялся порядок их применения [18; 20] что привело к корректировке социальных гарантий, усиливая защиту прав пострадавших.

[1] См., например, ст. 3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3448.

Кроме того, доктринальные принципы, заимствованные из международного права, способствуют формированию единого правового пространства в рамках ЕАЭС. Например, принцип взаимного признания судебных решений, выработанный в доктрине Европейского Союза, был адаптирован в Соглашении о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (1992) [33], и позже нашел отражение в российском законодательстве об арбитраже [41]. Это позволило устранить пробелы в регулировании трансграничных споров и повысить доверие к российской судебной системе [13 с. 45-56].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в странах континентальной правовой традиции (Франция, Германия) доктринальные принципы играют схожую роль в законотворчестве. Во Франции, например, доктрина Conseil d'État (Государственного совета) формирует принципы административного права, такие как принцип законности и пропорциональности, которые затем закрепляются в законодательстве. В Германии доктринальный принцип защиты человеческого достоинства, выработанный в научных трудах, стал основой для ст. 1 Основного закона ФРГ и повлиял на развитие антидискриминационного законодательства. В России аналогичный процесс наблюдается в развитии антидискриминационных норм: доктринальный принцип равенства, обсуждаемый в научных кругах, нашел отражение в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности»? закрепившем меры по предотвращению дискриминации по национальному, религиозному и иным признакам.

В целом результаты сравнительных исследований демонстрируют, что принципы права в доктринах стран континентальной семьи способствуют унификации, что актуально для РФ в контексте Евразийского экономического союза [13]. Кроме того, сравнительно-правовой подход позволяет российской правовой системе заимствовать лучшие практики, адаптируя их к национальным особенностям. Например, доктринальный принцип устойчивого развития, заимствованный из международных экологических доктрин (Декларация Рио-де-Жанейро, 1992), повлиял на принятие Федерального закона «Об охране окружающей среды» № 7-ФЗ от 10.01.2002 г., в котором были закреплены принципы экологической ответственности и устойчивого использования природных ресурсов. Это демонстрирует, как доктринальные идеи, рожденные в международной практике, трансформируют национальное законодательство [16, с. 315].

Примером влияния международных доктринальных принципов на российское законодательство является также становление и развитие института омбудсмена. Доктринальный принцип независимости института уполномоченного по правам человека, разработанный в скандинавских странах и закрепленный в Парижских принципах ООН (1993), был адаптирован в России через Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» № 1-ФКЗ от 26.02.1997 г. Доктрина независимости омбудсмена позволила усилить защиту прав граждан, что подтверждается ежегодными докладами Уполномоченного, в кторых фиксируются случаи устранения нарушений прав [8].

Еще одним примером служит доктринальный принцип защиты персональных данных, заимствованный из европейской практики [2]. В России он нашел отражение в Федеральном законе «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27.07.2006 г., который был существенно обновлен в 2020–2024 гг. для соответствия международным стандартам. Доктрина минимизации данных и прозрачности их обработки, обсуждаемая в научных кругах, легла в основу поправок, усиливающих ответственность операторов данных [40].

Доктринальные принципы права - это динамичный инструмент совершенствования российского законодательства, обеспечивающий его адаптацию к социальным изменениям, заполнение пробелов и гармонизацию с международными стандартами. Они переходят из научных идей в нормативные акты, судебную практику, способствуя конституционализации и модернизации права. В условиях цифровизации и глобализации роль доктрины возрастает, требуя от ученых и законодателей большего внимания к балансу инноваций и стабильности. Как показывает практика, игнорирование доктрины приводит к пробелам, в то время как ее использование делает право более эффективным и гуманным. В перспективе дальнейшее развитие доктринальных принципов позволит российскому праву не только сохранять национальную специфику, но и интегрироваться в глобальное правовое пространство, усиливая позиции России как правового государства.

Список литературы:

1. *Bingham T.H.* The Rule of Law. London: Penguin UK, 2011.
2. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L 119, 4.5.2016, pp. 1–88
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ 2002. N 30. Ст. 3012.
4. *Виноградова Е.В.* Реализация конституционного принципа системности законодательства с использованием средств искусственного интеллекта // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 10-21.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. N 46. Ст. 4532
7. *Дайси А.В.* Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. / Пер. с англ. О.В. Полторацкой. Под ред. П.Г. Виноградова. М., 1905.
8. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. М.: Аппарат Уполномоченного, 2025. 504 с. // URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2025/02/25/doklad_2024_09a.pdf
9. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. N Пр-1895) // Российская газета, 28 сентября 2000 г. N 187.
10. *Зорькин В.Д.* Конституция и права человека в XXI веке: к 15-летию Конституции РФ и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М.: Норма, 2008. 144 с.
11. *Илюхина В.А.* Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 4. С. 9-21.
12. *Казакевич О.М.* Правовая доктрина в контексте развития правопорядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2025. 24 с.
13. Коновалов А.В. Принципы права в доктринах и законодательстве стран континентальной правовой семьи // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 45-56.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок от 01.07.2020) // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
15. *Мадаев Е.О.* Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВШЭ, 2012. 254 с.
16. *Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.В. Малько. М.: КноРус, 2012. 400 с

17. Научные концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 7-е изд. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2015. 554 с.
18. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 N 403-О «По жалобам граждан О.С. Барышниковой, В.Н. Бокаревой и других на нарушение их конституционных прав положениями части первой статьи 13, статей 33 и 34 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и пункта 2 статьи 10 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СЗ РФ 2007. № 2. Ст. 401.
19. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2003.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.02.2018 N 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года N 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года N 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и в статью 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и положения пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года N 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.Я. Сизова»// Российская газета, 16.02.2018
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // СЗ РФ 2005. № 22. Ст. 2194.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // СЗ РФ 2015. № 26. Ст. 3944.
23. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 N 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), Федеральных законов от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты труда» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев» // СЗ РФ 2002. № 27. Ст. 2779.
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 2.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. 11.07.2013
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2021 № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко» // URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision557338.pdf
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 20-П "По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка N 1 Выксунского судебного района Нижегородской области" // Российская газета, 27.07.2015
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.2013 N 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 статьи 17 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 года N 122-ФЗ) в связи с жалобой гражданина Е.Н. Степанцова и запросом Челябинского областного суда» // Российская газета, 12.02.2013.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.11.2016 г. «О некоторых вопросах применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.
29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражных судах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.
30. Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml
31. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
32. Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: дис. ... канд. юрид. наук. М.: РУДН, 2010. 207 с.
33. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации, 1992, № 1.
34. Уголовно-процессуальный кодекс РФ // СЗ РФ 2001. N 52 (ч. 1). Ст. 4921.
35. Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ 1996. N 25. Ст. 2954.
36. Федеральный закон от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды» № 7-ФЗ // СЗ РФ 2002. N 2. Ст. 133.
37. Федеральный закон от 25.07.2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ // СЗ РФ 2002. N 30. Ст. 3031.
38. Федеральный закон от 26.12.1995 г. «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ // СЗ РФ 1996 г. N 1. Ст. 1.
39. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3448.
40. Федеральный закон от 27.07.2006 г. «О персональных данных» № 152-ФЗ // СЗ РФ 2006. № 31. Ст. 3451.
41. Федеральный закон от 29.12.2015 «Об арбитраже» № 382-ФЗ // СЗ РФ 2016. N 1 (ч. I). Ст. 2.
42. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.
43. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» № 1-ФКЗ // СЗ РФ 1997. N 9. Ст. 1011.
44. *Цыгановкин В.А.* Принципы права в современной юридической доктрине и практике // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. № 2. С. 147-155.
45. *Четвернин В.А.* Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. М.: ИГП РАН, 2003. 204 с.

References:

1. *Bingham T.H.* The Rule of Law. London: Penguin UK, 2011.
2. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L 119, 4.5.2016, pp. 1–88
3. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation // Federal Law of the Russian Federation 2002. N 30. Art. 3012.
4. *Vinogradova E.V.* Implementation of the constitutional principle of systematic legislation using artificial intelligence // Legal policy and legal life. 2024. No. 1. pp. 10-21.
5. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301.
6. Civil Procedure Code of the Russian Federation // SZ RF. 2002. N 46. Art. 4532
7. *Dicey A.V.* Fundamentals of public law in England. An introduction to the study of the English Constitution. / Translated from English by O.V. Poltoratskaya. Edited by P.G. Vinogradov, Moscow, 1905.
8. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2024. Moscow: Office of the Commissioner, 2025. 504 p. // URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2025/02/25/doklad_2024_09a.pdf
9. The Information Security Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on September 9, 2000, No. Pr-1895) // Rossiyskaya Gazeta, September 28, 2000, No. 187.
10. *Zorkin V.D.* Constitution and Human Rights in the 21st Century: on the 15th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 60th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights M.: Norma, 2008. 144 p.
11. *Ilyukhina V.A.* Doctrinal principles of law: concept and specifics // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. No. 4. pp. 9-21.
12. *Kazakevich O.M.* Legal doctrine in the context of the development of law and order: abstract of the dissertation of the cand. jurid. M.: Institute of Legislation and Comparative Law, 2025. 24 p .

13. *Konovalov A.V.* Principles of law in the doctrines and legislation of the countries of the continental legal family // Journal of Russian Law. 2018. No. 8. pp. 45-56.
14. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (as amended on 07/01/2020) // SZ RF. 2020. № 11. Art. 1416.
15. *Madaev E.O.* Doctrine in the legal system of the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. M.: HSE, 2012. 254 p
16. *Malko A.V.* Theory of the state and law: Textbook / Edited by A.V. Malko. Moscow: KnoRus, 2012. 400 p.
17. Scientific concepts of the development of Russian legislation / Edited by T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov. 7th ed. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2015. 554 p.
18. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/11/2006 N 403-O "On complaints of citizens O.S. Baryshnikova, V.N. Bokareva and others on violation of their constitutional rights by the provisions of the first part of Article 13, Articles 33 and 34 of the Law of the Russian Federation "On Social Protection of Citizens Exposed to radiation as a result of the Chernobyl disaster" and paragraph 2 of Article 10 of the Federal Law "On State Pension Provision in the Russian Federation" // Federal Law of the Russian Federation 2007. № 2. Art. 401.
19. The Basic Law of the Federal Republic of Germany of May 23, 1949 // Constitutions of foreign countries: A textbook / Comp. prof. V.V. Maklakov. - 4th ed., revised. and additional - M.: Walters Kluwer, 2003.
20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 7-P dated 08.02.2018 "On the case of Checking the Constitutionality of Paragraph 15 of the First Part of Article 14 of the Law of the Russian Federation "On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Disaster", Part One of Article 2 of Federal Law No. 5-FZ dated February 12, 2001 "On Amendments and amendments to the Law of the Russian Federation "On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl disaster", Paragraph 1 of Article 2 of Federal Law No. 31-FZ of April 26, 2004 "On Amendments to Article 5 of the Law of the Russian Federation "On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Disaster" and to Article 2 of the Federal Law "On Amendments and Additions to the Law of the Russian Federation "On Social Protection citizens, exposed to radiation as a Result of the Chernobyl disaster" and the provisions of paragraph 8 of Article 3 of Federal Law No. 122-FZ of August 22, 2004 On Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of Federal Laws On Amendments and Additions to the Federal LawOn the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation" and "On the general principles of the organization of local self-government local self-government in the Russian Federation"in connection with the complaint of citizen A.Ya. Sizov"// Rossiyskaya Gazeta, 02/16/2018
21. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/11/2005 No. 5-P "In the case of checking the constitutionality of Article 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Kurgan Regional Court, complaints of the Commissioner for Human Rights in Of the Russian Federation, the industrial and technical cooperative "Assistance", the limited liability company "Karelia" and a number of citizens" // SZ RF 2005. № 22. Art. 2194.
22. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/16/2015 N 15-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 139 of the Family Code of the Russian Federation and Article 47 of the Federal Law "On Acts of Civil Status" in connection with the complaint of citizens G.F. Grubich and T.G. Gushchina" // SZ RF 2015. № 26. Art. 3944.
23. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P of 06/19/2002 "On the case of Checking the Constitutionality of a Number of Provisions of the Law of the Russian Federation of June 18, 1992 "On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Disaster" (as amended on November 24, 1995 and February 12, 2001), Federal Laws of February 12, 2001 "On Amendments and Additions to the Law of the Russian Federation "On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl disaster", dated June 19, 2000 "On the minimum wage" and August 7, 2000 "On the procedure for establishing the amount of scholarships and social benefits in the Russian Federation" in connection with requests from the Supreme Court of the Russian Federation and the Oktyabrsky District Court of Krasnodar, complaints from citizens and public organizations of Chernobyl victims" // SZ RF 2002. No. 27. Art. 2779.
24. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 2.07.2013 No. 16-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of the first part of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court" // Rossiyskaya Gazeta. 11.07.2013
25. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/23/2021 No. 41-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 4 of the first part of Article 135, Article 401.6 and paragraph 1 of the second part of Article 401.10 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.P. Atroshchenko" // URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision557338.pdf
26. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/14/2015 N 20-P "In the case of checking the constitutionality of Part 2 of Article 1.7 and paragraph 2 of Article 31.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the request of the Justice of the Peace of judicial district No. 1 of the Vyksa Judicial District of the Nizhny Novgorod region" // Rossiyskaya Gazeta, 07/27/2015
27. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of 30.01.2013 "On the case of Checking the Constitutionality of Paragraph 7 of Article 17 of the Law of the Russian Federation "On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a result of the Chernobyl Disaster" (as amended by Federal Law No. 122-FZ of August 22, 2004) in connection with the complaint of a citizen E.N. Stepantsova and the Chelyabinsk Regional Court's request" // Rossiyskaya Gazeta, 12.02.2013.
28. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 dated 11/15/2016 "On some issues of the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on surety" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. № 2.
29. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.06.2020 No. 13 "On the application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation when Considering Cases in Arbitration courts" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 9.
30. Principles concerning the status of national institutions for the promotion and protection of human rights // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml
31. Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
32. *Sidorkin A.S.* Principles of law: concept and implementation in Russian legislation and judicial practice: dissertation of the cand. jurid. M.: RUDN University, 2010. 207 p.
33. Agreement on the procedure for resolving disputes related to business Activities // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 1992, No. 1.
34. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Law of the Russian Federation 2001. N 52 (part 1). Art. 4921.
35. The Criminal Code of the Russian Federation // Law of the Russian Federation 1996. N 25. Art. 2954.
36. Federal Law of 10.01.2002 "On Environmental Protection" № 7-FZ // Federal Law of the Russian Federation 2002. N 2. Art. 133.
37. Federal Law of July 25, 2002 "On Countering extremist activity" No. 114-FZ // Federal Law of the Russian Federation 2002. N 30. Art. 3031.
38. Federal Law No. 208-FZ of December 26, 1995 "On Joint Stock Companies" // Federal Law of the Russian Federation of 1996 No. 1. Art. 1.
39. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Federal Law of the Russian Federation 2006. N 31 (part I). Art. 3448.40.
40. Federal Law of 27.07.2006 "On Personal Data" No. 152-FZ // Federal Law of the Russian Federation 2006. № 31. Art. 3451.
41. Federal Law No. 382-FZ of December 29, 2015 "On Arbitration" // Federal Law of the Russian Federation 2016. No. 1 (Part I). Article 2.
42. Federal Law No. 68-FZ of 30.04.2010 "On Compensation for Violation of the Right to Judicial Proceedings within a Reasonable Time or the Right to Execute a Judicial Act within a Reasonable Time" // Federal Law OF the Russian Federation. 2010. No. 18. Art. 2144.
43. Federal Constitutional Law of 02.26.1997 "On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation" No. 1-FKZ // SZ RF 1997. N 9. Art. 1011.
44. *Tsyganovkin V.A.* Principles of law in modern legal doctrine and practice // Bulletin of the Russian State University of Law. The Economics series. Management. Right. 2019. No. 2. pp. 147-155.
45. *Chetvernin V.A.* Introduction to the course of general theory of law and the State. Textbook. Moscow: IGP RAS, 2003. 204 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_224

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В СФЕРЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА И МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
THE CONCEPT AND ESSENCE OF PUBLIC LAW IN THE FIELD OF COURT PROCEEDINGS AND MASS COMMUNICATION

БУНИН Данила Александрович,
аспирант, Кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, Факультета подготовки кадров высшей квалификации, заместитель начальника отдела творческого, креативного развития и медиа коммуникаций Российский государственный университет правосудия имения В.М. Лебедева.
Новочерёмушкинская ул., 69, г. Москва, 117418, Россия.
E-mail: bunin_danila@bk.ru;

BUNIN Danila Aleksandrovich,
postgraduate student, Department of the Organization of Judicial and Law Enforcement Activities, Faculty of Higher Qualification Training, Deputy Head of the Department of Creative, Creative Development and Media Communications, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Novocheremushkinskaya St., 69, Moscow, 117418, Russia.
E-mail: bunin_danila@bk.ru

Краткая аннотация: *настоящая работа посвящена анализу сущностных характеристик взаимодействия судебной системы и СМИ. Автор акцентирует внимание на сущности публичного права в сфере регулирование наиболее значимых сфер общественной жизни в связи, с чем публичное право выступает не только как система норм, обеспечивающих стабильность правопорядка, но и как инструмент защиты конституционных основ, прав и свобод человека. Подводя итог, автор отмечает, что именно через такие сферы, как судопроизводство и массовая коммуникация, становится очевидной значимость публичного права в современном мире. Здесь проявляется его динамический характер, необходимость постоянной адаптации к новым социальным, экономическим и технологическим условиям.*

Abstract: *This work is devoted to the analysis of the essential characteristics of the interaction between the judicial system and the media. The author focuses on the essence of public law in regulating the most significant areas of public life, where public law acts not only as a system of norms that ensure the stability of the rule of law, but also as a tool for protecting constitutional foundations, human rights, and freedoms. In conclusion, the author notes that it is through areas such as legal proceedings and mass communication that the significance of public law in the modern world becomes evident. This is where its dynamic nature manifests itself, the need for constant adaptation to new social, economic, and technological conditions.*

Ключевые слова: *публичное право, судопроизводство, средства массовой информации.*
Keywords: *public law, legal proceedings, mass media.*

Для цитирования: *Бунин Д.А. Понятие и сущность публичного права в сфере судопроизводства и массовой коммуникации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 224-229. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_224.*
For citation*: Bunin D.A. The concept and essence of public law in the field of court proceedings and mass communication // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 224-229. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_224.*

Статья поступила в редакцию: 05.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Современные процессы развития государства и права свидетельствуют о возрастающем значении публично-правовых механизмов, направленных на регулирование наиболее значимых сфер общественной жизни. В условиях трансформации социально-экономических и политических отношений публичное право выступает не только как система норм, обеспечивающих стабильность правопорядка, но и как инструмент защиты конституционных основ, прав и свобод человека. Особое значение оно приобретает в таких сферах, как судопроизводство и массовая коммуникация, где пересекаются интересы государства, общества и личности.

Судопроизводство, являясь ключевым элементом функционирования правового государства, представляет собой механизм реализации права на судебную защиту и справедливое разбирательство. В этой области публичное право обеспечивает установление правил, обязательных для всех участников процесса, гарантирует беспристрастность и независимость суда, а также эффективность деятельности правоприменительных органов. В то же время судебная деятельность невозможна без взаимодействия с обществом, которое в значительной мере осуществляется посредством средств массовой информации.

Массовая коммуникация, охватывающая традиционные СМИ и цифровые платформы, выполняет функцию посредника между государством и гражданами. С одной стороны, она обеспечивает реализацию права на свободу слова и доступ к информации, с другой — становится объектом регулирования публичного права, поскольку от уровня правового контроля в информационной сфере напрямую зависит соблюдение принципов национальной безопасности, защиты чести, достоинства и частной жизни личности. Здесь возникает сложная задача поиска баланса между публичными интересами и необходимостью соблюдения частных прав, что формирует особую специфику публично-правового регулирования в условиях современного общества.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастанием роли судебной системы и средств массовой коммуникации в обеспечении демократических процессов, а также необходимостью защиты прав и свобод человека в условиях цифровизации. Расширение информационного пространства и ускорение обмена данными порождают новые вызовы, связанные с необходимостью усиления гарантий прав личности, предотвращения злоупотреблений в медиасфере и обеспечения справедливости судебных процедур.

Публичное право представляет собой особую сферу правовой системы, регулирующую отношения, связанные с организацией и осуществлением государственной власти, обеспечением общественных интересов и поддержанием правопорядка. В отличие от частного права, где

основой выступают равенство и автономия воли участников, публичное право строится на принципах подчинённости, властных полномочий и юридического неравенства сторон. Его нормы направлены на защиту интересов общества и государства в целом, а также на создание условий для гармоничного взаимодействия личности с публичной властью.

В своей работе Ким Ю. М. отмечает: «Публичное право (лат. juspublicum), относительно обособленная, характерная для романо-германской правовой семьи подсистема, формируемая отраслями права, регулирующими властно-управленческие функции государственных и негосударственных институтов и учреждений по обеспечению реализации общественного (публичного) интереса и работы механизма государства»[1].

Проблема разграничения публичного и частного права является одной из фундаментальных в истории правовой мысли. Её осмысление имеет особое значение для построения целостной системы права, понимания его природы и структуры. В юридической науке XIX – начала XX века данная тема занимала видное место, а вклад дореволюционных российских учёных в её разработку оказал существенное влияние на развитие отечественной правовой доктрины.

Под публичным правом традиционно понимается совокупность правовых норм, регулирующих отношения, в которых участвует государство или его органы, выступающие в качестве носителей властных полномочий. Суть этих отношений строится на начале подчинённости, при котором одна сторона обладает юридически закреплённым правом власти, а другая — обязанностью подчиняться этой власти. В отличие от частного права, основанного на началах автономии воли, равенства и договорной свободы, публичное право выражает интересы общества и государства, обеспечивая устойчивость публичного порядка.

Шершеневич Г.Ф. отмечал, что право в целом следует понимать, как совокупность правил общежития, обеспечиваемых государственным принуждением: «Право, с развиваемой мною точки зрения, — это правила общежития, поддерживаемые государственною властью»[2]. Это определение подчёркивало фундаментальную роль государства в формировании и охране правопорядка. Следовательно, именно в сфере публичного права эта особенность проявляется наиболее полно, так как здесь регулирование напрямую связано с властной организацией общества.

Особое внимание пониманию публичного права уделял Н.М. Коркунов, который в работе «Лекции по общей теории права» писал: «Публичное право есть совокупность юридических норм, определяющих деятельность государственной власти и её отношение к частным лицам»[3]. Здесь чётко прослеживается идея, что публичное право закрепляет рамки и границы осуществления власти, а также механизмы взаимодействия государства с гражданами. Это подчёркивает важную функцию публичного права — обеспечение баланса между властью и обществом.

Немаловажный вклад внёс Б.Н. Чичерин, рассматривавший государство как основу публично-правового порядка. В его «Философии права» встречаем следующее положение: «Государство есть нравственный союз людей, подчинённых верховной власти, установленной для общего блага»[4]. Из этой мысли следует, что публичное право выступает выражением единства общественной воли, направленного на достижение общего блага, а не только на утверждение силы власти. Тем самым оно обосновывается не только через принуждение, но и через нравственные начала и коллективные интересы.

Таким образом, дореволюционные исследователи последовательно указывали, что публичное право отражает особую сферу правовой реальности, где государство не является обычным участником правовых отношений, а выступает гарантом и носителем публичной власти. В совокупности их взгляды позволяют выделить ключевые признаки публичного права: наличие властных полномочий, приоритет общих интересов над частными и особая роль государства в регулировании общественных отношений. Эти идеи остаются актуальными и сегодня, поскольку позволяют лучше понять не только природу публичного права, но и его значение в современных условиях.

Сравнительный анализ показывает, что дореволюционные учёные развивали идеи, близкие к германской правовой традиции (Иеринг, Савиньи), где публичное право трактовалось как совокупность норм, регулирующих деятельность государства. Но при этом российская доктрина акцентировала внимание на необходимости юридического ограничения власти. Такой подход позволял рассматривать публичное право не просто как инструмент власти, а как сферу, где устанавливается определённый баланс между государственными интересами и свободой граждан.

Итак, в дореволюционной науке сформировались основные положения, определяющие сущность публичного права:

— государство является необходимым участником правоотношений;

— публичное право связано с реализацией властных полномочий;

— акты государства должны подчиняться нормам права и находиться под контролем юридической системы;

— публичное право обеспечивает баланс интересов общества и личности.

Развитие публичного права в советский период представляет собой важный этап в эволюции правовой системы России. В условиях социалистического государства публичное право приобрело особое значение, служа основным инструментом реализации государственной власти и обеспечения общественного порядка. Советские правоведы рассматривали публичное право, как совокупность норм, регулирующих отношения между государством и гражданами, а также между различными государственными органами.

Одним из ключевых аспектов развития публичного права в СССР было его тесное переплетение с идеологией марксизма-ленинизма. Согласно этой идеологии, право рассматривалось как средство обеспечения диктатуры пролетариата и защиты интересов рабочего класса. В

[1] Ким Ю. В. Публичное право // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». 2022. № 10.– URL : https://bigenc.ru/c/publichnoe-pravo-ea6447 (дата обращения 26.09.2025)
[2] ШершеневичГ. Ф. Избранные труды по общей теории права, гражданскому и торговому праву в 2 т. Том 1; составитель В. А. Белов. Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 156.
[3] Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 89.
[4] Чичерин Б. Н. Философия права. Избранные сочинения. Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 71.

этой связи публичное право становилось инструментом реализации государственной политики, направленной на построение социалистического общества.

Советские ученые, такие как Яков Наумович Уманский, подчеркивали важность публичного права как средства обеспечения государственной власти и общественного порядка. Уманский отмечал: «Публичное право является основой государственной власти и служит инструментом реализации государственной политики»[1]. Это утверждение отражает ключевую роль публичного права в советской правовой системе.

Особое внимание в советской теории права уделялось вопросам соотношения публичного и частного права. Как отмечается в научной литературе: «В социалистическом обществе, экономической основой которого является общественная собственность на орудия и средства производства и плановое руководство хозяйством, нет почвы для деления права на публичное и частное»[2].

В условиях социалистического общества акцент смещался в сторону публичного права, которое рассматривалось как преобладающее. Такое смещение было связано с усилением роли государства в общественных отношениях.

Важным элементом развития публичного права в советский период было его закрепление в законодательных актах. Конституции СССР и союзных республик, а также многочисленные законы и постановления органов государственной власти служили основой для регулирования публичных отношений. Эти нормативные акты определяли структуру и компетенцию государственных органов, права и обязанности граждан, а также механизмы обеспечения законности и правопорядка.

Как отмечается в научной литературе: «Публичное право – первоначально всё право, установленное государством и поэтому обязательное для всех. Впоследствии его содержание меняется, и при Республике (6–1 вв. до н. э.) под ним подразумевают всякое право, относящееся к делам государства; таким образом, оно охватывает право государственное, административное, уголовное, процессуальное, культовое и международное. Категории iuspublicum и iusprivatum имели в римском праве второстепенное значение, их стала противопоставлять позднеклассическая наука (4 в.)»[3].

Советские правоведы также акцентировали внимание на необходимости постоянного совершенствования публичного права в соответствии с изменяющимися условиями общественного развития. В этой связи проводилась работа по разработке новых законодательных актов, а также по совершенствованию существующих норм. Это позволило адаптировать правовую систему к требованиям времени и обеспечить ее эффективность.

Таким образом, развитие публичного права в советский период было неотъемлемой частью процесса построения социалистического государства. Публичное право служило основным инструментом реализации государственной власти, обеспечения общественного порядка и защиты интересов рабочего класса. Его развитие отражало стремление к созданию правового государства, основанного на принципах социализма.

Современное понимание публичного права представляет собой динамичную и многогранную область юридической науки, отражающую изменения в обществе, государстве и праве. Публичное право традиционно рассматривалось как совокупность норм, регулирующих отношения между государством и частными лицами, а также между различными государственными органами. Однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к интеграции публичного и частного права, что отражает более сложную и динамичную структуру правового регулирования.

В своей работе Иванова С. А. выделяет следующее определение: «Правоотношение юридически равных субъектов суть правоотношение частное; правоотношение юридически властвующего с юридически подвластным–публичное»[4].

Современные правоведы отмечают, что публичное право не является статичной категорией, а развивается в ответ на изменения в обществе и государстве. Это развитие проявляется в адаптации норм публичного права к новым социальным, экономическим и политическим условиям.

Как отмечает Скакун Н. С.: «Деление права на частное и публичное условно, в правовой системе они взаимосвязаны, частное право не может существовать без публичного, которое обеспечивает функционирование частного права. Примером комбинации публичного и частного институтов является информационное право.Между публичным и частным правом, а также входящими в них отраслями складываются не субординационные, а координационные связи, обеспечивающие системное воздействие на общественные отношения»[5].

Современные тенденции в праве свидетельствуют о сближении публичного и частного права. Это проявляется в появлении новых правовых институтов, которые объединяют элементы обоих направлений. Например, в сфере административного права наблюдается использование частноправовых механизмов, таких как договоры и соглашения, для регулирования отношений между государственными органами и частными лицами.

В области международного права наблюдается тенденция к унификации норм, что способствует сближению публичного и частного права на международной арене. Глобализация права приводит к созданию универсальных стандартов, которые объединяют элементы публичного и частного права.

Как отмечает Ярыгин Д. А.: «Современное публичное право ставит перед собой задачу обеспечить устойчивое развитие и защиту

[1] Уманский Я.Н. Советское государственное право: учеб. пособие/Я.Н. Уманский. М.: ВЮЗИ, 1955.С. 79.
[2] Юридический энциклопедический словарь. — 2-е изд., доп..М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 201
[3] Римское право : Понятия, термины, определения. - Москва : Юрид. лит., 1989. С. 145.
[4] Иванова С. А. Частное и публичное право: введение в проблему // Евразийская адвокатура. 2015. № 5(18). С. 43.
[5] СкакунН. С. Частное и публичное право // Вестник магистратуры. 2018. № 9-2(84). С. 81.

окружающей среды, а также регулировать отношения в сфере природных ресурсов и экологии. Важно отметить, что развитие частного и публичного права происходит параллельно и взаимно влияет друг на друга, учитывая изменения в обществе и экономике»[1].

Публичное право занимает центральное место в поддержании правопорядка и стабильности современного общества. Оно регулирует отношения, связанные с реализацией государственной власти, защитой прав и свобод граждан, а также обеспечением общественного порядка.

Данная отрасль права охватывает ситуации, в которых государство выступает как субъект с властными полномочиями, направленными на поддержание порядка, защиту общественных интересов и реализацию государственных функций. В отличие от частного права, здесь государство не находится в положении равного с другими субъектами, а обладает правом устанавливать обязательные нормы, принимать решения и контролировать их выполнение. Публичное право тем самым закрепляет верховенство государства и обеспечивает организацию и функционирование органов власти в обществе.

Особенностью публичного права является императивность норм, что подразумевает обязательность их исполнения для всех участников общественных отношений. Субъекты не могут самостоятельно изменять содержание таких правил или игнорировать их. Императивный характер норм обеспечивает единообразное применение права, что важно для поддержания правопорядка, стабильности и справедливости. Это свойство проявляется в таких сферах, как конституционное, административное, уголовное, финансовое и налоговое право, где государство задает обязательные рамки поведения и обеспечивает соблюдение установленных правил всеми участниками общественной жизни.

Публичное право тесно связано с концепцией верховенства интересов общества над интересами отдельных лиц. Оно направлено на регулирование отношений, где приоритетом является защита коллективных интересов, общественной безопасности и государственного суверенитета. Например, уголовное право устанавливает ответственность за действия, угрожающие обществу, а административное право регулирует деятельность органов государственной власти в целях соблюдения законности и порядка. Важным аспектом здесь является то, что субъекты публичного права обладают меньшей свободой выбора, чем участники частноправовых отношений, поскольку нормы направлены на обеспечение обязательного соблюдения законов.

Еще одной особенностью публичного права является интеграция социальных и экономических функций государства. В современном правовом пространстве публичное право регулирует не только политические, но и экономические отношения, включая вопросы налогообложения, бюджетного финансирования, контроля за деятельностью государственных предприятий и инвестиций. Это позволяет государству использовать публично-правовые механизмы для реализации экономической политики, поддержки социальных программ и обеспечения устойчивости финансовой системы.

Как отмечает Сорокина Ю. В.: «Публичное право выделилось из общего массива правовых норм в связи со спецификой регулируемых им отношений, которые возникают в сфере организации и функционирования публичной власти. Для их регламентации используется императивный метод правового воздействия, основанный на властных предписаниях, запретах и обязываниях. Система публичного права отличается сложной структурой и включает в себя конституционное, административное, финансовое, уголовное право, процессуальные отрасли и др.»[2].

Разграничение публичного и частного права представляет собой фундаментальный принцип современной правовой науки, определяющий различия в предметах регулирования, методах воздействия и ролях субъектов в правоотношениях. Основное различие между этими двумя ветвями права заключается в позиции государства. В публичном праве государство выступает активным носителем властных полномочий, способным устанавливать обязательные правила и контролировать их исполнение. Частное право, напротив, основано на равноправии участников, где государство играет нейтральную роль арбитра, обеспечивая соблюдение соглашений и защиту интересов сторон.

Методы регулирования также различаются. Публичное право характеризуется императивностью норм, которые обязательны для всех субъектов и не могут быть изменены по взаимному соглашению. В частном праве нормы обладают диспозитивным характером, позволяя сторонам самостоятельно определять условия своих правоотношений. Это обеспечивает гибкость регулирования и возможность учитывать интересы участников, сохраняя при этом стабильность и предсказуемость общественных отношений.

Цель регулирования в этих ветвях права также различна. Публичное право направлено на обеспечение порядка, стабильности и функционирования государственных институтов, защиту общественных интересов и контроль за соблюдением законов. Частное право ориентировано на установление баланса между интересами участников, защиту их имущественной и личной самостоятельности, обеспечение справедливого распределения ресурсов и свобод. Такая дифференциация позволяет эффективно решать как коллективные, так и индивидуальные задачи, возникающие в обществе.

Рассматривая вопросы соотношения частного и публичного права, АзнагуловаГ. М. отмечает: «Наглядным примером поиска баланса между публичными и частными интересами может служить исключение из общего правила использования объектов авторского права, согласно которому такое использование допускается только с разрешения правообладателя произведения. Однако с целью соблюдения баланса интересов между обществом и автором законом установлены случаи безвозмездного использования результатов интеллектуальной деятельности без разрешения правообладателя в порядке цитирования»[3].

Другим примером специфического взаимодействия публичного и частного начал являются трудовые отношения. Их содержание со-

[1] Ярыгин Д. А. Тенденции развития частного и публичного права // Молодой ученый. 2024. № 12 (511). С. 285.
[2]Сорокина Ю. В. становление публичного права в странах континентальной правовой семьи // Аспирантские тетради : Сборник научных статей Научно-методического семинара молодых ученых, Воронеж, 06 декабря 2024 года. Воронеж: Редакционно-издательский отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2025. С. 161.
[3]Азнагулова Г. М. Публичное и частное право: проблемы соотношения интересов на современном этапе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 24, № 3. С. 80.

ставляют частные интересы работника и работодателя, закрепленные в трудовом договоре. При этом участие государства, которое выражает публичные интересы, в этих отношениях минимально и заключается в восстановлении баланса интересов работника и работодателя, а также урегулировании возможных конфликтов между сторонами трудового договора посредством законодательно закрепленных норм в трудовом кодексе.

В сфере судопроизводства публичное право играет фундаментальную роль, определяя организацию судебной системы, полномочия судов и порядок осуществления правосудия. Судебная власть в демократическом государстве является одним из ключевых институтов, обеспечивающих реальное воплощение принципа верховенства права.

Именно через публично-правовое регулирование формируются нормы процессуального законодательства, устанавливающие правила ведения уголовных, гражданских, административных и арбитражных дел. Сущность этого регулирования заключается в том, что судебный процесс не может быть основан на соглашении сторон или их усмотрении. Он строится на началах обязательности процессуальных форм, которые охраняются государством и направлены на защиту интересов общества в целом.

Важным элементом публичного права в сфере судопроизводства является гарантия соблюдения прав личности. Государство, обладая властными полномочиями, обязано обеспечить справедливое и беспристрастное рассмотрение дел, доступ к правосудию, защиту от произвола и равенство сторон перед законом и судом. Эти принципы закреплены в конституционном и процессуальном законодательстве, а их соблюдение поддерживается институциональными механизмами судебного контроля. Следовательно, сущность публичного права здесь проявляется не только в регулировании деятельности суда как органа государственной власти, но и в обеспечении доверия граждан к судебной системе, что, в свою очередь, укрепляет правопорядок и устойчивость государства.

Наряду с судопроизводством значительное место в осмыслении сущности публичного права занимает сфера массовой коммуникации. Как отмечается в научной литературе: «В условиях информационного общества именно коммуникационные процессы формируют основу взаимодействия между государством и обществом. Массовая коммуникация охватывает широкий спектр отношений: от деятельности средств массовой информации и интернет-платформ до регулирования публичных дискуссий и распространения информации в социальных сетях. Здесь публичное право призвано выполнять двоякую функцию. С одной стороны, оно обеспечивает защиту интересов общества, гарантируя доступ к достоверной информации, предотвращение распространения экстремистских или заведомо ложных сведений, а также охрану общественной безопасности. С другой стороны, оно должно гарантировать соблюдение фундаментальных прав и свобод человека, таких как свобода слова и свобода массовой информации»[1].

Сущность публичного права в коммуникационной сфере проявляется в необходимости поддержания баланса между свободой выражения мнения и интересами государства по обеспечению национальной безопасности и общественного порядка. Государственные институты наделены правом издавать обязательные нормы, регулирующие деятельность СМИ и цифровых платформ, а также осуществлять контроль за их соблюдением. Публичное право в сфере коммуникации выполняет одновременно регулирующую и гарантирующую функцию, обеспечивая равновесие между интересами общества и необходимостью охраны демократических институтов.

Особое значение приобретает проблема взаимодействия судопроизводства и массовой коммуникации. В современном обществе судебные процессы зачастую становятся предметом широкого освещения в СМИ и обсуждения в социальных сетях. Это создает дополнительные вызовы для публичного права, так как необходимо обеспечить открытость правосудия при одновременном сохранении объективности процесса и недопущении давления общественного мнения на суд. Публично-правовое регулирование в этой области призвано определить границы допустимого вмешательства средств массовой информации в судебные процессы, установить правила освещения дел, особенно связанных с неприкосновенностью частной жизни, защитой несовершеннолетних и сохранением тайны следствия.

Взаимодействие судопроизводства и массовой коммуникации демонстрирует эволюцию публичного права в условиях цифровой среды. Современные технологии позволяют обществу в режиме реального времени получать информацию о судебных заседаниях, что повышает прозрачность и подотчетность судебной системы. В этом контексте публичное право должно формировать эффективные механизмы регулирования, которые будут способствовать повышению доверия к правосудию и развитию правовой культуры.

Таким образом, понятие и сущность публичного права в сфере судопроизводства и массовой коммуникации выражаются в обеспечении устойчивого правопорядка, справедливости и баланса между интересами государства, общества и личности. Оно формирует обязательные правила, направленные на организацию судебной деятельности, защиту прав граждан и регулирование информационных потоков, создавая тем самым основу для демократического устройства и правового государства. Публичное право не только отражает роль государства как носителя властных полномочий, но и выполняет функцию защиты общества от злоупотреблений властью, обеспечивая пространство для реализации прав и свобод человека в условиях современных вызовов.

Именно через такие сферы, как судопроизводство и массовая коммуникация, становится очевидной значимость публичного права в современном мире. Здесь проявляется его динамический характер, необходимость постоянной адаптации к новым социальным, экономическим и технологическим условиям. Публичное право обеспечивает неразрывную связь между государством и обществом, позволяя выстраивать систему правовых отношений, в которой интересы граждан и институтов власти не противопоставляются, а взаимно уравновешиваются ради достижения общественного блага.

[1]Принципы публичного права. Южно-Уральский государственный университет, Юридический институт. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2019. С. 108.

Список литературы:

1. Азнагулова, Г. М. Публичное и частное право: проблемы соотношения интересов на современном этапе / Г. М. Азнагулова, М. Е. Черемисинова, Е. А. Мотова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 74-80.
2. Иванова, С. А. Частное и публичное право: введение в проблему / С. А. Иванова, Л. Ю. Грудцына // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 5(18). – С. 38-43.
3. Ким, Ю. В. Публичное право / Ю. В. Ким // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». – 2022. – № 10.– URL:https://bigenc.ru/c/publichnoe-pravo-ea6447 (дата обращения 26.09.2025)
4. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 352 с.
5. Принципы публичного права / К. В. Алексеева, А. А. Баукен, С. В. Брусницына [и др.] ; Южно-Уральский государственный университет, Юридический институт. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2019. – 288 с.
6. Римское право : Понятия, термины, определения : [Пер. с чеш.] / Милан Бартошек. - Москва : Юрид. лит., 1989. – 447 с.
7. Скакун, Н. С. Частное и публичное право / Н. С. Скакун // Вестник магистратуры. – 2018. – № 9-2(84). – С. 81-84.
8. Сорокина, Ю. В. становление публичного права в странах континентальной правовой семьи / Ю. В. Сорокина, У. П. Золотарева // Аспирантские тетради : Сборник научных статей Научно-методического семинара молодых ученых, Воронеж, 06 декабря 2024 года. – Воронеж: Редакционно-издательский отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2025. – С. 156-161.
9. Уманский, Я.Н. Советское государственное право: учеб. Пособие/Я.Н. Уманский. —М.: ВЮЗИ, 1955.— 328 с.
10. Чичерин, Б. Н. Философия права. Избранные сочинения / Б. Н. Чичерин. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 371 с.
11. Шершеневич, Г. Ф. Избранные труды по общей теории права, гражданскому и торговому праву в 2 т. Том 1 / Г. Ф. Шершеневич ; составитель В. А. Белов. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 284 с.
12. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. — 2-е изд., доп.. — М. : Сов. энциклопедия, 1987. — 527 с.
13. Ярыгин, Д. А. Тенденции развития частного и публичного права / Д. А. Ярыгин // Молодой ученый. — 2024. — № 12 (511). — С. 284-285.

References:

1. Aznagulova, G. M. Public and private law: problems of correlation of interests at the present stage / G. M. Aznagulova, M. E. Chereminova, E. A. Motova // Bulletin of the South Ural State University. Series: Pravo. – 2024. – Vol. 24, No. 3. – pp. 74-80.
2. Ivanova, S. A. Private and public law: an introduction to the problem / S. A. Ivanova, L. Y. Grudtsyna // Eurasian Advocacy. – 2015. – № 5(18). – Pp. 38-43.
3. Kim, Yu. V. Public law / Yu. V. Kim // Nationwide interactive encyclopedic portal "Knowledge". – 2022. – № 10.– URL:https://bigenc.ru/c/publichnoe-pravo-ea6447 (accessed 26.09.2025)
4. Korkunov, N. M. Lectures on the general theory of law / N. M. Korkunov. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 352 p
. 5. Principles of Public Law / K. V. Alekseeva, A. A. Bauken, S. V. Brusnitsyna [et al.] ; South Ural State University, Law Institute. Moscow : Prospekt Limited Liability Company, 2019. 288 p.
6. Roman law : Concepts, terms, definitions : [Trans. with Czech.] / Milan Bartoszek. - Moscow : Jurid. lit., 1989. – 447 p.
7. Skakun, N. S. Private and public law / N. S. Skakun // Bulletin of the Magistracy. – 2018. – № 9-2(84). – Pp. 81-84.
8. Sorokina, Yu. V. the formation of public law in the countries of the continental legal family / Yu. V. Sorokina, U. P. Zolotareva // Aspirant notebooks : Collection of scientific articles of the Scientific and Methodological Seminar of Young Scientists, Voronezh, December 06, 2024. Voronezh: Editorial and Publishing Department of the Voronezh Branch of the RANEPA, 2025, pp. 156-161.
9. Umansky, Ya.N. Soviet state law: textbook. Manual/Ya.N. Umansky. —M.: VYUZI, 1955. — 328 p.
10. Chicherin, B. N. Philosophy of law. Selected works / B. N. Chicherin. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 371 p.
11. Shershenevich, G. F. Selected works on the general theory of law, civil and commercial law in 2 volumes. Volume 1 / G. F. Shershenevich; compiled by V. A. Belov. — Moscow : Yurait Publishing House, 2025. — 284 p.
12. Legal encyclopedic dictionary / Chief editor A.Ya. Sukharev. — 2nd ed., supplement. — M. : Soviet Encyclopedia, 1987. — 527 p.
13. Yarygin, D. A. Trends in the development of private and public law / D. A. Yarygin // Young Scientist. — 2024. — № 12 (511). — Pp. 284-285.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_230

УДК 34.03

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И РОЛЬ В МОНЕТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ
THE DIGITAL RUBLE: ISSUES OF LEGAL REGULATION, DEVELOPMENT PROSPECTS AND ITS ROLE IN MONETARY POLICY

МИНИНА Анна Александровна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС.
355002, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: ann247@yandex.ru;

СЕРДЮКОВА Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС.
355002, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: serdukovalena@yandex.ru;

ЧУНИХА Анжелика Арслановна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС.
355002, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: riboni74@mail.ru;

MININA Anna Alexandrovna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Law and Special Disciplines, Stavropol Branch of the RANEPA.
355002, Stavropol Territory, Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: ann247@yandex.ru;

SERDYUKOVA Elena Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines, Stavropol Branch of the RANEPA, Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: serdukovalena@yandex.ru;

CHUNIKHA Angelika Arslanovna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines, Stavropol Branch of the RANEPA.
Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: riboni74@mail.ru

***Краткая аннотация**: в целях развития национальной платёжной инфраструктуры государство решило создать цифровой рубль - третью форму российской валюты вместе с наличными и безналичными деньгами. Новый цифровой актив сыграет важную роль в реализации монетной политики, ЦБ РФ сможет более эффективно управлять денежной массой и контролировать инфляцию. Между тем, изначально анонсировались гарантий защиты прав и законных интересов пользователей виртуальная валюта, её розничных характер и предназначенность именно для населения. Однако в скором времени цифровые рубли будут интегрированы в бюджетный процесс, что позволит контролировать расходование любых выделяемых бюджетных средств.*

***Abstract:** In order to develop the national payment infrastructure, the government decided to create a digital ruble, the third form of Russian currency, along with cash and non-cash money. The new digital asset will play an important role in the implementation of monetary policy, the Central Bank of the Russian Federation will be able to manage the money supply more effectively and control inflation. Meanwhile, the guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of virtual currency users, its retail nature and its intended use for the public were initially announced. However, in the near future, digital rubles will be integrated into the budget process, which will allow you to control the spending of any allocated budget funds.*

***Ключевые слова**: цифровой рубль, цифровая платформа, национальная валюта, безналичные деньги, Банк России, Концепция цифрового рубля.*

***Keywords**: digital ruble, digital platform, national currency, non-cash money, Bank of Russia, Digital ruble concept.*

***Для цитирования:** Минина А.А., Сердюкова Е.В., Чуниха А.А. Цифровой рубль: вопросы правового регулирования, перспективы развития и роль в монетарной политике // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 230-232. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_230.*

***For citation**: Minina A.A., Serdyukova E.V., Chunikha A.A. The digital ruble: issues of legal regulation, development prospects and its role in monetary policy // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 230-232. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_230.*

Статья поступила в редакцию: 19.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ в ряд статей ГК РФ были внесены изменения, в том числе введена ст. 141.1 «Цифровые права». В качестве Законопроекта № 424632-7 указанный нормативно-правовой акт рассматривался в Государственной Думе с марта 2018 года по март 2019 года. При этом примечательно, что в первоначальной редакции авторы инициативы предлагали ввести понятия «цифровые деньги» (141.2 ГК РФ). Однако идея не была поддержана законодателем в связи недостаточной конкретность и ясностью определения. Между тем развитие цифровых технологий и появление частных валют поставило перед ЦБ задачу по обеспечению стабильности и безопасности финансовой системы путём выпуска собственной цифровой валюты для контроля и регулирования рынка. Кроме того, сегодня существует запрос бизнеса на снижение своих издержек при приёме платежей. Известная тема - эквайрингая комиссия, стандартный размер которой составляет от 1,2 до 2,5 % от выручки продавца. При этом, Банк России уверяет, легальному рэкету банкиров положит конец цифровой рубль.

Концепция цифрового рубля была подготовлена главный регулятор кредитно-денежной политики страны ещё весной 2021 года, кото-

рая включила в себя описание целевой модели цифрового рубля, анализ влияния введения цифрового рубля на денежно-кредитную политику и финансовую стабильность, а также этапы реализации прототипа платформы цифрового рубля. В документе особое место отведено запросам граждан и бизнеса на повешение безопасности и скорости платежей и перевод.

Итак, летом 2023 года вступили в силу основные положения Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ (далее – Федеральный закон № 340-ФЗ), которым определили правовой статус цифрового рубля и внесли масштабные изменения в отдельные законодательные акты. Например, в Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в части закрепления за Банком России оператора платформы цифрового рубля; в Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» в части условий функционирования указанной платформы и т.д.

Как законопроект № 270838-8 Федеральный закон № 340-ФЗ поступил в законодательный орган страны в декабре 2022 года, прошёл все три чтения и был одобрен Советом Федерации.

В пояснительной записке к документу анонсирована цель нового правового регулирования - расширение применения цифровых технологий.

Следует заметить, что синхронно с Федеральным законом № 340-ФЗ Президент РФ подписал Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ, которым были внесены изменения в ГК РФ в части признания цифрового рубля видом безналичных денег.

Итак, в целях развития национальной платёжной инфраструктуры государство решило создать цифровой рубль. Если рассматривать в экономическом ключе, то цифровой рубль, эмитируемый Банком России, есть третья форма российской валюты вместе с наличными и безналичными деньгами [1]. Храниться цифровые рубли будут в персонализированных кошельках на цифровой платформе. При этом доступ к такому кошельку можно будет получить через мобильное приложение банка, в котором у клиента открыт счёт. Между тем, цифровые операции он сможет совершать и через другие кредитные организации, в которых он обслуживается. Здесь следует обратить внимание на то, что у одного персонифицированного субъекта может быть только один цифровой кошелек.

М.Д. Шапсугов указывает, что появление денег третьего порядка – трансформация, носящая глобальный характер. Кроме того, он на основе анализа Концепции делает вывод о том, что права на цифровой рубль имеют сходство с правами на наличные деньги, которые являются вещами, а также и с безналичными деньгами, являющимися правами требования, но не тождественны ни первым, ни вторым. При этом, он полагает, что сегодня существует необходимость разработки новых способов защиты, учитывающих особенности функционирования цифровой платформы, либо комбинация цифровых и нецифровых способов защиты [2].

Главное отличие виртуальных рублей от безналичных денег состоит в том, что они будут храниться не в банках, а прямо на платформе ЦБ РФ, а коммерческие банки будут выступать только как технические посредники. В их приложениях можно будут открыть счёт с цифровыми рублями и совершать различные операции, экономя на комиссиях. Поменять цифровые рубли можно на наличные или безналичные деньги по курсу один к одному. И даже если банк обанкротиться, виртуальные деньги не пропадут, так как они будут храниться в ЦБ РФ в виде специальной зашифрованной записи в цифровом журнале. Каждому рублю присвоят свой уникальный код, что позволит прослеживать всю цепочку расчётов. Но как представляется, многие граждане страны этого и бояться. Между тем, Банк России уверяет, что объем информации о гражданах при операциях с цифровыми рублями не будет превышать объем информации, который уже установлен по операциям с безналичными рублями. Информация об остатках на цифровых кошельках и информация о цифровых рублях защищена банковской тайной точно так же, как и информация по счетам в банках [3].

Следует обратить внимание, что расчёты цифровыми рублями – есть форма безналичного расчёта. Об этом говорит следующий факт. Из текста Федерального закона № 340-ФЗ была исключена формулировка «безналичные расчеты цифровыми рублями», употреблявшаяся в первоначальной редакции законопроекта № 270838-8. При этом в соответствии с внесенными Федеральным законом № 339-ФЗ изменениями в п. 3 ст. 861 и п. 1 ст. 862 ГК РФ говорится о «безналичных расчетах, за исключением цифрового рубля».

А.А. Ситник указывает, что, признав цифровой рубль безналичным денежным средством, а цифровой счёт - особым видом банковского счета, законодатель избежал многих практических проблем. Выделение виртуального рубля в качестве отдельного объекта гражданских прав повлекло бы за собой необходимость внесения изменений в весь массив нормативных правовых актов, в которых тем или иным образом затрагиваются вопросы безналичных расчетов. Вместо этого цифровой рубль теперь по общему правилу входит в объем понятия «средства на банковских счетах и в банковских вкладах», а расчеты в цифровых рублях признаются разновидностью безналичных расчетов. Таким образом, чисто с утилитарной точки зрения законодатель пошел по наиболее простому пути [4].

Безусловными функциональными преимуществами цифрового рубля станут возможность офлайн-операций и степень гарантий защиты прав и законных интересов пользователей цифрового рубля. При этом, следует обратить внимание, что анализируемое средство платежа не является средством сбережения: никакие проценты на остаток в цифровом кошельке начисляться не будут. Кроме того, цифровой рубль не может быть средством кредитования: в цифровых рублях нельзя взять кредит.

У цифрового рубля нет курса, а кроме того это не криптовалюта, которую невозможно обналичить. Цифровой рубль - это национальное платежное средство, форма национальной валюты.

Пол сотни стран мира в настоящее время изучают возможность создания цифровых национальных валют. Среди них: Вьетнам, Египет, Индонезия и др. Ряд государств находятся на стадии технологического тестирования. Среди них: Турция, Бразилия, Гонконг и др. Уже сейчас оплатить покупки цифровым валютой можно в Нигерии, на Ямайке и на Багамских островах. При этом, многие государства «свернули» свои планы по внедрению цифровых валют. Так, например, произошло в Дании, где решили, что выгоды от введения цифровой валюты не перевешивают возникающие проблемы.

Следует заметить, что дальше всех в мире продвинулся проект цифрового юаня. В этом году народный Банк Китай отчитался, что в стране открыто порядке 120 млн. электронных кошельков. Дело в том, что для привлечения внимания граждан к цифровой валюте государство использовало так называемый опыт «красных конвертов» и зачислило 250 рандомно выбранным пользователям по 200 цифровых юаней.

Пилотный проект цифрового рубля был запущен 15 августа 2023 году. Изначально, анонсировалось, что в нём примут участие 30 торгово-сервисных предприятий, 600 граждан и 13 банков. При этом в Telegram-канале регулятора было объявлено, что участники пилота провели почти 40 000 операций с цифровыми рублями: сделали более 30 000 переводов друг другу, в том числе 4000 – с использованием смарт-контрактов; 9000 раз оплатили товары и услуги.

С 1 сентября 2024 ЦБ РФ планировал расширить проект до 9 тысяч физических лиц, 1200 юридических лиц. Однако спустя полгода выяснилось, что участников пилота гораздо меньше: 1,7 тысяч граждан и около 30 компаний, а также 15 банков [5].

Изначально планировалось, что массовое внедрение цифрового рубля начнётся в середине 2025 года: с 1 июля предоставлять операции с цифровым рублем для своих клиентов должны системно значимые кредитные организации. В России их 13. Для банков с универсальной лицензией срок установлен на год позже — до 1 июля 2026 года, для банков с базовой лицензией — до 1 июля 2027 года. Однако в связи со сложностями по IT-разработке для интеграции нового функционала, регулятор перенёс его запуск на более поздние сроки [6].

Безусловно, новый цифровой актив сыграет важную роль в реализации монетной политики и «разбавит» выпуск довольно быстро изнашиваемой и затратной в производстве наличной массы денежных средств, ведь печать банкнот и чеканка монет также имеют свои издержки производства. Кроме того, ЦБ РФ сможет более эффективно управлять денежной массой и контролировать инфляцию. Например, в условиях экономического кризиса государство сможет быстро реагировать на изменения в экономике, предлагая целевые программы поддержки [7]. Однако для получения положительно эффекта от такого проекта государству необходимо провести большую работу с учётом ошибок, допущенных в других странах. Прежде всего, речь идёт о повышении финансовой грамотности населения и уровня его доверия к цифровой национальной валюте. При этом нужно учитывать неутешительные результаты опроса российских граждан об их желании использовать цифровой рубль [8]. Представляется, что каких-либо преимуществ для физических лиц цифровой рубль пока не даст. Наиболее активно новая форма национальной валюты будет использоваться в государственных выплатах. Так, в настоящее время на рассмотрении Государственной Думы находится законопроект № 924067-8, предусматривающий интеграцию цифрового рубля в бюджетный процесс. Так, БК РФ будет дополнен новым понятие - «счёт цифрового рубля Федерального казначейства». Такой счёт будет открываться в Банке России, который выступает оператором платформы цифрового рубля. Обслуживание счёта будет бесплатным.

Участники казначейской системы смогут проводить расчеты в цифровых рублях. Федеральное казначейство будет отправлять в Центробанк распоряжения о переводе цифровых рублей.

Предполагается, что с 1 октября 2025 года начнётся эксперимент по использованию цифрового рубля в бюджетном процессе, в рамках которого новый актив можно будет использовать для ограниченного круга расходов федерального бюджета. Перечень таких расходов утвердит правительство совместно с Банком России.

С 1 января 2026 года цифровой рубль можно будет использовать для всех расходов федерального бюджета, а также для зачисления доходов, а с 1 июля 2027 года — для региональных и местных бюджетов и внебюджетных фондов.

Законопроект имеет ряд недостатков, однако, как представляется, они будет устранены в скором времени.

Существует мнение о том, что цифровой рубль нужен государству для контроля над населением, которое в лице ЦБ РФ – станет «во главе» любой транзакции. Есть и другое мнение: цифровой рубль позволит повысить эффективность расходования бюджетных средств. Так, каждый бюджетный рубль можно будет сделать строго целевым, то есть запрограммировать только на траты в рамках исполнения конкретного государственного заказа и тогда купить Geely вместо щебня для строительства дороги не выйдет. Но если Концепция ЦБ РФ такую функцию на виртуальную валюту не возлагала и анонсировала её в качестве розничной, предназначенной именно для населения, то в свете законодательных инициатив будет обеспечена прослеживаемость любых выделяемых бюджетных средств.

Список литературы:

1. Дургарян, К.В. Перспективы применения цифрового рубля в бизнесе // Безопасность бизнеса. - 2023. - № 3. - С. 30 - 32.
2. Шапсугов, М.Д. Анализ модели цифрового рубля, предложенной в Концепции цифрового рубля Банка России // Право и цифровая экономика. - 2022. - № 2 (16). - С. 5-9
3. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // Банк России: официальный сайт. 2023. URL: http://www.cbr.ru
4. Ситник, А.А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - № 8. - С. 20 - 36.
5. Почему ЦБ перенес внедрение цифрового рубля [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/finances/27/02/2025/67c0700c9a7947b3d47734f5?ysclid=mbxv3p3vd2285557332
6. Банки оценили готовность к запуску цифрового рубля в 2025 году [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/finances/08/01/2025/676c0d0b9a79470966c2baf6?ysclid=mbxv17diqh676183411
7. Турбанов, А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Том 17, № 5. – С. 73–90.
8. Кудряшова, Е.В. Цифровой рубль и финансовая грамотность общества // Банковское право. - 2022. - № 4. - С. 28 - 34.

References:

1. Durgaryan, K.V. Prospects of using the digital ruble in business // Business security. - 2023. - No. 3. - pp. 30-32.
2. Shapsugov, M.D. Analysis of the digital ruble model proposed in the Concept of the digital ruble of the Bank of Russia // Law and digital Economy. - 2022. - № 2(16). P. 5-9
3. Digital ruble: what it is and how to use it // Bank of Russia: official website. 2023. URL: http://www.cbr.ru
4. Sitnik, A.A. The digital ruble as an object of financial and legal regulation // Actual problems of Russian law. - 2023. - No. 8. - pp. 20-36.
5. Why the Central Bank postponed the introduction of the digital ruble [Electronic resource] URL: https://www.rbc.ru/finances/27/02/2025/67c0700c9a7947b3d47734f5?ysclid=mbxv3p3vd2285557332
6. Banks assessed their readiness to launch the digital ruble in 2025 [Electronic resource] URL: https://www.rbc.ru/finances/08/01/2025/676c0d0b9a79470966c2baf6?ysclid=mbxv17diqh676183411
7. Turbanov, A.V. The digital ruble as a new form of money // Actual problems of Russian law. – 2022. – Volume 17, No. 5. – pp. 73-90.
8. Kudryashova, E.V. Digital ruble and financial literacy of society // Banking law. - 2022. - No. 4. - pp. 28-34.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_233

УДК 342; 343.8

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФУНКЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ЗАДАЧ ПРОБАЦИИ
THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF THE ORGANIZATION'S FUNCTION IN THE FRAMEWORK OF THE IMPLEMENTATION OF PROBATION TASKS BY THE PENAL SYSTEM

СМИРНОВА Ирина Николаевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса,
Псковский государственный университет.
180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2.
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

БЫЧИНСКАЯ Ирина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета,
Университет ФСИН России.
196602, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А.
E-mail: firefirst@mail.ru

SMIRNOVA Irina Nikolaevna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University.
180000, Russia, Pskov, Lenin Square, 2.
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

BYCHINSKAYA Irina Sergeevna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya str., 34, lit. A.
E-mail: firefirst@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы теории управления применительно к организации функционирования уголовно-исполнительной системы по реализации задач пробации. Раскрывается понятие управления и уточняются функции управления, при этом особое внимание уделяется разным подходам к пониманию термина «организация». На основе результатов проведенного исследования рассматривается понятие функции «организация» и ее принципы, определяется роль функции организации применительно к задачам пробации. Уточняется, что с помощью функции организации реализуются все остальные функции, а она сама состоит в разработке и осуществлении конкретных мер по реализации принятого решения.*

Abstract. *The article discusses topical issues of management theory in relation to the organization of the functioning of the penal enforcement system for the implementation of probation tasks. The concept of management is revealed and the functions of management are clarified, while special attention is paid to different approaches to understanding the term "organization". Based on the results of the conducted research, the concept of the "organization" function and its principles are considered, and the role of the organization's function in relation to probation tasks is determined. It is specified that with the help of the organization's function, all other functions are implemented, and it itself consists in developing and implementing specific measures to implement the decision.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, управленческая деятельность, объект управления, субъект управления, технология управленческой деятельности, функции управления, кадры, эффективность пробации, организационная структура управления.*

Keywords: *penal enforcement system, management activity, object of management, subject of management, technology of management activity, management functions, personnel, probation efficiency, organizational structure of management.*

Для цитирования: *Смирнова И.Н., Бычинская И.С. Сущность и значение функции организации в рамках реализации уголовно-исполнительной системой задач пробации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 233-235. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_233.*

For citation*: Smirnova I.N., Bychinskaya I.S. The Essence and significance of the Organization's function in the framework of the implementation of probation tasks by the penal system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 233-235. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_233.*

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Прежде всего отметим, что управление уголовно-исполнительной системой (УИС) представляет собой основанную на уголовно-исполнительной политике организаторскую деятельность, направленную на обеспечение эффективного построения и функционирования системы управления УИС. В широком понимании оно включает в себя субъекты управления, объекты управления, технологию управленческой деятельности.

Особенности управления УИС предопределяются широким спектром решаемых этой сложной системой задач (правоохранительные, экономические, воспитательные, обеспечивающие) [1, с. 13–23]. Так, Положение о Федеральной службе исполнения наказаний закрепляет, что Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания, условно осужденных и

осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений [2].

Обращение к вопросу функций управления в целом и функции организации в частности обусловлено тем, что в функциях управления проявляются сущность, содержание, цели и задачи управления [3, с. 23–113]. В связи с этим верно констатируется важность определения целей системы, при постановке которых, как указывается в литературе, должны соблюдаться следующие условия: определение временных границ их достижения; количественные показатели при их достижении; привязка к определенному интервалу времени; непротиворечивость в достижении [4, с. 267].

Существуют различные подходы к классификации функций управления, при этом наиболее типичными являются три классификационных признака, которые нами были отражены ранее в учебнике «Организация управления в уголовно-исполнительной системе»:

1) этапы (стадии) управленческого цикла: функции, выделяемые по этому критерию, имеют общими: сбор и обработка информации; анализ; прогнозирование; планирование; организация; координация; контроль; регулирование; оценка результатов деятельности; стимулирование. Как показывает исследование, их реализация обеспечивает целенаправленность процесса управления в сфере пробации, которой посвящена настоящая публикация. Однако на практике не всегда учитывается то, что общие функции управления должны выполняться всеми субъектами управления УИС, а также каждым сотрудником, независимо от занимаемой должности и уровня в организационной структуре.

Отметим, что ранее мы в процессе написания главы учебника «Организация управления в уголовно-исполнительной системе», посвященной функциям управления, подробно раскрывали функции управления применительно к уголовно-исполнительной системе и обосновывали некоторые причины недостаточной эффективности деятельности субъектов управления [5, с. 68–84]. Так, нами было установлено, что неэффективность деятельности субъектов управления УИС часто была связана с одной из двух причин: незнание руководителями структурных подразделений общих функций управления; отрицание необходимости их осуществления при организации процесса управления. С учетом результатов проведенного исследования можно утверждать, что обозначенная нами более 20 лет назад проблема управления УИС не потеряла своей важности в условиях реализации УИС задач пробации (более того, думаем, что, исходя из положений приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации", можно констатировать, что данный аспект еще больше актуализируется);

2) сферы деятельности: функции, выделяемые по этому основанию, называют конкретными (такие функции управления определяются целями деятельности системы и в зависимости от масштаба, специализации и организационной структуры они делятся на основные и обеспечивающие). С учетом вопросов, затрагиваемых в настоящей публикации, следует добавить, что задачами пробации являются создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина [6];

3) субъект управления: в зависимости от субъекта управления функции подразделяются по уровням в структуре системы и могут организовываться по видам организации деятельности (основные и обеспечивающие).

Проведенное нами исследование, в том числе анализ специальной литературы, позволяют утверждать о том, что термин «организация» употребляется в нескольких значениях: как упорядоченное состояние элементов целого; как процесс по упорядочению элементов в целесообразное единство; как объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и действующих на основе определенных процедур и правил [7, с. 198].

Относительно функции организации важно отметить, что с ее помощью реализуются все остальные функции, она состоит в разработке и осуществлении конкретных мер по реализации принятого решения. Как справедливо дополняется иными авторами, в конечном счете назначение организации заключается в том, чтобы сформировать в системе управления такие организационные отношения, которые могли бы обеспечить достижение ее целей с минимальными затратами сил и средств. В таких условиях большую роль играет оптимизация организационной структуры, которая «не только обеспечивает распределение функциональных обязанностей, координационный механизм, но вносит ясность в алгоритм действий внутриорганизационных отношений...» [8, с. 29], а также анализ и проектирование структуры управления, создающей предпосылки для развития инновационного потенциала и увеличения инновационной активности сотрудников организации [9, с. 172–179]. Добавим, что вопрос кадрового обеспечения УИС сфере пробации, а также организационно-структурного обеспечения УИС мы также ранее частично отражали в своих публикациях [10, с. 190–194; 11, с. 12–15; 12, с. 110–135].

С учетом изложенного сущность организации состоит в разработке и осуществлении конкретных мер по реализации принятого решения, к их числу относятся подбор исполнителей; доведение заданий и сроков их выполнения до каждого исполнителя; специальная подготовка или переподготовка исполнителей для осуществления поставленных перед ними новых задач; выбор методов (способов) достижения поставленных целей; материальное, финансовое и иное обеспечение исполнителей [13, с. 15].

Следует добавить, что при подготовке учебника «Организация управления уголовно-исполнительной системой» и соответственно рассмотрении функций управления мы исходили из того, что конкретное содержание функции организации проявляется в следующих аспектах:

определение рациональных форм разделения служебной деятельности; разработка структуры органов управления; регламентация основных и обеспечивающих функций; установление прав и обязанностей органов управления и должностных лиц; подбор и расстановка кадров; информационное и ресурсное обеспечение; создание системы внутреннего и внешнего взаимодействия.

Кроме того, при обосновании функции организации важно отразить принципы ее формирования, в числе которых можно выделить следующие [14, с. 80–81]: определение и детализация целей системы, которые выявлены в процессе планирования; делегирование заданий, возникающих при планировании, а также властных полномочий; определение видов деятельности по достижению целей системы; поручение конкретных задач субъектам элементам системы и объединение их в управляемые рабочие группы и подразделения; координация разных видов деятельности, порученных каждой группе, посредством установления рабочих взаимоотношений; единство цели (все должны работать в соответствии с целью системы); размах контроля.

В заключение можно сделать вывод о том, что организация играет важную роль в обеспечении эффективности реализации УИС задач пробации и находит свое применение посредством реализации функций сбора и обработки информации, анализа, прогнозирования и контроля.

Список литературы:

1. Смирнова И.Н. Организационно-правовые основы правоохранительной деятельности в сфере взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел / И.Н. Смирнова, И.С. Минаева; Псковский государственный университет. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 136 с. ISBN 978-5-91116-651-9. EDN AHKBET.
2. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1314. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/21528 (дата обращения: 10.04.2025).
3. Организация деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: Учебное пособие / И.Н. Смирнова, С.А. Новожилов, А.В. Лапенков [и др.]. Псков: ЛОГОС, 2017. 160 с. ISBN 978-5-9908858-9-9. EDN YMKVIJ.
4. Соловьева М.В. Эффективность менеджмента и система управления организацией // РППЭ. 2018. № 11(97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-menedzhmenta-i-sistema-upravleniya-organizatsiey (дата обращения: 08.04.2025).
5. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учебник: в 3 т. / под общ. ред. Ю.Я. Чайки; науч. ред. В.М. Анисимков, А.А. Аксенов, Б.Б. Казак, Н.П. Барабанов. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. Т. 1: Общая часть. 536 с.
6. О пробации в Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003 (дата обращения: 10.04.2025).
7. Леонов А.П. Управление органами внутренних дел: курс лекций. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. 323 с.
8. Утеева А.С. Оптимизация проектной организационной структуры строительного предприятия в современных условиях // Дискуссия. 2019. № 1 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-proektnoy-organizatsionnoy-struktury-stroitelnogo-predpriyatiya-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 08.04.2025).
9. Масленникова Н.П. Создание предпосылок для развития инновационной активности на основе формирования структуры управления организацией // Вестник ГУУ. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-predposylok-dlya-razvitiya-innovatsionnoy-aktivnosti-na-osnove-formirovaniya-struktury-upravleniya-organizatsiey (дата обращения: 08.04.2025).
10. Смирнова И.Н. К вопросу об обосновании актуальности организации подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы в свете принятия Федерального закона от 6 февраля 2023 Г. № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации" / И.Н. Смирнова, И.С. Бычинская // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации: Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции, Уфа, 28 января 2025 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2025. С. 190–194.
11. Смирнова И.Н. Концепции развития наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества // Право и государство: теория и практика. 2010. № 11(71). С. 130-134. EDN NUWSJR.
12. Ресоциализация осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций: Учебное пособие / Б.Б. Казак, И.Н. Смирнова, Л.Ю. Буданова [и др.]. 1-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 175 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-15711-6. EDN HBGUFD.
13. Основы управления в органах внутренних дел. Учебник / под ред. А.П. Коренева. М.: Московский университет МВД России, Издательство «Щит-М», 2003. 396 с.
14. Коробко В.И. Теория управления: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся то специальности «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент организации». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 383 с.

References:

1. Smirnova I.N. Organizational and legal bases of law enforcement activity in the sphere of interaction between penal enforcement inspections and law enforcement agencies / I.N. Smirnova, I.S. Minaeva; Pskov State University. Pskov: Pskov State University, 2018. 136 p. ISBN 978-5-91116-651-9. EDN AHKBET.
2. Issues of the Federal Penitentiary Service: Decree of the President of the Russian Federation dated 13.10.2004 No. 1314. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/21528 (date of application: 04/10/2025).
3. Organization of the activities of the penal enforcement system in the field of the execution of punishments and measures of a criminal-legal nature without isolation from society: Textbook / I.N. Smirnova, S.A. Novozhilov, A.V. Lapenkov [et al.]. Pskov: LOGOS, 2017. 160 p. ISBN 978-5-9908858-9-9. EDN YMKVIJ.
4. Solovyova M.V. Management efficiency and the organization's management system. 2018. No. 11(97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-menedzhmenta-i-sistema-upravleniya-organizatsiey (date of reference: 04/08/2025).
5. Organization of management in the penal system: textbook: in 3 volumes / under the general editorship of Yu.Ya. Chaika; scientific editors V.M. Anisimkov, A.A. Aksenov, B.B. Kazak, N.P. Drums. Ryazan: Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2002. Vol. 1: General part. 536 pages .
6. On probation in the Russian Federation [Text]: Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003 (date of request: 04/10/2025).
7. Leonov A.P. Management of internal affairs bodies: a course of lectures. Minsk: Akad. Ministry of Internal Affairs of the Republic Belarus, 2007. 323 p.
8. Uteeva A.S. Optimization of the design organizational structure of a construction company in modern conditions // Discussion. 2019. No. 1 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-proektnoy-organizatsionnoy-struktury-stroitelnogo-predpriyatiya-v-sovremennyh-usloviyah (date of reference: 04/08/2025).
9. Maslennikova N.P. Creation of prerequisites for the development of innovation activity based on the formation of the organization's management structure // Bulletin of GUU. 2016. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-predposylok-dlya-razvitiya-innovatsionnoy-aktivnosti-na-osnove-formirovaniya-struktury-upravleniya-organizatsiey (date of request: 04/08/2025).
10. Smirnova I.N. On the issue of substantiating the relevance of the organization of personnel training for the penal enforcement system in the light of the adoption of Federal Law No. 10-FZ dated February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation" / I.N. Smirnova, I.S. Bychinskaya // The innovative potential of science development in the modern world: achievements and innovations: A collection of scientific articles based on the materials of the XVI International Scientific and Practical Conference, Ufa, January 28, 2025. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Bulletin of Science", 2025. pp. 190-194.
11. Smirnova I.N. Concepts of the development of punishments not related to the isolation of the convict from society // Law and the State: theory and practice. 2010. No. 11(71). pp. 130-134. EDN NUWSJR.
12. Resocialization of persons sentenced to non-custodial sentences who are registered with penal enforcement inspections: A textbook / B.B. Kazak, I.N. Smirnova, L.Y. Budanova [et al.]. 1st ed. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 175 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-15711-6. EDN HBGUFD.
13. Fundamentals of management in the internal affairs bodies. Textbook / edited by A.P. Korenev. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Publishing House "Shield-M", 2003. 396 p .
14. Korobko V.I. Theory of management: textbook. a manual for university students studying in the specialty "State and municipal management", "Organization Management". Moscow: UNITY-DANA, 2009. 383 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_236

УДК 34

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СИСТЕМЫ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE LEGAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CHANGES

СОКОЛОВ Вадим Вячеславович,
кандидат исторических наук, доцент, Сенатор Российской Федерации
Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Москва.
ул. Б. Дмитровка, д. 26 г. Москва, 103426, Россия.
E-mail: proff-mast@mail.ru;
SOKOLOV Vadim Vyacheslavovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senator of the Russian Federation
The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation.
26 B. Dmitrovka St., Moscow, 103426, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: *Современный мир переживает глубокие геополитические трансформации: меняются границы влияния, возникают новые центры силы, пересматриваются международные правовые нормы. В этих условиях система права, как структурный элемент правовой организации общества, приобретает особое значение. Она не только отражает существующие социально-политические реалии, но и адаптируется к вызовам глобализации, цифровизации и межгосударственных конфликтов. Цель данной статьи – исследовать понятие и сущность системы права в условиях современных геополитических изменений, проанализировать ее структуру, функции и трансформации под влиянием внешних факторов. Выводы: система права – это динамичная нормативная структура, реагирующая на геополитические изменения. В условиях глобальной трансформации она сталкивается с вызовами: от цифровизации до конфликтов между национальным и международным правом. Будущее права будет определяться балансом между универсальными стандартами и культурно-исторической спецификой отдельных государств.*

Abstract: *The modern world is undergoing deep geopolitical transformations: the boundaries of influence are changing, new centers of power are emerging, and international legal norms are being revised. In these conditions, the legal system, as a structural element of the legal organization of society, acquires special importance. It not only reflects the existing socio-political realities, but also adapts to the challenges of globalization, digitalization and interstate conflicts. The purpose of this article is to explore the concept and essence of the legal system in the context of modern geopolitical changes, to analyze its structure, functions and transformations under the influence of external factors. Conclusions: the legal system is a dynamic regulatory structure that reacts to geopolitical changes. In the context of global transformation, it is facing challenges: from digitalization to conflicts between national and international law. The future of law will be determined by a balance between universal standards and the cultural and historical specifics of individual States.*

Ключевые слова: *система права, геополитика, права человека, правовые ценности, правовое регулирование, механизмы правовой защиты.*

Keywords: *legal system, geopolitics, human rights, legal values, legal regulation, mechanisms of legal protection.*

Для цитирования: *Соколов В.В. Понятие и сущность системы права в контексте геополитических изменений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 236-241. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_236.*

For citation*: Sokolov V.V. The concept and essence of the legal system in the context of geopolitical changes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 236-241. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_236.*

Статья поступила в редакцию: 07.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В современном мире право играет ключевую роль в регулировании общественных отношений. Оно не только устанавливает правила поведения и обеспечивает защиту прав и свобод личности, но и является инструментом поддержания общественного порядка и стабильности. Важно понимать, что система права не является фиксированной и статичной структурой; она динамически эволюционирует под влиянием внешних и внутренних факторов, включая экономические, социальные и, безусловно, геополитические изменения.

Под геополитическими изменениями следует понимать трансформации, которые происходят на уровне международных отношений и влияют на позиции государств и народов, зачастую в условиях конфликтов, войн или изменений в глобальных альянсах. Эти изменения, в свою очередь, оказывают непосредственное влияние на правовые системы стран, заставляя их адаптироваться, пересматривать законодательства и находить новые ответы на вызовы времени.

Система права, как понятие, включает в себя иерархически выстроенную совокупность норм, институтов, отраслей, а также процедур, которые формируют юридическую основу жизни общества. Эта система многоуровнева и многоаспектна [1]. Она включает в себя такие элементы, как конституционное право, административное, уголовное, гражданское, международное право [2]. Все структурные элементы правовой системы взаимодействует друг с другом и находят свое выражение в контексте исторических и культурных особенностей каждой страны.

В условиях геополитических изменений правовые системы стран неизбежно претерпевают глобальные трансформации. Например, процессы интеграции и дезинтеграции, такие как Brexit, сказываются на правовых системах тех государств, которые участвуют в этих процессах. Органы государственной власти вынуждены адаптировать свое законодательство к новым условиям, посредством соответствующих легальных правообразовательных процессов, чтобы сохранить привлекательность для инвесторов или соответствовать международным стандартам, что как правило требует пересмотра существующих норм и институтов [3].

Кроме того, геополитическая нестабильность может вызывать необычные проявления юридической практики. В странах, находящихся

в состоянии войны или конфликта, право может быть использовано как инструмент политической борьбы, а существующие правовые нормы могут игнорироваться или изменяться в зависимости от актуальных политических потребностей. В таких условиях мы можем наблюдать, как право теряет свою предсказуемость и стабильность, уступая место субъективным оценкам и политическим решениям.

Еще одним важным аспектом является влияние международного права на национальные правовые системы. В условиях глобализации и взаимозависимости государств международные нормы оказывают все большее влияние на внутренние законодательства. Это особенно актуально в контексте прав человека, экологического права и переговорных процессов, связанных с изменением климата. Государства начинают учитывать международные обязательства при разработке и внедрении внутренних норм, что порой приводит к конфликтам между внутренним и международным правом.

Таким образом, концепция системы права должна рассматриваться в контексте более широких социальных и политических изменений. Правовая система является не только сводом норм, но и отражает взаимодействие между различными интересами, включая государственные, корпоративные и личные.

В ходе исторического развития права, начиная с римского права и заканчивая современными правовыми системами, мы можем видеть, как каждый период соответствовал специфическим геополитическим условиям [4]. Эти условия формируют не только содержание правовых норм, но и их структуру, а также механизмы обеспечения правопорядка и правоприменения [5].

На протяжении последних десятилетий мы наблюдаем значительные изменения в распределении силы на международной арене, что также сказывается на праве. Рост влияния стран, которые ранее находились на периферии международной политики, таких как Индия, Бразилия или Южноафриканская Республика, приводит к переосмыслению традиционных моделей, основанных на западном праве. Эти изменения требуют пересмотра подходов к правовой системе, а также создания новых механизмов, способных адекватно реагировать на вызовы времени.

Разумеется, пересмотр системы права в контексте геополитических изменений не является универсальным процессом. Он варьируется в зависимости от страны, ее исторического и культурного контекста, уровня развития экономики и социальной структуры. Одна страна может выбрать путь интеграции и гармонизации своего законодательства с международными стандартами, тогда как другая может отступить от этих норм в пользу собственных интересов.

При этом важно помнить, что право — это не только набор правил, но и социальный институт, который должен служить для обеспечения справедливости и защиты благосостояния общества [6]. В условиях глобальных изменений, особенно в свете климатического кризиса, повышения угроз безопасности и необходимости обеспечения прав человека, система права должна быть адаптивной и способной к быстрой реакции на вызовы нашего времени.

Таким образом, в нашем мире, где границы между государствами становятся все более условными, а проблемы требуют коллективных решений, система права должна развиваться в духе сотрудничества и взаимопонимания. Важно, чтобы правовые нормы оставались инструментом, способным преодолевать конфликты и способствовать миру и согласия. Кроме того, следует отметить, что укрепление и защита государственного суверенитета в условиях современных вызовов остается первостепенной и наиболее актуальной задачей, о чем убедительно свидетельствуют последние исторические события в мире. В этой связи видится верным и абсолютно оправданным, своевременным закрепление в Конституции Российской Федерации приоритета российского национального законодательства.

В продолжение исследования рассматриваемой тематики следует отдельно подробно остановиться на наиболее важных аспектах трансформации правовых систем в контексте глобальных изменений и вызовов современности.

Изменение социального контекста и прав человека.

Современное общество, стремительно развивающееся благодаря технологическим достижениям и глобализации, сталкивается с новыми вызовами в сфере прав человека. Увеличение миграции, рост численности населения и культурное разнообразие требуют от правовых систем пересмотра норм, касающихся защиты прав человека. Законы должны адаптироваться не только к новым реалиям, но и к различным культурным контекстам, обеспечивая баланс между безопасностью и свободами личности. Например, необходимы новые механизмы, защищающие мигрантов и беженцев, учитывающие их уязвимость и специфические потребности. В большинстве случаев государства должны будут гармонизировать свои законы по защите прав человека с международными нормами, что требует значительных усилий как на уровне законодательства, так и на уровне практики.

Изменения социального контекста и их влияние на права человека представляют собой сложный и многоуровневый процесс, который охватывает различные аспекты жизни общества и требует внимательного анализа. Следует отметить, что данному вопросу уделяется значительное внимание в юридической доктрине [7, 8]. На протяжении последних нескольких десятилетий мир стал свидетелем значительных социальных изменений, связанных с глобализацией, технологическим прогрессом, миграционными потоками, изменениями климата и ростом неравенства. Эти факторы оказали влияние на то, как воспринимаются и защищаются права человека.

Во-первых, глобализация и развитие цифровых технологий привели к появлению новых форм коммуникации и взаимодействия, что создало возможности для активного участия граждан в общественной жизни. Однако вместе с этим возникли и новые угрозы для прав человека, такие как онлайн-надзор, вмешательство в личные данные и распространение дезинформации. Социальные сети стали мощным инструментом как для защиты прав, так и для их нарушения. Активисты и правозащитники используют эти платформы для мобилизации общественного мнения, однако они также сталкиваются с онлайн-угрозами и кибербуллингом.

Во-вторых, социальные движения (например, феминистское движение, движения за права этнических меньшинств и мн. др.) становят-

ся все более видимыми и влиятельными на международной арене. Эти движения поднимают важные вопросы о дискриминации, неравенстве и нарушении прав, акцентируя внимание на необходимости пересмотра существующих норм и стандартов прав человека. Представляется, что, концепция интерсекциональности, рассматривающая пересечение различных форм дискриминации, становится важным инструментом понимания сложных проблем, с которыми сталкиваются различные группы в обществе.

Третьим аспектом является изменение этических и культурных норм, влияющих на права человека. Сдвиги в общественном сознании в отношении таких вопросов, как права женщин, права национальных меньшинств, а также права людей с ограниченными возможностями, способствуют внедрению более инклюзивных подходов в политику и законодательство. К примеру, многие страны начали принимать законы о защите прав указанных категорий социальных сообществ, вводить квоты для женщин в политике и бизнесе, а также разрабатывать программы поддержки для людей с инвалидностью.

Четвертым важным аспектом является влияние изменений климата на социальный контекст и права человека. Изменение климата создает новые вызовы, требующие защиты прав на жизнь, здоровье, достаточное жилье и чистую окружающую среду. Проблема экологической справедливости стала центральной в обсуждении прав человека, поскольку наиболее уязвимые группы часто больше всего пострадают от последствий климатических изменений [9].

Таким образом, изменения социального контекста напрямую влияют на права человека, создавая новые возможности для их защиты, а также и новые вызовы, связанные с глобальными и локальными процессами. Это требует от государств более гибкого подхода к правам человека, включая необходимость постоянной переоценки существующих норм и практик в свете последних изменений. Устойчивое развитие прав человека возможно лишь при условии открытого диалога между государствами, гражданским обществом и всеми слоями населения, что позволит создать более справедливое и инклюзивное общество.

Экологическое право и устойчивое развитие.

Как уже ранее отмечалось, климатические изменения стали одной из наиболее серьезных угроз не только для отдельных стран, но и для всего человечества. Экологическое право должно пересмотреть свои фокусные точки, переходя от локальных инициатив к международному сотрудничеству. Страны должны принять более строгие и эффективные законы об охране окружающей среды, а также обеспечить их исполнение. Это может включать в себя создание новых правовых институтов, адаптированных под задачи устойчивого развития, а также внедрение принципа "ответственного использования ресурсов". Например, широкое применение концепции «экологического следа» может привести к созданию норм, предусмотренных для оценки воздействия проектов на экологию и здоровье населения еще на стадии их планирования.

Экологическое право и устойчивое развитие представляют собой взаимосвязанные концепции, которые на сегодняшний день становятся всё более актуальными в контексте защиты прав человека и сохранения природных ресурсов для будущих поколений [10]. Вопросы экологического права охватывают широкий спектр аспектов, среди которых можно выделить правовые рамки для охраны окружающей среды, режимы управления природными ресурсами, а также защиту прав граждан на благоприятную окружающую среду [11].

Одним из центральных вопросов экологического права является разработка и реализация законодательных актов, направленных на снижение воздействия человека на экологию, борьбу с изменениями климата и защиту биологического разнообразия. В этом контексте важными являются международные соглашения, такие как Парижское соглашение о климате, которые устанавливают обязательства стран по снижению выбросов парниковых газов и созданию механизмов адаптации к изменению климата. Эти соглашения могут непосредственно затрагивать права человека, поскольку воздействие климатических изменений может угрожать праву на жизнь, здоровую окружающую среду и доступ к чистой воде.

Устойчивое развитие подразумевает не только экономический, но и социальный и экологический аспекты, что делает его крайне важным при рассмотрении вопросов прав человека [12]. Устойчивое развитие ориентировано на удовлетворение текущих потребностей, не ставя под угрозу возможности будущих поколений. Это включает в себя создание правовых и институциональных условий для обеспечения устойчивого использования природных ресурсов, а также поддержку экологически чистых технологий и практик.

На практике вопросы экологического права и устойчивого развития сталкиваются с множеством вызовов, таких как конфликт интересов между экономическим развитием и охраной природы, а также необходимость учёта разнообразных социально-экономических и культурных контекстов [13]. Необходимо находить баланс между интересами бизнеса и правами местных сообществ, которые часто первыми подвергаются воздействию экологических катастроф, вызванных промышленной деятельностью. Такие ситуации могут привести к серьезным нарушениям прав человека, и поэтому необходимы механизмы защиты для уязвимых групп, таких как коренные народы и социально незащищённые слои населения.

Важной проблемой является и доступ к правосудию в области охраны окружающей среды [14]. Граждане, сталкивающиеся с экологическими нарушениями, часто не могут эффективно защитить свои права, включая возможность подачи исков против правительств или корпораций, нарушающих экологические нормы. В этом плане актуальными становятся вопросы доступности юридических ресурсов и правовой помощи для населения.

Кроме того, учитывая, что экологические вопросы не имеют границ, международное сотрудничество играет исключительно важную роль в борьбе с экологическими угрозами. Устойчивое развитие предполагает также взаимодействие между государствами, международными организациями и гражданским обществом для формирования единых подходов к охране окружающей среды и правам человека.

В конечном итоге, для реализации концепции устойчивого развития и защиты прав человека необходим комплексный подход, который объединит экологические, социальные и экономические аспекты, обеспечив тем самым гармоничное и справедливое будущее для всех. Это должно стать основой для разработки и применения экологического права в глобальном масштабе, где каждая страна, каждый регион и каждое

сообщество будет вовлечено в процесс принятия решений, касающихся охраны окружающей среды и прав человека.

Технологические изменения и цифровое право.

С быстро развивающимися технологиями, такими как искусственный интеллект, блокчейн и Интернет вещей, правовые системы сталкиваются с необходимостью адаптации под новые реалии [15]. Цифровое право становится актуальным и важным направлением, требующим тщательного надзора и регулирования [16]. Важно разработать законы, регулирующие использование данных, защиту личной информации, а также интеллектуальную собственность в условиях цифровизации. Например, сфера защиты данных, включая соблюдение конфиденциальности и безопасность личной информации пользователей, нуждается в четких и справедливых законодательных инициативах, балансирующих интересы бизнеса и прав граждан. Регулирование алгоритмов и интернет-контента также требует внимания, чтобы избежать манипуляции сознанием и дезинформации.

Технологические изменения и цифровое право становятся ключевыми факторами, влияющими на различные аспекты жизни общества, включая экономическую, социальную и экологическую сферы. Технологический прогресс, в частности в области информационных технологий, формирует новый контекст для международных отношений и глобального регулирования, что, в свою очередь, порождает множественные вызовы и возможности для устойчивого развития.

Технологические изменения, такие как ускоренное развитие искусственного интеллекта, больших данных, Интернет вещей и блокчейн-технологий, оказывают значительное влияние на способы взаимодействия как между гражданами, так и между государствами [17]. Например, использование искусственного интеллекта в прогнозировании изменения климата и управлении природными ресурсами может содействовать более эффективному решению экологических проблем. Однако при этом возникают серьезные вопросы об этических стандартах, защите данных и конфиденциальности пользователей. Здесь важно обратить внимание на масштабирование правовых норм [18], которые будут защищать личные данные, ограничивать нецелевое использование технологий и обеспечивать прозрачность алгоритмов. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Развитие цифрового права в этом контексте требует создания правовых основ для регулирования использования новых технологий, которые могут существенно повлиять на экономический и социальный порядок. Важной частью цифрового права является защита интеллектуальной собственности, что актуально для инновационных технологий [19]. Международное сотрудничество в сфере охраны интеллектуальной собственности становится особенно важным, поскольку технологии легко передаются через границы, и государствам необходимо объединять усилия для защиты своих интересов в глобальном масштабе.

В то же время, глобальные вызовы, такие как изменения климата, миграция и бедность, требуют переосмысления подходов в международных отношениях. Технологические изменения могут служить инструментом для решения этих глобальных проблем, а также требуют оперативного формирования новых правовых стандартов, которые будут гарантировать соблюдение прав человека и экологических норм. В условиях, когда многие транснациональные корпорации имеют больше ресурсов и влияния, чем некоторые государства, создаются новые формы международного регулирования, включая многосторонние и региональные соглашения, которые стремятся интегрировать технологии в систему глобального управления.

Глобальное право также сталкивается с необходимостью адаптации в ответ на новые вызовы, связанные с цифровизацией. Это включает в себя необходимость создания правовых норм, которые бы регулировали кибербезопасность, защиту данных, цифровую идентификацию и электронные контракты. Кроме того, важно, чтобы эти нормы соответствовали универсальным стандартам, чтобы предотвратить возникновение «правового вакуума», который может привести к злоупотреблениям со стороны государства или частных компаний.

Таким образом, вопросы технологических изменений и цифрового права, а также международные отношения и глобальное право требуют комплексного подхода, который бы соединял различные аспекты правовой системы, учитывал бы новую реальность, основанную на высоких технологиях, и способствовал бы продвижению принципов устойчивого развития. Устойчивое будущее может быть достигнуто только в том случае, если все заинтересованные стороны будут работать совместно, соблюдая права человека, экологические нормы и обеспечивая безопасное и ответственное использование технологий. Это станет основой для эффективного управления современными вызовами, стоящими перед мировым сообществом.

Международные отношения и глобальное право.

Глобальные вызовы, такие как терроризм, эпидемии и экономические кризисы, требуют координации действий на международном уровне. Правовая система каждой страны должна быть готова к сотрудничеству с другими государствами и международными организациями для разработки эффективных механизмов решения этих проблем. Например, в рамках международного права необходимо разработать и согласовать правила касательно кибербезопасности, которые подпадают под тематику глобальных угроз. При этом важным аспектом становится соблюдение принципов суверенитета государств и уважение их внутренних дел, что нередко создает конфликты между международными обязанностями и национальными интересами.

Обозначенный вопрос представляет собой обширную область исследования, аккумулирующую взаимодействие между государствами и другими субъектами на международной арене, а также правовые механизмы, регламентирующие эти взаимодействия. В условиях глобализации, когда проблемы, такие как изменение климата, миграция, международная безопасность и экономическое неравенство, требуют координированных действий, международные отношения трансформируются и усложняются.

Важным аспектом международных отношений является необходимость создания и поддержания многосторонних механизмов, позволяющих государствам взаимодействовать в рамках совместных инициатив. Эти механизмы могут принимать форму международных соглашений, конвенций или пактов, позволяющих странам совместно справляться с такими вызовами, как терроризм, пандемии или экологические катастро-

фы. В этом контексте международное право служит основой для регулирования деятельности государств, обеспечивая рамки для разрешения споров, защиты прав человека и социальных сообществ.

Основным элементом международного права являются универсальные права человека, которые стали краеугольным камнем глобального правосознания. Принципы равенства и недискриминации закрепляются в международных документах и обеспечивают основу для продвижения социальной справедливости. Социальная справедливость, в свою очередь, подразумевает создание условий, в которых все люди имеют равные возможности для реализации своих прав и свобод, доступ к ресурсам и услугам, а также защиту от разного рода дискриминации. Это концептуальное понимание справедливости становится особенно важным в свете возрастающих мировых неравенств и экономического давления, что делает необходимым более глубокое включение вопросов социальной справедливости в международные дискуссии.

Социальная справедливость в контексте международных отношений затрагивает множество аспектов, включая право на социальное обеспечение, доступ к образованию и медицинским услугам, а также защиту прав женщин, детей и групп, подвергающихся дискриминации. Важно понимать, что социальная справедливость не является исключительно внутренним делом каждого государства. В условиях глобализации проблемы одного государства могут иметь значительное влияние на других через миграцию, международную торговлю, экологические катастрофы и уровень жизни населения. Это требует от международных организаций, таких как ООН, активного участия в направлении устойчивого и справедливого развития, где приоритетом является не только экономический рост, но и социальное благосостояние.

Кроме того, важным инструментом в обеспечении социальной справедливости являются международные и региональные суды, которые могут рассматривать дела о нарушении прав человека, обеспечивая механизмы защиты и компенсации для жертв. Это является примером того, как международное право может служить средством трансформации отношений между государствами, устанавливая правила и нормы, которые призваны поддерживать и защищать права отдельных лиц и групп.

В итоге, международные отношения и глобальное право неразрывно связаны с вопросами социальной справедливости. Для достижения стабильности и справедливого мира необходимо комплексное решение проблемы, которое требует участия всех заинтересованных сторон. Только таким образом возможно создать устойчивые механизмы, которые способствуют моральным и этическим стандартам, обеспечивая не только дальнейшее развитие международного права, но и достижение социальной справедливости для всех людей на планете.

Следует отметить, что вопросы социальной справедливости и правовой доступности становятся все более актуальными. Необходимо создание механизма правового регулирования общественных отношений таким образом, чтобы правовая система была доступна для всех слоев общества, включая маргинализированные группы. Это включает в себя не только доступ к юридическим услугам, но и образовательные программы, направленные на повышение правовой грамотности населения. Глобальные усилия, направленные на уменьшение социального неравенства, требуют пересмотра законодательства в области труда, жилья и социальных прав, чтобы обеспечить равные возможности для всех [20]. Специальные программы, ориентированные на поддержку женщин, меньшинств и людей с ограниченными возможностями, способны изменить социальный ландшафт стран и сделать их правовые системы более инклюзивными.

Очевидно, следует констатировать, что будущее системы права неразрывно связано с развитием международных отношений, технологическим прогрессом и социально-экономическими изменениями. Успешная адаптация правовой системы к новым условиям является ключевым фактором устойчивого развития государств и международного сообщества в целом.

Подводя итог, необходимо указать, что анализ правовых систем в условиях глобальных изменений — это сложный и многогранный процесс, который требует комплексного подхода и коллаборации между различными заинтересованными сторонами, включая государственные органы, неправительственные организации, бизнес и общество в целом. Необходима постоянная оценка эффективности новых норм и механизмов, их влияние на общество и экономику, а также готовность к изменениям в ответ на новые вызовы. Важнейшим аспектом становится мониторинг и контроль за исполнением правовых норм, чтобы гарантировать их реальную эффективность и соответствие целям справедливости и устойчивого развития.

Таким образом, глобальные изменения требуют от правовых систем не только структурных реформ, но и глубокого доктринального осмысления и понимания новых вызовов, стоящих перед обществом. Адаптация и пересмотр правовых норм и институтов не могут происходить в маломасштабном формате; это должен быть комплексный процесс, объединяющий опыт различных стран и подходы, основанные на принципах солидарности и взаимопомощи. Подобный подход обеспечит основу для устойчивого будущего благополучия всего общества.

Список литературы:

1. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. – 2-е изд., перераб, и доп. – Москва: Проспект, 2024. С. 561.
2. Теория государства и права: Учебник / О.Ю. Рыбаков, М.Б. Аверин, В.Н. Бабенко [и др.]. – Москва: Юстиция, 2019. – 472 с. – (Бакалавриат и специалитет). – ISBN 978-5-4365-3082-6. – EDN XUQJZH.
3. Правовая система Российской Федерации / А.П. Альбов, С.В. Апоницкий, М.А. Булавина [и др.]. – Москва: Редакционно-издательское объединение "Новая юстиция", 2019. – 486 с. – ISBN 978-5-4365-3064-2. – EDN TWYUKA.
4. Ланг П.П. Развитие правовых ценностей в историческом контексте правовых идей / П.П. Ланг // Российская юстиция. – 2021. – № 1. – С. 7-10. – DOI 10.18572/0131-6761-2021-1-7-10. – EDN XZDUOG.
5. Ланг П.П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ланг Пётр Петрович, Казань, 2022. – 502 с. – EDN EGAZUM.
6. Рыбаков О.Ю. Права человека: от истоков философско-правовой мысли к современной геополитической реальности / О.Ю. Рыбаков // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 12(205). – С. 145-161. – DOI 10.17803/1729-5920.2023.205.12.145-161. – EDN NRYRKE.
7. Рыбаков О.Ю. Философия благополучия современного социального государства / О.Ю. Рыбаков // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: Сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 11 июня 2022 года / Под редакцией Д.А. Пашенцева и А.А. Дорской. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2022. – С. 51-60. – EDN WUQJFJ.
8. Рыбаков О.Ю. Идея социального государства - благополучие человека / О. Ю. Рыбаков // Роль права в обеспечении благополучия человека: Сборник докладов XI Московской юридической недели: в 5 частях, Москва, 23–26 ноября 2021 года. Том Часть 1. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 237-242. – EDN MQGVIT.

9. Экологическое право: учебник / З.Ф. Сафин, Е.Н. Абанина, Л.Е. Бандорин [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 400 с. – ISBN 978-5-392-40792-7. – EDN HMEIBJ.
10. Ланг П.П. Право на благоприятную окружающую среду как аксиологическая конструкция / П.П. Ланг // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 4. – С. 46-49. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-4-46-49. – EDN WRMMQZ.
11. Ланг П.П. К вопросу о предмете экологического права / П.П. Ланг // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2023. – № 2-2. – С. 419-423. – DOI 10.46554/ScienceXXI-2023.09-2.2-pp.419. – EDN VOEYYY.
12. Правовые и финансово-экономические средства достижения целей устойчивого развития / Г.Ф. Ручкина, М.А. Лапина, И.В. Понкин [и др.]; под ред. Г.Ф. Ручкиной, М.А. Лапиной. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Прометей", 2022. – 698 с. – ISBN 978-5-00172-310-3. – EDN IIWQJI.
13. Ланг П.П. Аксиологическое измерение правовой материи: теоретические и утилитарно-практические аспекты / П.П. Ланг. – Самара: Общество с ограниченной ответственностью «Полиграфическое объединение «Стандарт», 2021. – 192 с. – ISBN 978-5-6047803-1-2. – EDN PMEMCS.
14. Ланг П.П. Право на судебную защиту как конституционная ценность / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2021. – № 156. – С. 11-15. – DOI 10.14451/2.156.11. – EDN RCKYHY.
15. Ручкина Г.Ф. Правовое регулирование искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в транспортной сфере: отечественный и зарубежный опыт / Г.Ф. Ручкина, М.В. Демченко // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 2. – С. 40-44. – DOI 10.18572/1812-3910-2021-2-40-44. – EDN NIGUJM.
16. Ценность права в условиях цифровой реальности / О.Ю. Рыбаков, М.А. Беляев, Ю.Ю. Ветютнев [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 312 с. – ISBN 978-5-392-40426-1. – EDN VWQLQY.
17. Ланг П.П. Правовые ценности и цифровые технологии: проблема паритета / П.П. Ланг // Юридическая наука. – 2021. – № 2. – С. 64-69. – EDN GUUCMR.
18. Правотворчество: аксиологические основания и стратегические приоритеты / И.С. Барзилова, М.А. Беляев, А.А. Головина [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – 298 с. – ISBN 978-5-466-08338-5. – EDN TXYKAR.
19. Алиева Г.Ш. Правовое регулирование процесса цифровизации в Российской Федерации / Г.Ш. Алиева, А.В. Лошкарев // Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта: Материалы 18-й Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 19–20 декабря 2019 года / Редколлегия: С.П. Бортников [и др.]. Том Часть 1. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2020. – С. 9-13. – EDN CGVIAD.
20. Степаненко Р.Ф. Конституционная защита социально-экономических прав граждан в России и Бразилии (сравнительно-правовой анализ) / Р.Ф. Степаненко, И.В. Левкин // Актуальные вопросы права, экономики и управления : Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, Ульяновск, 26 апреля 2024 года. – Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2024. – С. 436-438. – EDN BBKKVO.

References:

1. Marchenko M.N. Theory of State and Law: textbook. – 2nd ed., revised, and supplemented - Moscow: Prospekt, 2024. p. 561.
2. Theory of State and law: Textbook / O.Y. Rybakov, M.B. Averin, V.N. Babenko [et al.]. Moscow: Justitia, 2019– 472 p. (Bachelor's degree and specialty). – ISBN 978-5-4365-3082-6. – EDN XUQJZH.
3. The legal system of the Russian Federation / A.P. Albov, S.V. Aponitsky, M.A. Bulavina [et al.]. – Moscow: Editorial and Publishing Association "New Justice", 2019. - 486 p. – ISBN 978-5-4365-3064-2. – EDN TWYUKA.
4. Lang P.P. The development of legal values in the historical context of legal ideas / P.P. Lang // Russian Justice. – 2021. – No. 1. – pp. 7-10. – DOI 10.18572/0131-6761-2021-1-7-10. – EDN XZDUOG.
5. Lang P.P. Legal activity: axiological and ideological foundations: dissertation for the degree of Doctor of Law / Lang Peter Petrovich, Kazan, 2022. – 502 p. – EDN EGAZUM.
6. Rybakov O.Y. Human rights: from the origins of philosophical and legal thought to modern geopolitical reality / O.Y. Rybakov // Lex Russica (Russian Law). – 2023. – Vol. 76, No. 12(205). – pp. 145-161. – DOI 10.17803/1729-5920.2023.205.12.145-161. – EDN NRYRKE.
7. Rybakov O.Y. Philosophy of well-being of the modern welfare state / O.Y. Rybakov // Philosophy of law in the context of global social transformations: A collection of scientific articles based on the results of the All-Russian Forum of Legal Historians, St. Petersburg, June 11, 2022 / Edited by D.A. Pashentsev and A.A. Dorskaya. Saratov: Saratov Source Publishing House, 2022, pp. 51-60. – EDN WUQJFJ.
8. Rybakov O.Y. The idea of a welfare state - human well-being / O. Y. Rybakov // The role of law in ensuring human well-being: Collection of reports of the XI Moscow Legal Week: in 5 parts, Moscow, November 23-26, 2021. Volume Part 1. Moscow: O.E. Kutafin University Publishing Center (MGUA), 2022. pp. 237-242. - EDN MQGVIT.
9. Environmental Law: textbook / Z.F. Safin, E.N. Abanina, L.E. Bandorin [et al.]. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2024. – 400 p. – ISBN 978-5-392-40792-7. – EDN HMEIBJ.
10. Lang, P.P. The right to a favorable environment as an axiological construction / P.P. Lang // Constitutional and Municipal Law, 2021, No. 4, pp. 46-49. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-4-46-49. – EDN WRMMQZ.
11. Lang P.P. On the subject of environmental law / P.P. Lang // Science of the XXI century: current directions of development. – 2023. – No. 2-2. – pp. 419-423. – DOI 10.46554/ScienceXXI-2023.09-2.2- pp.419. – EDN VOEYYY.
12. Legal and financial and economic means of achieving the goals of sustainable development / G.F. Ruchkina, M.A. Lapina, I.V. Ponkin [et al.]; edited by G.F. Ruchkina, M.A. Lapina. – Moscow: Prometheus Publishing House Limited Liability Company, 2022. - 698 p. – ISBN 978-5-00172-310-3. – EDN IIWQJI.
13. Lang, P.P. The axiological dimension of legal matter: theoretical and utilitarian-practical aspects / P.P. Lang. – Samara: Limited Liability Company Polygraphic Association Standard, 2021. – 192 p. – ISBN 978-5-6047803-1-2. – EDN PMEMCS.
14. Lang P.P. The right to judicial protection as a constitutional value / P.P. Lang // Issues of Economics and law. – 2021. – No. 156. – pp. 11-15. – DOI 10.14451/2.156.11. – EDN RCKYHY.
15. Ruchkina G.F. Legal regulation of artificial intelligence, robots and robotics facilities in the transport sector: domestic and foreign experience / G.F. Ruchkina, M.V. Demchenko // Public and Private International Law. – 2021. – No. 2. – pp. 40-44. – DOI 10.18572/1812-3910-2021-2-40-44. – EDN NIGUJM.
16. The value of law in the conditions of digital reality / O.Y. Rybakov, M.A. Belyaev, Yu.Y. Vetyutnev [et al.]. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2024. – 312 p. – ISBN 978-5-392-40426-1. – EDN VWQLQY.
17. Lang P.P. Legal values and digital technologies: the problem of parity / P.P. Lang // Legal Science. – 2021. – No. 2. – pp. 64-69. – EDN GUUCMR.
18. Law-making: Axiological foundations and strategic priorities / I.S. Barzilova, M.A. Belyaev, A.A. Golovina [et al.]. – Moscow: Rusains Limited Liability Company, 2024. – 298 p. – ISBN 978-5-466-08338-5. – EDN TXYKAR.
19. Alieva G.S. Legal regulation of the digitalization process in the Russian Federation / G.S. Alieva, A.V. Loshkarev // Legal regulation of the activities of an economic entity: Proceedings of the 18th International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Samara, December 19-20, 2019 / Editorial Board: S.P. Bortnikov [et al.]. Volume Part 1. – Samara: Samara State University of Economics, 2020. – pp. 9-13. – EDN CGVIAD.
20. Stepanenko R.F. Constitutional protection of socio-economic rights of citizens in Russia and Brazil (comparative legal analysis) / R.F. Stepanenko, I.V. Levkin // Actual issues of law, economics and management : Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, postgraduates and young scientists with international participation, Ulyanovsk, April 26, 2024. – Cheboksary: Wednesday Publishing House, LLC, 2024. – pp. 436-438. – EDN BBKKVO.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_242

УДК 342.98

РОЛЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
THE ROLE AND FEATURES OF LEGAL REGULATION OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN THE PROCESS OF ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY OF THE RUSSIAN FEDERATION

ГОЛОМАНЧУК Эйда Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград.
400005, Россия, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8,
E-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru;

ПОПОВ Кирилл Алексеевич,
Магистрант Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
400005, Россия, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.
E-mail: george.turov@mail.ru;

КАЮШНИКОВА Юлия Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград.
400005, Россия, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.
E-mail: kayshnikova@yandex.ru;

GOLOMANCHUK Ada Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State-legal Disciplines Volgograd Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation», Volgograd.
400005, Russia, Volgograd region, Volgograd, Gagarin st., 8.
E-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru;

POPOV Kirill Alekseevich,
undergraduate student of the Volgograd Institute of Management - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».
400005, Russia, Volgograd region, Volgograd, Gagarin st., 8.
E-mail: kpopov570@gmail.com;

KAYUSHNIKOVA Yulia E.,
Senior Lecturer of the Department of Theory of Law and State-Legal Disciplines Volgograd Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».
Volgograd, 400005, Russia, region. Volgogradskaya, Volgograd, Gagarina str., 8.
E-mail: kayshnikova@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуется правовое регулирование технологических инноваций как ключевого элемента обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации. Авторы анализируют особенности законодательного закрепления инновационных процессов, направленных на минимизацию антропогенного воздействия на окружающую среду. Эффективное решение экологических проблем требует разработки и внедрения технологических инноваций, способствующих улучшению состояния окружающей среды и обеспечению устойчивости экосистем. В связи с этим, исследование взаимодействия экологической безопасности и технологических инноваций представляет собой актуальную научную задачу, направленную на поиск новых путей для решения глобальных и локальных экологических проблем. Рассматриваются механизмы государственного контроля, стимулирования «зелёных» технологий и баланс между экономическим развитием и экологическими требованиями. Особое внимание уделяется роли международных стандартов и их имплементации в национальное законодательство.*

Abstract. *The article examines the legal regulation of technological innovations as a key element of ensuring environmental safety in the Russian Federation. The authors analyze the features of legislative consolidation of innovation processes aimed at minimizing anthropogenic impact on the environment. Effective solution of environmental problems requires the development and implementation of technological innovations that contribute to improving the state of the environment and ensuring the sustainability of ecosystems. In this regard, the study of the interaction of environmental safety and technological innovations is an urgent scientific task aimed at finding new ways to solve global and local environmental problems. The mechanisms of state control, stimulation of «green» technologies and the balance between economic development and environmental requirements are considered. Special attention is paid to the role of international standards and their implementation into national legislation.*

Ключевые слова: *экологическая безопасность, технологические инновации, правовое регулирование, «зелёная» экономика, устойчивое развитие, законодательные пробелы.*

Keywords: *environmental safety, technological innovations, legal regulation, «green» economy, sustainable development, legislative gaps.*

Для цитирования: *Голоманчук Э.В., Попов К.А., Каюшникова Ю.Е. Роль и особенности правового регулирования технологических инноваций в процессе обеспечения экологической безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 242-245. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_242.*

***For citation**: Golomanchuk E.V., Popov K.A., Kayushnikova Yu.E. The role and features of legal regulation of technological innovations in the process of ensuring environmental safety of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 242-245. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_242.*

Статья поступила в редакцию: 14.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Рассмотренная проблема заключается в отсутствии комплексного правового механизма, обеспечивающего эффективное внедрение и использование технологических инноваций для целей экологической безопасности в Российской Федерации. Наблюдается противоречие между стремительным развитием экологически значимых технологий и несовершенством их нормативно-правового регулирования, что создает препятствия для реализации государственной экологической политики и достижения целей устойчивого развития. В статье исследуется актуальная проблема дисбаланса между динамичным развитием технологических инноваций и отставанием их правового регулирования в сфере экологической безопасности России. Объектом исследования выступает система нормативно-правовых актов, регулирующих внедрение экологически значимых технологий, включая их экономические, организационные и контрольные механизмы. Научная новизна исследования заключается в выявлении специфических правовых коллизий, возникающих при адаптации международных экологических стандартов к национальному законодательству, а также в разработке авторской классификации правовых инструментов стимулирования «зелёных» инноваций. Особое внимание уделяется анализу правовых барьеров, препятствующих эффективной реализации экологически ориентированных технологических решений.

Практическая значимость результатов заключается в возможности их использования для совершенствования экологического законодательства, разработки ведомственных нормативных актов и создания эффективной системы правовых стимулов для субъектов инновационной деятельности в экологической сфере.

На сегодняшней день, в России действует утвержденная президентом Стратегия национальной безопасности и федеральный закон «О безопасности», в которых строго закрепляется значение данного термина. «Под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [3]. Безопасность, как понятие многогранное, может включать в себя различные виды: Экономическую, политическую, социальную, экологическую и иную [5].

В условиях глобальных изменений, затрагивающих все сферы человеческой деятельности, особое внимание уделяется вопросам экологической безопасности. Несмотря на значительную территорию Российской Федерации, обладающую богатым биологическим разнообразием, уровень экологических проблем в стране продолжает возрастать. В связи с этим государством предпринимаются меры, направленные на охрану окружающей среды и защиту населения от негативных экологических факторов.

Экологическая безопасность как категория права находит свое закрепление в различных нормативно-правовых актах, а также является предметом исследования множества ученых в данной области. Таким образом, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 года № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года», «экологическая безопасность представляет собой неотъемлемую часть национальной безопасности» [4]. Документ определяет ключевые направления государственной политики в данной сфере, включая предотвращение экологических рисков, обеспечение благоприятных условий для жизнедеятельности населения, сохранение биоразнообразия и развитие экологически ориентированных технологий.

На наш взгляд, данное определение является широким и может включать в себя различные элементы. В связи с этим, обращение к другим доступным источникам позволяет выделить дополнительные, альтернативные трактовки данного термина. Так, в Федеральном законе «Об экологической безопасности» (1995 г.), который не был принят и не вошел в российское законодательство, предпринималась попытка его нормативного закрепления. В нем под экологической безопасностью понималось «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, окружающей природной среды от угроз, возникающих в результате антропогенных и природных воздействий на окружающую среду» [1]. Несмотря на тот факт, что данный федеральный закон не вступил в законную силу, есть действующий нормативный акт, который включает идентичное понятие.

В научной среде, занимающейся вопросами экологического права, сложились различные теоретические подходы к интерпретации нормативно закрепленных терминов. Различия в трактовке данных понятий обусловили формирование множества концептуальных позиций.

Представителями первого из таких подходов являются Ю. Е. Винокуров, Г. П. Серов, А. А. Тер-Акопов и другие исследователи. Они рассматривали экологическую безопасность, как «состояние защищенности от последствий антропогенного воздействия природной среды. Под антропогенными факторами понимается загрязнение природных объектов» [12]. На наш взгляд, данное определение нельзя считать точным, поскольку рассматриваемый в нём фактор воздействия не может быть единственным.

Второй подход основан на мнении М. М. Бринчука и заключается в следующем: «выделение экологической безопасности в самостоятельный институт экологического права является необоснованным, так как меры обеспечения экологической безопасности реализуются в рамках природоохранной деятельности» [8].

Третий подход разработан Н. Н. Ведениным. В нем под экологической безопасностью понимается «состояние защищенности человека, общества, государства и окружающей природной среды от негативного природного и техногенного воздействия, обеспечиваемое организационно-правовыми, экономическими, научно-техническими и иными средствами и способами» [9].

Антропоцентрическому подходу присуща слишком узкая трактовка, так как исключает природные угрозы (стихийные бедствия, климатические изменения), он также не учитывает комплексный характер экологических рисков, включая социальные и экономические аспекты.

Институционально-правовой подход игнорирует специфику управления экологическими рисками, которые требуют отдельного регули-

рования (например, техногенные катастрофы, трансграничное загрязнение).

Комплексный подход учитывает многофакторность угроз, а также интегрирует правовые, экономические и технологические аспекты.

Мы считаем, что экологическая безопасность – это динамическая система правовых, управленческих и технологических мер, направленных на минимизацию рисков для окружающей среды, здоровья человека и устойчивого развития общества, возникающих вследствие антропогенной деятельности, природных процессов и их взаимодействия.

В современной научной парадигме категория «технологические инновации» приобрела статус фундаментального понятия, интегрирующего междисциплинарные исследовательские подходы [7]. Данный концепт охватывает гетерогенную совокупность технологических решений, включая цифровые трансформации, биотехнологические разработки, экологически ориентированные технологии и производственные модернизации. Инкорпорация указанных инновационных решений в различные сферы социально-экономической деятельности - здравоохранение, образовательные системы, промышленный сектор, энергетический комплекс - детерминирует качественные трансформации общественных процессов, обеспечивая синергетический эффект экономической эффективности и социального прогресса.

Эволюция научных представлений о природе технологических инноваций демонстрирует множественность концептуальных подходов. В экономико-теоретической традиции, восходящей к работам Й. Шумпетера, технологические инновации интерпретируются как факторные комбинации, опосредующие процесс экономического развития [10]. В рамках данного подхода они рассматриваются в качестве инструментального механизма реализации инновационных производственных конфигураций.

Альтернативная исследовательская концепция акцентирует внимание на трансформационном потенциале технологических инноваций. Согласно этой концепции, они представляют собой комплекс технологических решений, индуцирующих радикальные модификации производственных процессов и обеспечивающих экспоненциальный рост их эффективности.

В отечественной научной традиции технологические инновации концептуализируются как системный инструментарий, обеспечивающий реализацию полного инновационного цикла. Данный подход подчеркивает их когнитивно-методологическую функцию, проявляющуюся в развитии системного мышления, креативных компетенций и способности к генерации нестандартных технических решений при преодолении производственных и технологических вызовов [6].

На сегодняшний день в законодательстве РФ используется и трактуется термин «Инновации». Согласно Федеральному закону РФ от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», инновация определяется как «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях» [2]. Это определение подчеркивает, что технологические инновации могут охватывать как готовый продукт, так и процессные изменения, а также нововведения в организационных и маркетинговых методах.

Современные тенденции правового регулирования экологической безопасности демонстрируют возрастающую роль технологических инноваций как инструмента экологической политики. В условиях глобальных экологических вызовов российская правовая система активно интегрирует цифровые технологии в механизмы природоохранного регулирования, что позволяет существенно повысить эффективность экологического контроля и надзора.

Ключевым направлением цифровизации экологического регулирования выступает создание комплексных государственных информационных систем. В их числе следует отметить ГИС «Контроль отходов», обеспечивающую прослеживаемость движения ТКО, государственный реестр объектов НВОС, содержащий данные о предприятиях-загрязнителях, а также систему «ЭкоМониторинг», аккумулирующую информацию о состоянии компонентов окружающей среды. Особое значение имеет платформа «Наша природа», реализующая принцип общественного участия в экологическом контроле через механизм обратной связи.

Значительный потенциал повышения эффективности экологического надзора связан с внедрением систем дистанционного мониторинга. Использование спутниковых технологий («Канопус-В», «Метеор-М»), автоматизированных постов контроля атмосферного воздуха и БПЛА позволяет осуществлять непрерывное наблюдение за состоянием окружающей среды и оперативно выявлять нарушения экологического законодательства.

Цифровая трансформация разрешительной деятельности проявляется в создании специализированных информационных систем, таких как ФГИС «Электронная лицензия» и автоматизированная система учета выбросов. Эти решения минимизируют административные барьеры при одновременном повышении прозрачности процедур экологического регулирования.

Перспективным направлением является применение технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных в экологическом праве. Алгоритмы машинного обучения, применяемые для обработки спутниковых снимков, цифровые двойники промышленных объектов и системы прогнозирования экологических рисков существенно расширяют возможности превентивного экологического контроля.

Особого внимания заслуживает система автоматического контроля выбросов, обязательная для предприятий I категории опасности. Данная технология обеспечивает непрерывный мониторинг производственных выбросов с автоматической передачей данных в государственные реестры, что значительно повышает достоверность экологической отчетности.

Инновационным аспектом экологического регулирования выступает внедрение «зеленых» цифровых технологий, включая блокчейн-решения для экосертификации и систему «Зеленые финансы», направленную на мониторинг ESG-показателей. Эти механизмы создают экономические стимулы для внедрения экологически безопасных технологий.

Совершенствование механизмов выявления экологических нарушений осуществляется через внедрение интеллектуальных систем

видеонаблюдения с функцией автоматического распознавания нарушений, а также создание реестра недобросовестных природопользователей. Эти меры способствуют повышению эффективности правоприменительной практики в сфере экологической безопасности.

Внедрение цифровых технологий в систему экологического регулирования Российской Федерации способствует повышению эффективности государственного контроля и правоприменительной практики, а также сокращению количества экологических правонарушений, что создает предпосылки для устойчивого развития. Интеграция автоматизированных систем мониторинга, искусственного интеллекта и цифровых реестров обеспечивает прозрачность процессов экологического администрирования и повышает уровень ответственности субъектов природопользования. В долгосрочной перспективе дальнейшая цифровизация экологической сферы будет способствовать совершенствованию механизмов правоприменения и обеспечению эффективной реализации государственной экологической политики.

Современные вызовы экологической безопасности требуют комплексного переосмысления правовых механизмов регулирования технологических инноваций. Проведенный анализ демонстрирует, что действующая нормативно-правовая база Российской Федерации, несмотря на активное развитие цифровых инструментов экологического контроля, сохраняет фрагментарный характер и не в полной мере учитывает динамику технологических изменений.

Ключевая проблема заключается в дисбалансе между стремительным развитием «зелёных» технологий и консервативностью правовых форм их регулирования. Как показывает практика, существующие меры государственной поддержки (налоговые льготы, экологические сертификации, требования НДТ) остаются недостаточно эффективными без создания целостной системы стимулирования инноваций, сочетающей жесткий контроль с гибкими экономическими механизмами.

Научная новизна данного исследования заключается в обосновании концепции «адаптивного экологического регулирования», предполагающей:

1) Динамическую гармонизацию законодательства – поэтапное внедрение «регуляторных песочниц» для тестирования инновационных решений в сфере экологии с последующим их интеграцией в правовое поле;

2) Синергию цифровизации и права – разработку алгоритмов предиктивной аналитики для оценки экологических рисков на основе big data, что позволит перейти от реагирования на нарушения к их предупреждению;

3) Стимулирующий правовой дизайн – введение дифференцированных правовых режимов для предприятий в зависимости от уровня их технологической экологичности (например, расширение доступа к госзаказу для «зелёных» инноваторов).

Перспективным направлением является конвергенция экологического и цифрового права, включая легализацию понятия «цифровой экологический след» и регулирование энергоэффективности IT-инфраструктуры. Как отмечают эксперты, без учёта экологических последствий цифровизации (например, энергопотребления дата-центров) технологический прогресс может создать новые угрозы устойчивому развитию.

Таким образом, совершенствование правового регулирования должно ориентироваться не только на текущие технологические реалии, но и на опережающее моделирование будущих вызовов. Интеграция экологических инноваций в правовую систему России требует перехода от традиционного «запретительного» подхода к стратегии «управляемого эксперимента», где право выступает не барьером, а катализатором eco-friendly технологий.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
2. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.
3. Федеральный закон Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.
4. Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2548.
5. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27. – Ст. 5351.
6. Андреев В. И. Педагогика высшей школы: инновационно-прогностический курс: [учеб. пособие для вузов. — Казань: Центр инновац. технологий, 2005.
7. Астафурова О.А., Кулагина И.И., Запрягайло В.М. Внедрение в учебный процесс цифрового управления по ситуации. // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. С. 137-141.
8. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): Учебник для высших юридических учебных заведений. - М.: Юристъ, 1999.- 688 с.
9. Веденин Н.Н. Правовое обеспечение национальной безопасности России в экологической сфере: Курс лекций, - М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. - 168 с.
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития. - М.: Прогресс, 1982.
11. Цгоев Т.Ф., Босиков И.И. Использование автоматизированных информационных систем в управлении экологической безопасностью // ГИАБ. 2015. №7.
12. Экологическое право Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. проф. Ю.Е. Винокурова. - М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. - 338 с.

References:

1. Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 (as amended and supplemented, intro. effective from 03/01/2024) "On Environmental Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. – No. 2. – Art. 133.
2. Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 (as amended on 08.08.2024) "On Science and State Scientific and Technical Policy" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 35. – Art. 4137.
3. Federal Law Federal Law No. 390-FZ dated December 28, 2010 "On Security" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 1. – Article 2.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated April 19, 2017 No. 176 "On the Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 17. – Art. 2548.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27. – Art. 5351.
6. Andreev V. I. Pedagogy of higher education: an innovative and predictive course: [textbook. handbook for universities. Kazan: Innovation Center. techno-logy, 2005.
7. Astafurova O.A., Kulagina I.I., Zapryagailo V.M. Introduction of digital situation management into the educational process. // Social and humanitarian knowledge. 2024. No. 12. pp. 137-141.
8. Brinchuk M.M. Environmental law (environmental law): Textbook for higher law schools. Moscow: Yurist, 1999. 688 p.
9. Vedenin N.N. Legal support of Russia's national security in the environmental sphere: A course of lectures, Moscow: MNEPU Publishing House, 1999. 168 p.
10. J. Schumpeter. Theory of Economic Development, Moscow: Progress Publ., 1982.
11. Tsgoev T.F., Bosikov I.I. The use of automated information systems in environmental safety management // GI-AB. 2015. №7.
12. Environmental law of the Russian Federation: A course of lectures / Edited by prof. Yu.E. Vinokurov. - M.: Publishing House MNEPU, 1997. - 338 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_246

УДК 342.5

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ
CONSTITUTIONALIZATION OF ANTI-CORRUPTION: HISTORICAL AND LEGAL EVOLUTION AND MODERN CHALLENGES

МАГОМЕДОВ Шихтимер Баширович,
Доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института ФБГОУ «Дагестанский государственный университет».
367000, Россия, Республика Дагестан, ул. Махачкала, ул. Коркмасова, д. 8.
Email: kafedraconst@mail.ru;

ГАВРИЛОВ Адам Соломонович,
Магистрант Юридического института ФБГОУ «Дагестанский государственный университет».
367000, Россия, Республика Дагестан, ул. Махачкала, ул. Коркмасова, д. 8.
Email: adam.gavrilov.2002@mail.ru;

MAGOMEDOV Shikhtimer Bashirovich,
Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Institute of Law, Dagestan State University.
367000, Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala str., Korkmasova str., 8.
Email: kafedraconst@mail.ru;

GAVRILOV Adam Solomonovich,
1st year Master's student at the Law Institute of the Dagestan State University.
367000, Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala str., Korkmasova str., 8.
Email: adam.gavrilov.2002@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья анализирует эволюцию противодействия коррупции с древних цивилизаций до современных конституционных реформ. Рассматриваются нормы Законов Хаммурапи, механизмы Древней Греции и Рима, влияние религии в Средние века, глобализация антикоррупционной политики и поправки к Конституции РФ 2020 года. Через междисциплинарный подход подчеркивается системная угроза коррупции и необходимость комплексных мер, учитывающих национальные особенности и международные стандарты, для формирования антикоррупционного мировоззрения.*

Abstract. *The article analyzes the evolution of anti-corruption from ancient civilizations to modern constitutional reforms. The norms of Hammurabi's Laws, the mechanisms of Ancient Greece and Rome, the influence of religion in the Middle Ages, the globalization of anti-corruption policy and amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 are considered. Through an interdisciplinary approach, the systemic threat of corruption and the need for comprehensive measures, taking into account national characteristics and international standards, to form an anti-corruption worldview are emphasized.*

Ключевые слова: *Коррупция, антикоррупционная политика, конституционализация, государственность, правосознание, международное сотрудничество, законодательство, институциональные механизмы, цифровизация, прозрачность.*

Keywords: *Corruption, anti-corruption policy, constitutionalization, statehood, legal awareness, international cooperation, legislation, institutional mechanisms, digitalization, transparency.*

Для цитирования: *Магомедов Ш.Б., Гаврилов А.С. Конституционализация противодействия коррупции: историко-правовая эволюция и современные вызовы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 246-250. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_246.*

For citation*: Magomedov S.B., Gavrilov A.S. Constitutionalization of anti-corruption: historical and legal evolution and modern challenges // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 246-250. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_246.*

Статья поступила в редакцию: 17.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Истоки борьбы с коррупцией уходят корнями в древние цивилизации, где власть и её институты уже сталкивались с проблемой злоупотреблений. Например, Законы Хаммурапи (XVIII век до н.э.) содержали положения, предусматривающие наказания за взяточничество и злоупотребление полномочиями должностными лицами [1, с. 240]. Эти нормы, хотя и носили локальный характер, отражали стремление правителей обеспечить справедливость и поддерживать доверие к власти.

В Древней Греции и Риме борьба с коррупцией приобрела более институционализированный характер. В Афинах V–IV веков до н.э. институты народного собрания и суда присяжных (гелиэя) контролировали поведение магистратов, предотвращая злоупотребления. В Риме институт цензуры, а также законы против *ambitus* (подкупа избирателей) создавали правовые механизмы сдерживания коррупционных практик. Например, как указывает О. Ю. Гусева Lex Calpurnia (149 г. до н.э.) устанавливала наказания за взяточничество, что свидетельствует о формировании ранних антикоррупционных норм, интегрированных в систему государственного управления [3, с. 127].

В Средние века противодействие коррупции во многом определялось религиозными и моральными принципами. Христианские, исламские и иные религиозные доктрины осуждали корысть и злоупотребления властью, рассматривая их как грех, подрывающий духовные основы общества. В Европе католическая церковь играла ключевую роль в формировании этических стандартов поведения должностных лиц, хотя сама нередко становилась объектом критики за коррупционные практики, такие как продажа индульгенций.

С развитием национальных государств в Новое время борьба с коррупцией начала приобретать системный характер. В XVII–XVIII веках в Европе формировались первые специализированные антикоррупционные законы, направленные на регулирование деятельности государственных служащих. В этот период антикоррупционные меры оставались преимущественно отраслевыми, фокусируясь на административных и

уголовных аспектах. Конституции XVIII–XIX веков, такие как Конституция США 1787 года или французские конституции революционного периода, не содержали прямых антикоррупционных норм, сосредотачиваясь на принципах разделения властей, демократии и прав человека. Тем не менее, эти принципы косвенно создавали основу для противодействия коррупции, обеспечивая механизмы контроля и подотчетности власти.

XX век ознаменовался глобализацией антикоррупционной политики. После Второй мировой войны ООН и другие организации начали разрабатывать антикоррупционные рекомендации, что завершилось принятием Конвенции ООН против коррупции в 2003 году [4]. Этот документ закрепил принципы прозрачности, предотвращения конфликта интересов и международного сотрудничества, став ориентиром для национальных законодательств.

В XXI веке противодействие коррупции вступило в новый этап, характеризующийся её конституционализацией. Этот процесс отражает стремление государств закрепить антикоррупционные нормы на уровне основного закона, что обеспечивает их стабильность и приоритетность. Так Т. Я. Хабриева указывает, что конституции 52 государств содержат положения, прямо или косвенно направленные на борьбу с коррупцией, что на 14 больше, чем в 2020 году [5, с. 273]. Эти положения принимают различные формы:

- Провозглашение противодействия коррупции как государственной цели.
- Закрепление компетенции центральных органов власти в антикоррупционной деятельности.
- Указание на разработку специальных антикоррупционных законов.
- Интеграция борьбы с коррупцией в принципы международного сотрудничества.
- Установление антикоррупционных обязанностей для должностных лиц и граждан.
- Создание специализированных антикоррупционных органов.

Конституционализация отражает осознание коррупции как системной угрозы, требующей не только карательных мер, но и превентивных механизмов, основанных на ценностях справедливости, равенства и прозрачности. В этом контексте исторический анализ показывает, что эволюция антикоррупционных норм связана с усложнением общественных отношений и необходимостью адаптации правовых систем к новым вызовам.

Говоря о противодействии коррупции как о системной деятельности, необходимо отметить, что она охватывает широкий спектр общественных отношений, выступая одновременно целью, приоритетом государственной политики и инструментом обеспечения безопасности. Оно сочетает в себе статические элементы, такие как нормативная база и институциональные структуры, с динамическими процессами, включая правоприменение и международное сотрудничество. В основе этой деятельности лежит стремление к формированию общества, свободного от коррупции, что предполагает не только ликвидацию её проявлений, но и устранение причин, порождающих это явление.

В связи с этим, по нашему мнению, противодействие коррупции можно рассматривать в двух аспектах – функциональном и мировоззренческом. В функциональном аспекте антикоррупционная деятельность проявляется как совокупность стратегий и технологий, направленных на профилактику, выявление и пресечение коррупционных практик. Она включает как публично-правовые механизмы, такие как уголовное преследование и административный контроль, так и частноправовые подходы, например, регулирование конфликта интересов в корпоративной сфере. В мировоззренческом плане противодействие коррупции связано с утверждением ценностей справедливости, равенства и прозрачности, которые находят отражение в конституционных принципах.

На международном уровне борьба с коррупцией приобретает характер глобального приоритета, что выражается в участии государств в многосторонних соглашениях, таких как Конвенция ООН против коррупции 2003 года [4]. Эти соглашения формируют стандарты, которые адаптируются к национальным правовым системам, обеспечивая баланс между универсальностью и локальной спецификой. В национальном контексте противодействие коррупции выступает объектом правового регулирования, охватывающего как законодательство, так и правоприменительную практику.

Несмотря на комплексный характер антикоррупционной деятельности, её изучение остаётся неравномерным. Если феномен коррупции как правонарушения исследован достаточно глубоко, то феноменология противодействия, включая его социальные, культурные и правовые аспекты, требует дальнейшего осмысления. Достижение паритета между этими направлениями исследований позволит разработать более эффективные механизмы борьбы с коррупцией.

Осмысление коррупции в конституционно-правовом контексте предполагает её рассмотрение не только как противоправного деяния, но и как явления, подрывающего основы государственности. Традиционное восприятие коррупции, закреплённое в российском законодательстве, акцентирует её правоохранительные аспекты. Например, Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [6] определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, взяточничество, коммерческий подкуп или иное незаконное использование должностного статуса для получения выгоды. Такой подход, хотя и важен для правоприменения, ограничивает понимание коррупции её уголовно-правовыми проявлениями.

В конституционно-правовом измерении коррупция предстаёт как процесс сращивания власти и собственности, при котором личные интересы должностных лиц превалируют над публичными. Это явление деформирует принципы разделения властей, подрывает равенство перед законом и унижает достоинство личности. Этимологически латинский термин *corruptio* (разрушение) отражает не только материальный ущерб, но и нравственный упадок, разрушение «души нации». Коррупция угрожает не отдельным институтам, а самой природе государственности, что делает её изучение в рамках конституционного права особенно актуальным.

Конституционно-правовой подход к коррупции требует выделения её многомерных характеристик. Публично-властной аспект проявля-

ется в нарушении баланса между органами власти, когда коррупционные схемы искажают их компетенцию. Нравственно-этический аспект связан с подрывом общественного доверия к государству, что ведёт к делегитимизации власти. Социокультурный аспект отражает влияние национальных, региональных и этнических традиций на восприятие коррупции. Например, в России такие явления, как непотизм, протекционизм или коррупционное землячество, имеют специфические региональные оттенки, которые необходимо учитывать при разработке антикоррупционных мер.

Политический аспект коррупции особенно заметен в электоральных процессах, где подкуп избирателей, злоупотребление административным ресурсом и манипуляции результатами выборов подрывают демократические основы. Исторические примеры, такие как президентские выборы 1996 года в России, демонстрируют, как коррупционные механизмы могут определять политические исходы, усиливая влияние финансово-политических групп. Эти аспекты подчёркивают необходимость переосмысления коррупции как конституционно-правовой категории, требующей не только карательных, но и превентивных мер.

Понимание противодействия коррупции как сложной системы невозможно без междисциплинарного подхода, объединяющего юридические, исторические и социокультурные методы анализа. Юридический подход обеспечивает нормативную основу, позволяя разрабатывать законы и механизмы их реализации. Исторический анализ выявляет эволюцию антикоррупционных норм, помогая прогнозировать их развитие. Социокультурный подход учитывает национальные особенности, которые влияют на эффективность антикоррупционных стратегий.

Историческая перспектива показывает, что борьба с коррупцией всегда была связана с контекстом общественного развития. В древних обществах она опиралась на моральные и религиозные принципы, в Новое время — на административные и уголовные меры, а в современности — на конституционные и международные стандарты. Этот анализ позволяет избежать упрощенных решений, таких как механическое копирование зарубежных моделей, и адаптировать антикоррупционные механизмы к национальной специфике.

Социокультурный подход подчёркивает роль правосознания в формировании антикоррупционной культуры. В российском контексте, как отмечал Н. Бердяев, аполитичность и анархичность национального характера требуют «одухотворения» демократических институтов ценностными ориентирами [7, с. 227 - 228]. Это предполагает не только правовое просвещение, но и формирование мировоззрения, основанного на принципах справедливости и ответственности. Междисциплинарный подход, таким образом, позволяет рассматривать противодействие коррупции как процесс, интегрирующий правовые, социальные и культурные элементы.

Противодействие коррупции опирается на систему институтов, которые можно разделить на универсальные и специальные. Универсальные институты, такие как разделение властей, федерализм и гражданское общество, создают системную основу, предотвращая концентрацию власти и обеспечивая подотчётность. Специальные институты, включая антикоррупционные органы, механизмы декларирования доходов и парламентский контроль, конкретизируют меры борьбы с коррупцией. Их взаимодействие формирует функциональную основу антикоррупционной деятельности, которая включает профилактику, выявление и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений.

Функциональный аспект антикоррупционной системы проявляется в её способности адаптироваться к новым вызовам, таким как цифровизация и транснациональная коррупция. Например, развитие цифровых технологий создаёт как новые возможности для контроля, так и риски, связанные с использованием цифровых активов в коррупционных схемах. В этом контексте противодействие коррупции требует гибкости, позволяющей сочетать традиционные правовые механизмы с инновационными подходами.

Следовательно, противодействие коррупции как сложная система объединяет нормативные, институциональные, функциональные и мировоззренческие компоненты, формируя целостный подход к борьбе с этим явлением. Коррупция, рассматриваемая в конституционно-правовом контексте, предстаёт как угроза основам государственности, требующая переосмысления её природы и механизмов противодействия. Междисциплинарный подход, включающий юридические, исторические и социокультурные методы, позволяет разработать эффективные стратегии, учитывающие национальные особенности и глобальные стандарты. Последующий анализ конституционной реформы в России покажет, как эти принципы реализуются на практике.

Поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации включают положения, прямо или косвенно направленные на противодействие коррупции. Среди них особое значение имеют нормы, регулирующие условия замещения государственных и публичных должностей, а также устанавливающие новые стандарты прозрачности и подотчётности. Эти изменения можно рассмотреть в нескольких аспектах.

Во-первых, поправки закрепляют требования к лицам, занимающим государственные должности, включая запрет на наличие иностранного гражданства или вида на жительство в других государствах (ст. 77, 78, 81, 95, 97, 103, 110, 119, 129 Конституции РФ). Эта мера направлена на предотвращение конфликта интересов и защиту национального суверенитета, учитывая риски внешнего влияния через должностных лиц. Данный подход особенно актуален в условиях глобальных политических процессов, где коррупция может использоваться как инструмент гибридных угроз.

Во-вторых, реформа усиливает механизмы контроля за активами государственных служащих. Поправки косвенно поддерживают систему декларирования доходов и имущества, включая цифровые финансовые активы, что закреплено в ст. 71 Конституции РФ, регулирующей вопросы информационной безопасности. Это нововведение отражает адаптацию антикоррупционной политики к вызовам цифровизации, где новые формы имущества требуют особого регулирования.

В-третьих, поправки вводят принцип единства публичной власти (ст. 80, 132), который предполагает синхронизацию антикоррупционной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Этот принцип направлен на устранение разрывов в правоприменении, которые ранее создавали условия для коррупционных практик, особенно на местном уровне. Кроме того, ст. 75.1, провозглашающая условия для взаимного доверия государства и общества, создаёт ценностную основу для антикоррупционной деятельности, подчёркивая её социальную значимость.

Антикоррупционный потенциал поправок 2020 года требует доктринального осмысления, поскольку их значение не всегда очевидно на первый взгляд. Некоторые исследователи, такие как О. С. Соколова, утверждают, что эти изменения лишь формализуют существующие отраслевые нормы, повышая их статус до конституционного уровня без существенных инноваций [8, с. 3]. Однако, как возражает Н. С. Бондарь, такой подход недооценивает системный характер реформы и её способность трансформировать антикоррупционную политику [9, с. 39].

По его мнению, поправки обладают «неочевидной очевидностью», которая проявляется в их способности одновременно решать текущие задачи и задавать долгосрочные ориентиры. С одной стороны, они подтверждают приверженность государства борьбе с коррупцией, что имеет символическое значение для общественного сознания. С другой стороны, они создают правовую основу для модернизации антикоррупционных механизмов, включая институциональные и нормативные изменения. Это сочетание формального и содержательного аспектов делает поправки уникальным инструментом конституционализации антикоррупционной политики.

Для полного раскрытия их потенциала необходимо учитывать не только текстуальное содержание, но и телеологический контекст, а также место поправок в системе национального конституционализма. Они должны рассматриваться в совокупности с другими нормами Конституции, включая принципы разделения властей, равенства перед законом и социальной солидарности. Такой подход позволяет интерпретировать антикоррупционные положения как часть целостной правовой системы, ориентированной на защиту публичных интересов.

Антикоррупционные поправки 2020 года имеют ретроспективное значение, позволяя переосмыслить опыт борьбы с коррупцией в России. Конституция 1993 года принималась в условиях системной коррупции, которая процветала в 1990-е годы на фоне слабого правового регулирования и отсутствия политической воли. Залоговые аукционы, приватизация государственной собственности и сращивание политической элиты с криминальным капиталом стали символами той эпохи. Эти процессы сопровождались проникновением внешних финансово-политических инструментов в российскую политику, что усиливало коррупционные риски.

Поправки 2020 года сигнализируют о признании неэффективности прежнего отраслевого подхода, который ограничивался карательными мерами и не обеспечивал системного противодействия. Возведение антикоррупционных норм на конституционный уровень подчёркивает стремление государства преодолеть наследие 1990-х годов, создав более устойчивую правовую основу. Этот ретроспективный аспект подтверждает необходимость не только нормативных, но и институциональных изменений, направленных на устранение структурных причин коррупции.

Примером ретроспективного значения поправок является их влияние на правоприменительную практику. В частности, запрет на занятие государственных должностей лицами с иностранным гражданством получил актуальность в контексте жалобы В. В. Кара-Мурзы в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) [10]. Заявитель оспаривал ограничения, связанные с двойным гражданством, что могло быть интерпретировано как попытка подрыва национального суверенитета. В новых конституционных условиях решение ЕСПЧ, противоречащее этим нормам, может быть признано неисполнимым на основании правовой позиции Конституционного Суда РФ, что демонстрирует защитную функцию поправок.

Перспективное значение поправок 2020 года заключается в их способности задавать направление для дальнейшего развития антикоррупционной политики. Они создают основу для совершенствования законодательства, формирования новых институциональных механизмов и адаптации к современным вызовам. Эти аспекты можно рассмотреть в нескольких измерениях.

Во-первых, поправки стимулируют развитие отраслевого законодательства, конкретизирующего конституционные нормы. Например, Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ [11], признающий цифровую валюту имуществом, требует разработки дополнительных антикоррупционных мер, таких как декларирование цифровых активов. Это подчёркивает необходимость интеграции новых технологий в антикоррупционную политику.

Во-вторых, реформа способствует укреплению институциональных механизмов. Принцип единства публичной власти предполагает создание согласованной системы антикоррупционных органов на всех уровнях управления. Это особенно важно для муниципального уровня, где коррупционные риски остаются высокими из-за слабого контроля и зависимости от вышестоящих бюджетов. Реформа местного самоуправления, инициированная в 2014–2015 годах, выявила необходимость более дифференцированного подхода к антикоррупционной политике, что должно быть учтено в будущем.

В-третьих, поправки открывают перспективы для формирования антикоррупционного мировоззрения. Статья 75.1, провозглашающая доверие между государством и обществом, создаёт ценностную основу для воспитания гражданской ответственности. Это мировоззрение должно опираться на национальные традиции, закрепленные в преамбуле Конституции, и учитывать особенности российского правосознания, которое требует сочетания правовых и морально-этических ориентиров.

Несмотря на значительный потенциал, реализация антикоррупционных поправок сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, их эффективность зависит от политической воли, которая должна быть подкреплена последовательным правоприменением. Исторический опыт показывает, что формальное закрепление норм не гарантирует их практической реализации, особенно в условиях политических кампаний, где антикоррупционная риторика нередко используется для краткосрочных целей.

Во-вторых, существует риск унификации антикоррупционных мер, игнорирующей региональные и муниципальные особенности. Федеральные стандарты, механически воспроизводимые на местном уровне, снижают эффективность борьбы с коррупцией, как это наблюдалось в ряде субъектов Российской Федерации. Например, укрупнение муниципальных образований в Московской области привело к увеличению коррупционных рисков в сфере земельных отношений, что требует более гибкого подхода.

В-третьих, реализация поправок осложняется необходимостью гармонизации с международными стандартами. Россия, как участник

Конвенции ООН против коррупции, обязана соблюдать её принципы, но их адаптация к национальной правовой системе должна учитывать суверенные интересы. Это особенно актуально в контексте взаимодействия с наднациональными юрисдикциями, такими как ЕСПЧ, где решения могут вступать в конфликт с конституционными нормами.

Таким образом, конституционная реформа 2020 года заложила прочную основу для усиления антикоррупционной политики в России, закрепив её на уровне Основного закона. Поправки обладают значительным потенциалом, который проявляется как в ретроспективном осмыслении прошлых ошибок, так и в перспективном развитии правовых и институциональных механизмов. Однако их реализация требует преодоления вызовов, связанных с политической волей, региональной спецификой и международным контекстом. Последующий анализ национальной модели противодействия коррупции позволит раскрыть, как эти принципы могут быть воплощены в практике.

Список литературы:

1. Хлус, А. М. Представление о коррупции и взяточничестве в древних источниках права и произведениях философов / А. М. Хлус // Эпомен. – 2021. – № 59. – С. 238-255.
2. Гущин, В. Р. Афины на пути к демократии: VIII–V века до н.э. / В. Р. Гущин — Москва Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 456 с.
3. Гусева, О. Ю. Развитие антикоррупционного избирательного законодательства в Древнем Риме в V-I вв. до н.э / О. Ю. Гусева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 126-130.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции" (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/ (дата обращения 15.06.2025)
5. Хабриева, Т. Я. Историческая перспектива конституционализации правовых ориентиров противодействия коррупции / Т. Я. Хабриева // Вопросы истории. – 2022. – № 1-1. – С. 270-282.
6. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения 15.06.2025)
7. Бердяев, Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / Н. А.Бердяев. – Москва: Издательство Г. А. Лемана, С. И. Сахарова, 1918. - [4], V, [3], 240 с. – URL: // http://elib.shpl.ru/ru/nodes/60285-berdyaev-n-a-sudba-rossii-opyty-po-psihologii-voyny-i-natsionalnosti-m-1918#mode/inspect/page/246/zoom/4 (дата обращения 15.06.2025)
8. Соколова, О. С. Новеллы Конституции РФ в сфере противодействия коррупции / О. С. Соколова // Административное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 1-9.
9. Бондарь, Н. С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 36-55.
10. CASE OF KARA-MURZA v. RUSSIA (Application no. 2513/14) // European court of human rights - URL: https://hudoc.echr.coe.int/#{"fulltext":["Kara-Murza"],"documentcollectionid2":["GRANDCHAMBER","CHAMBER"],"itemid":["001-219462"]} (дата обращения: 17.06.2025)
11. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения 17.06.2025)

References:

1. Khlus, A.M. The concept of corruption and bribery in ancient sources of law and the works of philosophers / A.M. Khlus // Epomen. – 2021. – No. 59. – pp. 238-255.
2. Gushchin, V. R. Athens on the path to democracy: VIII–V century BC / V. R. Gushchin — Moscow Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 456 p.
3. Guseva, O. Y. The development of anti-corruption electoral legislation in Ancient Rome in the V-I centuries BC / O. Y. Guseva // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2016, No. 3, pp. 126-130.
4. United Nations Convention against Corruption" (adopted in New York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // ATP ConsultantPlus – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140 / (accessed 06/15/2025)
5. Khabrieva, T. Ya. Historical perspective of constitutionalization of legal guidelines for combating corruption / T. Ya. Khabrieva // Questions of history. - 2022. – No. 1-1. – pp. 270-282.
6. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 (as amended on December 28, 2024) "On Combating Corruption" // SPS ConsultantPlus – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959 / (accessed 06/15/2025)
7. Berdyaev, N. A. The Fate of Russia: Experiments on the psychology of war and nationality / N. A.Berdyaev. – Moscow: Publishing house of G. A. Lehman, S. I. Sakharov, 1918. - [4], V, [3], 240 p. – URL: // http://elib.shpl.ru/ru/nodes/60285-berdyaev-n-a-sudba-rossii-opyty-po-psihologii-voyny-i-natsionalnosti-m-1918#mode/inspect/page/246/zoom/4 (accessed 06/15/2025)
8. Sokolova, O. S. Novelties of the Constitution of the Russian Federation in the field of combating corruption / O. S. Sokolova // Administrative and municipal law. – 2020. – No. 6. – pp. 1-9.
9. Bondar, N. S. Constitution against corruption: on the formation of a national constitutional and legal model of anti-corruption activities / N. S. Bondar // Journal of Russian Law. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – pp. 36-55.
10. CASE OF KARA-MURZA v. RUSSIA (Application no. 2513/14) // European court of human rights - URL: https://hudoc.echr.coe.int/#{"fulltext":["Kara-Murza"],"documentcollectionid2":["GRANDCHAMBER","CHAMBER"],"itemid":["001-219462"]} (date of reference: 06/17/2025)
11. Federal Law No. 259-FZ of 07/31/2020 (as amended on 12/28/2024) "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753 / (accessed 17.06.2025)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_251

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ИСТОРИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ
LEGAL BASIS AND HISTORY OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH FOREIGN STATES

КРЫЛОВ Сергей Владимирович,
главный специалист отдела претензионно-исковой деятельности Дирекции правового и корпоративного обеспечения АО «НАСК».
117447, Россия, г. Москва, ул. Большая Черёмушкинская, д. 13, стр. 4.
E-mail: krylovsv@list.ru;
KRYLOV Sergey Vladimirovich,
Chief Specialist of the Department of Claims and Lawsuits Directorate of Legal and Corporate Support of NASK JSC.
117447, Russia, Moscow, Bolshaya Cheryomushkinskaya Street, 13, Building 4.
E-mail: krylovsv@list.ru

Краткая аннотация. *Приведённая статья посвящена истории и правовым основам военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, которые берут начало со времен Российской империи. Взаимодействие в военной сфере диктовалось необходимостью формирования союзов по защите от агрессивных намерений других государств. Отмечена необходимость исключительной монополии, компетенции и подведомственности государства в рассматриваемой сфере. Основной задачей военно-технического сотрудничества является поддержание стабильности, укрепление безопасности и мира, поскольку в современной ситуации военного противостояния с западными странами, является необходимость применение эффективных мер по упрочению и совершенствованию военно-политической мощи страны.*

Abstract. *The article is devoted to the history and legal basis of military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states, which has had its practical application since the times of imperial Russia. Interaction in the military sphere was dictated by the need to form alliances for protection against the aggressive intentions of other states. The need for an exclusive monopoly, competence and jurisdiction of the state in the sphere under consideration is noted. The main objective of military-technical cooperation is to maintain stability, strengthen security and peace, since in the current situation of military confrontation with Western countries, there is a need to apply effective measures to strengthen and improvement the military-political power of the country.*

Ключевые слова: *военно-техническое сотрудничество, военные технологии, военная техника, геополитическая реальность, исключительная монополия, федеральное законодательство.*

Key words: *military-technical cooperation, military technologies, military equipment, geopolitical reality, exclusive monopoly, federal legislation.*

Для цитирования: *Крылов С.В. Правовые основы и история военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 251-254. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_251.*

For citation*: Krylov S.V. Legal basis and history of military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 251-254. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_251.*

Статья поступила в редакцию: 23.07.2025

После распада Советского союза, получив огромную технологическую базу для дальнейшей разработки, производства и совершенствования различных систем вооружений, Россия смогла ее сохранить и развить. На мировом рынке вооружений и военной техники привлекательность России определяется не только высоким уровнем конкурентоспособности её продукции и научно-технических разработок в оборонно-промышленном комплексе, но также наличием собственных ресурсов и потенциала.

Военно-техническое сотрудничество – деятельность государства и уполномоченных государственных органов, направленная на управление общественными отношениями по продвижению российского вооружения и военной техники на мировой рынок оружия и установление устойчивых и длительных связей с иностранными государствами в области международного обмена продукцией военного назначения в целях соблюдения национальных интересов и международных обязательств Российской Федерации.

Основы сотрудничества нашей страны с другими государствами в сфере вооружений были заложены более ста лет назад. Начало этого процесса было связано с активной внешнеполитической деятельностью Российской империи.

Изначально единой государственной организации отвечавшей за закупки вооружения за рубежом и поставки его иностранным государствам в России не было.

В начале XX века Россия в основном закупала новые образцы боевой техники, вооружения в Англии, Германии, Франции, Италии, вместе с тем поставляла отечественное оружие в Болгарию, Черногорию, Сербию, Китай.

В 1869 году Китаем была высказана просьба по приобретению оружия, оружейных специалистов, иных инструкторов, такая сделка была выгодна России, поскольку связывалась с повышенной активностью Великобритании в китайском регионе, что угрожало политическим интересам России [9, с. 9].

В период Российской империи военно-техническое сотрудничество в основном осуществлялось посредством покупок вооружения, оборудования для военно-технических исследований, испытаний, соответствующей специальной литературы, целевых командировок технических специалистов за границу [11, с. 483].

В дальнейшем, после революции 1917 года одним из основных направлений внешней политики Советского Союза стало оказание военной помощи. Так, в 1922 году был заключен договор с Германией о размещении на территории страны немецких военных объектов, однако

сотрудничество было прекращено после прихода в 1933 году к власти Гитлера.

В последующем десятилетии формировался целый ряд различных структур, занимавшихся военно-техническим сотрудничеством в той или иной степени.

В начале Великой Отечественной войны было сформировано Инженерное управление Народного комиссариата внешней и внутренней торговли (ИУ НКВТ).

Для оказания помощи Советскому Союзу в войне против немецко-фашистских захватчиков, летом 1941 года были подписаны «Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии», по которому оба правительства обязались оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода, в том числе экономическую и «Соглашение о торговом обороте, клиринге и кредите», по которому Англия обязалась увеличить объем поставок в Советский Союз, предоставив СССР заем.

По линии Инженерного управления в страну поставлялись все военно-технические грузы, получаемые в том числе и в рамках ленд-лиза. Летом 1942 года правительства СССР и США заключили «Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». Этот документ регулировал поставки по ленд-лизу. Чтобы понять масштаб грузооборота, достаточно сказать, что по некоторым данным за годы войны в Советский Союз поступило из США и Англии почти 19 тысяч самолетов, около 600 кораблей различных классов и 11 тысяч танков, порядка 500 тысяч автомобилей и шесть тысяч бронемашин, около 650 самоходных пушек и трех тысяч походно-ремонтных мастерских, 12 тысяч орудий, бомбометов и минометов, а также большое количество стрелкового вооружения.

В послевоенные годы формированию военно-политического сотрудничества послужило распоряжение Совмина СССР о создании главного инженерного управления, выполнявшего функции государственного посредника в сфере продажи оружия за рубеж, вынесенное в 1953 году. Это ведомство сосредоточило все функции по осуществлению рассматриваемого сотрудничества с другими странами [12].

В дальнейшем, в период позднего социализма Советский Союз в рамках военно-технического сотрудничества поставлял военную технику и специалистов во многие, как правило социалистические и дружественные страны мира.

После распада Советского Союза произошли существенные изменения на мировом рынке, следствием чего явилось отстранение основных партнёров, в частности из бывших социалистических стран, исчерпание возможностей импорта, а также существенными изменениями во внешней и внутренней политике стран ранее дружественных к СССР [10, с.132]. Нарушение производственных связей между отечественными предприятиями и предприятиями, оставшимися за пределами России, создавало определенные трудности в организации производства и взаимных поставок между странами СНГ.

В период 1990-х годов имело место резкое уменьшение экспортных возможностей. Из России поставки военной продукции в основном шли в Индию и Китай. На мировых рынках экспортные возможности продукции военного назначения зависели от особенностей военно-политической ситуации в государстве, от импортеров, от стратегии развития ее оборонно- промышленного комплекса, а также от состояния рынка этой страны-импортера военной продукции. До 2000-х гг. военно-техническое сотрудничество не рассматривалось органами государственной власти в качестве инструмента усиления позиций России в международном пространстве. Однако стабилизация российской экономики и рост внешнеэкономического потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса совместно с ростом геополитического влияния России в мире дали возможность рассматривать военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами с выгодных позиций, в первую очередь для самой России.

Сегодня Россия является одним из основных поставщиков вооружений. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами реализуются в форме долгосрочного сотрудничества, в том числе вместе с услугами сопутствующего характера такими, как услуги военных специалистов по формированию военной инфраструктуры, обучению и других видов сопутствующих услуг.

В настоящее время военно-техническое сотрудничество регулируется Федеральным законом «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» [1]. Данный нормативный акт даёт определение военно-техническому сотрудничеству, под которым понимается «деятельность в области международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, продукции военного назначения, а также с разработкой и производством продукции военного назначения».

Следует полагать, что военно-техническое сотрудничество носит двойственную цель. С одной стороны, призвано обеспечить безопасность государства, с другой стороны служит укреплению военно-стратегического положения России в мире. Тем самым, военно-техническое сотрудничество тесно связывается с глобальным противоборством Российской Федерации с недружественными политическими системами, в частности, со странами западного мира. В сфере военно-технического сотрудничества важным фактором является геополитическая конкуренция за обладание стратегическими ресурсами.

Следует заметить о наличии специальной правосубъективности юридических лиц, которые осуществляют взаимодействие с иностранными государствами в поиске заказчиков, проводят переговоры, принимают меры по выставочной и рекламной деятельности, подписывают контракты с последующим осуществлением внешней торговли продукции военного назначения [7, с. 98].

В частности, к полномочиям указанных субъектов можно отнести следующие:

– поиск и установление заказчиков военной продукции с последующим проведением с ними переговоров;

– рекламная и маркетинговая деятельность военной продукции;

– подписание соответствующих контрактов с заказчиками;

– командировки специалистов для работы в зарубежных странах;

– принятие иностранных делегаций;

– практическая деятельность по осуществлению внешнеторговых операций в отношении военной продукции согласно заключенным контрактам.

Специфика военно-технического сотрудничества предполагает необходимость в долгосрочном сотрудничестве и укреплению межгосударственных связей, которые необходимы в силу постоянного изменения геополитической обстановки на международной арене.

Ключевая роль в военно-техническом сотрудничестве принадлежит государству при реализации всего комплекса мер по военной продукции, в том числе производство комплектующих и возможностей финансирования деятельности по производству продукции военного назначения [6, с.127].

В марте 2023 года Указом Президента Российской Федерации, были определены приоритетные направления, цели и задачи деятельности страны во внешней политике [3]. Указ Президента определил основные направления внешнеполитической деятельности: такие, как защита конституционного строя, суверенитета и независимости, а также поддержание стратегической стабильности мира и безопасности. В данном документе было отмечено приоритетное внимание к территориям в непосредственной близости к стране и развитие военно-технического сотрудничества с союзниками и партнерами.

На текущий момент следует отметить разработку современных методов и способов военно-технического сотрудничества исходя из сложившейся обстановки, связанной с проведением специальной военной операции на Украине [8, с.89]. В 2022 году Россия столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением, что оказало существенное влияние на сферу военно-технического сотрудничества, послужив для нее серьезным вызовом.

Одним из важных направлений военно-технического сотрудничества является образовательная сфера. Военное образование, равно как и военная наука тесно переплетаются между собой. Российская Федерация содействует развитию сотрудничества между образовательными учреждениями, что находит свое выражение и в законодательстве страны.

Важным документом в сфере военного образования является Федеральный закон от 08.04.2008 № 45-ФЗ, касающийся соглашения о подготовке военных кадров для государств членов ОДКБ [2].

Основной целью Соглашения является развитие единой системы подготовки военных кадров.

В военной доктрине Российской Федерации указана приоритетность качества военного образования с последующим наращиванием военного потенциала.

В новых условиях сфера военно-технического сотрудничества становится наиболее актуальным политическим и правовым явлением.

Поэтому помимо указанных законодательных актов важными правовыми документами являются иные указы Президента Российской Федерации, касающиеся детализации военно-технического сотрудничества с другими государствами [4].

Исследования правового регулирования в сфере военно-технического сотрудничества показывают исключительную компетентность и подведомственность государства в рассматриваемой сфере.

Данное направление реализуется несмотря на множественные проблемы в военно-техническом сотрудничестве. В частности, необходимости преодоления санкций со стороны западных стран и США. Важным направлением является необходимость расширения экспорта продукции военного назначения. Необходимость импортозамещения также не способствует быстрому и оперативному повышению темпов развития военно-технического сотрудничества.

Важным направлением является совершенствование нормативно- правовой базы и правоприменительной практики в данной сфере.

В целом поставки вооружений и военной техники как ранее, так и в современную эпоху являются наиболее важным направлением внешнеэкономической деятельности любого государства, обеспечивая приоритет и лидерство в данной сфере. На международном уровне поставки отечественного вооружения и технологий сдерживаются западными государственными системами посредством осуществления санкционной политики, что осложняет взаимодействие со многими странами, заинтересованными в приобретении у России продукции военного назначения и военных технологий.

Следует заключить, что на сегодняшний день состояние развития военно-технического сотрудничества в сфере современных военных технологий является наиболее актуальным вопросом. Сотрудничество с другими странами в сфере поставок продукции военного назначения является для Российской Федерации одним из наиболее значимых стратегических направлений. Развитие военно-технического сотрудничества позволит в максимальной степени укрепить обороноспособность нашей страны.

Важным моментом является разработка совместных правовых документов по противодействию санкционной политики, существенно влияющей на сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами в военно-технической сфере.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». – URL: https://base.garant.ru/179054/
2. Федеральный закон от 8 апреля 2008 г. № 45-ФЗ «О ратификации Соглашения о подготовке военных кадров для государств - членов Организации Договора о коллективной безопасности». – URL: https://base.garant.ru/12159792/
3. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869
4. Указ Президента РФ от 26 апреля 2021 г. № 249 «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400594171/
5. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976). // https://base.garant.ru/70830556/

6. Борисова Д.О., Землин А.И. Организационно-правовые и финансово-правовые средства минимизации рисков при обеспечении безопасности субъектов военно-технического сотрудничества Российской Федерации // Военный академический журнал. – 2018. – № 3 (19). – С. 125-131.
7. Кудашкин В.В. (2018). Проблемные аспекты закупок в области военно-технического сотрудничества // Военное право. № 1 (47). С. 95-102.
8. Наумова Т.Ю. Современное состояние и тенденции развития правовых основ международного военного сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами // Международное право и международные организации. – 2024. – № 4. – С. 87-100.
9. Окороков А.В. Тайные войны СССР. Советские военспецы в локальных конфликтах XX века. – М., 2012. – 289 с.
10. Репников Д.А. Эволюция военно-технического сотрудничества Российской Федерации в мировой экономике // Управление 2022. – т. 10. – № 4. – С. 132-136.
11. Уколова И.П. Военное производство и военно-техническое сотрудничество России в XIX - Начале XX в.: история в ведомственных источниках. В сборнике: Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. материалы IV международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 480-486.
12. Формирование и становление системы ВТС России имеет давнюю историю. – URL: https://topwar.ru/27203-sfera-gosudarstvennoy-kompetencii.html

References:

1. Federal Law No. 114-FZ of July 19, 1998 "On Military-Technical Cooperation of the Russian Federation with Foreign States". – URL: https://base.garant.ru/179054/
2. Federal Law No. 45-FZ of April 8, 2008 "On the Ratification of the Agreement on the Training of Military Personnel for the Member States of the Collective Security Treaty Organization". – URL: https://base.garant.ru/12159792/
3. Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2023 No. 229 "On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation". – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 249 dated April 26, 2021 "On certain issues of military-technical cooperation between the Russian Federation and foreign States" – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400594171/
5. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. Pr-2976). // https://base .garant.ru/70830556/
6. Borisova D.O., Zemlin A.I. Organizational, legal and financial means of minimizing risks while ensuring the security of subjects of military-technical cooperation of the Russian Federation // Military Academic Journal. – 2018. – № 3 (19). – Pp. 125-131.
7. Kudashkin V.V. (2018). Problematic aspects of procurement in the field of military-technical cooperation // Military law. No. 1 (47). pp. 95-102.
8. Naumova T.Y. The current state and trends in the development of the legal foundations of international military cooperation between the Russian Federation and foreign states // International law and international organizations. – 2024. – No. 4. – pp. 87-100.
9. Okorokov A.V. Secret wars of the USSR. Soviet military experts in local conflicts of the 20th century. Moscow, 2012– 289 p.
10. Repnikov D.A. The evolution of military-technical cooperation of the Russian Federation in the global economy // Management 2022. – vol. 10. – No. 4. – pp. 132-136.
11. Ukolova I.P. Military production and military-technical cooperation of Russia in the nineteenth and early twentieth centuries: history in departmental sources. In the collection: Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow. proceedings of the IV International Scientific Conference. Saint Petersburg, 2021, pp. 480-486.
12. The formation and development of the Russian military-technical cooperation system has a long history. – URL: https://topwar.ru/27203-sfera-gosudarstvennoy-kompetencii.html

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_255

УДК 347.2/.3

К ВОПРОСУ ОБ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВАХ
ON THE QUESTION OF PROPERTY RIGHTS

КОНОПЛЯННИКОВА Татьяна Валерьевна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет». просп. Победы, 13, корп. 3, г. Оренбург, 460018, Россия.
E-mail: tatoshka.miss@mail.ru;

ШАГИВАЛЕЕВА Индира Закировна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет». просп. Победы, 13, корп. 3, г. Оренбург, 460018, Россия.
E-mail: ishagivaleeva@mail.ru;

KONOPLYANNIKOVA Tatyana Valerevna,
Ph.D. of Pedagogic Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Faculty of Law FSBEI of HE «Orenburg State University».
avenue. Pobedy, 13, building 3, Orenburg, 460018, Russia.
E-mail: tatoshka.miss@mail.ru;

SHAGIVALEEVA Indira Zakirovna,
Ph.D. of Pedagogic Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Faculty of Law FSBEI of HE «Orenburg State University».
avenue. Pobedy, 13, building 3, Orenburg, 460018, Russia.
E-mail: ishagivaleeva@mail.ru

Краткая аннотация. *Данная статья посвящена изучению понятия и сути имущества, имущественных прав, отнесения имущественных прав к объектам гражданских прав в отечественной науке, которые относятся к числу недостаточно разработанных, что обусловливают неоднозначность имеющихся трактовок и необходимость уточнения смыслового содержания в каждом конкретном случае. Исходя из проведенного теоретико-правового анализа, сделаны ряд выводов, в частности, в силу некоторых особенностей, заключающихся в самой природе субъективного имущественного права, которому во всех случаях противостоит соответствующая имущественная обязанность другой стороны правоотношения, имущественные права занимают промежуточное место между вещными и обязательственными правами.*

Abstract. *This article is devoted to the study of the concept and essence of property, property rights, attribution of property rights to objects of civil rights in domestic science, which are among the insufficiently developed, which determines the ambiguity of existing interpretations and the need to clarify the semantic content in each specific case.*

Based on the conducted theoretical and legal analysis, a number of conclusions are made, in particular, due to some features contained in the very nature of subjective property rights, which in all cases are opposed by the corresponding property obligation of the other party to the legal relationship, property rights occupy an intermediate place between property and obligatory rights.

Ключевые слова. *Имущество, имущественные права, объект гражданских прав, субъективное право, оборотоспособные вещи, правомочие, права требования.*

Key words. *Property, property rights, object of civil rights, subjective right, negotiable things, authority, rights of claim.*

Для цитирования: *Коноплянникова Т.В., Шагивалеева И.З. К вопросу об имущественных правах // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 255-258. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_255.*

For citation*: Konoplyannikova T.V., Shagivaleeva I.Z. On the question of property rights // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 255-258. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_255.*

Статья поступила в редакцию: 03.07.2025

Грамматическое и логическое толкование ст. 128 ГК РФ позволяет прийти к выводу, что имущество – это прежде всего вещи; по существу, имущество – это собирательное понятие о вещах, объем которого составляют совокупности вещей, рассмотренные как единое целое. Это первая составляющая правового понятия имущества, соответствующая общеупотребительному. Но законодатель в ст. 128 ГК РФ включил в понятие имущества еще одну составляющую, к которой отнес нечто, не имеющее овеществленного выражения и не являющееся вещью ни в действительности, ни с точки зрения российского права, - имущественные права. Имущественные права, помимо ст. 128 ГК РФ упоминаются и в ряде других статей общей и особенной частей ГК РФ, например, в ст. 66, 132, 382-390, 454, 572, 826 и др. Таким образом, можно констатировать, что имеется определенная нормативная база, обеспечивающая оборот имущественных прав. Тем не менее, следует отметить, что в указанной сфере еще не сложилось какого-либо единого подхода к регулированию этих объектов, начиная с понимания юридической природы имущественных прав и заканчивая их оборотом.

Понятие имущества и имущественных прав в отечественной науке гражданского права относится к числу недостаточно разработанных, что обусловливают неоднозначность имеющихся трактовок и необходимость уточнения смыслового содержания в каждом конкретном случае. Четкое, правильное представление об этих подходах к понятию имущественных прав, основных концепциях имеет принципиальное значение, как для выяснения сути полемики, так и дальнейшего исследования обсуждаемых в ходе нее вопросов развития юридической науки и практики.

Можно ли утверждать, что законодатель закрепил имущественные права в качестве объекта гражданских прав. В доктрине права имеются попытки теоретического обоснования законодательно закрепленной (ст. 128 ГК РФ) конструкции, относящей имущественные права к объектам гражданских прав. Доказательством того, что имущественные права являются объектом оборота, приводятся аргументы о способности того или иного

предмета участвовать в актах обмена; если право имеет самостоятельную имущественную ценность, право рассматривается оборотом как объект.

Однако в доктрине права высказывается иное мнение, что имущество, а, следовательно, и имущественные права, не могут быть объектом гражданских прав. Так как имущественные права входят в состав имущества, нельзя обойти вниманием и понятие «имущество», под которым понимается вся или часть совокупности прав или прав и обязанностей, принадлежащих одному лицу. Однако в случае со ст. 128 ГК РФ не вызывает сомнений, что основания понимать под «имуществом» единую совокупность отсутствуют, поскольку норма ст. 128 ГК РФ посвящена объектам гражданских прав, тогда как имущество в качестве совокупности принадлежащих лицу прав или прав и обязанностей как чисто юридическое понятие, не может выступать объектом гражданских прав [1], в том числе обязательственных прав, возникающих из сделок (например, ч. 2 п. 2 ст. 572 ГК РФ).

Ю.С. Гамбаров правильно отмечает, что под «имуществом» понимается совокупность не всех, а только тех прав, которые принадлежат данному лицу и обладают качеством меновой ценности или переложимости на деньги; непередаваемые гражданские права не входят в состав имущества [2]. Поскольку в состав имущества входят только передаваемые гражданские права, а каждое конкретное такое право является составной частью чьего-либо имущества, то закономерным можно признать тот факт, что имуществом называют не только единую совокупность прав, но и круг оборотоспособных прав. Правильным по этой причине Ю.К. Туктаров считает следующее понимание формулировки ст. 128 ГК РФ: имущество – это круг имущественных прав; имущественные права в силу своей оборотоспособности (передаваемости) относятся к составу имущества [3]. Л.А. Чеговадзе пишет, что «конструкция статьи не содержит определения имущественного права, но дает основание заключить, что, не относясь к разряду вещей, денег или ценных бумаг оно включено в состав «иного имущества» [4].

Энциклопедия юриста к имущественным правам относит «субъективные права участников гражданских правоотношений, связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом, а также с теми материальными (имущественными) требованиями, которые возникают между участниками гражданского оборота по поводу распределения этого имущества и обмена (товарами, услугами, работами, ценными бумагами, деньгами и др.).

Имущественными правами являются правомочия собственника, право хозяйственного ведения, оперативного управления, сервитуты (вещные права) и обязательственные права (как из договорных, так и внедоговорных обязательств) права авторов и изобретателей на вознаграждение за созданные ими произведения), наследственные права. Имущественные права могут выступать самостоятельным объектом правоотношения либо в составе имущественного комплекса. Они могут быть удостоверены ценной бумагой или долговой распиской. Имущественные права можно купить или продать (ст. 454 ГК РФ), уступить (ст. 382-387 ГК РФ)».

При рассмотрении суждений, высказываемых в доктрине права о имущественных правах обращает на себя внимание мнение о бестелесности данных объектов, аналогично римскому понятию. Так, например, по мнению Р.Ф. Галеевой имущественные права - это идеальные смысловые построения, к которым можно отнести безналичные деньги, ценные бумаги в документарной и бездокументарной форме, которые не соответствуют параметрам объектов гражданских прав.

Обосновывая сущность имущественных прав в основу ею положена идея о том, что любое субъективное гражданское право – суть, составляющая правового режима того объекта, которое оно опосредует. И в этом смысле, по мнению ученой, оно всегда производно от своего объекта, вторично. Представляя собой идеальную правовую категорию, субъективное имущественное право не способно субстанционально удовлетворять конечные (базисные) потребности субъектов, по этой причине оно является несопоставимым с другими базисными благами. Между тем динамика указанной правовой конструкции (как, впрочем, и зеркальной ей категории «имущественная обязанность») отображает динамику имущественного правоотношения в части субъектной составляющей [5].

Многие ученые исследуют теорию права для выяснения того, что же понимается под имущественным правом, обращаясь к конструкция правоотношения, элементами которого выступают субъекты, объекты и содержание (или совокупность субъективных прав и юридических обязанностей). То есть любое субъективное право (разновидностью которого является и субъективное имущественное право), прежде всего, является элементом содержания правоотношения. В этом качестве субъективное право традиционно понимается как мера возможного поведения управомоченного лица [6]. Данный подход является наиболее обоснованным, ведь определяя понятие субъективного права, нужно, прежде всего, установить каким образом может себя вести сам носитель этого права.

При этом, само по себе субъективное право имеет сложную структуру и состоит из определенных правомочий [7]. Следует добавить, что субъективные права представляют собой сложную дозволенность, возведенную законодателем в ранг правовой возможности. Субъективное право есть дозволенность высшей категории и по сути дела ценится уже не столько своей дозволенностью, сколько возможностью, причем обязательно юридической. Благодаря этому субъективные права, как юридические возможности, обеспечиваются конкретной юридической необходимостью (обязанностью) других лиц.

В зависимости от конкретной разновидности субъективных прав принято выделять три правомочия (иногда их называют правами): право на собственные действия, право требования, и право притязания. Причем отмечается, что право требования – это правомочие на чужие действия (в отличие от права на собственные действия). Правомочие требования напрямую увязывается с юридической обязанностью. Эти правомочия в разной совокупности имеются как в относительных, так и в абсолютных правах.

Возможное поведение управомоченного включает в себя как те действия, которые непосредственно удовлетворяют его интересы и для совершения которых не нужно содействия каких-либо иных лиц (пользование вещью, использование авторского произведения и т.д.), так и те действия, которые сами по себе к удовлетворению интереса управомоченного не приводят (предъявление требований к обязанным лицам об исполнении возложенных на них обязанностей). Однако в цивилистике права являются самостоятельным объектом целого ряда гражданских пра-

воотношений. И как совершенно справедливо отмечается в литературе, не следует смешивать субъективное право, как составную часть правоотношения, как элемент содержания правоотношения, с одной стороны, и с другой – непосредственно имущественное право, как объект гражданского права, как объект правоотношения.

Возражая против такого подхода некоторые ученые пишут, что имущественное право, являясь инструментом субъекта (т.е. мерой его возможного поведения), не может быть одновременно и тем объектом, на который субъект оказывает воздействие. Однако закон (ст. 128 ГК РФ) называет имущественное право объектом гражданских прав, и возникает необходимость обосновать конструкцию «права на право».

Представляется, что буквальное толкование ст. 128 ГК РФ приводит к небесспорному выводу о возможности установления «права на право», т.е. признания субъективного права объектом другого субъективного права. Проблема юридического оформления вовлечения в гражданский оборот субъективных прав требует, таким образом, дополнительного исследования. При этом логические препятствия для рассмотрения в качестве «бестелесных вещей» как абсолютных (исключительных), так и обязательственных прав отсутствуют [8].

Конструкция «право на право» была разработана в германской цивилистике XIX века. Мнения немецких ученых по вопросу о том, могут ли права быть объектами субъективных прав разделились. В поддержку конструкции «право на право» высказывались Беккер, Бремер, Гирке, Леонгард, Вендт, Бирлинг, Эндеманн. Им оппонировали И. Колер, Ф. Регельсбергер [8]. В российском дореволюционном праве в поддержку данной конструкции высказывались К.Д. Кавелин, К.Н. Анненков, К.П. Победоносцев. Против высказывались Д.И. Мейер, Ю.С. Гамбаров, Г.Ф. Шершеневич, Д.Д. Гримм.

Некоторые авторы пытаются подвести категорию имущественных прав под тот или иной институт римского права. По мнению В.В. Байбак, отправной точкой в обсуждении конструкции «право на право» следует считать категорию «бестелесных вещей», появившуюся в римском праве. Однако В.В. Байбак, изучив мнение таких дореволюционных юристов как Ю.С. Гамбаров, Н.Л. Дювернуа, С.А. Муромцев, приходит к выводу о том, что отнесение неосязаемых благ, в частности, требований, к числу вещей не должно наводить на ложную мысль о том, что римские юристы подчиняли требования правовому режиму вещей и считали их объектами права собственности [9].

В римской юриспруденции вообще не склонной к обобщениям, не было создано общее учение об объектах гражданских прав. Поэтому положения, сформулированные применительно к res incorporales (бестелесные вещи), не послужили основой для признания требований объектами субъективных гражданских прав. Бестелесные вещи в римском праве могли становиться объектами прав на чужие вещи [10].

Мы уже указали на принадлежность прав требования в римском праве к категории бестелесных вещей. Более правильной нам представляется позиция В.В. Брагинского. Он также указывает на то, что признание «права объектом права» имеет свои корни в римском праве. Имеется в виду, что наряду с вещами объектом права собственности признавались iura in re aliena («права в чужой вещи»).

При этом к числу таких «прав на чужую вещь» относились права на пользование чужой вещью (сервитуты) и права на распоряжение чужой вещью (залог, то что И.А. Покровский называл «залогоподобным правом») [11]. Однако в наши дни с развитием института объектов гражданского права, считаем данное деление вещей на телесные и бестелесные устаревшим. В римском праве не было разработано понятие объекта, чем и было обусловлено данное деление. В наши дни имущественные права, безусловно, относятся к имуществу [12].

Несмотря на устоявшуюся традицию и законодательное отнесение прав к самостоятельным объектам гражданского права, некоторые правоведы все же скептически относятся к тому, что права являются объектами гражданских правоотношений. Такую позицию отстаивает, например, В.А. Белов, теоретически обосновывая ее тем, что «содержание правоотношения (которым являются субъективные права и обязанности его участников) не может быть в то же время и объектом, хотя бы и иного правоотношения» [13]. Но подобный подход, как представляется, едва ли допустим, тем более что указанная позиция выдерживается автором не до конца последовательно (и в ряде работ он неоднократно говорит о правах как об объектах, в контексте их передачи или переходе).

Другие правоведы придерживаются схожего мнения, но несколько иной аргументации. Так, в частности отмечается, что право, как продукт духовной, мыслительной деятельности людей, не может подвергаться каким угодно физическим, материальным воздействиям, его движение лишь увязывается законом с фактами, которые тем самым становятся фактами юридическими, но само движение права фактическим, материальным быть не может, и слова о движении права – это только метафора [14].

Эта позиция была подвергнута критике со стороны Б.Б. Черепахина, заявившего, что переход субъективного права и юридической обязанности – это специальное юридическое понятие [15], суть которого заключается в том, что оно опосредует переход права от прежнего правообладателя к последующему в порядке правопреемства, которое может быть универсальным или сингулярным. По мнению ученого, «преемство в праве собственности … означает переход этого права в порядке производного правоприобретения от одного субъекта к другому».

Представляется, что позиция Б.Б. Черепахина по данному вопросу является обоснованной, т.к. при обороте субъективное право обременено пребыванием собственника в обязательственном правоотношении в качестве отчуждателя. Исполнение обязанности по передаче собственности во владение приобретателя имеет правовым последствием прекращение собственности отчуждателя, поскольку с этого момента право собственности ему более не принадлежит.

Достаточно распространен в литературе такой подход, что к имущественным правам следует относить только права требования. По мнению ряда ученых имущественные права тождественны понятию права требования. Это мнение опирается на положения ГК РФ, в частности, на норму п. 1 ст. 336 ГК РФ, в которой имущественные права (требования) упоминаются в качестве объекта залога.

Право требования в современном праве рассматривается с двух точек зрения. С одной стороны, это связь кредитора и должника, в силу которой первый вправе требовать от второго совершения каких-либо действий или воздержания от них. С другой стороны, право требования рассматривается как принадлежащая кредитору имущественная ценность, которой он по общему правилу вправе свободно распоряжаться, в том

числе и посредством отчуждения на основании различных сделок. Имущественные права, в том числе и права обязательственные, рассматриваются в современном гражданском праве в качестве одного из объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Таким образом, имущественное право является видом субъективных гражданских прав и представляет собой более широкую категорию. В этом смысле имущественные права (включая права требования) являются достаточно многообразным явлением, представляя собой самостоятельный объект гражданских прав [16]. Так, например, «бездокументарные ценные бумаги, по мнению Е.А. Суханова представляют собой определенные права требования, т.е. по сути, юридическую фикцию, которая… вполне реальный … объект имущественного оборота, правда, не имеющий ничего общего с традиционными, физически осязаемыми вещами, на которые и рассчитан режим вещных прав» [16]. Облигация как эмиссионная ценная бумага, удостоверяет имущественные права ее владельца на получение от эмитента облигации в предусмотренный в ней срок… ее номинальной стоимости или иного имущественного эквивалента, а также в случаях, предусмотренных законом неимущественные права. Ценная бумага удостоверяет определенное субъективное гражданское право, а именно: право требования, вещное право или право членства в корпорации.

В юридической литературе некоторые исследователи к имущественным правам относят обязательственные права требования (например, право требовать уплаты денежной суммы за выполненные по договору подряда работы, право требования возврата долга, денежные средства на счетах в кредитном учреждении и т.д.), а также права, возникшие в связи с созданием произведений, охраняемых авторским или патентным правом [17]. Из данного подхода вытекает вывод, что имущественные права – это обязательственные права требования и исключительные права. При обороте имущественных прав, не относящихся к числу обязательственных, но имеющих самостоятельный характер, нужно руководствоваться аналогией закона и использовать нормы, присущие регулированию обязательственных правоотношений, если иное не предусмотрено законом и не противоречит существу передаваемого права.

Конечно, права требования являются элементами именно обязательственного правоотношения и не должны быть отнесены к категории вещей. Большинство авторов рассматривают права требования именно в составе имущества. При этом относительно формулировки имущества, по всей видимости, следует согласиться с Е.А. Сухановым, по мнению которого, под имуществом понимается «совокупность принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей. В состав имущества включаются не только вещи, но и имущественные права, в том числе права корпоративного характера (вытекающие из членства в коммерческих и некоторых некоммерческих организациях), права требования и пользования обязательственно-правового характера (вытекающие из сделок и некоторых других юридических фактов и входящие в содержание обязательств) и имущественные права (правомочия), находящиеся в составе исключительных прав».

Представляется, что в силу некоторых особенностей, имущественные права занимают промежуточное место между вещными и обязательственными правами. Эти особенности заключаются в самой природе субъективного имущественного права, которому во всех случаях противостоит соответствующая имущественная обязанность другой стороны правоотношения. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что имущественные права имеют обязательственную природу, так как являются частью относительного гражданского правоотношения, в котором субъективному гражданскому праву противостоит имущественная обязанность строго определенного лица или нескольких лиц.

Список литературы:

1. Ровный В.В. Проблемы единства российского частного права. - Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1999. - С. 36.
2. Гамбаров Ю.С. Учебник гражданского права. - СПб., 1908. - С. 577.
3. Туктаров Ю.Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) // Объекты гражданского оборота: сборник статей /под ред. М.А. Рожковой. – Москва: Статут, 2007. - С. 130.
4. Чеговадзе Л.А. К дискуссии о природе имущественного права // Законодательство. - № 11. - 2003. - С. 21.
5. Галеева Р.Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Москва. - 2011. – 29 с.
6. Алексеев А.А. Общая теория права: курс в 2 т. – Москва. – Т. 2. - 1982. - С. 114.
7. Ненашев М.М. Субъективное право на действия // Гражданское право. - 2006. - № 3. - С. 21-23.
8. Трофименко А.В. Проблема теории нематериальных объектов (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва. - 1999. - С. 15.
9. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. - Москва : Статут, 2005. – 220 с.
10. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для юридических вузов и факультетов / Под общ. ред. академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. - 2-е изд., изм. и доп. – Москва: Издательство: Норма. – 1999. - С. 360.
11. Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая. Общие положения. – Москва: Статут. - 2000. - С. 292.
12. Галинская Ю. Права требования как объекты гражданских прав. - 2007.
13. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве: Опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики. – Москва. - 2001. - С. 15; С. 127-128.
14. Скловский К.И. Передача права и обязательство // Вестник ВАС РФ. - 2008. - № 7. - С. 9.
15. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. – Москва: Статут. -2001. - С. 312.
16. Суханов Е.А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. - 2006. - № 12(120). – С. 42-50.
17. Витрянский В.В. Особенности доверительного управления ценными бумагами // Хозяйство и право. - 2001. - № 11. - С. 53.

References:

1. Rovny V.V. Problems of the unity of Russian private law. - Irkutsk: Publishing house of Irkutsk. University, 1999. - P. 36.
2. Gambarov Yu.S. Textbook of civil law. - St. Petersburg, 1908. - P. 577.
3. Tuktarov Yu.E. Negotiable rights (comparative study) // Objects of civil circulation: collection of articles / edited by M.A. Rozhkova. - Moscow: Statut, 2007. - P. 130.
4. Chegovadze L.A. On the discussion of the nature of property law // Legislation. - No. 11. - 2003. - P. 21.
5. Galeeva R.F. Exclusive right: legal nature and role in civil circulation: author's abstract. dis. … candidate of legal sciences: 12.00.03 – Moscow. - 2011. – 29 p.
6. Alekseev A.A. General Theory of Law: course in 2 volumes. – Moscow. – Vol. 2. - 1982. - P. 114.
7. Nenashev M.M. Subjective right to actions // Civil law. - 2006. - No. 3. - P. 21-23.
8. Trofimenko A.V. The problem of the theory of intangible objects (civil law aspect): author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03. – Moscow. - 1999. - P. 15.
9. Baibak V.V. Obligatory claim as an object of civil turnover. - Moscow: Statut, 2005. - 220 p.
10. Dozhdev D.V. Roman private law: a textbook for law schools and faculties / Under the general editorship of Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor V.S. Nersesyants. - 2nd ed., amended and supplemented. - Moscow: Publisher: Norma. - 1999. - P. 360.
11. Braginsky M.I. Contract Law. Book One. General Provisions. – Moscow: Statut. - 2000. - P. 292.
12. Galinskaya Yu. Rights of claim as objects of civil rights. - 2007.
13. Belov V.A. Singular succession in an obligation: Experience of historical research, theoretical and dogmatic construction and generalization of Russian judicial practice. – Moscow. - 2001. - P. 15; P. 127-128.
14. Sklovsky K.I. Transfer of rights and obligations // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. - 2008. - No. 7. - P. 9.
15. Cherepakhin B.B. Works on civil law. – Moscow: Statut. -2001. - P. 312.
16. Sukhanov E.A. On the concept and types of property rights in Russian civil law // Journal of Russian Law. - 2006. - No. 12(120). – P. 42-50.
17. Vitryansky V.V. Features of trust management of securities // Business and Law. - 2001. - No. 11. - P. 53.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_259

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ
CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH FOREIGN STATES

КРЫЛОВ Сергей Владимирович,
главный специалист отдела претензионно-исковой деятельности
Дирекции правового и корпоративного обеспечения АО «НАСК».
117447, Россия, г. Москва, ул. Большая Черёмушкинская, д. 13, стр. 4.
E-mail: krylovsv@list.ru;
KRYLOV Sergey Vladimirovich,
Chief Specialist of the Department of Claims and Lawsuits
Directorate of Legal and Corporate Support of NASK JSC.
117447, Russia, Moscow, Bolshaya Cheryomushkinskaya Street, 13, Building 4.
E-mail: krylovsv@list.ru

Краткая аннотация. *В приведённой статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования военно-технического сотрудничества Российской Федерации (ВТС) с иностранными государствами. Отмечено, что рассматриваемая сфера во многом зависит от геополитической ситуации в современном мире. Рассматриваемое направление реализуется, несмотря на множественные проблемы в военно-техническом сотрудничестве. В частности, необходимости преодоления санкций со стороны западных стран. Важным направлением является необходимость расширения экспорта военно-технической продукции. Помимо этого, отраслевые законодательные акты не содержат требуемых мер по государственной поддержке производителей военной продукции, направляемой в адрес других стран. Поставка военной продукции накладывается на слабую приспособленность таможенного законодательства в сфере перемещения через границу рассматриваемой продукции. Отмечается недостаточная покупательная способность стран третьего мира, наибольшей степени заинтересованных в приобретении вооружений.*

Abstract. *The article discusses current issues of legal regulation of military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states. It is noted that in modern realities there is no universal paradigm of legal regulation of military-technical cooperation, and the area under consideration largely depends on the geopolitical situation in the modern world. The area under consideration is being implemented despite multiple problems in military-technical cooperation. In particular, the need to overcome sanctions from Western countries. An important area is the need to expand the export of military-technical products. In addition, industry-specific legislative acts do not contain the required measures for state support for manufacturers of military products sent to other countries. The supply of military products is superimposed on the weak adaptation of customs legislation in the field of movement of the goods under consideration across the border. Insufficient purchasing power of third world countries, which are most interested in acquiring weapons, is noted.*

Ключевые слова: *военно-техническое сотрудничество, военные технологии, военная техника, геополитическая реальность, исключительная монополия, федеральное законодательство.*

Keywords: *military-technical cooperation, military technologies, military equipment, geopolitical reality, exclusive monopoly, federal legislation.*

Для цитирования: *Крылов С.В. Актуальные проблемы правового регулирования военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 259-261. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_259.*

For citation*: Krylov S.V. Current issues of legal regulation of military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 259-261. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_259.*

Статья поступила в редакцию: 23.07.2025

Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с другими странами приобрело новое направление и прочтение после распада Советского Союза. Помимо того, что сложившаяся внешняя политика страны потребовала анализа ситуации на рынке военной продукции и развития военно-технического сотрудничества, серьезной проблемой стало нарушение, а в некоторых случаях, разрыв производственных связей между отечественными предприятиями и предприятиями, оставшимися за пределами России. Такое положение создавало определенные трудности в организации производства и взаимных поставок по контрактным обязательствам. Введение национальных валют в странах СНГ привело к нарушению единой системы финансовых расчетов, кроме того в этих странах не были определены организации, осуществлявшие ВТС и отсутствовали так необходимые навыки взаимодействия и нормативная база.

При падении прежних идеологических постулатов возникли вопросы формирования новых принципов, обозначения критериев и приоритетов, по которым следует определять включение того или иного государства в категорию тех, с которыми целесообразна реализация военной продукции, равно как и возможность взаимодействия в сфере военного-технического сотрудничества. Как было отмечено Президентом Российской Федерации В.В. Путиным экспорт оружия – это огромная ответственность для любого государства, и главное, чтобы это понимали все участники глобального рынка вооружений. При этом Президент Российской Федерации отметил, что Россия твердо привержена своим обязательствам в борьбе с терроризмом, ответственно подходит к выбору контрагентов и контролю над тем, как используют наше вооружение и военную технику получатели.

Основными методами государственного регулирования и реализации монополии государства в военно-технической сфере являются следующие элементы:

- методика, которая должна отвечать основному принципу военно-технического сотрудничества;

- государственная монополия на ВТС посредством лицензирования деятельности по разработке, производству и реализации на внешнем рынке продукции военного назначения;

- разрешительный порядок осуществления ВТС с соответствующим правовым регулированием и организацией рассматриваемой деятельности;

- разработка системы экспортного контроля в направленности обеспечения безопасности страны;

- необходимость защиты российского рынка;

- необходимость выполнения обязательств по международным договорам;

- неприемлемость монополии предприятия, выпускающего военную продукцию;

- неприемлемость участия в военной сфере юридических лиц, которые не имеют прав на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении военной продукции;

- исключение конкуренции на внешнем рынке при реализации военной продукции;

- необходимость таможенного регулирования экспортных и импортных операций военной продукции;

- пресечение передачи результатов интеллектуальной деятельности зарубежным заказчикам с обеспечением их охраны;

- определение порядка размещения и распространения информации в области военно-технического сотрудничества.

Приведённые методы базируются на основополагающих принципах ВТС.

В Российской Федерации сфера военно-технического сотрудничества регулируется Законом о военно-техническом сотрудничестве [1], а также подзаконными нормативными актами, направленными на установление компетенции органов государственной власти, их функциональные полномочия в сфере надзора и контроля в системе ВТС. В этом отношении важной составляющей являются международные договоры [9, с. 598].

Поскольку сфера ВТС является комплексной и многосложной, правоотношения в данной отрасли регулируются также другими федеральными законами и подзаконными нормативными актами, среди которых можно выделить:

Федеральные законы:

– Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»;

– Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»;

– Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах»; и другие.

Указы Президента Российской Федерации:

– Указ Президента Российской Федерации от 10 сентября 2005 г. № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами»;

– Указ Президента Российской Федерации от 18 января 2007 г. № 54 «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» и другие.

Правовое регулирование военно-технического сотрудничества также включает в себя Постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти: приказы Министра обороны Российской Федерации, приказы Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству, а также других министерств и ведомств.

Рассматриваемое направление реализуется несмотря на множественные проблемы в военно-техническом сотрудничестве. В частности, необходимость преодоления санкций со стороны западных стран. Важным направлением является необходимость расширения экспорта продукции военного назначения.

В декабре 2000 года был создан Комитет Российской Федерации по военно-техническому сотрудничеству, позднее преобразованный в Федеральную службу по военно-техническому сотрудничеству [3].

Руководство этим органом осуществляет Президент Российской Федерации. Но несмотря на принимаемые законодательные и организационные меры, проблемы рассматриваемого сотрудничества продолжают оставаться актуальными и сводятся к следующим составляющим:

- необходимость обеспечения соответствия действующего законодательства реальной ситуации, диктующей необходимость сотрудничества с другими странами согласно вышеуказанному закону о ВТС.

- необходимость правового и материального обеспечения реализации государственной политики, также средствами государственного контроля и регулирования [6, с. 2].

Перспективным направлением является совершенствование государственного протекционизма, являющегося принципом государственной политики. Протекционизм призван создавать оборонно-промышленному комплексу страны конкурентоспособность на мировом рынке военной продукции. Тем не менее, следует заметить, что отраслевые законодательные акты не содержат требуемых мер по государственной поддержке производителей военной продукции, направляемой в адрес других стран.

Следует полагать, что в целях совершенствования экспорта военной продукции в другие страны необходимо использовать различные практические меры такие, например, как запрет взыскания в счет погашения налоговой задолженности денежных средств производителей-экспортеров, исполнителей государственного оборонного заказа [7, с. 130]. Условия налогообложения военной продукции является важной проблемой. Таковая должна быть направлена на поддержание приоритета научно-технической деятельности на исследовательские и конструкторские разработки в сфере военной обороны. Следует разработать статьи расходов по уменьшению налога на прибыль военно-промышленных предприятий за счет включения в расходы для налогообложения отчислений в фонды министерств и ведомств, формируемые на соответствующие цели [7, с. 130].

Изменения законодательства в сфере военно-технического сотрудничества должны следовать ряду целевых направлений:

- поддержанию экспорта военной продукции;

- разработке мер по расширению видов продукции военного назначения;

- созданию дополнительных условий по продвижению на иностранные рынки российской военной продукции;

- обеспечению необходимых условий для развития науки и конструкторских решений в сфере военной продукции.

Следует заметить, что действующее таможенное законодательство не всегда приспособлено к реализации продукции военного назначения в рамках военно-технического сотрудничества с иностранными государствами. Здесь следовало бы предусмотреть отмену таможенных пошлин, например, при ввозе военной продукции для ее ремонта на территории Российской Федерации. Это позволит усовершенствовать государственную поддержку продукции военного назначения, реализуемую в рамках ВТС [5, с.76].

Основными экспортерами вооружений являются США, Россия и Франция. Однако в Российской Федерации в период 2020-2023 годы экспорт военной продукции снизился. Здесь следует иметь ввиду помимо внешних условий, связанных со специальной военной операцией на Украине и введенными санкциями, также недостаточную покупательную способность стран, в том числе и стран третьего мира, несмотря на их заинтересованность в приобретении вооружений, разработанных и созданных в Российской Федерации.

Сегодня возможности военно-технического сотрудничества тесно связаны с проблемами в сфере защиты информации. Рост уровня информационного потенциала диктует необходимость регулирования отношений в информационной сфере в аспекте рассматриваемого вопроса. Информационные отношения тесно связаны с обеспечением национальной безопасности и информационного суверенитета Российской Федерации [8, с. 91]. Юридическим основанием порядка в информационной сфере является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], а также ряд подзаконных актов.

Следует иметь ввиду, что информационно-правовое регулирование играет не последнюю роль в сфере военно-технического сотрудничества, поскольку в противном случае, отсутствие такового может привести к непоправимым последствиям, в том числе стратегического характера. Однако, единообразного применения указанного законодательного акта в настоящее время не существует. Военно-техническое сотрудничество, исходя из наибольшей важности, должно носить предельно закрытый характер и быть защищено от нежелательных воздействий со стороны внешних сил. Информационная безопасность предполагает состояние защищённости как личности, так и общества, и государства от внутренних и внешних информационных угроз, что отражено в Доктрине информационной безопасности [4]. В первую очередь необходимы последовательные действия преимущественно индивидуального характера по формированию информационного правосознания в рассматриваемой системе.

Таким образом, приведённые проблемы требуют в первую очередь совершенствования отечественного федерального и отраслевого законодательства в военно-технической сфере исходя из динамики геополитической ситуации в мире.

Проведение Российской Федерацией специальной военной операции на Украине оказало комплексное влияние на военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами. В данных условиях необходимо не только более внимательно анализировать боевой опыт для модернизации существующих систем вооружений, разрабатывать более перспективные виды продукции военного назначения, но и усовершенствовать законодательство в данной сфере. Сочетание данных принципов, даст возможность России активно развивать военно-техническое сотрудничество со всеми странами, заинтересованными в отечественном вооружении. Развитие высоких технологий и их применение в разработках новых образцов оружия, отвечающего современным реалиям боевых действий, даст возможность Российской Федерации упрочить свое положение на мировом рынке вооружений, оставаясь при этом честным деловым партнером, строго соблюдающим контрактные и международно-правовые обязательства.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» (с изменениями и дополнениями от 26 мая 2021 г. № 156-ФЗ). https://base.garant.ru/179054/
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями). – URL: https://base.garant.ru/12148555/
3. Указ Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1083 (ред. от 17.03.2025) «Вопросы Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48910/
4. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – URL: https://base.garant.ru/71556224/
5. Габов А.В., Лаптев В.А. Правовая природа и пределы применения неустойки в комиссионных правоотношениях в области военно-технического сотрудничества // Государство и право. – 2022. – № 9. – с. 75-83.
6. Галий Е.А., Иванова Е.В., Анисимов Е.Я., Головецкий Н.Я. Совершенствование государственного регулирования военно-технического сотрудничества РФ с третьими странами: опыт КНР // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 2.
7. Евтодьева, М.Г. Теоретические подходы к анализу политических и экономических факторов, влияющих на военно-техническое сотрудничество. – М.: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 2023. – С. 129-143.
8. Шмаков М.А. Актуальные проблемы регулирования информационно-правовых отношений в области военно-технического сотрудничества с иностранными государствами. // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 10 (267). – С. 89-93.
9. Ямалеева Д.Р. Подходы к правовому регулированию института военно-технического сотрудничества: зарубежный и отечественный опыт // Аллея науки. – 2024. – Т. 1. – № 1 (88). – С. 596-600.

References:

1. Federal Law No. 114-FZ of July 19, 1998 "On Military-Technical Cooperation of the Russian Federation with Foreign States" (with amendments and additions dated May 26, 2021, No. 156-FZ). https://base.garant.ru/179054/
2. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" (with amendments and additions). – URL: https://base.garant.ru/12148555/
3. Decree of the President of the Russian Federation dated August 16, 2004 No. 1083 (as amended on 03/17/2025) "Issues of the Federal Service for Military-Technical Cooperation". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48910/
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated December 5, 2016 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation". – URL: https://base.garant.ru/71556224/
5. Gabov A.V., Laptev V.A. The legal nature and limits of the application of penalties in commission legal relations in the field of military-technical cooperation // State and law. – 2022. – No. 9. – pp. 75-83.
6. Galiy E.A., Ivanova E.V., Anisimov E.Ya., Golovetsky N.Ya. Improving state regulation of military-technical cooperation between the Russian Federation and third countries: the experience of the PRC // Bulletin of Eurasian Science. 2024, vol. 16, No. 2.
7. Evtodyeva, M.G. Theoretical approaches to the analysis of Political and Economic Factors affecting military-technical Cooperation, Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 129-143.
8. Shmakov M.A. Actual problems of regulation of information and legal relations in the field of military-technical cooperation with foreign states. // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2019. – № 10 (267). – Pp. 89-93.
9. Yamaleeva D.R. Approaches to the legal regulation of the Institute of Military-technical cooperation: foreign and domestic experience // Alley of Science. – 2024. – T. 1. – № 1 (88). – Pp. 596-600.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_262

УДК: 347.91./95

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРОЕКТОВ СУДЕБНЫХ АКТОВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF USE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE PREPARATION OF DRAFT JUDICIAL ACTS IN CIVIL CASES

ГРЯЗЕВА Оксана Ивановна,
кандидат юридических наук, судья в отставке, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5
E-mail: oksanagryazeva3@yandex.ru;

GRYAZEVA Oksana Ivanovna,
Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law North-West Branch, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
197046, Russia, St. Petersburg, Alexandrovsky Park, 5
E-mail: oksanagryazeva3@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются правовые проблемы цифровизации правосудия в контексте возможности использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в гражданском судопроизводстве. Поскольку российские суды заявили об использовании ИИ, в том числе при подготовке проектов судебных актов, а в действующем процессуальном законодательстве пока не предусмотрена такая возможность, эта проблема требует научного осмысления. Очевидно, что сфера применения технологий искусственного интеллекта будет в ближайшее время распространена на судопроизводство. Однако это должно быть сделано в гражданском процессе законно и обоснованно, с сохранением контроля и ответственности человека за решения, принимаемые при осуществлении правосудия. По результатам исследования автором статьи даются рекомендации для использования судьями при осуществлении правосудия с использованием технологий искусственного интеллекта и предлагаются изменения действующего законодательства в целях его совершенствования. Полагаем, что на данном этапе использование технологий искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных актов по гражданским делам возможно лишь для подбора и анализа судебной практики вышестоящих судов, норм материального права для правильного разрешения спора. В условиях внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс подготовки проектов судебных актов перспективы трансформации отдельных принципов гражданского судопроизводства должны стать предметом серьезных научных исследований.*

Abstract: *The article examines the legal problems of the digitalization of justice in the context of the possibility of using artificial intelligence (AI) technologies in civil proceedings. Since Russian courts have announced the use of AI, including in the preparation of draft judicial acts, and the current procedural legislation does not yet provide for such a possibility, this problem requires scientific understanding. However, this must be done lawfully and reasonably in civil proceedings, while maintaining human control and responsibility for decisions taken in the administration of justice. Based on the results of the research, the author of the article makes recommendations for use by judges in the administration of justice using artificial intelligence technologies and suggests changes to current legislation in order to improve it. We believe that at this stage, the use of artificial intelligence technologies in the preparation of draft judicial acts in civil cases is possible only for the selection and analysis of judicial practice of higher courts and substantive law norms for the proper resolution of disputes. In the context of the introduction of artificial intelligence technologies into the process of drafting judicial acts, the prospects for the transformation of certain principles of civil proceedings should become the subject of serious scientific research.*

Ключевые слова: *судебные акты, гражданский процесс, правосудие, технологии искусственного интеллекта, судопроизводство.*
Keywords: *judicial acts, civil procedure, justice, artificial intelligence technologies, judicial proceedings.*

Для цитирования: *Грязева О.И. Теоретические и практические проблемы использования технологий искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных актов по гражданским делам // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 262-266. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_262.*
For citation*: Gryazeva O.I. Theoretical and practical problems of use artificial intelligence technologies in the preparation of draft judicial acts in civil cases // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 262-266. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_262.*

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025

Актуальность. Наука гражданского процессуального права органически связана с судебной практикой, поэтому проблемы судов в сфере гражданского судопроизводства порождают актуальность тем для научных исследований. «В последние годы активно обсуждается тема внедрения элементов искусственного интеллекта в работу судей», - сообщила Председатель Верховного Суда РФ И.Л. Подносова в ходе XX Совещания председателей верховных судов государств-членов Шанхайской организации сотрудничества[1].

Из выступления председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании Совета судей РФ 20 мая 2025 года следует, что «35 % судов и советов судей заявили об использовании технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве… Вологодский областной суд использует искусственный интеллект для подготовки проектов судебных приказов, анализа документов и краткого изложения их содержания (например, для краткого изложения причин отмены судебного акта), сравнения содержания двух документов (например, для сравнения протокола судебного заседания с приговором), составления проекта судебного решения…»[2]. Однако в действующем процессуальном законодательстве Российской Федерации пока не предусмотрена такая возможность. Судебные решения являются актами правосудия, а соответственно должны

[1] Верховный суд России изучает опыт применения искусственного интеллекта // Российская газета. 23.04.2025. № 92.
[2] Выступление председателя Совета судей РФ Момотова В.В. на пленарном заседании Совета судей РФ 20 мая 2025 года. URL: https://www.garant.ru/company/cooperation/sudi/1118415/1817136/ (дата обращения 01.06.2025).

отвечать, прежде всего, требованиям законности, что формирует уважительное отношение к судебной власти.

Теоретико-правовые основы использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, в том числе при подготовке проектов судебных актов рассматривают в своих работах В.В. Ярков, К.Л. Брановицкий, В.И. Решетняк, С.Ф. Афанасьев, Д.О. Дрозд, Е.С. Смагина, П.Д. Константинов, Ю.А. Луконина, А.Ф. Изварина, В.А. Лаптев, Н.И. Соловяненко.

Объектом исследования настоящей статьи является гражданское процессуальное законодательство и законодательство об использовании технологий искусственного интеллекта.

Новизна результатов исследования и область их применения. Проблема применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия и при подготовке проектов судебных актов по гражданским делам является дискуссионной и недостаточно изученной. Поскольку судейское сообщество заявило о применении технологий искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных актов, эта тема требует глубокого научного осмысления.

Целью и задачами исследования являются выработка теоретического и практического подходов к возможности использования технологий искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных актов по гражданским делам и поиск возможных вариантов восполнения пробелов в правовом регулировании этого вопроса в Гражданском процессуальном кодексе РФ.

Методологической основой при написании статьи являлись общенаучный диалектический метод познания, а также частно-научные сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

Следует отметить, что технологии искусственного интеллекта стремительно развиваются и существенно опережают процесс совершенствования законодательства.

Некоторые авторы ещё совсем недавно утверждали, что «несмотря на расширение сферы автоматизации различных процессов как в экономике, так и в сфере государственного управления и власти, принципы организации судебной власти и принципы ее осуществления не позволят отдать задачу принятия решений искусственному интеллекту»[1, с. 116].

Однако во вступительной статье к монографии «Электронное правосудие» В.В. Момотов пишет, что «в целях развития цифровизации судебной системы Российской Федерации, в том числе на основе технологий слабого искусственного интеллекта, разрабатывается суперсервис «Правосудие онлайн», представляющий собой основу цифрового правосудия, который предполагает также автоматизированное составление проектов судебных актов с использованием технологий искусственного интеллекта на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела»[2, с. 10-11].

Из выступления председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании Совета судей РФ 20 мая 2025 года следует, что «за последние полгода Судебным департаментом при Верховном Суде РФ проведена большая работа по обновлению программно-технических средств, активизирована работа совместно с Министерством цифрового развития в России по созданию суперсервиса «Правосудие-онлайн» и ведется его опытная эксплуатация»[1].

Д.О. Дрозд справедливо указывает, что «элементы ИИ стремительно внедряются в российский (прежде всего гражданский и арбитражный) судебный процесс пусть пока и в рамках пилотных проектов, однако правовое осмысление этих процессов, теоретическая оценка с юридических позиций эффекта от внедрения новых технологий ИИ в судопроизводство, находятся на начальной стадии»[3, с. 5-6].

В.И. Решетняк полагает, что «внедрение информационных технологий, стандартизация процессуальных документов, использование алгоритмов в процессе доказывания, включение всех или большинства судебных актов в единую аналитическую систему (банк судебных решений) создают условия для введения в России аналитико-прецедентной системы источников права»[4, с. 37].

«Важнейшей смыслоопределяющей чертой электронного правосудия в цивилистическом процессе является формирование принципиально новой модели взаимодействия государства (в лице органов судебной власти) и граждан (юридических лиц), изменяющей не только внешнюю форму (информатизация судебной деятельности), но и содержание деятельности суда в сфере гражданского судопроизводства», - пишет С.В. Василькова [5, с. 53].

Как справедливо отмечает Ю.А. Луконина, «любое реформирование процессуального законодательства, в том числе с помощью информационных или составляющих их цифровых технологий, должно осуществляться в точном соответствии с его базовыми началами – принципами цивилистического процесса»[6, с. 74].

Ученые-процессуалисты высказывают обоснованные сомнения в работах, посвященных использованию технологий искусственного интеллекта при подготовке судебных актов.

Внедрение «предиктивного» правосудия или «предсказанного правосудия», по мнению В.В. Яркова, «ставит вопрос о степени независимости суда от внешних воздействий, когда появляется возможность формирования проекта судебного акта искусственным интеллектом»[7, с. 5].

К.Л. Барановицкий и В.В. Ярков обращают внимание на нарушение принципа независимости судей в случае, «если в помощники судье дать слабый искусственный интеллект в виде предиктивного правосудия, предварительная убежденность судьи (так называемый субъективный, предполагаемый результат рассмотрения) будет помножена на статистическую истину (итог анализа нескольких тысяч схожих дел), которую ему предложит машина. В этом смысле нельзя исключить того, что субъективное/судейское и «объективное»/машинное убеждения могут с течением

[1] Выступление председателя Совета судей РФ Момотова В.В. на пленарном заседании Совета судей РФ 20 мая 2025 года. URL: https://www.garant.ru/company/cooperation/sudi/1118415/1817136/ (дата обращения 01.06.2025).

времени вообще поменяться местами или судья еще до формирования своей позиции по делу будет «подсматривать» вариант, предлагаемый алгоритмом. Это означает определенного рода воздействие на судью, которое является недопустимым и нарушает принцип независимости»[8, с. 22].

Разделяем высказанные опасения процессуалистов, однако поскольку судами официально заявлено об использовании технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве возникает необходимость разработки учения о возможности использования элементов искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных актов и внесения соответствующих изменений в законодательство.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее ГПК РФ) порядок гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции определяется Конституцией РФ[2], Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»[3], ГПК РФ и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами, порядок гражданского судопроизводства у мирового судьи – также Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации»[4].

Именно в эти законодательные акты потребуется внести изменения в случае использования технологий искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве.

В условиях внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс подготовки проектов судебных актов перспективы трансформации отдельных принципов гражданского судопроизводства, прежде всего, принципа независимости судей и подчинение их только закону, принципа осуществления правосудия только судом должны стать предметом серьезных научных исследований.

Будет ли решение суда, при подготовке проекта которого используются элементы технологий искусственного интеллекта, отвечать требованиям законности и обоснованности, установленным ст. 195 ГПК РФ?

На каких данных будет обучаться искусственный интеллект, который будет использоваться для подготовки проектов судебных решений?

Как будет происходить оценка собранных по делу и исследованных в ходе судебного заседания доказательств? И кто будет отвечать за ошибки, возможные при использовании технологий искусственного интеллекта судом?

Одно дело, когда искусственный интеллект будет использоваться по делам, рассматриваемым в порядке приказного и упрощенного производств, и совсем другое, когда дело будет рассматриваться в порядке искового производства, по которому ответчик не признает исковые требования и представляет суду свои доказательства, а от судьи требуется правильно установить фактические обстоятельства этого дела, оценить представленные доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании.

Вот эти вопросы возникают при исследовании темы использования технологий искусственного интеллекта при подготовке судебных актов, поскольку одной из основных задач гражданского судопроизводства является формирование уважительного отношения к закону и к суду, что достигается, в том числе в результате принятия законных и обоснованных судебных актов.

Проанализируем нормативную базу по исследуемой проблеме.

Европейской комиссией по эффективности правосудия 03.12.2018 была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях[5], в которой сформулированы принципы применения ИИ в целях повышения эффективности и качества правосудия.

Нормативные понятия искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта предусмотрены в подпунктах «а» и «б» пункта 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2023 года, утв. указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490[6], а свое законодательное закрепление получили в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ[7].

Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Технологии искусственного интеллекта - это совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 26.10.2021 года[1], разработанный при участии Правительства РФ, установил общие

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025). // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Официальный текст опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
[3] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.
[4] Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 21.12.1998. № 51. Ст. 6270.
[5] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=68596# ZJiAxmUiqHT5F6QF2 (дата обращения 01.06.2025).
[6] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.
[7] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 20.04.2020. № 17. Ст. 2701.

этические принципы и правила поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений с применением искусственного интеллекта. Кодекс распространяется на отношения, связанные с этическими аспектами создания, внедрения и использования технологий искусственного интеллекта на всех этапах жизненного цикла, которые в настоящее время не урегулированы законодательством Российской Федерации.

Полагаем, что пока соответствующие изменения не внесены в законодательство, в случае применения технологий искусственного интеллекта судам необходимо руководствоваться указанным Кодексом этики в сфере искусственного интеллекта.

Проанализируем положения этого Кодекса применительно к гражданскому процессу.

Главными приоритетами развития технологий искусственного интеллекта в защите интересов и прав людей и отдельного человека в указанном Кодексе названы: 1) человеко-ориентированный и гуманистический подход; 2) уважение автономии и свободы воли человека; 3) соответствие закону; 4) недискриминация; 5) оценка рисков и гуманитарного воздействия.

Полагаем, что указанные приоритеты должны соблюдаться при применении технологий искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве.

Человеко-ориентированный и гуманистический подход является основным этическим принципом и закрепляет, что при развитии технологий искусственного интеллекта человек, его права и свободы должны рассматриваться как наивысшая ценность. Сохранение и развитие когнитивных способностей человека при отправлении правосудия должны быть основной ценностью при применении технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Уважение автономии и свободы воли человека предполагает сохранение независимости и свободы воли судьи при принятии им решения, право выбора при использовании технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Соответствие закону означает, что возможность применения технологий искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных актов должна быть законодательно закреплена.

Оценка рисков и гуманитарного воздействия предполагает, что до применения технологий искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных актов в гражданском судопроизводстве специалистами должна быть проведена оценка рисков применения таких технологий.

Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта обращает внимание на необходимость осознавать ответственность при создании и использовании искусственного интеллекта.

Закрепление возможности использования технологий искусственного интеллекта в гражданском процессе на законодательном уровне должно сопровождаться научно-выверенным прогнозированием последствий и рисков, изучением возможных изменений принципов гражданского судопроизводства.

Ответственного отношения требуют вопросы влияния технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве на судей, работников аппарата суда, общество, граждан, включая неприкосновенность частной жизни, этичное, безопасное и ответственное использование персональных данных.

Предосторожность предполагает, что должны быть приняты меры для предотвращения морально неприемлемых для человека и общества последствий в результате применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Идентификация искусственного интеллекта при общении с человеком предполагает, что рекомендуется осуществлять добросовестное информирование судей, помощников судей, а также лиц, участвующих в деле, об их взаимодействии с искусственным интеллектом и обеспечить возможность прекратить такое взаимодействие по их желанию.

Информационная безопасность предполагает, что должны внедряться адекватные технологии информационной безопасности с применением внутренних механизмов защиты системы искусственного интеллекта от несанкционированных вмешательств и информирования пользователей и разработчиков о таких вмешательствах; судьи и работники аппарата судов должны быть проинформированы о правилах информационной безопасности при использовании системы искусственного интеллекта.

Контроль рекурсивного самосовершенствования сильного искусственного интеллекта требует, чтобы вопрос применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве находился под контролем государства.

Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта устанавливает, что ответственность за последствия применения искусственного интеллекта всегда несет человек.

Учитывая особую ответственность, следует обеспечить комплексный надзор человека за системой искусственного интеллекта в судопроизводстве и возможность его отмены человеком на любой стадии судопроизводства.

Ответственность человека предполагает недопустимость передачи полномочий ответственного нравственного выбора технологиям искусственного интеллекта (например, при оценке доказательств; при оценке степени нравственных и физических страданий истца по делам о возмещении морального вреда).

В Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта отмечено, что важна максимальная прозрачность и правдивость в информировании об уровнях развития технологий искусственного интеллекта, их возможностях и рисках. С целью повышения осведомленности об этике применения ИИ рекомендуется проводить мероприятия, направленные на повышение уровня доверия и осведомленности судей, граждан и общества в целом о разрабатываемых технологиях, особенностях этичного применения систем искусственного интеллекта в судопроизводстве всеми

[1] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 26.10.2021 года. URL: https://base.garant.ru/406862712/ (дата обращения 01.06.2025).

доступными способами, в том числе путем публикаций в средствах массовой информации, научных статей, организации научных и общественных конференций, семинаров, круглых столов.

Важно отметить, что Председатель Верховного Суда РФ И.Л. Подносова полагает, что «автоматизированное правосудие способно существенно облегчить работу судей и работников аппаратов судов, но применение его возможно только по бесспорным вопросам, когда работа судьи не связана с анализом правоотношений сторон и носит технический характер»[1].

В результате применения технологий искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных актов должны быть соблюдены принципы осуществления правосудия, а также гарантии защиты прав граждан и юридических лиц, предусмотренные Конституцией РФ.

Резюмируя, сформулируем следующие **выводы**:

1) развитие нашего общества, государства и права не стоит на месте и должно соответствовать современным реалиям. Поэтому сфера применения технологий искусственного интеллекта будет в ближайшее время распространена и на судопроизводство. Однако это должно быть сделано в гражданском процессе законно и обоснованно, с сохранением контроля и ответственности человека за решения, принимаемые при осуществлении правосудия;

2) использование технологий искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных актов по гражданским делам возможно только при внесении соответствующих изменений в законодательство о гражданском судопроизводстве;

3) в случае разработки и внесения изменений в гражданское процессуальное законодательство об использовании ИИ судья с учетом всех обстоятельств дела, установленных в ходе судебного разбирательства, и оценки всех представленных доказательств по своему внутреннему убеждению должен иметь право не согласиться с проектом, подготовленным «искусственным помощником», и самостоятельного принятия окончательного решения по делу;

4) ответственность за принимаемый судебный акт, проект которого будет подготовлен с помощью технологий искусственного интеллекта, должен нести в любом случае судья.

Проблемы использования элементов технологий искусственного интеллекта требуют дальнейшего научного осмысления и предложений способов их решения.

Список литературы:

1. Кукарцева А. Н. Влияние цифровизации на осуществление судебной власти в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2023. Т. 7. № 1. С. 112-118.
2. Электронное правосудие: моногр. / под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М.: РГУП, 2021. 344 с.
3. Дрозд Д. О. Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве: резюме дисс. … канд. юрид. наук. М., 2024. 29 с.
4. Решетняк В. И. К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Юрист. 2011. № 9. С. 33-37.
5. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дисс. … канд. юрид. наук. СПб., 2018. 251 с.
6. Луконина Ю. А. Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты. Саратов, 2023. 239 с.
7. Ярков В. В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 3-6.
8. Брановицкий К. Л., Ярков В. В. Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 19-26.

References:

1. Kukartseva A. N. The impact of digitalization on the exercise of judicial power in the Russian Federation // Bulletin of Kemerovo State University. 2023. Vol. 7. No. 1. pp. 112-118.
2. Electronic justice: monograph / edited by E. V. Burdina, S. V. Zuev. Moscow: RGUP, 2021. 344 p.
3. Drozd D. O. Procedural forms of using artificial intelligence elements in modern arbitration and civil proceedings: summary of the dissertation. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2024. 29 p.
4. Reshetnyak V. I. On the issue of electronic justice in arbitration and civil proceedings // Lawyer. 2011. No. 9. pp. 33-37.
5. Vasilkova S.V. Electronic justice in the civil process: diss. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2018. 251 p.
6. Lukonina Yu.A. Digital civil procedural form: theoretical and applied aspects. Saratov, 2023. 239 p.
7. Yarkov V. V. Principles of civil procedural law in the context of deritualization and dematerialization of justice // Arbitration and Civil Procedure, 2020, No. 11, pp. 3-6.
8. Branovitsky K. L., Yarkov V. V. Possible directions of transformation of the civil process in the context of digitalization and pandemic: predictive justice // Russian law: education, practice, science. 2021. No. 4. pp. 19-26.

[1] Верховный суд России изучает опыт применения искусственного интеллекта // Российская газета. – 23.04.2025. – № 92.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_267

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ENERGY DEVELOPMENT IN RUSSIA: TOPICAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

БАТТАХОВ Петр Петрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;
BATTAKHOV Petr Petrovich,
candidate of of jurisprudence, senior researcher of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается правовое регулирование энергетики России. Исследованы основные источники энергии, как возобновляемые, так и невозобновляемые. Рассмотрена мировая практика по возобновляемой энергетике. Изучены теории развития энергетики известных правоведов России. Выделены основные пробелы права в энергетике, а также проведен правовой анализ действующих правовых актов по источникам энергии. Предложено внести изменения в законодательство энергетики и, в лучшем случае, принять отраслевой кодификационный акт – Энергетический кодекс России.*

Abstract. *The article discusses the legal regulation of Russia's energy sector. The main sources of energy, both renewable and non-renewable, have been investigated. World practice on renewable energy is considered. The theories of energy development of well-known legal scholars of Russia have been studied. The main gaps in energy law were highlighted, and a legal analysis of existing legal acts on energy sources was carried out. The author was invited to amend the energy legislation and, at best, adopt a sectoral codification act - the Energy Code of Russia.*

Ключевые слова: *энергетика, источник, экономика, водород, нефть, газ, теория, законодательство, правовой акт.*
Keywords: *energy, source, economy, hydrogen, oil, gas, theory, legislation, legal act.*

Для цитирования: *Баттахов П.П. Развитие энергетики в России: актуальные проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 267-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_267.*
For citation*: Battakhov P.P. Energy development in Russia: topical problems of legal regulation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 267-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_267.*

Статья поступила в редакцию: 23.07.2025

В 21 веке мировая экономика меняется, и приходят новые направления, связанные с IT-технологиями. Соответственно, энергетическая парадигма становится новой, что обусловило изменения в возобновляемых источниках энергии для решения проблем в энергетическом секторе мирового и внутреннего характера. Решая коллапс мирового энергетического кризиса, Россия должна начинаться с себя как передовой энергетической державы и обязана гарантировать безопасность в энергетическом секторе и придерживаться достижения будущего мирового низкоуглеродного баланса[1].

Академик РАН А.Г. Лисицын-Светланов высказал свое мнение следующим образом: «Россия – крупная страна по территории и имеющая преимущественное географическое положение по сравнению с другими странами мира. Она дает большую фору и несет благие плоды для развития мировой энергетики. Страна обязана в любых трудных ситуациях на рынке энергетики указывать, как маяк, правильный путь развития, включая “цифровые”»[2].

Человечество нуждается в энергетике, потому что каждый годом прирост населения Земли увеличивается быстрыми темпами, соответственно, ускоренными темпами повышается расход потребления энергии. Многие исследователи ставят разные прогнозы, а также экономико-аналитические центры предполагают, что через пять лет потребление энергоресурсов увеличится в два раза по сравнению с настоящим временем[3]. Такие прогнозы дают удорожание энергетической продукции на всей планете Земля и в Российской Федерации. И нам необходимо менять стратегию развития энергетической политики внутри страны, например, наращивать производство и добычу либо воздержаться и переждать лучшие дни.

Во многих исследованиях пишут о том, что многие экономически стабильные государства переводят часть своих производств, в целях экономии, на возобновляемые источники энергии. Аналитики международного энергетического агентства предполагают, что через десять лет доля возобновляемых источников энергии в мировой экономике будет занимать примерно ¼ от сегмента мировой энергетики. Тем временем Россия, как энергетическое государство, обязана внедрять возобновляемую энергетику внутри рынка, чтобы не отставать от передовых новых технологий в энергетике других стран. В последние пять лет мировые инвесторы стали вкладывать в выработку возобновляемых источников энергии в три раза больше капитала, чем в строительство углеводородных станций. Такая тенденция развития экономики приведет для добывающих стран мира к изменению вектора развития энергетической хартии в мире.

В мире трактуют о том, что через десять лет произойдет переход от невозобновляемой энергетики к зеленой энергетике, чтобы сохранить добывающие места полезных ископаемых и зеленую фауну. На сегодняшний день с экономической стороны и ввиду технологического развития невозможно полностью перейти даже на альтернативную энергетику. Для России и других энергетических государств мира такой подход к развитию возобновляемой энергетики не уместен. Заменить углеводороды и нефть невозможно в течение 100 лет. Поэтому Россия но-

вым способом освоения технологий обязана обеспечить сохранность мест добычи полезных ископаемых, например, в Арктической зоне России. Требования для хозяйствующих компаний должны быть в три раза строже по сохранению экологии, а получение и выдача лицензии — строже по нескольким инстанциям.

В мировом рынке в данное время стоимость товара диктуют страны-потребители энергетики. Еще одной причиной является уровень предложения разных добывающих стран на рынке энергетики. По статистике, он выше, чем в предыдущие годы, и производственные державы стали диктовать в мировом рынке стоимость продажи энергетики. Основной причиной является уход от производства товаров внутри страны. Этот фактор имеет большое значение для развития экономики стран мира. Многие страны стали закрывать заводы и фабрики и искать дешевую рабочую силу в развивающихся странах мира. В связи с этой тенденцией уменьшилась покупка энергетических ресурсов. А такие страны, как Китайская Народная Республика, стали потреблять и наращивать покупки энергетических ресурсов у стран-экспортеров нефти и газа. Политика Китая работает на полную мощность. Мир перевернулся к новым технологиям и совершенству производства с минимальными расходами. Акцент в будущем мировые производственные компании делают на солнечную энергетику, которая дает бесконечный потенциал для развития возобновляемой энергетики в мире. В том числе китайские крупные энергетические компании активно вкладывают средства и становятся в мире лидерами по инвестициям в возобновляемые источники энергетики.

В настоящее время имеется множество аргументов понятие источников энергии, на которых следует обосновать правильное понимание возобновляемых источников энергии в России. Поэтому необходимо разобраться по признаку классификации и разделить на возобновляемую и невозобновляемую энергетику. Во-первых, к возобновляемым источникам энергетики относятся: солнечная энергия, энергия ветра, гидроэнергия, геотермальная энергия, биоэнергия и т.д. Необходимо отметить, что если сравнивать с другими энергетическими ресурсами на Земле, то "зеленая" энергия имеет ряд преимуществ, например, для сохранения окружающей среды, здравоохранения, национальной безопасности и значительной экономии для экономики страны.

В производстве "зеленая" энергетика как источник энергии имеет больше преимуществ. Самым главным из них является то, что она не исчерпаема и при использовании не выделяет вредных выбросов в атмосферу.

Следует выделить следующие возобновляемые источники энергии следующим образом:

- Ветер занимает второе место среди возобновляемых источников электроэнергии. Во многих странах мира с помощью морских и береговых ветряных электростанций производят электричество в 21 веке.

- Солнце является самым доступным и эффективным энергетическим ресурсом в мире и занимает первое место среди возобновляемых источников энергии. Количество солнечного света, получаемое разными странами, варьируется в зависимости от местоположения производственных компаний. Благодаря инженерным решениям, например, использованию солнечных панелей, генерация энергии происходит моментально.

- Биоэнергетика как возобновляемый источник энергии использует древесину, растения, отходы сельского хозяйства и т.д., сжигая их в печах для получения энергетических ресурсов.

- Гидроэнергетика – функционирует во многих государствах как источник энергии и создается на основе проточной воды.

В мире невозможно остановить развитие возобновляемых источников энергии. В последние 7 лет прорывными темпами развивается технология по развитию зеленой энергетики, и многие передовые страны хотят стать энергетически независимыми. Эксперты, международные, предполагают, что развивающиеся страны к 2040 году будут наращивать потребление энергетических ресурсов в три раза больше, и, соответственно, зеленая энергетика обязательно займет свое место на рынке энергетики. Поэтому Россия, как передовая страна в энергетике, обязана занимать свою преимущественную нишу возобновляемых источников энергетики.

Во – вторых, к невозобновляемым источникам энергии относятся: природный газ, нефть, ядерное топливо и уголь.

Каждым годом показатели объема добычи невозобновляемой энергетики различаются. Это зависит чаще всего от спроса и соглашений между производителями. Балансировка мирового рынка происходит между странами через соглашения ОПЕК+, и таким образом в 2023 году составила 531 млн тонн. Если сравнивать с предыдущими годами, объем добычи снизился до 637 млрд куб. метров, примерно на пять процентов. К сожалению, из-за европейских политиков экспорт газа резко сократился на 18 процентов и примерно составляет 146 млрд куб. метров.

Уголь имеет большое значение для российской экономики, и добыча угля примерно составила 438 млн тонн, примерно по процентному соотношению снизилась на 1,5 процента в годовом исчислении. Опять-таки европейский рынок экспорта угля подводит: показатель по процентному соотношению уменьшился на 3,8 процента, а по цифровым показателям сократился до 213 млн тонн.

Базовые нормативно-правовые акты следует исследовать чтобы регулировать отношения энергетики в должном порядке. Таким образом, в России правовые акты, которые действующие следует рассматривать:

1. Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 N 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» — базовый документ, как путеводитель по стратегии развития энергетического комплекса страны на долгие годы. Законодатель разделил этапы стратегии на три этапа. Первый этап — до 2030 года — подразумевает, что страна обязана усовершенствовать свой потенциал и адаптироваться к разным внутренним и внешним вызовам. В дальнейшем следует достигать прорыва, используя национальные идеи. Второй этап будет реализован до 2036 года; по новым технологиям следует реализовать в отраслях топливно-энергетического комплекса, чтобы обеспечивать внутренний рынок и улучшить работу на экспорт. Третий этап — до 2050 года — следует разви-

вать экономику по новым технологическим требованиям и стать ведущим поставщиком на мировом рынке энергетики[1].

2. Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 "Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации" характеризуется в настоящем правовом акте таким образом: энергетика имеет большую роль в развитии социально-экономических отношений и в целом национальной безопасности топливно-энергетического комплекса Российской Федерации. Топливно-энергетический комплекс Российской Федерации включает в себя нефтяную, газовую, угольную и торфяную отрасли, электроэнергетику и теплоснабжение, играет ключевую роль в формировании доходов бюджетной системы Российской Федерации[2].

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» последовательно проводимый Российской Федерацией курс на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала обеспечил укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления.[3]"

4. Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 N 2162-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации[4]». Водород как вид альтернативного топлива в мире имеет свое будущее для энергетики и преимущество: при использовании он не загрязняет атмосферу. В мире каждый год спрос на водород увеличивается, несмотря на развитие других видов альтернативной энергетики. В данное время общемировой спрос на водород предполагается в объеме 116 млн тонн. Но следует понимать: при использовании в чистом виде водород оценивается примерно в 74 млн тонн в год. Несмотря на вышеуказанное, чтобы экономить и сочетать с другими смесями в качестве топлива и иных целей, водород используют 42 млн.

5. Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»[5] – данный правовой акт имеет значимое значение для развития в новых условиях российской энергетической системы на модернизированный технологический уровень. Только через научные исследования и обоснования ученых мы можем добиться технологического суверенитета. Нам нужно поддержать комплексную науку как единый организм, в данном случае развивать школу инженеров и отечественную науку на современный уровень. Потенциал огромный по накоплению человечеством научных знаний для безопасности государства и системного образования молодых исследователей.

6. Распоряжение Правительства РФ от 11.07.2024 N 1838-р «Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года» [6] следует подчеркнуть понятие минерально-сырьевая база – это основа российской экономики для обеспечения и безопасности страны от воздействия иных государств.

7. Распоряжение Правительства РФ от 11.07.2024 N 1838-р «Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года»[7] – следует подчеркнуть понятие «минерально-сырьевая база» как основу российской экономики для обеспечения безопасности страны от воздействия иных государств.

Несомненно, для развития законодательной базы нам следует перенять опыт передовых государств мира по энергетике, но следует изучать комплекс нормативно-правовых актов дружественных стран. Россия обязана стать флагманом в правовом поле и доминировать как сырьевое государство международно-частных отношениях. Принятые законодательная база должна быть ориентиром на международных правовых отношениях.

Пробелы имеются в каждом законодательстве и со временем, когда правила поведения усовершенствуются или утрачиваются силу, в данное время по действующей в сфере возобновляемых источников энергии следует упорядочивать нормативно-правовых актов в силу разрозненности и распространении фрагментации по противодействующих актов разного уровня. Законодателю следует толковать общее понятие возобновляемой энергетики, и данная проблема отражает при принятии общего законодательства в сфере зеленой энергетики.

Проблемные вопросы по законодательству затрагиваются по-разному, например, в настоящее время следует отметить высказывания член-корреспондента РАН Клеандрова М.И. следующим образом:

1. В России нет единого основного акта, регулирующего отношения в энергетическом секторе национальной экономики;

2. Существующие акты не упорядочены в законодательстве;

3. На недостаточном уровне регулируются отношения в энергетике. Если даже они регулируются в должном порядке, то для улучшения имеется резерв.

В целом властям следует систематизировать энергетическое законодательство, чтобы работали нормы права для реализации хо-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 N 2162-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ", 16.08.2021, N 33, ст. 6124.
[2] Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 "Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ", 20.05.2019, N 20, ст. 2421.
[3] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"// Собрание законодательства РФ", 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351.
[4] Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 N 2162-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ", 16.08.2021, N 33, ст. 6124.
[5] Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 04.03.2024, N 10, ст. 1373.
[6] Распоряжение Правительства РФ от 11.07.2024 N 1838-р «Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года» // Собрание законодательства РФ, 04.08.2024, N 7, ст. 1456.
[7] Распоряжение Правительства РФ от 11.07.2024 N 1838-р «Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 29.07.2024.

зяйственных отношений и упорядочивать нормативно-правовые акты тремя способами: 1. Кодификация, 2. Инкорпорация, 3. Консолидация[4].

Необходимо понимать, что кодификация является основной целью энергетического законодательства, но на сегодняшний день имеются разные суждения научного характера, например, по мнению ученых Г.Ю. Полякова и А.Д. Чижовой Налоговый кодекс, Градостроительный и Земельный кодекс являются источниками энергетического права[5].

Еще важной проблемой является нормативно-правовые акты, которые регулирующие энергетические отношения слишком объемные по содержанию и законодатель часто изменяет в некоторых особенных положениях. Следует привести пример, приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от № 634 «О внесении изменений в методические указания по разработке проектов нормативов образования отходов и лимитов на их размещение, утвержденные приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 7 декабря 2020 г. № 1021»[6].

Россия как передовая страна по энергетике может брать опыт стран независимых государств (далее-СНГ), например, братской Республики Беларусь действует закон «О возобновляемых источниках энергии» в котором охарактеризуются понятие, основные принципы возобновляемых источников энергетики, а также разных государственных льготах[1]. Также следует выделить специальные законы Республик Армении и Таджикистана которые регулируют отношения возобновляемых источников энергии.

Россия как энергетическая государства и имеющий большую территории обязана использовать потенциал альтернативной энергетики на высоком уровне. Соответственно никогда не будет помехой развития возобновляемой энергетики и в случаи прорыва использования, страна будет получать тридцать процентов необходимой энергии с помощью зеленой энергии. Сопутствия этого государства не обязана субсидировать невозобновляемую энергетику. Корпорации самостоятельно должны строит крупные гидроэлектростанции и новые атомные станции на территории страны. Следует отметить по экономическому составляющему из федерального бюджета каждый год получает примерно до сто млрд рублей атомная энергетика без безвозмездной основы для строительство новых атомной электростанции.

В новом мире все меняется быстрыми темпами. Разные разногласия между передовыми державами очередной раз подтверждают, что без невозобновляемых источников энергетики в мире нет стабильной экономики, и никакая энергетика в ближайшее время не заменит углеводороды и другие источники энергетики на планете Земля. Поэтому все отрасли хозяйственной деятельности должны совместно решить с странами, добывающими невозобновляемые источники энергетики, комплексно все трудности по энергетике внутри государства и на внешнем рынке. Правовое сопровождение должно быть выгодным всем сторонам соглашения. Следовательно, как суверенное государство, Россия обязана разрабатывать правовые акты на основе Конституции России.

Таким образом, системно проанализирован комплекс нормативной базы в сфере энергетической отрасли. Сравнивались возобновляемые и невозобновляемые сектора энергетики по правовому регулированию отношений. Рассмотрены идеи аксакалов-ученых о развитии международного и российского энергетического вектора в будущем. Предложено принять кодификационный акт «Энергетический кодекс России» для развития энергетического направления в мире.

Список литературы:

1. Лизикова М. С. Атомная энергетика: накопленные правовые проблемы и современные решения // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 74-94.
2. Лисицин-Светланов А.Г. Параметры правовой политики в сфере энергетики // Правовой энергетический форум. 2020. № 2. С. 14.
3. British petroleum: Прогноз развития мировой энергетики до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: https://institutiones.com/.
4. Клеандров М. И. О кодификации энергетического законодательства: размышления, общие подходы // Правовой энергетический форум. – 2025. – № 1. – С. 7-15.
5. Чижова А.Д., Поляков Г.Ю. Энергетическое право в аспекте соотношения частного и публичного права // Хозяйство и право. 2023. № 7.
6. Лахно П.Г. Энергетический кодекс Российской Федерации — основополагающий юридический документ, регулирующий отношения в ТЭК // Бизнес. Менеджмент. Право. 2006. № 3. С. 27.

References:

1. Lizikova M. S. Nuclear power engineering: accumulated legal problems and modern solutions // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2024. – Vol. 19, No. 2. – pp. 74-94.
2. Lisitsin-Svetlanov A.G. Parameters of legal policy in the energy sector // Legal Energy Forum. 2020. No. 2. p. 14.
3. British petroleum: Forecast of global energy development until 2030 [Electronic resource]. URL: https://institutiones.com/.
4. Kleandrov M. I. On the codification of energy legislation: reflections, general approaches // Legal Energy Forum, 2025, No. 1, pp. 7-15.
5. Chizhova A.D., Polyakov G.Y. Energy law in the aspect of the relationship between private and public law // Economy and law. 2023. № 7.
6. Lakhno P.G. The Energy Code of the Russian Federation is the fundamental legal document regulating relations in the fuel and energy sector. Management. Right. 2006. No. 3. p. 27.

[1] Закон Республики Беларусь № 204-З от 27.12.2010 «О возобновляемых источниках энергии» [Электронный ресурс]. URL: https://belzakon.net/;

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_271

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЯКУТСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
HISTORY OF FORMATION AND PECULIARITIES OF LEGAL PROCEEDINGS IN THE YAKUT SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

БАТТАХОВ Петр Петрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;
BATTAKHOV Petr Petrovich,
candidate of of jurisprudence, senior researcher of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация: *В работе изучены основные этапы становления и развития судопроизводства в Якутской АССР. Выявлены ключевые особенности и факторы, определяющие его развитие для дальнейшего совершенствования в стране советов. В рамках исследования рассматриваются исторический контекст, основные реформы, особенности местной судебной системы, а также роль судебных органов в социально-экономическом развитии субъекта. Работа основана на анализе нормативно-правовых актов, научных исследований и статистических данных, что позволяет представить всесторонний обзор развития судопроизводства в Якутской АССР.*

Abstract. *The work studied the main stages of the formation and development of legal proceedings in the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Key features and factors determining its development for further improvement in the country of councils have been identified. The study examines the historical context, the main reforms, the features of the local judicial system, as well as the role of the judiciary in the socio-economic development of the subject. The work is based on the analysis of regulatory acts, scientific research and statistical data, which makes it possible to provide a comprehensive overview of the development of legal proceedings in the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic.*

Ключевые слова: *судебная система, совет, власть, республика, образования, судопроизводства, право.*
Keywords: *judicial system, council, power, republic, education, legal proceedings, law.*

Для цитирования: *Баттахов П.П. История становления и особенности судопроизводства в Якутской Советской Социалистической Республике // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 271-274. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_271.*
For citation*: Battakhov P.P. History of formation and peculiarities of legal proceedings in the Yakut Soviet Socialist Republic // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 271-274. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_271.*

Статья поступила в редакцию: 30.07.2025

В начале XX века Якутия была и есть двигателем развития нерушимого Советского союза, и в настоящее время является фундаментом развития правовой России. Правовая грамотность связана всегда с государственными органами власти, поэтому следует исследовать историю развития судопроизводства советского времени для развития нового вектора судопроизводства на местах. История показывает, что становление судопроизводства началось в Якутии буквально с образованием Якутской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – ЯАССР, Якутская АССР). Новое образование в Якутии представляло собой важный аспект истории и развития судебной системы региона, подтверждающий взаимодействие местных органов власти с общими тенденциями судебной практики Советского союза. Необходимо подчеркнуть, что изучение эволюции судебной системы ЯАССР делает акцент на понимании особенностей правового регулирования в отдалённом регионе и самого крупного административно-территориального деления в Советском союзе. В том числе следует выявить влияние социальных, экономических и политических факторов на формирование и функционирование судов.

История образования Якутской Автономной Советской Социалистической Республики во многих источниках написана по-разному. ЯАССР создана 27 апреля 1922 года как федеративная часть Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Столицей «красной» Якутии стал г. Якутск[1]. Получив статус автономной республики, Якутия обеспечивала определённую степень самоопределения, политического и социального развития, в том числе формирование самостоятельной судебной системы. Красная Якутия, обладая богатейшими природными ресурсами и многообразием разных народностей, занимала особенное место в экономическом и социальном развитии Советского Союза. Важным моментом становления Якутской АССР было её интеграция в общесоюзную систему управления, что оказывало значительное влияние на формирование местной судебной системы, адаптированной к общесоюзным нормативам и стандартам.

На III съезде Советов Якутской Автономной Советской Социалистической Республики утвержден Основной закон в 1925 году. На основании нормативного правового акта высшей юридической силы Якутия входила в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, и учрежден высший орган государственной власти в Якутской АССР – Всеякутский съезд Советов. Помимо вышеназванного органа власти был создан как самостоятельный высший контролирующий, исполнительный и законодательный орган – Якутский Центральный Исполнительный Комитет (ЯЦИК), который непосредственно функционировал судебной системой на территории ЯАССР. С этих лет Якутия получила автономию как один из первых субъектов РСФСР[2].

В ЯАССР судебная система строилась в принципе на единстве на всей территории Советского союза и формировалась для обеспечения правопорядка и законности в субъекте страны, отличавшемся своей отдаленностью по сравнению с центральными регионами СССР. В ЯАССР необходимо было создавать региональную судебную систему для становления и развития эффективного института правосудия

в Советском союзе, способную охранять и защищать права местных граждан страны на разных территориях Советского государства, а также центральные органы власти Советов должны были реализовать единство применения теоретической части и судебной практики по всей территории Советского союза. Несомненно, в те времена основную роль в развитии судопроизводства сыграли различные факторы, например, ускоренная модернизация экономики страны. Социалистическая индустриализация требовала наличия нормативных и индивидуальных правовых механизмов для регулирования экономических отношений и разрешения общественных споров [3].

История подтверждает, что образование Советской власти и, соответственно, создание новых органов власти в целом приносило пользу развитию всех региональных судебных систем на территории СССР, в том числе и Якутской АССР. На всей территории действовали общесоюзные нормы для регулирования общественных отношений, учитывающие местную специфику. Образование федерализма сыграло большую роль в изменении структуры и функций региональных судов Советского союза. В СССР на всей территории стали внедрять новые стандарты судебных практик на основе принятых законодательных актов, и, соответственно, процедуры рассмотрения дел изменились для организации судебной власти с учетом условий Советской Якутии, что гарантировало единство правовой системы страны. Также для кадровой политики страны органы судебной власти направили в ЯАССР высококвалифицированных кадров. В дальнейшем подготовка судей и юристов была необходима в Якутской АССР, для этого в центральные вузы направляли молодых соискателей образования, способных эффективно работать во благо советской судебной системы.

В первые пять лет в Якутской АССР формировалась основа судебной системы Советского государства на основе основных принципов права советов. Иерархия судопроизводства и структура судов стали создаваться по образу судов Советского союза. Например, впервые в стране появились местные суды: окружные и районные, которые рассматривали уголовные и гражданские дела[4]. В стране, с образованием новой судебной системы, было и свои плюсы, и свои минусы. На практике суды стали подчиняться партийной системе Советской власти, и при принятии решений нижестоящие суды ссылались на решения вышестоящих судов. Также был обеспечен контроль со стороны различных контролирующих органов. Соответственно принимались новые нормативно-правовые акты на основе Конституции Советского государства, подготавливались кадры для судебной системы и строилась инфраструктура для реализации судебной реформы.

В Якутии судебная система преобразовалась в годы Великой Отечественной войны и после 1945 года. Изменения произошли значительные. Во время войны усилились роли судебной системы, чтобы стабилизировать жизненную ситуацию и общественный хаос на местах, в конечном итоге расширились полномочия судов и увеличилась нагрузка для судебных органов. С 1945 года были проведены масштабные реформы в судебной системе на всей территории страны. Например, произошли оптимизации структуры судов, чтобы повысить эффективность деятельности и быстрыми темпами адаптироваться к преобразованной индустриальной стране. Особенные изменения произошли функции судов, которые включали более активное участие в регулировании трудовых и хозяйственных отношений, а также в разрешении разных конфликтов, связанных с индустриализацией и восстановлением экономики.

В начале 1960 года примерно десять лет преобразовалась судебная система в Советском союзе и соответственно в Якутии развивалась система судов под новый лад общесоюзных тенденций. В целом в СССР развивался юридическая наука, открывались новые научные институты, финансировались разные проекты, следовательно, усовершенствовалась судебная система и квалификация судей повысилась. Стали внедрять в разных отраслях права новые нормы права и соответственно советское судопроизводства применяло правила эффективного и справедливого рассмотрение судебных споров, кроме этого, произошла адаптация судебных органов к меняющимся социально-экономическим условиям[5]. В эти годы суды больше стали уделять в защите прав граждан СССР, в основном упор делалось регулирования экономических отношений и обеспечивали законность в правосудии в Якутской Автономной Советской Социалистической Республике.

В Якутской АССР в течении десяти была ренессанс новой судебной системы и встречались проблемные вопросы, связанные новыми вызовами политических баталий, формаций государственного устройства внутри страны и связанными с изменяющимися социально-экономическими условиями. Поэтому требовалось судам адаптации новым условиям, требовалось способности и гибкости рассмотрения гражданских, уголовных дел (новых видов преступлений). Несомненно, в местном уровне усилилась и возрождались значимость судебных органов для обеспечения общественного правопорядка и стабильности в стране, а также в содействии прорывного развития СССР. Судебная система Якутии в эти годы становилась централизованной как единый организм и, сохраняя при этом приверженность общесоюзным масштабам в соответствии нормам права.

Необходимо понимать особенности судопроизводства в Якутской АССР по сравнению с другими субъектами СССР. Главные отличия представлялись по разным критериям: во-первых, по национальному признаку, во-вторых, республика находилась далеко от материка, в-третьих, в царской России функционировали разные самостоятельные суды. Со временем суды изменились под влиянием центральных органов власти и стали единым органом судопроизводства в Советском союзе[6]. В то же время проявлялись особенности национальных черт для адаптации судебных процедур к местным реалиям, а также в специфике взаимодействия местных судов с центральными директивами высших органов власти и другими нормативно-правовыми актами.

Советская Якутия в составе РСФСР была субъектом огромной территории, и на ней, многонациональной и разнообразной, проживали представители разных народов из 15 республик страны. В основном по численности доминировали русские, саха (якуты) и различные коренные малочисленные народы Севера. В ЯАССР судебная система должна была учитывать особенности национальной традиции всех народов, проживающих на территории, для реализации прав и обязанностей и почтения истинного быта[7]. Такие способы взаимодействия со временем привели к доверию к судебной системе СССР среди населения Якутии и обеспечивали более эффективное разрешение конфликтов.

В далекие времена, несмотря на большие расстояния и суровые климатические условия, судебная система в центральной части Советского союза функционировала как единый организм — это благодаря кадровой политике и руководителей страны. Для реализации и доступности правосудия на местах были разработаны специальные механизмы, например, народные, революционные и товарищеские суды, которые в упрощенном порядке рассматривали дела в отдаленных районах[8]. А также акцент был сделан на языковые особенности: судебные процессы проходили на родном языке местных жителей или через переводчиков. На основании нормативно-правовых актов использование двуязычных документов способствовало более эффективному проведению судебных процессов и обеспечению понимания правовых норм всеми участниками процесса.

Несмотря на различные трудности в Якутской АССР, судебная система была создана и работала на основании подчинения советским стандартам и функционировала под контролем партийной власти Советского Союза. Причиной являлось отсутствие разделения властей на уровне страны. Но в определенных моментах функционирования имела автономию при судебных процессах с учетом специфических условий региона. Согласно региональному законодательству ЯАССР и на основании советских законов суды могли самостоятельно решать ряд вопросов и применять их на уровне республики. Несомненно, путеводителем для принятия решений были директивы и стандарты, выпускаемые центральными органами власти СССР.

Советская судебная система в ЯАССР являлась особенным механизмом реализации государственной политики для самосохранение социалистического строя страны, охрану и защиту гражданского общества и обеспечение правопорядка в Якутии. Для этого суды в ЯАССР играли основную роль реализуя планы экономического развития региона и контролировали над хозяйствующими организациями чтобы соблюдали трудовую законодательства и дополнительно регулировали социальные отношения[9]. Через судебную систему осуществлялось правовое закрепление решений, принимаемых на политическом уровне, что способствовало укреплению государственной власти и реализации стратегических задач Союза. Таким образом, судебная система становилась не только механизмом разрешения споров, но и важным элементом государственной машины.

В те времена функции судебных органов в Якутии расширились и были направлены на устойчивое развитие экономической индустрии, социальных проектов. Их деятельность должна была поддержать правопорядок в стране. Чтобы обеспечить стабильность для защиты советских граждан, стимулировать активную жизнь для развития экономики и, соответственно, общества, необходимо было создать устойчивую систему. Несомненно, основные задачи были поставлены перед судебными органами ЯАССР: обеспечить правопорядок и общественную стабильность на всей территории Якутии.

В ЯАССР не было профильных судов, несомненно, районные и народные суды рассматривали уголовные дела в качестве первой инстанции. Соответственно рассмотрение судами уголовных дел было ориентировано против личности и общественного порядка. Со временем данная тенденция привела к доверию местного населения к судебным органам власти и другим правоохранительным органам и снизился уровень преступности в ЯАССР. Поэтому советские суды должны были функционировать эффективно, чтобы обеспечивать стабильность и правопорядок в гражданском обществе для устойчивости государственного устройства в ЯАССР.

В эти годы в Якутии судебная система на основании нормативно-правовых актов защищала права и свободы местного населения и обеспечивала защиту от произвола, чтобы не было господствующего класса, верховенствовал только закон. В соответствии с правовыми актами споры по имущественным, трудовым и семейным отношениям рассматривали народные суды, которые защищали интересы граждан и других хозяйствующих субъектов. Это способствовало со стороны советского народа укреплению доверия к судебной системе Советского Союза. Помимо обычных граждан страны, на территории ЯАССР уделялось внимание защите прав коренных малочисленных народов Севера, чтобы все народности не были ущемлены по этническому критерию, и была поддержана социальная справедливость. В Якутии суды были на местах драйвером развития экономики страны и выполняли функции социальных органов[10].

В Якутии суды были на местах драйвером развития экономики страны и выполняли функции социальных органов, с помощью различных механизмов регулировали экономические отношения в СССР и способствовали стабильности различных хозяйствующих субъектов. В ЯАССР народные суды были арбитрами между хозяйствующими субъектами и гражданами, то есть упорядочивали баланс во время экономических споров. Благодаря широкой функции советской системы судопроизводства реализовались социальные задачи: например, с помощью различных правовых механизмов и инициатив обеспечивалась правовая поддержка улучшению образования, здравоохранения, спорта и обеспечению бесплатным жильем для населения ЯАССР. В итоге все время сочеталось партнерство разных направлений во всех сферах, и судебные органы стали главным партнером для устойчивого социально-экономического развития Советской Якутии.

Таким образом, в Якутской Автономной Советской Социалистической Республике судопроизводство развивалось быстрыми темпами, происходило преобразование страны. История еще раз подтверждает, что для Якутии и в целом для СССР развитие судопроизводства дало по всем направлениям изменения только в положительную сторону. В ходе исследования затронуты, выявлены и проанализированы основные этапы становления судопроизводства Красной Якутии по годам. Изучены особенности и факторы, влияющие на функционирование судебной системы Якутской АССР. Судопроизводство в Якутии развивалось с образованием нового государства, и субъекты страны, получившие свои автономии, функционировали в жизненных условиях регионов, например, с учетом специфических особенностей и экономического состояния Якутской АССР.

В ЯАССР изменения в судопроизводстве произошли, когда экономическая ситуация в стране и политический вектор поменялись, а также когда принимались решения по воле центральной власти страны. Коллективизация хозяйствующих субъектов и индустриализация быстры-

ми темпами имели значение для развития судопроизводства в Якутии. Еще важную роль имело упорядочение и учет национальных и культурных особенностей коренных народов региона. Советам ставилась задача, чтобы правосудие было доступно для местного населения в отдаленных районах Якутской АССР, и адаптировать новую систему судопроизводства к местным реалиям для централизованного регулирования на всей территории страны. Взаимодействие с центральными органами власти и внедрение общесоюзных стандартов судебной практики способствовали унификации и повышению эффективности местной судебной системы.

Список литературы:

1. Ушницкий Р. Р. О гражданско-правовых проблемах квалификации и регулирования отношений, связанных с участием в общинах коренных малочисленных народов // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 96-114.
2. Роль Республики Саха (Якутия) в развитии российской федеративной государственности: Сборник докладов участников круглого стола, Москва, 12 апреля 2022 года. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью "Бук", 2022. – 152 с.
3. Миронов Д. Н. Республики в составе России в постреформенном правовом пространстве // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2022. – № 1(25). – С. 22-28.
4. Гоголев П. В. Коренные малочисленные народы в конституционно-правовой политике России: патернализм, протекционизм, партнерство // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 7. – С. 24-33.
5. Баттахов П. П. Развития судебной системы в России: правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 321-324.
6. Гоголев П. В. Коренные малочисленные народы в конституционно-правовой политике России: патернализм, протекционизм, партнерство // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 7. – С. 24-33.
7. Гладун Е. Ф. Правовая теория этничности как основа для модернизации законодательства о коренных народах // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2024. – Т. 10, № 4(40). – С. 97-109.
8. Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России: эволюция правового статуса с царских времен и до наших дней // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 68-78.
9. Филиппова Н. А. Общественные объединения, созданные с участием государства: особенности Российской национальной модели // Уральский Форум конституционалистов: Материалы Десятого Уральского Форума конституционалистов, Екатеринбург, 01–05 октября 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. – С. 140-146.
10. Клеандров М. И. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ или конституционные (уставные) советы: следовало ли упразднять эти суды? // Российский судья. – 2023. – № 10. – С. 40-45.

References:

1. Ushnitsky R.R. On civil law problems of qualification and regulation of relations related to participation in communities of indigenous peoples//Bulletin of Civil Law. – 2017. - T. 17, NO. 1. - S. 96-114.
2. The role of the Republic of Sakha (Yakutia) in the development of Russian federal statehood: Collection of reports of the round table participants, Moscow, April 12, 2022. - Kazan: Buk Limited Liability Company, 2022. - 152 s.
3. Mironov D.N. Republic as part of Russia in the post-reform legal space//Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: History. Political science. Right. – 2022. – № 1(25). - S. 22-28.
4. Gogolev P.V. Indigenous small peoples in the constitutional and legal policy of Russia: paternalism, protectionism, partnership//Constitutional and municipal law. – 2014. – № 7. - S. 24-33.
5. Battakhov P.P. Development of the judicial system in Russia: legal aspects//Law and state: theory and practice. – 2025. – № 3. - S. 321-324.
6. Gogolev P.V. Indigenous small peoples in the constitutional and legal policy of Russia: paternalism, protectionism, partnership//Constitutional and municipal law. – 2014. – № 7. - S. 24-33.
7. Gladun E.F. Legal theory of ethnicity as the basis for the modernization of legislation on indigenous peoples//Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. – 2024. - T. 10, NO. 4 (40). - S. 97-109.
8. Kryazhkov V. A. Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia: the evolution of legal status from tsarist times to the present day//State and law. – 2022. – № 6. - S. 68-78.
9. Filippova N. A. Public associations created with the participation of the state: features of the Russian national model//Ural Forum of Constitutionalists: Materials of the Tenth Ural Forum of Constitutionalists, Yekaterinburg, October 01-05, 2024. - Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2025. - S. 140-146.
10. Kleandrov M.I. Constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation or constitutional (statutory) councils: should these courts be abolished ?//Russian judge. – 2023. – № 10. - S. 40-45.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_275

УДК 347

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА УМЕРШЕГО ДОЛЖНИКА-ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА
TOPICAL ISSUES OF LEGAL PRACTICE OF BANKRUPTCY PROCEDURES OF A DECEASED DEBTOR-INDIVIDUAL

ВАСИЛЬЕВ Евгений Владимирович,
аспирант, Самарский государственный экономический университет.
Россия 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: v.e.vl@yandex.ru;
VASILIEV Evgeniy Vladimirovich,
Samara State University of Economics.
Russia 443090, Samara, st. Soviet Army, 141.
E-mail: v.e.vl@yandex.ru

Краткая аннотация: *Процедура банкротства является важным институтом современного права, предоставляющим возможность восстановить финансовую стабильность как физических, так и юридических лиц, не способных исполнять свои обязательства. Однако, что происходит с должником, который уходит из жизни, а его долги остаются? Данная статья направлена на анализ процедуры банкротства умершего должника в рамках действующего законодательства, а также на изучение правовых последствий и механизмов, связанных с этими процессами. В настоящей статье рассматриваются вопросы поставки проблемы недостаточного регулирования процедуры банкротства умершего должника-гражданина. В исследовании изучаются вопросы противоречия подхода к пониманию наследственной массы как объекта правоотношений связанных с банкротством. Также в статье рассматривается необходимость увеличения сроков процедуры реализации имущества умершего должника-гражданина в рамках банкротных процедур.*

Abstract: *The bankruptcy procedure is an important institution of modern law, providing an opportunity to restore the financial stability of both individuals and legal entities that are unable to fulfill their obligations. However, what happens to a debtor who passes away, and his debts remain? This article is aimed at analyzing the bankruptcy procedure of a deceased debtor within the framework of current legislation, as well as studying the legal consequences and mechanisms associated with these processes. This article examines the issues of supplying the problem of insufficient regulation of the bankruptcy procedure of a deceased debtor-citizen. The study examines the issues of contradictory approaches to understanding the inheritance mass as an object of legal relations associated with bankruptcy. The article also examines the need to increase the terms of the procedure for the sale of the property of a deceased debtor-citizen within the framework of bankruptcy procedures.*

Ключевые слова: *арбитражные процедуры, банкротство, несостоятельность, банкротство (несостоятельность) умершего должника-гражданина, реализация имущества умершего должника-гражданина, реализация имущества.*

Keywords: *arbitration procedures, bankruptcy, insolvency, bankruptcy (insolvency) of a deceased debtor-citizen, sale of property of a deceased debtor-citizen, sale of property.*

Для цитирования: *Васильев Е.В. Актуальные вопросы юридической практики процедур банкротства умершего должника-физического лица // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 275-277. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_275.*

For citation*: Vasiliev E.V. Topical issues of legal practice of bankruptcy procedures of a deceased debtor-individual // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 275-277. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_275.*

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025

Банкротство — это официальное признание неспособности должника удовлетворить требования кредиторов. Основные признаки банкротства включают наличие долгов, невозможность их исполнения и проведение процедуры, направленной на удовлетворение интересов кредиторов. В случае с умершим должником, круг подлежащих разрешению вопросов последовательно только расширяется, поскольку наследство становится объектом споров.

В целях обеспечения прав и законных интересов должника-физического лица его кредиторов в Российской Федерации применяется процедура банкротства физического лица, если гражданин самостоятельно не в состоянии удовлетворить требования кредиторов (нормы статьи 25 Гражданского кодекса Российской Федерации) [4].

В соответствии с парадигмой российского правового поля дела о несостоятельности гражданина (банкротстве физического лица) разрешаются в соответствии с правилами арбитражного судопроизводства в арбитражных судах Российской Федерации (Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, ст. 27, 28).

В научной литературе отмечается, что ключевая характеристика банкротства умершего гражданина - это фактическое отсутствие должника в процедуре. И во взаимосвязи с этим обстоятельств выдвигается гипотеза - Правовая связь умершего гражданина с банкротством недостаточна для восстановления его правосубъектности и признания должником, присутствующим в процессе [12].

Процедура банкротства умершего должника регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации, Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)». Основанием для начала процедуры служит факт смерти должника, так как это автоматически влечет за собой необходимость решения вопросов, связанных с его имущественным состоянием и обязательствами перед кредиторами. Непосредственные процедурные вопросы банкротства физического лица осуществляется на основании норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Как отмечают исследователи, банкротство не что иное как основанная на праве процедура освобождения от долгов, в том числе должника-гражданина, зарекомендовавшая себя как легальный и эффективный механизм основанный на многолетней практике и постоянном совершенствовании законодательства.

Права кредиторов, очевидно, должны гарантироваться и после смерти физического лица. Практика применения соответствующих норм вступает в некоторое противоречие с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, положения которого регламентируют, что правоспособность гражданина, начавшись в момент его рождения, с его смертью заканчивается [1].

Между тем, другой путь перехода прав и обязанностей умершего гражданина к наследникам и кредиторам, помимо банкротство умершего гражданина, зачастую недостаточен, а иных путей разрешения реализации такого перехода отечественная правовая доктрина не выработала.

Основанием для возбуждения процедуры банкротства в случае смерти гражданина делятся исходя из момента смерти и факта, который служит основанием для возбуждения дела о банкротстве. Так, дело о банкротстве может быть возбуждено до наступления смерти должника. В таком случае после его смерти оно рассматривается с применением специальной главы закона о банкротстве. Если дело о банкротстве возбуждается после смерти должника, оно с самого начала рассматривается с применением соответствующих положений федерального закона о банкротстве.

С учетом изложенных правовых тезисов некоторые исследователи полагают, что процедура банкротства наследодателя (умершего гражданина) недопустима ввиду отсутствия у него правоспособности, а следовательно возможности быть субъектом правоотношений, в том числе складывающихся при процедурах банкротства гражданина. Полагаем, что здесь необходимо учитывать, что законодатель находится в постоянном поиске оптимизации регулирования института несостоятельности (банкротства).

Открытие дела о банкротстве умершего должника может инициироваться как кредитором, так и наследниками. При этом следует учитывать, что для удовлетворения требований кредиторов реализуется имущественный комплекс, который приобретает статус наследства. Таким образом, важным шагом является идентификация наследников и оценка активов, которые подлежат передаче. Наследники обладают правом отказаться от наследства, если они считают, что долги превышают активы. Однако, если наследство принято, они обязаны учитывать все обязательства умершего должника. Важно отметить, что наследники несут ответственность только в пределах стоимости принятого наследства, что подчеркивает принцип ограниченной ответственности.

Полагаем необходимым отметить, что единственной процедурой, применяющейся при банкротстве умершего должника - физического лица является реализация имущества. Между тем закон не устанавливает специальных процессуальных сроков для проведения такой процедуры, а, следовательно, в таких делах стоит руководствоваться общим правилом, регламентированным нормами статьи 213.24 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», устанавливающей шестимесячный срок для проведения процедуры реализации имущества.

Необходимо учитывать, что банкротство умершего должника-физического лица может быть инициирована до момента его смерти, а, следовательно, возможно проведение процедуры реструктуризации долга, которая должна быть заменена на процедуру реализации имущества должника. Между тем хоть данный вывод напрямую следует из положений закона (поскольку для умершего должника возможно проведения процедуры лишь реализации имущества), напрямую закон на это не указывает, что может вызвать ситуацию, не основанную на праве, когда в отношении умершего должника-гражданина применяется процедура, не предусмотренная законом [6].

Таким образом, полагаем, что в национальном праве не до конца проработано несоответствие норм банкротного законодательства о возможности банкротства умершего должника гражданина концепции правоспособности, принятой в Российском праве, поскольку в настоящее время закон предусматривает возможность банкротства лица, фактически потерявшего правоспособность, а , следовательно , не способного быть участником гражданских отношений.

Полагаем возможным выделать следующие проблемы правоприменительной практики в корреляции с современным развитием национального банкротного права:

- остается нерешенным вопрос с правоспособностью умершего должника гражданина, который, лишаясь ее в момент смерти, в соответствии с нормами гражданского законодательства, остается участником банкротных правоотношений.

- на наш взгляд необходимо законодательно закрепить переход к процедуре реализации имущества в случае смерти должника-гражданина.

- банкротстве умершего должника характеризуется отсутствием стороны в деле о банкротстве.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. №51-ФЗ. - Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.05.2025). - Текст: электронный.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. №95-ФЗ. - Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.05.2025). - Текст: электронный.
3. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 27 сентября 2002 г. № 127-ФЗ. - Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.05.2025). - Текст: электронный.
4. Акиев, В. В. Злоупотребление гражданином правом на банкротство / В. В. Акиев, С. П. Бортников // Российская наука: актуальные исследования и разработки : сборник научных статей IX Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 15 марта 2020 года. Том Часть 2. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2020. – С. 433-436. – EDN ZCGWIW.
5. Бортников, С. П. Банкротство страны и муниципалитета: возможность и целесообразность / С. П. Бортников // Академия права и экономики. – 2018. – № 2(6). – С. 23-25. – EDN WPYFNI.
6. Арапиди, Е. Н. Особенности рассмотрения дела о банкротстве умершего должника / Е. Н. Арапиди // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 94-4. – С. 44-47. – DOI 10.18411/trnio-02-2023-188. – EDN DXDXNJ.
7. Казанцева, А. Е. О соответствии положений о банкротстве умершего гражданина гражданскому законодательству / А. Е. Казанцева // Нотариус. – 2016. – № 3. – С. 8-10. – EDN VUCLBT.
8. Щербаха, Е. Г. банкротство умершего должника / Е. Г. Щербаха, Т. А. Горнушко // Социально-экономические и гуманитарные науки : Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 декабря 2021 года. – Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2021. – С. 108-111. – EDN AEITND.

10. Поваров Ю.С. Особенности рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 260.
12. Пильчина, Д. Ж. О соотношении процедур банкротства умершего гражданина и отсутствующего должника / Д. Ж. Пильчина // Юридическая наука. – 2021. – № 10. – С. 18-21. – EDN CJTJME.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ dated 11/30/1994. - Access from the help. -legal system "ConsultantPlus" (accessed 05.05.2025). - Text: electronic.
2. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation: feder. Law No. 95-FZ of July 24, 2002. - Access from the help. -legal system "ConsultantPlus" (accessed 05.05.2025). - Text: electronic.
3. On insolvency (bankruptcy): Feder. Law No. 127-FZ of September 27, 2002. - Access from the help. -legal system "ConsultantPlus" (accessed 05.05.2025). - Text: electronic.
4. Akiev, V. V. Abuse of a citizen's right to bankruptcy / V. V. Akiev, S. P. Bortnikov // Russian science: current research and development : collection of scientific articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, Samara, March 15, 2020. Volume Part 2. Samara: Samara State University of Economics, 2020. pp. 433-436. - EDN ZCGWIW.
5. Bortnikov, S. P. Bankruptcy of the country and the municipality: possibility and expediency / S. P. Bortnikov // Academy of Law and Economics. – 2018. – № 2(6). – Pp. 23-25. – EDN WPYFNI.
6. Arapidi, E. N. Features of the bankruptcy case of a deceased debtor / E. N. Arapidi // Trends in the development of science and education. – 2023. – No. 94-4. – pp. 44-47. – DOI 10.18411/trnio-02-2023-188 . – EDN DXDXNJ.
7. Kazantseva, A. E. On the compliance of the provisions on bankruptcy of a deceased citizen with civil legislation / A. E. Kazantseva // Notary. – 2016. – No. 3. – pp. 8-10. – EDN VUCLBT.
8. Shcherbakha, E. G. bankruptcy of a deceased debtor / E. G. Shcherbakha, T. A. Gornushko // Socio-economic and humanitarian sciences : A collection of selected articles based on the materials of the International Scientific Conference, St. Petersburg, December 27, 2021. – Saint Petersburg: Private Scientific and Educational Institution of additional professional education National Research Institute for the Humanities "National Development", 2021. – pp. 108-111. – EDN AEITND.
10. Povarov Yu.S. The specifics of considering a citizen's bankruptcy case in the event of his death // Bulletin of the Civil Procedure. 2018. No. 5. p. 260.
12. Pilchina, D. J. On the relationship between bankruptcy procedures of a deceased citizen and an absent debtor / D. J. Pilchina // Legal Science. – 2021. – No. 10. – pp. 18-21. – EDN CJTJME.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_278

УДК 347.9

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В СЕМЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING MINORS FROM DOMESTIC ABUSE: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

ПОТАПОВА Лариса Витальевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
295011, Республика Крым г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9.
E-mail: polavit@yandex.ru;

ПОЛЬСКАЯ Елизавета Владимировна,
специалист отдела адвокатуры, нотариата, государственной регистрации актов гражданского состояния Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Запорожской области.
272312, Запорожская область, г. Мелитополь, ул. Ленина, д.10.
E-mail: polskayaliza29@gmail.com;

POTAPOVA Larisa Vitalievna,
candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Crimean Law Institute (branch) University Prosecutor's of the Russian Federation.
9 Gogol St., Simferopol, Republic of Crimea, 295011.
E-mail: polavit@yandex.ru;

POLSKAYA Elizaveta Vladimirovna,
specialist in the Department of Advocacy, Notary, and State Registration of Civil Status Acts of the Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Zaporizhia region.
272312, Zaporozhye region, Melitopol, Lenin St., 10.
E-mail: polskayaliza29@gmail.com

Краткая аннотация: *Статья посвящена проблеме жестокого обращения с детьми в семье в контексте государственной политики России по защите материнства, детства и семейных ценностей. Рассматриваются законодательные пробелы, в частности отсутствие четкого определения психического насилия, анализируется проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. Подчеркивается важность межведомственного взаимодействия, роли социальных служб и правового просвещения для защиты прав детей.*

Abstract: *The article is devoted to the problem of child abuse in the family in the context of the Russian state policy on the protection of motherhood, childhood and family values. Legislative gaps are considered, in particular the lack of a clear definition of mental violence, and the draft law on the prevention of domestic violence is analyzed. The importance of interdepartmental cooperation, the role of social services and legal education for the protection of children's rights is emphasized.*

Ключевые слова: *семейная политика, защита детства, жестокое обращение с детьми, психическое насилие, профилактика лишение родительских прав.*

Keywords: *family policy, child protection, child abuse, mental violence, prevention, deprivation of parental rights.*

Для цитирования: *Потапова Л.В., Польская Е.В. Правовые механизмы защиты несовершеннолетних от жестокого обращения в семье: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 278-281. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_278.*

For citation*: Potapova L.V., Polskaya E.V. Legal mechanisms for protecting minors from domestic abuse: problems of legislative regulation and law enforcement practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 278-281. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_278.*

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025

Обеспечение прав и законных интересов детей, защита их от насилия и жестокого обращения являются приоритетными направлениями государственной политики Российской Федерации. В последние годы эта проблема приобрела особую актуальность в связи с ростом числа преступлений против несовершеннолетних, совершаемых в семейной среде. Несмотря на принимаемые меры, включая объявление Десятилетия детства (2018–2027 гг.) [1, с.273] и Года семьи (2024) [2], вопросы профилактики семейного насилия требуют дальнейшего совершенствования правовых механизмов и практических подходов. Основная задача государства в семейной политике – создание таких условий жизни, при которых семья может в полной мере реализовывать свои функции.

Анализ действующего законодательства и научных публикаций подтверждает необходимость повышения внимания государства к данной проблеме.

«По расследованным в 2024 году уголовным делам число несовершеннолетних, пострадавших от преступных посягательств со стороны близких, членов семьи, составило около 2000 человек», – заявил Бастрыкин [3].

По словам председателя СКР, такие преступления часто носят скрытый характер, потому что зачастую дети бывают запуганы, умалчивают о том, что происходит в семье, и боятся, что им не поверят, если они расскажут о происходящем. «То есть, по сути, таких преступлений гораздо больше, чем нам представляет криминальная статистика» – пояснил он».

Для борьбы с этой проблемой важно не только обеспечить правовую защиту детей, но и разработать эффективные меры по пресечению насилия в семье.

Семья в современном обществе играет ключевую роль не только как объект воздействия, но и как активный участник в экономических и социальных процессах. Государство, помимо регулирования семейных отношений, также осуществляет защиту интересов членов семьи, в частности женщин и детей, которые считаются наиболее уязвимыми.

Жестокое обращение с человеком в детстве не может пройти и не проходит бесследно. Ребенок, подвергавшийся в детстве насилию любых видов, с большей вероятностью вырастет таким же жестоким. Классик советской педагогики Антон Макаренко, настаивал, что авторитет, построенный на порке, вызывает детскую ложь и человеческую трусость, и одновременно воспитывает в ребенке жестокость. «Из забитых и безвольны детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры» [4, с.190].

Семья, как институт, оказывает воздействие на формирование личности и социальное развитие каждого члена общества. Государство, в свою очередь, несет ответственность за обеспечение безопасности и прав членов семьи, обеспечивая справедливость и законность в обществе.

В конце ноября 2019 г. Совет Федерации опубликовал очередной вариант проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [5] на своем сайте для обсуждения, который вызвал неоднозначные отклики в обществе. Например, определение «профилактика семейно-бытового насилия» (ст.2 Проекта) отражает не все сферы профилактической деятельности в отличие, например, от определения, представленного в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [6]. Кроме того, не указывается роль воспитательных мер, имеющих принципиальную важность в работе с семьями.

Считаем, что нормативный правовой акт, регламентирующий деятельность в сфере семейных отношений, должен учитывать, как основные конституционные положения нашей страны, так и положения Семейного кодекса Российской Федерации. Прежде всего приоритетность семейного воспитания; защиту брака, заключенного между женщиной и мужчиной; создание условий, способствующих достойному воспитанию детей в семье и другие. В основу Проекта легли только два правовых документа: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», поэтому можно говорить о том, что в данном документе не учтена специфика семейных отношений. Убеждены, что законодательный акт, регулирующий сферу семейных отношений, должен учитывать не только основные конституционные принципы страны, но и нормы, установленные в Семейном кодексе Российской Федерации. Особое внимание следует уделить приоритетности семейного воспитания, защите института брака, созданию условий для достойного воспитания детей в семье и другим аспектам.

Как верно отметил «А.А. Романов «многие положения раскрыты поверхностно, не имеют механизмов реализации, не имеют системной взаимосвязи как с положениями внутри законопроекта, так и с действующим законодательством, регулирующим указанную сферу общественных отношений» [7, с.50].

Таким образом, необходимо провести дополнительный анализ и доработку Проекта с учетом специфики семейных отношений, чтобы обеспечить эффективную работу системы профилактики правонарушений и социального обслуживания граждан в Российской Федерации.

Ненадлежащее исполнение родителями обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, а равно жестокое обращение с ним, влечет причинение существенного вреда его физическому и психическому здоровью. В силу возрастной недееспособности ребенок не обладает достаточной психологической устойчивостью для самостоятельного преодоления последствий противоправных действий (бездействия) со стороны законных представителей, которые в соответствии со ст. 63 СК РФ обязаны обеспечивать его права и интересы, включая защиту от всех форм насилия.

Как уже было сказано, воспитание, физическое и нравственное развитие ребенка – обязанность родителей, а когда родители исполняют свои обязанности недобросовестно, то необходимо применение установленных государством санкций. Поэтому, когда воспитание ребенка в семье становится невозможным и даже опасным для него, государство применяет как способ защиты прав и охраняемых законом интересов ребенка институт лишения родительских прав.

Еще одним основанием для применения крайней меры семейно-правовой ответственности является жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [8] раскрывается понятие жестокого обращения с несовершеннолетним, однако перечня форм психического насилия над ребенком не приводится. Рассматриваемая ситуация характеризуется наличием правовых сложностей, связанных с реализацией крайней меры семейно-правовой ответственности в соответствии с представленными основаниями [9,с. 196].

В юридической науке нет единого мнения относительно определения сущности психического насилия. Некоторые исследователи сводят его содержание лишь к угрозам физической расправы, однако такой подход кажется излишне ограниченным.

Отсутствие законодательно закрепленного определения психического насилия в действующем семейном праве приводит к существенным противоречиям в судебной практике. Особенно остро данная проблема проявляется при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов, где отсутствие четких критериев затрудняет квалификацию противоправных действий.

В этой связи заслуживает поддержки позиция Д.В. Попова, который предлагает более широкое понимание психического насилия, определяя его как «воздействие, направленное на причинение психологического вреда либо создающее реальную угрозу его возникновения» [10,

с.38]. В качестве негативных последствий такого воздействия он выделяет формирование устойчивых негативных эмоциональных состояний, таких как страх, хронический стресс, ощущение постоянной опасности, что может повлечь за собой нарушения психического здоровья потерпевшего.

Таким образом, в современной юридической науке не существует единого мнения относительно определения ключевых аспектов психического насилия. Если одни исследователи сводят его исключительно к угрозам физической расправы, то другие включают в данное понятие также угрозы причинения имущественного вреда, лишения социальных или материальных благ, а также иные формы психологического давления.

Д.В. Попов также полагает, что «обещание выгоды воздействует на психику не так, как действия при психическом насилии. При обещании выгоды возникают исключительно положительные эмоции, поднимается настроение ввиду предвкушения реализации представлений» [11, с.28].

Примером является решение Железнодорожного районного суда г. Воронежа, где отец был лишен родительских прав за жестокое обращение с ребенком. Согласно объяснению матери ребенка ее муж, проживая совместно с несовершеннолетним сыном, будучи в состоянии алкогольного опьянения, неоднократно применял к нему физическое насилие, после чего на его теле оставались ссадины и синяки. Суд установил, что отец ненадлежащим образом исполнял обязанности по воспитанию своего малолетнего сына что было соединено с жестоким обращением с ним, выразившемся в применении недопустимых методов воспитания, а именно грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращение с ребенком, оскорблениях его нецензурной бранью в процессе общения, применения физического насилия в отношении ребенка, а также в злоупотреблении спиртными напитками в присутствии ребенка. Судом вынесено решение о лишении отца родительских прав [12].

Жестокое обращение с детьми может повлечь за собой уголовную ответственность по ст.156 Уголовного кодекса Российской Федерации [13]. «Ю.В. Свиридова, основываясь на конкретных материалах уголовных дел, отмечает, что в уголовно-правовом смысле жестокость обращения с несовершеннолетними также может выражаться: в непредоставлении питания; в запирании в помещении одного на длительное время, длительное оставление без присмотра ребенка; в систематическом унижении достоинства несовершеннолетнего» [14, С.30].

Стоит отметить что, отношения родителей и детей в неблагополучной семье негативно отражаются на развитии ребенка, лишая его защиты и уверенности в собственной безопасности в самом «главном месте» его жизни – в семейной ячейке. Подобной семье решить собственные проблемы достаточно сложно, им необходимо оказание своевременной и квалифицированной помощи, прежде всего, психолого-педагогической. Помочь избежать насилия в семье, унижения ребенка, в большей степени могут социальные работники, работающие в специализированных центрах, те, у которых есть достаточный опыт повседневной работы с данной категорией семей, включающий самые опасные и сложные складывающиеся семейные ситуации.

Именно специалисты данной категории, обладая психолого-педагогическими знаниями, могут предъявить достаточно суровые требования к родителям, жестоко обращающимися с собственными детьми, а самое главное, могут предотвратить подобные проявления в семье. Например, дети, пережившие насилие в семье, могут обратиться в «Республиканский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних [15] в г. Симферополе Республики Крым. Центр оказывает следующие услуги: социально-бытовые; социально-медицинские; социально-психологические; социально-педагогические, социально-трудовые и социально-правовые. Сотрудники центра организуют и проводят важные реабилитационные мероприятия, направленные на охрану жизни и здоровья детей, выводя их из состояния кризиса. Основная задача проведения мероприятий заключается в повышении правовой грамотности детей, профилактике правонарушений. Кроме того, с детьми проводятся безопасные викторины, направленные на знание правил поведения в общественных местах, включая правила безопасности на дорогах; на сохранение духовных традиций, бытующих в обществе. Для родителей организуются семинары по активной защите прав детей.

Работа специалистов данного учреждения жизнеспособна и профессиональна, а последствия ее могут занять достаточно большой промежуток времени. Но эти действия ведут к оздоровлению семей, а значит, и оздоровлению общества. Обращение же к правоохранительным органам и отделу по опеке должно быть крайним случаем, когда все попытки работы с семьей не привели к необходимым положительным результатам.

Согласимся с выводом «М.Г. Решняк, что «решение проблемы семейного насилия, которое нарушает основные права человека, в первую очередь такие, как право на жизнь, здоровье, возможно лишь путем сочетания мер законодательного характера (одновременное системное изменение в уголовном, уголовно-процессуальном, административном, гражданском, семейном законодательстве) с усилением роли исполнительных органов всех уровней» [16].

В заключение следует подчеркнуть, что проблема жестокого обращения с детьми в семье требует комплексного и системного решения на всех уровнях государственного управления. Проведенный анализ свидетельствует о наличии существенных пробелов в правовом регулировании, в частности отсутствии четкого определения форм психического насилия и недостаточной проработанности профилактических механизмов в законодательных инициативах. Особую озабоченность вызывает несовершенство существующей системы выявления и документирования случаев семейного насилия, что приводит к значительному расхождению между официальной статистикой и реальным положением дел.

Для кардинального улучшения ситуации необходимо в первую очередь сосредоточиться на совершенствовании нормативно-правовой

базы, предусмотрев четкие критерии различных форм насилия и механизмы их доказывания. Не менее важным представляется развитие сети специализированных учреждений, оказывающих комплексную помощь пострадавшим детям, включая медицинскую, психологическую и социальную реабилитацию. Особое внимание должно быть уделено подготовке квалифицированных кадров - социальных работников, педагогов, сотрудников правоохранительных органов, способных профессионально работать с такими случаями.

Опыт передовых регионов показывает, что наиболее эффективными являются программы, сочетающие правовые меры с социально-психологическим сопровождением семей группы риска. При этом ключевое значение приобретает раннее выявление неблагополучия и оперативное вмешательство на стадии, когда ситуация еще может быть скорректирована без применения крайних мер. Реализация такого подхода требует значительных ресурсов и координации усилий всех заинтересованных ведомств, но именно он позволяет не только защитить конкретного ребенка, но и предотвратить передачу моделей насильственного поведения следующим поколениям.

Таким образом, решение проблемы жестокого обращения с детьми в семьях должно стать приоритетом государственной политики, объединяющим усилия законодателей, правоохранителей, социальных служб и институтов гражданского общества. Только системная работа в этом направлении позволит создать в России среду, в которой каждый ребенок сможет расти в атмосфере безопасности, уважения и заботы, что является фундаментом для формирования здорового общества в целом.

Список литературы:

1. Потапова, Л. В. Защита имущественных прав несовершеннолетних в гражданском праве: анализ правоприменительной практики / Л. В. Потапова // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тула, 22 марта 2024 года. – Тула: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. – С. 272-275.
2. Указ Президента РФ от 22.11.2023 №875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Собрание законодательства РФ, 27.11.2023, № 48, ст. 8560
3. Около 2000 детей в России пострадали от насилия в семье в 2024 году https://www.forbes.ru/forbeslife/534302-okolo-2000-detej-v-rossii-postradali-ot-nasilia-v-sem-e-v-2024-godu (дата обращения 23 мая 2025г.)
4. Потапова Л.В. Освещение проблем домашнего и семейного насилия в *сборнике:* Актуальные проблемы реформирования современного законодательства: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 189-193.
5. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия // Официальный сайт Совета. – URL: http:// ouncil.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEfKLUIq7JAARUS.pdf (дата обращения: 16.05.2025)
6. Проект Федерального закона № 157281-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.07.2022). Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://sozd. duma.gov.ru/no состоянию на 04.07.2022.
7. Романов, А. А. Научный комментарий к проекту федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» / А. А. Романов // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2(2). С. 44-50
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, январь, 2018
9. Инароков, И. Р. Лишение родительских прав как крайняя мера семейно-правовой ответственности / И. Р. Инароков // Моя профессиональная карьера. 2021. Т. 1, № 28. С. 194-200.
10. Попов, Д. В. О психическом насилии как признаке объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ / Д. В. Попов // Российский судья. 2016 № 12. С. 36-39.
11. Шиманчик, К. В. К вопросу о лишении родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности / К. В. Шиманчик // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 26-29.
12. Решение Железнодорожн**ого** районного суда г. Воронежа (Воронежская область) № 2-1671/2018 2-1671/2018~М-1513/2018 М-1513/2018 от 22 ноября 2018 г. URL: http://sudact.ru/regular/doc/Mmm4HTyV3b1x/ (дата обращения: 15.05.2025).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954
14. Свиридова Ю.В. Защита детей // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1. С. 27. Свиридова, Ю. В. Защита детей / Ю. В. Свиридова // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1. С. 30-32.
15. ГБСУ РК «Республиканский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних – URL:http://simf-zenter-reab.ru (дата обращения: 12.05.2025)
16. Решняк, М. Г. Семейно-бытовое насилие как фактор нарушения прав человека / М. Г. Решняк // Российский следователь. 2023. № 11. С. 39-42.

References:

1. Potapova, L. V. Protection of property rights of minors in civil law: an analysis of law enforcement practice / L. V. Potapova // Actual problems of civil law and process: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Tula, March 22, 2024. Tula: All–Russian State University of Justice, 2024, pp. 272-275.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/22/2023 № 875 «On holding the Year of the Family in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11/27/2023, № 48, art. 8560
3. About 2,000 children in Russia suffered from domestic violence in 2024 https://www.forbes.ru/forbeslife/534302-okolo-2000-detej-v-rossii-postradali-ot-nasilia-v-sem-e-v-2024-godu (accessed May 23, 2025)
4. Potapova L.V. Coverage of the problems of domestic and family violence in the collection: Current problems of reforming modern legislation: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2017. pp. 189-193.
5. Draft law on the prevention of domestic violence // Official website of the Council. – URL: http:// ouncil.gov.ru /media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEfKLUIq7JAARUS.pdf (date of request: 05/16/2025)
6. Draft Federal Law № 157281-8 «On Amendments to the Family Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 07/04/2022). The electron. text data. – Access mode: https://sozd. duma.gov.ru/no as of 07/04/2022.
7. Romanov, A. A. Scientific commentary on the draft federal law «On the prevention of domestic violence in the Russian Federation» / A. A. Romanov // Law: a retrospective and perspective. 2020. №. 2(2). pp. 44-50
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 14, 2017 № 44 «On the practice of Applying legislation by Courts in Resolving Disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child in case of an immediate threat to his life or health, as well as in case of restriction or deprivation of parental rights» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, № 1, January, 2018
9. Inarokov, I. R. Deprivation of parental rights as an extreme measure of family legal responsibility / I. R. Inarokov // My professional career. 2021. Vol. 1, № 28. pp. 194-200.
10. Popov, D. V. On mental violence as a sign of the objective side of crimes provided for in Articles 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation / D. V. Popov // Russian judge. 2016 № 12. pp. 36-39.
11. Shimanchik, K. V. On the issue of deprivation of parental rights as an extreme measure of family legal responsibility / K. V. Shimanchik // Family and housing law. 2020. № 2. pp. 26-29.
12. Decision of the Zheleznodorozhny District Court of Voronezh (Voronezh region) № 2-1671/2018 2-1671/2018 ~M-1513/2018 M-1513/2018 dated November 22, 2018 URL: http://sudact.ru/regular/doc/Mmm4HTyV3b1x (date of appeal: 03/15/2025).
13. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 № 63-FZ (as amended on 04/21/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 05/02/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation", 06/17/1996, № 25, art. 2954
14. Sviridova Yu.V. Protection of children // Issues of juvenile justice. 2006. № 1. P. 27. Sviridova, Yu. V. Protection of children / Yu. V. Sviridova // Issues of juvenile justice. 2006. № 1. pp. 30-32.
15. GBSU RK "Republican Social Rehabilitation Center for minors. – URL:http://simf-zenter-reab.ru (date of application: 05/12/2025)
16. Reshnyak, M. G. Domestic violence as a factor of human rights violations / M. G. Reshnyak // Russian investigator. 2023. № 11. pp. 39-42.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_282

УДК 347.6

РОЛЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THE ROLE OF THE JUDICIAL SYSTEM IN SOLVING URGENT PROBLEMS OF INHERITANCE LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

ГУБАЙДУЛЛИНА Эльмира Хамитовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета.
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: elmira_zaripova@mail.ru;

КИТИН Дмитрий Иванович,
магистрант кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета.
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: kitin.2015@gmail.com;

GUBAIDULLINA Elmira Khamitovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure Samara State University of Economics.
443090, Russia, Samara Region, Samara, Sovetskoy Armii St., 141.
E-mail: elmira_zaripova@mail,ru;

KITIN Dmitry Ivanovich,
student of the Department of Civil and Arbitration Procedure Samara State University of Economics.
443090, Russia, Samara Region, Samara, Sovetskoy Armii St., 141.
E-mail: kitin.2015@gmail.com

***Краткая аннотация**: Настоящая статья посвящена рассмотрению специфики судебного аппарата в качестве органа, полномочного рассматривать наследственные дела. В рамках настоящей работы также рассматривается сущность института наследования, специфика завещания, а также проблемы, которые встают на пути рассмотрения данной категории дел.*

***Abstract:** This article is devoted to the consideration of the specifics of the judicial apparatus as a body authorized to consider inheritance cases. This paper also examines the essence of the institution of inheritance, the specifics of the will, the problems, as well as those that stand in the way of considering this category of cases.*

***Ключевые слова**: судебный аппарат, суды общей юрисдикции, наследственное право, завещание, наследники.*
***Keywords:** judicial apparatus, courts of general jurisdiction, inheritance law, wills, heirs.*

***Для цитирования:** Губайдуллина Э.Х., Китин Д.И. Роль судебной системы в решении актуальных проблем наследственного права в Российской Федерации: проблемы правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 282-284. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_282.*
***For citation**: Gubaidullina E.Kh., Kitin D.I. The role of the judicial system in solving urgent problems of inheritance law in the Russian Federation: problems of law enforcement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 282-284. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_282.*

Статья поступила в редакцию: 18.06.2025

Принятие наследниками наследуемого имущества в большинстве случаев регулируется в рамках «позитивного» правоприменения, однако могут возникать ситуации, при которых урегулирование наследственных отношений без участия суда не является возможным. При возникновении конфликта между участниками правоотношений в части передачи наследуемого имущества стороны правомочны обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов [2].

В свою очередь под принятием наследства следует понимать волеизъявление лиц, направленное на принятие имущества в установленном законодательством порядке.

Сущность судебного производства по наследственным делам заключается в своевременном и объективном рассмотрении дела. При рассмотрении дел данной категории осуществляется воздействие на материальные наследственные правоотношения, в результате чего разрешается вопрос о спорности материально-правовых притязаний субъектов друг к другу, а также судебным актом подтверждается право лиц на реализацию своих наследственных прав.

Принятие судебного акта по данной категории дел должно исключать неоднозначное толкование. Так, при разрешении спора, связанного с определением долей наследников суд должен четко указывать размер наследственной доли каждого наследника.

Несмотря на то, что наблюдается относительная стабильность институтов наследственного права на практике, могут возникать случаи, когда между субъектами наследственного права могут возникать взаимные правовые притязания. Например, субъекты наследственного права могут быть не согласны с распределением наследственного имущества, определения круга потенциальных наследников, одни наследники могут

признавать других недостойными наследниками в судебном порядке, нотариус может отказать в выдаче свидетельства о праве на наследство.

В случае возникновения данных споров между участниками спорного наследственного правоотношения их разрешение перестаёт относится к сфере нотариальной юрисдикции, поскольку функционал нотариата не направлен на разрешение правовых конфликтов. Так, нотариус не правомочен осуществлять никакие нотариальные действия до тех пор, пока стороны правоотношения не урегулируют конфликт в рамках искового производства. Помимо этого, разрешения споров данной категории может предусматривать установление юридических фактов, установить которые является возможным с точки зрения законодательства только в судебном порядке. Суд при разрешении наследственных дел выступает своеобразным арбитром, который обеспечивает защиту прав и законных интересов всех законных наследников.

Рассмотрение дел осуществляется с соблюдением гражданских материальных и процессуальных норм. Гражданское законодательство регламентирует основные положения, затрагивающие порядок перехода наследственной массы законным наследникам. Так, закон определяет круг лиц, которые имеют право претендовать на раздел имущества в установленном законом порядке. В данном случае суд выполняет важную функцию, заключающуюся в определении реального перечня лиц, которые могут выступать правопреемниками. Помимо этого, суд в обязательном порядке определяет законность завещания, правильность его содержания и формы. В отдельных случаях суд также рассматривает дела, при которых законные наследники могут отказываться от принятия наследства. В данном случае суд устанавливает распределение наследственной массы между остальными законными правопреемниками.

Самое большое количество споров, рассматриваемых судами в части наследования, образуют споры о признании завещания недействительным. Завещание, образуя гражданско-правовую сделку, должно быть составлено в соответствии со всеми требованиями, которые регламентирует закон. В соответствии со ст. 168-179 ГК РФ завещание может быть признано недействительным исключительно в судебном порядке[3, с. 139].

Так, в соответствии с гражданским законодательством признание завещания недействительным является возможным только в следующих случаях, а именно:

1. В случае если завещание было составлено без соблюдения обязательных к нему требований.
2. Завещание было составлено лицом, являющимся недееспособным в полном объёме.
3. Завещание было составлено лицом, которое в момент его составлении не понимало значение своих действий и не могло их осознавать.
4. В случае, если лицо при составлении и подписании завещания было подвержено обману, насилию или угрозам со стороны.

Фактически завещание может быть признано недействительным в судебном порядке при наличии описок или ошибок в завещании, либо в случае обнаружения судом иных данных, которые могут указывать на возможность неправильной интерпретации воли умершего лица. Таким образом, можно сказать о том, что суд уделяет внимание исследованию доказательственной базы, играющей ключевую роль в обеспечении и защиты прав и законных интересов наследников.

Судебная практика о рассмотрении споров о наследовании является достаточно обширной и интересной, однако у судов могут возникать некоторые трудности при рассмотрении данных дел. Так, например, в рамках научного сообщества стоит вопрос о том, что следует понимать под завещанием при чрезвычайных обстоятельствах. В свою очередь легального определения данного термина отечественное законодательство не предусматривает. На данный период времени под завещанием при чрезвычайных обстоятельствах понимают завещание, которое было составлено лицом при наличии угрозы его жизни и здоровью. При исчезновении данных обстоятельствах и при жизни завещателя спустя месяц после подписания данного завещания оно становится недействительным без нотариального удостоверения[4, с. 278].

Определенную ясность относительно данного института вносит сформировавшаяся судебная практика. Так, одним из судов общей юрисдикции было указано, что под чрезвычайным следует понимать возникновение таких специфических условий, которые не наблюдаются в обыденной жизни. В решении Нижегородского областного суда было указано, что к таким факторам следует отнести такие условия, при которых лицо может быть отрезано от внешнего мира или страдать от серьезного заболевания.

В соответствии с гражданским законодательством при возникновении таких ситуаций гражданин имеет право изложить свою волю в части завещания в простой письменной форме. Для этого также необходимо присутствие двух свидетелей при подписании завещания. Вопрос в части присутствия свидетелей является не до конца урегулированным на законодательном уровне. Так, законодательство не содержит разъяснений касательно того, кто может выступать свидетелем и могут ли свидетелями быть близкие родственники. В связи с этим у судов при рассмотрении наследственных дел могут возникнуть вопросы относительно толкования данного правового института.

В качестве второй проблемы необходимо выделить предусмотренное гражданским законодательством правило о предоставлении обязательной доли некоторым наследникам. Само положение, которое регламентировано ст. 1149 ГК РФ, правило об обязательной доле обязательно должно соблюдаться в отношении тех лиц, которые находятся в определенной материальной зависимости от наследодателя. Именно данная норма предусматривает законодательную защиту лиц, которые могут нуждаться в материальной защите.

Анализ судебной практики показывает, что суды могут выносить решения, не рассматривая вопрос о материальном положении всех обязательных наследников. Несмотря на данное обстоятельство согласно позиции ВС РФ, суды должны обращать внимание не только на материальное положение всех наследников, но и на возможность уменьшения доли, в случае наличия у потенциального наследника достаточных материальных ресурсов, а также возможность вынести отказ от присуждения такой доли.

В юридической литературе можно встретить мнение, согласно которому применение положения о присуждении обязательной доли не

должно превращаться в формальный механизм. С данной позицией можно согласиться, поскольку наблюдается коллизия между соблюдением воли завещателя относительно законных наследников, а также необходимостью распределения имущества между родственниками с тяжелым финансовым положением. Помимо этого, данное положение противоречит принципу свободы завещания. В целях разрешения данного вопроса необходимо отразить позицию ВС РФ касательно уменьшения наследственной доли и возможности вынести решение об отказе в присуждении такой доли в ст. 1149 ГК РФ.

В рамках научного сообщества также можно встретить мнение, в соответствии с которым все проблемы, которые встают у аппарата суда при рассмотрении дел, вытекающих из наследственных правоотношений, можно разделить на пять категорий.

К первой категории можно отнести дела, проблематика которых сводиться к сложности доказывания определённых юридических фактов, которые имели место быть в объективной реальности. Сюда относятся споры по установлению родственных отношений между завещателем и наследниками, доказывание недействительности завещания, а также факт вступления в наследство при отсутствии правоустанавливающих документов.

Перед судом возникают проблемы, как уже было сказано ранее, об установлении обязательной доли в наследстве, при определении критериев нетрудоспособности и иждивения, а также установление самого факта нахождения на иждивении наследника. В реальности судебная практика при рассмотрении данной категории споров является неоднозначной.

Относительно новым явлением в рассмотрении наследственных споров является разрешение вопросов о наследовании цифрового имущества, к которому можно отнести аккаунты в социальных сетях, криптовалютные кошельки, иные цифровые валюты, а также последующее обеспечение доступа к ним. Осложняет процесс рассмотрения данных дел отсутствие чётких норм в законодательстве, которые бы регулировали сам процесс передачи данного вида имущества[1].

Суды при рассмотрении дел данной направленности могут сталкиваться с процессуальными проблемами. Так, проблематикой является длительность рассмотрения таких споров, поскольку в рамках производства зачастую приходиться привлекать свидетелей, экспертов и иных участников, что затягивает процесс. Помимо этого, в регионах складывается разная практика рассмотрения наследственных дел, что осложняет формирование единообразной судебной практики.

Заключительная категория дел, вытекающих из наследственных правоотношений, обременяется взаимодействием с нотариусами в рамках рассмотрения дел данной категории. Нотариусы в нотариальной деятельности могут использовать различные подходы к оформлению наследства, а также совершать ошибки, что также может затягивать процесс рассмотрения дел и мешать образованию единообразной судебной практики.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что суды при рассмотрении наследственных дел выступают своеобразным арбитром, функционал которого направлен на разрешение правовых конфликтов, возникающих между наследниками. В рамках настоящего исследования было установлено, что суды при разрешении данных дел могут сталкиваться с различными проблемами, которые требуют модернизации отечественного законодательства в части рассмотрения дел данной категории и совершенствования института наследования в целом.

Список литературы:

1. Бордюговская А.А. Проблемы наследования цифрового имущества // Журнал правовых и экономических исследований. – 2023. - № 3. – С. 107–113.
2. Трисеева, А. Н. Некоторые актуальные проблемы судебной практики по делам о защите прав наследников // Молодой ученый. — 2024. — № 44 (543). — С. 189-191.
3. Процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел : учебник для вузов / под общей редакцией И. В. Воронцовой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 212 с.
4. Шижганова, А.В. Наследование по закону и по завещанию: теория и практика // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10-5 (97). – С. 275–279.

References:

1. Bordyugovskaya A.A. Problems of inheritance of digital property // Journal of Legal and Economic Research. - 2023. - No. 3. – P. 107-113.
2. Triseeva, A. N. Some actual problems of judicial practice in cases of protection of the rights of heirs // Young Scientist. — 2024. — № 44 (543). — P. 189-191.
3. Procedural features of consideration of certain categories of civil cases : textbook for universities / edited by I. V. Vorontsova. — 2nd ed., revised and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. - 212 p.
4. Shizhganova, A.V. Inheritance by law and by will: theory and practice // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 10-5 (97). – P. 275-279.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_285

УДК 347.95

ИНСТАНЦИОННАЯ ПОДСУДНОСТЬ ДЕЛ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ)
PROBLEMS OF A NEW UNDERSTANDING OF THE JURISDICTION OF CASES IN THE CIVIL PROCESS (USING THE EXAMPLE OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS CASES)

ХАМОВ Сергей Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского, арбитражного процесса и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности».
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а.
E-mail: khamovsergey@mail.ru;

KHAMOV Sergey Sergeevich,
Postgraduate Student of the Department of Civil, Arbitration and Law Enforcement
Russian State Academy of Intellectual Property.
55a Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russia.
E-mail: khamovsergey@mail.ru

Краткая аннотация: *подсудность традиционно понимается и определяется общими положениями цивилистического процессуального права как категория, относящаяся к производству в суде первой инстанции. Имеющиеся в законе упоминания о подсудности по отношению к проверочным производствам являются неточными, поскольку имеется ввиду либо круг судебных актов, подлежащих проверке в той или иной инстанции, либо порядок реализации права обжалования (исчерпание средств обжалования и пр.). В действительности выбора инстанции в смысле выбора компетентного суда нет; проверочная инстанция определяется низовым уровнем суда, рассмотревшим дело. Автором на примере дел о защите интеллектуальных прав доказано, что подсудность как категория все же может использоваться по отношению к деятельности судов проверочной инстанции. Кассатор в арбитражном процессе имеет выбор и должен сделать выбор между арбитражным судом округа и Судом по интеллектуальным правам как судом кассационной инстанции. Ошибка может привести к возвращению жалобы, а ошибка, выявившаяся впоследствии, к передаче жалобы от суда округа в специализированный арбитражный суд, и наоборот. В настоящий момент процессуальный закон не учитывает эти возможности, регламентируя подсудность для проверочных инстанций там, где для этого нет необходимости.*

Abstract: *jurisdiction is traditionally understood and defined by the general provisions of civil procedural law as a category related to proceedings before the court of first instance. The references in the law to jurisdiction in relation to verification proceedings are incorrect, since it refers either to the range of judicial acts subject to review in one instance or another, or to the procedure for exercising the right of appeal (exhaustion of means of appeal, etc.). In fact, there is no choice of instance in the sense of choosing a competent court.; The verification instance is determined by the lower level of the court that reviewed the case. Using the example of intellectual property rights cases, the author proves that jurisdiction as a category can still be used in relation to the activities of the courts of the verification instance. The cassator in the arbitration process has a choice and must make a choice between the arbitration court of the district and the Intellectual Property Rights Court as the court of cassation instance. An error may lead to the return of the complaint, and an error that has been identified subsequently may lead to the transfer of the complaint from the district court to a specialized arbitration court, and vice versa. At the moment, the procedural law does not take these possibilities into account, regulating the jurisdiction for verification instances where this is not necessary.*

Ключевые слова: *подсудность, компетенция, Суд по интеллектуальным правам, арбитражный суд округа, подсудность судов проверочной инстанции, защита интеллектуальных прав.*

Keywords: *jurisdiction, competence, Intellectual Property Rights Court, arbitration court of the district, jurisdiction of the courts of the verification instance, protection of intellectual rights.*

Для цитирования: *Хамов С.С. Инстанционная подсудность дел в цивилистическом процессе (на примере дел о защите интеллектуальных прав) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 285-287. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_285.*

For citation*: Khamov S.S. Problems of a new understanding of the jurisdiction of cases in the civil process (using the example of intellectual property rights cases) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 285-287. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_285.*

Статья поступила в редакцию: 28.07.2025

Подсудность – институт процессуального права, имеющий долгую историю и подвергающийся активным научным исследованиям. Новый импульс разработка проблем подсудности получила в связи с принятием Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,[1] упразднившего институт подведомственности, а также в связи с появлением в системе судов такого специализированного арбитражного суда как Суд по интеллектуальным правам.[2] Процессуальные особенности рассмотрения дел данным судебным органом уже стали объектом научных изысканий [4, с. 14-40; 5, с.8-26; 7, с.315-332 и др.] (далее по тексту также - СИП).

Устоявшееся понимание подсудности основывается на определении подсудности применительно к определению компетенции суда или арбитражного суда только первой инстанции. Принято считать, что подсудность – это определение компетенции суда или арбитражного суда *первой инстанции*, поскольку все последующие инстанции «производны» от суда, рассмотревшего дело по существу, в силу сложившейся инстанционной подчиненности. Выбор между судами здесь либо отсутствует, либо настолько минимален, что моделировать подсудность для проверочных инстанций не имеет смысла.

Норма статьи 22 ГПК РФ, прямо именуемая как подсудность гражданских дел, трактует указанный термин *исключительно* в значении

[1] Собрание законодательства РФ. 03.12.2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.
[2] Федеральный конституционный закон от 06.12.2011 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и Федеральный конституционный закон "Об арбитражных судах в Российской Федерации" в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2011. № 50. Ст. 7334.

суда первой инстанции, дифференцируя подсудность дел искового производства, особого производства, с участием иностранных лиц, но не как подсудность по различным стадиям гражданского процесса. Норма статьи 34 АПК РФ аналогичным образом понимает подсудность для арбитражного процесса, исходя из того, что речь идет только об отнесении дела к компетенции арбитражного суда первой инстанции.

Вместе с тем, в литературе выделяется инстанционная или функциональная (инстанционная) подсудность [2; 3, с.412], и отмечаются сложности, связанные с ее определением [1, с.58-64; 6, с.80-89].

В гражданском и в арбитражном процессе категория подсудность применительно к деятельности судов проверочной инстанции используется и не единообразно и противоречиво. Базовые процессуальные законы фрагментарно употребляют термин подсудность по отношению к пересмотру судебных актов, что скорее говорит о неточности в использовании данного термина.

Так, согласно пункта 6 части 1 статьи 379.1 ГПК РФ, основанием для возвращения кассационной жалобы служит ее подача с нарушением правил подсудности и далее идет ссылка на правила статьи 377 ГПК РФ, как на содержащие правила подсудности. В указанной норме установлено, что кассационная жалоба в кассационный суд общей юрисдикции подается через суд, принявший решение (часть 1 статьи 377 ГПК РФ). Но нет оснований считать, что выбор между подачей жалобы в суд первой инстанцией и подачей ее непосредственно в кассацию (что является просто ошибкой), является выбором компетентного суда, которому подсудно дело. В данном случае имеет место просто установленный алгоритм действий, отступление от которого повлечет возвращение жалобы в связи с нарушением порядка ее подачи. Сама норма статьи 377 ГПК РФ носит название порядка подачи кассационной жалобы, что не равнозначно подсудности. Если именовать подсудностью всякое обращение в суд при отсутствии какой-либо значимой альтернативы, то можно говорить, например, о подсудности при заявлении процессуальных ходатайств, заявлений об обеспечительных мерах, по вопросу судебных расходов и пр.

Также нет оснований считать выбором, характерным для подсудности, выбор между кассационным судом общей юрисдикции и кассационным военным судом. Выбор суда в данном случае полностью зависит от вида суда, рассмотревшего дело по первой инстанции. Вряд ли стороны будут обжаловать в кассационный военный суд решение, принятое кассационным судом общей юрисдикции, и, наоборот, в «гражданский» кассационный суд решение, вынесенное военными судами.

В арбитражном процессе категория подсудности применительно к обращению в арбитражный суд округа вообще не используется.

При обращении во вторую кассацию в арбитражном процессе установлено аналогичное основание для возвращения кассационной жалобы (подача с нарушением подсудности – пункт 6 части 1 статьи 390.6 ГПК РФ), хотя норма статьи 390.4 ГПК РФ предусматривает прямую подачу жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации (то есть выбора и возможной ошибки между судом, вынесшим решение, и судом проверочной инстанции быть не должно). Данное положение устанавливает только выбор между Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации и Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации.

В арбитражном процессе нарушение правил подсудности как основание для возврата жалобы во вторую кассацию указано в пункте 5 части 1 статьи 291.5 АПК РФ, которая в свою очередь допускает прямую отсылку к правилам части 2 статьи 291.1 АПК РФ. Данное положение называет судебные акты, которые могут выступить объектом обжалования в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. Основное их разделение происходит по критерию того, являлись ли они объектом проверки в арбитражном суде округа (в первой кассации). То есть здесь уместно говорить не о подсудности, а об условиях осуществлении права кассационного обжалования (исчерпании средств) или о порядке обжалования. Никакого выбора в приведенной норме не содержится. Вопрос о том, «можно обжаловать» или «нельзя обжаловать» - это не вопрос о подсудности в смысле вопроса выбора суда.

Для надзорного производства гражданского процесса термин подсудность вообще не используется (часть 1 статьи 391.4 ГПК РФ), вопреки тому, что надзорное производство в арбитражном процессе оперирует термином подсудность применительно к моделированию оснований для возвращения надзорной жалобы (пункт 5 части 1 статьи 308.3 АПК РФ). Отсылка к части 3 статьи 308.1 АПК РФ показывает, что под подсудностью законодатель понимает круг судебных актов, подлежащих обжалованию в Президиум Верховного Суда Российской Федерации. Здесь также отсутствует какой-либо выбор между судебными органами. Президиум Верховного Суда Российской Федерации как надзорная инстанция в арбитражном процессе либо наделяется, либо не наделяется компетенцией по рассмотрению надзорных жалоб.

В этом смысле абсолютно точно трактует это основание пункт 5 части 1 статьи 391.4 ГПК РФ, устанавливая, что основанием для возвращения надзорной жалобы служит подача ее «на судебные акты, не указанные в части второй статьи 391.1 настоящего Кодекса». То есть не нарушение подсудности служит основанием для возвращения жалобы, а ошибка в определении круга судебных актов, подлежащих обжалованию.

Анализ показывает, что *подлинный выбор подсудности по отношению к деятельности судов проверочной инстанции существует там, где указанная категория как раз и не используется.* Речь идет о спорах в сфере интеллектуальных прав, по которым подателю кассационной жалобы действительно предстоит сделать выбор между судами кассационной инстанции, наделенными правом рассматривать кассационные жалобы по спорам о защите интеллектуальных прав. Более конкретно – это *вопрос выбора между арбитражным судом округа как судом кассационной инстанции и Судом по интеллектуальным правам как судом кассационной инстанции.*

Однако законодатель не предусматривает такое основание для возвращения кассационной жалобы как несоблюдение подсудности (статья 281 АПК РФ). Судебная практика свидетельствует о том, что подобные споры о подсудности вполне могут иметь место. Так, в «Обзоре судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства» (пункт 22)[1] приводится

[1] Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. №8.

следующее дело. Антимонопольный орган привлек к административной ответственности общество за недобросовестную конкуренцию (выразившуюся в имитации названий товара конкурента путем использования сходных обозначений). Арбитражные суды первой и апелляционной инстанций оставили заявление общества об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности без удовлетворения.

СИП в качестве суда кассационной инстанции вынес определение о передаче дела в арбитражный суд округа в связи с неподсудностью ему данного спора, указав «компетенция Суда по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции ограничена теми делами об административных правонарушениях, в которых допущенные нарушения связаны с предоставлением и (или) с использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, то есть делами о защите интеллектуальных прав… дела об оспаривании постановлений антимонопольных органов о привлечении к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 14.33 КоАП РФ, не являются делами о защите интеллектуальных прав и не подлежат рассмотрению Судом по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции».[1]

Следовательно, возможны ситуации неподсудности кассационных жалоб арбитражному суду округа в силу их подсудности СИП и неподсудности кассационных жалоб СИП в силу их подсудности арбитражному суду округа. В этой связи должны быть уточнены основания для возвращения кассационных жалоб, содержащиеся в статье 281 АПК РФ.

Соответствующее основание должно применяться на стадии возбуждения кассационного производства. Если же неподсудность кассационной жалобы выявилась после ее принятия, то целесообразно по модели первой инстанции, установить, что арбитражный суд округа передает дело по подсудности в СИП. Также должна быть допущена передача от специализированного арбитражного суда в арбитражный суд округа.

Общее понятие подсудности, закрепленное в статье 34 АПК РФ, как в общей норме арбитражно-процессуального закона, должно быть расширено за счет указания на то, что *подсудность жалоб (инстанционная подсудность) определяется правилами настоящего Кодекса.*

Имеющиеся пробелы в регулировании инстанционной подсудности в связи с защитой интеллектуальных прав порождают и иные вопросы в определении подсудности, что можно показать на примере дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок (глава 27.1 АПК РФ, глава 26 КАС РФ). Как известно, Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»[2] причисляет данную категорию дел к компетенции арбитражного суда округа (абзац 8 статьи 26), к которым СИП не отнесен. Это заставило Пленум ВАС Российской Федерации в постановлении от 08.10.2012 № 60 «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам»[3] фактически прибегнуть к аналогии закона и по совокупности норм, устанавливающих компетенцию арбитражного суда округа, и относящих СИП к суду, в том числе кассационной инстанции, отнести к его компетенции дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (пункт 10).[4] Регулирование судоустройственных вопросов в порядке аналогии, при том, что законы в этой сфере являются федеральными конституционными законами, сомнительно. Если спор, по которому впоследствии возникли основания для присуждения компенсации, разрешался по первой инстанции СИП, то проблемы не возникает; в других же случаях для отнесения дела к компетенции СИП требуется квалификация ранее рассмотренного спора в качестве спора о защите интеллектуальных прав или в качестве иного спора.

Список литературы:

1. Воронов А.Ф. О некоторых вопросах подсудности гражданских дел в свете нового законодательства о судоустройстве // Судья. 2015. № 2. - С. 58 – 64.
2. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. - 702 с.
3. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010. - 576 с.
4. Никитин С.В., Пацация М.Ш. Реализация кассационных полномочий Верховного Суда РФ и его влияние на единообразие судебной практики по делам, относящимся к компетенции Суда по интеллектуальным правам // Вестник гражданского процесса. 2022. №5. С. 14 – 40.
5. Новоселова Л.А. Процессуальные особенности рассмотрения споров Судом по интеллектуальным правам // Вестник гражданского процесса. 2013. №4. С. 8 – 26.
6. Самсонова М.В. Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 2. С. 80 - 89.
7. Ситдиков Р.Б. Новые обеспечительные меры, принимаемые судом по интеллектуальным правам, как гарантии защиты интеллектуальных прав // Вестник гражданского процесса. 2024. № 4. С. 315 - 332.

References:

1. Voronov A.F. On Some Issues of Jurisdiction in Civil Cases in the Light of the New Legislation on the Judicial System // Sudya. 2015. № 2. - S. 58 – 64.
2. Civil Procedure: A Textbook for Students of Higher Law Schools / D.B. Abushenko, K.L. Branovitskii, V.P. Volozhanin i dr.; otv. red. V.V. Yarkov. 10-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2017. - 702 s.
3.Zhilin G.A. Civil Justice: Current Issues: A Monograph: Prospekt, 2010. - 576 s.
4.Nikitin S.V., Patsatsiya M.Sh. Implementation of the Cassation Powers of the Supreme Court of the Russian Federation and its Influence on the Uniformity of Court Practice in Cases Within the Jurisdiction of the Court of Intellectual Rights // Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2022. №5. S. 14 – 40.
5. Novoselova L.A. Procedural Characteristics of Jurisdiction by the Court for Intellectual Property Rights // Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2013. №4. S. 8 – 26.
6.Samsonova M.V. Problems of Improving the Institution in Civil Cases // Aktualnie problemi rossiiskogo prava. 2024. № 2. S. 80 - 89.
7.Sitdikov R.B. New Interim Measures Taken by the Intellectual Property Rights Court as Guarantees of Intellectual Property Rights Protection // Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2024. № 4. S. 315 - 332.

[1] Там же.
[2] Собрание законодательства РФ. 01.05.1995. № 18. Ст. 1589.
[3] Вестник ВАС РФ. № 12. 2012.
[4] Аналогичная позиция воспроизведена впоследствии в абзаце 3 пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2016.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_288

УДК 349:331.4.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОХРАНУ ТРУДА
SOME LEGAL ASPECTS OF THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS INTO LABOR PROTECTION

ШУХОВ Федор Гелиевич,
кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, доцент.
196084, Россия, г. Санкт-Петербург, Черниговская ул., 5.
E-mail: fedor.ru@bk.ru;

SHUKHOV Fyodor Gelievich,
PhD in Law, St. Petersburg State University of Veterinary Medicine, Associate Professor.
196084, Russia, St. Petersburg, Chernigov St., 5.
E-mail: fedor.ru@bk.ru

Краткая аннотация. *В статье рассмотрены правовые аспекты внедрения систем искусственного интеллекта в охрану труда – область, которая затрагивает каждого сотрудника любой организации и напрямую влияющую на здоровье и благополучие граждан, а также производительность труда и стабильность экономики. Выделены основные функции, которые могут быть переданы ИИ в охране труда, а также ограничения, которые должны быть решены законодателем для создания благоприятного нормативно-правового поля для развития ИИ. Среди них: вопрос ответственности, сохранности персональных данных, актуализация отраслевого законодательства.*

Abstract. *The article examines the legal aspects of the introduction of artificial intelligence systems into labor protection, an area that affects every employee of any organization and directly affects the health and well–being of citizens, as well as labor productivity and economic stability. The main functions that can be transferred to labor protection are highlighted, as well as restrictions that must be resolved by the legislator in order to create a favorable regulatory framework for the development of AI. Among them: the issue of responsibility, the safety of personal data, updating industry legislation.*

Ключевые слова: *охрана труда, искусственный интеллект, правовое регулирование, национальная стратегия развития, персональные данные, юридическая ответственность.*

Keywords: *labor protection, artificial intelligence, legal regulation, national development strategy, personal data, legal responsibility.*

Для цитирования: *Шухов Ф.Г. Некоторые правовые аспекты внедрения систем искусственного интеллекта в охрану труда // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 288-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_288.*

For citation*: Shukhov F.G. Some legal aspects of the introduction of artificial intelligence systems into labor protection // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 288-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_290.*

Статья поступила в редакцию: 14.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Россия, как и весь мир, стремится использовать возможности цифровой трансформации и внедрения искусственного интеллекта в различные области экономики для повышения производительности труда, повышения благосостояния государства и граждан. На первых этапах этого процесса поддержка и необходимое правовое регулирование особенно важны для придания развивающемуся сектору и импульса, и легитимных рамок, очерчивающих, в том числе и этические особенности применения искусственного интеллекта.

Первые программные документы, принятые в нашей стране - Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», в которых указано стремление государства к формированию благоприятных нормативно-правовых условий для разработки и внедрения систем ИИ, а также указаны основные принципы, которые должны лечь в основу создания правового ландшафта: безопасность, гуманистический подход, уважение автономии и свободы воли человека, недискриминация, риск-ориентированный подход, ответственность за нравственный выбор, квалифицированная экспертная оценка.

При этом важно понимать, что государства выбирают различные пути создания легитимного поля для развития ИИ. При внедрении ИИ в охрану труда важно учитывать международный опыт и стремиться к гармонизации законодательства. Многие страны, такие как США, Китай и государства ЕС, уже разработали нормативные акты, регулирующие использование ИИ в различных сферах, включая охрану труда. Например, в ЕС действует Регламент об искусственном интеллекте, который устанавливает требования к прозрачности, безопасности и защите прав человека. Россия может перенять лучшие практики, адаптировав их к национальным реалиям, а также участвовать в международных инициативах по стандартизации. Это позволит не только улучшить правовое поле, но и облегчить взаимодействие с зарубежными партнерами, особенно для компаний, работающих на глобальных рынках [1][1].

Охрана труда – одна из сфер, где ИИ может быть делегирован определенный перечень полномочий. Эта сфера является жестко регулируемой, и от добросовестности выполнения правил безопасности зависит жизнь и здоровье сотрудников предприятий и окружающих людей. В тоже время продуманное внедрение ИИ в охрану труда способно существенно улучшить условия труда в различных отраслях экономики: промышленности, медицине, сельском хозяйстве, транспорте и других. ИИ интеллект способен работать для предотвращения производственных

[1] Кутейников Д. Л. Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 209-232.

травм, уменьшения риска появления профессиональных заболеваний, минимизации влияния вредных факторов на здоровье сотрудников.

Рассмотрим подробнее некоторые функции, которые может выполнять ИИ в сфере охраны труда:

– анализ данных о несчастных случаях на производстве, для установления закономерностей и проведения профилактической работы. В практике транспортных компаний есть решение по созданию модели предсказания несчастных случаев в сфере железнодорожного транспорта [2][1];

– выявление рисков и угроз, связанных с видами работ и производственными процессами. На рынке представлена российская система дистанционного контроля промышленной безопасности (СДКПБ), позволяющая на 98% прогнозировать вероятность наступления инцидентов промышленной безопасности [3][2];

– предотвращение аварий на критических зонах производства с помощью постоянного мониторинга. Одной металлургической компанией были проведены мероприятия по внедрению системы предотвращения нахождения персонала в опасных зонах. Решение с использованием машинного зрения позволяет за счет регистрации перемещений работников значительно поднять безопасность и снизить риски производственного травматизма [4][3];

– анализ фотографий и видео с рабочих мест для мониторинга соблюдений правил безопасности, использования средств индивидуальной защиты, при этом для внедрения технологии достаточно уже имеющихся камер видеофиксации [5][4];

– управление доступом в различные зоны производства без примирения персоналом дополнительных средств и устройств доступа [6][5];

– анализ здоровья сотрудников для выявления профессиональных заболеваний на ранних стадиях, что повысит эффективность профессиональных осмотров, скорость принятий управленческих решений и защитит здоровье сотрудников [7][6];

– обучение персонала в рамках компьютерной игры с возможностью моделировать ситуации [8][7].

Варианты внедрения ИИ могут быть различными, например, приглашение эксперта с готовым решением, собственные разработки организации, а также использование бесплатных или специально доработанных продуктов, представленных на рынке.

Внедрение систем искусственного интеллекта в охрану труда требует значительных финансовых вложений, однако эти затраты могут быть оправданы долгосрочными экономическими выгодами. Автоматизация процессов мониторинга и анализа данных позволяет снизить затраты на ИИ, минимизировать убытки от несчастных случаев и повысить общую эффективность производства. Например, прогнозирование аварийных ситуаций и профилактика профессиональных заболеваний способствуют сокращению расходов на компенсации и медицинское обслуживание сотрудников. Кроме того, использование ИИ может снизить страховые взносы предприятий за счет уменьшения количества инцидентов. Однако для малых и средних предприятий такие инвестиции могут оказаться затруднительными, что требует разработки государственных программ поддержки, таких как субсидии или налоговые льготы, для стимулирования внедрения инновационных технологий.

Несмотря на открывающиеся перспективы, для безопасного внедрения ИИ необходимо определиться с рядом нормативных вопросов.

Итак, охране труда уделяется много внимания на законодательном уровне, можно утверждать, что эта сфера является серьезно урегулированной, с поправкой на различные отрасли. В целом наличие четких правил является одним из условий успешного внедрения ИИ в сферу деятельности, поэтому перед тем, как будет удовлетворен запрос работодателей на внедрение систем ИИ, должны быть актуализированы и дополнены текущие правила охраны труда в различных областях с учетом возможного применения систем ИИ. Это будет способствовать устойчивости применения заданных алгоритмов, подотчетности, прозрачности, объективности выполнения требований по охране труда. При этом чем меньший человеческий контроль предполагается при использовании систем ИИ, тем жестче должны быть требования к организации и проверке системы. Эти требования и методики оценки работы ИИ должны быть отражены в отраслевых правилах охраны труда, а также в ГОСТах.

В тоже время важным фактором трудовых отношений является личный характер труда, что предполагает права, обязанности и льготы для сотрудника. ИИ, конечно, не может рассматриваться как сотрудник, лишь как инструмент для увеличения производительности труда.

Здесь также необходимо заметить, что о полном контроле над принятием решений ИИ сейчас речи не идет. Это связано с существенными ограничениями в работе ИИ, например, необходимостью системы работы с персональными данными, а значит, обеспечение должного уровня их защиты, а также с предвзятостью систем в том смысле, что при принятии решений они опираются на ограниченный набор данных, что может существенно исказить конечный результат. В этом вопросе актуальны как законодательные барьеры, так и этическая составляющая. Должен быть разработан перечень минимально необходимых персональных данных, в т.ч. биометрических, которые может использовать ИИ, а также обеспечены их сохранность. Это предполагает внесение поправок в закон 152-ФЗ «О персональных данных».

Кроме того, открытым остается вопрос об ответственности ИИ, что актуально при любом его использовании, однако, в случае охраны

[1] Создана модель прогнозирования рисков на железной дороге с помощью нейросети https://rzddigital.ru/science/annotation/sozdana-model-prognozirovaniya-riskov-na-zheleznoy-doroge-s-pomoshchyu-neyroseti/

[2] **«Крок» представила отечественную систему дистанционного контроля промышленной безопасности** https://www.cnews.ru/news/line/2022-12-01_krok_predstavila_otechestvennuyu?ysclid=mbrgs93hmk893833184

[3] **ММК задействовал искусственный интеллект в предотвращении производственных травм** https://www.kommersant.ru/doc/6147513

[4] **Контроль применения средств индивидуальной защиты** https://www.vostok.spb.ru/services/videoanalitika/kontrol_primeneniya_siz.php

[5] **Организация системы контроля доступа на предприятии** https://www.cta.ru/articles/cta/otrasli/bezopasnost/124423/?ysclid=mbrh0bv2ug743330127

[6] Шилов В. В., Никанов А. Н., Баринов В. А. ВОЗМОЖНОСТИ ТЕХНОЛОГИЙ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДИАГНОСТИКЕ И ЭКСПЕРТИЗЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ // Всероссийская научно-практическая конференция «Цифровая трансформация в медицине труда и производственной медицине (к 85-летию академика РАН Н. Х. Амирова)». 2024. №1. С. 134-137.

[7] В Ю. Контарева, В В. Белик Игровые компьютерные технологии в обучении технике безопасности на предприятиях агропромышленного комплекса // Безопасность техногенных и природных систем. 2022. №4. С. 12-21.

труда приобретает особую важность, т.к. функционально его решения будут связаны со здоровьем работников, состоянием окружающей среды и благополучием граждан, что должно быть отражено в Гражданском кодексе РФ и в Трудовом кодексе РФ.

В ситуациях использования результатов работы ИИ при проверках исполнительными органами, а также в процессе судопроизводства, необходимо обеспечить признаваемость доказательств, предоставленных ИИ, что естественным образом вытекает из предварительной работы по описанию, мониторингу и анализу используемых ИИ алгоритмов для обеспечения валидности получаемых данных. Указанная проблема может быть решена только на этапе достаточного нормативного регулирования ИИ путем внесения изменений в Кодекс об административных правонарушениях и процессуальное законодательство.

Кроме того, важным этическим аспектом является должная подготовка персонала к активному участию ИИ в их рабочей жизни, что может быть воспринято как тотальный контроль. В тоже время, работодатели должны соблюдать баланс между комфортом сотрудников и автоматизацией охраны труда. На текущем этапе развития систем ИИ этот вопрос не является основным, однако, в перспективе он может решаться на уровне профсоюзов сотрудников и объединений работодателей.

Таким образом, переход от экспериментального внедрения ИИ в охрану труда к полноценной цифровизации сферы возможен при дальнейшем развитии законодательства, а именно необходимо обеспечить решение на правовом уровне вопросов о актуализации правил охраны труда и отраслевого законодательства с учетом возможного применения ИИ; актуализировать законодательство о персональных данных таким образом, чтобы с одной стороны обеспечить конфиденциальность сотрудников, а с другой – возможности развития цифровых технологий; решить вопрос об ответственности за принятые ИИ решения; обеспечить признаваемость данных, полученных ИИ в качестве доказательств при трудовых спорах, в судебных процессах, контрольно-надзорных мероприятиях; учитывать этическую составляющую внедрения ИИ, а также психологический комфорт сотрудников при увеличении контролирующего воздействия, которое лишено человеческого фактора.

Список литературы:

1. Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2022. -Том 8. - № 1 (29). - С. 209-232.
2. Создана модель прогнозирования рисков на железной дороге с помощью нейросети [Электронный ресурс] URL: https://rzddigital.ru/science/annotation/sozdana-model-prognozirovaniya-riskov-na-zheleznoy-doroge-s-pomoshchyu-neyroseti/ (дата обращения: 11.06.2025)
3. «Крок» представила отечественную систему дистанционного контроля промышленной безопасности [Электронный ресурс] URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-12-01_krok_predstavila_otechestvennuyu?ysclid=mbrgs93hmk893833184 (дата обращения: 11.06.2025)
4. ММК задействовал искусственный интеллект в предотвращении производственных травм [Электронный ресурс] URL: https://www.kommersant.ru/doc/6147513 (дата обращения: 11.06.2025)
5. Контроль применения средств индивидуальной защиты [Электронный ресурс] URL: https://www.vostok.spb.ru/services/videoanalitika/kontrol_primeneniya_siz.php (дата обращения: 11.06.2025)
6. Организация системы контроля доступа на предприятия [Электронный ресурс] URL: https://www.cta.ru/articles/cta/otrasli/bezopasnost/124423/?ysclid=mbrh0bv2ug743330127 (дата обращения: 11.06.2025)
7. Шилов В. В., Никанов А. Н., Баринов В. А. Возможности технологий телемедицины и искусственного интеллекта в диагностике и экспертизе профессиональных заболеваний // Всероссийская научно-практическая конференция «Цифровая трансформация в медицине труда производственной медицине (к 85-летию академика РАН Н. Х. Амирова)». - 2024. - №1. - С. 134-137.
8. Контарева В. Ю., Белик В. В. Игровые компьютерные технологии в обучении технике безопасности на предприятиях агропромышленного комплекса // Безопасность техногенных и природных систем. - 2022. - №4. - С. 12-21.

References:

1. Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. Key approaches to the legal regulation of the use of artificial intelligence systems // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. - 2022. -Tom 8. - № 1 (29). - Pp. 209-232.
2. A model of forecasting risks on the railway using a neural network has been created [Electronic resource] URL: https://rzddigital.ru/science/annotation/sozdana-model-prognozirovaniya-riskov-na-zheleznoy-doroge-s-pomoshchyu-neyroseti / (date of request: 06/11/2025)
3. Krok presented the domestic system of remote control of industrial safety [Electronic resource] URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-12-01_krok_predstavila_otechestvennuyu ?ysclid=mbrgs93hmk893833184 (accessed: 06/11/2025)
4. MMK has used artificial intelligence to prevent occupational injuries [Electronic resource] URL: https://www.kommersant.ru/doc/6147513 (date of request: 06/11/2025)
5. Control of the use of personal protective equipment [Electronic resource] URL: https://www.vostok.spb.ru/services/videoanalitika/kontrol_primeneniya_siz.php (date of access: 06/11/2025)
6. Organization of an access control system for enterprises [Electronic resource] URL: https://www.cta.ru/articles/cta/otrasli/bezopasnost/124423 /?ysclid=mbrh0bv2ug743330127 (accessed: 06/11/2025)
7. Shilov V. V., Nikanov A. N., Barinov V. A. The possibilities of telemedicine and artificial intelligence technologies in the diagnosis and examination of occupational diseases // All-Russian scientific and practical conference "Digital transformation in occupational medicine (dedicated to the 85th anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences N. H. Amirov)". - 2024. - No. 1. - pp. 134-137.
8. Kontareva V. Yu., Belik V. V. Game computer technologies in safety education at enterprises of the agro-industrial complex // Safety of technogenic and natural systems. - 2022. - No. 4. - pp. 12-21.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_291

УДК 340

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ
LEGAL ASPECTS OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION: TRENDS AND CHALLENGES

САРАЕВА Оксана Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и сервиса,
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru;

SARAEVA Oksana Nikolaevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Management and Service, Baikal State University, Irkutsk, Russia.
11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru.

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы внедрения в систему образования цифровых технологий, преодоления организационных и правовых препятствий процесса трансформации образования в стране. Происходящие в стране процессы внедрения цифровых технологий в сферу образования, диктуются актуальностью и поддерживаются на государственном уровне и широкой общественностью. Анализ публично-правовой регламентации цифровой трансформации образования на действующем этапе ее реализации позволил выявить ряд проблем и предложить пути решения этих проблем.*

Abstract. *The article considers the current problems of introducing digital technologies into the education system, overcoming organizational and legal obstacles to the process of transforming education in the country. The ongoing processes of introducing digital technologies into the field of education in the country are dictated by relevance and are supported at the state level and by the general public. An analysis of public-legal regulation of the digital transformation of education at the current stage of its implementation allowed us to identify a number of problems and propose solutions to these problems.*

Ключевые слова*: образовательные технологии, система образования, трансформация образования, цифровизация, информационные и коммуникационные технологии, онлайн-обучение.*

Keywords: *educational technologies, education system, transformation of education, digitalization, information and communication technologies, online learning.*

Для цитирования: *Сараева О.Н. Правовые аспекты цифровой трансформации в системе профессионального образования: тенденции и вызовы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 291-294. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_291.*

For citation*: Saraeva O.N. Legal aspects of digital transformation in the system of professional education: trends and challenges // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 291-294. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_291.*

Статья поступила в редакцию: 01.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[1] образование определено в качестве одного из направлений, по которым разрабатываются соответствующие национальные проекты.

Поставленные в Указе задачи на текущей момент имеют нормативную конкретизацию в таких документах, как: Паспорт национального проекта «Образование»[2]; постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды»[3]; постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2020 г. № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда»[4]; приказ Министерства просвещения Российской Федерации (далее – Минпросвещения России) от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды»[5].

Все эти документы получили дополнительное развитие в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[6], в котором одной из основных национальных целей развития определена цифровая трансформация, включающая достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе образования.

Образование как фундаментальная сфера государственной и общественной жизни в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации обладает высокой значимостью для человеческого потенциала и устойчивого национального развития. В эпоху, когда информация стано-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. №20. Ст. 2817.
[2] Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // СПС «КонсультантПлюс».
[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50. Ст. 8240.
[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2020 г. № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 47. Ст. 7538.
[5] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2025).
[6] Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884

вится ключевым ресурсом, а скорость технологических изменений экспоненциально возрастает, система образования сталкивается с беспрецедентными вызовами и возможностями. Ее роль выходит далеко за рамки простого транслирования знаний, приобретая функции формирования критического мышления, развития творческих способностей и подготовки граждан к жизни и деятельности в сложном, динамично меняющемся мире.

Цифровая трансформация, проникая во все аспекты образовательной деятельности, предоставляет уникальные инструменты для повышения доступности и качества образования. Онлайн-платформы, интерактивные учебные материалы, технологии виртуальной и дополненной реальности открывают новые горизонты для индивидуализации обучения, позволяя каждому обучающемуся осваивать знания в удобном темпе и формате, исходя из его личных потребностей и способностей. Однако, вместе с этим, цифровая трансформация ставит перед образованием новые вопросы, требующие тщательного анализа и взвешенных решений.

По мнению Н.Ф. Ворониной «государство должно активно вовлекаться в процесс создания условий для включения достижений цифровизации в повседневную организацию жизнедеятельности населения, восприятия её как нормы» [3, с. 1177].

Стратегические изменения, направленные на модернизацию общественного и государственного пространства, опираются на сферу образования как на важнейшее направление цифровой трансформации социальной сферы. Именно образование формирует фундамент для развития человеческого капитала, определяя конкурентоспособность страны в эпоху глобальных технологических перемен. Инвестиции в образовательные технологии и создание инновационных образовательных программ становятся ключевыми факторами успеха в достижении устойчивого социально-экономического прогресса.

В контексте цифровой трансформации образования акцент смещается на персонализированное обучение, адаптивные образовательные платформы и использование больших данных для улучшения образовательных траекторий. Новые технологии позволяют создавать интерактивные учебные материалы, расширять доступ к образованию для людей с разными потребностями и возможностями, а также автоматизировать рутинные задачи преподавателей, освобождая их время для более творческой и наставнической работы. Национальный проект «Образование» является базовым проектно-стратегическим документом рассматриваемой цифровой трансформации российского образования и ставит свой целью обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение РФ в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования, а также воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций[1].

Одной из ключевых задач национального проекта является повышение качества образования на всех уровнях. Это достигается посредством внедрения новых образовательных технологий, обновления содержания учебных программ с учетом современных требований рынка труда и развития цифровой образовательной среды. Внедряются персонализированные подходы к обучению, позволяющие учитывать индивидуальные особенности и потребности каждого ученика. Большое внимание уделяется развитию профессиональных компетенций педагогов, их переподготовке и повышению квалификации.

Развитие системы профессионального образования является еще одним приоритетным направлением национального проекта. Цель – подготовка квалифицированных кадров, востребованных на рынке труда. Для этого модернизируется материально-техническая база профессиональных образовательных учреждений, обновляются учебные программы с учетом требований работодателей, внедряются дуальные формы обучения, сочетающие теоретическую подготовку с практической работой на предприятиях[2].

Стоит согласиться с О.В. Чистяковой, которая считает, что «перспективной считается реализация национальных проектов, которые позволят развить инфраструктуру для коммерциализации прикладных научных разработок, содействия молодым учёным и предпринимателям» [6, с. 1005].

Если говорить об общем образовании в России, то да, можно сказать, что Россия вошла в десятку ведущих стран мира по качеству общего образования, создано 791,7 тыс. новых мест в школах, более 84% детей в возрасте от 5 до 18 лет охвачены дополнительным образованием, 52% школьников и 81% педагогов активно используют сервисы федеральной платформы цифровой образовательной среды[3].

Кроме того, по всей России реализуется масштабная программа развития системы среднего профессионального образования «Профессионалитет».

В рамках национального проекта «Кадры»[4] планируется создание тесного взаимодействия системы образования, в которую входят школы, колледжи и вузы, и реального сектора экономики[5].

Будут разработаны программы профориентации молодёжи. Например, «Лучший по профессии», «Больше, чем работа», Всероссийская ярмарка трудоустройства, Фестиваль профессий и другие. Выстраивание взаимодействия между работодателями, образовательными учреждениями и службами занятости. Для этого создаются соответствующие кадровые центры. Также должна чётко действовать единая цифровая платформа «Работа России», которая должна содержать актуальную информацию.

«Работа в России»[1] **–** единая цифровая платформа в сфере занятости и трудовых отношений**.** Это федеральная государственная ин-

[1] Национальный проект «Образование». [Электронный ресурс]. URL: https://edu.gov.ru/national-project/about/ (дата обращения: 03.03.2025).
[2] Национальный проект «Образование» в России в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/society/63339426/ (дата обращения: 03.03.2025).
[3] Национальный проект «Образование» в России в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/society/63339426/ (дата обращения: 03.03.2025).
[4] Целью национального проекта «Кадры» является подготовка отечественных высококвалифицированных кадров с учетом демографической ситуации, что повлияет на экономический рост и развитие России. Нацпроект «Кадры» будет состоять из двух частей. Одна из них связана с программой образования и соответствием новым приоритетам тех, кого готовят в рамках контрольных цифр приема и внебюджетной подготовки. Другая включает инфраструктурные изменения, инженерные школы в высшем образовании, иной взгляд на среднее специальное образование, а также федеральный проект «Профессионалитет» (согласно замыслу, 85% ребят, подготовленных в рамках «Профессионалитета», трудоустроят по их направлениям).
[5] Нацпроект «Кадры» – системообразующий для всей экономики страны. [Электронный ресурс]. URL: https://ac.gov.ru/news/page/nacproekt-kadry-sistemoobrazuusij-dla-vsej-ekonomiki-strany-27858 (дата обращения: 03.03.2025).

формационная система, проект Федеральной службы по труду и занятости.

Думается, что в ближайшей десятилетней перспективе будет актуален главный тренд **–** непрерывное образование, а также преемственность всех его уровней.

М.В. Савельева считает, что «правовое регулирование осуществляется в среде, детерминированной новыми технологиями и требуют понимания его роли в регулировании человеческих отношений» [5, с. 87].

Огромное количество национальных проектов, у каждого из которых амбициозные цели, конкретные сроки исполнения, вынуждают государства и компании трансформировать организацию производства в парадигме «цифровой индустрии» (Industry 4.0)[2] Цифровая индустрия Industry 4.0 – это интеграция инструментов и технологий, таких как большие данные, облачные системы, роботы, 3D-печать, 3D-моделирование и так далее, которые объединены в глобальную систему передачи цифровых данных, обеспечивают полную скоординированность и высокую автономность.

В образовании направление Industry 4.0 предполагает цифровую трансформацию, которая включает в себя: улучшение и развитие материальной инфраструктуры (создание дата-центров, разработка и развитие новых каналов связи и устройств для применения цифровых учебно-методологических материалов); разработку и внедрение цифровых программ (создание, тестирование и применение учебно-методических материалов с применением технологий машинного обучения, искусственного интеллекта и т.д.); совершенствование и развитие онлайн-обучения, постепенная замена бумажных носителей электронными; разработку и внедрение новых систем управления обучением (программы по администрированию и контролю учебных курсов); создание новых моделей учебного заведения (использование инструментов и устройств Индустрии 4.0); повышение квалификации педагогов в сфере цифровых технологий (далее – ЦТ).

Также в рамках направления Industry 4.0 в образовании используются, например, STEAM-технологии[3], которые позволяют сформировать у обучающихся необходимые для Индустрии 4.0 навыки и компетенции [1, с. 325].

Однако, проблема то в том, что обеспечение образовательных организаций ЦТ само по себе не гарантирует повышение образовательных результатов. Большинство ученых считают, что цифровизация, напротив, не упрощает различные общественные процессы, а создает качественно новую социальную проблему, сложную для оперативного реагирования[4].

В процессе преодоления «технологической цифровой пропасти» увеличивается новая цифровая пропасть. Это относится к возникающими неравенствами между теми, кто способен творчески использовать ЦТ для выполнения научных работ, таких как исследования, наблюдения, конструирования, и теми, кто способен использовать ЦТ только для элементарных операций [2, с. 303].

Подготовка профессиональных кадров в рамках цифрового общества предполагает качественную переподготовку профессорско-преподавательского состава (далее – ППС)[5], что включает в себя повышение цифровой грамотности; обладание навыком оцифровки учебно-методических материалов и пособий для использования их в своей педагогической деятельности; навыками создания электронных учебных материалов с использованием интерактивных технологий и программируемого обучения, навыком создания массовых открытых образовательных курсов и возможностью качественно организовать обучение онлайн и/или в смешанном формате, при этом, сохраняя навыки эффективной коммуникации.

Одной из проблем в процессе цифровизации высшего образования, является то, что многие образовательные учреждения не осуществляют финансирование обучения своих сотрудников, в связи с чем мотивация преподавателей на непрерывное обучение на данный момент является довольно сложной задачей. Современный этап цифровой трансформации системы образования предполагает погружение всех его участников в цифровое образовательное пространство или цифровую образовательную среду (далее **–** ЦОС), которая является совокупностью информационных систем, цифровых устройств и источников, инструментов и сервисов, созданных для обеспечения образовательного процесса в рамках работы учебных заведений [2, с. 307].

В настоящее время основной задачей ВУЗов страны является определение эффективности цифровой образовательной среды. Это обусловлено стремительным развитием информационных технологий и их повсеместным внедрением во все сферы жизни, включая образование. ЦОС рассматривается как ключевой инструмент повышения качества образования, обеспечения его доступности и соответствия современ-

[1] Оператор цифровой платформы «Работа России» – Федеральная служба по труду и занятости (Роструд). Платформа была создана в 2015 году. Доступ к платформе свободный и бесплатный по ссылке: trudvsem.ru.

[2] «Цифровая индустрия 4.0» – это новый этап развития экономики, характеризующийся интеграцией интеллектуальных технологий, обменом данными и автоматизацией. Ключевые характеристики цифровой индустрии 4.0: Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (AI) и робототехника. Эти технологии позволяют предприятиям автоматизировать процессы, собирать и анализировать данные в режиме реального времени и оптимизировать производственные процессы.
Преимущества цифровой индустрии 4.0: повышение производительности, эффективности и прибыльности. Интеграция интеллектуальных технологий и анализа данных позволяет быстрее и более обоснованно принимать решения, что ведёт к повышению качества продукции и снижению затрат.

[3] STEAM-технологии – это направление в образовании, которое объединяет научные дисциплины (Science), технологии (Technology), инженерию (Engineering) и математику (Mathematics) в единую систему обучения. Суть такого подхода: ориентация на практическое применение знаний, выстраивание тесных связей между учебными дисциплинами, визуализация научных явлений для более глубокого понимания теории. STEAM-технологии способствуют развитию: творческого мышления и практических навыков, а также подготавливают к успешной адаптации в быстро меняющемся мире технологий и научных открытий.
В STEAM-образование могут входить следующие аспекты: естественнонаучная грамотность, инженерия, математика, технология и искусство. Обязательными условиями такого обучения являются его непрерывность и возможность взаимодействия детей в рабочих группах.

[4] Мнение о том, что цифровизация создаёт качественно новую социальную проблему, сложную для оперативного реагирования, высказывают, например, А. М. Торотоева в своём обзоре «Цифровизация общества: проблемы реализации и новые возможности» (2021) и Е. В. Зайцева, доцент РЭУ им. Г. В. Плеханова, в работе «Опасности цифровой экономики: факторы изменения основ человеческого взаимодействия» (2020). У Цзежэнь в своей научной статье «Основные противоречия в цифровизации современного общества» (2024) отмечает, что цифровизация при всех её преимуществах не обходится без целого ряда вызовов и проблем. Распространение информационных технологий создаёт угрозы в области кибер- и информационной безопасности, личного пространства граждан. Также возникают социальные и экономические проблемы, связанные с цифровым разделением общества – отсутствием доступа к технологиям и навыкам у определённых слоёв населения.

[5] По данным Росстата, на начало 2023 года в России числилось более 2,3 миллиона педагогов. Среди них более 620 тысяч воспитателей детсадов; более 1,2 миллиона школьных учителей; более 154 тысяч преподавателей и мастеров среднего профессионального образования; более 178 тысяч преподавателей вузов. Кроме того, в стране работало более 211 тысяч педагогов дополнительного образования. Максимальный средний возраст наблюдается у профессоров — 61–62 года. Минимальный средний возраст — у ассистентов, 35 лет. Разница между ними более 25 лет, то есть, чем выше должность, тем выше и средний возраст преподавателя. Исключение составляют заведующие кафедрами и деканы. По исследованию Университета МИСИС, почти 30% преподавателей вузов России старше 60 лет. За последние 30 лет их доля выросла почти в 4 раза.

ным требованиям рынка труда.

Выделим некоторые задачи, которые помогают определить эффективность цифровой образовательной среды: 1) разработка и апробация цифровых учебно-методических комплексов, включает оценку результативности и практичности цифровых ресурсов, инструментов и сервисов на экспериментальных площадках, создаваемых на базе образовательных организаций. Например, разработка интерактивных образовательных программ, ориентированных на интерактивное обучение и включающие в себя учебные игры, визуальные модели, симуляции и другие формы интерактивных образовательных ресурсов;

2) Создание системы оценивания эффективности и качества работы как студентов, так и преподавателей. Если для оценки качества подготовки студентов традиционно используется показатель качества – оценки «2», «3»,«4», «5», то для оценки эффективности учебной работы преподавателей можно, например, определить эффективность учебной работы преподавателя при изучении студентами одной дисциплины как отношение среднего балла оценок, полученных на экзамене (зачёте), к оценке, полученной преподавателем за выполнение тестовых заданий. Также оценку качества обучения студентов и эффективности учебной работы преподавателей можно проводить с учётом не только результатов их тестирования, но и объёма проведённых аудиторных занятий;

3) Разработка системы оценивания профессионализма выпускников. Показателями успешного развития цифровой образовательной среды считаются уровень профессионализма выпускников, их самореализация в будущей деятельности и способность стать конкурентоспособными на рынке труда. Для разработки системы оценивания профессионализма выпускников в контексте успешного развития цифровой образовательной среды можно рассмотреть следующие аспекты:- определение критериев и показателей. Они должны отражать уровень профессионализма, способность к самореализации в будущей деятельности и конкурентоспособности на рынке труда. Например, для педагогов это могут быть знания предмета, владение методиками и технологиями, информационно-коммуникационными технологиями, дисциплинированность, самокритичность, готовность к сотрудничеству и другие [4, с. 101].

Далее, использование цифровых следов. Это результаты образовательной и профессиональной деятельности в цифровом формате, которые позволяют определить уровень компетентности, сформировать траекторию обучения, возможности и стратегии дальнейшего развития.

Далее, разработка диагностического инструментария. Он должен помочь определить уровни сформированности профессионально важных качеств будущих специалистов для работы в цифровой образовательной среде. Например, для этого можно использовать рефлексивный инструментарий[1]. Также для оценки профессионализма выпускников можно использовать электронное портфолио[2], в котором сохраняются студенческие работы, обзоры и оценки любых участников образовательного процесса.

В данный момент цифровизация высшего образования в России является одной из основных задач цифровой экономики. На пути к осуществлению поставленной цели встречается ряд описанных выше трудностей. Для того, чтобы справиться с ними, понадобится не один год, многомиллионные финансовые вложения и скоординированная работа десятков тысяч человек.

Список литературы:

1. Анисимова Т. И. STEAM-образование как инновационная технология для Индустрии 4.0 / Т. И. Анисимова, О. В. Шатунова, Ф. М. Сабирова // Научный диалог. 2018. № 11. С. 322-332.
2. Белоусова Т.П. Цифровая трансформация высшего образования в России / Т.П. Белоусова // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2А-3А. С. 303-309.
3. Воронина Н.Ф. Человеческий потенциал в образовании как основа становления цифровой экономики / Н.Ф. Воронина // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 3. С. 1177-1186.
4. Колоскова Г.А. Цифровая образовательная среда вуза как условие формирования профессиональных компетенций студентов / Г.А. Колоскова // Вопросы методики преподавания в вузе. 2021. №37. С. 99-106.
5. Савельева М.В. Искусственный интеллект как участник современных правоотношений / М.В. Савельева // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 1. С. 86-94.
6. Чистякова О.В. Интеграция науки, образования и бизнеса для обеспечения технологического суверенитета России / О.В. Чистякова // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 3. С. 1001-1014.

References:

1. Anisimova T. I. STEAM education as an innovative technology for Industry 4.0 / T. I. Anisimova, O. V. Shatunova, F. M. Sabirova // Scientific dialogue. 2018. No. 11. P. 322-332.
2. Belousova T.P. Digital transformation of higher education in Russia / T.P. Belousova // Pedagogical Journal. 2023. T. 13. No. 2A-3A. pp. 303-309.
3. Voronina N.F. Human potential in education as the basis for the formation of a digital economy / N.F. Voronina // Baikal Research Journal. 2024. T. 15, No. 3. P. 1177-1186.
4. Koloskova G.A. Digital educational environment of the university as a condition for the formation of professional competencies of students / G.A. Koloskova // Issues of teaching methods at the university. 2021. No. 37. Pp. 99-106.
5. Savelyeva M.V. Artificial intelligence as a participant in modern legal relations / M.V. Savelyeva // Academic Law Journal. 2024. Vol. 25, No. 1. Pp. 86-94.
6. Chistyakova O.V. Integration of science, education and business to ensure the technological sovereignty of Russia / O.V. Chistyakova // Baikal Research Journal. 2024. Vol. 15, No. 3. Pp. 1001-1014.

[1] Рефлексивный инструментарий – это набор методов и инструментов, позволяющих проводить рефлексию для решения различных задач. Также существует понятие рефлексивной технологии обучения, которая представляет совокупность психолого-педагогических установок, определяющих специальный набор и компоновку форм, методов, способов, приёмов обучения, воспитательных средств.

[2] Электронное портфолио – это набор электронных доказательств, собираемых и управляемых пользователем. Оно предназначено для фиксации, накопления и оценки результатов деятельности и достижений в разных областях с помощью информационных технологий. Структура электронного портфолио может включать: портфолио документов - включает в себя сертифицированные индивидуальные достижения: свидетельства, грамоты, дипломы, удостоверения, сертификаты, выписки и другие документы; портфолио работ – представляет собой собрание различных материалов, проектных и творческих работ, отражающих основные направления и виды деятельности: текстовые документы, фотографии, видеоматериалы, ссылки на материалы; портфолио отзывов- содержит материалы самооценки (рефлексии), а также тексты, заключения, рецензии, отзывы, резюме, рекомендательные письма и другие документы или материалы, дающие оценку деятельности. Для создания электронного портфолио можно использовать, например, онлайн-сервис uPortfolio.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_295

УДК 342

ОБ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ УЧАСТИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА
ON ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISMS FOR THE PARTICIPATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN COUNTERING THE IDEOLOGY OF TERRORISM AND PREVENTING EXTREMISM

РОСЕНКО Мария Ивановна,
доктор политических наук, профессор кафедры «Конституционное и административное право» Севастопольского государственного университета.
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: mariyair@mail.ru;

ПУЗАНОВ Андрей Михайлович,
директор Координационного центра по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Севастопольского государственного университета.
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: mariyair@mail.ru;

ROSENKO Maria Ivanovna,
Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law Sevastopol State University.
33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia.
E-mail: mariyair@mail.ru

PUZANOV Andrey Mikhailovich,
Director of the Coordination Center for the Formation of Active Citizenship among Young People, the Prevention of interethnic and interfaith conflicts, countering the ideology of terrorism and the Prevention of Extremism at Sevastopol State University.
33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia.
E-mail: mariyair@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье рассмотрены актуальные организационно-правовые механизмы участия учреждений системы образования в противодействии идеологии терроризма и профилактике экстремизма в контексте реагирования на современные источники вызовов и угроз, оказывающих влияние на внутренние и внешние факторы возникновения экстремизма и терроризма в современной России, определены подходы к разработке структуры воспитательно-профилактической системы ВУЗа и оценке эффективности использования её потенциала в противодействии идеологии терроризма на примере ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».*

Abstract: *the article examines current organizational and legal mechanisms for the participation of educational institutions in countering the ideology of terrorism and preventing extremism in the context of responding to modern sources of challenges and threats that influence internal and external factors of extremism and terrorism in modern Russia., The approaches to the development of the structure of the educational and preventive system of the University and the assessment of the effectiveness of using its potential in countering the ideology of terrorism are determined using the example of the Sevastopol State University.*

Ключевые слова: *правовые механизмы, терроризм, экстремизм, воспитательно-профилактическая система, профилактика терроризма, противодействие идеологии терроризма, молодежь.*

Keywords: *legal mechanisms, terrorism, extremism, educational and preventive system, prevention of terrorism, countering the ideology of terrorism, youth.*

Для цитирования: *Росенко М.И., Пузанов А.М. Об организационно-правовых механизмах участия учреждений системы образования в противодействии идеологии терроризма и профилактике экстремизма // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 295-300. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_295.*

For citation*: Rosenko M.I., Puzanov A.M. On organizational and legal mechanisms for the participation of educational institutions in countering the ideology of terrorism and preventing extremism // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 295-300. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_295.*

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025

Актуальность темы исследования. В настоящее время Россия находится в состоянии «гибридной войны» против кратно превосходящих сил т.н. «коллективного запада», основной целью которых является - стратегическое поражение России. Для достижения заявленной цели данными субъектами международного права все чаще применяются террористические формы и методы борьбы.

Разведывательно-подрывная деятельность иностранных спецслужб, противоправная деятельность ячеек и отдельных представителей запрещенных в России террористических и экстремистских организаций, подконтрольных в том числе государственным структурам и иностранным спецслужбам, враждебная деятельность иностранных СМИ, лидеров общественного мнения и отдельных лиц, отвечающих за непосредственную реализацию такой деятельности, создает угрозу безопасности нашей страны и ее населению, подрывает общественно-политическую стабильность, провоцирует снижение доверия населения к власти.

Возникающие в настоящее время перед нашей страной и обществом угрозы, их острота, а также последствия, к которым может привести реализация данных угроз, требуют незамедлительной активизации деятельности всех институтов гражданского общества в указанном направлении, для чего требуется правовое обоснование. Молодежная среда является приоритетной целью для втягивания в разведывательно-подрывную, террористическую и иную противоправную деятельность, чем обусловлена актуальность организационно-правовых аспектов участия учреждений системы образования в противодействии идеологии терроризма и профилактике экстремизма в молодежной среде, обеспечения безопасности участников образовательного процесса конкретной образовательной организации, молодежи и населения региона.

Построение эффективной системы противодействия идеологии терроризма как в масштабах страны в целом, так и в масштабах сфе-

ры образования конкретного региона и/или отдельного образовательного учреждения невозможно без регулярного анализа обстановки на данном направлении работы и определения основных источников угроз.

Большинство основных угроз террористического и экстремистского характера, актуальных для нашей страны в настоящее время, обозначены в основных документах стратегического планирования.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1], среди прочих, выделяются следующие угрозы:

«- экстремистские проявления, которые оказывают дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку в стране;

- деструктивные силы за рубежом и внутри страны предпринимают попытки использования объективных социально-экономических трудностей в Российской Федерации в целях стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере.

- активная разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, осуществляемая в том числе с использованием подконтрольных им российских общественных объединений и отдельных лиц.

- международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи.

- широкое использование деструктивными силами возможностей глобальных интернет-компаний для распространения недостоверной информации, организации незаконных публичных акций.»

В Концепции противодействия терроризму [2] перечислены основные внутренние и внешние факторы, обуславливающие наиболее острые причины распространения терроризма в стране.

В качестве внутренних факторов Концепцией определены следующие:

«а) межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия;

б) наличие условий для деятельности экстремистски настроенных лиц и объединений;

в) недостаточная эффективность правоохранительных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму;

г) ненадлежащий контроль за распространением идей радикализма, пропагандой насилия и жестокости в едином информационном пространстве Российской Федерации;

д) недостаточно эффективная борьба с организованной преступностью и коррупцией, незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.»

К основным внешним факторами, способствующим возникновению и распространению терроризма в Российской Федерации Концепцией отнесены:

«а) попытки проникновения международных террористических организаций в отдельные регионы Российской Федерации;

б) наличие очагов террористической активности вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников;

в) наличие в иностранных государствах лагерей подготовки боевиков для международных террористических и экстремистских организаций, в том числе антироссийской направленности, а также теологических учебных заведений, распространяющих идеологию религиозного экстремизма;

г) финансовая поддержка террористических и экстремистских организаций, действующих на территории Российской Федерации, со стороны международных террористических и экстремистских организаций;

д) стремление ряда иностранных государств, в том числе в рамках осуществления антитеррористической деятельности, ослабить Российскую Федерацию и ее позицию в мире, установить свое политическое, экономическое или иное влияние в отдельных субъектах Российской Федерации;

е) распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и средства массовой информации;

ж) заинтересованность субъектов террористической деятельности в широком освещении своей деятельности в средствах массовой информации в целях получения наибольшего общественного резонанса;

з) отсутствие в международном сообществе единого подхода к определению причин возникновения и распространения терроризма и его движущих сил, наличие двойных стандартов в правоприменительной практике в области борьбы с терроризмом;

и) отсутствие единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровнях.»

В разделе II Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [3] определены Основные источники угроз экстремизма в современной России. В данном документе стратегического планирования отмечается, что «экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, основных прав и свобод человека и гражданина, подрывает государственную и общественную безопасность, создает реальную угрозу суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации, основам конституционного строя Российской Федерации, а также межнациональному (межэтническому), межконфессиональному единству и гражданскому единению, культурному развитию, политической и социальной стабильности».

При этом указано, что «экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских организаций, деятельность которых угрожает национальной безопасности Российской Федерации».

Положения пунктов 8-33 Стратегии свидетельствуют, что угрозы экстремистского характера на современном этапе развития страны затрагивают основные сферы общественной жизни (политическую, экономическую, социальную и культурную), что обосновывает новые требования к деятельно-

сти по предупреждению экстремистских проявлений и противодействию экстремизму на всех уровнях жизнедеятельности нашего общества.

Более того, деятельность экстремистских и террористических организаций оценивается одной из основных угроз традиционным российским духовно-нравственным ценностям, что закреплено в п. 13 Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4].

Анализ вышеперечисленных документов стратегического планирования, с учетом складывающейся вокруг России геополитической ситуации, позволяет сделать вывод, что терроризм, как и экстремизм, являются экзистенциальной угрозой для нашей страны, а также имеют широкий спектр своих проявлений. В связи этим, организация эффективного противодействия указанным негативным явлениям возможна исключительно на системной, всесторонней и непрерывной основах.

Угрозы террористического и экстремистского характера затрагивают все основные сферы жизнедеятельности и характерны для всей Российской Федерации. Однако, в связи с тем, что город федерального значения Севастополь находится в непосредственной близости к зоне проведения СВО, имеется ряд значительных особенностей, которые являются существенной региональной спецификой и должны учитываться при определении наиболее актуальных угроз экстремистского и террористического характера.

Так, наиболее актуальной угрозой на обозначенном направлении работы является деятельность спецслужб Украины и стран так называемого «коллективного запада», которыми с использованием ИТКС «Интернет» ведется широкая информационно-психологическая кампания, направленная на дестабилизацию общественно-политической обстановки в регионе, в том числе путем попыток обострения межнациональных и межконфессиональных отношений, продвижения деструктивных идеологий, с целью вовлечения населения региона в противоправную деятельность.

В рамках мониторинга Координационным центром Университета в 2025 году в региональном сегменте сети Интернет выявлены 5 открытых публичных телеграмм-каналов, администрируемых спецслужбами Украины, используемых ими для сбора разведывательной информации и проведения информационно-психологических операций в регионе, вербовочного изучения населения региона с целью вовлечения в разведывательно-подрывную, террористическую и экстремистскую деятельность. Также указанные открытые телеграмм-каналы активно используются украинскими спецслужбами в целях проведения специальных информационно-психологических операций по дестабилизации обстановки в регионе, для пропаганды и оправдания собственной террористической деятельности. К примеру, в публикации от 10.08.2023 [5], одним из указанных каналов, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» признан законной военной целью для ВС Украины, что в очередной раз свидетельствует о террористической сущности «киевского режима» и подтверждает необходимость активизации деятельности по противодействию идеологии терроризма, профилактике экстремизма и повышения уровня антитеррористической защищенности ВУЗа.

Наиболее агрессивной за последние 3 года стала деятельность телефонных и Интернет-мошенников, действующих с территории Украины и под контролем украинских спецслужб, направленная на завладение денежными средствами жителей региона (в том числе обучающихся и работников Университета) с последующим принуждением их к совершению противоправных действий террористического характера.

По данным МВД России в 2023 году размер ущерба от действий кибермошенников составил 147 млрд руб., а в 2024 году вырос на 36% и достиг суммы в 200 млрд руб. [6], при этом больше 90% IT-преступлений совершается из колл-центров, находящихся на Украине, с использованием технологий, которые предоставляют страны НАТО [7].

За 2023-2025 учебные года Координационным центром Университета зафиксировано более 100 подобных мошеннических атак на работников и обучающихся Университета, отдельные из которых, к сожалению, завершились перечислением злоумышленникам денежных средств и совершением поджогов отдельных военных объектов в г. Севастополе.

Важной особенностью региональной специфики на указанном направлении работы является факт нахождения г. Севастополя и его населения (в том числе значительной части работников Университета и родителей обучающихся) под идеологическим влиянием Украины продолжительностью более 20 лет (с 1991 по 2014 год). Данный факт усиливается наличием и постоянным ростом в регионе числа вынужденных переселенцев (в том числе и обучающихся) из новых субъектов России, которые с 2014 по 2022 годы были подвержены воздействию агрессивной украинской пропаганды.

Согласно информации УМВД России по г. Севастополю в 2023 году зафиксирован рост количества совершенных в регионе преступлений террористического характера (13) и экстремистской направленности (13), а также правонарушений экстремистской направленности и связанных с публичной дискредитацией ВС РФ при осуществлении СВО (83). Необходимо признать, что отдельные из указанных преступлений и правонарушений в 2023 году совершены работниками и обучающимися Университета.

Департаментом внутренней политики города Севастополя, в качестве одного из основных угрозообразующих факторов, негативно влияющих на развитие обстановки в г. Севастополе, выделяется активизация украинских подразделений информационно-психологических операций по проведению акций с использованием ресурсов сети Интернет (социальные сети, мессенджеры, IP-телефония и др.), направленных на распространение среди населения панических и «антивоенных» настроений, формирования роста протестной активности. С 2022 г. (по сравнению с 2021 г.) на всей территории Российской Федерации отмечается кратный рост открыто выражаемого в социальных сетях неприятия идеи единства народов России, в отдельных регионах рост составил порядка 270 %.

В этой связи и с целью минимизации деструктивного влияния на представителей молодежи, обучающихся в учреждениях образования, в ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» организована и ведется системная работа по противодействию обозначенным вызовам и угрозам. Определение основных участников (акторов) воспитательно-профилактической системы в ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» и определение их полномочий, в указанном направлении деятельности, осуществлено исходя из анализа поло-

жений нормативных и правовых актов, документов стратегического планирования, регламентирующих деятельность данного учреждения образования. В обозначенную систему в качестве отдельных субъектов (акторов) предложено включить:

1) Проректора по молодежной политике, Студенческий офис по воспитательной работе, Заместителей директоров институтов, Морского колледжа, Лицея -предуниверсария по воспитательной работе Университета;
2) Директоров институтов, Морского колледжа, Лицея- предуниверсария, кураторов учебных групп и весь ППС Университета.
3) Совет по профилактике правонарушений среди обучающихся Севастопольского государственного университета (далее - Совет Профилактики).
4) Центр социологических исследований (далее - ЦСИ).
5) Службу психологического сопровождения участников образовательного процесса СевГУ (далее - СПС).
6) Дирекцию комплексной безопасности Университета (далее - ДКБ)
7) Дисциплинарную комиссию ФГАОУ ВО «Севастопольского государственного университета» (далее - Дисциплинарная комиссия).
8) Дирекцию международного сотрудничества (далее - ДМС).
9) Студенческий офис.
10) Управление маркетинга и PR
11) Координационный центр Университета.

Схематически данная система представлена на Рис.1.

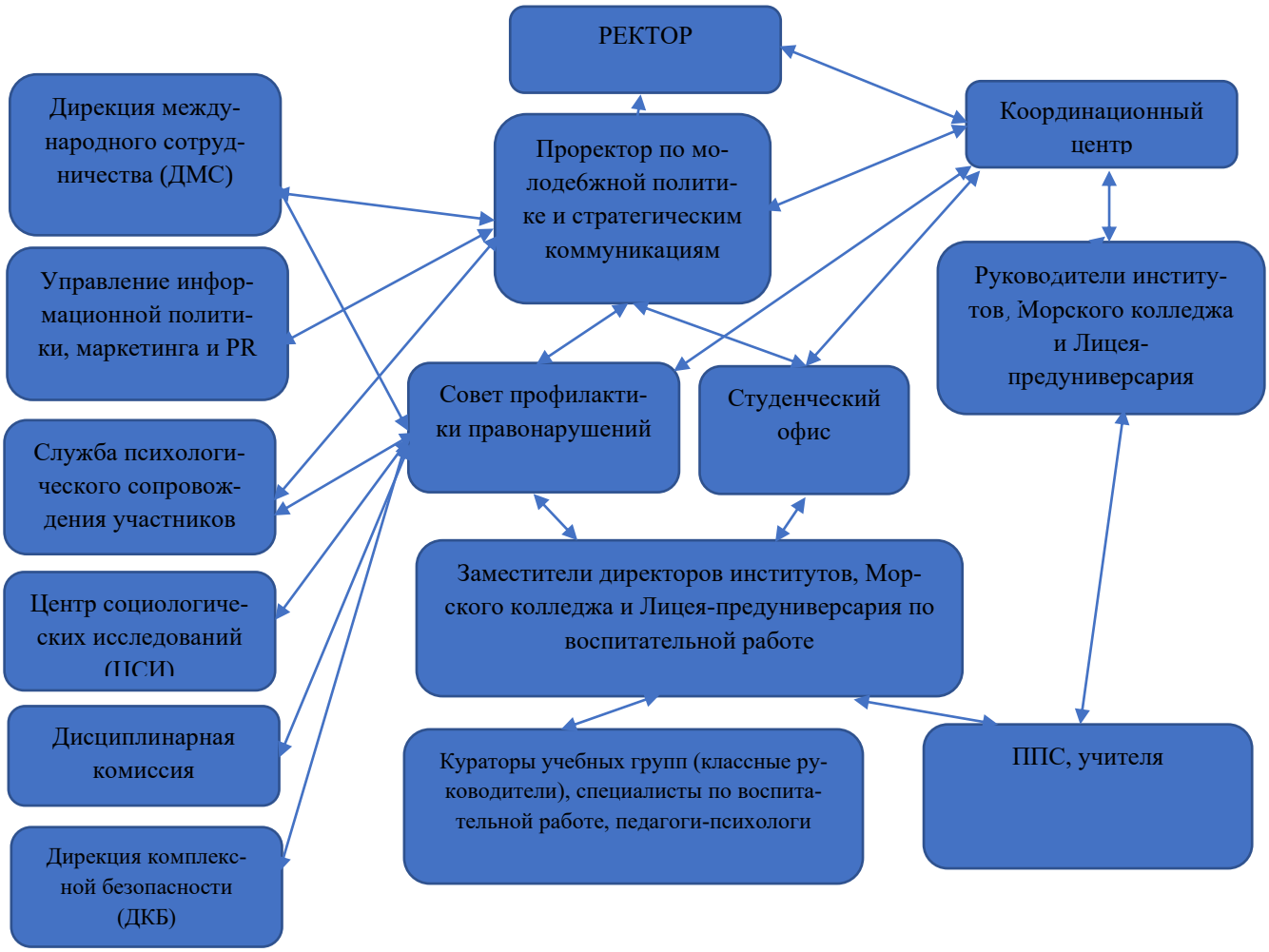

Рис.1. Структурная схема системы профилактики в ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Формирование системы воспитательно-профилактической деятельности Университете в подобную структуру в 2023-2024 и 2024-2025 учебных годах показало свою эффективность и результативность, что позволило своевременно, системно и на постоянной основах:

- организовывать и проводить воспитательные и общепрофилактические мероприятия на регулярной основе;

- организовать работоспособную систему оповещения обучающихся, передачи указаний и распоряжений, доведения важной информации (в том числе – проводить мероприятия информационно-пропагандистского характера), в отдельных учебных коллективах организован эффективный мониторинг ситуации и выявления угроз;

- отдельными инициативными кураторами и преподавателями Университета согласно рекомендаций Минобрнауки России и НАК РФ инициативно внедряются профилактические мероприятия в учебный процесс;

- проводятся мероприятия по социальной адаптации иностранных обучающихся, прибывших в наш Университет из других стран, в том числе и из стран с повышенной террористической активностью, что является важным и обязательным направлением деятельности воспитательно-профилактической системы.

Данная система показала свою эффективность и результативность, но вместе с тем, возникают некоторые вопросы, требующие выработки определенных организационно-правовых механизмов, в первую очередь в рамках правового поля.

К таким вопросам можно отнести:

1) отсутствие у субъектов профилактики Университета возможности своевременно и на постоянной основе получать информацию в отношении наличия у обучающихся:

- судимостей за совершение преступлений и фактов привлечения их к административной ответственности;

- тяжелых и/или опасных для обучающегося (его окружения) заболеваниях (в т.ч. психических и психологических отклонениях), алкогольной и/или наркотической зависимости;

- о нахождении обучающихся на различных формах учета в органах и учреждениях системы профилактики, в т.ч. в связи со склонностью к суицидальному поведению, совершению насильственных действий в отношении окружающих;

- о наличии у обучающихся склонности к суицидальному поведению, совершению насильственных действий в отношении окружающих;

- о поддержании обучающимися террористических, экстремистских и иных деструктивных идеологий;

- о наличии у обучающихся родственников, ранее судимых за совершение преступлений экстремистского и/или террористического характера, иных тяжких и/или особо тяжких преступлений;

- о пребывании обучающихся в зонах вооруженных конфликтов и/или в регионах (странах) с повышенной террористической активностью;

- об уровне протестного потенциала обучающихся, и/или уровне их доверия к власти (страны, региона, руководству Университета);

2) недостаточная координация действий различных субъектов воспитательно-профилактической деятельности по выявлению обучающихся, подверженных воздействию идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий или подпавших под их влияние на уровне Университета;

3) слабая вовлеченность отдельных педагогов Университета в профилактическую деятельность ввиду отсутствия (или недостатка) у них знаний о маркерах подверженности обучающихся воздействию деструктивных идеологий и умений организовывать и проводить подобные мероприятия, что не позволяет выстроить эффективную работу по выявлению обучающихся, подверженных воздействию идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий или подпавших под их влияние, а также работу по противодействию указанным негативным явлениям в отдельно взятых учебных группах;

4) правовая неопределенность Службы психологического сопровождения участников образовательного процесса Университета (СПС), ее целей, задач, функций, полномочий и ответственности; координации ее деятельности по проведению мониторинговых (диагностических) мероприятий по своевременному выявлению возможных фактов наличия у обучающихся суицидальных, агрессивных настроений и иных опасных состояний. Данный факт не позволяет кураторам учебных групп и руководителям структурных подразделений, осуществляющих образовательную деятельность, своевременно и на постоянной основе получать от СПС информацию о конкретных обучающихся из «группы риска», требующих безотлагательного применения мер психолого-педагогической коррекции.

Выделенные и перечисленные проблемные вопросы участия учреждения сферы образования в противодействии идеологии терроризма и экстремизма, а также в профилактике правонарушений в конкретно взятом образовательном учреждении – ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», свидетельствуют о наличии ряда системных трудностей и проблем, требующих доработки и устранения.

С целью решения перечисленных проблемных вопросов сформулированы некоторые предложения:

1. разработать и закрепить локальными НПА Университета:

- структуру системы воспитательно-профилактической деятельности в ВУЗе;

- критерии отнесения обучающихся к категориям т.н. «группы риска»;

- методику по выявлению обучающихся, подверженных воздействию идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий или подпавших под их влияние;

2. реализовать предусмотренный в Положении о Совете профилактики Университета механизм организации на постоянной и системной основах сбора, обработки, анализа и использования в воспитательно-профилактической деятельности сведений в отношении обучающихся, относящихся к т.н. «группам риска», своевременного доведения этих сведений заместителям директоров институтов по воспитательной работе и кураторам учебных групп.

3. расширить предусмотренный внутренним распорядком обучающихся комплекс мер по повышению контроля за посещаемо-

стью студентами ВУЗа в целом, и прежде всего, иностранными обучающимися учебных занятий и внеучебных мероприятий, проживании в общежитиях Университета, скоординировать эту деятельность с кураторами учебных групп;

4. на системной основе организовать работу по социальной и культурной адаптации иностранных студентов, что целесообразно внести в рабочую программу воспитания, разработать комплекс мер по повышению координации этой деятельности и контролю за иностранными обучающимися с использованием возможностей различных субъектов воспитательно-профилактической деятельности Университета;

5. активизировать процесс повышения квалификации кураторов учебных групп и других педагогов Университета по программам дополнительного профессионального образования Координационного центра с целью приобретения знаний о маркерах подверженности обучающихся воздействию деструктивных идеологий и умений определения их отдельных признаков, необходимых в повседневной деятельности, что позволит повысить эффективность работы по выявлению обучающихся, подверженных воздействию идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий или подпавших под их влияние, на системном уровне создать и организовать системную воспитательно-профилактическую работу в молодежной среде;

6. проработать вопрос вовлечении Управления информационной политики, маркетинга и PR в воспитательно-профилактическую деятельность, а также деятельность по созданию т.н. «позитивного» (профилактического) контента в целях проведения информационно-профилактических мероприятий через подконтрольные информационные ресурсы Университета;

7. разработать и закрепить локальным НПА организационно-правовые механизмы деятельности Службы психологического сопровождения участников образовательного процесса по реализации комплекса мониторинговых исследований, направленных на своевременное выявление обучающихся с возможными суицидальными настроениями, обучающихся с повышенным уровнем агрессии, тревожности для своевременного оказания им помощи, своевременного применения к этим обучающимся мер психолого-педагогической коррекции и организации эффективного контроля указанной деятельности, в том числе руководителями структурных подразделений Университета.

На уровне федеральных и региональных органов власти требует решения вопрос получения Университетом информации о наличии у обучающихся:

- судимостей за совершение преступлений и фактов привлечения их к административной ответственности;

- тяжелых и/или опасных для обучающегося (его окружения) заболеваниях (в т.ч. психических и психологических отклонениях), алкогольной и/или наркотической зависимости;

- о нахождении обучающихся на различных формах учета в органах и учреждениях системы профилактики, в т.ч. в связи со склонностью к суицидальному поведению, совершению насильственных действий в отношении окружающих;

- о наличии у обучающихся склонности к суицидальному поведению, совершению насильственных действий в отношении окружающих;

- о поддержании обучающимися террористических, экстремистских и иных деструктивных идеологий;

- о наличии у обучающихся родственников, ранее судимых за совершение преступлений экстремистского и/или террористического характера, иных тяжких и/или особо тяжких преступлений;

- о пребывании обучающихся в зонах вооруженных конфликтов и/или в регионах (странах) с повышенной террористической активностью;

- об уровне протестного потенциала обучающихся, и/или уровне их доверия к власти (страны, региона, руководству Университета, подверженности воздействию идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий или подпавших под их влияние.

Решение выявленных в исследовании проблемных вопросов административно-правового регулирования системы противодействии идеологии терроризма и профилактики экстремизма в молодежной среде, будет способствовать повышению эффективности мер реагирования на современные вызовы и угрозы для учреждений системы образования в условиях развития беспрецедентной гибридной агрессии против Российской Федерации.

Список литературы:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046.
2. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mchs.gov.ru/dokumenty/vse-dokumenty/2939.
3. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580.
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502.
5. [Электронный ресурс]. - Ссылка находится в распоряжении коллектива авторов и может быть предоставлена по отдельному запросу.
6. Потери россиян от кибермошенников выросли до ₽200 млрд в год [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67b59c829a79474f95af8059.
7. Девять из десяти IT-преступлений в России совершают с Украины, заявило МВД [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://ria.ru/20240627/it-1955822004.html.

References:

1. The National Security Strategy of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046
2. The concept of countering terrorism in the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: https://mchs.gov.ru/dokumenty/vse-dokumenty/2939
3. Strategy of countering extremism in the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580 .
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values"
5 [Electronic resource]. – Access mode: URL:http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 5. [Electronic resource]. - The link is at the disposal of the team of authors and can be provided upon a separate request.
6. The losses of Russians from cybercriminals increased to 200 billion rubles per year [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67b59c829a79474f95af8059 .
7. Nine out of ten IT crimes in Russia are committed from Ukraine, the Interior Ministry said [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://ria.ru/20240627/it-1955822004.html .

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_301

УДК 334

ОТКРЫТОСТЬ И ПУБЛИЧНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ (ПРАКТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ)
OPENNESS AND PUBLICITY AS A PRINCIPLE OF POLICE ORGANIZATION AND ACTIVITY IN THE CIS MEMBER STATES (PRACTICE OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION)

РЕДКОУС Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государства и права РАН.
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rwmmos@rambler.ru;

REDKOUS Vladimir Mikhailovich,
Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: Rwmmos@rambler.ru

Краткая аннотация: *в статье на основе анализа положений национальных законов государств – участников СНГ о полиции рассмотрена практика законодательного закрепления открытости и публичности как принципа организации и деятельности полиции.*

Abstract: *Based on an analysis of the provisions of the national laws of the CIS member states on the police, the article examines the practice of legislative consolidation of openness and publicity as a principle of the organization and activities of the police.*

Ключевые слова: *государственное управление; законодательное закрепление; принципы; открытость; публичность; организация и деятельность полиции; государства – участники СНГ; сравнительное правоведение.*

Keywords: *public administration; legislative consolidation; principles; openness; publicity; organization and activities of the police; CIS member states; comparative law studies.*

Для цитирования: *Редкоус В.М. Открытость и публичность как принцип организации и деятельности полиции в государствах – участниках СНГ (практика законодательного закрепления) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 301-304. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_301.*

For citation*: Redkous V.M. Openness and publicity as a principle of police organization and activity in the CIS member states (practice of legislative consolidation) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 301-304. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_301.*

Статья поступила в редакцию: 23.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Вопрос о принципах организации и деятельности государственных органов, в том числе и органов внутренних дел – один из принципиальнейших вопросов как правотворческой деятельности, так и правоприменения, отмечают Е.В. Виноградова, М.Н. Кобзарь-Фролова, А.Ю. Соколов и иные ученые[1]. Для правотворческой деятельности наибольшая важность заключается в точном нормативном изложении выявленной закономерности в виде того или иного принципа, определении механизма его реализации, а для правоприменения – четком следовании основанным на принципе нормативным предписаниям.

Открытость и публичность в деятельности полиции – важнейшие требования, пронизывающие всю оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел, являющиеся показателями зрелости органов внутренних дел в деле охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Не случайно открытость и публичность выделяются в виде принципа деятельности органов внутренних дел не только в России, но и в зарубежных государствах[2].

Так, Федеральный закон от 07 февраля 2011г. № 3-ФЗ «О полиции» содержит ст. 8 «Открытость и публичность», которые являются принципом деятельности российской полиции. Раскрывая содержание данного принципа, Федеральный закон говорит, что:

во-первых, деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства РФ об уголовном судопроизводстве, о производстве по делам об административных правонарушениях, об оперативно-разыскной деятельности, о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций[3];

во-вторых, граждане, общественные объединения и организации имеют право в порядке, установленном законодательством РФ, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, непосредственно затрагивающую их пра-

[1] Виноградова, Е.В. Становление и развитие российского административного права (краткий обзор круглого стола к 100-летию Н.Г. Салищевой) / Е. В. Виноградова, М.Н. Кобзарь-Фролова // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 268-272 ; Кобзарь-Фролова, М. Н. Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022»): обзор / М. Н. Кобзарь-Фролова, А. Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – С. 297-304.
[2] Галузо, В.Н. О принципах, как категории, позволяющей праву быть ведущим регулятором общественных отношений / В. Н. Галузо // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 8(236). – С. 6-9.
[3] Редкоус, В.М. Административно-правовые режимы, устанавливаемые в целях защиты и охраны государственной границы (опыт России и государств СНГ) / В. М. Редкоус // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2010. – Т. 16, № 1. – С. 49-51.

ва, за исключением информации, доступ к которой ограничен федеральным законом;

в-третьих, полиция регулярно информирует государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед законодательными органами субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами. Периодичность, порядок отчетности, а также категории должностных лиц, уполномоченных отчитываться перед указанными органами и гражданами, определяются федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел;

в-четвертых, полиция в соответствии с законодательством РФ предоставляет сведения о своей деятельности средствам массовой информации по официальным запросам их редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах;

в-пятых, по заявкам редакций средств массовой информации в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, осуществляется аккредитация журналистов для освещения деятельности полиции;

в-шестых, федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел в соответствии с законодательством РФ вправе учреждать средства массовой информации для освещения деятельности полиции.

Закон Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 г. № 727-IQ «О полиции» содержит ст. 6 «Гласность в деятельности полиции». В данной статье закреплено, что:

во-первых, полиция в порядке, установленном законодательством Азербайджанской Республики, информирует о своей деятельности государственные органы и население;

во-вторых, полиции запрещается раскрывать государственную, семейную, профессиональную и коммерческую тайну, без соответствующего разрешения прокурора, следователя или суда - материалы предварительного и судебного расследования, а также сведения, касающиеся личной жизни людей, законных интересов физических и юридических лиц, могущих унизить их достоинство[1];

в-третьих, при установлении несоответствия действительности сведений, распространенных полицией о физических и юридических лицах, полиция в месячный срок должна опровергнуть эти сведения в форме их распространения.

Закон Республики Армения от 16 мая 2001 г. № ЗР-177 «О полиции» в ст. 3 «Принципы деятельности полиции» говорит, что «деятельность полиции основывается на принципах законности, уважения прав и свобод, чести и достоинства личности, гуманизма и гласности». Гласность в деятельности полиции Республики Армения раскрывается в иных статьях данного Закона Республики Армения.

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» в ст. 4 «Принципы деятельности органов внутренних дел» определяет, что деятельность органов внутренних дел осуществляется на принципах: законности; уважения и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан; гуманизма; единства системы органов внутренних дел и централизации управления ими; сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности; независимости от деятельности политических партий и других общественных объединений.

Видим, что гласность как принцип деятельности в ст. 4 не заявлена. Однако Закон Республики Беларусь содержит отдельную статью – статью 5 «Гласность в деятельности органов внутренних дел», где говорится, что:

во-первых, органы внутренних дел в порядке и пределах, определяемых законодательством, информируют государственные органы, общественные объединения, средства массовой информации, граждан о состоянии общественного порядка и мерах по его обеспечению;

во-вторых, деятельность органов внутренних дел является гласной, открытой для граждан и средств массовой информации в той мере, в какой это не противоречит требованиям уголовно-процессуального законодательства, законодательства, определяющего порядок административного процесса, законодательства об оперативно-розыскной деятельности, о защите государственных секретов, об информации, информатизации и защите информации.

Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» содержит бланкетную статью 3 «Принципы деятельности органов внутренних дел», где кратно сказано, что «деятельность органов внутренних дел осуществляется в соответствии с принципами государственной службы и специальными принципами правоохранительной службы в Республике Казахстан».

Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 г. № 1360-XII «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики» статьи о принципах деятельности органов внутренних дел не содержит[2].

Закон Республики Молдова от 27 декабря 2012 г. № 320 «О деятельности полиции и статусе полицейского» в ст. 4 «Принципы деятельности полиции» не говорит о гласности и открытости деятельности полиции, однако содержит ст. 5 «Прозрачность деятельности полиции», где закреплено, что:

во-первых, без ущерба для законных интересов человека или сообщества полиция в предусмотренном законодательством порядке информирует органы центрального и местного публичного управления, а также население о своей деятельности. Начальник Генерального инспектората полиции раз в полугодие представляет через средства массовой информации отчет о проведенной работе, структура и формат кото-

[1] Редкоус, В.М. Административно-правовой режим защиты государственной тайны (опыт России и государств СНГ) / В. М. Редкоус // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2010. – Т. 16, № 1. – С. 52-55.
[2] Redkous, V. The concept of administrative-legal regimes in the theory of administrative law and practice of maintenance of national security / V. Redkous // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2009. – Vol. 12, No. 3. – P. 4a-6.

рого утверждаются министром внутренних дел;

во-вторых, по заявлению лица полиция обязана предоставить ему содержащиеся в ее ведомственных регистрах, информационных системах и базах данных сведения о нем. Предоставление персональных данных, содержащихся в ведущихся полицией ведомственных регистрах, информационных системах и базах данных, другим лицам запрещается, за исключением случаев, предусмотренных законом;

в-третьих, полиция не может предоставлять или предавать огласке сведения, отнесенные к государственной или коммерческой тайне, за исключением случаев, предусмотренных законом. Не подлежат разглашению сведения, которые могут нанести ущерб чести, достоинству или безопасности лица, законным интересам физических и юридических лиц, затруднить предупреждение и расследование преступлений или правонарушений либо способствовать их совершению;

в-четвертых, полиция не предоставляет сведений, которые могут нарушить презумпцию невиновности, нормы полицейской этики, интересы безопасности человека, общества или государства.

Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции» в ст. 4 «Принципы деятельности милиции» закрепляет, что деятельность милиции основывается на принципах: законности; единства системы органов милиции и централизации управления ею; уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина; социальной справедливости и гуманизма; скрытности, сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности; единоначалия; равенства всех перед законом; связь с населением и учет общественного мнения в борьбе с преступностью; беспартийности. О гласности и открытости как принципе деятельности милиции Закон Республики Таджикистан прямо не говорит.

Закон Туркменистана от 21 мая 2011 г. № 195-IV «Об органах внутренних дел Туркменистана» в ст. 4 «Основные принципы деятельности органов внутренних дел» закрепляет, что «деятельность органов внутренних дел основывается на принципах законности, равенства граждан перед законом, уважения, соблюдения и охраны их прав, свобод и законных интересов, интересов общества и государства, гуманизма, сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности, независимости от деятельности политических партий и других общественных объединений».

Ст. 5 Закона Туркменистана называется «Гласность в деятельности органов внутренних дел». В ней закреплено, что: органы внутренних дел информируют население, государственные органы и средства массовой информации о состоянии общественного порядка и мерах по его обеспечению; деятельность органов внутренних дел должна быть гласной и открытой для населения и средств массовой информации в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Туркменистана.

Закон Республики Узбекистан от 16 сентября 2016 г. № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел» в ст. 5 «Основные принципы деятельности органов внутренних дел» устанавливает, что «основными принципами деятельности органов внутренних дел являются законность, единство, соблюдение и уважение прав, свобод и законных интересов граждан, открытость и прозрачность».

В ст. 9 («Принцип открытости и прозрачности») Закон Республики Узбекистан устанавливает, что:

органы внутренних дел осуществляют свою деятельность открыто и прозрачно, во взаимодействии с государственными органами, органами самоуправления граждан, другими организациями и гражданами, а также со средствами массовой информации;

физические и юридические лица имеют право в порядке, установленном законодательством, получать достоверную информацию о деятельности органов внутренних дел, а также непосредственно затрагивающую права и законные интересы физических и юридических лиц, за исключением информации, доступ к которой ограничен законом;

органы внутренних дел обеспечивают доступ к информации о своей деятельности в порядке, установленном Законом Республики Узбекистан «Об открытости деятельности органов государственной власти и управления».

Закон Украины от 2 июля 2015 г. № 580-VIII «О Национальной полиции» содержит ст. 9 «Открытость и прозрачность», где сказано, что полиция осуществляет свою деятельность на принципах открытости и прозрачности в пределах, определенных Конституцией и законами страны. Полиция обеспечивает постоянное информирование органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также общественности о своей деятельности в сфере охраны и защиты прав и свобод человека, противодействия преступности, обеспечения общественной безопасности и порядка.

Полиция обеспечивает доступ к публичной информации, владельцем которой она является, в порядке и в соответствии с требованиями, определенными законом. Полиция может обнародовать (распространять) информацию с ограниченным доступом только в случаях и в порядке, определенных законом.

Нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность полиции, обязательно публикуются на веб-портале центрального органа управления полиции. Нормативно-правовые акты с ограниченным доступом обнародуются в случаях и в порядке, определенных законом. Проекты нормативно-правовых актов, касающихся прав и свобод человека, обязательно проходят общественное обсуждение в порядке, определенном Министром внутренних дел страны.

Таким образом, принцип открытости и публичности как принцип деятельности органов внутренних дел закрепляется законодательно и играет большую регулирующую роль в деятельности органов внутренних дел как Российской Федерации, так и государств – участников СНГ[1].

[1] Redkous V.M. Zur Frage über die vergleichende Analyse der Gesetzgebungen Russlands und der Teilnehmerstaaten GUS auf dem Gebiet der Versorgung der Staatssicherheit (на нем. языке) // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2010. – Vol. 15, No. 3. – P. 60-63.

Список литературы:

1. Виноградова, Е.В. Становление и развитие российского административного права (краткий обзор круглого стола к 100-летию Н.Г. Салищевой) / Е.В. Виноградова, М.Н. Кобзарь-Фролова // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 268-272.
2. Галузо, В.Н. О принципах, как категории, позволяющей праву быть ведущим регулятором общественных отношений / В. Н. Галузо // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 8(236). – С. 6-9.
3. Кобзарь-Фролова, М. Н. Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса ("Лазаревские чтения - 2022"): обзор / М. Н. Кобзарь-Фролова, А. Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – С. 297-304.
4. Редкоус, В. М. Административно-правовой режим защиты государственной тайны (опыт России и государств СНГ) / В. М. Редкоус // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2010. – Т. 16, № 1. – С. 52-55.
5. Redkous, V. The concept of administrative-legal regimes in the theory of administrative law and practice of maintenance of national security / V. Redkous // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2009. – Vol. 12, No. 3. – P. 4a-6.
6. Redkous V. Zur Frage über die vergleichende Analyse der Gesetzgebungen Russlands und der Teilnehmerstaaten GUS auf dem Gebiet der Versorgung der Staatssicherheit (на нем. языке) // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2010. – Vol. 15, No. 3. – P. 60-63.

References*:*

1. Vinogradova, E.V. Formation and development of Russian administrative law (a brief overview of the round table for the 100th anniversary of N.G. Salishcheva) / E. V. Vinogradova, M.N. Kobzar-Frolova // Law and Management. - 2024. - No. 11. - P. 268-272
2. Galuzo, V. N. On principles as a category that allows law to be the leading regulator of social relations / V. N. Galuzo // Agrarian and land law. - 2024. - No. 8 (236). - P. 6-9
3. Kobzar-Frolova, M.N. Actual problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarevskie readings - 2022"): review / M.N. Kobzar-Frolova, A.Yu. Sokolov // Legal policy and legal life. - 2022. - No. 1. - P. 297-304.
4. Redkous, V. M. Administrative and legal regime for protecting state secrets (experience of Russia and the CIS countries) / V. M. Redkous // Collection of scientific papers based on materials of the international scientific and practical conference. - 2010. - V. 16, No. 1. - P. 52-55
5. Redkous, V. The concept of administrative-legal regimes in the theory of administrative law and practice of maintenance of national security / V. Redkous // Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific-practical conference. – 2009. – Vol. 12, No. 3. – P. 4a-6
6. Redkous V.M. To analyze the social security situation in Russia and the poor quality of life of the state on the basis of the implementation of the state pension system (in German) // Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference. – 2010. – Vol. 15, No. 3. – P. 60-63.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_305

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONTENT OF THE IMPLEMENTATION

ДЖАГАРЯН Наталья Владимировна,
Доктор юридических наук, доцент кафедры конституционализма,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.
E-mail: nvdzhagaryan@sfedu.ru;

АБДУРАХМАНОВА Ирина Вениаминовна,
к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).
344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.
E-mail: ira_rd@rambler.ru;

DZHAGARYAN Natalia Vladimirovna,
Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Constitutionalism, Southern Federal University.
344006, Russian Federation, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.
E-mail: nvdzhagaryan@sfedu.ru;

ABDURAKHMANOVA Irina Veniaminovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Rostov State University of Economics (RINH).
344002, Russian Federation, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 69.
E-mail: ira_rd@rambler.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена анализу конституционно-правового содержания имплементации в контексте конституционной модели взаимодействия международного и национального права. Представлено обоснование взаимодействия как модели соотношения международного и национального права, обладающей в отличие от глобалистской модели значительным конструктивным потенциалом. Анализируя различные научные подходы к дефинициям «гармонизация», «имплементация», «рецепция», «стандартизация», «инкорпорация», автор аргументирует свою научную позицию относительно их соотношения.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the constitutional and legal content of implementation in the context of the constitutional model of interaction between international and national law. The article provides a justification for interaction as a model of the relationship between international and national law, which, unlike the globalist model, has significant constructive potential. Analyzing various scientific approaches to the definitions of "harmonization", "implementation", "reception", "standardization", "incorporation", the author argues his scientific position regarding their relationship.*

Ключевые слова: *конституционно-правовое содержание, международное право, имплементация, рецепция, инкорпорация, модели взаимодействие международного и национального права, трансформация, правовая экспансия, глобализация.*

Keywords: *constitutional and legal content, international law, implementation, reception, incorporation, models of interaction between international and national law, transformation, legal expansion, globalization.*

Для цитирования: *Джагарян Н.В., Абдурахманова И.В. Конституционно-правовое содержание имплементации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 305-308. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_305.*

For citation*: Dzhagaryan N.V., Abdurakhmanova I.V. Constitutional and legal content of the implementation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 305-308. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_305.*

Статья поступила в редакцию: 02.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Конституционная модель соотношения международного и национального права призвана решить целый комплекс задач публично-правового характера. С одной стороны, это обеспечение конституционного суверенитета, с другой - эффективной реализации норм международного права. В этой связи механизм имплементации нуждается в исследовании с точки зрения его конституционного содержания и значения.

Как показывает история международных отношений, конституционные модели соотношения международного и национального права могут быть различными, включая и полное отрицание последнего и поглощение его международным унифицированным правом. Именно взаимодействие как модель соотношения международного и национального права обладает на современном этапе огромным потенциалом в отличие от глобалистской модели, предлагавшей отказ от национального правотворческого суверенитета и предполагавшей стирание в ближайшей перспективе национальных отличий в правовом регулировании. Цель данной модели состоит в установлении такого соотношения международного и национального права, при котором возможна реализация их общих приоритетов.

Взаимодействие внутригосударственного и международного права, как пишет В.С. Хижняк (и мы полностью разделяем его мнение), это «согласованное действие двух правовых систем, обусловленное существованием общих для них целей, необходимое для их взаимного развития и предполагающее существование общих сфер правового регулирования» [Хижняк. С.11]. Характер взаимодействия определяется конституционными нормами, получающими конкретизацию в отраслевых нормативных актах. Оно предполагает наличие двух равноправных субъектов и применение нормы обеих правовых систем, а также согласованную деятельность для реализации общих приоритетов. Ключевым словом здесь выступает «согласованная» (в отличие от поглощения или ограничения законодательного суверенитета). Однако формы взаимодействия могут меняться, адаптируясь к новым условиям, например, к глобализационным процессам, к условиям санкционного режима или, например, к политизированности деятельности международных организаций. Необходимость защиты национальных интересов, государственного суверенитета порождает необходимость совершенствования механизма взаимодействия международного и национального права.

Необходимость обеспечивать государственный суверенитет и реализацию национальных приоритетов, противостоять новым глобальным угрозам и вызовам не исключает конституционное развитие в контексте общепризнанных принципов и норм международного права. Оно необходимо как совокупность общеобязательных правил поведения для всех без исключения субъектов международных правоотношений, несмотря на попытку ревизии базовых принципов международного права, например, права народа на самоопределение. Как пишет А.Н. Морозова, «выполнение взятых на себя международных обязательств способствуют конституционному обновлению российского законодательства и свидетельствуют, что даже стабильная Конституция имеет пассионарную модель, побуждающую к законотворчеству в обновляющемся мире с учетом международно–правовых стандартов» [6, с. 18].

Обосновав смысл и содержание взаимодействия как модели (разновидности) соотношения международного и национального права, перейдем к анализу форм этого взаимодействия, а также соотношения дефиниций «взаимодействие» и «имплементация». Необходимо прояснить, как соотносятся между собой и что означают по смыслу такие дефиниции как «рецепция», «гармонизация», «унификация», «имплементация», «стандартизация», «конвергенция» в контексте проблемы взаимодействия. Полагаем, что гармонизация и унификация – это направления (тенденции) развития международно-правового взаимодействия. Реализуются они посредством соответствующей государственной политики. Реализуется она институционально и нормативно. Цель государственной политики состоит в устранении коллизионности, обеспечении единообразия в правовом регулировании для обеспечения интересах и взаимных потребностей всех субъектов правоотношений.

Важный вклад в реализацию унификации вносят международные организации (как региональные, так и универсальные). Прежде всего, следует назвать Гаагскую конференцию по международному частному праву и Комиссию ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Гармонизация нацелена на преодоление коллизионности норм внутригосударственного и международного права. Унификация преследует ту же цель, но является более радикальным вариантом соотношения и означает введение в правовые системы двух или более государств одинаковых норм. Один из способов унификации – международно-договорной метод, когда нормы международного договора включаются в национальное законодательство.

Дискуссионным вопросом в контексте взаимодействия международного и национального права является заимствование. Подчеркнем недопустимость упрощенного понимания правового заимствования, которое в научной литературе отождествляется с правовой экспансией. Необходимо критическое осмысление столь сложных процессов правового заимствования и правовой унификации, которые не означают отмирание национального государства и национального права. Речь идет о придании национальному праву новой сущности, новых форм, что позволит ему реагировать на новые реалии.

Нормы национального права, определяющие порядок, формы, стадии имплементации, представляют собой механизм имплементации. То есть имплементация - это система обеспечительных мер в рамках национального права для эффективной реализации норм международного права. Как писал И.И. Лукашук, «осуществление международно-правовых норм является гораздо более сложной и ответственной задачей, чем их принятие. Разрешение этой задачи возможно лишь при наличии оптимального механизма имплементации как совокупности правовых и организационных средств, используемых субъектами международного права с целью воплощения предписаний норм международного права» [5, с. 10].

Вопрос о том, как соотносятся между собой термины «взаимодействие и «имплементация» носит весьма дискуссионный характер. Изучив обширную научную литературу по проблеме, систематизируем имеющиеся подходы. Одни авторы отождествляют эти дефиниции, полагая, что имплементация это и есть взаимодействие. Считаем этот подход весьма упрощенным, поскольку, как было сказано выше, модели взаимодействия могут быть разными и преследовать разные цели и задачи. Отождествлять взаимодействие и имплементацию означало бы умышленно и необоснованно сужать рамки осуществления объективных процессов, связанных с процедурой взаимодействия международного и внутригосударственного права в сфере отношений с участием субъектов национального права.

Ряд ученых интерпретирует имплементацию как синоним реализации, практического претворения в жизнь правовой нормы в рамках государств. В качестве способов имплементации (реализации) называют рецепцию, инкорпорацию, трансформацию, отсылку. Как писал А.С. Гавердовский (мы с ним полностью солидарны в этом высказывании), «имплементация - это целенаправленная организационно-правовая деятельность государства в целях своевременной и полной реализации принятых им на себя в соответствии с международным правом обязательств» [1, с. 63].

В юридической литературе можно встретить подход, когда имплементация сводится к одному из ее способу, например, рецепции или трансформации. Или другой вариант, когда называют три разные теории взаимодействия: теорию имплементации, теорию инкорпорации, теорию трансформации. Как пишет, например, В.В. Гаврилов, «в соответствии с теорией имплементации речь должна идти не о трансформации норм международного права в национальное, а о применении первых внутри соответствующего государства с санкции вторых» [5, с. 39]. Ю.А. Тихомиров писал по этому поводу, что «имплементация означает исполнение государством международно-правовых норм путем их включения в национальную правовую систему» [7, с. 4]. Происходит имплементация путем ратификации, которая выражает согласие на такое включение государства – носителя суверенитета.

Полагаем, что термин «трансформация» корректно применять к национальному праву, которое претерпевает существенные изменения (трансформацию) в целях приведения его в соответствие с международным правом. Однако в литературе отражен и широкий подход к термину «трансформация», когда к ней относят и инкорпорацию, и отсылку.

Сближение различных национальных правовых систем, без которого на современном этапе невозможно взаимодействие международного и национального права, можно рассматривать на примере исторически сложившихся правовых семей. В семье континентального права

растет значение прецедентной практики как следствие все возрастающего значения конституционной юстиции. В англосаксонском праве в то же время возрастает значение законодательства, которое на протяжении столетий играло второстепенную роль как вспомогательного источника права. Даже когда после английской буржуазной революции Парламент Великобритании превратился в рамках доктрины разделения властей в самостоятельный орган законодательной власти, его акты все равно оставались по отношению к судебному прецеденту второстепенным источником права, роль которого сводилась к преодолению пробелов. Подчеркнем, что речь в данном случае не должна идти о полной унификации, что позволит сохранить национальную правовую самобытность и идентичность.

Подчеркнем, что более корректно говорить в данном случае о сближении типологии структурного пространства различных правовых семей, и самое главное – в отношении источников права. Общий вектор правового развития различных государств и регионов, восприятие исторического опыта друг друга не отрицает сохранение правокультурной самобытности. Для романо-германской правовой семьи было бы полезно инкорпорировать англосаксонский опыт оперативного и эффективного правового регулирования на острые общественные запросы и потребности за счет развитой судебной власти, основанной на роли прецедента и судейском правотворчестве. Речь идет о снятии социального противоречия посредством юридико-технических средств. Традиционный парламентаризм уступает позиции конституционной юстиции в новых геополитических реалиях. Рост значения нормативно акта в правовом регулировании в англосаксонском праве позволяет достичь более высокого уровня стабильности правовой системы в целом, способствует достижению определенного баланса между консервативными основами национального права и новациями, призванными своевременно реагировать на динамично меняющиеся реалии, подлежащие правовому регулированию. В Российской Федерации судебная практика с формально-юридических позиций не признается источником права. Однако роль актов высших органов судебной власти неуклонно растет в последние годы, определяя вектор развития права в целом в столь сложных и противоречивых реалиях. Особенно это касается постановлений и определений Конституционного Суда РФ. Судебное нормотворчество можно рассматривать как эффективный компенсаторно-регулятивный механизм, призванный восполнять пробелы в правовом регулировании.

Несколько слов в контексте взаимодействия международного и национального права, гармонизации и унификации скажем о рецепции. В историко-правовых исследованиях среди специалистов, как правило, не встречается полемики о рецепции, и речь идет преимущественно о рецепции римского права как процессе и результате заимствования феодальным европейским правом некоторых конструкций из права римского. Это было фрагментарным заимствованием лишь в той мере, в которой это соответствовало потребностям правового регулирования в феодальных общественных отношениях. Интересующие нас трактовки, имеющие отношение к взаимодействию международного права и национального, были сформулированы гораздо позже.

Как пишет Е.Ю. Курышев, «рецепция права – это сложное явление, которое включает в себя процессы преемственности, восприятия, повторяемости и заимствования права, выработанного в другом государстве (правовой системе) в силу исторической преемственности и связи правовой культуры государств, социально-экономические условия которых сходны» [4, с. 39]. Нас в рамках данной статьи интересует именно международная рецепция, однако отметим, что она может быть и внутригосударственной, например, когда речь идет о заимствовании между субъектами федерации. Еще выделяют различные виды рецепции в зависимости от того, заимствуется прошлый исторический опыт или современный, но другого государства. Здесь возникает вопрос: рецепция сводится к заимствованию, то разве это заимствование преследует цель достижения единообразия правового регулирования, согласования национального и международного права, обеспечения баланса и устранения коллизий? А ведь именно в этом, по нашему мнению, и заключается цель взаимодействия этих двух правовых систем.

Примерами рецепции в ее традиционном понимании являются заимствования Наполеоном конструкций римского права, или же современным российским гражданским правом из римского права. Но к взаимодействию с международным правом, к унификации, гармонизации, стандартизации это не имеет отношения.

Рецепция, безусловно, выполняя свои задачи, обладает конструктивным потенциалом, она востребована и оказывает положительное влияние на развитие соответствующих национальных правовых конструкций. О рецепции как средстве (или форме) взаимодействия можно говорить, если заимствование из национального права одного государства в международное право имплементируется в национальное право других государств. Например, нормы о правах человека, взятые из французской Декларации от 26 августа 1789 г. и включенные в текст универсальных международных актов. В данном случае рецепция предшествует непосредственному взаимодействию международного и внутригосударственного права.

По поводу юридическая стандартизация отметим, что она в контексте взаимодействия международного и внутригосударственного права предполагает не только сближение, но и унификацию, причем не отдельных норм и даже актов, а целых институтов или конструкций, которые включаются в национальное право. Например, стандарты в области защиты прав человека.

Средством (методом) имплементации, широко применяемым в России, является отсылка. Как пишет Т.И. Курносова, «отсылка - это применение норм международного права посредством использования разрешения государства через общую отсылочную норму (в Конституции, например), или отсылочные нормы в конкретных законодательных актах» [3, с. 204]. В данном случае для применения норм международного права не требуется принятия внутреннего акта государства; международные нормы применяются с помощью отсылок. Так, статья 1186 Гражданского кодекса РФ определяет регулирование гражданско-правовых отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц на основании международных договоров, гражданского кодекса и обычаев, признаваемых в Российской Федерации. Нормы международных договоров об оказании правовой помощи применяются судами непосредственно (при условии их ратификации). Например, нормы двусторонних и многосторонних договоров об оказании правовой помощи применяются судами непосредственно. Однако это касается далеко не всех между-

народных договоров.

Другим вариантом имплементации является инкорпорация. Чтобы применяться на практике, нормы международного права в этом случае должны стать частью национального законодательства. Примером инкорпорации служат конституционные нормы главы 2, которые по содержанию воспроизводят положения международных актов о правах человека, к которым присоединилась Россия. Это акты и универсального, и регионального статуса.

Нормы международных договоров уголовно-правового характера (например, предусматривающие ответственность за конкретные составы преступлений), не могут применяться судами непосредственно. Если имплементационный механизм включает и правотворческую, и правоприменительную деятельность соответствующих субъектов, то инкорпорация затрагивает лишь первую. Например, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., к которой присоединилась Россия, или многочисленные акты о борьбе с международным терроризмом, участницей которых Россия является, инкорпорированы в уголовное законодательство РФ, и только так могут применяться.

Таким образом, унификация и гармонизация являются направлениями развития международно-правового взаимодействия и сотрудничества в современном мире, а имплементация представляет собой совокупность нормативных и институциональных мер, обеспечивающих на практике взаимодействие международного и национального права. Ее основными способами (методами, средствами) являются инкорпорация и отсылка. Именно они обеспечивают возможность для государства в полном объеме выполнить свои международно-правовые обязательства.

Список литературы:

1. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. – Киев: Высшая школа, 1980. – 89 с.
2. Гаврилов В.В. Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал медицинского права. 2001. №2. – С. 36-41.
3. Курносова Т.И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). – С. 200-208.
4. Курышев Е.Ю. Рецепция в российском праве: дисс….канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 211 с.
5. Лукашук И.И. Международно–правовое регулирование международных отношений (системный подход). - М.: Международные отношения, 1975. – 267 с.
6. Морозова А.Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // Журнал российского права. 2018. №7. – С. 15-20.
7. Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. №11. – С. 3-10.
8. Хижняк В.С. Конституционно–правовой механизм взаимодействия внутригосударственного права Российской Федерации и международного права. Автореф. диссс…..д–ра юр. наук. - Саратов, 2008. – 33 с.

References:

1. Gaverdovsky A.S. Implementation of the norms of international law. – Kiev: Higher School, 1980. – 89 p.
2. Gavrilov V.V. Theories of transformation and implementation of norms of international law in Russian legal doctrine // Moscow Journal of Medical Law. 2001. No. 2. pp. 36-41.
3. Kurnosova T.I. The concept and methods of implementing the norms of international law into national legislation // Actual problems of Russian law. 2015. No. 4 (53). pp. 200-208.
4. Kuryshev E.Y. Reception in Russian law: dissertation....kand. jurid. sciences'. – Saratov, 2004. – 211 p.
5. Lukashuk I.I. International legal regulation of international relations (a systematic approach). Moscow: International Relations, 1975. 267 p.
6. Morozova A.N. Constitutional reflection of generally recognized principles and norms of international law // Journal of Russian Law. 2018. No. 7. pp. 15-20.
7. Tikhomirov Yu.A. Globalization: the mutual influence of domestic and international law // Journal of Russian Law. 2002. No. 11, pp. 3-10.
8. Khizhnyak V.S. The constitutional and legal mechanism of interaction between the domestic law of the Russian Federation and international law. The abstract. disss.....Doctor of Law. sciences. - Saratov, 2008. – 33 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_309

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
PUBLIC LAW REGULATION OF CLIMATE SECURITY: CURRENT TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

СОЛОВЬЕВ Никита Павлович,
аспирант Института государства и права Российской академии наук.
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: super-manyasha@mail.ru;
SOLOVYOV Nikita Pavlovich,
PhD student at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.
E-mail: super-manyasha@mail.ru

Краткая аннотация: *Актуальность исследования публично-правовых механизмов адаптации к изменению климата обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, затрагивающих глобальную безопасность, национальные интересы России и социально-экономическую стабильность ее субъектов. В статье исследуется процесс формирования эффективных публично-правовых механизмов адаптации к изменению климата. Делается вывод, что это одна из самых значимых задач для современной России. Успех в ее решении напрямую зависит от способности государства создать четкую правовую базу, обеспечить адекватное финансирование, развить региональный потенциал и наладить межведомственную координацию.*

Abstract*: The relevance of the study of public law mechanisms for adaptation to climate change is determined by a set of interrelated factors affecting global security, Russia's national interests and the socio-economic stability of its subjects. The article examines the process of formation of effective public law mechanisms for adaptation to climate change. It is concluded that this is one of the most significant tasks for modern Russia. Success in solving it directly depends on the ability of the State to create a clear legal framework, ensure adequate funding, develop regional capacity and establish interagency coordination.*

Ключевые слова: *Климатическая безопасность, изменение климата, публично-правовые механизмы, экологическое право, государственное регулирование, адаптация, смягчение последствий.*

Keywords: *Climate security, climate change, public law mechanisms, environmental law, government regulation, adaptation, mitigation of consequences.*

Для цитирования: *Соловьев Н.П. Публично-правовое регулирование обеспечения климатической безопасности: современные тенденции и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 309-312. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_309.*

For citation*: Solovyov N.P. Public law regulation of climate security: current trends and development prospects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 309-312. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_309.*

Статья поступила в редакцию: 02.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Неотвратимость последствий изменения климата становится очевидной, климатическая повестк на протияжении многих лет воспринимается как элемент системы экологической безопасности. «Вместе с тем вопросы экологической безопасности, по сравнению с другими ее видами (экономической, информационной и др.) не стали приоритетными в массовом сознании россиян, проблематика экологической безопасности формирует аксиому своей безусловной важности весьма неспешно»[1].

Следует отметить, что определенные шаги в сфере нормативного регулирования экологических проблем в последние годы весьма очевидны. В Послании Федеральному собранию 2023 г. было обращено внимание на то что и перед органами публичной власти и перед бизнесом по прежнему актуальным видится решение задач по существенному снижению вредных выбросов и переходу к экономике замкнутого цикла[2]. «Зеленая повестка» стала актуальной в исследованиях не только экологов, но и юристов,[3].

На это направлена работа по закреплению на конституционном уровне гарантий обеспечения прав и свобод в экологической сфере. При этом, должно обеспечиваться единство и системность государственной политики, включающей «…охрану окружающей среды, организацию рационального природопользования и обеспечение экологической безопасности»[4].

Изменение климата представляет собой глобальный вызов, последствия которого носят выраженный региональный и локальный характер. В то время как меры по смягчению (mitigation) направлены на сокращение выбросов парниковых газов, адаптация (adaptation) фокусируется на минимизации ущерба от уже неизбежных климатических изменений. Для такой страны, как Россия, с ее колоссальным географическим и климатическим разнообразием (от таяния вечной мерзлоты в Арктике до засух на юге и наводнений на Дальнем Востоке), разработка и реализация эффективных механизмов противостоящих катострофическим изменениям климата становится критически важной задачей обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития.Поэтому эта задача должна решаться на всех уровнях публичной власти. Социальная власть – неотъемлемый необходимый атрибут общества. Власть придает обществу целостность, управляемость, служит важнейшим фактором организованности и подконтрольности. Каждое историческое общество, – пишет С.С. Алексеев, – требует строго определенного регулирования

[1] Виноградова Е.В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры– инвестиция в будущее.// Правовая политика и правовая жизнь. 2022. №3. С.203.
[2] Обращение Президента России В.В.Путинас посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г.
[3] Виноградова Е.В. Конституционно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности. // Юридическая наука : история и современность 2023, №2. С.52.
[4] Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права: монография. - М.: 2015.С.187.

отношений. От меры регулирования зависит качество развития общества. Регулировать отношения в социальной жизни, значит давать направление поведению людей, вводить в определенные рамки, упорядочивать[1]. Это упорядочивание должно происходить в формате установленных правовыми нормами общественных отношений. Общественное отношение становится правовым, когда порядок действий каждого из участников регламентируется (прописывается) в правовой норме. При этом каждый из участников наделяется правовой нормой правами и обязанностями[2].

Публично-правовые механизмы адаптации к изменентям климата – это совокупность инструментов, методов и процедур, установленных нормами публичного права (в первую очередь, административного, экологического, градостроительного, финансового), с помощью которых органы публичной власти (федеральные, региональные, местные) организуют деятельность по снижению уязвимости природных и антропогенных систем, экономики и населения к негативным последствиям изменения климата. А.И. Елистратов к основным элементам публичного правоотношения относил: 1) правовую обязанность и 2) субъективное право или правомочия (т.е. долженствования и возможности), которые создаются правовыми нормами для участников (субъектов), 3) субъекты и 4) объекты[3].

Необходимость регионального подхода к адаптации определена рядом факторов, в числе которых географическая и климатическая неоднородность. Она предопределена последствиями изменения климата (повышение температуры, изменение режима осадков, экстремальные погодные явления, таяние мерзлоты, подъем уровня моря) проявляются по-разному в Арктике, Сибири, на юге Европейской части России или Дальнем Востоке.

Кроме того, необходимо учитывать различия в экономической структуре, обусловленные тем, что экономики региона зависит от ее специализации (сельское хозяйство, добывающая промышленность, туризм, транспортная инфраструктура), и социально-демографические особенности: Плотность населения, состояние здоровья жителей, традиционный уклад жизни коренных народов требуют специфических мер поддержки.

Разность уровеня институционального потенциала, объясняется также тем, что регионы обладают различными ресурсами, компетенциями и опытом в области планирования и управления климатическими рисками.

Система публично-правовых механизмов адаптации на региональном уровне можно классифицировать по их основным функциям и правовой природе. Планирование и программно-целевое регулирование должно заключаться в разработке и принятии региональных планов (программ, стратегий) адаптации к изменению климата. Это ключевой инструмент, предусмотренный на федеральном уровне (Национальный план мероприятий первого этапа адаптации). Прт этом план должен базироваться на региональной оценке климатических рисков и уязвимостей (климатическое профилирование региона), содержать конкретные цели, задачи, приоритетные направления адаптации (сельское хозяйство, ЖКХ, здоровье населения, защита от ЧС, инфраструктура, природные экосистемы). Очень важно, чтобы он был интегрированным в другие региональные стратегии и программы (социально-экономического развития, экологические, территориального планирования, ГОиЧС).

С юридической точки зрения очень важно правовое закрепление требований к адаптации в региональных законах и подзаконных актах (например, законы об охране окружающей среды субъекта РФ, об охране здоровья населения, о градостроительной деятельности).

Создание и ведение Региональных систем мониторинга климата и его последствий (сбор данных о температуре, осадках, уровне вечной мерзлоты, пожарной опасности, состоянии здоровья населения и пр.) должно осуществляться в тесной связи с Росгидрометом. Очень важные этапы - формирование и актуализация Реестра (кадастра) объектов, наиболее уязвимых к климатическим изменениям (инфраструктура на мерзлоте, объекты в зонах подтопления/затопления, сельхозугодья в зонах засухи и т.д.) и обеспечение свободного доступа к климатически значимой информации для органов власти, бизнеса и населения (региональные геопорталы, доклады).

Ответственность за координацию адаптационной политики в соответствии с нормативными положениями регионального и муниципального уровня закрепляется за конкретным органом региональной исполнительной власти (часто – минприроды или экологии региона или специализированная структура).

Региональный экологический надзор с учетом климатических аспектов (контроль за состоянием объектов в зонах риска), а также специально должны создаваться органы на которые возлагаются функции разработки и актуализация планов действий по предупреждению и ликвидации ЧС природного характера, усиленных из-за изменения климата (паводки, лесные пожары, штормы). Эти мероприятия должны осуществляться с учетом правового содержания их, как механизмов реализации властных правоотношений. Предпримем попытку разобраться в сути и юридическом значении термина «мероприятие».

Толковые словари дают следующую трактовку. Мероприятие - организованное действие или совокупность действий, направленных на осуществление определенной цели[4]. С.И. Ожегов раскрывает понятие термина «мероприятие» через совокупность действий, объединённых одной общественно значимой задачей.[5] В справочнике технического переводчика мероприятие – это кратковременный неформализованный набор работ, направленных на получение заданных результатов. Мероприятие можно рассматривать как проект, к которому применяется упрощенный документооборот в связи с его краткосрочностью и низкой трудоемкостью[6].

Говоря о мероприятиях к ним вне всякого сомнения можно отнести формирование и исполнение регионального бюджета с учетом рас-

[1] Алексеев С.С. Теория права. – 2-е перераб. изд. – М.: БЭК, 1995. – С. 31-33. – 311 с.
[2] Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность // Государство и право. – 2022. – №4. – С. 90-102.
[3] Елистратов А.И. Основные начала административного права [Текст]/ А.И. Елистратов. – 2-е изд., доп. – М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917. – 305 с.С. 69-70.
[4] Словарь русского языка. Институт Русского языка АН СССР / под ред. А.П. Евгеньевой. – в 4 т. – 3-е изд. – М.: РУССКИЙ ЯЗЫК, 1986. – Т. 2. – С. 254. – 800 с.
[5] Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
[6] Словари и энциклопедии на академке [Электронный ресурс] : сайт Академик, 2000-2022. – URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/116241/%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 13.03.2021).

ходов на адаптацию (выделение целевых статей/подпрограмм), как правило происходит с привлечением внебюджетных источников финансирования (региональные "зеленые" облигации, ГЧП для адаптационных проектов), региональных систем страхования климатических рисков которые пока развиты слабо, а также субсидий и иных мер поддержки для:

- Сельхозпроизводителей, внедряющих засухоустойчивые культуры и технологии.
- Предприятий ЖКХ, модернизирующих сети для работы в условиях экстремальных температур.
- Бизнеса, осуществляющего защиту своих объектов от климатических рисков (например, укрепление фундаментов на мерзлоте).
- Муниципалитетов на реализацию локальных адаптационных проектов.
- Большое значение для включенности институтов гражданского общества имеют Проведение общественных обсуждений проектов региональных планов адаптации и крупных инфраструктурных проектов с климатической составляющей.

Большое значение для включенности институтов гражданского общества имеют проведение общественных обсуждений проектов региональных планов адаптации и крупных инфраструктурных проектов с климатической составляющей, климатическое просвещение и информирование населения о рисках и мерах индивидуальной защиты, а также поддержка инициатив местных сообществ по адаптации.

Приводя примеры региональной практики в Российской Федерации, следует остановиться на начинающих формироваться позитивных примерах: Арктические регионы (ЯНАО, Якутия): Фокус на защите инфраструктуры от деградации вечной мерзлоты. Разработка методик мониторинга, требования к строительству на мерзлоте, пилотные проекты по термостабилизации грунтов. Принятие региональных документов по адаптации. Сахалинская область: В рамках климатического эксперимента активно развивается не только углеродное регулирование, но и направление адаптации (мониторинг прибрежных зон, оценка рисков для инфраструктуры). Краснодарский край, Крым где сделан акцент на адаптацию сельского хозяйства к засухам, борьбу с опустыниванием, защиту прибрежной зоны от эрозии и подтопления. Развитие систем мелиорации. В Санкт-Петербурге разработан план по адаптации к изменению климата, включающего меры по защите от наводнений, жары, ливневых паводков. В Москве-программа по снижению "теплового острова", озеленение, адаптация систем здравоохранения к волнам жары.

Вместе с тем необходимо учитывать ключевые проблемы и барьеры:

1. Фрагментарность и формальный подход: Многие региональные планы адаптации носят декларативный характер, не подкреплены финансированием и конкретными механизмами реализации. Отсутствует системность.
2. Дефицит данных и методик: Недостаточность детальных региональных климатических прогнозов и оценок уязвимости, особенно на муниципальном уровне. Сложности в оценке экономического ущерба от климатических рисков.
3. Недостаток финансирования: Отсутствие стабильных и достаточных источников финансирования адаптационных мероприятий в региональных бюджетах. Слабое привлечение частных инвестиций.
4. Нехватка компетенций: Дефицит квалифицированных кадров в региональных органах власти и на местах, способных заниматься планированием и управлением адаптацией.
5. Слабая координация: Недостаточное взаимодействие между федеральным центром, регионами и муниципалитетами, а также между различными отраслевыми ведомствами внутри региона (экология, строительство, сельское хозяйство, МЧС, здравоохранение).
6. Недостаточное правовое регулирование: Отсутствие федерального закона, прямо регулирующего адаптацию, приводит к тому, что региональные нормы разрознены и не образуют единой системы. Нет четкого разграничения полномочий.
7. Низкая осведомленность и вовлеченность: Недостаточное понимание проблемы и важности адаптации среди населения, бизнеса и части чиновников.

Перспективы развития и пути совершенствования региональных механизмов адаптации заключаются в разработке и принятии Федерального закона "Об адаптации к изменению климата": Закон должен установить единые принципы, разграничить полномочия уровней власти, закрепить требования к региональным планам адаптации и их финансированию, ввести обязательность учета климатических рисков в отраслевых решениях. В частности, усиление методической и информационной поддержки регионов со стороны федерального центра: Разработка типовых методик оценки рисков и уязвимости, создания планов адаптации, ведения мониторинга. Создание федерального климатического портала с агрегированными региональными данными.

Важным видится создание целевых финансовых механизмов:

- Введение в Бюджетный кодекс РФ статей, предусматривающих финансирование адаптационных мероприятий.
- Создание федерального и/или региональных фондов адаптации.
-Стимулирование "зеленых" инвестиций в адаптационную инфраструктуру.
- Развитие системы страхования климатических рисков с господдержкой.

Повысить потенциал регионов можно за счет обучения чиновников, создание региональных климатических центров/рабочих групп, обмен лучшими практиками между субъектами РФ. Усиления интеграции адаптации в отраслевое планирование: Обязательный учет климатических рисков и адаптационных мер в региональных программах развития сельского хозяйства, ЖКХ, транспорта, энергетики, здравоохранения, в документах территориального планирования. Развития механизмов вовлечения бизнеса и населения: Публичные слушания, гранты для НКО и местных инициатив, информационные кампании, программы поддержки для бизнеса по внедрению адаптационных технологий.

В заключении следует отметить, что одна из самых актуальных задач для современной России – создание эффективных публично-правовых механизмов регулирования обеспечения климатической безопасности. Успех в ее решении напрямую зависит от способности государ-

ства создать четкую правовую базу, обеспечить адекватное финансирование, развить региональный потенциал и наладить межведомственную координацию. учет специфики каждого региона – от Арктики до южных степей – является ключевым принципом при разработке и реализации адаптационных мер. Только комплексный, основанный на праве и научных данных подход к адаптации на местах позволит минимизировать растущие социально-экономические и экологические риски, связанные с изменением климата, и обеспечить устойчивое будущее для всех регионов Российской Федерации.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. – 2-е перераб. изд. – М.: БЭК, 1995. – С. 31-33. – 311 с.
2. *Боголюбов С.А.* Реализация экологической политики посредством права: монография. - М.: 2015.С.187.
3. *Виноградова Е.В.* Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры– инвестиция в будущее.// Правовая политика и правовая жизнь. 2022. №3. С.203.
4. *Виноградова Е.В.* Конституционно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности. // Юридическая наука : история и современность 2023, №2. С.52.
5. Елистратов А.И. Основные начала административного права [Текст]/ А.И. Елистратов. – 2-е изд., доп. – М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917. – 305 с.
6. Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность // Государство и право. – 2022. – №4. – С. 90-102.
7. Обращение Президента России В.В.Путинас посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г.
8. Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.

References:

1. Alekseev S.S. Theory of law - 2nd revision of the ed. - M. M.: BACK, 1995. -pp. 31-33. - 311 p.
2. Bogolyubov S.A. Implementation of environmental policy through law: a monograph. Moscow: 2015. 187.
3. Vinogradova E.V., the constitutional priorities of environmental education and the education of ecological culture are an investment in the future.// Legal policy and legal life. 2022. №3. 203.
4. Vinogradova E.V. Constitutional and legal aspects of ensuring environmental safety // Legal science : history and modernity 2023, No. 2. 52.
5. Elistratov A.I. The basic principles of administrative law [Text]/ a. n.Winner of the award named after Elistratov. - 2nd ed., supplement. - M. M.: G. A. N. Lehman and S. N. Prize winner. Sakharov, 1917. – 305 p.
6. Kobzar-Frolova M.N. Administrative legal relations: the evolution of views on the concept and essence // State and law. – 2022. – No. 4. -pp. 90-102.
7. Address of the President of Russia V.V. Putin's Address to the Federal Assembly of the Russian Federation on February 21, 2023
8. Explanatory dictionary of the Russian language [Text]: 72500 words and 7500 phraseological expressions / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova; Russian Academy of Sciences, In-t rus. summer., Russian Cultural Foundation. - 2nd ed., ispr. and add. - M. M.: Az, 1994. - 907 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_313

УДК 343

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ МЧС РОССИИ
NORMATIVE ACTIVITY IN THE RUSSIAN MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович,
Кандидат военных наук, доцент, заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева».
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru;

PYANUSOV Alexander Viktorovich,
Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Life Safety St. Petersburg State Fire Service University The Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinichev.
196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье автор, на основании проведенного анализа мнении ученых в сфере нормотворчества сделал вывод о том что, рассматривая нормотворчество в широком или более узком смысле слова можно утверждать что нормотворческая деятельность является частью правотворчества, а ведомственное нормотворчество является родовым понятием нормотворчества и представляет собой деятельность должностных лиц органов исполнительной власти по разработке нормативных правовых актов.*

Abstract: *In the present article the author, on the basis of the spent analysis opinion of scientists in sphere of rule-making has drawn a conclusion on that that, considering of rule-making in wide or narrower sense of a word it is possible to confirm that of rule-making activity is a part lawmaking, and departmental of rule-making is patrimonial concept of rule-making and represents activity of officials of enforcement authorities on working out of standard legal certificates.*

Ключевые слова: *Нормотворческая деятельность, правотворчество, законотворческая деятельность, ведомственное нормотворчество, нормотворческая деятельность в МЧС России.*

Keywords: *Of rule-making activity, lawmaking, legislative activity, departmental of rule-making,of rule-making activity in the of EMERCOM of Russia.*

Для цитирования: *Пьянусов А.В. Нормотворческая деятельность в системе МЧС России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 313-315. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_313.*

For citation*: Pyanusov A.V. Normative activity in the Russian Ministry of emergency situations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 313-315. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_313.*

Статья поступила в редакцию: 02.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Нормотворческая деятельность Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий играет ключевую роль в обеспечении безопасности населения и защиты территории страны от чрезвычайных ситуаций и призвана через принятые нормативно правовые акты реализовывать цели, задачи, функции органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровне.

Данная деятельность имеет цель – создание правовых норм, т.е. формально определенных правил поведения общего характера, если эти правила распространяются на всех граждан, или правил поведения узковедомственной направленности, если нормативные предписания рассчитаны только на сотрудников МЧС России. Собственно эта цель и определяет содержание нормотворчества.

В словаре русского языка слово – «творчество» раскрывается как творение, сотворение,т.е.деятельность, направленная на создание культурных или материальных ценностей[1].

Конечно, нормативно правовой акт можно назвать творчески созданным только тогда, когда нормы его действуют, эффективно регулируют появившиеся общественные отношения и устанавливают опредленные нормы, направленные в первую очередь на реализацию прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, в свою очередь юридические нормы станут правовыми тогда, когда они не будут ущемлять, а будут обеспечивать конституционные права и свободы граждан, когда человекв реальной жизни станет «мерой всех вещей», только в этом случае нормы права могут быть социальной ценностью.

Понятие нормотворческой деятельности, которое является достаточно общим, должно раскрывать сущность, характеризовать особенности содержания, структуру, направления и тенденции развития определенного предмета, поэтому перед тем как сформулировать понятие ведомственного нормотворчества, целесообразно рассмотреть общую категорию нормотворчества[2].

Так, правотворчество можно рассматривать как составную часть механизма правового регулирования, без которой не появятся на свет нормы права, направленные на регулирование общественных отношении.

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1991.
[2] Шеншин, В. М. О нормативно-правовом регулировании нормотворчества Росгвардии в сфере административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBA; Назарова, И. С. Актуальные аспекты нормативного регулирования правотворческой деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2020. – № 1(10). – С. 105-108. – EDN WSKVMH.

Под правотворчеством понимают и один из основных признаков государства, поскольку среди множества политических организации только государство в лице своих компетентных органов издает веления, которые имеют обязательную силу для всего населения страны[1].

С.С.Алексеев в одной из своих работ предложил следующее определение правотворчества: «Правотворчество (законотворчество) – это специальная деятельность компетентных органов, завершающая процесс правообразования, в результате которой приобретает юридическую силу и вступает в действие закон»[2].

Несмотря на то, что над раскрытием понятия правотворчества трудились многие ученые – юристы, научные исследования по данной тематике продолжаются. Так, К.Н. Дмитриевцев, опираясь на распространенную в науке чисто юридическую трактовку о том, что правотворчество – это создание юридических норм, и рассматривая положение Р.З.Лившица, согласно которому современное право – это средство социального компромисса, дал такое понятие правотворчества: «Правотворчество – это деятельность специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц, заключающаяся в создании правовых норм, отражающих существующие тенденции развития личности, общества и государства, деятельность, представляющая собой нахождение компромисса, возникающего в результате учета общего и частного в интересах всех социальных объектов; деятельность, направленная на формирование общественного, группового и индивидуального правосознания с целью упорядочения и регламентации общественных отношений, объективно имеющих правовую природу»[3].

В данном определении отмечается, что нормотворчество – это деятельность не только государственных органов, но и должностных лиц. Именно должностные лица чаще всего, а реже коллегии принимают решение о необходимости издания нормативных актов в министерствах и ведомствах. Принятые федеральными органами исполнительной власти нормативные акты составляют особый блок актов, направленных на регулирование общественных отношении. Это необходимый элемент механизма правового регулирования и одна из форм реализации компетенции министерств и ведомств. Данными актами могут не только возлагаться обязанности на государственные органы, негосударственные формирования, но и предоставляться права.

Таким образом, рассматривая нормотворчество в широком или в более узком смысле слова, можно утверждать, что нормотворческая деятельность является частью правотворчества.

Нормотворческая деятельность как часть правотворчества – многоаспектная категория и состоит из разных критериев. Критерии нормотворческой деятельности являются основанием для классификации. Нормотворческая деятельность классифицируется на законотворчестве, ведомственное нормотворчество.

Законотворческая деятельность – это юридическая форма деятельности законодательных органов, представительных органов, органов местного самоуправления по разработке и принятию федеральных законов и законов органов местного самоуправления.

Ведомственное нормотворчество является родовым понятием нормотворчества и представляет собой деятельность должностных лиц органов исполнительной власти по разработке нормативных правовых актов, цель которых – регулирование служебных общественных отношении, не выходящих за пределы системы и структуры министерств, федеральных служб, федеральных агенств.

Определенным шагом в исследовании ведомственных актов явились работы, посвященные актам государственного управления.Но, признавая их ценность, следует заметить, что характеристика этих актов не дает полного представления о данном виде деятельности МЧС России. Кроме того ведомственные акты далеко не однородны, что обусловливает необходимость изучения отдельных их групп.

Нормотворческую деятельность МЧС России можно назвать одним из средств выражения административной политики государства, поскольку с ее помощью можно определить содержание и формы государственного управления, не только в сфере обеспечения защиты населения от чрезвычайных ситуаций, и в значительной мере государственный режим.

Раскрывая содержание нормотворческой деятельности МЧС России, следует выделить два важных аспекта. Первый сводится к тому, что МЧС России входит в подсистему отраслевых органов исполнительной власти и, следовательно, нормотворческой деятельности МЧС России характерны общие признаки ведомственного регулирования (подзаконность этой деятельности, связь с компетенцией ведомства, ограниченность сферы применения издаваемых актов и т.д.). Второй относится к специфике нормотворческой деятельности именно МЧС России. Разрабатываемые и принимаемые ведомством нормативные акты являются формой выражения их компетенции, а последняя всегда индивидуальна для каждого министерства и ведомства. И эта специфика обусловлена не только предметной компетенцией каждого из них, но и кругом будущих адресатов принимаемых актов.

В настоящее время в МЧС России действует большой блок нормативных актов, регулирующих разнообразные вопросы организации и деятельности как министерства в целом, так и отдельных его подразделений[4]. Однако нормативные акты МЧС России регулируют только внутриведомственные отношения, но не стоит забывать, что МЧС России по вопросам, определенным законодательством, вправе издавать акты внешнего воздействия, регулирующие отношения с участием других государственных органов и физических лиц. Такими актами МЧС России являются, например акты обеспечения пожарной безопасности, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуации природного и техногенного характера и т.д., так вот подготовка названых актов и составляет содержание нормотворческой деятельности МЧС России.

Необходимо отметить что, координацию нормотворческой деятельности в МЧС России осуществляет правовой департамент МЧС

[1] Хропанюк В.Н. Теория государства и права. – М., 1993. С.40
[2] Алексеев С.С. Государство и право. – М., 1994. С. 115.
[3] Дмитриевцев К.Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации: Автореф. дис.….канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 1994. С.20.
[4] Вопросы совершенствования нормативного регулирования в сфере оплаты труда (денежного довольствия) спасателей и пожарных, работающих (проходящих службу) в арктической зоне Российской Федерации: правотворческий аспект / А. А. Зозуля, С. Б. Немченко, А. А. Смирнова [и др.] // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 3(64). – С. 7-15. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-3-7-15. – EDN IGGUKO.

России, который ставит перед собой следующие основные задачи:

- правовое обеспечение деятельности МЧС России;

- подготовка и участие в реализации предложений по совершенствованию нормативного регулирования вопросов отнесенных к ведению МЧС России;

- обеспечение соответствия издаваемых МЧС России нормативных актов законодательству Российской Федерации;

- представление интересов МЧС России в органах судебной власти и международных судах;

- организационно – методическое обеспечение правовой работы правовых подразделений системы МЧС России[1].

Основной целью нормотворческой работы в МЧС России является нормативный акт. В юридической литературе распространено мнение, что нормативный акт – это акт, содержащий права, которые действуют во времени, в пространстве и по кругу лиц. Однако такое определение будет не полным, поскольку без внимания оставлены правила поведения, направленные на изменение, а также отмену правовых норм.

В связи с этим можно сделать вывод: нормотворчество в системе МЧС России – деятельность по созданию, изменению и отмене нормативно – правовых актов различных видов и областей применения, направленных на обеспечение безопасности в чрезвычайных ситуациях.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Государство и право. – М., 1994. С. 115.
2. Вопросы совершенствования нормативного регулирования в сфере оплаты труда (денежного довольствия) спасателей и пожарных, работающих (проходящих службу) в арктической зоне Российской Федерации: правотворческий аспект / А. А. Зозуля, С. Б. Немченко, А. А. Смирнова [и др.] // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 3(64). – С. 7-15. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-3-7-15. – EDN IGGUKO.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1991.
4. Дмитриевцев К.Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации: Автореф. дис.….канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 1994. С.20.
5. Назарова, И. С. Актуальные аспекты нормативного регулирования правотворческой деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2020. – № 1(10). – С. 105-108. – EDN WSKVMH.
6. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. – М., 1993. С.40
7. Шеншин, В. М. О нормативно-правовом регулировании нормотворчества Росгвардии в сфере административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBA.

References:

1. Alekseev S.S. The State and law, Moscow, 1994, p. 115.
2. Issues of improving regulatory regulation in the field of wages (monetary allowances) rescuers and firefighters working (serving) in the Arctic zone of the Russian Federation: a law-making aspect / A. A. Zozulya, S. B. Nemchenko, A. A. Smirnova [et al.] // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 3(64). – Pp. 7-15. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-3-7-15. – EDN IGGUKO.
3. Dahl V. Explanatory Dictionary of the living Great Russian Language, Moscow, 1991.
4. Dmitrievtsev K.N. The process of law-making in the Russian Federation: Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. N.Novgorod, 1994. p.20.
5. Nazarova, I. S. Actual aspects of the regulatory regulation of law–making activities of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation / I. S. Nazarova // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – 2020. – № 1(10). – Pp. 105-108. – EDN WSKVMH.
6. Khropanyuk V.N. Theory of the State and law, Moscow, 1993, p. 40
7. Shenshin, V. M. On the regulatory and legal regulation of the Rosgvardiya rulemaking in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2022. – No. 7. – pp. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBA.

[1] Положение о правовом департаменте МЧС России. Приказ МЧС России от 18.04.2019г. № 224.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_316

УДК 342.56

СУД ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ КАК ЗВЕНО АРБИТРАЖНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕДПОССЫЛКИ СОЗДАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
THE INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS COURT AS A LINK IN THE ARBITRATION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: PREREQUISITES FOR THE CREATION AND ORGANIZATION OF ACTIVITIES

РАШИДОВА Виктория Юрьевна,
аспирант ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69.
E-mail: vikaviktoria_063@mail.ru;

RASHIDOVA Victoria Yuryevna,
postgraduate student Lebedev Russian State University of Justice..
117418, Moscow, Novocheremushkinskaya St., 69.
E-mail: *vikaviktoria_063@mail.ru*

Краткая аннотация: *Органы правосудия являются отдельным звеном комплексной системы государственной власти в нашей стране. Рассматриваемое звено характеризуется самостоятельностью и независимостью осуществляемых процедур, что проявляется в использовании судебными учреждениями правовых предписаний в процессе разрешения определённых конфликтов и споров в соответствии со строгими правилами и процедурами, установленными законом. Особое место в системе таких учреждений занимают специализированные суды, которые уполномочены рассматривать споры, возникающие в определенной сфере правовых отношений. Создание указанных органов преимущественно происходит по мере необходимости, учитывая специфику происходящих в стране процессов, а также особенностей общественного развития в данный исторический период. Среди специализированных судов России Суд по интеллектуальным правам является наиболее ярким и заметным представителем указанной области. В настоящей статье автор рассматривает основные механизмы, определяющие создание судов по интеллектуальным правам. Также будут описаны важнейшие аспекты организационного обеспечения их работы, которые способствуют справедливому и результативному разрешению конфликтов.*

Abstract: *The judicial authorities are a separate part of the complex system of state power in our country. The link in question is characterized by the independence and independence of the procedures carried out, which is manifested in the use of legal regulations by judicial institutions in the process of resolving certain conflicts and disputes in accordance with strict rules and procedures established by law. A special place in the system of such institutions is occupied by specialized courts, which are authorized to consider disputes arising in a certain area of legal relations. The creation of these bodies mainly takes place as needed, taking into account the specifics of the processes taking place in the country, as well as the peculiarities of social development in this historical period. Among the specialized courts in Russia, the Intellectual Property Rights Court is the most prominent and prominent representative of this field. In this article, the author examines the main mechanisms governing the establishment of intellectual property rights courts. It will also describe the most important aspects of the organizational support of their work, which contribute to a fair and effective conflict resolution.*

Ключевые слова*: система арбитражных судов, специализированный суд, суд по интеллектуальным правам, интеллектуальные права, защита интеллектуальных прав.*

Keywords: *arbitration court system, specialized court, intellectual property rights court, intellectual property rights protection.*

Для цитирования: *Рашидова В.Ю. Суд по интеллектуальным правам как звено арбитражной системы Российской Федерации: предпосылки создания и организация деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 316-319. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_316.*

For citation*: Rashidova V.Yu. The intellectual property rights court as a link in the arbitration system of the russian federation: prerequisites for the creation and organization of activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 316-319. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_316.*

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В результате цифровизации как основного тренда современного общества все больше возрастает внимание к институту интеллектуальных прав, одним из способов защиты которых является обращение в специализированный орган правосудия.

Прогресс в области информационных технологий и глобализация Интернета приводят к существенному увеличению недобросовестного заимствования чужого контента, плагиата и не только. Все это, в свою очередь, определяет рост количества случаев присвоения чужого авторства и интеллектуальной собственности.

Актуальность проблематики, касающейся защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации, остается важной темой и нередко приводит к длительным и запутанным судебным разбирательствам. В целях решения данной проблемы в арбитражной системе страны был создан специализированный орган – Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП).

Основой деятельности СИП выступает защита прав интеллектуальной собственности субъектов отношений, разрешение возникающих разногласий и конфликтов, возникающих вследствие нарушения таких прав.

В общем понимании специализированные суды в России признаются разновидностью судов общей юрисдикции, которые занимаются рассмотрением определенных категорий дел, требующих специализированного подхода [5].

Согласно российскому законодательству, для рассмотрения категории дел, требующих специализированных знаний в определенной сфере познания, существует правовая база для формирования специализированных федеральных судов. По своей природе указанные суды специализируются на рассмотрении дел, которые обычно рассматриваются судам общей юрисдикции и арбитражным судам с учетом их компетенции.

СИП является непосредственной частью структуры арбитражных судов в Российской Федерации, что проявляется в деятельности суда, направленной на укрепление законности, правопорядка и предотвращение правонарушений, возникающих в сфере экономических правоотношений.

Ключевым аспектом в организации деятельности Суда по интеллектуальным правам является его независимость. Несмотря на то, что СИП входит в систему арбитражных судов РФ, на практике он действует самостоятельно как отдельный орган, сосредоточенный на разрешении споров, касающихся интеллектуальной собственности.

Председатель Суда по интеллектуальным правам Л.А. Новоселова, рассуждая о природе происхождения СИП, объясняет специфику и особое место в арбитражной системе благодаря своей уникальной природе.

Л.А. Новоселова объясняет, что система арбитражных судов Российской Федерации в большей степени ориентирована на указанную специализацию при рассмотрении споров, поскольку наиболее сложные и экономически значимые отношения в сфере защиты интеллектуальной собственности складываются именно в предпринимательской деятельности - в деятельности субъектов, споры с участием которых традиционно рассматривались арбитражными судами [3].

В силу установленных норм ст. 26.1 Федерального конституционного закона от 06.12.2011 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» (принят Государственной думой 23 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 29 ноября 2011 года), фактически СИП представляет собой специализированный арбитражный суд, осуществляющий в пределах своей компетенции деятельность по рассмотрению в суде первой и кассационной инстанциях дел, отнесенных законодательством к защите интеллектуальных прав.

Благодаря деятельности СИП, обеспечивающего защиту исключительных прав в сфере интеллектуальной собственности, любое лицо, чьи права были нарушены, имеет право обратиться в суд за восстановлением нарушенного права.

Вопрос о предпосылках создания СИП является основополагающим при изучении организации деятельности арбитражного суда, осуществляющего защиту интеллектуальных прав.

1991 год стал годом создания арбитражной системы в Российской Федерации. В 1995 году был издан закон, послуживший правовой основой деятельности арбитражных судов в Российской Федерации. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» Принят Государственной Думой 5 апреля 1995 года : Одобрен Советом Федерации 12 апреля 1995 года) (СПС КонсультантПлюс) провозгласил статус и компетенцию арбитражных судов. Напомним, что главной задачей арбитражных органов в Российской Федерации является защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, а также отправление правосудия в сфере экономических отношений.

На момент создания системы арбитражных судов в России фактически не было сформировано ни одного специализированного арбитражного суда. Развитие данного звена рассматриваемой системы органов правосудия относится к последующим этапам совершенствования судебной системы.

В 2011 году были внесены изменения в законодательную базу РФ. Судебная система Российской Федерации была дополнена еще одним судебным органом, а именно: создан первый специализированный судебный орган осуществления правосудия в России – Суд по интеллектуальным правам (ст. 26.1 Федерального конституционного закона от 06.12.2011 № 4-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам») (принят Государственной думой 23 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 29 ноября 2011 года).

Несмотря на то, что создание первого специализированного судебного органа состоялось в 2011 году, фактическая его деятельность и функционирование начались в 2013 году (Постановление Пленума ВАС РФ от 02.07.2013 № 51 «О начале деятельности Суда по интеллектуальным правам»).

Одним из ключевых факторов, послуживших созданию СИП в Российской Федерации, является возрастание нагрузки в делах, связанных с охраной интеллектуальной собственности [1].

Необходимость создания специализированного судебного звена в арбитражной системе обуславливалась не только увеличением числа подобных споров, но и их спецификой, требующей не только высокой юридической подготовки, но и глубокого понимания технических и научных основ рассматриваемых вопросов [3].

В связи с этим возникла потребность в формировании отдельного судебного органа, призванного:

- обеспечивать детальное рассмотрение дел с учётом их сложности и отраслевой принадлежности;
- гарантировать высокий уровень профессионализма судей, владеющих знаниями в технических и научных областях;
- повышать качество и результативность судебного разбирательства.

Ключевые черты Суда по интеллектуальным правам:

1. В рамках СИП сосредоточена исключительная юрисдикция, охватывающая все споры, касающиеся прав интеллектуальной собственности, независимо от того, рассматривались ли они ранее в других инстанциях;

2. Суд наделен правом рассмотрения дел на всей территории Российской Федерации, что свидетельствует о его широкой юрисдикции;

3. Дела в первой инстанции рассматриваются коллегиально – составом из трех судей, а кассационные жалобы рассматриваются Президиумом СИП (в случае внутренних апелляций) или специализированными коллегиями (при пересмотре решений арбитражных органов);

4. Судебные акты, вынесенные судом первой инстанции, не подлежат апелляционному обжалованию;

5. Суд активно участвует в процессе, имея право инициировать запросы и привлекать экспертов для консультаций;

6. При отборе кандидатов в судьи приоритет отдается тем, кто имеет соответствующую квалификацию [1].

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. №10 Верховным Судом РФ были определены критерии, по которым спор о защите интеллектуальных прав может быть отнесен к компетенции СИП. Этими критериями выступают: специфика рассматриваемых правоотношений и участники судебного процесса (субъекты). Таким образом, можно отметить, что основное отличие СИП от иных судов системы правосудия кроется именно в его специальной подведомственности.

В основе организации деятельности Суда по интеллектуальным правам лежат основные его составляющие:

- Секретариат, обеспечивающий бесперебойную работу суда: он занимается подготовкой документов и организационным управлением, необходимым для эффективного ведения процессов;

- Президиум, как высший орган, отвечающий за вопросы интеллектуальной собственности, координирует все аспекты деятельности суда, включая рассмотрение дел и принятие окончательных решений в этой сфере.

Президиум СИП обладает некоторыми особенностями:

- он является постоянным органом и созывается назначенным Председателем по мере необходимости;

- решения принимаются большинством голосов, при этом судья Президиума не может воздержаться от голосования;

- в случае равенства голосов судей Президиума решение суда считается не принятым, и кассационная жалоба остается без удовлетворения.

Вышеуказанная многоуровневая система организации деятельности СИП обеспечивает всестороннее рассмотрение дел в сфере интеллектуальной собственности, а также высокий уровень профессионализма при вынесении решений.

Таким образом, на сегодняшний день данный подход к организации деятельности СИП способствует формированию надёжной правовой защиты и эффективного разрешения возникающих конфликтов.

СИП имеет исключительную компетенцию:

- рассматривает в качестве суда первой инстанции дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в области правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (п. 1 ст. 43.4. ФКЗ от 28.04.1995 N 1-ФКЗ);

- рассматривает в качестве суда кассационной инстанции - дела, рассмотренные им по первой инстанции, и дела о защите интеллектуальных прав, рассмотренные арбитражными судами субъектов РФ по первой инстанции (п. 3 ст. 43.4. ФКЗ от 28.04.1995 N 1-ФКЗ);

- пересматривает по новым и вновь открывшимся обстоятельствам принятые им и вступившие в законную силу судебные акты (п. 4 ст. 43.4. ФКЗ от 28.04.1995 N 1-ФКЗ);

- обращается с запросом о проверке конституционности закона, применённого или подлежащего применению в рассматриваемом деле (п. 5 ст. 43.4. ФКЗ от 28.04.1995 N 1-ФКЗ);

- подготавливает предложения по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов и анализирует судебную статистику (п. 5 ст. 43.4. ФКЗ от 28.04.1995 N 1-ФКЗ).

Возвращаясь к вышеизложенному и анализируя причины, лежавшие в основе создания Суда по интеллектуальным правам, стоит сделать вывод, что его образование оказало положительное влияние на арбитражную систему РФ в целом.

Повсеместный рост числа интеллектуальных споров в последние годы, преимущественно обусловленный экспоненциальным увеличением цифрового контента, включая материалы, охраняемые авторским и смежными правами, зарегистрированные торговые марки и другие объекты интеллектуальной собственности, ярко отражает тенденцию к увеличению поступления исковых заявлений.

Анализ статистики Суда интеллектуальной собственности за период с 2013 по 2023 год демонстрирует существенный рост количества обращений в суд. Согласно данным за 2013 год, в суд первой инстанции поступило 454 заявления. Из них, согласно данным, 360 исков было принято к производству, а 146 было рассмотрено по существу спора. К 2023 году эта цифра выросла до 1416 (принято к производству 1228, рассмотрено 1142). Таким образом, количество исков по интеллектуальным спорам увеличилось более чем в три раза, что является значительным показателем за всю историю существования суда.

Кроме того, возросшее количество конфликтов вокруг интеллектуальной собственности в России было вызвано стремлением отдельных предпринимателей занять ниши, связанные с товарными знаками, аналогичными до степени смешения тем, что принадлежат иностранным компаниям, покинувшим российский рынок. Отказ Роспатента в регистрации таких знаков часто приводит к многочисленным судебным тяжбам. Кроме того, встречаются случаи, когда конкуренты пытаются оспорить в суде зарегистрированные товарные знаки зарубежных компаний, ушедших с российского рынка.

Так, например, одним из громких споров в интеллектуальной сфере за последнее время стало дело № СИП-353/2022, с участием компании Coca-Cola и компании «Черноголовка». Сущность спора заключалась в возражении со стороны зарубежной компании Coca-Cola против предоставления правовой охраны товарному знаку «Фантола» (№ 712275), принадлежащему компании «Напитки из Черноголовки-Аквалайф».

Главной целью было сравнение сходства товарных знаков зарубежного правообладателя и российского. Согласно п. 6 ст. 1483 ГК РФ, товарный знак не может быть зарегистрирован, если он вызывает смешение с уже существующими. Первоначально Роспатент отклонил возражение иностранной компании, после чего она обратилась в СИП. Суд признал недействительным отказ ведомства и обязал его пересмотреть заявление. Однако в конце января Президиум СИП отменил акт и направил спор на новое рассмотрение, запланировав заседание на 17 апреля. Президиум не поддержал методику сравнения товарных знаков, примененную судом первой инстанции, подчеркнув, что, если оба товарных знака известны до подачи возражения, вероятность их смешения потребителями уменьшается [4].

Аналогичная ситуация наблюдается и в области авторского права: нередки случаи использования записей (фонограмм) зарубежных исполнителей в общественных местах без получения необходимых лицензий и выплаты авторских гонораров.

Что касается перспектив роста поступления исковых заявлений по интеллектуальным правам в будущем, Александр Журавлев, управляющий партнер ЭБР и сооснователь Moscow Digital School, представил интересный анализ мировых тенденций в области защиты интеллектуальных прав, отмечая значительный рост числа судебных исков в этой сфере, с прогнозируемым пиком в 2025 году, когда истечет трехлетний период неиспользования товарных знаков иностранных компаний, что позволит предпринимателям инициировать их досрочное снятие с регистрации в России [6].

По мнению эксперта, эта тенденция будет только набирать обороты, обусловленная обострением конкурентной борьбы на международном рынке и необходимостью более эффективного механизма защиты интеллектуальных прав. В связи с этим, СИП приобрел особую важность, выступая в качестве ключевого инструмента поддержки развития российской технологической отрасли в условиях усложняющейся международной обстановки.

Тема защиты интеллектуальных прав и средств индивидуализации в современном мире остается крайне актуальной и значимой, поскольку напрямую влияет на экономический рост предприятий в России, способствуя расширению их бизнес-потенциала. В международном контексте данный аспект становится важнейшим инструментом в отношениях Российской Федерации с зарубежными странами.

Вопрос регулирования отношений в области интеллектуальной собственности сегодня вызывает повышенный интерес во всем мире. Это обусловлено переходом человечества в новую информационную эпоху, в которой идет борьба за информацию во всех ее проявлениях.

Трудно переоценить значение Суда по интеллектуальным правам для арбитражной системы РФ. Его появление стало значимым шагом к укреплению правовой базы и защите интересов участников интеллектуальных и исключительных прав.

По праву следует считать создание СИП особенным шагом на пути к развитию организационной деятельности судов, совершенствованию работы судебной системы и оптимизации правосудия в целом. Это оказало положительное влияние на снижение нагрузки в арбитражных судах всех уровней, поспособствовало сокращению сроков рассмотрения дел указанной категории. Основным критерием для создания СИП послужила критическая перегруженность и затягивание разбирательств в ранее распределённой системе, что требовало структурной трансформации судебного процесса.

В заключение следует подчеркнуть, что, несмотря на многочисленные разъяснения высшей судебной инстанции о подведомственности споров, связанных с защитой интеллектуальных прав, на сегодняшний день с активизацией процесса цифровизации, возникает комплекс новых проблемных вопросов в данной сфере. Вместе с тем следует учитывать, что в современных реалиях обеспечение качественного правосудия по вопросам защиты интеллектуальной собственности должно стать одним из основных направлений дальнейшего совершенствования функционирования судоустройства в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Белоголова, А. М. Место и роль Суда по интеллектуальным правам в судебной системе Российской Федерации / А. М. Белоголова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 48 (182). — С. 232-235. — URL: https://moluch.ru/archive/182/46748/ (дата обращения: 17.02.2025).
2. Близнец И. А., Новоселова Л. А. Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации: монография / М.: Проспект, 2015. — С. 119
3. Интернет-конференция Председателя Суда по интеллектуальным правам человека Новоселовой Л.А. «Необходимость и цели создания Суда по интеллектуальным правам как эффективного инструмента решения патентных споров». ИА «ГАРАНТ», 10 января 2013 г. // СПС Гарант, (дата обращения: 09.02.2025).
4. Нозикова Е. Копирование брендов и массовые иски: тренды споров о товарных знаках // Право.ru [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.ru/story/245774/ от 11 мая 2023 (дата обращения: 15.02.2025).
5. Специализированные суды // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – [Электронный ресурс] // URL: https://bigenc.ru/c/spetsializirovannye-sudy-0bef55/?v=9231376. – Дата публикации: 07.12.2023, (дата обращения: 12.02.2025).
6. Страны-участницы международных конвенций обязуются предоставлять правовую охрану // Газета «Коммерсантъ» №224 [Электронный ресурс] // URL: - https://www.kommersant.ru/doc/6366589 от 01.12.2023, С. 10 (дата обращения: 19.02.2025)

References:

1. Belogolova, A.M. The place and role of the Intellectual Property Rights Court in the judicial system of the Russian Federation / A.M. Belogolova. — Text: direct // Young scientist. — 2017. — № 48 (182). — Pp. 232-235. — URL: https://moluch.ru/archive/182/46748 / (date of reference: 02/17/2025).
2. Bliznet I. A., Novoselova L. A. The Intellectual Property Rights Court in the system of state authorities of the Russian Federation: a monograph / M.: Prospekt, 2015. — p. 119
3. Internet conference of the Chairman of the Court of Intellectual Human Rights Novoselova L.A. "The necessity and objectives of creating an Intellectual Property Rights Court as an effective tool for resolving patent disputes." IA "GARANT", January 10, 2013 // SPS Garant, (date of reference: 02/09/2025).
4. Nozikova E. Brand copying and mass lawsuits: trends in trademark disputes // Право.ru [Electronic resource] // URL: https://pravo.ru/story/245774 / dated May 11, 2023 (accessed: 02/15/2025).
5. Specialized courts // Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal – [Electronic resource] // URL: https://bigenc.ru/c/spetsializirovannye-sudy-0bef55/?v=9231376 . – Date of publication: 12/07/2023, (date of reference: 02/12/2025).
6. Member countries of international conventions undertake to provide legal protection // Newspaper "Kommersant" No. 224 [Electronic resource] // URL: - https://www.kommersant.ru/doc/6366589 dated 12/01/2023, p. 10 (accessed: 02/19/2025)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_320

УДК 351.74:005

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
IMPROVING SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT FOR INTERNAL AFFAIRS AGENCIES AS A WAY TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES

ХАЛЕЗОВ Николай Львович,
Кандидат юридических наук, старший преподаватель Академии управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: n_khalezov@mail.ru;

KHALEZOV Nikolay L.,
Senior Lecturer Academy of Management of the Interior Ministry of the Russian Federation.
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: n_khalezov@mail.ru

Краткая аннотация: *одним из важнейших факторов организации деятельности органов внутренних дел по противодействию коррупционной преступности является научно-методическое обеспечение. В связи с этим, повышение эффективности антикоррупционной деятельности органов внутренних дел напрямую связано с актуальным и стабильным процессом научно-методического обеспечения.*

Abstract: *one of the most important factors in organizing the activities of internal affairs agencies to combat corruption crime is scientific and methodological support. In this regard, increasing the effectiveness of anti-corruption activities of internal affairs agencies is directly related to the current and stable process of scientific and methodological support.*

Ключевые слова: *коррупция, антикоррупционная деятельность, противодействие коррупционной преступности, научно-методическое обеспечение деятельности органов внутренних дел, управленческие решения.*

Keywords: *corruption, anti-corruption activities, combating corruption crime, scientific and methodological support for the activities of internal affairs agencies, management decisions.*

Для цитирования: *Халезов Н.Л. Совершенствование научно-методического обеспечения органов внутренних дел как способ повышения эффективности антикоррупционной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 320-322. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_320.*

For citation*: Khalezov N.L. Improving scientific and methodological support for internal affairs agencies as a way to increase the effectiveness of anti-corruption activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 320-322. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_320.*

Статья поступила в редакцию: 12.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Повышение эффективности деятельности органов внутренних дел по противодействию коррупционной преступности и совершенствование организации антикоррупционной деятельности напрямую зависят от ее организационно-правового механизма и использования всеобъемлющего системного комплекса мер. В качестве важнейшего направления данной деятельности необходимо на постоянной основе обеспечивать субъекты противодействия коррупционным преступлениям актуальными научно-методическими материалами, содержащим понятные, легко реализуемые алгоритмы предупреждения, выявления и пресечения коррупционных правонарушений. Это научно-методическое обеспечение может включать в себя методические рекомендации, положительный опыт по выявлению наиболее значимых коррупционных преступлений и криминальных схем, связанных с совершением хищений бюджетных средств, выделяемых на нужды оборонно-промышленного комплекса, развитие новых регионов и создание на государственном уровне действенного механизма противодействия последствиям беспрецедентного количества вводимых санкций со стороны стран коллективного запада. Кроме того, данные материалы могут содержать и иные рекомендации по повышению эффективности использования рабочего времени, путем интенсификации деятельности за счет рациональных приемов и методов, повышения работоспособности сотрудников путем создания им комфортных условий службы, влияющих на возможность качественного и эффективного решения поставленных задач в кратчайшие сроки. Улучшение качества научно-методического обеспечения позволит добиться устойчивой взаимосвязи между совершенствованием организации деятельности органов внутренних дел по противодействию коррупционной преступности и снижением ее уровня.

В настоящее время одним из факторов, оказывающих негативное влияние на всю деятельность правоохранительных органов, осуществляемую в целях противодействия коррупции, исследователи в первую очередь считают недостаточность ее научно-методического обеспечения [7].

При разработке и внедрении четко сформулированных и легко повторяемых на практике инструкций (основанных на имеющемся положительном опыте) для субъектов, уполномоченных на ведение в органах внутренних дел деятельности по противодействию коррупционной преступности возможно в короткие сроки добиться существенного прогресса по снижению уровня латентной коррупционной преступности и получения достоверных статистических данных о ее состоянии, адекватности принимаемых мер по противодействия ей и компетентности вырабатываемых управленческих решений.

По мнению А.А. Бадина, «пробелы и коллизии в правовом регулировании организации научного обеспечения правоохранительной деятельности органов внутренних дел являются сдерживающим фактором в повышении эффективности этого вида деятельности, а выявленные проблемы обусловливают необходимость комплексной переработки системы ведомственных нормативных правовых актов в указанной сфере» [3, с.102].

Как полагают А.Д. Ульянов и М.Н. Никитин, научное обеспечение организации деятельности территориальных органов внутренних дел на районном уровне представляет собой постоянный процесс совершенствования оперативно-служебной деятельности, основанный на нормативных правовых актах и новейших достижениях науки и практики, проводимый в целях достижения высоких результатов труда при снижении фактических трудозатрат [9, с.41].

По мнению О.А. Манжуковой, это «процесс, основанный на достижениях науки и направленный на создание оптимального комплекса нормативных, информационных, методических документов и материалов, необходимых для эффективного выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел» [6, с.35].

С учетом этого, полагаем, что научно-методическое обеспечение антикоррупционной деятельности органов внутренних дел – это системный комплекс мероприятий, направленный на повышение ее эффективности, базирующийся на результатах инновационных исследований, направленных на разработку актуального методического обеспечения нормативными, организационными, информационными и иными материалами, ориентированных на проактивное противодействие коррупционной преступности.

В настоящее время организация научно-методического обеспечения ведется по трем основным направлениям:

– издание на основе научно-методического обеспечения комплексного нормативно-правового акта, регулирующего организацию деятельности по какому-либо направлению, обеспечивающего ее государственную поддержку;

– с изданием и реализацией законодательного акта, носящего комплексный характер и иных правовых документов, которые в том числе вносят изменения в действующее законодательство, а также регулируют различные аспекты в данной сфере деятельности;

– с изданием законодательных актов, которые вносят изменения в том числе в нормативные правовые акты, регулирующие различные аспекты деятельности, основанные на научно-методическом обеспечении.

Необходимым базисом, при разработке концептуальных документов научно-методического обеспечения, связанных с организацией деятельности органов внутренних дел, будут являться современные перспективные научные тенденции, сформированные на основе детального изучения всех факторов, влияющих на развитие правоотношений в данной сфере деятельности и получивших положительные отзывы по результатам апробаций в практической деятельности правоохранительных органов. Также, при разработке научно-методического обеспечения необходимо основываться на инновационных разработках, проводимых и в иных отраслях социальных наук.

Несмотря на многочисленные исследования, направленные на внедрение полученных знаний в практическую деятельность, до настоящего времени отсутствует единый подход к требованиям, связанным с объемом, формами и критериями полученных данных [2, с.8-9]. Это объясняется тем, что в новых исследованиях либо отсутствует экспериментальная часть, либо вообще проведение эксперимента невозможно, а подготовленные теоретические «выкладки» не приводят к реализации в соответствии с предполагаемыми прогнозами. При этом в стремительно меняющихся условиях протекания общественных и социальных процессов, потребность внедрения инновационных научных достижений в повседневную оперативно-служебную деятельность МВД России постоянно растет [8, с.12-13].

При этом, ввиду существующей взаимосвязи, социальные и политические процессы оказывают значительное влияние на формирование потребностей научно-методического обеспечения деятельности органов внутренних дел по тому или иному направлению деятельности (например, «киберпреступность» и пр.) [5, с.7].

Так, например, как обоснованно полагают А.Г. Авдейко и А.М. Кононов, «целью научного обеспечения правовой работы является повышение эффективности правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России на основе использования результатов научно-исследовательских, опытно-технологических и опытно-конструкторских работ в процессе правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России» [1, с.116].

При этом, научно-методическое обеспечение целесообразно формировать с учетом реальных потребностей территориальных органов МВД России, подтвержденных данными комплексного анализа статистических и экспертных данных. На основе полученных результатов необходимо выработать управленческие решения, способствующие качественному улучшению принимаемых правоохранительных мер, принимаемых с учетом эффективного взаимодействия всех участвующих субъектов. С целью снижения вероятности появления отрицательных критериев при оценке эффективности деятельности органов внутренних дел, научно-методическое обеспечение необходимо структурировать по отдельным направлениям, а именно:

– выявление и конкретизация проблемных аспектов, оказывающих влияние на деятельность органов внутренних дел;

– формулирование и направление заявок в научно-исследовательские и образовательные учреждения;

– непосредственно само проведение исследований по поступившим заявкам;

– сопровождение авторскими коллективами внедрения подготовленных материалов;

– приемка результатов научных исследований;

– внедрение результатов проведенных исследований в практическую деятельность органов внутренних дел [4, с.156].

Как уже было отмечено выше, повышение эффективности антикоррупционной деятельности органов внутренних дел напрямую связано с совершенствованием научно-методического обеспечения. Это обуславливается рядом факторов, таких как существующий некомплект в специализированных подразделениях органов внутренних дел и, как следствие, недостаток профессиональных навыков и компетенций вновь принимаемых на службу сотрудников, а также динамично меняющаяся общественно-политическая обстановка, связанная с международной турбулентностью и беспрецедентным санкционным давлением со стороны стран «коллективного запада». Обеспечить высокие критерии акту-

альности и востребованности, практической значимости научно-методического обеспечения возможно путем неформальной подготовки и регулярного обновления методических рекомендаций, инструкций, разъяснений и обзоров положительного опыта, с конкретизацией и объяснением принимаемых управленческих решений, направленных на достижение реальных целей осуществляемой антикоррупционной деятельности.

В связи с этим, с целью достижения стратегических целей деятельности органов внутренних дел по противодействию коррупционной преступности, должна быть сформирована система комплексных мер, направленных на:

– формулирование четких и легко реализуемых инструкций и программ по организации взаимодействия и сотрудничества, с соответствующим стабильным обеспечением;

– формирование и последующее осуществление в научно-исследовательских и образовательных организациях правоохранительных органов и иных взаимодействующих субъектов, непосредственно противодействующих коррупции, исследований, направленных на изучение опыта по данному направлению деятельности и имплементирование перспективных разработок в стране;

– проведение мониторинга и последующий комплексный анализ сложностей, возникающих при организации и проведении совместных мероприятий субъектов, непосредственно уполномоченных на противодействие коррупционной преступности, в том числе и при взаимодействии с социумом;

– повышение эффективности существующих методов, и разработка новых критериев оценки деятельности органов публичной власти, иных структур и гражданского общества;

– совершенствование действующего законодательства, регулирующего взаимодействие и сотрудничество всех субъектов деятельности, непосредственно противодействующих коррупции;

– создание и своевременное доведение материалов методического обеспечения до сотрудников территориальных органов МВД России [10].

Подводя итог вышесказанному приходим к выводу, что научно-методическое обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию коррупционной преступности является одним из важнейших компонентов противодействия коррупции, в связи с чем нуждается в регулярном системном совершенствовании. Комплексное использование всех направлений совершенствования приведет к синергетическому эффекту, что в свою очередь создаст условия для повышения эффективности всей антикоррупционной деятельности.

Список литературы:

1. Авдейко А.Г., Кононов А.М. О научном обеспечении правовой работы в системе МВД России // Научный портал МВД России. – 2018. № 4. – С. 116.
2. Антонян Ю. М. Внедрение научных достижений в практику борьбы с преступностью // Профессионал: популярно - правовой альманах МВД России. – 2009. № 2 (88). – С. 8-9.
3. Бадин А.А. Проблемы организации научного обеспечения правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – № 2 (41). 2020. – С. 102.
4. Гирько С.И. О проблемах взаимодействия ВНИИ МВД России и ОВД при подготовке, внедрении и авторском сопровождении научной продукции // Материалы межрегионального семинара-совещания по вопросам совершенствования научного обеспечения деятельности органов внутренних дел 26-27 апреля 2007 г. – Белгород, 2007. – С. 156.
5. Исрафилов И.М., Сухов С.В. Основные проблемы внедрения научной продукции в практическую деятельность органов внутренних дел и её авторского сопровождения. – М.: ВНИИ МВД России, 2007. – С. 7.
6. Манжукова О.А. Научно - методическое обеспечение деятельности МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации: организационный и правовой аспекты (по материалам ГУВД по г. Москве): дис. канд. юрид. наук. М.2009. – С.35.
7. Оценка уровня коррупции в органах, организациях, подразделениях МВД России и эффективности принимаемых антикоррупционных мер – аналитический обзор. – М., ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2022. – 34с.
8. Сухарев В.Ф. Организационный механизм органов внутренних дел: Лекция. – М.: Академия управления МВД России, 2007. – С. 12-13.
9. Ульянов А.Д., Никитин М.Н. Организация деятельности руководителя территориального органа МВД России: учебное пособие. – М., 2015. – С. 41.
10. Халезов Н.Л. Правовое регулирование организации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию коррупционным преступлениям: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 5.1.2. / Халезов Николай Львович. – М., 2024. – 27 с.

References:

1. Avdeiko A.G., Kononov A.M. On scientific support of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. No. 4. – P. 116.
2. Antonyan Yu. M. Introduction of scientific achievements into the practice of combating crime // Professional: popular law almanac of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2009. № 2 (88). – Pp. 8-9.
3. Baden A.A. Problems of the organization of scientific support for law enforcement activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – № 2 (41). 2020. – P. 102.
4. Girko S.I. On the problems of interaction between the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Department of Internal Affairs in the preparation, implementation and author's support of scientific products // Materials of the interregional seminar-meeting on improving scientific support for the activities of internal affairs bodies on April 26-27, 2007 – Belgorod, 2007. – p. 156.
5. Israfilov I.M., Sukhov S.V. The main problems of introducing scientific products into the practical activities of law enforcement agencies and their authorial support. Moscow: VNII MIA of Russia, 2007, p. 7.
6. Manzhukova O.A. Scientific and methodological support for the activities of the Ministry of Internal Affairs, the Department of Internal Affairs, the Department of Internal Affairs in the subjects of the Russian Federation: organizational and legal aspects (based on the materials of the Department of Internal Affairs in Moscow): dis. cand. jurid. M.2009. – p.35.
7. Assessment of the level of corruption in bodies, organizations, divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the effectiveness of anti–corruption measures taken – an analytical review. – Moscow, FGKU VNII MIA of Russia, 2022. - 34s.
8. Sukharev V.F. Organizational mechanism of internal affairs bodies: Lecture. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007, pp. 12-13.
9. Ulyanov A.D., Nikitin M.N. Organization of the activities of the head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia: textbook. Moscow, 2015. p. 41.
10. Khalezov N.L. Legal regulation of the organization of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation to combat corruption crimes: abstract. diss. ... kand. jurid. Sciences: 5.1.2. / Khalezov Nikolay Lvovich. – M., 2024. – 27 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_323

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

АНТОНОВА Светлана Геннадьевна,
старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России.
6250490, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.
E-mail: antonovasg@yandex.ru;

ANTONOVA Svetlana Gennadievna,
Senior Lecturer at the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
75 Amurskaya str., Tyumen, 6250490, Russia.
E-mail: antonovasg@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматривается понятийный аппарат в области миграции и вопросы правового регулирования деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России. Дается анализ подходов к определению таких понятий как «миграция» и «мигрант», приводятся различные точки зрения, и предлагаются решения по правовому регулированию в сфере миграции.*

Abstract: *the article examines the conceptual framework in the field of migration and issues of legal regulation of the activities of migration units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. An analysis of approaches to the definition of such concepts as "migration" and "migrant" is given, various points of view are given, and solutions for legal regulation in the field of migration are proposed.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, мигрант, миграционные процессы, миграция, органы внутренних дел, подразделения по вопросам миграции.*

Keywords: *legal regulation, migrant, migration processes, migration, internal affairs bodies, migration units.*

Для цитирования: *Антонова С.Г. Проблемы правового регулирования миграции в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 323-326. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_323.*

For citation*: Antonova S.G. Problems of legal regulation of migration in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 323-326. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_323.*

Статья поступила в редакцию: 30.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Вопрос о регулировании миграции является актуальным, учитывая глобализацию миграционных процессов, экономические и демографические преобразования в мире. Миграция населения представляет собой сложный социально-экономический процесс, воздействующий практически на все сферы жизнедеятельности, а также развитие регионов и государства в целом. Как явление миграция оказывает огромное влияние на экономику, на социальную сферу, на культуру, на безопасность как стран происхождения, так и стран назначения. Серьезную опасность для стабильности социально-экономического развития общества создают нелегальные миграционные потоки, так как незаконная миграция тесно связана с опасными тенденциями противозаконной деятельности. В современном мире, в условиях быстро меняющихся международных отношений, особое значение приобретает регулирование миграционных процессов, которое представляет собой особую специфическую область внутренней и внешней политики государства. Регулирование процессами в сфере миграции осуществляется посредством реализации комплекса методов, который включает в себя не только организационно-экономические, информационные, но и административно-правовые и другие способы. Складывающиеся тенденции в отношении процессов как внутригосударственной, так и внешней миграции оказывают влияние на государственное регулирование.

Для проведения эффективной миграционной политики важно разработать теоретико-правовые основы миграции.

В основе правового регулирования миграции лежит идея о реализации одного из основных прав человека — права на свободное передвижение и выбор места жительства независимо от национальностей, рас и иных социальных признаков. Большое количество военных конфликтов в мире, их локализация влекут массовое перемещение людей по континентам. Наибольшую миграционную нагрузку испытывают страны, обладающие относительно высоким уровнем развития, привлекательным для мигрантов. Российская Федерация (далее – РФ) не является исключением, и занимает ведущее место по приему мигрантов. Так, по состоянию на 2025 г. в России находится более 6 млн. иностранных граждан [1]. О существенном росте прибывших мигрантов опосредованно свидетельствует число оказанных услуг по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ, которое за первый квартал 2025 г. составило около 1,4 млн., что на 116,7% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [2]. В последнее время наблюдается рост активности миграционных процессов, что оказывает большое воздействие на развитие государства, его внутреннюю и внешнюю политику.

Фундаментом для регламентации миграционных процессов, исходя из их гуманитарной специфики, можно считать правовые основы, посвященные основным правам и свободам граждан, в том числе и переместившихся по различным причинам из одной страны в другую.

Безусловно, не все отношения, связанные с миграцией населения, нуждаются в правовом регулировании, а лишь наиболее важные, общественно значимые из них, которые затрагивают интересы общества, государства или отдельных социальных групп. К таким отношениям можно отнести миграционные процессы, связанные с перемещением населения через внешние или внутренние границы территорий.

Правовое регулирование миграции осуществляется как на международном, так и на национальном уровне и включает широкий перечень нормативных актов, регламентирующих отношения, складывающиеся в рассматриваемой сфере.

Анализ нормативных актов, регламентирующих миграцию, позволил сделать следующие выводы:

1) На международном уровне вопрос о правовом регулировании миграции вызван активным перемещением населения по различным регионам мира, что повлияло на качественное изменение международно-правового регулирования миграции в целом, в связи с ростом количества норм, посвященных защите прав мигрантов.

2) В Российской Федерации сложилась система норм права, регулирующих деятельность органов власти по реализации миграционного законодательства. Правовое регулирование миграционных отношений на национальном уровне значительно шире. Однако, большое количество нормативных правовых актов различного уровня, разрозненность законодательства, регулирующего вопросы миграции населения на территории России, а также наличие значительного количества противоречий, пробелов, не охватывающих часть миграционных правоотношений, но требующих правового регулирования, представляют существенную проблему в сфере миграции.

Необходимо отметить, что понятие миграции в законодательстве международного и внутригосударственного уровня не определено. На протяжении многих десятков лет учеными высказывались различные мнения о его сущности.

Так, В.И. Переведенцев определяет миграцию как совокупность переселений, т.е. таких перемещений людей по территории, которые сопряжены со сменой ими места жительства [3, с.3].

Л.Л. Рыбаковский представляет миграцию в широком смысле как «любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» [4, с.26].

В основе данных понятий заложен такой критерий как перемещение людей между населенными пунктами.

С.В. Рязанцев предлагает в качестве критерия миграции считать фиксацию факта перемещения людей и рассматривать миграцию как «статистически фиксируемый факт перемещения по территории…» [5, с.18].

В юридической литературе существует множество подходов к понятию миграции, которые формируют узкое и широкое понимание этого явления [6]. Хотя определения миграции в науке различны, тем не менее, все они представляют одно и то же правовое значение. Приведенные понятия позволяют выделить такие характерные признаки миграции, как перемещения одного или нескольких лиц; перемена места жительства; перемещение населения как внутри, так и между странами; фиксация факта перемещения; наличие правового статуса мигранта и др.

Немаловажным для понимания миграции, как правового института имеет вопрос о классификациях миграции, как самых различных видов перемещений, основанных на реализации свободы передвижения.

В науке существуют различные классификации миграции населения, которые зависят от оснований для распределения ее на виды. В качестве данных критериев выступают: продолжительность, причины, цели, регулярность, форма организации миграции; охват территорий и др.

Взяв в качестве основных критериев пространственное перемещение и продолжительность пребывания, приведем такие виды как: внутренняя и внешняя миграция, а также: временная миграция, которая совершается на определенный период времени без перемены постоянного места жительства; долгосрочная – на длительный период и краткосрочная – осуществляемая на непродолжительный срок [7, с.12-17].

Многообразие понятий миграции и ее классификаций создает такую проблему, как неоднозначное понимание этого явления. Стоит учитывать, что определение понятия «миграции» имеет важное значение для обоснования и сущности миграционных процессов. Четко сформулированное понятие миграции позволяет выделить ее характерные черты и существенные признаки. Миграция, будучи неотъемлемым атрибутом современной жизни общества, характеризуется огромным потенциалом для его эффективного развития. Поэтому, актуальным выступает вопрос законодательного закрепления терминологии в сфере миграции и миграционных процессов [8, с.41-44].

В качестве недостатков регулирования миграционных правоотношений можно назвать отсутствие единого нормативного акта, комплексно регулирующего вопросы миграции. Присоединяясь к мнению многих исследователей данной темы, считаем необходимым принять нормативный акт, который бы закрепил не только понятийный аппарат, но и систематизировал вопросы комплексной кодификации отношений в сфере миграции, а также раскрыл основные принципы и подходы регулирования миграционных процессов, основываясь на общепризнанных принципах и нормах международного права. В нем же могут найти отражение основные административные процедуры, регулирующие порядок пребывания и проживания иностранных граждан, лиц без гражданства, а также российских граждан.

Особое внимание в миграционных правоотношениях уделяется установлению правового статуса мигрантов. Однако, законодательство РФ не содержит определения понятия «мигрант». Действующие нормативные правовые акты оперируют разными понятиями, связанными с перемещением людей. Так, например, федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [9] раскрывает такие термины как «иностранный гражданин» и «лицо без гражданства», но понятие «мигрант» имеет более широкое значение и обозначает любого человека, меняющего свое место жительства, будь то внутри страны или за ее пределы [10, с.108-110]. Кроме того, понятие мигранта в науке также нельзя считать определенным, из-за разных подходов к его пониманию, как и подходов к определению миграции. В науке существует множество классификаций типологии мигрантов, в зависимости от принадлежности их к государству, цели и причин перемещения, времени пребывания и др.

Ранее приведенные статистические данные показывают необходимость регулирования статуса мигранта правовыми средствами. Считаем, что отсутствие нормативного определения понятия «мигрант» в российском законодательстве затрудняет законодательное обеспечение

прав мигрантов [10, с.108-110].

Таким образом, явно напрашивается необходимость разработки и принятия единого нормативного акта, регулирующего вопросы миграции.

Миграция нуждается в регуляции со стороны органов исполнительной власти как социальный феномен и общественное явление. При этом государство реализует определенную миграционную политику, позволяющую оценивать содержание деятельности в сфере миграции.

В основе государственной миграционной политики лежат стратегии, содержащие основные направления деятельности в данной сфере, которые реализуются посредством деятельности уполномоченных субъектов, осуществляющих управление миграционными процессами с целью содействия социально-экономическому развитию государства и демографической составляющей, а также предотвращения тех явлений, которые считаются нежелательными с точки зрения интересов государства.

Организационные основы миграционных процессов призваны обеспечивать эффективность их регулирования. К ним отнесены правовые положения, касающиеся четкого разграничения полномочий между органами государственной исполнительной власти, определения места и роли международных организаций в сфере миграции, целесообразности обеспечения взаимодействия государственных органов и общественных организаций в реализации прав человека на перемещение, разработки механизма реализации миграции, мероприятий по повышению эффективности миграционной политики РФ [11, с.88].

В осуществлении миграционной политики важную роль играет деятельность органов государственной власти, среди которых стоит выделить Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), осуществляющее реализацию направлений государственной политики в сфере миграции.

МВД России в управлении процессами миграции выполняет существенную роль. Необходимость поддержания общественного порядка и общественной безопасности влечет комплекс мероприятий, направленных на осуществление контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ, а также за соблюдением порядка перемещения российских граждан по территории страны.

Среди проблем нормативно-правового регулирования необходимо обратить внимание на неразработанность норм о полномочиях территориальных органов внутренних дел в сфере миграции. Положение о Главном управлении по вопросам миграции МВД России (далее – ГУВМ) [12] утрачивает силу со 2 июля 2025 г., в связи с чем требуется обновление нормативно-правового регулирования в сфере миграции.

Многоплановость направлений ГУВМ, а также большой объем выполняемых функций стали основой для принятия решения о совершенствовании управления в сфере миграции. Данное решение выразилось в формировании новой Службы на базе ГУВМ, которая будет заниматься регистрацией иностранцев и вопросами гражданства [13]. Создание отдельной Службы стало началом реформы по усилению миграционного контроля, основанной на рациональном распределении полномочий. Такое перераспределение функций позволит подразделениям, осуществляющим данные направления деятельности, оперативно выполнять возложенные на них задачи по предоставлению государственных услуг, постановке на миграционный учет, выявлению нарушений правил и порядка пребывания на территории РФ, что в целом повысит эффективность реализации требований миграционного законодательства.

Подразделения по вопросам миграции (далее – ПВМ) территориальных органов МВД России выполняют множество функций в сфере миграции по различным направлениям, которые нашли свое отражение в ведомственных нормативных актах. Стоит отметить, что особенностью правового регулирования деятельности ПВМ является то, что ведомственными нормативными актами регламентирована деятельность данных подразделений на федеральном [13] и региональном уровне [14]. Полномочия районных подразделений по вопросам миграции носят исключительно исполнительный характер и направлены на реализацию основных задач подразделений на региональном уровне. Типовое положение о территориальном органе на районном уровне [15], которым руководствуются ПВМ, содержит общие положения о полномочиях ОВД в сфере миграции, отсылая к другим законодательным актам. При этом данное Положение не выделяет в самостоятельную группу полномочия ПВМ, порядок организации и направления их деятельности. Отсутствие самостоятельного ведомственного нормативного правового акта, отражающего полномочия и организационную составляющую подразделений по вопросам миграции на районном уровне ставит вопрос о его принятии в виде приказа, определяющего организацию деятельности данных структурных подразделений. Кроме того, предлагается для удобства правоприменителя разделить на группы полномочия в сфере миграции для того, чтобы массив информации был доступен для сотрудников полиции и граждан. Все полномочия ПВМ закрепить в разделах акта в зависимости от их относимости к деятельности ПВМ, а именно: в отдельном разделе должны найти отражение общие полномочия, которые реализуются всеми подразделениями ОВД, а в другом разделе –полномочия ПВМ, что позволит изначально быстро и доступно получить представление относительно специфики данных подразделений, а также повысить эффективность организации деятельности по выполнению возложенных на них задач в разных направлениях области миграции.

Представляется, что рассмотренные в статье предложения позволят упорядочить осуществление миграционных отношений, а также будут способствовать унификации, стандартизации терминологии в области изучения миграции населения. С целью совершенствования законодательства в сфере миграции, объективно необходимо проводить научные исследования проблем и перспектив его развития, в том числе путем систематизации.

Таким образом, минимизации отрицательных последствий миграции на социально-экономическое развитие РФ можно достичь путем совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Миграция – это сложное явление, требующее комплексного и многостороннего подхода. Регулирование миграционных процессов должно носить системный и сбалансированный характер.

Список литературы:

1. Статистика по мигрантам в России: тенденции последних лет // Информационный портал Миграстафф [сайт]. URL: https://migrastaff.ru/press/articles/statistika-po-migrantam-v-rossii-tendentsii-poslednikh-let/ (дата обращения 16.06.2025 г.).
2. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – март 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistiks/migraconnaja/ item/65404870 (дата обращения 16.06.2025 г.).
3. Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. – Новосибирск, 1964. С. 3.
4. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М.: Наука. 1987. С.26.
5. Рязанцев С.В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. – Ставрополь. 2003. С. 18
6. Миграция населения : учебник для вузов / Л. Л. Рыбаковский. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 480 с. (Высшее образование). Текст : электронный // ISBN 978-5-534-11727-1.
7. Миграция населения: теория и политика: Учеб. пособие / Под ред. О.Д. Воробьевой и А.В. Топилина. – М.: Экономическое образование, 2012. С 12-17.
8. Андрейцо С.Ю. Направления совершенствования миграционной политики в России // Закон и право. 2025. С. 41-44.
9. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кудин О. В. К определению понятия «мигрант» в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 108–110
11. Ракша Н. С. Понятие и общая характеристика миграционных процессов //Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 83–89.
12. Приказ МВД России от 13.12.2019 № 940 «Вопросы деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2025 № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Приказ МВД России от 27 апреля 2016 № 214 «Об утверждении Типового положения о подразделении по вопросам миграции территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Приказ МВД России от 05.06.2017 № 355 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Statistics on migrants in Russia: trends in recent years // Information portal Migrastaff [website]. URL: https://migrastaff.ru / press/articles/statistika-po-migrantam-v-rossii-tendentsii-poslednikov-let/ (accessed 06/16/2025).
2. Analytical report on the results of the activities of the migration units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for January – March 2025 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: the official website. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistiks/migraconnaja / item/65404870 (accessed 06/16/2025).
3. Zayonchkovskaya Zh.A., Perevedentsev V.I. Modern migration of the population of the Krasnoyarsk Territory. Novosibirsk, 1964. p. 3.
4. Rybakovsky L.L. Population migration: forecasts, factors, policy. Moscow: Nauka. 1987. p.26.
5. Ryazantsev S.V. Modern demographic and migration portrait of the North Caucasus. – Stavropol. 2003. p. 18
6. Population migration: a textbook for universities / L. L. Rybakovsky. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 480 p. (Higher education). Text : electronic // ISBN 978-5-534-11727-1.
7. Population migration: theory and policy: Textbook / Edited by O.D. Vorobyeva and A.V. Topilin. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2012. From 12-17.
8. Andreitso S.Y. Directions for improving migration policy in Russia // Law and Law. 2025. pp. 41-44.
9. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
10. Kudin O. V. On the definition of the concept of "migrant" in Russian legislation // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 2. pp. 108-110
11. Raksha N. S. The concept and general characteristics of migration processes //Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2018. Vol. 8, No. 4(29). pp. 83-89.
12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 13, 2019 No. 940 "Issues of activity of the Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
13. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/02/2025 No. 205 "On improving public administration in the field of migration" // SPS "ConsultantPlus".
14. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 27, 2016 No. 214 "On approval of the Model Regulation on the Migration Unit of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the regional level" // SPS "ConsultantPlus".
15. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 05.06.2017 No. 355 "On approval of the Model Regulation on the territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level" // SPS "ConsultantPlus".

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_327

УДК 336.2

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МАРКЕТПЛЕЙСОВ
DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE REGULATION OF MARKETPLACES

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

ИЛЯСОВ Денис Александрович,
магистрант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: 390525497@mail.ru;

SHATSKAYA Irina Ivanovna,
PhD of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

ILYASOV Denis Alexandrovich,
master's student at the Law Institute Russian University of transport.
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.
E-mail: 390525497@mail.ru

Краткая аннотация. *Цифровые маркетплейсы стремительно развиваются, создавая новые правовые риски. Российское законодательство пока не предлагает эффективных механизмов для привлечения таких платформ к ответственности. В статье проведён сравнительный анализ законодательства о маркетплейсах в России, Европейском союзе, США, Китае и Великобритании, позволивший выявить усиление ответственности цифровых платформ за обеспечение соблюдения прав и законных интересов пользователей. В свете выявленных тенденций и лучших практик представляется необходимым адаптировать российское законодательство к современным реалиям цифровой экономики, что позволит не только обеспечить защиту прав потребителей, но и создать благоприятные условия для развития электронной коммерции в России.*

Abstract. *Digital marketplaces are rapidly developing, creating new legal risks. Russian legislation does not yet offer effective mechanisms for holding such platforms accountable. The article provides a comparative analysis of legislation on marketplaces in Russia, the European Union, the United States, China and the United Kingdom, which revealed increased liability of digital platforms for ensuring compliance with the rights and legitimate interests of users. In light of the identified trends and best practices, it seems necessary to adapt Russian legislation to the modern realities of the digital economy, which will not only ensure the protection of consumer rights, but also create favorable conditions for the development of e-commerce in Russia.*

Ключевые слова: *маркетплейс; правовое регулирование; цифровая платформа; защита прав потребителей; Россия; ЕС; США; Китай; Великобритания.*

Keywords: *marketplace; legal regulation; digital platform; consumer protection; Russia; EU; USA; China; UK.*

Для цитирования: *Шатская И.И., Илясов Д.А. Отечественный и зарубежный опыт регулирования маркетплейсов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 327-330. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_327.*

For citation*: Shatskaya I.I., Ilyasov D.A. Domestic and foreign experience in the regulation of marketplaces // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 327-330. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_327.*

Статья поступила в редакцию: 21.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение. Масштабная цифровизация торговой сферы привела к появлению маркетплейсов – электронных платформ, интегрирующих многочисленные торговые субъекты и обеспечивающих их взаимодействие с конечными потребителями. Эти платформы стали значимыми факторами в экономической среде, что вызвало необходимость адаптации правового регулирования к новым реалиям.

Правовое регулирование маркетплейсов представляет собой сложную задачу, требующую чёткого определения их правового статуса, разграничения зон ответственности между участниками и обеспечения надлежащей защиты прав потребителей. В России, как и во многих других странах, существует нормативный вакуум, обусловленный отсутствием легального определения термина «маркетплейс» и специфических правил, учитывающих особенности данной модели торговли. Действующая нормативно-правовая база основывается на разрозненных нормах общего характера, которые не всегда адекватно отражают специфику онлайн-платформ. В международной практике наблюдаются различные подходы к регулированию маркетплейсов, варьирующиеся от минимального вмешательства, при котором платформы рассматриваются как технические посредники, до значительного расширения их ответственности, вплоть до приравнивания к традиционным продавцам.

Целью данной статьи является проведение комплексного анализа отечественного и зарубежного опыта правового регулирования маркетплейсов. В рамках исследования будут выявлены общие тенденции и различия в подходах к регулированию, а также предложены направления совершенствования российского законодательства с учётом лучших мировых практик.

Российская правовая практика: современное состояние и ключевые проблемы.

На середину 2025 года российское законодательство не содержит легального определения понятия «маркетплейс», что вызывает значительные трудности в правоприменительной практике. В отдельных нормативных актах, таких как Закон РФ «О защите прав потребителей»[5],

используется термин «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)». Однако данный термин не охватывает весь спектр функций, выполняемых маркетплейсами, что приводит к правовым коллизиям и неопределенности в правовом регулировании данной сферы.

Судебная практика до настоящего момента не выработала унифицированного подхода к определению правового статуса платформ в электронной коммерции. В большинстве юрисдикций маркетплейсы классифицируются как посредники, не обладающие полной юридической ответственностью за качество товаров, реализуемых сторонними продавцами. Данный правовой пробел порождает неопределенность в правоприменительной практике, снижает уровень защиты прав потребителей и способствует росту конфликтности в сфере электронной торговли.

В контексте обозначенных проблем, начиная с 2023 года, в Государственную Думу Российской Федерации и Совет Федерации были представлены законопроекты, направленные на регламентацию деятельности цифровых платформ. Эти инициативы представляют собой попытку системного подхода к правовому регулированию интернет-торговли, учитывая специфику и особенности функционирования маркетплейсов.

Проект № 445923-8, в частности, вводит понятие «маркетплейс» и устанавливает механизм предъявления требований к платформе в случае реализации некачественного товара при невозможности привлечения продавца к ответственности. Также данный законопроект ограничивает возможность одностороннего изменения договорных условий со стороны маркетплейса, что направлено на защиту прав потребителей и обеспечение стабильности договорных отношений[6].

Альтернативный проект (№ 568223-8), разработанный в 2024 году, предлагает более радикальный подход, фактически приравнивая маркетплейсы к традиционным торговым субъектам и распространяя на них действие норм Федерального закона «О торговле». Однако данный проект подвергся критике за потенциальную избыточность и был направлен на дальнейшую доработку с целью устранения выявленных недостатков [6].

На текущий момент ни один из предложенных законопроектов не был принят, что оставляет правовое регулирование деятельности маркетплейсов в российской юрисдикции фрагментарным и недостаточно системным. Это создает определенные риски, как для потребителей, так и для участников рынка, подчеркивая необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы в данной сфере.

Опыт Европейского союза. В странах ЕС регулирование маркетплейсов направлено на создание единого цифрового рынка. Директива (ЕС) 2019/2161 обязывает онлайн-платформы информировать покупателей о статусе продавца и отсутствии стандартных гарантий при покупке у частных лиц. Это устраняет информационную асимметрию и повышает прозрачность[2]. Директива об электронной коммерции (2000/13/ЕС) устанавливает принцип ограниченной ответственности посредников. Новые реформы усиливают ответственность крупных платформ. Регламент ЕС 2022/2065 (Digital Services Act, DSA) вводит повышенные требования для очень крупных онлайн-платформ (VLOPs) с аудиторией более 45 миллионов пользователей, включая мониторинг запрещённого контента, прозрачность алгоритмов и сотрудничество с регуляторами[1].

Евросоюз внёс ещё одну важную новацию в сферу конкуренции – Акт о цифровых рынках (DMA), который вступил в силу в 2023 году. Этот закон направлен на самых влиятельных цифровых посредников и ограничивает их возможности навязывать свои сервисы и мешать конкуренции. Например, крупные маркетплейсы теперь не могут отдавать предпочтение своим товарам в поиске, заставлять продавцов работать исключительно с их платформой и так далее.

Таким образом, в ЕС формируется двухуровневая система регулирования. С одной стороны, маркетплейсы обязаны защищать потребителей и общество (DSA и связанные директивы). С другой стороны, на них накладываются антимонопольные ограничения (DMA). При этом маркетплейсы по-прежнему считаются посредниками и не несут ответственности за действия продавцов, если они не вмешиваются в транзакции и оперативно реагируют на нарушения. Однако если платформа активно участвует в формировании предложений, например, самостоятельно продвигает товары или влияет на ценообразование, она может потерять привилегию ограниченной ответственности.

Европейский подход стремится возложить на маркетплейсы некоторые обязанности, обычно выполняемые продавцами, такие как информирование, контроль за безопасностью и уплата косвенных налогов. При этом маркетплейсы не становятся полноценными продавцами с точки зрения юридического статуса.

США: эволюция ответственности онлайн-платформ. Долгое время в США вопросы ответственности интернет-магазинов решались через суды, исходя из принципов common law. Крупные маркетплейсы, такие как Amazon и eBay, считались лишь посредниками между продавцами и покупателями. Поэтому суды часто освобождали их от ответственности за дефекты товаров, если платформа не выступала прямым продавцом[4]. Но в 2020 году дело Bolger v. Amazon.com (Калифорния) изменило ситуацию. Суд признал Amazon ответственной за травму, вызванную некачественным товаром, купленным через её сайт. Это решение стало важным прецедентом: суд указал, что платформа контролирует всю цепочку поставки, включая хранение, оплату и доставку. Поэтому Amazon должна нести ответственность наравне с продавцом[3]. После этого многие штаты начали разрабатывать законы, обязывающие маркетплейсы отвечать за качество товаров. В Калифорнии и Нью-Йорке, например, операторы платформ должны сотрудничать с властями и предоставлять информацию о продавцах.

На федеральном уровне идут обсуждения о едином законе, регулирующем деятельность онлайн-платформ. Но пока такой закон не принят.

Китай: комплексный контроль над платформами электронной коммерции. В Китае разработали всеобъемлющую систему регулирования онлайн-платформ. Она учитывает специфику местного рынка и государственную политику в цифровом пространстве. Важным шагом стало принятие Закона КНР «Об электронной коммерции» в 2018 году, который вступил в силу 1 января 2019 года. Этот закон впервые ввел детальные правовые нормы для операторов электронных торговых площадок, где третьи лица продают товары и услуги. Теперь все такие платформы обязаны пройти государственную регистрацию, за исключением небольших неофициальных бизнесов. Платформы должны проверять наличие ли-

цензий и разрешений у продавцов на реализацию конкретных товаров. Также они обязаны гарантировать достоверность информации о товарах, защищать право потребителей на доступ к информации и на выбор, а также предотвращать введение покупателей в заблуждение через алгоритмы ранжирования и рекламы[7].

Кроме того китайское законодательство ужесточает ответственность платформ за действия продавцов. По статье 38 Закона, оператор платформы несёт солидарную ответственность за вред от небезопасных товаров или услуг, если знал или должен был знать о проблеме и не принял мер. Если товар или услуга угрожают жизни и здоровью, платформа отвечает за отсутствие проверки квалификации продавца.

Закон требует от платформ тщательного контроля продавцов, особенно в сферах здоровья, питания и детских товаров. Государство активно регулирует онлайн-торговлю, определяя обязанности платформ, включая регистрацию, проверку продавцов, защиту прав потребителей и прозрачность операций. Надзорные органы строго контролируют их выполнение.

Такие меры повышают доверие к онлайн-торговле, гарантируя безопасность и честность сделок. Китай показывает, что маркетплейсы могут быть гарантами качества и законности, а не только техническими посредниками.

Китайский опыт онлайн-торговли выделяется активной ролью государства. Законы устанавливают для платформ широкий круг обязанностей: регистрация продавцов, проверка их данных, ответственность за нарушение прав потребителей и прозрачность операций. Надзорные органы строго следят за их выполнением. Такие меры повышают доверие к онлайн-торговле. Потребители уверены, что платформа обеспечивает безопасность и честность торговой среды. Китайский путь показывает, что маркетплейс может быть не только техническим посредником, но и гарантом минимальных стандартов качества и законности.

Великобритания: налоговое регулирование и защита потребителя. Великобритания ужесточила регулирование маркетплейсов, особенно в области налогообложения. HMRC требует от онлайн-платформ удерживать и перечислять НДС за иностранных продавцов, которые доставляют товары в страну через их сервисы. Маркетплейсы также обязаны предоставлять покупателям полную информацию о продавцах и обеспечивать возможность возврата товаров и предъявления претензий. Если платформа активно вмешивается в процесс сделки, например, устанавливает цены или хранит товары, она может считаться поставщиком и нести ответственность. Британское право определяет маркетплейсы как посредников, если они не участвуют в сделке напрямую. Если же платформа активно вмешивается, она становится полноправным продавцом с соответствующими обязанностями.

Сравнительный анализ и выводы. Международный обзор показывает, что, несмотря на различия в правовых системах, регулирование маркетплейсов во всех странах развивается в одном направлении. Во-первых, платформы всё чаще несут ответственность за транзакции, происходящие на их платформах. В ЕС, США и Китае платформы обязаны проверять контрагентов, раскрывать информацию и контролировать качество товаров. Даже если формально маркетплейс остаётся посредником, он должен действовать добросовестно и снижать риски для покупателей.

Во-вторых, формируются разные модели ответственности. Модель минимального вмешательства (например, ранние подходы в США, где платформа не отвечает за предоставление технических средств) и модель активной ответственности (Китай, частично ЕС), которая требует от платформ более тщательного надзора за продавцами. Компромиссный вариант – условная модель, основанная на степени участия платформы: нейтральная – ограниченная ответственность, активное участие – ответственность приближается к ответственности продавца. Пример – Великобритания с концепцией двойного статуса.

В-третьих, наблюдается тенденция к интеграции правил из разных отраслей: потребительского права, конкурентного (антимонопольного) регулирования и налогового контроля. Маркетплейсы находятся на пересечении этих сфер, и власти стремятся учесть все аспекты: от защиты покупателей от опасных товаров до предотвращения недобросовестной конкуренции крупных платформ с местными компаниями.

В-четвёртых, в странах с прецедентной системой (США, Великобритания) большую роль играет судебная практика, которая постепенно расширяет понимание ответственности платформ. Прецеденты, такие как Bolger v. Amazon, стали катализатором для изменений в законодательстве. В континентальных системах (ЕС, Азия) изменения чаще исходят от законодателя в виде новых законов и правил.

Анализ зарубежного опыта для России дает несколько важных уроков. Во-первых, нужно четко определить статус маркетплейсов в законодательстве. Это включает введение четкого определения и принципов ответственности. Примеры из других стран показывают, что оставлять платформы вне правового регулирования опасно. Возникают пробелы, которые могут использовать недобросовестные участники, а потребители страдают.

Во-вторых, следует избегать крайностей. Чрезмерная регламентация, как попытка приравнять маркетплейсы к обычным продавцам, или полная либерализация, когда платформы получают иммунитет, не подходят. Нужен сбалансированный подход, учитывающий специфику маркетплейсов как организаторов торговой среды.

В-третьих, эффективное регулирование должно быть комплексным. Оно должно включать стандарты прозрачности и ответственности в области потребительского права, сбор налогов в рамках фискального права, а также предотвращение монополистических практик в антимонопольном праве. Опыт ЕС и Китая показывает, что крупные платформы нужно контролировать, чтобы они не злоупотребляли своим положением и не ограничивали конкуренцию.

Заключение. Маркетплейсы – это не просто цифровые торговые площадки, а ключевые элементы новой экономической реальности. Их деятельность влияет на миллионы потребителей, тысячи продавцов и устойчивость цифровой торговли. Поэтому регулирование их правового статуса и обязанностей стало стратегически важным для законодательства.

Российская модель регулирования маркетплейсов находится в стадии формирования. Она фрагментарна и не имеет единого термина. Однако анализ международного опыта показывает, как решать универсальные проблемы, такие как распределение ответственности, защита потребителей и налоги. Это достигается через четкие определения, дифференцированную ответственность и эффективные надзорные механизмы.

Для России важно:

– ввести четкое определение «маркетплейса», включающее ключевые признаки: онлайн-платформа, посредничество и множественность продавцов;

– дифференцировать ответственность платформ в зависимости от их участия в сделке;

– установить минимальные стандарты прозрачности, информирования и взаимодействия с продавцами и покупателями;

– разрешить саморегулирование в рамках общего государственного контроля;

– ориентироваться на международные подходы, включая стандарты ЕАЭС, для унификации терминологии и практики.

Зарубежный опыт не является догмой, но служит ориентиром. Он показывает спектр возможных решений и риски, связанные с отсутствием регулирования. Отечественное законодательство должно учитывать эти уроки и национальные особенности, чтобы создать справедливую и устойчивую модель регулирования маркетплейсов.

Список литературы:

1. Digital Services Act (Regulation (EU) 2022/2065).
2. Directive (EU) 2019/2161 on the better enforcement and modernization of Union consumer protection rules.
3. Bolger v. Amazon.com, LLC, Court of Appeal of the State of California, Fourth Appellate District, Division One, 2020.
4. HMRC Guidance on the VAT obligations of online marketplaces.
5. Соплина Е. А. Маркетплейс глазами юриста [Электронный ресурс] // INTELLECT, 2022. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/marketpleys_glazami_yurista/
6. Стрелец Ю. Четыре законодательные инициативы о маркетплейсах сошлись врукопашную // ComNews, 19.07.2024. – URL: https://www.comnews.ru/content/234383/2024-07-19/chetyre-zakonodatelnye-iniciativy-o-marketpleysakh-soshlis-vrukopashnuyu
7. Мещанова М. В. Законодательство Китая об электронной торговле: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Журнал БГУ. Право. – 2023. – № 3. – С. 3–9.

References:

1. Digital Services Act (Regulation (EU) 2022/2065).
2. Directive (EU) 2019/2161 on the better enforcement and modernization of Union consumer protection rules.
3. Bolger v. Amazon.com, LLC, Court of Appeal of the State of California, Fourth Appellate District, Division One, 2020.
4. HMRC Guidance on the VAT obligations of online marketplaces.
5. Soplina E. A. A Marketplace Through the Eyes of a Lawyer [Electronic resource] // INTELLECT, 2022. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/marketpleys_glazami_yurista/
6. Strelets Yu. Four Legislative Initiatives on Marketplaces Clash Head-On // ComNews, 19.07.2024. – URL: https://www.comnews.ru/content/234383/2024-07-19/chetyre-zakonodatelnye-iniciativy-o-marketpleysakh-soshlis-vrukopashnuyu
7. Meshchanova M. V. Legislation of China on E-Commerce: Adaptation of Foreign Experience in Legal Regulation // BSU Journal. Law. – 2023. – No. 3. – P. 3–9.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_331

УДК 347.9:351.74:37.014

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СУДЬЯМ: РОЛЬ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ УТРАТЫ
QUALIFICATION REQUIREMENTS FOR JUDGES: THE ROLE OF ACADEMIC DEGREES AND THE CONSEQUENCES OF THEIR REVOCATION

СКОРОДУМОВА Екатерина Алексеевна,
Студентка факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет).
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17А.
E-mail: ekateriaj03@icloud.com;

СКОБЕЛЕВ Артем Александрович,
Старший преподаватель кафедры теории и истории права, государства и судебной власти
Приволжский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17 А.
E-mail: a.a.skobelev@gmail.com;

SKORODUMOVA Ekaterina Alekseevna,
student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law).
Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution
of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev».
Russia, 603022, Nizhny Novgorod, 17 A Gagarin Ave.
E-mail: ekateriaj03@icloud.com;

SKOBELEV Artem Alexandrovich,
Senior lecturer at the Department of theory and history of law, State and judicial power
Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution
of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev».
Russia, 603022, Nizhny Novgorod, 17 A Gagarin Ave.
E-mail: a.a.skobelev@gmail.com

Краткая аннотация: *в статье рассматривается проблема лишения ученой степени действующего судьи в контексте выявления фактов недобросовестного заимствования в диссертационном исследовании. Анализируются вопросы соответствия занимаемой должности судьи, чья научная работа содержит плагиат, с точки зрения профессиональной пригодности и этических стандартов. Исследуются юридические последствия лишения ученой степени для статуса судьи, а также анализируются возможные механизмы привлечения к ответственности. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы присуждения и лишения ученых степеней, а также данных и аналитических материалов Вольного сетевого сообщества «Диссернет». В результате исследования предложены меры усиления контроля со стороны судейского сообщества для минимизации репутационных рисков для судебной системы Российской Федерации.*

Abstract: *this article addresses the issue of revoking the academic degree of a sitting judge in the context of detecting instances of academic dishonesty in the judge's dissertation research. It analyzes the compatibility of a judge's official position, whose scholarly work contains plagiarism, with professional suitability and ethical standards. The study examines the legal consequences of degree revocation for the judge's status, as well as explores potential mechanisms for holding the judge accountable. Special attention is given to the analysis of judicial practice, the regulatory framework governing the awarding and revocation of academic degrees, and data and analytical materials from the Free Network Community «Dissernet». As a result of the research, measures are proposed to strengthen oversight by the judicial community to minimize reputational risks for the judicial system of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *лишение ученой степени, судья, диссертация, научная этика, статус судьи, квалификационные требования.*
Keywords: *revocation of academic degree, judge, dissertation, academic ethics, judicial status, qualification requirements.*

Для цитирования: *Скородумова Е.А., Скобелев А.А. Квалификационные требования к судьям: роль ученой степени и последствия ее утраты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 331-334. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_331.*
For citation*: Skorodumova E.A., Skobelev A.A. Qualification requirements for judges: the role of academic degrees and the consequences of their revocation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 331-334. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_331.*

Статья поступила в редакцию: 05.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В последние годы особую актуальность для судейского сообщества в Российской Федерации приобретает вопрос лишения судей ученой степени в связи с нарушениями этических норм при осуществлении научной деятельности, влекущими за собой репутационные потери для судьи и правосудия в целом.

Согласно данным, представленным вольным сетевым сообществом «Диссернет» в 2020 году, выявлено 68 случаев несоответствующего поведения судей в академической сфере, в том числе произвольная замена эмпирических данных, некорректные заимствования, прямое отрицание или оправдание их использования в научной квалификационной работе (диссертации). В результате выявленных нарушений, три судьи лишены ученых степеней, двое из которых прекратили свои полномочия в связи с отставкой [9].

Вместе с тем, интерес представляет влияние утраты ученой степени действующим судьей на его соответствие квалификационным требованиям, установленным ст. ст. 3, 4 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и включающим в себя требования к гражданству, образованию, стажу работы, возрасту, дееспособности, отсутствию судимости, а также моральным качествам и профессиональной компетентности, совокупность которых направлена на обеспечение добросовестности судейского корпуса [2], а также гарантии отправления правосудия в соответствии с законом и принципом справедливости (ст. ст. 1, 2 Конституции РФ) [1].

Помимо этого, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает в отношении судей требования, призванные минимизировать коррупционные риски [3].

Требования к профессиональным и личностным качествам судьи носят оценочный характер и включают в себя такие категории, как добросовестность, безупречная репутация, объективность, честность и соответствие требованиям Кодекса судейской этики [7], оценка которых осуществляется квалификационными коллегиями судей (ККС) в процессе квалификационной аттестации.

Помимо приведенной нормативно-правовой базы, правовое регулирование квалификационных требований осуществляется на основе Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», а также постановлений Пленума Верховного Суда РФ, регулирующих вопросы, связанные со статусом судей и порядком осуществления правосудия.

Анализ указанных актов позволяет констатировать, что правовое регулирование квалификационных требований направлено на обеспечение высокого уровня профессионализма судейского корпуса и поддержание доверия общества к судебной власти. Дальнейшее совершенствование данного института с учетом современных вызовов и тенденций развития юридической науки и практики является приоритетной задачей для обеспечения эффективного функционирования судебной системы Российской Федерации.

В системе квалификационных требований, предъявляемым к судьям в РФ, отсутствует прямое указание на обязательное наличие ученой степени у судей и кандидатов на должность судьи. Однако, данный показатель рассматривается как фактор, косвенно влияющий на оценку профессиональной компетентности и свидетельствующий об освоении методологии юридической науки, наличии навыков систематизации и анализа нормативного материала, способности к аргументированному решению правовых коллизий, что потенциально может повлиять на результаты квалификационной аттестации судей.

В соответствии с ч. 5 ст. 5 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» гражданин имеет право занять должность судьи без сдачи квалификационного экзамена при наличии ученой степени кандидата или доктора юридических наук и почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации». В данном случае наличие ученой степени выступает ключевым критерием, заменяющим процедуру квалификационного отбора, позволяя в упрощенном порядке претендовать на должность судьи. Вместе с тем, следует учитывать, что получение почетного звания сопряжено с наличием выслуги лет и достижений в области юриспруденции, что зачастую создает препятствия для молодых граждан, впервые претендующих на должность судьи, даже при наличии у них ученой степени.

В контексте рассмотрения последствий лишения ученой степени судей, следует уделить внимание двум ситуациям:

1) утрата ученой степени, полученной после вступления в должность;

2) утрата ученой степени судьей, назначенным на должность без сдачи квалификационного экзамена в соответствии с ч. 5 ст. 5 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

В первом случае судья, осуществляя свои полномочия, получает ученую степень (кандидата или доктора юридических наук), что может рассматриваться как дополнительное повышение квалификации и в соответствии с абз. 4 ч. 1 ст. 19 Закона «О статусе судей в РФ» служить основанием для доплаты в размере пяти и десяти процентов от должностного оклада соответственно. Последующая утрата ученой степени по тем или иным основаниям не влечет за собой автоматического прекращения полномочий, поскольку в момент назначения он соответствовал всем квалификационным требованиям, установленным законом, но лишает соответствующих материальных преимуществ.

Однако, факт лишения ученой степени, особенно вследствие выявления использования некорректных заимствований (плагиата) или иных серьезных нарушений научной этики, если это повлекло существенные нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, может быть рассмотрен ККС в качестве основания для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. В зависимости от тяжести проступка и репутационных последствий к судье могут быть применены различные дисциплинарные взыскания, предусмотренные ст. 12.1 Закона «О статусе судей в РФ», вплоть до досрочного прекращения полномочий. В данном контексте ключевым является не нарушение, а последствия, которые могут дискредитировать судебную власть, причинять ущерб репутации судьи, что несовместимо с его статусом [6].

Во втором случае наличие ученой степени фактически заменяет прохождение процедуры сдачи квалификационного экзамена при наличии также почетного звания. Утрата ученой степени в такой ситуации приобретает принципиально иное значение, поскольку может быть расценено как несоответствие квалификационным требованиям, действующим на момент назначения, и возникает вопрос о законности пребывания лица в должности судьи.

В целом, утрата ученой степени действующим судьей – событие неординарное, влекущее за собой комплекс правовых, репутационных и практических последствий, требующих детального анализа. В его основе лежат основания, предусмотренные Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» [4].

Наиболее распространенными основаниями являются обнаружение плагиата и научного подлога, использование недействующих нормативных правовых актов в диссертационном исследовании, а также научное руководство или консультирование диссертации с некорректными заимствованиями и нарушение процедуры защиты, ставящие под сомнение научную ценность и добросовестность проведенной работы.

Порядок лишения ученой степени включает в себя несколько стадий. В рамках каждой из них проводится полная и всесторонняя проверка материалов. Реперной точкой является подача заявления о лишении ученой степени (ЗоЛУС) с приложенной к нему экспертизой оспариваемого текста в Минобрнауки России, которое после рассмотрения передается в Диссертационный Совет для рассмотрения по существу. В ходе заседания заслушиваются доводы каждой из сторон, представляется сравнительный анализ текста с оригинальными рукописями и выносится на голосование решение о принятии подготовленного комиссией проекта заключения. В последующем заключение поступает в Экспертный совет Высшей аттестационной комиссии (ВАК). После данной многоступенчатой проверки Минобрнауки России выносит итоговое решение о

лишении кандидата ученой степени.

Одним из последних решений Минобрнауки России в отношении представителей судебной системы стало решение о лишении ученой степени кандидата юридических наук, председателя судебной коллегии по рассмотрению споров, возникающих из административных правоотношений, Арбитражного суда Поволжского округа, Хлебникова Александра Дмитриевича, принятое в 2024 году [5]. На основании экспертизы членов вольного сетевого сообщества «Диссернет» было выявлено 83 страницы с использованием некорректных заимствований из 159 страниц диссертационного исследования. В данном случае, под некорректными заимствованиями понимается указание в библиографическом списке записи об автореферате диссертации иного ученого, при том, что согласно авторефератам и сведениям, размещенным в каталоге eLibrary, совместных работ с данным лицом у соискателя не выявлено [10].

С точки зрения репутации снижается доверие к судье со стороны общества, юридического сообщества и коллег. Информация об утрате ученой степени часто резонирует в СМИ и социальных сетях, что негативно сказывается на имидже судьи и судебной системы в целом. Утрата безупречной репутации может затруднить дальнейший карьерный рост и повлиять на возможность занимать руководящие должности, а также создать ограничение для участия в научно-практической, преподавательской деятельности и мероприятиях в научной сфере.

Стоит сказать, что несмотря на вынесенное решение Экспертной комиссии ВАК по вопросу научной состоятельности диссертационного исследования судьи, сама инициация процедуры лишения представителя судебной власти ученой степени представляется значимым фактором, потенциально оказывающим влияние на общественное восприятие справедливости и беспристрастности правосудия в Российской Федерации.

В качестве примера можно представить выявление научного подлога в диссертационном исследовании судьи Борского городского суда Нижегородской области, Кандалиной Анжелики Николаевны. По мнению экспертов вольного сетевого сообщества «Диссернет», отдельные рассуждения и статистические данные исследования были взяты из работ представителей судебной системы других регионов [8]. О данном случае нарушения научной этики и ряда других, стало также известно из Интернет-изданий «РБК», «Новая газета», «Ведомости», «Право.ru», «The Village», «Закон.ру», что подтверждает пристальное внимание общества к вопросу о репутации судей в Российской Федерации.

Анализ общественного мнения, а также теоретические построения в области социологии права и философии права позволяют предположить, что данная ситуация порождает когнитивный диссонанс. С одной стороны, решение Экспертной комиссии ВАК, как специализированного органа, призвано обеспечить объективную оценку научной ценности диссертации, что подразумевает соблюдение стандартов научного дискурса и принципов академической этики. С другой стороны, сам факт инициирования и проведения процедуры лишения ученой степени в отношении судьи, являющегося, по определению, гарантом соблюдения законности и справедливости, может вызывать у общественности сомнения в его безупречности и, как следствие, в легитимности выносимых им судебных решений.

Данное недоверие обусловлено тем, что статус судьи как «образца справедливости» предполагает соответствие высоким моральным и профессиональным стандартам, включая безупречную научную репутацию. В случае возникновения сомнений в научной добросовестности судьи, даже при наличии формального решения Экспертной комиссии ВАК, может возникнуть восприятие конфликта интересов или злоупотребления служебным положением при защите диссертации.

В правовой плоскости возникает вопрос о возможности пересмотра судебных решений, ранее вынесенных судьей-нарушителем. Теоретически, такая возможность предусмотрена в рамках института пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, регламентированного процессуальным законодательством (ст. 392 ГПК РФ, ст. 311 АПК РФ, ст. 413 УПК РФ).

Однако, практически реализация данных норм представляется крайне сложной, поскольку необходимо доказать причинно-следственную связь между недобросовестностью диссертационного исследования и нарушением законности, обоснованности и справедливости принятого решения. Иными словами, необходимо установить, что именно факты, изложенные в диссертации, подвергшейся критике за нарушение авторских прав, оказали непосредственное и определяющее влияние на формирование внутреннего убеждения судьи и, как следствие, на содержание вынесенного им судебного акта.

Более того, сам по себе факт установления плагиата в диссертации не является per se безусловным основанием для отмены судебного решения. В каждом конкретном случае необходимо оценивать значимость заимствованного материала для аргументации, использованной судьей при принятии решения, и его влияние на итоговый вывод суда.

Таким образом, вопрос о соответствии судей квалификационным требованиям вследствие утраты ученой степени все больше актуализируется в последние годы. Возникновение прецедентов, связанных с лишением судей ученых степеней, свидетельствует о необходимости пересмотра существующих механизмов контроля за процессом подготовки и защиты диссертационных исследований представителями судейского корпуса, например, в виде усиления внутрикорпоративного контроля со стороны судейского сообщества посредством введения локальных нормативных актов, усиливающих требования к научным исследованиям, проводимых судьями и кандидатами на должность судьи, и предусматривающих предварительную экспертизу работ коллегиальным органом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 06.10.2022.
2. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс.

4. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 16.10.2024) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС КонсультантПлюс.
5. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 28.05.2024 № 524/нн «О лишении ученой степени кандидата наук» // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://www.dissernet.org/uploads/2024/06/03/hlebnikovad_mon_665d9eae28ad4.pdf (дата обращения: 13.05.2025).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Российская газета, № 90, 27.04.2016.
7. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) // СПС КонсультантПлюс.
8. «Диссернет» обнаружил нарушения в диссертациях 68 российских судей // Коммерсантъ, 2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4349310 (дата обращения: 21.05.2025).
9. Доклад «Диссернета» [VIII] «Судьи России: репутация судебной системы в свете данных Диссернета» // Вольное сетевое сообщество «Диссернет»: Москва, 2020. 44 с. URL: https://wiki.dissernet.org/tools/Docs/judices-report-viii-exp.pdf (дата обращения: 10.05.2025).
10. Конституционные принципы состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве: особенности юридического содержания и реализации в Российской Федерации // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». URL: https://wiki.dissernet.org/tools/Docs/judices-report-viii-exp.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) dated 06.10.2022.
2. The Law of the Russian Federation dated 26.06.1992 No. 3132-1 "On the Status of Judges in the Russian Federation" (as amended on 10.07.2023, as amended. dated 11/27/2023) // SPS ConsultantPlus.
3. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 "On Combating Corruption" (as amended on 08.08.2024) // SPS ConsultantPlus.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/24/2013 No. 842 (as amended on 10/16/2024) "On the procedure for awarding Academic Degrees" (together with the "Regulations on Awarding Academic Degrees") (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2025) // SPS ConsultantPlus.
5. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 05/28/2024 No. 524/nn "On deprivation of the academic degree of Candidate of Sciences" // Official website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: https://www.dissernet.org/uploads/2024/06/03/hlebnikovad_mon_665d9eae28ad4.pdf (date of request: 05/13/2025).
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/14/2016 No. 13 "On Judicial Practice of Applying Legislation Regulating issues of disciplinary responsibility of Judges" // Rossiyskaya Gazeta, No. 90, 04/27/2016.
7. Code of Judicial Ethics (approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on 12/19/2012) (as amended on 12/01/2022) // SPS ConsultantPlus.
8. Dissernet found violations in the dissertations of 68 Russian judges // Kommersant, 2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4349310 (date of request: 05/21/2025).
9. Dissernet Report [VIII] "Judges of Russia: the reputation of the judicial system in the light of Dissernet data" // Free online community "Dissernet": Moscow, 2020. 44 p. URL: https://wiki.dissernet.org/tools/Docs/judices-report-viii-exp.pdf (date of application: 05/10/2025).
10. Constitutional principles of competition and equality of the parties in legal proceedings: features of legal content and implementation in the Russian Federation // Free online community "Dissernet". URL: https://wiki.dissernet.org/tools/Docs/judices-report-viii-exp.pdf (date of request: 05/13/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_335

УДК 342.7

ГЕНЕЗИС КОНСТИТУЦИОННОЙ ФОРМАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «НАРОД» В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ
THE GENESIS OF THE CONSTITUTIONAL FORMALIZATION OF THE CATEGORY «PEOPLE» IN THE RUSSIAN STATE

БУТОВ Андрей Юрьевич,
аспирант кафедры конституционного и международного права, юридический институт,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: 1182231@bsuedu.ru;

BUTOV Andrey Yurievich,
Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law,
Law Institute, Belgorod State National Research University.
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation.
E-mail: 1182231@bsuedu.ru

Краткая аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена центральной ролью в конституционной системе категории «народ» как источника публичной власти и оснований ее легитимности. Целью данного исследования является выявление закономерностей и особенностей формализации категории «народ» в советский период, исходя из норм законодательных актов. В итоге установлено, что советское законодательство зафиксировало переход от содержательно нейтрального термина «народ» к идеологически насыщенному термину «советский народ», как коллективному субъекту, а в конце 1980-х – начале 1990-х годов – к дифференцированной, многоуровневой правовой конструкции «народ» с учётом этнического и территориального признаков. Выявлен вектор развития от идеологической риторики к юридической институционализации народовластия, самоуправления и прав народов. Полученные результаты позволяют рассматривать генезис категории «народ» как процесс формирования правового субъекта конституционных отношений в условиях трансформации государственности.*

Abstract. *The relevance of the research topic is due to the central role of the category «people» in the constitutional system as a source of public power and the grounds for its legitimacy. The purpose of this study is to identify patterns and features of the formalization of the category «people» in the Soviet period, based on the norms of legislative acts. As a result, it was established that Soviet legislation recorded the transition from the meaningfully neutral term «people» to the ideologically saturated term «Soviet people» as a collective entity, and in the late 1980s and early 1990s to a differentiated, multilevel legal structure «people», taking into account ethnic and territorial characteristics. The vector of development from ideological rhetoric to the legal institutionalization of democracy, self-government and the rights of peoples is revealed. The results obtained allow us to consider the genesis of the category «people» as a process of formation of the legal entity of constitutional relations in the context of the transformation of statehood.*

Ключевые слова: *народ, советский народ, народовластие, самоуправление, достояние народа.*
Key words: *the people, the Soviet people, democracy, self-government, the heritage of the people.*

Для цитирования: *Бутов А.Ю. Генезис конституционной формализации категории «народ» в Российском государстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 335-339. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_335.*
For citation*: Butov A.Yu. The Genesis Of The Constitutional Formalization Of The Category «People» In The Russian State // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 335-339. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_335.*

Статья поступила в редакцию: 11.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Категория «народ» является одной из центральных в конституционной теории и правовой практике, выступая в качестве основания легитимности государственной власти, носителя суверенитета и прав. В условиях трансформации российской государственности, особенно в постсоветский период, вопросы правовой природы, содержания и формы реализации народовластия приобретают особую значимость. Исследование генезиса конституционной формализации категории «народ» в Российском государстве представляет собой не только теоретический интерес, но и имеет существенное прикладное значение для понимания эволюции юридических основ демократии, федерализма и правового государства [44, с. 187-191; 45, с. 195-203].

С теоретической точки зрения, анализ историко-правовой трансформации категории «народ» позволяет выявить закономерности её юридической институционализации – от идеологической абстракции советского периода до формирования многомерного правового субъекта в современной России.

Прикладная значимость исследования обусловлена необходимостью осмысления правовых оснований современной конституционной системы Российской Федерации, где положение о народе как источнике власти требует глубокого историко-правового контекста. Понимание того, как формировалась правовая природа «народа» в советский период, способствует оценке преемственности конституционной традиции, а также выявлению потенциальных правовых коллизий, связанных с трактовкой самоопределения, народовластия, самоуправления и этнополитической идентичности.

В этой связи нами был осуществлен анализ законодательных актов советского периода на предмет выявления в них различных аспектов легализации категории «народ». Представим полученные результаты.

В заявленный период на легализацию категории «народ» оказали влияние политические, идеологические и социальные условия развития государства.

Следует обратить внимание на тренд терминологической и смысловой линии формализации категории «народ». Так, в раннем советском периоде в законодательстве происходила постепенная замена нейтрального термина «народ» на идеологически насыщенный термин «со-

ветский народ». Полагаем, этот тренд демонстрирует формирование особого политически сконструированного субъекта права, чья идентичность определялась не столько этническими или историческими признаками, сколько принадлежностью к советскому социалистическому государству. Уточним, что до 1950-х г.г. также употреблялся термин «народы», но в значении представителей разных стран мира: «Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, руководствуясь высокими принципами советской миролюбивой политики, преследующей цели укрепления мира и дружественных отношении между народами…» [4] (преамбула). Такая тенденция сохранялась и в более поздний период. В Законе СССР от 15 января 1960 г. «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР» указывалось, что «наиболее надежным и верным средством обеспечить прочный мир и дружбу между народами и навсегда избавить человечество от бедствий кровопролитных войн является всеобщее и полное разоружение» [8]. В Законе СССР от 6 июля 1978 г. «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР» содержалась формулировка, что «международные договоры Союза Советских Социалистических Республик являются важным средством … упрочения безопасности народов и широкого международного сотрудничества» [22].

В законодательстве второй половины 1950 – конца 1980-х г.г. термин «советский народ» становится доминирующим, приобретая признаки коллективного субъекта права и, как особенность – собственника.

Так, достаточно распространено упоминание причастности советского к успехам в различных сферах государственной и общественной жизни: деле пенсионного обеспечения [5]; создании и упрочении колхозного строя [6]; развитии социалистической экономики и значительном повышении благосостояния и культурного уровня трудящихся [9]; выполнении народнохозяйственных планов [10]; коммунистическом строительстве, развитии производительных сил страны, создании мощной, всесторонне развитой экономики [12] и пр. [7, 8, 16].

Что касается советского народа как собственника ресурсов, то в законодательстве такая принадлежность выражена через термин «достояние». Например, в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. государственная собственность названа общим достоянием всего советского народа, основной формой социалистической собственности [11] (ст. 21). Подобным образом был решен вопрос в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. (ст. 94) [37].

Еще одним общим достоянием всего советского народа зафиксированы «недра в Союзе Советских Социалистических Республик» [18], поскольку они являются государственной собственностью (ст. 3). В преамбуле данного закона фиксировалось, что «в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции недра земли в нашей стране были национализированы и стали достоянием народа» [18]. В содержательно тождественном ключе изложены нормы в Кодексе РСФСР о недрах 1976 г. (ст. 3) [39].

Формулировки о лесах, водах и других природных богатствах, животном мире как общем достоянии советского народа [17, 20, 24, 39, 41] также аналогичны тем, что касались недр.

На наш взгляд, произошедшее семантическое изменение отражает идею государственной (общенародной) собственности, при которой советский народ выступает как коллективный владелец всех ключевых ресурсов – земли, недр, вод, лесов, животного мира. Такая декларация государственной собственности придаёт ей морально-правовую неприкосновенность. Таким образом, «народ» становится нормативным обоснованием государственной власти. Следовательно, вектор «от "народа" к "советскому народу"» расцениваем в качестве идеологической трансформации как формы правовой легитимации государства через коллективный субъект.

Следует сказать, что с началом 1990-х г.г. и завершением перестройки, конституционных реформ в законодательстве объективно на смену термину «советский народ» приходит термин «народ/народы» в смыслах, соответствующих современному периоду развития России. Так, в ч. 1 ст. 20 Закона СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР» фиксировалось, что «земля и ее недра, воды, растительный и животный мир являются неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории» [28]. Стоит заметить, что в данном законе было акцентировано внимание на том, что «распоряжение и управление государственным имуществом осуществляют от имени народа (населения административно-территориального образования) соответствующие Советы народных депутатов и уполномоченные ими государственные органы (ч. 1 ст. 19) [28]. Таким образом, подчеркивалась значимость действий органов власти с учетом мнения народа.

В ст. 3 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле (1990 г.), как частность, формализовалось, что «земля является достоянием народов, проживающих на данной территории» [3]. Хотя в более ранний период ст. 3 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик (1968 г.) земля сообразно этому периоду развития называлась «государственной собственностью – общим достоянием всего советского народа» [14].

Помимо ресурсов в советском законодательстве достоянием народа позиционировались все достижения мировой культуры при социализме (преамбула Закона СССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [7]), а также развитие родных языков как части духовного достояния народа [31].

С государственно-режимными трансформациями мы связываем появление на законодательном уровне термина «народ» в формуле принципа «самоуправления народа». Так, в преамбуле Закона СССР от 30 июня 1987 г. «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни» отмечалось, что «дальнейшее … развитие самоуправления народа предполагают расширение для каждого гражданина СССР реальных возможностей осуществлять конституционное право на участие в управлении государственными и общественными делами…» [26].

Дальнейшее развитие самоуправления народа упоминалось и в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве 1989 г. в контексте укрепления за счет деятельности суда (ч. 2 ст. 3) [2].

Принцип самоуправления народа появился и применительно местному самоуправлению. Последнее легализовалось как «часть социалистического самоуправления народа» [30].

Особое значение в генезисе категории «народ» отводим принципу народовластия (блок субъективных политических прав). Традиционно считается, что в СССР народовластие было декларативным. Однако в конце перестройки происходит качественный сдвиг: волеизъявление народа признается непосредственной формой реализации государственной власти.

На законодательном уровне это выразилось в формализации типичных форм прямой и представительной демократии с учетом территориального устройства государства. Устанавливалось, что «в СССР народ осуществляет государственную власть как через Советы народных депутатов, так и непосредственно, в том числе путем референдума» [34]. Применительно к местному уровню власти было формализовано «волеизъявление народа через Советы народных депутатов, местные референдумы и иные формы непосредственной демократии» [30].

На наш взгляд, важное значение отводилось в рассматриваемом ключе блоку норм, связанных с принятием решения свободным волеизъявлением народов союзной республики путем референдума о выходе союзной республики из СССР [29, 32]. При этом, «за народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе» [29] (ст. 3).

Видится, что здесь «народ» уже не просто абстрактный субъект, а политически активная и суверенная единица, обладающая правом на внешнее самоопределение. Таким образом, к концу советского периода происходит юридическая институционализация народовластия, переход от идеологической декларации к правовому механизму.

Свободное самоопределение народов и равноправие были зафиксированы как принципы, на которых основывался Союз Советских Социалистических Республик (ст. 1) [32].

Таким образом, в конце советского периода происходит юридическая институционализация народа как носителя суверенитета, что можно рассматривать как переход от идеологической риторики к правовой формализации.

Нужно отметить, что советское законодательство наделяло народ не только политическими правами, но также экономическими, социальными и культурными правами с соответствующими им гарантиями со стороны государства. Представим следующие примеры:

– часть национального дохода государственного бюджета РСФСР, направляемая на повышение материального благосостояния и культурного уровня жизни народов РСФСР (ст. 1) [36];

– повышение благосостояния и культуры народа как одна из ключевых задач Совета Министров СССР (ст.ст. 2, 16) [21], Совета Министров РСФСР (ст. 2) [40] и социалистического общественного строя (преамбула) [15];

– Советское государство последовательно реализует разработанную Коммунистической партией программу жилищного строительства, осуществляя курс на повышение материального и культурного уровня жизни народа (преамбула) [1];

– охрана здоровья народа – важнейшая задача государства (преамбула) [15];

– развитие родных языков гарантируется государством как часть духовного достояния народа [31];

– референдум малочисленных народов и этнических групп с согласия соответствующих Советов народных депутатов по поводу предоставления и изъятия земель в местах проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов и этнических групп для целей, не связанных с их хозяйственной деятельностью (ст. 4) [3].

Большой блок законодательства был посвящен использованию языков народов СССР [31, 33].

Народу как единственному хозяину своей страны предписывалось право контроля в Советском государстве, выражающем волю и интересы всего народа [23].

В рамках блока культурных прав памятники истории и культуры сопрягались с народами. Данное следует из преамбулы Закона СССР от 29 октября 1976 г. № 4692-IX «Об охране и использовании памятников истории и культуры»: «памятники истории и культуры народов СССР составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия, свидетельствуют об огромном вкладе народов нашей страны в развитие мировой цивилизации» [19]. В дефиниции памятников истории и культуры непосредственно отмечалась связь с народом: «…сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа...» [19].

Уточним, народ формализовался не только носителем прав, но и обязанностей. К примеру, в соответствии с Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР», охрана природы является важнейшей государственной задачей и делом всего народа [35].

Приведенные комплексные формулировки интерпретируем следующим образом: народ выступает как бенефициар государственной политики, а государство – как попечитель о его благополучии. Это отражает социалистическую концепцию государства всеобщего благосостояния.

Дальнейший анализ позволил выявить нормы, согласно которым права народов определяют деятельность органов власти. В частности, «конституционный надзор в СССР учрежден в целях … охраны конституционных прав и свобод личности, прав народов СССР, демократических основ советского общества» [27], а для Конституционного Суда РСФСР одной из целей выступала охраны суверенитета народов РСФСР (ч. 1 ст. 2) [42].

В качестве примера также можно привести норму, согласно которой «союзная, автономная республика, автономная область, автономный округ самостоятельно решают вопросы размещения производственных и хозяйственных объектов, обеспечивают комплексное экономическое и социально-культурное развитие на своей территории с учетом интересов всех проживающих в них народов» [32] (ст. 4).

Отметим, что такая телеология в широком смысле была адресована социалистическому государству «строить свою школу так, чтобы она служила народу, содействовала развитию всех народных талантов» [7].

Еще один резюмирующий блок мы связываем с выводом о формализации в законодательстве, исходя из федеративного устройства Советского государства, многоуровневой структуры «народа». А именно [3, 28]: народы СССР, народы союзной республики; народы автономных

республик, областей, округов; народы, проживающие на данной территории; малочисленные народы.

Приведенная дифференциация, полагаем, свидетельствует о том, что в советском праве народ представлялся многоуровневым / многомерным, полиэтничным субъектом с характерными для каждой разновидности правами и гарантиями. Считаем, что именно советский период сформировал основания и для современной правовой дифференциации категории «народ».

В фокусной группе законодательных актов распространены нормы, придающие народу символический и патриотический статус. Для примера:

– при вступлении в должность Президент РСФСР приносит присягу народу (ст. 2) [43]; военная присяга приносится «своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству» [13] (ст. 7);

– долг Вооруженных Сил СССР «перед народом – надежно защищать социалистическое Отечество» [13];

– измена Родине квалифицируется как «тягчайшее преступление перед народом» [13] (ст. 2);

– трудовые коллективы воспитывают молодежь «на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа» [25] (ст. 17);

– школа воспитывала «в духе беззаветной преданности Родине и народу» [7] (ст. 6).

Приведенные формулировки, на наш взгляд, позволяют резюмировать, что народ становится не только правовым, но и идеологическим символом, вокруг которого конструируется национальная идентичность.

Подводя итоги осуществленного исследования, сформулируем основные выводы.

Ключевыми характеристиками правового генезиса категории «народ» в советский период выступили:

– терминологическая линейка в хронологии от раннего советского периода: «народ / народы» (нейтральное значение) → «советский народ» (акцент на связанности с государством) → «народ / народы» (дифференциация по этническому и территориальному признаку);

– замена нейтрального термина «народ» на идеологически насыщенный термин «советский народ» как юридический механизм легитимации государства через коллективный субъект;

– морально-правовая неприкосновенность государственной собственности на природные ресурсы в связи с объявленностью «общим достоянием всего советского народа»;

– переход от идеологической риторики к правовой институционализации народовластия и самоуправления;

– многоуровневая / многомерная структура «народа» с учетом федеративной политико-территориальной формы устройства государства и трансформацией этнической идентичности в правовую форму;

– фиксация прав народа в гарантирующем государством ключе; определяемость действий органов власти интересами и иными атрибутами народа;

– символический и патриотический статус народа.

Таким образом, генезис категории «народ» в советском праве можно охарактеризовать как путь от идеологической абстракции к юридически формализованному субъекту конституционно-правовых отношений.

Список литературы:

1. Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик (приняты ВС СССР 24.06.1981 г. № 5150-X) // Ведомости ВС СССР. 1981. № 26. Ст. 834.
2. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве (приняты ВС СССР 13.11.1989 г.) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 23. Ст. 441.
3. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле (приняты ВС СССР 28.02.1990 г.) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 10. Ст. 129.
4. Закон СССР от 12.03.1951 г. «О защите мира» // Ведомости ВС СССР. 1951. № 5.
5. Закон СССР от 14.07.1956 г. «О государственных пенсиях» // Ведомости ВС СССР. 1956. № 15. Ст. 313.
6. Закон СССР от 31.03.1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 7. Ст. 146.
7. Закон СССР от 24.12.1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 5.
8. Закон СССР от 15.01.1960 г. «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР» // Ведомости ВС СССР. 1960. № 3. Ст. 26.
9. Закон СССР от 07.05.1960 г. «О завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день» // Ведомости ВС СССР. 1960. № 18. Ст. 137.
10. Закон СССР от 07.05.1960 г. «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих» // Ведомости ВС СССР. 1960. № 18. Ст. 135.
11. Закон СССР от 08.12.1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.
12. Закон СССР от 15.07.1964 г. № 2688-VI «О пенсиях и пособиях членам колхозов» // Ведомости ВС СССР. 1964. № 29. Ст. 340.
13. Закон СССР от 12.10.1967 г. № 1950-VII «О всеобщей воинской обязанности» // Ведомости ВС СССР. 1967. № 42. Ст. 552.
14. Закон СССР от 13.12.1968 г. № 3401-VII «Об утверждении Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 51. Ст. 485.
15. Закон СССР от 19.12.1969 г. № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» // Ведомости ВС СССР. 1969. № 52. Ст. 466.
16. Закон СССР от 15.07.1970 г. № 2-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» // Ведомости ВС СССР. 1970. № 29. Ст. 265.
17. Закон СССР от 10.12.1970 г. № 564-VIII «Об утверждении Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1970. № 50. Ст. 566.
18. Закон СССР от 09.07.1975 г. № 1840-IX «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах» // Ведомости ВС СССР. 1975. № 29. Ст. 435.
19. Закон СССР от 29.10.1976 г. № 4692-IX «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // Ведомости ВС СССР. 1976. № 44. Ст. 628.
20. Закон СССР от 17.06.1977 г. № 5906-IX «Об утверждении Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1977. № 25. Ст. 388.
21. Закон СССР от 05.07.1978 г. № 7765-IX «О Совете Министров СССР» // Ведомости ВС СССР. 1978. № 28. Ст. 436.
22. Закон СССР от 06.07.1978 г. «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР» // Ведомости ВС СССР. 1978. № 28. Ст. 439.
23. Закон СССР от 30.11.1979 г. № 1159-X «О народном контроле в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 840.
24. Закон СССР от 25.06.1980 г. № 2355-X «Об охране и использовании животного мира» // Ведомости ВС СССР. 1980. № 27. Ст. 530.
25. Закон СССР от 17.06.1983 г. «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» // Ведомости ВС СССР. 1983. № 25. Ст. 382.
26. Закон СССР от 30.06.1987 г. «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни» // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26. Ст. 387.
27. Закон СССР от 23.12.1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 572.
28. Закон СССР от 06.03.1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164.
29. Закон СССР от 03.04.1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР.

1990. № 15. Ст. 252.
30. Закон СССР от 09.04.1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 267.
31. Закон СССР от 24.04.1990 г. «О языках народов СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 19. Ст. 327.
32. Закон СССР от 26.04.1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 19. Ст. 329.
33. Закон СССР от 12.06.1990 г. № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 492.
34. Закон СССР от 27.12.1990 г. № 1869-1 «О всенародном голосовании (референдуме СССР)» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 1. Ст. 10.
35. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об охране природы в РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 586.
36. Закон РСФСР от 16.12.1961 г. «О бюджетных правах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, автономных советских социалистических республик и местных Советов народных депутатов РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 5. С. 213.
37. Закон РСФСР от 11.06.1964 г. «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.
38. Закон РСФСР от 30.06.1972 г. «Об утверждении Водного кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1972. № 27. Ст. 692.
39. Закон РСФСР от 09.07.1976 г. «Об утверждении Кодекса РСФСР о недрах» // Ведомости ВС РСФСР. 1976. № 28. Ст. 895.
40. Закон РСФСР от 03.08.1979 г. «О Совете Министров РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1979. № 32. Ст. 783.
41. Закон РСФСР от 14.07.1982 г. «Об охране и использовании животного мира» // Ведомости ВС РСФСР. 1982. № 29. Ст. 1029.
42. Закон РСФСР от 06.05.1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 19. Ст. 621.
43. Закон РСФСР от 27.06.1991 г. «О вступлении в должность Президента РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 26. Ст. 880.
44. Бутов А.Ю., Нифанов А.Н. Электорально-ценностный критерий исследования народа как субъекта конституционно-правовых отношений // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 187-191.
45. Нифанов А.Н., Бутов А.Ю. Формализация народа в конституциях стран СНГ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10. № 4. С. 195-203.

References:

1. Fundamentals of housing legislation of the USSR and the Union Republics (adopted by the USSR Supreme Council on 06/24/1981 № 5150-X) // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1981. № 26. Art. 834.
2. Fundamentals of legislation of the USSR and the Union Republics on the judicial system (adopted by the Supreme Soviet of the USSR on 11/13/1989) // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1989. № 23. Art. 441.
3. Fundamentals of legislation of the USSR and the Union Republics on land (adopted by the Supreme Soviet of the USSR on 28.02.1990) // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 10. Art. 129.
4. The USSR Law of 03/12/1951 «On the protection of peace» // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1951. № 5.
5. The USSR Law of 07/14/1956 «On state pensions» // Vedomosti VS USSR. 1956. № 15. Art. 313.
6. The USSR Law of 03/31/1958 «On the further development of the collective farm system and the reorganization of machine and tractor stations» // Vedomosti VS USSR. 1958. № 7. Art. 146.
7. The USSR Law of 12/24/1958 «On strengthening the connection of schools with life and on the further development of the public education system in the USSR» // Vedomosti VS USSR. 1959. № 1. Art. 5.
8. The USSR Law of 01/15/1960 «On a new significant reduction of the Armed Forces of the USSR» // Vedomosti USSR Supreme Council. 1960. № 3. Art. 26.
9. The USSR Law of 05/07/1960 «On the completion of the transfer of all workers and employees to seven- and six-hour workdays in 1960» // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1960. № 18. Art. 137.
10. The USSR Law of 05/07/1960 «On the abolition of taxes on wages of workers and employees» // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1960. № 18. Art. 135.
11. The USSR Law of 12/08/1961 «On the approval of the Foundations of civil legislation of the Union The SSR and the Union Republics» // Vedomosti VS USSR. 1961. № 50. Art. 525.
12. The USSR Law of 07/15/1964. № 2688-VI «On pensions and benefits to members of collective farms» // Vedomosti VS USSR. 1964. № 29. Art. 340.
13. The USSR Law of 10/12/1967 № 1950-VII «On universal military duty» // Vedomosti VS USSR. 1967. № 42. Art. 552.
14. The USSR Law of 12/13/1968 № 3401-VII «On approval of the Fundamentals of land legislation of the USSR and the Union Republics» // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1968. № 51. Art. 485.
15. The USSR Law of 12/19/1969 № 4589-VII «On approval of the Fundamentals of legislation of the USSR and the Union Republics on healthcare» // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1969. № 52. Art. 466.
16. The USSR Law of 2-VIII dated 07/15/1970 «On Approval of the Fundamentals of Labor Legislation of the USSR and the Union Republics» // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1970. № 29. Art. 265.
17. The USSR Law of 10/12/1970 № 564-VIII «On approval of the Fundamentals of water legislation of the USSR and the Union Republics» // Vedomosti VS USSR. 1970. № 50. Art. 566.
18. The USSR Law of 07/09/1975 № 1840-IX «On approval of the Fundamentals of legislation of the USSR and the Union Republics on the subsoil» // Vedomosti VS USSR. 1975. № 29. Art. 435.
19. The USSR Law of 10/29/1976 № 4692-IX «On the Protection and Use of Historical and Cultural Monuments» // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. № 44. Art. 628.
20. The USSR Law of 06/17/1977 № 5906-IX «On approval of the Fundamentals of forest legislation of the USSR and the Union Republics» // Vedomosti VS USSR. 1977. № 25. Art. 388.
21. The USSR Law of 07/05/1978 № 7765-IX «On the Council of Ministers of the USSR» // Vedomosti VS USSR. 1978. № 28. Art. 436.
22. The USSR Law of 07/06/1978 «On the procedure for conclusion, execution and denunciation international treaties of the USSR» // Vedomosti VS SSSR. 1978. № 28. Art. 439.
23. The USSR Law of 11/30/1979 № 1159-X «On National control in the USSR» // Vedomosti VS USSR. 1979. № 49. Art. 840.
24. The USSR Law of 06/25/1980 № 2355-X «On the protection and use of wildlife» // Vedomosti VS USSR. 1980. № 27. Art. 530.
25. The USSR Law of 06/17/1983 «On labor collectives and increasing their role in the management of enterprises, institutions, organizations» // Vedomosti VS USSR. 1983. № 25. Art. 382.
26. The USSR Law of 06/30/1987 «On the national discussion of important issues of state life» // Vedomosti VS USSR. 1987. № 26. Art. 387.
27. The USSR Law of 12/23/1989 «On Constitutional supervision in the USSR» // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1989. № 29. Art. 572.
28. The USSR Law of 03/06/1990 № 1305-1 «On Property in the USSR» // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 11. Art. 164.
29. The USSR Law of 04/03/1990 «On the procedure for resolving issues related to the withdrawal of the Union Republic from the USSR» // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 15. Art. 252.
30. The USSR Law of 04/09/1990 № 1417-1 «On the general principles of local self-government and local economy in the USSR» // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 16. Art. 267.
31. The USSR Law of 04/24/1990 «On the languages of the peoples of the USSR» // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 19. Art. 327.
32. The USSR Law of 04/26/1990 «On the delimitation of powers between the USSR and the subjects of the Federation» // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 19. Art. 329.
33. The USSR Law of 06/12/1990 № 1552-1 «On the press and other mass media» // Vedomosti of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 26. Art. 492.
34. The USSR Law of 12/27/1990 № 1869-1 «On popular vote (referendum of the USSR)» // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1991. № 1. Art. 10.
35. The Law of the RSFSR of 10/27/1960 «On nature protection in the RSFSR» // Vedomosti VS RSFSR. 1960. № 40. Art. 586.
36. The Law of the RSFSR of 12/16/1961 «On the budgetary rights of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, autonomous Soviet Socialist Republics and local Councils of People's Deputies of the RSFSR» // Code of Laws of the RSFSR. 1988. Vol. 5. P. 213.
37. The Law of the RSFSR of 06/11/1964 «On the approval of the Civil Code of the RSFSR» // Vedomosti VS RSFSR. 1964. № 24. Art. 406.
38. The Law of the RSFSR of 06/30/1972 «On the approval of the Water Code of the RSFSR» // Vedomosti VS RSFSR. 1972. № 27. Art. 692.
39. The Law of the RSFSR of 07/09/1976 «On approval of the RSFSR Code on Subsoil» // Vedomosti VS RSFSR. 1976. № 28. Art. 895.
40. The Law of the RSFSR of 08/03/1979 «On the Council of Ministers of the RSFSR» // Vedomosti VS RSFSR. 1979. № 32. Art. 783.
41. The Law of the RSFSR of 07/14/1982 «On the protection and use of wildlife» // Vedomosti VS RSFSR. 1982. № 29. Art. 1029.
42. The Law of the RSFSR of 05/06/1991 «On the Constitutional Court of the RSFSR» // Vedomosti SND RSFSR and VS RSFSR. 1991. № 19. Art. 621.
43. The Law of the RSFSR of 06/27/1991 «On assuming the office of President of the RSFSR» // Vedomosti of the Council of People's Commissars of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 26. St. 880.
44. Butov A.Yu., Nifanov A.N. Electoral and value criterion for the study of the people as a subject of constitutional and legal relations // Agrarian and land law. 2025. № 5. Pp. 187-191.
45. Nifanov A.N., Butov A.Yu. Formalization of the people in the constitutions of the CIS countries // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2024. Vol. 10. № 4. Pp. 195-203.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_340

УДК 334

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)
ON THE ISSUE OF COUNTERING CORRUPTION IN THE INTERNAL AFFAIRS SYSTEM (FROM FOREIGN EXPERIENCE)

ПОЛЯНИЧКО Андрей Леонидович,
кандидат юридических наук, независимый эксперт в области обеспечения национальной безопасности и правоохранительной деятельности (г. Москва).
Россия, г. Москва.
E-mail: Andrei520855@mail.ru;

БАЗАРОВА Милена Ильдаровна,
инспектор отдела информации и общественных связей Академии управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: mbazarova.au@yandex.ru;

МУТАМБАНАШЕ Ладислоус,
отел по борьбе с коммерческими преступлениями Республики Зимбабве,
детектив-инспектор (г. Хараре); магистрант Академии управления МВД России (г. Москва).
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, дом 8.
E-mail: Remerlad@gmail.com;

POLYANCHICHKO Andrey Leonidovich,
Candidate of Law, Independent expert in the field of national security and law enforcement (Moscow).
Russia, Moscow.
E-mail: Andrei520855@mail.ru;

BAZAROVA Milena Ildarovna,
Inspector of the Information and Public Relations Department
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8.
E-mail: mbazarova.au@yandex.ru;

MUTAMBANASHE Ladislous,
Commercial Crime Unit of the Republic of Zimbabwe, Detective Inspector (Harare);
Master's Student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow).
8 Zoi and Aleksandra Kosmodemyanskikh Street, Moscow, 125993.
E-mail: Remerlad@gmail.com

Краткая аннотация: *в статье обобщен опыт противодействия коррупции в органах внутренних дел ряда зарубежных государств, обоснована необходимость распространения и учета положительного опыта на иные государства.*

Abstract: *The article summarizes the experience of combating corruption in the internal affairs bodies of a number of foreign countries and substantiates the need to spread and take into account positive experience in other countries.*

Ключевые слова: *государственное управление; правовое регулирование; охрана общественного порядка; обеспечение общественной безопасности; органы внутренних дел; противодействие коррупции; сравнительное правоведение.*

Keywords: *public administration; legal regulation; protection of public order; ensuring public safety; internal affairs bodies; anti-corruption; comparative law studies.*

Для цитирования: *Поляничко А.Л., Базарова М.И., Мутамбанаше Ладислоус. К вопросу о противодействии коррупции в системе органов внутренних дел (из зарубежного опыта) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 340-343. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_340.*

For citation*: Polyanichko A.L., Bazarova M.I., Mutambanashe Ladislous. On the issue of countering corruption in the internal affairs system (from foreign experience) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 340-343. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_340.*

Статья поступила в редакцию: 23.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Противодействие коррупции - важнейшая задача, которая стоит перед органами внутренних дел любого современного государства, говорит в своих работах профессор В.М. Редкоус[1]. В своих работах этот ученый обращает внимание на необходимость противодействия коррупции на всех уровнях управления во всех государствах, обращая внимание в первую очередь на государства – участники СНГ, где данная проблема является особенно актуальной[2].

Эти выводы подтверждаются и иными исследователями, что отражено в различных научных работах монографического характера (И. Беата, А.А. Васильев, Х. Вырэмбек и др.) [3].

Так, о необходимости противодействия коррупции в системе МВД пишут в своей монографии В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шев-

[1] Редкоус, В. М. Правовое регулирование противодействия коррупции в государствах-участниках СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 5(41). – С. 87-93.
[2] Редкоус, В. М. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в государствах-участниках Содружества Независимых Государств // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 5(29). – С. 21-27.
[3] Доктрина права и безопасность в современном мире / И. Беата, А. А. Васильев, Х. Вырэмбек [и др.]. – Тамбов : Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис», 2020. – 495 с.

цов и иные ученые[1]. Коррупцию как угрозу нормальному развитию финансовых отношений выделяют М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, С.В. Запольский и иные ученые[2]. По их мнению, противодействие коррупции является одним из инструментов обеспечения финансовой стабильности Российской Федерации[3]. Коррупция препятствует нормальному развитию экономических отношений[4].

Рассмотрим положительный опыт ряда зарубежных государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, где у условиях глобализации выросла угроза возникновения коррупционных рисков (Р.В. Пузиков, В. Кштонь, А.А. Васильев и др.)[5]. Достаточно интересен опыт Грузии[6]. Целью проведенных грузинских реформ было резкое снижение роли чиновничества, тотальная смена старого чиновничьего аппарата, опора на молодые кадры, разгосударствление экономики, ее максимальная либерализация, практически неограниченная приватизация, жесточайшая борьба со всеми проявлениями коррупции, единые правила для всех, в том числе министров — членов команды реформаторов, чиновников и полицейских в любом чине, звезд футбола и эстрады, рядовых граждан. Все должны быть равны перед законом, а закон должен неукоснительно исполняться. Поэтому коррупция в Грузии была изначально определена как важнейшая мишень, поразить которую надо было для последующих реформ.

Для успешной борьбы с коррупцией, в свою очередь, необходимо было наличие сильной политической воли, а также личный пример, когда ни президент, ни его министры никому не дают и ни у кого не берут взяток, что с точки зрения морали позволяет им наказывать тех, кто замешан в коррупции, и требовать от других не заниматься этим. Для этого было решено сломать укоренившиеся стереотипы. Поэтому, параллельно с кампанией по повышению имиджа полицейских, была проведена работа по разрушению стереотипов касательно уважительного отношения к преступному миру и дискредитации авторитета преступников.

В 2005 году в Грузии вступил в силу уникальный в мировой практике Закон «Об организованной преступности и рэкете», разрешающий приговаривать к тюремному сроку всех, кто признает себя «вором в законе» и свою принадлежность к криминальным организациям, даже если нет доказательств его вины. Государство конфисковало имущество представителей мафии и коррумпированных государственных чиновников на сумму 1 млрд долл. США. Некоторые из конфискованных домов превратились в правительственные здания, другие - в полицейские участки. Все крупные операции по задержанию криминальных авторитетов и высокопоставленных должностных лиц снимались на камеру и освещались в СМИ. Обществу наглядно показывали, что граждане равны перед законом, а влиятельные лица лишились всех особых привилегий.

Важно, что в июле 2014 года Европейский суд по правам человека в своем решении «Ashlarba против Грузии» № 45554/08 выразил позицию о соответствии Конвенции о защите прав человека и основных свобод положений Уголовного кодекса Грузии об ответственности за пребывание лица в статусе «вор в законе»[7]. Суд пришел к выводу, что положения ст. 223 Уголовного кодекса Грузии в совокупности с положениями Закона «Об организованной преступности и рэкете», которые объясняют значение таких терминов, как «вор в законе», «преступный мир» и «решение споров с участием «вора в законе», доводят до сведения обычного человека все необходимые элементы соответствующих составов преступлений, а заявитель даже при отсутствии четкого понимания этих понятий, обратившись за юридической консультацией, может легко предсказать, какие его действия повлекут уголовную ответственность по этой статье.

Начался масштабный отбор новых полицейских. При отборе полицейских в состав приемной комиссии входили представители гражданского общества и неправительственных организаций. Это обеспечило прозрачность проводимых конкурсов и стало первым шагом для отбора честных полицейских. Большинство отобранных полицейских были молодыми, являлись выпускниками университетов, ранее никогда не работали в полиции и самое важное - не были замечены в коррупционных преступлениях. Происходил постоянный «отсев» среди инспекторов с помощью Генеральной инспекции министерства.

Закон «О полиции» (ст. 57) предусмотрел внутренний контроль деятельности полицейских и других служащих министерства, который осуществляет Генеральная инспекция министерства, подотчетная непосредственно министру, исполняющему служебный надзор за ее работой. Полномочия Генеральной инспекции распространяются на структурные подразделения, территориальные органы министерства, государственное подведомственное учреждение, входящее в сферу управления министерства, - Пограничную полицию Грузии и юридические лица публичного права, действующие в сфере управления министерства.

Генеральная инспекция министерства, в частности, в порядке, установленном законодательством Грузии, осуществляла выявление фактов нарушения норм Кодекса этики полиции и Дисциплинарного устава сотрудников МВД, совершения противоправных действий и надлежащее реагирование на них. Для выявления и пресечения коррупции в МВД было организовано постоянное провоцирование полицейских на взятки сотрудниками Генеральной инспекции. Примерно 100 её сотрудников придумывали и использовали изощренные способы выявления тех, кто извлекал доход из своей работы в полиции, совершал преступления и правонарушения, торговал нелегитимными силовыми услугами. Возможные «подставы» - от «пьяных» водителей, грубо нарушающих правила, а потом провоцирующих патрульных на взятки, - до сложных схем поста-

[1] Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : Учебник: в 2 частях / В. А. Милехин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.]. – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – 312 с.
[2] Правовое регулирование финансового рынка России / М. Н. Кобзарь-Фролова, Е. Л. Васянина, С. В. Запольский [и др.]. – Москва : ИГП РАН, 2023. – 219 с.
[3] Правовые инструменты обеспечения финансовой стабильности Российской Федерации / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, С.В. Запольский [и др.]. – Воронеж : ИПЦ "Научная книга", 2023. – 354 с.
[4] Mironov, A. N. Private bankruptcy in the Russian Federation: reality and perspectives / A. N. Mironov, Yu. P. Kolesnikova, V. M. Redkous // SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”, Kaliningrad, 11 декабря 2020 года. Vol. 108. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. – P. 01008. – DOI 10.1051/shsconf/202110801008.
[5] Глобализация - безопасность государства - национальные интересы: доктрина права и правовая жизнь : Монография / Р. В. Пузиков, В. Кштонь, А. А. Васильев [и др.] ; Под общей редакцией Р.В. Пузикова, В. Фэхлера. – Тамбов : Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис», 2020. – 476 с
[6] Реформирование полиции. Опыт Украины, Грузии, Молдовы. Алматы, 2022. С. 30-34.
[7] Дело «Ashlarba против Грузии» № 45554/08 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-145572%22]}.

вок оружия и наркотиков, «покупателей» контрафактного вина[1].

В 2005 году было предано суду более 200 сотрудников полиции, в 2006 году - еще больше, и даже в 2010 году все еще арестовывали или увольняли по 2–3 полицейских в месяц. Это был сигнал обществу: ситуация в Грузии действительно меняется. Работники Генеральной инспекции не только не испытывали угрызений совести из-за того, что провоцировали своих коллег на правонарушения, а потом сажали их за это, но и гордились своей работой, поскольку «очищали систему от предателей, от коррупции».

Системная потребность во взятках среди полицейских исчезла, брать их стало чрезвычайно сложно, и за взяткой неотвратимо следовало суровое наказание - за 10 лари можно было попасть в тюрьму на девять лет. Начиная с 2004 г. по телевидению показывали десятки сюжетов, как за взятки арестовывают чиновников, судей. Через полгода «героями» антикоррупционных роликов стали те, кто предлагает взятку. Спустя год чиновники уже как огня боялись тех, кто приносил им деньги, начинали звонить в полицию, информируя, что пришли осквернить их честь.

Один из основных принципов антикоррупционной политики Грузии - нулевая терпимость к коррупции - был внедрен в первую очередь среди самих полицейских. Если полицейский видел, что его коллега берет взятку или нарушает свои обязанности, и не доложил об этом в соответствующую надзорную инстанцию, его самого ждало наказание вплоть до уголовной ответственности. Такой подход наглядно демонстрировал вновь прибывшим полицейским, насколько серьезно министерство относится к соблюдению этических норм поведения полицейских. В обществе сформировалось сознание нетерпимости к правонарушениям. Сообщение в полицию о правонарушении стало обязанностью каждого гражданина.

Принятый в развитие Закона «О полиции» Кодекс этики полиции Грузии и Дисциплинарный устав сотрудников МВД, утвержденный приказом министра внутренних дел Грузии от 31 декабря 2013 г. № 999, потребовали от сотрудников полиции: реагировать на нарушение Кодекса этики коллегой; сообщать обо всех случаях коррупции высшим должностным лицам; не пользоваться своим статусом и не использовать его в личных целях; отказываться от любого незаконного предложения и не использовать свое положение для получения социально-экономических или иных льгот; не предлагать никому определенную услугу в обмен на получение какой-либо выгоды; не злоупотреблять служебной информацией и личными данными для удовлетворения собственных и/или частных интересов; не устанавливать, если это не требуется при исполнении служебных обязанностей, отношения с лицами, совершающими незаконные деяния, о которых было известно заранее.

Внедрение цифровых технологий, использование дорожных видеокамер и системы электронной уплаты штрафов, вызов полиции через телефонные приложения, электронный документооборот повысили эффективность работы полиции, облегчили коммуникацию с населением, уменьшили не только возможности для коррупции путем сокращения прямого контакта с представителями власти, но и повысили доверие населения. Весь документооборот в полиции переведен в электронную форму.

Интересен и опыт Украины[2]. Об этом в свое время также писал в своей статье В.М. Редкоус[3]. На сотрудников полиции (полицейских и государственных служащих) распространяется действие Закона «О предотвращении коррупции», в том числе ограничения, предусмотренные этим законом. Речь идет об ограничениях, связанных с: невозможностью использования служебных полномочий или своего положения в частных интересах; получением подарков; совместительством и совмещением с другими видами деятельности; прекращением деятельности по выполнению функций государства; совместной работой близких лиц; необходимостью предотвращения и урегулирования конфликта интересов; необходимостью соблюдения правил этического поведения; предоставлением декларации лица, уполномоченных на выполнение функций государства, полной проверки деклараций, возможностью проведения мониторинга способа жизни; возможностью быть подверженным иным видам финансового контроля.

Однако требования, касающиеся добропорядочности, предъявляемые к полицейским, еще более высоки, чем те, что предъявляются к другим субъектам, на которых распространяется Закон «О предотвращении коррупции». Так, Закон «О Национальной полиции», кроме того, предусматривает, что:

1) не может быть полицейским лицо: когда-либо ранее осужденное за умышленное совершение тяжкого и особо тяжкого преступления, даже если судимость погашена или снята в установленном законом порядке; имеющее непогашенную или неснятую судимость за совершение уголовного правонарушения, кроме реабилитированного лица; в отношении которого было прекращено уголовное производство по нереабилитирующим основаниям; к которому были применены меры административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с коррупцией;

2) полицейский увольняется со службы в полиции, и его служба в полиции прекращается: в связи с прямым подчинением близкому лицу; в связи с наличием реального или потенциального конфликта интересов, который имеет постоянный характер и не может быть урегулирован другим способом; в случае вступления в законную силу решения суда о привлечении его к ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с коррупцией, или уголовного правонарушения, а также решения суда о признании необоснованными его активов или активов, приобретенных по его поручению другими лицами, и их взыскании в доход государства.

Таким образом, необходимо тщательное изучение и распространение положительного опыта зарубежных государств в области противодействия коррупции на те государства, где в этом проявляется особая необходимость. В этом проявляется особая ценность вводов, полученных в результате сравнительно-правового анализа в области противодействия коррупции, о чем говорят А.И. Стахов, А.И. Ястребова[4], В.М. Редкоус[1] и иные ученые.

[1] Реформирование полиции. Опыт Украины, Грузии, Молдовы. Алматы, 2022. С. 30-34.
[2] Реформирование полиции. Опыт Украины, Грузии, Молдовы. Алматы, 2022. С. 22-23.
[3] Редкоус В.М. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции на Украине // Административное и муниципальное право. 2010. № 7(31). С. 39-45.
[4] State and non-state actors ensuring constitutional order and public security: Problems of legal regulation of interaction the ability to understand and the textual typologies in the primary basic education, third grade / A. I. Yastrebova, A. I. Stakhov [et al.] // Universidad y Sociedad. – 2020. – Vol. 12, No. 3. – P. 228-239.

Список литературы:

1. Доктрина права и безопасность в современном мире / И. Беата, А. А. Васильев, Х. Вырэмбек [и др.]. – Тамбов : Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис», 2020. – 495 с.
2. Глобализация - безопасность государства - национальные интересы: доктрина права и правовая жизнь : Монография / Р. В. Пузиков, В. Кштонь, А. А. Васильев [и др.] ; Под общей редакцией Р.В. Пузикова, В. Фэхлера. – Тамбов : Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис», 2020. – 476 с.
3. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : Учебник: в 2 частях / В. А. Милехин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.]. – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – 312 с.
4. Правовое регулирование финансового рынка России / М. Н. Кобзарь-Фролова, Е. Л. Васянина, С. В. Запольский [и др.]. – Москва : ИГП РАН, 2023. – 219 с.
5. Правовые инструменты обеспечения финансовой стабильности Российской Федерации / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, С.В. Запольский [и др.]. – Воронеж : ИПЦ "Научная книга", 2023. – 354 с.
6. Редкоус, В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах - участниках Содружества Независимых Государств : монография / В. М. Редкоус – Пятигорск : РИА-КМВ, 2010. – 559 с.
7. Редкоус, В. М. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в государствах-участниках Содружества Независимых Государств / В.М. Редкоус // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 5(29). – С. 21-27.
8. Редкоус, В. М. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции на Украине / В. М. Редкоус // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 7(31). – С. 39-45.
9. Редкоус, В. М. Правовое регулирование противодействия коррупции в государствах-участниках СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности / В. М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 5(41). – С. 87-93.
10. Реформирование полиции. Опыт Украины, Грузии, Молдовы. Алматы, 2022. 47 с.
11. Mironov, A. N. Private bankruptcy in the Russian Federation: reality and perspectives / A. N. Mironov, Yu. P. Kolesnikova, V. M. Redkous // SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”, Kaliningrad, 11 декабря 2020 года. Vol. 108. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. – P. 01008. – DOI 10.1051/shsconf/202110801008.
12. State and non-state actors ensuring constitutional order and public security: Problems of legal regulation of interaction the ability to understand and the textual typologies in the primary basic education, third grade / A. I. Yastrebova, A. I. Stakhov, V. M. Redkous [et al.] // Universidad y Sociedad. – 2020. – Vol. 12, No. 3. – P. 228-239.

References:

1. The doctrine of law and security in the modern world / I. Beata, A.A. Vasiliev, H.Vyrembek [et al.]. - Tambov: Print-Service Limited Liability Company, 2020. - 495 p.
2. Globalization - state security - national interests: the doctrine of law and legal life: Monograph / R. V. Puzikov, V. Kshton, A. A. Vasiliev [et al.]; General editorship of R. V. Puzikov, V. Fakhler. - Tambov: Print-Service Limited Liability Company, 2020. - 476 p.
3. Organization of Public Order Protection and Public Security: Textbook: in 2 parts / V. A. Milekhin, Yu. N. Nosatov, A. V. Shevtsov [et al.]. – Moscow, 2023. – 312 p.
4. Legal Regulation of the Russian Financial Market / M. N. Kobzar-Frolova, E. L. Vasyanina, S. V. Zapolsky [et al.]. – Moscow, 2023. – 219 p.
5. Legal Tools for Ensuring the Financial Stability of the Russian Federation / M.N. Kobzar-Frolova, E.L. Vasyanina, S.V. Zapolsky [et al.]. – Voronezh, 2023. – 354 p.
6. Redkous, V.M. Administrative and Legal Support for National Security in the Member States of the Commonwealth of Independent States: Monograph / V.M. Redkous. Pyatigorsk: RIA-KMV, 2010. 559 p.
7. Redkous, V. M. Administrative and Legal Regulation of Anti-Corruption in the Member States of the Commonwealth of Independent States / V. M. Redkous // Administrative and Municipal Law. – 2010. – No. 5(29). – Pp. 21-27.
8. Redkous, V. M. Administrative and Legal Regulation of Anti-Corruption in Ukraine / V. M. Redkous // Administrative and Municipal Law. – 2010. – No. 7(31). – Pp. 39-45.
9. Redkous, V. M. Legal Regulation of Anti-Corruption in the CIS Member States in the Context of Ensuring National Security / V. M. Redkous // Law and State: Theory and Practice. – 2008. – No. 5(41). – Pp. 87-93
10. Police Reform. Experience of Ukraine, Georgia, and Moldova. Almaty, 2022. 47 p.
11. Mironov, A. N. Private bankruptcy in the Russian Federation: reality and perspectives / A. N. Mironov, Yu. P. Kolesnikova, V. M. Redkous // SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”, Kaliningrad, 11 декабря 2020 года. Vol. 108. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. – P. 01008. – DOI 10.1051/shsconf/202110801008
12. State and non-state actors ensuring constitutional order and public security: Problems of legal regulation of interaction the ability to understand and the textual typologies in the primary basic education, third grade / A. I. Yastrebova, A. I. Stakhov, V. M. Redkous [et al.] // Universidad y Sociedad. – 2020. – Vol. 12, No. 3. – P. 228-239.

[1] Редкоус, В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах - участниках Содружества Независимых Государств : монография– Пятигорск : РИА-КМВ, 2010. – 559 с. ;

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_344

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ОВД СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ
FEATURES OF THE REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF THE USE OF SPECIAL ADMINISTRATIVE RESTRAINT MEASURES BY POLICE OFFICERS

ЕЛИСТРАТОВ Денис Валерьевич,
к.в.н., доцент кафедры «Правоохранительная деятельность»,
Пензенский государственный университет.
440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: elistratov-07.11@mail.ru;

YELISTRATOV Denis Valerievich,
PhD, Associate Professor of the Department of Law Enforcement,
Penza State University.
40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russia.
E-mail: elistratov-07.11@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, касающиеся анализа нормативно-правовой базы, регулирующей применение специальных мер административного пресечения сотрудниками органов внутренних дел. Рассматриваемые положения свидетельствует о сложной многоуровневой системе правового регулирования данного вопроса. Законодательство детально регулирует основания, порядок и пределы применения силы, акцентируя принцип соразмерности и обязательную фиксацию каждого случая для защиты прав граждан. Однако правоприменительная практика сталкивается с проблемами: неоднозначность формулировок в нормах и недостаточная эффективность механизмов контроля требуют совершенствования законодательства. Законодательство (ФЗ «О полиции») содержит неоднозначные нормы, нечеткие критерии оценки угроз и слабо регламентирует меры принуждения, создавая риски для граждан и сотрудников. Ограничения на использование оружия в местах массового скопления людей, хотя и направлены на защиту жизни, часто противоречат оперативным реалиям, особенно в экстренных случаях, особенно в случаях, связанных с террористическими действиями.*

Abstract. *The article discusses issues related to the analysis of the regulatory framework governing the use of special administrative restraint measures by law enforcement officers. The provisions under consideration indicate a complex multi-level system of legal regulation of this issue. The legislation regulates in detail the grounds, procedure and limits of the use of force, emphasizing the principle of proportionality and the mandatory recording of each case to protect the rights of citizens. However, law enforcement practice faces problems: ambiguity of wording in the norms and insufficient effectiveness of control mechanisms require improvement of legislation. The legislation (the Federal Law "On Police") contains ambiguous norms, unclear criteria for assessing threats, and weakly regulates enforcement measures, creating risks for citizens and employees. Restrictions on the use of weapons in crowded places, although aimed at protecting lives, often contradict operational realities, especially in emergency cases, especially in cases related to terrorist activities.*

Ключевые слова: *физическая сила, специальные средства, огнестрельное оружие, органы внутренних дел, уголовное право, правоохранительная деятельность, минимизация ущерба, нормативно-правовые положения, меры административного пресечения, безопасность.*

Keywords: *physical force, special means, firearms, law enforcement agencies, criminal law, law enforcement, damage minimization, regulatory provisions, administrative restraint measures, security.*

Для цитирования: *Елистратов Д.В. Особенности нормативно-правовой регламентации применения сотрудниками ОВД специальных мер административного пресечения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 344-347. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_344.*

For citation*: Elistratov D.V. Features of the regulatory and legal regulation of the use of special administrative restraint measures by police officers // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 344-347. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_344.*

Статья поступила в редакцию: 11.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Органы внутренних дел наделены полномочиями применять меры административного принуждения (физическая сила, спецсредства, огнестрельное оружие) для защиты граждан и сотрудников от правонарушений. Эффективность этих мер, используемых в исключительных случаях, напрямую влияет на уровень правопорядка и доверия к государству. Их особая значимость связана с возможностью причинения вреда при пресечении правонарушений без предварительных правовых актов.

Четкость законодательной регламентации (глава 5 ФЗ «О полиции») критична для законности действий сотрудников и их безопасности. Однако использование оценочных понятий («непосредственная угроза», «соразмерность») создает неоднозначность в практике. Отсутствие единых критериев их толкования ведет к рискам превышения полномочий или пассивности сотрудников, снижая эффективность борьбы с преступностью и авторитет правоохранительных органов [1].

Проблема согласования норм административного (глава 5 ФЗ «О полиции») и уголовного права (ст. 37, 39, 286 УК РФ) в контексте применения силы сотрудниками ОВД остается актуальной. Отсутствие прямой взаимосвязи между этими отраслями права создает неопределенность в оценке допустимости мер принуждения (физическая сила, спецсредства, оружие). Например, действия, правомерные по ст. 23 ФЗ «О полиции», могут быть оспорены как превышение полномочий (ст. 286 УК РФ) из-за несовпадения критериев «крайней необходимости» или «соразмерности».

Судебная практика (Постановление ВС РФ № 19 от 27.09.2012, дело № 1-234/2023) подтверждает риски двойственного толкования:

сотрудники сталкиваются с правовой неуверенностью, балансируя между необоснованным применением силы и пассивностью. Это снижает эффективность правоохранительной деятельности и доверие к институтам власти [2].

Устранение правовых пробелов требует внесения изменений в главу 5 ФЗ «О полиции» для интеграции уголовно-правовых критериев (ст. 37, 39 УК РФ), что обеспечит согласованность оценки правомерности применения силы. Важно разработать единые методики оценки соразмерности действий сотрудников ОВД и усилить судебно-экспертное сопровождение дел с привлечением специалистов по оперативной тактике. Это позволит объективно анализировать действия сотрудников в рамках административных и уголовных норм, минимизировать двойственное толкование законодательства, снизить риски правовой неопределенности и повысить эффективность защиты прав граждан и сотрудников [3].

Правовое регулирование применения силы сотрудниками ОВД, закрепленное в Главе 5 ФЗ «О полиции» и Главе 8 УК РФ, остается функционально разрозненным. Административные нормы (ст. 18–23 ФЗ) устанавливают императивные требования к использованию физической силы, спецсредств и оружия, обязывая сотрудников действовать для защиты порядка. В то же время уголовное право (ст. 37–39, 286 УК РФ) предоставляет универсальные критерии оценки правомерности, такие как необходимая оборона или крайняя необходимость, которые применяются ко всем гражданам, включая сотрудников полиции.

Ключевая проблема – двойственность оценки: действия, правомерные по ФЗ «О полиции», могут быть пересмотрены через призму УК РФ. Например, применение наручников по ст. 21 ФЗ может быть расценено как превышение полномочий (ст. 286 УК РФ), если суд не усмотрит «непосредственной угрозы». Отсутствие прямых отсылок между законами приводит к коллизиям: суды используют нормы УК для оценки административно-правовых действий, что создает правовую неопределенность.

Это провоцирует правовую незащищенность сотрудников: даже при соблюдении инструкций их могут обвинить в превышении полномочий. Результат – две крайности: избыточная агрессия или пассивность из-за страха уголовного преследования. Противоречивая судебная практика (например, дела с разной квалификацией схожих ситуаций) снижает предсказуемость решений, усиливает общественное недоверие к правоохранителям и затрудняет борьбу с правонарушениями [4].

Для решения правовых коллизий необходимо согласовать нормы административного и уголовного права. В Главу 5 ФЗ «О полиции» следует включить прямые ссылки на ст. 37–39 УК РФ, закрепив, что применение силы сотрудниками ОВД должно учитывать критерии необходимой обороны и крайней необходимости. Это обеспечит единообразие в оценке действий полиции. Параллельно важно унифицировать судебную практику через методические рекомендации Верховного Суда РФ, которые установят четкие стандарты соразмерности и обоснованности мер принуждения. Дополнительно требуется усилить подготовку сотрудников, включив в обучение уголовно-правовые аспекты и практические тренинги для отработки действий в конфликтных ситуациях.

Причинение вреда при пресечении правонарушений считается правомерным, если оно направлено на защиту жизни, здоровья, общественного порядка и соответствует условиям, предусмотренным ст. 18–23 ФЗ «О полиции». Такие действия допустимы только при отсутствии альтернатив и соблюдении принципов соразмерности, своевременности и минимальной достаточности. Например, использование наручников или оружия оправдано, если иные методы неэффективны, а угроза носит непосредственный характер.

Сотрудник освобождается от уголовной ответственности, даже если его действия привели к тяжким последствиям, при условии соблюдения закона. Однако превышение полномочий (ст. 286 УК РФ) влечет наказание, если интенсивность или основания применения силы не соответствуют законодательным требованиям.

Правомерность применения силы сотрудниками ОВД определяется соответствием действий уровню реальной угрозы. Например, использование огнестрельного оружия против невооруженного лица или применение спецсредств без попыток деэскалации конфликта нарушает принципы законности и соразмерности. Регулирование этих мер нормами ФЗ «О полиции» и УК РФ создает правовые коллизии. Согласно ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции», сотрудник обязан минимизировать вред, учитывая характер угрозы и оперативную обстановку (например, выстрел в конечность для нейтрализации опасности). В то же время ст. 37 УК РФ, регулирующая необходимую оборону, требует соответствия защиты уровню опасности, но не содержит прямого указания на минимизацию вреда.

Это приводит к двойственности оценки: действия, правомерные по ФЗ (например, применение наручников), могут быть пересмотрены через призму УК, если суд усмотрит несоразмерность. Ключевая проблема – отсутствие синхронизации между административными и уголовными нормами, что создает риски для сотрудников и снижает эффективность правоохранительной деятельности [5].

Двойственность правовых критериев оценки действий сотрудников ОВД создает правовую неопределенность. При выполнении служебных обязанностей (например, задержание) административное право (ФЗ «О полиции») требует строгой минимизации вреда. В ситуациях необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) ключевым становится соответствие защиты уровню угрозы, а не снижение ущерба. Например, при отражении вооруженного нападения сотрудник не обязан следовать нормам минимизации вреда из ФЗ, но должен избегать явной диспропорции между угрозой и ответом. Это противоречие требует гармонизации законодательства, так как отсутствие единых стандартов повышает риски необоснованного привлечения к ответственности сотрудников и нарушения прав граждан.

Применение силы сотрудниками ОВД, связанное с причинением вреда, формирует «материальное уголовно-правовое отношение» (Э.Х. Мамедов, А.И. Каплунов). Правомерность таких действий определяется исключительно уголовным законодательством: ст. 37 УК РФ (необходимая оборона) и ст. 38 УК РФ (задержание лица) устанавливают пределы допустимого вреда, исключающего преступность деяния. Универсальность уголовно-правовых норм как регулятора общественно опасных посягательств подчеркивает приоритет УК РФ в оценке действий сотрудников, даже если они формально соответствуют административным предписаниям.

Ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции» обязывает сотрудников минимизировать вред во всех случаях применения силы, включая необходимую оборону (ст. 37 УК РФ). Это создает противоречие: административная норма ужесточает критерии правомерности, ограничивая право на защиту. Например, требование прицеливаться в конечности при применении оружия (ФЗ) может противоречить принципу соразмерности в условиях прямой угрозы жизни (УК) [6].

Правовой дуализм между УК РФ и ФЗ «О полиции» создает коллизии. Уголовный кодекс, в рамках необходимой обороны (ст. 37), допускает причинение смерти нападающему при реальной угрозе, не требуя минимизации вреда. В то же время ФЗ «О полиции» (ч. 3 ст. 19) обязывает сотрудников снижать ущерб даже в экстренных ситуациях, что может привести к обвинениям в превышении полномочий (ст. 286 УК РФ), несмотря на формальное соблюдение уголовно-правовых критериев.

Для устранения противоречий требуется гармонизация законодательства. Решением могло бы стать внесение в ФЗ «О полиции» прямых отсылок к ст. 37–39 УК РФ, закрепляющих приоритет уголовно-правовых норм при защите от общественно опасных посягательств. Однако отсутствие единых стандартов оценки действий сотрудников ОВД в разных правовых контекстах (административное принуждение и необходимая оборона) дестабилизирует правоприменительную практику.

А.И. Каплунов подчеркивает системный характер регулирования применения специальных мер пресечения, указывая, что отраслевая принадлежность норм не критична при их понятности для правоприменителя. Тем не менее, анализ ФЗ «О полиции» выявляет неясность в определении случаев, когда сотрудник должен руководствоваться не только административными, но и уголовными нормами. Это сохраняет риски двойственного толкования действий сотрудников, снижая эффективность правоохранительной деятельности и доверие к институтам власти [7].

Федеральный закон «О полиции» регулирует применение силы сотрудниками ОВД, однако правомерность таких действий требует учета норм Уголовного кодекса РФ (глава 8), которые устанавливают обстоятельства, исключающие преступность деяния. Отсутствие прямых отсылок в ФЗ «О полиции» к уголовно-правовым институтам создает правовые коллизии. Например, применение огнестрельного оружия в рамках необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) формально подпадает под ст. 23 ФЗ «О полиции», но оценка его правомерности осуществляется через призму уголовного законодательства. При этом требование минимизации вреда (ч. 3 ст. 19 ФЗ) может противоречить принципу соразмерности защиты по УК РФ.

Ключевая проблема заключается в двойственности правовых режимов. При пресечении административных правонарушений сотрудник обязан минимизировать вред, учитывая характер угрозы и оперативную обстановку. В случае противодействия преступлениям допустимо причинение вреда, соразмерного степени опасности, без обязательного снижения ущерба. Это противоречие осложняет оценку действий сотрудников, создавая риски правовой неопределенности: даже при соблюдении административных норм возможны обвинения в превышении полномочий (ст. 286 УК РФ). Решением могла бы стать законодательная гармонизация, например, внесение в ФЗ «О полиции» прямых отсылок к ст. 37–39 УК РФ для устранения двойных стандартов.

Применение огнестрельного оружия регулируется межотраслевыми нормами, объединяющими конституционные, гражданские, уголовные и административные принципы. Конституция РФ (ст. 2, 18, 55) закрепляет базовые гарантии защиты прав личности и соразмерности действий государства, что формирует общие рамки для использования силы. Гражданский кодекс (ст. 1069) регулирует компенсацию вреда, причиненного незаконными действиями сотрудников, а уголовное право (ст. 286 УК РФ) устанавливает ответственность за злоупотребление должностными полномочиями [8]. Профессиональные стандарты, включая огневую подготовку и технику безопасности, обеспечиваются административными регламентами, такими как Приказ МВД России № 44 от 02.02.2024.) [9].

Правомерность применения огнестрельного оружия сотрудником ОВД зависит от соблюдения взаимосвязанных требований: соответствия действий основаниям и порядку, установленным ФЗ «О полиции»; соблюдения критериев соразмерности и обоснованности вреда по УК РФ; учета конституционных гарантий прав граждан; наличия специальной подготовки, подтвержденной ведомственными актами. Только синтез указанных элементов обеспечивает законность применения силы, минимизируя риски дисциплинарной, гражданско-правовой или уголовной ответственности сотрудника. Системный характер регулирования подчеркивает необходимость непрерывного совершенствования нормативной базы и профессионального обучения, направленного на гармонизацию правоохранительных задач и защиты прав личности [10].

Правовой режим ношения и применения табельного и наградного огнестрельного оружия сотрудниками полиции регулируется ведомственными регламентами (например, Приказ МВД № 650) и федеральным законодательством. Табельное оружие закрепляется за сотрудниками в зависимости от должностных обязанностей (патрульно-постовая служба, спецподразделения и т.д.). Наградное оружие, вручаемое по ст. 20.1 ФЗ «Об оружии», разрешено применять наравне с табельным, но только в случаях, предусмотренных ст. 23 ФЗ «О полиции»: пресечение преступлений, нейтрализация вооруженного сопротивления, защита граждан.

Ключевые условия правомерности: соблюдение принципов соразмерности, своевременности и отсутствия альтернатив (ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции»); минимизация вреда с учетом характера угрозы. Нарушение требований влечет ответственность: дисциплинарную, гражданскую (ст. 1069 ГК РФ) или уголовную (ст. 286 УК РФ – превышение полномочий) [11].

Система регулирования подчеркивает необходимость профессиональной подготовки сотрудников, включая освоение навыков безопасного обращения с оружием. Программы обучения, утвержденные Приказом МВД России № 44 от 02.02.2024, предусматривают огневую подготовку и отработку тактических сценариев, что способствует снижению рисков неправомерного использования силы [12].

Проведенный анализ нормативно-правовой базы, регулирующей применение специальных мер административного пресечения сотрудниками органов внутренних дел, свидетельствует о сложной многоуровневой системе правового регулирования данного вопроса. Законода-

тельство детально регулирует основания, порядок и пределы применения силы, акцентируя принцип соразмерности и обязательную фиксацию каждого случая для защиты прав граждан. Однако правоприменительная практика сталкивается с проблемами: неоднозначность формулировок в нормах и недостаточная эффективность механизмов контроля требуют совершенствования законодательства.

Список литературы:

1 Анискина, Н.В. Особенности административного принуждения в уголовно-исполнительной системе // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 12 (187). С. 9-15.

2. Смолев, С.М. Неправомерное применение огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов / С. М. Смолев, С. Е. Аминев // Актуальные проблемы совершенствования огневой подготовки в уголовно-исполнительной системе: Сборник материалов Международного научно-практического семинара, Рязань, 26 марта 2020 года / Под общей редакцией С.М. Смолева. Рязань, 2020. С. 9.

3. Струганов, С.М. Проблематика административного и уголовного законодательства, связанная с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в случаях необходимой обороны и крайней необходимости / С.М. Струганов, О.С. Панова, Э.Э. Кугно // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1(23). С. 89.

4. Сивкова, К.А. Проблемы применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций / К А. Сивкова // Марафон знаний: Сборник научных трудов по итогам комплекса научных мероприятий, Новокузнецк, 01–05 апреля 2024 года. Новокузнецк, 2024. С. 62.

5. Хажироков, В.А. Пределы правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия / В.А. Хажироков // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 139.

6. Ярцева, В.Е. Меры административного пресечения как форма государственного принуждения / Ярцева В.Е. // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 50-6. С. 48.

7. Каплунов, А.И. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика: монография / А.И. Каплунов. Спб., 2018. С. 27.

8. Российская Федерация. Конституция (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.

9. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 (Зарегистрировано в Минюсте России 12.03.2024 № 77488) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 13.03.2024.

10. Безгачев, Ф.В. Проблемы применения специальных средств в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / Ф.В. Безгачев // E-Scio. 2022. № 12 (75). С. 436.

11. Алексеев, Ю.Г. Меры по совершенствованию применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия / Ю.Г. Алексеев // В сборнике: Юридические науки как основа формирования правовой культуры современного человека. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2018. С. 8.

12. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 (Зарегистрировано в Минюсте России 12.03.2024 № 77488) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 13.03.2024.

References:

1 Aniskina, N.V. Features of administrative coercion in the penal enforcement system // Vedomosti of the penal enforcement system. 2017. No. 12 (187). pp. 9-15.

2. Smolev, S.M. Unlawful use of firearms by law enforcement officers / S. M. Smolev, S. E. Aminev // Current problems of improving fire training in the penal enforcement system: Proceedings of the International Scientific and Practical Seminar, Ryazan, March 26, 2020 year / Under the general editorship of S.M. Smolev. Ryazan, 2020. p. 9.

3. Struganov, S.M. The problems of administrative and criminal legislation related to the use of physical force, special means and firearms in cases of necessary defense and extreme necessity / S.M. Struganov, O.S. Panova, E.E. Kugno // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1(23). p. 89.

4. Sivkova, K.A. Problems of the use of physical force, special means and firearms by employees of penal institutions / K. A. Sivkova // Marathon of knowledge: Collection of scientific papers based on the results of a complex of scientific events, Novokuznetsk, April 01-05, 2024. Novokuznetsk, 2024. p. 62.

5. Khazhirokov, V.A. The limits of the legality of the use of physical force, special means and firearms by police officers / V.A. Khazhirokov // Gaps in Russian legislation. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 139.

6. Yartseva, V.E. Measures of administrative restraint as a form of state coercion / Yartseva V.E. // Trends in the development of science and education. 2019. No. 50-6. p. 48.

7. Kaplunov, A.I. The use of firearms by police officers: legislation, theory and practice: a monograph / A.I. Kaplunov. Spb., 2018. p. 27.

8. Russian Federation. The Constitution (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.

9. On approval of the Procedure for organizing personnel training for positions in the internal Affairs bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.02.2024 No. 44 (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 12.03.2024 No. 77488) // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 03/13/2024.

10. Bezgachev, F.V. Problems of the use of special means in the activities of internal affairs bodies Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation / F.V. Bezgachev // E-Scio. 2022. No. 12 (75). p. 436.

11. Alekseev, Yu.G. Measures to improve the use of physical force, special means and firearms by police officers / Yu.G. Alekseev // In the collection: Legal sciences as the basis for the formation of the legal culture of a modern person. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference. 2018. p. 8.

12. On approval of the Procedure for organizing personnel training for positions in the internal Affairs bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.02.2024 No. 44 (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 12.03.2024 No. 77488) // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 03/13/2024.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_348
УДК 349.6

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
FEATURES OF IMPLEMENTING THE LEGAL MECHANISM FOR ENSURING CITIZENS' RIGHTS IN THE FIELD OF NATURAL RESOURCES MANAGEMEN

ГЛУШКО Ольга Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права,
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: angelkolieva@mail.ru;

GLUSHKO Olga Alexandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law,
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: angelkolieva@mail.ru

Краткая аннотация. *В данной статье рассматриваются особенности правового регулирования прав граждан в сфере природопользования, находящихся в различных источниках экологического законодательства, а так же проблемы реализации прав граждан в области природопользования, которое не имеет реального механизма реализации защиты этих прав.*

Abstract. *This article examines the features of legal regulation of citizens' rights in the field of environmental management, which are found in various sources of environmental legislation, as well as the problems of implementing citizens' rights in the field of environmental management, which does not have a real mechanism for protecting these rights.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, природопользование, природоохранное законодательство, права граждан, охрана окружающей среды.*

Keywords: *legal regulation, environmental management, environmental legislation, citizens' rights, and environmental protection.*

Для цитирования: *Глушко О.А. Особенности реализации правового механизма обеспечения прав граждан в сфере природопользования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 348-350. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_348.*

For citation*: Glushko O.A. Features of implementing the legal mechanism for ensuring citizens' rights in the field of natural resources managemen // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 348-350. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_348.*

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Современное природоохранное законодательство обоснованно рассматривается в качестве самостоятельной подотрасли экологического права, охватывающей систему общественных отношений, возникающих в процессе рационального распределения, использования и охраны природных ресурсов. Оно обеспечивает юридическое оформление механизмов, направленных на устойчивое взаимодействие человека с природной средой [1,с.36].

Следует четко разграничивать понятия «охрана окружающей среды» и «природопользование», несмотря на их очевидную взаимосвязь. Под охраной окружающей среды следует понимать совокупность мер, направленных на предотвращение негативного воздействия хозяйственной деятельности, сохранение природного равновесия, воспроизводство экологических систем и поддержание биосферного потенциала. Ее главной задачей является защита и воспроизводство биоразнообразия, обеспечение экологической устойчивости среды обитания и условий жизни населения[2,с.189]. В свою очередь, природопользование представляет собой регулируемое правом использование природных ресурсов (земельных участков, водных объектов, лесных массивов, минерально-сырьевых запасов и иных компонентов природы) с целью удовлетворения экономических, социальных и иных потребностей. Это понятие, как правило, отражает прикладной и производственный вектор взаимодействия с окружающей средой [3,с.36].

Существенным отличием охраны окружающей среды от природопользования является временной горизонт воздействия: первая ориентирована на долгосрочные экологические приоритеты и предотвращение необратимых изменений в экосистемах, тогда как второе в отсутствие механизмов устойчивого развития может носить преимущественно краткосрочный, ресурсно-ориентированный характер.

Нормативная регламентация прав граждан в сфере охраны окружающей среды преимущественно содержится в Основном законе – Конституции Российской Федерации – и в Федеральном законе «Об охране окружающей среды». В то время как нормы, регулирующие отношения в области природопользования, рассредоточены по отраслевым кодексам и специальным законам (например, Водный, Лесной кодексы, Закон «О животном мире» и др.).

Согласно подходу М.М. Бринчука, экологические права, относящиеся к природопользованию, подразделяются на две категории: 1) основные, неотчуждаемые права, и 2) производные (иные) права. К числу основных отнесены права на благоприятную окружающую среду, на владение землей и другими природными ресурсами, на получение полной и достоверной экологической информации, а также на возмещение вреда, причиненного экологическими правонарушениями. К иным правам отнесены различные виды специальных прав – на охоту, рыболовство, пребывание в лесах и пр., зафиксированные в специальных нормативных правовых актах[4,с.27]

Важной характеристикой экологических прав является их способность к расширению в результате «экологизации» смежных отраслей права. Гражданам предоставляется возможность реализовывать соответствующие правомочия как в рамках природоохранного законодательства, так и посредством применения экологически значимых норм земельного, водного, лесного и иного природоресурсного законодательства.

Однако на практике унификация понятийного аппарата, используемого в различных нормативных правовых актах, все еще не достиг-

нута. Несмотря на введение новых дефиниций Федеральным законом «Об охране окружающей среды», в законодательстве, регулирующем доступ к отдельным видам природных ресурсов, сохраняется разнородность и терминологическая несогласованность. Особенно явно это проявляется в правовом регулировании, касающемся недропользования [5,с.223]

Для иллюстрации указанного противоречия можно обратиться к следующим примерам. В Водном кодексе РФ, согласно п. 17 ст. 1, под охраной водных объектов понимается совокупность мероприятий, направленных на их сохранение и восстановление. В ст. 55 того же акта закреплены меры по предотвращению загрязнения, засорения и истощения водных ресурсов, а также обязанности по ликвидации последствий негативного воздействия [6] . Лесной кодекс РФ (ст. 51) определяет задачи по охране лесов от воздействия вредных факторов: пожаров, загрязнений, включая радиоактивные, и иных деструктивных воздействий. В ст. 61 ЛК РФ перечислены мероприятия по воспроизводству лесов, включая лесовосстановление, лесоразведение и уход за лесными угодьями[7].

Федеральный закон № 52-ФЗ «О животном мире» в ст. 1 дает определение охраны объектов фауны, трактуя ее как деятельность, направленную на обеспечение сохранения биологического разнообразия, устойчивого существования популяций и условий для воспроизводства видов. Конкретизация мер по охране и рациональному использованию животного мира представлена в третьей главе указанного закона, а также в ряде подзаконных актов. [8]

Таким образом, несмотря на наличие обширной нормативной базы, законодательство об охране природных ресурсов продолжает нуждаться в более четкой терминологической согласованности, обеспечивающей системное и непротиворечивое регулирование в области охраны окружающей среды и природопользования. Решение данной проблемы является необходимым условием для повышения эффективности реализации экологических прав и построения целостной системы эколого-правовых отношений.

В Федеральном законе «О недрах» от 21 февраля 1992 г. № 2395-I отсутствует терминологическое закрепление понятий «сохранение» и «восстановление» недр[9]». Вместо этого в нормативном акте применяется категория «воспроизводство минерально-сырьевой базы», имеющая отличную от традиционного понимания «воспроизводства» смысловую нагрузку. В данном контексте под воспроизводством понимается комплекс мероприятий по геологоразведке и оценке ресурсного потенциала перспективных территорий, включая континентальный шельф, внутренние морские воды, дно Мирового океана, арктическую и антарктическую зоны. Сюда же относится выявление и инвентаризация нераспределенного фонда недр как в освоенных, так и в новых районах страны с целью последующего пополнения запасов минерального сырья.

Если рассматривать категорию «экологической безопасности» в сравнении с «охраной окружающей среды», то в российском законодательстве лишь в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» содержится ее правовая дефиниция. В соответствии с ней под экологической безопасностью понимается состояние защищенности окружающей среды и жизненно значимых интересов граждан от вредного воздействия антропогенной и иной деятельности, в том числе чрезвычайных ситуаций как техногенного, так и природного происхождения.

Тем не менее, до настоящего времени в научной теории экологического права, в законодательной практике горных правоотношений отсутствует единое, системно закрепленное понимание содержания экологической безопасности, особенно в аспекте рационального недропользования.

Согласие вызывает мнение Н.Г. Жаворонковой и Ю.Г. Шпаковского, согласно которому обеспечение экологической безопасности неразрывно связано с соблюдением экологических нормативов при размещении, эксплуатации и выводе из эксплуатации объектов, обладающих потенциальной или фактической экологической опасностью. К числу таких объектов относятся в том числе предприятия, использующие опасные вещества, биологически активные организмы, радиоактивные материалы и осуществляющие генно-инженерную деятельность[10,с.68]

Правовое обеспечение прав граждан в сфере природопользования характеризуется рядом особенностей, выделяющих его из общей системы реализации субъективных прав. В первую очередь, в российском законодательстве закреплены специализированные правовые конструкции, определяющие содержание и порядок осуществления прав граждан на пользование природными ресурсами, включая землю, леса, водные объекты и недра. Эти нормы содержатся в отраслевых законах, регламентирующих условия предоставления и использования соответствующих ресурсов.

Кроме того, в ряде случаев реализация права на природопользование сопряжена с обязательным получением лицензий или разрешений, что позволяет органам публичной власти осуществлять контроль за экологической допустимостью хозяйственной деятельности. Так, при недропользовании действует лицензируемый режим доступа к ресурсам, а предоставление земельных участков возможно как по итогам конкурентных процедур, так и без торгов, при наличии обоснованных обращений со стороны заинтересованных граждан в рамках административных процедур.

Также важно отметить, что предусмотрены правовые гарантии защиты интересов коренных малочисленных народов в вопросах традиционного природопользования. Для представителей народов Севера, Сибири и Дальнего Востока установлены особые режимы доступа к водным и биологическим ресурсам, включая предоставление рыболовных участков либо возможность ведения рыболовства без их выделения.

Дополнительно следует отметить, что отдельные природные ресурсы и объекты подлежат специфической правовой охране. Показательным является прецедент, рассмотренный Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ: по инициативе прокуратуры была установлена незаконная свалка на землях сельскохозяйственного назначения в Буденновском муниципальном округе [11]

Требование о ликвидации объекта размещения отходов в шестимесячный срок было поддержано судом первой инстанции и впоследствии подтверждено судами апелляционной и кассационной инстанций. При этом Верховный Суд указал на ошибочное применение норм материального и процессуального права: устранение несанкционированных свалок, по позиции Конституционного Суда РФ, должно осуществляться не за счет местных бюджетов, а с привлечением средств федерального и регионального уровня. Вместе с тем Верховный Суд указал, что ответственность в конкретных случаях может быть возложена на собственников земельных участков.

Наконец, восстановление нарушенных прав в области природопользования реализуется посредством специальных процедур. Приме-

ром служит обращение прокурора Шарканского района Удмуртской Республики в интересах государства с иском к гражданам, допустившим незаконную рубку лесных насаждений на территории Шарканского лесничества. В соответствии с ч. 2 ст. 11 Лесного кодекса РФ, граждане обязаны соблюдать нормативы в области лесопользования, включая правила пожарной и санитарной безопасности, лесовосстановления и ухода за лесными массивами[12]. Суд удовлетворил иск, обязав ответчиков провести рекультивационные мероприятия и устранить последствия нарушения.

Таким образом, действующая система правового регулирования в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования характеризуется фрагментарностью, что требует дальнейшего совершенствования как в области нормативного регулирования, так и в аспекте судебной практики. Формирование единой концепции экологической безопасности и укрепление правовых основ устойчивого природопользования являются приоритетными задачами современного экологического права.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 23.1 Лесного кодекса Российской Федерации, деятельность, связанная с вырубкой древесных насаждений, регулируется совокупностью нормативных актов, в числе которых: правила заготовки древесины, санитарной и пожарной безопасности в лесах, ухода за лесным фондом и восстановления лесов. Эти правила формируют правовую основу устойчивого и контролируемого лесопользования. Кроме того, в соответствии с ч. 6 ст. 23.2 ЛК РФ, завершающий этап лесозаготовительных мероприятий включает в себя обязательные работы по расчистке вырубленных участков и ликвидации объектов лесной инфраструктуры.

Правовая обязанность по возмещению ущерба, причиненного лесным экосистемам и природным компонентам, закреплена в ст. 100 Лесного кодекса. Согласно ей, лица, нарушившие требования лесного законодательства, обязаны компенсировать причиненный вред как на добровольной основе, так и по решению суда. Наряду с этим, ч. 2 ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды» устанавливает, что восстановление нарушенного состояния природной среды может быть возложено на ответчика в судебном порядке, при этом финансирование соответствующих работ осуществляется за его счет в соответствии с утвержденным проектом экологической реабилитации. Рационализация природопользования имеет важнейшее значение для правового регулирования в экологической сфере. Она предполагает не только справедливое распределение прав на использование природных ресурсов, но и их неотделимую связь с обязанностью по охране, восстановлению и сохранению окружающей среды. Это обеспечивает баланс между эксплуатацией ресурсов и необходимостью их воспроизводства, предотвращая деградацию и истощение природных систем.

Современные правовые механизмы в области природопользования включают лицензирование, квотирование, установление лимитов и разрешительных процедур, что позволяет регулировать объемы использования таких ресурсов, как леса, водные объекты, недра и иные элементы природы. Эти меры направлены на предотвращение чрезмерной антропогенной нагрузки и защиту уязвимых экосистем. Правовые ограничения, налагаемые на природопользование, варьируются в зависимости от уровня воздействия на окружающую среду. Так, к примеру, использование земель сельскохозяйственного назначения подлежит соблюдению строгих экологических регламентов, направленных на минимизацию последствий аграрной деятельности для почв и водных ресурсов.

Таким образом, правовое регулирование в сфере природопользования служит инструментом не только для организации доступа к ресурсам, но и для обеспечения экологической устойчивости, сохраняя интересы как общества в целом, так и будущих поколений.

Список литературы:

1. Астафьева, О.Е., Экологические основы природопользования: учебник для среднего профессионального образования/ О.Е. Астафьева, А.А. Авраменко, А.В. Питрюк.— 2-е изд., испр. и доп.— Москва : Издательство Юрайт, 2025.— 376с.

2 Боголюбов, С.А. Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды: учебник и практикум для вузов/ С.А. Боголюбов, Е.А. Позднякова.— 5-е изд., перераб. и доп.— Москва: Издательство Юрайт, 2025.— 479с.

3.Быковский, В.К. Правовые и организационные основы государственного управления лесами: учебник и практикум для среднего профессионального образования/ В.К. Быковский; ответственный редактор Н.Г. Жаворонкова.— 8-е изд., перераб. и доп.— Москва: Издательство Юрайт, 2025.— 251с.

4. Велиева Д.С. Конституционно-правовые основы экологической безопасности в Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.02 / Велиева Джамила Сейфаддин ; [Поволж. акад. гос. службы им. П. А. Столыпина] ; Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. - Саратов, 2011. - 50 с.

5. Агафонов В.Б., Игнатьев Д.А. Особенности понятийного аппарата охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности при пользовании недрами в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран. Актуальные проблемы российского права. 2018;(5): С.221-238.

6. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ //Собрании законодательства Российской Федерации от 5 июня 2006 г. № 23 ст. 2381

7. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Парламентская газета от 14 декабря 2006 г. № 209

8. О животном мире: Федеральный закон от 24.04.1995 (ред. от 01.12.2024) № 52-ФЗ // СЗ РФ от 24 апреля 1995 г. № 17 ст.1462

9. О недрах: Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-I // Российская газета от 5 мая 1992 г. № 102

10. Жаворонкова Н.Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации : монография / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский ; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский государственный юридический ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2017. - 155 с.

11.Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2024 г. № 19-КАД24-10-К5 // СПС «Гарант».

12. Решение Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 15 ноября 2024 г. по делу № 2-1842/2024 // СПС «Гарант».

References:

1. Astafieva, O.E., Ecological foundations of nature management: a textbook for secondary vocational education/ O.E. Astafieva, A.A. Avramenko, A.V. Pitryuk.— 2nd ed., ispr. and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 376c.

2 Bogolyubov, S.A. Legal foundations of nature management and environmental protection: textbook and workshop for universities/ S.A. Bogolyubov, E.A. Pozdnyakova.— 5th ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 479c.

3.Bykovsky, V.K. Legal and organizational foundations of state forest management: textbook and workshop for secondary vocational education/ V.K. Bykovsky; executive editor N.G. Zhavoronkova.— 8th ed., revised and add.— Moscow: Yurait Publishing House, 2025.— 251c.

4. Veliyeva D.S. Constitutional and legal foundations of environmental safety in the Russian Federation : abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law : specialty 12.00.02 / Veliyeva D.S.; [Volga Region. P.A. Stolypin Academy of State Service] ; Place of protection: Sarat. State University named after N. G. Chernyshevsky. - Saratov, 2011. 50 p.

5. Agafonov V.B., Ignatiev D.A. Features of the conceptual framework for environmental protection and ensuring environmental safety in the use of mineral resources in the legislation of the Russian Federation and foreign countries. Actual problems of Russian law. 2018;(5): pp.221-238.

6. Water Code of the Russian Federation No. 74-FZ dated June 3, 2006 //The Collection of Legislation of the Russian Federation dated June 5, 2006, No. 23, Article 2381

7. Forest Code of the Russian Federation No. 200-FZ dated December 4, 2006 // Parliamentary Gazette No. 209 dated December 14, 2006

8. On wildlife: Federal Law No. 52-FZ dated 04/24/1995 (as amended on 12/01/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation dated April 24, 1995, No. 17, Article 1462

9. On subsoil: Law of the Russian Federation dated February 21, 1992, No. 2395-I // Rossiyskaya Gazeta dated May 5 1992, No. 102

10. Zhavoronkova N.G. Legal provision of environmental safety in the context of economic integration of the Russian Federation : a monograph / N. G. Zhavoronkova, Yu. G. Shpakovsky ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA). Moscow : Prospekt Publ., 2017. 155 p.

11. Cassation ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 23, 2024 No. 19-KAD24-10-K5 // SPS "Garant".

12. The decision of the Votkinsk District Court of the Udmurt Republic dated November 15, 2024 in case no. 2-1842/2024 // SPS "Garant".

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_351

УДК 351.74

КАДРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ
HR TECHNOLOGIES AS A MEANS OF ENSURING STATE PERSONNEL POLICY

КОФТИНА Юлия Николаевна,
Доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами
Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.
E-mail: Yulenka1979@mail.ru;

KOFTINA Yulia Nikolaevna,
Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of work with Personnel
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8 building 1.
E-mail: Yulenka1979@mail.ru

Краткая аннотация: *Кадровая политика является одним из ключевых факторов успешной деятельности любого государственного органа, в том числе и органов внутренних дел Российской Федерации. Эффективность функционирования МВД России зависит от профессионального уровня сотрудников, их способности быстро адаптироваться к изменениям обстановки и качественно решать поставленные перед ними задачи. Однако, существующие кадровые технологии в органах внутренних дел нуждаются в совершенствовании, учитывая возрастающую сложность задач, изменения в социальной сфере и появление новых угроз. Современные условия требуют постоянного совершенствования подходов к управлению человеческими ресурсами, внедрения новых технологий и методик работы с кадрами.*

Abstract: *Personnel policy is one of the key factors for the successful operation of any government agency, including the internal affairs bodies of the Russian Federation. The effectiveness of the functioning of the Ministry of Internal Affairs of Russia depends on the professional level of employees, their ability to quickly adapt to changes in the situation and efficiently solve the tasks assigned to them. However, the existing personnel technologies in the internal affairs bodies need to be improved, given the increasing complexity of tasks, changes in the social sphere and the emergence of new threats. Modern conditions require constant improvement of approaches to human resource management, the introduction of new technologies and methods of working with personnel.*

Ключевые слова: *государственная служба, государственная кадровая политика, кадровое обеспечение, современные кадровые технологии, органы внутренних дел.*

Keywords: *civil service, state personnel policy, human resources, modern cadre technologies, internal affairs agencies.*

Для цитирования: *Кофтина Ю.М. Кадровые технологии как средства обеспечения государственной кадровой политики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 351-354. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_351.*

For citation*: Koftina Yu.N. HR technologies as a means of ensuring state personnel policy // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 351-354. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_351.*

Статья поступила в редакцию: 07.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Современное развитие юридической, социологической и управленческой науки демонстрирует возрастающий интерес к обеспечению и реализации государственной кадровой политики. При этом, достижение ее стратегических целей невозможно обеспечить без использования кадровых технологий, которые направлены на оптимизацию процессов кадрового обеспечения и более устойчивого функционирования государственного аппарата.

Кадровые технологии – это совокупность методов и инструментов, позволяющих управлять качественными (наполнение штата необходимым количеством специалистов) и количественными (развитие профессиональных компетенций) характеристиками персонала.

Анализируя особенности кадровых технологий, можно выделить их интегрированный характер, объединяющий отбор, адаптацию, мотивацию, непрерывное профессиональное развитие сотрудников. Также следует отметить, что кадровые технологии представляют собой не единичные решения, а комплекс методов, направленных на создание возможностей профессионального роста и повышения квалификации.

С определенной долей условности, возможно обозначить три группы кадровых технологий, используемых в управлении персоналом на государственной службе [2, с. 80].

1. Технологии, направленные на сбор и анализ полной, достоверной информации о сотрудниках. Методы оценки обеспечивают всесторонний анализ как профессиональных, так и личностных качеств. Объективность и прозрачность в принятии решений относительно назначения, продвижения и обучения персонала обеспечивается именно благодаря таким технологиям, что способствует формированию эффективной кадровой политики.

2. Вторая группа кадровых технологий направлена на обеспечение количественных и качественных характеристик персонала, соответствующих как текущим, так и долгосрочным потребностям организации. К ним относятся процессы отбора, кадрового планирования, формирования кадрового резерва, а также развития профессиональных навыков сотрудников. Постоянное повышение квалификации сотрудников становится основой для обеспечения соответствия высоким стандартам государственной службы.

3. Третья группа кадровых технологий ориентирована на поиск максимально результативного учета потенциала как отдельных сотрудников, так и коллектива в целом. С помощью таких технологий создаются условия для профессионального и личностного роста, повышения служебной мотивации. В частности, с помощью ротации кадров возможно предотвращение профессионального выгорания, постоянное об-

новление профессиональных навыков. Управление карьерой мотивирует специалистов стремиться к профессиональному росту, что в конечном итоге приводит к увеличению общей эффективности государственной службы и более качественному выполнению поставленных задач.

Представляет научный интерес классификация кадровых технологий, предложенная профессором А.И. Турчиновым. Благодаря своей целостности и эффективности, она направлена на достижение нескольких задач: сбор персональной информации; определение необходимых характеристик кадрового состава; обеспечение использования возможностей персонала. Данный подход основывается на трёх группах кадровых технологий, каждая выполняет свою специфическую роль, но при этом они функционируют в неразрывной взаимосвязи.

Оценка персонала позволяет выявить уровень соответствия сотрудников замещаемым должностям, определить их сильные стороны и выявить требующие развития направления.

Второй важный компонент системы – отбор персонала, который шире простого набора новых сотрудников. Он включает в себя всестороннюю оценку кандидатов, чтобы выбрать тех, кто максимально соответствует требованиям как по профессиональным, так и по личностным качествам.

Управление карьерным ростом сотрудников в системе государственной службы также играет значительную роль в поддержании высокого уровня мотивации и профессионального развития. Осуществляется мониторинг навыков и компетенций работников, а также прогнозирование их будущих возможностей, создание индивидуальных планов карьерного роста.

Важно отметить, что продуманная и высокоэффективная система оценки персонала государственной службы позволяет выполнять ряд важных социальных функций:

- снижать конфликты в коллективах, а также способствовать созданию благоприятных социально-психологических отношений между сотрудниками, руководителем и подчиненными;
- стимулировать работу персонала;
- устанавливать справедливое соотношение между количеством и качеством труда и денежным содержанием государственного служащего;
- получать информацию об уровне профессионального развития персонала государственной службы;
- наблюдать динамику изменения оцениваемых показателей и производить сравнение по группам должностей, структурным подразделениям.

На сегодняшний день действует несколько форм оценки государственных служащих, установленных на законодательном уровне. Основными являются:

- конкурс на замещение вакантных должностей;
- аттестация;
- квалификационные экзамены;
- испытательный срок при поступлении на государственную службу.

На наш взгляд, аттестация является незаменимым элементом кадровой политики, наиболее действенным и проверенным способом оценки профессиональных качеств сотрудников. Ее проведение стимулирует развитие профессиональных навыков, способствует карьерному росту.

Термин «аттестация» происходит от латинского слова, означающего «свидетельство», что в полной мере отражает его суть как процесса оценки уровня квалификации работника. Аттестация направлена на характеристику и анализ профессиональных знаний, навыков и достижений сотрудника, что позволяет объективно оценить его соответствие замещаемой должности. При этом, она позволяет выявить и возможности дальнейшего профессионального роста.

Примечательно, что, несмотря на широкое использование понятия «аттестация» в нормативных правовых актах, оно не имеет чёткого правового определения в российском законодательстве. Тем не менее, этот пробел восполняется доктриной права, а исследователями аттестация рассматривается как средство достижения целей государственной службы, среди которых выделяются повышение её эффективности, развитие кадрового потенциала и обеспечение объективной и справедливой оценки труда государственных служащих [9, с. 125].

Профессор Ю.Н. Старилов указывает, что аттестация государственных служащих представляет собой работу аттестационной комиссии, направленную на определение уровня соответствия занимаемой должности.

Следует отметить, что вопрос о правовой природе аттестации нередко вызывает споры среди специалистов [8, с. 311]. Существуют различные мнения о том, как правильно разграничивать такие категории, как «административная процедура» и «административное производство». Исходя из этого, возникает объективная необходимость определения места аттестации в системе управления персоналом.

Применительно к аттестации сотрудников ОВД, полагаем, ее следует определять как административную процедуру, в рамках которой проводится объективная и взвешенная оценка профессионально значимых качеств и результатов деятельности сотрудников. Результаты позволяют обеспечивать эффективное распределение кадров и, следовательно, оптимальное выполнение оперативно-служебных задач, поставленных перед ОВД.

Согласно ст. 9 Федерального закона № 342-ФЗ от 30 ноября 2011 г. «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (далее – Закон о службе в ОВД), основная цель аттестации состоит в определении его соответствия замещаемой должности в органах внутренних дел [1]. Квалификационные требования к служащим включают:

- уровень образования;
- стаж работы в органах внутренних дел или по специальности;
- профессиональные знания и навыки;

- состояние здоровья, необходимое для выполнения служебных обязанностей.

Под соответствием занимаемой должности следует понимать достижение предъявляемых к ней критериев [7, с. 15].

Однако при применении кадровой процедуры в виде аттестации сотрудников ОВД, необходимо помнить о том, что законодательством предъявляются не только квалификационные требования к должности в ОВД, но и ряд требований к «личным» характеристикам сотрудника. Так, например, статья 13 Закона о службе в ОВД содержит требования к служебному поведению сотрудников, а Кодексом этики и служебного поведения сотрудников ОВД, утвержденного приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460, предъявляются этические требования к ним и т.д. Полагаем, что требования к должностям в ОВД состоят из двух блоков:

1) квалификационные требования;

2) иные требования, предусмотренные законодательством.

Не подлежит сомнению тот факт, что при проведении аттестации сотрудников ОВД на предмет соответствия должности должны оцениваться, как квалификационные требования, так и иные. В соответствии с действующим законодательством аттестация может быть двух видов.

Очередная аттестация проводится один раз в четыре года, внеочередная при возникновении фактов-событий, которые выступают основаниями для реализации рассматриваемой административной процедуры и закреплены в части 4 статьи 33 Закона о службе в ОВД. Анализ оснований для ее проведения внеочередной аттестации свидетельствует об изменении целей ее проведения.

Далее рассмотрим, квалификационный экзамен в системе государственной гражданской службы, который выполняет функцию государственной оценки уровня профессиональной подготовки и квалификации гражданского служащего, необходимого для присвоения соответствующего классного чина.

Основная цель такого экзамена заключается в объективной оценке уровня профессиональной пригодности гражданского служащего. На основе полученных результатов возможно присвоение классного чина, подтверждающего профессиональный статус.

Важно отметить, что вопросы, связанные с отбором кадров для службы в ОВД, продолжают вызывать многочисленные дискуссии. Проблема во многом обусловлена отсутствием закреплённого на законодательном уровне определения самого понятия.

Профессор А.И. Турчинов определяет, что отбор персонала представляет собой процесс поиска кандидатов на определённые должности, соответствующих установленным требованиям, с учетом особенностей деятельности в сфере государственной службы.

Связан подбор персонала с поиском и выявлением соответствия между требованиями конкретных должностей и профессиональными возможностями кандидатов, принимая во внимание их накопленный профессиональный опыт, квалификацию, стаж и личные качества. Таким образом, по нашему мнению, отбор и подбор являются неразрывными частями одного кадрового процесса, каждая из которых имеет свои особенности и задачи. Для полноценного и эффективного замещения должностей важно учитывать как квалификационные требования, так и личностные качества, позволяющие наиболее точно соответствовать требованиям службы.

Ученый М.В. Артемова в значительной мере поддерживает данную концепцию, но при этом уточняет, что подбор кадров охватывает предварительный процесс отбора потенциальных сотрудников, ориентированный на формирование кадрового резерва для последующего трудоустройства. При этом отбор, по её словам, представляет собой углубленный процесс анализа и исследования профессиональных и личных качеств кандидатов. Целью является выявление наиболее соответствующего претендента на конкретную вакантную должность.

Таким образом, можно сделать вывод, что подбор является более широким и универсальным понятием, тогда как отбор представляет собой один из его заключительных этапов, фокусирующийся на детальной проверке компетенций и характеристик уже найденных кандидатов. В конечном итоге, важно понимать, что процесс управления персоналом не может быть успешным, если ограничиться только одним из рассмотренных этапов.

С точки зрения исследователя К.А. Гаджиевой: «Отбор персонала на государственную службу представляет собой систему мероприятий, способствующих формированию такого состава государственных служащих, количественные и качественные характеристики которого отвечали бы целям и задачам государственной службы» [4, с. 499].

По мнению И.К. Макаровой, профессиональный отбор – это комплекс управленческих мероприятий, благодаря которым организация (уполномоченное должностное лицо) из нескольких кандидатов на вакантную должность выбирает одного или нескольких наиболее соответствующих имеющимся профессионально-нравственным критериям». Но здесь из процесса отбора выпадает этап поиска кандидатов на вакантную должность.

Заслуживает внимания позиция ученых И.Б. Дураковой и А.Я. Кибанова о том, что «выявление сущности отбора при найме дает основание предполагать, что этот процесс, во-первых, предопределяет позитивное эволюционное развитие предприятия; во-вторых, сфокусирован для этого на оценивании пригодности кандидатов для вакантной должности; в-третьих, представляет собой концентрированное выражение «триады ожиданий» – личности, предприятия и общества» [5, с. 301].

Таким образом, как мы уже отмечали ранее, существует два основных подхода к пониманию подбора и отбора кадров для замещения должностей государственной службы:

1) разграничение понятий подбора и отбора кадров; признание процесса подбора более широким понятием, включающим в себя ряд этапов, в том числе, и подбор кадров;

2) отождествление понятий подбора и отбора кадров, рассмотрение их в узком смысле - как изучение кандидатов, отбор из них т.д. [6, с. 158].

Далее, рассмотрим приоритетное направление кадровой политики и соответственно кадровую технологию как «кадровой резерв».

Отметим, что система управления карьерой в ОВД включает:

- выявление потребностей ОВД, организации в составе персонала и оценка его актуальных профессиональных возможностей, т.е. структуры наличного профессионального опыта персонала (модель потребностей и возможностей);
- разработку и принятие решения о карьерной стратегии организации и внедрение технологии управления карьерой в ОВД;
- выполнение принятых решений и реализацию планов карьеры персонала ОВД.

Так, формирование и использование кадрового резерва в системе государственной службы представляют собой важнейшую часть кадровой политики, способствующей обеспечению преемственности, стабильности и профессионального развития государственных органов управления. При этом формирование кадрового резерва ОВД можно рассматривать как особую форму управленческой деятельности, направленную на систематическое планирование, подбор и обучение сотрудников. Включение в кадровый резерв предполагает строгую оценку личных и профессиональных качеств сотрудников, их способность к выполнению управленческих функций, а также соблюдение норм дисциплины и законности [3, с. 73].

Необходимо учитывать, что процесс включения кандидатов в кадровый резерв должен опираться на принципы справедливости и объективности. Однако на практике наблюдается значительный недостаток в виде отсутствия единых и нормативно утверждённых методик оценки кандидатов, что нередко приводит к субъективизму в процессе отбора [6, с. 158].

Возвращаясь к кадровым технологиям в теории управления персоналом, не получивших нормативного закрепления, следует уделить внимание управлению карьерой персонала.

Современная практика управления карьерой работников основана на внедрении технологий, направленных на непосредственное содействие каждому сотруднику в его профессиональном развитии. Их целью является обеспечение условий для достижения карьерных целей, соответствующих как индивидуальным стремлениям сотрудника, так и интересам всей организации.

В ОВД представляется целесообразным создание программ развития карьеры сотрудников, которые бы формировались в результате взаимодействия кадровых подразделений, психологов и непосредственных руководителей. Такой подход обеспечивает более объективную оценку профессиональных и личностных качеств каждого сотрудника.

Подчеркнем, что преимуществом внедрения технологий управления карьерой становится снижение уровня профессионального выгорания среди сотрудников. В условиях интенсивной работы и высокой ответственности, понимание карьерных перспектив оказываются особо важными для сохранения мотивации и удовлетворенности службой.

Учитывая вышеизложенное, под кадровыми технологиями в системе управления персоналом государственной службы следует понимать средства, способы управления качественными и количественными характеристиками персонала в организации для более эффективного ее функционирования и достижения поставленных целей.

К основным, наиболее востребованным кадровым технологиям в системе управления персоналом государственной службы относятся оценка персонала; отбор персонала и управление карьерой персонала.

Организация работы по внедрению кадровых технологий в системе государственной службы, как составной части эффективного обеспечения государственной кадровой политики должна носить научно обоснованный, системный, комплексный характер. Применение кадровых технологий позволяет более объективно оценивать кадры государственной службы, возможности их должностного роста и профессионального продвижения.

Список литературы:

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
2. Бойко А.Н. Новые подходы и технологии кадрового обеспечения государственной гражданской службы // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2024. № 1. С. 80.
3. Бялт В.С. Институт кадрового резерва в органах внутренних дел // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-4. С. 73.
4. Гаджиева К.А. Проблемы привлечения и подбора государственных служащих // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2, № 5(25). С. 499.
5. Кибанов А.Я., Дуракова И.Б. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация // Учебное пособие. М. 2025. С 301.
6. Кофтина Ю.Н. Организационно-правовые вопросы замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации / Монография. Русайнс. Москва, 2022. С. 158.
7. Лебедева Н.М. Особенности и Правила осуществления аттестации сотрудников органов внутренних дел // Вестник науки и творчества. 2023. № 9(91). С. 15.
8. Лютягина Е.А. Административное право : учебник для вузов. Москва : Издательство Юрайт, 2024. С. 311.
9. Позднякова Е.В. Кадровые технологии на государственной службе в органах внутренних дел: современное состояние и перспективы развития // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2024. № 6. С. 125.

References:

1. On service in the internal Affairs bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 // SZ RF. 2011. No. 49 (part 1). Art. 7020.
2. Boyko A.N. New approaches and technologies for staffing the state civil service // Management and business administration. 2024. No. 1. p. 80.
3. Byalt V.S. Institute of personnel reserve in law enforcement agencies // Trends in the development of science and education. 2023. No. 93-4. P. 73.
4. Gadzhieva K.A. Problems of attracting and selecting civil servants // Theory of law and interstate relations. 2022. Vol. 2, No. 5(25). p. 499.
5. Kibanov A.Ya., Durakova I.B. Personnel management of an organization: strategy, marketing, internationalization // Textbook. M. 2025. From 301.
6. Koftina Yu.N. Organizational and legal issues of filling positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation Federations / Monographies. Rusains. Moscow, 2022. p. 158.
7. Lebedeva N.M. Features and Rules of certification of employees of internal affairs bodies // Bulletin of Science and Creativity. 2023. No. 9(91). p. 15.
8. Lyutyagina E.A. Administrative law : textbook for universities. Moscow : Yurait Publishing House, 2024. p. 311.
9. Pozdnyakova E.V. Personnel technologies in public service in law enforcement agencies: current state and prospects of development // Police and society: problems and prospects of interaction. 2024. No. 6. P. 125.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_355

УДК 342.9:004.8(100)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЕДУЩИХ ЮРИСДИКЦИЙ
PUBLIC LAW APPROACHES TO THE REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF LEADING JURISDICTIONS

КРАМАРОВСКИЙ Леонид Олегович,
руководитель аппарата Экспертного совета по развитию химической промышленности при Комитете Государственной Думы по промышленности и торговле, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.
Россия, г. Москва.
E-mail: kramarovskij@bk.ru;

KRAMAROVSKY Leonid Olegovich,
Head of the Office of the Expert Council for the Development of the Chemical Industry under the State Duma Committee on Industry and Trade, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.
Russia, Moscow.
E-mail: kramarovskij@bk.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается эволюция нормативного регулирования искусственного интеллекта (ИИ) от мягкого права (soft law) — этических деклараций, принципов и добровольных кодексов — к формированию жёстких юридически обязательных норм (hard law). Анализируются ключевые международные и национальные подходы (ЕС, Китай, США, Россия), отражающие тенденцию к институционализации принципов этического регулирования в законодательных и подзаконных актах. Особое внимание уделяется российскому опыту, включая развитие от Национального кодекса этики ИИ к проекту федерального закона о регулировании ИИ. На основе сравнительно-правового и доктринального анализа выявляются преимущества и ограничения как мягкого, так и жёсткого регулирования, обосновывается актуальность гибридного подхода. Делается вывод о необходимости сбалансированной нормативной модели, сочетающей гибкость soft law с обязательностью и обеспеченностью hard law для эффективного правового сопровождения развития технологий ИИ.*

Abstract: *This article examines the evolution of legal regulation of artificial intelligence (AI) from soft law — ethical declarations, principles, and voluntary codes — toward the formation of binding legal norms (hard law). The analysis focuses on key international and national approaches (EU, China, USA, and Russia), reflecting the trend toward institutionalizing ethical principles through legislation and subordinate acts. Particular attention is given to the Russian experience, including the development from the National Code of Ethics for AI to the draft federal law on AI regulation. Through comparative legal and doctrinal analysis, the article identifies the advantages and limitations of both soft and hard regulatory approaches, substantiating the relevance of a hybrid model. It concludes with the necessity for a balanced regulatory framework that combines the flexibility of soft law with the enforceability of hard law to ensure effective legal governance of AI technologies.*

Ключевые слова: *Искусственный интеллект, правовое регулирование ИИ, этические принципы и кодексы, национальный кодекс, гибридная модель регулирования, экспериментальные правовые режимы.*

Keywords: *Artificial intelligence, legal regulation of AI, ethical principles and codes, national code, hybrid regulatory model, experimental legal regimes.*

Для цитирования: *Крамаровский Л.О. Публично-правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта: сравнительно-правовой анализ ведущих юрисдикций // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 355-359. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_355.*

For citation*: Kramarovsky L.O. Public law approaches to the regulation of artificial intelligence: a comparative legal analysis of leading jurisdictions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 355-359. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_355.*

Статья поступила в редакцию: 18.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение

В условиях стремительного прогресса цифровых технологий вопросы правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) приобретают всё более важное значение. ИИ-системы уже сегодня влияют на фундаментальные сферы общественной жизни — от здравоохранения и образования до правосудия и обороны, порождая как значительные преимущества, так и серьёзные риски. Эти риски требуют чёткого правового осмысления и выработки эффективных механизмов государственного контроля.

Первоначально реакция государств и международных организаций на вызовы ИИ сводилась к принятию этических деклараций, руководящих принципов и стратегий, ориентированных на добровольное соблюдение. Такие подходы, условно обозначаемые понятием soft law, стали важной ступенью в формировании глобального нормативного дискурса вокруг ИИ. Однако по мере нарастания угроз — включая риски генеративных моделей, автоматизации принятия решений и дискриминационных алгоритмов — государства стали последовательно переходить к hard law — юридически обязательным актам, обеспечиваемым государственным принуждением.

Переход от мягких форм регулирования к жёстким прослеживается во всех правовых системах, хотя и реализуется по-разному. Европейский союз разрабатывает комплексный нормативный акт на уровне регламента (AI Act), Китай утверждает секторальные постановления и готовится к принятию закона об ИИ, Соединённые Штаты опираются на сочетание административных директив и стандартов, а в России предпринимаются шаги от этических кодексов и экспериментальных режимов к разработке специального федерального закона.

Цель настоящей статьи — исследовать правовую природу регулирования ИИ сквозь призму эволюции от soft law к hard law, обозначить сущностные различия между этими категориями, проанализировать их достоинства и недостатки, а также выявить специфику отечественно-

го и зарубежного опыта. Особое внимание уделяется доктринальному осмыслению указанных форм регулирования и их применению в контексте стремительно меняющейся техносоциальной реальности.

Эволюция регулирования ИИ: от этических деклараций к обязательным нормам

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) поставило перед обществом сложный вопрос их правового регулирования. На ранних этапах, ввиду новизны и неопределённости последствий ИИ, государственные и международные институты опирались преимущественно на мягкое право – различные декларации, принципы и этические кодексы, не имеющие юридически обязательной силы. Примерами таких актов являются международные этические руководства, например всеобщее принятие государствами-членами ЮНЕСКО в 2021 году Рекомендации по этике ИИ, которая сформулировала набор ценностей и принципов для ответственной разработки ИИ на глобальном уровне (документ носит рекомендательный, soft law, характер)[1].

Национальные правительства также разрабатывали стратегии и концепции развития ИИ, включающие этические принципы [2]. Подобные этические декларации позволяли заложить основы ответственного использования ИИ, не дожидаясь долгого процесса принятия законов. Однако по мере роста влияния ИИ и возникновения новых рисков (например, связанных с генеративными моделями в 2022–2023 гг.) возникла необходимость переходить к жёсткому праву – юридически обязательным нормам. Регуляторы во всём мире заметно активизировали усилия, стремясь «сохранить выгоды ИИ, не допустив ущерба обществу», хотя единый подход ещё не выработан.

К 2023 году сформировался явный тренд: от добровольных принципов к законодательству. Европейский союз взял на себя роль лидера: после публикации в 2019 г. принципов «достоверного ИИ» и периода обсуждения, в апреле 2021 г. был предложен проект общеевропейского регламента об ИИ (AI Act). В июне 2023 г. Европарламент одобрил свою редакцию Акта об искусственном интеллекте – первого комплексного закона о ИИ.

Ожидается, что этот регламент, основанный на подходе оценки рисков, будет окончательно принят в 2024 г. и станет прецедентом «hard law» для ИИ. Китай также перешёл от стратегий к нормативным актам: помимо национальной стратегии развития ИИ, там появились первые отраслевые регуляции – например, правила 2021 года по рекомендующим алгоритмам и постановление 2022 года о deepfake-технологиях, а в августе 2023 г. вступили в силу Временные меры по управлению генеративным ИИ. Более того, в Китае был подготовлен проект первого закона о ИИ, внесение которого в Всекитайское собрание народных представителей планировалось до конца 2023 г.

В ряде других юрисдикций переход к жёсткому регулированию происходит точечно: США до последнего времени избегали единого закона об ИИ, отдавая предпочтение soft law (таким как Нормы обеспечения надежности ИИ NIST 1.0 от 2023 г. и Хартия прав ИИ 2022 г. в виде принципов). Тем не менее, даже там начинают появляться обязательные нормы на уровне штатов и отдельных отраслей – показательным стал вступивший в силу в Нью-Йорке в июле 2023 г. первый регламент об использовании ИИ при найме персонала.

Таким образом, эволюция регулирования ИИ демонстрирует переход от этических рамок (soft law) к разработке юридически обязывающих актов (hard law) по мере осознания государствами необходимости более твёрдых гарантий ответственности.

«Soft law» и «hard law»: сущность и различия в контексте ИИ

В юридической науке под «мягким правом» обычно понимаются нормы рекомендательного характера, не обеспеченные принудительной силой государства, тогда как «жёсткое право» – это нормы, закреплённые в законодательных и иных обязательных актах, исполнение которых гарантируется мерами государственного принуждения. Применительно к сфере ИИ эти типы регулирования существенно различаются по своей природе и воздействию. Так, по замечанию Ю.Г. Арзамасова, возможны три модели регулирования ИИ: (1) «мягкая» модель – совокупность советов и принципов (этических кодексов, стандартов, руководств), (2) «жёсткая» модель – совокупность норм права, закреплённых исключительно в законах и подзаконных актах, и (3) «смешанная» модель, комбинирующая рекомендательные нормы негосударственных организаций и обязательные нормы, исходящие от государства [3]. Россия, как отмечается, изначально пошла по первому пути, приняв в 2021 г. добровольный Кодекс этики в сфере ИИ.

Каждый из подходов имеет сильные и слабые стороны. Hard law обеспечивает правовую определённость и соблюдение ответственности: юридически обязывающие нормы устанавливают чёткие правила и механизмы принудительного исполнения, создавая гарантии подотчётности и возможности правовой защиты. Это особенно важно для защиты прав граждан и обеспечения ответственности разработчиков ИИ. Кроме того, наличие единого закона повышает прозрачность требований и уравнивает условия для всех участников рынка. Вместе с тем жёсткое регулирование имеет недостатки: законодательный процесс медлителен и негибок, нормы устаревают, не успевая за стремительным развитием технологий. Слишком подробные или строгие правила могут тормозить инновации в силу своей негибкости.

Напротив, soft law характеризуется большей гибкостью и адаптивностью. Рекомендации и принципы можно относительно быстро разработать и скорректировать по мере развития самой технологии. Государства могут избирать принципиально разные подходы и экспериментировать с несколькими вариантами негосударственного регулирования, подстраивая их под нужды конкретных отраслей. Издержки на внедрение мягких норм ниже, а для добросовестных участников индустрии они зачастую приемлемы, особенно если сопровождаются стимулами к соблюдению. Однако главный минус мягкого права – необязательность: при отсутствии юридического принуждения соблюдение принципов носит выборочный характер, что приводит к их несистематическому применению и снижению эффективности.

Критические риски ИИ могут оказаться не покрыты добровольными кодексами – в случае вреда от ИИ у пострадавших нет гарантированных правовых средств защиты, поскольку нарушенные «этические принципы» формально не являются законом. Исследования показывают, что большинство инициатив soft law по ИИ страдают именно от недостатка механизмов исполнения: так, Гутьеррес и Марчант (ASU) проанализировали 634 программы «мягкого» регулирования ИИ и выяснили, что две трети из них не имеют механизмов контроля соблюдения заявленных

норм[4]. Тем не менее, авторы отмечают, что определённые косвенные методы усиления soft law (например, признание норм профессиональным сообществом, привязка к репутации, угроза ужесточения регулирования) способны повысить эффективность мягкого права.

В конечном счёте многие эксперты сходятся во мнении, что оптимальным может стать комбинированный подход, при котором мягкое право дополняет и предваряет жёсткое, позволяя оперативно вырабатывать нормы там, где законодательство ещё не успело сформироваться, и готовить основу для будущих законов.

Российская специфика: от этических принципов к законодательной инициативе

Особый интерес представляет эволюция подходов к регулированию ИИ в Российской Федерации, где за короткий срок были задействованы практически все инструменты – от деклараций и стратегий до разработки отдельного закона. Стартовой точкой стала государственная политика, стимулирующая развитие ИИ: Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 утвердил Национальную стратегию развития ИИ до 2030 года, а уже в 2020 г. Правительство приняло Концепцию развития регулирования отношений в сфере ИИ и робототехники до 2024 г. (распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р). Эти документы задавали общий вектор: создание «комфортной регуляторной среды» для внедрения ИИ при одновременном обеспечении баланса интересов личности, общества, государства и бизнеса. В частности, в Концепции 2020 г. подчёркивалось, что необходимо сочетать человеко-ориентированный подход с разработкой этических кодексов для разработчиков и пользователей ИИ – тем самым официально признавалась роль мягкого права на первом этапе. В развитие этих идей ключевые участники отрасли при поддержке государства подготовили и приняли в октябре 2021 г. Национальный кодекс этики в сфере ИИ. Подписание Кодекса состоялось на форуме «Этика ИИ: начало доверия» при участии крупнейших компаний («Яндекс», «Сбер», VK, «Ростелеком» и др.) и профильных организаций.

Кодекс этики ИИ носит рекомендательный характер и устанавливает общие нормы нравственного поведения для всех субъектов отношений в сфере ИИ – государства, бизнеса, разработчиков, пользователей. Ключевые принципы Кодекса включают приоритет защиты прав человека при разработке и использовании ИИ, персональную ответственность разработчиков за последствия работы их систем, ориентацию на использование ИИ во благо общества, а также прозрачность в раскрытии возможностей и рисков технологий. Фактически, эти принципы закрепляют фундаментальные этические ограничения («красные линии») при создании и внедрении ИИ. Кодекс регулярно актуализируется, и к 2024 году к нему присоединились уже 44 федеральных и 19 региональных органов власти, сотни российских компаний, а также десятки зарубежных организаций, что свидетельствует о широкой поддержке данного soft law-инструмента.

Параллельно Россия применила механизм регуляторных «песочниц» для стимулирования инноваций в области ИИ. В июле 2020 г. вступил в силу Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» – один из первых в мире законов, создающий правовую основу для ограниченного отступления от норм законодательства с целью апробации новых технологий. На его базе в 2021–2024 гг. Правительство РФ установило 14 экспериментальных режимов (песочниц), в рамках которых компании могут тестировать решения с ИИ в реальных условиях без риска нарушить закон (например, в сфере беспилотного транспорта, медицины, агротехники). Такой подход также относится к soft law, поскольку временно и локально смягчает действие жёстких правил ради развития технологий. Дополнительно велась активная работа по стандартизации: к началу 2025 г. утверждено 136 национальных стандартов в сфере ИИ, ещё десятки разрабатываются.

Стандарты (ГОСТы) хотя и не являются законом, но устанавливают важные технические нормы и часто служат опорой для будущего регулирования. Несмотря на все перечисленные меры мягкого характера, в России постепенно назрела потребность в комплексном законодательном акте об ИИ. В апреле 2025 г. стало известно, что рабочая группа при Правительстве подготовила проект федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта в России». Этот документ, по информации СМИ, призван стать первым фундаментальным законом в данной области. Хотя на момент подготовки главы законопроект ещё не внесён официально в Госдуму, обсуждаемые положения отражают смещение акцента к «hard law». В частности, планируется законодательно закрепить определения ключевых понятий (что такое «ИИ», «система ИИ» и др.) и ввести обязательную маркировку продуктов с ИИ. Предлагается использовать европейский риск-ориентированный подход: разделить системы ИИ по категориям риска и дифференцировать для них правовой режим. Наиболее опасные (неприемлемые) применения ИИ будут прямо запрещены к разработке и эксплуатации в РФ, для систем среднего риска введут обязательную сертификацию и государственный реестр, а для низкорисковых – добровольное соблюдение требований.

По сути, российский законодатель готовится перейти от общих принципов к императивным нормам, закрепив ответственность и государственный надзор за ИИ-системами повышенной опасности. Это знаменует важный поворот от первоначальной модели мягкого регулирования (этического самоконтроля индустрии) к смешанной модели, где добровольные кодексы дополняются жёсткими нормами законодательства. В отечественной доктрине уже начат анализ такого перехода: отмечаются плюсы прежнего гибкого подхода (способствовал ускоренному развитию отрасли) и одновременно указываются его минусы – риск пробелов в защите прав граждан и недостаточная определённость ответственности.

По мере «взросления» технологии оптимальная модель регулирования может меняться: мягкое право эффективно на начальном этапе, но затем неизбежно требуется «ожесточение» норм для предотвращения угроз и обеспечения доверия к ИИ [5]. Российский опыт демонстрирует именно такую динамику.

Международные примеры: от добровольных принципов к правовым актам

Обращаясь к опыту других стран, видно, что каждая из них ищет свой баланс между soft и hard law в сфере ИИ, исходя из национальных приоритетов и правовых традиций. Европейский Союз, как упоминалось, движется к строгому нормативному регулированию. Акт об ИИ станет прямым действующим регламентом, обязательным для всех государств-членов ЕС. Он вводит детальную градацию рисков ИИ (от недопустимого, например социальный рейтинг – запрет; через высокий – разрешён с жёсткими требованиями, как системы, влияющие на безопасность

или права граждан; до минимального, вроде рекомендательных сервисов – практически без ограничений). Для высокорисковых ИИ в ЕС предусматриваются строгие требования к качеству данных, прозрачности алгоритмов, документации, мониторингу и т. д. Такой подход существенно повышает ответственность разработчиков, фактически превращая ранее добровольные этические принципы (прозрачность, недискриминация, контроль человеком и т. п.) в юридические обязанности.

КНР, в отличие от ЕС, не публиковала отдельного «этического кодекса» от имени государства, но ещё с 2017–2019 гг. активно разрабатывала национальную стратегию ИИ и поддерживала экспертные рекомендации (в том числе Пекинские принципы ИИ 2019 г.). Уже к 2021 г. китайские регуляторы начали издавать императивные нормы по конкретным аспектам ИИ. Например, правила управления алгоритмическими рекомендациями (2021) обязали интернет-платформы обеспечивать прозрачность и возможность отказа пользователей от персонализированных рекомендаций, а Административные положения о глубоком синтезе (вступили в силу с января 2023 г.) ввели требования и запреты в отношении технологий deepfake. После мирового ажиотажа вокруг ChatGPT в 2023 г. Китай одним из первых выпустил нормативный акт, адресованный генеративным моделям – упомянутые Временные меры 2023 г., установившие правила для провайдеров таких сервисов (например, обязательная предварительная цензура сгенерированного контента на запрещённую информацию). Эти акты Китай реализует через механизм ведомственных нормативных документов, обладающих юридической силой на территории страны. Одновременно заявлено о планах принятия полноценного закона об ИИ – проект внесён в законодательный план Госсовета КНР.

Можно отметить, что китайский подход отличается жёстким государственным контролем уже на ранних этапах внедрения новых технологий, при этом власти гибко используют «пробные» регламенты (временные меры) с последующей доработкой по мере накопления практики – сочетание черт мягкого экспериментирования и жёсткого принуждения.

Соединённые Штаты Америки до недавнего времени демонстрировали скорее осторожный, либеральный подход к регулированию ИИ, опасаясь, что преждевременное жесткое вмешательство затормозит инновации. В отсутствие федерального закона рамки задавались политикой исполнительной власти и рекомендациями агентств. В октябре 2022 г. Белый дом представил «Свод принципов в области прав в эпоху ИИ» (Blueprint for an AI Bill of Rights), провозгласив пять основных принципов (безопасность и эффективность систем, защита от дискриминации, контроль человека, приватность, прозрачность) – документ носит необязательный характер, ориентирован на федеральные органы и технологические компании.

В январе 2023 г. Национальный институт стандартов и технологий (NIST) выпустил первый Руководство по управлению рисками ИИ (AI RMF 1.0) - подробный технический стандарт для организаций по оценке и минимизации рисков при создании и внедрении ИИ, также добровольный. Долгое время регулирование ИИ шло по секторам. Например, существуют правила FDA для медицинских алгоритмов, руководства Министерства транспорта по автономным автомобилям, законы штатов о конкретных применениях (как уже упомянутый закон Нью-Йорка о найме с использованием ИИ).

Широкий общественный резонанс вокруг ИИ (включая риски генеративных моделей) привёл к тому, что и в США в 2023 г. начались подвижки к более целостной политике. Так, 30 октября 2023 г. президент Дж. Байден издал Исполнительный указ № 14110 «О безопасной, надёжной и заслуживающей доверия разработке и использовании ИИ», ставший на тот момент самым всесторонним государственным актом по ИИ в США. Этот указ (имеющий силу обязательного предписания для федеральных органов власти) поручал десяткам агентств разработать новые стандарты и правила по различным аспектам ИИ – от обеспечения безопасности и проверки алгоритмов («red-teaming») до защиты персональных данных, человеческого контроля над военным ИИ и др. Кроме того, частным компаниям рекомендовано добровольно передавать результаты тестирования своих крупных ИИ-моделей государственным органам для оценки рисков.

По сути, ЕО 14110 попытался компенсировать отсутствие закона административными мерами. Однако примечательно, что смена администрации в 2025 г. привела к отмене этого указа, 20 января 2025 г. новый президент (Д. Трамп) сразу же аннулировал ряд распоряжений предшественника, включая и ЕО 14110. Такой шаг демонстрирует нестабильность регулирования, основанного лишь на актах исполнительной власти: в отличие от закона, который может быть отменён только новым законом, политика в форме executive order может кардинально измениться с приходом нового руководства страны. Тем не менее, в самих США продолжает обсуждаться вопрос о необходимости федерального закона об ИИ – ряд законопроектов внесены в Конгресс, хотя на середину 2025 г. ни один из них не принят.

Многие американские правоведы указывают, что комбинация добровольных стандартов и точечных нормативных запретов пока позволяла развивать ИИ-индустрию без излишнего давления, но дальнейший рост рисков (особенно в сфере ответственности и безопасности) может потребовать более жёсткого вмешательства государства.

Заключение

Таким образом, анализ российской и зарубежной практики показывает поступательное движение от soft law к hard law в сфере регулирования ИИ. Мягкое право сыграло важную роль на начальном этапе. Благодаря гибкости и быстроте разработки оно позволило выработать общие принципы и стандарты поведения, создать пространство для инноваций. Однако отсутствие обязательности и механизмов принуждения в soft law ограничивает его эффективность в долгосрочной перспективе, особенно когда на кону стоят права людей и общественная безопасность. Поэтому многие юрисдикции постепенно институционализируют нормы soft law, превращая их в законы и подзаконные акты. Как отмечается в зарубежных исследованиях, оптимальное регулирование ИИ должно быть «агильным» и сочетать оба инструмента, используя преимущества каждого.

На практике вероятна гибридная модель: наиболее критичные требования (безопасность, недопустимые применения, ответственность) закрепляются на уровне жёсткого законодательства, тогда как менее рискованные области могут оставаться под воздействием гибких руководящих принципов и саморегулирования.

Российский путь отражает этот глобальный тренд, проходя путь от этического кодекса к разработке закона об ИИ. Впереди — тща-

тельный выбор оптимальной комбинации норм, которая позволит, с одной стороны, обеспечить развитие инноваций, а с другой — эффективную защиту прав граждан и интересов общества в эпоху искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Gutiérrez, C. I., & Marchant, G. E. Soft Law 2.0: An Agile and Effective Governance Approach for Artificial Intelligence // Minn. J. Law, Sci. & Technol.. 2023. Vol. 24, no 2.
2. Васякина, Е. В. Правовое регулирование ИИ в России и зарубежных странах: от этики к новой парадигме // Юридический мир. 2023. № 11. С. 49–53.
3. Арзамасов Ю. Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 133–148
4. Гутеррес К. И., Марчант Г. Е. A Global Perspective of Soft Law Programs for the Governance of Artificial Intelligence // Brookings. 2021.
5. Филипова И. А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 9. — С. 119–130.
6. Базаркин Д.Ю., Пашенцев Е.Н., Михалевич Е.А. Регулирование рисков, связанных со злонамеренным использованием искусственного интеллекта в США, ЕС и Китае // Современная Европа. 2024. № 6. С. 156-167.

References:

1. Gutiérrez, C. I., & Marchant, G. E. Soft Law 2.0: An Agile and Effective Governance Approach for Artificial Intelligence // Minn. J. Law, Sci. & Technol.. 2023. Vol. 24, no 2.
2. Vasyakina, E. V. Legal regulation of AI in Russia and foreign countries: from ethics to a new paradigm // Legal World. 2023. No. 11. pp. 49-53.
3. Arzamasov Yu. G. Optimal model of legal regulation in the field of artificial intelligence // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 2 (53). pp. 133-148
4. Guterres K. I., Marchant G. E. A Global Perspective of Soft Law Programs for the Governance of Artificial Intelligence // Brookings. 2021.
5. Filipova I. A. Artificial intelligence and neurotechnology: needs for constitutional and legal regulation // Lex russica. — 2021. — Vol. 74. — No. 9. — pp. 119-130.
6. Bazarkin D.Yu., Pashentsev E.N., Mikhalevich E.A. Regulation of risks associated with malicious use of artificial intelligence in the USA, EU and China // Modern Europe. 2024. No. 6. pp. 156-167.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_360

УДК 342.9

ИНСТИТУТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ВОДИТЕЛЕМ, НАХОДЯЩИМСЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ INTERNATIONAL EXPERIENCE IN RURAL DEVELOPMENT: GLOBAL PROBLEMS AND SOLUTIONS

АСТАФУРОВА Ольга Анатольевна,
кандидат технических наук, заведующий кафедрой информационных систем и математического моделирования Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
400005, Россия, обл. Волгоградская, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.
E-mail: astoa@vlgr.ranepa.ru;

КАЮШНИКОВА Юлия Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
400005, Россия, обл. Волгоградская, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.
E-mail: kayshnikova@yandex.ru;

ASTAFUROVA Olga Anatolyevna,
Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of Information Systems and Mathematical Modeling Volgograd Institute of Management - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation» Volgograd.
400005, Russia, region. Volgogradskaya, Volgograd, Gagarina str., 8.
E-mail: astoa@vlgr.ranepa.ru;

KAYUSHNIKOVA Yulia E.,
Senior Lecturer of the Department of Theory of Law and State-Legal Disciplines Volgograd Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».
400005, Russia, region. Volgogradskaya, Volgograd, Gagarina str., 8.
E-mail: kayshnikova@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье проводится анализ положений действующих систем организационно-правовых мер различных государств в области развития сельских территорий с использованием актуальных статистических данных и логических выводов, основанных на практике применения норм действующего законодательства в данной сфере. Текст настоящей статьи содержит в себе комплексные выводы о сущности глобальных тенденций в области сокращения численности населения, проживающего на территории сельских поселений, устанавливаются причины столь явной распространенности подобного явления, а также приводится ряд мер, которые принимались законодательством различных иностранных государств в качестве методов урегулирования подобной ситуации. В рамках настоящей статьи проанализирован успешный опыт в развитии сельских территорий таких стран как Канада, Швеция, Республика Беларусь, а также обобщенные выводы по ряду государств Европейского союза, с формулированием выводов о возможности заимствования тех или иных положительных тенденций в правовую систему РФ.*

Abstract: *The article analyzes the provisions of the current systems of organizational and legal measures of various states in the field of rural development using up-to-date statistical data and logical conclusions based on the practice of applying the norms of current legislation in this area. The text of this article contains comprehensive conclusions about the essence of global trends in the reduction of the population living in rural settlements, establishes the reasons for such an obvious prevalence of this phenomenon, and provides a number of measures that have been taken by the legislation of various foreign countries as methods of resolving this situation. This article analyzes the successful experience in rural development in countries such as Canada, Sweden, and the Republic of Belarus, as well as generalized conclusions from a number of European Union states, with conclusions about the possibility of borrowing certain positive trends into the legal system of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *международное право, европейский союз, фермерские хозяйства, сельские территории, сельское хозяйство, устойчивое развитие, охрана окружающей среды, экономическое стимулирование, природопользование, земельные территории, сельскохозяйственная продукция.*

Keywords: *international law, European Union, farms, rural areas, agriculture, sustainable development, environmental protection, economic incentives, environmental management, land areas, agricultural products.*

Для цитирования: *Астафурова О.А., Каюшникова Ю.Е. Институт административной ответственности за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 360-363. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_360.*

For citation*: Astafurova O.A., Kayushnikova Yu.E. International experience in rural development: global problems and solutions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 360-363. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_360.*

Статья поступила в редакцию: 11.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Институт административной ответственности за правонарушения на дороге в состоянии алкогольного опьянения постоянно совершенствуется, преимущественно за счет ужесточения штрафных санкций и наказаний за него [4]. Так, с 1 января 2025 года размер штрафа за управление транспортным средством, передачу права управления транспортным средством, повторное управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, размер штрафа увеличен с 30 000 руб. до 45 000 рублей. Аналогичное повышение на 50% произошло

по статьям Кодекса об административных правонарушениях по отказу о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ч.2. ст.12.26 КоАП РФ), и по невыполнению требований ПДД о запрете употреблять алкогольные напитки, наркотические и психотропные вещества после дорожно-транспортного происшествия водителем, к которому он был причастен (ч.3 ст.12.27 КоАП РФ). Усиление административной ответственности за счет увеличения размеров штрафных санкций, несомненно, имеет большое значение с точки зрения предупреждения правонарушений на дорогах, связанных с принятием алкогольных, наркотических, токсикологических веществ.

Стоит согласиться с точкой зрения П. В. Молчанова в отношении характерных черт института административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения:

- во-первых, в структуре Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее сокращенно КоАП РФ, или КоАП) фактически отсутствует целостная структура групп правонарушений, объективная сторона которых соответствует посягательству на установленный порядок дорожного движения;

- во-вторых, развитие института административной ответственности в сфере дорожного движения в отечественных правовых тенденциях развивается по направлению ужесточения санкций для водителей;

- в-третьих, развитие отечественного института административной ответственности для участников дорожного движения идет по пути абсолютизации фискально-финансового характера санкций, нивелирующего значимость воспитательного и профилактического аспекта наказаний [3].

Административная ответственность в наиболее общем плане определяется как вид юридической ответственности, который определяет обязанность субъекта претерпевать ограничения или лишения государственно-властного характера в связи с совершением административного правонарушения.

Д. А. Эрте в этой связи полагает, что в отношении института административной ответственности за правонарушения, связанные с вождением транспортного средства в нетрезвом виде, существует дуальность в применении норм административной и уголовной ответственности: для правоприменительной практики особенно сложной представляется квалификация нарушения, основываясь на нормах из разных областей права, а в дополнение к этому – у самих водителей происходит когнитивное смешение: почему одно вождение в нетрезвом виде без наступления опасных последствий относится к административным правонарушениям, а последующее или то, которое влечет опасные последствия – к уголовным [5].

По указаниям в комментариях к КоАП РФ, составленным Н. Г. Салишевой, объектом правонарушений в области безопасности дорожного движения являются общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности жизнедеятельности всех участников дорожного движения. Управление транспортным средством в состоянии опьянения характеризуется особой опасностью, вследствие нарушения когнитивных функций водителя: ухудшения концентрации и переключаемости внимания, раскоординации движения, нарастания времени реакции на изменения, происходящие в окружающем пространстве.

Правила дорожного движения, которые были приняты Постановлением Правительства Российской Федерации N 1090 (от 23 октября 1993 года), установили прямой запрет на управление транспортным средством в состоянии опьянения или в любом другом состоянии измененной психики. Состояние опьянения вызывается приемом алкоголя или наркотических средств, а иные измененные состояния психики могут быть вызваны, к примеру, приемом лекарственных средств, переутомления, состоянием заболевания. Транспортное движение по дорогам само по себе является источником повышенной опасности, а под влиянием факторов различной этиологии риски опасности кратно возрастают. В указанном выше Постановлении также было введен запрет на передачу управления транспортным средством, если лицо, передающее его, осознает, что субъект имеет признаки опьянения или измененного состояния.

Итак, управление транспортным средством в состоянии опьянения является административным правонарушением, попадающим по квалифицирующим признакам к статье 12.8 Кодекса об административных правонарушениях, объективной стороной которого является: 1) либо управление транспортным средством в измененном состоянии, вызванном приемом алкоголя, наркотических или психотропных веществ; 2) передача функций водителя, то есть передача управления транспортным средством другому лицу человеком, который имеет по отношению к данному транспортному средству права управления или права собственности.

Состояние опьянения – это физиологически и психофизиологически измененное состояние организма, вызванное употреблением психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков, токсических или лекарственных препаратов), которое приводит к временному нарушению когнитивных, сенсомоторных и поведенческих функций, снижая способность к безопасному управлению источником повышенной опасности, каковым является транспортное средство.

Влияние опьянения на управление транспортным средством проявляется в следующем:

1. Когнитивные нарушения:

- снижение скорости реакции (замедление обработки информации на 20–50% даже при минимальной дозе алкоголя);

- ухудшение концентрации внимания (сужение поля восприятия, пропуск дорожных знаков и сигналов);

- нарушение оценки расстояния и скорости (риск ошибочного маневрирования).

2. Сенсомоторные расстройства:

- нарушение координации (неточное управление рулем, педалями, переключение передач);

- снижение мышечного контроля (тремор, замедленные реакции на экстренные ситуации).

3. Поведенческие изменения:

- переоценка собственных возможностей (ложное ощущение уверенности, склонность к рискованным действиям);

- агрессивное или неадекватное поведение (нарушение ПДД, конфликты с другими участниками движения).

Транспорт – источник повышенной опасности, поэтому государство ограничивает права лиц, создающих угрозу для общества. Жесткие меры (вплоть до уголовной ответственности при повторных нарушениях) компенсируют потенциальный вред жизни, здоровью и имуществу третьих лиц. Состояние опьянения объективно делает управление ТС социально опасным деянием, что подтверждается медицинскими и юридическими критериями. Наказание здесь – не карательная мера, а инструмент минимизации системных рисков для безопасности дорожного движения.

С 1 сентября 2025 года в России вступают в силу обновленные правила медицинского освидетельствования на состояние опьянения, разработанные Минздравом. Эти изменения направлены на повышение точности процедуры, ускорение процесса и ужесточение контроля за водителями, управляющими транспортными средствами в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения.

Рассмотрим ключевые изменения в методике освидетельствования:

Теперь это многоэтапная процедура

- осмотр специалистом — врач оценивает внешние признаки опьянения (речь, координация, запах алкоголя и т. д.);

- алкотестирование — проверка выдыхаемого воздуха с использованием современных алкометров, фиксирующих концентрацию этанола с погрешностью не более 0,16 мг/л.;

- лабораторные исследования — при подозрении на наркотическое или токсическое опьянение проводятся предварительные и подтверждающие химико-токсикологические анализы (кровь, моча).

В список наркотических и психотропных веществ, подлежащих проверке, добавлены современные синтетические наркотики, такие как мефедрон, что отражает актуальные тенденции наркопотребления в стране.

Теперь отказ от освидетельствования автоматически влечет административную ответственность по ст. 12.26 КоАП РФ (штраф 45 000 руб. и лишение прав на 1–2 года). Это ужесточение направлено на предотвращение уклонения водителей от проверки. Отметим, что это не правоограничение, а прямой запрет, установленный текстуально [2].

У пострадавших в ДТП и лиц с признаками отравления берутся пробы крови и мочи, которые хранятся в течение 7 дней для возможных дополнительных исследований. Это повышает доказательную базу в случае судебных разбирательств.

Внедрение электронных форм оформления результатов ускоряет передачу данных между медучреждениями и органами контроля, снижает риск ошибок и фальсификаций.

Ранее освидетельствование проводилось по приказу Минздрава № 933н (2015 г.), который не учитывал современные наркотические вещества и не предусматривал столь жестких мер за отказ от проверки. Новая система ужесточает контроль за счет расширенного списка веществ и обязательного хранения биоматериалов, повышает точность за счет многоэтапной диагностики и цифрового документооборота, а также усиливает ответственность водителей, исключая возможность избежать наказания через отказ от процедуры [1].

С точки зрения правоприменения, новая методика соответствует принципам:

- объективности — использование лабораторных анализов и электронных протоколов минимизирует субъективный фактор;

- превентивности — жесткие санкции за отказ и повторные нарушения (вплоть до уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ) создают эффект сдерживания);

- технологичности — интеграция цифровых решений отвечает трендам электронного управления.

Однако система не лишена рисков – возможны ложноположительные результаты из-за погрешностей алкотестеров или перекрестных реакций при анализе на наркотики.

Реформа освидетельствования на опьянение — шаг к ужесточению административного контроля в сфере дорожной безопасности. Научно обоснованная методика, сочетающая лабораторные и цифровые инструменты, повышает эффективность выявления нарушителей. Однако ее успех зависит от корректной реализации и соблюдения баланса между безопасностью и правами граждан.

Институт административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения представляет собой комплексную правовую конструкцию, объединяющую нормы материального и процессуального административного права, направленные на предупреждение, выявление и пресечение общественно опасного поведения водителей, находящихся под воздействием психоактивных веществ. Данный институт характеризуется строго формализованным составом правонарушения, включающим объективную сторону (факт управления ТС при подтвержденном состоянии опьянения), субъективный аспект (возможность осознания противоправности действий) и специфический субъект (физическое лицо, обладающее правом управления транспортным средством). Его функциональное назначение заключается в создании системы правовых барьеров, минимизирующих риски возникновения дорожно-транспортных происшествий с повышенной тяжестью последствий посредством применения мер государственного принуждения превентивно-карательного характера. Особенностью данного правового института является его межотраслевая природа, сочетающая административно-правовые средства воздействия с элементами уголовной репрессии (при рецидиве правонарушения) и медицинского нормирования (процедуры освидетельствования).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что институт административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения представляет собой динамично развивающийся элемент правовой системы, отражающий эволюцию общественных

представлений о допустимых границах поведения участников дорожного движения. Современная редакция данного института демонстрирует тенденцию к ужесточению санкций и расширению доказательственных возможностей государства, что соответствует общемировой практике противодействия нетрезвому вождению как одному из наиболее деструктивных факторов дорожно-транспортного травматизма. Однако эффективность рассматриваемого правового механизма зависит не только от строгости наказаний, но и от качества процедурно-процессуального обеспечения, научной обоснованности критериев опьянения и сбалансированности мер ответственности. Перспективы совершенствования института видятся в дальнейшей цифровизации процессов фиксации правонарушений, внедрении международных стандартов освидетельствования и развитии системы реабилитационных мер для лиц, подверженных зависимостям, что позволит сочетать карательную функцию с профилактической и социально-восстановительной составляющими правового воздействия.

Список литературы:

1. Приказ Минздрава России от 29.04.2025 N 262н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), включающего определение клинических признаков опьянения и правила химико-токсикологических исследований, а также критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, учетной формы Акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), а также формы и порядка ведения журнала регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2025 N 82494). // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506956/
2. Голоманчук Э.В., Попов К.А., Каюшникова Ю.Е. Понятие и особенности правоограничения, его соотношение с иными правовыми категориями. // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 237-240.
3. Молчанов П. В. Законодательство об административной ответственности в области дорожного движения: основные этапы и тенденции развития (Часть 2) // Административное право и процесс. – 2018. – №6. – С. 45.
4. Пучкова Т.М., Голоманчук Э.В. Опасное вождение как распространённый способ нарушения правил дорожного движения. // Актуальные проблемы частного и публичного права. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, с международным участием. Волгоград, 2023. С. 91-92.
5. Эрте Д.А. Об особенностях объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Полицейская деятельность. – 2024. – №4. – С.55.

References:

1. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 04/29/2025 N 262n "On approval of the procedure for conducting a medical examination for intoxication (alcohol, narcotic or other toxic), including the definition of clinical signs of intoxication and rules for chemical and toxicological studies, as well as criteria, in the presence of which there are sufficient grounds to believe that a person is intoxicated and is subject to referral medical examination, an accounting form of a medical examination certificate for intoxication (alcohol, narcotic or other toxic), as well as the form and procedure for logging medical examinations for intoxication (alcoholic, narcotic or other toxic)" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 06/02/2025 N 82494). // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506956/
2. Golomanchuk E.V., Popov K.A., Kayushnikova Yu.E. The concept and features of legal restriction, its relation to other legal categories. // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 12 (240). pp. 237-240.
3. Molchanov P. V. Legislation on administrative responsibility in the field of traffic: main stages and development trends (Part 2) // Administrative law and process. – 2018. – No. 6. – p. 45.
4. Puchkova T.M., Golomanchuk E.V. Dangerous driving as a common way of violating traffic rules. // Actual problems of private and public law. Collection of materials of the First All-Russian Scientific and Practical conference, with international participation. Volgograd, 2023. pp. 91-92.
5. Erte D.A. On the specifics of the objective side of the crime provided for in Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Police activity. – 2024. – No. 4. – p.55.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_364

УДК 340.114.5

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ НОТАРИУСА: СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА
PROFESSIONAL DEFORMATIONS OF A NOTARY'S LEGAL CONSCIOUSNESS: ESSENCE AND SPECIFICS

МОХОВ Артём Юрьевич,
Старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления-филиала
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград.
400066, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8.
E-mail: aumohov@mail.ru;

ГОЛОМАНЧУК Эйда Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград.
400066, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8.
E-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru;

MOKHOV A.YU.
Senior Lecturer, Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines,
Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA.
8 Gagarin St., Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: aumohov@mail.ru;

GOLOMANCHUK Ada Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory of Law and State-legal Disciplines
Volgograd Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation», Volgograd.
8 Gagarin St., Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru

Краткая аннотация: *профессиональная деятельность является одним из факторов формирования и трансформации правосознания, как универсальной психолого-правовой категории. Работа по юридической специальности не является исключением: повседневная работа с людьми, специфика правовой деятельности и зачастую большая загруженность неизбежно оказывают влияние на личность юриста. Подобного рода факторы нередко приводят к такому когнитивному искажению, как профессиональная деформация правосознания. В рамках данной статьи рассматриваются основные разновидности профессиональных деформаций правосознания нотариуса, обусловленные как спецификой нотариальной деятельности, так и психологическими особенностями личности отдельно взятого нотариуса. Особое внимание уделяется аберрации правосознания, при которой нотариус сознательно совершает противоправные деяния (прежде всего, с корыстной целью, но обусловленные, в том числе, и правовым нигилизмом, безответственным отношением к профессиональному и социальному назначению института нотариата).*

Abstract: *professional activity is one of the factors in the formation and transformation of legal consciousness as a universal psychological and legal category. Legal work is no exception: everyday work with people, the specifics of legal activity and often heavy workload inevitably influence the personality of a lawyer. Factors of this kind often lead to such cognitive distortion as professional deformation of legal consciousness. This article examines the main types of professional deformations of a notary's legal consciousness, determined both by the specifics of notarial activity and by the psychological characteristics of the personality of an individual notary. Particular attention is paid to the aberration of legal consciousness, in which a notary deliberately commits illegal acts (primarily for selfish purposes, but due, among other things, to legal nihilism and an irresponsible attitude towards the professional and social purpose of the notary institution).*

Ключевые слова: *правосознание, профессиональное правосознание, нотариус, нотариальная деятельность, деформация правосознания, правовой нигилизм, аберрация, халатность.*

Keywords: *legal consciousness, professional legal consciousness, notary, notarial activity, deformation of legal consciousness, legal nihilism, aberration, negligence.*

Для цитирования: *Мохов А.Ю., Голоманчук Э.В. Профессиональные деформации правосознания нотариуса: сущность и специфика // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 364-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_364.*

For citation*: Mokhov A.Yu., Golomanchuk E.V. Professional deformations of a notary's legal consciousness: essence and specifics // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 364-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_364.*

Статья поступила в редакцию: 14.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

При установлении содержания профессионального правосознания юриста и его влияния на осуществляемые им юридически значимые действия, а также на связанные с ними материальные правоотношения, большое влияние оказывают особенности правосознания, «окрашивающие» внешнюю сторону деятельности юриста, определяющие его интеллектуальную и волевую сферы при осуществлении полномочий. Содержание профессиональной деятельности безусловно накладывает свой «отпечаток» на состояние внутренней среды нотариуса. Возможно такое негативное влияние различных причин и факторов, при которых правосознание будет искажено, не только негативно сказываясь на эмоционально-волевых характеристиках личности профессионального юриста, но и прямо влияя на содержание исполняемых им действий, затрагивая

права и законные интересы лиц, с которыми он взаимодействует, а также публичных интересов, требований режима законности совершения нотариальных действий и оформления юридически значимых документов.

Таким образом, определение условий и проявлений негативных изменений профессионального правосознания имеет большое значение не только при их непосредственной диагностике, но и при определении методик и путей предупреждения и устранения подобных изменений. Данные негативные трансформации правосознания носят название «деформаций» (от лат. -«обезображивание, искажение»). Идеальное правосознание, полностью освобождённое от каких-то негативных проявлений и характеристик, обуславливается требованиями неукоснительного соблюдения законодательства и специальных актов о нотариате и нотариальной деятельности, этичным отношением с клиентами и коллегами внутри нотариального сообщества. Соответственно, деформации могут сказываться во всех этих «участках» профессионального поведения нотариуса, влияя на качество и содержание составляемых, удостоверяемых документов.

Феномен профессиональных деформаций правосознания, как представляется, присущ абсолютно любому виду юридической деятельности – вне зависимости от текущего состояния законодательства, поскольку деформации обуславливаются, во многом, личными установками юриста, особенностями его эмоционального интеллекта, работоспособностью и стрессоустойчивостью[6]. К.Т. Бельский ещё в эпоху социалистической правовой науки указывал на неизбежность и даже в некотором роде «обязательность» профессиональных деформаций, так как они возникают объективно, внутри профессионального сообщества и в пределах отдельно взятого правоприменителя[5]. Деформированное правосознание наиболее ярко проявляется во время «правового кризиса» (при отсутствии законодательного регулирования, либо слабом состоянии законности и правопорядка в обществе, что влечёт обесценивание роли закона, способствует злоупотреблению властью, прямым нарушениям прав и свобод граждан. Соответственно, исследование сущности и разновидности деформаций, механизма их образования будет иметь большое значение и для практического регулирования любой профессиональной деятельности, в том числе и нотариальной.

Общие признаки профессиональных деформаций правосознания рассматривает в своей работе В.В. Грамматиков[7]. По мнению исследователя, специфическими признаками профессиональной деформации юридического правосознания выступают относительная массовость (присущность целым социальным группам или внутренним локальным профессиональным сообществам), негативный характер, общественная опасность и динамичность (развитие профдеформации от непосредственного возникновения иного, отличного от правильного и соответствующего закону, варианта поведения юриста, до совершения правонарушения, причиняющего существенный вред охраняемым законом интересам отдельных граждан или общества, государства в целом). В целом соглашаясь с данными признаками, к числу необходимых сущностных черт профессиональных деформаций надлежит относить и её универсальность, связанную с распространением негативных последствий развития отдельных внутренних черт поведения юриста на всю совокупность затрагиваемых его деятельностью общественных отношений, а именно:

- на сферу осуществляемой деятельности, что связывается, прежде всего, со снижением и полной утратой общественного доверия к отдельным органам, структурам, правоприменительным механизмам. Например, развитие негативных явлений в сфере деятельности нотариата может потенциально снизить уровень доверия граждан к нотариусам и нотариальному сообществу в целом, что, в свою очередь, на практике приводит к отказу от совершения действий, требующих обязательного нотариального удостоверения, обходу закона (например, договор дарения земельного участка требует обязательного нотариального удостоверения в силу прямого указания Земельного кодекса РФ, и отказываясь от данной формы сделок, граждане переходят к фактическому использованию земельных участков другими лицами, без договорного оформления перехода права собственности, что на практике может приводить к спорам по изъятию участков из чужого незаконного владения фактическим «одаряемым») [2];

- на состояние законности в области, регулируемой органами и должностными лицами нотариата. В частности, при совершении нотариусами правонарушений коррупционного характера, связанных с незаконной регистрацией сделок с недвижимостью (либо отказом от такой регистрации) может значительно трансформироваться рынок недвижимости в определённой местности, возникать крупные землевладельцы, собственность которых возникла как раз в результате злоупотребляющих правами или прямо незаконных сделок, удостоверенных нотариусом с деформированным уже до деликвентного состояния профессиональным поведением;

- на состояние защиты прав и свобод граждан, так как нотариат является одним из гарантируемых Конституцией и специальным законодательством механизмов гарантирования и защиты права собственности, а также связанного с ним конституционного права на наследование;

- на динамику отношений внутри профессионального нотариального сообщества.

Рассмотрим основные разновидности профессиональных деформаций правосознания юриста, с указанием их реализации и конкретных проявлений в деятельности нотариуса. Для определения основных видов следует принять во внимание классификацию, предложенную в работе Р.А. Кузнецова. Обобщая представленные в общей теории права и юридической психологии представления о содержании и проявлениях профессиональных деформаций, данный исследователь выделяет правовой инфантилизм, правовой нигилизм, идеализм в правовой сфере (юридический фетишизм), а также аберрированное (перерождённое) правовое поведение[8]. Кроме того, на основе современных исследований в области регулирования и формирования профессиональных деформаций сотрудников правоохранительных органов и адвокатов, можно выделить также правовой негативизм, эгоцентризм в правовой сфере, а также аномию (дезорганизацию) правосознания (характерна только для обществ с высокой степенью правовой неопределённости, когда беззаконие в экономике и общественной сферах распространяется и на нарушением порядка исполнения полномочий, их явное превышение, «сращивание» профессионального юридического сообщества с преступными структурами).

Представляется необходимым кратко охарактеризовать данные разновидности профессиональных деформаций, применительно

именно к нотариальной деятельности.

Прежде всего, наиболее «мягкой» по степени негативных последствий на всю сферу затрагиваемых деформированным профессиональным поведением юриста, является деформация в форме правового нигилизма. Правовой нигилизм характеризуется Н.И. Матузовым как неуважительное отношение к закону, нормативным порядкам, что обуславливается общим уровнем правовой культуры, невоспитанностью, слабой юридической и финансовой грамотностью. В практической деятельности правовой нигилизм проявляется через игнорирование нотариусом требований официального оформления нотариальных документов (что особенно важно при проверке реквизитов документов). В дальнейшем игнорирование нормативных требований приводит к прямому нарушению прав и свобод других граждан, не являющихся участникам регистрируемой сделки, а также публичных интересов.

От проявлений правового нигилизма следует отличать невнимательность нотариуса при составлении документов, пропуск грамматических или математических ошибок, на что указывается судами при обжаловании нотариальных актов и нотариальных документов [4]. Правовой нигилизм рассматривается в специальных исследования и более дифференцированно – через правовой цинизм (сознательное и пренебрежительное отношение к праву), правовой скептицизм (использование личностных соображений, связанных с сомнением в содержании и правоприменительном значении используемых актов, прямо скепсис не проявляется, однако, он может привести к полному нигилизму или аберрации правосознания) [10].

Практически нигилизм проявляется через халатное отношение нотариуса к делу, создание излишней волокиты при исполнении профессиональных обязанностей, либо, наоборот – слишком быстрое осуществление нотариального действия без предварительной проверки. Также к нигилизму относится использование незаконных методов в правоприменительной практике (например, пренебрежение печатью нотариуса или иными обязательными реквизитами при составлении нотариальных документов).

Другая деформация - правовой фетишизм (идеализм) заключается в значительном преувеличении роли права, создании приоритета в излишне точном применении законодательных и подзаконных предписаний в ущерб существу нотариального действия, интересам обращающихся к нотариусам граждан и организаций. На практике это реализуется через намеренное затягивание осуществления нотариальных действий, излишнего обращения к деталям, реквизитам документов и т.д. Несомненно, проверка достоверности и обоснованности проверяемых юридических фактов является основным содержанием удостоверительной деятельности нотариата, однако данная работа должна осуществляться добросовестно, без ущерба интересам граждан, нарушения публичных интересов. Разновидностью такого идеализма является «правовая самоуверенность» нотариуса, которая выражается в появлении «сформированной на основе опыта убеждённости в безусловной правильности исключительно своей оценки ситуации, которая подчас возникает у них уже на первом этапе знакомства с делом; явном несогласии менять первоначально высказанную позицию» [6].

Наиболее опасной для охраняемых законом общественных отношений является аберрация (перерождение) правосознания как «итоговая» негативная форма деформации профессионального правосознания юридического работника. Перерождённое правосознание уже не направлено на достижение законных целей (в данном случае- удостоверение сделок, участие в открытии наследства, установление иных юридических фактов и т.д.), а сообразуется только с личным, неизбежно противоправным, поведением нотариуса. Лично, либо в сговоре с иными лицами (что будет являться уже более опасным, отягчающим уголовную ответственность, обстоятельством), преследуя корыстные цели, нотариус будет отказывать в совершении нотариальных действий, либо совершать нотариальные действия, прямо противоречащие закону. Аберрация не является одномоментным процессом. Сама по себе деформация профессионального сознания проходит несколько стадий- от формирования негативного (или равнодушного) отношения к своей профессии- к совершению отдельных, противоречащих закону или обходящих закон действий (переход к правовому нигилизму), а впоследствии – к формированию преступного, совмещённого с корыстным умыслом, поведения, совершению правонарушений и преступлений.

Способом противодействия аберрациям правосознания может выступать уже только юридическая ответственность и иные меры государственно-правового принуждения, поскольку только комплексом мер воспитательного воздействия перерождённое правосознание не может быть исправлено. В качестве наиболее явного примера можно привести уголовное законодательство. Двумя статьями Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливается ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом. Так, по ст. 170 УК РФ применительно к ответственности нотариуса преступной будет являться незаконное удостоверение нотариусом сделок, нотариальная форма при заключении которых обязательна (как признак объективной стороны – использование служебного положения при исполнении функций нотариуса при таких действиях), и предметом таких сделок является недвижимость (например, наследование земельных участков). Возможность применения данного состава к нотариусу подкрепляется Верховным Судом РФ (п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»). В качестве практического примера можно привести действия нотариуса в рамках организованных преступных сообществ (например, связанных с рейдерством, деятельностью «чёрных риэлторов» и т.д. [1]). Кроме того, во всех остальных случаях к нотариусу могут быть применены положения ст. 202 УК РФ в части злоупотребления полномочий частными нотариусами. К государственным нотариусам как к должностным лицам будут применяться нормы ст. 285 УК РФ и соответствующей главы УК РФ о служебных преступлениях[9]. Обязательными условиями, наряду с определением факта допущенного при совершении нотариального действия правонарушения, в обоих обозначенных случаях выступают наличие цели извлечения выгод или преимуществ для себя или третьих лиц, а также причинение таким действием существенного вреда охраняемым благам, правам и законным интересам отдельных граждан, обще-

ства и государства. Согласно позиции Верховного Суда к такому вреду может относиться утрата наследником права на получение наследуемого имуществ. Например, Мурманским областным судом был признан виновным частно-практикующий нотариус, сознательно за предварительно уплаченную одним из наследников сумму, удостоверивший открытие наследства без учёта обязательной доли одного из иждивенцев наследодателя, что было потом рассмотрено Верховным Судом РФ[3].

Таким образом, деформация профессионального правосознания юриста представляет собой обусловленное социальными, правовыми и психологическими условиями негативное состояние, которые характеризуется отклонением от правомерного поведения, связанным с ним пренебрежением нормативными требованиями, обязательными для конкретного рода юридической деятельности. Деформации профессионального правосознания нотариуса реализуются через формы правового инфантилизма, нигилизма и фетишизма; крайней формой выступает аберрация (перерождение) правосознания, заключающаяся в совершении нотариусом противоправных деяний с корыстной целью.

Список литературы:

1. Постановление Верховного Суда РФ от 16 августа 2017 г. № 81-УД17-4 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru, 12.03.2025.
2. Определение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2023 г. № 302-ЭС19-12473(3) по делу № А78-14479/2016 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru, .
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 февраля 2018 г. № 78-КГ17-88 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru, 12.03.2025.
4. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 марта 2021 г. № АПЛ21-89 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru, 12.03.2025.
5. Бельский К. Т. Социалистическое правосознание: Диалектика формирования и развития: монография. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1979. С. 19.
6. Виноградова Е. В. К вопросу об участии нотариусов в реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь // Нотариус. 2022. № 3. С. 3
7. Грамматиков В. В. Природа деформации профессионального правосознания (на примере адвокатской деятельности) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 20-22.
8. Кузнецов Р. А. Деформации профессионального правосознания юристов: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 129.
9. Малинин В. Б., Скворцов А. Н. Проблемные вопросы квалификации злоупотреблений частных нотариусов и оценки существенности вреда // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3. С. 188.
10. Цветкова Н. А., Мовсисян В. А. Особенности правового сознания и склонность к нарушению социальных норм у студенческой молодёжи // Учёные записи Российского государственного социального университета. 2020. Т. 19. № 2. С. 15.

References:

1. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 16, 2017 No. 81-UD17-4 // Access from the ConsultantPlus legal reference system. URL: consultant.ru , 03/12/2025.
2. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 14, 2023 No. 302-ES19-12473(3) in case No. A78-14479/2016 // Access from the ConsultantPlus legal reference system. URL: consultant.ru, .
3. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 6, 2018 No. 78-KG17-88 // Access from the ConsultantPlus legal reference system. URL: consultant.ru, 12.03.2025.
4. Appellate ruling of the Appellate Board of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 25, 2021 № APL21-89 // Access from the ConsultantPlus legal reference system. URL: consultant.ru , 03/12/2025.
5. Belsky K. T. Socialist legal consciousness: Dialectics of formation and development: monograph. Yaroslavl: Top.Volzhsky Publishing House, 1979. p. 19.
6. Vinogradova E. V. On the issue of the participation of notaries in the implementation of the constitutional right to qualified legal assistance // Notary. 2022. № 3. p. 3
7. Grammatikov V. V. The nature of the deformation of professional legal awareness (on the example of advocacy) // Actual problems of Russian law. 2020. No. 5. pp. 20-22.
8. Kuznetsov R. A. Deformations of professional legal awareness of lawyers: dis. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2005. p. 129.
9. Malinin V. B., Skvortsov A. N. Problematic issues of qualification of abuse by private notaries and assessment of the materiality of harm // Leningrad Law Journal. 2018. No. 3. p. 188.
10. Tsvetkova N. A., Movsisyan V. A. Features of legal consciousness and propensity to violate social norms among students // Scientific Records of the Russian State Social University. 2020. Vol. 19. No. 2. P. 15.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_368

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND TRENDS OF MODERNIZATION OF INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

ДЖАГАРЯН Наталья Владимировна,
доктор юридический наук, доцент кафедры конституционализма
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», доцент.
344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42.
E-mail: nvdzhagaryan@sfedu.ru;

МАРКИНА Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».
344002, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69.
E-mail: shevelevaev@mail.ru;

DZHAGARYAN Natalia V.,
Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Constitutionalism,
Southern Federal University, Associate Professor.
105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Rostov region, 344006.
E-mail: nvdzhagaryan@sfedu.ru;

MARKINA Elena Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law,
Rostov State University of Economics (RINH).
344002, Rostov Region, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 69.
E-mail: shevelevaev@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье проводится научный анализ конституционно-правовых основ обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, а также выявляются тенденции модернизации как нормативно-правового регулирования, так и практики деятельности органов публичной власти и иных уполномоченных субъектов в данной сфере общественных отношений. Показано, что обеспечение национальной информационной безопасности выступает в настоящее время приоритетным вектором государственной политики, связанным с тотальной цифровизацией практически всех сфер общественных отношений, а также с геополитическими факторами, что позволяет судить о целесообразности осуществления исследования конституционно-правовых основ и тенденций модернизации данного направления. Авторами отмечается особая роль информационной безопасности в структуре обеспечения национальной безопасности в целом, определяется и аргументируется необходимость принятия специального Федерального закона «О национальной информационной безопасности». Обозначены практические предложения, направленные на повышение эффективности обеспечения национальной информационной безопасности, в том числе создание государственных бесплатных платформ по обучению базовым цифровым навыкам, формирование информационных навыков и культуры общения в цифровой сфере на всех этапах образовательной деятельности при активном участии субъектов предпринимательской деятельности путем стимулирования участия в данной работе представителей частного капитала.*

Abstract: *The article provides a scientific analysis of the constitutional and legal foundations of ensuring information security of the Russian Federation, as well as identifies trends in the modernization of both regulatory and legal regulation and the practice of public authorities and other authorized entities in this field of public relations. It is shown that ensuring national information security is currently a priority vector of state policy related to the total digitalization of almost all spheres of public relations, as well as with geopolitical factors, which makes it possible to judge the expediency of conducting a study of the constitutional and legal foundations and modernization trends in this area. The authors note the special role of information security in the structure of ensuring national security in general, identify and argue for the need to adopt a special Federal law «On National Information Security». Practical proposals aimed at improving the effectiveness of national information security are outlined, including the creation of state-owned free platforms for teaching basic digital skills, the formation of information skills and a culture of communication in the digital sphere at all stages of educational activities with the active participation of business entities by stimulating the participation of representatives of private capital in this work.*

Ключевые слова: *информационная безопасность, национальная безопасность, информационный суверенитет, конституционная реформа 2020 года, публичная власть, цифровизация, модернизация.*

Keywords: *information security, national security, information sovereignty, constitutional reform in 2020, public authority, digitalization, modernization.*

Для цитирования: *Джагарян Н.В., Маркина Е.В. Конституционно-правовые основы и тенденции модернизации обеспечения информационной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 368-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_368.*

For citation*: Dzhagaryan N.V., Markina E.V. Constitutional and legal foundations and trends of modernization of information security of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 368-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_368.*

Статья поступила в редакцию: 07.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

По итогам конституционной реформы 2020 года статья 71 Конституции РФ была трансформирована в том числе и в свете развития конституционно-правовых основ обеспечения информационной безопасности в связи с тем, что информация, информационные технологии и связь, космическая деятельность и обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных были отнесены к ведению Российской Федерации [1].

При этом специфической особенностью деятельности по обеспечению информационной безопасности государства и по сей день яв-

ляется ее регламентация в актах стратегического планирования [2, 3, 4], дополняемых путем указного нормотворчества главы государства [5], что позволяет более динамично и в рамках приоритетной национальной политики с учетом международных трансформаций моделировать и корректировать элементы анализируемого правового механизма. Тем не менее необходимость формирования научно-теоретической основы данной деятельности, а также стабилизация и унификация нормативно-правовой базы обеспечения информационной безопасности государства на всех уровнях осуществления публичной власти вне отрыва от интересов коллективных и индивидуальных субъектов не вызывает сомнения и детерминирует проведение данного исследования.

Более того, цифровая трансформация повлекла по сути изменение самой сути понимания терминов, применяемых при осуществлении как нормативно-правовой регламентации рассматриваемой сферы общественных отношений, так и при практической деятельности субъектов обеспечения информационной безопасности с учетом того, что и до этого многообразие применяемый понятий не позволяло сформировать четкую теоретическую модель, которой придерживались все авторы, анализирующие данные материи. В частности, рассматривая соотношение терминов «информационная безопасность», «кибербезопасность», «цифровая безопасность», «защита информации» даже без учета субъективного фактора принадлежности анализируемого термина к государству, организации или отдельной личности или применения терминов, закрепленных в нормативных актах, представляется сложным найти золотую середину и четко обозначить их сущность, что дополнительно влечет вывод о назревшей необходимости четкой нормативно-правовой регламентации информационной безопасности.

Терминологический аппарат и система принципов деятельности по обеспечению информационной безопасности, прописанные, в частности, в Доктрине информационной безопасности РФ 2016 года, нуждаются в обновлении и приведении в соответствие с существенно трансформировавшимися в результате глобальных трагических событий (пандемия, геополитические взаимоотношения государств) действующими реалиями, и фиксации их именно на уровне федерального закона.

Проанализировав научно-теоретические позиции на предмет определения применяемых в сфере обеспечения информационной безопасности терминов [6, 7, 8, 9], в том числе проблему отождествления информационного, цифрового и киберпространства [10, 11, 12, 13, 14], авторы пришли к выводу о том, что информационная безопасность имеет более широкий спектр, включающий в себя цифровую и кибербезопасность, что позволяет применять именно данный термин для характеристики национальной безопасности в анализируемой сфере общественных отношений, и ассоциированием данного термина с информационным суверенитетом как составным элементом национального суверенитета. По мнению авторов статьи, наиболее корректным представление определение обеспечения национальной информационной безопасности как деятельности уполномоченных органов публичной власти, должностных лиц и иных субъектов, охраняющих личность, общество и государство от информационных угроз внутригосударственного и международного характера, которая проявляется как в осуществлении активной властной деятельности, так и в пассивном соблюдении актуального законодательства и общедоступных правил безопасности в сфере информационных правоотношений.

Формулируя принципы обеспечения информационной безопасности, особо стоит обратить внимание на обеспечение баланса интересов общества, личности и государства, не забывая при этом, что в условиях современной действительности, несмотря на безусловную высшую ценность прав и свобод человека для государства (ст. 2 Конституции РФ), существенно возрастают полномочия государства по защите национальных интересов, в том числе и по ограничению прав и свобод (ст. 55 Конституции РФ), которые ни в коей мере не должны расцениваться как нарушение прав и свобод личности. В данном случае грань между защитой и нарушением субъективных прав и свобод довольно тонка и может служить основанием некорректного понимания действий органов публичной власти и их должностных лиц, что также должно учитываться при формулировке системы принципов обеспечения информационной безопасности, равно как и при практической деятельности и ее освещении в СМИ. Примером может послужить введенный с 1 января 2025 года запрет на использование программного оборудования зарубежных производителей органами публичной власти и иными уполномоченными структурами на объектах критической информационной инфраструктуры [15], который, с одной стороны, существенно усложняет работу данных субъектов, однако направлен на обеспечение национальной безопасности. Однако и при установлении данного запрета государство сделало исключение для эксклюзивного и жизненно важного программного оборудования, что направлено на обеспечение баланса частных и публичных интересов.

Информационная безопасность обозначена в Стратегии национальной безопасности РФ от 2 июля 2021 года в числе стратегических национальных приоритетов, реализация которых обеспечивается комплексным механизмов взаимодействия органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества. При этом особо стоит обратить внимание на многогранность не только механизма обеспечения национальной информационной безопасности, но и ее проявлений, позволяющих осуществить разграничение на личную или частную, информационную безопасности отдельной организации или иного юридического лица, национальную и иные разновидности информационной безопасности, обозначив при этом безусловную их взаимосвязь и взаимозависимость, что также оказывает влияние на моделирование современного конструкта обеспечения информационной безопасности нашего государства в целом.

Многогранность информационной безопасности проявляется и в обозначенной в действующей в настоящее время Доктрине информационной безопасности РФ системе ее обеспечения, которая предполагает сочетание разнонаправленных действий широкого перечня ее субъектов, роль которых позволяет их разграничить на две группы. К первой группе относятся органы публичной власти, составляющие организационную основу системы обеспечения информационной безопасности, а ко второй – в подавляющем количестве представители частного сектора, в частности, эксплуатанты объектов информационной инфраструктуры, в том числе критического характера, субъекты, предоставляющие услуги связи, осуществляющие образовательную деятельность в данной области организации, объединенные в рамках решения задач по обеспечению

информационной безопасности.

Публично-правовой характер обеспечения информационной безопасности обусловлен значительностью роли органов публичной власти в данной деятельности, что предполагает и комплексность нормативно-правовой ее регламентации, проявляющуюся в сочетании норм конституционного, административного и иных отраслей публично-правовой направленности, с одной стороны, а с другой стороны – сама цифровизация, выступающая актором усиления и модернизации обеспечения информационной безопасности, пронизывает все отрасли российской правовой системы, позволяя еще больше расширить объем нормативно-правовой регламентации.

Модернизация обеспечения информационной безопасности носит многоаспектный характер, обусловленный как разноплановым состав субъектов данной деятельности, так и разносторонними угрозами, которые необходимо предугадать и предотвратить. При этом, с нашей точки зрения, наиболее легкореализуемой представляется казалось бы самая сложная деятельность, связанная с технологической деятельностью высококвалифицированных субъектов, обладающих специализированными навыками в данной области, а именно повышение эффективности защиты национальных цифровых платформ, облачных технологий, защиты персональных данных субъектами, которым доверен их оборот, и так далее.

В анализируемой нами сфере самое сложное связано с повышением цифровой грамотности населения, информационной культуры и культуры информационного общения, комплексной работой по доведению до всех российских граждан и лиц, законно находящихся на территории нашего государства, всех аспектов кибербезопасности. Данная деятельность ведется активно, однако постоянные нарушения в данной области позволяют судить о недостаточной ее эффективности.

Более того, несмотря на активно развивающуюся подготовку специалистов в данной сфере, их количество не покрывает потребности нашего государства, позволяя прийти к выводу о необходимости расширения информационного просвещения, повышении и контроле за качеством предоставляемых в данной области услуг, создании государственных бесплатных платформ по обучению базовым цифровым навыкам (учитывая количество населения Российской Федерации, стоит предложить создание именно нескольких платформ, разграничение которых осуществить в соответствии либо с возрастными категориями, либо с иными определяемыми авторами данных цифровых структур факторами), которые представляли бы не только понятную разным слоям населения информацию, но и позволяли бы сформировать и проверить навыки практического применения цифровых технологий. Заинтересованность государства в развитии цифровых компетенций у собственного населения не должна вызывать сомнения.

При реализации на практике предложенных инициатив представляется возможным использованием функционала искусственного интеллекта, однако не в формате, подобном ChatGPT, а в рамках создания национальной платформы по обучению цифровым навыкам, тьюторами которой выступали бы не люди, а искусственный интеллект, запрограммированный на предоставление определенного рода информации и формирование навыков.

Помимо подобных платформ внимание государства стоит обратить на формирование информационных навыков и культуры общения в цифровой сфере на всех этапах образовательной деятельности, при активном участии субъектов предпринимательской деятельности, положительные прецеденты которого имеются и в настоящее время. Однако, полагаем возможным стимулировать создание не только государственных, но и частных форматов обучения, в том числе и дополнительного, финансируемого за счет частного капитала, например, при помощи введения налоговых льгот для данных субъектов, с учетом важности и актуальности данной деятельности по аналогии с благотворительностью.

Если рассматривать глобально обеспечение национальной информационной безопасности, то можно обратить внимание на активно продвигаемую идею национального интернета, который, с одной стороны, существенно повысить эффективность данной деятельности, однако с учетом низкого технологического уровня российского интернет сегмента, его реализация пока лишь приведет к существенным проблемам у того же обычного российского населения. Данная идея пока лишь возможна для претворения в формате усиленного контроля со стороны государства с целью гарантирования реализации прав и свобод населения, в том числе связанных с цифровыми и информационными правоотношениями.

С связи со значимой роль публично-правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации данная деятельность нуждается в четко сформированном механизме реализации, основой которой должен выступать специализированный акт – Федеральный закон «Об национальной информационной безопасности», в котором необходимо обозначить основные понятия и принципы обеспечения информационной безопасности, полномочия органов публичной власти в данной сфере, а также уполномоченных данными органами иных субъектов – участников национальной системы обеспечения информационной безопасности, что позволит при помощи текущего регулирования актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации продолжать совершенствование обеспечения информационной безопасности в соответствии с текущими реалиями и угрозами внешней и внутренней направленности, в том числе формировать различные форматы повышения информационной культуры населения, создавать инновационные методы защиты в цифровой сфере и так далее.

В результате проведенного в данной научной статье комплексного исследования конституционно-правовых основ и тенденций модернизации обеспечения информационной безопасности России авторы пришли к выводу о том, что обеспечение национальной информационной безопасности представляет собой деятельность уполномоченных органов публичной власти, должностных лиц и иных субъектов, охраняющих личность, общество и государство от информационных угроз внутригосударственного и международного характера, которая проявляется как в осуществлении активной властной деятельности, так и в пассивном соблюдении актуального законодательства и общедоступных правил безопасности в сфере информационных правоотношений. С целью модернизации национальной системы обеспечения информационной безопасности авторы предлагают активизировать работу по повышению цифровой компетентности и информационной грамотности населения Российской

Федерации, а также принять специальный Федеральный закон «О национальной информационной безопасности».

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // http://pravo.gov.ru/constitution/
2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351;
4. Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // СЗ РФ. 2021. № 16 (ч. 1). Ст. 2746.
5. Указ Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 18. Ст. 3058.
6. Дубень А.К. Информационная безопасность в системе национальной безопасности: актуальные проблемы информационного права // Вопросы безопасности. 2023. № 1. С.51-57.
7. Мильшин Ю.Н. К вопросу об обеспечении информационной безопасности // Теология. Философия. Право. 2024. №2. С.53-61.
8. Рагимханова К.Т., Давудова С.Я., Пирметов К.М. Конституционно-правовые основы обеспечения информационной безопасности РФ // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 2. С. 62 — 67.
9. Олифиренко А.А. Понятие «информационная безопасность» в контексте национальной безопасности: сравнение позиций // Вопросы российской юстиции. 2025. №35. С.604-619.
10. Козлова Н.Ф., Довгаль В.А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сходства и отличия // Вестник АГУ. 2021. №3. С.88-97.
11. Королев А.Д. Кибербезопасность в государственном управлении Российской Федерации: динамика атак и меры противодействия в 2022-2024 годах // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. №2. С.740-743.
12. Моисеева Н. А. Кибербезопасность как важный компонент цифровой грамотности поколения Z // Цифровизация и кибербезопасность: современная теория и практика: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2021. С. 191-196.
13. Белоус А. И., Солодуха В. А. Основы кибербезопасности: Стандарты, концепции, методы и средства обеспечения. М.: ТЕХНОСФЕРА, 2021. 483с.
14. Лукошкин А.А. Цифровая безопасность личности в условиях развития цифрового права // Образование и право. 2024. № 1. С.475-482.
15. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ // Российская газета. 31 июля 2017 г. N 167

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // http://pravo.gov.ru/constitution/
2. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030» // SZ RF. 2017. No. 20. Art. 2901.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SZ RF. 2021. No. 27 (part 2). Art. 5351;
4. Decree of the President of the Russian Federation dated April 12, 2021 No. 213 «On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of international information security» // SZ RF. 2021. No. 16 (Part 1). Art. 2746.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated May 1, 2022 No. 250 «On additional measures on ensuring the information security of the Russian Federation» // Law of the Russian Federation. 2022. No. 18. Art. 3058.
6. Duben A.K. Information security in the national security system: actual problems of information law // Security issues. 2023. No. 1. pp.51-57.
7. Milshin Yu.N. On the issue of ensuring information security // Theology. Philosophy. Right. 2024. No. 2. pp.53-61.
8. Ragimkhanova K.T., Davudova S.Ya., Pirmetov K.M. Constitutional and legal foundations of ensuring information security of the Russian Federation // Education. Science. Scientific staff. 2024. No. 2. pp. 62-67.
9. Olifirenko A.A. The concept of «information security» in the context of national security: a comparison of positions // Issues of Russian justice. 2025. No. 35. pp.604-619.
10. Kozlova N.F., Dovgal V.A. Cybersecurity and information security: similarities and differences // Bulletin of ASU. 2021. No. 3. pp.88-97.
11. Korolev A.D. Cybersecurity in public administration of the Russian Federation: dynamics of attacks and counteraction measures in 2022-2024 // Natural Sciences and Humanities Research. 2025. No. 2. pp.740-743.
12. Moiseeva N. A. Cybersecurity as an important component of digital literacy of generation Z // Digitalization and cybersecurity: modern theory and practice: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Omsk: Siberian State Automobile and Road University (SibADI), 2021. pp. 191-196.
13. Belous A. I., Solodukha V. A. Fundamentals of cybersecurity: Standards, concepts, methods and means of ensuring. Moscow: TECHNOSPHERE, 2021. 483s.
14. Lukoshkin A.A. Digital security of the individual in the context of the development of digital law // Education and law. 2024. No. 1. pp.475-482.
15. Federal Law «On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation» dated July 26, 2017, No. 187-FZ // Rossiyskaya gazeta. July 31, 2017, No. 167

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_372

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ, ПРЕДМЕТОМ КОТОРЫХ ВЫСТУПАЮТ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА И ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
FEATURES OF TAXATION OF FINANCIAL SERVICES, INVOLVING CASH AND FINANCIAL INSTRUMENTS

КУЛАКОВ Антон Олегович,
аспирант Высшей школы государственного аудита (факультет)
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
119992, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: aon242@mail.ru;
KULAKOV A.O.,
Postgraduate student at the Higher School of State Audit of Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119992, Russia.
E-mail: aon242@mail.ru

Краткая аннотация: *В исследовании систематизируются особенности налогообложения финансовых услуг, предметом которых выступают денежные средства и финансовые инструменты. Систематизация осуществляется исходя из анализа налоговых последствий, возникающих в результате реализации отдельных финансовых услуг: договора займа, факторинга, договора займа ценных бумаг, договора РЕПО. В статье анализируется теоретические подходы к определению денежных средств и выполняемых ими функций, выявляются функции денежных средств, которые образуются предмет финансовых услуг. По результатам анализа формулируется принцип налоговой нейтральности финансовой услуги.*

Abstract: *The study systematizes the features of taxation of financial services, the subject of which are cash and financial instruments. The systematization is based on the analysis of tax consequences resulting from the implementation of specific financial services: loan agreement, factoring, securities loan agreement, repurchase agreement. The article analyzes theoretical approaches to the definition of monetary funds and functions performed by them, identifies the functions of monetary funds, which are formed by the subject of financial services. According to the results of the analysis the principle of tax neutrality of financial services is stated.*

Ключевые слова: *финансовая услуга, денежные средства, финансовые инструменты, принцип налоговой нейтральности.*
Keywords*: financial service, monetary funds, financial instruments, tax neutrality principle.*

Для цитирования: *Кулаков А.О. Особенности налогообложения финансовых услуг, предметом которых выступают денежные средства и финансовые инструменты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 372-377. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_372.*
For citation*: Kulakov A.O. Features of taxation of financial services, involving cash and financial instruments // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 372-377. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_372.*

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Развитие экономических отношений привело к возрастанию роли капитала в деятельности хозяйственных субъектов. Все большему числу инвестиционных проектов требуется дополнительное финансовое обеспечение или предоставление других инструментов на срочной основе. Финансовые услуги, являясь разновидностью договоров об оказании услуг, опосредуют движение капитала между хозяйственными субъектами.

Самостоятельную группу финансовых услуг образуют операции, отличительной особенностью которых является наличие специального предмета. При этом, как правило, указанные услуги могут оказываться как финансовыми организациями, так и иными неспециализированными хозяйствующими субъектами.

В качестве предмета данной группы финансовых услуг могут выступать: (1*) денежные средства*; (2) *финансовые инструменты*. Особенности предмета указанных услуг обуславливают особые правила налогообложения при их реализации.

Налогообложение финансовых услуг, предметом которых выступают денежные средства. Денежные средства являются категорией, активно исследуемой экономической и юридической науками. Формирование комплексной концепции «денежных средств» становится ключевым при определении особенностей налогообложения финансовых услуг, предметом которых выступают денежные средств.

В.Н. Шитов характеризует деньги как особый товар, законченную форму всеобщего эквивалента, потребительная стоимость которого срослась с его эквивалентной формой стоимости [1, с.6].

Большинство исследователей экономического направления (такие отечественные ученые, как Т.Л. Мягкова и Е.Л. Мягкова [2, с.30], С.А. Чернецов [3, с.27], а также и зарубежные ученые Р.Л. Миллер и Д.Д. Ван-Хуз [4, с.6]) рассматривают сущность денежных средств через их функции.

В настоящий момент среди современных ученых не существует единого мнения по поводу количества и содержания функций денег. Однако большинство исследователей признают три функции денег: функцию меры стоимости, функцию средства обращения, функцию средства накопления [1] [5][6][7].

Наиболее комплексное функциональное определение денег дает О.И. Лаврушин: «Деньги – это экономическая категория, в которой проявляются и при участии которой строятся общественные отношения, где деньги выступают в качестве самостоятельной формы меновой стоимости, средства обращения, платежа и накопления» [5, с.94].

С точки зрения юридической науки денежные средства выступают объектом гражданских прав, который выражается их универсальным характером, т.е. возможностью выступать мерой стоимости, средством платежа и накопления и др.

По верному замечанию Замотаевой Т.Б. «Специфика денег как объекта прав заключается и в том, что государство придает деньгам законность платежного средства (устанавливает некую ценность), что позволяет тому или иному субъекту легитимно совершить платеж в конкретных правоотношениях» [8, с.16].

Гудкова полагает, что «с финансово-правовой точки зрения деньги представляют … знак, являющийся всеобщим эквивалентом стоимости товаров, работ или услуг, выраженным в количестве денежных единиц, закрепленным на законодательном уровне в государстве и выполняющим функцию всеобщего средства учета и измерения стоимости товара или услуги, функцию средства платежа, функцию средства обращения, функцию тезаврации, информационную функцию, функцию всеобщего средства платежа» [9, с.13].

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что для разграничения финансовых услуг от всех других обязательственных конструкций из них следует исключить операции, в которых денежные средства выступают средством платежа. Иными словами, не любое обязательство по оплате денежными средствами будет представлять собой реализацию финансовых услуг.

Вместе с тем обязательство по оплате может являться самостоятельным предметом финансовой услуги, если происходит реализация (уступка) права требования оплаты в адрес третьего лица. По своему экономическому содержанию указанные финансовые услуги, как правило, относятся к факторинговой деятельности.

К основным видам финансовых услуг, **предметом которых выступают денежные средства можно отнести**: *заем, факторинг.*

Заемные обязательства. Договор займа является одной самых распространённых финансовых услуг. Заем характеризуется рядом признаков, качественно отличающих его от иных видов обязательств: *возвратность*, *платность*, *срочность.*

Возвратность означает, что заемщик обязуется вернуть заимодавцу полученные средства, включая как основное тело кредита, так и проценты, начисленные на него. В случае невозврата или несвоевременного возврата заемщик несет имущественную ответственность, которая может быть реализована в форме штрафные санкций.

Платность предполагает, что любой заем предусматривает уплату процентов за его использование. Заимодавец устанавливает процентную ставку, которая может быть фиксированной, плавающей, либо привязанной к заранее известному финансовому показателю. Кроме процентов, могут начисляться дополнительные сборы и комиссии, что также является важным аспектом платности кредита.

Уплата процентов и основного тела займа подлежит уплате в порядке, который определен сторонами договора – они могут подлежать уплате как на периодичной основе, так и целиком в конце срока действия договора.

Срочность кредита означает, что кредит предоставляется на определённый срок: краткосрочный, долгосрочный или определяемый событием. В договоре займа устанавливается конкретный срок, в течение которого заемщик должен возвратить денежные средства.

Отсутствие или искажение любого из указанных признаков договора займа дает основания полагать о наличии между сторонами иных фактических экономических отношений, которые могут иметь значение для целей налогообложения.

С точки зрения законодательства о налогах и сборах договор займа как финансовая услуга имеет следующие особенности:

— **Отсутствие возникновения объекта обложения НДС**

В силу прямого указания НК РФ операции по предоставлению и возврату займа не образуют объект обложения НДС.

Экономический смысл освобождения от НДС операций по займам заключается в том, что сами по себе такие операции не приводят к созданию добавленной стоимости, которая является основой для налогообложения по НДС. Займы в денежной форме представляют собой временное предоставление средств, которые подлежат возврату и не сопровождаются передачей права собственности на товары или услуги, что могло бы стать основанием для начисления НДС (пп. 15 п. 3 ст. 149 НК РФ).

— **Налоговая нейтральность передачи основного тела займа**.

Действующее законодательство о налогах и сборах исходит из того, получение заемщиком денежных средств не образует у заемщика дохода, понимаемого в качестве определенной экономической выгоды, поскольку на заемщика возлагается обязанность по возврату всей полученной суммы (пп. 10 п. 1 ст. 251, п. 12 ст. 270 НК РФ). Аналогичный подход применяется и в отношении займодавца, тем самым образуя некоторый экономический баланс интересов сторон.

В данной связи, сама по себе операция по предоставлению, получению и последующему возврату основного долга не сопряжена с возникновением налоговых последствий.

Поскольку гражданско-правовая конструкция договора займа предусматривает обязанность заемщика вернуть аналогичный товар, у займодавца отсутствует прямая выгода, которая связана с изменением стоимости возвращаемых денежных средств, тем самым создавая финансовый баланс. Исключения могут затрагивать ситуации, когда валюта займа отличается и у сторон могут возникнуть доход / расход для целей налогообложения, связанный с изменением курса валют. В случае нарушения баланса путем невозврата заемщиком полученных денежных средств, налоговые последствия возникают как у заемщика, так и у займодавца.

Денежные средства, которые не были истребованы у заемщика образуют у него налогооблагаемый доход (п. 18 ст. 251 НК РФ). По общему правилу основание, в связи с которым денежные средства не были возвращены в адрес заимодавца, не влияет на обязанность исчислить и заплатить налог.

Исходя из изложенного выше можно сделать вывод, что в случае отсутствия у стороны дохода (экономической выгоды), выдача (получение) и последующий возвращение основного тела займа не сопряжено с возникновением объекта обложения.

Указанное положение может быть сформулировано в качестве одного из ключевых принципов налогообложения финансовых услуг –

их налоговой нейтральности.

Под принципом налоговой нейтральности финансовой услуги следует понимать совокупность преследующих единую цель сделок, до момента реализации всех этапов которых не возникает налоговых последствий по имущественным налогам.

— **Особый режим налогообложения процентного дохода / расхода**

Выплата (получение) процентов не является налогово- нейтральной операцией. Полученные заимодавцем проценты приводят к возникновению налогооблагаемого дохода (п. 8 ст. 272 НК РФ), который должен быть учтен в составе налоговой базы по налогу на прибыль.

Выплата процентов заемщиком, по общему правилу, образует расход, который может учтен для целей налогообложения. К такому расходу применяются общие требования законодательства о налогах и сборах и, в частности, требования ст. 252 НК РФ.

Момент признания процентных доходов (расходов) для целей налогообложения также имеет свои особенности при использовании налогоплательщиком метода начисления. Если договор займа заключен между сторонами на срок, который длится свыше одного отчетного или налогового периода, то налогоплательщик обязан признавать такой доход (расход) равномерно на конец каждого месяца вне зависимости от фактической даты уплаты процентов (п. 6 ст. 271 НК РФ).

Указанные положения обеспечивают особые правила налогообложения заемного финансирования, поскольку презюмируют равномерное извлечение налогоплательщиком экономических преимуществ. В данной связи, по общему правилу, выплата и получение процентов по займу образуют для бюджета баланс с нулевым финансовым результатом.

Особенности финансово-хозяйственных отношений между отдельными участниками или присутствие в данных отношениях иностранного элемента могут привести к нарушению указанного баланса и, как следствие, ущербу бюджету. Налоговым законодательством выработан ряд мер, препятствующих недобросовестным действиям налогоплательщиков при использовании заемного финансирования.

Налогообложение факторинговых операций. Большинство операций в реальном секторе экономики имеют разрыв между датой поставки (датой оказания услуг, выполнения работ и т. д.) и датой их оплаты. В товарных договорах этот срок может достигать трех и даже шести месяцев. Данная особенность гражданского оборота обусловила возникновение новой группы участников финансового рынка – факторов.

Факторинговые услуги позволяют получать своевременное финансирование хозяйствующими субъектам за счет «выкупа» прав требования другим лицом, который занимается этим на профессиональной основе. В таких условиях фактор приобретает риск неоплаты покупателем основного обязательства взамен вознаграждения – скидки от приобретенного права требования.

В основу факторинговой деятельности включается самостоятельный способ изменения стороны обязательства – уступка права требования.

Ключевое различие между факторингом и уступкой прав требования заключается в том, что факторинг – является профессиональной услугой, которая оказывается третьим лицом на возмездной основе, а цессия представляет собой один из способов смены стороны обязательства.

С точки зрения законодательства о налогах и сборах, факторинг как финансовая услуга сопряжен с реализацией двух взаимосвязанных операций:

— Уступка права требования.

— Получение комиссионного вознаграждения.

Отличительной особенностью данной группы договоров является то, что фактору необходимо исчислять и удерживать НДС либо на величину стоимости агентского вознаграждения, либо на разницу от стоимости требования, приобретаемого у клиента, и получаемой задолженности от дебитора [10] [11].

При этом в отношении природы комиссионного вознаграждения существует разнонаправленная практика. Минфин РФ исходит из того, что вознаграждение фактора является выплатой по долговому обязательству и для целей налогового законодательства должно соответствовать требованиям статьи 269 НК РФ [12] [13]. Арбитражно-судебная практика придерживается подхода, согласно которому комиссия фактора не является выплатой процентов по смыслу ст.269 НК РФ [14] [15].

Налоговое законодательство не рассматривает факторинговые операции в качестве самостоятельного института – доходы и расходы по данному виду договора определяются исходя из общих положений об уступке прав требования. Схожий вывод содержится и в позиции Министерства Финансов Российской Федерации [16].

Налогообложение финансовых услуг, объектом которых выступают финансовые инструменты.

Развитие товарно-денежных отношений привело к появлению новых объектов гражданских прав – ценных бумаг, а позже и к более сложных способам защиты (так называемым операциям хеджирования) и увеличения капитала – производным финансовым инструментам. Текущее законодательство, регулирующее оборот финансовых инструментов, предусматривает две большие группы данных объектов гражданских прав: *ценные бумаги* и *производные финансовые инструменты*.

Ценные бумаги представляют собой документы, подтверждающие имущественные права их владельца, которые могут быть переданы другим лицам. Они включают в себя акции, облигации, векселя, опционы и другие финансовые инструменты, который определены гражданским законодательством.

Отдельные виды финансовых инструментов могут предусматривать выплату дохода в адрес её владельца. С точки зрения законодательства о налогах и сборах такие выплаты не участвуют в формировании финансового результата, а подлежат обособленному учету в составе различных налоговых баз. В отдельных случаях к финансовому результату, полученному в результате реализации финансовой услуги и к полученному промежуточному доходу могут применяться различные налоговые ставки.

По мнению И.Г. Горловской услуги на рынке ценных бумаг «*являются видом финансовых услуг, необходимость и специфика которых обусловлены основными характеристиками ценных бумаг. РЦБ-услуги представляют деятельность по обеспечению перераспределения денежных ресурсов в экономике ... Они удовлетворяют потребности эмитентов, инвесторов, государства, других профессиональных участников (услугополучателей), возникающие в процессе выпуска, обращения, погашения ценных бумаг* [17, с. 55].

Отмечая обоснованность указанного подхода, следует отметить, что в состав финансовых услуг на рынке ценных бумаг не включаются операции купли-продажи финансовых инструментов, поскольку по своей правовой природе они образуют самостоятельный вид договорных обязательств – по передаче имущества в собственность.

Общей особенностью налогообложения операций с финансовыми инструментами является их деление на обращающиеся и необращающиеся на организованном рынке ценных бумаг. Указанная особенность проявляется исключительно в пределах налогового права и влияет на параметры налогового учета операций с финансовыми инструментами.

В отношении необращающихся инструментов налогоплательщик обязан в зависимости от обстоятельств: (1) принимать для целей налогового учета цену, отличающуюся от фактической цены сделки; (2) вести учет в рамках отдельной налоговой базы.

Другой общей особенностью финансовых услуг, предметом которых выступают финансовые инструменты, является то, что порядок их налогообложения напрямую определен соответствующими статьями НК РФ. Так, особенности формирования налоговой базы установлены в отношении договора займа ценных бумаг, договора РЕПО и операций с ПФИ.

Вместе с тем, особенности налогообложения отдельных финансовых услуг с зависят от их вида (содержания операции) и используемого финансового инструмента.

Налогообложение операций с ценными бумагами. Гражданское законодательство определяет основные параметры, которые позволяют квалифицировать объект гражданских прав в качестве ценной бумаги. Так, в ст. 142 к ним, в частности, относятся акции, облигации, инвестиционные паи паевого инвестиционного фонда и др.

Права, которые предоставляются владельцам ценных бумаг, обуславливают особенности налогообложения в процессе оказания финансовых услуг.

К финансовым услугам, предметом которых выступают ценные бумаги, следует отнести: *заем ценных бумаг, РЕПО*.

Налогообложение займа ценных бумаг. В рамках договора займа ценных бумаг заимодавец передаете заемщику в собственность ценные бумаги, а заемщик обязуется вернуть равное количество таких же ценных бумаг.

Договор займа ценных бумаг являясь разновидностью договора займа имеет с ним как ряд общих черт, в частности, общие признаки займа – возвратность, платность и срочность, так и особенностей, связанных с предметом договора [18, с. 57].

Особенности налогообложений договора займа ценных бумаг заключаются в следующем:

— **Конкретизация доходов и расходов, которые подлежат включению в налоговую базу по налогу на прибыль.**

НК РФ в отношении договора займа ценных бумаг установлены положения, которые, не изменяя правовой характеристики доходов и расходов, конкретизируют состав налоговой базы по налогу на прибыль в результате реализации данного вида услуг.

При этом указанная конкретизация не связана с улучшением или ухудшением финансового состояния сторон сделки, но направлена на создание наиболее оптимального порядка их налогообложения.

— **Отсутствие возникновения объекта обложения НДС;**

Аналогично большинству финансовых услуг заключение и исполнение договора займа ценных бумаг не признается операцией, облагаемой НДС.

— **Налоговая нейтральность отдельных этапов договора займа ценных бумаг**

Особенность предмета договора, а именно наличие в нем ценных бумаг, стоимостная оценка которых может со временем измениться, обуславливает особое правило налогообложение доходов (расходов) кредитора.

При передаче и возврате ценных бумаг положительный или отрицательный финансовый результат, связанный с изменением рыночной стоимости ценных бумаг не будет подлежать налогообложению как со стороны заемщика, так и со стороны кредитора (п. 4 ст. 282.1 НК РФ).

В связи с вышеизложенным следует констатировать наличие признака налоговой нейтральности финансового результата при реализации договора займа ценных бумаг.

— **Особый режим налогообложения процентного дохода / расхода**

Законодательством о налогах и сборах в отношении вознаграждения выплачиваемого в рамках договора займа ценных бумаг, установлен правовой режим, аналогичный режиму учета процентов по долговым обязательствам (п. 7 ст. 282.1 НК РФ).

При этом, если в отношении передаваемых ценных бума предусмотрено право на получение промежуточных выплат (дивидендов, купонов и др.) они не признаются доходами заемщика и включаются в состав налоговой базы кредитора.

— **Особый режим налогового учета договора займа ценных бумаг**

Законодательство о налогах и сборах исходит из ограничения действия договора займа ценных бумаг периодом в один год при отсутствии на то ограничений с точки зрения гражданского законодательства.

Указанное правило не характерно для других видов обязательств и применяется исключительно для целей налогообложения, что свидетельствует об особом режиме налогообложения договора займа ценных бумаг.

Договор РЕПО состоит из двух взаимосвязанных частей: в рамках первой части одна сторона (продавец) обязуется передать в собственность другой стороне (покупателю) ценные бумаги, а покупатель обязуется платить за них определенную денежную сумму. В рамках второй части покупатель обязуется в установленный срок передать ценные бумаги в собственность продавца, а продавец обязуется уплатить за них определенную денежную сумму.

Особенности налогообложения операций РЕПО проявляются в следующем:

—**Конкретизация доходов и расходов, которые подлежат включению в налоговую базу по налогу на прибыль**

НК РФ в отношении договора РЕПО установлены положения, которые, конкретизируют состав налоговой базы по налогу на прибыль в результате реализации данного вида услуг.

—**Отсутствие возникновения объекта обложения НДС;**

В силу прямого указания НК РФ операция РЕПО не сопряжена с возникновением объекта обложения НДС.

—**Налоговая нейтральность отдельных этапов договора РЕПО**

Осуществление первой части договора РЕПО не сопряжено с формированием объекта налогообложения налогом на прибыль. Налогооблагаемый финансовый результат в рамках договора РЕПО возникает только в момент совершения второй части договора.

—**Особый режим налогообложения процентного дохода / расхода**

Разница между первой и второй частью договора РЕПО признается процентным и учитывается в составе доходов / расходов покупателя и поставщика в зависимости от того, является ли она положительной или отрицательной.

—**Особый режим налогового учета договора РЕПО**

Законодательством о налогах и сборах установлен особый режим налогообложения операций РЕПО. Указанный режим проявляется в:

Особенностях переквалификации договора. НК РФ установлены отличающиеся от гражданско-правовых основания для прекращения (переквалификации) операции РЕПО для целей налогообложения. При этом предусмотрены специальные правила учета доходов, расходов сторон в случае осуществления переквалификации

Особенностях учета промежуточных выплат. НК РФ установлены следующий правовой режим учета промежуточных выплаты по ценным бумагам, право на получение которых возникло у покупателя: (1) они могут приниматься в уменьшение суммы денежных средств, подлежащих уплате продавцом по первой части при последующем приобретении ценных бумаг по второй части; (2) Либо перечисляться покупателем по первой части РЕПО продавцу по первой части РЕПО в соответствии с договором РЕПО.

Вне зависимости от выбранного способа такие выплаты не признаются доходами покупателя включаются в доходы продавца по первой части РЕПО.

Налогообложение операций с производными финансовыми инструментами. Производные финансовые инструменты или деривативы наиболее сложные средства снижения риска неблагоприятных последствий (или получения дохода) на срочном финансовом рынке.

Производный характер данных активов выражается в зависимости финансового обязательства сторон от цены основного актива (базисного актива) [19, с.151-152]. Разнообразие экономических отношений предопределяет вариативность выбора участниками оборота средств и способов заработка и хеджирования рисков посредством выбора наиболее подходящего финансового инструмента.

Наиболее часто встречающимися деривативами следует считать: фьючерсные, форвардные договоры, опционы на заключение договора в отношении базисного актива, свопы и т.д.

Налоговое законодательство также не содержит особенностей в правовом режиме для отдельных операций с производными финансовыми инструментами.

С учетом изложенного можно констатировать, что денежные средства, финансовые инструменты образуют предмет самостоятельной группы финансовых услуг, которые могут оказываться неспециализированными (нефинансовыми) организациями.

Отличительными особенностями налогообложения данной группы финансовых услуг является следующее:

— **Наличие в НК РФ специальных положений, определяющих налоговые последствия реализации отдельных видов финансовых услуг.**

Формальной основой для выделения финансовых услуг в качестве самостоятельного вида обязательства, является то, что в НК РФ закреплены положения, определяющие их особенности налогообложения.

— **Особый режим налогового учета**

Положения НК РФ не только детализируют порядок формирования налоговой базы при реализации финансовых услуг, но и создают особый режим их налогового учета.

В отдельных случаях положения НК РФ могут устанавливать правила, которые качественно отличаются от существующих гражданско-правовых отношений сторон.

— **Отсутствие НДС**

Большинство финансовых услуг освобождено от обложения НДС. Исключения могут затрагивать сопутствующие финансовые услуги и инфраструктурные финансовые услуги, которые создают основу для оказания основных финансовых услуг и несут самостоятельную ценность для их потребителей.

— **Налоговая нейтральность финансовой услуги**

Финансовые услуги в отличии от большинства иных видов обязательств реализуются в рамках нескольких связанных финансово – хозяйственных операций, которые, как правило, имеют разнонаправленный характер: выдача – возврат имущества, купле-продажа с обязательством обратного выкупа и др.

Указанная особенность проявляется в налогообложении путем формирования налоговой базы по налогу на прибыль в виде положительного или отрицательного финансового результата, который возникает только в момент реализации финансовой услуги в целом.

Налогообложение промежуточного результата возможно исключительно в тех ситуациях, когда финансовая услуга не может быть оказана в полном объеме: ликвидация заемщика, которому выдан заем, или прощение долга кредитором, прекращение существования базового актива производного финансового инструмента и т.д.

— **Формирование отдельной налоговой базы по операциям, предметом которых выступают финансовые инструменты**

Налоговая база по операциям с отдельными финансовыми инструментами, цифровыми финансовыми активами и цифровыми валютами определяется отдельно, что не характерно для других видов обязательств.

Приведенные положения позволяют сделать вывод о самостоятельном режиме налогообложения финансовых услуг, предметом которых выступают денежные средства, финансовые инструменты.

Список литературы:

1. Шитов В.Н. Деньги. Кредит. Банки: учебное пособие: в 2 ч. — Ульяновск. — 2011. — Ч. 1. — 167 с.
2. Мягкова Е.Л., Мягкова Т.Л. Финансы, денежное обращение и кредит. — М. — 2010. - 191 с.
3. Чернецов С.А. Деньги, кредит, банки: учебное пособие. — М. — 2009. - 492 с.
4. Миллер Р.Л., Ван-Хуз Д.Д. Современные деньги и банковское дело. —М. — 2000. — XXIII, - 824 с.
5. Деньги, кредит, банки: учебник для студентов, обучающихся по направлению "Экономика" / под ред. О.И. Лаврушина. 15-е изд., стер. — М., — 2016. - 448 с.
6. Кучеров И. И. Право денежного обращения курс лекций / И.И. Кучеров. — Москва : Магистр, ИНФРА-М, — 2013. – 252 с.
7. Артемов Н.М., Арзуманова Л.Л., Ситник А.А. Денежное право (финансово-правовое регулирование обращения национальной и иностранной валюты на территории Российской Федерации): кол. монография. — М. — 2011. - 269 с.
8. Замотаева, Т.Б. Деньги как объект гражданских прав : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Сарат. гос. акад. права. — Самара. — 2003. - 19 с.
9. Гудкова М.В. Денежная эмиссия и денежное обращение в Российской Федерации: особенности финансово-правового регулирования : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.04 / Гудкова Марина Валентиновна. — Саратов. — 2021. - 38 с.
10. Письмо УФНС по г. Москве от 02.08.2005 № 19-11/55124 // Документ опубликован не был. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Письмо МНС РФ от 23.04.2004 № 03-2-06/1/1054/22@ // Документ опубликован не был. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Письмо Минфина России от 13.05.2009 N 03-07-11/136 // Документ опубликован не был. — Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
13. Письмо Минфина России от 04.08.2008 N 03-03-06/1/437 // Документ опубликован не был. — Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
14. Постановление ФАС Московского округа от 16.02.2011 N КА-А40/16965-10 по делу N А40-160420/09-115-1142 // Документ опубликован не был. — Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
15. Постановление ФАС Московского округа от 02.08.2005, 28.07.2005 N КА-А40/7021-05 // Документ опубликован не был. — Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
16. Письмо Министерства Финансов России от 04.03.2013 № 03-03-06/1/6366 // Документ опубликован не был. — Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
17. Горловская И. Г. Услуги на рынке ценных бумаг как вид финансовых услуг // Финансы и кредит. — 2009. — №4 (340).
18. Абрамова Е. Н. Договор займа ценных бумаг // Право и экономика. 2018. — № 4.
19. Тюкавкин Н.М. Российский рынок деривативов // Вестник СамГУ. — 2014. — №8 (119).

References:

1. Shitov V.N. Money. Credit. Banks: textbook: in 2 parts. — Ulyanovsk. — 2011. — Ч. 1. — 167 p.
2. Myagkova E.L., Myagkova T.L. Finance, monetary circulation and credit. — M. — 2010. — 191 c.
3. Chernetsov S.A. Money, credit, banks: textbook. — M. — 2009. — 492 c.
4. Miller R.L., Van—Hoose D.D. Modern Money and Banking. —M. — 2000. — XXIII, — 824 p.
5. Money, credit, banks: textbook for students studying in the direction of “Economics” / ed. by O.I. Lavrushin. 15th ed., ster. — M., — 2016. — 448 c.
6. Kucherov I. I. The right of monetary circulation course of lectures / I.I. Kucherov. — Moscow : Magister, INFRA-M, — 2013. — 252 c.
7. Artemov N.M., Arzumanova L.L., Sitnik A.A. Money law (financial and legal regulation of national and foreign currency circulation on the territory of the Russian Federation): col. monograph. — M. — 2011. — 269 c.
8. Zamotaeva, T.B. Money as an object of civil rights : abstract of disc. ... Candidate of legal sciences : 12.00.03 / Saratov State Academy of Law. — Samara. — 2003. — 19 c.
9. Gudkova M.V. Money issue and money circulation in the Russian Federation: peculiarities of financial and legal regulation : abstract of a dissertation ... ... Candidate of legal sciences : 12.00.04 / Gudkova Marina Valentinovna. — Saratov. — 2021. — 38 c.
10. Letter of the Federal Tax Service of Moscow from 02.08.2005 № 19—11/55124 // The document was not published. — Access from the Reference information system “Consultant—Plus”.
11. Letter of the Ministry of Taxation of the Russian Federation from 23.04.2004 № 03—2—06/1/1054/22@ // The document was not published. — Access from the Reference information system “Consultant—Plus”.
12. Letter of the Ministry of Finance of Russia from 13.05.2009 N 03—07—11/136 // The document was not published. — Access from the Reference information system “Consultant—Plus”.
13. Letter of the Ministry of Finance of Russia from 04.08.2008 N 03—03—06/1/437 // The document was not published. — Access from the Reference information system “Consultant—Plus”.
14. Resolution of FAS Moscow District from 16.02.2011 N KA—A40/16965—10 in the case N A40—160420/09—115—1142 // Document has not been published. — Access from the Reference information system “Consultant—Plus”.
15. Resolution of FAS Moscow District from 02.08.2005, 28.07.2005 N KA—A40/7021—05 // Document has not been published. — Access from Reference information system “Consultant—Plus”.
16. Letter of the Ministry of Finance of Russia from 04.03.2013 № 03—03—06/1/6366 // The document was not published. — Accessed from the Reference information system “Consultant—Plus”.
17. Gorlovskaya I. G. Services on the securities market as a type of financial services // Finance and Credit. — 2009. — №4 (340).
18. Abramova E. N. Securities loan agreement // Law and Economics. 2018. — № 4.
19. Tyukavkin N.M. Russian derivatives market // Vestnik SamSU. — 2014. — №8 (119).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_378

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ, НЕ ИМЕЮЩИХ ДОКУМЕНТОВ, УДОСТОВЕРЯЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСКУЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF PERSONS WHO DO NOT HAVE IDENTITY AND CITIZENSHIP DOCUMENTS

ЗАЙЦЕВ Василий Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 4-я лин. В.О., 43.;
доцент кафедры конституционного и административного права РАНХиГС (Санкт-Петербург).
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43.
E-mail: rabbitbugz@rambler.ru;

ЧИСТЮХИНА Мария Викторовна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: marya_chistuhina@mail.ru;

ZAITSEV Vasily Andreevich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
199178, Russia, St. Petersburg, 4th lin. V.O., 43.
Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law RANEPA (Saint Petersburg).
199004, Russia, St. Petersburg Sredny Prospekt V.O., 57/43.
E-mail: rabbitbugz@rambler.ru;

CHISTYUKHINA Maria Victorovna,
Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Public Law Disciplines
Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education
"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin."
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: marya_chistuhina@mail.ru

Краткая аннотация: *в данной статье исследуются особенности правого статуса лиц, не имеющих документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность. Апатризм рассматривается как правовое явление. Проведен краткий анализ федерального законодательства Российской Федерации, международных правовых стандартов и законодательства зарубежных стран в указанной сфере. Проанализированы основные причины и правовые последствия апатризма. Приводиться разграничение понятий «Апатрид (лицо без гражданства)», «Лицо без документов, удостоверяющих личность и гражданство», «Иностранный гражданин».*

Abstract: *this article examines the peculiarities of the legal status of persons who do not have identity and citizenship documents. Apatrism is considered as a legal phenomenon. A brief analysis of the federal legislation of the Russian Federation, international legal standards and legislation of foreign countries in this area is carried out. The main causes and legal consequences of apatrism are analyzed. A distinction is made between the concepts of "Stateless person", "Person without identity and citizenship documents", and "Foreign citizen*

Ключевые слова: *апатрид (лицо без гражданства); лицо без документов, удостоверяющих личность и гражданство; иностранный гражданин; права человека; адаптация; интеграция; миграция; мигрант.*

Keywords: *stateless person; person without identity and citizenship documents; foreign citizen; human rights; adaptation; integration; migration; migrant.*

Для цитирования: *Зайцев В.А., Чистюхина М.В. Особенности правового статуса лиц, не имеющих документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 378-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_378.*

For citation*: Zaitsev V.A., Chistyukhina M.V. Features of the legal status of persons who do not have identity and citizenship documents // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 378-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_378.*

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В 1991 г. произошло ключевое событие положившие начало формированию новой системы международных отношений. Данным событием стал распад Союза Советских Социалистических Республик. Прекращение существования крупнейшего на земном шаре государства способствовало образованию новых независимых и самостоятельных государств на политической карте мира, и как следствие образовался ряд проблем с определением правового статуса граждан бывшего Союза. С распадом СССР ряд граждан, не так давно проживавших в одном государстве в местах их фактического проживания в одночасье стали иностранцами и лицами без гражданства, что породило множество проблем и коллизий, как на законодательном уровне, так и на бытовом [1]. Различия конституционно-правового статуса граждан по большей части зависят от характера их правовой связи с Россией и (или) иным государством. По данному критерию в законодательстве и научной доктрине выделяется три категории населения: российские граждане, иностранные граждане, лица без гражданства [2].

Гражданство представляет собой не только правовую связь человека с государством, но и устойчивую социально-политическую принадлежность, которая включает в себя как реализацию прав, выполнение обязанностей, так и глубокую интеграцию личности в правовую, соци-

альную и культурную жизнь государства. Это устойчивое взаимодействие закрепляет принадлежность человека к определенному государству и создает правовую основу для защиты его прав, реализации интересов и исполнения обязанностей.

Конституция Российской Федерации, допуская дифференциацию правового статуса личности в зависимости от отношения к гражданству, в определении правового положения двух последних групп исходит из принципа национального режима (ч. 3 ст. 62), суть которого заключается в наделении их правами и обязанностями наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором [3].

Таким образом, путем ограничения либо расширения объема предоставления тех или иных прав создается гибкость в реализации государственной политики в отношении лиц, не являющихся гражданами России [4]. Вопросы реализации прав и свобод лиц без гражданства (апатридов) в доктрине конституционного права не теряют своей актуальности на протяжении длительного периода времени. И вопрос борьбы с «безгражданством» остро стоит перед всем мировым сообществом. Люди, не имеющие официально устойчивой правовой связи с каким-либо государством, с правовой точки зрения находиться в более уязвимом положении.

В научных трудах российских ученых отмечается недостаточная правовая защищенность апатридов, в особенности лиц с незакрепленным правовым статусом [5], а также обосновываются негативные аспекты состояния безгражданства, которые выражаются в уязвимости такого правового положения в связи с отсутствием защиты каким-либо государством, в отсутствии права на участие в политической жизни страны проживания, в ограничении возможности пользования правами, принадлежащими гражданину [6], и, в конечном счете, в невозможности в полной мере раскрыть потенциал личности в политической, экономической и социальной сферах жизни общества.

Безгражданство (апатризм), как правовое явление, представляет собой одну из наиболее сложных и многогранных проблем международного права, так как отсутствие гражданства разрывает не только правовые, но и устойчивые социальные связи человека с государством, что значительно усугубляет его социальное и правовое положение. Апатриды, лица, не обладающие гражданством какого-либо государства, оказываются в состоянии, при котором они лишены базовых прав и свобод, что накладывает серьезный отпечаток на их правовой и социальный статус.

Причины безгражданства разнообразны. В международной практике выделяют два вида безгражданства:

– абсолютное безгражданство, возникающее с момента рождения;

– относительное, связанное с утратой гражданства в силу различных обстоятельств.

Одной из основных причин, порождения безгражданства, является дискриминация в законодательстве о гражданстве, которая может проявляться на основе пола, расы, религии или иных факторов (например, в ряде таких государств как: Кувейт, Сирия, ОАЭ, женщины не могут передавать гражданство своим детям наравне с мужчинами; в Латвии и Эстонии имеется практика предоставления особого статуса неграждан лицам определенных национальностей; в Мьянме законодательство ограничивает возможность получения гражданства для представителей этнических меньшинств, в частности рохинджа; в Ливане признаны ограничения по конфессиональному признаку).

Отсутствие регистрации рождения – еще одна важная причина. Свидетельство о рождении является ключевым документом, подтверждающим место рождения и родительскую принадлежность, что необходимо для установления гражданства. Нерегистрация факта рождения, особенно в странах с нестабильной политической обстановкой, приводит к тому, что дети автоматически оказываются под угрозой стать апатридами. К примеру, УВКБ ООН выявило тысячи детей-сирот, не имеющих гражданства, в детских домах Европы после распада ряда государств (Чехословакия, Югославия и др.). По достижении совершеннолетия их положение нередко ухудшается, поскольку они не могут легализовать свой статус в качестве гражданина какого-либо государства, что препятствует получению документов, удостоверяющих личность, и, соответственно, полноценной реализации гражданских, социальных и иных прав.

Последствия безгражданства многогранны. К ним относятся социальные, экономические и политические аспекты жизни. Лишенные гражданства лица зачастую остаются без права на образование, труд, жилье, социальное обеспечение и медицинскую помощь. Апатриды сталкиваются с особыми трудностями в реализации права на охрану здоровья, что дополнительно усугубляет их положение. Отсутствие правового статуса также влияет на гражданские и политические права, включая свободу передвижения, защиту от произвольного задержания и возможность участия в политической жизни [7].

Таким образом, можем сделать вывод о том, что безгражданство, так или иначе, приводит к социальной маргинализации и отчуждению личности, а в некоторых случаях – к конфликтам на этнической и религиозной почве и массовому перемещению населения, что в свою очередь, несет угрозу национальной безопасности государства [8].

Итак, в международно-правовой доктрине лица, не имеющие документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность, называют апатридами, или лицами без гражданства. То есть, это человек, который не считается гражданином какого-либо государства в соответствии с его законодательством, а также у которого отсутствуют документы, подтверждающие его гражданство или личность. Однако, важно понимать, что отсутствие документов не обязательно означает отсутствие гражданства. Например, человек может быть гражданином страны пребывания, но не иметь документов, удостоверяющих личность. Наглядно разграничить данные понятия целесообразнее в таблице:

Категория	Гражданство	Документы, удостоверяющие личность	Примечания
Апатрид (лицо без гражданства)	Отсутствует	Может иметь временное удостоверение личности лица без гражданства, вид на жительство или другие документы, признаваемые в соответствии с международными договорами Российской Федерации	Апатриды не имеют гражданства ни одного государства и, соответственно, не пользуются дипломатической защитой какого-либо государства
Лицо без документов,	Может иметь граж-	Отсутствуют	Такие лица могут быть гражданами своей

удостоверяющих личность и гражданство	данство, но не подтверждено документально		страны, но без документов их гражданство и личность не подтверждены
Иностранный гражданин	Имеет гражданство другого государства	Имеет паспорт или иной документ, удостоверяющий личность, признаваемый в Российской Федерации	Иностранные граждане пользуются правами и несут обязанности в соответствии с законодательством Российской Федерации, но не имеют некоторых политических прав, таких как право участвовать в выборах

Лица без гражданства (апатриды) представляют собой одну из наиболее уязвимых категорий населения в любой стране, включая Российскую Федерацию. В отличие от иностранных граждан, апатриды, не имея гражданской принадлежности к какому-либо государству, утрачивают возможность реализовывать правовые связи с государством происхождения.

Их правовой статус определяется исключительно законодательством страны пребывания и регламентируется преимущественно национальным законодательством. Конституция Российской Федерации, федеральные законы и международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией, составляют основу правового регулирования положения апатридов.

Согласно ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации, лица без гражданства обладают равными с гражданами Российской Федерации правами и обязанностями, за исключением тех случаев, которые оговорены федеральным законодательством и международными договорами [3]. Данное положение подтверждает основной принцип недискриминации, закрепленный во многих официальных международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека[9], Конвенция ООН о статусе апатридов 1954 г. [10], Конвенция о сокращении безгражданства 1961 г. [11] и другие, устанавливают стандарты минимальной защиты лиц без гражданства. Первая из них определяет апатридов как лиц, которых «не признает гражданами ни одно государство в силу его закона», и устанавливает минимальные стандарты их положения, включая право на образование, труд и жилье [9]. Иные возлагают на государства обязательства по предотвращению и сокращению безгражданства, включая гарантии, направленные на предотвращение безгражданства при рождении и на более поздних этапах жизни.

Несмотря на то, что Российская Федерация не ратифицировала данные конвенции, их положения частично интегрированы в национальное законодательство. Например, права апатридов на труд, образование и медицинскую помощь закреплены в соответствующих федеральных законах. Однако реализация этих прав на практике часто сталкивается с проблемами, связанными с отсутствием у лиц без гражданства документов, удостоверяющих личность.

По мнению А.Х. Абашидзе, из-за того, что в российском законодательстве отсутствует прямое закрепление многих положений этих конвенций, поскольку они не ратифицированы в Российской Федерации, это является условием для возникновения правовых пробелов и коллизий в обозначенной сфере, которые требуют устранения. Например, в части обеспечения культурных и социальных прав лиц без гражданства, по мнению автора необходимо разработать механизмы, позволяющие им полноценно интегрироваться в общество [6].

В России лица, не имеющие гражданства, официально называются лицами без гражданства. Их правовой статус регулируется рядом нормативных правовых актов, включая Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Закон о гражданстве Российской Федерации) [12] и Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон о правовом положении иностранных граждан) [13], каждый из которых содержит понятийный аппарат в обозначенной сфере.

Согласно п. 10 ст. 4 Закона о гражданстве Российской Федерации, лицо без гражданства определяется как «лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства» [12].

Схожее определение лица без гражданства дается в п. 2 ч. 1 ст. 2 Закона о правовом положении иностранных граждан, как «физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства» [13].

Термин «лицо без гражданства» также содержится и используется в Федеральном законе от 18 июля 2006 № 109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [14], однако определение данного понятия законодателем не дается.

Таким образом, в российском законодательстве статус лица без гражданства подчеркивает отсутствие принадлежности к какому-либо государству. Такие лица обладают рядом ограничений, но при этом на них распространяются основные права человека, гарантируемые Конституцией Российской Федерации и международными правовыми стандартами в области прав человека, однако реализация данных прав зачастую осложняется отсутствием механизмов, направленных на поддержку лиц без гражданства.

Существующая правовая база хотя и ориентирована на содействие лицам без гражданства в реализации их основных прав, но все же имеет недостатки. Например, процедура установления личности и получения временного удостоверения часто занимает значительное время, что ограничивает возможности таких лиц в реализации своих прав [15].

Важным шагом к улучшению положения лиц без гражданства стало принятие Федерального закона от 24 февраля 2021 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [16], который направлен на упрощение получения временных удостоверений личности и легализацию правового статуса таких лиц.

Исследования также подчеркивают, а именно, Л.В. Андриченко необходимость внесения изменений в законодательство с целью определения понятий и правового статуса лиц с неурегулированным положением (апатридов) [17]. На практике лица без гражданства сталкиваются с проблемами трудоустройства. Несмотря на то, что Трудовой кодекс Российской Федерации) [18] предусматривает возможность трудоустройства указанных лиц при наличии соответствующих разрешений, сложности с документированием их статуса делают этот процесс крайне затруднительным. Это приводит к социально-экономической изоляции и снижению уровня жизни лиц без гражданства.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что правовой статус лиц, не имеющих документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность, характеризуется высокой степенью нормативной и социальной неопределенности, несмотря на наличие формальных гарантий, закрепленных в Конституции Российской Федерации и отдельных федеральных законах. Конституционно-правовая дифференциация статуса

граждан, иностранцев и апатридов в российской правовой системе базируется на принципе национального режима, и в силу ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации наделяет их равными с гражданами Российской Федерации правами и обязанностями, за исключением случаев, установленных федеральным законом и международным договором [3]. Несмотря на то, что Россия не является участником международных конвенций, прямо регулирующих статус апатридов, в отечественное законодательство имплементированы отдельные положения, направленные на защиту их прав, в том числе нормы о доступе к образованию, медицинской помощи и труду.

Федеральные законы от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [12] и от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [13] содержат нормативное определение апатрида как лица, не имеющего доказательств наличия гражданства иностранного государства, однако не обеспечивают комплексного правового регулирования статуса лиц без гражданства, не обладающих удостоверяющими личность документами. Отсутствие правосубъектности, подтвержденной надлежащими удостоверениями, препятствует применению к таким лицам норм трудового, жилищного, административного и иных отраслей законодательства, что влечет их фактическое исключение из сферы действия публичного и частного права и сводит практически к нулю их адаптацию на территории Российской Федерации и интеграцию в российское общество.

Список литературы:

1. Зайцев В.А. Формирование статусно-учредительного законодательства о гражданстве в Российской Федерации / В. А. Зайцев // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 7(38). – С. 26-33.
2. Конституционное право России: Учебник / Астафичев П.А., Патрикеев В.Е., Грищенко Т.А., Гоглева К.Ю., Тарасов А.В., Дрогавцева Е.А., Тихая Л.С., Трифонов В.А., Зайцев В.А.. / Том 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020) // Российская газета. – 1993. – № 237.
4. Андриченко Л.В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства / Л.В. Андриченко // Журнал российского права. – 2018. – № 3 (255). – С. 5-16.
5. Бровко Н.В., С.А. Черняков Актуальные вопросы обеспечения правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства / Н.В. Бровко, С.А. Черняков // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. – 2021. – № 3. – С. 70-73.
6. Абашидзе А.Х. Апатриды и неграждане в свете современного международного права / А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев // Современное право. – 2012. – № 10. – С. 101-104.
7. Стребкова Е.Г. Проблемы реализации права иностранных граждан и лиц без гражданства на охрану здоровья и медицинскую помощь / Е.Г. Стребкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 5 – С. 78-87.
8. Зайцев В.А. Мигранты в современной России: проблемы контроля и образования // Право и образование. 2011. №5. С. 148 – 155.
9. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948) // Российская газета. – 1998.
10. Конвенция о статусе апатридов, Принята 28 сентября 1954 года Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 526 А (XVII) Экономического и Социального Совета от 26.04.1954 https://base.garant.ru/2541076/?ysclid=mc3aovdhgm75611851 (дата обращения:20.06.2025). Российская Федерация в конвенции не участвует, см. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53128/.
11. Конвенция о сокращении без гражданства, принята 30.08.1961 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (дата обращения: 20.06.2025). – Российская Федерация в конвенции не участвует.
12. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Российская газета. – 2023. – № 95.
13. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Парламентская газета. 2002. – № 144.
14. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Российская газета. – 2006. – № 156.
15. Шиловская О.П. Нормативно-правовые основы реализации прав лицами без гражданства и лицами, имеющими неурегулированный правовой статус / О.П. Шиловская // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (71). – С. 110-118.
16. Федеральный закон от 24.02.2021 № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства» // Российская газета. – 2021. – № 41.
17. Андриченко Л.В. Конвенция «О статусе апатридов» и законодательство Российской Федерации в сфере правового статуса лиц без гражданства / Л.В. Андриченко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. –№ 11 (17). – С. 94-102.
18. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 256.

References:

1. Zaitsev V.A. Formation of the status-constituent legislation on citizenship in the Russian Federation / V.A. Zaitsev // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. - 2013. - No. 7 (38). - P. 26-33.
2. Constitutional Law of Russia: Textbook / Astafichev P.A., Patrikeev V.E., Grishchenko T.A., Gogleva K.Yu., Tarasov A.V., Drogavtseva E.A., Tikhaya L.S., Trifonov V.A., Zaitsev V.A. / Volume 1. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024.
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. - 1993. - No. 237.
4. Andrichenko L.V. Migration legislation in the system of Russian legislation / L.V. Andrichenko // Journal of Russian Law. - 2018. - No. 3 (255). – P. 5-16.
5. Brovko N.V., S.A. Chernyakov Current issues of ensuring the legal status of foreign citizens and stateless persons / N.V. Brovko, S.A. Chernyakov // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. - 2021. - No. 3. - P. 70-73.
6. Abashidze A.Kh. Stateless persons and non-citizens in the light of modern international law / A.Kh. Abashidze, A.M. Solntsev // Modern law. - 2012. - No. 10. - P. 101-104.
7. Strebkova E.G. Problems of implementing the right of foreign citizens and stateless persons to health protection and medical care / E.G. Strebkova // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2020. – No. 5 – P. 78-87.
8. Zaitsev V.A. Migrants in Modern Russia: Problems of Control and Education // Law and Education. 2011. No. 5. P. 148 – 155.
9. Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of 12/10/1948) // Rossiyskaya Gazeta. – 1998.
10. Convention relating to the Status of Stateless Persons, Adopted on 28 September 1954 by the Conference of Plenipotentiaries convened pursuant to resolution 526 A (XVII) of the Economic and Social Council of 26 April 1954 https://base.garant.ru/2541076/?ysclid=mc3aovdhgm75611851 (date accessed: 20 June 2025). The Russian Federation is not a party to the convention, see https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53128/.
11. Convention on the Reduction of Statelessness, adopted on 30.08.1961 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (date of access: 20.06.2025). - The Russian Federation is not a party to the convention.
12. Federal Law of 28.04.2023 No. 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. - 2023. - No. 95.
13. Federal Law of 25.07.2002 No. 115-FZ "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" // Parlamentskaya Gazeta. – 2002. – No. 144.
14. Federal Law of 18.07.2006 No. 109-FZ "On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – 2006. – No. 156.
15. Shilovskaya O.P. Regulatory and legal framework for the implementation of rights by stateless persons and persons with an unsettled legal status / O.P. Shilovskaya // Legal state: theory and practice. – 2023. – No. 1 (71). – P. 110-118.
16. Federal Law of 24.02.2021 No. 22-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of the Legal Status of Stateless Persons" // Rossiyskaya Gazeta. - 2021. - No. 41.
17. Andrichenko L.V. Convention "Relating to the Status of Stateless Persons" and the Legislation of the Russian Federation in the Sphere of the Legal Status of Stateless Persons / L.V. Andrichenko // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. - 2011. - No. 11 (17). - P. 94-102.
18. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ // Rossiyskaya Gazeta. - 2001. - No. 256.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_382

УДК: 340

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ШЕНШИНА Людмила Александровна,
доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций
Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, кандидат педагогических наук.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: shenshinaludmilla@yandex.ru;

SHENSHINA Lyudmila Alexandrovna,
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Extreme Situations
St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev, Candidate of Pedagogical Sciences.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: shenshinaludmilla@yandex.ru

Краткая аннотация: *Одна из наиболее важных проблем – проблема сиротства в России. Несмотря на то, что сегодня наше государство предоставляет финансирование для детских домов и школ-интернатов, а также предлагает льготы детям-сиротам, органы опеки и попечительства защищают их права, работают реабилитационные центры и социальные приюты, а институт замещающих семей активно развивается, проблема сиротства остается актуальной.*

Abstract: *One of the most important problems is the problem of orphanhood in Russia. Despite the fact that today our government provides funding for orphanages and boarding schools, as well as offers benefits to orphaned children, guardianship authorities protect their rights, rehabilitation centers and social shelters operate, and the institute of substitute families is actively developing, the problem of orphanhood remains relevant.*

Ключевые слова: *защита прав ребенка, сирота, незаконнорожденные дети.*
Key words: *protection of the rights of the child, orphans, illegitimate children.*

Для цитирования: *Шеншина Л.А. Правовое регулирование защиты прав ребенка в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 382-385. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_382.*
For citation*: Shenshina L.A. Legal regulation of the protection of children's rights in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 382-385. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_382.*

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Сиротство как социальное явление на Руси имеет долгую историю. На Руси судьба детей-сирот решалась с помощью призрения. Это понятие в основном касалось подкидышей и незаконнорожденных детей. Они были отвергнуты своими родителями. К сожалению, беспризорность и сиротство не являются новыми проблемами для России. Еще в XVIII веке создавались учреждения для ухода за сиротами. Но в наше время масштабы сиротства стали особенно серьезными.

Проблема поддержки детей, оставшихся без попечения родителей, существует давно. Екатерина II стала инициатором создания системы детских воспитательных домов в России. В 1764 году был открыт Московский, а в 1770 году - Петербургский воспитательные дома. В 1902 году насчитывалось уже 126 приютов, убежищ и яслей для детей, не считая тех, которые были при каждом церковном приходе.

После 1917 года подход к защите и воспитанию детей-сирот кардинально изменился. Бывшие детские приюты превратились в детские дома, которые активно участвовали в борьбе с беспризорностью во времена Гражданской войны. Государство взяло на себя ответственность за содержание детей-сирот. Во время Великой Отечественной войны детские дома сыграли важную роль в воспитании детей, чьи родители погибли на фронте или в блокадном Ленинграде[1].

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, которые получили положительный опыт семейной жизни, часто испытывают трудности в социальной адаптации. Многие из них не готовы создавать семьи и сталкиваются с проблемами трудоустройства.

Дети, которые выросли в государственных учреждениях, часто повторяют жизненный путь своих родителей, потому что у них не было позитивного опыта семейной жизни. Это способствует распространению социального сиротства. Исследования показывают, что 40 процентов детей после ухода из интерната становятся преступниками, 40 процентов – наркоманами, а 10 процентов – заканчивают жизнь самоубийством.

Часть 2 статьи 7 Конституции Российской Федерации гласит: «В Российской Федерации гарантируется поддержка семьи, материнства, отцовства и детства». Часть 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации гласит, что «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства»[2].

Детство – важный этап жизни человека, обусловленный приоритетом принципов подготовки детей к полноценной жизни в обществе,

[1] Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 4(41). – С. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.
[2] Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

развитием социально значимых и творческих видов деятельности, воспитанием высоких нравственных качеств, патриотизма[1] и гражданственности. Международное сообщество постепенно осознало, что вопрос обеспечения достойной жизни детям является мировой проблемой. В экономически развитых странах особое внимание уделяется вопросам полноценного развития детей как членов общества, их взаимоотношений с миром взрослых и созданию условий для самореализации детей[2].

В XX веке международное сообщество приняло ряд правовых документов о правовом статусе отдельных лиц, правах человека и гарантиях гражданства и свобод, в том числе документы, определяющие статус населения в возрасте до 18 лет.

Женевская декларация прав ребенка состоит из пяти основных принципов, направленных против детского труда, рабства, торговли детьми и проституции несовершеннолетних. К ним следует отнести:

1. Ребенку должны быть предоставлены необходимые средства для его нормального развития, как физического, так и духовного.

2. Голодный ребенок должен есть; больному ребенку нужно помогать; плохого ребенка нужно исправлять; а сирота и бездомный ребенок должны получать кров и поддержку в трудную минуту.

3. Прежде всего, ребенок должен получать помощь в трудные моменты жизни.

4. Ребенок должен расти в атмосфере любви, и быть защищен от всех форм эксплуатации.

5. Ребенка следует воспитывать в осознании того, что его лучшие качества должны приносить пользу другим[3].

Руководствуясь указанными принципами, международное сообщество разработало новые документы, регулирующие сферу права, связанную с правами ребенка, пониманием, усыновлением и обеспечением их соблюдения. Во всех основных юридических действиях в этой области обязательным пунктом является ссылка на Женевскую декларацию о правах ребенка в понимании, согласии и на практике.

В последнее время идея правовой защиты прав ребенка была применена в законах Российской Федерации. На основании Указа Президента Российской Федерации от 1 июня 1992 г. № 543[4] создана комиссия по координации деятельности, связанной с политикой в пользу детей.

Являясь основным общегосударственным источником права, Конституция Российской Федерации, обладает единым, высшим юридическим авторитетом, прямым влиянием и доминированием на всей территории Российской Федерации, которая установила основные принципы политико-правового функционирования общества и государства, проводимого через средства массовой информации, определила субъекты Российской Федерации, систему ее осуществления, объединила права, свободы и обязанности защищаемых государством лиц и гражданина[5].

Вторая глава Конституции Российской Федерации посвящена правам и свободам человека и гражданина, включающая 47 статей (статьи 17-64), также рассматриваются права и свободы детей как граждан Российской Федерации. В частности, согласно статье 38, материнство и детство, семья находятся под защитой государства; забота о детях, их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей. Статья 43 гласит, что каждый человек имеет право на образование, которое является общедоступным и бесплатным. В Российской Федерации, как и в других странах, принимается множество федеральных законов, регулирующих и гарантирующих права и свободы детей, а также отношения, в которые они вступают в течение своей жизни.

Правительство признает детство как важнейшую часть жизни человека и руководствуется принципами подготовки детей к ответственной жизни в обществе, развития социальной и творческой активности среди них, а также воспитания высоких этических качеств, права на землю и гражданства[6].

И адекватно защищать трудовые права женщин в соответствии с недобросовестным законодательством Российской Федерации. За неуплату или необоснованный отказ в приеме на работу или увольнении беременной женщины или женщины с детьми до трех лет предусмотрена уголовная ответственность по статье 145 УК РФ[7].

Отказ от выхода на работу может быть выражен в письменной или устной форме. Важно обратить внимание на законность действий работодателя и соответствие условиям приема на работу, указанным в трудовом, ведомственном и местном законодательстве.

Такое преступление совершается с прямым умыслом. Лицо признает, что отказывается принять на работу беременную женщину или женщину, имеющую детей в возрасте до трех лет, и желает совершить такие действия по причинам, связанным с ее беременностью или наличием детей.

Преступления, предусмотренные каждой из перечисленных статей, могут в той или иной степени нарушать и представлять опасность для материнства, детства и семьи на территории государства.

В целом дискриминационные действия, направленные против трудовых прав женщин и детей, могут быть обобщены в статье 136 Уголов-

---

[1] Жаркой, М. Э. Патриотизм: сущность, содержание и правовые основы форм его воспитания у сотрудников правоохранительных органов / М. Э. Жаркой, В. Н. Жильский // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9(237). – С. 34-38. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_34. – EDN HNCMYQ.

[2] Бережная, О. В. Некоторые аспекты поддержки социального института приемной семьи как формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей / О. В. Бережная, М. В. Гузева // Мир науки, культуры, образования. 2021. - № 3(88). - С. 162.

[3] Женевская декларация прав человека [Электронный ресурс] - Режим доступа: http: // dic.academic.ru (дата обращения: 27.06.2025).

[4] Указ Президента РФ от 1 июня 1992 г. № 543 «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы»// Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 11 июля 1992 г., № 23, ст. 1276.

[5] Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO; Шеншин, В. М. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 13-15. – DOI 10.18572/2070-2108-2021-5-13-15. – EDN IYLQHD.

[6] Апухтин, М. П. Об институте устройства детей, оставшихся без попечения родителей, как новелле семейного права в Российской Федерации / М. П. Апухтин // Защити меня. - 2022. - № 1. - С. 12.

[7] Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.

ного кодекса Российской Федерации «нарушение равных прав и свобод человека и гражданина» с уточнением другой нормы уголовного права.

Однако для достижения поставленных целей и обеспечения надежной защиты интересов материнства и детства недостаточно просто установить санкции в законах за нарушение прав и интересов. Необходимо активное взаимодействие различных государственных структур. Только комплексная реализация стандартов института защиты материнства и детства позволит достичь эффективности.

Использование понятий и полномочий, средств и средств защиты возможно при комплексном анализе конституционного, семейного, трудового и иного законодательства.

Отметим, что Россия начала широко участвовать в международных соглашениях гуманитарного характера, которые содержат обязательные к исполнению положения на ее территории. Наиболее важным соглашением в области защиты семьи, матери и ребенка является Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка от 20 ноября 1989 года.

Конвенция ООН наложила на Российскую Федерацию как правопреемника СССР определенные обязательства в отношении детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Конституция Российской Федерации гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы национальности, языка, на котором он разговаривает, происхождения, имущественного‘ положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ст. 2, 19). Кроме того, Конституция Российской Федерации инкорпорирует в национальную правовую систему нормы международного права и отдает приоритет таким нормам перед нормами национального законодательства.

Вместе с тем проблема состоит не столько в том, чтобы формально закрепить те или иные нормы, регулирующие права и обязанности субъектов, сколько в том, чтобы создать и обеспечить эффективное функционирование правовых механизмов позволяющих субъекту реализовать максимум своих правовых возможностей. Более того, менее защищенные индивиды в том числе дети сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, должны получать правовую и социальную защиту со стороны государства.

Всеобщая декларация прав человека провозгласила, что дети имеют право на особую заботу и защиту. В Декларации прав ребенка установлено: «Ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую‘ правовую защиту как до, так и после рождения».

Таким образом, декларируется особое внимание к обеспечению прав и законных интересов детей. А.Е. Тарасова справедливо отмечает, что, несмотря на то что «проблемы детей привлекают большое внимание общественности, в том числе и правовой общественности, существующие правовые механизмы реализации и защиты прав детей не совершенствуются, а даже регрессируют и далеки от тех которые провозглашены в качестве эталона в международных правовых актах»[1].

Каждый ребенок с рождения имеет право на гарантированное государством образование и опеку. Это право обеспечивается, прежде всего, предоставлением родительских прав родителям, что также является ответственностью за воспитание, закрепленной в части 2 статьи 38 Конституции. При этом на основе общего конституционного принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин отмечается равенство прав и обязанностей обоих родителей (ст. 19 Конституции)[2].

Защитой прав и интересов несовершеннолетних при отсутствии родителей, лишении родительских прав и утрате родительской опеки в других случаях занимаются органы опеки и попечительства, которые по закону являются органами местного самоуправления.

С другой стороны, совершеннолетние дети должны заботиться о своих родителях. Конституционная норма отражает обязанности совершеннолетних детей перед своими родителями, которые уже охвачены семейным законодательством.

В отличие от обязанности содержать родителей, суд не обязывает взрослых заботиться о детях. Юридические последствия пренебрежения детьми своими обязанностями включают возможность взыскания с них в судебном порядке дополнительных сумм, помимо алиментов, включая оплату труда лиц, ухаживающих за ними[3].

Таким образом, в случае сиротства несовершеннолетнего ребенка наблюдается реальное физическое исчезновение объекта его прав – родителей.

При оставлении ребенка без попечения его родители продолжают объективно существовать в реальной жизни, однако ребенок утрачивает их как объект своих прав.

В рамках семейного права при наличии специального субъекта – ребенка можно говорить о делегированной правоспособности при этом специальный субъект – ребенок делегирует свои права другим участникам семейных правоотношений и объем делегированной правоспособности изменяется в зависимости от возраста ребенка.

Список литературы:

1. Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 4(41). – С. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.
2. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

[1] Таибова О.Ю. Государственное управление в области охраны и защиты прав несовершеннолетних: административно-правовой аспект. Автореферат дисс… канд. юрид. наук. – СПб., 2016. – 27 с.
[2] Гайсина, Г. И. К вопросу профессиональной компетентности специалистов органов опеки и попечительства // современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: реализация принципов конвенции о правах ребенка: матер. II всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2022 г.): сб. Екатеринбург: РГППу, 2022. -С. 153.
[3]Присяжнюк, Ю. П. Предоставление жилья детям как мера социальной поддержки. Проблемы и перспективы. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. - № 2.- С. 109.

3. Жаркой, М. Э. Патриотизм: сущность, содержание и правовые основы форм его воспитания у сотрудников правоохранительных органов / М. Э. Жаркой, В. Н. Жильский // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9(237). – С. 34-38. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_34. – EDN HNCMYQ.
4. Бережная, О. В. Некоторые аспекты поддержки социального института приемной семьи как формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей / О. В. Бережная, М. В. Гузева // Мир науки, культуры, образования. 2021. - № 3(88). - С. 162.
5. Апухтин, М. П. Об институте устройства детей, оставшихся без попечения родителей, как новелле семейного права в Российской Федерации / М. П. Апухтин // Защити меня. - 2022. - № 1. - С. 12.
6. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
7. Таибова О.Ю. Государственное управление в области охраны и защиты прав несовершеннолетних: административно-правовой аспект. Автореферат дисс… канд. юрид. наук. – СПб., 2016. – 27 с.
8. Гайсина, Г. И. К вопросу профессиональной компетентности специалистов органов опеки и попечительства // современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: реализация принципов конвенции о правах ребенка: матер. II всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2022 г.): сб. Екатеринбург: РГППу, 2022. -С. 153.
9. Присяжнюк, Ю. П. Предоставление жилья детям как мера социальной поддержки. Проблемы и перспективы. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. - № 2.- С. 109.
10. Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.
11. Шеншин, В. М. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 13-15. – DOI 10.18572/2070-2108-2021-5-13-15. – EDN IYLQHD.

References:

1. Kiiko, A. Y. The role of the Russian Orthodox Church in the spiritual and moral education of the personnel of the National Guard troops / A. Y. Kiiko, K. G. Prokofiev, V. M. Shenshin // Theory of the state and law. – 2024. – № 4(41). – Pp. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.
2. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
3. Zharkoy, M. E. Patriotism: the essence, content and legal foundations of the forms of his upbringing among law enforcement officers / M. E. Zharkoy, V. N. Zhilsky // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 9(237). – Pp. 34-38. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_34. – EDN HNCMYQ.
4. Berezhnaya, O. V. Some aspects of supporting the social institution of a foster family as a form of placement for children left without parental care / O. V. Berezhnaya, M. V. Guzeva // The world of science, culture, and education. 2021. - № 3(88). - P. 162.
5. Apukhtin, M. P. On the institution of placement of children left without parental care as a novel of family law in the Russian Federation / M. P. Apukhtin // Protect me. - 2022. - No. 1. - p. 12.
6. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
7. Taibova O.Y. State management in the field of protection and protection of the rights of minors: administrative and legal aspect. Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. – St. Petersburg, 2016. – 27 p.
8. Gaisina, G. I. On the issue of professional competence of specialists of guardianship and guardianship authorities // Modern challenges and solutions to problems in the field of protection of children's rights: implementation of the principles of the Convention on the Rights of the Child: mater. II All-Russian Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, November 17, 2022): collection of Yekaterinburg: RGPPu, 2022. -p. 153.
9. Prysyazhnyuk, Yu. P. Providing housing for children as a measure of social support. Problems and prospects. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2022. - No. 2.- p
. 109.10. Shenshin, V. M. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legal regulation of the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Legal regulation and scientific and technical progress : A collective monograph / Edited by G.F. Garayeva, V.V. Kovalevo. Krasnodar : Limited Liability Company Publishing House - Yug, 2021. pp. 142-148. EDN MTLGLO.
11. Shenshin, V. M. The influence of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2021. – No. 5. – pp. 13-15. – DOI 10.18572/2070-2108-2021-5-13-15. – EDN IYLQHD.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_386

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
ABOUT SOME IMPROVEMENT ISSUES LEGISLATION ON ENFORCEMENT PROCEEDINGS

ЗУРАЕВ Алан Муратович,
доцент кафедры публичного права и органов власти
ФГБОУ ВО "Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический институт)",
канд. социол. наук (Россия, г. Владикавказ).
362021, Россия, Республика Северная Осетия - Алания, г. Владикавказ, ул. Николаева, 44.

БЕЛИКОВА Светлана Борисовна,
доцент кафедры публичного права и органов власти
ФГБОУ ВО "Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический институт)",
канд. пед. Наук (Россия, г. Владикавказ).
362021, Россия, Республика Северная Осетия - Алания, г. Владикавказ, ул. Николаева, 44.
E-mail: mirag.8184@ya.ru;

ZURAEV Alan Muratovich,
Associate Professor of the Department of Public Law and Government.
North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological Institute),
PhD. Social Sciences (Russia, Vladikavkaz chapter).
362021, Russia, Republic of North Ossetia - Alania, Vladikavkaz, Nikolaeva str., 44.

BELIKOVA Svetlana Borisovna,
Associate Professor of the Department of Public Law and Government.
North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological Institute),
Candidate of Pedagogical Sciences. Sciences (Russia, Vladikavkaz chapter).
44 Nikolaeva St., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia - Alania, 362021, Russia.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация. *Механизм принудительного исполнения судебных решений нацелен на обеспечение государственной, в том числе судебной, защиты нарушенных прав и законных интересов субъектов правоотношений. Добровольный порядок исполнения судебных решений должниками является исключением. Полнота исполнения судебного решения, как показывает практика, зависит от вида взыскателя.*

Abstract. *The mechanism of enforcement of court decisions is aimed at ensuring state, including judicial, protection of violated rights and legitimate interests of subjects of legal relations. The voluntary procedure for the execution of judgments by debtors is an exception. The completeness of the execution of the judgment, as practice shows, depends on the type of claimant.*

Ключевые слова. *Исполнительное производство, принудительное исполнение, судебный пристав, решение суда.*
Keywords. *Enforcement proceedings, enforcement, bailiff, court decision.*

Для цитирования: *Зураев А.М., Беликова С.Б. О некоторых вопросах совершенствования законодательства об исполнительном производстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 386-388. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_386.*
For citation*: Zuraev A.M., Belikova S.B. About some improvement issues legislation on enforcement proceedings // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 386-388. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_386.*

Статья поступила в редакцию: 30.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации [1; ст. 2].

Российская Федерация гарантирует субъектам правоотношений государственную, в том числе судебную, защиту нарушенных прав и свобод. На это нацелен механизм принудительного исполнения. Как показывает практика, субъекты правоотношений исполняют судебные решения в добровольном порядке в порядке исключения.

Принятие Закона от 21 июля 1997 года «Об органах принудительного исполнения в Российской Федерации», Закона от 2 октября 207 года «Об исполнительном производстве» сформировало организационную систему исполнения судебных решений. Сотрудники созданной Федеральной службы судебных приставов получили широкие полномочия. Исполнение решения суда точно, в полном объеме и в срок – завершающая стадия судебного процесса.

Как верно отметили авторы комментария к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» в предисловии, За относительно короткий по историческим меркам период законодательство об исполнительном производстве проделало большой путь от инструкции по исполнительному производству 1985 года к первому Закону об исполнительном производстве 1997 года, затем – к Федеральному закону 2007 года [4]. Действующий закон претерпел свыше 50 изменений.

Особенности статуса органов принудительного исполнения обусловлены их обязанности по применению мер принудительного исполнения в отношении должника. Главной обязанностью судебных приставов – исполнителей выступает применение мер принудительного исполнения. Причем наиболее быстрое и правильное исполнение требований в соответствии с исполнительным документом. Это служит восстановле-

нию и защите прав физических и юридических лиц в ходе исполнительного производства.

Понятия «исполнительное производство» и «меры принудительного исполнения» соотносятся как целое и часть, так как «исполнительное действие» представляется как содержащее, в том числе, подготовительный этап к исполнительному производству. Ключевое отличие исполнительных действий от мер принудительного исполнения – в принудительном характере вопреки воле должника [6; с. 23].

Статья 68 Федерального закона «Об исполнительном производстве» (ред. XXX) содержит 13 мер принудительного исполнения, из которых 12 перечислены прямо, 1 носит отсылочный характер. К слову, Закон от 21 июля 1997 года № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» предусматривал лишь 5 подобных мер (ст. 5).

Такое расширение перечня мер принудительного исполнения обусловлено расширением перечня имущества физических и юридических лиц, наработкой опыта, совершенствованием деятельности государственного аппарата по переводу и внедрению цифровых технологий и другими факторами.

Современное состояние исполнительного производства вызывает тревогу не только в части объема взыскиваемых денежных средств и имущества, что обусловлено экономической ситуацией в стране. Речь также о необходимости организационного совершенствования, уточнении полномочий. В частности, А.В. Фомин отмечает, что ежегодно в производстве у судебного пристава находится до 2800 дел [7]. Учитывая необходимость взаимодействия с органами прокуратуры, судами, кредитными организациями, служебная нагрузка неизбежно приводит к ошибкам, когда арест налагается на расчетный счет другого юридического лица. Следует отметить, что руководство ФССП России оказывает значительную методическую помощь нижестоящим подразделениям. Так, приказ ФССП России от 4 мая 2016 года № 238 «Об утверждении примерных форм процессуальных документов, применяемых должностными лицами Федеральной службы судебных приставов в процессе исполнительного производства» содержит 207 примерных форм применяемых документов [2].

Ряд специалистов предлагает меры, способствующие снижению служенной нагрузки на аппарат ФССП. Среди них – мотивирование взыскателей к активному применению предоставленных законом полномочий в части самостоятельного взыскания денежных средств в сумме, не превышающей 100 тыс. руб. Этому должна предшествовать широкая информационная кампания, методическая работа, информирование широких слоев населения об имеющихся возможностях.

Также предлагается увеличить сроки для добровольного исполнения должником постановления о возбуждении исполнительного производства (часть 12 ст. 30 ФЗ об исполнительном производстве) в зависимости от документа, ставшего основанием для возбуждения исполнительного производства.

Правоприменительная практика свидетельствует о различных ситуациях, которые не урегулированы нормой закона.

Так, в октябре 2022 г. гражданка В. была приговорена к лишению свободы (условно), к возмещению материального ущерба, причиненного органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации. В целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в счет возмещения ущерба был наложен арест на имущество гражданки В., принадлежащее ей на праве собственности, с целью его принудительной реализации: на два легковых автомобиля; 28/100 доли жилого здания.

Позже на основании ходатайства судебного пристава – исполнителя арест был отменен решением суда в целях принудительной реализации имущества с публичных торгов.

Если имущество должника не было реализовано в течение одного месяца после снижения цены, то судебный пристав-исполнитель направляет взыскателю предложение оставить это имущество за собой. При наличии нескольких взыскателей одной очереди предложения направляются судебным приставом-исполнителем взыскателям в соответствии с очередностью поступления исполнительных документов в подразделение судебных приставов (ч. 11 ст. 87 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Нереализованное имущество должника передается взыскателю по цене на двадцать пять процентов ниже его стоимости, указанной в постановлении судебного пристава-исполнителя об оценке имущества должника. Если эта цена превышает сумму, подлежащую выплате взыскателю по исполнительному документу, то взыскатель вправе оставить нереализованное имущество за собой при условии одновременной выплаты (перечисления) соответствующей разницы на депозитный счет службы судебных приставов. Взыскатель в течение пяти дней со дня получения указанного предложения обязан уведомить в письменной форме судебного пристава-исполнителя о решении оставить нереализованное имущество за собой (ч. 12 ст. 87 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Взыскателю – органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации – в соответствии со статьей 87 Федерального закона «Об исполнительном производстве» судебным приставом – исполнителем было предложено оставить за собой имущество должника по цене на 25% ниже его стоимости, указанной в постановлении об оценке имущества должника, так как указанное имущество не было реализовано в принудительном порядке.

В случае, если эта цена превышает сумму, подлежащую выплате взыскателю по исполнительному документу, взыскатель вправе оставить нереализованное имущество за собой при условии одновременной выплаты (перечисления) соответствующей разницы на соответствующий депозитный счет.

В случае отказа взыскателя от имущества должника либо непоступления от него уведомления о решении оставить нереализованное имущество за собой имущество предлагается другим взыскателям, а при отсутствии таковых (либо при отсутствии их решения оставить нереализованное имущество за собой) возвращается должнику (ч. 13 ст. 87 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Вопрос оставления за собой взыскателем – органом государственной власти – имущества должника в виде жилого помещения вызы-

вает вопросы, такой пример на практике представляется нереализуемым. Если движимое имущество (акции и доли участия в уставных капиталах хозяйствующих субъектов, станки, оборудование, машины, механизмы, транспортные средства, а также архивные фонды и вещественные источники, драгоценные металлы, природные и драгоценные камни, движимые культурные ценности и т. д.), недвижимое имущество (земельные участки, здания, строения, нежилые помещения, объекты инженерного и коммунального назначения и природопользования, а также иные объекты, например, морские и речные суда и т. п.) составляет значительную долю в имуществе казны, то жилое помещение (доля в праве собственности на жилое помещение) взыскателю, если им является орган государственной власти, оставить за собой в натуре не позволяет законодательство [8]. Соответственно, причиненный преступлением ущерб остается невозмещённым.

Таким образом, законодательство нуждается в совершенствовании в целях соблюдения интересов государства в лице органов государственной власти.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ "Об исполнительном производстве"- (Электронный ресурс). – Режим доступа: https://internet.garant.ru/#/document/12156199/ (дата обращения 04.01.2025)
2. Приказ ФССП России от 04.05.2016 № 238 (ред. от 25.10.2019) "Об утверждении примерных форм процессуальных документов, применяемых должностными лицами Федеральной службы судебных приставов в процессе исполнительного производства" - (Электронный ресурс). – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349351/ (дата обращения 08.01 2025)
3. Ковязина М.Н., Иерусалимская Е.А. Исследование проблем совершенствования национальной системы принудительного исполнения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138). С. 11-117.
4. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / Отв. ред. И.В. Решетникова. – М.: Статут, 2018. – 656 с.
5. Мизинова В.С. Меры принудительного исполнения. Общая характеристика // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 14. Вып. 2. С. 62-69.
6. Свирин Ю.А. Теоретический аспект исполнительных правоотношений // «Исполнительное право». – 2012. - № 12. – С. 22-25.
7. Фомин А.В. Актуальные проблемы исполнительного производства, пути их решения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. Вып. 1-3. С. 97-99.
8. Электронный ресурс.–Режим доступа: https://www.glavbukh.ru/art/55745-imushchestvo-v-sostave-kazny-pravovye-aspekty?ysclid=m72b8przqa655629799 (дата обращения 12.02.2025).

References:

1. Federal Law No. 229-FZ of October 2, 2007 "On Enforcement Proceedings" (Electronic resource). – Access mode: https://internet .garant.ru/#/document/12156199 / (accessed 04.01.2025)
2. Order of the Federal Bailiff Service of Russia dated 05/04/2016 No. 238 (as amended on 10/25/2019) "On Approval of Approximate Forms of Procedural Documents used by Officials of the Federal Bailiff Service in the Course of Enforcement Proceedings" (Electronic resource). – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349351 / (accessed 08.01 2025)
3. Kovyazina M.N., Jerusalem E.A. A study of the problems of improving the national system of compulsory execution // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 1 (138). pp. 11-117.
4. Commentary to the Federal Law "On Enforcement proceedings" / Ed. by I.V. Reshetnikov. – M.: Statute, 2018. – 656 p
5. Mizinova V.S. Measures of compulsory execution. General characteristics // Bulletin of St. Petersburg University. 2014. Ser. 14. Issue. 2. Pp. 62-69.
6. Svirin Yu.A. Theoretical aspect of executive legal relations // "Executive law". - 2012. - No. 12. – pp. 22-25.
7. Fomin A.V. Actual problems of enforcement proceedings, ways to solve them // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Issue 1-3. pp. 97-99.
8. Electronic resource.–Access mode: https://www.glavbukh.ru/art/55745-imushchestvo-v-sostave-kazny-pravovye-aspekty ?ysclid=m72b8przqa655629799 (accessed 12.02.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_389

УДК 342.8

УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ
THE PARTICIPATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN ENSURING THE SECURITY OF THE ELECTORAL PROCESS IN RUSSIA

МАЗЕИН Артем Владимирович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности РАН,
ул. Гарибальди, д. 21б, г. Москва, Россия.
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, МИРЭА – Российский технологический университет,
просп. Вернадского, 78, стр. 4, г. Москва, Россия.
E-mail: artemmazein@mail.ru;

КОЖЕВНИКОВ Александр Константинович,
научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности РАН,
ул. Гарибальди, д. 21б, г. Москва, Россия.
магистрант, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
ул. 8 Марта, 66, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: alex_kozh00@mail.ru;

MAZEIN Artem Vladimirovich,
PhD in Law, Senior Researcher, RAS Center for Security Research, 21b Garibaldi St., Moscow;
Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, MIREA – Russian Technological University.
ave. Vernadsky, 78, p. 4, Moscow.
E-mail: artemmazein@mail.ru;

KOZHEVNIKOV Alexander Konstantinovich,
Researcher, RAS Center for Security Research, 21b Garibaldi St., Moscow;
Master's student, Ural Institute of Management, RANEPA branch.
ul. 8 Marta, 66, Yekaterinburg.
E-mail: alex_kozh00@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуется участие институтов гражданского общества в обеспечении безопасности избирательного процесса в России. Подчеркивается фрагментарность законодательства, касающегося безопасности выборов, и отсутствие строгого определения данного понятия, которое раскрывается через отдельные аспекты, такие как безопасность агитационных мероприятий и антикоррупционная безопасность и прочее. Выделяется многообразие подходов к терминологии, включая «электронную безопасность» и «цифровую безопасность» избирательного процесса. Авторы предлагают определять безопасность избирательного процесса как состояние защищенности от угроз при организации выборов и референдумов. Основное внимание уделяется праву гражданского общества на контроль над выборами, которое должно быть реализовано через общественное наблюдение. Выявленные проблемы, такие как ограниченные полномочия общественных наблюдателей и недостаточная эффективность мер реагирования на нарушения, указывают на необходимость изменений в законодательстве для интеграции институтов гражданского общества в обеспечение общественной безопасности выборов. Выдвигаются отдельные предложения по изменению законодательства.*

Abstract. *The article examines the involvement of civil society institutions in ensuring the security of the electoral process in Russia. It highlights the fragmented nature of legislation related to election security and the lack of a strict definition of this concept, which is revealed through certain aspects such as the security of campaign events and anti-corruption security, etc. The article explores a variety of approaches to terminology, including "electronic security" and "digital security" of the electoral process. The authors propose to define the security of the electoral process as a state of protection from threats during the organization of elections and referendums. The main focus is on the right of civil society to control elections, which should be implemented through public observation. The identified problems, such as the limited powers of public observers and the insufficient effectiveness of response measures to violations, indicate the need for legislative changes to integrate civil society institutions into ensuring public election security. Separate proposals are being put forward to amend the legislation.*

Ключевые слова: *Гражданское общество, избирательный процесс, безопасность выборов, общественный контроль, избирательное законодательство, политические партии, наблюдение за выборами.*

Keywords: *Civil society, electoral process, election security, public control, electoral legislation, political parties, election observation.*

Для цитирования: *Мазеин А.В., Кожевников А.К. Участие институтов гражданского общества в обеспечении безопасности избирательного процесса в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 389-392. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_389.*

For citation*: Mazein A.V., Kozhevnikov A.K. The participation of civil society institutions in ensuring the security of the electoral process in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 389-392. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_389.*

Статья поступила в редакцию: 04.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Действующая стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет, что национальная безопасность есть «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан». С учетом необходимости обеспечения безопасности реализации отдельных прав и свобод правовыми основами соответствующей деятельности становятся принятые федеральные законы, в том числе «О безопасности дорожного движения», «О пожарной безопасности», «О транспортной безопасности» и другие. Кроме того, значительное число нормативных положений об обеспечении безопасности отдельных сфер жизнедеятельности включены в качестве самостоятельных положений (отдельных статей) в иные законы.

Примером второго названного подхода к регулированию вопросов обеспечения безопасности является законодательство о выборах и референдумах. Законы, регулирующие соответствующие отношения, содержат отдельные положения об обеспечении безопасности избирательного процесса. Вместе с тем нельзя признать совокупность соответствующих положений целостной, поскольку вопросы безопасности избирательного процесса регулируются фрагментарно, а само понятие «безопасность избирательного процесса» не является устойчивым. Так, в Федеральном законе от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» упоминание о безопасности отдельных аспектов избирательного процесса встречается 4 раза, об органе исполнительной власти в области

обеспечения безопасности – 3 раза, о принятии мер по обеспечению безопасности как вопросе, выносимом на референдум, – 1 раз. В настоящее время Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ раскрывает следующие направления обеспечения безопасности избирательного процесса:

1) обеспечение безопасности при проведении агитационных публичных мероприятий в соответствии с законодательством (пункт 8 статьи 53);

2) участие правоохранительных органов в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в помещении для голосования и на территории избирательного участка, участка референдума (пункт 12 статьи 64);

3) при проведении первых выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в целях обеспечения безопасности:

- возможность установления особенностей реализации отдельных положений данного Федерального закона (пункт 3 статьи 81);

- возможность сокращения продолжительности голосования (пункт 6 статьи 81).

С учетом того, что законодательство о выборах и референдумах не использует четкой формулировки относительно такого явления как «безопасность избирательного процесса», а раскрывает его через отдельные аспекты, в юридической науке сложилось многообразие подходов к данному термину. Известны работы о концепции «электоральной безопасности» [1], «безопасности избирательной компании» [13], в условиях информационного общества увеличивается внимание к проблемам «безопасности информации в избирательном процессе» [19], «цифровой безопасности избирательного процесса» [14], с учетом состава угроз реализации избирательных прав особое место занимают исследования «антикоррупционной безопасности избирательного процесса» [9]. Следует признать, что указанные понятия либо составляют синонимичный ряд с понятием «безопасность избирательного процесса», либо являются отдельными его составляющими. Авторам представляется наиболее уместным использование термина безопасность избирательного процесса на том основании, что само понятие «избирательный процесс» используется Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ, а также является общим по отношению к его частным компонентам.

Вместе с тем важно дать корректное определение данному понятию. Соответствующее определение в рамках дедуктивного подхода должно согласовываться с понятием национальной безопасности, используемым в действующей Стратегии, и раскрывать действительный состав угроз безопасности. Таким образом, авторы полагают возможным рассматривать безопасность избирательного процесса как состояние защищённости личности, общества и государства от угроз в ходе организации, подготовки, проведения выборов и референдумов, а также определения их результатов. При этом с учетом стремительной цифровизации самого избирательного процесса на первый план выходят угрозы цифровой безопасности. Отдельные авторы под безопасностью избирательного процесса понимают комплексную защищенность всех стадий и процедур выборов от различных угроз, способных исказить волеизъявление граждан или подорвать доверие к результатам выборов [2].

При этом, следуя требованиям Стратегии национальной безопасности, нужно признать, что принятие мер, направленных на противодействие угрозам безопасности, является прерогативой не только органов публичной власти, но и институтов гражданского общества. Вместе с тем авторы полагают недостаточно раскрытым потенциал привлечения институтов гражданского общества к обеспечению безопасности избирательного процесса. Следует полагать, что причиной такого состояния является редакция пункта 12 статьи 64 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ, указывающая, что обеспечение безопасности в помещении для голосования осуществляют только правоохранительные органы.

Тем не менее, другие положения данного закона фактически создают условия для участия институтов гражданского общества в обеспечении общественной безопасности при проведении выборов и референдумов. В настоящей статье представлен комплексный анализ нормативных и практических аспектов взаимодействия институтов гражданского общества и избирательной системы в контексте обеспечения безопасности избирательного процесса в России.

Наиболее существенной угрозой при проведении выборов и референдумов является искажение их результатов. В современном правовом демократическом государстве контроль за проведением выборов и референдумов со стороны гражданского общества (общественный контроль) является одним из важнейших механизмов обеспечения легитимности результатов этих мероприятий. Согласно исследованию Е.В. Бердниковой, общественный контроль не только предотвращает возможные нарушения, но и способствует укреплению доверия граждан к выборам, повышая их прозрачность и открытость [3].

Кроме того, Н.Н. Стеблецова отмечает появление новых институтов гражданского общества, активно включающихся в электоральный процесс [17]. Эти изменения свидетельствуют о постепенной эволюции общественного участия, что требует дальнейшего совершенствования правовых механизмов и институциональных форм контроля. Вместе с тем анализ научной литературы показывает недостаточную разработанность теоретических и практических аспектов взаимодействия гражданского общества и избирательной системы именно в контексте обеспечения безопасности выборов [11].

Участие гражданского общества в избирательном процессе базируется на фундаментальных принципах, закрепленных в российском законодательстве. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ устанавливает ключевые принципы избирательной системы, включая открытость и гласность процедур. Статья 3 данного закона особо подчеркивает добровольность участия граждан в выборах и недопустимость какого-либо воздействия на свободное волеизъявление избирателей.

Ключевым механизмом обеспечения безопасности избирательного процесса с точки зрения минимизации угроз искажения результатов выборов и референдумов, доступным институтам гражданского общества, является наблюдение. Статья 30 рассматриваемого закона определяет, что «наблюдателя может назначить зарегистрированный кандидат, избирательное объединение, выдвинувшее зарегистрированного кандидата, зарегистрированных кандидатов, избирательное объединение, зарегистрировавшее список кандидатов. Законом может быть предусмотрена возможность назначения наблюдателей иными общественными объединениями». Данное положение определяет систему субъектов

гражданского общества, обеспечивающих защиту результатов голосования.

Безусловно, политические партии занимают центральное место в системе институтов гражданского общества, участвующих в избирательном процессе. Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» определяет основные принципы деятельности политических партий, включая добровольность, равноправие, самоуправление, законность и гласность. Эти принципы создают нормативную основу для участия партий в обеспечении безопасности избирательного процесса через механизмы общественного контроля, выдвижения наблюдателей и защиты избирательных прав граждан.

Общественное наблюдение играет решающую роль в обеспечении прозрачности и законности выборов. Ф.В. Ниточкин подчеркивает, что наблюдатели должны обладать не только широкими полномочиями по контролю за ходом голосования, но и эффективными механизмами реагирования на выявленные нарушения [15]. Практика наблюдения за выборами в 2018 году, изученная О.С. Такуновой, демонстрирует успешные примеры взаимодействия общественных организаций с избирательными комиссиями [18]. Было зафиксировано, что присутствие независимых наблюдателей способствовало снижению количества спорных ситуаций и укреплению доверия граждан к итогам голосования.

А.В. Егорова отмечает, что наличие наблюдателей на выборах способствует укреплению общественного доверия к итогам голосования и снижению рисков административного давления. В ходе наблюдения за выборами фиксируются процедурные нарушения, обеспечивается соблюдение принципов прозрачности и законности выборного процесса [7]. При этом значимость института наблюдателей выходит за рамки простого контроля – он также формирует основу для совершенствования избирательного законодательства и правоприменительной практики.

Наблюдатели имеют широкий спектр прав, включая возможность присутствовать при голосовании, подсчете голосов и установлении итогов голосования, знакомиться с документами избирательных комиссий, получать копии протоколов об итогах голосования, обжаловать решения и действия (бездействие) избирательных комиссий. Эти полномочия позволяют институтам гражданского общества осуществлять эффективный контроль за соблюдением избирательных процедур и своевременно выявлять возможные нарушения.

Особую роль в информационном обеспечении избирательного процесса играют СМИ, которые освещают ход избирательной кампании, деятельность кандидатов и партий, информируют о дате, времени и месте голосования. Объективное и беспристрастное информирование избирателей является необходимым условием для их осознанного волеизъявления и, как следствие, легитимности результатов выборов.

Также следует признать, что гражданское общество активно вовлечено в мониторинг электорального процесса, что способствует своевременному выявлению нарушений и разработке механизмов их устранения. Как отмечает Е.П. Мармилова, работа общественных организаций в области защиты избирательных прав играет двойную роль: с одной стороны, они оказывают юридическую поддержку гражданам, чьи права были нарушены, а с другой – формируют рекомендации по совершенствованию избирательного законодательства [12]. С.Н. Егоров также выделяет значимость мониторинга в обеспечении безопасности выборов, подчеркивая необходимость оперативного реагирования на возможные угрозы, включая использование административного ресурса и информационные манипуляции [6].

Несмотря на наличие нормативной правовой базы и сложившихся практик участия институтов гражданского общества в обеспечении безопасности избирательного процесса, существует ряд проблем, снижающих эффективность данного участия.

Одной из ключевых проблем является ограниченность полномочий общественных наблюдателей и недостаточная эффективность механизмов реагирования на выявленные ими нарушения [10]. Наблюдатели могут фиксировать нарушения и подавать жалобы, однако решения по этим жалобам принимают сами избирательные комиссии, что может создавать конфликт интересов. При этом судебное обжалование решений избирательных комиссий требует значительных временных и ресурсных затрат, а сроки рассмотрения таких дел часто не позволяют своевременно восстановить нарушенные права. Другой проблемой является недостаточное правовое регулирование некоторых форм участия гражданского общества в избирательном процессе, особенно в области новых технологий и цифровизации выборов [16]. Развитие электронного голосования и использование технических средств подсчета голосов создают новые вызовы для общественного контроля.

Существуют также проблемы в области информационного обеспечения выборов [4]. С одной стороны, граждане имеют право на получение объективной и полной информации о кандидатах, партиях и их программах, с другой стороны, в ходе избирательной кампании нередко распространяется недостоверная информация, направленная на дискредитацию отдельных кандидатов или партий. Институты гражданского общества не всегда имеют достаточные ресурсы и полномочия для эффективного противодействия распространению такой информации. Вообще роль институтов гражданского общества (киберволонтеров) в области противодействия информационным угрозам трудно переоценить, поэтому важно создавать надлежащие правовые условия для их активной деятельности в данном направлении.

Отметим, что обсуждаемый проект Избирательного кодекса РФ также закрепляет принципы организации и проведения выборов, определяя, что «гражданин Российской Федерации участвует в выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» (часть 1 статья 2.1) [8]. С развитием цифровых технологий встает вопрос о необходимости обновления правовой базы, регулирующей применение современных избирательных механизмов. Согласно Ю.Я. Дубровиной, применение электронного голосования требует дополнительных гарантий прозрачности и защиты данных, что особенно актуально в контексте общественного мониторинга выборов [5]. Допуская, что названный законопроект не будет принят, все-таки выдвинем собственные предложения по изменению действующего Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ.

Как уже отмечалось, правовой основой для привлечения институтов гражданского общества к обеспечению безопасности избирательного процесса должно стать изменение пункта 12 статьи 64 рассматриваемого закона, которое должно установить возможность участия общественных организаций, добровольцев в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в помещении для голосования и на территории избирательного участка, участка референдума. Указанное предложение в некоторой степени обеспечит гармонизацию рассматриваемых

положений с частью 1 статьи 2 Федерального закона от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», устанавливающей, что добровольческая деятельность осуществляется в целях содействия органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка.

Реализация данных направлений будет способствовать повышению эффективности участия институтов гражданского общества в обеспечении безопасности избирательного процесса, укреплению доверия граждан к результатам выборов и, как следствие, повышению легитимности сформированных путем выборов органов публичной власти.

Список литературы:

1. Амбурцев, Р. А. Безопасность избирательного процесса в современных условиях / Р. А. Амбурцев, А. Н. Ксендзов // Выборы в России и в мире: общество, право, технологии : Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 26–27 сентября 2024 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2024. – С. 5-11.
2. Безопасность избирательного процесса / А. С. Бояшов, И. И. Мушкет, О. Н. Лешенюк [и др.]. – Санкт-Петербург : Секретариат Совета МПА СНГ, 2023. – 4 с.
3. Бердникова, Е. В. Роль общественного контроля в обеспечении демократических выборов в Российской Федерации / Е. В. Бердникова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 658.
4. Федоров, В. В. Проблемы информационного обеспечения выборов / В. В. Федоров // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2015. – № 6. – С. 20.
5. Дубровина, Ю. Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях применения современных избирательных технологий в России: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. / Дубровина Юлия Яковлевна. – Саратов, 2023. – 4 с.
6. Егоров, С. Н. Обеспечение безопасности в ходе избирательного процесса / С. Н. Егоров // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 6-1 (39). – С. 12.
7. Егорова, А. В. Институт наблюдателей на выборах как фактор легитимации власти в современной России / А. В. Егорова // Управленческое консультирование. – 2019. – № 5 (125). – С. 121.
8. Законопроект № 301714-8 «Избирательный кодекс Российской» Федерации // СОЗД [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/301714-8 (Дата обращения: 15.05.2025).
9. Клейменов, М. П. Два аспекта обеспечения антикоррупционной безопасности избирательного процесса / М. П. Клейменов // Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы : Сборник научных статей по материалам III Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 07–08 декабря 2017 года / Ответственные редакторы: И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – С. 33-38. – EDN YWRSMP.
10. Кондращенко, Д. А. Проблемы и перспективы развития правового статуса наблюдателей на выборах в Российской Федерации / Д. А. Кондращенко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 241.
11. Ларина, Е. А. Гражданское общество и политическая система: аспекты взаимодействия / Е. А. Ларина // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 24.
12. Мармилова, Е. П. Работа общественных организаций в области защиты избирательных прав граждан в контексте интересов государства и гражданского общества / Е. П. Мармилова // Ars administrandi: искусство власти и управления : Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Иваново, 24–25 мая 2019 года: Ивановский филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019. – С. 247.
13. Мироненко, С. В. Понятие "безопасность избирательной кампании" / С. В. Мироненко // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королёва. – 2004. – № 2(6). – С. 26-35. – EDN IQFSPR.
14. Морозов, С. И. Новые вызовы обеспечению "цифровой безопасности" избирательного процесса РФ в условиях современных внешнеполитических трансформаций / С. И. Морозов // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития : Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2024. – С. 412-413. – EDN WEGLPY.
15. Ниточкин, Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием в механизме обеспечения избирательных прав граждан / Ф. В. Ниточкин // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 2 (32). – С. 73.
16. Орлова, М. Ю. Правовое регулирование технологизации и цифровизации избирательного процесса: теория и практика / М. Ю. Орлова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 3. – С. 121.
17. Стеблецова, Н. Н. Новые институты гражданского общества в избирательном процессе современной России / Н. Н. Стеблецова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – № 1 (144). – С. 166.
18. Такунова, О. С. Участие институтов гражданского общества в избирательном процессе (на примере предвыборной кампании 2018 года) / О. С. Такунова // Молодежная политическая наука в Саратове : Ежегодник научных статей по проблемам политической теории и практики студентов, магистрантов, аспирантов саратовских вузов. Том Выпуск 6. – Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2018. – С. 83.
19. Федотова, У. А. Проблемы безопасности информации в избирательном процессе, правовое регулирование и практика / У. А. Федотова // Выборы: теория и практика. – 2021. – № 1(55). – С. 56-60. – EDN OWUTLS.

References:

1. Amburtsev, R. A. The security of the electoral process in modern conditions / R. A. Amburtsev, A. N. Ksenzov // Elections in Russia and in the world: society, law, technology : Proceedings of the international scientific and practical conference, Irkutsk, September 26-27, 2024. Irkutsk: Baikal State University, 2024. pp. 5-11.
2. Security of the electoral process / A. S. Boyashov, I. I. Musket, O. N. Leshenyuk [et al.]. – St. Petersburg : Secretariat of the IPA CIS Council, 2023. - 4 p.
3. Berdnikova, E. V. The role of public control in ensuring democratic elections in the Russian Federation / E. V. Berdnikova // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Pravo, 2014, vol. 14, No. 4, p. 658.
4. Fedorov, V. V. Problems of information support for elections / V. V. Fedorov // News of Higher educational institutions. Ural Region, 2015, No. 6, p. 20.
5. Dubrovina, Yu. Ya. Constitutional and legal protection of citizens' electoral rights in the context of the use of modern electoral technologies in Russia: dissertation of the Candidate. jurid. Sciences: 5.1.2. / Dubrovina Yulia Yakovlevna. – Saratov, 2023. – 4 p.
6. Egorov, S. N. Ensuring security during the electoral process / S. N. Egorov // Proceedings of the Southwestern State University. – 2011. – № 6-1 (39). – P. 12.
7. Egorova, A.V. The institute of election observers as a factor of legitimization of power in modern Russia / A.V. Egorova // Management consulting. 2019. № 5(125). P. 121.
8. Draft Law No. 301714-8 "Electoral Code of the Russian Federation" // CREATED by [website]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/301714-8 (Date of request: 05/15/2025).
9. Kleimenov, M. P. Two aspects of ensuring the anti-corruption security of the electoral process / M. P. Kleimenov // Anti-corruption security of the electoral process: Status and prospects : Collection of scientific articles based on the materials of the III Siberian Anti-Corruption Forum, Krasnoyarsk, December 07-08, 2017 / Responsible editors: I.A. Damm, E.A. Akunchenko. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2018. pp. 33-38. EDN YWRSMP.
10. Kondrashchenko, D. A. Problems and prospects of development of the legal status of election observers in the Russian Federation / D. A. Kondrashchenko // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Pravo. – 2023. – Vol. 23, No. 2. – p. 241.
11. Larina, E. A. Civil society and the political system: aspects of interaction / E. A. Larina // Education and law. – 2023. – No. 9. – P. 24.
12. Marmilova, E. P. The work of public organizations in the field of protecting citizens' electoral rights in the context of the interests of the state and civil society / E. P. Marmilova // Ars administrandi: the art of power and management : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Ivanovo, May 24-25, 2019: Ivanovo branch of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation", 2019. – p. 247.
13. Mironenko, S. V. The concept of "election campaign security" / S. V. Mironenko // Bulletin of the Samara State Aerospace University named after academician S.P. Korolev. – 2004. – № 2(6). – Pp. 26-35. – EDN IQFSPR.
14. Morozov, S. I. New challenges to ensuring the "digital security" of the electoral process of the Russian Federation in the context of modern foreign policy transformations / S. I. Morozov // Russia in a polycentric world order: challenges and new development paradigms : Proceedings of the X All-Russian Congress of Political Scientists with International participation, Moscow, 05-07 December 2024. – Moscow: Limited Liability Company, Aspect Press Publishing House, 2024. – pp. 412-413. – EDN WEGLPY.
15. Nitochkin, F.V. Public monitoring of voting in the mechanism of ensuring the electoral rights of citizens / F.V. Nitochkin // Citizen. Elections. Power. 2024. № 2(32). P. 73.
16. Orlova, M. Y. Legal regulation of technologization and digitalization of the electoral process: theory and practice / M. Y. Orlova // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2023. – Vol. 9 (75), No. 3. – P. 121.
17. Stebletsova, N. N. New institutions of civil society in the electoral process of modern Russia / N. N. Stebletsova // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science. – 2013. – № 1 (144). – P. 166.
18. Takunova O. S. Participation of civil society institutions in the electoral process (on the example of the 2018 election campaign) / O. S. Takunova // Youth political science in Saratov : A yearbook of scientific articles on the problems of political theory and practice of students, undergraduates, postgraduates of Saratov universities. Volume Issue 6. Saratov : Saratov Source Publishing House, 2018, p. 83.
19. Fedotova, U. A. Problems of information security in the electoral process, legal regulation and practice / U. A. Fedotova // Elections: theory and practice. – 2021. – № 1(55). – Pp. 56-60. – EDN OWUTLS.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_393

УДК 343.3//7

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ КАК ИНДИКАТОР ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
VALUE ORIENTATIONS OF AS AN INDICATOR OF LEGAL CULTURE

ПТИЦЫНА Елена Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
Волгоградский государственный технический университет, кафедра «Русский язык».
400131, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, площадь Павших борцов, 1.
E-mail: pea414@mail.ru;

АЛТУХОВА Ольга Николаевна,
кандидат филологических наук., доцент
Волгоградский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ,
Кафедра русского языка и социально-культурной адаптации.
400131, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, площадь Павших борцов, 1.
E-mail: geeterra@mail.ru;

НАУМОВ Игорь Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент
Волгоградский государственный технический университет, кафедра «История, культурология, социология».
400066, Россия, г. Волгоград, проспект имени В.И. Ленина, 28.
E-mail: naumov1510@yandex.ru;

СЕЛЕЗНЕВА Ирина Геннадьевна,
кандидат социологических наук, доцент
Волгоградский государственный технический университет, кафедра «Философия и право».
400066, Россия, г. Волгоград, проспект имени В.И. Ленина, 28.
E-mail: irinaselezneva@bk.ru;

СУХОВА Анна Сергеевна,
кандидат социологических наук, доцент,
Волгоградский государственный технический университет, кафедра «Философия и право».
400066, Россия, г. Волгоград, проспект имени В.И. Ленина, 28.
E-mail: belousov34@yandex.ru;

PTITSYNA Elena Aleksandrovna,
Candidate of philological sciences
Assistant Professor Volgograd State Technical University Department of "Russian language".
Square of Pavshikh boytsov, 1, Volgograd region, 400131, Russia.
E-mail: pea414@mail.ru;

ALTUKHOVA Olga Nikolaevna,
Candidate of philological sciences Assistant Professor Volgograd State Medical University,
Department of the Russian Language and Social and Cultural Adaptation, Department of "Russian language".
Department of "Russian language".
Square of Pavshikh boytsov, 1, Volgograd region, 400131, Russia.
E-mail: geeterra@mail.ru;

NAUMOV Igor Nikolaevich,
Candidate of Historical Sciences Associate Professor Volgograd State Technical University,
Department of History, Cultural Studies,
28 Lenin Avenue, Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: naumov1510@yandex.ru;

SELEZNEVA Irina Gennadyevna,
Candidate of Sociological Sciences Associate Professor Volgograd state technical University,
Department of Philosophy and law,
28 Lenin Avenue, Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: irinaselezneva@bk.ru;

SUHOVA Anna Sergeevna,
Candidate of Sociological Sciences Associate Professor Volgograd state technical University,
Department of Philosophy and law,
28 Lenin Avenue, Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: belousov34@yandex.ru

Краткая аннотация *Молодежная правовая культура создается под влиянием множества факторов, важнейшим из которых являются базовые ценности, сформировавшиеся у современной молодежи. Внимание к формированию ценностей молодежи, ее основным проблемам должно быть активизировано с целью образования грамотной правовой культуры. Важно использовать действенные средства и методы работы с современной молодежью, учитывая возрастные, психологические и социальные особенностей данной группы населения, ее проблем и основных тенденций развития молодежной культуры восприятия правовых процессов в современных условиях.*

Abstract: *Youth legal culture is created under the influence of many factors, the most important of which are the basic values formed by modern youth. Attention to the formation of youth values, its main problems should be intensified in order to form a competent legal culture. It is important to use effective means and methods of working with modern youth, taking into account the age, psychological and social characteristics of this population group, its problems and the main trends in the development of youth culture of perception of legal processes in modern conditions.*

Ключевые слова: *ценности, культура, молодежь, правовая культура, социальный статус, правовое сознание, субкультура, ценностные ориентиры.*

Keywords: *values, culture, youth, legal culture, social status, legal consciousness, subculture, value orientations.*

Для цитирования: *Птицына Е.А., Алтухова О.Н., Наумов И.Н., Селезнева И.Г., Сухова А.С. Ценностные ориентиры молодежи как индикатор правовой культуры // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 393-395. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_393.*

For citation*: Ptitsyna E.A., Altukhova O.N., Naumov I.N., Selezneva I.G., Suhova A.S. Value orientations of as an indicator of legal culture // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 393-395. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_393.*

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В современном мире важнейшими факторами, влияющими на направленность происходящих изменений в сознании молодежи, определяющими успешность реализации собственных решений, а также степень вовлеченности молодых людей в процесс политико-правовых отношений, является уровень правового сознания и ценности доминирующего типа правовой культуры молодежи. Поэтому исследования правового сознания и противоправного поведения современной молодежи, а также ее политической культуры в целом, остаются актуальными на протяжении последних десятилетий и привлекают интерес ученых. Получение нового научного знания по столь популярной в научных кругах проблеме, на наш взгляд, возможно с помощью новых исследовательских подходов. Для большинства современных ученых актуальна ценностная концепция, основная мысль которой заключается в том, что правовая культура человека зависит от той системы базовых ценностей, которая формируется у человека до 20 лет. Существенное влияние на сознание молодежи на современном этапе, оказывают воспитание и те события и явления социальной жизни, которые окружают молодого человека в период его взросления. Во взрослом возрасте сформированная таким образом система ценностей влияет на все проявления человека, в том числе, на оценку происходящих событий, правовые установки, на мотивацию и модели правового поведения. Разница в ценностях молодежи объясняет не только известный «конфликт отцов и детей», но и определяет уровень заинтересованности представителей различных поколений в сложившейся системе общественных отношений, правовые установки и интересы, степень развития правовой культуры.

Ценностные ориентиры формируются под влиянием множества факторов, которые можно разделить на несколько основных групп. К первой и важной группе относится семья. Семья является первичным агентом социализации и оказывает наибольшее влияние на формирование ценностей в детстве и юности. Ценности, привитые в семье (уважение к старшим, трудолюбие, честность, ответственность и т.д.), как правило, сохраняются на протяжении всей жизни. Ко второй группе, влияющей на правовое сознание и особенности его формирования, относятся образовательные учреждения. Они формируют у молодежи систему знаний, умений и навыков, а также прививают определенные ценности (патриотизм, гражданственность, толерантность, уважение к культуре и истории). К третьей группе относится окружение человека- друзья, сверстники, коллеги и другие люди, с которыми человек общается, они оказывают активное влияние на его ценностные ориентиры. Влияние социальной среды может быть, как положительным, так и отрицательной. К четвертой группе относятся- государство, церковь, общественные организации и другие социальные институты, которые формируют общественное мнение и транслируют определенные ценности. Не маловажную роль играет и пятая группа, которая включает в себя телевидение, радио, газеты, журналы, интернет и социальные сети оказывают мощное влияние на формирование ценностей, особенно у молодежи. СМИ могут формировать как позитивные, так и негативные ценностные ориентиры. Культура общества, включая традиции, обычаи, искусство и литературу, оказывает значительное влияние на формирование ценностей. Уровень экономического развития, социальное неравенство, доступность образования и здравоохранения и другие социально-экономические факторы влияют на формирование ценностных ориентиров. Кроме указанного, необходимо учитывать личный опыт молодых людей, включая успехи, неудачи, достижения и разочарования, оказывает сильное влияние на формирование его ценностных ориентиров [1].

Потребности современной молодежи (материальные, социальные, духовные) определяют ценностные приоритеты. А также, важную роль играет характер, темперамент и другие личностные особенности молодых людей и влияют на формирование ценностных ориентиров. Даже уровень самооценки оказывает влияние на формирование ценностей. Молодые люди с высокой самооценкой, как правило, более уверены в своих ценностях и убеждениях. Развитое самосознание позволяет человеку осознанно выбирать свои ценности и следовать им.[2].

Социальные кризисы и другие исторические изменения оказывают сильное влияние на формирование ценностей молодежи. Политический режим, существующий в стране, оказывает влияние на формирование ценностей, особенно в сфере гражданственности и патриотизма.

Важно отметить, что все эти факторы взаимосвязаны и оказывают комплексное воздействие на формирование ценностных ориентиров современной молодежи. Например, социально-экономические условия влияют на доступность образования и возможности для самореализации, что, в свою очередь, влияет на ценностные приоритеты отдельного молодого человека.

Несмотря на влияние различных факторов, формирование ценностных ориентиров молодежи на современном этапе, является индивидуальным процессом, в котором каждый молодой человек играет активную роль. Он может критически оценивать информацию, получаемую из различных источников, и самостоятельно выбирать свои ценности и убеждения.

Таким образом, молодёжное сознание определяется рядом объективных обстоятельств. Во-первых, в современных условиях усложнился и удлинился сам процесс социализации, и соответственно другими стали критерии её социальной зрелости. Они определяются не только вступлением в самостоятельную трудовую жизнь, но и завершением образования, получением профессии, реальными политическими и гражданскими правами, материальной независимостью от родителей.

Действие данных факторов неодновременно и неоднозначно в разных социальных группах, поэтому усвоение молодым человеком системы социальных ролей взрослых оказывается противоречивым. Он может быть ответственным и серьёзным в одной сфере и чувствовать себя как подросток в другой. Во-вторых, становление социальной зрелости молодёжи происходит под влиянием многих относительно самостоятельных факторов: семьи, школы, «улицы», коллектива, СМИ, самых разных молодёжных организаций, религии и пр. Эта множественность институтов и механизмов социализации не представляет собой жёсткой иерархической системы, каждый из них выполняет свои специфические функции

в формировании личности молодого человека [3]. Под влиянием перечисленных факторов формируются особенности правового сознания.

Каждое общество по-разному и в различных формах приобщает новые поколения к основным социальным ценностям. По мере развития и усложнения социальности, длительно происходит и процесс становления социализации. Ценностные ориентиры формируются под влиянием сложного комплекса социальных, психологических, исторических и глобальных факторов. Понимание этих факторов позволяет лучше понять процессы формирования ценностей и разрабатывать эффективные стратегии по их формированию и развитию.

Правовая культура современной молодёжи — это комплекс знаний, убеждений, ценностей и моделей поведения, связанных с правом и его ролью в обществе, которые формируются у молодых людей под воздействием различных факторов [4.] Оценка и анализ этого явления требуют рассмотрения как позитивных аспектов, так и проблемных зон. Благодаря доступности информации в интернете и социальных сетях, современная молодежь часто более информирована о своих правах и свободах, чем предыдущие поколения. Они могут быстро найти информацию о законах, нормативных актах и способах защиты своих интересов. Молодые люди часто проявляют критическое мышление по отношению к правовой системе, анализируя ее недостатки и предлагая пути улучшения. Они могут быть более восприимчивы к идеям справедливости, равенства и соблюдения прав человека [5]. Молодежь активно использует интернет и социальные сети для распространения правовой информации, организации правозащитных кампаний и оказания юридической помощи. Несмотря на доступность информации, многие молодые люди не обладают достаточными знаниями о законах и способах защиты своих прав. Они могут не знать, как правильно составить заявление, обратиться в суд или защитить себя от неправомерных действий [6]. Распространение недостоверной или искаженной правовой информации в интернете и социальных сетях может приводить к неправильному пониманию законов и принятию неверных решений. Недостаточное внимание к правовому воспитанию в семье и школе может приводить к формированию у молодежи неправильных представлений о праве и его роли в обществе. Необходимо повышать правовую культуру современной молодежи совершенствуя правовое образование, внедряя современные методики обучения, организуя правовые консультации, создавая правозащитные организации с активным участием молодежи. Правовая культура современной молодежи требует постоянного внимания и целенаправленных усилий со стороны государства, общества и образовательных учреждений. Повышение уровня правовой грамотности, формирование позитивного отношения к праву и вовлечение молодежи в общественную жизнь являются ключевыми факторами для формирования у современной молодежи правовой культуры.

Список литературы:

1. Государственная молодежная политика: история и современность: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции (21 мая 2016 г.) [Текст]/ Под ред. П.А Меркулова. Орел: ОФ РАНХиГС, 2016. – 12 с.
2. Государственная молодежная политика в Российской Федерации: нормативно-правовой аспект [Текст]: учебно-методическое пособие /Л.Л. Юркина, А.А. Ереева. Под ред. О.Н. Алексеевой. – Омск: Издательство ИП Рыбникова А.В. – 2018. – 120с.
3. Гурдеев, Н. К. Молодежь России: социологический портрет [Текст] / Н. К. Гурдеев, Ф. Э. Шидков. – Москва: ЦСПиМ, 2018. – 592 с.
4. Дорошина, Н.Н. Исследование нравственных качеств молодежи [Текст]/ Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2018. – 456 с.
5. Елисеев А.Л. Государственная молодежная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы / А.Л. Елисеев, А.Ю. Кретов // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. – Т.1. – № 1. – С. 46– 52.
6. Жданов, А.Ю. Социальное развитие молодежи в современной России / А.Ю. Жданов // Общество и право. – 2016. – № 2 (44). – С. 269 – 273.

References:

1. State youth policy: history and modernity: Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference (May 21, 2016) [Text]/ Edited by P.A. Merkulov. Orel: OF RANHiGS, 2016. – 12 p.
2. State youth policy in the Russian Federation: a normative and legal aspect [Text]: an educational and methodological manual / L.L. Yurkina, A.A. Ereeva. Edited by O.N. Alekseeva. Omsk: Publishing house of IP Rybnikov A.V. – 2018. – 120s.
3. Gurdeev, N. K. Youth of Russia: sociological portrait [Text] / N. K. Gurdeev, F. E. Shidkov. Moscow: TSSPIM, 2018. 592 p.
4. Doroshina, N.N. The study of moral qualities of youth [Text]/ Scientific Bulletin of Belgorod State University. Russia: Humanities, 2018. 456 p
5. Eliseev A.L. State youth policy of the Russian Federation: problems and prospects / A.L. Eliseev, A.Yu. Kretov // Bulletin of State and Municipal Administration. 2019. – Vol. 1. – No. 1. – pp. 46-52.
6. Zhdanov, A.Y. Social development of youth in modern Russia / A.Y. Zhdanov // Society and law. – 2016. – № 2 (44). – Pp. 269-273.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_396

УДК 34.096

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
CURRENT ISSUES OF LEGAL SUPPORT FOR THE USE AND DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

МИНИНА Анна Александровна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС.
355002, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: ann247@yandex.ru;

ПЕРЕПАДЯ Сергей Михайлович,
доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС, адвокат.
355000, Россия, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: lawyerplus26@yandex.ru;

ПЕРЕПАДЯ Ольга Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС.
355000, Россия, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: orizk1@yandex.ru;

MININA Anna Alexandrovna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Law and Special Disciplines, Stavropol Branch of the RANEPA.
355002, Stavropol Territory, Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: ann247@yandex.ru;

PEREPADYA Sergey Mikhailovich,
Associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines of the Stavropol Branch of the RANEPA, lawyer.
Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: lawyerplus26@yandex.ru;

PEREPADYA Olga Alexandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Law and Special Disciplines,
Stavropol Branch of the RANEPA.
Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: orizk1@yandex.ru

***Краткая аннотация**: не смотря на то, что ИИ пока россиянами не воспринимается в качестве надёжного источника информации, технологии ИИ активно развиваются и применяются в экономике и государственном управлении. И если в этом направлении правовое регулирование существует в том или ином виде, то правовая природа и правовой режим ИИ – предмет научных дискуссий в силу законодательного пробела. Так, в цивилистической доктрине его ошибочно определяются в качестве субъекта/квазисубъекта гражданского права или допускают дальнейшее признание ИИ правовым субъектом. Между тем, классическая теория лица не позволит признать ИИ субъектом прав. Однако если предположить дальнейшую проработку этого вопроса, то концепция «робот как электронное лицо» потребует разработки совершенно новой юридической конструкции, с обоснованием объёма правосубъектности нового вида.*

***Abstract**: Despite the fact that AI is not yet perceived by Russians as a reliable source of information, AI technologies are actively developing and being used in economics and public administration. And if legal regulation exists in one form or another in this area, then the legal nature and legal regime of AI are the subject of scientific debate due to a legislative gap. Thus, in the civil doctrine, it is mistakenly defined as a subject/quasi-subject of civil law or allows for further recognition of AI as a legal entity. Meanwhile, the classical theory of a person will not allow AI to be recognized as a subject of rights. However, if we assume further elaboration of this issue, then the concept of "robot as an electronic person" will require the development of a completely new legal structure, justifying the scope of a new type of legal personality.*

***Ключевые слова**: искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, правовой режим искусственного интеллекта, концепция «робот как электронное лицо».*

***Keywords**: artificial intelligence, artificial intelligence technologies, legal regime of artificial intelligence, the concept of «robot as an electronic person».*

***Для цитирования:** Минина А.А., Перепадя С.М., Перепадя О.А. Актуальные вопросы правового обеспечения использования и развития технологий искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 396-399. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_396.*

***For citation**: Minina A.A., Perepadya S.M., Perepadya O.A. Current issues of legal support for the use and development of artificial intelligence technologies // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 396-399. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_396.*

Статья поступила в редакцию: 15.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Сегодня вопрос использования искусственного интеллекта – предмет экспертных дискуссий. При этом одни эксперты высказывают опасения: замена человеческого креатива на ИИ может привести к оглуплению людей [1]. Другие же, более оптимистичны, считая, что ИИ – тренд современности.

За последнее время ВЦИОМ неоднократно публиковал результаты опросов общественного мнения, относительно искусственного интеллекта. Один из них, посвящен использованию искусственного интеллекта в школе [2]. Примечательно, что почти каждый второй россиянин (46

%) считает, что он не разрешил бы использовать ИИ своему ребенку для учебы в школе при подготовке домашних работ и заданий. Полное одобрение использования ИИ по всем предметам выразили лишь 16 % опрошенных, тогда как частичное (по отдельным дисциплинам) — 30 %.

Действительно для системы образования ИИ – это вызов, к которому к которому нужно будет адаптироваться: детей нужно готовить в ответственному использованию технологий.

Если говорить о бизнесе, что здесь новые технологии «встречаются» с большим желанием. При этом уровень использования технологий искусственного интеллекта российскими организациями повысился с 20% в 2021 году до 43% в 2024 году. Лидеры – организации сферы финансовых услуг, сектора информационно-коммуникационных технологий, высшего образования и топливно-энергетического комплекса. В них доля использующих ИИ организаций достигает 66 %. В основном в них ИИ используется для обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи [3].

В настоящее время повседневное использование технологий ИИ коррелирует с возрастом, уровнем образования и урбанизированностью. Так, например, показатель использования у зумеров и младших миллениалов - технологически продвинутых поколений достигает 86-87 %.

Следует заметить, что в рейтинге источников, к которым россияне готовы обратиться, чтобы разобраться в новом для них вопросе, ИИ занимает последнее место (5%), уступая даже библиотекам и книгам (6%). А первое место занимает интернет (50%), он обходит даже личные связи — компетентных друзей и знакомых (29%). Это значит, что ИИ пока не воспринимается как надежный источник информации [4]. Если говорить о доверии к ИИ, что здесь рейтинг по сферам применения возглавляют виртуальные помощники (умные колонки, часы, чат-боты и пр.) (44%), творчество (42%) и робототехника (40%). Эти сферы воспринимаются как относительно безопасные и понятные для большинства людей. Интернет вещей (умные домашние устройства, фитнес-трекеры и т. д.) уже стал частью повседневной жизни многих россиян [5].

Важнейший аспект развития и внедрения ИИ-технологий, который требует тщательной проработки и осмысления, — этика его применения. Для россиян этот вопрос пока остается непростым. Общественный запрос состоит в сохранении активной роли человека в контроле за этичностью применения искусственного интеллекта [6].

В настоящее время существуют документы, определяющие этику применения ИИ. Один из них, «Кодекс этики искусственного интеллекта», подписанный в 2021 и устанавливающий основные принципы внедрении ИИ, соответствующие выделенным рискам и угроза. Авторы кодекса - Альянс в сфере искусственного интеллекта РФ, Аналитический центр при правительстве РФ и Минэкономразвития [7].

Искусственный интеллект – это имитация процессов человеческого интеллекта машинами, компьютерными системами. Как правило, системы искусственного интеллекта работают, поглощая большие объемы специальных обучающих данных, анализируя их на предмет наличия связей, закономерностей, и использует эти закономерности для моделирования. Например, чат-бот, получающий примеры текстовых чатов, может производить реалистичный обмен мнениями с людьми. Разработчик технологии искусственного интеллекта в процессе её создания фокусируется на сборе данных и определении правил того, как превратить данные в полезную информацию.

В настоящее время активно складывается правовое регулирование отношений, связанных с развитием и применением технологий искусственного интеллекта. Так, в 2019 году Указом Президента РФ была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Стратегия) [8], которая раскрывает понятие «искусственный интеллект». При этом, следует заметить, что указанный разделяет понятия «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта». Так, под искусственным интеллектом понимает «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека». Тогда как под технологией искусственного интеллекта понимается «совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта».

В литературе можно встретить мнение, что определение данное Стратегией совершенно для реализации стратегических национальных целей, но оно не может использоваться в части определения правового режима искусственного интеллекта. Е.А. Наташкина, А.Л. Екатериничева, А.Б. Бабаев указывают на следующее. Подход, при котором мы получаем «результаты, аналогичные результатам интеллектуальной деятельности человека», не позволяет «умные системы», выдающие пользователю простую информацию или совершающие заранее определенные действия, признавать искусственным интеллектом [9]. Кроме того, представляется, что в легальном определении упущен важный признак ИИ - обработка информации.

Есть и другие документы [10], анализ которых позволяет различать «носитель» искусственного интеллекта, то есть объект, наделенный соответствующим функционалом, и его результат. Если с объектом искусственного интеллекта все вполне понятно и его правовое регулирование существует в российском законодательстве, то применительно к результату все весьма неопределенно. Хотя движение в этом направлении уже начато. Так, приказом Минэкономразвития от 29.06.2021 № 392 утверждены критерии определения принадлежности проектов к проектам в сфере ИИ [11]. Среди них:

а) критерий предмета проекта, означающий возможность технологического решения имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека;

б) критерий базовой технологии проекта, означающий, что мероприятия по проекту должны быть направлены на решение технологических задач по перечню, приведенному в приложении к документу. Среди них: обработка естественного языка, интеллектуальное принятие

решение и др.;

в) критерий результата реализации проекта, означающий, что по итогам реализации проекта должен достигаться один из четырёх определённых результатов. Например, создание, и (или) развитие новых технологий, программных средств или программно-аппаратных комплексов, а также их масштабирование, адаптация под новые прикладные сферы.

Сегодня ИИ является инструментом решения специфических задач государственного и муниципального управления. Например, Указом Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232, утверждено положение о ГИС в области противодействия коррупции «Посейдон». Система во взаимодействии с несколькими базами (включая социальные сети) собирает информацию о признаках коррупции: конфликт интересов, недостоверное декларирование доходов и расходов, незаконное получение прибыли и так далее. Следует заметить, что мировая практика показывает положительный опыт применения ИИ к деятельности по профилактике и пресечению коррупции, например, в США и Китае [12].

Важнейшим направлением цифровой трансформации государственного управления необходимо также признать формирование единого федерального информационного ресурса, единого федерального регистра сведений о населении, совершенствование системы идентификации и аутентификации, а также создание цифрового профиля [13].

При этом, сегодня национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», являющийся, по сути, продолжением национального проекта «Цифровая экономика» ставит амбициозные цели. Среди них, например, почти стопроцентная (а именно 99 %) возможность получения значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Итак, в настоящее время правовая база для развития и применения технологии в экономике и государственном управлении существует в том или ином виде, однако правовая природа и правовой режим ИИ – предмет научных дискуссий. Так, в цивилистической доктрине его ошибочно определяются в качестве субъекта/квазисубъекта гражданского права или допускают дальнейшее признание ИИ правовым субъектом. Между тем, представляется, что копирование свойств и навыков человека не делает ИИ персоной, обладающей волей и возможностью действовать в своём интересе независимо от других субъектов, что требует для лиц ГК РФ [14].

Особенно странно звучит идея об отнесении ИИ к субъекту правоотношений в контексте категории «правосубъектность», предполагающей самостоятельную реализацию прав и обязанностей, в том числе ответственности. Не случайно Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта определяет, что за все последствия ИИ должен отвечать человек, при этом акторам рекомендуется принимать все меры для определения ответственности конкретных участников жизненного цикла ИИ с учетом их роли и специфики каждого этапа.

Безусловно, классическая теория лица не позволит признать ИИ субъектом прав. Однако если предположить дальнейшую проработку этого вопроса, то концепция «робот как электронное лицо» потребует разработки совершенно новой юридической конструкции, с обоснованием объёма правосубъектности нового вида (роботов и ИИ). Именно в данном направлении (концепция «ИИ - электронное лицо») развивается законодательство Евросоюза и некоторых других стран [15].

Относительно наделения робота правосубъектностью аналогичной человеку существует негативный прецедент в истории Саудовской Аравии, заимствовать который в целях развития технологии ИИ в нашей стране пока, как минимум, рано. Так, робот София (идентифицирующая себя как женщина), созданная компанией HansonRobotics, в 2017 года получила гражданство Саудовской Аравии на саммите «Инвестиционная инициатива будущего», что вызвало бурю возмущений со стороны населения, в особенности, насчет законодательства в части прав и обязанностей женщин Саудовской Аравии и мигрантов [16].

Список литературы:

1. Татьяна Черниговская: «Человек, который доверяет только ИИ сложные когнитивные задачи, теряет собственные креативные способности» [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет [официальный сайт] URL: https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/tatyana-chernigovskaya-chelovek-kotoryy-doveryaet-tolko-ii-slozhnye (дата опубликования 1.03.2025)
2. Искусственный интеллект в школе: добро или зло? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [официальный сайт] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo (дата опубликования 21.04.2025)
3. Искусственный интеллект покоряет бизнес: внедрение ИИ в компаниях выросло в два раза [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [официальный сайт] URL: https://wciom.ru/announcements-item/iskusstvennyi-intellekt-pokorjaet-biznes-vnedrenie-ii-v-kompanijakh-vyroslo-v-dva-raza (дата опубликования 12 .12.2024)
4. ИИ: ваш новый друг лучший друг? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [официальный сайт] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug (дата опубликования 03.12.2024)
5. Пределы доверия: естественный интеллект – об искусственном [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [официальный сайт] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom (дата опубликования 09.10.2024)
6. Этика искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [официальный сайт] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehtika-iskusstvennogo-intellekta-2 (дата опубликования 03.09.2024)
7. Афанасьева, Ж.С. Этические аспекты применения технологий искусственного интеллекта / Ж.С. Афанасьева, А.Д. Афанасьев // Информационные технологии и математическое моделирование в управление сложными системами. – 2022. - № 2 (15). – С. 24-32.
8. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 15.02.2024
9. Наташкина, Е.А. Вопросы государственного регулирования сферы искусственного интеллекта / Е.А. Наташкина, А.Л. Екатериничева, А.Б. Бабаев // Интеллектуальные информационные системы: теория и практика: Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской с международным участием конференции. – Курск: Курский государственный университет, 2023. – С. 131-140
10. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.
11. Приказ Минэкономразвития России от 29.06.2021 № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.
12. Погодина, И.В. Искусственный интеллект в деле противодействия коррупции в таможенных органах: достигнутые результаты и новые возможности / И.В. Погодина, А.С. Новичкова // Государственная власть и местное самоуправление. - 2024. - № 4. - С. 21 - 26.
13. Троян, Н.А. Правовые механизмы применения технологий искусственного интеллекта в сфере государственного управления в России и за рубежом / Н.А. Троян // Мониторинг правоприменения. – 2024. - № 3 (52). – С. 10-16
14. Подузова, Е.Б. Исключительное право на «искусственный интеллект» (или технологию «искусственного интеллекта»): проблемы квалификации в качестве общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 8 - 11.

15. Соломонов, Е.В. Правосубъектность искусственного интеллекта / Е.В. Соломонов // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2025. - № 1. - С. 63–72.
16. Магомедова, Р.М. Проблемы определения гражданской правосубъектности сквозных технологий (технологии искусственного интеллекта) / Р.М. Магомедов // Цифровизация правосудия: проблемы и перспективы: Материалы II Ежегодной национальной научно-практической конференции, Москва: РТУ МИРЭА, 2023. – С. 115-119

References:

1. Tatiana Chernihiv: "A person who trusts only AI with complex cognitive tasks loses his own creative abilities" [Electronic resource] // St. Petersburg State University [official website] URL: https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/tatyana-chernigovskaya-chelovek-kotoryy-doveryaet-tolko-ii-slozhnye (date of publication 1.03.2025)
2. Artificial intelligence in school: good or evil? [Electronic resource] // VTsIOM [official website] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo (date of publication: 04/21/2025)
3. Artificial intelligence conquers business: the introduction of AI in companies has doubled [Electronic resource] // VTsIOM [official website] URL: https://wciom.ru/announcements-item/iskusstvennyi-intellekt-pokorjaet-biznes-vnedrenie-ii-v-kompanijakh-vyroslo-v-dva-raza (publication date 12.12.2024)
4. AI: Is your new friend your best friend? [Electronic resource] // VTsIOM [official website] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug (date of publication 03.12.2024)
5. Limits of trust: natural intelligence – about artificial [Electronic resource] // VTsIOM [official website] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom (date of publication 09.10.2024)
6. Ethics of artificial intelligence [Electronic resource] // VTsIOM [official website] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehtika-iskusstvennogo-intellekta-2 (date of publication 03.09.2024)
7. Afanasyeva, Zh.S. Ethical aspects of the application of artificial intelligence technologies / Zh.S. Afanasyeva, A.D. Afanasyev // Information technologies and mathematical modeling in the management of complex systems. – 2022. - № 2 (15). – Pp. 24-32.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 (as amended on 02/15/2024) "On the development of artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030") // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru , 02/15/2024
9. Natashkina, E.A. Issues of state regulation of the sphere of artificial intelligence / E.A. Natashkina, A.L. Yekaterinicheva, A.B. Babaev // Intelligent information systems: theory and practice: A collection of scientific articles based on the materials of the IV All-Russian Conference with international participation. Kursk: Kursk State University, 2023. pp. 131-140
10. Federal Law No. 123-FZ dated 04/24/2020 "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation - the Federal City of Moscow and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" // Official Internet-legal information portal http://www.pravo.gov.ru .
11. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 06/29/2021 No. 392 "On approval of criteria for determining whether projects belong to projects in the field of artificial intelligence" // Official Internet portal of Legal Information
http://www.pravo.gov.ru 12. Pogodina, I.V. Artificial intelligence in combating corruption in customs authorities: achieved results and new opportunities / I.V. Pogodina, A.S. Novichkova // State power and local self-government. - 2024. - No. 4. - pp. 21-26.
13. Troyan, N.A. Legal mechanisms for the use of artificial intelligence technologies in the field of public administration in Russia and abroad / N.A. Troyan // Law enforcement monitoring. – 2024. - № 3 (52). – Pp. 10-16
14. Poduzova, E.B. The exclusive right to "artificial intelligence" (or "artificial intelligence" technology): problems of qualification as common property of spouses // Family and housing law. 2023. No. 3. pp. 8-11.
15. Solomonov, E.V. The legal personality of artificial intelligence / E.V. Solomonov // Bulletin of Omsk University. The Pravo series. 2025. No. 1. pp. 63-72.
16. Magomedova, R.M. Problems of determining the civil personality of end-to-end technologies (artificial intelligence technologies) / R.M. Magomedov // Digitalization of justice: problems and prospects: Proceedings of the II Annual National Scientific and Practical Conference, Moscow: RTU MIREA, 2023. – pp. 115-119

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_400

УДК 342.76

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ
THE LEGAL BASIS FOR THE ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENTS IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE POPULATION AND TERRITORIES FROM EMERGENCY SITUATIONS

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович,
Кандидат военных наук, доцент, заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева».
192102, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 10.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru;

PYANUSOV Alexander Viktorovich,
Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Life Safety St. Petersburg State Fire Service University Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev." Fuchika str., 10, Saint Petersburg, 192102, Russia.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена изучению компетенции органов местного самоуправления в области защиты населения территорий. Фактически ответственность за защиту населения и территории от чрезвычайных ситуаций была возложена на органы местного самоуправления, однако, как показывает практика, далеко не все муниципальные образования располагают достаточными силами и средствами для самостоятельного осуществления возложенных полномочий. В связи с реформой системы защиты от чрезвычайных ситуаций, ее децентрализацией возникла проблема сочетания единства системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на всех уровнях с организационной обособленностью местного самоуправления.*

Abstract: *The article is devoted to the study of the competence of local government bodies in the field of population protection of territories. In fact, responsibility for the protection of the population and territory from emergency situations was assigned to local government bodies, however, as practice shows, not all municipalities have sufficient forces and means to independently exercise the assigned powers. In connection with the reform of the emergency protection system, its decentralization, the problem of combining the unity of the emergency prevention and liquidation system at all levels with the organizational isolation of local government arose.*

Ключевые слова: *защита населения и территорий, органы местного самоуправления, чрезвычайные ситуации, нормативно-правовое обеспечение.*

Keywords: *population and territory protection, local government bodies, emergency situations, regulatory framework.*

Для цитирования: *Пьянусов А.В. Правовая основа деятельности органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 400-404. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_400.*

For citation*: Pyanusov A.V. The legal basis for the activities of local governments in the field of protection of the population and territories from emergency situations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 400-404. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_400.*

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Правовую основу деятельности органов местного самоуправления по защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера составляют, с одной стороны, нормативно-правовые акты, регламентирующие общие вопросы организации и деятельности органов местного самоуправления, с другой — нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность по защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций органами власти различного уровня[1].

Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Система нормативно-правовых актов, регламентирующих защиту от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, имеет три уровня: федеральный, субъекта Российской Федерации, местного самоуправления[2].

Конституция Российской Федерации содержит нормы, регулирующие общие вопросы местного самоуправления. Ими декларируется

[1] Шеншин, В. М. О роли органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и войск национальной гвардии Российской Федерации в реализации возложенных на них полномочий при объявлении мобилизации / В. М. Шеншин // Военное право. – 2022. – № 6(76). – С. 90-96. – EDN TWMSIR; Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU; Немова, Н. Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 52-58. – EDN OMKRQM.

[2] Зокоев, В. А. Правовые основы реализации основных способов защиты населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах и чрезвычайных ситуациях / В. А. Зокоев, Н. П. Воропаев, А. Г. Нестеренко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 4(49). – С. 61-64. – EDN KGZLLT.

наличие в Российской Федерации местного самоуправления, его самостоятельность в решении вопросов местного значения, структурная обособленность от органов государственной власти, возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Ст. 72 Конституции Российской Федерации относит установление общих принципов организации системы органов местного самоуправления к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций регламентируется Конституцией Российской Федерации лишь косвенно. Основные принципы защиты от чрезвычайных ситуаций основываются на ст. 2 Конституции (признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства), ст. 7 (Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека), ст. 20, 35, 40, 41, 42 (закрепляющие право на жизнь, частную собственность, жилище, охрану здоровья и медицинскую помощь, благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии), ст. 45 (гарантирующую государственную защиту прав и свобод человека и гражданина), ст. 55, 56 (возможность ограничения прав и свобод федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и государственной безопасности[1]).

В области организации местного самоуправления первостепенное значение имеет ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Что касается защиты от чрезвычайных ситуаций, этим законом установлены вопросы местного значения муниципальных образований различных видов в данной области, регламентированы общие условия деятельности местного самоуправления по их решению (территориальная организация местного самоуправления, система его органов, порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, система муниципальных правовых актов, экономическая основа местного самоуправления и т.д.)[2].

Конкретные полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения в сфере защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций определены федеральными законами: «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ; «Об аварийно- спасательных службах и статусе спасателей» от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ. Однако в указанных законах уделяется мало внимания организационным основам защиты от чрезвычайных ситуаций, вследствие чего по данным вопросам велико значение подзаконных актов.

Нормы, имеющие особую важность необходимо закрепить в законах. Следует устранить дублирование норм права в актах различных ведомств (большое количество актов по защите от чрезвычайных ситуаций издано иными, кроме МЧС России, органами власти), привести действующие подзаконные акты в соответствие с федеральными законами, более четко установить на федеральном уровне разграничение предметов ведения и полномочий органов местного самоуправления в области защиты от чрезвычайных ситуаций. Для этого следует внести в законодательство следующие изменения.

1. Во избежание коллизий права, споров о компетенции, разграничении собственности и ответственности между органами государственной власти и местного самоуправления следует устранить дублирование вопросов местного значения муниципальных образований и полномочий органов государственной власти в области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера путем передачи части вопросов местного значения в компетенцию органов государственной власти, а также более точного определения и разграничения полномочий различных органов власти. Конкретные рекомендации по определению компетенции органов местного самоуправления в области защиты от чрезвычайных ситуаций:

2. Следует отказаться от нечетких законодательных формулировок: «участие», «организация», «создание условий» и т.п., которые нередко применяются к вопросам местного значения, на что неоднократно указывалось учеными и представителями власти[3]. Вместо этого в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» следует конкретизировать формулировки вопросов местного значения либо предусмотреть нормы, отсылающие к актам отраслевого законодательства. Тем не менее, детальное указание всех частных полномочий органов местного самоуправления в законе нецелесообразно, т.к. это чрезмерно расширит объем закона и лишит отраслевое законодательство логически необходимого элемента — норм, определяющих полномочия органов публичной власти в данной сфере.

3. В настоящее время в России действует двухуровневая система местного самоуправления. Поселения входят в состав муниципальных районов, при этом органы местного самоуправления поселений не подчиняются органам местного самоуправления муниципального района, в состав которого они входят. В области защиты от чрезвычайных ситуаций наблюдается дублирование вопросов местного значения района и поселений («участие в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций в границах поселения» и «участие в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории муниципального района», при том, что территория муниципального района включает в себя территории поселений) и отсутствие разграничения полномочий между органами местного самоуправления поселений и муниципального района (в ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» установлен единый перечень полномочий, независимо от вида муниципального образования). На практике такая неопределенность порождает споры о предметах ведения и полномочиях, о разграничении муниципального имущества.

---

[1] Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS.
[2] Хабриева Т.Я. Муниципальная реформа в правовом измерении // Журн. рос.права. 2008. № 3. С. 3-15.
[3] **Российское местное самоуправление:** итог**и** муниципальной реформы 2003-2008 гг.: аналит. докл. Института современного развития // Вопросы местного самоуправления. 2009. №3. С. 4-29**.**

Для решения этой проблемы в ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» необходимо указать конкретные полномочия органов местного самоуправления различных муниципальных образований: поселения, муниципального района, городского округа[1].

Законодательство субъектов Российской Федерации играет важную роль по отношению к организации местного самоуправления и к защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций, поскольку данные вопросы относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Законами субъектов Российской Федерации определяется статус муниципальных образований, их границы, административные центры, устанавливаются наименования органов местного самоуправления, определяется порядок проведения муниципальных выборов и местного референдума, гарантии полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований, вопросы муниципальной службы, финансовой деятельности органов местного самоуправления и т.д.

В области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций в субъектах Российской Федерации приняты законы, определяющие основные принципы данной деятельности, порядок организации и функции территориальной подсистемы РСЧС[2], полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, общий порядок финансирования мероприятий и ответственность за нарушение законодательства в данной области. Как правило, подобные законы носят название «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». В ряде субъектов Российской Федерации подчеркивается сфера их применения. Так, в Тюменской области закон называется «О предупреждении и ликвидации природных и техногенных чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера», в Челябинской области - «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера». За основу данных законов взят ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Многие их нормы ссылаются на подзаконные нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня и зачастую дублируют нормы федерального законодательства.

Некоторые вопросы в области защиты от чрезвычайных ситуаций регламентируются актами высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), актами высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Нормативные акты органов местного самоуправления принимаются по вопросам местного значения муниципального образования и по вопросам осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления. Согласно изменениям, внесенным в ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» федеральным законом от 7 мая 2009 г. № 84-ФЗ, органы местного самоуправления в пределах своих полномочий могут принимать муниципальные правовые акты, регулирующие отношения, возникающие в связи с защитой населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Этим был устранен ранее существовавший пробел законодательства, когда право принимать нормативные акты в данной области закреплялось только за Российской Федерацией и ее субъектами, хотя органы местного самоуправления имели широкие полномочия в данной сфере, исполнять которые без правового регулирования было невозможным. МЧС России еще в 2005 г. был рекомендован к принятию органами местного самоуправления целый ряд нормативных актов, регламентирующих исполнение полномочий по защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций[3].

Основным нормативно-правовым актом муниципального образования является его устав. В области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций устав определяет вопросы местного значения муниципального образования в соответствии со ст. 14-16 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, Уставом г. Санкт-Петербурга предусмотрены: участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах городского округа; организация мероприятий по ГО, защите населения и территории городского округа от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, включая поддержку в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения населения об опасности, объектов ГО; создание и содержание в целях ГО запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств; создание, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и (или) аварийно- спасательных формирований на территории городского округа. Аналогичным образом данные вопросы предусмотрены в уставах муниципальных районов и городских поселений края.

Система и функции органов защиты от чрезвычайных ситуаций на территории муниципального образования устанавливаются Положением о муниципальном звене территориальной подсистемы РСЧС. Часто такие положения дублируют нормы федерального законодательства и, на наш взгляд, должны быть заменены отсылочными нормами. С другой стороны, не во всех положениях определены действительно важные вопросы (о правовом положении должностных лиц, возглавляющих органы управления звена, несущих ответственность за осуществление защиты от чрезвычайных ситуаций, вводящих режим функционирования звена, утверждающих перечень сил постоянной готовности). Целью принятия положения должно являться не дублирование норм федерального законодательства, а четкое указание органов управления, сил и средств муниципального звена, должностных лиц, осуществляющих полномочия по управлению силами и средствами звена в режиме повседневной деятельности, в режимах повышенной готовности и чрезвычайной ситуации.

МЧС России и его территориальными органами ведется методическая работа по совершенствованию нормативно-правовой базы му-

[1] Новиченко О.В. О природе полномочий органов местного самоуправления в Российской Федерации // Гос. власть и мест, самоуправление. 2005. № 7. С. 13-16

[2] Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZD.

[3] Методические рекомендации органам местного самоуправления по реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ "Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации" в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах" (утв. МЧСРФ)

ниципальных образований в области защиты от чрезвычайных ситуаций. По вопросу участия в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций органам местного самоуправления рекомендуется принять следующие правовые акты: - об утверждении положения о муниципальном звене территориальной подсистемы РСЧС субъекта Российской Федерации (в соответствии с административно-территориальным делением):

- о создании единой дежурно-диспетчерской службы муниципального образования (в муниципальных образованиях «муниципальный район», «городской округ» и поселениях, являющихся районными центрами);

4. о своевременном оповещении и информировании населения;

5. о порядке подготовки и обучения населения;

6. об утверждении положения о порядке расходования средств резервного фонда органа местного самоуправления;

7. о порядке создания, хранения, использования и восполнения резерва материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Помимо нормативно-правовых актов, вопросы защиты от чрезвычайных ситуаций регулируются с помощью соглашений между органами власти различных уровней о разграничении и передаче полномочий. В 2004 г. в целях разграничения полномочий между территориальными органами МЧС России и органами по делам ГОиЧС субъектов Российской Федерации, недопущения дублирования управленческих функций были приняты соглашения между МЧС России и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, согласно которым органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации передавали, а МЧС России принимало под финансирование из федерального бюджета часть полномочий по обеспечению защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, пожарной безопасности, организации ГО, обеспечению безопасности людей на водных объектах. Органы исполнительной власти субъекта РФ передают МЧС России полномочия по подготовке и содержанию в состоянии готовности сил и средств защиты от чрезвычайных ситуаций, осуществлению аварийно-спасательных, иных неотложных работ при чрезвычайных ситуациях межмуниципального и регионального характера, тушению пожаров силами ГПС; по организации и осуществлению мероприятий ГО на межмуниципальном и региональном уровне[1], поиска и спасения людей на водных объектах субъекта Российской Федерации[2], а также передают в безвозмездное пользование территориального органа МЧС России силы и средства для обеспечения реализации данных полномочий; в пределах своей компетенции осуществляют правовое регулирование и контроль за их осуществлением.

Практика заключения данных соглашений говорит не столько о необходимости организации взаимодействия МЧС России с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, сколько об их неспособности самостоятельно осуществлять возложенные законодательством полномочия. На сегодняшний день МЧС России вынуждено выполнять за счет федерального бюджета большую часть полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по защите от чрезвычайных ситуаций.

Органы местного самоуправления поселений, входящих в состав муниципального района, вправе заключать соглашения с районными органами местного самоуправления о передаче им осуществления части своих полномочий за счет субвенций из бюджетов поселений. Соглашения должны заключаться на определенный срок, содержать положения, устанавливающие основания и порядок прекращения их действия, порядок предоставления субвенций для осуществления предаваемых полномочий, ответственность за их неисполнение.

Заключение межмуниципальных соглашений о передаче полномочий в области защиты от чрезвычайных ситуаций актуально в условиях неравномерности экономического развития поселений района, различного риска чрезвычайных ситуаций в тех или иных поселениях, неодинаковой возможности поселений создавать аварийно-спасательные службы и формирования. Однако, на наш взгляд, целесообразнее решать вопросы перераспределения полномочий путем их законодательного разграничения, так как переданные полномочия осуществляются за счет субвенций, предоставляемых из бюджетов поселений, и заключение соглашений не решит проблему низкой финансовой обеспеченности многих поселений (особенно сельских).

Повсеместная практика передачи полномочий в области защиты от чрезвычайных ситуаций свидетельствует о том, что органы местного самоуправления поселений (в особенности сельских) объективно не имеют материально-технических и финансовых возможностей по самостоятельному осуществлению полномочий в рассматриваемой сфере. Оптимальное решение данной проблемы - законодательное перераспределение вопросов местного значения. Предметы ведения, имеющие по своей природе общегосударственное значение, должны быть отнесены к компетенции органов государственной власти. Вопросы и полномочия, оставшиеся в компетенции органов местного самоуправления, следует четко разграничить в зависимости от вида муниципальных образований. Соглашения же о передаче полномочий должны быть лишь вспомогательным инструментом регулирования межмуниципальных отношений.

Список литературы:

1. Шеншин, В. М. О роли органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и войск национальной гвардии Российской Федерации в реализации возложенных на них полномочий при объявлении мобилизации / В. М. Шеншин // Военное право. – 2022. – № 6(76). – С. 90-96. – EDN TWMSIR.

2. Немова, Н. Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 52-58. – EDN OMKRQM.

3. Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической

[1] Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS.

[2] Зозуля, А. А. Спасение и спасание: соотношение юридических понятий в сфере обеспечения безопасности / А. А. Зозуля // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 6-11. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-6-11. – EDN FSWPSH.

конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU.

4. Зокоев, В. А. Правовые основы реализации основных способов защиты населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах и чрезвычайных ситуациях / В. А. Зокоев, Н. П. Воропаев, А. Г. Нестеренко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 4(49). – С. 61-64. – EDN KGZLLT.

5. Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS.

6. Хабриева Т.Я. Муниципальная реформа в правовом измерении // Журн. рос.права. 2008. № 3. С. 3-15.

7. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг.: аналит. докл. Института современного развития // Вопросы местного самоуправления. 2009. №3. С. 4-29**.**

8. Новиченко О.В. О природе полномочий органов местного самоуправления в Российской Федерации // Гос. власть и мест, самоуправление. 2005. № 7. С. 13-16

9. Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZD.

10. Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS.

11. Зозуля, А. А. Спасение и спасание: соотношение юридических понятий в сфере обеспечения безопасности / А. А. Зозуля // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 6-11. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-6-11. – EDN FSWPSH.

References:

1. Shenshin, V. M. On the role of state authorities of the subjects of the Russian Federation, local self-government bodies and troops of the National Guard of the Russian Federation in the exercise of their powers when declaring mobilization / V. M. Shenshin // Military law. – 2022. – № 6(76). – Pp. 90-96. – EDN TWMSIR.

2. Nemova, N. Y. The influence of constitutional norms on the relationship between state authorities and local self-government in the Russian Federation / N. Y. Nemova, V. P. Grigonis // Law. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 3(52). – Pp. 52-58. – EDN OMKRQM.

3. Shenshin, V. M. Features of interaction between the Ministry of Emergency Situations of Russia and local governments in the field of protection of the population from emergency situations / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanova // Fire safety: modern challenges. Problems and solutions : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 22, 2021 / Comp.: A.V. Zykov, N.V. Fedorova, O.E. Evseeva. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief, 2021. – pp. 141-145. – EDN IBAGYU.

4. Zokoev V. A., Voropaev N. P., Nesterenko A. G. The legal basis for the implementation of basic methods of protecting the population from the dangers arising from military conflicts and emergency situations. // Right. Safety. Emergency situations. – 2020. – № 4(49). – Pp. 61-64. – EDN KGZLLT.

5. Shenshin, V. M. Restriction of human and civil rights and freedoms in an emergency situation and state of emergency / V. M. Shenshin, V. A. Yekushova, E. S. Kuznetsova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 2(319). – Pp. 17-20. – EDN MEPIFS.

6. Khabrieva T.Ya. Municipal reform in the legal dimension // Journal of the Russian Academy of Sciences.rights. 2008. No. 3. pp. 3-15.

7. Russian local self-government: results of the municipal reform of 2003-2008: analyt. dokl. Institute of Modern Development // Issues of local self-government. 2009. No. 3. pp. 4-29.

8. Novichenko O.V. On the nature of the powers of local governments in the Russian Federation // State power and local government. 2005. No. 7. pp. 13-16

9. Zokoev, V. A. On the legal regulation of the main activities of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations / V. A. Zokoev, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1. – pp. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZD.

10. Shenshin, V. M. Criminal liability for crimes in the field of civil defense / V. M. Shenshin, Ya. M. Pogadaeva // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 11(316). – Pp. 83-88. – EDN SLRWPS.

11. Zozulya, A. A. Rescue and rescue: the correlation of legal concepts in the field of security / A. A. Zozulya // Right. Without is a danger. Emergency situations. – 2024. – № 1(62). – Pp. 6-11. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-6-11. – EDN FSWPSH.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_405

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО–ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН
POWERS OF EXECUTIVE AUTHORITIES AS SUBJECTS OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISMRESTRICTIONS ON CITIZENS' RIGHTS AND FREEDOMS

ГОРЕЛОВ Илья Павлович,
доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор, генерал-майор в отставке,
профессор кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
E-mail: denpasar83@mail.ru;

КАШТАНОВА Елена Александровна,
кандидат юридических наук, полковник внутренней службы,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета
ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний».
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Сапёрная ул., 34.
E-mail: denpasar83@mail.ru;

GORELOV Ilya Pavlovich,
Doctor of Military Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Retired Major General,
Professor of the Department of Police Organization at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: denpasar83@mail.ru ;

KASHTANOVA Elena Aleksandrovna,
Candidate of Law, Colonel of the Internal Service, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law
St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service.
34 Sapernaya str., Pushkin, Saint Petersburg, 196602, Russia.
E-mail: denpasar83@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются отдельные аспекты теоретического понимания и практической реализации полномочий органов исполнительной власти как субъектов административно–правового механизма ограничения прав и свобод граждан.*

Abstract. *The article examines certain aspects of the theoretical understanding and practical implementation of the powers of executive authorities as subjects of the administrative and legal mechanism for restricting the rights and freedoms of citizens.*

Ключевые слова*: полномочия, реализация, механизм, ограничение прав и свобод граждан, административно-правовое ограничение.*

Keywords: *powers, implementation, mechanism, restriction of rights and freedoms of citizens, administrative and legal restrictions.*

Для цитирования: *Горелов И.П., Каштанова Е.А. Полномочия органов исполнительной власти как субъектов административно–правового механизма ограничения прав и свобод граждан // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 405-407. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_405.*

For citation*: Gorelov I.P., Kashtanova E.A. Powers of executive authorities as subjects of the administrative and legal mechanism restrictions on citizens' rights and freedoms // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 405-407. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_405.*

Статья поступила в редакцию: 13.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В юридической науке продолжаются интенсивные обсуждения относительно передачи государственных ограничений прав граждан не исключительно через органы власти, но и посредством общественных объединений. В большинстве случаев ограничения на права граждан осуществляются органами государственной власти от имени государства. Однако некоторые полномочия в этом вопросе могут быть делегированы государством общественным объединениям.

Значимыми являются исследования роли органов местного самоуправления как субъектов, участвующих в административно-правовом механизме ограничения прав граждан.

Функционирование органов местного самоуправления может быть классифицировано на два основных направления. Одним из них является выполнение определенных государственных задач, делегированных федеральными и региональными законами органам местного самоуправления. Законодательные акты Российской Федерации и её субъектов регламентируют предоставление этим органам конкретных государственных полномочий [1].

Запрещение делегирования отдельных государственно-правовых полномочий органам местного самоуправления на основании иных нормативно-правовых актов является важным принципом. Для ограничения гражданских прав в контексте административно-правового регулирования существует множество методов. Это, в частности, включает установление государством четких границ для реализации гражданами своих прав и свобод в области государственного управления посредством различных юридических инструментов. Кроме того, возможны ограничения гражданских прав путем изменения их правового статуса, что влечет за собой уменьшение объема прав и свобод административно-правовым способом.

Одним из ключевых аспектов является эффективная реализация полномочий органов местного самоуправления, направленная на решение вопросов локального значения в поселениях, муниципальных районах и городских округах, как это предусмотрено в соответствующих

статьях законодательства.

В соответствии с положениями Федерального закона No 258-ФЗ от 29 декабря 2006 года, органы местного самоуправления вправе ограничивать права и свободы граждан в рамках выполнения определённых государственных функций, переданных им в установленном порядке [2]. В соответствии с положениями статьи 47 настоящего Закона, местные органы власти уполномочены выпускать нормативные акты, которые могут предусматривать ограничения прав и свобод граждан.

Законодательство определяет местным органам власти соответствующие полномочия и одновременно подчеркивает необходимость официального опубликования актов, чтобы общественность имела возможность их обсудить до вступления в силу.

Особое внимание следует уделить тому, что федеральное законодательство не уточняет форму и виды муниципальных нормативных актов, ограничивающих права и свободы граждан, что придает особую значимость их обсуждению и публикации. В случае, когда речь идет о муниципальных правовых актах, затрагивающих права, свободы и обязанности граждан, подразумеваются именно нормативные акты [3].

На данный момент отсутствуют иные нормативно- правовые документы, регулирующие порядок реализации и объем полномочий местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка. Текущие полномочия местных органов предназначены исключительно для обеспечения организационных мероприятий по охране общественного порядка в границах муниципального района с помощью муниципальной милиции. Эти полномочия не включают в себя право муниципальных служащих ограничивать права граждан.

Глобальный опыт демонстрирует, что эффективное поддержание общественного порядка возможно лишь при значительном вовлечении местных органов самоуправления, которые представляют собой наиболее приближенный к населению уровень государственной власти. Для ученых- правоведов и законодателей эта тематика остается чрезвычайно актуальной.

Подчеркнем настоятельную необходимость реформирования правоохранительных структур с целью делегирования части их функций органам местного самоуправления. Новосозданные местные администрации должны обладать полномочиями самостоятельно контролировать и обеспечивать общественный порядок. Для достижения максимальной эффективности работы муниципальной полиции в данной сфере, предполагается использование индивидуальных правовых актов управления, которые могут предусматривать определенные ограничения прав и свобод граждан.

Сегодня местные органы самоуправления обладают расширенными полномочиями, которые включают возможность изменения административно-правового статуса граждан, что приводит к сокращению их прав. Это подчеркивает роль органов местного самоуправления как институтов, способных ограничивать гражданские права в рамках соответствующего административно-правового механизма и эволюционирующего законодательства о местном самоуправлении. Вопрос самостоятельного исполнения местными органами функций охраны общественного порядка остается перспективной задачей, реализация которой зависит от дальнейшего развития законодательной базы на этом уровне [4].

Необходимо чётко различать компетенции органов местного самоуправления в контексте административно- правовых ограничений прав граждан. Определённые полномочия этих органов напрямую затрагивают права граждан, вводя ограничения, тогда как другие компетенции направлены на выполнение специальных задач без такой необходимости. В результате, органы местного самоуправления могут рассматриваться в качестве субъектов, осуществляющих административно-правовые ограничения прав граждан на различных уровнях соответствующего механизма.

Дискуссии по вопросу использования ограничений прав граждан в качестве инструмента воздействия исполнительной власти приобрели широкую значимость, так как теоретические исследования зачастую рассматривают данные ограничения не только как юридический механизм, но и как существенный элемент государственного принуждения.

Для достижения наивысшего уровня защиты прав граждан и человека требуется непрерывная и гармоничная работа всех государственных органов и социальных структур. Каждый орган государственной власти действует в рамках определённой зоны ответственности, строго соблюдая свои функции и назначения. В механизм обеспечения прав граждан законодательная власть вносит созидательный вклад, формируя нормативные акты, которые закладывают основы для надёжной защиты прав. Судебные органы, в свою очередь, сосредоточены на восстановлении нарушенных прав, оперативно реагируя на выявленные нарушения. Только скоординированное взаимодействие всех участников системы позволяет эффективно защищать права граждан [5].

Конституция Российской Федерации предписывает обязательное соблюдение установленных ограничений прав граждан всеми субъектами, что подчеркивает их универсальный и общезначимый характер. Постоянная и тесная взаимосвязь исполнительной власти с законодательными и судебными структурами является характерной чертой её деятельности. В рамках своей компетенции органы исполнительной власти играют ключевую роль в реализации ограничений прав граждан, строго следуя законодательным предписаниям.

К числу характеристик правомерных ограничений, вводимых исполнительными органами, относятся следующие:

- Осуществление полномочий строго определённой группой субъектов.
- Гарантирование общественного правопорядка и стабильного управления.
- Применение правовых норм, регулируемых административным законодательством.
- Обладая динамичной природой, оказывают влияние на различные правовые отрасли, права, свободы и законные интересы.
- Выполнение государственной функции, связанной с применением административно-правовых методов регулирования
- Одностороннее применение по инициативе государственной власти.

В случае введения индивидуального или специализированного административного режима, меры могут быть направлены на опреде-

лённые группы лиц. Важно предусмотреть компенсационные механизмы для таких ситуаций. [6].

Органы исполнительной власти имеют право вводить обоснованные ограничения гражданских прав в рамках административного законодательства. Эти меры, обладающие компенсационным механизмом, выступают как динамические инструменты, используемые властями по собственной инициативе. В основе их применения лежит необходимость соблюдения установленного порядка управления и обеспечения общественной безопасности, что позволяет эффективно воздействовать на права, свободы и законные интересы граждан и других невластных субъектов [7].

Исполнительные органы государственной власти играют ключевую роль в поддержании общественного порядка и обеспечении безопасности населения. В процессе выполнения своих обязанностей они ограничивают определенные права граждан, предоставляют государственные услуги и оказывают поддержку другим исполнительным органам. Кроме того, для достижения целей общественного блага и поддержания стабильности они активно привлекают к сотрудничеству неправительственные организации и частные лица [8].

Часто ограничения гражданских прав, устанавливаемые исполнительными органами, становятся заметными в процессе юрисдикционной деятельности либо при оказании содействия должностным лицам, например, в роли понятых при возникновении нетипичных ситуаций.

Административные регулирующие меры вводятся по инициативе государственных органов, что подразумевает односторонний характер их реализации. В процессе предоставления государственных услуг и обслуживания граждан данные меры принимают форму административных предписаний и властных обязательств. Кроме того, исполнительные органы, осуществляя регистрацию, лицензирование, надзор и другие функции, вправе налагать ограничения на разнообразные права и свободы граждан, включая конституционные и гражданские права [9].

Третьей значимой характеристикой административных ограничений является их гибкость и способность адаптироваться к изменениям, что требует особого внимания. Эти меры вводятся компетентными органами с главным замыслом укрепления общественного порядка и безопасности. Административные ограничения играют ключевую роль в формировании условий для устойчивого развития управленческой среды. Четвертый аспект подчеркивает, что применение различных стратегий административно-правового воздействия неизменно сопровождается введением административных ограничений.

Пятым пунктом следует отметить, что основной инструмент - принуждение - применяется лишь тогда, когда методы убеждения не достигают поставленных целей [10].

Шестым аспектом является формирование административно-правовых ограничений, основанных на выявленных характеристиках, используемых исполнительными органами.

Методы административного регулирования предполагают использование разнообразных ограничительных мер, которые могут принимать различные формы и выполнять множество функций. Прямые ограничения, например, устанавливают конкретные границы и препятствия для полного или частичного осуществления установленных законом прав и свобод. В условиях пробелов в правовом регулировании такие меры могут действовать как регуляторы общественных отношений. Административно- правовые ограничения гражданских прав представляют собой неотъемлемую часть административно-правового воздействия и отражают его характерные особенности.

Список литературы:

1. Кузякин С.В., Кузякин Ю.П. Административное право Российской Федерации: учеб. пособие для бакалавров / С.В. Кузякин, Ю.П. Кузякин. – Одинцово: АНОО ВО ОГУ, 2024. – С. 111.
2. Федеральный закон от 29.12.2006 N 258-ФЗ (ред. от 21.12.2021) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http//parvo.gov.ru. – Дата публикации: 17.04.2025.
3. Конституция Российской Федерации : [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http//parvo.gov.ru. – Дата публикации: 08.04.2025.
4. Мицкевич Л.А. Очерки теории административного права: современное наполнение: монография. – М.: Норма, 2017. – С. 61.
5. Гужа Ю.В. Ограничения прав граждан органами исполнительной власти: понятие, виды, признаки // Юридические науки. – 2022. – No40. – С. 145–147.
6. Осинцев Д.В. Источники административного права // Вестник Южно–Уральского государственного университета // Право. – 2023. – Т. 16. – No 4. – С.176.
7. Осяк А. Н. Об ограничениях прав граждан в деятельности органов исполнительной власти // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. // Юридические науки. – 2022. – No1. – С. 28.
8. Демин А.А. Государственная служба /А.А. Демин. – Изд. 6–е, испр. и доп. – Москва: Книгодел, 2023. – С. 124.
9. Романовский В.Г. Ограничения прав человека в современномконституционном праве России // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. – No 4 (28). – С. 16–21.
10. Осинцев Д.В. Источники административного права // Вестник Южно–Уральского государственного университета // Право. – 2023. – Т. 16. – No 4. – С. 178.

References:

1. Kuzyakin S.V., Kuzyakin Yu.P. Administrative law of the Russian Federation: textbook. handbook for bachelors / S.V. Kuzyakin, Yu.P. Kuzyakin. Odintsovo: ANOO IN OSU, 2024. p. 111.
2. Federal Law No. 258-FZ of December 29, 2006 (as amended on December 21, 2021) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with Improving the Delimitation of Powers" (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2023) // The official Internet portal of legal information. – URL: http//parvo.gov.ru. – Date of publication: 17.04.2025.
3. The Constitution of the Russian Federation : [adopted by the Parliament. by vote on 12 Dec. 1993, as amended, approved. during the general discussion. voting on July 1, 2020] // The official Internet portal of legal information. – URL: http//parvo.gov.ru. – Date of publication: 04/08/2025.
4. Mickiewicz L.A. Essays on the theory of administrative law: modern content: monograph. – M.: Norm, 2017. – p. 61.
5. Guzha Yu.V. Restrictions on citizens' rights by executive authorities: concept, types, signs // Legal sciences. - 2022. – No. 40. – pp. 145-147.
6. Osintsev D.V. Sources of administrative law // Bulletin of the South Ural State University // Pravo. – 2023. – Vol. 16. – No. 4. – p.176.
7. Osyak A. N. On restrictions on citizens' rights in the activities of executive authorities // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. // Legal Sciences. – 2022. – No. 1. – P. 28.
8. Demin A.A. Civil service / A.A. Demin. – 6th ed., ispr. and add. – Moscow: Knigodel, 2023. – p. 124.
9. Romanovsky V.G. Limitations of human rights in modern constitutional law of Russia // Science. Society. The State. – 2019. – Vol. 7. – No. 4 (28). – pp. 16-21.
10. Osintsev D.V. Sources of administrative law // Bulletin of the South Ural State University // Pravo. – 2023. – Vol. 16. – No. 4. – P. 178.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_408
УДК 342

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ» В РОССИИ И ФРАНЦИИ
DOCTRINAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE "CONSTITUTIONAL AND LEGAL MODEL" IN RUSSIA AND FRANCE

ТАТАРЧЕНКО Евгений Андреевич,
аспирант кафедры правовых основ управления, факультет государственного управления,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: tatarchenkoea@my.msu.ru;

TATARCHENKO Eugeny Andreevich,
Postgraduate student of the Department of Legal Foundations of Management
Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University.
Leninskie Gory, Building 1, Moscow 119991, Russian Federation.
E-mail: tatarchenkoea@my.msu.ru

Краткая аннотация: *В статье через методы формально-догматического и сравнительно-правового анализа исследуются доктринальные трактовки понятия «конституционно-правовая модель» в России и во Франции. Автор систематизирует три исследовательских ракурса — нормативно-описательный, системно-институциональный и ценностно-целевой — и демонстрирует, как они по-разному расставляют акценты в двух правовых традициях. Сопоставление показало, что российская наука ориентирована на теоретико-конструкторскую реконструкцию проектировочного замысла Конституции, тогда как французская — на судебно-политическую верификацию её норм с практикой Конституционного совета. Выявлены преимущества и ограничения обоих подходов, сформулированы выводы о возможности их методологического синтеза для дальнейшего развития теории конституционного права и практики конституционных реформ.*

Abstract: *Using formal-dogmatic and comparative-legal methods, the article examines doctrinal approaches to the concept of a "constitutional-legal model" in Russia and France. It classifies three research perspectives — normative-descriptive, system-institutional, and value-oriented — and shows how each is prioritized within the two legal traditions. The comparison reveals that Russian scholarship focuses on theoretically reconstructing the Constitution's design, whereas French scholarship tests constitutional norms through the case law of the Conseil constitutionnel. The analysis identifies the strengths and limits of both paradigms and proposes their methodological synthesis as a way to advance constitutional theory and guide future reforms.*

Ключевые слова: *конституционно-правовая модель, сравнительное право, российская доктрина, французская доктрина, нормативно-описательный подход, системно-институциональный подход, ценностно-целевой подход, Конституционный совет.*

Keywords: *constitutional-legal model, comparative law, Russian doctrine, French doctrine, normative-descriptive approach, system-institutional approach, value-oriented approach, Conseil constitutionnel.*

Для цитирования: *Татарченко Е.А. Доктринальные подходы к определению понятия «конституционно-правовая модель» в России и Франции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 408-411. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_408.*

For citation*: Tatarchenko E.A. Doctrinal approaches to the definition of the "constitutional and legal model" in Russia and France // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 408-411. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_408.*

Статья поступила в редакцию: 19.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

I. Введение

В современной конституционно-правовой науке термин «конституционно-правовая модель» описывает и классифицирует характерные черты государственного строя, однако единого определения не сложилось. В российских исследованиях акцент делают на точной дефиниции, отражающей суть конституционной системы, тогда как французские авторы используют «modèle constitutionnel» (с фр. конституционная модель) преимущественно в сравнительно-типологическом ключе, без строгой дефиниции. С целью систематизации подходов к определению термина «конституционно-правовая модель» в настоящем исследовании будут выявлены основные сходства и различия, сопоставлены ключевые российские и французские концепции, дана их критическая оценка и приведены примеры из практики.

II. Российская доктрина: определения и характеристики конституционно-правовой модели

1. Нормативно-описательный подход

Наиболее сжатую дефиницию конституционно-правовой модели предложил Сергей Михайлович Шахрай. С его точки зрения, модель — это не весь «проект» конституции, а описанный в её текстах желаемый образ конкретного института или их группы, который реконструируется в ходе системного толкования норм Основного Закона[1].

Такой ракурс акцентируется на трёх постулатах:

— идеальность (речь идёт об образе, а не о фактическом состоянии);

— юридическая заданность (образ выражен языком Конституции);

— метод восстановления «конституционных намерений», позволяющий выявить цели, структуру и стандарты функционирования соответствующего института.

Другими словами, С. М. Шахрай фиксирует в модели прежде всего проектировочный характер конституционных норм: через анализ категорий, терминов и взаимосвязей исследователь выводит целевое назначение институтов, их «конструктивную программу»[2].

2. Системно-институциональный подход

[1] Шахрай С. М. 25 лет Конституции Российской Федерации: реализация и развитие конституционных моделей // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 11(144). – С. 9-15.
[2] Под конструктивной программой понимают процесс активного создания и реформирования конституционных структур, учитывающий исторический опыт, текущие вызовы и долгосрочные цели развития общества. См.: Лазарев В. В. Методология конструктивизма в конституционном обустройстве государства и общества // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 94-105.

М.В. Волкова дополняет нормативное ядро тем, что называет «сложной целенаправленной системой»[1]. В её конструкции модель включает:

— нормы конституции;

— принципы и требования, прямо или имплицитно закреплённые в Основном Законе;

- акты развития конституции - законодательство, решения Конституционного Суда РФ, постановления конституционных (уставных) судов субъектов.

Тем самым формируется многоуровневый правовой массив, позволяющий отразить «зачатки» объективной реальности и трансформировать её в заданном государством направлении. На задний план выходят механизмы реализации и процедуры адаптации конституционных идей к изменяющимся общественным условиям.

3. Ценностно-целевой подход

Третья линия раскрывается в работах Н. С. Бондаря, который видит в модели «предметную триаду» современного конституционализма: власть, свободу и собственность[2]. Эти феномены задают материал, на котором строится регулирование:

— власть определяет архитектуру публичного управления;

— свобода формирует пределы и содержание правового статуса личности;

— собственность выступает как экономический и одновременно властный ресурс.

Следовательно, ценностное ядро модели фиксирует баланс между политико-управленческой и социально-экономической составляющими конституционного строя. С другой стороны, российские авторы активно применяют понятие модели именно на уровне анализа отдельных институтов конституционного права, а не всей системы.

В. П. Стародубцев подчёркивает, что типология форм государственного устройства невозможна без «конституционных моделей территориальной организации» и чёткого разграничения полномочий между уровнями власти. Без этого, согласно его точке зрения, невозможно оценить ни вертикальное строение аппарата, ни логику федерализма/унитаризма[3].

Е. С. Лохина описывает трёхзвенную модель социального государства: провозглашение принципа в Конституции; создание институтов и механизмов защиты социальных прав; практическая реализация и контроль. Отсюда следует, что сама по себе декларация принципов социального государства не образует модели, а наличие работающих гарантий — критично[4].

Д. В. Камилова фокусируется на статьях 71–73 Конституции и сопровождающих правовых механизмах как на «модели разграничения предметов ведения» в федерации[5].

Н. С. Грудинин использует классическую триаду ветвей власти для характеристики модели разделения властей, подчёркивая независимость и недопустимость произвольного вторжения в чужую компетенцию[6].

Н. В. Козлова видит в построении эффективной «единой системы публичной власти» стратегическую цель государства, требующую не только ресурсного обеспечения, но и балансировки интересов общества, личности и государства[7].

А. Н. Мещеряков напоминает, что через решения Конституционного Суда доктринальная модель единой системы публичной власти получает нормативное содержание и превращается из абстрактной идеи в конституционно-правовую конструкцию, закреплённую в позитивном праве[8].

Подытоживая и систематизируя приведённый анализ, российская доктрина трактует конституционно-правовую модель как многослойную конструкцию, сочетающую в себе:

— нормативный слой (текст Конституции и законы развития);

— институциональный слой (органы власти, процедуры, механизмы контроля);

— ценностный слой (идеи и принципы, задающие вектор развития).

Такое трёхмерное представление модели позволяет проводить глубокий сравнительный анализ, разрабатывать типологию конституций и формировать стратегию правового развития России, опираясь не только на букву Основного Закона, но и на его «дух» — систему ценностей, зафиксированную в правовых институтах и подтверждённую судебной практикой.

III. Французская доктрина: определения и характеристики конституционно-правовой модели

В современной французской науке конституционного права понятие «модель» — это не абстрактная метафора, а инструмент реконструкции логики конституционного правотворчества V-ой Республики: через него конституционалисты описывают, как текст Конституции 1958 г. (включая «блок конституционности»)[9] задаёт роль институтов, баланс ветвей власти, социально-экономические обязанности государства и рамки территориальной децентрализации.

---

[1] Волкова М. В. Понятие конституционно-правовой модели на примере российской государственности // М.: Юстицинформ, 2024. 157 с.

[2] Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования // Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. М.: Формула права, 2012. — С. 106.

[3] Стародубцев В. П. Современные конституционные модели государственного устройства // Волгоградский ин-т экономики, социологии и права. — Волгоград : Изд-во Волгоградского ин-та экономики, социологии и права, 2006. — С. 116.

[4] Лохина Е. С. Конституционно-правовые основы построения модели социального государства в России // Наука. Общество. Государство. 2018. №2 (22). – С. 5.

[5] Камилова Д. В. Конституционно-правовая модель разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2013. №4. – С. 67-69.

[6] Грудинин Н. С. Конституционно-правовая модель российской системы разделения властей и пути ее развития // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 3 (69). С. 15-22.

[7] Козлова Н. В. Конституционно-правовая модель эффективной системы публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 20-23.

[8] Маклаков, В. В. Конституционный контроль и защита прав и свобод человека в современной Франции / В. В. Маклаков. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2015. – 140 с.

[9] Конституционный блок (фр. bloc de constitutionnalité) — это совокупность основополагающих принципов и норм, образующих неизменяемую правовую основу конституционного строя Франции. См.: Татарченко Е. А. Этатистский корпоративизм через призму конституционно-правовой мысли Франции // Философия права. – 2025 – № 1(112). С. 45.

1. Нормативно-описательный ракурс

М. Тропер подчёркивает, что французский конституционализм строится вокруг идеи «нормативного реализма»: текст действует ровно настолько, насколько судебная и политическая практика признаёт его верховенство[1].

В этом ключе модель может быть описывана как совокупность правил, извлекаемых путём системного толкования статей 5–20 (организация власти) и статьи 1 (базовые ценности) Конституции Франции 1958 г.

В этом ключе конституционно-правовая модель представляется как совокупность правил, выявляемых через системное толкование статей действующей Конституции Франции[2].

Дополнительные примеры иллюстрируют, как именно практика толкования конкретных статей формирует «желательный образ» институтов:

1. граница между законом и подзаконными актами (ст. 34 и 37). Благодаря решениям Конституционного совета Франции чётко разграничен круг тем — от гражданских прав до бюджетных вопросов — которые должны регулироваться исключительно законом, тогда как всё остальное уходит под «регламент» Правительства;

2. процедура «49.3» (статья 49 п. 3): возможность Правительства принять закон без голосования в Парламенте демонстрирует, что сама по себе текстуальная норма имеет силу лишь в сочетании с политико-институциональной практикой;

3. чрезвычайные полномочия Президента (статья 16): применение в 1961–1962 гг. показало, что формальная норма о «временной охране конституционных порядков» реализуется только при активном политическом решении главы государства и признании этого решения ключевыми инстанциями системы.

Таким образом, в нормативно-описательном ракурсе конституционно-правовая модель Франции предстает как набор «живых» правил, чья реальная эффективность и содержание выявляются через решения Конституционного совета, волевые акты Правительства и прецеденты применения статей Конституции.

2. Системно-институциональный ракурс

Несмотря на отсутствие строгого определения, во французской литературе прослеживается понимание, что «modèle constitutionnel» (с фр. «конституционная модель» – это нечто большее, чем просто конституция на носителе информации. Это совокупность принципов и институтов, которые либо достигают образцового состояния, либо типичны и повторимы. Например, говорят о «французской модели секуляризма (лаицизма)», подразумевая особый конституционный принцип отделения церкви от государства, который отличается от моделей в иных странах (например, от американской модели более мягкого секуляризма)[3]. Практика Конституционного совета Франции подкрепляет существование такого рода моделей через прецедентные разъяснения конституционных принципов. Так, в решении № 2004-505 DC от 19 ноября 2004 г. Совет прямо дал определение принципа «laïcité» (с фр. «светскость»), указав, что светскость запрещает «кому бы то ни было ссылаться на свои религиозные убеждения с целью уклониться от общих правил, регулирующих отношения между публичной властью и частными лицами»[4].

Такое толкование отражает определяющую черту французской конституционной модели – принцип светского республиканского государства, и служит ориентиром для других стран, интересующихся французским опытом.

В другом контексте Конституционный совет при рассмотрении законов о территориальной децентрализации сформулировал баланс между единством V-ой Республики и правом на разнообразие местных условий, фактически описав «конституционную модель децентрализации» во Франции (единство законодательства при уважении определенной автономии территориальных сообществ)[5].

Эти примеры из практики иллюстрируют, как доктринальное понятие модели проявляется «в действии», через юридические решения, подкрепляя те или иные концепции. Важно отметить, что во французской академической среде нередко идет дискуссия о пределах применимости понятия «модель». Некоторые авторы высказывают осторожность: чрезмерное использование слова «модель» может приводить к упрощениям и мифам. Например, идея об универсальной «модели демократии», по мнению критиков, игнорирует множество вариаций и локальных особенностей[6].

Д. Руссо называет Конституционный совет «moteur de la démocratie continue» (с фр. «движущая сила непрерывной демократии»): именно его решения переводят конституционные ценности в конкретные юридические стандарты[7]. Из-за этого французская модель определяется не только нормами, но и квазипрецедентной практикой, что сближает её с европейским вариантом централизованного контроля.

О. Бод развивает мысль и указывает на то, что модель объединяет три слоя: текст, парламентские законы и практику Конституционного совета; при этом каждый новый механизм (например, чрезвычайное положение 2015 г.) «вписывается» в модель через процедуру контроля и ревизии[8].

---

[1] Troper M. Le pouvoir judiciaire et la démocratie // Libertés, justice, tolérance : mélanges en hommage au doyen Gérard Cohen-Jonathan / sous la direction de G. Cohen-Jonathan. — Bruxelles : Bruylant, 2004. — T. 2. — p. 1571–1586.

[2] Constitution de la République française (adoptée par référendum le 28 septembre 1958, promulguée le 4 octobre 1958; dernière modification par la loi constitutionnelle n° 2024-200 du 8 mars 2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000571356 (дата обращения 10.06.2025).

[3] Tawil E. Au sujet de quelques idées reçues sur la laïcité et la séparation // Dalloz Actualité, 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-actualite.fr/node/au-sujet-de-quelques-idees-recues-sur-laicite-et-separation (дата обращения 10.06.2025).

[4] Décision n° 2004-505 DC du 19 novembre 2004 // Conseil Constitutionnel, 2004. [Электронный ресурс] Url : https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2023/2023858DC.htm (дата обращения 10.06.2025). Décision n° 2024-866 DC du 17 mai 2024 // Conseil Constitutionnel, 2024. [Электронный ресурс] Url : https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2004/2004505DC.htm (дата обращения 10.06.2025).

[5] Décision n° 82-137 DC du 25 février 1982 // Conseil Constitutionnel, 2004. [Электронный ресурс] Url : https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1982/82137DC.htm (дата обращения 10.06.2025). Décision n° 2024-866 DC du 17 mai 2024 // Conseil Constitutionnel, 2024. [Электронный ресурс] Url : https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2004/2004505DC.htm (дата обращения 10.06.2025).

[6] Le Moënne C. Quelques remarques sur la portée et les limites des modèles de communication organisationnelle // Revue française des sciences de l'information et de la communication, 2006. — p. 48-76. [Электронный ресурс]. URL: https://journals.openedition.org/communicationorganisation/3449#quotation (дата обращения 10.06.2025).

[7] Rousseau D. Sur le Conseil Constitutionnel, la doctrine Badinter et la démocratie // Conseil Constitutionnel, 1997. [Электронный ресурс] Url : https://www.conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/dominique-rousseau-sur-le-conseil-constitutionnel-la-doctrine-badinter-et-la-democratie (дата обращения 10.06.2025).

[8] Beaud O. Le droit constitutionnel par-delà le texte constitutionnel et la jurisprudence constitutionnelle - A propos d'un ouvrage recent // Conseil Constitutionnel, 1999. [Электронный ресурс] Url : https://www.conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/le-droit-constitutionnel-par-dela-le-texte-constitutionnel-et-la-jurisprudence-constitutionnelle-a (дата обращения 10.06.2025).

3. Ценностно-целевой ракурс

Статья 1 Конституции закрепляет Францию как «Республику неделимую, светскую, демократическую и социальную». Эти атрибуты образуют ценностное ядро модели.

Однако, французские конституционалисты зачастую предпочитают говорить о принципах, структурах или институтах прямо, не сводя их к единой «модели», если речь идет о строгом анализе конкретного права. Тем не менее, в компаративистике понятие модели продолжает играть важную роль как инструмент анализа и сравнения, способствуя созданию новых моделей понимания в рамках дисциплины.

Известный компаративист М. Понторо предлагала рассматривать модели в сравнительном праве в двух плоскостях: во-первых, как исторические модели, сложившиеся в определенной стране и ставшие эталонными (например, американская модель судопроизводства, французская модель административного права и т.д.), а во-вторых, как аналитические модели-мерки, которые исследователь конструирует сам для измерения и сравнения различных систем[1]. В этом смысле французский подход близок к российскому методологическому: модель – это способ упорядочить разнообразие конституционных явлений.

Таким образом, обобщая высказанные позиции, конституционно-правовая модель Франции — это исторически сформированная, ценностно-упорядоченная и институционально многоуровневая система идей, норм и механизмов, выраженная в Конституции 1958 г., «блоке конституционности» и практике Конституционного совета.

Она направлена на:

— гарантирование верховенства права и защиты прав человека;

— баланс президентской и парламентской легитимаций;

— защиту социальной функции государства, вытекающей из Преамбулы 1946 г.;

— интеграцию децентрализации при сохранении неделимости Республики;

— динамическую адаптацию через процедуры ревизии и контроль конституционности;

— значение для науки и практики.

Вывод

На основе проведённого анализа можно утверждать, что российская и французская доктрины, несмотря на различие исследовательских акцентов, концептуально сходятся в понимании конституционно-правовой модели как многоуровневого сплава ценностей, норм и институтов. В России преобладает теоретико-конструкторский ракурс, нацеленный на выявление проектировочного замысла Конституции и её систематизацию. В противовес этому во Франции внимание сосредоточено на судебно-политической практике, подтверждающей жизнеспособность текста через решения Конституционного совета. Такое методологическое расхождение не означает взаимоисключения, а, напротив, показывает дополняемость подходов: российская абстрактная схематика обеспечивает концептуальную чёткость и прогнозируемость реформ, тогда как французский «живой» реализм гарантирует постоянную адаптацию норм к социальным и политическим переменам.

Список литературы:

1. Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования // Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. М.: Формула права, 2012. С. 106.
2. Грудинин Н. С. Конституционно-правовая модель российской системы разделения властей и пути ее развития // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 3 (69). С. 15-22.
3. Камилова Д. В. Конституционно-правовая модель разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2013. №4. С. 67-69.
4. Козлова Н. В. Конституционно-правовая модель эффективной системы публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. С. 20-23.
5. Лохина Е. С. Конституционно-правовые основы построения модели социального государства в России // Наука. Общество. Государство. 2018. №2 (22). С. 5.
6. Татарченко Е. А. Этатистский корпоративизм через призму конституционно-правовой мысли Франции // Философия права. – 2025 – № 1(112). С. 45.
7. Шахрай С. М. 25 лет Конституции Российской Федерации: реализация и развитие конституционных моделей // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 11(144). С. 9-15.
8. Le Moënne C. Quelques remarques sur la portée et les limites des modèles de communication organisationnelle // Revue française des sciences de l'information et de la communication, 2006. — p. 48-76.
9. Troper M. Le pouvoir judiciaire et la démocratie // Libertés, justice, tolérance : mélanges en hommage au doyen Gérard Cohen-Jonathan / sous la direction de G. Cohen-Jonathan. — Bruxelles : Bruylant, 2004. — T. 2. — p. 1571–1586.

References:

1. Bondar, N. S. Russian Judicial Constitutionalism: An Introduction to Research Methodology // Series Library of Judicial Constitutionalism, issue 1. Moscow: Formula of Law, 2012, p. 106.
2. Grudinin, N. S. The Constitutional-Legal Model of the Russian System of Separation of Powers and Its Development Paths // Legal Science and Law Enforcement Practice, 2024, no. 3 (69), pp. 15–22.
3. Kamilova, D. V. The Constitutional-Legal Model of Delimitation of Subjects of Jurisdiction and Powers Between Levels of Public Authority in the Russian Federation // Legal Bulletin of Dagestan State University, 2013, no. 4, pp. 67–69.
4. Kozlova, N. V. The Constitutional-Legal Model of an Effective System of Public Authority // State Power and Local Self-Government, 2022, no. 7, pp. 20–23.
5. Lakhina, E. S. Constitutional and Legal Foundations for Building a Model of the Social State in Russia // Science. Society. State., 2018, no. 2 (22), p. 5.
6. Tatarchenko, E. A. Statist Corporatism Through the Prism of French Constitutional-Legal Thought // Philosophy of Law, 2025, no. 1 (112), p. 45.
7. Shakhrai, S. M. Twenty-Five Years of the Constitution of the Russian Federation: Implementation and Development of Constitutional Models // Lex Russica (Russian Law), 2018, no. 11 (144), pp. 9–15.
8. Le Moënne, C. Some Remarks on the Scope and Limits of Organizational Communication Models // French Journal of Information Science and Communication, 2006, pp. 48–76.
9. Troper, M. The Judiciary and Democracy // In: Liberties, Justice, Tolerance: Essays in Honor of Dean Gérard Cohen-Jonathan, ed. G. Cohen-Jonathan. Brussels: Bruylant, 2004, vol. 2, pp. 1571–1586.

[1] Hummel J. Histoire et temporalité constitutionnelles // Juspoliticum, 2012. — [Электронный ресурс] Url : https://www.juspoliticum.com/articles/histoire-et-temporalite-constitutionnelles.-460 (дата обращения 10.06.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_412

УДК 336.2

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
LEGAL SUPPORT FOR STATE AND MUNICIPAL SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

МАЛЁШИНА Людмила Михайловна,
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: docentglm@gmail.com;

SHATSKAYA Irina Ivanovna,
PhD of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

MALESHINA Lyudmila Mikhailovna,
PhD of technical sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.
E-mail: docentglm@gmail.com

Краткая аннотация. *В статье рассматривается важность и актуальность государственной помощи для малого и среднего бизнеса, проводится комплексный анализ действующей системы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Особое внимание отведено правовому анализу существующей нормативно-правовой базы в этой сфере и практики ее применения. В результате исследования, позволившего выявить основные проблемы, предлагаются возможные направления развития и усовершенствования механизмов правового обеспечения государственной и муниципальной поддержки малого и среднего предпринимательства.*

Abstract. *The article examines the importance and relevance of state aid for small and medium-sized businesses, and provides a comprehensive analysis of the current system of support for small and medium-sized businesses. Special attention is paid to the legal analysis of the existing regulatory framework in this area and the practice of its application. As a result of the research, which made it possible to identify the main problems, possible directions for the development and improvement of legal support mechanisms for state and municipal support for small and medium-sized businesses are proposed.*

Ключевые слова: *малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, нормативно-правовая база, проблемы государственной поддержки малого и среднего бизнеса, совершенствование законодательства.*

Keywords: *small and medium-sized businesses, government support, regulatory framework, problems of government support for small and medium-sized businesses, improvement of legislation.*

Для цитирования: *Шатская И.И., Малешина Л.М. Правовое обеспечение государственной и муниципальной поддержки малого и среднего предпринимательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 412-415. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_412.*

For citation*: Shatskaya I.I., Maleshina L.M. Legal support for state and municipal support for small and medium entrepreneurship // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 412-415. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_412.*

Статья поступила в редакцию: 04.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение. В условиях современного экономического развития малые и средние предприятия играют ключевую роль в обеспечении стабильного роста и развития экономики. Они способствуют созданию рабочих мест, расширению внутреннего рынка товаров и услуг, стимулируют инновации и увеличивают налоговые поступления в бюджет.

Вопросы, связанные с развитием малого предпринимательства, находятся в центре внимания правительства и активно обсуждаются на всех уровнях власти. Разработано множество подходов к формам и методам поддержки малого бизнеса. Среди них: создание региональных центров поддержки и развития малого бизнеса, учебно-деловых центров, консультационных и лизинговых компаний, бизнес-инкубаторов.

Реализуется широкий спектр форм государственной и муниципальной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (далее - МСП): финансовая; гарантийная; имущественная; информационная; консультационная; поддержка в области инноваций и промышленного производства, ремесленничества; поддержка в сферах сельского хозяйства и внешнеэкономической деятельности, а также поддержка поставщиков, исполнителей, подрядчиков; поддержка в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников.

Правительством России разработано большое количество программ регулирования и поддержки МСП на федеральном и региональном уровнях, например, «Умник», «Старт», «Развитие». Программы имеют большое значение в условиях экономической нестабильности и спо-

собствуют не только повышению финансовой устойчивости субъектов МСП, но и поддерживают инновации и развитие новых производств.

Законодательные инициативы и меры государственной поддержки имеют значительное влияние на устойчивость и развитие малого бизнеса. Эффективное законодательное регулирование играет ключевую роль, обеспечивая стабильные и предсказуемые условия для ведения бизнеса, защиту прав предпринимателей и потребителей, а также создание благоприятной деловой среды.

Тем не менее, несмотря на разнообразие форм, методов и программ, малые и средние предприятия сталкиваются с рядом трудностей. Среди них, нехватка финансирования, ограниченный доступ к рынкам и низкая конкурентоспособность. Кроме того, существующее правовое регулирование не всегда соответствует требованиям реальной экономической ситуации и специфике отдельных регионов. В правовых нормах есть противоречия и неясности, которые затрудняют их применение на практике и требуют постоянного обновления и дополнения новыми инициативами и мероприятиями.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена недостатками нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы функционирования в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства, и наличием ряда уязвимостей при осуществлении такой поддержки, способствующей созданию рабочих мест, инновациям и поддержанию конкурентоспособности.

Материал и методы исследования. Материалами для осуществления исследования послужили научные работы и исследования в области государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на федеральном и региональном уровнях. В качестве источников информации были использованы нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность в сфере государственной поддержки малого и среднего бизнеса, а также другие нормативные документы, которые устанавливают правила и процедуры в области государственной и муниципальной поддержки.

Дополнительные источники: статистические материалы официальных сайтов Минэкономразвития, Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, Федеральной налоговой службы, Банка России, данные Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Результаты исследования и их обсуждение. Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года предусмотрено увеличение доли МСП в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) с 22% до 32,5% и определено как одна из приоритетных задач государственной политики, направленной на стимулирование экономического роста и диверсификацию экономики [1]. В соответствии с последними данными Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), в 2023 году доля сектора МСП в ВВП страны достигла 21,7%, что в денежном выражении составляет 34,5 трлн руб. Для сравнения, в 2022 году данный показатель находился на уровне 21% или 32,6 трлн руб. соответственно. В рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» на 2024 год было запланировано увеличение доли МСП в ВВП до 32,5%. Однако, учитывая, что Росстат публикует данные с задержкой в один год, актуальная информация о выполнении этого целевого показателя пока не доступна. Таким образом, несмотря на отсутствие оперативных данных о выполнении целевого показателя на 2024 год, анализ текущих статистических данных свидетельствует о положительной динамике развития сектора МСП в России, что создаёт благоприятные предпосылки для достижения поставленной цели в долгосрочной перспективе.

По данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС России) на начало 2025 года, количество субъектов МСП в стране достигло 6588 млн. В 2024 году был зафиксирован значительный прирост числа зарегистрированных МСП, составивший 6347 млн, что свидетельствует о позитивной динамике в данной сфере. Для сравнения, в 2023 году данный показатель составлял 5991 млн, а в 2022 году – 5866 млн [3]. Таким образом, статистические данные свидетельствуют о стабильном увеличении числа субъектов МСП, что указывает на благоприятные условия для развития предпринимательства в стране. Этот тренд подтверждается анализом динамики регистраций МСП за последние годы и может быть обусловлен комплексом факторов, включая государственную поддержку, улучшение делового климата, рост экономической активности населения, а также совершенствование нормативно-правовой базы.

В Российской Федерации нормативно-правовое регулирование МСП основывается на наличии специальных законов, программ и стратегий, направленных на поддержку и развитие данного сектора. Основным законодательным актом, который регулирует деятельность малых и средних предприятий, является Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Данный закон устанавливает ключевые принципы, на которых основаны программы по развитию МСП, а также определяет полномочия органов государственной власти по вопросам развития МСП. Законом определен термин «субъекты малого и среднего предпринимательства» и описана инфраструктура их поддержки, а также закон устанавливает различные виды и формы поддержки. Кроме того, законом определено создание Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки. Реестр ведется ФНС России и содержит сведения о субъектах МСП, которым оказана поддержка различными уровнями власти [2]. Закон обеспечивает правовую основу для реализации мероприятий по их развитию и поддержке на всех уровнях власти.

Однако, на сегодняшний день в российском законодательстве, регулирующем предоставления государственной и муниципальной поддержки субъектам МСП существуют проблемы, которые могут замедлить или ограничить развитие малого и среднего предпринимательства.

Среди проблем, с которыми сталкиваются субъекты МСП и которые препятствуют развитию их деятельности, является ограниченный доступ к финансовым ресурсам (получение банковских кредитов и других финансовых инструментов). Кроме того, высокие процентные ставки по кредитам создают значительные трудности для финансирования МСП.

Официальная статистика подтверждает тенденцию к росту банковского кредитования МСП. В 2022 году объём задолженности по кре-

дитам, выданным субъектам МСП, составил 9 022 млрд руб., что на 29,6% больше, чем в 2021 году. На 1 января 2024 года задолженность по кредитам МСП составила 12,43 трлн руб., что на 29,4% больше, чем в предыдущем году. На 1 января 2025 года объём задолженности субъектов МСП по кредитам составил 14,5 трлн руб., что на 29,8% больше, чем в 2024 году. Однако охват кредитованием субъектов МСП всё ещё остаётся на уровне 11,8%, несмотря на рост числа заёмщиков на 28,6% на начало 2025 года [3].

Кроме того, примерно в 50% случаев банки отклоняли заявки от малого и среднего бизнеса, и только 8,1% компаний МСП были охвачены кредитованием. При этом банки обычно не сообщают причину отказа. При оценке потенциального заёмщика банки обращают внимание на кредитную историю бизнеса и его владельца, финансовые показатели компании, продолжительность работы, перспективы бизнеса, опыт предпринимателя, цель кредита и сделки с контрагентами. Согласно проведенному исследованию Российского союза промышленников и предпринимателей, более 70% компаний указывают, что одной из главных причин отказа в предоставлении финансирования является недостаточное качество или даже полное отсутствие залогового обеспечения.

Решением проблемы может стать упрощение процедуры предоставления залогов. Необходимо снизить требования и упростить процесс работы с залогами, в том числе, необходимо упростить регулятивные требования к резервированию и залогам для банков, а также расширить использование движимого имущества в качестве залога.

Ключевой задачей инструментов финансовой поддержки субъектов МСП является расширение доступа данных субъектов к финансовым ресурсам. Одним из таких направлений поддержки является предоставление субъектам МСП гарантий и поручительств со стороны АО «Корпорация «МСП». Согласно статистике, в 2022 году малый и средний бизнес привлек 473 млрд руб. кредитов под гарантии и поручительства АО «Корпорация «МСП». В 2023 году объём гарантийной поддержки МСП составил более 1 трлн руб., объём финансирования превысил 35%, а количество поддержанных кредитов и контрактов увеличилось на 5%. Малый и средний бизнес в 2024 году привлек рекордные 1,18 трлн руб., прирост к 2023 году составил 8% [3].

АО «Корпорация «МСП» совместно с Банком России осуществляет Программу стимулирования кредитования субъектов МСП, в рамках которой, предприниматели имеют право на получение льготного кредита на инвестиционные и оборотные цели, а также на развитие предпринимательской деятельности.

По инициативе предпринимателей и ФНС России [3] создана площадка для реструктуризации задолженности для поддержки МСП, где рассматриваются заявления о реструктуризации кредитов, по некоторым достигаются мировые соглашения и предоставляются рассрочки на срок до 3 лет. Площадка направлена на создание благоприятной среды для развития МСП, поэтому важно продолжить её популяризацию.

Для обеспечения доступности кредитования для малого и среднего бизнеса необходимо продолжать развивать государственные программы поддержки. При этом важно улучшить процесс отбора компаний для участия в этих программах, что поможет расширить доступ бизнеса к финансированию. Для того чтобы эффективно кредитовать малый и средний бизнес, нужно увеличить объём государственных программ поддержки. Учитывая снижение процентных ставок Банка России, необходимо активизировать работу небольших и региональных банков в сфере кредитования бизнеса и направить финансовые ресурсы в первую очередь на развитие малых и средних предприятий.

Одной из сложностей в обеспечении государственной поддержки для субъектов МСП являются административные и организационные препятствия. Малые предприятия вынуждены предоставлять отчёты в различные государственные органы, что приводит к избыточной бюрократии. Например, разные ведомства могут требовать схожую или идентичную информацию, что создаёт дополнительную нагрузку на предпринимателей.

Решением этой проблемы может стать изменение порядка сбора первичных данных. В его основе должен лежать исчерпывающий перечень первичных статистических данных, что позволит стандартизировать сбор информации, сократить отчётную нагрузку, упростить требования к бухгалтерскому учёту и отчётности, а также снизить налоговое бремя для малых и средних предприятий.

Также необходимо создать единую точку сбора отчётов, содержащую проверенные и подтверждённые данные. Такой точкой может стать личный кабинет «МСП. РФ» - цифровая платформа поддержки предпринимателей и портал Госуслуг. Основная информация о предприятии в отчётах будет заполняться автоматически на основе данных, размещённых в профиле.

Проблемой развития МСП является нехватка квалифицированных кадров. Решение данной проблемы - вовлечение малого и среднего предпринимательства в государственные программы по подготовке кадров, а также создание механизмов взаимодействия инфраструктуры в поддержке субъектов МСП, профильных органов исполнительной власти и образовательных организаций высшего и среднего образования. В условиях дефицита кадров на рынке труда важно упростить процедуры работы с иностранными работниками для малых и средних бизнесов.

Несмотря на льготы для МСП, высокая налоговая нагрузка остается проблемой. Малые и средние предприятия уязвимы к изменениям налогового законодательства. Увеличение налоговой нагрузки при утрате права на специальные режимы тормозит их развитие. Федеральным Законом № 176-ФЗ от 12.07.2024 внесены изменения в Налоговый кодекс, касающиеся упрощенной системы налогообложения (далее - УСН). Теперь применять УСН можно при следующих условиях: доходы за 9 месяцев 2024 года не должны превышать 337,5 млн руб. (с ежегодной индексацией); численность работников не более 130 человек; остаточная стоимость основных средств не более 200 млн руб.

Компании, ранее применявшие УСН, могут сохранить это право, если: доходы не превышают 450 млн руб. и остаточная стоимость основных средств не более 200 млн рублей. Ограничение по остаточной стоимости основных средств (150 млн руб.) не индексировалось с 2016 года, что вынуждает предпринимателей дробить бизнес и требует увеличение это значения до 250 млн руб. Для расширения применения патентной системы необходима индексация предельной величины дохода на уровень инфляции.

Одним из путей развития малого и среднего предпринимательства может стать привлечение субъектов МСП к участию в программах технологического развития. Малые и средние предприятия обладают потенциалом для разработки и внедрения технологических инноваций. Для стимулирования этого процесса важно создать комплексную систему мер, включающую финансовую поддержку, образовательные программы, налоговые льготы и доступ к необходимым ресурсам. Это поможет предприятиям реализовать свои инновационные идеи и повысить конкурентоспособность на мировом рынке. С этой целью Министерство экономического развития РФ разработало механизм информационного обеспечения для поддержки инновационной деятельности — «Витрину стартапов». Эта платформа предназначена для упрощения взаимодействия между технологическими стартапами, инвесторами и индустриальными партнёрами. Таким образом, несмотря на существующие проблемы, малый и средний бизнес в России имеет широкие перспективы благодаря государственной и муниципальной поддержке. Эффективное использование этих возможностей позволит не только укрепить позиции МСП, но и внести значительный вклад в устойчивое развитие экономики страны в целом.

Заключение. Государственная и муниципальная поддержка малого и среднего предпринимательства является важным элементом развития экономики страны. Эффективное правовое обеспечение этой поддержки создает благоприятные условия для деятельности субъектов МСП, стимулирует их рост и способствует повышению конкурентоспособности. Существующие на сегодняшний день проблемы правового обеспечения государственной и муниципальной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, свидетельствуют о том, что меры государственной поддержки в отношении субъектов МСП недостаточны и нуждаются в совершенствовании.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 23.05.2025).
2. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 23.05.2025).
3. Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/ (дата обращения: 23.05.2025).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 N 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (date of access: 23.05.2025).
2. Federal Law "On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation" dated 24.07.2007 N 209-FZ. [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (date of access: 23.05.2025).
3. Federal Tax Service [Electronic resource] // URL: URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/ (date of access: 05/23/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_416
УДК 323

О ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ РОССИИ
ABOUT THE TRADITIONAL VALUES OF RUSSIA

КТИТАРОВ Виктор Леонидович,
Магистрант ФГБОУ ВО РАНХиГС Северо-Кавказский институт.
357502, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, 5.
E-mail: Stvolin99@rambler.ru;
KTITAROV Viktor Leonidovich,
Master's student at the RANEPA North Caucasus Institute.
Dunaevsky str., 5, Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357502, Russia.
E-mail: Stvolin99@rambler.ru

***Краткая аннотация**: В настоящем исследовании затрагиваются вопросы сохранения и развития традиционных ценностей, о которых в современной России неоднократно велась речь на различных площадках.*
***Abstract**: This study addresses the issues of preserving and developing traditional values, which have been repeatedly discussed in various venues in modern Russia.*

***Ключевые слова:** народосбережение; национальная безопасность; традиционные ценности, семья.*
***Keywords**: national conservation; national security; traditional values, family.*

***Для цитирования:** Ктитаров В.Л. О традиционных ценностях России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 416-418. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_416.*
***For citation**: Ktitarov V.L. About the traditional values* of Russia *// Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 416-418. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_416.*

Статья поступила в редакцию: 22.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Россия сегодня – форпост защиты традиционных ценностей, и не только христианских. Несмотря на то, что в основе структуры русской цивилизации лежит православие, она объединила в себе большое количество разных верований и культур, которые мирно сосуществуют веками[1]. Русский мир возник как глобальный цивилизационный проект, объединивший вокруг себя многие другие народы на основе духовных традиций, единой земли, государственности, языка, культуры и общей истории. Сама идея возникла после Крещения Руси, а впервые понятие «Русский мир» – как характеристика главной православной цивилизации – отмечено в середине XI века в духовно-политическом памятнике «Слово на обновление Десятинной церкви».

Русские – цивилизационно- и государствообразующий народ, сплотивший вокруг себя многих других для решения общих исторических задач.Миссия русского народа: быть в цивилизационно-образующей роли – вовсе не есть признание каких-то особых прав, а, наоборот – это признание особых обязанностей, согласие с их максимальной ответственностью в деле созидания многонародного мира, жертвенное служение общему благу.

Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе гражданской идентичности[2].

Государственная политика по бережному сохранению нематериальных богатств помогает объединить многообразие российских культур и национальностей в единую мозаику уникального государства-цивилизации. Такого единства в многообразии, как в России, достигают очень немногие государства[3].

Подчеркнем такую мысль, продекларированную в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, как то, что среди ключевых объектов защиты от угроз современности неслучайно названа самобытность народов России. То, что приходится эту самобытность все в большей степени не просто сохранять, а охранять и защищать – явление сегодняшнего дня. Защищать в первую очередь от внешних вызовов. Агрессивная политика коллективного Запада навязывает чуждые не только нам, но и подавляющему большинству народов планеты духовно-нравственные ценности, размывающие национальную и культурную идентичность народов[4].

В данных условиях выработка мер сохранения «духовных скреп», в том числе путем сбережения богатейшего многообразия нематериального этнокультурного достояния народов нашей страны, становятся важнейшей государственной задачей.

Однако так было не всегда. М.И. Шумилов, так трактует понимание условий самобытности: «Не разрабатывались законодательные акты, гарантировавшие свободное развитие малых народов и этнических групп, особенно Крайнего Севера, Дальнего Востока и Северного Кавказа, сохранение их традиций и самобытной культуры, не было общегосударственного органа по делам национальностей и межнациональным отношениям»[5].

У Е.Г. Трониной проводится мысль «О важности практической реализации конституционных основ защиты культурной самобытности народов России, которая особенно остро ощущается в условиях глобализации и культурно-религиозной экспансии, интенсивного развития новейших высоких технологий и инноваций в различных сферах»[1].

---

[1] Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 4(41). – С. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.
[2] Тихонова, С. В. Ценности, формирующие российскую цивилизационную идентичность: риски и угрозы в области традиционных ценностей / С. В. Тихонова // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 3. – С. 37-40. – EDN OLYIBA.
[3] Назарова, И. С. Актуальные аспекты правового положения детей-сирот в Российской Федерации / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 78-81. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_78. – EDN QENLAQ.
[4] Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY; Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 17-27. – EDN IENSKM.
[5] Шумилов, М. И. Политика федерализма в истории России: проблемы государственности, самобытности и сотрудничества народов / М. И. Шумилов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2012. – № 7-2(128). – С. 13-19. – EDN PMOMOR.

Россия – тысячелетняя держава, которая в процессе своего развития прошла через кризисы и взлеты, преодолела серьезные испытания и вызовы, стоявшие перед страной. При этом выработаны фундаментальные принципы Российской цивилизации – единство и многообразие народов нашей страны, открытый характер российского общества. Единство власти и общества, светской и духовной власти, единство народов и сословий составляют чрезвычайно сложное многоцветие российского общества. Согласие и сотрудничество – фундаментальный принцип российского государства-цивилизации.

Ключевая роль России в историческом развитии мира в целом и современного мира, в частности, находят свое подтверждение. Россия – страна, цивилизация с тысячелетним развитием, которая внесла уникальный вклад в развитие мира, состоящий в тех достижениях российской культуры, науки и технологий, которые являются одной из вершин мирового развития, а также в русском языке, той роли, которую Россия сыграла в создании глобальной системы безопасности и норм международного права.

Россия занимает важное место в борьбе за свободу стран и народов мира. На протяжении многих столетий Россия ведет борьбу за справедливый мир, защищая те или иные народы – народы Азии, Африки, Латинской Америки, народы мирового большинства.

Обладая тысячелетним цивилизационным опытом, Россия устремлена в будущее. Образ будущего, сформированный нашим обществом и являющийся результатом развития нашего общества – сильная, современная, суверенная и свободная страна с равными возможностями для каждого гражданина, являющаяся глобальным научным, технологическим, инновационным лидером, формирующим справедливый миропорядок и глобальную безопасность. Общество, национальной идеей которого является патриотизм, идентификация себя и своей судьбы с Россией, осознанное служение Отечеству, приверженность традиционным российским ценностям и российскому культурному коду[2].

К сожалению, в науке встречаются точки зрения, когда исследователей беспокоит трактовка России как особого типа цивилизации, возникшего на основе русской культуры и православия с едиными культурным кодом и ценностями. По мнению, В.А. Шнирельмана идее российского государства как полиэтничного и утверждает его как государство русского народа-этноса[3].

А.С. Панарин, наоборот, подчеркивает главное содержание российской цивилизационной идентичности, имеющее ценностно-нормативный характер, а сама идентичность идеократична, изначально привязана к священному православному идеалу (Святая Русь), который некому больше охранять, кроме русского народа[4].

Согласимся с утверждением Е.В. Свиридкиной, которая пишет: «Русская традиция государственности ориентирована изначально на иной тип самобытности – объединение людей вокруг высших и универсальных ценностей, имеющих сверхнациональный характер. Это православное государство, где верховная власть берет на себя функцию военной и политической защиты истинной веры (Царь — помазанник Божий)»[5].

Россия – уникальное государство-цивилизация, основанное на собственной системе традиционных ценностей. Они сформировались на протяжении многовекового исторического развития нашей страны, передавались их поколения в поколение, определили самобытный характер нашей нашего народа, культуры и государственности.

При этом важно понимать, что традиционность предполагает стабильность и поддержание нашего самобытного, уникального аксиологического наследия. Традиционные ценности вырабатывались в результате исторического развития нашей страны, и в разные исторические периоды они определяли те мировоззренческие векторы и ту цивилизационную специфику, которая обозначала нашу российскую государственность.

Смысловое наполнение этих ценностей было предметом осмысления наших историков, философов, писателей, деятелей культуры, ученых и политических деятелей. По сути дела, вся социально-политическая и философская мысль в нашей стране посвящена вопросам ценностей и аксиологических основ нашей цивилизации. Возникает закономерный вопрос: почему нам важно сохранять наши традиционные ценности? Ответ очевиден, потому что они по сути своей определяют фундамент нашей идентичности. Традиционные ценности – основа общероссийской идентичности, поэтому их сохранение и укрепление – обязательное условие выживания России как государства-цивилизации. Воспитание молодежи в духе традиционных ценностей – это вклад в будущее страны.

Президент России В. Путин неоднократно в своих выступлениях подчеркивал наше искреннее стремление к сбережению тех незыблемых духовно-нравственных ценностей и традиций, которые нас объединяют, помогают добиваться поставленных целей.

Руководитель государства особо остановился на том, что сила и притягательность идеи Русского мира всегда заключались в его открытости и уважении ко всем самобытным обычаям и культурам. И сегодня мы видим, что такие подходы разделяют большинство стран и народов, отвергая любые формы неоколониализма, расизма и русофобии и, напротив, демонстрируя настроенность на развитие гуманитарного сотрудничества и равноправного диалога, построенного на учёте взаимных интересов друг друга.

Ключевым документом, определяющим основной вектор развития Российского общества в сфере сохранения, укрепления и развития духовно-нравственных ценностей, образующих основу культурного кода России, является Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которым утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

---

[1] Тронина, Е. Г. Конституционные основы защиты культурной самобытности народов Российской Федерации / Е. Г. Тронина // Современный ученый. – 2023. – № 6. – С. 351-355. – EDN SUWRQU.

[2] Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.

[3] Шнирельман В.А. «Несовместимость культур»: от научных концепций и школьного образования до реальной политики // Русский национализм: идеология и настроение. М., 2006. С. 190-193.

[4] Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. С. 7.

[5] Свиридкина, Е.В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России / Е.В. Свиридкина // Культурное наследие России. 2018. № 2. С. 35-41. EDN ZCTRDF.

Акцентируем внимание, что Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества.

Целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей в указе Президента Российской Федерации № 809 названы: сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению; противодействие распространению деструктивной идеологии; формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества.

Если посмотреть назад и оценить сделанное на основе тех мероприятий, которые запланированы в указанном акте, можно сказать, что не все возможности, заложенные в документе, реализованы на практике.

Экспертами отмечается, что «нужны дополнительные механизмы, которые бы позволили сформировать правоприменительную практику, в том числе, и цензуру. По сути, сейчас мы не имеем работающего механизма правоприменения и регулирования среды. Все больше практиков говорят о том, что назрела необходимость разработки и принятия закона о сохранении и поддержке традиционных духовно-нравственных ценностей, который бы стал таким реальным механизмом претворения Указа Президента Российской Федерации № 809 в жизнь, в чем остро нуждается наша культура».

Заслуживает внимания информация, в соответствии с которой укреплением традиционных духовно-нравственных ценностей займутся полицейские. Так, в действующее Положение о деятельности МВД предлагается добавить пункт 2 с подпунктом 7 –«осуществление деятельности, направленной на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей».

Отметим, что проект указа Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 разработан в рамках мероприятий государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей на 2024-2026 годы[1].

Вместе с тем в ноябре 2024 года Минюст России предложил закрепить за ФСИН России и ФССП России обязанность сохранять «традиционные российские духовно-нравственные ценности». Соответствующие проекты указов размещены на портале проектов нормативных актов. Минюст не уточнил, какие именно мероприятия или конкретные функции будут исполнять сотрудники ФССП и ФСИН.

Думается, что реализовать подобные меры в местах лишения свободы не получится из-за отсутствия четких формулировок и наличия иных серьезных проблем в системе.

Список литературы:

1. Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 4(41). – С. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.
2. Тихонова, С. В. Ценности, формирующие российскую цивилизационную идентичность: риски и угрозы в области традиционных ценностей / С. В. Тихонова // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 3. – С. 37-40. – EDN OLYIBA.
3. Назарова, И. С. Актуальные аспекты правового положения детей-сирот в Российской Федерации / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 78-81. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_78. – EDN QENLAQ.
4. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY
5. Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 17-27. – EDN IENSKM.
6. Шумилов, М. И. Политика федерализма в истории России: проблемы государственности, самобытности и сотрудничества народов / М. И. Шумилов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2012. – № 7-2(128). – С. 13-19. – EDN PMOMOR.
7. Тронина, Е. Г. Конституционные основы защиты культурной самобытности народов Российской Федерации / Е. Г. Тронина // Современный ученый. – 2023. – № 6. – С. 351-355. – EDN SUWRQU.
8. Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.
9. Шнирельман В.А. «Несовместимость культур»: от научных концепций и школьного образования до реальной политики // Русский национализм: идеология и настроение. М., 2006. С. 190-193.
10. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. С. 7.
11. Свиридкина, Е.В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России / Е. В. Свиридкина // Культурное наследие России. – 2018. – № 2. – С. 35-41. – EDN ZCTRDF.

References:

1. Kiiko, A. Y. The role of the Russian Orthodox Church in the spiritual and moral education of the personnel of the National Guard troops / A. Y. Kiiko, K. G. Prokofiev, V. M. Shenshin // Theory of the state and law. – 2024. – № 4(41). – Pp. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.
2. Tikhonova, S. V. Values forming the Russian civilizational identity: risks and threats in the field of traditional values / S. V. Tikhonova // Socio-humanitarian knowledge. - 2024. – No. 3. – pp. 37-40. – EDN OLYIBA.
3. Nazarova, I. S. Actual aspects of the legal status of orphaned children in the Russian Federation / I. S. Nazarova, A. S. Pavlyk, L. A. Shenshina // Law and Law. – 2023. – No. 2. – pp. 78-81. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_78. – EDN QENLAQ.
4. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Without is a danger. Emergency situations. – 2022. – № 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY
5. Iroshnikov, D. V. The formation of the branch of security legislation in Russia / D. V. Iroshnikov // Law. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 3(52). – Pp. 17-27. – EDN IENSKM.
6. Shumilov, M. I. The politics of federalism in the history of Russia: problems of statehood, identity and cooperation of peoples / M. I. Shumilov // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. – 2012. – № 7-2(128). – Pp. 13-19. – EDN PMOMOR.
7. Tronina, E. G. The constitutional foundations of the protection of the cultural identity of the peoples of the Russian Federation / E. G. Tronina // A modern scientist. – 2023. – No. 6. – pp. 351-355. – EDN SUWRQU.
8. Vinichenko, L. A. Formation of a socially adapted personality of an orphanage pupil in the process of interaction with social institutions : specialty 13.00.01 "General pedagogy, history of pedagogy and education" : dissertation for the degree of candidate of pedagogical Sciences / Vinichenko Lyudmila Aleksandrovna. Belgorod, 2009. 231 p. – EDN QEIOBL.
9. Shnirelman V.A. "Incompatibility of cultures": from scientific concepts and school education to real politics // Russian nationalism: ideology and mood. M., 2006. pp. 190-193.
10. Panarin A.S. Orthodox civilization in the global world. Moscow, 2003. pp.
7-11. Sviridkina E.V. Justice as a value in the cultural and civilizational code of Russia / E.V. Sviridkina // Cultural Heritage of Russia. 2018. No. 2. p. 35-41. – EDN ZCTRDF.

[1] С текстом проекта указа Президента Российской Федерации «О внесении изменения в Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699» и материалами к нему можно ознакомиться на федеральном портале проектов нормативных правовых актов (ID: 01/03/11-24/00152260). На момент подготовки материала изменений в указ президента Российской Федерации не внесено.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_419

УДК 342.951

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ
LEGAL STATUS OF THE CHAMBERS OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

ШАДРИНА Лилия Валерьевна,
доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Тюменского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации.
625049, Россия, г. Тюмень ул. Амурская, д. 75.
E-mail: danelyanlv@mail.ru;

SHADRINA Lilia Valeryevna,
Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies
at the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
75 Amurskaya St., Tyumen, 625049, Russia.
E-mail: danelyanlv@mail.ru

Краткая аннотация*: статья посвящена правовому статусу Федерального Собрания Российской Федерации, становлению и развитию института парламентаризма. Федеральное собрание является высшим органом законодательной власти в Российской Федерации согласно Конституции. Изучение его роли и функции не только понимает понять организацию законодательного процесса, но и определить насколько эффективно оно соответствует конституционным принципам и задачам. Федеральное Собрание оказывает значительное влияние на формирование государственной политики, принятия ключевых решений и законодательство. Изучение его роли позволяет понять, каким образом принимаются решения, влияющие на жизнь граждан и развитие страны. Изучение его деятельности позволяет выявить проблемы и потенциал для улучшения процессов принятия решений и взаимодействия с обществом.*

Abstract: *The article is devoted to the legal status of the Federal Assembly of the Russian Federation, the formation and development of the institution of parliamentarism. The Federal Assembly is the highest legislative body in the Russian Federation according to the Constitution. Studying its role and function not only helps to understand the organization of the legislative process, but also to determine how effectively it conforms to constitutional principles and objectives. The Federal Assembly has a significant influence on the formation of public policy, key decision-making and legislation. Studying its role allows us to understand how decisions are made that affect the lives of citizens and the development of the country. Studying his activities allows us to identify problems and potential for improving decision-making processes and interaction with society.*

Ключевые слова: *государственная власть, парламент, Федеральное Собрание Российской Федерации, правовой статус, Государственная Дума Российской Федерации.*

Key words: *state power, Parliament, Federal Assembly of the Russian Federation, legal status, State Duma of the Russian Federation.*

Для цитирования: *Шадрина Л.В. Правовой статус палат Федерального Собрания Российской Федерации: сходства и различия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 419-422. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_419.*

For citation*: Shadrina L.V. Legal status of the Chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation: similarities and differences // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 419-422. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_419.*

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В Российской Федерации исторически доминирующее положение в структуре органов государственной власти, занимали представительные органы власти, сочетавшие в себе законодательные, исполнительные и контрольные функции [1, С. 3]. Становление и развитие института парламентаризма одно из основных направления становления правового государства.

Исследованию статуса Федерального Собрания Российской Федерации, его палат посвящены труды таких ученых как Авакьяна С.А., Баглая М.В., Булакова О.Н., Васильева В.И., Глигич-Золотаревой М.В., Горобца В.Д., Гранкина И.В., Зорькина В.Д., Кутафина О.Е., Лучина О.В., Медушевского А.Н., Тихомирова Ю.А. и других.

Федеральное Собрание Российской Федерации представляет собой высший законодательный орган страны и состоит из двух палат: Государственной Думы и Совета Федерации. Каждая из этих палат имеет свою структуру и осуществляет определенные функции в законодательном процессе.

Как отмечают А.В. Мелентьев и Р.В. Федоров Федеральное Собрание является собирательным понятием и, по сути, тождественно парламенту (ст. 94 Конституции РФ) , в то же время он формируется из представителей власти всех субъектов РФ и на основании всеобщего голосования всех граждан РФ, именно поэтому он именуется Федеральным Собранием, символизируя, что данный орган государственной власти представляет интересы всего народа и всех территорий России [2. С. 139].

Государственная Дума Российской Федерации является одной из двух палат Федерального Собрания Российской Федерации. Второй палатой является Совет Федерации. Не смотря на то, что Совет Федерации является единым органом в действующем законодательстве его правовой статус определяется через палаты [3].

Государственная Дума Российской Федерации является нижней палатой Федерального Собрания. Структура и состав Государственной Думы Российской Федерации определен законодательно [4]: Она состоит из депутатов, избираемых на пятилетний срок по пропорциональной системе среди партий и самовыдвиженцев. Численность депутатов определяется федеральным законом и на 2024 год составляет 450 человек. Депутаты избираются на пятилетний срок по пропорциональной системе на основе партийных списков.

На текущий момент в Государственной Думе представлены различные партии и политические блоки, формирующие фракции (группы депутатов, объединенных по партийной или иной политической принадлежности).

К основным фракциям в Государственной Думе относятся[4]:

«Единая Россия»- доминирующая партия, обладающая большинством мест в Государственной Думе, которая активно поддерживает законодательные инициативы правительства и президента.

КПРФ («Коммунистическая партия Российской Федерации») - оппозиционная партия с устойчивыми электоральными позициями, которая фокусируется на вопросах социальной справедливости, защиты прав трудящихся и восстановлении советских ценностей.

ЛДПР («Либерально-демократическая партия России») - партия правого толка, которая сочетает националистические идеи с критикой западных стран и предложениями по укреплению позиций России на международной арене.

«Справедливая Россия» - партия социал-демократической направленности, которая выступает за более справедливое распределение богатств, улучшение социальной политики и защиту прав граждан.

«Новые люди» – молодая партия, получившая представительство в Государственной Думе в 2021 году. Фокусируется на проблемах среднего класса, предпринимательства и модернизации экономики и другие партии.

Следует согласиться с А.И. Малкаровым, что основной целью фракций является участие в осуществлении законодательной власти и представительной функции Государственной Думы, которое проявляется в формировании и выражении общей воли народа в процессе законодательной деятельности [5, с. 25].

Председатель Государственной Думы и его заместители избираются депутатами на первом заседании нового созыва.

Ключевыми фигурами Государственной Думы являются:

Вячеслав Володин – председатель Государственной Думы с 2016 года. Является важным политическим деятелем и членом партии «Единая Россия». Ранее занимал пост заместителя главы Администрации Президента и возглавлял аппарат Правительства.

Ирина Яровая – заместитель председателя Государственной Думы. Известна своими законопроектами в области безопасности и борьбы с терроризмом, в том числе так называемым «пакетом Яровой», который усилил контроль над интернетом и коммуникациями.

Сергей Неверов – лидер фракции «Единая Россия». Он координирует деятельность партии в Государственной Думе и активно участвует в законотворческой деятельности.

Геннадий Зюганов – лидер фракции КПРФ (Коммунистическая партия Российской Федерации). Он представляет оппозиционные силы в парламенте и является давним лидером коммунистического движения в России.

Владимир Жириновский (до 2022 года) – лидер фракции ЛДПР (Либерально-демократическая партия России). Несмотря на его харизматичный и иногда эксцентричный стиль, он занимал значительное место в российской политике на протяжении нескольких десятилетий. После его смерти, пост занял Леонид Слуцкий.

Сергей Миронов — лидер фракции «Справедливая Россия – За правду». Он представляет социал-демократическое крыло в Думе и активно участвует в социальных вопросах и защите прав граждан.

Государственная Дума занимается принятием федеральных законов, контролем за исполнением Конституции РФ и федеральных законов, утверждением федерального бюджета и другими ключевыми задачами.

Основные функции Государственная Дума Российской Федерации:

Законодательная деятельность: Государственная Дума участвует в принятии и изменении федеральных законов. Она вырабатывает законодательные инициативы, обсуждает их на пленарных заседаниях и принимает решения большинством голосов от общего числа депутатов.

Контрольная функция: Депутаты осуществляют контроль за деятельностью правительства, в том числе через проведение парламентских слушаний и запросы к чиновникам.

Участие в формировании исполнительной власти: Государственная Дума утверждает кандидатуру Председателя Правительства России, а также может выразить недоверие правительству, что может привести к его отставке.

Таким образом, Государственная Дума Российской Федерации является основным законодательным органом страны, где разные партии и фракции соперничают и сотрудничают в рамках парламентского процесса.

Федеральное Собрание Российской Федерации [6] имеет двухпалатную структуру, что обусловлено принципами разделения властей. Такой подход создает систему издержек и противовесов в организации законодательной власти, предотвращая возможность ее монополизации. Наличие второй палаты, Совета Федерации, играет важную роль в смягчении конфликтов между исполнительной и законодательной властью, обеспечивая контроль за качеством законодательства и его согласованностью. Совет Федерации, представляя интересы субъектов Федерации, дополняет представительство на федеральном уровне, выраженное через Государственную Думу. Таким образом, Федеральное Собрание РФ, объединяя обе палаты, обеспечивает наиболее полное отражение воли всего многонационального народа страны в принимаемых федеральных законах.

Согласно рассмотренным постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации, палаты Федерального Собрания могут быть признаны относительно самостоятельными органами народного представительства. В частности, постановление от 17 ноября 1998 года подчеркивает их роль как органов, представляющих интересы народа. Государственная Дума и Совет Федерации также обладают признаками государственного органа, поскольку им присущи аспекты представительства, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Однако важно отметить, что Государственная Дума не является единственным органом, имеющим законодательную власть, так как законы, принятые ею, подлежат одобрению Советом Федерации и подписанию Президентом Российской Федерации, что является необходимым этапом в законодательном процессе. Государственная Дума действует исключительно как часть Федерального Собрания РФ, не обладая самостоятельной полной государственной властью, которая предполагает комплексный подход и согласование действий с другими органами государственной власти.

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации подчеркивают, что палаты Федерального Собрания могут быть признаны относительно самостоятельными органами народного представительства. Это подтверждается как постановлением от 17 ноября 1998 года, так и решениями, где подчеркивается роль палат как представляющих интересы народа. Государственная Дума и Совет Федерации также обладают признаками государственного органа, включая функции, предусмотренные Конституцией РФ. Однако, Государственная Дума действует исключительно как часть Федерального Собрания РФ, не обладая самостоятельной полной государственной властью.

Совет Федерации формируется в соответствии с Федеральным законом «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». Согласно этому закону, в Совет Федерации входят два представителя от каждого субъекта РФ: по одному от законодательного и исполнительного органов власти. Введение в 2014 году так называемых «федеральных» сенаторов дополнило состав верхней палаты, которые назначаются Президентом РФ и представляют интересы всего государства. Общая численность членов Совета Федерации составляет 170 человек, включая назначенных Президентом РФ.

Порядок формирования и деятельности Совета Федерации регламентируется внутренними документами палаты, такими как Регламент Совета Федерации, который устанавливает структуру и компетенцию органов палаты, включая Совет палаты, комитеты и комиссии. Должностные лица Совета Федерации включают в себя Председателя, заместителей Председателя, председателей комитетов и членов комитетов.

В литературе выделяются следующие особенности конституционно-правовой природы комитетов и комиссий палат Федерального Собрания: 1) это составная частью парламента и обязательный признак парламентаризма, обеспечивающий деятельность законодательного органа на постоянной, профессиональной основе; 2) это внутренние вспомогательные государственные органы палат Федерального Собрания, 3) это субъекты контрольной деятельности парламента за деятельностью исполнительных органов государственной власти [7, С. 16-17].

Их назначение повышение эффективности работы парламента в условиях постоянно растущего потока законопроектов, что позволяет распределить нагрузку и обеспечить большую специализацию в работе над законопроектами.

Следует согласиться с А.С. Кошель, что существование комитетов имеет существенное значение в современных парламентах и их палатах для рационализации их работы и для более качественного рассмотрения вопросов, чем больше роль, которую в работе парламента играют комитеты, тем эффективнее и производительнее сам парламент. [8, С. 21-22].

Таким образом, Совет Федерации как верхняя палата Федерального Собрания РФ играет ключевую роль в законодательном процессе и обеспечивает представительство субъектов РФ на федеральном уровне.

Совет Федерации Российской Федерации является верхней палатой Федерального Собрания, который избирает своих руководителей – Председателя и его заместителей – тайным голосованием. Важно отметить, что Председатель и его заместители не могут быть представителями одного и того же субъекта Федерации. Председатель Совета Федерации избирается на срок своих полномочий из числа членов Совета Федерации, представляющих либо законодательный, либо исполнительный органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые фигуры Совета Федерации:

Валентина Матвиенко — председатель Совета Федерации с 2011 года. Она является одной из самых влиятельных женщин в российской политике и занимает центральную роль в регулировании работы Совета Федерации. Ранее занимала должности губернатора Санкт-Петербурга и вице-премьера России.

Андрей Турчак — первый заместитель председателя Совета Федерации. Является важной политической фигурой и представителем партии «Единая Россия». В прошлом занимал пост губернатора Псковской области и секретаря Генерального совета партии.

Константин Косачев — заместитель председателя Совета Федерации, отвечающий за внешнеполитические вопросы. Активно работает на международной арене, представляя Россию в различных международных организациях, таких как ПАСЕ и ООН.

Алексей Пушков — глава комиссии по информационной политике и взаимодействию со СМИ. Он играет важную роль в формировании информационной политики России на международной арене и активно участвует в обсуждении вопросов внешней политики.

Для эффективного функционирования Совета Федерации образуется постоянно действующий коллегиальный орган – Совет палаты. В его состав входят Председатель Совета Федерации, его заместители, председатели комитетов и постоянных комиссий Совета Федерации, каждый из которых обладает правом решающего голоса по всем вопросам, рассматриваемым Советом палаты.

Для решения ключевых вопросов деятельности Совета Федерации создаются специализированные комитеты. Эти комитеты занимаются разработкой базовых и концептуальных предложений по реализации конституционных полномочий Совета Федерации, предварительному рассмотрению проектов законов, одобренных Государственной Думой и переданных на рассмотрение Совету Федерации. Среди действующих комитетов можно выделить по конституционному законодательству и государственному строительству, по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, по обороне и безопасности, по международным делам, по бюджету и финансовым рынкам, по экономической политике, по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, по социальной политике, по науке, образованию и культуре, а также по Регламенту и организации парламентской деятельности.

Таким образом, организация работы Совета Федерации обеспечивает комплексный подход к решению важнейших вопросов, связанных с федеральным законодательством и регулированием важнейших аспектов общественной жизни Российской Федерации.

Сравнение структуры и функционирования Совета Федерации и Государственной Думы Российской Федерации позволяет выделить основные различия и сходства этих двух палат Федерального Собрания.

По статусу Совет Федерации - Верхняя палата Федерального Собрания, Государственная Дума Нижняя палата Федерального Собрания.

По количество членов (депутатов) 170 членов и 450 депутатов соответственно.

По принципу формирования Совет федерации представительный принцип по два представителя от каждого субъекта РФ, из которых по одному представителю от законодательного органа (представительного) и исполнительного органов государственной власти, Государственная дума избирается гражданами Российской Федерации, из которых 225 депутатов по одномандатным округам и столько же по федеральному избирательному округу.

Основная функция Совета Федерации представительство субъектов Российской Федерации, Государственной Думы – законодательная деятельность. При этом принятие федеральных законов требует обязательное одобрение Совета Федерации

По партийному признаку Государственная Дума избирается в части представительства федеральных избирательных округов по партийным спискам, пропорционально полученным голосам, Совет Федерации официально беспартийная палата, члены назначаются от регионов, но могут иметь партийную принадлежность.

По сроку полномочий отличие заключается в том, что Депутаты избираются на 5 лет, а члены Совета Федерации не имеют фиксированного срока полномочий, они назначаются на время исполнения своих обязанностей в регионах.

По наличию процедуры отставка (роспуска) также существенное отличие, которое заключается в том, что Государственная Дума Может быть распущена президентом в определенных случаях (например, при трехкратном отказе утвердить кандидатуру премьер-министра), а для Совета Федерации такая процедура не предусмотрена, ее члены могут быть заменены региональными органами власти.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что Совет Федерации и Государственная Дума, составляя Федеральное Собрание России, выполняют разные, но взаимодополняющие функции. Совет Федерации представляет интересы регионов и контролирует решения, затрагивающие региональную и внешнюю политику, а также утверждает назначения на ключевые государственные посты. Государственная Дума, в свою очередь, обладает основными законодательными функциями, разрабатывая и принимая законы, утверждая бюджет и осуществляя контроль над исполнительной властью.

Главные отличия между этими палатами заключаются в их структуре и принципах формирования. Члены Совета Федерации назначаются региональными властями и не имеют фиксированного срока полномочий, в то время как депутаты Государственной Думы избираются гражданами на пятилетний срок. Совет Федерации сосредоточен на защите интересов регионов, а Государственная Дума — на законотворчестве и политическом представительстве партий.

Таким образом, Совет Федерации выполняет преимущественно представительские и надзорные функции, а Государственная Дума — законодательные и контрольные, обеспечивая баланс интересов между федеральным центром и регионами в политической системе России.

Список литературы:

1. Тарасова Е.П. Правовой статус палат Федерального Собрания Российской Федерации: состояние и перспективы. Дисс. к.ю.н. – М., 2006.
2. Мелентьев А.В., Федоров Р.В. Федеральное собрание: историко-правовое развитие порядка формирования, анализ современной проблематики // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 136-141.
3. Федеральный закон от 22 декабря 2020 года № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. N 52 (часть I) ст. 8585.
4. Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 24 февраля 2014 г. N 8 ст. 740.
5. Малкаров А.И. Конституционные принципы плюралистической демократии и парламентаризма в России: : автореф… к.ю.н. – М., 2022.
6. Федеральный закон от 22 декабря 2020 года № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. N 52 (часть I) ст. 8585.
7. Молокаева О.Х. Конституционно-правовой статус комитетов и комиссий палат Федерального Собрания Российской Федерации: автореф… к.ю.н. – М., 2015.
8. Кошель А.С. Конституционные стандарты парламентских процедур в Российской Федерации как демократическом правовом государстве: : автореф… к.ю.н. – М., 2022.

References:

1. Tarasova E.P. The legal status of the Chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation: status and prospects. Dissertation of the Candidate of Law– Moscow, 2006.
2. Melentyev A.V., Fedorov R.V. The Federal Assembly: historical and legal development of the formation procedure, analysis of modern issues // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 1. pp. 136-141.
3. Federal Law No. 439-FZ dated December 22, 2020 "On the Procedure for Forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 52 dated December 28, 2020 (Part I), art. 8585.
4. Federal Law No. 20-FZ dated February 22, 2014 "On Elections of Deputies to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation dated February 24, 2014 No. 8, art. 740.
5. Malkarov A.I. Constitutional principles of pluralistic democracy and parliamentarism in Russia: abstract... Candidate of Law– Moscow, 2022.
6. Federal Law No. 439-FZ dated December 22, 2020 "On the Procedure for Forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 52 dated December 28, 2020 (Part I), art. 8585.
7. Molokaeva O.H. The constitutional and legal status of Committees and commissions of the Chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation: abstract... Candidate of Law– Moscow, 2015.
8. Koshel A.S. Constitutional standards of parliamentary procedures in the Russian Federation as a democratic State governed by the rule of law: abstract... Candidate of Law– Moscow, 2022.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_423

УДК 351.743

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ[1]

ABOUT SOME PROBLEMS OF THE PARTICIPATION OF THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND ENSURING PUBLIC SAFETY

ШЕНШИН Виктор Михайлович,
Старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: vitya-shen@mail.ru;

SHENSHIN Victor Mikhailovich,
Senior Researcher at the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences,
Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

***Краткая аннотация**: участие войск национальной гвардии в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности обусловлено спецификой обеспечения государственной военной организацией общественной безопасности, взаимодействием с правоохранительными органами, соблюдением законности, а также защитой прав и свобод человека и гражданина. Показан контекст недостаточности правового регулирования деятельности войск в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Указывается на дублирование полномочия Росгвардии и органов внутренних дел. Признак «участие» носит второстепенный характер деятельности войск в решении поставленной перед ними задачи.*

***Abstract:** The participation of the National Guard troops in the protection of public order and ensuring public safety is determined by the specifics of ensuring public security by the state military organization, interaction with law enforcement agencies, respect for the rule of law, as well as the protection of human and civil rights and freedoms. The context of the insufficiency of legal regulation of the activities of troops in the field of public order protection and public safety is shown. It is indicated that the powers of the Russian National Guard and the internal affairs bodies are duplicated. The sign of "participation" is secondary to the activity of the troops in solving the task assigned to them.*

***Ключевые слова:** войска национальной гвардии; органы внутренних дел; охрана общественного порядка; обеспечение общественной безопасности; Росгвардия.*

***Keywords:** National Guard troops; internal affairs bodies; protection of public order; ensuring public safety; Rosgvardiya.*

***Для цитирования:** Шеншин В.М. О некоторых проблемах участия войск национальной гвардии Российской Федерации в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 423-427. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_423.*

***For citation**: Shenshin V.M. About some problems of the participation of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the protection of public order and ensuring public safety // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 423-427. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_423.*

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Продекларированный в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации стратегический национальный приоритет – государственная и общественная безопасность придает особый характер решению государством всего того комплекса мер, направленных на обеспечение указанного стратегического национального приоритета.

Президентом Российской Федерации на основании ранее действовавшей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года и выдвинутых ею требований к обеспечению национальной и иных видов безопасности, было принято решение о создании нового федерального органа исполнительной власти – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия). Из статутных документов, регламентирующих вопросы правового регулирования деятельности Росгвардии, следует, что данное ведомство предназначено обеспечивать общественную безопасность.

Организационно в состав Федеральной службы входят войска национальной гвардии Российской Федерации, характер деятельности которых, как государственной военной организации состоит в обеспечении ими государственной и общественной безопасности, защите прав и свобод человека и гражданина (далее – войска национальной гвардии; войска)[2].

Из предписаний, закрепленных в статье 31 Конституции Российской Федерации, вытекает право граждан собираться мирно и без оружия, проводить митинги, уличные шествия, демонстрации и пикетирования при условии предварительного уведомления органов власти. Такая постановка вопроса подразумевает охрану со стороны государства должного общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

В науке отмечается, что: «Для обеспечения общественного порядка при растущей активности населения сотрудникам правоохранительных органов необходимо иметь четкое представление о том, что такое массовое мероприятие, каковы его характер и особенности»[3].

---

[1] Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001).

[2] Статья 1 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

[3] Кудашкин, А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования / А.В. Кудашкин; Академия военных наук – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003 – 298 с. – ISBN 5-94201-231-8– EDN ANETMD

Зачастую сложность обеспечения общественного порядка возникает во время проведения массовых мероприятий, когда органы внутренних дел, а также войска национальной гвардии обязаны принимать соответствующие меры, направленные на охрану на должном уровне общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Любое массовое мероприятие граничит с нарушением законности, ограничением прав и свобод человека и гражданина, а действия правоохранительных органов находятся «на поверхности» и рассматриваются общественностью «под микроскопом».

Н.В. Зубарев заострил внимание: «Нестабильность в обществе – одна из главных причин различного рода правонарушений. Их крайняя форма –массовые беспорядки –явления, с участием неорганизованных или организованных групп людей, которые могут сопровождаться погромами, разрушениями, поджогами, насилием над людьми и другими преступными действиями. Они оказывают разрушительное влияние на социальную и экономическую сферы деятельности общества. Причины массовых беспорядков коренятся в самых разных сферах социальной жизни общества»[1].

Стабилизация общественных отношений достигается путем использования государством своих силовых структур, призванных охранять общественный порядок и обеспечивать общественную безопасность. Одним из элементов правоохранительной системы России являются войска национальной гвардии, перед которыми поставлена задача по участию в охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В широком понимании массовые беспорядки можно охарактеризовать, как наиболее «варварский способ» решения всевозможных проблем в государстве, который не только не потерял своей актуальности, но приобретает новые грани.

Пунктом 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации к числу интересов, реализуемых государством, отнесены: «… защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны», что напрямую переплетается с предназначением войск национальной гвардии. Ранее в подобной роли выступали внутренние войска МВД России, правда, задачи, которые на них возлагались законодательством, были уже, нежели, чем те, которые сегодня возложены на войска.

Задачи войск национальной гвардии при ликвидации массовых беспорядков определены руководящими документами Росгвардии, как субъекта стратегического планирования. Таких документов не много, все они носят гриф «ДСП», поэтому останавливаться на них в настоящем исследовании не представляется возможным. Вместе с тем, отметим, что исследуемая нами сфера деятельности войск не осталась не урегулированной, что подчеркивает особый характер участия войск в системе обеспечения национальной безопасности.

Вместе с тем, контекст, представленный в административном и уголовном законодательстве, позволяет увидеть, что к задачам как уголовного закона, так и законодательства об административных правонарушениях отнесена охрана общественного порядка и общественной безопасности.

Правоприменители при реализации юрисдикционных полномочий, связанных с привлечением к административной ответственности лиц, нарушающих установленный порядок организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, сталкиваются с рядом трудностей при толковании и применении административно-деликтных норм.

С точки зрения осуществления должностными лицами Росгвардии административно-юрисдикционной деятельности при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности целесообразно указать на то, что в соответствии с административным законодательством такие полномочия на указанных лиц возложены, правда в усеченном виде, когда виновные могут привлекаться лишь к таким видам административных наказаний, как предупреждение и административный штраф в ограниченном размере и по строго определенному перечню составов правонарушений. В то время, как ни одну из форм предварительного расследования должностные лица войск национальной гвардии не проводят, что с нашей точки зрения является упущением законодателя и снижением роли государственной военной организации в системе обеспечения общественной безопасности.

Отметим, что Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 24-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» ужесточена ответственность за неповиновение сотрудникам правоохранительных органов, а организаторы митингов привлекаются к административному наказанию в виде административного штрафа за нарушение правил сбора и расходования денег на мероприятие, непредставление или несвоевременное представление отчета об их расходовании.

Из смысла части 1 статьи 19.3 КоАП РФ следует, что неповиновение законному распоряжению должностного лица Росгвардии является серьезным правонарушением, подрывающим основы управления в государстве, правопорядок и общественную безопасность.

Неповиновение законным требованиям должностных лиц Росгвардии при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности препятствует исполнению возложенных на них нормативными правовыми актами полномочий, а также предусмотренных законом обязанностей в отношении граждан, общества и государства. Отметим также и прямую взаимосвязь между совершением лицом административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 19.3 КоАП РФ и последующих более общественно опасных деяний, квалифицируемых в качестве уголовно-правовых деяний против представителей власти (статьи 317, 318, 319 УК РФ).

И.С. Назарова аргументирует: «Оппозиционно настроенные к легитимной публичной власти граждане, отличающиеся проявлением радикализма, требуют пристального внимания»[2]. «Нужно видеть разницу между цивилизованным оппонированием власти и обслуживанием чужих национальных интересов в ущерб собственной стране», – отметил Президент Российской Федерации, выступая на заседании коллегии ФСБ России 7 марта 2014 г.[3]

[1] Зубарев, Н. В. Роль и место войск национальной гвардии Российской Федерации в пресечении массовых беспорядков в условиях гибридной войны / Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 11(328). – С. 45-56. – EDN JIZHZB.
[2] Назарова И.С. Неповиновение законному распоряжению должностного лица войск национальной гвардии Российской Федерации как правонарушение, посягающее на основы управления в государстве, правопорядок и общественную безопасность / И.С. Назарова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2021. № 4(285). С. 79-85. – EDN NFLCRC.
[3] Латухина К. Оппозиция без экстремизма // Рос.газета. 2014. 8 апр. № 6351.

Наукой понятия «общественный порядок» и «общественная безопасность в одном случае отождествляются[1], в другом аспекте общественная безопасность выглядит шире, нежели чем общественный порядок[2], третий момент предусматривает превалирование общественного порядка над общественной безопасностью[3].

П.П. Фомин, соотнося общественный порядок и общественную безопасность как систему общественных отношений, отмечает, что они «динамично развиваются, формируются и изменяются под воздействием объективных и субъективных факторов. От укрепления общественного порядка зависит повышение уровня обеспеченности общественной безопасности»[4]. К примеру, недопущение массовых беспорядков создает предпосылки по предупреждению административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Поэтому, достижение военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии надлежащего общественного порядка при проведении массовых мероприятий, служит основой обеспечения общественной безопасности, поскольку достигается цель – предотвращение наступления опасности для жизни и здоровья людей или их имущества. В то же время обеспечение общественной безопасности служит гарантом охраны общественного порядка.

Н.А. Шейхова о соотношении этих понятий заняла следующую позицию: «Несмотря на тесную взаимосвязь, содержание общественного порядка и общественной безопасности составляют разные общественные отношения. Кроме того, общественная безопасность обеспечивается правовыми и техническими нормами, а общественный порядок обеспечивается соблюдением правовых и социальных норм». Далее исследователь делает вывод: «Споры о соотношении общественного порядка и общественной безопасности сохранятся, пока в законодательстве не будут закреплены дефиниции этих институтов. Несмотря на тесную взаимосвязь общественного порядка и общественной безопасности их нельзя смешивать или отождествлять»[5].

Из всех силовых подразделений, существующих в России, Росгвардия появилась сравнительно недавно, в 2016 году. Время показало, насколько правильно было собрать в единый кулак все войсковые, охранные и спецподразделения МВД России[6]. За время существования Росгвардия стала надежным щитом России, ведомством, способным выполнить любые задачи любой сложности.

Отметим, что Росгвардия, как это следует из указа Президента РФ от 30 сентября 2016 г. № 510, осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере обеспечения общественной безопасности в пределах своих полномочий. Одной из основных задач Росгвардии, содержащихся в приведенном акте, названа организация участия войск национальной гвардии в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

И здесь мы должны особо подчеркнуть характер выполняемой как Росгвардией, так и войсками национальной гвардии государственной функции, направленной на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, которой сегодня придается ключевое значение. Тем более, что к функциям Росгвардии отнесено обеспечение участия войск национальной гвардии в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности (подп. 9 п. 9 Указа Президента РФ № 510).

Основной целью применения войск при осложнении обстановки является их участие во взаимодействии с силами и средствами других министерств и ведомств в ликвидации массовых беспорядков, и возможно в дальнейшем их последствий. Так, особенностями деятельности Росгвардии является определение совместно с МВД России порядка организации взаимодействия войск национальной гвардии с МВД России и его территориальными органами (подразделениями) при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, а также полномочия должностных лиц войск национальной гвардии, МВД России и его территориальных органов (подразделений) по организации указанного взаимодействия (подп. 9 п. 9 Указа Президента РФ № 510).

М.Ю. Ольм считает, что: «Успешность в выполнении совместных задач ОВД и Росгвардии как субъектов охраны общественного порядка на массовых мероприятиях является прямым следствием конструктивного взаимодействия. Для достижения эффективности в высокой степени необходимо проводить нормотворческую работу для развития оперативно-служебной деятельности, а также сосредоточить совместные усилия при несении службы по охране общественного порядка по наиболее важным направлениям – защита граждан от противоправных посягательств и привлечение негосударственных субъектов охраны общественного порядка»[7].

В. Колокольцев по поводу образования нового федерального органа исполнительной власти – Росгвардии, высказался в том контексте, что «функции органов внутренних дел и Росгвардии дублироваться не будут»[8]. Однако нормотворчество, направленное на разграничение функционала двух ведомств на практике не реализовано, задачи обоих федеральных органов исполнительной власти продолжают оставаться схожими[9]. Как указывает М.Ю. Ольм основным направлением взаимодействия Росгвардии и ОВД при охране общественного порядка на массо-

[1] Куделич, А.В. Уголовно-правовая охрана общественного порядка в современной России: автореф. дис. ... д-ра юр. наук / А.В. Куделич. – Москва, 2000. – 43 с.
[2] Готовцев, А.В. Организационно-правовые вопросы взаимодействия милиции и внутренних войск в охране общественного порядка: автореф. дис. … канд. юр. наук / А.В. Готовцев. – Москва, 2000. С. 13.
[3] Горбунова, О.Н. К вопросу об определении понятия «общественный порядок» в советской науке административного права / О.Н. Горбунова // Труды Иркутского госуниверситета. Серия юридическая. 1967. Т. XIX, вып. 8, ч. 2. С. 118.
[4] Фомин, П. П. Общественный порядок и общественная безопасность: понятие и соотношение / П. П. Фомин // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2017. – № 1(2). – С. 66-77. – EDN YZHWLZ.
[5] Шейхова Н.А. Проблемы соотношения понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2024. Том 39. Вып. 3. С. 89-94.
[6] Жаркой, М. Э. Административно-юрисдикционные полномочия внутренних войск МВД СССР по охране и обороне объектов железных дорог (историко-правовой аспект) / М. Э. Жаркой, В. Г. Викторов // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 2(331). – С. 34-46. – EDN OZYSPU.
[7] Ольм, М. Ю. Росгвардия и органы внутренних дел - дублирование функций по охране общественного порядка на массовых мероприятиях или налаженное взаимодействие? / М. Ю. Ольм // ModernScience. – 2020. – № 2-2. – С. 176-179. – EDN NICXTS.
[8] Глава МВД: дублирования функций у полиции и Нацгвардии не будет [Электронный ресурс] // РИА Новости: сайт. URL: https://ria.ru/20160416/1412465175.html (дата обращения: 24.04.2025).
[9] Майоров В.И. О роли Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в обеспечении общественного порядка // Вестник Уральского юридического института МВД России. – № 1, 2018, С. 48-51.

вых мероприятиях должно являться, «проведение на постоянной основе мониторинга правовых и организационных вопросов взаимодействия при решении оперативно-служебных задач для исключениядублирующих функций. Итогом такой работы должно быть законодательно закрепленный механизм взаимодействия не только Росгвардии и ОВД, но и других субъектов охраны общественного порядка, осуществляющих свою деятельность без государственного участия».

Из подп. 13, 21 части 1 статьи 9 Федерального закона от № 226-ФЗ следует, что к полномочиям войск относятся проведение досмотра плавучих средств (судов) при несении службы по охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности на акваториях водных объектов, а также устранение угроз безопасности граждан и общественной безопасности.

Подпунктом 2 части 1 статьи 11 Федерального закона от № 226-ФЗ определено, что войска для обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках наделены полномочием по проведению вскрытия транспортного средства, в том числе проникновение в него при несении боевой службы (службы), в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Подпунктом 1 части 1 статьи 12 Федерального закона № 226-ФЗ при несении боевой службы в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации для защиты (спасения) жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках войскам предписано вхождение (проникновение) в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями независимо от форм собственности (за исключением помещений, земельных участков и территорий дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций), в акватории.

Необходимым условием реализации войсками своих полномочий служит их финансовое обеспечение. Учитывая то, что в соответствии с пунктом «б» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации вопросы обеспечения общественной безопасности находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, с 4 августа 2023 года статья 30 Федерального закона № 226-ФЗ дополнена частью 1.1, которой органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления в соответствии с законодательством Российской Федерации предписано осуществлять по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации расходы на реализацию возложенных на войска национальной гвардии обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Вот лишь один из многочисленных примеров. Так, постановлением Правительства Саратовской области от 27.06.2024 № 545-П определен порядок оказания содействия в реализации возложенных на войска национальной гвардии обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в части создания условий для эффективного функционирования подразделений Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Саратовской области, обеспечивающих охрану общественного порядка на территории Саратовской области, а именно приобретение необходимого имущества: автобуса пассажирского для перевозки личного состава, привлекаемого для несения службы по охране общественного порядка и общественной безопасности, в количестве 1 единицы; автомобиля грузопассажирского для оперативного выполнения служебных задач по охране общественного порядка и общественной безопасности в количестве 1 единицы; автомобиля пассажирского повышенной проходимости для оперативного выполнения служебных задач по охране общественного порядка и общественной безопасности в количестве 1 единицы[1].

Частью 8 статьи 31 Федерального закона от № 226-ФЗ раскрываются особенности материально-технического обеспечения войск национальной гвардии, в соответствии с которыми субъекты транспортной инфраструктуры предоставляют на безвозмездной основе войскам национальной гвардии для участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности на железнодорожном, водном, воздушном транспорте и метрополитенах служебные и подсобные помещения, оборудование, средства и услуги связи.

Характеризуя деятельность войск национальной гвардии по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, следует отметить, что только за неделю своей деятельности должностными лицами оказывается более 4,5 тысяч государственных услуг, затрагивающих особенности оборота гражданского оружия и охранной деятельности, оказываемых гражданам и юридическим лицам.

Сотрудниками подразделений лицензионно-разрешительной работы еженедельно проводится свыше тысячи проверок обеспечения сохранности оружия физических и юридических лиц, составляется около 200 протоколов об административных правонарушениях, из незаконно оборота изымается более 150 единиц оружия и боеприпасов. По подозрению в совершении преступлений и административных правонарушений задерживается свыше тысячи граждан. В неделю только сотрудниками и военнослужащими столичного главка Росгвардии обеспечивается безопасность около 300 мероприятий.

По результатам, например, деятельности в 2024 году по Санкт-Петербургу нарядами групп задержания вневедомственной охраны было осуществлено около 71 тысяч выездов по сигналу «тревога» и пресечено 297 краж с охраняемых объектов и квартир, при этом задержано 300 правонарушителей.

Директор Росгвардии подводя итоги деятельности ведомства за 2024 год, отметил, что Росгвардией выполнены все возложенные на нее задачи, высоко оценено участие ведомства в специальной военной операции, противодействии терроризму и охране общественного порядка, выполнение личным составом мероприятий цифровизации, а также объемная работа по созданию правовых основ для добровольной сдачи населением оружия на нужды СВО.

[1] Постановление Правительства Саратовской области от 27.06.2024 № 545-П «О мерах по оказанию содействия в реализации возложенных на войска национальной гвардии обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на 2024 год» // www.pravo.gov.ru

Обратим внимание, что законодательство в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности постоянно развивается. Так, Федеральным законом от 21 апреля 2025 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и статьи 20.2 и 37 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» предусмотрено, что с 1 сентября 2025 г. при проведении зрелищных мероприятий должны обеспечиваться общественный порядок и общественная безопасность, а также информирование региональными и местными властями органов внутренних дел и других заинтересованных органов и учреждений. Тем самым подчеркивается особая роль войск национальной гвардии в исследуемом контексте.

Важным аспектом охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности является факт выполнения поставленных перед Росгвардией и другими правоохранительными органами задач по обеспечению безопасности прошедших президентских выборов, когда ни одного чрезвычайного происшествия на избирательных участках не допущено. Накануне голосования росгвардейцы обследовали избирательные участки и прилегающие к ним территории на предмет обнаружения взрывоопасных предметов и взрывных устройств.

В ходе выборов военнослужащие и сотрудники ведомства обеспечили охрану субъектовых, территориальных, участковых и выездных избирательных комиссий, а также общественный порядок на объектах для голосования. Экипажи вневедомственной охраны в период проведения избирательной кампании, а также в дни голосования несли службу в круглосуточном режиме на постах и маршрутах патрулирования улиц и общественных мест.

Всего за период выборов было зафиксировано 350 инцидентов, включая порчу избирательной документации и поджоги, поступило 305 заведомо ложных сообщений о готовящихся терактах. Силами Росгвардии задержано более 60 нарушителей, составлено 155 протоколов об административных правонарушениях, возбуждено 61 уголовное дело, в т.ч. по ст. 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма) и ст. 141 УК РФ (воспрепятствование осуществлению прав избирателей или работе избирательных комиссий).

Таким образом, войска национальной гвардии выполняют значительный комплекс задач, наделены широким спектром полномочий, связаны с системой государственных правоохранительных органов, являются звеном этой системы. В тоже время, исходя из законодательных предписаний, они являются видом сил, обеспечивающих безопасность и применяемых государством в условиях введения правовых режимов на территории Российской Федерации. Являясь государственной военной организацией наряду с Вооруженными Силами Российской Федерации, играют ключевую роль в обеспечении общественной безопасности государства[1].

Список литературы:

1. Кудашкин, А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования / А.В. Кудашкин; Академия военных наук – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003 – 298 с. – ISBN 5-94201-231-8– EDN ANETMD
2. Зубарев, Н. В. Роль и место войск национальной гвардии Российской Федерации в пресечении массовых беспорядков в условиях гибридной войны / Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 11(328). – С. 45-56. – EDN JIZHZB.
3. Назарова, И. С. Неповиновение законному распоряжению должностного лица войск национальной гвардии Российской Федерации как правонарушение, посягающее на основы управления в государстве, правопорядок и общественную безопасность / И. С. Назарова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 4(285). – С. 79-85. – EDN NFLCRC.
4. Куделич А.В. Уголовно-правовая охрана общественного порядка в современной России: автореф. дис. ... д-ра юр. наук / А.В. Куделич. М., 2000. – 43 с.
5. Готовцев, А.В. Организационно-правовые вопросы взаимодействия милиции и внутренних войск в охране общественного порядка: автореф. дис. … канд. юр. наук / А.В. Готовцев. – Москва, 2000. С. 13.
6. Горбунова, О.Н. К вопросу об определении понятия «общественный порядок» в советской науке административного права / О.Н. Горбунова // Труды Иркутского госуниверситета. Серия юридическая. 1967. Т. XIX, вып. 8, ч. 2. С. 118.
7. Фомин, П. П. Общественный порядок и общественная безопасность: понятие и соотношение / П. П. Фомин // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2017. – № 1(2). – С. 66-77. – EDN YZHWLZ.
8. Шейхова Н.А. Проблемы соотношения понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2024. Том 39. Вып. 3. С. 89-94.
9. Жаркой, М. Э. Административно-юрисдикционные полномочия внутренних войск МВД СССР по охране и обороне объектов железных дорог (историко-правовой аспект) / М. Э. Жаркой, В. Г. Викторов // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 2(331). – С. 34-46. – EDN OZYSPU.
10. Ольм, М. Ю. Росгвардия и органы внутренних дел - дублирование функций по охране общественного порядка на массовых мероприятиях или налаженное взаимодействие? / М. Ю. Ольм // ModernScience. – 2020. – № 2-2. – С. 176-179. – EDN NICXTS.
11. Майоров В.И. О роли Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в обеспечении общественного порядка // Вестник Уральского юридического института МВД России. – № 1, 2018, С. 48-51.
12. Калинин, С.И. Войска национальной гвардии как правопреемник внутренних войск МВД России / С. И. Калинин, В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2016. – № 5(227). – С. 110-116. – EDN WAPFLL.

References:

1. Kudashkin, A.V. Military service in the Russian Federation: theory and practice of legal regulation / A.V. Kudashkin; Academy of Military Sciences – St. Petersburg: Law Center Press, 2003 – 298 p. – ISBN 5-94201-231-8– EDN ANETMD
2. Zubarev, N. V. The role and place of the troops of the National Guard of the Russian Federation in suppressing mass riots in a hybrid war / N. V. Zubarev // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 11(328). – Pp. 45-56. – EDN JIZHZB.
3. Nazarova, I. S. Disobedience to the lawful order of an official of the National Guard troops of the Russian Federation as an offense encroaching on the foundations of governance in the state, law and order and public safety / I. S. Nazarova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2021. – № 4(285). – Pp. 79-85. – EDN NFLCRC.
4. Kudelich, A.V. Criminal law protection of public order in modern Russia: Abstract of the dissertation of Doctor of Law / A.V. Kudelich. Moscow, 2000. 43 p.
5. Gotovtsev, A.V. Organizational and legal issues of interaction between police and internal troops in the protection of public order: auto-ref. dis. ... Candidate of Law Sciences / A.V. Gotovtsev. – Moscow, 2000. p. 13.
6. Gorbunova, O.N. On the definition of the concept of "public order" in the Soviet science of administrative law / O.N. Gorbunova // Proceedings of Irkutsk State University. The series is legal. 1967. Vol. XIX, issue 8, part 2. p. 118.
7. Fomin, P. P. Public order and public safety: concept and correlation / P. P. Fomin // Bulletin of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko. – 2017. – № 1(2). – Pp. 66-77. – EDN YZHWLZ.
8. Sheikhova N.A. Problems of correlation between the concepts of "public order" and "public safety" // Bulletin of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences. 2024. Volume 39. Issue 3. pp. 89-94.
9. Zharkoy, M. E. Administrative and jurisdictional powers of the internal troops of the USSR Ministry of Internal Affairs for the protection and defense of railway facilities (historical and legal aspect) / M. E. Zharkoy, V. G. Viktorov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 2(331). – Pp. 34-46. – EDN OZYSPU.
10. Olm, M. Y. Rosgvardiya and the internal affairs bodies - duplication of functions for the protection of public order at mass events or well-established cooperation? / M. Y. Olm // ModernScience. – 2020. – № 2-2. – pp. 176-179. – EDN NICXTS.
11. Mayorov V.I. On the role of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation in ensuring public order // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 1, 2018, pp. 48-51.
12. Kalinin, S.I. Troops of the National Guard as the legal successor of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia / S. I. Kalinin, V.M. Koryakin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2016. – № 5(227). – Pp. 110-116. – EDN WAPFLL.

[1] Калинин, С.И. Войска национальной гвардии как правопреемник внутренних войск МВД России / С. И. Калинин, В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2016. – № 5(227). – С. 110-116. – EDN WAPFLL.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_428

УДК 368

К ВОПРОСУ О ДОБРОВОЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ON THE QUESTION OF VOLUNTARY INSURANCE OF CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23-а.
E-mail: irina.090@mail.ru;

ЗЕДГЕНИЗОВА Ирина Ивановна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23-а.
E-mail: 54irina@bk.ru;

IGNATIEVA Irina Valentinovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General Theoretical and State Legal Disciplines,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia.
23-a Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: irina.090@mail.ru;

ZEDGENIZOVA Irina Ivanovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General Theoretical and State-Legal Disciplines,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia.
23-a Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: 54irina@bk.ru.

Краткая аннотация. *В статье рассматривается роль добровольного страхования в экономике России, выявляются основные факторы, влияющие на объёмы добровольного страхования, и определяются тенденции его развития на современном этапе. Авторы акцентируют внимание на существующих проблемах страхования и предлагают пути их решения.*

Abstract. *The article examines the role of voluntary insurance in the Russian economy, identifies the main factors influencing the volume of voluntary insurance, and determines the trends in its development at the present stage. The authors focus on the existing problems of insurance and propose ways to solve them.*

Ключевые слова: *страхование, добровольное страхование, личное страхование; имущественное страхование, страхование ответственности, дополнительное медицинское страхование, лицензирование, регулятор, регуляторная нагрузка.*

Keywords: *insurance, voluntary insurance, personal insurance; property insurance, liability insurance, additional medical insurance, licensing, regulator, regulatory burden.*

Для цитирования: *Игнатьева И.В., Зедгенизова И.И. К вопросу о добровольном страховании граждан в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 428-431. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_428.*

For citation*: Ignatieva I.V., Zedgenizova I.I. On the question of voluntary insurance of citizens in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 428-431. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_428.*

Статья поступила в редакцию: 05.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Добровольное страхование в Российской Федерации (далее – ДС) – услуги, которыми граждане (юридические лица) пользуются по собственному желанию. Основным регулятором в таком страховании выступает не государство, а страховая компания (страховщик), действующая на основании лицензии федеральной службы по надзору за страховой деятельностью. Значимость добровольного страхования граждан значительно возросла в последнее время, так как в жизни людей происходит множество случайностей, которые невозможно предвидеть или предотвратить. Так, машина может пострадать в дорожно-транспортном происшествии (далее – ДТП), жилье сгореть при пожаре, а здоровье - подкосить болезнь. В таких ситуациях важно иметь ресурс для скорейшего восстановления финансовых и физических потерь, одним из которых является страхование, цель которого минимизировать сложности жизненной ситуации [2, с. 46].

Правовое регулирование добровольного страхования граждан в России включает ряд законов и постановлений, среди которых: глава 48 «Страхование» Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), в которой даны понятия договора имущественного страхования (ст. 929 ГК РФ) и договора личного страхования имущества (ст.934 ГК РФ) [1, с. 635].

Далее, Закон РФ от 27.11.92 №4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (в ред. от 28.02.2025г., действует с 31.03.2025), (далее – Закон №4015-1). Закон №4015-1 регламентирует правила страхования, положения о субъектах и объектах страхования, о страховых случаях и рисках, о порядке определения страховой суммы и страхового тарифа, об определении размера убытков или ущерба, перечень оснований отказа в страховой выплате[1].

[1] Положения этой редакции (в редакции Федерального закона от 26.12.2024 №478-ФЗ) применяются в отношении страховых организаций и иностранных страховых организаций, у которых лицензии отозваны ЦБ РФ после 01.01.2025.

Следующим следует назвать Закон РФ от 7.02.92 №2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 08.08.2024, действует с 19.08.2024)[1] (далее – Закон №2300-1). Он распространяется на договоры добровольного страхования имущества граждан, но только в случаях, когда страхование осуществляется для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Нельзя не упомянуть Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 №19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» [1, с. 640]. Постановление посвящено вопросам, связанным с заключением и исполнением договоров добровольного страхования имущества, а также с защитой прав страхователей и выгодоприобретателей по таким договорам.

В настоящее время различают рисковое страхование, которое позволяет компенсировать траты, если внезапно случится болезнь или травма, пожар или авария. Правовой основой такого страхования является Закон № 4015-1 и глава 48 ГК РФ.

Накопительное страхование, которое поможет к определенному сроку собрать крупную денежную сумму – например, на пенсию или учебу в вузе и впоследствии решить вопрос получения всех денег сразу в конце срока договора, или получать выплаты в определенные сроки, возможно даже пожизненно. Правовой основой такого страхования является распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 №4355-р (ред. от 21.12.2023) «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года»; распоряжение ЦБ РФ, утверждённое с 1 апреля 2024 года. В нём установлены обязательные требования к договорам инвестиционного и накопительного страхования жизни (далее – ИСЖ и НСЖ). Например, страховые компании не могут отказывать клиентам в выплате инвестиционного дохода по полисам, ссылаясь на санкционную блокировку платежей от иностранных контрагентов. В качестве еще одного правового акта стоит упомянуть «Основные направления повышения доступности финансовых услуг в Российской Федерации на период 2025–2027 годов», утверждённые Советом директоров Банка России 24.12.2024[2].

Еще один вид добровольного страхования граждан -инвестиционное страхование, которое дает шанс заработать на фондовом рынке. Причем, страховая компания в течение нескольких лет будет за гражданина, заключившего такой договор страхования вкладывать деньги в ценные бумаги и другие финансовые активы, с гарантированным получением по итогу инвестиционного дохода. Правовое регулирование осуществляется Законом № 4015-1.

Инвестиционные и накопительные полисы, помимо возможности приумножить свои сбережения, дают страховую защиту как минимум от одного риска. Они всегда предусматривают выплаты в случае смерти застрахованного, иногда включая возмещение при травмах или инвалидности.

Объем страхового рынка в России увеличился на 62,8% и достиг 3,7 трлн рублей по итогам 2024 года и имеет следующие показатели : страхование жизни прирост к 2023 году составил 162,3%. Прирост выплат по договорам страхования жизни – 201%, общий объём – 1,412 трлн рублей. Доля страхования жизни в общем объёме страхового рынка выросла с 34% в 2023 году до 55% в 2024 году[3].

Добровольное медицинское страхование (далее – ДМС). Число заключённых договоров повысилось на 11,5%, средняя страховая премия выросла на 16,2% по сравнению с 2023 годом. Выплаты по договорам ДМС в 2024 году увеличились на 13,5% – до 191,9 млрд рублей.

Страхование имущества граждан: прирост страховых премий – 7,6%, общий объём – 126,2 млрд рублей[4].

Страхование от несчастных случаев и болезней: сокращение на 16% из-за падения потребительского кредитования на фоне высоких процентных ставок.

Основным фактором увеличения объема рынка стало страхование жизни, в частности, рост продаж краткосрочных продуктов накопительного страхования жизни (НСЖ) и инвестиционного страхования жизни (ИСЖ).

Страховщики сократили сроки действия договоров НСЖ и ИСЖ, чтобы предложить клиентам доходность, сопоставимую с банковскими депозитами, и предотвратить отток средств. Неопределенность рыночной ситуации не позволила страховым компаниям гарантировать высокую доходность по долгосрочным продуктам НСЖ и ИСЖ.

По этой причине наибольшим спросом пользовались краткосрочные, как правило, трехмесячные договоры НСЖ и ИСЖ. В течение 2024 года такие договоры могли продлеваться до четырех раз.

Несмотря на увеличение страхового рынка в России, проблем добровольного страхования граждан не удается избежать, это объясняется, в первую очередь, невысокой платёжеспособностью населения. Люди с низкими и средними доходами не могут позволить себе добровольное страхование. Для граждан с низким уровнем доходов приобретение полиса бессмысленно: размеры потенциальных компенсаций слишком малы, не целесообразно выводить деньги из семейного бюджета на подобные траты. Для более значительных сумм компенсаций необходимы вложения, несоразмерные уровню дохода [3].

Помимо того, в условиях нестабильной экономической и политической ситуации в стране у граждан нет уверенности, что выбранная страховая компания просуществует весь срок действия полиса, который нередко составляет до 20 лет[5].

---

[1] В документ планируют внести изменения с 1 сентября 2025 года на основании федеральных законов: от 01.04.2025 №41-ФЗ и от 07.04.2025 №69-ФЗ

[2] Документ стал продолжением «Приоритетных направлений повышения доступности финансовых услуг в Российской Федерации на период 2022–2024 годов».

[3] Годовой отчет о деятельности СПАО «ИНГОССТРАХ» в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: https://cdn.ingos.ru/docs/year-reports/igs-annual-report-2024_rus.pdf (дата обращения: 27.06.2025).

[4] Итоги 2024 года на страховом рынке и прогноз на 2025-й: короткие продукты двигают рынок. [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru/researches/insurance/ins_2024a/ (дата обращения: 27.06.2025).

[5] Орган страхового надзора может отозвать лицензию у страховой компании. Это предусмотрено статьёй 32.8 Закона РФ от 27.11.1992 №4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Некоторые основания для отзыва лицензии:нарушение правил формирования страховых резервов, что привело к занижению

Граждане, даже знающие об услуге страхования, зачастую не понимают его преимуществ и не в состоянии понять разницу между предлагаемыми программами. Примером может послужить отказ от оформления страховок, в том числе, ОСАГО, так как штраф за отсутствие полиса небольшой[1]. Однако, при ДТП, в котором водитель станет виновником, по страховке можно компенсировать до 400 тыс. рублей за повреждённый автомобиль и имущество и до 500 тыс. рублей за ущерб жизни и здоровью всех участников ДТП (кроме самого водителя-виновника)[2].

Недоверие к страховым компаниям и отсутствие информированности приводят к тому, что люди, стараясь извлечь максимум выгоды, не разбираясь в вопросе, нередко верят нереалистичным обещаниям и отдают свои деньги компаниям-однодневкам, мошенникам и организациям с низким рейтингом надёжности[3].

Немалую роль играет и высокая регуляторная нагрузка страховых компаний[4]. Государство предъявляет жёсткие требования и устанавливает высокий уровень стандартов для страхования, что приводит к тому, что компаниям необходимы дополнительные средства для обеспечения выполнения всех поставленных условий, привлечения компетентных специалистов и выполнения условий договоров, что влечёт за собой повышение расходов и, как следствие, к подорожанию страховки. Например, в 2023 году поводом для удорожания ОСАГО стало вступление в силу закона о такси, который ужесточил требования к таксомоторным компаниям. В результате страховщики повысили цены на специальное ОСАГО и тем самым значительно увеличили сборы страховых премий. С 1 июня 2025 года Центробанк России окончательно отказался от регулирования тарифов по ОСАГО. Теперь страховщики могут самостоятельно устанавливать стоимость полиса, ориентируясь на водительскую историю клиента, регион, возраст/стаж, модель автомобиля и даже поведение на дороге[5].

Вклад страховых компаний в экономику страны бесспорен, так по итогам 2024 года, вклад страховщиков жизни (показатель общих сборов) в экономику России (ВВП) впервые превысил 1%[6].

Ранее, в 2022 году, по данным Банка России, государственные и муниципальные ценные бумаги занимали 20% в структуре активов страховщиков, что составляло почти 0,9 трлн рублей[7].

Еще ранее, в 2018 году, когда из облигаций федерального займа (далее –ОФЗ) стали массово выходить нерезиденты, страховые компании вложили в госдолг более 250 млрд рублей и смогли заместить почти половину этого объёма, в том числе сдержав рост доходности государственных долговых бумаг.

Тем не менее проблемы страхования существуют и государство предпринимает ряд мер по их устранению, в том числе, в «Основных направлениях повышения доступности финансовых услуг в Российской Федерации на период 2025–2027 годов», утверждённых Советом директоров Банка России 24 декабря 2024 года, определены приоритеты работы регулятора по обеспечению доступности финансовых услуг для населения и субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). К основным положениям документа относят: развитие дистанционных сервисов, цель которых обеспечить равный доступ к финансовым продуктам и услугам для всех жителей страны. Для потребителей, которые не могут или не готовы получать услуги онлайн, планируют сохранить офисы финансовых организаций на отдалённых и малонаселённых территориях и расширить облегчённые форматы обслуживания: сервис «Наличные на кассе», мобильные офисы, получение финансовых услуг на почте.

Далее, формирование безопасной финансовой среды. Важное направление – создание условий для людей с инвалидностью, пожилых и маломобильных групп населения, чтобы они могли воспользоваться услугами как в офисах, так и удалённо. Думается, что для людей с инвалидностью, пожилых и маломобильных групп населения можно было бы разработать: адаптированные образовательные курсы и информацион-

суммы страховых резервов более чем на 20% и создаёт угрозу правам и законным интересам страхователей, застрахованных лиц, выгодоприобретателей; неоднократное нарушение требований страхового законодательства; непредоставление отчётности в течение года; отсутствие страховщика по юридическому адресу; неустранение страховщиком выявленных нарушений органом страхового надзора; иные случаи, предусмотренные законом. По данным на 15 мая 2025 года, Банк России опубликовал 10 сообщений об отзыве лицензий у страховых компаний и брокеров в 2024 году: 28 мая 2024 – об отзыве лицензии у страхового брокера акционерного общества «ГрЕКо Интернешнл. Страховые брокеры» (сообщение ОД-834); 10 июня 2024 – об отзыве лицензии у страхового брокера общества с ограниченной ответственностью «Тойота Иншуранс Менеджмент (Страховые брокеры)» (сообщение ОД-912); 28 июня 2024 – об отзыве лицензии у страховой компании «Ингосстрах-М» (сообщение ОД-1040); 30 августа 2024 – об отзыве лицензии у некоммерческой корпоративной организации «Потребительское общество взаимного страхования активного и социально-ответственного бизнеса» (сообщение ОД-1384); 16 сентября 2024 – об отзыве лицензии у страховой компании «СОГАЗ-Мед» (сообщение ОД-1479); 13 ноября 2024 – об отзыве лицензий у страховой группы «АВАНГАРД-ГАРАНТ» (сообщение ОД-1871); 12 декабря 2024 – об отзыве лицензий у страховых компаний «ВСК – Линия жизни» и «Крымская первая страховая компания» (сообщения ОД-2120 и ОД-2121);28 декабря 2024 – об отзыве лицензии у страховой компании «ТИТ» (сообщение ОД-2378).

[1] В 2025 году штраф за отсутствие полиса ОСАГО составляет: 800 рублей – за первое нарушение (статья 12.37 ч. 2 КоАП РФ). Просроченный полис приравнивается к его полному отсутствию. От 3000 до 5000 рублей – за повторное нарушение (часть 3 статьи 12.37 КоАП РФ). Повторным считается любое нарушение, зафиксированное повторно в течение года после первого.

[2] Статья 7 Федерального закона от 25 апреля 2002 года №40-ФЗ (ред. от 3 февраля 2025 года) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

[3] Пример ситуации, когда из-за недоверия к страховым компаниям и отсутствия информированности люди попали в ловушку, – наводнение на реке Лена. Многие застраховали имущество только на случай пожара, но не получили выплат, так как стихийные бедствия не были включены в число рисков. Ещё один пример – сфера страхования ответственности застройщиков перед дольщиками. До 2017 года этот вид страхования фактически не работал: компании собирали деньги с клиентов, а производить выплаты по рискам не собирались.

[4] Регуляторная нагрузка страховых компаний – это совокупность требований и стандартов, которые государство предъявляет к организациям, занимающимся страхованием. К аспектам регуляторной нагрузки относят:требования к капитализации. Например, в 2024 году ввели более строгие требования к минимальному капиталу страховых компаний. Это нужно, чтобы страховщики могли покрывать обязательства перед клиентами даже в случае крупных убытков; повышение прозрачности и отчётности. Страховые компании обязаны предоставлять детализированную информацию о своей деятельности, финансовом состоянии и управлении рисками. Это включает регулярные аудиты, публикацию отчётов и раскрытие информации о внутренних процессах;защита прав потребителей. Новые нормативные акты усиливают защиту прав клиентов, в том числе через прозрачное информирование о страховых продуктах, упрощение процедур урегулирования претензий и создание механизмов для разрешения споров между клиентами и страховыми компаниями; регулирование новых видов страхования. С развитием технологий появляются новые виды страхования, например киберстрахование и страхование по требованию. Законодательство адаптируется для регулирования этих продуктов, обеспечивая их соответствие стандартам безопасности и надёжности. Регуляторная нагрузка может требовать от страховых компаний дополнительных затрат на соответствие новым требованиям, включая обновление систем отчётности, проведение аудитов и обучение персонала.

[5] ОСАГО-2025: чего ждать после отказа от тарифного регулирования - как теперь не переплатить за страховку? [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/aEaQjEkmw0a62yki (дата обращения: 27.06.2025).

[6] Как в пандемию изменилась роль страхования в экономике страны. [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/business/46288034-kak-v-pandemiyu-izmenilas-rol-strahovaniya-v-ekonomike-strany/ (дата обращения: 27.06.2025).

[7] От накоплений к инвестициям. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7834185 (дата обращения: 27.06.2025).

ные материалы; простые и понятные интерфейсы финансовых услуг; услуги помощников и посредников, например проводников, чтецов и профессиональных сурдопереводчиков; информацию на сайте финансовых организаций об адаптированных офисах и устройствах.

Развитие альтернативных банковскому кредитованию инструментов финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства (далее –МСП). Планируется поддерживать выход компаний на фондовый рынок, краудфинансирование[1]. Среди ключевых задач – совершенствование риск-ориентированного банковского регулирования кредитования МСП и развитие платёжных сервисов.

Приоритетным направлением является повышение уровня финансовой грамотности населения и бизнеса. Также планируется повысить защищённость граждан от действий кибермошенников. Государство в этом направлении предприняло уже ряд действенных мер[2].

Развитие цифровых технологий и онлайн-платформ может улучшить взаимодействие между страховщиками и клиентами, упростив процесс покупки и получения страховых услуг.

Таким образом, страхование является одним из важных способов защиты человека в условиях высокой неопределенности в современном мире, при этом, страхование в России все больше приобретает добровольный характер.

Перспективы развития добровольного страхования в России связаны с адаптацией рынка к потребностям клиентов, внедрением цифровых технологий и изменениями в законодательстве. Эти перспективы касаются разных сегментов добровольного страхования: медицинского (ДМС), имущественного, страхования жизни и автострахования (КАСКО). Немаловажным является внедрение новых продуктов – например, страхования от рисков, связанных с изменениями климата, экологическими катастрофами, а также продуктов для защиты стареющего населения страны, рост интереса страхователей к продуктам накопительного страхования жизни (НСЖ) с ежегодной выплатой дохода, привязанного к уровню ключевой ставки Банка России, и с возможностью досрочного вывода средств без потерь после первого года страхования и запуск нового продукта – долевого страхования жизни (ДСЖ), который способен «перетянуть» часть клиентов из ИСЖ. По оценкам экспертов, Минфин ждёт от ДСЖ существенных сборов – на уровне 250 млрд рублей в год[3].

Список литературы:

1. Вакулина Г.А. Договор добровольного страхования имущества граждан / Г.А. Вакулина // Известия БГУ. 2016. №4. С. 635-642.
2. Друзин Р.В. О тенденциях развития личного страхования в России / Р.В. Друзин, А.Г. Барсегян, Е.А. Федуличева // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2022. № 4. С.45-56
3. Ковалева Н.А. Страхование жизни: состояние, проблемы, перспективы развития / Н.А. Ковалева // Вектор экономики. 2019. № 4. [Электронный ресурс]. URL: vectoreconomy.ru (дата обращения: 27.06.2025).

References:

1. Vakulina G.A. Voluntary property insurance contract of citizens / G.A. Vakulina // Bulletin of BSU. 2016. No. 4. P. 635-642.
2. Druzin R.V. On trends in the development of personal insurance in Russia / R.V. Druzin, A.G. Barsegyan, E.A. Fedulicheva // Scientific Bulletin: Finance, banks, investments. 2022. No. 4. P. 45-56
3. Kovaleva N.A. Life insurance: status, problems, development prospects / N.A. Kovaleva // Vector of Economics. 2019. No. 4. [Electronic resource]. URL: vectoreconomy.ru (accessed: 06/27/2025).

[1] Краудфинансирование (краудфандинг) – это процесс привлечения средств от большого числа людей для реализации проекта через интернет-платформы Слово «краудфандинг» происходит от сочетания английских слов crowd – «толпа» – и funding – «финансирование»

[2] Например, запрет на отправку СМС во время разговора. Во время телефонного соединения отправка СМС от «Госуслуг» при авторизации или смене пароля станет невозможной. Сообщение будет доставлено только после завершения звонка.Ограничение спам-звонков. Массовые телефонные вызовы будут осуществляться только при условии получения предварительного согласия абонента.Самозапрет на оформление сим-карт. Граждане смогут через «Госуслуги» или МФЦ установить самозапрет на заключение договоров об оказании услуг связи без личного присутствия. Это защитит от мошенников, которые регистрируют номера на чужие имена. Доверенные лица для банковских операций. Можно будет назначить доверенное лицо, к которому банк сможет обращаться для подтверждения финансовых операций, например, при переводе денег на чужой счёт.Маркировка звонков. При входящем звонке на экране телефона будет отображаться, какая организация звонит, например банк или служба доставки. Это поможет гражданам отличить официальные вызовы от мошеннических.Передача сим-карт близким родственникам. Пользоваться сим-картой сможет только её владелец. В исключительных случаях она может быть передана близким родственникам. Так у телефонных мошенников не будет шансов воспользоваться чужим номером.

[3] Приложение «Страхование». [Электронный ресурс]. URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/Renaissance_Insurance/674f293e-a324-42ae-b29d-bf1a22156c45/ (дата обращения: 27.06.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_432

УДК: 343.1(44)"18"(09)

ПРОЕКТ УГОЛОВНО-ИСПРАВИТЕЛЬНО-ПОЛИЦЕЙСКОГО КОДЕКСА 1803 ГОДА КАК ПЕРВЫЙ ЭТАП КОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИИ
THE DRAFT PENAL AND CORRECTIONAL POLICE CODE OF 1803 AS THE FIRST STAGE OF THE CODIFICATION OF THE CRIMINAL PROCESS OF NAPOLEONIC FRANCE

ИШКОВ Антон Юрьевич,
старший преподаватель кафедры теории государства и права, трудового и социального права Московского гуманитарного университета.
111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5.
E-mail: ishkov.ant@mail.ru;

ISHKOV Anton Yuryevich,
Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law, Labor and Social Law Moscow University for the Humanities.
5 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.
E-mail: ishkov.ant@mail.ru

Краткая аннотация: *Эпоха Наполеона Бонапарта подарила нам одну из крупнейших в мировой истории правовых реформ - кодификацию французского права, приведшую к появлению пяти "классических кодексов", каждый из которых прослужит в действии не менее полутора столетий. В этом контексте крайне интересен опыт подготовки наполеоновских кодексов. Одним из них является Кодекс уголовного следствия 1808 года, началу работы над которым посвящена данная статья*

Abstract: *The Age of Napoleon Bonaparte gave us one of the largest legal reforms in world history - the codification of French law, which led to the emergence of five "classical codes", each of which will last at least a century and a half in operation. In this context, the experience of preparing the Napoleonic codes is extremely interesting. One of them is the Code of Criminal Investigation of 1808, which this article is devoted to the beginning of work on.*

Ключевые слова: *Франция, история государства и права, кодификация права, Наполеон, уголовный процесс.*
Keywords: *France, history of state and law, codification of law, Napoleon, criminal procedure.*

Для цитирования: *Ишков А.Ю. Проект уголовно-исправительно-полицейского кодекса 1803 года как первый этап кодификации уголовного процесса наполеоновской Франции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 432-435. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_432.*
For citation*: Ishkov A.Yu. The draft penal and correctional Police Code of 1803 as the first stage of the codification of the criminal process of Napoleonic France // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 432-435. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_432.*

Статья поступила в редакцию: 14.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Эпоха правления Наполеона Бонапарта, включающая Консулат и Первую империю, известна в истории масштабной кодификацией французского права. С 1804 по 1810 год было разработано пять кодексов, оказавших значительное влияние на развитие как французского права, так и права многих других европейских стран. Каждый из этих кодексов действовал больше сотни лет, а наиболее широко изучаемый специалистами самых разных стран Гражданский кодекс действует до сих пор. Значительно меньшее внимание уделено другим наполеоновским кодексам, в частности, Кодексу уголовного следствия 1808 года. Данная статья посвящена началу работы по кодификации уголовного процесса во Франции в рамках масштабных реформ, организованных Наполеоном Бонапартом.

Путь кодификации уголовного процесса в наполеоновской Франции был тернистым и содержал массу нюансов. История разработки уголовно-процессуального кодекса 1808 года, известного как **"Кодекс уголовного следствия" (Code d'instruction criminelle)** начинается 28 марта 1801 года. В этот день по приказу Наполеона, на тот момент Первого консула, была создана Комиссия по уголовному законодательству для составления нового кодекса, который включал бы в себя нормы как уголовного, так и уголовно-процессуального права (далее - комиссия). Она состояла из пяти человек: Рене Вельяра, Луи Удара, Жана-Батиста Трельяра, Жана Блонделя и Ги-Жана-Батиста Тарже [1].

Рене Вельяр до Революции работал адвокатом Парижского Парламента, затем, в 1789 году избран депутатом Генеральных штатов от бальяжа Реймс. К моменту назначения в комиссию работал председателем уголовной палаты Кассационного суда. Мари Удар работал судьей в различных уголовных и гражданских судах, на момент назначения в комиссию был судьёй Кассационного суда. Жан-Батист Трельяр до Революции был адвокатом Парижского парламента, затем, в ходе Революции, стал председателем Уголовного трибунала Парижа, депутатом Конвента, голосовавшим за казнь Людовика XVI. Будучи на момент назначения в комиссию членом Государственного совета, Трельяр был самым высокопоставленным должностным лицом среди разработчиков. Жан Блондель до Революции был адвокатом, затем, в ходе неё стал судьей Апелляционного трибунала Парижа, на момент назначения в комиссию был его председателем. Жан-Ги-Батист Тарже до Революции был адвокатом, активно выступавшим против перегибов инквизиционного процесса, в 1789 году был избран в Генеральные штаты. На момент назначения в комиссию был судьёй Кассационного суда [12].

Таким образом, комиссию составляли опытные профессиональные юристы-практики, начинавшие карьеру в условиях действия дореволюционного Уголовного Ордонанса 1670 года, поддержавшие Революцию и занявшие в её годы крупные должности.

Согласно приказу о назначении комиссии, она должна была заседать при Министерстве юстиции, и на министра юстиции накладывались обязательства по обеспечению ее работы. Комиссия обязана была подготовить кодекс к 19 июля 1801 года, в течение трех месяцев, то есть в довольно сжатые сроки. Члены комиссии обязаны были присутствовать на заседаниях Государственного совета, на которых ведется обсуждение их проекта [1].

Комиссия разработала проект **"Уголовно-исправительно-полицейского" Кодекса (Code criminel, correctionnel et de police) [2]**. Этот обширный свод совмещал в себя нормы уголовного права и процесса. Проект также сопровождался двумя пояснительными записками к нему. Первая из них касалась вопросов уголовного права, а вторая - уголовного процесса. Автором первой был Жан-Батист Трельяр, второй - Жан-Батист Удар [3].

Проект состоял из 1169 статей и делился на две части: первая часть - "Преступления и наказания" (статьи 1-443) - была посвящена вопросам материального уголовного права, вторая часть, называемая "Полиция и судопроизводство" содержала уголовно-процессуальные нормы. Он включала в себя статьи 444-1169, то есть 725 статей, и являлась, таким образом, существенно более объемной частью данного проекта). В дальнейшем в данной статье речь будет идти именно о второй, процессуальной части проекта. Вторая часть кодекса начиналась с предварительных положений, далее делилась на две книги: "О полиции" и "О правосудии" [2].

Первая книга содержала 10 глав: "Органы полиции", "Мэры, их помощники и комиссары полиции", "Сельские и лесные сторожа", "Следователи (magistrats de sûreté) и их помощники", "Порядок действий следователей или их помощников при осуществлении функций судебной полиции". Пятая глава, таким образом, была посвящена предварительному расследованию. Должность следователя была введена статьей 24 закона "О преследовании преступлений и правонарушений" от 27 января 1801 года. Следователи являлись помощниками прокуроров, роль которых с начала Революции играли Комиссары Правительства [4].

Только Глава V во всей второй части Кодекса делилась на разделы и параграфы. Как мы можем наблюдать, структура проекта Кодекса довольно перегружена и неудобна - это связано с его общим размером. Первый раздел Главы V - "Основания для возбуждения уголовного дела" - делился на 7 параграфов. Первые четыре параграфа были посвящены собственно возбуждению уголовного дела на основании: сообщения должностного лица о совершенном преступлении (рапорта), заявления частного лица о совершении преступления (доноса), жалобы потерпевшего, либо же решения компетентных органов по собственной инициативе (ex officio). Оставшиеся три параграфа регулировали производство следственных действий: оформление протоколов, допрос свидетелей, а также рассмотрение письменных и вещественных доказательств [2].

Второй и третий разделы Главы V устанавливали полномочия следователя и должностных лиц полиции в ходе предварительного расследования. Шестая глава была посвящена статусу пропреторов. Разработчики проекта очевидно вдохновлялись историей Древнего Рима, на что указывают как наименования ряда предусмотренных Кодексом должностей (преторы и пропреторы), так и постоянные ссылки на римских юристов и политиков в пояснительной записке к проекту. Пропреторами были названы директора жюри - профессиональные судьи, которые руководили работой обвинительной коллегии присяжных и действовали со времени учреждения этой должности Декретом о полиции безопасности 1791 года [5].

Глава VII устанавливала полномочия пропретора, восьмая глава касалась исполнения постановлений о приводе, заключении и аресте обвиняемого. Девятая глава содержала правила освобождения обвиняемого, находящегося в предварительном заключении, под залог. Десятая устанавливала основания и порядок обжалования процессуальных решений пропретора.

Таким образом, первая книга регулировала возбуждение уголовного дела и проведение предварительного расследования, а также устанавливала статус должностных лиц и органов государственной власти, которые осуществляли данную деятельность. Наименование всей первой книги - "О полиции" - связано с тем, то во Франции в XIX веке не знали термина "предварительное расследование", а дореволюционное обозначение стадии предварительного расследования - "information" - уже не использовали. Поэтому всю досудебную процедуру в уголовном процессе именовали судебной полицией, а всех должностных лиц, которые были вправе ее осуществлять - должностными лицами судебной полиции [11].

Установленную в описанных частях проекта процедуру можно в целом описать так: чиновник судебной полиции (мэр или его помощник, комиссар полиции, сельский сторож, лесной сторож, следователь, мировой судья, офицер жандармерии, пропретор) при наличии одного из четырех оснований (сообщение иного должностного лица о совершении преступления, заявление частного лица о совершенном преступлении, жалоба потерпевшего, собственная инициатива компетентного лица) был вправе возбудить уголовное дело. Привлекать лицо к делу в качестве обвиняемого имели право только следователи и пропреторы. Только пропретор мог назначить предварительное заключение для обвиняемого (Глава VII Книги II проекта). В общих чертах, порядок проведения предварительного расследования не изменился коренным образом по сравнению с действовавшим тогда законодательством. Действующим уголовно-процессуальным законом был Кодекс о преступлениях и наказаниях 1795 года [6] (Code des Delits et des Peines) с изменениями, внесенными законом "О преследовании преступлений и правонарушений" 1801 года. В пояснительной записке к проекту Мари Удар писал: "Закон "О преследовании преступлений и правонарушений" хорошо организовал предварительное расследование, это прекрасный подарок, сделанный нации, и мы не внесли в него существенных изменений. Поэтому многие положения этого закона и Кодекса о преступлениях и наказаниях сохраняются в данном проекте" [3].

Вторая книга процессуальной (второй) части Кодекса, "О правосудии", была посвящена судебной стадии рассмотрения уголовного дела. Эта книга была довольно обширной, она состояла из 31 главы и 553 статей. Разработчики проекта исходили из действующей на тот момент судебной системы, основанной на Законе об организации судов от 17 марта 1800 года [7]. Со времён осуществления первых революционных

преобразований, а именно принятия Декретов “О создании муниципалитетов” от 14 декабря 1789 года [8] и “Об учреждении первичных и административных собраний” от 22 декабря 1789 года [9], существовала система административно-территориального деления Франции, делившая её на департаменты, дистрикты, кантоны и коммуны.

Согласно закону от 1800 года система уголовных судов во Франции на момент составления и рассмотрения нашего проекта была устроена так: мировые суды рассматривали наименее тяжкие правонарушения, коммунальные суды (имевшиеся по одному на каждую коммуну) рассматривали дела о преступлениях средней тяжести. В каждом департаменте имелся также один специальный суд по тяжким преступлениям, состоявший из председателя и двух судей. Председатель назначался из членов апелляционного суда на один год. Уголовное дело разбиралось в таком суде с участием судебной коллегии присяжных. В отличие от мировых и коммунальных судов суд по тяжким преступлениям не рассматривал гражданские дела. На несколько департаментов работал один апелляционный суд, а высшим судом оставался Кассационный суд в Париже [7].

Первая глава книги “О правосудии” была посвящена разбирательству в полицейских судах, вторая глава - коммунальным судам, рассматривающим преступления средней тяжести, третья - коллегии обвинительных присяжных. Как и ранее (в рамках вышеупомянутого Кодекса 1795 года), обвинительные присяжные решали вопрос о предании суду подозреваемого в тяжком преступлении. Решение принималось простым большинством голосов. Четвёртая книга была посвящена судам по тяжким преступлениям и их председателям, которые получали наименование преторов. Проект внес ряд новшеств в статус этих должностных лиц. На каждый департамент Первый Консул назначал одного претора, который не был иным образом связан с судебной системой (статья 774 проекта). Претор не мог работать в том же департаменте, где он родился или постоянно проживал (статья 776). Преторы не только председательствовали в суде при рассмотрении дел о тяжких преступлениях, они также руководили пропреторами и следователями (статья 771), получив, тем самым огромную власть [2].

Подобные изменения довольно подробно аргументированы Ударом в пояснительной записке: “Известно, что в рамках действующего законодательства председатель суда по тяжким преступлениям назначается на один год Первым консулом из состава судей апелляционных судов. Судья остаётся постоянно заседать в своём городе, окруженный родственниками, друзьями, кредиторами, и иными связанными с ним лицами. Можно ли рассчитывать в такой ситуации на отсутствие у судьи личных мотивов? Мы создадим действительно независимого и авторитетного судью и дадим ему ещё больше власти. Он будет велик без усилий, он будет влиять, не задумываясь. Присяжные рядом с ним задышат полной грудью. В нынешней системе, без подобной фигуры, правосудие лишено половины своей силы и торжественности”. Автор активно ссылается на древнеримский опыт разъездного правосудия, которое осуществляли консулы . Другим источником аргументов для Мари Удара служил английский судебный опыт. Автор активно цитирует Уильяма Блэкстона, английского правоведа, который описывал преимущества английской разъездной судебной системы. Законодатель отстаивает необходимость наличия во Франции сильного разъездного судьи с большим пафосом и многословием, не скупясь на громкие эпитеты [3].

Пятая глава книги “О правосудии” содержала процедуру рассмотрения уголовного дела в судах по тяжким преступлениям. Помимо возглавлявшего этот суд претора в него входили также трое его заместителей, пропреторы, комиссар Правительства и его помощники, а также секретарь. Шестая глава - "Судебное следствие" - была посвящена работе коллегии присяжных, выносящих решение по существу. Обоснованию необходимости сохранения во Франции суда присяжных была посвящена большая часть пояснительной записки Удара. Автор отстаивал необходимость сохранения обеих коллегий присяжных по модели декрета о полиции безопасности 1791 года, как главного детища Революции: “Декрет от 16 сентября 1791 года, которым во Франции был введен суд присяжных, был бы одним из лучших произведений восемнадцатого века, если бы законодатель не пошел бы в ином направлении, иногда под влиянием революционной силы, иногда под влиянием старых привычек. Суд присяжных, состоящий из полезных и образованных членов общества, никогда не может быть инструментом террора или анархии. Учреждение суда присяжных было очень хорошо воспринято обществом, однако затем его постигли неудачи. Была создана система чрезвычайных революционных судов, в которых тоже были присяжные. В людском представлении эти присяжные смешались с присяжными основных судов, что сильно уменьшило популярность этого института. Мы считаем, что, рассматривая в рамках нашей комиссии весь уголовный процесс в целом, мы можем вернуть суд присяжных в его истинном виде” [3].

В отличие от установленного Кодексом 1795 года порядка, проект предусматривал, что присяжные в рамках вынесения вердикта по существу обвинения будут отвечать только на два вопроса. Первый, и самый главный вопрос звучал так: “Виновен ли обвиняемый в преступлении, инкриминируемом ему в обвинительном заключении?” (статья 866). Если присяжные единогласно принимали решение о виновности человека, тогда они отвечали на второй вопрос: “Заслуживает ли обвиняемый снисхождения?” (статьи 864 и 867) [2].

Удар подробно пояснил мотивы установления в проекте требования единогласного обвинительного вердикта, и в этом разделе пояснительной записки пафос и преклонение перед Англией достигают своего апогея: “Единогласие - единственная истинная справедливость. Когда обвиняемого оправдывают единогласно, все мир чувствует, что он виноват. Простое большинство может оставить после себя сомнения, простое большинство - это только мнимое правосудие, этого недостаточно, если речь идет о чести и жизни людей. Самые выдающиеся авторы среди тех, кто писал о конституции, законах и обычаях Англии, единодушно выступают за единогласное решение присяжных. В момент битвы принимаются дисциплинарные меры для того, чтобы ни один солдат не покидал ряды, поэтому закон единогласия заставляет неугодных присяжных заседателей сплотиться с храбрыми присяжными заседателями и сражаться вместе против врагов общественного порядка” [3].

Оставшиеся главы второй книги, как и нормы о предварительном расследовании, не получили детального пояснения в записке Мари Удара и, в большинстве своём, без длительных обсуждений войдут в итоге в Кодекс уголовного следствия 1808 года, не претерпев существенных

изменений. Глава VII Книги II Второй части проекта касалась вынесения и исполнения судебного приговора, Главы VIII-X регулировали формирование и созыв коллегий присяжных, одиннадцатая устанавливала основания недействительности актов предварительного расследования и судебного решения в целом. Дальнейшие главы XII-XXI регулировали порядок обжалования судебных решений, специальные правила разбирательства уголовных дел против депутатов, министров и судей, рассмотрение преступлений в сфере печати и подлога, в рамках заочного производства, иные особые процедуры [2].

С XXII по XXXI главы выстраивались нормы, посвященные обеспечению процессуальной деятельности: так, главой XXII устанавливался порядок восстановления процессуальных документов и официальных текстов приговоров, которые были уничтожены или похищены (что было актуально в эпоху исключительно бумажных архивов). Также нормы этих глав регулировали споры о подсудности, вопросы перевода уголовных дел из одних судов в другие, порядок исполнения приговоров, рассмотрение уголовных дел с участием несовершеннолетних. Глава XXVII касалась тюрем, арестных домов и следственных изоляторов. Таким образом, наблюдается отсутствие особой уголовно-исполнительной отрасли в начале XIX века. Оставшиеся главы содержали в себе нормы о помиловании, реабилитации и сроках давности - в те времена данные институты уголовного законодательства считались скорее процессуальными, нежели материальными [2].

Таковой была процессуальная часть масштабного проекта **Уголовно-исправительно-полицейского кодекса, созданного в 1803 году.** В проекте Кодекса и пояснительной записке к нему ярко проявляется приверженность разработчиков английскому праву. Подобная позиция восходит к идеям Монтескье, который восхищался английским уголовным процессом [13]. Не меньшую роль в формировании содержания указанного проекта сыграло уважение членов Комиссии к законодательству первого этапа Революции, в особенности, к Декрету о полиции безопасности 1791 года.

Обсуждение **Уголовно-исправительно-полицейского кодекса** проходило в Государственном совете в течение мая-декабря 1804 года. Всего было проведено 25 заседаний, на 13 из которых присутствовал лично Наполеон. В рамках настоящего исследования не представляется возможным изложить дебаты вокруг данного проекта, которые представляют предмет отдельной работы. Стоит лишь отметить, что дебаты будут жаркими, противоречия - острыми, а принять этот Кодекс так и не смогут. По различным причинам будет взять перерыв в три года, и уже в 1808 году процессуальная часть старого проекта будет доработана и превращена в получивший долгую жизнь **Кодекс уголовного следствия 1808 года** [10].

Список литературы:

1. Arrêté du 7 germinal an IX // Correspondance de Napoléon Ier. Tome 7. Publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, Impr. impériale. P. 96.).
2. Projet de Code criminel, correctionnel et de police, présenté par la commission nommée par le gouvernement. Imprimerie de la République. Paris, 1803. P. 265.
3. Observations sur le Projet de Code criminel, seconde Partie, Police et Justice, présentées par M. Oudart, juge au tribunal de cassation, et l'un des membres de la commission chargée de la composition de ce Projet // Locre. La législation civile, commerciale, et criminelle de la France. V. 25. Paris, 1827. P. 1-56.
4. Loi relative à la poursuite des délits en matière criminelle et correctionnelle // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 12. Paris, 1824. P. 380-382.
5. Le Décret de la police de sûreté // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 3. Paris, 1824. P. 331-348.
6. Code des Délits et des Peines // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 8 Paris, 1825. P. 469-533.
7. Loi sur l'organisation des tribunaux // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 3. Paris, 1824. P. 331-348.
8. Décret relatif à la constitution des municipalités, suivi de l'instruction // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 1. Paris, 1824. P. 63-72.
9. Décret relatif à la constitution des assemblées primaires et des assemblées administratives // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 1. Paris, 1824. P. 73-89.
10. Procès-verbal du conseil d'Etat. Séance du 11 décembre 1804 // Locre. La législation civile, commerciale, et criminelle de la France. XXIV. 24. Paris, 1827. P. 503-519.
11. Головко Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 10-18.
12. Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 143-144.
13. Монтескье. Ш.Л. О духе законов // Избранные произведения [Текст] / [Общая ред. и вступ. статья проф. М. П. Баскина] ; [Примеч. Р. С. Миндлиной] ; Акад. наук СССР. Ин-т философии. - Москва : Госполитиздат, 1955. С. 291-292.

References:

1. Arrêté du 7 germinal an IX // Correspondance de Napoléon Ier. Tome 7. Publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, Impr. impériale. P. 96.).
2. Projet de Code criminel, correctionnel et de police, présenté par la commission nommée par le gouvernement. Imprimerie de la République. Paris, 1803. P. 265.
3. Observations sur le Projet de Code criminel, seconde Partie, Police et Justice, présentées par M. Oudart, juge au tribunal de cassation, et l'un des membres de la commission chargée de la composition de ce Projet // Locre. La législation civile, commerciale, et criminelle de la France. V. 25. Paris, 1827. pp. 1-56.
4. Loi relative à la poursuite des délits en matière criminelle et correctionnelle // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 12. Paris, 1824. P. 380-382.
5. Le Décret de la police de sûreté // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 3. Paris, 1824. P. 331-348.
6. Code des Délits et des Peines // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 8 Paris, 1825. P. 469-533.
7. Loi sur l'organisation des tribunaux // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 3. Paris, 1824. P. 331-348.
8. Décret relatif à la constitution des municipalités, suivi de l'instruction // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 1. Paris, 1824. P. 63-72.
9. Décret relatif à la constitution des assemblées primaires et des assemblées administratives // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, et avis du Conseil d'Etat / J. B. Duvergier. V. 1. Paris, 1824. P. 73-89.
10. Procès-verbal du conseil d'Etat. Séance du 11 décembre 1804 // Locre. La ligislation civile, commerciale, et criminelle de la France. XXIV. 24. Paris, 1827. P. 503-519.
11. Golovko L.V. Inquiry and preliminary investigation in the French criminal process. Moscow: SPARK Company, 1995. pp. 10-18.
12. Mikhailov P.L. Trial by jury in France: formation, development and transformation. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov "Law Center Press", 2004. pp. 143-144.
13. Montesquieu. Sh.L. On the spirit of laws // Selected works [Text] / [General ed. and the introduction. article by prof. M. P. Baskin]; [Note by R. S. Mindlina] ; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. Moscow : Gospolitizdat, 1955. pp. 291-292.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_436

УДК 34

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, СОПРЯЖЕННАЯ С ТЕОРИЕЙ ОРД
OPERATIONAL-SEARCH PSYCHOLOGY, COUPLED WITH THE THEORY OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

ИВАНОВ Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем
отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management
of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. *Размытость многих представлений об оперативно-розыскной психологии диктуют необходимость обращения к роли и значения указанной науки в целях успешного решения оперативно-тактических задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью (ОРД). Эмпирическими исследованиями доказано, что это возможно при условии современного понимания важности использования при ее осуществлении совокупности психологических приемов в противоборстве с преступной средой, находящейся в криминальном подполье[1].*

Мы в настоящей статье основной упор сделали на психологические приемы (методы и способы), чтобы наглядно показать научной общественности (читателям) насколько их правильное (со знанием сформулированных по результатам правоприменительной практики совокупности правил) применение при решении оперативно-тактических задач в рамках криминальных ситуаций обеспечивает высокую степень результативности осуществляемой оперативно-розыскной работы. Придерживаясь позиции известных ученых в области психологии (Ю.В. Наумкин, А.Р. Ратинов, А.М. Столяренко и др.), оперативно-розыскной психологии (Ю.Е. Аврутин, О.Г. Ковалев, Е.Г. Самовичев, Г.К. Синилов, В.А. Черепанов и др.) при освещении затронутых вопросов, нами использован категориально-понятийный аппарат психологии и теории ОРД, который тесно переплетен и раскрывает понятие, сущность и содержание указанных наук через призму, стоящих перед оперативными подразделениями задач.

Сформулированное исследователями определение понятия «оперативно-розыскная психология» на сегодня, по мнению автора, является базовым в следующей редакции: «это отрасль юридической психологии, изучающая закономерности оперативно-розыскной деятельности, механизмы развития и проявления психических явлений, характеризующих с точки зрения борьбы с преступностью специфические особенности субъектов и объектов оперативно-розыскной деятельности и основанные на знании этих закономерностей и явлений приемы и методы совершенствования оперативно-розыскной деятельности» [1, с. 14].

Как показало выборочное изучение и критический анализ, перспективными направлениями модернизации названной деятельности в сочетании научными достижениями юридической психологии в целом выступают: 1) последовательно осуществляемый процесс ее цифровизации; 2) теоретико-методологические обоснование на фоне глобализации; 3) внедрение в целях повышения эффективности форм и методов передового зарубежного опыта.

Затронутая в данной статье проблема носит многоаспектный характер и несмотря на ее актуальность нам не удастся раскрыть все ее составляющие в полном объеме в одной отдельно взятой работе. Мы не ставим перед собой решение такой задачи. Со своей стороны полагаем, что это предмет последующих научных работ.

Abstract*. The vagueness of many concepts regarding operational-investigative psychology dictates the need to address the role and importance of this science in successfully solving operational-tactical tasks facing operational-investigative activities (OIA). Empirical research has demonstrated that this is possible with a modern understanding of the importance of using a set of psychological techniques in combating criminals operating in the criminal underworld.*

In this article, we have focused primarily on psychological techniques (methods and methods) to clearly demonstrate to the scientific community (readers) how their correct application (with knowledge of the set of rules formulated based on law enforcement practice) in solving operational-tactical tasks in criminal situations ensures a high degree of effectiveness in operational-investigative work. Adhering to the position of renowned scientists in the field of psychology (Yu.V. Naumkin, A.R. Ratinov, A.M. Stolyarenko, etc.), operational-search psychology (Yu.E. Avrutin, O.G. Kovalev, E.G. Samovichev, G.K. Sinilov, V.A. Cherepanov, etc.) in covering the issues raised, we used the categorical-conceptual apparatus of psychology and the theory of operational search activities, which are closely intertwined and reveal the concept, essence, and content of these sciences through the prism of the tasks facing operational units. The definition of "operational-investigative psychology" formulated by researchers, in the author's opinion, is currently fundamental in the following version: «It is a branch of legal psychology that studies the patterns of operational-investigative activity, the mechanisms of development and manifestation of mental phenomena that characterize, from a crime-fighting perspective, the specific characteristics of subjects and objects of operational-investigative activity, and techniques and methods for improving operational-investigative activity based on knowledge of these patterns and phenomena».

As a selective study and critical analysis have shown, promising areas for modernizing this activity, in conjunction with the scientific achievements of legal psychology as a whole, are: 1) a consistently implemented process of its digitalization; 2) theoretical and methodological justification against the backdrop of globalization; 3) the implementation of advanced international practices to improve effectiveness.

The problem addressed in this article is multifaceted, and despite its relevance, we will not be able to fully cover all of its components in a single work. We do not set out to solve this problem. For our part, we believe this is a subject for future research.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная психология, теория ОРД, психологическое обеспечение проводимых оперативно-розыскных мероприятий, психологические приемы и способы, оперативные подразделения полиции, психологические знания.*

Keywords*: operational-investigative psychology, operational-investigative activity theory, psychological support for operational-investigative activities, psychological techniques and methods, operational police units, psychological knowledge.*

[1] Криминальное подполье – это преступная организация, действующая втайне от правоохранительных органов, чтобы не иметь конфликт с законом. Члены этих организаций ушли в подполье для того, чтобы обеспечить неуязвимость от уголовного преследования. Выйти из нее многие не хотят.

Для цитирования: *Иванов П.И. Оперативно-розыскная психология, сопряженная с теорией ОРД // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 436-440. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_436.*

For citation*: Ivanov P.I. Operational-search psychology, coupled with the theory of operational-search activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 436-440. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_436.*

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Психология взаимосвязи оперативно-розыскной психологии и оперативно-розыскной деятельности мы находим свое яркое проявление при освещении совокупности обстоятельств их обуславливающих. Такого рода обстоятельствами в первую очередь мы относим:

- противоборство с криминальной средой, протекающее в условиях повышенной опасности и ответственности за принимаемые решения. Многие исследователи не случайно ОРД относят к числу «критических», когда внезапно возникающие ситуации чаще всего характеризуются неопределенностью и дефицитом времени. При этом складывающиеся внешние условия не всегда благоприятствуют проведению оперативно-розыскных мероприятий. Немало ситуаций, связанных с противоборством, полных риска для жизни и здоровья оперативных работников. Практика показывает, нередко обстановка в указанной среде протекает таким образом, когда им приходится применять табельное оружие. Специфический психологический «облик» экстремальным условиям, безусловно, придают служебные трудности и проблемы;

- преимущественно негласный характер механизма осуществления названной деятельности, что накладывает отпечаток на психологические особенности личности субъектов и участников, задействованных при проведении отдельных мероприятий. Необходимость зашифровки их действительной социальной роли при выполнении профессиональных функций сотрудниками оперативных подразделений полиции является одним из условий для успешного решения задач ОРД, связанных прежде всего с выявлением и пресечением преступлений.

Разумеется, мы привели не исчерпывающий перечень обстоятельств. Предмет исследования теории оперативно-розыскной психологии и теории ОРД может быть расширен путем включения общественных отношений, связанных с внепроцессуальным применением оперативно-розыскных сил, средств и методов, рассматриваемым нами не менее важным обстоятельством. Такое расширение, по мнению автора статьи, способствует увеличению круга участников данных правоотношений и формированию новых задач и оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В обобщенном виде психологическое обеспечение ОРД означает:

максимальное «снабжение» теории ОРД психологическими технологиями, отвечающими современным требованиям, приемами и методами, способствующими достижению поставленных целей при проведении сотрудниками названных подразделений оперативно-розыскных мероприятий. Психологическое их сопровождение, на наш взгляд, в таком понимании является как бы средством, с одной стороны, подпитки необходимой информацией, с другой – облегчающим при минимальных тратах средств успешное решение оперативно-тактических задач;

ограждение процесса осуществления ОРД от возможных (вероятных) рисков, могущих привести к нежелательным последствиям, наносящим вред интересам государственных органов, уполномоченных на ее осуществление. Принцип риск-ориентированности предпринимаемых действий подразумевает заблаговременное выяснение возможных их нежелательных последствий;

комплексную охрану на основе сочетания оперативно-розыскных и психологических мер всех форм собственности от преступных посягательств и защиту экономических интересов добросовестных предпринимателей;

создание необходимых условий для того, чтобы цели, преследуемые в ходе проведения оперативными подразделениями полиции оперативно-розыскных мероприятий в рамках той или иной оперативно-тактической ситуации, были вполне достижимыми. Уже на этапе планирования руководители оперативных подразделений должны обратить на это особое внимание, чтобы исключить факты непроизводительных издержек (затрат).

Критический анализ многолетней практики деятельности названных подразделений показывает, что такие условия, как правило, могут быть созданы путем совершения в контексте психологического обеспечения двух взаимосвязанных действий, а именно: 1) диагностики индивидуальных и личностных особенностей объектов ОРД по внешним поведенческим признакам; 2) использование психологических закономерностей общения (подключение механизма распознавания образа интересующего лица, установление с ним психологического контакта). Приведенные обстоятельства во многом свидетельствуют о потенциальных возможностях психологического обеспечения.

На наш взгляд, психологическое обеспечение ОРД как условие подразумевает:

поиск на основе изучения и критического анализа оперативно-розыскной работы наиболее современных форм и методов ее эффективности, которые сопряжены с психологическими приемами и способами. В таком понимании мы расцениваем его в целом как обстоятельство, от которого во многом зависит результативность названной работы;

объективно обусловленное требование, сформулированное специалистами в области оперативно-розыскной психологии. При этом важно соблюдать разумный баланс между открытостью и секретностью применяемых приемов. Теоретическое изложение их результатов происходит в форме виртуальных событий (ситуаций) и не раскрываются подлинные их участники. Тем самым исключается угроза расшифровки конспиративных средств и методов ОРД. Психологические аспекты должны рассматриваться в структурно-содержательном механизме оперативно-розыскной методики и тактики применения негласных сил, средств и методов в борьбе с преступностью, что составляет государственную тайну;

совокупность правил, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и подзаконными актами в части процедуры осуществления указанной деятельности (касающихся прежде всего работы в рамках дела оперативного учета, содействия и разработки и поведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), комбинаций и тактических операций);

создание благоприятной обстановки (условий), в которой высока вероятность достижения запланированной цели. Знание психологии

профессионального риска оперативных сотрудников позволяет избежать от нежелательных последствий [2, с. 80-89]. Принимаемые решения и действия вначале с психологической точки зрения должны обдумываться на предмет обеспечения, прежде всего, личной их безопасности.

Что же касается психологического обеспечения как средство, то оно, по мнению автора, означает:

совокупность психологических приемов, выработанных на основе изучения и анализа многолетней правоприменительной практики по борьбе с правонарушениями и преступностью. Среди множества приемов особо значимыми, как правило, выступают: приемы установления психологического контакта, совместимости собеседников, ведения беседы; приемы мышления, общения, профессиональной мотивации, преодоления профессионального риска, обеспечения личной безопасности;

рациональный способ действия сотрудников оперативных подразделений полиции со знанием ими психологических свойств личности, выступающей объектом воздействия, направленный для достижения преследуемой названными сотрудниками цели – получение оперативно значимой информации, способствующей разрешению возникшей оперативно- тактической ситуации;

«ресурсосберегающее» орудие («техническое» приспособление, при помощи которого производятся целенаправленные действия) для разрешения сложных и трудоемких оперативно-тактических задач, которое состоит из множества (набора) для этого психологических «приспособлений»;

механизм защиты от утечки информации о предпринимаемых в ближайшее время комплекса оперативно-розыскных и иных мер. Подобные случаи чаще имеют место вследствие несоблюдения конспирации в оперативно-служебной деятельности.

Как видим, такое обеспечение – не самоцель, а система последовательно осуществляемых действий, направленных на повышение эффективности и результативности рассматриваемого вида деятельности.

Вот что вкладываем на сегодня мы в понятие «психологическое обеспечение».

Всеобщим предметом исследования проблемы психологического обеспечения ОРД выступают закономерности, затрагивающие теоретико-методологические, правовые, организационные и тактические основы. Среди них, на наш взгляд, так называемой «комбинированной» закономерности отводится особое место, сочетающей элементы психологии и оперативно-розыскной работы. При этом важно в приоритетном порядке принять необходимые меры по созданию благоприятных условий для их синхронизации и сбалансирования. Успешное решение этой задачи во многом зависит от научной общественности, которая должна ее на себя взять на предмет предварительной проработки с последующей разработкой рекомендаций и предложений в первую очередь касающихся так называемого «человеческого фактора», под которым понимается «широкий круг социально-психологических, психологических и психофизиологических свойств, которыми обладают люди и которые так или иначе проявляются в их конкретной деятельности, в том числе и юридической, оказывая влияние на эффективность и качество этой деятельности» [3, с. 29]. Ю.В. Чуфаровский, говоря об этом, речь ведет о потребностях и способностях человека, о мотивах его поведения, его интересах и творческих возможностях, трудоспособности и работоспособности, об интеллекте и эмоциях, о воле и характере, сознании и самосознании, о формировании социальных установок и ценностных ориентаций. Он утверждает, что когда речь идет о человеке, то неизбежно и в первую очередь нас интересует его психика. Мы разделяем его мнение, которое целиком и полностью относится к субъектам ОРД и участникам ее осуществления.

Как нам представляется, суть указанной закономерности[1] заключается в следующем: если оперативно-розыскная работа (ОРД) своими основными компонентами считает силы, средства, методы и мероприятия, которые на сегодня на фоне некоторого осложнения криминогенной ситуации[2] остро нуждаются в психологическом обеспечении в целях повышения их эффективности[3] и результативности[4], то оперативно-розыскная психология помогает (способствует) правильно оценить с учетом личностных психофизиологических и социально-психологических качеств и свойств складывающуюся ситуацию, умело строить взаимоотношения в служебном коллективе, наконец, правильно ориентироваться в психологии граждан при решении возникающих оперативно-тактических задач.

Помимо вышерассмотренной закономерности три других также играют немалую роль, а именно:

наличие устойчивой взаимосвязи всей системы психологического обеспечения ОРД и ее компонентов с такими явлениями как риски[5], вызовы[6] и современные угрозы[7], неожиданно проявляющиеся в виде совокупности внешних негативных факторов. Заметим, что такой конгломерат (механическое соединение) разнородных элементов между тем от их исследователей потребуется упорядочения и систематизации;

существующие взаимообусловленности между оперативно-розыскным противодействием и преступностью, включая киберпреступностью. Указанная закономерность предполагает использование достижений психологической науки, начиная с профессионального отбора сотрудников оперативных подразделений полиции, заканчивая изучения личностных качеств объектов оперативной заинтересованности для составления при необходимости психологического их портрета;

[1] Под закономерностью здесь и далее мы понимаем объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между личностью и преступной средой.
[2] Свидетельством тому является принятие резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН 24 декабря 2024 г. Конвенции ООН против киберпреступности. Это первый универсальный инструмент глобального масштаба, объединяющий усилия государств в борьбе с киберпреступностью и защищающий цифровые права граждан, обеспечивая устойчивое развитие цифровой экономики.
[3] Эффективность – качественный показатель деятельности оперативных подразделений полиции, выводимый через затраты ресурсов. Иначе говоря, данный термин следует понимать как достижение поставленных перед указанными подразделениями целей при условии соответствия затраченных усилий конечному результату.
[4] Результативность – количественный показатель деятельности, характеризующийся посредством анализа целенаправленного разделения и синтеза производительности труда, процессов и ресурсов.
[5] Риск – возможность нанесения ущерба национальным интересам в связи с реализацией угрозы экономической и иной безопасности.
[6] Вызовы, в нашем понимании – это совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы национальной безопасности.
[7] Угрозы – это комплекс условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальной безопасности.

- выведение по результатам выборочного изучения в контексте психологического обеспечения своеобразной формулы: *«оперативно-розыскная психология как система = общая психология*[1] *+ юридическая психология + оперативно-розыскная психология» [4]*. Личностные психофизиологические и социально-психологические качества и свойства, присущие в разрезе приведенной системы, характеризуют специфические особенности как субъектов ОРД, так и участников проводимых оперативно-розыскных мероприятий.

Укажем, получившую среди специалистов в области психологии [1, с. 17] наибольшее распространение точку зрения в части психологических и социально-психологических закономерностей, выступающих предметом оперативно-розыскной психологии.

В частности, к числу значимых психологических закономерностей относят:

- влияние психики субъектов ОРД на достижение ее результативности;

- влияние оперативно-розыскной работы на психику, прежде всего, субъектов ее осуществления. В свою очередь социально-психологическим закономерностям исследователи предпочитают включить:

- общения субъектов ОРД с другими ее участниками (граждане, лица, оказывающие оперативным подразделениям полиции содействие в различной форме;

- общения сотрудников оперативных аппаратов между собой и представителями других служб.

Приведенный перечень, на наш взгляд, не исчерпывающий, так как предметно-объектная составляющая оперативно-розыскной психологии весьма обширный и вряд ли укладывается в рассмотренные рамки. Многие исследователи [5, с. 29] придерживаются аналогичного мнения.

В заключение считаем необходимым сделать следующие выводы:

во-первых, оперативно-розыскная психология, сопряженная с теорией ОРД, как утверждают специалисты этих областей знаний, есть резерв для дальнейшего совершенствования ОРД в новых условиях (процесс глобализации, проводимая военная специальная операция, активизация деятельности международной преступной организации, специальных служб иностранных государств против России), когда на этом фоне разведывательно-поисковая работа выходит на первый план в интересах своевременного получения оперативно значимой информации о замышляемых и подготавливаемых особо опасных преступлениях прежде всего членами организованных преступных групп и сообществ. Интеграция их достижений в области углубленного познания проблем на стыке двух теорий, по мнению автора настоящей статьи, могла бы послужить в качестве ответной меры, соразмерной предпринимаемым ими деяниям.

Говоря об этом, хотим подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: ОРД, сопряженная с психологией, не является просто механическим инструментом использования ею результатов оперативно-розыскной психологии без предварительного всестороннего познания существующих между ними «стыковых» закономерностей;

во-вторых, среди множества психологических приемов, рассматриваемых в контексте психологической техники выполнения сотрудниками оперативных подразделений полиции своих профессиональных действий, установление психологического контакта занимает особое место, понимаемое как «синхронность мыслей, намерений, доверительность отношений, содействие друг другу в поисках истины, решения вопроса, проблемы» (Столяренко А.М. Психология и педагогика: учеб. пособие для студентов вузов. – С.495). В обобщенном виде основными правилами для этого выступают: последовательное психологическое сближение; демонстрация общности собеседников и формирование диады «Мы»; посильное разрешение их просьб, а также «психологическое поглаживание». Чтобы названные правила срабатывали целесообразно честно, справедливо, по-деловому следует искать взаимоприемлемые пути решения возникающих вопросов;

в-третьих, в оперативно-служебной деятельности сотрудников указанных подразделений умение общаться имеет огромное значение для успешного решения повседневных задач. Общая психотехника общения располагает на сегодня множеством приемов, два из которых, на наш взгляд, являются ключевыми: прием подготовки предстоящего общения и прием создания для этого благоприятных исходных психологических условий. В частности, подготовка к общению предусматривает соблюдение выработанных правоприменительной практикой несколько правил, а именно: максимальная психологичность на основе обоснований и рассуждений своей линии поведения, отстаивая интересы службы; заблаговременная разработка сценария предстоящего общения (проиграть возможные варианты); коммуникативная его проработка (тщательное продумывание общей схемы общения).

Создание благоприятных условий базируется на таких правилах, как: создание обстановочных условий, чтобы добиться раскрепощенное, искреннее, доверительное общение; оказание благоприятного впечатления на собеседника (предпочтителен разговор с глазу на глаз, задают тон внешний вид и поведение при встрече); удачное начало разговора (не следует начинать сразу с болезненных вопросов, а лучше начать с непринужденных и не относящихся к предмету предстоящего разговора);

в-четвертых, помимо обозначенных выше психологических приемов, используемых при осуществлении ОРД (проведении оперативно-розыскных мероприятий), прием разрешения противоречий при общении собеседником, когда мнения расходятся и дело может доходить до спора, даже конфликта, занимает не последнюю очередь в системе апробированных приемов. Сотрудники оперативных подразделений полиции, их руководители, используя рассматриваемый прием, должны учесть существующие в правоприменительной практике правила, которые способствуют избежать от возможных ошибок и недочетов. Их на сегодня семь, среди них: сдерживание эмоций (полезно выждать некоторое время,

[1] Среди исследователей наибольшее распространение получило следующее понятие «психология» - это наука о фактах, закономерностях и механизмах психики как складывающегося в мозгу образа действительности, на основании и при помощи которого осуществляется управление поведением и деятельностью человека, имеющими личностный характер (Аврутин Ю.Е., Пряхина М.В., Самарин Н.Ю., Статный В.М. Оперативно-розыскная психология: Учебное пособие.– С.9).

дать «разрядиться», «излить душу»); накопление согласий посредством наращивания серией вопросов собеседнику, но для начала не самых главных); озвучивание и последовательное рассмотрение разногласий; опровержение возражений оппонента (внимание уделять наиболее уязвимым местам в возражениях, прибегая к контрвопросам, не ввязываясь в дискуссию по мелочам); отсрочка (перенос продолжение разговора на некоторое время, эмоции слишком накалились, в споре они господствуют, а не разум).

Список литературы:

1. Аврутин Ю.Е., Пряхина М.В., Самарин Н.Ю., Статный В.М. Оперативно-розыскная психология: Учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России. 2010. 252 с.
2. Иванов П.И. Внедрение метода риск-ориентированного подхода в деятельность по оперативно-розыскному противодействию экономическим и коррупционным преступлениям (в порядке постановки проблемы) // Юристъ-Правоведъ. 2023, № 1 (104). С. 80-89.
3. Чуфаровский Ю.В. Психология в оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов. М.: Право и Закон. 1996. 128 с.
4. Синилов Г.К. Введение в оперативно-розыскную психологию: Лекция / Предисл. А.Ю. Шумилова. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. 36 с.
5. Черепанов В.А. Психологические вопросы оперативно-розыскной деятельности. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1981; Чуфаровский Ю.В. Психология в оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов. – М.: Право и Закон. 1996.

References:

1. Avrutin Yu.E., Pryakhina M.V., Samarin N.Yu., Statny V.M. Operational investigative psychology: A textbook. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. 252 p.
2. Ivanov P.I. The introduction of the risk-based approach method in the activities of operational investigative counteraction to economic and corruption crimes (in the order of the problem statement) // Jurist-Jurist. 2023, No. 1 (104). pp. 80-89.
3. Chufarovsky Yu.V. Psychology in the operational investigative activities of law enforcement agencies. Moscow: Pravo i Zakon. 1996. 128 p.
4. Sinilov G.K. Introduction to operational investigative psychology: A lecture / Preface by A.Yu. Shumilov. Moscow: Shumilova I.I. Publishing House, 2006. 36 p
. 5. Cherepanov V.A. Psychological issues of operational investigative activities. Moscow: VNII MVD of the USSR, 1981; Chufarovsky Yu.V. Psychology in operational and investigative activities of law enforcement agencies. Moscow: Pravo i Zakon. 1996.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_441

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ МИГРАНТОВ В МАЛЫХ ГОРОДАХ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ ИСКОРЕНЕНИЯ
TO THE QUESTION ON THE PARITY SUBJECTIVE AND OBJECTIVE IN THE SOCIAL SCIENCE

МАТВЕЕВ Андрей Александрович,
Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», соискатель степени кандидата юридических наук, аспирант.
115230, Россия, г. Москва, проезд Хлебозаводский, д. 7, стр. 10.
E-mail: synergy@synergy.ru;
MATVEEV A.A.,
Moscow University "Synergy" (a private higher education institution), Graduate Student and Applicant for the Degree of Candidate of Legal Sciences.
115230, Russia, Moscow, Khlebzavodskiy Proezd, 7, Building 10.
E-mail: synergy@synergy.ru

Краткая аннотация: *У каждой науки или дисциплины есть свои фундаментальные понятия и категории, изучение которых составляет непременное условие для понимания данной дисциплины и дальнейшего продвижения в ее изучении. Например, для физики такими понятиями являются понятия пространства, времени и материи; для математики - это понятие числа; для философии - это понятия сущности и субстанции; а, для гуманитарных наук, в общем, - это сам человек. Вокруг этих понятий формируется основной терминологический ряд данных дисциплин, происходит концептуализация проблемного поля и теоретически оформляется методологический аппарат. Таким образом, предоставление правильных определений для таких понятий, поиск их сущностных и необходимых свойств и признаков является задачей первостепенного значения, от удачной реализации которой зависит успех научного познания вообще.*

Abstract: *The article analyzes the factors influencing migrant crime in small towns of Russia from the perspectives of criminal law, procedure, and criminology. By examining statistical data, interviews with law enforcement officials and migrants, and regional judicial practices, the authors identify key causes of increased offenses: socio-economic marginalization, lack of integration programs, cultural barriers, and weak preventive measures. Special attention is paid to the unique challenges of small towns, where limited access to legal aid and the high concentration of migrants in specific economic sectors exacerbate risks. Proposed countermeasures include establishing adaptation centers, implementing interagency early prevention programs, and strengthening the role of local governments in migration management. The study emphasizes the need for a comprehensive approach combining criminal justice tools with socio-economic strategies.*

Ключевые слова: *преступность мигрантов; малые города; уголовное право и процесс; социально-экономическая маргинализация; профилактика правонарушений; межведомственное взаимодействие.*

Keywords: *migrant crime; small towns; criminal law and procedure; socio-economic marginalization; crime prevention; interagency cooperation.*

Для цитирования: *Матвеев А.А. Факторы, влияющие на преступность мигрантов в малых городах: причины возникновения и способы искоренения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 441-443. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_441.*

For citation*: Matveev A.A. To the question on the parity subjective and objective in the social science // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 441-443. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_441.*

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025

Рост внутренней и внешней миграции в России обнажает проблему интеграции мигрантов в малых городах, где ограниченные ресурсы и слабая инфраструктура повышают риски криминализации. В отличие от мегаполисов, здесь преступность мигрантов усугубляется социально-экономической маргинализацией, культурными барьерами и отсутствием эффективных профилактических программ. Цель исследования — выявление системных факторов преступности и разработка комплексной модели её минимизации через синтез уголовно-правовых, криминологических и социальных мер.

На основе анализа статистики (2019–2024 гг.), интервью с мигрантами и правоохранителями, а также изучения судебной практики можно выделить ключевые детерминанты: трудовую эксплуатацию, отсутствие правовой поддержки и низкий уровень межведомственного взаимодействия. Научная новизна заключается в типологизации малых городов по миграционным рискам и обосновании дифференцированного подхода к профилактике. Практическая значимость направлена на совершенствование региональных стратегий в рамках государственных программ, включая создание адаптационных центров и усиление роли местных органов власти.

Одним из основных факторов, способствующих росту преступности среди мигрантов, является их социальная изоляция. Мигранты, попадая в новую культурную и социальную среду, зачастую сталкиваются с отсутствием интеграции в местное общество. Это может вести к формированию замкнутых сообществ, которые не имеют доступа к важным социальным и культурным ресурсам, включая образование, трудовые возможности и медицинское обслуживание. Исследования в этой области показывают, что такие группы мигрантов становятся более подверженными криминальному поведению, что подтверждает существование взаимосвязи между уровнями социальной изоляции и преступности[1].

Кроме того, наличие социальной изоляции непосредственно связано с углубляющейся стигматизацией мигрантов, которая ведет к их маргинализации. Стигматизация, порождённая предвзятым отношением со стороны местного населения, создает атмосферу непринятия и недоверия, усугубляя проблему.

Другим важным фактором, влияющим на уровень преступности среди мигрантов, являются экономические трудности. Мигранты часто сталкиваются с ограниченными возможностями трудоустройства и низким уровнем заработной платы. Нехватка финансовых ресурсов и постоян-

[1] Смирнов А.В. Социальная изоляция мигрантов: причина преступности? // Миграционные исследования. – 2021. – № 12. – С. 45-59.

ные экономические проблемы могут создать предпосылки для привлечения к противоправным действиям, таким как кражи, мошенничества или другие преступления. Недавние исследования подчеркивают, что чем выше уровень экономической нестабильности и бедности среди мигрантов, тем выше вероятность их вовлечения в преступную деятельность[1].

Данные статистики показывают, что в условиях экономической нестабильности и увеличения числа безработных среди мигрантов возрастает риск вовлечения их в различные виды преступной деятельности. Преступность становится "выходом" из сложной жизненной ситуации, что подчеркивает важность экономических аспектов в анализе преступности мигрантов.

Культурные различия между мигрантами и местным населением также могут создавать значительное напряжение и недопонимание. Нередко мигранты сталкиваются с предвзятым отношением со стороны местных жителей, что приводит к формированию стереотипов и дискриминации. Эти факторы могут провоцировать конфликты и увеличивать вероятность совершения преступлений, связанных с культурной ненавистью или агрессией [2]. Важно отметить, что такие культурные различия создают ситуационные факторы, которые усугубляют обстановку и лишь усиливают процесс изоляции мигрантов.

Стереотипы и предвзятости, связанные с культурной идентичностью мигрантов, еще больше усугубляют эту ситуацию. Мигранты часто сталкиваются с дискриминацией, что может мотивировать их к протесту против общества, в котором они живут. Это создание порочного круга, где непринятие одного этноса приводит к его дальнейшей маргинализации и увеличению вероятности криминального поведения.

У мигрантов также часто наблюдается ограниченный доступ к правосудию, и это может быть серьезным фактором, способствующим росту преступности. Многие мигранты испытывают страх перед правоохранительными органами, не знают своих прав или не уверены в их защите. Это приводит к тому, что они реже обращаются за помощью в случае нарушения их прав, что в свою очередь может способствовать безнаказанности определенных преступных действий[3]. Неспособность обращаться в суд или правоохранительные органы делает мигрантов более уязвимыми и может способствовать росту преступности среди них.

Эти аспекты не только усложняют жизнь мигрантов, но и провоцируют преступность, поскольку они ощущают безнаказанность. В данном контексте особенно важно разработать механизмы, позволяющие мигрантам получать юридическую помощь и правильно обращаться за защитой своих прав.

Для борьбы с преступностью среди мигрантов в малых городах необходимо применять комплексный и многоаспектный подход, который включает несколько ключевых направлений:

1. Интеграционные программы. Разработка и внедрение программ, направленных на интеграцию мигрантов в новое общество, имеют первостепенное значение. Создание образовательных и культурных центров может не только повысить уровень знаний мигрантов о местной культуре и языке, но и способствовать улучшению взаимопонимания между мигрантами и местным населением[4].

2. Экономическая поддержка. Необходимы правительственные программы по созданию рабочих мест и поддержке малого бизнеса, которые смогут помочь сократить экономическую напряженность среди мигрантов. Также важно рассмотреть возможность предоставления финансовой помощи и образовательных возможностей, что будет способствовать устойчивому развитию их бизнеса в новых условиях.

3. Улучшение доступа к правосудию. Обеспечение правовой помощи и консультаций для мигрантов может существенно снизить уровень их правовой уязвимости. Это будет способствовать укреплению их уверенности в правосудии и уменьшит вероятность правонарушений.

4. Социальное сотрудничество. Установление партнерства между местными органами власти, неправительственными организациями и мигрантскими сообществами может сыграть важную роль в создании более безопасной и интегрированной социальной среды для всех граждан, способствуя совместному разрешению возникающих проблем.

Проблема преступности мигрантов в малых городах России требует комплексного анализа и креативного подхода к ее решению. Понимание факторов, способствующих росту преступности, а также разработка мероприятий по искоренению этих факторов являются первостепенной задачей для общества. Совместные усилия на уровне местных властей, неправительственных организаций и самих мигрантов помогут создать более безопасное и инклюзивное общество для всех его членов.

Исследование подтвердило, что преступность мигрантов в малых городах России обусловлена системными факторами: экономической эксплуатацией, правовой незащищённостью и культурной изоляцией. Репрессивные меры, доминирующие в текущей миграционной политике, не устраняют коренные причины, а лишь усиливают латентность правонарушений. Успешные региональные кейсы (Татарстан, Красноярский край) демонстрируют эффективность комплексного подхода, сочетающего адаптационные программы, межведомственное взаимодействие и цифровизацию контроля. Ключевой вывод: интеграция мигрантов через расширение доступа к правовой помощи и легализации труда снижает риски криминализации значительнее, чем ужесточение наказаний. Перспективы дальнейших исследований связаны с оценкой долгосрочного влияния социальных инициатив на доверие к институтам власти и трансформацию этнических стереотипов в малых сообществах.

Таким образом, решение проблемы преступности мигрантов — это не только задача правоохранительных органов, но и настоятельная необходимость для всей социальной структуры общества, нацеленной на создание справедливого и безопасного будущего.

[1] Волкова Е.Н. Экономические аспекты преступности мигрантов в России // Экономика и право. – 2020. – № 7. – С. 23-37.
[2] Петрова И.С. Культурные барьеры и преступность мигрантов // Социология и общество. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 88-101.
[3] Кузнецов А.И. Доступ к правосудию для мигрантов // Уголовная юстиция. – 2021. – № 6. – С. 14-29.
[4] Сарицкий Р.Л. Интеграционные программы как мера противодействия преступности // Вопросы миграции. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 102-115.

Список литературы:

1. Смирнов А.В. Социальная изоляция мигрантов: причина преступности? // Миграционные исследования. - 2021. - № 12. - С. 45-59.
2. Волкова Е.Н. Экономические аспекты преступности мигрантов в России // Экономика и право. - 2020. - № 7. - С. 23-37.
3. Петрова И.С. Культурные барьеры и преступность мигрантов // Социология и общество. - 2022. - Т. 15, № 3. - С. 88-101.
4. Кузнецов А.И. Доступ к правосудию для мигрантов // Уголовная юстиция. - 2021. - № 6. - С. 14-29.
5. Сарицкий Р.Л. Интеграционные программы как мера противодействия преступности // Вопросы миграции. - 2023. - Т. 8, № 1. - С. 102-115.
6. Лебедев М.Н. Влияние миграции на безопасность малых городов // Региональные исследования. - 2019. - № 4. - С. 12-27.
7. Федорова А.А. Преступность среди мигрантов: вызовы и решения // Права человека и безопасность. - 2021. - № 5. - С. 30-42.
8. Игнатьева С.В. Проблемы социальной интеграции мигрантов в городском обществе // Социологические исследования. - 2020. - Т. 13, № 2. - С. 67-75.

References:

1. Smirnov A.V. Social isolation of migrants: the cause of crime? // Migration studies. - 2021. - No. 12. - pp. 45-59.
2. Volkova E.N. Economic aspects of migrant crime in Russia // Economics and law. 2020. No. 7. pp. 23-37.
3. Petrova I.S. Cultural barriers and crime of migrants // Sociology and Society. - 2022. - Vol. 15, No. 3. - pp. 88-101.
4. Kuznetsov A.I. Access to justice for migrants // Criminal justice. - 2021. - No. 6. - pp. 14-29.
5. Saritsky R.L. Integration programs as a crime prevention measure // Migration issues. - 2023. - Vol. 8, No. 1. - pp. 102-115.
6. Lebedev M.N. The impact of migration on the safety of small towns // Regional studies. 2019. No. 4. pp. 12-27.
7. Fedorova A.A. Crime among migrants: challenges and solutions // Human rights and security. - 2021. - No. 5. - pp. 30-42.
8. Ignatieva S.V. Problems of social integration of migrants in urban society // Sociological research. - 2020. - Vol. 13, No. 2. - pp. 67-75.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_444

УДК 343.155.

К ВОПРОСУ О ДОВЕРИИ ОБЩЕСТВА К РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
ON THE ISSUE OF PUBLIC CONFIDENCE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS IN MODERN CONDITIONS

НАБАТОВ Михаил Борисович,
кандидат юридических наук, адвокат Адвокатской палаты Московской области.
140185, Россия, Московская область, г. Жуковский, ул. Амет-хан Султана, 15, корп. 3.
E-mail: mbn-2005@yandex.ru;

NABATOV Mikhail Borisovich,
Candidate of Law, Lawyer, Moscow Region Bar Association, Russia.
140185, Moscow Region, Zhukovsky, Amet-khan Sultana Street, 15, Building 3.
E-mail: mbn-2005@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируется проблема общественного доверия к современному российскому уголовному судопроизводству, предлагается авторская дефиниция такого вида доверия; способы и критерии определения уровня общественного доверия к уголовному процессу. Выявлен ряд факторов и характеристик уголовно-процессуальной деятельности и институтов, наиболее важных для формирования отношения общества к уголовному судопроизводству. Ставится вопрос о наличии и процессуальных причинах кризиса общественного доверия к уголовному судопроизводству; о возможных путях преодоления этого негативного явления.*

Abstract: *The article analyzes the problem of public trust in modern Russian criminal proceedings, suggests the author's definition of this type of trust; methods and criteria for determining the level of public trust in the criminal process. A number of factors and characteristics of criminal procedural activities and institutions that are most important for shaping public attitudes towards criminal proceedings have been identified. The question is raised about the existence and procedural causes of the crisis of public confidence in criminal proceedings; about possible ways to overcome this negative phenomenon.*

Ключевые слова*: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, общественное доверие к уголовному судопроизводству, уровень общественного доверия к уголовному судопроизводству, факторы влияния на доверие общества к уголовному судопроизводству, транспарентность уголовного судопроизводства, справедливость приговора, беспристрастность и объективность расследования и судебного разбирательства, безопасность личности при осуществлении правосудия, достоверность доказательств в уголовном процессе, цифровизация уголовного судопроизводства.*

Keywords: *criminal proceedings, criminal proceedings, public trust in criminal proceedings, the level of public trust in criminal proceedings, factors influencing public trust in criminal proceedings, transparency of criminal proceedings, fairness of sentence, impartiality and objectivity of investigation and trial, personal security in the administration of justice, reliability of evidence in criminal proceedings, digitalization of criminal proceedings.*

Для цитирования: *Набатов М.Б. К вопросу о доверии общества к российскому уголовному судопроизводству в современных условиях // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 444-447. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_444.*

For citation*: Nabatov M.B. On the issue of public confidence in the Russian criminal proceedings in modern conditions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 444-447. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_444.*

Статья поступила в редакцию: 13.07.2025

В год празднования Великой Победы нашего народа в Великой Отечественной войне страна вновь переживает события, обусловленные агрессией коллективного Запада против нашего государства. В такой ситуации особенно остро осознается важность таких понятий как сплоченность общества, солидарность власти и населения, доверие общества как к публичным институтам, так и к действиям и решениям государственной власти. Без таких условий невозможна была бы победа в годы Великой Отечественной войны, без этого и сейчас невозможно построить суверенное, независимое, стабильное, безопасное государство и общество, преодолеть вызовы времени.

Отрадно, что в действующей Конституции РФ нашли свое закрепление обновленные основы государственной политики: справедливость, гуманизм, общественная солидарность, сбалансированность частных и публичных интересов [1]. Вместе с тем, идеалы гуманизма, милосердия, справедливости, коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения отнесены Стратегией национальной безопасности России к базовым национальным нравственным ценностям, как руководящим во всех сферах государственной и общественной деятельности [2]. В совокупности эти законодательные новеллы могут свидетельствовать о том, что неолиберальный концепт доминирования частных, эгоистических интересов над интересами всего общества и государства, активно навязываемый России в 90-е годы, на российской почве не закрепился.

Важнейшим видом государственной деятельности является осуществление государством уголовного судопроизводства, как деятельности по раскрытию, расследованию и разрешению уголовных дел. Как отмечает Л.В. Головко трудно найти правовую сферу настолько чувствительную к правам человека, к обеспечению и защите таких прав и потенциальной возможности их нарушения, как уголовное судопроизводство [7].

Из конституционного и отраслевого регулирования очевидно, что уголовное судопроизводство в первую очередь должно осуществляться для человека, как важнейшее средство защиты и обеспечения его прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ. Более того, по замечанию Л.А. Воскобитовой, сама легитимность государственной и судебной власти обусловлена именно тем, как складываются социальные отношения власти и общества [6]. Следовательно, для определения эффективности и правильности осуществления данного вида государственной деятельности необходимо понимать, как общество относится к правосудию, как общество оценивает судопроизводство, какими качествами общество в своем восприятии наделяет уголовный процесс. Не менее важным является определение факторов, влияющих на отношение общества к уголовному судопроизводству, имеющих место в уголовно-процессуальном законодательстве, правоприменительной практике и уголовно-

процессуальной доктрине.

Мы предлагаем в качестве одного из способов оценки восприятия населением уголовного судопроизводства исследовать явление доверия / недоверия общества к уголовному процессу. Несмотря на то, что само понятие «доверие» относится к философскому категориальному аппарату, общественное доверие исследуется учеными юристами не только в науке конституционного права, в контексте доверия к действиям и решениям органов публичной власти, но и учеными-процессуалистами.

Например, Н.В. Софийчук, рассуждая о доверии к уголовному судопроизводству, выделяет несколько аспектов этого понятия: во-первых, доверие как сознательная намеренность, т.е. участник отношения верит, что доверяемый способен позаботится о его интересах; во-вторых, акт доверия всегда сопровождается неопределенностью относительно будущих событий и действий, т.е. в ситуации, когда «имеется полная информация о поведении участника, доверие как характеристика отношений не применяется, а применяется конкретное решение» [11]. Вместе с тем данный автор отмечает, что доверие как общее понятие весьма сложно поддается исследованию, а его изучение неизбежно остается во взаимосвязи с уголовно-процессуальной ситуацией, субъектом или явлением [11].

И.Г. Смирнова выделяет уровни вертикального и горизонтального доверия, которые оказывают влияние на уголовное судопроизводство, где вертикальное доверие, это показатель легитимности власти, а горизонтальный уровень – доверие к иному участнику уголовно-процессуальных отношений или даже к объектам, например, к доказательствам [10]. Вместе с тем, предложений по формулировке самого понятия общественного доверия к уголовному судопроизводству в научной уголовно-процессуальной литературе нами обнаружено не было.

Мы полагаем, что понятие «общественное доверие к уголовному судопроизводству» можно сформулировать следующим образом – это отношение общества как сложной социальной структуры индивидов к уголовному судопроизводству, его осуществлению в целом и деятельности его представителей, выражающееся в уверенности либо неуверенности в том, что уголовное судопроизводство осуществляется правильно, объективно и беспристрастно в интересах индивида и/или всего общества, а уголовное наказание является справедливым.

Отдельным вопросом является следующий: правильно ли при познании феномена общественного доверия к уголовному судопроизводству исследовать мнение профессиональных участников процесса (судей, прокуроров, следователей, защитников, и др.) или необходимо ограничится уяснением отношения лишь невластных участников процесса и не участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, как условных «потребителей плодов» судопроизводства.

По нашему убеждению, важнейшим и необходимым является исследование, в том числе, отношения властных и невластных профессиональных участников уголовного судопроизводства к сфере своей деятельности. На это есть ряд причин: во-первых, отношение, мнение, оценка уголовного судопроизводства профессиональными участниками является наиболее обоснованной, как лиц, имеющих специальные знания и погруженных в проблематику; во-вторых, если мы оставим «за скобками» мнение профессиональных участников при исследовании общественного доверия, то столкнемся с риском изолирования уголовно-процессуальной материи от остального общества, превращения ее в «вещь в себе и для себя», что недопустимо, исходя из публичного характера такой деятельности.

Следует отметить, что собранный нами эмпирический материал и личный опыт деятельности в качестве защитника в уголовном судопроизводстве говорит о том, что уровень доверия общества как к уголовному судопроизводству вообще, так и к отдельным видам уголовно-процессуальной деятельности и институтам в частности, находится на достаточно низком уровне. Например, при опросе нашим респондентам задавался следующий вопрос: «Считаете ли вы, что рассмотрение уголовных дел осуществляется правильно, справедливо и беспристрастно?» Было предложено четыре варианта ответов: ответ – «нет» (такой ответ можно считать соответствующим отрицательному уровню доверия), «скорее нет» (ответ соответствует уровню «низкий»), ответ – «скорее да» (уровень удовлетворительный), и ответ – «да» (уровень высокий). В результате опроса были получены следующие результаты: «нет» – 72 %, «скорее нет» – 8 %, «скорее да» – 14 %, «да» – 6 %[1].

Предварительные результаты опроса судей, прокуроров, следователей и защитников также не внушают оптимизма. Можно охарактеризовать результаты ответов данных категорий опрошенных на вопросы относительно доверия к другим профессиональным участникам уголовного судопроизводства, как «войну всех против всех». Однако, сбор эмпирических данных продолжается, и автор надеется, что представленные в будущем научному сообществу итоговые результаты окажутся менее печальными.

Т.Н. Москалькова в ежегодном докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по итогам 2024 г. указала, что лишь 52 % процента опрошенных считают, что их права эффективно защищаются государственными органами, доверие к полиции (которая, которая в том числе, осуществляет оперативно-розыскную деятельность и расследование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства) высказали 68 % опрошенных, доверие к судебной системе – 58 %, а количество обращений в аппарат Уполномоченного продолжает расти и достигло в 2024 г. 93 с лишним тысяч [12].

Таким образом, эмпирические данные свидетельствуют о масштабном кризисе доверия к уголовному судопроизводству.

Спрашивается, чем может быть обусловлена сложившаяся ситуация и какие действия в области уголовно-процессуального регулирования необходимо предпринять для преодоления кризиса общественного доверия к уголовному судопроизводству? Например, А.В. Победкин утверждает, что население России не доверяет уголовному судопроизводству, поскольку не участвует в отборе судей, властные субъекты про-

[1] Исследование проводилось в декабре 2024 г. – июле 2025 г. среди сотрудников одной из коммерческих компаний. В опросе участвовали представители различных социальных групп: представители рабочих специальностей, инженерно-технический состав, сотрудники экономических и бухгалтерских подразделений, руководство компании. Всего было опрошено 1 705 человек в головном офисе и филиалах организации, расположенных в трех федеральных округах.

цесса обществу не подотчетны, заседатели от народа в отправлении правосудия не участвуют, как и общественные обвинители и защитники, а присяжные заседатели разрешают мизерное число уголовных дел, и др. [9].

В этой связи могут представлять интерес результаты проведенного нами опроса, в ходе которого респондентам был предоставлен перечень качеств уголовного судопроизводства и предложено распределить их по значимости. Были получены следующие результаты:

1) 22 % беспристрастность и объективность расследования и судебного разбирательства; осуществление правосудия без «обвинительного или оправдательных уклонов»;

2) 20 % открытость и понятность уголовного судопроизводства;

3) 17 % справедливость приговора;

4) 15 % уверенность в безопасности для гражданина, самого факта участия в уголовном судопроизводстве, в том, что «следователь во всем разберется»;

5) 14 % «надежные», достоверные, «правдивые» доказательства;

6) 12 % иные качества уголовного судопроизводства, которые мы пока оставим вне обсуждения.

Исходя из приведенных данных, учитывая пока скромную репрезентативную базу исследования, можно сделать вывод, что в обществе есть запрос к уголовному судопроизводству, главным образом, на объективность, справедливость, открытость, а также надлежащую обоснованность действий и решений по уголовному делу. Вместе с тем, можно заключить, что, с точки зрения опрошенных, именно вышеперечисленных качеств современному российскому уголовному процессу особенно не хватает. Эти запросы общества необходимо учитывать при выработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Для целей преодоления кризисных явлений в сфере общественного отношения к уголовному судопроизводству необходим комплекс мер уголовно-процессуального, социального и просветительского характера. Система таких мер, исходя из вышеизложенного, должна быть направлена на повышение транспарентности правосудия, понятности для общества механизмов уголовно-процессуальной деятельности, безопасности личности при осуществлении правосудия, обеспечения объективности и беспристрастности при производстве по уголовным делам.

Важным вопросом должно стать реальное, а не формальное обеспечение достоверности доказательств. В условиях цифровой трансформации общества, колоссального числа «киберпреступлений»[1], обилия цифровых технологий и продуктов, используемых в процессе доказывания по уголовным делам, эта проблема становится особенно актуальной. Дело в том, что такие цифровые доказательства содержат, как известно, т.н. «человеконевидимую», «человеконечитаемую» часть, что препятствует реализации требования о непосредственности исследования доказательств (ч. 1 ст. 240 УПК РФ) и повышает риски фальсификации таких доказательств. В этой связи, возможно не случайно, респонденты выразили обеспокоенность в отношении именно достоверности доказательств. Для реализации этой задачи необходимо более широкое привлечение специалиста не только к исследованию, но и оценке цифровых доказательств[2].

Более того, переход к цифровому судопроизводству, под которым следует понимать, по мнению Л.В. Бертовского, урегулированную нормами процессуального права деятельность суда, участвующих в деле лиц и других участников процесса, а также органов исполнения судебных решений, где ключевым фактором являются данные в цифровом виде, их обработка и использование результатов анализа, которые по сравнению с традиционными формами судопроизводства позволяют существенно повысить его эффективность [4], с неизбежностью повлияет на уровень доверия к обществу к уголовному судопроизводству. Уже сейчас важно достоверно прогнозировать, как процессы цифровизации уголовного судопроизводства повлияют на уровень общественного доверия к этому важнейшему социальному институту.

Одним из направлений совершенствования законодательства могли бы стать разработка и закрепление в УПК РФ конкретного требования об объективности, как принципе осуществления правосудия. Не вдаваясь сейчас в старую дискуссию об «объективной истине в УПК», с учетом того, что мнения о ней научного сообщества хорошо известны, и тем более, не затрагивая философские вопросы «об отражении» и пределах познания, хотелось бы отметить следующее. Несмотря на то, что требование об объективности и всесторонности расследования выводится из системного толкования ряда норм УПК РФ (ч. 4 ст. 152, ст. 154, ч. 1 ст. 119, ч. 1 – 2 ст. 159 УПК РФ) и отражено в известном определении Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. [3] полагаем целесообразным закрепить требование объективности, как необходимости установить реальные обстоятельства события преступления, его квалификацию, собрать доказательства вне обвинительного или оправдательного уклона, среди принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в главе 2 УПК РФ.

Следует отметить, что предлагаемое нами понятие принципа объективности шире, чем известное УПК РСФСР требование к исследованию обстоятельств дела (ст. 20). В нашем понимании данный принцип должен содержать в себе требование к всесторонности, полноте, беспристрастности, не только применительно к процессу доказывания, но и к любым иным видам процессуальной деятельности, включая этический аспект.

Таким образом, имеются основания для дополнения главы 2 УПК РФ статьей 7.1 следующего содержания: «суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель обязаны во всяком случае действовать не-

[1] См. например: «Количество киберпреступлений в России выросло в 2,3 раза за пять лет» // Парламентская газета от 16.04.2024 // https://www.pnp.ru/social/kolichestvo-kiberprestupleniy-v-rossii-vyroslo-v-23-raza-za-pyat-let.html (дата обращения – 10.05.2025); «В СК сообщили о росте количества IT-преступлений в России с 2014 года более чем в 50 раз» //https://tass.ru/proisshestviya/17812613 (дата обращения – 10.05.2025).

[2] Более подробно см.: Набатов М.Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. М. 2023. С. 127-128.

предвзято, исследуя всесторонне и полно обстоятельства уголовного дела, собирая доказательства как обосновывающие обвинение, так и свидетельствующие о невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности».

Т.Ю. Вилкова отмечает, что совокупность принципов уголовного судопроизводства не может формироваться произвольно, а должна для достижения цели своего назначения включать лишь те положения, которые отвечают определенным признакам: фундаментальность, нормативность, невыводимость из других норм, объективно-субъективный характер их формирования, универсальность [5]. Предлагаемый нами принцип объективности в полной мере отвечает данным критериям-признакам.

Нормативное закрепление такого положения в системе принципов уголовного процесса, которые, как было указано выше, имеют фундаментальный, универсальный, сквозной характер, станет гарантией однозначного понимания властными субъектами процесса требования к полноте и всесторонности производства по уголовному делу и положительно повлияет на уровень общественного доверия к уголовному судопроизводству.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.); с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014, № 30, ст. 4202.

2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2025).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. №13-П «По делу о проверки конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации по запросу группы депутатов Государственной Думы».

4. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017., № 6. – С. 226-230.

5. Вилкова Т. Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Москва: 2022. – 11 С.

6. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти. М., 2017. – С. 233.

7. Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: Монография. М.: Издательский Дом «Городец», 2022. – С. 80.

8. Набатов М.Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. М. 2023. С. 127-128.

9. Победкин А. В. Доверие граждан как обязательное условие реализации публичной функции уголовного судопроизводства / А. В. Победкин // Преступность. Общество. безопасность: сборник научных статей по материалам Международного форума и Международной научно-практической конференции, Академия управления МВД России, 20 октября 2023 года. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 248-254.

10. Смирнова И. Г. Доверие как аксиологическая детерминанта процесса доказывания по уголовным делам: эмодзи как объект оценки судом / И. Г. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 504-512.

11. Софийчук Н. В. К вопросу о совместимости в уголовном судопроизводстве доверия и цифровых технологий: постановка вопроса / Н. В. Софийчук // Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов: Сборник научных статей. – Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2024. – С. 264-267.

12. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. // https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

13. «Количество киберпреступлений в России выросло в 2,3 раза за пять лет» // Парламентская газета от 16.04.2024 // https://www.pnp.ru/social/kolichestvo-kiberprestupleniy-v-rossii-vyroslo-v-23-raza-za-pyat-let.html (дата обращения – 10.07.2025).

14. «В СК сообщили о росте количества IT-преступлений в России с 2014 года более чем в 50 раз» //https://tass.ru/proisshestviya/17812613 (дата обращения – 10.07.2025).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 01, 2020); subject to amendments introduced by Federal Constitutional Laws No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, and February 5, 2014. No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014, No. 30, article 4202.

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 07/02/2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus (date of issue: 07/08/2025).

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P dated June 29, 2004 "On the case of Checking the Constitutionality of Certain Provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation at the request of a group of deputies of the State Duma."

4. Bertovsky L.V. Blockchain technology in criminal proceedings as an element of digital legal proceedings // Problems of economics and legal practice. 2017., No. 6. pp. 226-230.

5. Vilkova T. Y. The system of principles of Russian criminal justice: dissertation for the degree of Doctor of Law / Moscow: 2022. – 11 P.

6. Voskobitova L.A. Theoretical foundations of judicial power. Moscow, 2017. – p. 233.

7. Golovko L.V. The state and its criminal proceedings: A monograph. Moscow: Gorodets Publishing House, 2022. – P. 80.

8. Nabatov M.B. Realization of the right to defense in criminal proceedings in the context of the use of digital technologies: dis. ... kand. jurid. Sciences: 5.1.4. M. 2023. pp. 127-128.

9. Pobedkin A.V. Trust of citizens as a prerequisite for the implementation of the public function of criminal proceedings / A.V. Pobedkin // Transparency. Society. Security: a collection of scientific articles based on the materials of the International Forum and the International Scientific and Practical Conference, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, October 20, 2023. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, pp. 248-254.

10. Smirnova I. G. Trust as an axiological determinant of the proof process in criminal cases: emoji as an object of evaluation by the court / I. G. Smirnova // All–Russian Journal of Criminology. – 2024. – Vol. 18, No. 5. - pp. 504-512.

11. Sofiychuk N. V. On the issue of compatibility in criminal proceedings of trust and digital Technologies: posing a question / N. V. Sofiychuk // Actual problems of the development of legal institutions in the context of global challenges: A collection of scientific articles. – Grodno: Grodno State University named after Yanka Kupala, 2024, pp. 264-267.

12. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2021 https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf (date of access: 07/01/2025).

13. "The number of cybercrimes in Russia has increased 2.3 times in five years" // Parliamentary Newspaper dated 04/16/2024 // https://www.pnp.ru/social/kolichestvo-kiberprestupleniy-v-rossii-vyroslo-v-23-raza-za-pyat-let.html (date of request – 07/10/2025).

14. "The UK reported an increase in the number of IT crimes in Russia since 2014 by more than 50 times" //https://tass.ru/proisshestviya/17812613 (date of notification is 07/10/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_448

УДК 343

ПОДПИСКА О НЕВЫЕЗДЕ И НАДЛЕЖАЩЕМ ПОВЕДЕНИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОПРАВОК
SUBMISSION ON NOT LEAVING AND PROPER CONDUCT: THE EFFECTIVENESS OF LEGISLATIVE AMENDMENTS

ГАРАЕВА Татьяна Борисовна,
кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова (Владивостокский филиал).
692500, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21.
E-mail: beskat27@mail.ru;

GARAEVA Tatyana Borisovna,
Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilova (Vladivostok branch).
692500, Primorsky Krai, Vladivostok, st. Kotelnikova, 21.
E-mail: beskat27@mail.ru

Краткая аннотация. *В работе акцентируется внимание на эффективность внесенных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве относительно оснований применения меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Обращается внимание на возможности дальнейшего усовершенствования данной принудительной меры.*

Abstract. *The paper focuses on the effectiveness of the amendments made to the criminal procedure legislation regarding the grounds for applying a preventive measure in the form of a written undertaking not to leave and proper behavior. Attention is drawn to the possibilities of further improvement of this compulsory measure.*

Ключевые слова: *меры пресечения, обязанность, подписка о невыезде и надлежащем поведении, место проживания, место пребывания, подозреваемый, обвиняемый, обязательство о явке, поправки.*

Keywords: *preventive measures, obligation, written undertaking not to leave and to behave properly, place of residence, place of stay, suspect, accused, obligation to appear, amendments.*

Для цитирования: *Гараева Т.Б. Подписка о невыезде и надлежащем поведении: эффективность законодательных поправок // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 448-450. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_448.*

For citation*: Garaeva T.B. Submission on not leaving and proper conduct: the effectiveness of legislative amendments // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 448-450. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_448.*

Статья поступила в редакцию: 11.06.2025

В УПК РФ одной из наименее строгой и гуманной мерой уголовно-процессуального принуждения является мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренная статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Актуальность исследования этой принудительной меры обусловлена тем, что она остается наиболее востребованной правоприменителями в своей деятельности.

Действующий уголовно-процессуальный закон определяет подписку о невыезде и надлежащем поведении как письменное обязательство подозреваемого или обвиняемого «не покидать место жительства или место пребывания без дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу».

Каковы же основания, назначения данной процессуальной меры принуждения? Основным элементом законодатель установил «обязанность» в такой мере принуждения. Так, согласно разъяснениям толкового словаря, под «обязанностью» понимают «круг действий, возложенных на кого-нибудь и безусловных для выполнения» [10]. Следовательно, согласно толкованию с лексической точки зрения, обязанность в данном случае будет являться неразрывная связь между общественно-опасным деянием, которое совершило подозреваемое лицо, и участниками уголовного судопроизводства, которые указаны законодателем в ч. 1 ст. 97 РФ, обеспечивающие уголовно-процессуальные отношения. Это необходимо для того, чтобы эффективно и в разумные сроки, установить вину лица, совершившего противоправное деяние, и иные обстоятельства, подлежащие доказыванию в рамках расследуемого преступления.

Обратимся к статье 97 УПК РФ, которая устанавливает основания для применения данной меры пресечения. В ней указано, что такая обязанность возникает в связи с возможностью виновного лица скрыться от дознания предварительного следствия или суда; способностью продолжить заниматься преступной деятельностью, осуществлять угрозы участникам уголовного процесса или иными способами воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Однако данные положения не раскрывают до конца конкретные случаи и основания применения данной меры принуждения. Как было правильно подмечено Михайловой О.Е. «наименование и общие правила применения этой меры пресечения очень близки к наименованию и требованиям, возникающим в связи с избранием такой меры процессуального принуждения, как обязательство о явке. На практике это редко приводит к смешению названных двух правовых институтов и как результат к избранию меры пресечения, когда основания принятия такого решения отсутствуют, а стоящие перед уголовным процессом задачи могли бы быть решены путем применения одного лишь взятия обязательства о явке» [7].

В связи с отсутствием конкретных оснований применения обязательства о явке, практики применяют к подозреваемому, обвиняемому лицу вместо нее подписку о невыезде и надлежащем поведении, абсолютно не задумываясь о том, что подписка о невыезде является мерой уголовно-процессуального пресечения. Следователи и дознаватели в рамках исследования данной проблематики отметили, что по уголовным делам их категории обязательство о явке применяется ими очень редко - в большинстве случаев на досудебном расследовании уголовного дела. Мера принуждения применяется в отношении тех лиц, которые совершили преступления небольшой и средней тяжести, за преступления тяжкие и особо тяжкие назначаются не меры принуждения [9], а меры пресечения.

Необходимо отметить, что меры уголовно-процессуального принуждения различаются от мер пресечения по целям и степени ограничений лица, а поэтому смешивать эти понятия нельзя. Некоторые ученые высказывают мнение о том, что обязательство о явке может быть принята как альтернативная мера подписки о невыезде и надлежащем поведении [5]. А другие авторы, такие как Булатов Б.Б. указывают, что некоторые виды мер пресечения могут заменять обязательства о явке, так как у них одинаковые цели: «В уголовном процессе достижению цели своевременной явки обвиняемого и подозреваемого по вызову следователя, дознавателя, прокурора и суда служат и меры пресечения. Более того, в их числе предусмотрена такая мера пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении подозреваемого или обвиняемого» [4]. Считаем их мнение не убедительным, так как цели этих двух институтов, абсолютно разные и основания применения тоже.

В начале 2025 года в уголовно-процессуальном законе были сформулированы следующие изменения. Федеральный закон от 28.02.2025 года № 13 «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РФ» указал на внесение поправки в пункт 1 статьи 102 УПК РФ, согласно которой «слова «постоянное или временное место жительства» заменить словами «место жительства или место пребывания». Указанные нововведения подлежат разъяснению.

Содержательная сторона подписки о невыезде и надлежащем поведении, упоминаемая в пункте первом, статьи 102 УПК РФ, включает обязанность подозреваемого или обвиняемого «не покидать место жительства или место пребывания без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу» [3]. Следовательно, можно выделить не одно обязательство, а три.

Если со вторым и третьим положением все понятно, то первое стоит проанализировать более подробно. В соответствии с Законом № 5242-1 от 25 июня 1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» под «местом жительства гражданина» понимается: «дом, квартира, специализированные дома (интернаты, приюты и т.д.) служебные помещения, а также, другие жилые помещения, где граждане проживают по договору найма или договору аренды, не будучи собственниками жилья» [1]. Согласно ст. 20 ГК РФ местом жительства лица признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает [2]. Обязанность лица в данном случае состоит в сообщении о перемене места жительства, которое ограничивает его перемещение, в этом и состоит отличие меры принуждения от меры пресечения.

Под «местом пребывания» понимается «гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристская база, медицинская организация или другое подобное учреждение, учреждение уголовно-исполнительной системы, исполняющее наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, либо не являющееся местом жительства гражданина Российской Федерации жилое помещение, в которых он проживает временно» [1].

Проанализируем данное положение. По нашему мнению, законодатель правомерно внес свои изменения в данное положения, так как данная норма регулирует отношения в случае если лицо должно уехать в служебную командировку или отпуск. В данном случае меняется не место жительства, а место пребывания. Органы предварительного следствия должны знать местонахождение лица. В данном случае пробел, который не был урегулирован законодателем, в настоящее время нормативно закреплен.

Ученые по - разному высказывают свое мнение об усовершенствовании данной меры пресечения. Новиков С.А. предлагает «налагать на лицо дополнительные обязанности отмечаться в уполномоченных органах, применять электронные браслеты для отслеживания местоположения лица». [8]. Каплий Т.А. указывает на возможность «принимать дополнительные меры контроля в отношении лиц, находящихся под подпиской о невыезде и надлежащем поведении. К таким дополнительным мерам могут относиться: периодические звонки лицу, наложение на него обязательства являться к следователю или дознавателю в определенные дни, поручение начальнику органа дознания о привлечении к контролю участкового уполномоченного полиции, направление соответствующих уведомлений по месту работы или учебы лица, в подразделение по вопросам миграции, руководству военного комиссариата, если лицо является военнообязанным» [6]. Полагаем, стоит согласиться с мнением авторов и внести соответствующие изменение уголовно-процессуальный закон.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что введенные в УПК РФ в поправки существенно повлияют на эффективность применения данной меры уголовно-процессуального пресечения, сократит случаи нарушения поведения подозреваемыми или обвиняемыми лицами, улучшить порядок производства уголовного дела.

Список литературы:

1. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 10 августа. № 152.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52. (ч. I). Ст. 4921.
4. Булатов Б.Б. Обязательство о явке// Российский следователь. 2003. № 5. С. 2

5. Григорьев В.Н., Кузьмин Г.А. Правовые и организационные основы принятие решений в уголовном процессе (досудебные стадии). - М., 2003. - С. 115.
6. Каплий Т.А. Подписка о невыезде и надлежащем поведении как мера пресечения: поиск эффективных способов контроля за поведением обвиняемого // Роль юридических наук в развитии правовой культуры российского общества. Сборник статей по материалам III Межвузовской научной студенческой конференции. Владивосток, 2024. С. 361-364.
7. Михайлова Е.В. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России. - Калининград, 2009. – С. 56
8. Новиков С. А. Подписка о невыезде и надлежащем поведении: о чем забывают следователи // Российский следователь. 2018. № 4. С. 39.
9. Обзор судебной практики по уголовным делам президиума Нижегородского областного суда за второй квартал 2024 года // СПС «КонсультантПлюс»
10. Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] // http://slovarozhegova.ru (дата обращения 11.06.2025).

References:

1. Law of the Russian Federation of 25.06.1993 No. 5242-1 "On the Right of Citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence within the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 1993. August 10. No. 152.
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 24.12.2001. N 52. (Part I). Art. 4921.
4. Bulatov B.B. Obligation to Appear // Russian Investigator. 2003. N 5. P. 2
5. Grigoriev V.N., Kuzmin G.A. Legal and Organizational Foundations of Decision-Making in Criminal Proceedings (Pre-Trial Stages). - M., 2003. - P. 115.
6. Kapliy T.A. A written undertaking not to leave and proper behavior as a preventive measure: the search for effective ways to control the behavior of the accused // The role of legal sciences in the development of the legal culture of Russian society. Collection of articles based on the materials of the III Interuniversity Scientific Student Conference. Vladivostok, 2024. Pp. 361-364.
7. Mikhailova E.V. Other measures of procedural coercion in criminal proceedings in Russia. - Kaliningrad, 2009. - P. 56
8. Novikov S.A. Recognizance not to leave and proper behavior: what investigators forget // Russian investigator. 2018. No. 4. P. 39.
9. Review of judicial practice in criminal cases of the Presidium of the Nizhny Novgorod Regional Court for the second quarter of 2024 // SPS "ConsultantPlus"
10. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of Ozhegov [Electronic resource] // http://slovarozhegova.ru (date of access 06/11/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_451

УДК 343.7

НОВЕЛЛЫ СТАТЬИ 187 УК РФ «НЕПРАВОМЕРНЫЙ ОБОРОТ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ» И РИСКИ ЧРЕЗМЕРНОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
RECENT AMENDMENTS TO ARTICLE 187 OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE «UNLAWFUL TURNOVER OF PAYMENT INSTRUMENTS» AND THE RISKS OF OVER-CRIMINALIZATION

АБАКАРОВА Амина Мурадовна,
студент, магистр Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Высшая школа государственного аудита, Москва, Россия.
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: amina.abackarova@yandex.ru;

ABAKAROVA Amina Muradovna,
Student, master's student Lomonosov Moscow State University, Higher School of State Audit, Moscow, Russia.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.
E-mail: amina.abackarova@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются новеллы частей 4–6 ст. 187 УК РФ, криминализирующие неправомерный оборот электронных средств платежа без признака подделки, и их влияние на разграничение ответственности «клиентов-дропперов» и посторонних посредников. Показано, что введение критерия «корыстной заинтересованности» при конкуренции со ст. 159, 172, 174 УК РФ порождает проблемы квалификации и повышает риск чрезмерной карательности в отношении лиц с низкой степенью виновности. На материале ранней практики и публичных источников обсуждаются стандарты доказывания умысла и границы состава, формулируются предложения по уточнению диспозиций и поощрительных норм, а также по разъяснениям высших судебных инстанций, ориентированным на единообразие правоприменения.*

Abstract. *The paper examines the new Parts 4–6 of Article 187 of the Russian Criminal Code, which criminalise the unlawful circulation of electronic payment instruments absent counterfeiting, and their impact on distinguishing liability between "client-mules" and external intermediaries. It argues that the statutory "self-interest" element, in overlap with Articles 159, 172 and 174 CC RF, generates qualification challenges and heightens the risk of over-criminalisation of low-culpability actors. Drawing on early case materials and public sources, the article discusses intent-proof standards and the boundaries of the offence, and proposes refinements to statutory wording and incentive clauses, alongside Supreme Court guidance to ensure consistent enforcement.*

Ключевые слова: *статья 187 УК РФ; части 4–6; электронные средства платежа; «дроппер»; неправомерные операции; корыстная заинтересованность; умысел и соучастие.*

Keyword: *Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation; Parts 4–6; electronic payment instruments; "money mule" (dropper); unlawful operations; self-interest; intent and complicity.*

Для цитирования: *Абакарова А.М. Новеллы статьи 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей» и риски чрезмерной криминализации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 451-455. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_451.*

For citation*: Abakarova A.M. Recent amendments to Article 187 of the Russian Criminal Code «Unlawful turnover of payment instruments» and the risks of over-criminalization // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 451-455. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_451.*

Статья поступила в редакцию: 23.08.2025

Институт ответственности за неправомерный оборот электронных средств платежа в явном виде является новеллой российского права. В большинстве зарубежных государств аналогичные деяния охватываются составами отмывания денег и соучастия в мошенничестве, без выделения специальной нормы о «дропперах». Например, в странах ЕС и США лицо, которое выступает посредником для перевода преступных доходов (money mule), обычно привлекается к ответственности как участник схемы по легализации средств или как пособник самого мошенничества. При этом непременным условием является доказанность того, что «денежный мул» действовал заведомо или как минимум сознательно допуская незаконность транзакций [15]. Многие государства предпринимают усилия по профилактике: банки и правоохранители ведут разъяснительные кампании, предупреждая граждан о том, что передача своего счета третьим лицам карается законом (в Германии и Австрии это прямо трактуется как содействие в «отмывании денег», со штрафом или лишением свободы до нескольких лет) [16]. Тем не менее, прямого аналога частей 3–6 ст. 187 УК РФ, которые бы специально криминализировали именно передачу платежных средств, в зарубежных уголовных кодексах обычно нет, что вызывает интерес доктрины: с одной стороны, российский подход можно рассматривать как реакцию на национальный всплеск кибермошенничеств и недостатки прежней практики, с другой – возникает вопрос о потенциальном избыточном дублировании уже имеющихся международных инструментов борьбы с «денежными мулами». В США, к примеру, действующее законодательство позволяет преследовать дроппера по статьям о сговоре с целью мошенничества или отмывании денег, однако на практике правоохранительные органы часто сначала ограничиваются превентивными мерами: блокировкой счетов, внесением подозрительных лиц в специальные списки мониторинга, административными санкциями банков. Лишь при установлении явного умысла и крупного ущерба дело доводят до уголовного обвинения [18]. В Евросоюзе стратегия аналогична: делается упор на обязанность банков отслеживать и блокировать подозрительные переводы (в рамках директив ЕС по противодействию отмыванию доходов – AMLD), проводится ежегодная операция EMMA (European Money Mule Action), в ходе которой выявляются тысячи денег-«мулов» и многие привлекаются к от-

ветственности, но зачастую наказание ограничивается условным сроком или штрафом для первых нарушителей [17]. Таким образом, мировая тенденция – комплексный подход: сочетание правоохранительных мер с технологическим контролем транзакций и информированием населения. Российские же новые части ст. 187 УК представляют собой попытку решить проблему сугубо уголовно-правовым способом, что выглядит достаточно радикально. Предварительный анализ показывает, что уже в первые месяцы применения налицо риск несоразмерно жестких последствий. В некоторых юрисдикциях обсуждается введение специальных составов за продажу банковских счетов, но при этом предлагается относить такие деяния к менее тяжким категориям, учитывая второстепенный характер роли «мулов» в цепочке.

Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ статья 187 УК РФ («Неправомерный оборот средств платежей») была дополнена частями 3–6, вступившими в силу 5 июля 2025 г. [2] Эти нововведения направлены на пресечение так называемого «дропперства» – практики передачи гражданами своих банковских счетов, карт или иных платежных реквизитов третьим лицам для нелегических операций. Ранее ст. 187 УК РФ охватывала главным образом изготовление и сбыт поддельных платежных карт и технических устройств для неправомерных финансовых операций (ч. 1) и то же деяние, совершенное организованной группой (ч. 2). Данная первоначальная редакция была ориентирована на борьбу с фальшивыми инструментами платежа (например, поддельными банковскими картами, специальными устройствами типа скиммеров и т. п.). Теперь же новые части 3–6 вводят самостоятельные составы преступлений, охватывающие действия по неправомерному обороту электронных средств платежа (ЭСП), даже если сами средства платежа не являются поддельными, а эмитированы законно.

Новые части 3–6 существенно изменили характер статьи 187 УК РФ [1]. Если ранее она относилась к тяжким преступлениям (максимум 6–7 лет лишения свободы по частям 1 и 2) и применялась фактически для борьбы с изготовлением поддельных платежных средств, то теперь в ее рамках появились составы небольшой и средней тяжести, прямо охватывающие случаи использования реальных, а не фальшивых, банковских инструментов в преступных целях. Фактически законодатель создал отдельный уголовно-правовой запрет для поведения, которое прежде квалифицировалось лишь косвенно – как соучастие в мошенничестве (ст. 159 УК) или легализации (ст. 174 УК), либо же пыталось подводиться под старую ч. 1 ст. 187 УК расширительным толкованием. Так, ранее правоохранительные органы нередко привлекали так называемых номинальных держателей счетов и «дропов» под статью 187, доказывая, что переданный ими доступ к счету якобы подпадает под «сбыт электронных средств… предназначенных для неправомерного осуществления перевода средств» [3].

Однако подобная практика была крайне спорной. Во-первых, она противоречила принципу законности: в УК РФ отсутствовали определения электронных средств платежа, и суды вынужденно расширяли понятие «поддельности» средств платежа до случаев использования их не владельцем, а посторонним лицом [5]. Во-вторых, ответственность по ч. 1 ст. 187 УК считалась несоразмерно суровой для рядовых «дропперов» – ведь санкция до 6 лет лишения свободы относила деяние к категории тяжких преступлений. На практике это приводило к очевидной диспропорции: лица, не совершавшие самого хищения, а лишь предоставившие счет, подвергались преследованию как за тяжкое преступление. Многие судьи, осознавая несправедливость, старались смягчить участь таких подсудимых – например, снижали категорию преступления по правилам ст. 15 УК либо назначали наказание ниже низшего предела [11]. Показателен случай, когда суд прекратил дело о неправомерном обороте средств платежей в отношении обвиняемого, открывшего счета без намерения совершать по ним преступления: Верховный Суд РФ в апреле 2025 г. подтвердил, что само по себе открытие счета и передача его реквизитов без умысла на дальнейшие хищения не образует состав преступления [4]. Обозначенные случаи свидетельствовали о неполноте законодательства: прямого запрета на типичное «дропперство» не существовало. Теперь же с введением частей 3–6 пробел устранен – преступление описано явно и относится (для рядовых случаев по ч. 3–4) к категории небольшой тяжести, что теоретически обеспечивает более справедливую и соразмерную ответственность. Одновременно новая редакция встроена в систему норм о киберпреступности и противодействии отмыванию денег, дополняя соответствующие составы мошенничества и легализации, но не дублируя их: ст. 187 3–6 УК РФ наказывает именно за оборот платежных средств как таковой, независимо от конечной квалификации основного хищения.

Несмотря на декларируемые цели, ужесточение законодательства уже породило проблему чрезмерной репрессивности новых норм. Сразу после вступления поправок в силу последовали первые дела, демонстрирующие весьма строгий подход к малозначительным фигурантам. Так, в Москве в июле 2025 г. было возбуждено первое уголовное дело по «статье о дропперах» – задержана 52-летняя женщина, передававшая свой банковский счет мошенникам. Она открыла по указанию кураторов счет индивидуального предпринимателя и предоставила доступ злоумышленникам, которые зачислили через него более 1 млн руб. похищенных средств. Действия подозреваемой квалифицированы по ч. 3 ст. 187 УК РФ – то есть как передача ЭСП клиентом банка из корысти, с угрозой наказания до 3 лет лишения свободы [7]. Примечательно, что официальные лица сразу обозначили жесткую позицию: представитель МВД И. Волк подчеркнула наступление реальной уголовной ответственности за такие действия, а депутат ГД А. Немкин заявил, что задержанная «не наивная жертва, а сознательный участник схемы», без которой телефонное и интернет-мошенничество было бы невозможно. Он подчеркнул, что передача банковских реквизитов за вознаграждение – это преступление, и что теперь «безнаказанности больше не будет», призвав к нулевой толерантности к дропперам. Такой риторический акцент дает понять, что правоприменение новых частей ст. 187 УК РФ будет носить максимально репрессивный характер, даже в отношении лиц второстепенной роли.

Уже высказываются опасения, что нововведение приведет к массовой криминализации социально уязвимых групп. По оценкам МВД, ежемесячно около 80 тысяч человек становятся «дропперами», а потенциальными фигурантами дел по новым нормам могут оказаться до 2 миллио-

нов россиян. Данная огромная цифра свидетельствует о риске развертывания «лавины» уголовных преследований. Однако очевидно, что подобные деяния теперь будут квалифицироваться по ст. 187 3–6 УК РФ и влекут сравнимое или более строгое наказание [9]. Ключевая проблема – нарушение принципа справедливости наказания, закрепленного в ст. 6 УК РФ. Согласно этому принципу, наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности деяния, личности виновного и обстоятельствам дела. В случае с «дропперами» опасность их действий, хотя и очевидна, как правило ниже, чем у основных мошенников: они не сами выманивают деньги у потерпевших, а лишь помогают скрыть следы. Их мотив – чаще всего мелкая материальная выгода или даже отчаянная попытка поправить свое положение (как указала задержанная москвичка, она пошла на это, надеясь погасить долги) [7]. Тем не менее новые нормы ставят таких лиц под угрозу значительного тюремного срока. Часть 5 и 6 ст. 187 УК, относящиеся к «посредникам-неклиентам», вообще предусматривают наказание до 6 лет лишения свободы – т.е. квалифицируют деяние как тяжкое преступление наряду с самими кибер-мошенниками. Таким образом, возникает дисбаланс: рост уголовной репрессии непропорционален реальной роли и вине некоторых обвиняемых.

Еще до принятия закона 2025 г. эксперты указывали на риск уголовного преследования лиц, не осознающих противоправный характер своих действий. Мошенники нередко вовлекают в схемы случайных людей обманом – под видом легальной подработки (например, «тестирование банковских сервисов» или помощь в возврате ошибочного платежа) [14]. В подобных случаях у так называемых «слепых дроппов» может отсутствовать прямой умысел на содействие преступлению. До появления специальных норм это служило основанием для отказа в возбуждении дела либо для прекращения за отсутствием состава – ведь доказать, что гражданин знал о преступном источнике денег, было затруднительно [5]. Теперь же составы сформулированы таким образом, что достаточно установить корыстную заинтересованность, т.е. согласие лица получить выгоду за предоставление счета.

Фактически презюмируется, что, получая вознаграждение, гражданин должен был понимать неправомерность операции, что упрощает работу следствия, но таит угрозу ошибок правосудия. Что если дропперу пообещали вознаграждение, введя в заблуждение относительно законности целей (например, под предлогом участия в легальной финансовой услуге)? Формально признак корысти будет, и состава преступления не миновать. Российская адвокатура уже фиксирует случаи, когда судебные органы отказывались вникать в субъективную сторону, ограничиваясь фактом передачи карт за деньги. В обзоре практики отмечалось, что ранее органы иногда доводили ситуацию до абсурда – известен эпизод, когда под квалификацию ст. 187 УК подпала передача мобильного телефона (SIM-карты) одним лицом другому [5].

Лишь вмешательство Верховного Суда заставило пересмотреть подходы в 2025 г., как упомянуто выше, и прекратить подобные дела [3]. Однако введение новой, более «удобной» для обвинения нормы способно вернуть эту проблему на новый виток. Уже сейчас в профессиональной среде обсуждается: как быть с теми, кто привлечен по ст. 187 необоснованно? Например, до поправок ряд людей отбывали наказания по старой ч. 1 за фактическое дропперство, и их приговоры вступили в силу. Формально поправки не декриминализовали предыдущее деяние, а лишь ввели новые части, поэтому пересмотреть старые приговоры затруднительно [5]. Таким образом, нормативные изменения, призванные уточнить состав, не гарантируют устранения ошибок на практике. Напротив, есть опасность, что теперь следствие станет шире применять ст. 187 3–6 УК РФ вместо тщательного доказывания соучастия в мошенничестве или отмывании, и под удар попадут лица с минимальной степенью вины.

С научной точки зрения, новая редакция ст. 187 УК РФ ставит под вопрос соблюдение базовых принципов уголовного права – справедливости и соразмерности ответственности содеянному. Принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) требует, чтобы наказание учитывало характер и общественную опасность деяния, а также личность виновного. Применительно к «дропперам» это означает необходимость отличать корыстных активных пособников от тех, кто оказался втянут в преступление случайно либо играл технически вспомогательную роль. Между тем, санкции ч. 5–6 (до 6 лет колонии) ненамного мягче, чем наказание для самих организаторов мошенничества по ст. 159 УК, и относятся к той же категории тяжести. Более того, учитывая масштаб распространения данного явления (десятки тысяч эпизодов ежегодно), строгая реализация новых норм может привести к неоправданно массовому репрессивному эффекту, не сопоставимому с реальной опасностью каждого отдельного деяния. Принцип соразмерности подразумевает, что уголовно-правовые меры должны быть крайней мерой («ultima ratio») и применяться там, где иные средства недостаточны. Государство, безусловно, обязано реагировать на всплеск дистанционных краж и мошенничеств (в 2024 г. ущерб от них превысил 197 млрд руб.) [19].

Однако возникает вопрос, не чрезмерно ли полагаться именно на уголовное наказание для тысяч посредников. Не произойдет ли переноса акцента с профилактики и банковского контроля на карательные меры к рядовым исполнителям? Российская практика знает примеры, когда жесткое наказание малозначительных соучастников не приводит к снижению преступности, но перегружает тюрьмы и ломает судьбы людей, выступавших скорее орудием в руках организаторов. Новые части 4–6 ст. 187 УК прямо направлены на «рядовых» участников схем, тогда как организаторы зачастую находятся за границей и недосягаемы. В итоге существует риск дисбаланса: суровое наказание понесут прежде всего мелкие дропперы (наиболее доступные для правоохранителей), что выглядит как смещение репрессивного удара на периферию преступной группы. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что эффективность противодействия киберпреступности достигается комбинацией мер: финансового надзора, технических решений (anti-fraud систем), просвещения населения и точечного наказания организаторов [16]. Преувеличенная ставка на уголовную репрессию в отношении низового звена может подорвать принципы гуманизма и справедливости, не устранив корневую проблему.

Мы можем сделать следующие выводы по итогам нашего исследования. Введение частей 4–6 в ст. 187 УК РФ, безусловно, ликвидировало

имевшийся пробел и усилило уголовно-правовую борьбу с кибермошенничеством. Однако проведенный анализ позволяет заключить, что данная мера порождает серьезные проблемы правоприменения.

Во-первых, усиление карательности затрагивает главным образом лиц с минимальной выгодой и осведомленностью, что вступает в противоречие с принципами справедливости и гуманизма уголовного закона.

Во-вторых, практические примеры свидетельствуют о тенденции привлекать по новым нормам широкий круг фигурантов, вплоть до фактически обманутых посредников, причем им грозят реальные сроки лишения свободы. Рост уголовной репрессии здесь не сопровождается равноценным повышением доказательственных стандартов – напротив, составы сконструированы так, чтобы облегчить привлечение к ответственности (через признак «корыстной заинтересованности»), что может приводить к судебным ошибкам.

В-третьих, сравнительно-правовой обзор показывает, что международная практика делает упор на превенцию и пресечение отмывания средств, а не на массовое уголовное наказание мелких исполнителей. Следовательно, российский подход рискует стать чрезмерно репрессивным, не достигнув при этом заявленной цели сокращения дистанционных хищений: организаторы преступлений могут остаться на свободе, тогда как тюрьмы наполнятся социально неблагополучными «дропперами». Представляется, что назрела необходимость корректировки этих норм. Научная и практическая дискуссия должна быть направлена на поиск баланса между эффективностью и справедливостью: возможно, стоит предусмотреть в примечаниях к ст. 187 УК специальные положения о малозначительности деяния либо о снижения наказания для добровольно раскаявшихся исполнителей (расширив действующую норму об освобождении для ч. 3–4 на некоторые случаи ч. 5). Также целесообразно усилить разъяснительную работу и банковский контроль, не полагаясь исключительно на уголовные запреты. Принцип соразмерности наказания требует, чтобы борьба с «дропперством» не превращалась в кампанию устрашения за счет тысяч малозначительных обвиняемых. В противном случае доверие к уголовному правосудию будет подорвано, а провозглашенные принципы справедливости – нарушены. Российское уголовное право уже сталкивалось с проблемой избыточной криминализации в сфере экономических преступлений, и новый опыт с применением ст. 187 3–6 УК РФ, по сути, подтверждает этот тренд. Не умаляя опасности киберпреступности, следует признать: карательная политика должна быть соразмерной, иначе она сама становится источником социальной несправедливости.

Таким образом, критический анализ изменений в статье 187 УК РФ показывает, что хотя законодатель и стремился закрыть лазейки для преступников, результатом стало также и резкое расширение уголовной репрессии, затрагивающее в том числе лиц с низкой степенью виновности. Предстоит выработать подходы, которые позволят применять новые нормы взвешенно, индивидуализируя ответственность дропперов в зависимости от их реальной роли и умысла. Без этого правоприменение рискует перейти черту, где наказание перестает отвечать требованиям справедливости. Только соблюдение принципов соразмерности и разумная дифференциация ответственности способны превратить ст. 187.3–6 УК РФ из инструмента репрессивного в инструмент по-настоящему справедливого и эффективного правосудия.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. (Действующая ред. от 31.07.2025; ст. 187 — в ред. ФЗ от 24.06.2025 № 176-ФЗ).
2. О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 26. Ст. 3506. (Вступ. в силу с 05.07.2025).
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2025 № 66-УДП25-11-К8 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2454058 (дата обращения: 23.08.2025).
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.06.2024 [Электронный ресурс] // Банк судебных документов ВС РФ. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2384842 (дата обращения: 23.08.2025).
5. Чарыков А. Ответственность дропперов: неурегулированные вопросы [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. 2025. № 17(442). – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/otvetstvennost-dropperov-neuregulirovannye-voprosy/ (дата обращения: 23.08.2025).
6. Уголовная ответственность за незаконные операции с электронными платежами (обзор ФЗ № 176-ФЗ) [Электронный ресурс] // Вестник финансового мониторинга. 26.06.2025. – URL: https://vestnik115fz.ru/news/news_post/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nezakonnye-operacii-s-elektronnymi-platezhami (дата обращения: 23.08.2025).
7. Лебедева Д. В России возбудили первое уголовное дело о дропперстве [Электронный ресурс] // РБК. 24.07.2025. – URL: https://www.rbc.ru/society/24/07/2025/6881e4179a7947a757e4ce14 (дата обращения: 23.08.2025).
8. Агафонов И. Первый камешек лавины: столичное МВД возбудило уголовное дело по статье о дропперах [Электронный ресурс] // ComNews. 25.07.2025. – URL: https://www.comnews.ru/content/240359/2025-07-25/2025-w30/1007/pervyy-kameshek-laviny-stolichnoe-mvd-vozbudilo-ugolovnoe-delo-state-o-dropperakh (дата обращения: 23.08.2025).
9. Колокольцев: ежемесячно 80 тыс. россиян становятся дропперами [Электронный ресурс] // ТАСС. 23.05.2025. – URL: https://tass.ru/ekonomika/24031271 (дата обращения: 23.08.2025).
10. МВД заявило о риске уголовного преследования 2 млн россиян после вступления в силу закона о дропперах [Электронный ресурс] // РБК. 19.06.2025. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6853e0fe9a794705233aab90 (дата обращения: 23.08.2025).
11. Прокуратура Архангельской области. Приговор по ч. 1 ст. 187 УК РФ – 1 год 2 месяца условно (20.12.2023) [Электронный ресурс] // Офиц. сайт прокуратуры (epp.genproc.gov.ru). – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_29/mass-media/news?item=92206868 (дата обращения: 23.08.2025).
12. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции. Карточка судебного акта по ч. 1 ст. 187 УК РФ (с применением ст. 64 УК РФ): 1 год 6 месяцев лишения свободы; условно по ст. 73 УК РФ [Электронный ресурс] // Офиц. портал судов общей юрисдикции. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?case_type=0&delo_id=2450001&name=sud_delo&name_op=doc&new=2450001&number=32937086&srv_num=1&text_number=1 (дата обращения: 23.08.2025).
13. Ущерб от действий кибермошенников в РФ в 2024 г. вырос до 200 млрд руб. — МВД [Электронный ресурс] // Интерфакс. 19.02.2025. – URL: https://www.interfax.ru/russia/1009710 (дата обращения: 23.08.2025).
14. За дропперами по кругу [Электронный ресурс] // Ведомости. 21.02.2025. – URL: https://kiozk.ru/article/vedomosti/za-dropperami-po-krugu (дата обращения: 23.08.2025).
15. The FATF Recommendations. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation [Электронный ресурс] // FATF-GAFI. 2012–2025. – URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/FATF%20Recommendations%202012.pdf.coredownload.inline.pdf (дата обращения: 23.08.2025).

16. European Money Mule Action leads to 1 803 arrests [Электронный ресурс] // Europol. 01.12.2021. – URL: https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/european-money-mule-action-leads-to-1-803-arrests (дата обращения: 23.08.2025).
17. Money Muling [Электронный ресурс] // Europol. Б/д. – URL: https://www.europol.europa.eu/operations-services-and-innovation/public-awareness-and-prevention-guides/money-muling (дата обращения: 23.08.2025).
18. Money mules – what are the risks? [Электронный ресурс] // INTERPOL. 10.08.2022. – URL: https://www.interpol.int/en/Crimes/Financial-crime/Money-mules-what-are-the-risks (дата обращения: 23.08.2025).
19. Кольцов Д. В. Место принципа соразмерности в международно-правовом институте специальных методов расследования [Электронный ресурс] // CyberLeninka. 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-printsipa-sorazmernosti-v-mezhdunarodno-pravovom-institute-spetsialnyh-metodov-rassledovaniya-analiz-s-operativno-rozysknyh (дата обращения: 23.08.2025).

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13 June 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954. (Current version as of 31.07.2025; Art. 187 as amended by Federal Law of 24.06.2025 No. 176-FZ).
2. On Amending Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 24 June 2025 No. 176-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 26. Art. 3506. (In force since 05.07.2025).
3. Ruling of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.04.2025 No. 66-UDP25-11-K8 [Online] // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2454058 (accessed: 23.08.2025).
4. Ruling of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.06.2024 [Online] // Bank of Judicial Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2384842 (accessed: 23.08.2025).
5. Charykov A. Liability of “droppers”: unresolved issues [Online] // Advokatskaya Gazeta. 2025. No. 17(442). URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/otvetstvennost-dropperov-neuregulirovannye-voprosy/ (accessed: 23.08.2025).
6. Criminal liability for illegal operations with electronic payments (review of Federal Law No. 176-FZ) [Online] // Financial Monitoring Bulletin. 26.06.2025. URL: https://vestnik115fz.ru/news/news_post/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nezakonnye-operacii-s-elektronnymi-platezhami (accessed: 23.08.2025). [in Russian]
7. Lebedeva D. Russia opened the first criminal case on “dropperism” [Online] // RBC. 24.07.2025. URL: https://www.rbc.ru/society/24/07/2025/6881e4179a7947a757e4ce14 (accessed: 23.08.2025).
8. Agafonov I. The first pebble of the avalanche: Moscow MIA opened a criminal case under the “dropper” article [Online] // ComNews. 25.07.2025. URL: https://www.comnews.ru/content/240359/2025-07-25/2025-w30/1007/pervyy-kameshek-laviny-stolichnoe-mvd-vozbudilo-ugolovnoe-delo-state-o-dropperakh (accessed: 23.08.2025).
9. Every month 80 thousand Russians become droppers [Online] // TASS. 23.05.2025. URL: https://tass.ru/ekonomika/24031271 (accessed: 23.08.2025).
10. MIA announced risk of criminal prosecution of 2 million Russians after the “dropper” law entered into force [Online] // RBC. 19.06.2025. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6853e0fe9a794705233aab90 (accessed: 23.08.2025).
11. Prosecutor’s Office of the Arkhangelsk Region. Sentence under Part 1 of Art. 187 CC RF — 1 year 2 months suspended (20.12.2023) [Online] // Official website of the Prosecutor’s Office (epp.genproc.gov.ru). URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_29/mass-media/news?item=92206868 (accessed: 23.08.2025).
12. Eighth Cassation Court of General Jurisdiction. Case card under Part 1 of Art. 187 CC RF (with application of Art. 64 CC RF): 1 year 6 months’ imprisonment; suspended under Art. 73 CC RF [Online] // Official portal of courts of general jurisdiction. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?case_type=0&delo_id=2450001&name=sud_delo&name_op=doc&new=2450001&number=32937086&srv_num=1&text_number=1 (accessed: 23.08.2025).
13. Damage from cyber-fraud in Russia in 2024 grew to 200 billion rubles — MIA [Online] // Interfax. 19.02.2025. URL: https://www.interfax.ru/russia/1009710 (accessed: 23.08.2025). [in Russian]
14. After “droppers” in circles [Online] // Vedomosti. 21.02.2025. URL: https://kiozk.ru/article/vedomosti/za-dropperami-po-krugu (accessed: 23.08.2025).
15. The FATF Recommendations. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation [Online] // FATF-GAFI. 2012–2025. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/FATF%20Recommendations%202012.pdf.coredownload.inline.pdf (accessed: 23.08.2025).
16. European Money Mule Action leads to 1,803 arrests [Online] // Europol. 01.12.2021. URL: https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/european-money-mule-action-leads-to-1-803-arrests (accessed: 23.08.2025).
17. Money Muling [Online] // Europol. n.d. URL: https://www.europol.europa.eu/operations-services-and-innovation/public-awareness-and-prevention-guides/money-muling (accessed: 23.08.2025).
18. Money mules — what are the risks? [Online] // INTERPOL. 10.08.2022. URL: https://www.interpol.int/en/Crimes/Financial-crime/Money-mules-what-are-the-risks (accessed: 23.08.2025).
19. Koltsov D. V. The place of the principle of proportionality in the international-legal institute of special investigative methods [Online] // CyberLeninka. 2025. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-printsipa-sorazmernosti-v-mezhdunarodno-pravovom-institute-spetsialnyh-metodov-rassledovaniya-analiz-s-operativno-rozysknyh (accessed: 23.08.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_456

УДК 343.3

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ОПЕРАТИВНОГО ПОИСКА И ОПЕРАТИВНОЙ ПРОВЕРКИ

CRIME IN THE SPHERE OF "HEALTHCARE" NATIONAL PROJECT IMPLEMENTATION: CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PROPOSALS FOR OPERATIONAL SEARCH AND OPERATIONAL VERIFICATION

ПОПОВА Евгения Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: p_e_m_2013@mail.ru;

ПОМЕЛОВ Александр Афанасьевич,
старший преподаватель
кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД,
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: A.pomel_77@mail.ru;

POPOVA Evgeniya Mikhailovna,
Candidate of Economic Sciences
Associate Professor of the Criminal Law and Criminology Department
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk, Lermontov St., 110.
E-mail: p_e_m_2013@mail.ru;

POMELOV Alexander Afanasyevich,
Senior Lecturer of the Department of Operational-Investigative
Activities and Special Equipment in the Internal Affairs Bodies
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk, Lermontov St., 110.
E-mail: A.pomel_77@mail.ru;

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются криминологическая нагрузка от преступлений, связанных с реализацией национального проекта «Здравоохранение», социально-демографический портрет среднестатистического преступника, наиболее распространенные схемы совершения преступлений на разных этапах государственных закупок. Авторы предлагают рекомендации по повышению эффективности оперативного поиска и оперативной проверки.*

Abstract. *The article examines the criminological burden of crimes related to the implementation of the "Healthcare" national project, the socio-demographic portrait of the average criminal, the most common crime schemes at different stages of public procurement. The authors offer recommendations for increasing operational search and operational verification effectiveness.*

Ключевые слова: *национальный проект, здравоохранение, преступность, оперативный поиск, оперативная проверка.*
Key words: *national project, health care, crime, operational search, operational verification.*

Для цитирования: *Попова Е.М., Помелов А.А. Преступность в сфере реализации национального проекта «здравоохранение»: криминологическая характеристика и предложения по осуществлению оперативного поиска и оперативной проверки // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 456-459. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_456.*
For citation*: Popova E.M., Pomelov A.A. Crime in the sphere of "healthcare" national project implementation: criminological characteristics and proposals for operational search and operational verification // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 456-459. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_456.*

Статья поступила в редакцию: 19.06.2025

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», сохранение населения и укрепление здоровья людей обозначено в качестве приоритетной национальной цели развития. Инструментом достижения данной цели, имеющей стратегическое значение для социально-экономического благополучия страны, выступает реализация серии профильных национальных проектов: «Здоровье» (2006–2013 гг.), «Здравоохранение» (2014–2024 гг.), «Продолжительная и активная жизнь» (2025–2030 гг.). Национальный проект «Здравоохранение» входит в число пяти наиболее бюджетоемких национальных проектов, за 2019–2024 гг. совокупный объем финансовых ресурсов, направляемых на его реализацию, составил 1,9 трлн руб., в среднегодовом исчислении 313,5 млрд руб. [1].

Согласно паспорту нового национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» и закону о федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов, среднегодовое финансовое обеспечение мероприятий национального проекта превысит 312 млрд руб. [2]. В то же время достижение целей национального проекта выступает объектом преступных посягательств, что вызывает необходимость активизации усилий правоохранительных органов по защите бюджетных средств, выделяемых на его реализацию.

Проведенный анализ показал, что за 2020–2023 гг. удельный вес возбужденных уголовных дел в общем числе проверок получателей средств федерального бюджета, направленных на реализацию национального проекта «Здравоохранение, которые были инициированы право-

охранительными органами, достиг только 8% [3, с. 112]. Для сравнения данный показатель по другим наиболее бюджетоемким проектам составил более значительную величину: национальному проекту «Демография» – 35,6%, по национальному проекту «Образование» – 14,1% [4].

Опрос сотрудников оперативных подразделений позволил идентифицировать ряд факторов, снижающих эффективность оперативных и процессуальных проверок, среди которых недостаток знаний об особенностях механизма преступлений, совершаемых в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение», и отсутствие систематизированных методических рекомендаций по выявлению и раскрытию данной категории преступлений [5, с. 98; 6, с. 80].

Цель настоящего исследования состоит в систематизации схем совершения преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» и разработке рекомендаций по повышению эффективности осуществления оперативного поиска и оперативной проверки.

С 2020 по 2024 г. количество зарегистрированных преступлений выросло с 95 до 210, среднегодовой прирост составил 22% [4]. За рассматриваемый период времени опережающими темпами увеличивался размер материального ущерба, установленный органами предварительного расследования по оконченным и приостановленным уголовным делам: с 12,5 млн руб. в 2020 г. до 520,3 млн руб. в 2024 г. [4]. Расчет относительных показателей динамики показал, что в среднем каждый год материальный ущерб увеличивался в 2,5 раза. Территориальный критерий характеристики преступлений, совершаемых в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение», предлагаем раскрыть через сравнительный анализ криминологической нагрузки в разрезе федеральных округов.

В целом по Российской Федерации криминологическая нагрузка от данной категории преступлений в 2023 г. выросла на 0,03 по сравнению с 2022 г. Аналогичная динамика наблюдается по отдельным федеральным округам, исключение составили Южный и Северо-Западный федеральные округа, где произошло сокращение криминологической нагрузки от преступлений, связанных с реализацией национального проекта «Здравоохранение». Коэффициент вариации, который позволяет дать оценку территориальной однородности совершаемых преступлений, в 2022 г. составил 71%, в 2023 г. – 68% при пороговом значении, равном 33%. Полученные результаты свидетельствуют о неравномерном географическом распределении преступлений: по данным 2023 г. наибольшей криминологической нагрузкой от преступлений, совершаемых в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», характеризовались Дальневосточный, Приволжский и Северо-Кавказский федеральные округа, в то время как наименьшие показатели криминологической нагрузки зафиксированы в Центральном, Уральском и Северо-Западном федеральных округах.

Далее рассмотрим структуру преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» в разрезе отдельных состав преступлений, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса РФ. За весь период реализации национального проекта «Здравоохранение» с 2019 по 2024 г. наибольший удельный вес в структуре зарегистрированных преступлений занимают пять составов: ст. 159, ст. 285, ст. 290, ст. 291, ст. 292 УК РФ, на которые приходится 77% от общего числа зарегистрированных преступлений.

Прежде чем дать описание механизма совершения отдельных преступлений, составляющих значительную долю в структуре зарегистрированной преступности в сфере реализации национального проекта, считаем целесообразным обсудить ключевые аспекты криминологического портрета личности осужденных по рассматриваемой категории уголовных дел. Изучение приговоров суда позволило создать обобщенный социально-демографический портрет среднестатистического преступника со следующими типичными чертами:

– пол: преступления совершают в равной степени как мужчины, так и женщины, явного перевеса по гендерному признаку не наблюдается;

– уровень образования: осужденные в подавляющем большинстве имеют высшее образование;

– семейное положение: почти во всех случаях осужденные состояли в браке, имели малолетних или несовершеннолетних детей;

– наличие судимости: все осужденные совершили преступление впервые, ранее не были судимы;

– должность и место работы: чаще всего осужденные занимали руководящие должности такие как, главный врач или заместитель главного врача, начальник проектно-сметного отдела государственного учреждения здравоохранения, должность врача-терапевта, инженера или главного специалиста технического отдела Управления капитального строительства, а также являлись учредителями и директорами коммерческих организаций;

– наличие трудовых заслуг и благодарностей: достаточно часто осужденные по результатам трудовой деятельности были отмечены почетными грамотами, благодарственными письмами и знаками отличия, имели государственные награды, были занесены на Доску почета учреждения или муниципального образования;

– филантропия: нередко осужденные занимались благотворительностью, в частности, оказывали добровольную финансовую помощь в зону СВО, детским домам.

Таким образом, субъект преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» представляет собой образованного, семейного человека, замещающего руководящую должность, должность специалиста или являющегося предпринимателем, который занимает активную гражданскую позицию и чьи трудовые заслуги получили общественное признание. С точки зрения разработки дальнейших рекомендаций по выявлению и раскрытию данной категории преступлений значимую практическую ценность имеет понимание не только личности преступника, но и наиболее распространенных схем совершения преступлений. В связи с чем необходимо дать краткую характеристику того, как выполнялась объективная сторона отдельных составов преступлений.

Мошенничество (ст. 159 УК РФ). По результатам электронного аукциона заключались государственные контракты на выполнение капитального ремонта помещений учреждения здравоохранения, поставку медицинского оборудования или строительство фельдшерско-акушерских пунктов. Хищение бюджетных денежных средств осуществлялось посредством обмана заказчика, а именно установки оборудования, не предусмотренного локальным сметным расчетом с ухудшенными техническими характеристиками и меньшей стоимостью, а также невыполнением или выполнением работ в меньшем объеме, чем предусмотрено локальным сметным расчетом [7, с. 125]. В дальнейшем директор фирмы подрядчи-

ка вносил заведомо ложные сведения в акты о приемке выполненных работ по форме КС-2 и справки о стоимости выполненных работ по форме КС-3, то есть, включал сведения об объеме и качестве выполненных работ и поставленного оборудования в полном соответствии с локальным сметным расчётом и техническим заданием. Применение такой схемы хищения бюджетных средств имело своим следствием нанесение имущественного ущерба бюджету субъекта РФ.

Стоит отметить, что мошенничество осуществлялось в крупном и особо крупном размерах, например, директор ООО «Отрадненское пожарное общество» похитил 791 тыс. руб., а генеральный директор ООО «Интеллект» – 2 298 тыс. руб. [8]. Последний одновременно являлся единственным учредителем и генеральным директором двух предприятий ООО «Интеллект» и ООО «Еврокомфорт», при этом ООО «Интеллект» был внесен в реестр недобросовестных поставщиков. В связи с чем, опасаясь быть не допущенным к электронному аукциону, он привлек своего сотрудника из ООО «Интеллект» в качестве учредителя и генерального директора ООО «Еврокомфорт», тем самым, получив возможность оставаться бенефициарным владельцем общества и осуществлять фактическое руководство.

Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Здесь можно выделить две наиболее распространенные схемы совершения преступлений, предусмотренных настоящей статьей. Первая схема заключается в том, что главный врач, будучи заказчиком по государственному контракту, подписывает ранее упомянутые КС-2 и КС-3, заведомо располагая сведениями о том, что выполненные работы и поставленное оборудование не соответствует локальному сметному расчету и техническому заданию, что причиняет существенный имущественный вред федерального или региональному бюджету.

Вторая схема совершения должностного преступления заключается в том, что начальник проектно-сметного отдела (юридического отдела, отдела маркетинга) государственного учреждения здравоохранения дает указание своим сотрудникам или самостоятельно готовит и корректирует техническое задание под запросы и коммерческие интересы конкретного подрядчика, тем самым, искусственно создавая благоприятные условия для его победы в электронном аукционе на право заключения государственного контракта. Например, Октябрьский районный суд г. Архангельска вынес обвинительный приговор от 22 апреля 2024 года в отношении Петровой, которая дала поручение находившемуся в ее подчинении сотруднику подготовить запрос о предоставлении ценовой информации в адрес ее знакомого, с которым ранее уже был заключен, а впоследствии расторгнут государственный контракт на приобретение фельдшерско-акушерского пункта [9].

Полученный ответ на запрос Петрова использовала для обоснования начальной максимальной цены контракта и внесения предложения в Министерство строительства и архитектуры Архангельской области, которое выступало главным распорядителем бюджетных средств, выделенных в рамках национального проекта «Здравоохранение», об увеличении лимитов бюджетных обязательств. Подрядчик сообщил Петровой, что при строительстве первого фельдшерско-акушерского пункта он понес убытки в размере 2 млн руб., поэтому ему необходима победа в новом аукционе, при этом стоимость государственного контракта должна составлять не менее 17 млн руб., что позволит последнему покрыть ранее понесенные убытки. В результате первый электронный аукцион был признан несостоявшимся ввиду несоответствия техническому заданию заказчика.

После чего Петрова самостоятельно исключила из технического задания площади помещений, которые послужили основанием для отказа по первой заявке, что имело своим следствием проведение вторичной закупки и заключение государственного контракта на приобретение фельдшерско-акушерского пункта с завышенной ценой (по результатам заключения эксперта рыночная стоимость составила 6,8 млн руб. вместо 17 млн руб.). Основной мотив, по которому должностные лица идут на злоупотребление должностными полномочиями – это иная личная заинтересованность, которая состоит в стремлении приукрасить текущее положение дел, продемонстрировать своевременность освоения бюджетных средств и высокую эффективность деятельности учреждения здравоохранения по реализации национального проекта.

Получение и дача взятки (ст. 290, ст. 291 УК РФ). Согласно актуальной судебной практике, общественно опасное деяние в большинстве своем совершается на этапе подготовки аукционной документации, что обусловлено существующим порядком организации государственных закупок и невозможностью повлиять на результаты электронного аукциона [10, с. 70]. Рассмотрим схемы совершения преступлений на разных этапах государственных закупок.

Составление и утверждение плана-графика. Директор (учредитель) коммерческой организации достигает договоренность за взятку в виде денег с лицами, занимающими государственную должность в органах исполнительной власти, которые могут оказать влияние на формирование планов-графиков. Взяткодатель направляет технические задания оборудования, в поставке которого он заинтересован. Взяткополучатель способствует включению такого оборудования в планы-графики медицинских учреждений и дальнейшему согласованию.

Запрос коммерческих предложений и подготовка аукционной документации к размещению в Единой информационной системе (далее ЕИС). Директор (учредитель) коммерческой организации достигает договоренность с главным врачом районной больницы за взятку в виде денег о том, что последний окажет содействие в обеспечении победы в электронном аукционе. Главный врач дает указание специалисту при описании объекта закупки в аукционной документации использовать техническое задание, направленное на электронную почту от конкретной организации.

Заключение и исполнение государственного контракта. Инициатором дачи (получения) взятки выступает как главный врач районной больницы (заказчик), так и директор организации (подрядчик). Взятка дается за приемку работ (оборудования), выполненных в неполном объеме и с ненадлежащим качеством, не в соответствии с техническим заданием, заключение дополнительных соглашений о продлении сроков выполнения работ.

Служебный подлог (ст. 292 УК РФ). Одна из наиболее распространенных схем совершения преступления состоит в том, что врач-терапевт участковый, который согласно Приказу Минздрава России от 27.04.2021 N 404н «Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения» является ответственным за организацию и проведение диспансеризации населения терапевтического участка, вносит в медицинскую карту пациента, карту учета профилактического медицинского осмотра (диспансери-

зации), а также в автоматизированную систему «КСАМУ» заведомо ложные сведения о прохождении прикрепленного населения диспансеризации. Согласно приговору суда, вынесенного 11 декабря 2023 года Воткинским районным судом Удмуртской Республики, врач-терапевт участковый в результате внесения заведомо ложных сведений в выше указанные официальные документы была необоснованно премирована на сумму 20 585 руб., тем самым создав фиктивные показатели реализации национального проекта и причинив вред авторитету учреждения [11].

Выводы и рекомендации. Понимание наиболее распространенных схем совершения преступлений позволит грамотно и эффективно организовать оперативный поиск и оперативную проверку, тем самым повысить степень выявления и раскрываемости преступлений, объектом посягательства которых является достижение национальных целей развития в сфере здравоохранения. На основе изученной судебной практики представляется целесообразным сформулировать следующие рекомендации по повышению результативности оперативного поиска и оперативной проверки.

Первоочередным шагом следует определить, какие мероприятия в зоне оперативного обслуживания (регионе, муниципальном образовании) финансируются в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение». Необходимо сделать запрос в региональное министерство здравоохранения, контрольно-счетную палату либо найти в открытых источниках официальную версию паспорта региональной государственной программы и региональных проектов. Как правило, при финансировании мероприятий национального проекта используются инструменты межбюджетного регулирования, предоставляются межбюджетные трансферты. Дополнительную информацию о главных распорядителях бюджетных средств, доведенных лимитах бюджетных обязательств можно получить, направив запросы в региональное министерство финансов, а также в комитет по бюджетной и налоговой политике представительного органа власти.

Кроме того, необходимо изучить документацию, выложенную на официальном портале ЕИС в сфере закупок, особое внимание следует уделять соответствию актов приемки по форме КС-2 техническому заданию, локальному сметному расчету. Если предметом государственного контракта является поставка и установка медицинского оборудования, целесообразно проверить, зарегистрировано ли оно как медицинское изделие (регистрационное досье на медицинское изделие). Исходя из существующей практики совершения преступлений, своего рода «красным флагом» является значительное число заключенных дополнительных соглашений к государственному контракту. Поскольку есть случаи создания «подставных» фирм или привлечения «подставных» лиц в качестве учредителей организаций, участвующих в государственных закупках, следует проверять аффилированность организаций, признанных победителями электронных аукционов.

Список литературы:

1. Электронный бюджет: официальный сайт. URL: https://budget.gov.ru/Национальные-проекты? regionId=45000000 (дата обращения: 07.05.2025).
2. Паспорт «Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» [Электронный ресурс]: // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504158/(дата обращения: 06.05.2025).
3. Фарахиев, Д. М. Противодействие преступлениям, связанным с хищениями бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 3. – С. 107-116.
4. Состояние преступности в России // МВД РФ: официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xnp1ai/reports/item/47055751/?ysclid=m2td5f0iby178587997 (датf обращения: 29.04.2025).
5. Бражин, Ю.Ю. Теоретико-прикладное исследование служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»: сущность и содержание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 95-100.
6. Рассказов, А. А. О некоторых вопросах совершенствования законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым при реализации национальных проектов России // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (47). – С. 77-82.
7. Иванов, П. И. Об особенностях выявления и раскрытия экономических и коррупционных преступлений, совершаемых при освоении бюджетных средств (оперативно-розыскной аспект) // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 3 (59). – С. 123-131.
8. Приговор Майкопского городского суда (Республика Адыгея) от 22 августа 2023 г. по делу № 1-29/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9LSThhtf0Xdc/ (дата обращения: 15.05.2025).
9. Апелляционное постановление Архангельского областного суда от 23 июня 2024 г. № 22-2071/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gzlhRiqmBvJw/ (дата обращения: 10.05.2025).
10. Агеенков, А. А., Телков, А. В. К вопросу о защите бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов, посредством оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука. – 2021. – № 6. –С. 68-72.
11. Приговор Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 11 декабря 2023 г. по делу № 1-547/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/lyc0BE7WPglv/ (дата обращения: 11.05.2025).

References:

1. Electronic budget: official website. URL: https://budget.gov.ru/Націцьные-проекты? regionId=45000000 (date of access: 07.05.2025).
2. Passport “National project “Long and active life” [Electronic resource]: // SPS “Consultant Plus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504158/ (date of access: 06.05.2025).
3. Farakhiev D.M. Combating crimes related to the theft of budget funds allocated for the implementation of national projects // North Caucasian Legal Bulletin. – 2023. – No. 3. – P. 107-116.
4. The state of crime in Russia // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/?ysclid=m2td5f0iby178587997 (date of access: 29.04.2025).
5. Brazhin Yu.Yu. Theoretical and applied study of official-economic crimes in the sphere of implementation of the national project "Healthcare": essence and content // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 2 (94). – P. 95-100.
6. Rasskazov A.A. On some issues of improving legislation in the field of combating crimes committed during the implementation of national projects of Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1 (47). – P. 77-82.
7. Ivanov P.I. On the specifics of identifying and solving economic and corruption crimes committed during the development of budget funds (operational-search aspect) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 3 (59). – P. 123-131.
8. Verdict of the Maykop City Court (Republic of Adygea) dated August 22, 2023 in case No. 1-29/2023 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9LSThhtf0Xdc/ (date accessed: 15.05.2025).
9. Appellate ruling of the Arkhangelsk Regional Court dated June 23, 2024 No. 22-2071/2024 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gzlhRiqmBvJw/ (date accessed: 10.05.2025).
10. Ageenkov A.A., Telkov A.V. On the issue of protecting budget funds allocated for the implementation of national projects through operational-search activities // Legal Science. – 2021. – No. 6. – P. 68-72.
11. Verdict of the Votkinsk District Court of the Udmurt Republic dated December 11, 2023 in case No. 1-547/2023 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website. URL: https://sudact.ru/regular/doc/lyc0BE7WPglv/ (date accessed: 11.05.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_460

УДК 343

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ, ПРИЗНАКАХ И СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА
ON THE ISSUE OF CONCEPTS, SIGNS AND THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF PENAL ENFORCEMENT LAW

ГЛЕБОВА Екатерина Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»,
заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин.
443080, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24В.
E-mail: kolesnyak@yandex.ru;

ПОПОВА Виктория Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент
ФКОУ ВО Санкт-Петербургский Университет ФСИН России,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, Саперная, 34.
E-mail: Viktoriia13@yandex.ru;

GLEBOVA Ekaterina Viktorovna,
candidate of legal Sciences, Samara Institute of law of the Federal Penal Correction Service
Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines.
443080, Russia, Samara, ul. Rylskaya, 24B.
E-mail: kolesnyak@yandex.ru;

POPOVA Viktorya Viktorovna,
PHd (Low), St. Petersburg University, the Federal Penitentiary Service of Russia,
Associate Professor of the Department Chair of civil disciplines.
34 Sapernaya Street, Saint Petersburg, Russia, 196602.
E-mail: Viktoriia13@yandex.ru

Краткая аннотация. *Пенитенциарная система России выполняет важные государственные задачи по исправлению осужденных, реализации уголовно-правовой кары, предупреждению совершения повторных преступлений. Деятельность уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) должна строиться на основополагающих идеях, определяющих цели, методы и содержание пенитенциарной политики. Основополагающие начала любой деятельности, имеющие центральное и основное значение, в юриспруденции называются принципами. Физическое выражение принципов заключается в том, что практическая деятельность уголовно-исполнительной системы организована в строгом соответствии с ними. Эффективность УИС оценивается по ряду ключевых критериев: уровень рецидивной преступности, отсутствием чрезвычайных происшествий в пенитенциарных учреждениях, соблюдением прав человека и ресоциализацией осужденных. Автором рассмотрены и проанализированы признаки принципов уголовно-исполнительного права.*

Abstract. *The Russian penitentiary system performs important state tasks for the correction of convicts, the implementation of criminal penalties, and the prevention of repeated crimes. The activities of the penal correction system (hereinafter referred to as the Penal correction system) should be based on fundamental ideas that define the goals, methods and content of penitentiary policy. The fundamental principles of any activity, which are of central and fundamental importance, are called principles in jurisprudence. The physical expression of the principles lies in the fact that the practical activities of the penal enforcement system are organized in strict accordance with them. The effectiveness of the penal system is assessed by a number of key criteria: the level of recidivism, the absence of emergencies in penitentiary institutions, respect for human rights and the rehabilitation of convicts. The author examines and analyzes the features of the principles of penal enforcement law.*

Ключевые слова: *принципы уголовно-исполнительного права, законность, гуманизм, система принципов, принципы права, принципы законодательства.*

Keywords: *principles of penal enforcement law, legality, humanism, system of principles, principles of law, principles of legislation.*

Для цитирования: *Глебова Е.В., Попова В.В. К вопросу понятия, признаках и системы принципов уголовно-исполнительного права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 460-463. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_460.*

For citation*: Glebova E.V., Popova V.V. On the issue of concepts, signs and the system of principles of penal enforcement law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 460-463. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_460.*

Статья поступила в редакцию: 29.06.2025

Общепризнано, что без знания категориального аппарата невозможно раскрыть явления, описать связи и свойства, поэтому мы полагаем, что достаточно целесообразно дать понятие, перечислить признаки и охарактеризовать систему принципов уголовно-исполнительного права (далее – УИП).

В отечественной лингвистике под принципом понимают «основное, исходное положение какой-либо теории, учения, мировоззрения, теоретической программы» [1].

В теории права принцип определяют как несущую конструкцию, на основании которой строится вся система, обеспечивается единство взаимодействия различных отраслей права и институтов. Они выступают ориентиром законотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельности. От уровня соблюдения принципов зависит стабильность функционирования правовой системы [2].

В научном исследовании Ю.А. Головастовой «принципы уголовно-исполнительного права выступают интегрирующим элементом, неким цементирующим основанием для всех иных элементов системы уголовно-исполнительного права: норм, отраслевых институтов, что позволяет обнаружить целостность и единство отрасли права» [3].

Исходя из представленных определений, отметим, что авторы раскрывают данную дефиницию по-разному, но в каждой трактовке понятия «принципы» содержатся некоторые общие признаки. Поэтому целесообразно перечислить признаки и охарактеризовать их.

На основе анализа пенитенциарной литературы, мы сделали заключение, что большинство ученых выделяют следующие признаки, характеризующие принципы УИП.

1. Принципы УИП отражают политику государства. Государство регулирует уголовно-исполнительные отношения путем принятия законов, нормативных актов. В результате нормотворческой деятельности государство определяет содержание и характер принципов УИП и стратегию дальнейшего развития пенитенциарной системы.

2. Принципы УИП носят общеобязательный характер. Так как они находят отражение в правовых нормах, следовательно, они формально определенны и обязательны для исполнения, как государственных органов, так и граждан;

3. Принципы УИП имеют устойчивый характер, то есть отражают систему идеалов, ценностей, сложившихся в обществе, и не должны изменяться под давлением политических преобразований;

4. При применении принципов УИП недопустимы какие-либо исключения из них. Если базовое положение не выполняется, то оно перестает быть принципом. Следовательно, реализация принципов УИП должна быть обеспечена мерами государственного принуждения, а к нарушителям применяются законные санкции.

5. Принципы УИП содержат в себе объективную и субъективную стороны. Объективная сторона может быть объяснена тем, что принципы формируются в процессе исторического развития общественных отношений, под влиянием идеалов, взглядов и ценностей общества, а также религиозных догм. Субъективная сторона заключается в том, что принципы закрепляются волей законодателя, а реализуются правоприменителем. Они обладают разным объемом знаний, нравственных постулатов, идеалов. Поэтому восприятие принципов и их претворение в жизнь будет субъективно.

6. Принципы УИП играют важную роль в правоприменительной деятельности, в случаях законодательных пробелов, они являются правовой опорой для принятия решения в повседневной службе.

Обобщая сказанное, можно отметить, что принципы УИП являются именно той правовой категорией, от неукоснительного следования которой зависит эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы России.

Полагаясь на перечисленные нами признаки, мы считаем, что наиболее полное определение представили В.Б. Малинин и Л.Б. Смирнов. Они полагали, что принципы УИП «определяют стратегию и направления развития, а также содержание и структуру как уголовно-исполнительного законодательства в целом, так и отдельных его институтов, обеспечивают системность правового регулирования общественных отношений, возникающих во время исполнения наказания, наконец, они отражают требования международных норм, относящихся к исполнению наказания и обращению с осужденными» [4].

Ст. 8 Уголовно – исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) закрепляет исчерпывающий перечень принципов, на основании которых строится уголовно-исполнительная политика страны. В норме закона перечислены следующие принципы: законность, гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение мер принуждения, использование средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием. Стоит отметить, что закон не раскрывает содержание принципов права, а только перечисляет их. По-нашему мнению, это создает трудности в определении границ их реализации.

Данную коллизию профессор В.А. Уткин объясняет тем, что в процессе формирования УИК РФ обсуждались настолько противоречивые взгляды, идеи по поводу содержания принципов, что законодательно закрепить их не представлялось возможным, поэтому они только перечисленные в статье[5].

Поэтому согласимся с мнением Т. П. Бутенко о том, что «поскольку наукой уголовно-исполнительного права перечисленные в законе принципы достаточно не исследованы, поэтому следует констатировать, что принципы уголовно-исполнительного законодательства имеют только доктринальное толкование» [6].

Таким образом, можно предположить, что перечисленные в ст. 8 УИК РФ принципы уголовно-исполнительного законодательства РФ образуют систему принципов УИП.

Подвергнув данный тезис критическому суждению, мы обратились к специальной литературе с целью определения соотношения категорий принципы права и принципы законодательства.

С.С. Алексеев принципы права считал идеалами, которые раскрывают его содержание, фундамент и общие закономерности. Принципы права реализуется в правовом поле [7].

По мнению Е.Г. Комисаровой, принципы права и принципы законодательства нельзя отождествлять. Аргументируя свою позицию, она говорила о том, что принципы права – это идеи, не нашедшие отражение в законе, а принципы законодательства – это юридически закрепленные нормы права [8].

В.П. Грибанов соотносил рассматриваемые категории как «дух» и «букву закона». Автор подчеркивал, что принципы законодательства предписывают субъектам правоотношений юридически обязанное правило поведения, а принципы права определяют основания толкования и применения норма права [9].

Исходя из ранее изложенного, можно сделать вывод, что принципы УИП отражают объективно складывающеюся действительность,

выступают идеологической составляющей, правосознанием. А принципы законодательства, пройдя стадии законотворческого процесса, закрепляются в нормах права. Стоит отметить, что в отечественной правовой доктрине сложилось мнение, согласно которому принципы уголовно-исполнительного законодательства, изложенные в ст. 8 УИК РФ, образуют систему принципов УИП.

Общепризнано, что система права представляет собой взаимосвязанную и структурированную совокупность норм права, регулирующих однородную группу общественных отношений на определенной территории [10].

Подавляющее число ученых пенитенциаристов сходятся во мнении, что принципы УИП разумно делить на три группы: общеправовые, межотраслевые и отраслевые [11].

Общеправовые принципы присущи всем отраслям российского права и составляют ее основу. К ним относят принципы: законности, гуманизма, демократизма и равенства осужденных перед законом.

Межотраслевые принципы свойственны двум или нескольким смежным отраслям права. При этом их содержание и реализация неодинакова и зависит от отрасли права. Данная группа представлена принципом дифференциации и индивидуализации наказаний.

Отраслевые принципы раскрывают только одну отрасль права и определяют ее особенности. Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления и стимулирования правопослушного поведения осужденных и принцип соединения наказания с исправительным воздействием образуют рассматриваемую группу [12].

В.Н. Кудрявцев полагает, что «общеправовые принципы действуют через отраслевые, а специфические отраслевые принципы являются не чем иным, как своеобразным преломлением общеправовых принципов» [13].

Стоит отметить, что общепринятая система трехзвенная система деления принципов УИП не один год обсуждалась как в научной, так и учебной литературе.

Например, В. М. Анисимков принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления и стимулирования правопослушного поведения осужденных не считает отраслевым. Аргументируя это тем, что меры принуждения и поощрения применяются в соответствии с нормами Особенной части УИК РФ, следовательно, они должны быть включены в нормы закона, регламентирующие порядок применения мер поощрения (ст. 114) и мер взыскания (ст.117) [14].

Иной позиции придерживался А. И Зубков. Он утверждал, что стимулирование правопослушного поведения осужденных нельзя рассматривать отдельно, хотя «система стимулирования законопослушного поведения осужденных сейчас намного богаче и обширнее, чем раньше» [15].

А.С. Михлин писал, что принцип стимулирования законопослушания полностью поглощается принципом индивидуализации наказания [16].

Такая интенсивность споров в научном мире по поводу классификации системы принципов УИП свидетельствует о том, что в науке УИП данный тезис не решен и ему уделяется большое значение.

Кроме обсуждения вопросов квалификации системы принципов УИП, научный диспут был посвящен и другим интересным проблемам.

Так, В.Б. Малинин указывал, что элементы системы не объединены общей целью, поэтому говорить о взаимосвязанной системе принципов УИП можно только условно [17].

Мы полагаем, что вывод автора достаточно спорный. В ч. 1 ст. 1 УИК РФ прямо сказано, что уголовно-исполнительное законодательство РФ имеет своими целями исправление осужденных, а также общую и специальную превенцию преступлений. Поэтому разумно предположить, что глубинный смысл всех норм права, закрепленных в статьях УИК РФ, направлен на достижение этой цели и нет необходимости делать дополнительную отсылку.

Ю.И. Калинин осуждал позицию авторов, согласно которой они выступали с инициативой увеличить количество принципов УИП в угоду международным стандартам, добавляя в уже существующий перечень принципов, такие принципы как «интернационализма», «патриотизма» [18].

Мы солидарны с Ю.И. Калининым. В научной сфере неоднократно проводился анализ результатов работы пенитенциарной системы. В докладах делался акцент на том, что уже закрепленные принципы УИП в процессе правоприменительной деятельности УИС нарушаются. Поэтому рационально ориентировать работу сотрудников на соблюдение и выполнение существующих принципов уголовно-исполнительного права.

Список литературы:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М: Русский язык, 1991. - С. 594.
2. Теория государства и права. Под ред. Марченко М.Н. - М.: Зерцало, 2005. - С. 295.
3. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система/докт. дисс.на соиск. уч.ст..- М.,2019. – С. 276.
4. Малинин, В.Б. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. коммент. (постатейный) / В.Б. Малинин, Л.Б. Смирнов. - М.: КОНТРАКТ; Волтерс Клувер, 2011. - С. 40-45.
5. Уткин В.А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность / В.А. Уткин// Человек: преступление и наказание. – 2011. - №1(72). – С.51
6. Бутенко, Т.П. Принципы уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительного законодательства / Т.П. Бутенко // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2016. - № 74. - С. 63–66.
7. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. – С. 258
8. Комиссарова Е.Г. Об основных началах гражданского законодательства // Журнал российского права. 2001. № 5. – С. 14
9. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М., 2001.
10. Суменков С.Ю. Принципы права и исключения в праве: аспекты соотношения // Государство и право. 2009. № 5. – С. 23
11. Малинин В.Б. Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительное право. Учебник для юридических вузов и факультетов. – Москва, 2009. – С. 6
12. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы особенной части. – М.: Юр.лит., 1985. – С. 19.

13. Кудрявцев В.Н., Келина С.Г. Принципы советского уголовного права. - М, 1988. - С 61-62.
14. Анисимков В. М. Предмет и принципы уголовно-исполнительного регулирования: актуальные проблемы теории и правоприменительной практики : монография. М., 2009. – С. 26
15. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный)/под ред А. И. Зубкова. - 2-е изд., перераб. и доп. М. : «НОРМА», 2008. – С. 37
16. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов /отв. ред. А. С. Михлин.- М.: Высшее образование, 2008. – С.73.
17. Малинин В.Б. Уголовно-исполнительное право. Учебник для юридических вузов и факультетов. – Москва, 2009. – С. 6
18. Уголовно-исполнительное право: Учебник: в 2 т. Т.1: Общая часть /Под общ. ред. Ю. И. Калинина.- 2-е изд., испр. и доп. – М .: Рязань : Логос, 2006. – С. 204

References:

1. Ozhegov S.And. Slovar Russian girl. - M: Russkiy yazmatvk, 1991. - S. 594.
2. Theory of rights and rights. In order. Marchenko M.N. - M.: Zerzalo, 2005. - S. 295.
3. Golovastova Yu.A. How to branch Russian rights: subject, method, sources, system/doctrine. diss.soisk. UCH.St..- M.,2019. - S. 276.
4. Malinin, V.B. Kommentarium K enlarged-giant code of the Russian Federation: scientific.- practical. commment. (post-Senate) / V.B. Ma-lingin, L.B. Smirnov. - M.: Contract; Volters Kluwer, 2011. - S. 40-45.
5. Utkin V.A. Democratization of greater and greater rights: declaration or reality / C.A. Man: punishment and punishment. – 2011. - №1(72). - S.51
6. Butenko, T.P. Principle: large-scale rights and large-scale legislations.P. Butenko / / newspaper Amur-go State University. Series: Gumanitarn Urga Sciences. - 2016. - № 74. - S. 63–66.
7. Alexeyev S.S. Council rights structure. M.: Legal. lit., 1975. - S. 258
8. It's Komissarova.G. I started the civil legislation / / Journal of Russian rights. 2001. № 5. - S. 14
9. Gribanov V.P. Protection and protection of civil rights. 2nd ed. stereotype. M., 2001.
10. Sumenkov S.Yu. Principle of law and law: aspect of law and law. 2009. № 5. - S. 23
11. Malinin V.B. Smirnov L.B. A large-scale right. A textbook for both the University and the Faculty of law. Moscow, 2009. - S. 6
12. Strychkov N.A. Government-labor rights course. Problem specific parts. - M.: Yur.lit., 1985. - S. 19.
13. Kudryavtsev V.N., Kelina S.G. Principle of the Sovetsky enlarged rights. - M, 1988. - 61-62.
14. Anisimkov V. M. Subject and principle repeatable regulation: current repeatable problem evaluative theories and law enforcement practices: monograph. M., 2009. - S. 26
15. Kommentarius K enlarged-giant code of the Russian Federation (post-State Urga) / under order A. And. Zubkova. - 2nd ed. perab. and DOP. M. "Norma", 2008. - S. 37
16. Large-scale law: textbook by DLA vuzov / rev. red. A. S. Michlin.- M.: In the extravehicular education, 2008. - S.73.
17. Malinin V.B. A large-scale right. A textbook for both the University and the Faculty of law. Moscow, 2009. - S. 6
18. Large-scale law: textbook: in 2 items. T.1: General part /under general. red. Yu. And. Kalinina.- 2nd ed., ISPR. and DOP. - M.: Ryazan: Lo-Goss, 2006. - S. 204

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_464

УДК 343.1

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО СУДОПРОИЗВОДСТВО С УЧАСТИЕМ СУДА ПРИСЯЖНЫХ
ON IMPROVING THE LEGISLATION REGULATING JUDICIAL PROCEEDINGS INVOLVING A JURY TRIAL

ЧЕПИК Марина Михайловна,
старший преподаватель уголовного процесса
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова.
680020, Россия, г. Хабаровск, Казарменный переулок, 15.
E-mail: marina_chepik@mail.ru;

CHEPIK Marina Mikhailovna,
Senior Lecturer in Criminal Procedure
I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, 680020, Russia.
E-mail: marina_chepik@mail.ru

***Краткая аннотация**: В настоящей статье затронуты проблемы, связанные с правовым регулированием процедуры отбора кандидатов в присяжные заседатели, регулируемого гл. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ). Анализ норм уголовно-процессуального законодательства, а также сложившейся правоприменительной практики указывают на то, что законодательный подход в этой части нуждается в пересмотре. Предложения по совершенствованию предусмотренного УПК РФ порядка отбора кандидатов в присяжные заседатели с учетом накопленного зарубежного опыта представлены в данной статье.*

***Abstract:** This article addresses issues related to the legal regulation of the selection of candidates for jury service, regulated by Chapter 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [1]. An analysis of the norms of criminal procedure legislation, as well as established law enforcement practice, indicate that the legislative approach in this area needs to be revised. Proposals for improving the procedure for selecting candidates for jury service provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, positive foreign experience in this area, are presented in this article.*

***Ключевые слова:** суд присяжных, отбор кандидатов, правовая компетентность, ограничение на включение в списки присяжных заседателей, комиссии для работы над списками кандидатов, видеозапись процедуры отбора.*

***Keywords:** jury court, selection of candidates, legal competence, restriction on inclusion in the lists of jurors, commissions for working on the lists of candidates, video recording of the selection procedure.*

***Для цитирования:** Чепик М.М. О совершенствовании законодательства, регулирующего судопроизводство с участием суда присяжных // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 464-466. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_464.*

***For citation**: Chepik M.M. On improving the legislation regulating judicial proceedings involving a jury trial // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 464-466. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_464.*

Статья поступила в редакцию: 19.06.2025

В главе 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) закреплены правовые положения, регулирующие рассмотрение уголовного дела присяжными заседателями, а также их отбор, эффективность которого оценивается специалистами неоднозначно. Некоторые авторы считают этот процесс неэффективным, ссылаясь на то, что процедура формирования присяжных коллегий носит, преимущественно, неформальный характер, не встраиваясь в судебный процесс [8, с. 38].

УПК РФ в статье 245 определяет, что процедура формирования коллегии присяжных заседателей, которая гарантирует законность этого процесса, осуществляется не судами, а специальным лицом, не имеющим статуса судьи и не входящим в структуру судебной системы. Данная процедура проводится за пределами судебного заседания, вне зависимости от характера рассматриваемого уголовного дела. С таким подходом вряд ли можно согласиться, потому что лица, которые непосредственно участвуют в отборе присяжных и составляют их список – это секретарь судебного заседания или помощник судьи, чей правовой статус как участников уголовного процесса, согласно действующему уголовно-процессуальному кодексу, не определен.

Опыт работы судов присяжных по всей России демонстрирует неэффективность текущей системы формирования коллегии присяжных. Например, Приморский краевой суд отмечает, что для составления списка кандидатов необходимо отправить от 1000 до 1500 приглашений потенциальным присяжным, отвечающим установленным критериям (первый этап отбора) [7, с. 86]. После этого из отобранных кандидатов случайным образом формируется состав коллегии. Следует заметить, что УПК РФ и Инструкция по судебному делопроизводству от 29 апреля 2003 года [4], не содержат четкого алгоритма процедуры отбора кандидатов в присяжные заседатели. В этих нормативных правовых актах имеет место лишь лаконичное указание, согласно которому лица, уполномоченные проводить отбор присяжных заседателей, обязаны сформировать как основной, так и дополнительный их список. При этом порядок, которому необходимо следовать при составлении обоих списков, действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации не предусмотрен.

Этап отбора присяжных заседателей завершается составлением предварительного списка кандидатов в присяжные заседатели, в котором имеют место их персональные данные (ФИО, домашний адрес). Этот список заверяется подписью секретаря судебного заседания (помощника судьи), что соответствует требованиям, изложенным в пунктах 1 и 4 статьи 326 УПК РФ. Однако законодатель не дает конкретного разъяснения по этому вопросу, ссылаясь лишь на постановление Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд РФ в своем определении по жалобе В.И. Шейченко указал, что текущие нормы не предусматривают обязательной фиксации процедуры формирования предварительного

состава присяжных заседателей в виде специальных протоколов или иных документов [3]. Для устранения данной несоответствия предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, регулирующий процедуру отбора кандидатов в присяжные заседатели.

Следует заметить, что в теории уголовного процесса суд присяжных характеризуется в качестве судебного разбирательства, которое имеет особую форму. В его основе лежит одновременное участие в рассмотрении дела судей и присяжных заседателей, который отбираются из числа граждан, которые не являются профессиональными юристами и не имеют правовых познаний [5, с. 67]. В связи с этим вопрос о правовой компетентности присяжных заслуживает особого внимания и вызывает многочисленные научные дискуссии. В сфере уголовного процесса юристы не пришли к единому мнению по вопросу допуска лиц с юридическим образованием в состав присяжных заседателей. Некоторые авторы усматривают в юридическом образовании присяжных преимущество, в то время как другие, руководствуясь буквальным пониманием закона, исключают возможность участия юристов в работе присяжных коллегий.

Согласимся с мнением Г. Я. Борисевич, что те профессиональные знания в сфере уголовного права и процесса, которыми наделены судьи, а также их опыт могут отражаться на беспристрастности присяжного заседателя в ходе вынесения им вердикта, а это способно помешать присяжному сделать собственный вывод о виновности (невиновности) подсудимого [5, с. 67]. В этом смысле нам близка позиция В. М. Быкова, который считает, что наличие даже у одного присяжного заседателя специального юридического образования может повлиять на принятие решения по уголовному делу другими присяжными. Полагаем, автор прав в том, что в подобной ситуации вооружившийся правовыми знаниями присяжный способен переубедить остальных присяжных, обосновав свою позицию со ссылкой на закон, а в такой ситуации говорить об объективности присяжных не приходится [6, с. 56]. В подобной ситуации грозит опасность, что мнение одного из присяжных заседателей окажет влияние на остальных, возведя его в ранг авторитета и лишив тем самым каждого присяжного заседателя возможности объективно и независимо формировать собственное решение.

В свете другого подхода как раз отсутствие у присяжных заседателей юридических знаний осложняет вынесение ими решения либо создает предпосылки для ошибочного усмотрения [8, с. 37]. Полагаем, такое мнение не вполне обосновано, ведь если следовать данному подходу, то утрачивается сама правовая суть суда присяжных, которая, как известно, зиждется на интуитивном восприятии содеянного простыми обывателями (присяжными заседателями) и не подлежит оценке с позиции закона. Основываясь на этом

Исходя из сказанного, наиболее обоснован, с нашей точки зрения, законодательный подход, представленный в статье 7 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», согласно которому имеет место ряд ограничений на включение в списки присяжных заседателей определённых категорий граждан. Согласно данной норме, любая должность и профессия лица, являющегося участником уголовного процесса со стороны обвинения, а также самого судьи, априори связана с наличием обязательного высшего юридического образования.

В то же время, нельзя не отметить, что представленный в указанной статье список не может быть признан окончательным, так как сфера юриспруденции охватывает гораздо более широкий спектр профессий, чем те, которые указаны в документе. К примеру, к этой категории не должны относиться преподаватели юридических предметов в вузах, ученые с учеными званиями, юрисконсульты, а также специалисты, занимающие должности юристов в разных организациях, предприятиях и учреждениях, которым по статусу и юридическому образованию предоставлено право принимать решения по правовым вопросам. Ожидается, что и эти группы лиц не будут допущены до участия в качестве кандидатов на должность присяжного заседателя.

Считаем, в связи с выявленными недостатками, в УПК РФ следует внести изменения, которые предусмотрят четкий порядок случайного отбора кандидатов в присяжные заседатели. Помимо этого, важно дополнительно проработать вопрос, связанный с процессуальным статусом секретаря судебного заседания и помощника судьи, как лиц, которые задействованы в формировании списка присяжных заседателей. Однако, полагаем, чтобы надлежащим образом проработать процедуру, связанную с отбором кандидатов в присяжные, следует также внести корректировки в Инструкцию, которая регулирует порядок судебного делопроизводства в районных судах и утверждена 29 апреля 2003 года. Кыргызстанский законодатель, например, применил оригинальный подход к формированию суда присяжных, предусматривающий создание комиссий для отбора кандидатов. Процесс отбора кандидатов фиксируется на видео и сопровождается составлением детального протокола, что обеспечивает прозрачность и объективность процедуры. Также считаем необходимым расширить список граждан, которые подлежат исключению из кандидатов в присяжные, закреплённый в ст. 7 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», лицами из числа профессорско-преподавательского состава, занятыми преподаванием уголовно-процессуальных дисциплин.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. –2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
2. Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3528.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 23.05.2006 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение конституционных прав п. 12 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 227 УПК РФ» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 10.06.2025).
4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 10.06.2025).
5. Борисевич Г.Я. Правовая компетентность как фактор, влияющий на вердикт присяжных заседателей // Ex jure. – 2018. – № 12. – С. 67-68.
6. Быков В.М. Каким быть суду с участием присяжных заседателей? // Российская юстиция. – 2018. – № 5. – С. 56-59.
7. Верещагина А.В., Омельяненко М.Е. Реорганизация устройства и работы городских (районных) судов в связи с реформированием института присяжных заседателей // Вестник ВГУЭС. – 2018. – № 1 (40). – С. 84-89.

8. Мартышкин В.Н. Суд присяжных в России: перспективы реформирования // Юридическая наука. – 2019. – № 1. – С. 37-41.

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on April 21, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. -2001. – No. 52 (Part I). 4921.2.

Federal Law "On Jurors of Federal Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation" dated 08/20/2004 No. 113-FZ (as amended on 02/16/2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 34. – Art. 3528.

3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/23/2006 No. 189-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sheychenko Vladislav Igorevich for violation of constitutional rights, paragraph 12, Part 4, Article 47 and Part 3, Article 227 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" [Electronic resource] - Access mode. – URL: http://www.consultant.ru (date of application 06/10/2025).

4. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/29/2003 No. 36 "On approval of Instructions on Judicial record keeping in the District Court" [Electronic resource] – Access mode. – URL: http://www.consultant.ru (accessed 10.06.2025).

5. Borisevich G.Ya. Legal competence as a factor influencing the verdict of the jurors // Ex jure. – 2018. – No. 12. – pp. 67-68.

6. Bykov V.M. What should be the court with the participation of jurors? // Russian justice. - 2018. No. 5. pp. 56-59.

7. Vereshchagina A.V., Omelianenko M.E. Reorganization of the structure and operation of city (district) courts in connection with the reform of the institution of jurors // Bulletin of VSUES. – 2018. – № 1 (40). – Pp. 84-89.

8. Martyshkin V.N. Trial by jury in Russia: prospects for reform // Legal Science. – 2019. – No. 1. – pp. 37-41.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_467

УДК 343.3/.7

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И УСЛОВИЯХ ПРЕСТУПНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА
TO THE QUESTION OF THE REASONS AND CONDITIONS OF CRIMINAL MANIFESTATIONS OF EXTREMISM

БЕШУКОВА Зарема Муратовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор научно-образовательного кластера «Институт права» Адыгейского государственного университета.
385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
E-mail: Zarema_b2008@mail.ru;

BESHUKOVA Zarema Muratovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the scientific and educational cluster "Institute of Law" Adygea State University.
208 Pervomayskaya St., Maykop, Republic of Adygea, 385000, Russia.
E-mail: Zarema_b2008@mail.ru;

Краткая аннотация: *в статье анализируются актуальные в современный период причины и условия преступных проявлений экстремизма. Выявлены социально-экономические, социально-политические, культурные, национальные и религиозные факторы, детерминирующие экстремистскую преступность. Определены условия преступных проявлений экстремизма, которые существенно способствуют во взаимодействии с причинами формированию криминогенной мотивации.*

Abstract: *the article analyzes the causes and conditions of criminal manifestations of extremism that are relevant in the modern period. Socio-economic, socio-political, cultural, national and religious factors that determine extremist crime have been identified. The conditions of criminal manifestations of extremism have been identified, which significantly contribute to the formation of criminogenic motivation in interaction with the causes.*

Ключевые слова: *экстремизм, экстремистские проявления, причины экстремизма, экстремистская преступность, детерминанты преступности, причины преступности, условия преступности, преступления экстремистской направленности, радикализм, экстремистская идеология, деструктивная идеология, сепаратизм, национализм, экстремистская деятельность, преступления против государственной власти, толерантность, национальная безопасность, общественная безопасность, миграция, преступность мигрантов, коррупция, территориальная целостность, противодействие экстремизму, безопасность государства, пропаганда экстремизма, ненависть, разжигание ненависти, вражда, основы конституционного строя, информационная война, интернет, социальные сети, вербовка, деструктивная деятельность, правовой нигилизм, эхо-камера, пузыри фильтров.*

Keywords: *extremism, extremist manifestations, causes of extremism, extremist crime, determinants of crime, causes of crime, conditions of crime, crimes of extremist orientation, radicalism, extremist ideology, destructive ideology, separatism, nationalism, extremist activity, crimes against state power, tolerance, national security, public safety, migration, migrant crime, corruption, territorial integrity, countering extremism, state security, propaganda of extremism, hatred, incitement to hatred, hostility, the foundations of the constitutional system, information warfare, the Internet, social networks, recruitment, destructive activities, legal nihilism, echo chamber, filter bubbles.*

Для цитирования: *Бешукова З.М. К вопросу о причинах и условиях преступных проявлений экстремизма // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 467-470. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_467.*

For citation*: Beshukova Z.M. To the question of the reasons and conditions of criminal manifestations of extremism // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 467-470. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_467.*

Статья поступила в редакцию: 07.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Российская Федерация – многонациональная и многоконфессиональная страна, поэтому даже одно преступное проявление экстремизма представляет для нее реальную угрозу, поскольку может способствовать нагнетанию панических настроений, недовольства и напряженности у значительной части населения. В этой связи противодействие экстремистской деятельности является одним из ведущих направлений государственной правоохранительной деятельности на протяжении нескольких десятилетий [1, с. 78-81].

Причины экстремизма многообразны и включают социально-экономические, культурные, национальные, религиозные факторы. В юридической литературе справедливо отмечается, что объективно невозможно выделить исчерпывающий перечень причин совершения преступлений экстремистской направленности, так как они носят комплексный характер и в основной своей массе основаны на отсутствии в обществе толерантности [2, с. 312].

Вместе с тем следует констатировать, что социально-экономические факторы, такие как социальное расслоение и экономическая нестабильность, являются главными детерминантами экстремистской преступности [2, с. 305]. Низкий уровень жизни значительной части населения, безработица, неравенство доходов, отсутствие перспектив способствуют формированию чувств несправедливости, разочарования и недовольства среди населения. Это создает благоприятную почву для распространения экстремистских идей и вовлечения в экстремистские группировки. Люди, ощущая невозможность реализовать себя законным путем, ищут выход в участии в радикальных организациях, предлагающих быструю помощь в решении проблем и возможность выразить свое недовольство властью. Вербовщики искусно эксплуатируют личные обиды человека, дают ему возможность выразить злость и обиду, и незамедлительно увидеть результат своих пусть и агрессивных действий.

Результаты социологических исследований показывают, что «получая даже незначительную имущественную выгоду, граждане готовы совершать любые действия, в том числе и противоправного характера, в целях добычи средств к существованию, что указывает на непосредственную экономическую подоплеку экстремизма» [2, с. 307].

Потребность в добыче средств для существования порождает неконтролируемую миграцию, которая также является одной из причин современного экстремизма [3, с. 158; 4, с. 189-190]. Массовый миграционный наплыв усиливает межнациональные и межконфессиональные противоречия, провоцирует рост экстремистской преступности. По мнению А.И. Долговой, причиной совершения как мигрантами преступлений, так и деяний против них, в том числе и экстремистской направленности, является наличие у них социально-экономических, социально-психологических, организационных проблем, возникающих в процессе социализации в новой для них общности [5, с. 711].

Особое влияние миграционных процессов на состояние экстремистской преступности отмечено и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации. В данном документе отмечается, что «одним из факторов, способствующих возникновению экстремистских проявлений, является сложившаяся в отдельных субъектах и населенных пунктах Российской Федерации неблагоприятная ситуация с противоправной деятельностью мигрантов, которая оказывает негативное влияние на межнациональные (межэтнические) и межконфессиональные отношения, нарушает исторически сложившийся национальный и религиозный баланс в ущерб безопасности российского государства» [6].

Сохраняющийся высокий уровень коррупции в органах власти и силовых структурах также является одним из детерминирующих факторов экстремистской преступности, поскольку это крайне негативное явление усиливает радикальные и экстремистские настроения в обществе, а также способствует подрыву доверия к государственным институтам.

Именно коррупция – один из концептов, активно эксплуатируемых в экстремистской деятельности [7, с. 968]. В специальной литературе справедливо отмечается, что «коррупция играет роль своеобразного «козыря» («неубиваемого» аргумента – «все куплено!»), которым пользуются представители экстремистских организаций в рекрутинге (вербовке) новых сторонников» [7, с. 968]. В ходе «промывки мозгов» потенциальных «неофитов» вербовщики делают упор на коррупцию, стремясь доказать молодому человеку, что у него нет никаких шансов стать успешным, подняться в социальном лифте в «насквозь коррумпированном» обществе [7, с. 968].

Более того, клановость, коррупция становятся факторами, продуцирующими воспроизводство все новых и новых посягательств на государственную власть, основы конституционного строя, на безопасность государства [8, с. 44]. Коррупция приводит к принятию заведомо неэффективных решений и колоссальным финансово-экономическим потерям государства и общества. Различные коррупционные схемы обеспечивают чиновникам поступление стабильных противоправных доходов, а организованным этническим структурам – доступ к административным ресурсам, тем самым укрепляя организационную базу этнонационального экстремизма и, в конечном итоге, представляя угрозу национальной безопасности [9, с. 72-75].

Среди культурных, национальных и религиозных факторов следует выделить такие детерминанты экстремистской преступности как историческая враждебность между группами идентичности, различия в культурных, национальных традициях, религиозных убеждениях и обычаях. Зачастую именно они становятся причиной серьезных конфликтов и столкновений.

Не следует забывать также и то, что межнациональные (межэтнические) и территориальные противоречия и конфликты, имеющие место на территории других государств, могут оказать негативное воздействие на состояние экстремистской преступности в Российской Федерации [10, с. 521-526]. Приведем несколько примеров. Обострение ситуации на армяно-азербайджанской границе в июле 2020 г. спровоцировало в Москве, помимо торговых «войн», массовые драки между представителями азербайджанской и армянской диаспор [11, с. 7].

Другой пример. Обострившийся конфликт между Израилем и Палестиной стал поводом для совершения массовых беспорядков в международном аэропорту Махачкалы в октябре 2023 г. Причиной упомянутых массовых беспорядков, согласно опубликованным заявлениям представителей Министерства иностранных дел РФ и других официальных лиц, стала «спланированная и осуществленная извне провокация, направленная на подрыв гармоничного развития и этноконфессионального единства народа Российской Федерации» [12].

Несомненно, к причинам экстремистской преступности необходимо отнести стремление ряда иностранных государств ослабить нашу страну и ее позицию в мире, установить свое политическое, экономическое или иное влияние в отдельных субъектах Российской Федерации. В настоящее время, в условиях стремительно меняющейся геополитической ситуации, Российская Федерация сталкивается с различного рода провокациями, целью которых является разжигание межнациональной, межэтнической и межрелигиозной вражды внутри страны, продвижение идей сепаратизма и национализма. При этом методы манипуляторов становятся все более изощренными. Следует констатировать, что против России ведется информационная (информационно-психологическая) война, которая приобрела поистине беспрецедентные масштабы [13, с. 26-29].

Стремительное развитие цифровых технологий можно признать следующей причиной роста преступлений экстремистской направленности. Необходимо отметить, что активизация эксплуатации возможностей Интернета, во-первых, значительно увеличила количество так называемых вербальных преступлений экстремистской направленности. Во-вторых, обусловила рост экстремистско-террористической коммуникации. Полагаем, что требует более подробного пояснения, почему цифровые технологии сами по себе не являются причиной экстремистской преступности, но при этом негативно влияют на нее. Интернет на протяжении двух десятилетий является основным источником и каналом для распространения и пропаганды экстремистской идеологии и радикализма в обществе, а также инструментом управления общественным сознанием в целом, что обусловлено следующими преимуществами его использования:

1) сравнительно дешевый и легкий доступ к огромному объему информации круглосуточно. Связываться с любым человеком можно в любое время дня и ночи, а соответствующие идеи и (или) информацию можно распространять в один клик.

2) Высокая степень анонимности. Местоположение и контент сайтов могут меняться практически ежедневно.

3) Недостаток правового регулирования и (или) отсутствие унифицированного регулирования.

4) Высокая скорость передачи информации.

5) Постоянный рост числа пользователей [14, с. 263-269].

Именно благодаря обозначенным выше преимуществам Интернет существенным образом облегчает процесс формирования среди населения экстремистских и террористических взглядов, значительно упрощает распространение экстремистских материалов и вербовку новых членов в ряды экстремистских организаций. Платформы социальных сетей полны групп людей, ищущих помощи и поддержки, и желающие воспользоваться этим могут легко присоединиться к этим группам, войти в контакт и даже подружиться с так называемым уязвимым человеком. При этом манипулятивное воздействие на психику оказывается лидерами и членами преступных объединений с привлечением достаточно широкого арсенала [15, с. 456-461].

В обозначенных случаях Интернет является исключительно инструментом, с помощью которого оказывается воздействие на сознание людей. Следовательно, можно сделать вывод, что сам Интернет как таковой не является движущим причинным фактором радикализации. Однако, несмотря на это, Интернет обладает функциями и механизмами, поддерживающими процессы распространения и пропаганды экстремистской идеологии и радикализма, а также усиливающими воздействие соответствующей информации на сознание пользователей сети. В данном случае речь идет о том, каким образом в Интернете отбирается, связывается и обрабатывается информация, как в силу архитектуры самой сети, так и посредством действий ее пользователей. Яркий пример: формирование эхо-камер и пузыря фильтров (пузыря алгоритмов), в которых пользователи оказываются в полной изоляции от иных альтернативных взглядов, ценностей и ориентиров. Так, большинство социальных сетей и поисковых систем работают по алгоритму, который самостоятельно подбирает контент на основе предпочтений пользователей и информационных запросов соответственно. Недостаток этого алгоритма в том, что искусственный интеллект окружает конкретного пользователя «голосами» других пользователей, придерживающихся аналогичной с ним точки зрения. Тем самым происходит усиление индивидуальной системы убеждений пользователя и одновременное искажение общей картины действительности. Таким образом, создается эхо-камера, которая не пропускает альтернативные точки зрения, и, соответственно, у пользователя дополнительно усиливается уверенность в правильности занимаемой им позиции [15, с. 456-461].

Условиями преступных проявлений экстремизма, которые существенно способствуют во взаимодействии с причинами формированию криминогенной мотивации, являются индивидуальные (личностные) и средовые факторы:

1. Проблемы семейного воспитания, в числе которых, например, отсутствие у родителей времени на воспитание детей, детская и подростковая безнадзорность, неполная семья, неверная позиция родителей к социальным запретам.

2. Домашнее насилие.

3. «Нездоровая» среда общения, в том числе наличие членов семьи или близкого окружения, вовлеченных в экстремистскую преступность.

4. Отсутствие индивидуальных навыков и способностей для выполнения социальных и экономических задач.

5. Отсутствие у человека устойчивой позитивной идентичности и чувства социальной принадлежности.

6. Негативный опыт взаимодействия с представителями иных национальностей и (или) конфессий.

7. Некомпетентность в отношении традиций и обычаев других народов.

8. Личные неудачи и, как следствие, желание отомстить за них, которое реализуется путем совершения ситуационного преступления экстремистской направленности или же присоединением к радикальной экстремистской группировке (так называемый программный экстремизм).

9. Деформация системы ценностей под воздействием мощной пропаганды (relax and enjoy) и массовой культуры.

10. Низкий уровень культуры, противоречия с общепринятыми правилами и нормами поведения. Основной причиной вышеназванного противостояния можно назвать правовой нигилизм большого количества членов современного российского общества, влекущий за собой политическую нестабильность в обществе [16, с. 65-66].

11. Отсутствие системной информационно-разъяснительной и пропагандистской работы по вопросам межнационального (межэтнического) и межконфессионального общения.

Резюмируя изложенное, отметим, что поскольку преступные проявления экстремизма представляют серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации изучение и понимание причин и условий таких деяний является важным [17, с. 68]. Причины помогут понять, почему конкретные люди совершают преступления экстремистской направленности, а условия позволят выявить системные факторы, которые могут способствовать распространению экстремистской преступности, что является необходимым в целях предупреждения таких преступлений и эффективного противодействия экстремистской деятельности.

Список литературы:

1. Трахов А.И., Бешукова З.М. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Общество и право. 2013. № 2. С. 78-81.
2. Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. 490 с.
3. Петрянин А.В. Миграция как фактор, влияющий на распространение фальшивомонетничества // Миграция. Межэтнические отношения. Преступность: сборник статей. Н. Новгород, 2005. С. 157-161.
4. Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 189-190.
5. Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 711.
6. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Вихрян А.П., Федоров М.В. Антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 967-976.
8. Павлинов А.В. Коррупция и экстремизм в Российской Федерации: общность детерминации и проблемы повышения эффективности противодействия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 2. С. 41-46.
9. Магомедов М.Г., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Коррупция и экстремизм как главные угрозы национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 72-75.

10. Трахов А.И., Бешукова З.М. Развитие современного антиэкстремистского уголовного законодательства: тенденции и особенности // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора Коняхина В.П.: материалы Междунар. науч.-практ. конф.; г. Краснодар, 1-2 февраля 2024 г. / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 521-526.

11. Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 632 с.

12. МИД РФ заявил, что беспорядки в Дагестане были спланированы из-за рубежа [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/russia/928281 (дата обращения: 20.07.2025).

13. Бешукова З.М., Меретукова М.А. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации // Мир криминалистики. 2025. № 1. С. 26-29.

14. Бешукова З.М. Противодействие экстремизму в Интернете: международный, зарубежный и внутригосударственный аспекты // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6. С. 263-269.

15. Бешукова З.М. Влияние информации в сети «Интернет» и социальных сетях на формирование экстремистских и террористических взглядов в молодежной среде // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23-24 марта 2023 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко; [сост. М.В. Ульянов, Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 456-461.

16. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2005. С. 65-66.

17. Бешукова З.М. К вопросу о понятии механизма уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности // Национальная безопасность / Nota bene. 2018. № 6. С. 66-78.

References:

1. Trakhov A.I., Beshukova Z.M. Extremist crimes: problems of legislative regulation and law enforcement // Society and law. 2013. No. 2. pp. 78-81.

2. Petryanin A.V. Conceptual foundations of countering extremist crimes: theoretical and applied research: dis. ...Dr. Jurid. nauk. N. Novgorod, 2015. 490 p.

3. Petryanin A.V. Migration as a factor influencing the spread of counterfeiting // Migration. Interethnic relations. Crime: collection of articles. N. Novgorod, 2005. pp. 157-161.

4. Pavlinov A.V. Criminal anti-state extremism: criminal law and criminological aspects: dis. ...Dr. Jurid. M., 2008. pp. 189-190.

5. Criminology / under the general editorship of A.I. Dolgova. M., 1999. pp. 711.

6. Strategy of countering extremism in the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated December 28, 2024 No. 1124 // SPS "ConsultantPlus".

7. Vikhryan A.P., Fedorov M.V. Anti-corruption education as a factor of ensuring social security // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2020. Vol. 20. No. 4. pp. 967-976.

8. Pavlinov A.V. Corruption and extremism in the Russian Federation: common determinations and problems of increasing the effectiveness of counteraction // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2011. No. 2. pp. 41-46.

9. Magomedov M.G., Krotov D.V., Samygin S.I. Corruption and extremism as the main threats to national security // Humanities, socio-economic and social sciences. 2016. No. 12. pp. 72-75.

10. Trakhov A.I., Beshukova Z.M. The development of modern anti-extremist criminal legislation: trends and features // Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: on the 70th anniversary of Professor V.P. Konyakhin: proceedings of the International Scientific and Practical Conference; Krasnodar, February 1-2, 2024 / ed. by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova. Krasnodar: KubGU, 2024. pp. 521-526.

11. Beshukova Z.M. Mechanism of criminal law counteraction to extremist activity: content, structure, main directions of optimization: dis. ...Dr. Jurid. sciences'. Krasnodar, 2020. 632 p.

12. The Russian Foreign Ministry stated that the riots in Dagestan were planned from abroad [Electronic resource]. URL: https://www.interfax.ru/russia/928281 (date of notification: 07/20/2025).

13. Beshukova Z.M., Meretukova M.A. The social conditionality of establishing criminal liability for the dissemination of deliberately false information // The world of criminology. 2025. No. 1. pp. 26-29.

14. Beshukova Z.M. Countering extremism on the Internet: international, foreign and domestic aspects // Library of Criminalist. Scientific journal. 2013. No. 6. pp. 263-269.

15. Beshukova Z.M. The influence of information on the Internet and social networks on the formation of extremist and terrorist views among young people // Criminal personality in a changing world (Dolgovsky readings): collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, March 23-24, 2023) / nauch Ed. by V.V. Merkuryev, Yu.A. Timoshenko; [comp. M.V. Ulyanov, R.V. Zakomoldin]; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Russian Federation. Moscow, 2023. pp. 456-461.

16. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Causes of crime in Russia: Criminological analysis. M., 2005. pp. 65-66.

17. Beshukova Z.M. On the issue of the concept of the mechanism of criminal legal counteraction to extremist activity // National security / Nota bene. 2018. No. 6. pp. 66-78.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_471

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОБРАЩЕНИЯ ОПАСНЫХ ВЕЩЕСТВ И ОТХОДОВ: ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
VIOLATION OF THE RULES FOR HANDLING HAZARDOUS SUBSTANCES AND WASTE: FEATURES OF THE COMPOSITION OF THE CRIME

БАЗАРОВ Павел Рустамович,
кандидат юридических наук, научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Россия, г. Москва ул. Нарвская д.15а, стр. 1.
E-mail: 7585978@mail.ru;

ТОЛЧЕНКИНА Марина Эдуардовна,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: m.tolchenkina@yandex.ru;

МЕХТИЕВ Элхан Рауфович,
начальник отдела правового, договорного и документационного обеспечения, ФКУЗ ЦВВЭ ФСИН России.
109439, Россия, г. Москва, проспект Волгоградский, д. 128, корп. 3.
E-mail: m.e.r.7@mail.ru;

BAZAROV Pavel Rustamovich,
candidate of law sciences, member of the Association of lawyers of Russia,
research fellow at the FKU NII of the FSIN of Russia.
125130, Russia, g. Moscow, st. Narvskaya, d.15a, str. 1.
E-mail: 7585978@mail.ru;

TOLCHENKINA Marina Eduardovna,
candidate of law sciences, senior research fellow of the research department of the scientific center
of the Academy of the FSIN of Russia.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya st., 1.
E-mail: m.tolchenkina@yandex.ru;

MEKHTIEV Elkhan Raufovich,
head of the department of legal, contractual, and documentary support, FKUZ CVVE of the FSIN of Russia.
109439, Russia, Moscow, Volgogradsky Prospekt, 128, Building 3.
E-mail: m.e.r.7@mail.ru

***Краткая аннотация**. В настоящее время сохраняется актуальность проблем, связанных с обеспечением экологической безопасности. Высокий уровень научной и практической значимости указанных проблем обусловлен тем, что они оказывают самое прямое и непосредственное влияние на загрязнение окружающей среды – атмосферного воздуха, воды и почвы. Загрязнение окружающей среды представляет серьезную угрозу для здоровья человека и всего животного мира. В данной статье исследованы особенности состава преступления, предусмотренного статьей 247 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).*

***Abstract.** At present, the issues related to ensuring environmental safety remain relevant. The high level of scientific and practical significance of these issues is due to the fact that they have the most direct and immediate impact on environmental pollution – atmospheric air, water and soil. Environmental pollution poses a serious threat to human health and the entire animal world. This article examines the specific features of the crime provided for in Article 247 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the UC of the RF).*

***Ключевые слова:** нарушение правил, опасные вещества и отходы, состав преступления, родовой объект, видовой объект, непосредственный объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.*

***Keywords:** violation of rules, hazardous substances and waste, elements of a crime, generic object, specific object, direct object, objective side, subject, subjective side.*

***Для цитирования:** Базаров П.Р., Толченкина М.Э., Мехтиев Э.Р. Нарушение правил обращения опасных веществ и отходов: особенности состава преступления // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 471-473. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_471.*

***For citation**: Bazarov P.R., Tolchenkina M.E., Mehtiev E.R. Violation of the rules for handling hazardous substances and waste: features of the composition of the crime // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 471-473. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_471.*

Статья поступила в редакцию: 13.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение. В силу предусмотренных Конституцией Российской Федерации правовых норм каждый человек имеет право на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии, собственники земли и других природных ресурсов вправе владеть, пользоваться и распоряжаться ими свободно в той мере, чтобы это не причиняло ущерба окружающей среде [4, статьи 2, 36, 42]. Наряду с изложенным, в Конституции Российской Федерации предусмотрена корреспондирующая с вышеназванными правами граждан в сфере окружающей среды обязанность каждого человека всемерно сохранять окружающую среду и бережно относиться к природным ресурсам [4, статья 58]. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 21) реализация указанных конституционно-правовых норм обеспечивается отраслевыми законодательными актами, включая нормы УК РФ о нарушении правил обращения опасных веществ и отходов [7].

Цель исследования. Провести анализ особенностей состава преступления, предусмотренного статьей 247 УК РФ – нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, рассмотреть проблемы квалификации и оптимальные пути их решения.

Методы исследования. В данной научной работе использовались такие успешно апробированные в уголовно-правовых науках методы исследования, как анализ и синтез, дедукция и индукция, сравнительно-правовой.

Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, предусмотренное статьей 247 УК РФ, представляет собой одно из

наиболее опасных преступлений, посягающих на окружающую среду. Данный состав преступления впервые был предусмотрен в УК РФ 1996 года. В то время как в трех прежних УК РСФСР данный состав преступления отсутствовал. В 1974 году УК РСФСР 1960 года был дополнен статьей 223.1 об уголовной ответственности за загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами [10]. Затем в 1988 году УК РСФСР 1960 года был дополнен рядом новых составов преступлений, предметом которых являлись радиоактивные материалы, в частности статьей 223.5 об ответственности за нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки радиоактивных материалов и других правил обращения с ними [11].

Указанные нормы, дополнившие УК РСФСР 1960 года, выступили в качестве социально-правовой обусловленности закрепления в статье 247 УК РФ 1996 года нового состава преступления – производство запрещенных видов опасных отходов, транспортировка, хранение, захоронение, использование или иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил, если эти деяния:

создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (часть 1 статьи 247 УК РФ);

повлекли загрязнение, отравление или заражение окружающей среды, причинили вред здоровью человека, повлекли массовую гибель животных, либо были совершены в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации (часть 2 статьи 247 УК РФ);

повлекли по неосторожности смерть человека либо массовое заболевание людей (часть 3 статьи 247 УК РФ).

Особенности объекта состава преступления – нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов. В ряде научных трудов отмечается, что объектом данного состава преступления является экологическая безопасность и окружающая среда. В частности, Т.А. Давыдова полагает, что видовым объектом данного состава преступления выступают «общественные отношения в сфере обеспечения экологической безопасности населения и окружающей среды» [2, с. 8].

Вместе с тем, надлежит отметить не бесспорность приведенного научного мнения. Во-первых, следуя общеизвестному подходу при исследовании рассматриваемого вопроса – от общего к частному, представляется важным сначала определить особенности родового объекта анализируемого состава преступления. Представляется не совсем обоснованным исходить при этом из названия раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ, в котором структурно расположена глава 26 «Экологические преступления». Дело в том, что сравнительно-правовой анализ норм Конституции Российской Федерации [4], Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» [12], Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [9], статьи 2 УК РФ, статьи 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (далее – КоАП РФ) охрана общественной безопасности и охрана окружающей среды определены в качестве самостоятельных задач государства.

Изложенное позволяет прийти к следующим выводам: 1) понятие общественной безопасности не включает в себя в качестве одной из составляющих понятие экологической безопасности; 2) уголовно-правовые нормы об экологических преступлениях целесообразно исключить из раздела IX УК РФ (преступления против общественной безопасности и общественного порядка) и создать на их основе новый самостоятельный раздел УК РФ. С указанным научным подходом солидарны, в частности И.В. Лавыгина [6, с. 68], А.Н. Безрук, П.В. Еремкин [1, с. 273].

Обоснованность вышеуказанных выводов подтверждается также результатами анализа опыта уголовного законодательства ряда зарубежных стран, где предусмотрен самостоятельный раздел о преступлениях против окружающей среды. Это, например, уголовные кодексы Австрии, Армении, Беларуси, Китая, Польши, Таджикистана, Узбекистана.

В научных трудах используются различные понятия родового объекта экологических преступлений, в том числе: охрана окружающей среды, экологическая безопасность, охрана природной среды. Для правильного определения родового объекта состава преступления – нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов надлежит анализировать не только уголовный закон, но и экологическое законодательство. Это позволяет установить, что понятия «охрана окружающей среды», «охрана природной среды» и «экологическая безопасность» соотносятся между собой как общее (охрана окружающей среды) и частное (охрана природной среды, экологическая безопасность).

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 21 используется понятие «охрана окружающей среды» [7]. Более того, прежним подобным постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 14 (утратило силу) «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» закреплялось, что объектом экологических преступлений является окружающая среда [8]. Изложенное приводит к выводу, что родовым объектом состава преступления – нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов выступают общественные отношения в сфере охраны окружающей среды. Поэтому представляется целесообразным предлагаемому новому разделу УК РФ присвоить следующее наименование: «Преступления против окружающей среды».

По поводу видового объекта состава преступления – нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, видным учёным в области экологических преступлений О.Л. Дубовик отмечается, что, сфера общественных отношений должна раскрываться через предмет преступления [3, с. 86]. Под непосредственным объектом анализируемого состава преступления надлежит понимать общественные отношения в сфере окружающей среды при производстве запрещенных видов опасных отходов, транспортировке, хранении, захоронении, использовании или ином обращении радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов.

В силу диспозиции части 1 статьи 247 УК РФ предметом данного состава преступления являются радиоактивные, бактериологические, химические и другие опасные вещества, отходы. Предметом транспортировки, хранения, захоронения, использования или иного обращения с нарушением установленных правил являются только такие вещества и отходы, которые относятся к радиоактивным, бактериологическим или химическим [7]. Под отходами следует понимать различного рода остатки сырья, материалов, не являющиеся готовой продукцией, образующиеся в ходе производственной деятельности. При этом отходы считаются экологически опасными в случаях, если они включают в себя вредные для здоровья человека,

окружающей среды компоненты [5, с. 711]. Объективная сторона основного состава преступления, предусмотренного части 1 статьи 247 УК РФ, включает в себя хотя бы одно из деяний, перечисленных в данной норме. Содержание данных деяний раскрывается в федеральных законах от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ (ред. 26.12.2024) «Об отходах производства и потребления» [13], от 21 ноября 1995 года № 170-ФЗ (ред. 21.04.2025) «Об использовании атомной энергии» [14], от 11 июля 2011 года № 190-ФЗ (ред. 21.12.2021) «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [15] и др.

Особенностью анализируемого основного состава преступления является то, что он формальный. Это означает, что для привлечения к ответственности по части 1 статьи 247 УК РФ не требуется фактического наступления общественно опасных последствий. Относительно создания угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде надлежит отметить, что это означает следующее: принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли виновного, общественно опасные последствия вовремя были предотвращены.

Под существенным вредом здоровью человека применительно к рассматриваемому составу преступления следует понимать вред здоровью средней тяжести либо тяжкий в отношении хотя бы одного лица, а под существенным вредом окружающей среде понимается такое загрязнение, изменение радиоактивного фона, которое представляет опасность для жизни или здоровья человека [7].

Субъективная сторона анализируемого состава преступления характеризуется виной в форме умысла или неосторожности, при этом особенностью субъективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 3 статьи 247 УК РФ является то, что в данном случае речь идет только о неосторожной форме вины [7].

Субъект данного состава преступления – специальный, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, на которое законом или иным нормативным правовым актом, должностным регламентом (инструкцией) возложена обязанность соблюдать установленные правила обращения экологически опасных веществ и отходов.

Вывод. Таким образом, для правильного определения родового объекта состава преступления – нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов надлежит анализировать не только уголовный закон, но и экологическое законодательство. Это позволило установить, что понятия «охрана окружающей среды», «охрана природной среды» и «экологическая безопасность» соотносятся между собой как общее (охрана окружающей среды) и частное (охрана природной среды, экологическая безопасность). Родовым объектом рассмотренного состава преступления выступают общественные отношения в сфере охраны окружающей среды. Поэтому представляется целесообразным в Особенной части УК РФ создать самостоятельный раздел и дать ему следующее наименование: «Преступления против окружающей среды».

Список литературы:

1. Безрук А.Н., Еремкин П.В. Объект преступлений, связанных с загрязнением окружающей среды // Вестник Астраханского государственного технического университета. Юридические науки. 2005. № 5 (28). С. 5-11.
2. Давыдова Т.А. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 22 с.
3. Дубовик О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. Москва: Спарк, 1998. 351 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Российская газета. 1993. 25 декабря (первоначальный текст).
5. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева. Москва: Инфра-М, 2016. 130 с.
6. Лавыгина И.В. Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 22 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. 2012. 31 октября.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 14 (утратило силу) «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» // Российская газета. 1998. 24 ноября.
9. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351.
10. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 июля 1974 года (прекратил действие) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1974. № 29. Ст. 781.
11. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1988 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1988. № 14. Ст. 396.
12. Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
13. Федеральный закон от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ (ред. 26.12.2024) «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.
14. Федеральный закон от 21 ноября 1995 года № 170-ФЗ (ред. 21.04.2025) «Об использовании атомной энергии» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4552.
15. Федеральный закон от 11 июля 2011 года № 190-ФЗ (ред. 21.12.2021) «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 4281.

References:

1. Bezruk A.N., Eremkin P.V. Object of crimes related to environmental pollution // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Legal sciences. 2005. № 5(28). P. 5-11.
2. Davydova T.A. Criminal-legal characteristics of violation of rules for handling ecologically hazardous substances and waste: author's abstract. dis. … candidate of legal sciences. Stavropol, 2005. 22 p.
3. Dubovik O.L. Environmental crimes. Commentary to Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Spark, 1998. 351 p.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account amendments) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25 (original text).
5. Course of Russian criminal law. Special part / edited by V.N. Kudryavtsev. Moscow: Infra-M, 2016. 130 p.
6. Lavigina I.V. Environmental crimes: criminal-legal characteristics and problems of responsibility: dis. … candidate of legal sciences. Irkutsk, 2003. 22 p.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012 № 21 (as amended on December 15, 2022) «On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management» // Rossiyskaya Gazeta. 2012. October 31.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 5, 1998 № 14 (no longer in force) «On the practice of applying by courts the legislation on liability for environmental offenses» // Rossiyskaya Gazeta. 1998. November 24.
9. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27 (Part II). Art. 5351.
10. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of July 11, 1974 (ceased to be in effect) «On Amendments and Supplements to the Criminal and Criminal Procedure Codes of the RSFSR» // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1974. № 29. Art. 781.
11. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of March 30, 1988 «On Amendments and Supplements to the Criminal and Criminal Procedure Codes of the RSFSR» // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1988. № 14. Art. 396.
12. Federal Law of December 28, 2010 № 390-FZ (as amended on 10.07.2023) «On Security» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 2.
13. Federal Law of June 24, 1998 № 89-FZ (as amended on December 26, 2024) "On Production and Consumption Waste" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. № 26. Art. 3009.
14. Federal Law of November 21, 1995 № 170-FZ (as amended on April 21, 2025) "On the Use of Atomic Energy" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. № 48. Art. 4552.
15. Federal Law of July 11, 2011 № 190-FZ (as amended on December 21, 2021) «On the Management of Radioactive Waste and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. № 29. Art. 4281.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_474

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF EXTREMIST CRIMES

ГОРОВОЙ Владислав Викторович,
ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний,
связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА.
117342, Россия, г. Москва, ул. Введенского, 1 «а».
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России.
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».
E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна,
ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования
центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы
ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования.
ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России.
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».
E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru;

GOROVOY Vladislav Viktorovich,
Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Imprisonment Sentences and the Study o
f Penitentiary Crime at the Center for Security Research in institutions of the penal system
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow Federal Law Academy.
117342, Russia, Moscow, st. Vvedensky, 1 "a".
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort
Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".
E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna,
Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying,
Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort
Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".
E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются элементы оперативно-розыскной характеристики преступлений экстремистской направленности. На основании изучения подходов о компонентах оперативно-розыскной характеристики авторами детально анализируются уголовно-правовой, криминологический, криминалистический и оперативно-розыскной элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений экстремистской направленности.*

Abstract: *The article examines the elements of the operational-investigative characteristics of extremist crimes. Based on the study of approaches on the components of operational-investigative characteristics, the authors analyze in detail the criminal-legal, criminological, criminalistics and operational-investigative elements of operational-investigative characteristics of extremist crimes.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная характеристика преступлений, преступления экстремистской направленности, элементы оперативно-розыскной характеристики преступлений.*

Key words: *operational-investigative characteristics of crimes, crimes of extremist orientation, elements of operational-investigative characteristics of crimes.*

Для цитирования: *Горовой В.В., Прихожая Л.Е. Оперативно-розыскная характеристика преступлений экстремистской направленности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 474-478. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_474.*

For citation*: Gorovoy V.V., Prikhozhaya L.E. Operational and investigative characteristics of extremist crimes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 474-478. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_474.*

Статья поступила в редакцию: 07.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Ключевым инструментом в организации эффективного противодействия преступлениям экстремистского характера выступает оперативно-розыскная характеристика, которая по своей сущности способствует изучению указанной разрушительной, деструктивной идеологии изнутри. Опираясь на ряд неотъемлемых элементов оперативно-розыскной характеристики, становится возможным установление основополагающих аспектов изучения экстремизма в целом.

Оперативно-розыскная характеристика (далее – ОРХ) преступлений экстремистской направленности выступает фундаментальным средством для предупреждения, выявления и раскрытия уголовно-наказуемых деяний экстремистского характера. Она позволяет получить подробное

представление об отличительных признаках лиц, занимающихся указанными противоправными деяниями, изучить основные способы и методы деятельности злоумышленников, а также способствует организации своевременного и необходимого противодействия [1, с. 75].

Рассмотрим наиболее содержательные определения понятия «оперативно-розыскная характеристика», которые выделяют ведущие ученые в области, оперативно-розыскной науки. Так, профессор Гребельский Д.В. отмечает, что ОРХ – это совокупность ряда устойчивых и взаимообусловленных информационных признаков криминалистического, психологического, экономического и иного характера [2, с. 72-73].

В свою очередь, профессор В.Д. Ларичев под ОРХ преступлений предлагает понимать систему научно-обоснованных и комплексных данных о преступном событии, изучение которых способствует формированию теоретической базы для разработки соответствующих рекомендаций по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений [3, с. 71].

По мнению Ю.М. Худякова, в содержание такой характеристики входят пять элементов непременно взаимосвязанных между собой:

1) характеристика преступления и его общественной опасности;

2) характеристика способа приготовления к преступлению;

3) характеристика способа совершения преступления;

4) характеристика личности преступников;

5) характеристика поведения преступников после совершения преступления [4, с. 45].

По мнению ученых К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова оперативно-розыскная характеристика состоит из следующих элементов:

1. Уголовно-правовой элемент. Задача данного аспекта – дать правильную квалификацию преступления, определить, к какой категории относится противоправное деяние, охарактеризовать его основные признаки.

2. Криминологический элемент. Указанный элемент позволяет определить особенности личности преступника, его профессиональную деформацию в процессе становления на преступный путь. Заострить внимание необходимо на сведениях о характеристике лиц, совершающих преступления экстремистского характера (пол, возраст, личные социально-психологические качества, уровень достатка и образования, род деятельности, рецидив и др.).

3. Криминалистический элемент. Данный элемент определяет объективные особенности и обстоятельства совершения преступлений экстремистского характера; позволяет изучить механизм образования следов; обозначить следственные версии и установить направления расследования конкретного противоправного деяния.

4. Оперативно-розыскной элемент. Обозначенный элемент включает в себя непосредственную организацию деятельности сотрудников оперативных подразделений по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений экстремистской направленности. Отметим, что в настоящее время особенно актуальным выступает специфика изучения лиц, враждебно настроенных против Российской Федерации, подверженных деструктивному влиянию со стороны злоумышленников и, в дальнейшем, направляемых в экстремистские организации средств, за счет которых экстремисты способны осуществлять свою противоправную деятельность и выводить ее на более организованный уровень [5, с. 152].

На наш взгляд, позиция о выделении уголовно-правового, криминологического, криминалистического и оперативно-розыскного элементов ОРХ является наиболее обоснованной, так как при должном их содержании становится возможным проведение целостной оценки преступления и изучения его сущностной характеристики с позиции разных отраслей уголовно-правовых наук. При этом, на наш взгляд, в случаях, когда преступление совершается в местах лишения свободы, целесообразно включение уголовно-исполнительного элемента.

Перейдем к более детальному рассмотрению указанных элементов ОРХ. Прежде всего, проанализируем уголовно-правовой элемент.

Учитывая, что совокупно преступления экстремистского характера представлены различными статьями УК РФ, в том числе в которых содержится квалифицирующий признак: «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» - содержащийся в статьях особенной части уголовного закона, акцентируем внимание на рассмотрении тех составов преступлений, которые влекут за собой наиболее опасные последствия, а именно:

1) п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство»;

2) п «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»;

3) п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ «Хулиганство»;

4) ч. 1 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Перейдем к рассмотрению первого состава преступления, предусмотренного п «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство» [6, с. 149]. Предлагается установить его ОРХ. Начнем с разбора указанной статьи по составу.

Родовым объектом указанного противоправного деяния выступает личность человека, под которой следует понимать совокупность признаков лица как биологического вида, независимо от его уровня социализации, поведения, психологических свойств и т.д. Непосредственным объектом убийства выступает жизнь человека.

У указанного противоправного деяния – материальный состав, поэтому его объективная сторона состоит из трех неотъемлемых элементов: во - первых совершение действия (бездействия), непосредственного фокусированного на умышленное причинение смерти другому лицу. Во-вторых, наступившие общественно опасные последствия, которыми выступает смерть потерпевшего. В-третьих, причинно-следственная связь между совершением действия злоумышленником и наступлением смерти потерпевшего в результате преступного влияния на него.

Субъективная сторона противоправного деяния выражается как в прямом, так и в косвенном умысле. Изучая вопрос направленности умысла, необходимо изучить способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию повреждений, предшествующее поведение лица, совер-

шившего противоправное деяние, а также взаимоотношения злоумышленника и потерпевшего в прошлом. Важным элементом является осознание лицом, совершающим преступление, что его посягательство направлено на лишение жизни человека как выражение ненависти к его политическим, идеологическим, расовым и иным убеждениям и ценностям.

Рассмотрим квалифицирующий признак состава преступления – «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», который, в большинстве случаев, представляет собой совершение убийства из для реализации экстремистками их деструктивных целей. Субъектом является вменяемое, физическое лицо, достигшее ко времени совершения противоправного деяния возраста 14 лет.

Рассматривая следующий обозначенный состав преступления п «е» ч. 2 ст.111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, укажем, что непосредственным объектом указанного противоправного деяния по ч. 4 – здоровье человека, на которого было совершено посягательство.

Преступление относится к деяниям с материальным составом, поэтому его объективная сторона может быть выражена в действии или бездействии и состоит из трех неотъемлемых элементов: 1) непосредственное деяние; 2) последствия – тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть; 3) причинно- следственная связь. От убийства указанный состав отличается по локализации действий, непосредственно направленных на причинение тяжкого вреда здоровью или смерти.

Субъективная сторона по п «е» ч.2 характеризуется прямым умыслом качественным сочетанием в рамках единого психологического процесса умышленного отношения лица к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего по соответствующим мотивам, признанным экстремистскими. Обязательным признаком субъективной стороны преступления выступает мотив – причинение тяжких телесных повреждений лицу в силу его приверженности конкретным политическим взглядам, религии, идеологии и др. Субъектом противоправного деяния выступает вменяемое, физическое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Часто, указанные деяния совершаются по мотивам идеологической и расовой ненависти, когда представители молодежных субкультур преследуют лиц, представляющих для них интерес, для применения к ним физической силы. После тяжело полученных повреждений потерпевшие умирают.

Перейдем к рассмотрению преступления, предусмотренного п «б» ч.1 ст. 213 УК РФ «Хулиганство», совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [7, с. 24].

Под хулиганством понимается умышленное нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу.

Объектом указанного противоправного деяния выступает общественный порядок. Дополнительными объектами уголовно-правовой охраны при совершении преступлений экстремистского характера выступают конституционные права и свободы человека и гражданина; а также общественная и транспортная безопасность государства. Объективная сторона преступления выражается в активных действиях лица, направленных на грубое нарушение общественного порядка, выражающих явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды по отношению к той или иной социальной группе. Состав преступления по конструкции является формальным, это означает, что противоправное посягательство является оконченным с момента совершения хулиганских действий независимо от наступления общественно опасных последствий.

Субъективная сторона выражается в форме вины в виде прямого умысла. Виновный осознает, что он выполняет действия, грубо нарушающие общественный порядок, выражающие явное неуважение к обществу, и желает их выполнить. Обязательным признаком субъективной стороны выступает экстремистской мотив, а именно совершение указанных действий из различного рода ненависти или вражды, а также вследствие сформированных враждебных или ненавистных взглядов по отношению к конкретной социальной группе. Субъектом указанного состава преступления является – вменяемое физическое лицо, достигшее по ч.1 возраста 16 лет.

Заключительным составом особенной части УК РФ, который будет рассмотрен, выступает ч.1 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Объектом преступления выступают основы государственной власти РФ, внутренняя безопасность страны, конституционный строй РФ, мирное сосуществование граждан, их равенство независимо от национальной, половой, языковой, расовой принадлежности и вероисповедания. Объективная сторона указанного противоправного деяния выражается в действиях, совершенных публично в том числе с использованием СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, направленных на: возбуждение ненависти либо вражды к определенному лицу или группе лиц; унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии.

В свою очередь, ученый-криминалист Д.Н. Саркисов считает, что объектом является нормальное взаимоотношение лиц и групп населения разных рас, национальностей и религиозных мышлений, мы в свою очередь считаем, что объект экстремистских преступлений является крайне обширным и затрагивает большинство общественных отношений, складывающихся в обществе и для более точного определения объекта преступлений экстремисткой направленности необходимо внесение изменений в законодательные акты [8, с. 19].

Состав преступления по конструкции объективной стороны является формальным. Противоправное деяние окончено с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по конкретным признакам их принадлежности к полу, расе, национальности и др, а также принадлежности к конкретной социальной группе.

Под враждой понимаются конфликты между гражданами, которые сопровождаются агрессивными высказываниями или активными действиями - физической расправой или угрозами ее применения, повреждением или уничтожением имущества и т.д. (национальная; религиозная; расовая). Под унижением достоинства человека следует понимать выражение дискриминационного отношения к определенной нации, религии, полу, расе, языку, происхождению, принадлежности к любой социальной группе в форме непристойных высказываний, письменных текстов или рисунков, адресованных представителям данной нации или расы.

Субъективная сторона выражена виной в форме прямого умысла. Обязательным признаком объективной стороны является наличие специальной цели – возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. Субъект по ч. 1 ст. 282 УК РФ - специальный, а именно вменяемое, физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, привлеченное к административной ответственности за аналогичное деяние, предусмотренное КоАП РФ.

В научном анализе экстремистских преступлений ключевое значение приобретает разграничение мотивационной структуры и целей, которые лежат в основе данных противоправных действий. Некоторые ученые в области криминологии выделяют такие мотивы, как: из хулиганских побуждений; с целью причинения вреда здоровью; а также с целью вандализма и другие. Нельзя не согласиться с данной позицией, поскольку проявления экстремизма и его мотивы в теории и на практике дифференцируются по разным критериям.

Вторым элементом ОРХ является криминологическая характеристика, которая включает в себя следующие аспекты: «личность преступника», «мотивы совершения преступления», «способы совершения преступления», «обстановка совершения преступлений». Рассмотрим преступления экстремистского характера с учетом указанных элементов [9, с. 74].

Рассматривая вопрос о личности преступника-экстремиста, исследователями в области оперативно-розыскной науки было установлено, что демографический профиль преступников в данной сфере преимущественно мужской. Анализ показывает, что женщины редко участвуют в таких преступлениях, с их долей, составляющей всего 8% по сравнению с 92% мужчин.

Возраст злоумышленников в указанной сфере составляет от 18 до 29лет. Однако, важно отметить, что к активным действиям при совершении преступлений экстремистского характера привлекаются несовершеннолетние в возрасте от 14 до 17 лет. Это является действительно важным и опасным фактом, поскольку в данную категорию попадают, в основном, молодые люди с еще не до конца сформировавшейся психикой, на которую возможно оказать деструктивное воздействие со стороны радикально настроенных граждан.

Необходимым критерием выступает социальное положение указанных лиц. Позиции специалистов сходятся на том, что в основном преступлениями экстремисткой деятельности занимаются лица из неблагополучных семей с низким уровнем дохода, а также с низким уровнем образования, однако стоит заметить, что среди организаторов данной деятельности часто встречаются лица с высшим образованием, четко имеющим представление об организованности и устойчивости, преступных-схемах и разделении ролей.

Лица, стоящие за организацией экстремистских сообществ, часто относятся к среднему социальному классу и имеют возрастные рамки от 35 до 45 лет. В таких группах зафиксирована практика передачи управленческих полномочий от основателя к одному из его последователей или учеников. Процесс такой смены руководства позволяет бывшему организатору принять роль символа идеологии, в то время как его преемник на практике исполняет функции идейного лидера [10, с. 47]. Это переопределение ролей внутри экстремистских групп укрепляет их структуру и углубляет идеологические устои.

Анализируя экстремистские преступления по элементу «способов совершения преступления», можно сделать вывод о том, что данные преступления являются опасными для человека и общества в целом, ведь основными способами совершения экстремистских преступлений являются физическое насилие, влекущее за собой тяжелые последствия для людей, а иногда и смерть одного или нескольких человек.

Надлежит сказать и о том, что способы совершения экстремистских преступлений не ограничиваются физическим насилием, психологическое насилие также активно применяется экстремистами и несет не менее тяжелые последствия для здоровья людей. Активно используются формирование атмосферы страха; демонстрация унижения и идеологии превосходства над другими людьми; деструктивное воздействие посредством угнетения и другие способы. Уничтожение материальных объектов является еще одним способом совершения данного вида преступлений, который в свою очередь несет за собой материальные убытки для государства [11, с. 26-27].

Третьим и не менее важным элементом ОРХ является криминалистическая характеристика экстремистских преступлений, которая представляет собой совокупность информации, имеющей значение для раскрытия преступления. Стоит отметить, что при подготовке к совершению преступлений экстремистской направленности прослеживается повышенная скрытность. Экстремисты при организации своей деятельности стараются как можно меньше привлекать внимания к себе, а также очень тщательно скрывать следы преступлений, что повышает сложность раскрытия таких преступлений.

Оперативно-розыскной элемент предполагает при комплексном изучении всех вышеописанных аспектов вырабатывать и реализовывать соответствующие способы и методы противодействия преступлениям экстремистского характера. К противодействию, в частности, необходимо отнести предупреждение, выявление и раскрытие указанных преступлений; грамотная организация сил и средств; комплексное проведения оперативно-розыскных мероприятий; взаимодействие с другими подразделениями и ведомствами; использования подсобного аппарата содействия, состоящего на связи у сотрудников ОВД.

Анализируя преступления экстремисткой направленности нам необходимо обратиться к статистическим данным. Стоит отметить, что на данный момент сил и средств оперативных подразделений ОВД не всегда достаточно для эффективного противодействия преступлениям экстремисткой направленности, поскольку сегодняшняя политическая ситуация в нашем государстве серьезно осложнена ввиду проведения Специальной военной операции.

Следует предположить, что необходимо проведение следующих комплексных мероприятий со стороны сотрудников правоохранительных органов и взаимодействующих с ними субъектов по противодействию экстремистской деятельности:

1) информационно-пропагандистский, к которому следует отнести распространение научной и научно-популярной литературы, раскрывающей суть экстремизма, его возможных проявлений, мер противодействия указанному социально-деструктивному явлению, а также посвященной различным религиям, которые исповедуются не только в нашем государстве, но в и ряде других стран, особенно тех, которые исторически были выстроены на основе исповедания той или иной единственной религии (к примеру, исламские государства);

2) проведение лекций, тематических встреч, «круглых столов», конференций с привлечением представителей различных конфессий, наиболее авторитетных деятелей науки и культуры. Особенно важно проводить подобные мероприятия среди несовершеннолетних и в молодежной среде, поскольку именно указанные категории в сиу своей незрелости в большей степени подвержены воздействию радикально-настроенных лиц;

3) сбор и анализ соответствующей информации о совершении противоправных действий экстремистского характера, предупреждение и раскрытие их деятельности;

4) пресечение антиобщественных, деструктивных, разлагающих общество изнутри акций злоумышленников;

5) своевременный розыск лиц, совершивших противоправные деяния и пытающихся скрыться и привлечение их к ответственности;

6) ужесточение контроля за миграционной политикой государства;

7) формирование у молодого поколения уважения к представителям всех национальностей и конфессий, организация соответствующего досуга детей и подростков, который будет направлен на развитие бесконфликтного общения, терпимости и приверженности традиционным духовным ценностям, стимулирование формирования и поддержания идеи исторического единства всех народов России.

Следует указать также на то, что значительное количество преступлений экстремистского характера реализуется посредством использования сети «Интернет». Когда противоправное деяние совершается указанным способом злоумышленникам проще скрыть первоисточник возникновения угрозы, тем самым причиняя значительный ущерб безопасности государства активной пропагандой своих преступных намерений и безнравственных деструктивных идей. Современные автоматизированные механизмы обработки данных существенно меняют условия объективной действительности, в которых оперативным подразделениям приходится противоборствовать экстремистским сообществам. По современным оценкам, экстремисты уже используют возможности сети «Интернет» с целью реализации своего преступного умысла. Для установления и выявления лиц, осуществляющих экстремистские деяния в информационном пространстве надлежит говорить о «разведке в открытых источниках – посредством использования OSINT».

В текущей ситуации в мире враждебно настроенные государства к России, а также и отдельные преступники – экстремисты стараются насильственно навязать определенную системы религиозных воззрений, в том числе призывают стать последователями нетрадиционных религиозных учений (приверженцами различных сект); демонстрируют стремление исказить всеобщую историю и историю нашего государства; возродить национализм и фашизм. Члены указанных организаций занимаются массовым вовлечением лиц в свои преступные группы, пропагандируют экстремизм. Кроме того, росту экстремистских воззрений в обществе способствуют следующие социально-экономические, политические и культурно-образовательные причины.

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод о том, что методы, средства и силы, используемые оперативными подразделениями при противодействии экстремизму, являются важными инструментами в достижении целей уголовно-правовой политики государства на сегодняшний день. Учитывая современное развитие общества, экстремизм находит все новое, модернизированное и опасное отражение, изучение и анализ форм и способов которого является важным и значимым направлением правоохранительной деятельности.

Список литературы:

1. Лапин Е. С. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов / Е. С. Лапин. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 465 с.
2. Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений. Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов Академии МВД СССР. – М., 1984. – С. 70-73.
3. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях // Безопасность бизнеса. – 2008. – № 2. – С. 70-75.
4. Худяков Ю.М. Значение и содержание оперативно-тактической характеристики для раскрытия преступлений отдельных видов // Проблемы совершенствования деятельности аппаратов милиции и криминалистических подразделений. – М., 1979. – С. 44-48.
5. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 795 с.
6. Сидоров Б.В., Бабичев А.Г. Убийство по экстремистским мотивам: вопросы применения и совершенствования уголовного законодательства России // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 4. – 147-151.
7. Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство- нонсенс уголовного закона // Законность. – 2008. – №4. – С.21-26.
8. Саркисов Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2010. – 28 с.
9. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / Л. И. Залиханова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 275 с.
10. Личность преступника / Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 366 с.
11. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодёжных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 174 с.

References:

1. Lapin E. S. Theory of operational investigative activity : a textbook for universities / E. S. Lapin. 9th ed., reprint. and add. M.: Yurait Publishing House, 2025. – 465 p.
2. Grebelsky D.V. On the correlation of criminalistic and operational-investigative characteristics of crimes. Criminalistic characteristics of crimes: collection of scientific works of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. – Moscow, 1984. – Pp. 70-73.
3. Larichev V.D. Operational and investigative characteristics of economic crimes: issues of theory and practice in modern conditions // Business security. 2008. No. 2. Pp. 70-75.
4. Khudyakov Yu.M. The significance and content of operational and tactical characteristics for solving crimes of certain types // Problems of improving the activities of police apparatuses and criminalistic units. – Moscow, 1979. – Pp. 44-48.
5. Theory of operational and investigative activities: textbook / ed. by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov. 3rd ed., revised and add. M.: INFRA-M., 2017. 795 p.
6. Sidorov B.V., Babichev A.G. Murder for extremist motives: issues of application and improvement of criminal legislation in Russia // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2013. – № 4. –Pp. 147-151.
7. Kibalnik A., Solomonenko I. "Extremist" hooliganism is the nonsense of the criminal law. – 2008. – No. 4. – Pp. 21-26.
8. Sarkisov D.N. Criminal law means of countering extremist activity: diss. ... kand. jurid. Sciences. – M., 2010. – 28 p.
9. Crimes of extremist orientation: criminal law and criminological aspects: a textbook for students of higher educational institutions studying in the field of "Jurisprudence" and the specialty "Jurisprudence" / L. I. Zalikhanov. – M.: Yurlitinform, 2014. – 275 p.
10. The identity of the criminal / Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. – S.-Pb.: Legal Center Press, 2004. – 366 p.
11. Rostokinsky A.V. Extremist crimes as manifestations of subcultural conflicts of youth associations: criminal law and criminological problems: dis. ...Dr. Jurid. Sciences. – M., 2008. – 174 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_479

УДК 343.122

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ
THE HISTORY OF VICTIM STATUS DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

ГУНЬКИН Игорь Валентинович,
доцент кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат философских наук.
690087, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Котельникова, д. 21.
E-mail: igor_gunkin@mail.ru;

GUNKIN Igor Valentinovich,
Associate Professor of the Department of Special Disciplines
Vladivostok Branch of the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Philosophical Sciences.
21 Kotelnikova St., Vladivostok, Primorsky Krai, 690087, Russia.
E-mail: igor_gunkin@mail.ru

Краткая аннотация*: статья посвящена исследованию исторических этапов возникновения и развития правового статуса потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве. Анализируются дореволюционный, советский и современный этапы становления данного правового института. Делается вывод, что перемены в политической организации общества, экономике, социальной и культурной сферах находили свое отражение в нормах, направленных на защиту прав лиц, пострадавших от преступных посягательств.*

Abstract*: The article is devoted to the study of the historical stages of the emergence and development of the legal status of the victim in Russian criminal proceedings. The pre-revolutionary, Soviet and modern stages of the formation of this legal institution are analyzed. It is concluded that changes in the political organization of society, the economy, social and cultural spheres were reflected in the norms aimed at protecting the rights of persons affected by criminal attacks.*

Ключевые слова*: уголовный процесс, права человека, потерпевший, жертва преступления, процессуальный статус.*
Key words*: criminal procedure, human rights, victim, victim of crime, procedural status.*

Для цитирования: *Гунькин И.В. История развития статуса потерпевшего в уголовном процессе России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 479-482. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_479.*
For citation*: Gunkin I.V. The history of victim status development in the Russian criminal process // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 479-482. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_479.*

Статья поступила в редакцию: 06.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Анализ правового статуса потерпевшего обусловливает необходимость рассмотрения исторических истоков зарождения и последующего развития соответствующих процессуальных норм в отечественном законодательстве.

Обращение к древнейшему в нашей стране источнику права – Русской Правде показывает, что изначально такой термин как «потерпевший» отсутствовал. Однако, в тексте данного документа имелись упоминания о лицах, понесших «обиду». Обида было собирательным определением вреда, без разграничения на уголовно-правовые и гражданские отношения. Характерно, что историческая специфика раннесредневекового общества дифференцировала общественную опасность обиды исходя из социального статуса пострадавшего (чем значимее был статус, тем строже устанавливалось наказание за обиду) и бытовавших норм, обычаев и традиций (например, удар кулаком был большей обидой, чем удар оружием). В качестве основного способа восстановления нарушенных прав данный памятник права предусматривал материальную компенсацию вреда.

В целом средневековое русское право не содержало ни понятия «потерпевший», ни комплекса прав и обязанностей, закрепленных за жертвой преступного посягательства.

На этапе становления централизованного Московского государства, в Судебнике 1497 г. появляется термин «жалобник», которое, впрочем, не имело четкого нормативного описания. Из текста лишь очевидно, что это было лицо, имевшее право подать жалобу за причиненную обиду. В Соборном уложении 1649 г. уже появляется новое понятие – «челобитник»; данный документ наделял его не только правами заявителя, но и давал право требовать отвода судьи, если таковой имел личные интересы в деле, был дружен с обвиняемым лицом. Также правом обращения за правосудием обладали родственники лица, потерпевшего от преступных действий. Таким образом, в эпоху Нового времени российское уголовно-процессуальное право дополняется нормами, позволявшими отчасти гарантировать жертве преступления справедливое правосудие, однако в целом институт потерпевшего продолжал находиться в зачаточном состоянии. Большая часть отношений, связанных с исследуемой нами процессуальной фигурой, регламентировалась системой традиций и обычаев сословного общества.

С укреплением в России абсолютистской монархии, существенно возросла роль норм права в регулировании общественных отношений, что отразилось как на развитии уголовно-процессуального права в целом, так и отдельных его институтов. Так, в Артикуле воинском 1715 г. появляется норма, запрещавшая применять пытки при допросе потерпевшего лица. Уложение 1845 г. предусматривало ответственность потерпевшего за сохранность вещественных доказательств по делу.

Важнейшим этапом становления рассматриваемого института стала судебная реформа Александра II. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. появился термин «пострадавший», который был наделен достаточно большим объемом прав и активно участвовал в уголовном процессе,

однако дефиниция данного понятия отсутствовала, не был четко описан формальный момент входа данного участника в уголовное судопроизводство. Среди положительных аспектов следует отметить – наделение жертвы преступного посягательства правом знакомиться с материалами уголовного дела, причем на любой стадии процесса. Также данная процессуальная фигура наделялась правом присутствия при производстве следственных действий, правом компенсации причиненного вреда. При этом потерпевший обязан был лично участвовать в процессуальных действиях на этапе расследования, поверенные на этой стадии не допускались [6, с. 19].

Дальнейшим шагом в совершенствовании института защиты прав потерпевшего стало принятие Уголовного уложения 1903 г., которое вводило уголовную ответственность за противоправные посягательства на лиц, ставших жертвами преступлений.

Итак, в дореволюционный период развития отечественного уголовного процесса в нем только начал зарождаться институт потерпевшего. Несмотря на то, что число норм, регламентирующих процессуальное положение жертв преступлений постоянно увеличивалось и совершенствовались механизмы защиты их прав, законодательство не устанавливало самого дефинитивного понятия «потерпевший».

Хотя революционные события 1917 г. привели к слому монархической государственности и правовой системы, однако, практически сразу были приняты первые нормативные акты, отражавшие подход новой власти к статусу потерпевшего: декрет СНК РСФСР «О суде» 1917 г., Декрет СНК РСФСР «О революционных трибуналах» 1918 г., Декрет СНК РСФСР 1919 г.

Так, Декрет 1919 г. наделял потерпевшего правом реализовывать отдельные функции обвинения, активно участвовать в судебных прениях, обжаловать вынесенный приговор и даже участвовать в кассационном разбирательстве. Данные новеллы безусловно носили революционный характер.

Позднее институт потерпевшего активно развивался в кодифицированных актах уголовно-процессуального права, принимаемых в советский период: УПК РСФСР 1922 г., УПК РСФСР 1923 г., Основы уголовного судопроизводства 1958 г., УПК РСФСР 1960 г.

УПК РСФСР 1922 г. не содержал нормативного определения термина «потерпевший», однако наделял данную фигуру достаточно широким набором процессуальных прав. Так, потерпевший мог инициировать возбуждение дела по уголовным делам частного обвинения, обладал правом на гражданский иск с целью возмещения понесенного ущерба, имел право на переводчика и представителя интересов, имел возможность участия в следственных действиях и право задавать вопросы их участникам, а также заявлять отвод судье.

В УПК РСФСР 1923 г. дефиниция рассматриваемого понятия по-прежнему отсутствовала. Активная роль потерпевшего в процессе была несколько сужена (в части исследования доказательств, участия в следственных действиях), однако он наделялся правом приносить жалобы на действия должностных лиц, расследующих преступление и давать показания по делу.

В целом на развитие правового статуса потерпевшего оказывали влияние происходящие в стране политические, социальные, культурные и иные перемены, обусловленные укреплением диктатуры правящей Коммунистической партии [10, с. 138].

В Законе СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» впервые появляется дефинитивное определение термина «потерпевший». Таковым признавалось лицо, которому преступлением был причинен моральный или имущественный вред. Потерпевший наделялся правами давать показания, предъявлять доказательства, подавать жалобы и ходатайства, по окончании расследования – знакомиться с материалами дела, участвовать в судебном разбирательстве и др. В данном документе фактически была уже сформирована основа современного правового положения потерпевшего.

Нормы УПК РСФСР 1960 г. включили в описание вреда, причиненного потерпевшему также физический вред. В качестве потерпевшего могло быть признано любое лицо, независимо от возраста и психического здоровья. Также в случаях установления фактического вреда, потерпевшим могло быть признано лицо по делам о приготовлении и покушении на преступление. Процедура признания жертвы преступления потерпевшим включала: подачу заявления и последующее вынесение постановления должностным лицом или определения судом.

Примечательно, что советское процессуальное законодательство, в силу политико-идеологических особенностей исторического периода не рассматривало возможности признания потерпевшим юридического лица. Организации имели возможность участвовать в возмещении понесенного от преступления ущерба в качестве гражданского истца. Данное положение было закреплено также разъяснениями Пленума ВС СССР 1985 г.

Исследователи отмечают, что, хотя УПК РСФСР 1960 г. существенно шире регламентировал права лиц, ставших жертвами преступления, чем УПК РСФСР 1923 г., рассматриваемый институт был значительно менее развит, чем в современном уголовно-процессуальном законодательстве. Однако, имевшийся у потерпевшего в позднесоветский период времени объем прав все-таки носил достаточный для решения задач правосудия характер. Также подчеркивается, что имевшийся объем прав логически проистекал из политико-идеологических установок советской эпохи, был ориентирован на активное участие граждан в укреплении социалистической законности и правопорядка, уважение правил социалистического общежития [10, с. 143].

В частности, имела место практика вынесения советскими судами отдельных определений о проявлениях мужества со стороны потерпевших, их участии в пресечении и раскрытии преступления, помощи в задержании преступника. Такого рода информация доводилась до широких слоев населения посредством газет, радио, телевидения, наглядной агитации и др. Напротив, асоциальные действия потерпевшего, обусловившие событие преступления, учитывались при определении вины преступника. Советская судебная система была ориентирована на контроль соблюдения прав потерпевших в процессе осуществления предварительного расследования и судебного разбирательства. В том числе проверке подлежала не только обоснованность признания лица потерпевшим, но и полнота установления всех, причастных к преступлению лиц и причиненного их действиями ущерба жертве преступления.

УПК РСФСР 1960 г. устанавливал и меры ответственности потерпевшего, сходные с действующими в современном законодательстве: при-

нудительный привод в случае неявки без уважительных причин и уголовную ответственность за дачу ложных показаний.

В целом, анализируемый документ стремился сбалансировать интересы государства и общества в борьбе с преступностью и защиту нарушенных прав жертвы преступления. Искоренение преступности рассматривалось само по себе как основное направление деятельности правоохранительных органов по обеспечению прав потерпевших.

Отражением политико-идеологических установок поздней советской эпохи (научного коммунизма) в сфере борьбы с преступностью и защиты прав человека стали нормы Конституции РСФСР 1978 г. Основной закон гарантировал компенсацию понесенного ущерба жертвам преступлений и устанавливал обязанность государства обеспечивать доступное и справедливое правосудие [9, с. 89-91].

В 1993 г. была принята Конституция РФ, начался этап нового конституционного развития нашей страны, отдельные аспекты которого стали приходить в противоречие со старым уголовно-процессуальным законодательством. Начавшаяся реформа последнего привела к принятию в 2001 г. действующего по настоящее время УПК РФ.

По оценке О.В. Гладышева, основным отличие нового закона стала переориентация процессуального законодательства с обеспечения приоритета публичных интересов на приоритет интересов личности. При этом наиболее серьезно были расширены гарантии правовой защиты лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, лиц в отношении которых применяются меры государственного принуждения [3, с. 84-85].

Как отмечалось в отдельных научных публикациях, уголовно-процессуальный закон превратился из средства борьбы с преступностью и защиты общегосударственных устоев в систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса. Задачи уголовно-процессуального законодательства переориентировались с преимущественно карательной направленности на восстановление нарушенных прав и разрешение имеющегося правового конфликта [11, с. 31].

Система действующих конституционных прав и гарантий предполагает, справедливое и беспристрастное разрешение правового конфликта между участниками уголовного судопроизводства, основанное на реализации имеющихся у них прав и обязанностей. Отдельная конституционная норма посвящена защите прав лиц, пострадавших от преступления (ст. 52 Конституции РФ). При этом субъективные права личности рассматриваются как приоритетные по отношению публичным интересам. Реализация данных принципов составила суть законодательных реформ уголовного процесса в период 1990-х – 2000-х годов.

Однако, реализация конституционных прав потерпевшего в практической деятельности судебно-следственных органов оказалась далека от заявленных идеалов. Это привело к непрекращающейся по настоящее время дискуссии в отношении перспектив развития института потерпевшего в уголовном процессе и попыткам реформировать действующий УПК РФ. Так, очевидно несовершенной оказалась норма ст. 42 УПК РФ, как в части определения понятия «потерпевший», так и в регламентации процессуального оформления данного статуса.

В 2013 г. была проведена широкомасштабная попытка реформировать исследуемый нами уголовно-процессуальный институт. Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ был введен ряд дополнительных норм, расширяющих возможности жертв преступлений участвовать уголовном судопроизводстве. Эффективность данной реформы получила неоднозначную оценку в научном сообществе [1; 2; 4; 5; 7; 8; 12].

Безусловно, общий вектор, выбранный законодателем, оценивается как положительный. Одновременно, критике подвергается некая бессистемность проводимой реформы, непродуманность конкретных механизмов реализации в практической деятельности отдельных, предоставленных потерпевшему прав. Отмечается необходимость более широкой правовой регламентации статуса жертв преступления до момента их формального признания потерпевшими. Именно слабая защищенность лица, пострадавшего от преступления на стадии возбуждения уголовного дела является одним из предметов критики действующего законодательства. Остается актуальной и ждет своего логического разрешения проблема повышения эффективности действий следователя по организации возмещения вреда жертвам преступления. Требует совершенствования и институт представительства потерпевшего в уголовном процессе.

Изложенное позволяет сделать вывод, что за несколько столетий существования отечественного уголовно-процессуального законодательства правовой статус потерпевшего прошел существенный этап развития и совершенствования. Происходящие перемены в политической организации общества, экономике, социальной и культурной сферах находили свое отражение в нормах, направленных на защиту прав лиц, пострадавших от преступных посягательств.

Средневековое русское право не содержало ни понятия «потерпевший», ни комплекса прав и обязанностей, закрепленных за жертвой преступного посягательства. В эпоху Нового времени российское уголовно-процессуальное право дополняется нормами, позволявшими отчасти гарантировать жертве преступления справедливое правосудие, однако в целом институт потерпевшего продолжал находиться в зачаточном состоянии. Большая часть отношений, связанных с исследуемой нами процессуальной фигурой, регламентировалась системой традиций и обычаев сословного общества. Важнейшим этапом становления рассматриваемого института стала судебная реформа Александра II. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. появился термин «пострадавший», который был наделен достаточно большим объемом прав и активно участвовал в уголовном процессе, однако дефиниция данного понятия отсутствовала, не был четко описан формальный момент входа данного участника в уголовное судопроизводство.

Позднее институт потерпевшего активно развивался в кодифицированных актах уголовно-процессуального права, принимаемых в советский период. В Законе СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» впервые появляется дефинитивное определение термина «потерпевший». Потерпевший наделялся правами давать показания, предъявлять доказательства, подавать жалобы и ходатайства, по окончании расследования – знакомиться с материалами дела, участвовать в судебном разбирательстве и др. В данном документе фактически была уже сформирована основа современного правового положения потерпевшего. УПК РСФСР 1960 г. устанавливал и меры ответственности потерпевшего, сходные с действующими в современном законодательстве: принудительный привод в случае неявки без уважитель-

ных причин и уголовную ответственность за дачу ложных показаний.

В настоящее время уголовно-процессуальный институт потерпевшего продолжает свое развитие. Так, в 2013 г. была проведена широкомасштабная попытка реформировать правовой статус потерпевшего: был введен ряд дополнительных норм, расширяющих возможности жертв преступлений участвовать уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Воронин В.Н. Учет мнения потерпевшего при назначении наказания: позиция судебной практики // Адвокатская практика. 2014. № 3. С. 30-35.
2. Гладышева О.В. Обеспечение законных интересов и прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве России: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 686-691.
3. Гладышева О.В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 188 с.
4. Зайцева Е.А. Трижды потерпевший // Законность. 2015. № 1. С. 34-38.
5. Ильин П.В. Общий порядок обеспечения прав потерпевшего в досудебном производстве: реалии и пути совершенствования // Российский следователь. 2014. № 12. С. 5-10.
6. Ильин П.В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве: автореферат диссертации кандидата юридических наук. Москва, 2015. 32 с.
7. Карпов С.А. Трудный путь «заявителя» к «потерпевшему» // Адвокат. 2014. № 9. С. 21-23.
8. Мартыненко Н.Э. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны потерпевших // Российский следователь. 2014. № 21. С. 6-9.
9. Решетникова А.А. История становления и развития правового статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Юридический факт. 2018. № 35. С. 89-91.
10. Татьянина Л.Г., Лукомская А.С. История развития правового положения потерпевшего в уголовном процессе в период с распада Российской империи и по настоящее время // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2017. Т. 27. № 6. С. 138-144.
11. Францифоров Ю.В., Грищенко Л.Л. Противоречия при соотношении частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве // Следователь. 2004. № 6. С. 31-33.
12. Якимович Ю.К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 17-20.

References:

1. Voronin V.N. Taking into account the victim's opinion when imposing punishment: the position of judicial practice. 2014. No. 3. pp. 30-35.
2. Gladysheva O.V. Ensuring the legitimate interests and rights of the victim in criminal proceedings in Russia: history and modernity // Actual problems of Russian law. 2014. No. 4. pp. 686-691.
3. Gladysheva O.V. Theoretical foundations of ensuring the legitimate interests of the individual in criminal proceedings: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2012. 188 p.
4. Zaitseva E.A. Three times the victim // Legality. 2015. No. 1. pp. 34-38.
5. Ilyin P.V. The general procedure for ensuring the rights of the victim in pre-trial proceedings: realities and ways of improvement // A Russian investigator. 2014. No. 12. pp. 5-10.
6. Ilyin P.V. Procedural provision of the rights of the victim in pre-trial proceedings: abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Moscow, 2015. 32 p.
7. Karpov S.A. The difficult path of the "applicant" to the "victim" // Lawyer. 2014. No. 9. pp. 21-23.
8. Martynenko N.E. Social conditionality of criminal law protection of victims // Russian investigator. 2014. No. 21. pp. 6-9.
9. Reshetnikova A.A. The history of the formation and development of the legal status of the victim in criminal proceedings in Russia // Legal fact. 2018. No. 35. pp. 89-91.
10. Tatyanina L.G., Lukomskaya A.S. The history of the development of the legal status of the victim in criminal proceedings in the period from the collapse of the Russian Empire to the present // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2017. Vol. 27. No. 6. pp. 138-144.
11. Franciforov Yu.V., Grishchenko L.L. Contradictions in the correlation of private and public principles in criminal proceedings // Investigator. 2004. No. 6. pp. 31-33.
12. Yakimovich Yu.K. Participation of the victim in criminal prosecution // Criminal proceedings. 2014. No. 4. pp. 17-20.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_483

КЛАССИФИКАЦИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ
CLASSIFICATION OF CRIMINAL PUNISHMENTS

ЕЛИСОВ Павел Петрович,
старший научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1,
E-mail: pappasha59@mail.ru;
ГАМАНЕНКО Леонид Иванович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России».
614012, Россия, Пермский край, г. Пермь, ул. Карпинского, 125, корп. 1.
E-mail: gamanenko1960@ yandex.ru;
ELISOV Pavel Petrovich,
Senior Researcher at the Research Center-3 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.
15a Narvskaya Street, Building 1, Moscow.
E-mail: pappasha59@mail.ru;
GAMANENKO Leonid Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Criminal, Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Punishments not related to isolation from Society, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Candidate of Law, Associate Professor.
125 Karpinsky str., building 1, Perm Region, 614012, Russia.
E-mail: gamanenko1960@ yandex.ru;

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются точки зрения отечественных ученых, касающиеся классификации уголовных наказаний. Авторы приходят к выводу о том, что причиной для классификации может стать любой значимый показатель, необходимо лишь соблюдать закономерные правила классификации явлений. При реализации этого условия каждый последующий вид классификации будет способен привнести новые познания об исследуемом предмете и его свойствах.*

Abstract. *The article examines the views of Russian scientists on the classification of criminal penalties. The authors conclude that any significant indicator can serve as a basis for classification, provided that the rules of classification are followed. By doing so, each subsequent classification can provide new insights into the subject and its properties.*

Ключевые слова: *осужденные, наказания, связанные с изоляцией от общества, наказания, не связанные с изоляцией от общества.*
Keywords: *convicts, punishments related to social isolation, and punishments unrelated to social isolation.*

Для цитирования: *Елисов П.П., Гаманенко Л.И. Классификация уголовных наказаний // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 483-485. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_483.*
For citation*: Elisov P.P., Gamanenko L.I. Classification of criminal punishments // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 483-485. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_483.*

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Наказание – мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, применяемая к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающаяся в применении установленных законом лишений или ограничений этого лица. Виды уголовных наказаний приведены в статье 44 Уголовного кодекса Российской Федерации. В настоящее время законодателем выделяются следующие виды наказаний: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь. Вместе с тем, несмотря на очевидную конкретику представленных видов, в научной среде не сложилось однозначного мнения относительно их классификации.

Так, авторы современного учебного курса по уголовному праву выделяют следующие критерии и связанные с ними виды наказаний [1. С. 309].

1. По характеру карательных элементов:

а) наказания, не связанные с лишением или ограничением свободы (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенным видом деятельности, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по воинской службе);

б) наказания, связанные с лишением или ограничением свободы (ограничение свободы, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы).

2. По характеру пенитенциарного воздействия на осужденных:

а) связанные с исправительным воздействием пенитенциарной системы (обязательные работы, исправительные работы, ограничение по воинской службе, ограничение свободы, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, срочное и бессрочное лишение свободы);

б) не связанные с таким воздействием (все прочие виды наказаний).

3. По протяженности во времени воздействия на осужденных:

а) наказания, которые назначаются на определенный срок, или срочные (лишение права занимать определенные должности или занимать-

ся определенным видом деятельности, обязательные и исправительные работы, ограничение по воинской службе, ограничение свободы, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок);

б) наказания, которые назначаются на неопределенный срок, или бессрочные (пожизненное лишение свободы);

в) исполняемые одномоментно (все прочие виды наказаний).

В свою очередь, А.В. Наумов предлагает классифицировать наказания по «характеру карательных элементов» и выделяет три группы [2. С. 56]:

«1) наказания, не связанные с ограничением или лишением свободы (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенным видом деятельности, лишение специального или воинского звания);

2) наказания, представляющие собой ограничение или лишение свободы (ограничение свободы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы);

3) смертная казнь».

Н.Ф. Кузнецова выделила пять групп наказаний, классифицировав их виды по содержанию лишений и ограничений прав и свобод осужденных:

«1) наказания, связанные с изоляцией от общества (арест, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы);

2) наказания, связанные с ограничением свободы, где «ведущим… выступает ограничение в передвижении» (ограничение свободы и содержание в дисциплинарной воинской части);

3) имущественные наказания, представляющие собой ограничение материальных прав осужденных (штраф);

4) трудовые наказания, в которых основным ограничением выступает принудительный труд (исправительные работы, обязательные работы, ограничение по воинской службе, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенным видом деятельности, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград);

5) смертная казнь» [3. С. 54].

В.А. Уткин предлагает свою классификацию. Так, по его мнению, наказания следует разделить на следующие группы:

«1) оказывающие на осужденного в первую очередь морально-психологическое воздействие;

2) носящие имущественный характер и оказывающие воздействие в первую очередь на корыстную мотивацию осужденного;

3) ограничивающие профессиональные права осужденного;

4) ограничивающие личную свободу осужденного;

5) лишающие осужденного за особо тяжкое преступление права на жизнь» [4. С. 67].

А.В. Бриллиантов разделял наказания на четыре группы:

«1) наказания, которые ограничивают личную свободу осужденного;

2) ограничивают его трудовую правоспособность;

3) ограничивают право личной собственности;

4) оказывают на осужденного моральное воздействие» [5. С. 89].

В зависимости от характера прав и свобод, на которые воздействуют наказания, И.Я. Козаченко подразделяет их на:

«1) наказания, оказывающие морально-психологическое воздействие на осужденного;

2) ограничивающие его право собственности;

3) ограничивающие трудовую или служебную правоспособность осужденного;

4) ограничивающие свободу передвижения и выбора места пребывания и жительства;

5) смертная казнь» [6. С. 181].

В УК РФ наказания делятся, в том числе в зависимости от категории лиц, совершивших преступление, и их возможности применения. Например, такие наказания, как ограничение по воинской службе и содержание в дисциплинарной воинской части, могут быть назначены только военнослужащим (ст. 51, 55 УК РФ). Наказания, такие как лишение права занимать определенные должности или заниматься конкретной деятельностью, а также лишение специальных, воинских или почетных званий, классных чинов и государственных наград, могут применяться только к тем, кто занимает соответствующие должности, выполняет определенные функции или обладает этими званиями и наградами.

Н.Б. Иванова вводит понятие «альтернатива лишению свободы» как более объемное, чем понятие альтернативных наказаний» [7. С. 118-123].

Существует также термин «альтернативные меры», который «включает не только некоторые виды наказаний, но и такие меры, как условное осуждение, освобождение, пробация, специальная опека, домашний арест и другие. В рамках этого подхода термин «альтернативные меры» охватывает все виды уголовно-правового воздействия, которые могут применяться вместо лишения свободы» [8. С. 340].

В соответствии с ст. 53.1 УК РФ, альтернативными наказаниями считаются только те виды наказаний, которые могут быть назначены вместо лишения свободы, указанные в ст. 44 УК РФ. Эти наказания ограничивают права осужденного, но позволяют ему оставаться на свободе. В действующем УК РФ принудительные работы являются единственным видом наказания, заменяющим лишение свободы, хотя они не предполагают изоляции от общества, несмотря на то, что упоминаются рядом с лишением свободы в санкциях.

Как отмечает В.В. Сверчков «Одной из ключевых классификаций наказаний является разделение на наказания с изоляцией от общества и

без нее. Однако это деление имеет свои недостатки, так как не охватывает все виды наказаний. Например, смертная казнь не попадает в эту классификацию, а термин «изоляция» используется исключительно в контексте лишения свободы и ареста» [9. С. 428].

«Согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ, лишение свободы включает изоляцию осужденного, путем его помещения в различные исправительные учреждения, такие как воспитательная колония, лечебное исправительное учреждение, исправительная колония разного уровня режима или тюрьма. Арест, в свою очередь, также предполагает содержание осужденного в условиях изоляции от общества, что указано в ч. 1 ст. 54 УК РФ» [10. С. 45].

Таким образом, все остальные виды наказаний, за исключением смертной казни, можно отнести к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. К ним относятся такие меры, как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, а также обязательные работы, исправительные работы, ограничения по воинской службе, ограничение свободы и принудительные работы.

Наказания, не связанные с изоляцией от общества, можно классифицировать на три группы: основные, дополнительные и те, которые могут быть применены как основные, так и дополнительные наказания. К основным видам наказаний относятся обязательные работы, исправительные работы, ограничение по воинской службе и принудительные работы (ч. 1 ст. 45 УК РФ). Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград используется исключительно как дополнительное наказание (ч. 3 ст. 45 УК РФ). Штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью могут быть назначены как в качестве основного, так и дополнительного наказания (ч. 2 ст. 45 УК РФ).

Кроме того, наказания можно разделить на две категории в зависимости от их применения на определенный срок. В первую группу входят наказания, которые назначаются на конкретный срок, такие как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ), ограничение по воинской службе и принудительные работы. Во вторую группу обычно включаются наказания, которые не имеют временных ограничений, например, штраф (ст. 46 УК РФ) и лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ).

На основе анализа различных научных подходов и идей в литературе можно выделить несколько категорий наказаний, не связанных с изоляцией осужденного, в зависимости от их содержания и воздействия:

1. Наказания, оказывающие морально-психологическое воздействие на осужденного. В эту группу входят наказания, такие как лишение специального, воинского и почетного звания, классного чина и государственных наград.

2. Наказания, ограничивающие право собственности осужденного. Примером таких наказаний является штраф, который накладывает на осужденного финансовые ограничения.

3. Наказания, ограничивающие трудовую или служебную правоспособность осужденного. К ним относятся лишение права занимать определенные должности или заниматься определенным видом деятельности, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по воинской службе и принудительные работы.

Проанализировав представленные в научной литературе точки зрения, мы пришли к выводу о том, что причиной для классификации уголовных наказаний может стать любой значимый показатель, необходимо лишь соблюдать закономерные правила классификации явлений. При реализации этого условия каждый последующий вид классификации будет способен привнести новые познания об исследуемом предмете и его свойствах.

Список литературы:

1. Уголовное право. Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М.: Юрайт. – 2023.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций.-6-е изд. М.: Проспект. – 2020.
3. Боровиков В. Б., Смердов А. А. Уголовное право. Общая часть. М.: Юрайт. – 2023.
4. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета. – 2022.
5. Бриллиантов А. В., Четвертакова Е. Ю. Уголовное право Российской Федерации в схемах. Учебное пособие. М.: Проспект. – 2020.
6. Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть. Краткий курс. М.: Юрайт. – 2023.
7. Иванова Н.Б., Кузнецова Е.М. Наказания, альтернативные лишению свободы // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России. – 2021. – Выпуск 3.
8. Векленко В.В. Уголовное право. Общая часть. М.: Юрайт. – 2023.
9. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Юрайт. – 2023.
10. Капинус О.С. Квалификация преступлений : учебное пособие для вузов 2-е изд. М.: Издательство Юрайт. – 2022.

References:

1. Criminal law. General part / edited by I. Ya. Kozachenko, G. P. Novoselov. M.: Yurayt. – 2023.
2. Naumov A.V. Russian criminal law. General part. Course of lectures.-6th ed. M.: Prospect. – 2020.
3. Borovikov V. B., Smerdov A. A. Criminal law. General Part. M.: Yurayt. – 2023.
4. Utkin V.A. Problems of the Theory of Criminal Punishments: A Course of Lectures. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. – 2022.
5. Brilliantov A.V., Chetvertakova E.Yu. Criminal Law of the Russian Federation in Schemes. Study Guide. M.: Prospekt. – 2020.
6. Kozachenko I.Ya. Criminal Law. Special Part. A Short Course. Moscow: Yurayt. – 2023.
7. Ivanova N.B., Kuznetsova E.M. Punishments Alternative to Imprisonment // Bulletin of the Federal Research Institute of Penal Enforcement of the Russian Federation. – 2021. – Issue 3.
8. Veklenko V.V. Criminal Law. General Part. Moscow: Yurayt. – 2023.
9. Sverchkov V.V. Criminal Law. General and Special Parts. Moscow: Yurayt, 2023.
10. Kapinus, O.S. Qualification of Crimes: A Textbook for Universities

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_486

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МЕТОДОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

ON THE CLASSIFICATION OF METHODS FOR OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE PREVENTION OF EXTREMIST CRIMES COMMITTED IN PENITENTIARY INSTITUTIONS

КАЗАК Игорь Брониславович,
доцент Института Академии ФСИН России
по кафедре оперативно-розыскной деятельности, кандидат юридических наук, доцент.
ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.
E-mail: kafedraord@mail.ru;

ШЕРХОВ Рустам Русланович,
кандидат юридических наук.
Россия, г. Москва.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

KAZAK Igor Bronislavovich,
Associate Professor of the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
from the Department of Operational Investigative Activities , Candidate of Law, Associate Professor.
Sennaya St., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.
E-mail: kafedraord@mail.ru;

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,
Candidate of Law.
Russia, Moscow.
E-mail:sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена научной разработке модели и классификации мер разнопланового характера по оперативно-розыскному обеспечению предупреждения совершения преступлений экстремисткой направленности, совершаемых в исправительных учреждениях. Проведено моделирование оперативно-розыскного обеспечения предупреждения совершения преступлений, а также предложены некоторые меры по повышению эффективности и качества этого обеспечения.*

Abstract*: The article is devoted to the scientific development of a model and classification of measures of a diverse nature for operational and investigative support of the prevention of extremist crimes committed in correctional facilities. The article presents the modeling of operational and investigative support of the prevention of crimes, as well as some measures to improve the efficiency and quality of this support.*

Ключевые слова: *криминальная идеология, предупреждение преступлений, методы предотвращения преступлений, экстремистская организация.*

Keywords: *criminal ideology, crime prevention, methods of crime prevention, and an extremist organization.*

Для цитирования: *Казак И.Б., Шерхов Р.Р. К вопросу о классификации методов оперативно-розыскного предотвращения преступлений экстремисткой направленности, совершаемых в пенитенциарных учреждениях // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 486-487. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_486.*

For citation*: Kazak I.B., Sherkhov R.R. On the classification of methods for operational and investigative prevention of extremist crimes committed in penitentiary institutions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 486-487. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_486.*

Статья поступила в редакцию: 11.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Указом Президента России № 1124 от 28.12.2024 г. утверждена новая Стратегия по противодействию экстремизму в Российской Федерации (далее - Стратегия), которая определяет цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед Российской Федерацией вызовов и угроз [1]. В качестве одного из основных источников угроз экстремизма в современной России данный документ в п. 31 признает «… распространение экстремистской идеологии среди лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». В качестве одной из задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму являются повышение эффективности профилактики, выявления и пресечения преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности (п. 35 Стратегии).

Учитывая, что рамки любого исследования должны быть четко определены, в данном случае мы исходили из перечня составов преступлений, приведенных в перечне № 20 преступлений экстремистской направленности (Приложение к указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 25.06.2024 № 462/11/2), начитывающих более 40 составов.

Практика деятельности оперативных и других подразделений УИС показывает, что в условиях специфики исправительных учреждений и следственных изоляторов наибольшее распространение имеют следующие противоправного формы* проявления экстремизма:

1. является распространение нацисткой и неонацистской символики, атрибутики;
2. преступления и иные правонарушения, связанные с участием в деятельности международного общественного движения «А.У.Е»[1] («Арестантский Уклад Един»[2] и другие названия), запрещенного и признанного в Российской Федерации экстремистской организацией;
3. преступления и иные правонарушения, связанные с деятельностью других экстремистских и террористических организаций признанных таковыми в установленном законом порядке.

*Проявления экстремизма (экстремистские проявления) – общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам ненависти или вражды по признакам политической, идеологической, расовой, языковой, национальной или религиозной принадлежности либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или представителей органов публичной власти, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, угрожающие конституционному строю Российской Федерации, суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации или направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, а также иные публичные действия, направленные на разжигание ненависти (п. 4 Стратегии.)

[1] Организация, запрещенная на территории Российской Федерации, признана экстремистской организацией.

[2] Организация, запрещенная на территории Российской Федерации, признана экстремистской организацией.

Анализ хода и результатов работы оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, позволяет констатировать, что основные усилия прилагаются в части выявления, документирования, раскрытия указанных противоправных явлений, а также дальнейшее сопровождение (обеспечение) уголовного преследования. При всей значимости данной работы, с учетом видимого профилактического эффекта в части действия общей превенции, достигаемой за счет укрепления реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление, фактически меры реагирования осуществляются «постфактум», в том числе и когда негативные последствия преступления уже наступили.

Действующее оперативно-розыскное законодательство ставит перед оперативными подразделениями задачи не только по выявлении и раскрытию, но и по предупреждению совершения новых преступлений.

В соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» № 182-ФЗ от 23 июня 2017 года под профилактикой правонарушений (преступление или административное правонарушение) – понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Доктринальные положения говорят о том, что профилактика направлена, во-первых, на формирование личности, исключая ее криминогенность либо виктимность, и во-вторых, на криминогенные причины и условия (факторы), связанные с ситуацией совершения противоправного деяния.

Суть оперативно-розыскной профилактики в наиболее общем виде можно, по нашему мнению, выразить путем ответа на вопрос «каким образом?» или «каким способом?», а не только «кем?». Федеральный закон № 144-ФЗ от 25.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 1 указывает на исчерпывающий «инструментарий» такой работы – «… путем проведения оперативно-розыскных мероприятий» [2]. Таким образом, законодатель ставит перед оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы задачи по предупреждению преступлений, придав при этом значительные полномочия по использованию в установленном порядке при наличии соответствующих оснований и соблюдении установленных условий всего арсенала сил и средств, в том числе негласных.

Исходя из разведовательно-поисковой сущности оперативно-розыскной деятельности методы (процедуры) оперативно-розыскного предотвращения преступлений, могут быть гласными и негласными. Обобщая имеющиеся подходы в теории ОРД [3], можно изложить следующую систему мер оперативно-розыскного предупреждения преступлений: гласные (задержание с поличным, гласное фиксирование действий, административное или процессуальное задержание и т.д.), негласные, в зависимости от специфики конкретного деяния. Именно негласные меры составляют суть и обусловленность существования оперативно-розыскной деятельности, ее «незаменимость» в деле борьбы с преступностью. Наиболее ярко, данная «незаменимость» проявляет (должна проявлять) себя в ходе борьбы с преступлениями экстремистского характера, мотивированными криминальной идеологией. В данном случае оперативным подразделениям противостоят организованность, сплоченность, замаскированность действий экстремистских организаций, основанных на криминальной идеологии, например, таких как Международное общественное движение «А.У.Е», деятельность которого запрещена в России.

Исходя из принципа сочетания гласных и негласных методов и средств в оперативно-розыскной деятельности по общему правилу негласные применяются только когда гласные не дали или не могут способствовать решению имеющихся задач. Также гласные и негласные меры могут дополнять и взаимообеспечивать друг друга.

Обобщая меры по предупреждению (предотвращению) преступлениям экстремистского характера, мотивированным криминальной идеологией представляется возможным привести их следующие виды (группы) в зависимости от тактических особенностей или применяемых средств.

Во-первых, это методы, нацеленные на разобщение экстремистских организаций, ячеек, групп. Практика выработала ряд комплексов оперативно-розыскных мероприятий, оперативных комбинаций, использующихся в борьбе с групповыми и организованными проявлениями преступности в местах лишения свободы. Во-вторых, меры по нейтрализации влияния отдельных лиц: организаторов, их «сподвижников», занимающих соответствующие положение в структуре криминального сообщества. В-третьих, дезинформирование либо доведение достоверной информации, в зависимости от конкретных условий, задач и имеющихся сведений. Четвертое – нарушение внутригрупповых и внешних коммуникаций (изъятие средств связи, устранение межкамерной связи, физическое «расселение» участников, недопустимость «сходок» и т.д.). Пятое – недопущение формирования экономических и материальных основ возможной деятельности экстремистских групп (выявление и пресечение каналов поступления и выведения денежных средств, изъятие т.н. «общаков», пресечение поборов и т.д.). Шестое – недопущение коррупционной «поддержки» со стороны сотрудников правоохранительных органов.

И, наконец, как нам представляется, одним из самых действенных средств предупреждения совершения новых преступлений является, как мы уже отмечали, обеспечение общей превенции – формирование стойкой убежденности у потенциальных экстремистов о неотвратимости ответственности, несмотря на все применяемые ими контрмеры.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения 12.03.2025.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения 12.03.2025.
3. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения совершения преступлений: моногр. / В. А. Бодренков; под ред. В. К. Зникина, А. Г. Халиулина, А. Ю. Шумилова. М.: издательский дом Шумиловой И. И., 2009. – 256 с.
4. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с. – Документ опубликован не был.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 12/28/2024 No. 1124 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus. Date of application 03/12/2025.
2. Federal Law No. 144-FZ dated 08/12/1995 (as amended on 12/29/2022) "On operational investigative activities" // SPS ConsultantPlus. Date of publication 12.03.2025.
3. Problems of operational investigative support for the prevention of crimes: monographs / V. A. Bodrenkov; edited by V. K. Znikin, A. G. Khaliulin, A. Yu. Shumilov. Moscow: I. I. Shumilova Publishing House, 2009. 256 p.
4. The decision of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 17, 2020 in case no. AKPI20-514c. – The document was not published.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_488

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ
PECULIARITIES OF INDIVIDUALIZATION OF EDUCATIONAL AND PEDAGOGICAL INFLUENCE ON CONVICTS

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА, ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва.
125130, Россия, г. Москва, Нарвская ул., 15А стр. 1.
E-mail: yutish@list.ru;
TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA, Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow.
15A Narva str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: yutish@list.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются особенности индивидуально-воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказания в местах лишения свободы. Автор отмечает, что индивидуальная работа с осужденными представляет собой один из сложнейших участков воспитательного процесса, обеспечиваемого в исправительном учреждении. В целях повышения эффективности деятельности исправительных учреждений особое значение приобретает обобщение и распространение передового опыта организации индивидуальной работы с различными категориями осужденных. Рассматриваемые вопросы еще недостаточно изучены и освещены в педагогической и специальной литературе. Обсуждение подобных вопросов учеными и практическими сотрудниками позволит выявить положительный опыт, определить его перспективы и приемлемость применения в иных условиях.*

Abstract*. The article discusses the features of individual educational work with convicts serving sentences in places of deprivation of liberty. The author notes that individual work with convicts is one of the most difficult parts of the educational process provided in a correctional institution. In order to increase the efficiency of correctional institutions, it is of particular importance to summarize and disseminate best practices in organizing individual work with various categories of convicts. The issues under consideration have not yet been sufficiently studied and highlighted in the pedagogical and specialized literature. The discussion of such issues by scientists and practitioners will make it possible to identify positive experiences, determine their prospects and acceptability of application in other conditions.*

Ключевые слова: *исправительные учреждения, осужденные, коллектив, воспитание, труд, обучение, начальник отряда, положительный опыт, воспитательный процесс, исправление.*

Key words: *correctional institutions, convicts, collective, upbringing, labor, training, squad leader, positive experience, educational process, correction.*

Для цитирования: *Тищенко Ю.Ю. Особенности индивидуализации воспитательного и педагогического воздействия на осужденных // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 488-490. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_488.*

For citation*: Tishchenko Yu.Yu. Peculiarities of individualization of educational and pedagogical influence on convicts // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 488-490. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_488.*

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Вопросы индивидуализации педагогического воздействия на личность всегда затрагивали умы ученых и практических работников, осуществляющих свою профессиональную деятельность в сфере воспитания и образования. В советской педагогике часто применялся принцип «параллельного действия», высокое мастерство в применении которого отличало педагогическую деятельность А.С. Макаренко, который часто отмечал, что воздействие воспитателя и воздействие коллектива должно представлять собой единое целое, поскольку прикосновение к личности через коллектив является лишь инструментом, а на самом деле всегда имеется в виду личность с учетом ее индивидуальных особенностей.

Действительно, и сегодня сущность индивидуального и коллективного воздействия определяется и реализуется в отношении конкретной личности. Именно поэтому вопросы индивидуализации воспитания, содержания и методики организации индивидуальной воспитательной работы, сочетания ее с отдельными элементами воздействия коллектива приобретают свое место в теории и практике воспитания.

Следует отметить, что на сегодняшний день особое внимание изучаемому нами вопросу большое внимание уделяет теория и практика воспитательного воздействия на осужденных. Данное внимание связано, в большей степени, с прямыми требованиями действующих нормативных правовых актов, а также со спецификой оказания воспитательного воздействия на осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях (далее – ИУ).

Воспитание осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, представляет собой достаточно сложный и трудоемкий процесс. В частности, сложности возникают с осужденными, которые наиболее запущены в социально-педагогическом плане, совершившими неоднократно преступления и имеющими устойчивые порочные привычки, сложившиеся под влиянием отрицательного жизненного опыта. Представляется, что чем выше степень социально-педагогической запущенности у осужденного, чем больше его нравственная испорченность и чем глубже его отрицательная направленность личности, тем больше использования методов и средств индивидуальной воспитательной работы потребуется. Следует согласиться с мнением исследователей, которые справедливо отмечают, что воспитательная работа с осужденными является важным инструментом сокращения преступности и обеспечения безопасности общества, поскольку она направлена на изменение мировоззрения осужденных, развитие социальных навыков, повышение их квалификации и помощь в их реабилитации [1].

В целом, необходимость индивидуально-воспитательной работы с осужденными в ИУ обусловлена тем, что в условиях исполнения уголов-

ного наказания может ослабевать воздействие коллектива на личность. Практические работники ИУ нередко отмечают, что каждый осужденный осознает, что он при отбывании наказания в местах лишения свободы попадает не только в среду себе подобных, но и в среду преступников, одним из которых он сам является. Учитывая изложенное, мы полагаем, что индивидуально-воспитательная работа с осужденным является лишь первоначальным этапом исправления и воспитания, от которого во многом зависит формирование у осужденного определенного отношения к наказанию и к результатам воспитательного воздействия. При этом хотелось бы поддержать точку зрения ученых, которые достаточно обосновано утверждают, что формирование положительной направленности осужденных невозможно без опоры на индивидуальный подход к личности, который определяется как «учет его индивидуальных особенностей» [3, с. 428].

На современном этапе развития нашего общества, задачи противодействия преступности и устранения ее причин и условий все больше становятся основополагающими, а их решение все больше отводится органам внутренних дел и учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). В последнее десятилетие особое значение приобретает совершенствование деятельности учреждений УИС, повышению уровня воспитательной, психолого-педагогической работы с осужденными, а также повышению эффективности деятельности, связанной с индивидуальной работой с осужденными в местах лишения свободы. Как отмечают практические сотрудники учреждений УИС, в настоящее время коллективы подразделений ИУ больше внимания уделяют изучению личности осужденных и на основе обобщения данных сведений начинают осуществлять целенаправленную воспитательную работу с осужденными. Мы разделяем мнение Л.Ю. Перемолотовой, которая аргументирует, что изучение личности осужденного необходимо для решения вопросов успешного функционирования исправительных учреждений: формирования отрядов и организаций осужденных; комплектования общеобразовательных школ, учебно-консультационных пунктов и профессиональных училищ; дифференциации воспитательной работы; применения мер поощрения и взыскания; изменения условий содержания [6, с. 77].

В процессе изучения личности осужденного, производится анализ его жизненного пути, который представляет для сотрудника ИУ основу для выбора правильного метода и средства в организации индивидуально- воспитательной работы. Как правило, начальники отрядов ИУ стараются использовать все имеющиеся средства для того, чтобы лучше узнать намерения каждого осужденного, приобщить его к труду, к коллективной деятельности и общественной работе. В данном случае следует согласиться с мнением Я.В. Самиулиной, которая справедливо утверждает, что эффективность индивидуального воздействия во многом зависит от учета особенностей личности конкретного осужденного, которые необходимо использовать при планировании работы с ним [7, с. 55].

В целом, индивидуально-воспитательная работа с осужденным начинается с продуманного вовлечения их в трудовую деятельность, обязательно с учетом профессиональных навыков и личных интересов осужденного. При этом особое внимание уделяется соревнованиям среди трудовых коллективов, в большей степени, способствующих приданию духа подлинной состязательности. Также, обучение осужденных в школе, получение специального образования в профессиональном училище, а также вовлечение осужденных в общественную деятельность ИУ связывается в единую систему воспитательного воздействия.

Практический опыт индивидуально-воспитательной работы с осужденными свидетельствует о том, что данная деятельность наиболее эффективна там, где воспитательные мероприятия сочетаются с разумным применением мер дисциплинарного воздействия, то есть с использованием различных форм, методов и средств оказываемого воздействия на личность осужденного, предусмотренных законом.

На современном этапе повышения эффективности профессиональной деятельности ИУ, индивидуально-воспитательная работа с осужденными проводится с участием всех подразделений и служб ИУ. Действительно, одному начальнику отряда не справиться с этой задачей. В большей степени, его задачей является координация воспитательной работы в отряде и обеспечение ее связи с воспитательной работой школы, профессионального училища, производства. Следует поддержать точку зрения Г.А. Майстренко, который справедливо указывает, что воспитательная работа с осужденными является сложным и многогранным процессом, который требует комплексного подхода и постоянного совершенствования [4, с. 343].

Рассматривая деятельность совета воспитателей отряда, следует отметить, что он осуществляет свою деятельность, прежде всего, основываясь на соблюдении принципов преемственности и непрерывности воспитательного воздействия на осужденного во всей его работе в ИУ. Данный подход требует согласованности действий всех служб ИУ с точки зрения планирования воспитательной работы с осужденными. Однако добиться согласованности достаточно нелегко, тем более, что вопросы организации индивидуальной работы с различными категориями осужденных еще недостаточно разработаны в научном плане, то есть имеются отдельные наработки, касающиеся воспитательного воздействия на несовершеннолетних осужденных, на осужденных мужского и женского пола, однако на сегодняшний день не разработана научно-обоснованная методика работы с различными категориями осужденных, отличающихся по возрастным критериям, срокам лишения свободы, характеру совершенных преступлений, уровню социально-педагогической запущенности.

С учетом вышеизложенного, следует отметить, что особое значение при осуществлении индивидуально-воспитательной работы с осужденными приобретает обобщение практического и имеющегося передового опыта работы сотрудников ИУ, непосредственно обеспечивающих индивидуальное воспитательное и педагогическое воздействие на различные категории осужденных, а систематизация и анализ этих сведений дает стимул для их анализа, проведения дальнейших научных исследований, получения их результатов, прежде всего, в целях их применения в практической деятельности учреждений и органов УИС.

Список литературы:

1. Будина Е.В., Ощепкова О.В. Психологические барьеры, возникающие в ходе воспитательной работы с осужденными: причины, способы преодоления. Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. Материалы Международной научной конференции. Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2018. С. 46-49.

2. Ефименко А.А., Сидакова М.А. Влияние обучения в общеобразовательной организации пенитенциарного учреждения на исправление совершеннолетних осужденных. Вестник Самарского юридического института. 2019. № 3. С. 97-102.
3. Зауторова Э.В., Ковтуненко Л.В. Эффективные формы и методы реализации индивидуального подхода в воспитательной работе с осужденными в местах лишения свободы. Пенитенциарная наука. 2019. № 3. С. 427-433.
4. Майстренко Г.А. Особенности воспитательной работы с осужденными: современные реалии. Образование и право. 2023. № 4. С. 342-345.
5. Минкова Е.А. Организация воспитательной работы с осужденными в процессе профилактики пенитенциарной преступности. Человек: преступление и наказание. 2017. № 3. С. 31-36.
6. Перемолотова Л.Ю. Значение особенностей личности осужденного при осуществлении профилактического воздействия. Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3. С. 76-81.
7. Самиулина Я.В. Особенности реализации индивидуальной формы воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы. Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 1. С. 53-58.

References:

1. Budina E.V., Oschepkova O.V. Psychological barriers that arise during educational work with convicts: causes, ways to overcome. Problems and prospects of development of the Russian penal system at the present stage. Materials of the International Scientific Conference. Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service. 2018. pp. 46-49.
2. Efimenko A.A., Sidakova M.A. The influence of education in the educational organization of a penitentiary institution on the correction of adult convicts. Bulletin of the Samara Law Institute. 2019. No. 3. pp. 97-102.
3. Zautorova E.V., Kovtunenko L.V. Effective forms and methods of implementing an individual approach in educational work with convicts in places of deprivation of liberty. Penal science. 2019. No. 3. pp. 427-433.
4. Maistrenko G.A. Features of educational work with convicts: modern realities. Education and law. 2023. No. 4. pp. 342-345.
5. Minkova E.A. Organization of educational work with convicts in the process of prevention of penitentiary crime. Man: crime and punishment. 2017. No. 3. pp. 31-36.
6. Peremolotova L.Y. The importance of personality traits of a convicted person in the implementation of preventive measures. Legal science and law enforcement practice. 2015. No. 3. pp. 76-81.
7. Samiulina Ya.V. Features of the implementation of an individual form of educational influence on those sentenced to imprisonment. Theory and practice of socio-humanitarian sciences. 2021. No. 1. pp. 53-58.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_491

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБЕГ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
EVOLUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ESCAPE FROM PRISON

ЦАПЛИН Игорь Семенович,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1.
E-mail: aplin.ig@yandex.ru;
TSAPLIN Igor Semenovich,
Leading researcher at SIC-3 of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
Moscow, Narvskaya str., 15 «a», p. 1.
E-mail: aplin.ig@yandex.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье рассматривается эволюция уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы. Автор приходит к выводу о том, что история становления данного вида ответственности представляет собой сложный и многогранный процесс, тесно связанный с развитием государства, его правовой системы и идеологических основ.*

Abstract. *The article examines the evolution of criminal liability for escape from places of imprisonment. The author concludes that the history of the development of this type of liability is a complex and multifaceted process that is closely related to the development of the state, its legal system, and its ideological foundations.*

Ключевые слова: *заключенные, исправительные колонии, места заключения, осужденные, побег.*
Keywords: *prisoners, correctional colonies, places of detention, convicts, escape.*

Для цитирования: *Цаплин И.С. Эволюция уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 491-493. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_491.*
For citation*: Tsaplin I.S. Evolution of criminal liability for escape from prison // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 491-493. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_491.*

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Развитие понятия «побег из мест лишения свободы» в качестве значимого нарушения общественного порядка проходила через множество юридических трансформаций. Особую веху в этом процессе занимает Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, которое установило нормы уголовной ответственности как за действия, направленные на самостоятельный побег, так и за участие в подготовке или осуществлении такового, четко обозначено в статье 309 данного документа. В ее положениях учитывался дифференцированный подход к квалификации действий, в зависимости от их тяжести, что находит отражение в структурной организации статьи на три части, подробно описывающие различные уровни преступления и соответствующие виды наказания.

В 1903 году, Уголовное уложение Российской империи учитывало нормы, связанные с бегством из мест заключения, в числе которых были статьи о бегстве из поселений (статья 175) и каторжных работ (статья 176), относимые к категории преступлений против исполнения правосудия. Однако после Революции 1917 года в стране произошли кардинальные изменения, затронувшие структуры власти и правовое поле, что легло в основу глубокой перестройки уголовно-исправительной системы. Период гражданской войны и последующего социально-экономического кризиса способствовал активному поиску новых форм и методов исправления и содержания осужденных. Несмотря на инновации, проблема побегов из мест лишения свободы оставалась острым вопросом, демонстрируя слабости системы контроля. В начале постреволюционного периода за побег не предусматривалось юридическое наказание, и беглецы подвергались внесудебным санкциям. С этого времени происходит разработка правовых и организационных основ наказания за преступления, включая создание специализированных подразделений для надзора за заключенными. Ключевым моментом стало введение декрета ВЦИК в 1919 году о создании лагерей принудительных работ под управлением НКВД, которые стали частью исправительной системы, куда направлялись осужденные на основании судебных и внесудебных решений.

Уголовный закон того периода строго регламентировал ответственность за побеги из мест лишения свободы, предусматривая значительное ужесточение наказания за данные деяния. Так, первая попытка бегства могла привести к дополнительному десятилетию в заключении, в то время как повторный побег мог стать поводом для начала уголовного процесса с риском получения смертного приговора. Ситуации с побегами чаще всего случались в тюремных лагерях и колониях, где осужденные исполняли свои приговоры. Чтобы минимизировать риск побегов, внедрялась практика коллективной ответственности среди заключенных, обязывая их следить друг за другом для предотвращения бегства. Законодательство 1920 года уделяло особое внимание стратегиям противодействия побегам, в том числе положение о неучете времени, проведенного до побега, в общую продолжительность наказания, если эта длительность не превышала год. Осужденные, возвратившиеся после побега, сталкивались с усиленными условиями содержания. В нормативах содержания заключенных были оговорены строгие запреты на имущество, которое могло быть использовано для осуществления побега или актов насилия. При наличии данных о планировании побега, лица, подозреваемые в таких намерениях, перемещались в условия усиленного надзора, включающие изоляцию или размещение в специальных камерах. Следует отметить, что данная мера подчеркивала всеобъемлющий подход к ограничению количества рассматриваемых противоправных действий.

В процессе выполнения трудовых функций, служащие занимались принятием профилактических мер для предотвращения бегства заключенных. Выдача разрешений на использование определенного оборудования производилась на основании строгих инструкций, в то время как за тру-

доспособными осужденными осуществлялся бдительный надзор. Заключенные, не демонстрирующие намерений к бегству, задействовались в выполнении задач за пределами исправительных колоний с сопровождением конвоя и реализацией механизмов внешнего контроля. В ситуациях, когда осужденные находились за пределами учреждения на продолжительный срок, помещения оборудовались специальными средствами против побегов, а сотрудники регулярно проверяли исправность замков и прочности решеток для их предотвращения. Процедурный порядок применения огнестрельного оружия при попытке побега, включая его использование как крайнюю меру, детально описывался в нормативных актах. В случае перехвата беглеца, временной отрезок до момента побега аннулировался, и осужденный размещался в условиях строгого режима. Согласно статье 95 УК РСФСР за 1922 год, бегство рассматривалось как акт государственного преступления, выделяя основные способы его осуществления, вроде подкопа, взлома или порчи здания, и определяя уголовную ответственность в зависимости от характеристик побега, в отличие от простых бегств, повлекших за собой лишь дисциплинарное взыскание. Уточнялось, что побеги, осуществленные без насилия или разрушений, не подпадали под определение преступления.

В 1922 году Уголовный кодекс РСФСР ввел юридические нормы, предусматривающие ответственность за незаконное освобождение заключенных. Наказание варьировалось от года до более серьезных мер за вред, причиненный сотрудникам тюремной системы, и составляло минимум два года заключения. Однако, с выпуском циркуляра Наркомюста в 1923 году, были внесены уточнения, касающиеся особых условий привлечения к уголовной ответственности за побеги, предписывая, что в отсутствие утяжеляющих обстоятельств побег может преследоваться как дисциплинарное проступление. В ноябре 1924 года принято постановление ВЦИК, которое освободило от уголовных санкций за побеги, выполненные путем нанесения ущерба инфраструктуре учреждений заключения. Это было обосновано пониманием, что побег может служить проявлением протеста против нечеловеческих условий содержания и несостоятельности администрации тюрем. Под эту идею подписался и юрист Ю.М. Ткачевский, защищавший точку зрения, согласно которой основной обязанностью государства является гарантирование изоляции преступников от общества, признавая при этом естественное стремление человека к свободе, которое может стать причиной попыток побега.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. содержал меры дисциплинарной ответственности заключенных за побег. В случае побега или покушения на побег из мест лишения свободы или из-под стражи с применением насилия над стражей, подкопа, взлома или повреждения затворов, стен и т.д. для них изменялся режим содержания – беглецы после возвращения переводились под усиленное наблюдение. При этом время нахождения в бегах не засчитывалось в срок отбываемого наказания [1. С.13].

Существенные изменения в правовом регулировании данного вопроса произошли после принятия УК РСФСР 1960 года, где было отменено разграничение между дисциплинарными и уголовными нарушениями по фактам побега, а также ужесточалась ответственность за них. Кроме того, в данном документе появились квалифицированные признаки. К таким относились: повторность, организация группового побега, применение насилия, угроза жизни или здоровью, захват оружия, а также порча объектов охраны и использование тайных ходов. Нарушители могли быть осуждены к лишению свободы от пяти до десяти лет. Анализ повторных побегов направлен на оценку преступника с точки зрения склонности к рецидивам, что сыграло роль в определении условий содержание и профилактике. Эти вопросы стали объектом исследований для советских юридических экспертов.

11 января 1977 года, по решению Президиума Верховного Совета, добавление к Уголовному кодексу 1960 года статьи 188.1 произошло, обозначая ответственность за укрывательство от отбытия срока в виде заключения. Основанием для ее применения служили эпизоды, когда осужденные не возвращались в место отбывания наказания по окончании временно разрешенного отсутствия, а также преступления, совершенные в условиях исправительно-трудовых колоний. Статистические данные рассматриваемого периода наглядно демонстрируют, что в 1970-1980-е годы относительно общей численности населения случаи бегства из мест предварительного заключения значительно опережали по численности побеги из колоний. Особенно к побегам склонны были лица, приговоренные за совершение тяжелых и чрезвычайно тяжелых преступлений, превышая по количеству остальные категории заключенных в три раза. При этом, средний возраст заключенных, исполняющих приговор, составлял 32,3 года, в отличие от беглецов, чей средний возраст составлял 26 лет. Замечательно, что большинство попыток к побегу фиксировалось среди лиц, находящихся под официальным надзором, что выявляет пробелы в системе надзора и проведения оперативно-следственных мероприятий в исправительных учреждениях [2. С.404].

Следует отметить, что эволюция законодательства о уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, в том числе из-под стражи, прошла три важных исторических периода: до революции, во времена СССР и после его распада. Перед революцией законодательные акты рассматривали побеги как деяния, нарушающие принципы государственной власти, предусматривая наказания как за сам побег, так и за оказание помощи в осуществлении побега. В советскую эпоху эта тематика отмечалась особой строгостью санкций, вплоть до смертной казни, что на первых порах способствовало эффективному предотвращению таких преступлений [3.С.253].

Однако, с 1920-х годов начинается переход к менее жестким мерам, когда в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года уголовная ответственность за побег предусматривалась только в случаях наличия отягчающих обстоятельств, а в остальных ситуациях применялись дисциплинарные взыскания. Этот курс был нарушен военным временем, когда из-за недостатка военных услуги осужденным за несерьезные преступления предлагалось реабилитироваться на фронте, что приводило к массовым побегам из мест лишения свободы на военную службу и оставляло в колониях в основном тяжких преступников. Это в свою очередь активизировало злостную деятельность в исправительных учреждениях, включая саботажи, формирование криминальных группировок, организацию бунтов, что заметно усложнило ситуацию в системе исполнения наказаний.

В Уголовном кодексе 1960 года не было различий в уголовной ответственности за побег, принимался в расчет только один фактор – применение насилия к персоналу учреждения. Затем последовал период без значительных изменений в развитии и модернизации уголовно-правовых норм. На протяжении продолжительного времени не вводились новые законодательные инициативы для определения и уточнения норм уголовной ответственности за побег. Так, правовой механизм регулирования ответственности за побеги эволюционировал в течение многих лет, что отразило его постепенное, комплексное и этапное развитие.

В итоге, история становления уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи в российском законодательстве представляет собой сложный и многогранный процесс, тесно связанный с развитием государства, его правовой системы и идеологических основ. Первые зачатки уголовно-правового регулирования в этой области появились еще в дореволюционной России. Систематизация уголовного законодательства и более четкое разграничение составов преступлений начались в XIX веке. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года уже содержались отдельные нормы, устанавливающие ответственность за побег из заключения. Закон предусматривал ужесточение наказания в зависимости от обстоятельств побега, например, если он был совершен с применением насилия или с помощью посторонних лиц. Уголовное уложение 1903 года еще более подробно регламентировало ответственность за подобные действия. В нем рассматривался побег не только как нарушение установленного порядка исполнения наказания, но и как самостоятельное преступное деяние, подрывающее авторитет правосудия.

С приходом советской власти и установлением нового правопорядка уголовное законодательство претерпело кардинальные изменения. В первые годы советской власти уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы закреплялась в отдельных декретах и временных положениях, причем акцент делался не столько на юридической стороне вопроса, сколько на политической подоплеке. Побег из мест заключения рассматривался не только как деструктивное деяние, но и как возможный акт сопротивления новой власти.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года уже содержал четкую норму, касающуюся ответственности за побег. При этом законодатель дифференцировал ответственность в зависимости от способа побега, наличия группы, применения насилия. Эти положения были развиты в Уголовном кодексе 1926 года, где также учитывалась степень опасности преступления. В этот период побег из мест заключения все больше рассматривался как деяние, нарушающее социалистический правопорядок, а не только государственную дисциплину.

Следующий этап развития пришелся на 1960-е годы, когда был принят новый Уголовный кодекс РСФСР. В нем статья, посвященная побегу, охватывала широкий спектр ситуаций: от простого самовольного оставления места заключения до побега, совершенного с применением насилия или в составе группы. В этот период наблюдается тенденция к более гуманному, но одновременно структурированному подходу к наказанию: законодатель пытался учитывать не только сам факт побега, но и мотивы, обстоятельства, личность беглеца.

После распада СССР и перехода к рыночной экономике с одновременным укреплением правовых институтов, Россия разработала новый Уголовный кодекс, вступивший в силу в 1997 году. Статья 313 УК РФ установила современные принципы уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Законодатель сохранил дифференциацию по степени тяжести деяния, предусмотрев более суровые меры за побеги, совершенные с применением насилия, с оружием или в составе организованной группы. Новая редакция статьи также подчеркивает необходимость квалифицированного правоприменения, с учетом принципов справедливости и соразмерности наказания.

Таким образом, развитие уголовной ответственности за побег из мест заключения в российском праве прошло длительный путь – от репрессивных практик до современных правовых норм, ориентированных на соблюдение законности, прав человека и обеспечение безопасности общества.

Список литературы:

1. Барышникова А.А., Алиев В.М. Объективная сторона преступления и проблемы его квалификации // Сборник научных трудов кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ. Москва. –2016.
2. Голубовский В.Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник. – М.: Проспект. – 2020.
3. Гортанова М.С., Криминалистическая характеристика побегов из мест лишения свободы / М. С. Гортанова // Modern Science. – 2021.

References:

1. Baryshnikova A.A., Aliev V.M. The Objective Aspect of a Crime and the Problems of Its Qualification // Collection of Scientific Papers of the Department of Criminal Law Disciplines of the Law Institute of the Moscow State Pedagogical University. Moscow. – 2016.
2. Golubovsky V.Yu. Criminal Law of Russia. General and Special Parts. Textbook. – Moscow: Prospekt. – 2020.
3. Gortanova M.S., Criminalistic Characteristics of Escapes from Places of Imprisonment / M. S. Gortanova // Modern Science. – 2021.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_494

О НЕОБХОДИМОСТИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 193.1 УК РФ
ON THE NEED TO LIBERALIZE CRIMINAL LEGISLATION USING THE EXAMPLE OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 193.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ДОГУЗОВ Сослан Артурович,
адвокат, советник практики разрешения споров и уголовно-правовой защиты бизнеса
Коллегии адвокатов г. Москвы «Залесов, Тимофеев, Гусев и партнеры»,
аспирант юридического факультета ФГБУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагуров».
362025, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: soslan.doguzov@ztglaw.ru;

КАЧМАЗОВА Милана Эльбрусовна,
студентка магистратуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.
E-mail: soslan.doguzov@ztglaw.ru;

DOGUZOV Soslan Arturovich,
lawyer, Advisor to the practice of Dispute Resolution and Criminal Law Protection of Business
Moscow Bar Association Zalesov, Timofeev, Gusev and Partners,
postgraduate student at the Faculty of Law of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University.
Butyrina str., 27, Vladikavkaz, 362025, Russia, Republic of North Ossetia — Alania.
E-mail: soslan.doguzov@ztglaw.ru ;

KACHMAZOVA Milana Elbrusovna,
student Master's degree program at Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.
E-mail: soslan.doguzov@ztglaw.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию некоторых теоретических и практических проблем, возникающих при вменении правоохранительными органами состава преступления, предусмотренного статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов). Обращено внимание на негативную тенденцию осуществления уголовного преследования по указанной норме в отношении добросовестных участников внешнеэкономической деятельности. Сделан вывод о том, что степень общественной опасности рассматриваемого деяния позволяет перевести данный состав в плоскость административно-правового регулирования.*

Abstract: *The article is devoted to the study of some theoretical and practical problems that arise when law enforcement agencies impute the corpus delicti provided for in Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) (making currency transactions for transferring funds in a foreign currency or the currency of the Russian Federation to non-resident accounts using forged documents). Attention is drawn to the negative trend of criminal prosecution under this rule in relation to bona fide participants in foreign economic activity. It is concluded that the degree of public danger of the act in question makes it possible to transfer this composition to the plane of administrative and legal regulation.*

Ключевые слова: *Валютные операции, валютный контроль, нерезидент, агент валютного контроля, офшорные зоны, преступления в сфере экономической деятельности.*

Keywords: *Currency transactions, currency control, non-resident, agent of currency control, offshore zones, crimes in the sphere of economic activity.*

Для цитирования: *Догузов С.А., Качмазова М.Э. О необходимости либерализации уголовного законодательства на примере преступления, предусмотренного статьей 193.1 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 494-497. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_.494*

For citation*: Doguzov S.A., Kachmazova M.E. On the need to liberalize criminal legislation using the example of the crime provided for in Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 494-497. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_494.*

Статья поступила в редакцию: 18.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Регулирование валютных операций**,** основанных на частноправовых отношениях независимых субъектов, нуждается в государственном контроле, поскольку устойчивость национальной валюты напрямую влияет на бюджетную политику страны. Государственный бюджет не сможет наполняться за счет налоговых поступлений, если в него будет поступать обесцененная национальная валюта. Если, в случае обесценивания валюты, стоимость встречного предоставления будет ниже ожидаемой, контрагенты могут отказаться от исполнения своих обязательств. Девальвация национальной валюты в случае экономического упадка лишает государство возможности использовать такие методы, как проведение бесконтрольной эмиссии, инфляции и выстраивание барьеров на пути международного перетока капиталов. Соответственно, валютный контроль – это инструмент, который позволяет содействовать стабильности национальной валюты и препятствовать ее девальвации нерыночными методами[1].

Уголовная ответственность за неправомерный вывод из Российской Федерации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации установлена статьей 193.1 УК РФ.

Указанная норма введена в УК РФ в 2013 году. Законодатель планировал урегулировать отток денежных средств из страны, оказав эффек-

[1] Хаменушко И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность: Учебно-практическое пособие. М.: Норма, 2013; СПС "Консультант-Плюс".

тивное противодействие «незаконному вывозу капитала за границу»[1].

Обязательными и не альтернативными признаками объективной стороны рассматриваемого преступления являются:

1) осуществление валютных операций **по переводу денежных средств на счета одного или нескольких нерезидентов;**

2) совершение таких валютных операций **по подложным документам**, которые содержат в себе заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода.

Среди наиболее часто используемых схем вывода денежных средств за рубеж можно выделить следующие: предоставление подложных дополнительных соглашений к внешнеторговым контрактам с пролонгированными сроками исполнения обязательств по ним или соглашения об уступке права требования, о переводе долга; закрытие паспорта сделки без исполнения обязательств по контракту, в связи с переводом контракта на расчетное обслуживание в другой банк; «фирмы-однодневки», которые регистрируются с целью совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом. Например:

1. *Перевод нерезиденту денежных средств с использованием «фиктивного» юридического лица в качестве предоплаты за товар.*

Приговором Лефортовского районного суда города Москвы от 31.10.2023 по делу № 01-0014/2023 (01-0220/2022), А. осуждена по пунктам «а», «б» статьи 193.1 УК РФ. Из приговора следует, что А., выполняя функции бухгалтера, в составе организованной группы, используя реквизиты незаконно образованного (созданного) юридического лица, которое осуществляло ввоз товаров из Турции, совершила валютные операции по переводу денежных средств в иностранной валюте на банковские счета нескольких нерезидентов на общую сумму 1 499 885 031 рубль 38 копеек, что является особо крупным размером, путем представления в кредитные организации, обладающие полномочиями агентов валютного контроля, документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении переводов.

2. Перевод нерезиденту денежных средств в качестве оплаты за товар, который фактически не поставлялся (в обоснование перевода денежных средств в банк предоставляются недействительные инвойсы).

Приговором Бутырского районного суда города Москвы от 08.07.2024 по делу № 77-1310/2025 Ш. был осужден за то, что будучи единоличным учредителем и генеральным директором организации, организовал дистанционное предоставление в Сбербанк России контрактов о поставке нерезидентами (турецкими фирмами) строительных материалов, заведомо зная, что в рамках данных контрактов на территорию Российской Федерации товары поставляться не будут, перевел на банковские счета указанных фирм денежные средства в размере 447 726 долларов США, после чего организовал предоставление в Сбербанк России товарно-транспортных накладных, содержащих ложную информацию об отгрузке товаров, которые в действительности не поставлялись, возврат в Российскую Федерацию денежных средств, уплаченных нерезидентам, не осуществлялся.

Вместе с тем, практика показывает, что случаи привлечения к ответственности по статье 193.1 УК РФ являются исключительно редкими. Согласно форме статистического наблюдения «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» (форма № 10.3), опубликованной на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в **2024** году по статье 193.1 УК РФ судами осуждено **34** лица, из которых **шести** – назначено наказание в виде лишения свободы, **четырем** – в виде штрафа, **одному** – в виде исправительных работ. При этом, **два лица** – оправданы, к **двадцати трем** - применено условное осуждение, в отношении **шестнадцати –** уголовное дело прекращено в порядке статьи 25.1 УПК РФ в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, в отношении **одного** лица – уголовное дело прекращено в порядке статьи 28 УПК РФ в связи с деятельным раскаянием, в отношении **шести** – по другим основаниям.

Чаще всего деяние, предусмотренное статьей 193.1 УК РФ и представляющее собой самостоятельный состав преступления, является способом совершения преступлений, предусмотренных иными нормами УК РФ: уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (статья 193 УК РФ), осуществления незаконной банковской деятельности (статья 172 УК РФ), совершения налоговых преступлений, легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (статья 174, статья 174.1 УК РФ) и др. Таким образом, перевод средств на счета нерезидентов с использованием подложных документов зачастую является составляющей иного преступления, предусмотренного УК РФ.

Перевод денежных средств, в том числе на иностранные счета, регулируется Федеральными законами «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О валютном регулировании и валютном контроле», УК РФ, ГК РФ, а также Конвенцией Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16.05.2005 (далее – Конвенция) и рекомендациями ФАТФ.

Согласно части 1 статьи 12 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», резиденты вправе открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами», открывать без ограничений счета (вклады) в иностранной валюте и валюте Российской Федерации в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

Таким образом, законодательство не содержит запретов на действия резидентов, направленных на перемещение иностранной валюты или валюты Российской Федерации за границу, если данное имущество было приобретено законным путем, поскольку оно не представляет общественной опасности.

Статьей 193.1 УК РФ установлен запрет **не на сам по себе «вывоз» валютных активов из государства, а на такое их перемещение, которое осуществлено путем документарного обмана уполномоченного банка,** т.е. с предоставлением соответствующей кредитной организации

[1] http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=196666-6.

документов, содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода.

Вместе с тем, легальные определения терминов «основание», «цель» и «назначение» платежа в законодательстве отсутствует. В Инструкции Банка России от 16.08.2017 № 181-И хоть и используются термины «назначение платежа», «основание платежа» и «цель платежа», однако не приводятся их дефиниции.

В связи с данными обстоятельствами, формулировка объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 193.1 УК РФ, предоставляет существенную угрозу для предпринимательского сообщества.

Так, складывающаяся в последние годы правоприменительная практика показывает, что правоохранительные органы стали активно использовать возможность, предоставленную статьей 193.1 УК РФ, проводя проверку в отношении любого внешнеэкономического договора на предмет соответствия цены договора реальной стоимости имущества и предъявляя претензии уголовно-правового характера любому его участнику.

Новая тенденция связана с оценкой приобретенного предпринимателями имущества (ценных бумаг, оборудования, оказанных услуг), ставя под сомнение его договорную, рыночную стоимость, которая, как правило, также обоснована выводами независимого профессионального оценщика. Именно расхождение в оценке, обосновывающей цену совершенной транзакции в адрес нерезидентов, является камнем преткновения, определяющим разницу в трактовке одних и тех же сделок органами власти и бизнесом. В действительности, завышенная цена приобретаемого резидентом товара не обязательно означает, что имеет место вывоз капитала за границу. Например, товар может продаваться его зарубежным производителем по заниженной цене только эксклюзивному дистрибьютору (так же нерезиденту), который впоследствии продает его последующим покупателям, в том числе нерезидентам, по увеличенной цене.

Помимо того, более высокая цена сделки может быть также обусловлена и затратами продавца на страхование приобретаемого груза. Но, к сожалению, документы-обоснования примененной к сделке стоимости и аргументы сторон мало влияют на последующие принимаемые репрессивные меры в отношении предпринимательского сообщества (возбуждение уголовного дела, активные действия по уголовному преследованию, избрание суровых мер пресечения, связанных с ограничением свободы), **ограничивая реализацию прав по свободному обращению принадлежащих ему денежных средств (капитала),** что нарушает базовые принципы свободы экономической деятельности.

Вдобавок, проведение проверок и следственных действий, приостановка переводов валютных средств могут привести к серьезным негативным последствиям для текущей экономической деятельности любой компании. Очевидно, что указанный подход является необоснованным, не соответствующим нормам права, ведущим к дестабилизации всей хозяйственной деятельности в Российской Федерации.

Существенной проблемой является также то обстоятельство, что подобное публичное вмешательство государства в сугубо частноправовые отношения хозяйствующих субъектов противоречит свободе гражданско-правовых договоров в ее конституционно-правовом смысле. Как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, регулируемые гражданским законодательством договорные обязательства должны быть основаны на равенстве сторон, автономии их воли и имущественной самостоятельности, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Субъекты гражданского права свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (пункты 1 и 2 статьи 1 ГК РФ)[1].

Указанные негативные тенденции уже набирают обороты в то время, как либерализация уголовного законодательства вполне позволяет отнести рассматриваемый состав к разряду неопасных, переведя его в форму административного правонарушения.

Стоит также обратить внимание на сроки давности, установленные статьей 78 УК РФ: 6 лет - для преступлений средней тяжести; 10 лет - для тяжких преступлений. То есть, создается возможность держать под уголовным сомнением правомерность перевода денежных средств на счета нерезидентов, ссылаясь на возможную подложность документов, в которых указаны основания, цели или назначение перевода. Указанные сроки являются чрезмерными и неприемлемыми для хозяйственного оборота, тем более что в диспозиции части 1 ст. 193.1 УК РФ вообще отсутствует указание на сумму переводимых по подложным документам денежных средств, с которой начинается уголовная ответственность. Таким образом, начать проверку, возбудить уголовное дело, проводить следственные мероприятия, представить обвинительное заключение в суд и осудить, согласно статьей 193.1 УК РФ, можно по переводу, составляющему любую сумму.

Наконец, отметим, что в отношении статьи 193.1 УК РФ не предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности, если лицо впервые совершило преступление по этой статье и полностью возместило причиненный ущерб. Неприменение такой возможности, установленной для целого ряда составов, неоправданно усиливает репрессивный характер ответственности по указанной норме.

Таким образом, можно утверждать, что наличие в УК РФ статьи 193.1 не оправдано и создает условия для необоснованного давления на предпринимателей и вмешательства в текущую деятельность компаний. Полагаем необходимым исключить указанный состав преступления из УК РФ и уточнить составы административных правонарушений, предусматривающих ответственность за нарушения требований валютного законодательства Российской Федерации.

Список литературы:

1. Белоусов Д.М. Актуальные вопросы расследования незаконного вывода денежных средств за рубеж // Законность. 2015. N 3.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы VII - VIII (постатейный). Том 2 / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017.

[1] Например: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2008 № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» в связи с жалобами граждан А.Ф. Кутиной и А.Ф. Поварниционой» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. М., 2017.
4. Кубанцева О.О. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК // Уголовное право. 2019. N 6.
5. Ляскало А.Н. Квалификация валютных преступлений: вопросы разграничения и совокупности // Уголовное право. 2017. N 5.
6. Макаров А.В., Жукова А.С. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности на современном этапе развития отечественного уголовного законодательства // Российский следователь. 2015. N 24. С. 29 - 34.
7. Савченко М.М. О причинах криминализации деяний, предусмотренных ст. 193 и 193.1 УК РФ // Российский судья. 2022. N 10. С. 15 - 19.
8. Печегин Д.А. Объект и предмет валютных преступлений, связанных с уклонением от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств // Финансовое право. 2017. N 11. С. 39 - 42.
9. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.
10. Хаменушко И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность: Учебно-практическое пособие. М.: Норма, 2013.
11. Яни П. Изменения уголовно-экономического законодательства // Законность. 2014. N 2.
12. Яни П.С. Вопросы квалификации вывоза капиталов // Законность. 2019. N 1. С. 40 - 44.

References:

1. Belousov D.M. Actual issues of investigation of illegal withdrawal of funds abroad // Legality. 2015. N 3.
2. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 volumes . The special part. Sections VII - VIII (article-by-article). Volume 2 / Edited by V.M. Le-bedev. Moscow: Yurayt, 2017.
3. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / Edited by G.A. Yesakov. M., 2017.
4. Kubantseva O.O. Problems of qualification of a crime under art. 193.1 of the Criminal Code // Criminal Law. 2019. N 6.
5. Lyaskalo A.N. Qualification of currency crimes: issues of differentiation and totality // Criminal law. 2017. N 5.
6. Makarov A.V., Zhukova A.S. Crimes in the sphere of foreign economic activity at the present stage of development of domestic criminal legislation // A Russian investigator. 2015. N 24. pp. 29-34.
7. Savchenko M.M. On the reasons for criminalization of acts provided for in Articles 193 and 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian judge. 2022. N 10. pp. 15-19.
8. Pechegin D.A. The object and subject of currency crimes related to evading obligations to repatriate funds // Financial law. 2017. N 11. pp. 39-42.
9. Criminal law of the Russian Federation. General part: Textbook for universities / Edited by V.S. Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. Moscow: Statute, 2012.
10. Khamenushko I.V. Currency regulation in the Russian Federation: rules, control, responsibility: An educational and practical guide. Moscow: Norm, 2013.
11. Yani P. Changes in criminal and economic legislation // Legality. 2014. N 2.
12. Yani P.S. Questions of qualification of capital export // Legality. 2019. N 1. pp. 40-44.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_498

УДК 343

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НЕЗАКОННОГО НАРКООБОРОТА В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
OPERATIONAL SEARCH PREVENTION AND OPERATIONAL SEARCH PREVENTION OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM: PROBLEMS OF LEGISLATION

АГАРКОВ Алексей Вячеславович,
доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЦ-3
ФКУ НИИ ФСИН России, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности ВЮИ ФСИН России.
Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: oper72.kum@mail.ru;

AGARKOV Aleksei V.,
Doctor of Law, Associate Professor
Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Major of Internal Service, Associate Professor of the Department of Operatively-Search Activity of VLI of the FPS of Russia.
Narva St., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: oper72.kum@mail.ru

***Краткая аннотация**. Анализируется криминологическая обусловленность незаконного наркооборота в местах лишения свободы, выделяются способствующие этому факторы. В связи со значительной латентностью преступлений указанной категории делается вывод о необходимости оперативно-розыскного выявления и предотвращении наркопреступлений на самых ранних стадиях – формирования замысла и первоначальных действий по его реализации. Выделяются проблемы законодательства, препятствующие указанной деятельности, вносится предложение по его изменению.*

***Abstract.** The paper analyzes the criminological basis of illicit drug trafficking within correctional facilities and identifies contributing factors. Given the significant underreporting of crimes in this category, it concludes that operational search detection and prevention of drug-related crimes are essential at the earliest stages — namely, the conception of criminal intent and initial preparatory actions. The study highlights legislative barriers hindering such activities and proposes amendments for improvement.*

***Ключевые слова:** профилактика, предупреждение, наркооборот, преступления, оперативно-розыскная деятельность, места лишения свободы.*

***Key words:** prevention, warning, drug trafficking, crimes, operational search activities, correctional facilities.*

***Для цитирования:** Агарков А.В. Оперативно-розыскная профилактика и оперативно-розыскное предупреждение незаконного наркооборота в учреждениях уголовно-исполнительной системы: проблемы законодательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 498-500. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_498.*

***For citation**: Agarkov A.V. Operational search prevention and operational search prevention of illicit drug trafficking in institutions of the penal system: problems of legislation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 498-500. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_498.*

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В последние годы проблема незаконного наркооборота в местах лишения свободы уже не считается актуальной, в связи со складывающейся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) оперативной обстановкой во главу угла ставится противодействие фактам экстремизма и терроризма, занятию высшего положения в преступной иерархии, передача осужденным средств мобильной связи и иных средств коммуникации. Вместе с тем преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков в учреждениях УИС, по-прежнему фиксируются в местах лишения свободы, ежегодно (как минимум, в течение трех последних лет) составляя невысокий, но стабильный процент от общего количества совершаемых в учреждениях УИС преступлений. Кроме того, факты незаконного наркооборота обладают значительной степенью латентности, что неоднократно подтверждалось криминологическими исследованиями [напр., 2].

В свою очередь, по нашему мнению, указанное обстоятельство возможно объяснить следующим образом. В учреждениях УИС в настоящее время содержатся лица, не только совершившие преступления, но и составляющие опасность для общества, в связи с чем суд лишил их свободы. Большинство таких лиц либо живут по криминальным традициям, не осуждающим употребление наркотических средств, либо осуждены за преступления, связанные с незаконным наркооборотом. Высокая стоимость на «теневом рынке» и незначительный объем доз наркотика, предназначенных для потребителей, делают незаконные операции с ним, в том числе в местах лишения свободы, весьма выгодными.

Необходимо отметить высокий уровень изобретательности преступников в способах доставки наркотических средств на территорию учреждений УИС. Многообразные ухищрения при маскировке наркотиков в посылках и передачах, при попытках спрятать наркотики в одежде или естественных полостях тела при проведении длительных свиданий, использование животных, арбалетов, дронов и масса иных способов свидетельствуют о необходимости постоянной готовности администрации учреждений УИС к пресечению новых или ранее известных каналов доставки наркотических средств.

Все вышеизложенное аргументирует, на наш взгляд, следующий тезис – во всех аспектах борьбы с незаконным наркооборотом следует использовать оперативно-розыскные силы, средства и методы. Невозможно, по нашему мнению, исключительно с помощью средств обеспечения режи-

ма выявить лицо, доставляющее наркотические средства на территорию исправительного учреждения – слишком широк спектр возможностей, как временных, так и тактических. При этом очевидно, что исходной точкой для выявления и пресечения каналов доставки служит инициатор поставки – как правило, лицо, находящееся в учреждении УИС. Учитывая высокий уровень конспирации, соблюдаемой наркопреступностью, обусловленной как уже имеющимся преступным опытом, так и частичным знанием тактики оперативно-розыскной деятельности, выявить такое лицо возможно, по нашему мнению, исключительно путем целенаправленного оперативного поиска. Другими словами, оперативные подразделения должны инициативно выявлять таких лиц.

К сожалению, столь очевидное обстоятельство не в полной мере подкреплено действующим законодательством. Так, статья 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД») в числе иных задач оперативно-розыскной деятельности предусматривает выявление преступлений. Вместе с тем, статья 1 указанного закона однозначно определяет, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. В свою очередь, основания для их проведения регламентированы в статье 7 ФЗ «Об ОРД», причем вопросам борьбы с наркопреступностью наиболее отвечает основание «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния». Таким образом, оснований для инициативного оперативного поиска ФЗ «Об ОРД» не содержит. Указанная проблема, в числе иных проблем ФЗ «Об ОРД», еще в 2003 году выделялась В.М. Атмажитовым и В.Г. Бобровым [1, с.15-16], однако до сих пор не нашла своего законодательного разрешения.

Еще одной законодательной проблемой правового регулирования оперативно-розыскного противодействия незаконному наркообороту является отсутствие в ФЗ «Об ОРД» нормы, предусматривающей возможность осуществления оперативно-розыскной профилактики. Статья 53.1 «Организация профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании» Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» устанавливает, что профилактику незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании осуществляют федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Однако указанная норма носит общий характер, не учитывает возможности осуществления в профилактических целях оперативно-розыскной деятельности, в связи с чем необходимо обратиться к анализу как теории оперативно-розыскной деятельности, так и соответствующих правовых норм.

В научной литературе дискуссия о соотношении понятий «предупреждение» и «профилактика» ведется относительно давно. На этапе формирования теории оперативно-розыскной деятельности в работах ряда ее основоположников возможно встретить использование указанных терминов как синонимов либо понимание профилактики как части предупреждения. Так, А. Г. Лекарь сформулировал основополагающую мысль, до сих пор служащей отправной точной для многих научных исследований: «предупреждение преступлений представляет собой сложную деятельность, главными составляющими элементами которой являются: выявление и устранение причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению (профилактика), предупреждение преступлений при обнаружении преступного умысла и пресечение преступных действий на стадиях приготовления и покушения» [3, с.3-4].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что современное законодательство в рассматриваемой части не соотносится ни с соответствующей оперативно-розыскной теорией, ни с практикой оперативно-розыскной деятельности. Так, анализ норм ФЗ «Об ОРД» однозначно исключает из содержания оперативно-розыскной деятельности и профилактику, и предупреждение замышляемых преступлений, оставляя лишь возможность, используя терминологию статьи 2 и статьи 7 ФЗ «Об ОРД», предупреждения подготавливаемых и пресечения совершаемых преступлений, т.е. только тех действий, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность.

Обоснована ли такая позиция законодателя? На момент подготовки содержания ФЗ «Об ОРД» - да, обоснована. Закон создавался в условиях «перестройки и демократии», «гласности и плюрализма». Логично, что в существовавших в тот момент условиях закладывать нормы, предусматривающие оперативно-розыскной контроль причин и условий совершения преступлений, выявления лиц, от которых возможно ожидать совершения преступлений либо замышляющих их совершение, было по меньшей мере нецелесообразно. Однако следует подчеркнуть, что и общая профилактика (выявление причин и условий совершения преступлений), и индивидуальная профилактика (выявление лиц, склонных и способных к совершению преступлений) осуществлялись независимо от наличия законодательной нормы. Так, например, в 2002 году, по данным статистики ФСИН России (форма 2-УИС), только в исправительных колониях было предотвращено (используемый на тот момент в статистической форме термин – А.А.) 50581 преступление против жизни и здоровья, 5017 побегов (иные виды преступлений, в том числе и незаконный оборот наркотических средств, ведомственной статистикой тех лет не учитывались – А.А.). Их весьма значительное количество заставляет сомневаться, что все они были предотвращены на этапе подготовки или совершения преступления, представляется, что их основная масса была именно спрофилактирована на этапе выявления оперативными подразделениями УИС предварительного замысла. Вместе с тем следует еще раз обратить внимание, что нормы ФЗ «Об ОРД» не предусматривают возможности оперативно-розыскной профилактики, в том числе в области незаконного наркооборота.

Возможно, эти возможности регламентируются нормами Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ? К сожалению, это предположение неверно. Изучение его содержания показало, что им предусмотрена возможность «специальных мер профилактики оперативно-разыскного характера», но только «в соответствии с законодательством Российской Федерации», то есть с ФЗ «Об ОРД» и «в целях предупреждения правонарушений».

Таким образом, следует заключить, что в соответствии с действующим законодательством понятия «профилактика правонарушений» и «предупреждение правонарушений» не тождественны. Под оперативно-розыскным предупреждением правонарушений мы предлагаем понимать осу-

ществляемую с помощью оперативно-розыскных сил, средств и методов деятельность по противодействию подготавливаемым и совершаемым преступлениям, тогда как оперативно-розыскная профилактика направлена на выявление причин и условий, способствующих совершению преступления, выявление лиц, склонных к совершению преступлений либо замышляющих их совершение, и недопущение их перехода к действиям по подготовке преступлений.

Возвращаясь к вопросам непосредственно незаконного наркооборота, следует подчеркнуть, что и оперативно-розыскное предупреждение, и оперативно-розыскная профилактика, по нашему мнению, являются равными по важности элементами процесса недопущения совершения наркопреступлений. Так, пресекая каналы доставки запрещенных предметов (но не наркотических средств), оперативные подразделения исправительных учреждений устраняют важное условие для осуществления незаконного наркооборота – возможность получения наркотиков на территории учреждения. Здесь следует пояснить, что устойчивый канал поставки запрещенных средств обеспечивается исключительно человеческим фактором – коррумпированным или шантажируемым работником УИС, водителем прибывающего на территорию учреждения УИС транспортного средства, родственником или знакомым инициатора поставки и т.д. Оперативному сотруднику следует исходить из очевидного предположения – если имеется канал доставки запрещенных предметов, то он уже используется или впоследствии будет использован для доставки наркотиков. Так же, если лицо неоднократно осуждалось за сбыт наркотических средств, то находясь в исправительном учреждении, оно с высокой степенью вероятности будет предпринимать попытки организовать наркооборот в месте отбывания наказания. Правильно ли оставлять такое лицо без оперативного контроля и ждать, когда поступит информация о подготовке или совершении им преступления? Ответ очевиден.

Исходя из вышеизложенного, следует сформулировать значимый, по нашему мнению, вывод: оперативно-розыскная профилактика незаконного наркооборота в местах лишения свободы необходима, т.к. в значительной степени способствует недопущению формирования умысла на совершение наркопреступлений или отказу от него на начальных этапах приготовления к преступлению. Более того, в большинстве случаев она фактически осуществляется в рамках широкого понимания термина «предупреждение преступлений». Мы считаем необходимым закрепить ее законодательно либо в ФЗ «Об ОРД», либо, как частный случай, связанный непосредственно с противодействием наркопреступности, в Федеральном законе от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Разумеется, что мы не претендуем на однозначность нашего мнения, приведенного выше, однако считаем необходимым привлечь внимание научной общественности к описанной нами и, как нам представляется, злободневной проблеме. Мы твердо придерживаемся позиции, что законодательство должно отражать потребности правоприменительной практики и динамично изменяться в зависимости от складывающейся ситуации.

Список литературы:

1. Атмажитов, В. М. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : научный доклад. / В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров – Москва : Изд-ль Шумилова И.И., 2003. – 23 с.
2. Голощапова, Т. Г. Правовые меры предупреждения преступлений осужденных к лишению свободы, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (по материалам Южноуральского региона) / Т. Г. Голощапова, Е. В. Голощапов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 24–30.
3. Лекарь А. Г. Профилактика преступлений. Москва : Юрид. лит., 1972. – 430 с.

References:

1. Atmazhitov, V. M. On Legislative Regulation of Operational Search Activities: Research Report / V. M. Atmazhitov, V. G. Bobrov. – Moscow : I.I. Shumilova Publishing House, 2003. – 23 p.
2. Goloshchapova, T. G. Legal Measures for Prevention of Drug-Related Crimes Among Prisoners (Case Study of the South Ural Region) / T. G. Goloshchapova, E. V. Goloshchapov // Bulletin of South Ural State University. Series "Law". – 2017. – Vol. 17, No. 2. – Pp. 24-30.
3. Lekar, A. G. Crime Prevention. Moscow : Legal Literature Publishing House, 1972. – 430 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_501

УДК 343.9

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (ТОЧКА ЗРЕНИЯ)
ON THE PROSPECTS OF USING BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION (POINT OF VIEW)

ИВАНОВ Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем
отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

Краткая аннотация: *рассматриваются перспективы применения блокчейн-технологии в противодействии преступлениям коррупционной направленности [2; 3; 4]. Потребность внедрения данного вида технологии обусловлена рядом обстоятельств, в том числе некоторой распространенностью указанных преступлений в градо – и бюджетообразующих отраслях экономики, развитием стремительными темпами цифровизации, приводящей к постепенному переходу от бумажного документооборота – к машинной, охватывающей все процессы, связанные со сбором, анализом, систематизацией, обработкой больших данных и применением их результатов (обобщенных данных) в оперативно-служебной деятельности оперативных подразделений полиции, осуществляющих функцию противодействия коррупции. При этом нельзя не принять во внимание данные международной организации «Transparency International», согласно сведениям этой организации, например, 2022 года, Российская Федерация занимала 136 место в «Индексе восприятия коррупции». Коррупция[1] продолжает оставаться одной из угроз экономической безопасности государства.*

На этом фоне оперативно-розыскное противодействие коррупции видится наиболее эффективным с использованием блокчейн-технологии. Благодаря ему, в частности, создаются новые способы оценки и преодоления коррупционных рисков в указанных отраслях.

Заметим, что внедрение и использование названных технологий связано с решением большого множества вопросов. Однако автор в настоящей статье не ставит перед собой цель всестороннего их раскрытия, поскольку в ее рамках вряд ли удастся ее достичь.

Одновременно автор отдает себе отчет в том, что не все высказанные им положения могут рассматриваться читателями как «истина в последней инстанции». Разумеется, отдельные из них носят спорный, дискуссионный характер и, безусловно, требуют дополнительной аргументации. Тем не менее изложенные идеи и суждения, на наш взгляд, в дальнейшем могут быть приняты во внимание при углубленном их изучении и анализе.

Abstract: *the prospects of using blockchain technology in countering corruption-related crimes are considered. The need to introduce this type of technology is due to a number of circumstances, including some prevalence of these crimes in urban and budget–forming sectors of the economy, the development of rapid digitalization, leading to a gradual transition from paper–based document management to machine-based, covering all processes related to the collection, analysis, systematization, processing of big data and the application of their results (generalized data) in the operational and service activities of operational police units performing the function of combating corruption. At the same time, it is impossible not to take into account the data of the international organization Transparency International, according to this organization, for example, in 2022, the Russian Federation ranked 136th in the Corruption Perception Index. Corruption continues to be one of the threats to the economic security of the state.*

Against this background, operational investigative anti-corruption is seen as the most effective using blockchain technology. Thanks to him, in particular, new ways of assessing and overcoming corruption risks in these industries are being created.

It should be noted that the introduction and use of these technologies is associated with solving a large number of issues. However, the author in this article does not set himself the goal of their comprehensive disclosure, since it is unlikely that it will be possible to achieve it within its framework.

At the same time, the author is aware that not all of his statements can be considered by readers as "the ultimate truth." Of course, some of them are controversial and controversial in nature and, of course, require additional argumentation. Nevertheless, the ideas and judgments outlined, in our opinion, can be further taken into account in their in-depth study and analysis.

Ключевые слова: *коррупция, оперативно-розыскное противодействие, блокчейн-технология, распределенный реестр, криптовалюта, виртуальные активы, транзакция, реальная перспектива.*

Keywords: *corruption, operational investigative counteraction, blockchain technology, distributed registry, cryptocurrency, virtual assets, transaction, real prospect.*

Для цитирования: *Иванов П.И. О перспективах применения блокчейн-технологии в сфере противодействия коррупции (точка зрения) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 501-504. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_501.*

For citation*: Ivanov P.I. On the prospects of using blockchain technology in the field of anti-corruption (point of view) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 501-504. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_501.*

Статья поступила в редакцию: 14.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

[1] Для обозначения коррупционной составляющей необходимо обратиться к отечественному законодательству, согласно которому под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами (См.: О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273: в ред. Федер. закона от 29 дек. 2022 г. № 591-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228; 2023. № 1 (ч. 1). Ст. 38).

Проблема противодействия коррупции заинтересовала специалистов различных областей знаний [1; 9; 10; 11]. В последнее время особое внимание ими обращено на необходимость внедрения в этих целях блокчейн-технологии, представляемая собой набор блоков данных, соединенных криптографическими инструментами таким образом, чтобы сделать невозможным изменение содержимого одного блока без изменения остальных. В цифровом реестре информация хранится в сети децентрализованных узлов, и все зафиксированные транзакции прозрачны для каждого члена сети. Такой подход к обработке данных (децентрализованный и распределенный) предотвращает ретроактивное изменение данных. Фактически блокчейн опирается на механизм достижения консенсуса, обеспечивающий точность операций без необходимости доверия к действиям отдельных участников сети.

В своих предыдущих работах и мы затрагивали эту тематику, поскольку, как показало проведенное нами выборочное изучение и анализ юридической и экономической литературы, еще немало так называемых «белых пятен». Исследователи чаще останавливались на технической (технологической) части вопроса, ими пока что, на наш взгляд, не удалось выйти на конкретные алгоритмы действий, что касается подготовительного этапа, предшествующего внедрению. Более того, обойдены вниманием такие научно-теоретические проблемы, как понятие, сущность, содержание рассматриваемого вида цифровой технологии, ее структура, принципы организации, закономерности [6]. Иными словами, сущностно-содержательная характеристика системы блокчейн незаслуженно осталась в «тени».

Об этом свидетельствует даже тот факт: специалисты различных областей знания термин «технология-блокчейн» употребляют как феномен, процесс, технология, механизм, инструмент противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности. Данное обстоятельство лишний раз говорит о необходимости углубленного его исследования.

Что же касается оперативно-розыскного противодействия с использованием названной системы и технологии специалистами теории оперативно-розыскной деятельности (как науки), то эта часть вопроса (не совсем понятной для нас причине) осталась недостаточно проработанной в теоретико-методологическом плане, хотя для этого на сегодня созданы благоприятные условия. Назовем лишь одно из них. В прошлом году была принята ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2024-2026 годы[1]. Как нам представляется, данный документ создает необходимые предпосылки (условия) для активизации поиска новых (более современных) форм цифровых технологий в целях повышения эффективности указанной деятельности.

Думается, что суть рассматриваемой проблемы (квинтэссенция) заключается в разрешении существующего противоречия между потребностью углубленного научно-теоретического осмысления через призму теории ОРД [5] использования возможностей блокчейн-технологии в противодействии указанных видов преступлений и поверхностное (недостаточное) научное представление о ней. Такое положение, как показывает проведенное нами выборочное изучение названной проблемы, не позволяет вскрыть совокупность факторов, связанных с ней, и уяснить природу их происхождения, что не обеспечивает получение новых научных знаний об этой технологии, необходимых для разработки предложений и рекомендаций по повышению эффективности и результативности деятельности по противодействию названных видов преступности посредством применения технологии-блокчейн.

Мы полагаем необходимым при ее разрешении целесообразно руководствоваться системным подходом, предусматривающим рассмотрение «коррупция-противодействие-блокчейн - технология» как единую целостную систему[2].

Говоря об этом, хотелось бы подчеркнуть одну деталь: к сожалению, складывается впечатление о том, что криминалитет опережает на сегодня предпринимаемые нами меры (теоретические, правовые, организационные, тактические и методические). Правоохранительные органы могут оказаться в роли «догоняющего». Такая ситуация во многом подталкивает их на необходимость поиска и принятия действенных контрмер.

Проводя такую работу, следует помнить, что оперативно-розыскное противодействие коррупции с применением блокчейн-технологии (распределенного реестра) должно иметь свою собственную фундаментальную основу, ключевыми слагаемыми которой, по мнению автора статьи, выступают: наличие политической воли, основанной на экономических прогнозах, которые обещают существенную экономическую отдачу с точки зрения дополнительных финансовых ресурсов, увеличения налоговой базы, повышения производительности, способствующей переход ручного документооборота к цифровой при отлаживании цифровой инфраструктуры; подготовка специалистов обслуживания цифровой инфраструктуры [7; 8]; согласование технологических стандартов, связанных с технологией блокчейн, что потребует доработку существующей нормативно-правовой базы; обеспечение доступности контрольно-надзорных органов;.

Создание такой основы, безусловно, расширяет диапазон ее возможностей. Так, по мнению большинства исследователей, блокчейн-технология является эффективным инструментом борьбы с коррупцией. Особенности криптовалют, разработанных на основе данной технологии, а именно абсолютной ее прозрачности и достоверности: ни одна единица криптовалюты не может быть потрачена заказчиком без ведома всех участников распределенного реестра. Таким образом, достигается полная осведомленность о том, на какие нужды в конечном итоге была направлена денежная единица, что в свою очередь значительно снижается возможность чиновников в денежных манипуляциях. Более того, технология блокчейн позволяет создавать репутационные списки для государственных служащих, в которые предполагается заносить информацию о совершенных чиновником манипуляциях с бюджетными средствами. Следовательно, любое коррупционное действие будет означать публичное доказательство вины конкретного чиновника. Такая запись в репутационном реестре не может быть удалена или откорректирована, так как любое подобное действие будет видно всем участникам распределенного реестра.

Как видим, возможности цифровой технологии, включая блокчейн-технологии, неисчерпаемы. Для этого автор считает необходимым совершенствовать (модернизировать) правовое регулирование, в частности, вопросов, связанных с выявлением и пресечением преступлений коррупци-

[1] Распоряжение МВД России от 25.01.2024. № 1/724.
[2] Под системой мы понимаем объединение некоторого разнообразия в единое и одновременно четко расчлененное целое.

онной направленности, предметом которых являются цифровые финансовые активы, иные цифровые права, цифровая валюта[1], а также с обнаружением, арестом и последующим возвращением потерпевшим и (или) обращением в доход государства цифровых финансовых активов, иных цифровых прав, цифровой валюты, полученных в результате совершения преступлений. Востребованность такой работы продиктована самой правоприменительной практикой.

Со своей стороны мы считаем продуктивным оперативное создание и внедрение цифровых технологий, позволивших осуществлять в электронной форме прием сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, что обеспечило автоматическую обработку, анализ таких сведений и их централизованное хранение.

Положительно сказалось на деятельность государственных органов применение цифровых технологий при оказании государственных и муниципальных услуг, реализации контрольно-надзорных функций, осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в целях выявления, минимизации и устранения коррупционных рисков, связанных с применением таких технологий. Заметим, что существовавшие до недавнего времени пробелы и противоречия были устранены посредством пересмотра норм правового их регулирования. Теперь для правоохранительных органов намного легче стал процесс сбора интересующих им сведений о типовых способах совершения коррупционных правонарушениях, связанных с использованием цифровых технологий.

Не можем обойти вниманием возможности цифровой технологии, использование которой позволяет обобщить правоприменительную практику, касающуюся представления сведений о владении цифровых финансовых активов, иными цифровыми правами, цифровой валютой, об осуществлении контроля за расходами на приобретение цифровых финансовых активов, иных цифровых прав, цифровой валюты.

Уже краткий анализ сфер применения цифровых технологий, включая противодействие коррупции, позволяет сделать вывод о том, что ее возможности мы непосредственно ощутили лишь на начальном этапе создания и внедрения в правоприменительную практику. Широкие возможности цифровой технологии еще недостаточно изучены и апробированы, тем самым открывается простор для проведения исследований и в рамках предмета оперативно-розыскной науки, чтобы поставить ее на службу оперативных подразделений полиции.

Как нам представляется, основным «потребителем» преимуществ цифровой сферы (среды) в контексте противодействия коррупции выступают криминальные структуры. Специалисты утверждают, что лидеры организованных преступных структур, пользуясь системным характером коррупции, почти половину своих криминальных доходов тратят на содержание и подкуп нечистых на руку чиновников, чтобы тем самым сохранить свои прежние прибыльные позиции и полное влияние на рынке товаров, работ и услуг.

Подводя итог сказанному, отметим следующее.

Во-первых, в юридической литературе обоснованно утверждается тезис о том, что границы антикоррупционного оперативно-розыскного противодействия представляется возможным расширить путем применения цифровых технологий, включая систему блокчейн, которая также модернизируется на основе постоянного совершенствования технологического прогресса. Возможности противодействия коррупции в сети «Интернет» также могут быть значительно расширены посредством применения современных цифровых технологий. Особенностью совершения преступления на цифровой площадке является дистанционный контакт между людьми. Опыт по борьбе с коррупцией говорит о том, что информационные технологии позволяют минимизировать процесс снижения коррупционности, т.е. противостоять коррупционным операциям.

Во-вторых, для того, чтобы точно понимать как именно функционирует блокчейн и как данная система может помочь в борьбе с коррупцией, необходимо разобраться в механизме (принципе) ее работы, который, по мнению специалистов (мы их разделяем), выглядит следующим образом: блоки представляют собой структурированную систему различных данных, непосредственно вводимых пользователя ми системы блокчейн. К таким данным относятся, например, сведения о транзакциях, то есть о переводах денежных средств между физическими и юридическими лицами, как международных, личных; данные о сделках, соглашениях и контрактах и многое другое. Каждый блок имеет прямую связь с другим блоком, ранее введенным в базу, что и создает ту самую «цепочку». Эта связь определяется тем фактом, что для записи нового блока информация, содержащаяся в старом блоке, должна быть последовательно считана. Таким образом, каждый новый блок, который добавляется в общую базу, будет включать в себя весь материал цепочки, начиная с самого первого блока.

В-третьих, в условиях широкого применения информационных и телекоммуникационных технологий появляются новые инструменты преступных посягательств. Криптовалюта – один из таких инструментов. На сегодняшний день криптовалюта является легальным объектом в силу положений Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Он определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных, которые могут быть приняты в качестве средства платежа или инвестиций.

Децентрализация криптовалюты и ее анонимность обеспечивают привлекательный выход для преступной деятельности, такой как отмывание денег или взяточничество.

В-четвертых, в классическом понимании взятки уходят в прошлое. Коррупция все чаще приобретает формы операций с криптовалютами, что еще больше повышает латентность данной категории преступлений. Связано это с проблемами понимания фактической и юридической сущности криптовалют, а также со спецификой механизма передачи такой взятки. Криптовалюта представляет собой цифровую запись со своим крипто графическим кодом, построенную на базе открытой и распределённой технологии шифрования и хранения данных (блокчейн). Уже сейчас известны около шести тысяч криптовалют, которые в сравнении с фиатными деньгами обладают рядом преимуществ.

[1] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ. Заметим, что криптовалюта на сегодня стала одним из инструментов преступных посягательств и как предмет взяточничества.

В-пятых, под оперативно-розыскным противодействием следует понимать вид деятельности, осуществляемый оперативными подразделениями полиции в соответствии с федеральными законами «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» во взаимодействии с другими правоохранительными, контрольно-надзорными органами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, посредством принятия комплекса преимущественно негласных оперативно-розыскных мер, направленных на своевременное выявление и пресечение преступлений коррупционной направленности, совершаемых в первую очередь в градо – и бюджетообразующих отраслях экономики. Мы хотим со своей стороны отметить, что одним из условий для успешного внедрения в практику деятельности, в частности, подразделений ЭБиПК территориальных органов внутренних дел анализируемой блокчейн-технологии необходимо правовое, программное и организационно-методическое обеспечение, а также подготовленные для этого сотрудники, знающие принцип ее работы.

Список литературы.

1. Голоманчук Э.В., Борисова А.С. Роль и возможности информационно-коммуникационных технологий в системе противодействия коррупции // Вестник экспертного совета, № 1 (16), 2019. – С.105-110;
2. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2(63). – С.26–33;
3. Иванов П.И. О формировании современной оперативно-розыскной политики: точка зрения // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4 (103). С.12–16;
4. Иванов П.И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение / П. И. Иванов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (68). – С. 64–67.
5. Иванов П.И. Цифровая реальность и ее влияние на развитие оперативно-розыскной науки // сборник материалов I Всерос. науч.-практ. конф. «Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения)» (Москва, 27 января 2021 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Ун-т прокуратуры РФ. 2021. – С.92-99.
6. Ишин, И. А. Особенности производства отдельных следственных действий и роль начальника органа дознания при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты / И. А. Ишин // Академическая мысль. – 2020. – № 2(11). – С. 82-85. – EDN HKBWMO.
7. Ишин, И. А. Роль начальника территориального органа внутренних дел в подготовке специалистов для противодействия высокотехнологичной преступности / И. А. Ишин // Научный альманах : Сборник научных трудов. Том Выпуск 6. – Москва : ИП Черняева Ю.И., 2020. – С. 85-91. – EDN QDPDNI.
8. Ишин, И. А. Совершенствование подготовки сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, задействованных в противодействии незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // Международный форум молодых ученых : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 01–02 декабря 2021 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 98-101. – EDN IDATEA.
9. Куликов, А.В. Символокова Д.А. Современный способ борьбы с коррупцией – использование технологии блокчейн // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 4. – С. 36-42;
10. Меняйло Д.В., Крупенникова К.К. О противодействии коррупции в условиях цифровой трансформации //Проблемы правоохранительной деятельности. 2022, № 3. – С.28-32.
11. Солонникова Н.В., Назаренко Г.В. К вопросу использования блокчейн-технологии в ходе расследования преступлений коррупционной направленности. // Юристъ-Правоведъ, 2022, № 4 (103). – С.40-46;

References:

1. Golomanchuk E.V., Borisova A.S. The role and possibilities of information and communication technologies in the anti-corruption system // Bulletin of the Expert Council, № 1 (16), 2019. – Pp.105-110;
2. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. No. 2(63). – pp.26-33;
3. Ivanov P.I. On the formation of modern operational-investigative policy: a point of view // Lawyer-Jurist. 2022. No. 4 (103). pp.12-16;
4. Ivanov P.I. Operational investigative activity in the conditions of digital reality: its scientific support / P. I. Ivanov // Bulletin of the Kaliningradsky branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (68). – Pp. 64-67.
5. Ivanov P.I. Digital reality and its impact on the development of operational investigative science // Collection of materials of the First All-Russian Scientific and Practical Conference "Digital technologies in the fight against crime: problems, state, trends (Dolgov readings)" (Moscow, January 27, 2021) / under the general editorship of O.S. Kapinus. – M.: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2021. – pp.92-99.
6. Ishin, I. A. Features of the production of individual investigative actions and the role of the head of the body of inquiry in the investigation of crimes committed using cryptocurrencies / I. A. Ishin // Academic Thought. – 2020. – № 2(11). – Pp. 82-85. – EDN HKBWMO.
7. Ishin, I. A. The role of the head of the territorial body of internal affairs in training specialists to counter high-tech crime / I. A. Ishin // Scientific almanac : Collection of scientific papers. Volume Issue 6. Moscow : IP Chernyaeva Yu.I., 2020. pp. 85-91. EDN QDPDNI.
8. Ishin, I. A. Improving the training of employees of operational units of the internal affairs bodies involved in countering the illegal trafficking of semiprecious stones / I. A. Ishin // International Forum of Young Scientists : Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 01-02, 2021. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. – pp. 98-101. – EDN IDATEA.
9. Kulikov, A.V. Symbolokova D.A. A modern way to combat corruption is the use of blockchain technology // Izvestiya TulSU. Economic and legal sciences. – 2021. – No. 4. – pp. 36-42;
10. Menyailo D.V., Krupennikova K.K. On combating corruption in the context of digital transformation //Problems of law enforcement activity. 2022, No. 3. pp.28-32.
11. Solonnikova N.V., Nazarenko G.V. On the issue of using blockchain technology in the investigation of corruption crimes. // Lawyer-Lawyer, 2022, № 4 (103). – P.40-46;

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_505

УДК 343.2

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ. МОТИВАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ КРИМИНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ, МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
MODERN IDEAS ABOUT THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOR. MOTIVATION OF CRIMES COMMITTED BY REPRESENTATIVES OF CRIMINAL ETHNIC COMMUNITIES, METHODS OF PREVENTION

АЛЕКСЕЕВ Александр Александрович,
аспирант направления подготовки «Юриспруденция», Пензенский государственный университет г. Пенза.
440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная 40.
E-mail: Fktrcttd20@yandex.ru;

ALEKSEYEV Alexander Alexandrovich,
postgraduate student in the field of Law, Penza State University, Penza.
40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russia.
E-mail: Fktrcttd20@yandex.ru

Краткая аннотация: *В данной статье рассматриваются современные представления о механизме преступного поведения, анализируются его основные элементы и факторы, а также сделан акцент на мотивации преступлений, совершаемых представителями криминально-этнических общностей, кроме того, обсуждаются методы предупреждения данных преступлений.*

Abstract: *This article examines modern ideas about the mechanism of criminal behavior, analyzes its main elements and factors, and focuses on the motivation of crimes committed by representatives of criminal ethnic communities, in addition, discusses methods of preventing these crimes.*

Ключевые слова: *мотивация, мотив преступления, преступное поведение, механизм преступного поведения, личность преступника, социальные нормы, криминология, этнические особенности.*

Keywords: *motivation, motive of crime, criminal behavior, mechanism of criminal behavior, personality of the criminal, social norms, criminology, ethnic characteristics.*

Для цитирования: *Алексеев А.А. Современные представления о механизме преступного поведения. Мотивация преступлений, совершаемых представителями криминально-этнических общностей, методы предупреждения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 505-508. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_505.*

For citation*: Alekseyev A.A. Modern ideas about the mechanism of criminal behavior. Motivation of crimes committed by representatives of criminal ethnic communities, methods of prevention // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 505-508. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_505.*

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Изучение механизма преступного поведения является одной из ключевых задач современной криминологии и смежных наук, таких как психология, социология и право. Преступное поведение — это сложное социально-психологическое явление, которое формируется под воздействием множества факторов, как внутренних, так и внешних. Понимание механизма преступного поведения позволит не только выявлять причины и условия совершения преступлений, но и разрабатывать эффективные меры их профилактики.

В последние несколько лет наблюдается значительный прогресс в изучении вышеуказанного вопроса, который связан с развитием теоретической базы, появлением новых эмпирических данных и, конечно же, внедрением междисциплинарных подходов.

Механизм преступного поведения — это система взаимосвязанных процессов и этапов, посредством которых формируется, развивается и реализуется преступное действие. Он отражает динамическое взаимодействие личности с социальной и физической средой, в результате чего возникает и воплощается противоправное поведение.

С точки зрения криминологии, преступное поведение — это не просто единичный акт, а процесс, который включает подготовку, принятие решения, исполнение и последствия. Механизм преступного поведения охватывает все эти стадии, позволяя понять, зачем, как и почему человек переходит от законопослушного поведения к противоправному.

Современные исследования выделяют несколько ключевых элементов механизма преступного поведения:

Мотивация — (от лат. moveo – двигать, побуждать), совокупность побудительных психических процессов, обусловливающая поведение живого организма.[1] Оно включает иерархию потребностей, ценностей и установок личности, а также внешние обстоятельства, влияющие на формирование преступного поведения. Среди основных видов мотивации преступлений можно выделить корыстные мотивы – стремление к материальной выгоде, мотивы мести и личной неприязни – эмоциональные причины, хулиганские мотивы, например, выражение протеста или агрессии, мотивы национальной ненависти и вражды, а также ряд других мотивов.

Принятие решения— это процесс осознания и выбора конкретного противоправного действия, включающий оценку рисков, выгод и возможных последствий.[2]

[1]https://old.bigenc.ru/?ysclid=mbnqyck37f136859118 (Большая российская энциклопедия)
[2]https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9 (Принятие решения)

Планирование— разработка стратегии и тактики совершения преступления с учетом условий внешней среды и личностных особенностей.

Исполнение— непосредственное совершение преступного деяния, реализация намеченного плана.

Преступные последствия— результаты совершенного преступления, влияющие на общество, жертв и самого преступника.

Реакция общества и правоохранительных органов— меры воздействия, направленные на пресечение преступной деятельности и предотвращение повторных правонарушений.

Каждый из вышеперечисленных элементов тесно взаимосвязан с другими и формирует целостный процесс. К примеру, мотивация влияет на принятие решения, а планирование зависит от оценки внешних условий и личностных ресурсов. Исполнение преступления, в свою очередь, может изменяться в ходе реализации, в зависимости от изменяющейся ситуации. Последствия преступления и реакция общества оказывают обратное воздействие на личность, формируя новые установки и поведенческие модели.

Ранние исследования преступного поведения уделяли большое внимание биологическим факторам. Такие ученые, как Чезаре Ломброзо [1]рассматривал преступника как человека, которого можно выделить как преступника по, например, врожденным дефектам. Современные биологические теории более комплексны и учитывают влияние генетики, нейрофизиологии, а также ряда других факторов на склонность к агрессии и асоциальному поведению.

Современные исследования показывают, что определенные генетические маркеры и нарушения в работе мозга могут повышать риск девиантного поведения, однако биологические факторы сами по себе не являются детерминантами преступности — они взаимодействуют с социальными и психологическими условиями.

Что касается психологических подходов, то они акцентируют внимание на индивидуальных особенностях личности, таких как темперамент, характер, эмоциональная регуляция,уровень интеллекта, а также когнитивные процессы. Теории личности, к примеру, выделяют черты, повышающие склонность к преступлению: агрессивность, импульсивность и ряд других черт.

Психодинамические теории рассматривают преступное поведение как результат внутренних конфликтов, травм и неразрешенных психологических проблем. Когнитивные теории подчеркивают роль искаженного восприятия реальности, неправильной интерпретации социальных сигналов и дефицита навыков решения конфликтов. В свою очередь, социологические теории объясняют преступное поведение как продукт социальной среды и структурных условий. Теория социального обучения А. Бандуры утверждает, что преступное поведение усваивается через подражание и моделирование в криминальной среде. [2] Теория аномии Р. Мертона[3] связывает преступность с несоответствием между культурными целями и доступными средствами их достижения.

Теория конфликтов рассматривает преступность как проявление социальных и экономических противоречий, неравенства и борьбы за ресурсы.

Современная криминология стремится объединить различные теоретические направления, создавая комплексные модели, учитывающие биопсихосоциальные факторы. Такие подходы позволяют более полно и адекватно описывать механизм преступного поведения, выявлять ключевые точки воздействия и разрабатывать эффективные профилактические программы.

Среди факторов, которые влияют на формирование преступного поведения, стоит отметить личностные факторы. Это психологические особенности: низкий уровень самоконтроля, высокая импульсивность, склонность к агрессии, морально-нравственные установки такие как дефицит ценностей, оправдывающих преступление. Особую роль играет правовая грамотность, которая включает недостаток знаний о законах и ответственности. Существенную роль играет и психическое здоровье, в частности, наличие психических расстройств или эмоциональных травм. Что касается социальных факторов, то среди них можно выделить социальную среду – это дисфункциональные семьи, насилие, отсутствие воспитательного контроля, низкий образовательный уровень и ограниченные возможности для самореализации. Большую роль играет экономическое положение – бедность, безработица, социальное неравенство. Нельзя не отметить и социальные связи – дефицит позитивных социальных контактов и поддерживающих отношений.

Таким образом, механизм преступного поведения – это динамический, многоступенчатый процесс, включающий формирование мотивации, принятие решения, планирование, исполнение и посткриминальное поведение. Его изучение помогает понять сложное взаимодействие личности и ситуации, выявить причины и условия преступности. Также не стоит упускать факт того, что воспринимаемое одним индивидом, побуждающее его к действиям, может в корне иначе восприниматься другими, особенно заметно это проявляется в случаях дифференциации культур. Именно поэтому постижение преступной мотивации с учетом этнокультурного аспекта, является безусловно важной задачей в процессе определения межкультурных взаимодействий и повышения эффективности профилактики преступлений.

Каждая национальность, проживающая на территории России, имеет свои социокультурные особенности и характерные черты.

В частности, Русская культура славится своим коллективизмом, ставке на возраст и уважение старшего поколения. Такие взаимоотношения способствуют установлению крепких семейных уз, но в то же время ограничивают человека в свободе выбора. Татарская же культура, с ее уважением к образованию и особой значимостью религии в формировании бытового уклада жизни, способствует усилению взаимопомощи, а также поддержки и единения народа в целом и внутри семьи, в частности, что напротив, может приводить у радикально настроенных представителей групп к конфликтам с представителями других этносов. К примеру, мордовская культура, отличается своими специфичными консервативными взглядами, которые, в свою

[1]Гениальность и помешательство Ломброзо. Перевод К. Тетюшиновой, издание Ф. Павленкова. Спб., 1885 г
[2]Бандура А. Теория социального научения. СПб. — Евразия, 2000.
[3]Мертон Р. Социальная структура и аномия //Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. Перевод с французского Е.А.Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий. Издательство «Прогресс».С. 299-313

очередь, препятствуют социальным изменениям.

А. П. Писаренко под этнической идентичностью понимает определение индивидом его этнической принадлежности, в зависимости от определенных черт[1]. Она может не совпадать с официальными точками зрений об определенных нациях и зависит лишь от самоощущений человека.

Вопросы этнической идентичности при борьбе с преступностью повышают свою значимость не только для научного сообщества, но и для всей правоохранительной системы РФ, так как, согласно Конституции, Россия – многонациональная страна.

Межнациональные распри, формирующиеся в многонациональной среде, зачастую могут вызывать те или иные напряженности во взаимодействии культур, что, в свою очередь, провоцирует рост преступности. Все вышеперечисленное требует особого похода к пониманию сложившейся ситуации в конкретном регионе, и разработке законодательной базы федерального и субъектного уровней.

Обратимся к статистике. Директор ФСИН Аркадий Гостев рассказал об увеличении числа иностранцев в российских пенитенциарных учреждениях, на 1 января 2025 года оно составило 30 028 человек. Из них 69,5% - выходцы из Средней Азии.

В 2024 году в рамках выполнения международных обязательств в Россию из иностранных государств было доставлено 60 человек. При этом иностранным государствам выдано 877 подозреваемых и обвиняемых в рамках экстрадиции, а также 224 осужденных для дальнейшего отбывания наказания.

В отношении иностранцев принято 7 тыс. 650 решений о нежелательности пребывания в России и более 8 700 решений о неразрешении въезда на территорию страны.

В свою очередь, по сведениям МВД, более 157 тыс. иностранцев-нарушителей в 2024 году принудительно покинули России, что на 45% больше, чем годом ранее; принято свыше 190 тысяч решений об административном выдворении, депортации и реадмиссии в отношении граждан иностранных государств[2].

В каждом субъекте свой процент таких преступлений. Так, в Пензенской области за первые 2 месяца 2025 года правоохранительными органами региона раскрыто 10 криминальных посягательств, совершенных гражданами иностранных государств, что на 58,3 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Среди лиц, преступивших закон, 4 гражданина Узбекистана, 3 – Республики Беларусь, по 2 – Казахстана и Таджикистана. Тяжкие преступления совершены 4 лицами, средней тяжести – также 4, небольшой тяжести – 3. С целью частной поездки прибыли в область 5 преступников, для учебы – 2.

Среди совершенных иностранными гражданами на территории региона общественно-опасных деяний большинство – хищения (3 мошенничества и 2 кражи), 2 дорожно-транспортных происшествия с причинением вреда здоровью гражданам, 1 преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, 1 - использование подложного документа и 1 - организация незаконной миграции)[3].

В Республике Мордовия в 2024 году с целью противодействия незаконной миграции на территории региона проведено более 3300 профилактических мероприятий, с иностранцами, находящимися в различном юридическом статусе, пресечено 14 преступлений и 1351 правонарушение. Принимались меры по удалению лиц, нелегально находящихся в стране. В 3 раза увеличилось число мигрантов, которым сокращен срок пребывания на территории России. В целом контроль в миграционной среде обеспечен. Доля преступлений, совершенных иностранными гражданами, в общем массиве преступлений составил менее 3 процентов[4].

По итогам начала 2025 года на территории Саратовской области отмечается рост преступлений, совершенных иностранцами и лицами без гражданства, на 2 % (с 51 до 52). При этом отмечается рост тяжких преступлений на 75 % (с 4 до 7), средней тяжести на 85,7 % (с 7 до 13), небольшой тяжести на 23,8 % (с 21 до 26). Среди преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, наиболее частыми являются: кражи (14), побои (3), преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (7), в сфере компьютерной информации (9)[5].

Эволюционно сформировавшиеся этнокультурные общности обладают уникальными характеристиками, определяющими систему нравственно-моральных ориентиров, представлений о справедливом устройстве мира и формах социально одобряемого поведения. Межэтническая разнородность поведенческих моделей способна выступать источником сложных межкультурных коллизий, провоцирующих противоправные деяния[6].Этническая мотивация преступлений может выступать как основным, так и дополнительным фактором, объединяющим участников этнически идентичных преступных группировок. Она проявляется через националистические и этноидеологические установки, этническое самосознание и чувство превосходства собственного этноса, криминальные этнические традиции и субкультуру, негативное отношение к другим этническим группам, межэтническую нетерпимость, религиозные и националистические мотивы.

Преступления, совершаемые представителями этнических общностей, часто обусловлены социально-экономической маргинализацией, дискриминацией, ограниченными возможностями для легальной самореализации, что усиливает криминализацию. Внутренняя сплоченность и семейные связи в этнических группах способствуют созданию организованных преступных формирований, основанных на доверии и традициях.

Особое место занимают преступления, мотивированные межэтнической враждой, национальной ненавистью, кровной местью и религиозным экстремизмом. Эти мотивы часто переплетаются с корыстными интересами, карьеризмом и личной неприязнью, что усложняет их квалификацию

[1]Писаренко А. П. Феномен «Этническая преступность» и его криминолого-социологическая характеристика // Вестник ТИУиЭ. 2016. № 2 (24). С. 84-86.
[2] Группа «ИНТЕРФАКС» // https://www.interfax.ru/russia/1013228 (дата обращения: 14.05.2025 г.)
[3] Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=94218782 (дата обращения: 14.05.2025 г.)
[4] Министерство внутренних дел по Республике Мордовия // https://13.мвд.рф/news/item/60372278/ (дата обращения: 14.05.2025г.)
[5]Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=93715656 (дата обращения: 14.05.2025г.)
[6] Министерство внутренних дел Российской Федерации // https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=mao9gjaqnx369119362 (дата обращения: 14.05.2025 г.)

и профилактику.

Криминальная субкультура в этнических группах формирует специфические нормы и ценности, поддерживающие преступное поведение. Этническое самосознание усиливает лояльность к группе и готовность к участию в противоправной деятельности ради защиты интересов этноса. Внутригрупповое давление и традиции кровной мести могут служить мощными мотиваторами преступлений.

Мотивация преступлений, совершаемых представителями этнических общностей, тесно связана с принятием решения, планированием и исполнением преступления. Этнические мотивы влияют на выбор целей и способов совершения преступлений, а также на уровень жестокости и организованности действий.

Внешние условия — социальные, экономические, культурные — усиливают или ослабляют влияние этнической мотивации. Правовая непросвещенность и недостаток интеграции в общество способствуют криминализации и вовлечению в этнические преступные формирования.

Современные представления подчеркивают важность учета этнических особенностей и мотивации преступлений, совершаемых представителями криминально-этнических общностей. Этническая мотивация выступает как самостоятельным, так и интегрированным элементом преступного поведения, формируемым под воздействием социальных, культурных и экономических факторов.

Для эффективной профилактики и коррекции преступности необходим комплексный междисциплинарный подход, учитывающий биопсихосоциальные аспекты, особенности криминальной субкультуры и этнической идентичности. Продолжение исследований в этой области позволит повысить научный потенциал криминологии и улучшить практические меры борьбы с преступностью.

Выявление и систематизация особенностей межэтнических взаимодействий позволит объективизировать механизмы формирования межнациональных конфликтов и оценить степень их влияния на уровень криминогенного риска конкретного региона. Эмпирическое исследование указанных феноменов способно стать основанием для разработки эффективных инструментов превентивного воздействия на многообразие этнических групп, способствующих повышению общественной безопасности и стабилизации социальных процессов.

Соответственно, понимание закономерностей функционирования этнокультурных компонентов представляется необходимым условием оптимизации методов предупреждения правонарушений.

Список литературы:

1. Баранов А. Н. Преступная мотивация: теоретические аспекты и практика / А. Н. Баранов. Москва : Юридическая литература, 2020. 320 с.
2. Группа «ИНТЕРФАКС» // https://www.interfax.ru/russia/1013228 (дата обращения: 14.05.2025 г.)
3. Иванов П. И. Этнокультура и преступность: анализ современных тенденций / П. И. Иванов, Е. В. Смирнова ; под ред. В. Г. Орлова. Пенза : Пензенская областная типография, 2019. 245 с.
4. Кузнецов С. В. Социальные нормы и криминальное поведение: влияние этнической идентичности / С. В. Кузнецов // Журнал криминологии. 2021. Т. 12, № 3. С. 45–58
5. Министерство внутренних дел по Республике Мордовия // https://13.мвд.рф/news/item/60372278/ (дата обращения: 14.05.2025г.)
6. Министерство внутренних дел Российской Федерации // https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=mao9gjaqnx369119362 (дата обращения: 14.05.2025 г.)
7. Официальный Телеграм-канал Председателя Государственной Думы Вячеслава Володина // https://t.me/vv_volodin/1092 (14 мая 2025 г.)
8) Писаренко А. П. Феномен «Этническая преступность» и его криминолого-социологическая характеристика // Вестник ТИУиЭ. 2016. № 2 (24). С. 84-86.
9) Прокофьев К. Г. К вопросу о классификации публичных мероприятий в Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 1. С. 21-27.
10) Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области // https://58.rosstat.gov.ru/demography (дата обращения: 14.05.2025 г.)
11) Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=94218782 (дата обращения: 14.05.2025 г.)
12) Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=93715656 (дата обращения: 14.05.2025г.)
13) Управление МВД России по Пензенской области //https://58.мвд.рф/umvd/противодействие-экстремизму/проф (дата обращения: 14.05.2025 г.)

References:

1. Baranov A. N. Criminal motivation: theoretical aspects and practice / A. N. Baranov. Moscow : Yuridicheskaya literatura, 2020. 320 p.
2. The INTERFAX Group // https://www.interfax.ru/russia/1013228 (date of reference: 05/14/2025)
3. Ivanov P. I. Ethnoculture and crime: an analysis of modern trends / P. I. Ivanov, E. V. Smirnova ; edited by V. G. Orlov. Penza : Penza Regional Printing House, 2019. 245 p.
4. Kuznetsov S. V. Social norms and criminal behavior: the influence of ethnic identity / S. V. Kuznetsov // Journal of Criminology. 2021. Vol. 12, No. 3. pp. 45-58
5. Ministry of Internal Affairs of the Republic of Mordovia // https://13.мвд.рф/news/item/60372278 / (date of application: 05/14/2025)
6. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // https://мвд.рф/reports/item/60248328 /?ysclid=mao9gjaqnx369119362 (accessed: 05/14/2025)
7. Official Telegram channel of Chairman of the State Duma Vyacheslav Volodin // https://t.me/vv_volodin/1092 (May 14, 2025)
8) Pisarenko A. P. The phenomenon of "Ethnic crime" and its criminological and sociological characteristics // Bulletin of TIUE. 2016. No. 2 (24). pp. 84-86.
9) Prokofiev K. G. On the classification of public events in the Russian Federation // Law Bulletin of Samara University. 2017. No. 1. pp. 21-27.
10) Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Penza Region // https://58.rosstat.gov.ru/demography (date of application: 05/14/2025)
11) Office of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for the Volga Federal District // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=94218782 (date of request: 05/14/2025)
12) The Office of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for the Volga Federal District // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=93715656 (date of application: 05/14/2025)
13) The Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Penza region //https://58.мвд.рф/umvd/противодействие-экстремизму/проф (date of request: 05/14/2025)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_509

УДК 343.851.5

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЦЕНТРА ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ON THE ISSUE OF THE PLACE OF THE TEMPORARY DETENTION CENTER FOR JUVENILE OFFENDERS IN THE JUVENILE DELINQUENCY PREVENTION SYSTEM

СМИРНОВА Ирина Николаевна,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса, Псковский государственный университет.
Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2.
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

АНТОНЕНКО Наталия Анатольевна,
аспирант, Псковский государственный университет.
Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2.
E-mail: wertamo@mail.ru;

SMIRNOVA Irina Nikolaevna,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University.
Russia, Pskov, Lenin Square, 2.
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

ANTONENKO Natalia Anatolievna,
Graduate student, Pskov State University.
Russia, Pskov, Lenin Square, 2.
E-mail: wertamo@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается правовой статус и практическая деятельность центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей как специализированных учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. На основе анализа нормативно-правовой базы и официальных статистических данных оценивается эффективность функционирования центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей в предупреждении повторных правонарушений и общественно опасных деяний несовершеннолетних. С учетом результатов проведенного исследования выявлены проблемы функционирования указанных учреждений и предложены конкретные меры по совершенствованию деятельности центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, направленные на повышение их эффективности в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних.*

Abstract*. The article examines the legal status and practical activities of temporary detention centers for juvenile offenders as specialized institutions for the prevention of neglect and juvenile delinquency. Based on the analysis of the regulatory framework and official statistical data, the effectiveness of the functioning of temporary detention centers for juvenile offenders in preventing repeated offenses and socially dangerous acts of minors is assessed. Based on the results of the study, the problems of the functioning of these institutions have been identified and specific measures have been proposed to improve the activities of temporary detention centers for juvenile offenders aimed at increasing their effectiveness in the system of prevention of juvenile delinquency.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние правонарушители, профилактика правонарушений, центр временного содержания несовершеннолетних, реабилитация, правовой статус, межведомственное взаимодействие, девиантное поведение несовершеннолетних.*

Keywords: *juvenile delinquents, crime prevention, juvenile detention center, rehabilitation, legal status, interdepartmental interaction, deviant behavior of minors.*

Для цитирования: *Смирнова И.Н., Антоненко Н.А. К вопросу о месте центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей в системе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 509-511. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_509.*

For citation*: Smirnova I.N., Antonenko N.A. On the issue of the place of the temporary detention center for juvenile offenders in the juvenile delinquency prevention system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 509-511. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_509.*

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Сохранение актуальности указанной в названии работ темы связано в тем, что, как указывается в литературе, наблюдается тревожная тенденция увеличения количества особо тяжких преступлений, совершенных лицами данной возрастной категории, при этом по-прежнему они совершаются преступной группой в два раза чаще, чем в одиночку [1, с. 184]. При этом отечественное государство каждый год изменяет законодательство для борьбы как с правонарушениями, так и с преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними.

Правонарушение, с одной стороны, выглядит как явление общественной жизни, негативное по своей социальной значимости и требующее государственно-правового реагирования на каждый факт его совершения, с другой – оно есть юридическое определение социальной сущности и особенно значимости актов человеческого поведения, не соответствующего правовым требованиям [2, с. 6]. В соответствии с нормами УК РФ «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания». С учетом изложенного понятия «правонарушение» и «преступление» взаимосвязаны и во многом пересекаются, имея ряд общих черт, однако эти понятия разные, и есть целый ряд критериев, которые прямо указывают на это [3, с. 185].

Интерес к проблеме организации и правового обеспечения ранней системы профилактики, девиантного поведения несовершеннолетних обусловлен нередко тем, что от его эффективности зависит в целом общественная и государственная безопасность, которая, в свою очередь, зависит от эффективности функционирования правоохранительных органов [4, с. 222–225]. В связи с увеличением количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, одним из важнейших направлений деятельности сотрудников ОВД является профилактика правонарушений. Предупреждение правонарушений сотрудниками правоохранительных органов – это деятельность сотрудников, служб и подразделений, которые осуществляют в пределах своих полномочий деятельность, направленную на недопущение совершения правонарушений, путем их выявления, нейтрализации или устранения причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания на лиц с девиантным поведением профилактического воздействия.

В связи с изложенным большую роль в эффективности такой правоохранительной деятельности играть взаимодействие заинтересованных

субъектов профилактики. «Взаимодействие органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних подразумевает координацию их действий в целях наиболее эффективного решения стоящих перед ними задач. Каждый субъект профилактики имеет свои специальные функции, и оптимизация взаимодействия состоит в своевременном подключении и использовании тех органов и учреждений, которые наиболее актуальны для предупреждения правонарушений несовершеннолетних» [5, с. 152].

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции). К сотрудникам ОВД, которые осуществляют профилактику правонарушений среди несовершеннолетних, относятся сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, участковые уполномоченные полиции, а также сотрудники центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВСНП) являются одним из элементов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Согласно ст. 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел: обеспечивают круглосуточный прием и временное содержание несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни, здоровья и предупреждения повторных правонарушений; проводят индивидуальную профилактическую работу с доставленными несовершеннолетними, выявляют среди них лиц, причастных к совершению преступлений и общественно опасных деяний, а также устанавливают обстоятельства, причины и условия, способствующие их совершению, и информируют об этом соответствующие органы внутренних дел и другие заинтересованные органы и учреждения; доставляют несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также осуществляют в пределах своей компетенции другие меры по устройству несовершеннолетних, содержащихся в указанных учреждениях. Кроме того, в ст. 22 названы основания помещения несовершеннолетних в ЦВСНП: приговор или решение суда – в отношении несовершеннолетних, указанных в подпункте 1 пункта 2 ст. 22; решение суда – в отношении несовершеннолетних, указанных в подпунктах 2–6 пункта 2 ст. 22.

В соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации сотрудники органов внутренних дел подают административное заявление о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП в суд по месту задержания несовершеннолетнего правонарушителя либо по месту нахождения центра непозднее чем за 24 часа до истечения срока нахождения несовершеннолетнего в центре. В том случае, если к несовершеннолетнему правонарушителю не было применено задержание, сотрудники ОВД подают исковое заявление в суд по месту совершения общественно опасного деяния несовершеннолетним, который к моменту совершения данного деяния, не достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность в течение одного месяца со дня вынесения в отношении него постановления о прекращения уголовного дела, либо постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, либо если возникли иные обстоятельства, являющиеся в соответствии с федеральным законом обстоятельствами для помещения несовершеннолетнего в центр.

Обращаясь к судебной практике о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП, можно выделить основные причины отказа судов в помещении в ЦВСНП:

1) «Сотрудниками ОВД не было представлено достаточно доказательств о том, что несовершеннолетний на меры воспитательного характера, профилактические беседы, проводимые педагогами, психологами, представителями внутренних дел и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав не реагирует (Решение Кавалеровского районного суда Приморского края № 2а-91/2024 от 30.01.2024)» [6];

2) «Члены семьи несовершеннолетнего могут надлежащим образом выполнять свои обязанности по воспитанию подростка и нести ответственность за его действиями. Члены семьи несовершеннолетнего ведут законопослушный образ жизни и стараются оказать на него положительное влияние, следовательно, есть возможность достижения профилактических целей без помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП. (Решение Ейского районного суда Краснодарского края № 2а-880/2023 от 13.12.2023)» [7];

3) «Несовершеннолетний злостным правонарушителем и лицом, склонным к совершению правонарушений и общественно опасных деяний, не является. Достаточных данных о необходимости применения к нему системы социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению им антиобщественных действий, правонарушений и общественно опасных деяний, а также в целях предупреждения совершения новых общественно опасных деяний, проводимых в ЦВСНП судом не выявлено (Решение Боровичского районного суда Новгородской области № 2а-2215/2023 от 21.12.2023)» [8].

Несмотря на то, что чаще всего мера в виде помещения в ЦВСНП принимается за совершения общественно опасных деяний, закрепленных в статьях Особенной части УК РФ, помещение в ЦВСНП при МВД России не является наказанием за преступление, не влечет за собой судимости и иных последствий, определенных уголовным законом [9, с. 97–103]. Указанная мера является профилактической и имеет своей целью социальную реабилитацию несовершеннолетнего.

Таким образом, помещение несовершеннолетних в ЦВСНП регулируется нормативными правовыми актами, относящимися к источникам административного, а не уголовного права, преследует цель защиты их жизни, здоровья и предупреждения повторных правонарушений, предполагает проведение с ними индивидуальной профилактической работы, установление обстоятельств, причин и условий, способствующих совершению право-

нарушений, информирование об этом соответствующих органов внутренних дел и других заинтересованных органов и учреждений, а также дальнейшее устройство несовершеннолетних. Юридическая сущность этой меры отражает ее административно-правовой характер. Отметим, что ведомственная принадлежность ЦВСНП к ОВД не меняет правовую природу изучаемой меры.

Как показало проведенное исследование, несмотря на значительный профилактический потенциал ЦВСНП, анализ практики их функционирования позволяет выявить ряд проблем, снижающих эффективность функционирования рассматриваемых учреждений в системе профилактики: нехватка квалифицированных специалистов, особенно психологов и социальных педагогов; недостаточное материально-техническое обеспечение; недостаточное методическое обеспечение; отсутствие единых научно обоснованных методик профилактической работы с различными категориями несовершеннолетних правонарушителей, что затрудняет унификацию деятельности ЦВСНП и снижает ее результативность; проблемы межведомственного взаимодействия; недостаточная координация деятельности ЦВСНП с образовательными организациями, социальными службами, медицинскими учреждениями, что снижает эффективность постреабилитационного сопровождения несовершеннолетних.

Для повышения эффективности ЦВСНП как субъекта профилактики предлагаются следующие меры:

1) совершенствование нормативно-правовой базы: расширение оснований помещения несовершеннолетних в ЦВСНП для превентивного воздействия на подростков группы высокого риска; законодательное закрепление механизмов постреабилитационного сопровождения несовершеннолетних после выбытия из ЦВСНП; уточнение правового статуса ЦВСНП как учреждения, выполняющего прежде всего профилактические, а не карательные функции;

2) организационно-управленческие меры: оптимизация штатной структуры ЦВСНП с увеличением числа психологов, социальных педагогов, медицинских работников; разработка системы оценки эффективности деятельности ЦВСНП, ориентированной на показатели ресоциализации несовершеннолетних;

3) научно-методическое обеспечение: разработка и внедрение научно обоснованных типовых программ профилактической работы с различными категориями несовершеннолетних; создание банка эффективных практик и методик профилактической работы; организация системы повышения квалификации сотрудников ЦВСНП;

4) совершенствование межведомственного взаимодействия: разработка регламентов взаимодействия ЦВСНП с образовательными организациями, комиссиями по делам несовершеннолетних, подразделениями по делам несовершеннолетних, социальными службами; внедрение института кураторства для сопровождения несовершеннолетних после выбытия из ЦВСНП.

В заключение отметим, что проведенное исследование позволяет констатировать, что центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей являются эффективным субъектом системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Уникальность ЦВСНП заключается в сочетании временной изоляции от негативной среды с интенсивным психолого-педагогическим воздействием, что при оптимальном организационно-правовом обеспечении позволяет добиться высокой результативности профилактической работы.

Список литературы:

1. Киселев С.С. От понимания девиантного поведения подростка к реализации принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник ВИ МВД России. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-ponimaniya-deviantnogo-povedeniya-podrostka-k-realizatsii-prinuditelnyh-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya (дата обращения: 16.06.2025).
2. Волленко Н. Н. Понятие, основные признаки и виды правонарушения // Legal Concept. 2005. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-osnovnye-priznaki-i-vidy-pravonarusheniya (дата обращения: 16.06.2025).
3. Майстренко Г.А. Понятие и признаки преступления по российскому уголовному законодательству // Образование и право. 2017. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-prestupleniya-po-rossiyskomu-ugolovnomu-zakonodatelstvu-1 (дата обращения: 16.06.2025).
4. Смирнова И.Н., Матвеев Д.Н. Некоторые аспекты обеспечения эффективности функционирования правоохранительных органов в современных условиях // Закон и право. 2022. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-obespecheniya-effektivnosti-funktsionirovaniya-pravoohranitelnyh-organov-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 16.06.2025).
5. Ветошкин С.А. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : учебник для среднего профессионального образования / С.А. Ветошкин. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 242 с. (Профессиональное образование). ISBN 978-5-534-12502-3. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/565697 (дата обращения: 16.06.2025).
6. Решение № 2А-91/2024 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/TQeTLv18I2Vu/?regular-txt=®ular-case_doc=2a-91%2F2024®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1049®ular-court=®ular-judge=&_=1749674344575 (дата обращения: 11.06.2025).
7. Решение № 2А-880/2023 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BT2nwCpqttJu/?regular-txt=®ular-case_doc=№+2a-880%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1001®ular-court=®ular-judge=&_=1749674678791 (дата обращения: 11.06.2025).
8. Решение № 2А-2215/2023 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EUpak0CpreL6/?regular-txt=®ular-case_doc=2a-2215%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1044®ular-court=®ular-judge=&_=1749675013696 (дата обращения: 11.06.2025).
9. Беженцев А.А. Вопросы организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-organizatsii-deyatelnosti-tsentrov-vremennogo-soderzhaniya-dlya-nesovershennoletnih-pravonarushiteley-ovd (дата обращения: 16.06.2025).

References:

1. Kiselyov S.S. From understanding a teenager's deviant behavior to implementing coercive educational measures // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-ponimaniya-deviantnogo-povedeniya-podrostka-k-realizatsii-prinuditelnyh-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya (date of application: 06/16/2025).
2. Voplenko N. N. The concept, main signs and types of offense // Legal Concept. 2005. No. 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-osnovnye-priznaki-i-vidy-pravonarusheniya (date of reference: 06/16/2025).
3. Maistrenko G.A. The concept and signs of a crime under Russian criminal law // Education and Law. 2017. No. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-prestupleniya-po-rossiyskomu-ugolovnomu-zakonodatelstvu-1 (date of request: 06/16/2025).
4. Smirnova I.N., Matveev D.N. Some aspects of ensuring the effectiveness of law enforcement agencies in modern conditions // Law and Law. 2022. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-obespecheniya-effektivnosti-funktsionirovaniya-pravoohranitelnyh-organov-v-sovremennyh-usloviyah (date of application: 06/16/2025).
5. Vetoshkin S.A. Prevention of neglect and juvenile delinquency : textbook for secondary vocational education / S.A. Vetoshkin. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 242 p. (Professional education). ISBN 978-5-534-12502-3. Text : electronic // Yurayt educational platform [website]. URL: https://urait.ru/bcode/565697 (date of request: 06/16/2025).
6. Decision No. 2a-91/2024 // Sudak: judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/TQeTLv18I2Vu/?regular-txt=®ular-case_doc=2a-91%2F2024®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1049®ular-court=®ular-judge=&_= 1749674344575 (accessed: 06/11/2025).
7. Decision No. 2a-880/2023 / / Sudak: judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BT2nwCpqttJu/?regular-txt=®ular-case_doc=№+2a-880%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1001®ular-court=®ular-judge=&_= 1749674678791 (date of request: 06/11/2025).
8. Decision No. 2a-2215/2023 // Sudak: judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EUpak0CpreL6/?regular-txt=®ular-case_doc=2a-2215%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1044®ular-court=®ular-judge=&_= 1749675013696 (accessed: 06/11/2025).
9. Refugee A. A. issues of organizing the activities of temporary detention centers for juvenile offenders of the Department of Internal Affairs // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-organizatsii-deyatelnosti-tsentrov-vremennogo-soderzhaniya-dlya-nesovershennoletnih-pravonarushiteley-ovd (date of request: 06/16/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_512
УДК 343.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PENITENTIARY SYSTEM: PERSPECTIVES AND PROBLEMATIC ASPECTS

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1.
E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
125130, Russia, Moscow, Narvskaya str., 15A, p. 1.
E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

***Краткая аннотация**: в статье рассматриваются перспективы и проблемные аспекты внедрения искусственного интеллекта в пенитенциарную систему. Анализируются возможности использования ИИ для анализа поведения осужденных, автоматизации обработки запросов и оптимизации работы учреждений. Особое внимание уделяется вопросам конфиденциальности данных, нормативно-правового регулирования и подготовки кадров. Автор предлагает пути решения выявленных проблем и обосновывает преимущества использования ИИ в уголовно-исполнительной системе.*

***Abstract**: the article discusses the prospects and problematic aspects of introducing artificial intelligence in the penitentiary system. The article analyzes the possibilities of using AI to analyze the behavior of inmates, automate the processing of requests and optimize the work of institutions. Special attention is paid to the issues of data confidentiality, legal regulation and training. The author suggests ways to solve the identified problems and substantiates the advantages of using AI in the penitentiary system.*

***Ключевые слова**: закон, искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система, конфиденциальность данных, автоматизация, цифровизация, реабилитация осужденных, анализ данных, обработка запросов, подготовка кадров.*

***Keywords**: law, artificial intelligence, penal system, data privacy, automation, digitalization, rehabilitation of convicts, data analysis, query processing, training.*

***Для цитирования:** Бажанов С.А. Использование искусственного интеллекта в пенитенциарной системе: перспективы и проблемные аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 512-513. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_512.*

***For citation**: Bazhanov S.A. The use of artificial intelligence in the penitentiary system: perspectives and problematic aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 512-513. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_512.*

Статья поступила в редакцию: 13.05.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В современном мире технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) находят применение в различных сферах человеческой деятельности, включая систему исполнения наказаний. По нашему мнению, использование ИИ в пенитенциарных учреждениях может способствовать повышению эффективности управления, оптимизации процессов и улучшению условий содержания осуждённых. Однако, на наш взгляд, внедрение таких технологий сопряжено с рядом проблемных аспектов, которые требуют тщательного анализа и разработки соответствующих решений.

Одним из основных направлений использования ИИ в пенитенциарной системе может являться анализ данных о поведении осуждённых. Алгоритмы машинного обучения могут обрабатывать большие объёмы информации, выявлять закономерности и прогнозировать поведение осуждённых, что, на наш взгляд, может помочь в принятии решений о применении мер воспитательного воздействия или, напротив, поощрений. Однако вместе с тем, может возникнуть риск нарушения конфиденциальности персональных данных и дискриминации осуждённых на основе полученных прогнозов.

Проблема конфиденциальности данных является, по нашему мнению, одной из ключевых при использовании ИИ в пенитенциарных учреждениях. Алгоритмы обработки данных могут быть уязвимы к «хакерским атакам», что может привести к утечке конфиденциальной информации о осуждённых. Кроме того, существует риск неправомерного использования, полученных посредством использования искусственного интеллекта, данных, например, для дискриминации осуждённых и/или оказания на них, какого-либо давления. Поэтому, для решения этих проблем, на наш взгляд, необходимо разработать строгие протоколы безопасности и контроля доступа к данным, но вместе с этим, обеспечить прозрачность алгоритмов и возможность обжалования решений, принятых на основе ИИ, так как, по нашему мнению, окончательное решение, должен принимать исключительно сотрудник пенитенциарной системы. Однако среди исследователей встречаются и мнения, что Возможным направлением развития применения искусственного интеллекта в деятельности пенитенциарной системы представляется применение инструментов Legal Artificial Intelligence, направленных на замещение человека, а не только на дополнение выполняемых конкретным сотрудником функций. [1]

Ещё одной проблемой является отсутствие нормативно-правовой базы, регулирующей использование ИИ в пенитенциарной системе. В настоящее время нет чётких правил и стандартов, которые бы определяли порядок внедрения и использования искусственного интеллекта в учреждениях исполнения наказаний. Это создаёт правовую неопределённость и затрудняет внедрение новых технологий. По нашему мнению, для решения этой проблемы необходимо разработать соответствующие нормативные акты, которые бы регламентировали использование ИИ в пенитенциарной системе, определяли ответственность за нарушение правил и обеспечивали защиту прав осуждённых и сотрудников.

Кроме того, внедрение ИИ в пенитенциарные учреждения требует подготовки кадров, способных работать с новыми технологиями. Сотрудники пенитенциарной системы должны обладать специальными знаниями и навыками, необходимыми для эффективного использования ИИ - понимать принципы работы алгоритмов и возможные риски. На наш взгляд, для этого необходимо разработать программы обучения и повышения квали-

фикации для сотрудников пенитенциарной системы, а также проводить регулярные учебно-методические работы для повышения уровня квалификации сотрудников в данной части.

В рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы (УИС) до 2030 года особое внимание уделяется внедрению клиентоцентричного подхода. Этот подход предполагает ориентацию на потребности и ожидания всех участников процесса исполнения наказаний, включая осуждённых, их родственников и других заинтересованных сторон. По нашему мнению, одним из направлений реализации клиентоцентричного подхода может стать автоматизированная обработка запросов родственников осуждённых с использованием ИИ. [2]

Автоматизированная система обработки запросов может включать функции регистрации и аутентификации пользователей, подачи запросов, отслеживания статуса запросов и получения ответов. ИИ может быть использован для анализа запросов, выявления закономерностей и предоставления более точных и быстрых ответов. На наш взгляд, это позволит ускорить и упростить процесс получения информации о статусе и условиях содержания близких, а также повысить прозрачность работы пенитенциарных учреждений. Как верно, указывает А.В. Серебрянникова количество обращений со стороны осужденных на действия администрации, в том числе в вопросах создания препятствий в направлении различных жалоб, давно уже стало причиной для введения в исправительные учреждения современных средств коммуникативного свойства, позволяющих посредством средств видеоконференцсвязи напрямую связываться с представителями не только надзорных органов и судов, но и иных органов контроля за исполнением наказаний, включая комитеты и общественные организации, фонды, а также представителей самих осужденных (адвокатов). [3] Поэтому Реализация клиентоцентричного подхода через автоматизированную обработку запросов родственников осуждённых может стать, по нашему мнению, важным шагом на пути к повышению эффективности и прозрачности работы уголовно-исполнительной системы.

Также нельзя не затронуть и другую сторону работы пенитенциарных учреждений. Как справедливо отмечают О.В. Мельникова и А. Л. Сердюк, рассуждая об общих принципах цифровизации уголовно-исполнительной системы России, справедливо отмечает, что пенитенциарные учреждения, выполняя главную задачу по исполнению уголовных наказаний, являются также хозяйствующими субъектами. Именно поэтому активное внедрение цифровизации сможет повысить уровень конкурентоспособности данных учреждений, способствовать достижению эффективности моделирования возможных рисков, анализу спроса на выпускаемые продукты и выявлению возможностей для новых услуг. [4, 5]

Исходя из вышеизложенного, мы можем предложить следующие пути решения проблемных аспектов использования ИИ в пенитенциарных учреждениях:

Во-первых, в первую очередь, необходима разработка нормативно-правовой базы, т.е. необходимо создать чёткие правила и стандарты, регулирующие использование ИИ в пенитенциарной системе. Сюда же можно отнести и соблюдение этических принципов - необходимо разработать этические принципы использования ИИ в пенитенциарной системе и обеспечить их соблюдение, чтобы избежать нарушения прав осуждённых.

Во-вторых, должна быть проведена подготовка кадров. То есть разработка программы обучения и повышения квалификации для сотрудников пенитенциарной системы, для повышения эффективности работы искусственного интеллекта, а также правильной интерпретации, полученных результатов его работы, что позволит сотрудникам принимать верные решения, на основании полученных данных.

Следующим немаловажным аспектом, является обеспечение конфиденциальности полученных данных, поэтому необходимо разработать строгие протоколы безопасности и контроля доступа к персональным данным осуждённых, а также обеспечить шифрование данных при передаче и хранении. Но вместе с этим, как было указано выше, алгоритмы ИИ должны быть прозрачными, в той мере, в которой они будут и понятными для сотрудников пенитенциарной системы, а осуждённые смогут иметь возможность обжаловать решения, принятые на основе ИИ, если они считают, что их права были нарушены.

Внедрение искусственного интеллекта в исправительные учреждения открывает ряд возможностей для оптимизации работы и повышения её эффективности. Среди основных преимуществ можно выделить автоматизацию анализа больших объёмов данных о поведении осуждённых, что позволяет выявлять закономерности и прогнозировать возможные действия, способствуя более обоснованному принятию решений. ИИ может помочь в оптимизации распределения ресурсов, планировании мероприятий и контроле за выполнением задач, что ведёт к повышению общей эффективности работы учреждений. Кроме того, использование технологий ИИ для анализа данных о поведении осуждённых способствует более точному и своевременному выявлению потенциальных проблем, таких как конфликты или нарушения дисциплины. На основе анализа данных ИИ может помочь разработать индивидуальные планы реабилитации и социализации, учитывая особенности каждого осуждённого. Автоматизация рутинных задач позволяет сотрудникам сосредоточиться на более сложных и требующих человеческого участия аспектах работы.

Список литературы:

1. А. М. Анисимова, Е. П. Бурдо, М. А. Волкова Перспективы использования искусственного интеллекта в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Закон и право. 2023. №11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy (дата обращения: 04.05.2025).

2. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // "Собрание законодательства РФ", 17.05.2021, N 20, ст. 3397.

3. Серебренникова А. В. Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2021. №1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ispolneniya-nakazaniya-sostoyanie-i-perspektivy (дата обращения: 04.05.2025).

4. Мельникова О. В. Искусственный интеллект и цифровая трансформация деятельности уголовно-исполнительной системы / О. В. Мельникова // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия : Материалы научно-практической конференции с международным участием, Псков, 11–12 ноября 2021 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. – С. 260-265. – EDN XENYGZ.

5. Сердюк А. Л. Общие принципы цифровизации УИС России / А. Л. Сердюк // Modern Science. – 2020. – № 4-2. – С. 99-104. – EDN MNSEWX.

References:

1. A.M. Anisimova, E.P. Burdo, M.A. Volkova Prospects for the use of artificial intelligence in the institutions of the penal system // Law and Law. 2023. №11. [Electronic resource] - Mode of access: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy (date of address: 04.05.2025).

2. Order of the Government of the Russian Federation from 29.04.2021 N 1138-r (ed. from 27.05.2023) “On the Concept of development of the penal and correctional system of the Russian Federation for the period up to 2030” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 17.05.2021, N 20, Art. 3397.

3. Serebrennikova A. V. Digitalization of the execution of punishment: status and prospects // Man: crime and punishment. 2021. №1. [Electronic resource] - Mode of access: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ispolneniya-nakazaniya-sostoyanie-i-perspektivy (date of address: 04.05.2025).

4. Melnikova O.V. Artificial intelligence and digital transformation of the penal system / O.V. Melnikova // Law enforcement agencies of Russia: problems of formation and interaction : Proceedings of the scientific-practical conference with international participation, Pskov, November 11-12, 2021. Pskov: Pskov branch of the Academy of FSIN of Russia, 2022. C. 260-265. - EDN XENYGZ.

5. Serdyuk, A. L. General principles of digitalization of the Russian penal system / A. L. Serdyuk // Modern Science. - 2020. - № 4-2. - C. 99-104. - EDN MNSEWX.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_514

МИНИМАЛЬНЫЕ СТАНДАРТНЫЕ ПРАВИЛА, КАСАЮЩИЕСЯ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
MINIMUM STANDARD RULES RELATING TO THE ADMINISTRATION OF JUVENILE JUSTICE: CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL LAW ANALYSIS

БАЗАРОВ Рустам Ахтамович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
член Ассоциации юристов России, главный научный сотрудник ДГУЮ Минюста России.
283049, Россия, ДНР, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9.
E-mail: Adam166@yandex.ru;

BAZAROV Rustam Ahtamovich,
doctor of law, professor, Honored lawyer of the Russian Federation,
member of the Association of lawyers of Russia, chief researcher of the DGUY of the Ministry of Justice of Russia.
283049, Russia, DPR, Donetsk, Lebedinsky St., 9.
E-mail: Adam166@yandex.ru

Краткая аннотация. *В настоящей статье осуществлен криминологический и уголовно-правовой анализ основных положений Минимальных стандартных правил, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятых Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года (далее – Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних). Рассмотрены вопросы целесообразности их имплементации в отечественном законодательстве. Исходя из некоторых положений указанного международного документа разработаны правотворческие предложения по дальнейшему совершенствованию отечественного законодательства в целях повышения эффективности противодействия преступности и иным правонарушениям несовершеннолетних.*

Abstract. *This article provides a criminological and criminal law analysis of the main provisions of the Minimum standard rules for the administration of juvenile justice (the Beijing rules), adopted by Resolution 40/33 at the 96th plenary meeting of the UN General Assembly on 29 november 1985 (hereinafter referred to as the Minimum standard rules for the administration of juvenile justice). The article also examines the advisability of their implementation in domestic legislation. Based on the provisions of this international document, legislative proposals have been developed for further improvement of domestic legislation in order to increase the effectiveness of combating crime and other offenses committed by minors.*

Ключевые слова: *Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, противодействие преступности и иным правонарушениям несовершеннолетних, предложения по совершенствованию отечественного законодательства.*

Keywords: *Minimum standard rules concerning the administration of justice in relation to minors, combating crime and other juvenile delinquency, proposals for improving domestic legislation.*

Для цитирования: *Базаров Р.А. Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних: криминологический и уголовно-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 514-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_514.*

For citation*: Bazarov R.A. Minimum standard rules relating to the administration of juvenile justice: criminological and criminal law analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 514-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_514.*

Статья поступила в редакцию: 05.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение. Нынешний 2025 год является юбилейным со дня принятия международного документа в сфере противодействия преступности и иным правонарушениям лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, – Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [1]. Ровно 40 лет тому назад VII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями – в 1985 году принял указанный международный документ по вопросам противодействия преступности и иным правонарушениям несовершеннолетних.

Цель исследования. Осуществить криминологический и уголовно-правовой анализ основных положений международного правового документа – Минимальных стандартных правил, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, а также исследовать вопросы возможной целесообразности имплементации некоторых основных положений указанного документа в отечественное законодательство.

Методы исследования. В данной научной статье применялись, в частности следующие общенаучные и частнонаучные методы исследования: дедукция и индукция, анализ и синтез, а также сравнительно-правовой метод.

Результаты криминолого-правового анализа данного международного документа свидетельствуют, что некоторые его основные положения представляют научный и практический интерес с точки зрения их возможной полезности в деле дальнейшего совершенствования отечественного законодательства, а также профилактической и правоприменительной практики на национальном (внутригосударственном) уровне. Прежде всего следует подчеркнуть, что ряд основных положений Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, представляются относительно универсальными и могут быть использованы различными странами независимо, например, от специфики формы государственного устройства и его правовых основ, в том числе независимо от государственно-правовых, нормативно-профилактических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных особенностей национального законодательства, регулирующего вопросы профилактики преступности и иных правонарушений несовершеннолетних, а также уголовно-правового противодействия им.

В научных работах российских авторов, порой, содержится точка зрения о том, что ранее в эпоху средних веков к вопросу о детях относились очень примитивно. В частности, в те давние времена дети рассматривались не как особая возрастная категория населения, а в качестве взрослых, но имеющих такие отличительные особенности как небольшой рост и интеллект. В своей работе С.А. Пашиным отмечается, что некоторые моменты отечественного уголовного законодательства, к сожалению, пока еще не смогли полностью преодолеть вышеуказанный подход, который имел место в те давние времена. Безусловно, конечно, имеет место большой позитивный законодательный прорыв в этом направлении. Например, несовершеннолетним осужденным по сравнению со взрослыми осужденными, не может быть назначено уголовное наказание в виде лишения свободы даже за

особо тяжкое преступление и даже независимо от их количества, на срок более 10 лет. И это несмотря на то, что в силу ч. 5 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет или более строгое наказание. Кроме этого, для несовершеннолетних осужденных созданы специальный вид учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – уголовно-исполнительная система) – воспитательные колонии. Согласно законодательному положению, закрепленному в части 6.1 статьи 88 УК РФ (данная часть введена Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»), при назначении несовершеннолетнему осужденному наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, сокращается наполовину.

Вместе с тем, вышеуказанным автором отмечается, что даже с учетом указанных и иных особенностей уголовной ответственности и уголовного наказания несовершеннолетних, действительно представляющих собой важный индикатор соответствия основным положениям Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, до сих пор еще не достигнуто фундаментальных различий в части уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования вопросов о преступлениях, совершенных, с одной стороны, несовершеннолетними, с другой – лицами, достигшими 18-летнего возраста [3]. Представляется целесообразным вернуться к рассмотрению вопроса о создании на национальном уровне ювенальной юстиции, в том числе ювенального уголовного судопроизводства. Тем более, что ранее ровно 20 лет тому назад – в 2005 году уже были разработаны проекты федерального и федерального конституционного законов: «Об основах системы ювенальной юстиции» [4], «О ювенальных судах в Российской Федерации» [5] соответственно. Однако по истечении двух десятков лет они не приняты. Хотя в Минимальных стандартных правилах, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, предусмотрены рекомендации государствам в рамках достижения основных целей профилактической и уголовно-правовой политики применительно к несовершеннолетним взять на себя, например, следующие обязательства:

максимально способствовать мерами социального, профилактического характера благополучию детей и подростков и семьям, в которых они проживают;

стараться всемерно объединять позитивные возможности таких социальных институтов, как семья, школа, организации дополнительного образования, иные досуговые, социально-полезные институты общества для всяческого содействия благополучию детей и подростков, а также стараться минимизировать или исключить вовсе негативного влияния отрицательных факторов, способствующих преступности и иным правонарушениям несовершеннолетних, тем самым – возникновению необходимости вмешательства в жизнь семьи и несовершеннолетних со стороны национального законодательства – уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законов;

обеспечивать в максимально возможной мере благоприятные условия для здоровой с психофизиологической и спокойной – с социально-психологической точек зрения, интересной и содержательной жизнедеятельности несовершеннолетних, поскольку данные факторы способны, в том числе минимизировать и даже исключить вовсе негативные криминогенные условия и обстоятельства;

стараться обеспечивать подлинно гуманное обращение с несовершеннолетними, совершившими преступление или иное правонарушение;

развивать ювенальную юстицию, в том числе для обеспечения вышеперечисленных рекомендаций анализируемого международного документа.

В Минимальных стандартных правилах, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, имеет место также рекомендация принять на национальном уровне закон по вопросам предупреждения преступлений, иных правонарушений несовершеннолетних и обращения с несовершеннолетними правонарушителями. В связи с этим следует не согласиться с мнением, нашедшим отражение в некоторых научных работах, о том, что будто бы отечественное законодательство в этом направлении недалеко ушло от давних времен. В качестве документально-правового аргумента, опровергающего указанное мнение некоторых авторов, служит, например, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [6].

Кроме этого, немало других нормативно-правовых аргументов того, что многие положения национальных законов соответствуют Минимальным стандартным правилам, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, содержится в УК РФ. Так, в частности ч. 3 ст. 20 УК РФ предусмотрено следующее: если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 20 УК РФ, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности. Указанная правовая норма уголовного закона, с одной стороны, является действительно социально обусловленной и научно обоснованной, с другой - наглядно показывает, что ряд основных положений международного документа – Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, нашли свое отражение в национальном уголовном законодательстве.

Вместе с тем, не бесспорным представляется закрепленное в ч. 6.2 ст. 88 УК РФ положение, согласно которому в случае, если несовершеннолетний осужденный, которому назначено условное осуждение, совершил в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся особо тяжким, суд с учетом обстоятельств дела и личности виновного может повторно принять решение об условном осуждении, установив новый испытательный срок и возложив на условно осужденного исполнение определенных обязанностей, предусмотренных ч 5 ст. 73 УК РФ. Указанное судебное усмотрение распространяется, в том числе на факты совершения несовершеннолетним осужденным во время испытательного срока даже тяжкого преступления. В данном случае возникает обоснованный вопрос, не является ли это искаженным представлением о принципе гуманизма?

Важное значение для профилактики преступлений и иных правонарушений, в том числе среди несовершеннолетних имеет Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [7], представляющий собой яркое свидетельство того, что государством прилагаются всемерные усилия в деле предупреждения девинтного поведения. Нравственно-психологическое здоровье общества, предупреждение преступности и иных правонарушений представителей взрослой части населения выступает фундаментом для

обеспечения профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, предусматривают также рекомендацию государствам принять законы на национальном уровне, которые бы содержали правовые нормы о возможности распространения некоторой специфики уголовной ответственности и уголовного наказания несовершеннолетних на категорию молодых взрослых, свершивших преступление. Указанная рекомендация находит свое отражение в ст. 96 УК РФ о применении положений главы 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» УК РФ к лицам в возрасте от 18 до 20 лет.

Теоретический и прикладной интерес вызывают Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, в части рекомендаций государствам по вопросам возраста, с которого наступает уголовная ответственность:

возраст несовершеннолетних, с которого предусмотрена уголовная ответственность за совершение преступления, не следует в национальном уголовном законе устанавливать слишком низким;

при установлении возраста, с которого наступает уголовная ответственность за совершение преступления, необходимо типовой уровень зрелости (интеллектуальной, нравственно-духовной, психической и физиологической) подрастающего поколения в каждом конкретном государстве.

Отечественная история государства и права знает случаи изменения возраста, с которого наступала уголовная ответственность за совершение преступления, в различные исторические периоды. Так, в частности в 1935 г. Постановлением СНК СССР и ЦИК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» [8] было закреплено, что уголовной ответственности подлежали дети с 12-летнего возраста за некоторые виды преступлений, в том числе за кражу без отягчающих обстоятельств. К данной категории малолетних допускалось применение любых видов наказаний, закрепленных в действовавшем тогда УК РСФСР 1926 г. За счет снижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, была предпринята необоснованная с социальной и научной точек зрения попытка полностью «искоренить» преступность несовершеннолетних. По этому поводу Е.В. Болдыревым отмечается, что указанное постановление отбросило назад профилактику преступлений несовершеннолетних [9, с. 27].

Учеными в области криминологии, уголовного права, уголовно-исполнительного права давно доказано, что цель – искоренение преступности представляется вряд ли достижимой. Различного родя противоречия в обществе выступают условиями, способствующими преступлениям и иным правонарушениям, в том числе совершаемыми несовершеннолетними.

Согласно действующему уголовному закону (ч. 1 ст. 20 УК РФ) уголовная ответственность за совершение преступления по общему правилу наступает с 16-летнего возраста. В силу ч. 2 ст. 20 УК РФ за ряд преступлений, указанных в данной норме, – с 14 лет.

Минимальными стандартными правилами, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, рекомендуется государствам в национальном законодательстве обеспечить право несовершеннолетних правонарушителей на конфиденциальность, в частности запретить распространение данных о несовершеннолетних, об обстоятельствах дела в средствах массовой информации. Согласно ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) запрещается разглашать данные предварительного следствия [10]. Вместе с тем ст. 161 УПК РФ следует дополнить запретом на опубликование сведений о личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного в средствах массовой информации.

Вывод. Таким образом, рекомендации государствам, содержащиеся в Минимальных стандартных правилах, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, в отечественном законодательстве в основном успешно реализованы. Вместе с тем, некоторые моменты в этой части обусловливают необходимость проведения дальнейших научных исследований для последующего принятия обоснованных правовых решений.

Список литературы:

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.) // Советская юстиция. 1991. № 12-14.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Пашин С.А. Пекинские правила и некоторые положения российского уголовного законодательства (сопоставление моделей кураторской и карательной юстиции) // Досье на цензуру. 1998. № 6. С. 100-105.
4. Проект Федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции» // Электронный ресурс: URL:https://vk.com/wall-186927544_198?w=wall-186927544_198&ysclid=mdua9rr3n0523443123 (дата обращения: 02.08.2025).
5. Проект Федерального конституционного закона «О ювенальных судах в Российской Федерации» // Электронный ресурс: URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1754141250&tld=ru&lang=ru&name=pr (дата обращения: 02.08.2025).
6. Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
7. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3851.
8. Постановление СНК СССР и ЦИК СССР от 7 апреля 1935 года № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Собрание законов СССР. 1935. № 19. Ст. 155.
9. Болдырев Е.В. Меры предупреждения правонарушений несовершеннолетних. Москва: Наука, 1964. 368 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

References:

1. The United Nations Minimum standard rules for the administration of juvenile justice (the beijing rules) (Adopted by Resolution 40/33 at the 96-th plenary meeting of the UN General Assembly on 29 november 1985) // Sovetskaya yustitsiya. 1991. № 12-14.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13 june 1996 № 63-FZ (as amended on 23.07.2025) // Collected legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
3. Pashin S.A. The Beijing rules and some provisions of Russian criminal legislation (comparison of models of curatorial and punitive justice) // Dossier on censorship. 1998. №6. P. 100-105.
4. Draft Federal law «On the fundamentals of the juvenile justice system» // Electronic resource: URL: https://vk.com/wall-186927544_198?w=wall-186927544_198&ysclid=mdua9rr3n0523443123 (date of access: 02.08.2025).
5. Draft Federal constitutional law «On juvenile courts in the Russian Federation» // Electronic resource: URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1754141250&tld=ru&lang=ru&name=pr (date of access: 02.08.2025).
6. Federal law of june 24, 1999 № 120-FZ (as amended on 01.04.2025) «On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and delinquency of minors» // Collected legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.
7. Federal law of June 23, 2016 № 182-FZ (as amended on 08.08.2024) «On the fundamentals of the system for the prevention of delinquency in the Russian Federation» // Collected legislation of the Russian Federation. 2016. № 26 (Part I). Art. 3851.
8. Resolution of the SNC of the USSR and the CIC of the USSR of april 7, 1935 № 3/598 «On measures to combat juvenile delinquency» // Collected laws of the USSR. 1935. № 19. Art. 155.
9. Boldyrev E.V. Measures to prevent juvenile delinquency. Moscow: Nauka, 1964. 368 p.
10. Criminal procedure code of the Russian Federation of december 18, 2001 № 174-FZ (as amended on 07.06.2025) // Collected legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (Part I). Art. 4921.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_517

УДК 34

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРД КАК УСЛОВИЕ ИЛИ ЖЕ КАК СРЕДСТВО? ТОЧКА ЗРЕНИЯ
PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR OPERATIONAL SEARCH OPERATIONS AS A CONDITION OR A MEANS? A POINT OF VIEW

ИВАНОВ Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем
отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems
of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. *В настоящей статье на основе изучения и анализа научных публикаций, нормативно-правовых актов, правоприменительной практики рассматривается психологическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности (ОРД)[1], которое выстроено на стыке двух наук: оперативно-розыскной психологии и теории ОРД (как науки). Сопряженность указанной разновидности психологии с многоплановой теорией, состоящей в крупном масштабе из трех компонентов: общетеоретических структурно-содержательных элементов (системы научных принципов, идей, отражающих закономерности ОРД), института содействия, а также системы комплекса мер, включая мероприятий, проводимых в интересах выявления и пресечения противоправных деяний, накладывает свой отпечаток на выбор психологических приемов и методов в успешном решении названных задач. Мы имеем весьма сложный механизм осуществления психологического обеспечения анализируемой деятельности. Учитывая данное обстоятельство, автор настоящей работы не ставит перед собой цель всестороннего освещения всех вопросов, связанных с психологическим обеспечением ОРД, поскольку в отдельно взятой статье вряд ли она достижима. В работе делается вывод о том, что такое обеспечение выступает одним из важнейших условий повышения ее эффективности. Оно одновременно, на наш взгляд, является действенным средством в разрешении криминальных ситуаций.*

Abstract*. This article, based on the study and analysis of scientific publications, regulatory legal acts, and law enforcement practice, examines the psychological support of operational investigative activities (OIA), which is built at the intersection of two disciplines: operational investigative psychology and OIA theory (as a science). The confluence of this particular form of psychology with a multifaceted theory, which broadly consists of three components: general theoretical structural and substantive elements (a system of scientific principles and ideas reflecting the patterns of OIA), the institution of assistance, and a system of measures, including activities carried out to detect and prevent illegal acts, influences the choice of psychological techniques and methods for successfully addressing these challenges. We have a highly complex mechanism for implementing psychological support for the activity under review. Given this circumstance, the author of this paper does not aim to comprehensively cover all issues related to the psychological support of OIA, as this is unlikely to be achievable in a single article. The study concludes that such support is one of the most important conditions for increasing its effectiveness. It also, in our view, is an effective means of resolving criminal situations.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная психология, психологическое обеспечение есть условие и средство, оперативно-розыскная деятельность, оперативные подразделения полиции, психологические знания, психологическое воздействие на личность.*

Keywords*: operational-investigative psychology, psychological support is a condition and a means, operational-investigative activity, operational police units, psychological knowledge, psychological influence on the individual.*

Для цитирования: *Иванов П.И. Психологическое обеспечение орд как условие или же как средство? Точка зрения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 517-520. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_517.*

For citation*: Ivanov P.I. Psychological support for operational search operations as a condition or a means? A point of view // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 517-520. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_517.*

Статья поступила в редакцию: 21.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

По мнению автора, психологическое обеспечение ОРД подразделений ЭБиПК ОВД означает:

максимальное «снабжение» теории ОРД психологическими технологиями, отвечающими современным требованиям, приемами и методами, способствующими достижению поставленных целей при проведении сотрудниками названных подразделений оперативно-розыскных мероприятий. Психологическое их сопровождение, на наш взгляд, в таком понимании является как бы средством, с одной стороны, подпитки необходимой информацией, с другой – облегчающим при минимальных тратах средств успешное решение оперативно-тактических задач;

ограждение процесса осуществления ОРД от возможных (вероятных) рисков, могущих привести к нежелательным последствиям, наносящим вред интересам государственных органов, уполномоченных на ее осуществление. Принцип риск-ориентированности предпринимаемых действий подразумевает заблаговременное выяснение возможных их нежелательных последствий;

комплексную охрану на основе сочетания оперативно-розыскных и психологических мер всех форм собственности от преступных посягательств и защиту экономических интересов добросовестных предпринимателей;

[1] Мы ранее обращались к данной тематике. Об этом см.: Иванов П.И. О проблемах теории психологического обеспечения ОРД // Право и государство: теория и практика. 2025, № 1. – С.513-516; *он же*. К вопросу о психологическом обеспечении деятельности подразделений ЭБиПК ОВД РФ // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. – С.232 -237.

создание необходимых условий для того, чтобы цели, преследуемые в ходе проведения оперативными подразделениями полиции оперативно-розыскных мероприятий в рамках той или иной оперативно-тактической ситуации, были вполне достижимыми. Уже на этапе планирования руководители указанных подразделений должны обратить на это особое внимание, чтобы исключить факты непроизводительных издержек (затрат).

Критический анализ многолетней практики деятельности названных подразделений показывает, что такие условия, как правило, могут быть созданы путем совершения в контексте психологического обеспечения двух взаимосвязанных действий, а именно: 1) диагностики индивидуальных и личностных особенностей объектов ОРД по внешним поведенческим признакам; 2) использование психологических закономерностей общения (подключение механизма распознавания образа интересующего лица, установление с ним психологического контакта). Приведенные обстоятельства во многом свидетельствуют о потенциальных возможностях психологического обеспечения.

На наш взгляд, психологическое обеспечение ОРД как условие подразумевает:

поиск на основе изучения и критического анализа оперативно-розыскной работы наиболее современных форм и методов ее эффективности, которые сопряжены с психологическими приемами и способами. В таком понимании мы расцениваем его в целом как обстоятельство, от которого во многом зависит результативность названной работы;

объективно обусловленное требование, сформулированное специалистами в области оперативно-розыскной психологии. При этом важно соблюдать разумный баланс между открытостью и секретностью применяемых приемов. Теоретическое изложение их результатов происходит в форме виртуальных событий (ситуаций) и не раскрываются подлинные их участники. Тем самым исключается угроза расшифровки конспиративных средств и методов ОРД. Психологические аспекты должны рассматриваться в структурно-содержательном механизме оперативно-розыскной методики и тактики применения негласных сил, средств и методов в борьбе с преступностью, что составляет государственную тайну;

совокупность правил, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и подзаконными актами в части процедуры осуществления указанной деятельности (касающихся прежде всего работы в рамках дела оперативного учета, содействия и разработки и поведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), комбинаций и тактических операций);

создание благоприятной обстановки (условий), в которой высока вероятность достижения запланированной цели. Знание психологии профессионального риска сотрудников (субъектов) ОРД позволяет избежать от нежелательных последствий [1, с. 80-89]. Принимаемые решения и действия вначале с психологической точки зрения должны обдумываться на предмет обеспечения, прежде всего, личной безопасности сотрудников ОРД.

Что же касается психологического обеспечения как средство, то оно, по мнению автора, означает:

совокупность психологических приемов, выработанных на основе изучения и анализа многолетней правоприменительной практики по борьбе с правонарушениями и преступностью. Среди множества приемов особо значимыми, как правило, выступают: приемы установления психологического контакта, совместимости собеседников, ведения беседы; приемы мышления, общения, профессиональной мотивации, преодоления профессионального риска, обеспечения личной безопасности;

рациональный способ действия сотрудников оперативных подразделений полиции со знанием ими психологических свойств личности, выступающей объектом воздействия, направленный для достижения преследуемой названными сотрудниками цели – получение оперативно значимой информации, способствующей разрешению возникшей оперативно тактической ситуации;

«ресурсосберегающее» орудие («техническое» приспособление, при помощи которого производятся целенаправленные действия) для разрешения сложных и трудоемких оперативно-тактических задач, которое состоит из множества (набора) для этого психологических «приспособлений»;

механизм защиты от утечки информации о предпринимаемых в ближайшее время комплекса оперативно-розыскных и иных мер. Подобные случаи чаще имеют место вследствие несоблюдения конспирации в оперативно-служебной деятельности.

Как видим, такое обеспечение – не самоцель, а система последовательно осуществляемых действий, направленных на повышение эффективности и результативности ОРД.

Вот что вкладываем на сегодня мы в понятие «психологическое обеспечение».

Всеобщим предметом исследования проблемы психологического обеспечения ОРД выступают закономерности, затрагивающие теоретико-методологические, правовые, организационные и тактические основы. Среди них, на наш взгляд, так называемой «комбинированной» закономерности отводится особое место, сочетающей элементы психологии и оперативно-розыскной работы. При этом важно в приоритетном порядке принять необходимые меры по созданию благоприятных условий для их синхронизации и сбалансирования. Успешное решение этой задачи во многом зависит от научной общественности, которая должна ее на себя взять на предмет предварительной проработки с последующей разработкой рекомендаций и предложений в первую очередь касающихся так называемого «человеческого фактора», под которым под которым понимается «широкий круг социально-психологических, психологических и психофизиологических свойств, которыми обладают люди и которые так или иначе проявляются в их конкретной деятельности, в том числе и юридической, оказывая влияние на эффективность и качество этой деятельности» [2, с. 29]. Ю.В. Чуфаровский, говоря об этом, речь ведет о потребностях и способностях человека, о мотивах его поведения, его интересах и творческих возможностях, трудоспособности и работоспособности, об интеллекте и эмоциях, о воле и характере, сознании и самосознании, о формировании социальных установок и ценностных ориентаций. Он утверждает, что когда речь идет о человеке, то неизбежно и в первую очередь нас интересует его психика. Мы разделяем его мнение, которое целиком и полностью относится к субъектам ОРД и участникам ее осуществления.

Как нам представляется, суть указанной закономерности[1] заключается в следующем: если оперативно-розыскная работа (ОРД) своими основными компонентами считает силы, средства, методы и мероприятия, которые на сегодня на фоне некоторого осложнения криминогенной ситуации[2] остро нуждаются в психологическом обеспечении в целях повышения их эффективности[3] и результативности[4], то оперативно-розыскная психология помогает (способствует) правильно оценить с учетом личностных психофизиологических и социально-психологических качеств и свойств складывающуюся ситуацию, умело строить взаимоотношения в служебном коллективе, наконец, правильно ориентироваться в психологии граждан при решении возникающих оперативно-тактических задач.

Помимо вышерассмотренной закономерности три других также играют ключевую роль, а именно:

наличие устойчивой взаимосвязи всей системы психологического обеспечения ОРД и ее компонентов с такими явлениями как риски[5], вызовы[6] и современные угрозы[7], неожиданно проявляющиеся в виде совокупности внешних негативных факторов. Заметим, что такой конгломерат (механическое соединение) разнородных элементов между тем от их исследователей потребуется упорядочения и систематизации;

существующие взаимообусловленности между оперативно-розыскным противодействием и преступностью, включая киберпреступностью. Указанная закономерность предполагает использование достижений психологической науки, начиная с профессионального отбора сотрудников оперативных подразделений полиции, заканчивая изучения личностных качеств объектов оперативной заинтересованности для составления при необходимости психологического их портрета;

- выведение по результатам выборочного изучения в контексте психологического обеспечения своеобразной формулы: *«оперативно-розыскная психология как система = общая психология + юридическая психология + оперативно-розыскная психология»* [3, с. 36]. Личностные психофизиологические и социально-психологические качества и свойства, присущие в разрезе приведенной системы, характеризуют специфические особенности как субъектов ОРД, так и участников проводимых оперативно-розыскных мероприятий.

Укажем, получившую среди специалистов в области психологии [4, с. 17] наибольшее распространение точку зрения в части психологических и социально-психологических закономерностей, выступающих предметом оперативно-розыскной психологии.

В частности, к числу значимых психологических закономерностей относят:

- влияние психики субъектов ОРД на достижение ее результативности;

- влияние оперативно-розыскной работы на психику, прежде всего, субъектов ее осуществления. В свою очередь социально-психологическим закономерностям исследователи предпочитают включить:

- общения субъектов ОРД с другими ее участниками (граждане, лица, оказывающие оперативным подразделениям полиции содействие в различной форме;

- общения сотрудников оперативных аппаратов между собой и представителями других служб.

Приведенный перечень, на наш взгляд, не исчерпывающий, так как предметно-объектная составляющая оперативно-розыскной психологии весьма обширный и вряд ли укладывается в рассмотренные рамки. Многие исследователи [2; 5] придерживаются аналогичного мнения.

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы:

во-первых, психологическое обеспечение одновременно выступает, с одной стороны, как условие повышения эффективности ОРД, с другой – средство психологического воздействия на управляемую систему (названный вид деятельности в целом и его подсистемы). В юридической литературе имеются и иные точки зрения, ее сторонники утверждают, что психологическое обеспечение есть важное условие, от которого во многом зависит достижение намеченной цели, поскольку оно затрагивает психологическую характеристику личности, противоправного события и процесса реагирования. Анализируемый вид деятельности в таком ключе может быть представлен как базовое понятие, выполняющее обеспечительную функцию по отношению оперативно-розыскной работы;

во-вторых, психологическое обеспечение – динамический процесс, подверженный из-за воздействия внутренних и внешних факторов неожиданным изменениям. В связи с этим нет на сегодня «универсальной» методики его познания, так как она также не статична (не устойчивая). Современные внешние вызовы и угрозы продолжают оказывать существенное негативное воздействие на психологическое обеспечение, нацеливая тем самым на поиск адекватных ответных мер.

в-третьих, функция научного обеспечения прежде всего со стороны образовательных организаций и научных учреждений как и прежде продолжает оставаться первостепенной важности. Так, например, психологическое обеспечение содействия отдельных граждан оперативным подразделениям полиции как имеющее весьма сложную «конструкцию» предполагает: установление психологического контакта с объектом заинтересованности (доверительных отношений); формирование у интересующего лица интереса к контакту; поддержание его; преодоление психологических барьеров несовместимости; использование при установлении контакта психологического приема «косвенного побуждения» лица оперативной заинтересованно-

[1] Под закономерностью здесь и далее мы понимаем объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между личностью и преступной средой.
[2] Свидетельством тому является принятие резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН 24 декабря 2024 г. Конвенции ООН против киберпреступности. Это первый универсальный инструмент глобального масштаба, объединяющий усилия государств в борьбе с киберпреступностью и защищающий цифровые права граждан, обеспечивая устойчивое развитие цифровой экономики.
[3] Эффективность – качественный показатель деятельности оперативных подразделений полиции, выводимый через затраты ресурсов. Иначе говоря, данный термин следует понимать как достижение поставленных перед указанными подразделениями целей при условии соответствия затраченных усилий конечному результату.
[4] Результативность – количественный показатель деятельности, характеризующийся посредством анализа целенаправленного разделения и синтеза производительности труда, процессов и ресурсов.
[5] Риск – возможность нанесения ущерба национальным интересам в связи с реализацией угрозы экономической и иной безопасности.
[6] Вызовы, в нашем понимании – это совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы национальной безопасности.
[7] Угрозы – это комплекс условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальной безопасности.

сти; выбор предлога для знакомства с ним с помощью приемлемых для этого приемов; создание о себе благоприятного впечатления (внешний вид, голос и речь, внимание, обращение к потребностям и интересам интересующего лица (объекта). Такое внутреннее построение без предварительного глубокого теоретического осмысления трудно поддается познанию с целью получения оптимального варианта ответа на возникшую оперативно-тактическую ситуацию.

Список литературы:

1. Иванов П.И. Внедрение метода риск-ориентированного подхода в деятельность по оперативно-розыскному противодействию экономическим и коррупционным преступлениям (в порядке постановки проблемы) // Юристъ-Правоведъ. 2023, № 1 (104). С. 80-89.
2. Чуфаровский Ю.В. Психология в оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов. М.: Право и Закон. 1996. 128 с.
3. Синилов Г.К. Введение в оперативно-розыскную психологию: Лекция / Предисл. А.Ю. Шумилова. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. 36 с.
4. Аврутин Ю.Е., Пряхина М.В., Самарин Н.Ю., Статный В.М. Оперативно-розыскная психология: учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России. 2010. 252 с.
5. Черепанов В.А. Психологические вопросы оперативно-розыскной деятельности. М.: ВНИИ МВД СССР, 1981.

References:

1. Ivanov P.I. The introduction of the risk-based approach method in the activities of operational investigative counteraction to economic and corruption crimes (in the order of the problem statement) // Lawyer-Jurist. 2023, No. 1 (104). pp. 80-89.
2. Chufarovsky Yu.V. Psychology in the operational investigative activities of law enforcement agencies. Moscow: Pravo i Zakon. 1996. 128 p.
3. Sinilov G.K. Introduction to operational investigative psychology: A lecture / Preface by A.Y. Shumilov. Moscow: Shumilova I.I. Publishing House, 2006. 36 p.
4. Avrutin Yu.E., Pryakhina M.V., Samarin N.Yu., Statny V.M. Operational investigative psychology: a textbook. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. 252 p.
5. Cherepanov V.A. Psychological issues of operational-investigative activity. Moscow: VNII MVD of the USSR, 1981.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_521

УДК 343. 347.9: 004.9

ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРИНЦИПЫ И ВЫЗОВЫ
DIGITAL TRANSFORMATION OF JUSTICE: TOWARDS A MULTI-LEVEL MODEL OF LEGAL PRINCIPLES

БАКИРОВА Нургуль Жакыповна,
кандидат юридических наук.
720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Абдумомунова, 205.
E-mail: sarieva-1994@list.ru;
BAKIROVA Nurgul Zhakypovna,
Candidate of Legal Sciences.
Kyrgyz Republic, 720000, Bishkek, Abdumomunov Street, 205.
E-mail: sarieva-1994@list.ru
ORCID: 0009-0001-8618-3543

Краткая аннотация: *Цифровизация судебной деятельности приводит к трансформации процессуальных форм и требует переосмысления принципов правосудия. В статье обоснована межуровневая классификация принципов цифрового правосудия, включающая базовые, технологические и метасистемные ориентиры. Показано, что устойчивое развитие цифрового правосудия возможно при соблюдении баланса между инновациями, защитой прав человека, независимостью суда и обеспечением информационной безопасности.*

Abstract: *The digitalization of judicial activities transforms procedural forms and necessitates a reinterpretation of the principles of justice. This article substantiates a multi-level classification of the principles of digital justice, encompassing basic, technological, and meta-system strategic orientations. It is demonstrated that the sustainable development of digital justice is possible only when a balance is maintained between innovation, the protection of human rights, judicial independence, and the assurance of information security.*

Ключевые слова*: цифровое правосудие; принципы права; уголовный процесс; цифровая трансформация; доступ к правосудию; информационная безопасность; прозрачность; искусственный интеллект; технологическая нейтральность; интероперабельность*

Keywords: *digital justice; legal principles; criminal procedure; digital transformation; access to justice; information security; transparency; artificial intelligence; technological neutrality; interoperability.*

Для цитирования: *Бакирова Н.Ж. Цифровое правосудие как новая модель процессуального регулирования: принципы и вызовы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 521-524. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_521.*

For citation*: Bakirova N.Zh. Digital transformation of justice: towards a multi-level model of legal principles // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 521-524. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_521.*

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Изучение сущностного содержания принципов права в целом и принципов правосудия в частности традиционно занимает значимое место в юридической науке. Принципы права выступают не только фундаментальными мировоззренческими ориентирами для законодателя и правоприменителя, но и отражают глубинные исторические, социально-экономические и духовно-нравственные основания развития общества [1, с. 678-682]. В этой связи принципы не являются статичными или раз и навсегда заданными явлениями: они подвержены переосмыслению, уточнению и дополнению по мере эволюции общественных отношений.

Современный этап социального развития характеризуется интенсивной цифровой трансформацией, затрагивающей формы коммуникации, способы взаимодействия институтов государства с гражданами, механизмы обработки информации и структурирование правовых связей [2, с. 314-318]. Возникающие под влиянием цифровизации новые виды общественных отношений требуют включения их в сферу правового регулирования, что неизбежно приводит к необходимости адаптации самих принципов права. Иными словами, сформулированные в предшествующие эпохи правовые ориентиры, будучи универсальными по своей природе, не могут автоматически и в полной мере отвечать вызовам современных реалий без методологического и доктринального обновления.

В этом контексте особую значимость приобретает анализ содержательного наполнения принципов правосудия в условиях цифровой среды. Цифровизация не просто модифицирует отдельные процессуальные формы; она трансформирует архитектуру судебной деятельности, способы восприятия доказательственной информации, механизмы коммуникации между участниками процесса, а следовательно — влияет на саму природу осуществления правосудия [3, с. 102-104]. Именно поэтому исследование принципов цифрового правосудия представляет собой не частную или техническую задачу, а важное направление научного поиска, имеющее теоретическую и практическую значимость для развития современного уголовного судопроизводства и укрепления гарантий прав человека.

В современном мире цифровизация затрагивает все сферы общественной жизни — и правосудие не является исключением. В связи с чем, на фоне происходящих цифровых изменений судебной системы исследование темы принципов цифрового правосудия является актуальной. Связано это, на наш взгляд, тремя взаимосвязанными причинами: 1) пост-COVID-преобразования, 2) трансграничные юридические связи, 3) внедрение ИИ в судебной практике. Считаем, что феномены требуют не просто технических решений, но четкой нормативной и ценностной основы.

1. Пост-COVID как ускоритель изменений. Пандемия COVID-19 стала серьёзным шоком, который буквально «вынудил» судебные системы переосмыслить формы своей работы. Как отмечает Susskind, до кризиса цифровые технологии зачастую «наращивались» поверх традиционных процессов, и их использование рассматривалось как вспомогательный инструмент. Но с закрытием залов судов практически на мировом уровне возникла

насущная необходимость перевода слушаний, подачи документов и взаимодействий в онлайн-формат [4]. В этом контексте автоматизация старых процессов уже не просто полезна — она стала спасительной мерой для функционирования системы правосудия. Susskind говорит о «технологическом перевороте», когда мы переходим от идеи «суд — место» к концепции «суд — услуга», доступная онлайн, если нет фундаментальных оснований против [4]. Тем не менее именно в режиме «аврала» проявляются риски: непроверенные платформы, слабая интеграция, отсутствие гарантий процедурной справедливости. Поэтому важно уже на этапе проектирования закладывать принципы, чтобы не воспроизвести офлайн-недостатки в цифровом формате.

2. Трансграничность и взаимосвязь юрисдикций. Глобализация, рост числа трансграничных дел (торговых, семейных, наследственных, уголовных), распространение электронных контрактов и блокчейн-платформ требуют, чтобы судебные системы разных стран могли «сотрудничать» — обмениваться данными, признавать решения, работать по единым стандартам. В Евросоюзе эту задачу активно адресуют через стратегию e-Justice 2024–2028: именно под влиянием трансграничных аспектов цифровой трансформации придаются ключевые принципы, такие как интероперабельность, единые стандарты обмена данными, and «once-only» (не требовать одни и те же данные повторно) [5]. Кроме того, стратегия ЕС подчеркивает, что цифровые решения не должны усугублять неравенство между государствами членов, что требует «сглаживания цифрового разрыва» между регионами с разным уровнем инфраструктуры [5]. То есть, цифровое правосудие сегодня — это не изолированные национальные проекты, а часть системы транснационального правового взаимодействия.

3. Искусственный интеллект как вызов и ресурс Внедрение ИИ в судебную практику (автоматизация подготовки документов, помощь в анализе практики, маршрутизация дел, предиктивные модули) несёт огромные возможности по повышению эффективности и предсказуемости. Но оно также ставит перед правовой системой вопросы: как гарантировать объяснимость решений, принятых или поддерживаемых алгоритмами; как защитить стороны от алгоритмической предвзятости; как сохранить судебный контроль и право на пересмотр решения человеком. Европейская стратегия e-Justice прямо говорит, что цифровизация должна уважать фундаментальные права, независимость суда и право на защиту, и признаёт риск систем с предвзятыми алгоритмами [5].

На сегодняшний день, в юридической и специальной литературе уже рассматриваются предложения, что системы интеллектуальных систем, искусственный интеллект применяемые к сфере правосудия, должны относиться к категории «высокого риска» и быть объектом строгого регулирования с ориентацией на «human-in-the-loop» и оценки воздействия [6].

Указанные аспекты актуализируют необходимость детального изучения принципов цифрового правосудия, так как в них закладываются основные идеи цифровизации права, а именно:

- **Защита от технологического диктата**: без ориентиров на ценности и права цифровые инструменты легко захватывают инициативу, диктуя форму процесса.

- **Нормативная устойчивость**: принципы позволяют сохранять гибкость — технологии будут меняться — но удерживать ядро: справедливость, законность, доступность.

- **Легитимация и общественное доверие**: если пользователь (гражданин, участник процесса) видит, что система построена на принципах, а не «чёрном ящике», это создаёт чувство уверенности.

- **Совместимость и стандарты**: принципы формируют язык для межсистемных интерфейсов, оценки и сертификации.

Анализ имеющихся источников показал, что когда речь идет о принципах цифровизации правосудия, учеными выделяются ряд принципов, интерпретация которых не всегда являются согласованными между собою, и именно поэтому, нами предпринята попытка более детально рассмотреть данный вопрос. При этом нельзя упускать из виду то обстоятельство, что в рамках цифровой трансформации уголовного судопроизводства происходит эволюция правовых принципов — от универсальных к технологически детализированным ориентирам функционирования цифрового правосудия.

Следовательно, цифровая трансформация правосудия не сводится к внедрению ИКТ-инструментов. Она ведёт к переосмыслению самих оснований процессуальной деятельности суда. Это переосмысление проявляется, во-первых, в сохранении и адаптации базовых конституционно-процессуальных принципов; во-вторых, в формировании новых, именно цифровой средой, технологических и организационных ориентиров. В этой связи представляется целесообразным предложить следующую межуровневую классификацию принципов:

1. **Базовые (общеправовые, классические) принципы**: *законность; справедливость; гласность; независимость и объективность суда*; *непосредственность;* равенство и недискриминация; доступ к правосудию.

2. **Технологические (продиктованные цифровой средой) принципы:** ц*ифровая доступность; технологическая прозрачность и объяснимость; добровольность участия; информационная безопасность; инклюзивность; технологическая нейтральность; человеческий контроль (human-in-the-loop)*.

3. **Метасистемные (стратегические) принципы:** научная обоснованность; интероперабельность и межведомственная координация; подотчётность и этичность цифровых решений; непрерывность (resilience) правосудия; цифровой суверенитет судебной информации; поэтапность и пилотирование

I. Базовые (общеправовые) принципы

Данный уровень объединяет принципы, которые сохраняют универсальное значение и образуют нормативный фундамент цифрового правосудия, наполняясь новым содержанием под воздействием технологических изменений.

1. **Принцип законности** — остаётся ключевым ориентиром, требующим соблюдения нормативных предписаний и исключения про-

извольного применения технологий, не предусмотренных законодательством. Его реализация предполагает правовое закрепление новых процессуальных форм, соответствующих современным цифровым реалиям.

2. **Принцип справедливости** — выражает необходимость сохранения баланса между публичными и частными интересами, исключения дискриминации и обеспечения равного доступа к суду. В цифровом контексте он проявляется также как предпосылка формирования нового процессуального ориентира — **«интеллектуальной справедливости»**, предусматривающей этическое и правовое регулирование использования ИИ при вынесении судебных решений.

3. **Принцип гласности** — сохраняет своё конституционно-процессуальное значение, трансформируясь в совокупность категорий **открытости** (публичного доступа к информации о деятельности судов) и **публичности** (участия общества в контроле за судебной властью).

4. **Принцип независимости и объективности судебного корпуса** — требует адаптации к цифровым реалиям, включая защиту судей от кибервоздействий, манипуляций цифровыми данными и информационного давления в сети, а также формирование новых этических стандартов поведения в цифровой среде.

5. **Принцип непосредственности** — сохраняет фундаментальную значимость при исследовании доказательств, хотя формы его реализации меняются: часть доказательств представляется в электронном формате, при этом сохраняется личная оценка судьёй.

6. **Принцип равенства и недискриминации** — означает, что цифровые сервисы правосудия должны обеспечивать равные процессуальные возможности независимо от уровня цифровой грамотности, технических условий или социального статуса участников.

7. **Принцип доступа к правосудию** — остаётся базовым, а его цифровая проекция выражается в обеспечении технической, процедурной и финансовой доступности электронных форм обращения и участия в судебном процессе.

II. Технологические (цифровые) принципы

Эта группа охватывает принципы, возникшие вследствие цифровизации судебной деятельности и направленные на обеспечение технологической устойчивости, безопасности и предсказуемости правоприменения.

1. **Принцип цифровой доступности** — требует создания равных технических условий для всех граждан, устранения цифрового неравенства и обеспечения адаптивных интерфейсов, включая дистанционные форматы участия и бесплатный доступ к базовым сервисам.

2. **Принцип технологической прозрачности и объяснимости** — предусматривает открытость алгоритмов, понятность автоматизированных решений, ведение журналов (логов) цифровых действий и возможность аудита применяемых систем.

3. **Принцип добровольности** — закрепляет автономию воли участников, предоставляя им право выбора между традиционной и цифровой формой разбирательства при наличии равнозначной альтернативы и без ухудшения их процессуального положения.

4. **Принцип информационной безопасности** — гарантирует защиту данных, используемых в судопроизводстве, включая хранение информации на национальных серверах, регулярный аудит киберустойчивости и предотвращение несанкционированного вмешательства.

5. **Принцип инклюзивности** — ориентирован на обеспечение участия лиц с ограниченными возможностями, маломобильных и социально уязвимых категорий граждан, в том числе через использование адаптивных технологий.

6. **Принцип технологической нейтральности** — означает независимость юридических последствий процессуальных действий от конкретного программного обеспечения, при условии обеспечения эквивалентной надёжности и подлинности данных.

7. **Принцип человеческого контроля (human-in-the-loop)** — закрепляет приоритет судьи как субъекта, принимающего окончательное решение, и гарантирует невозможность полной автоматизации судебного разбирательства.

8. **Принцип юридической эквивалентности электронных и традиционных процессуальных форм** — устанавливает равную юридическую силу для электронных документов, протоколов и действий при соблюдении требований идентификации и аутентичности.

9. **Принцип доказательственной целостности и прослеживаемости (chain of custody)** — требует сохранения неизменности и проверяемости электронных доказательств на всех стадиях их получения, передачи и хранения.

10. **Принцип пропорциональности и минимизации данных** — предписывает соразмерность объёма собираемых, публикуемых и хранимых данных целям правосудия и защиту частной жизни участников процесса.

III. Метасистемные (стратегические) принципы

Эти принципы отражают стратегическое измерение цифровизации правосудия, определяя направления развития судебной политики и цифровой инфраструктуры.

1. **Принцип научной обоснованности** — требует, чтобы внедрение цифровых технологий в судопроизводство основывалось на научных данных, экспертной оценке, пилотных проектах (sandbox-подходе) и постоянной валидации цифровых решений.

2. **Принцип интероперабельности и межведомственной координации** — ориентирован на обеспечение совместимости судебных платформ с информационными системами других органов публичной власти, исключая дублирование и обеспечивая сквозное движение дела.

3. **Принцип подотчётности и этичности цифровых решений** — закрепляет ответственность разработчиков и органов власти за использование цифровых инструментов, а также необходимость этической экспертизы их воздействия на права человека.

4. **Принцип непрерывности (resilience) цифрового правосудия** — предполагает готовность судебной системы функционировать в чрезвычайных условиях (пандемии, кибератаки, отключения), обеспечивая устойчивый доступ к правосудию.

5. **Принцип цифрового суверенитета судебной информации** — устанавливает, что ключевые судебные данные и цифровые платформы должны находиться под национальной юрисдикцией для предотвращения внешнего вмешательства и соблюдения требований безопасности.

6. **Принцип поэтапности и пилотного внедрения** — означает, что цифровизация правосудия должна развиваться последовательно, с учётом апробации, правовой экспертизы и общественного мониторинга эффективности инноваций.

В целом, предложенная межуровневая классификация принципов цифрового правосудия демонстрирует внутреннюю преемственность между конституционными гарантиями, процессуальными стандартами и цифровыми инновациями. Она отражает движение современной юстиции от формальной модернизации процедур к осмысленному построению цифрового правосудия как гарантии прав человека в условиях технологической эры**.**

Таким образом, цифровизация правосудия выступает не только технологическим, но и глубоко правовым явлением, затрагивающим фундаментальные основания судебной деятельности. Цифровая среда не устраняет и не ослабляет базовые принципы правосудия, а, напротив, требует их более точного научного и нормативного переосмысления. Предложенная классификация принципов демонстрирует, что развитие цифрового правосудия возможно лишь при одновременном сохранении конституционно-правовых гарантий, формировании технологически выверенных процедур и стратегическом планировании архитектуры цифровой судебной системы. Реализация обозначенных принципов должна обеспечивать баланс между эффективностью и справедливостью, автоматизацией и человеческим участием, открытостью и защитой информации, инновациями и устойчивостью правосудия. Только при таких условиях цифровая трансформация судебной власти станет фактором укрепления демократических институтов, доверия общества к суду и гарантией реального осуществления права на справедливое судебное разбирательство в условиях технологической эпохи.

Список литературы:

1. Стуликова, Н. В. Принципы права: анализ содержательных параметров / Н. В. Стуликова // Российская наука: актуальные исследования и разработки: Сборник научных статей XIX Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 28 марта 2025 года. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2025. – С. 678-682.
2. Абдукаримова, Н. Э. Коомду санариптештирүү доорунда адамдын конституциялык жана санариптик укуктарын интеграциялоо жана трансформациялоо маселесине карата / Н. Э. Абдукаримова, К. А. Исаева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2024. – No. 6. – P. 314-318.
3. Абдукаримова, Н. Э. Цифровые права и эпоха трансформации цифрового общества / Н. Э. Абдукаримова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 1. – С. 102-104.
4. Richard Susskind. The Future of Courts // https://clp.law.harvard.edu/knowledge-hub/magazine/issues/remote-courts/the-future-of-courts/
5. European e-Justice Strategy 2024-2028 (C/2025/437) // https://eur-lex.europa.eu/legal-content/
6. Методика машинного обучения Human-in-the-Loop// https://habr.com/ru/articles/596353/

References:

1. Stulikova, N. V. Principles of law: an analysis of substantive parameters / N. V. Stulikova // Russian science: current research and development: Collection of scientific articles of the XIX All-Russian Scientific and Practical Conference, Samara, March 28, 2025. Samara: Samara State University of Economics, 2025, pp. 678-682.
2. Abdukarimova, N. E. Koomdu sanaripteshtiru dorunda adamdyn constitutionalyk zhana sanariptik ukuktaryn integrationaloo zhana transformationaloo maselesine karata / N. E. Abdukarimova, K. A. Isaeva // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. – 2024. – No. 6. – P. 314-318.
3. Abdukarimova, N. E. Digital rights and the era of transformation of the digital society / N. E. Abdukarimova // Agrarian and Land law. – 2025. – No. 1. – pp. 102-104.
4. Richard Susskind. The Future of Courts // https://clp.law.harvard.edu/knowledge-hub/magazine/issues/remote-courts/the-future-of-courts/
5. European e-Justice Strategy 2024-2028 (C/2025/437) // https://eur-lex.europa.eu/legal-content/
6. Human-in-the-Loop machine learning methodology// https://habr.com/ru/articles/596353/

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_525

УДК 343.3/.7

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ
SOCIO-LEGAL PREREQUISITES FOR CRIMINALIZATION SPREADING DELIBERATELY FALSE INFORMATION

БЕШУКОВА Зарема Муратовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет».
385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
E-mail: Zarema_b2008@mail.ru;

МЕРЕТУКОВА Маргарита Асланбиевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса,
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет».
385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
E-mail: M.meretukova@yandex.ru;

BESHUKOVA Zarema Muratovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Adygea State University".
208 Pervomayskaya St., Maykop, Republic of Adygea, 385000, Russia.
E-mail: Zarema_b2008@mail.ru;

MERETUKOVA Margarita Aslanbievna,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Adygea State University".
208 Pervomayskaya St., Maykop, Republic of Adygea, 385000, Russia.
E-mail: M.meretukova@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье проанализированы социально-правовые предпосылки установления уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации. Сделан вывод, что введение уголовно-правового запрета распространения заведомо ложной информации соответствует основным принципам криминализации, и в современных условиях является необходимой мерой, направленной на охрану жизни и здоровья человека, обеспечение общественной безопасности и сохранение нормального функционирования государственных институтов.*

Abstract: *the article analyzes the socio-legal prerequisites for the establishment of criminal liability for the dissemination of deliberately false information. It is concluded that the introduction of a criminal law ban on the dissemination of deliberately false information corresponds to the basic principles of criminalization, and in modern conditions is a necessary measure aimed at protecting human life and health, ensuring public safety and maintaining the normal functioning of state institutions.*

Ключевые слова: *ложная информация, недостоверная информация, фейки, инфодемия, фейкинг, общественная безопасность, общественный порядок, информационная безопасность, дезинформация, фальсификация, манипуляция, эффект снежного кома, психологическое воздействие, интернет, искусственный интеллект, нейросеть, социальные сети, киберпреступность, социально-правовые факторы, масс-медиа, СМИ, свобода слова, средства массовой информации, информационное пространство, экстремизм, пропаганда ненависти, искажение информации, массовые беспорядки, деструктивное влияние, верификация данных, фактчекинг, цифровые технологии, информационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, IT-технологии, информационное пространство, всемирная паутина, виртуальное пространство.*

Keywords: *false information, unreliable information, fakes, infodemia, faking, public safety, public order, information security, disinformation, falsification, manipulation, snowball effect, psychological impact, Internet, artificial intelligence, neural network, social networks, cybercrime, socio-legal factors, mass mediamedia, mass media, freedom of speech, mass media, information space, extremism, propaganda of non-discrimination, distortion of information, mass riots, destructive influence, data verification, fact checking, Keywords: digital technologies, information technologies, digitalization, digital transformation, IT technologies, information space, world Wide web, virtual space.*

Для цитирования: *Бешукова З.М., Меретукова М.А. Социально-правовые предпосылки криминализации распространения заведомо ложной информации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 525-527. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_525.*

For citation*: Beshukova Z.M., Meretukova M.A. Socio-legal prerequisites for criminalization spreading deliberately false information // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 525-527. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_525.*

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Цифровая трансформация, представляющая собой процесс масштабного внедрения современных информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека и общества, призвана улучшать качество жизни каждого человека и способствовать достижению общественно значимых результатов [1, с. 456-457]. Вместе с тем она порождает ряд новых вызовов и угроз, требующих особого внимания, в числе которых распространение ложной информации.

В условиях современного информационного пространства феномен фейков приобрел настолько серьезные масштабы, что в описании процессов распространения информации прочно вошел термин «эффект снежного кома», отражающий не только количественное увеличение информации, но и качественные изменения в процессе ее распространения. Сегодня ежедневно человек сталкивается с большим количеством информации, которая распространяется с высокой скоростью благодаря развитию цифровых технологий и глобальных сетей связи, а необходимость фильтрации растущих объемов доступной информации становится для него дополнительной нагрузкой. Это усложняет процессы принятия им решений, формирования стратегии выбора, затрудняет понимание важных социальных и политических вопросов либо и вовсе препятствует ему.

Кроме того, ложная информация в основной своей массе создается с целью психологической манипуляции, т.е. для того, чтобы изменить восприятие (или поведение) другого человека, чтобы он в конечном итоге действовал в соответствии с акцентом, сделанным в ней (ложной информации), в интересах манипулятора. А это зачастую приводит к негативным последствиям, как на индивидуальном, так и на коллективном (общественном) уровне.

Достаточно убедительным доказательством сказанного является ситуация, возникшая во время пандемии коронавирусной инфекции, когда ложная информация оказывала прямое воздействие на принятие решений. Люди отказывались делать прививку, что в свою очередь представляло реальную угрозу, как их собственному здоровью и жизни, так и других лиц. Кроме того, в кризисной ситуации ложная информация способствовала распространению паники. Так, слухи о скором дефиците продуктов провоцировали скупку товаров, в результате чего происходило их «вымывание» с полок магазинов и создавалось ложное ощущение нехватки продуктов.

В контексте изложенного необходимо вспомнить и то, что ложная информация во время пандемии способствовала поляризации общества, усиливая разногласия между различными группами людей. Именно в период пандемии во многих странах произошел скачок роста преступлений экстремистской направленности при общем снижении уровня преступности [2, с. 225]. Так, еще в мае 2020 г. Генеральный секретарь ООН охарактеризовал происходящее в мире не иначе как «цунами ненависти и ксенофобии» [3].

В этой связи, исходя из необходимости защиты общественных интересов, во многих странах мира выработаны различные механизмы противодействия распространению ложной информации, а в отдельных из них приняты меры по уголовному преследованию лиц, распространяющих такую информацию [4, с. 84-86].

В Российской Федерации распространение заведомо ложной информации криминализировано в 2020 г., что стало правовым ответом на появлявшиеся со стремительной скоростью в сети «Интернет» ложные новости о ситуации и принимаемых мерах по недопущению распространения заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией [5, с. 78-82]. Объем распространяемой ложной информации и частота соответствующих деяний были настолько беспрецедентными, что способом противодействия этому явлению было избрано исключительно крайнее средство государственного реагирования – уголовный закон. Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) был дополнен сразу двумя новыми статьями – 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия».

Важно отметить, что в условиях геополитической нестабильности проблема противодействия распространению ложной информации приобрела особую остроту, а уголовный закон получил новый импульс для своего дальнейшего развития в данном направлении. Так, в 2022 г. УК РФ дополнен новой статьей 207.3, регламентирующей ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, которая стала правовым ответом на действия коллективного Запада, ведущего информационную (информационно-психологическую) войну против России.

В юридической литературе отмечается, что «главным социально-политическим основанием криминализации является общественная опасность деяния – то есть его способность причинить вред интересам и отношениям, охраняемым уголовным законом» [6, с. 27]. Полагаем, что приведенные выше примеры позволяют с достоверностью утверждать, что на сегодняшний день социальная обусловленность введения уголовно-правового запрета распространения заведомо ложной информации сомнений не вызывает.

Правовыми предпосылками криминализации распространения заведомо ложной информации в первую очередь выступают положения Конституции Российской Федерации, в которых получили закрепление такие общечеловеческие ценности как правовая свобода, собственность, общественный правопорядок и государственная безопасность [7, с. 73-91]. Распространение недостоверной информации, как было отмечено ранее, способно причинить вред этим ценностям, создавая угрозы жизни и здоровью граждан, дестабилизируя общество и провоцируя массовые беспорядки. Например, ложные сведения о количестве погибших во время пожара в г. Кемерово в марте 2018 г., появившиеся в сети «Интернет», спровоцировали стихийный митинг, состоявшийся возле областной администрации [5, 78-82].

Кроме того, распространение заведомо ложной информации в определенной степени нарушает право граждан на получение достоверной информации. Следует констатировать, что в настоящее время главными источниками информации для большинства людей стали социальные сети. Изменение так называемого информационного ландшафта создало благоприятную среду для быстрого распространения недостоверной информации. Ложная информация распространяется через социальные сети значительно быстрее достоверной информации ввиду совокупности нескольких факторов. Во-первых, зачастую она содержит провокационные утверждения и эмоционально окрашенные слова, призванные поразить воображение. Во-вторых, алгоритмы социальных платформ приоритизируют контент по показателям вовлеченности, а не по критерию достоверности, что дополнительно усиливает «вирусное» распространение ложной информации. Тем самым создаются условия для дезинформации общественности и формирования искаженного представления о действительности. В итоге люди фактически искусственно лишаются доступа к достоверным сведениям, что представляет особую опасность в период кризисов, чрезвычайных ситуаций и конфликтов, когда любая недостоверная информация способна нанести значительный ущерб репутации органов государственной власти, спровоцировать недовольство среди населения и ухудшить положение дел.

Необходимо отметить также и то, что введение уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации способствует обеспечению информационной безопасности, которое возможно только при комплексном и системном подходе. Во-первых, распространение недостоверной информации может совершаться в целях дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации [8]. Такие деяния среди прочего могут нанести ущерб отношениям, связанным с формированием доверия к официальным источникам информации. Во-вторых, они

способствуют снижению уровня защищенности информационно-коммуникационной инфраструктуры, что ставит под сомнение надежность цифровых каналов взаимодействия власти и общества.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что в современный период установление уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации является необходимой мерой, направленной на охрану жизни и здоровья человека, обеспечение общественной безопасности и сохранение нормального функционирования государственных институтов.

Список литературы:

1. Бешукова З.М. Влияние информации в сети «Интернет» и социальных сетях на формирование экстремистских и террористических взглядов в молодежной среде // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23-24 марта 2023 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко; [сост. М.В. Ульянов, Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 456-461.

2. Бешукова З. М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2021. 632 с.

3. Генсек ООН: пандемия коронавируса вызвала «цунами ненависти и ксенофобии» в мире. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/05/08/829806-gensek-oon-prizval (дата обращения: 17.04.2025).

4. Бешукова З.М. Возраст наступления уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации в законодательстве России и зарубежных стран // Эпомен. 2024. № 90. С. 84-90.

5. Трахов А.И., Бешукова З.М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6. С. 78-82.

6. Дулькина Л.В. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2023. 187 с.

7. Авдеев Д.А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. № 2. С. 73-91.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

1. Beshukova Z.M. The influence of information on the Internet and social networks on the formation of extremist and terrorist views among young people // Criminal personality in a changing world (Dolgovsky readings): collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, March 23-24, 2023) / scientific ed. V.V. Merkuryev, Yu.A. Timoshenko; [comp. M.V. Ulyanov, R.V. Zakomoldin]; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Russian Federation. Moscow, 2023. pp. 456-461.

2. Beshukova Z. M. Mechanism of criminal legal counteraction to extremist activity: content, structure, main directions of optimization: dis. ...Dr. Jurid. sciences'. Krasnodar, 2021. 632 p.

3. UN Secretary General: the coronavirus pandemic has caused a "tsunami of hatred and xenophobia" in the world. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/05/08/829806-gensek-oon-prizval (date of appeal: 04/17/2025).

4. Beshukova Z.M. The age of criminal responsibility for the dissemination of knowingly false information in the legislation of Russia and foreign countries // Epom. 2024. № 90. pp. 84-90.

5. Trakhov A.I., Beshukova Z.M. Dissemination of deliberately false information (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): new types of crimes with a sign of publicity // Theory and practice of social development. 2020. No. 6. pp. 78-82.

6. Dulkina L.V. Criminal liability for the public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the performance by state bodies of the Russian Federation of their powers: dis. ... kand. jurid. sciences'. Stavropol, 2023. 187 p.

7. Avdeev D.A. Constitutional and legal values: concept, types and hierarchy // Bulletin of the Tyumen University. Socio-economic and legal studies. 2020. No. 2. pp. 73-91.

8. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400. [Electronic resource]. Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_528

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ФИЗИЧЕСКИХ МЕТОДАХ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ РУК И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ON THE ISSUE OF PHYSICAL METHODS FOR DETECTING HANDPRINTS AND IMPROVEMENT OF TECHNICAL AND FORENSIC SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF THE EXPERT UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES (CONTINUED)

ЧЕРВЯКОВ Михаил Эдуардович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебных экспертиз
Красноярского государственного аграрного университета.
660049, Россия, г.Красноярск, пр.Мира 90.
E-mail: mc256gt@gmail.com;

ВЛАСОВ Валерий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права и экологических экспертиз
Красноярского государственного аграрного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института МВД России, доцент кафедры государственного и муниципального управления
Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, действительный член РАЕН, член РАЮН,
член Совета Красноярского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».
660049, Россия, г.Красноярск, пр.Мира 90.
E-mail: vav.70@mail.ru;

CHERVYAKOV Mikhail E.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Examinations Krasnoyarsk State Agrarian University.
90 Mira ave., Krasnoyarsk, Russia, 660049.
E-mail: mc256gt@gmail.com;

VLASOV Valery Alexandrovich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Land Law and Environmental Expertise
Krasnoyarsk State Agrarian University, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration
Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
full member of the Russian Academy of Natural Sciences, member of the Russian Academy of Medical Sciences,
member of the Council of the Krasnoyarsk Regional Branch of the All-Russian public organization Association of Lawyers of Russia.
90 Mira Ave., Krasnoyarsk, 660049, Russia.
E-mail: vav.70@mail.ru

Краткая аннотация. *В настоящем исследовании авторами предпринята попытка изучения технико-криминалистические методов и средств, используемых для обнаружения невидимых и слабовидимых следов рук. Основное внимание уделено классу оптических и физических методов обнаружения, при этом в группе физических методов рассматриваются преимущественно метод, основанный на обработке поверхности предмета-носителя дактилоскопическим порошком. Сопоставляются возможности реализации метода выявления следов при помощи дактилоскопических порошков и существующие возможности их практического применения. В заключении высказывается ряд предложений по совершенствованию технико-криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних в части применения физических методов обнаружения следов рук.*

Abstract: *In this study, the authors attempt to examine forensic methods and tools used to detect invisible and faint fingerprints. The focus is on optical and physical detection methods, with the physical methods primarily focusing on a method based on treating the surface of the carrier object with fingerprint powder. The feasibility of fingerprint detection using fingerprint powders is compared with the current potential for their practical application. In conclusion, a number of proposals are made for improving the technical and forensic support of the activities of internal affairs agencies in terms of the use of physical methods for detecting fingerprints.*

Ключевые слова: *следы преступления, криминалистика, дактилоскопия, потожировые следы рук, невидимые и слабовидимые следы, методы обнаружения следов рук, папиллярные линии, дактилоскопические порошки, экспертно-криминалистические подразделения, органы внутренних дел.*

Key words: *traces of crime, forensic science, fingerprinting, sweat and grease fingerprints, invisible and faint traces, fingerprint detection methods, papillary lines, fingerprint powders, forensic science units, internal affairs agencies.*

Для цитирования: *Червяков М.Э., Власов В.А. К вопросу о физических методах обнаружения следов рук и совершенствовании технико-криминалистического обеспечения деятельности экспертных подразделений органов внутренних дел (продолжение) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 528-531. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_528.*

For citation*: Chervyakov M.E., Vlasov V.A. On the issue of physical methods for detecting handprints and improvement of technical and forensic support for the activities of the expert units of the internal affairs bodies (continued) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 528-531. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_528.*

Статья поступила в редакцию: 20.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

(начало в предыдущем номере)

Наличие того или иного фактора, а также их сочетание предполагает выбор определенного вида дактилоскопического порошка (группы порошков), наиболее подходящих для выявления потожирового следа руки на поверхности обнаруженных предметов.

Еще одной составляющей рекомендаций по применению порошкового метода составляют общие правила его реализации; система этих правил условно может быть разделена на две группы: первую образуют требования, предъявляемые к свойствам и состоянию дактилоскопических порошков, вторую – действиям по обработке исследуемой поверхности [3, С. 77-78].

Дактилоскопической порошок должен быть сухим, мелко истолченным, без комков, обладать хорошей адгезией (прилипанием) к следам, не окрашиваться поверхности, на которой они оставлены. Порошок не должен «забивать» проявляемые следы – то есть накаливаться в промежутках между отображениями папиллярных линий и делать неразличимым рисунок папиллярного узора. Надлежащим образом подобранный порошок сохраняет цвет и четкость деталей следа на следокопировальной пленке.

Приступая к непосредственной обработке дактилоскопическими порошками поверхности предмета, необходимо придерживаться следующих правил.

Прежде всего, следует проверить состояние предмета, на поверхность которого будет наноситься порошок. Если предмет влажный, то его рекомендуется высушить при комнатной температуре, и только потом наносить на него проявляющий состав. Не рекомендуется применять порошок на липких и замасленных поверхностях, исключение составляют порошки, специально предназначенные для этих целей.

При обработке поверхности должно быть соблюдено правило контраста: темная поверхность обрабатывается светлым порошком, светлая - темным. Нейтральные порошки имеют серый цвет и могут использоваться как на темных, так и на светлых поверхностях. На гладких поверхностях следует применять более мелкие по структуре порошки, на шероховатых – более крупные. Если следы не выявились одним порошком, может быть использован другой (например, с более выраженными адгезионными свойствами к данной поверхности) [2, С. 78].

Достаточно значимой представляется следующая рекомендация: прежде чем применять порошок, необходимо проверить его эффективность на нейтральном участке обрабатываемой поверхности. С этой целью на данном участке предмета оставляется экспериментальный потожировой след, и получившееся таким образом отображение проявляется выбранным порошком. Если в результате будет выявлен след надлежащего качества, то соответствующий порошок используется для обработки всей поверхности исследуемого объекта.

Третья группа положений по применению порошкового метода включает рекомендации, касающиеся выбора конкретного вида проявляющего состава в зависимости от материала поверхности, на которой могли быть оставлены потожировые следы рук. Такие рекомендации подробно описаны в специальной литературе [3, С. 90-91; 4, С.99-100; 5, С. 139-143].

В целом, следует сказать, что криминалистическая наука и практика разработала много эффективных средств реализации порошкового метода выявления следов рук; использование разработанных средств позволяет с высокой степенью эффективности выявлять невидимые и слабовидимые потожировые следы на большинстве материалов, на которых в принципе могут остаться пригодные для идентификации следы пальцев рук и ладонных поверхностей.

Вмесите с тем, сопоставление возможностей криминалистики с существующим техническим оснащением правоохранительных органов нашей страны приводит к мысли о том, что не все из этих возможностей используется в полной мере. Сказанное относится преимущественно к техническому оснащению экспертных подразделений органов внутренних дел, причем не столько высшего и регионального звена (где оно без преувеличения находится на уровне мировых образцов), сколько основного звена, функционирующего в системе «городской-районный-линейный отдел внутренних дел».

Поэтому в завершение данного исследования следует отметить несколько актуальных направлений совершенствования технического оснащения основного звена экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел в части реализации физического метода обнаружения латентных следов рук, преимущественно в форме применения порошкообразных проявляющих составов.

1. Представляется целесообразным оснащение экспертных подразделений техническими средствами, обеспечивающими автоматическую подачу порошка к обрабатываемой поверхности. Это могут быть волосяные (например, флейцевые) кисти, рукоять которых приспособлена под контейнер для хранения проявляющего состава и имеет встроенное устройство подачи порошка тонкой струей через рабочую часть кисти к обрабатываемой поверхности. Такими устройствами удобно обрабатывать большие по площади поверхности предметов: мебельные фасады, полотно двери, ограждающие строительные конструкции и т.п. Применение актуально в случаях, когда отсутствует возможность локализовать достаточно малую область, в пределах которой вероятнее всего находятся невидимые следы рук. Аналогичная задача может решаться использованием дактилоскопических аэрозолей [1, С.77].

2. Необходимо включить в состав носимых дактилоскопических наборов и универсальных наборов для работы со следами на месте происшествия дактилоскопические порошки с люминесцентными свойствами. В научно-практической литературе метод люминесценции в ультрафиолетовых лучах отнесен к самостоятельной разновидности физических методов обнаружения латентных следов рук, однако следует отметить, что применительно к потожировым следам он может быть реализован лишь при условии предварительной обработки поверхности специальными порошками, способными светиться в видимом диапазоне под воздействием ультрафиолетовых лучей. Метод особенно эффективен для выявления следов на многоцветных поверхностях, для которых трудно подобрать порошок, контрастирующей по тону со всей площадью обрабатываемой поверхности. Выпуск подобных порошков освоен российской промышленностью, к ним относятся составы на основе родамина, сульфида цинка, смеси, известные как «антрацен», «хризан», «ПМЛД-С» и др. [2, С. 73-74, 76].

3. Указанные выше комплекты технических средств целесообразно также оснастить дактилоскопическими составами, пригодными для выявления следов рук на предметах, покрытых слоем жидких и липучих веществ, а также поверхностях со сложной и неоднородной структурой.

Большинство дактилоскопических порошков не рекомендуется применять на влажных, липких и других подобных поверхностях, поскольку

из-за повышенной адгезии порошок на них удерживаться и не может быть удален простым «сметанием» дактилоскопической кистью с поверхности предмета. В результате при попадании на участки, контактировавшие с кожей рук, частицы порошка на таких предметах оседают также в областях, соответствующих промежуткам папиллярных линий, и след как таковой не проявляется.

Однако развитие научно-технического прогресса позволило разработать ряд материалов, способных избирательно осаждаться на участках, воспроизводящих строение папиллярных узоров кожи рук, даже когда обрабатываемая поверхность чем-то загрязнена.

В криминалистической литературе говориться о дактилоскопических порошках зарубежных производителей, способных выявлять следы на клейких и маслянистых поверхностях, приводятся их названия (ASP50D, ASP50L, Crystal violet и др.) [2, С. 77]. В условиях современных санкционных ограничений представляется необходимой разработка российских аналогов этих порошков. Если по каким-либо причинам широкое производство данных смесей в короткие сроки не представится возможным, задача обнаружения следов рук на поверхностях с повышенными адгезионными свойствами может быть решена применением других разновидностей физического метода обнаружения следов рук. Так, по состоянию на начало 2010-х годов российские производители освоили выпуск проявляющего состава, основу которого образует водная взвесь (суспензия) мельчайших частиц дисульфида молибдена в дистиллированной воде. Благодаря своим уникальным свойствам эти частицы осаждаются на жировых компонентах, содержащихся в следах, при этом они не удерживаются на других участках поверхности предмета. В специальной литературе данный вид физического метода обнаружения следов рук получил название «физические проявители» (англоязычное название – SPR, Small Particle Reagent) [2, С. 83-85].

Физические проявители выявляют следы на влажных поверхностях, поверхностях, покрытых осадками (соль, грязь, жир), например, на внешней стороне автомобилей в дождливую погоду или извлеченных из водоемов; применение обычных дактилоскопических порошков в этих условиях может повредить след. Суспензия дисульфида молибдена обеспечивает возможность выявления следов на таких поверхностях, как жирные стекла, железобетон, кирпич, камень, дерево, грубое и ржавое железо с гальваническим покрытием, оцинкованные металлы. SPR-метод допускается использовать на бумаге, картоне, восковых покрытиях, пластмассах, стекле, упаковочных материалах, имеются данные о возможности применения метода для выявления следов рук на клейкой стороне изоляционной ленты, ленты типа «скотч» после обработки их поверхности дополнительным проявляющим составом [6].

Суспензия дисульфида молибдена контрастирует следы рук в темно-серых штрихах на светлой поверхности и светло-серых – на темной. С определенной долей условности метод физического проявления может быть отнесен к числу универсальных, но у него тоже есть свои ограничения. Стекая с поверхности исследуемого объекта, суспензия оседает на предметы окружающей остановки и оставляет на них трудно выводимые пятна черного цвета. Сами обработанные предметы нуждаются в промывке водой для удаления остатков реактива перед фотографированием и изъятием следов. В связи с этим метод физического проявления может быть рекомендован скорее для лабораторных исследований, чем для выявления следов на месте происшествия. В то же время, наличие в экспертно-криминалистических подразделениях основного звена как дактилоскопических порошков, так и физических проявителей может способствовать гарантированному выявлению следов рук в случае их оставления на объектах в ходе совершения преступлений; ожидаемый рост числа выявляемых следов в таком случае будет обеспечиваться использованием комплекса методов обнаружения невидимых и слабовидимых отображений папиллярных узоров.

Отдельно следует сказать о необходимости оснащения экспертных подразделений органов внутренних дел дактилоскопическими порошками, позволяющими выявлять потожировые следы рук на поверхностях со сложной структурой.

Под термином «сложная структура» понимается поверхность, геометрия которой отличается от условно гладкой плоскости наличием на ней неровностей разного размера. Если гладкие поверхности способны отражать падающий на них свет параллельным пучком, в связи с чем они внешне воспринимаются как «полированные, зеркальные» то неровные и негладкие поверхности рассеивают свет, при этом размер образующих их нервностей может варьироваться в широких пределах. Выделяют пористые поверхности с микро- и макропорами (бумага, картон), шероховатые структуры (например, необработанные керамические материалы, штукатура) поверхности, образованные множеством фрагментов с повторяющейся геометрией (например, текстильные ткани). Две последнее группы поверхностей с определенной долей условности могут быть отнесены к категории сложных с точки зрения выявления находящихся на них потожировых следов. Практика показывает, что потожировые следы остаются даже на предметах с такими неоднородными поверхностями, но они, разумеется, не могут быть выявлены обычными дактилоскопическими порошками, для это необходимы особые составы и смеси.

Еще в период существования СССР отечественные ученые разработали смесевые порошки, позволяющие выявлять следы на текстильных тканях. В криминалистической литературе приводится название дактилоскопического порошка зарубежного производства, предназначенного для обнаружения невидимых следов рук на вощеных поверхностях (Sudan Black) [2, С. 77]. Существенный интерес представляют исследования коллектива авторов Волгоградской академии МВД СССР, которое в конце 1980-х годов разработали проявляющей состав на основе сложных неорганических соединений переходных металлов, показавших большую эффективность в выявлении потожировых следов на пористых и шероховатых поверхностях (неокрашенная древесинная, кожа, ткань, штукатурка и др.) [7].

Есть и важные практические рекомендации, например, атегорически запрещено в процессе осмотра документов оставлять на них любые пометки. В целях сохранения в первоначальном виде следов рук, которые могут быть обнаружены на документах и стать отдельными объектами исследования для другого рода экспертиз, необходимо использовать резиновые перчатки, пинцеты с резиновыми наконечниками [8]. При исследовании документов также можно использовать не только мобильный источник криминалистического света «Микс-450», который позволяет устанавливать факт воздействия на документ химических препаратов, восстанавливать первоначальное содержание угасших текстов, а также проводить исследования полиграфической продукции, снабженной специальными средствами защиты от подделки [9].

В основе выявления следов рук парами цианакрилатов, кроме адгезии и адсорбции, лежит способность эфиров цианакриловой кислоты вступать в реакцию полимеризации с аминокислотами потожирового вещества следа, которые закрепляют его и влекут окрашивание в белесый цвет. Метод является достаточно универсальным, но не рекомендуется для работы по пористым поверхностям. Выявлять следы рук парами цианакрилатов рекомендуется в специальных камерах, позволяющих работать с эфирами в замкнутом объеме, что ограничивает их неблагоприятное воздействие на человека и исключает неконтролируемую реакцию с некоторыми полимерами [10].

По конструкции и размеру цианакрилатные камеры делятся на стационарные и мобильные, которые могут быть только атмосферными. Стационарные камеры предназначены для лабораторий и по конструкции бывают как атмосферные, так и вакуумные [11].

Авторы настоящего исследования уже обращали внимание на то, что для того, чтобы выявить следы, а также зафиксировать «исходные точки» в механизме развития какого-либо события, необходимо обладать соответствующими специальными знаниями. Однако, это важный, но, по существу, только начальный этап в проведении экспертного исследования. Эксперту необходимо не только констатировать факт наличия тех или иных следов, но объяснить почему они возникли, какие действия или ситуации повлекли за собой их возникновения в том виде, в каком они были зафиксированы в материальной обстановке произошедшего события. Ответить на это вопрос можно, изучая объективные связи, которые возникают помимо воли и желания человека и соединяют в один причинно-следственный ряд противоправные действия конкретного лица и последствия совершенных деяний. Такие связи тоже носят неочевидный характер, и если первый вид неочевидности (невидимые невооруженным глазом следы) становится явными посредством использования специальной измерительной и диагностирующей аппаратуры, то вторая неочевидность требует привлечения теоретических знаний из области наук, обязующих понятийную и методологическую основу судебной экспертизы [12].

Как уже отмечалось, для выявления следов на неоднородных поверхностях может быть применена водная суспензию дисульфида молибдена, однако ряд побочных эффектов от использования этого метода делает актуальным использование в этих же целях дактилоскопических порошков в случае их наличия в арсенале эксперта-криминалиста. Наличие у отечественных исследователей значительного опыта в разработке составов, позволяющих выявлять потожировые следы на поверхностях со сложной структурой, позволяет утверждать о возможности их опытного, а затем и промышленного производства в случае, если, такая задач будет поставлена на уровне руководства правоохранительной системой.

Таким образом, повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений, в-первую очередь зависит от возможности осуществления качественного сбора первичной оперативной информации с места происшествия в виде дактилоскопических следов. Соответственно, оснащение экспертных подразделений органов внутренних дел дактилоскопическими порошками, обладающими такими специальными свойствами, позволит значительно расширить перечень объектов, на которых эксперты-криминалисты смогу выявлять потожировые следы рук.

Список литературы:

1. Селезнев, В.М. Дактилоскопическая экспертиза: понятие, возможности и порядок производства: учеб. пособие / В.М. Селезнев, М.Э. Червяков. - Краснояр. гос. аграр. ун.-т. - Красноярск, 2019. - 219 с.
2. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. - М.: Издательство Юрайт, 2011. - 724 с.
3. Руководство для следователей по осмотру места происшествия: учебно-практическое пособие / А.В. Боловинов, С.И. Данилова, Л.С. Корнева [и др.]; под ред. И.А. Попова, Г.Е. Костылевой, Н.Е. Муженской. - М.: Проспект, 2014. - 440 с.
4. Криминалистическая техника. Учебник / М.: ООО Издательство «Юрлитинформ, 2002. - 608 с.
5. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития / В.Е. Корноухов, Ю.Ю. Ярослав, Т.В. Яровенко. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. - 320 с.
6. Современные средства выявления следов рук [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.krim-market.ru (дата обращения: 12.07.2025 г.)
7. Бобырев, В.Г. Применение магнитного порошка для выявления следов рук на пористых поверхностях / В.Г. Бобырев, А.У. Гоглашвили // Экспертная практика и новые методы исследования. Экспресс-информация. 1989. Вып. 17. С 4-8.
8. Клещенко, Ю.Г. Особенности последующего этапа расследования преднамеренного банкротства / Ю.Г. Клещенко // Адвокатская практика. - 2021. - № 6. - С. 12 - 16.
9. Баринова, О.А. Использование мобильного источника криминалистического света «Микс-450» для обнаружения следов преступления / О.А. Баринова // Российский следователь. - 2020. - № 12. - С. 3 - 5.
10. Егоров, Н.Н. Протасевич А.А. Технология выявления следов рук при расследовании преступлений / Н.Н. Егоров, А.А. Протасевич // Российский следователь. - 2025. - №7. - С. 9 - 15.
11. Селезнев, В.М. Особенности выявления следов рук с применением эфиров цианакриловой кислоты / В.М. Селезнев, М.Э. Червяков // Вестник КрасГАУ. - 2014. - № 9. - С. 233, 235.
12. Власов, В.А. Актуальные вопросы применения системы специ-альных знаний в расследовании и предупреждении преступлений / В.А. Власов, М.Э. Червяков //Аграрное и земельное право. - 2024. - № 10 (238). - С. 264-268.

References:

1. Seleznev, V.M. Fingerprint examination: the concept, possibilities and procedure of production: studies. manual / V.M. Seleznev, M.E. Chervyakov. - Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, 2019, 219 p.
2. Practical guide on the production of forensic examinations for experts and specialists: practical. manual / edited by T.V. Averyanova, V.F. Statkus. Moscow: Yurayt Publishing House, 2011. 724 p.
3. A.V. Bolovinov, S.I. Danilova, L.S. Korneva, a guide for investigators to inspect the scene of an accident: an educational and practical guide [et al.]; edited by I.A. Popov, G.E. Kostyleva, N.E. Muzhenskaya. Moscow: Prospekt Publ., 2014, 440 p.
4. Forensic technology. Textbook / M.: LLC Publishing House "Yurlitinform, 2002. - 608 p.
5. Fingerprint examination: current state and development prospects / V.E. Kornoukhov, Yu. Yaroslav, T.V. Yarovenko. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. 320 p.
6. Modern means of detecting handprints [Electronic resource]. - Access mode: https://www.krim-market.ru (date of reference: 07/12/2025)
7. Bobyrev, V.G. The use of magnetic powder to detect handprints on porous surfaces / V.G. Bobyrev, A.U. Goglashvili // Expert practice and new research methods. Express information. 1989. Issue. 17. Pp. 4-8.
8. Kleshchenko, Yu.G. Features of the subsequent stage of the investigation of intentional bankruptcy / Yu.G. Kleshchenko // Law practice. - 2021. - No. 6. - pp. 12-16.
9. Barinova, O.A. Using a mobile forensic light source "Mix-450" to detect traces of a crime / O.A. Barinova // A Russian investigator. - 2020. - No. 12. - p. 3 - 5.
10. Egorov, N.N. Protasevich, A.A. Technology for detecting handprints in the investigation of crimes / N.N. Egorov, A.A. Protasevich // Russian investigator. - 2025. - No. 7. - pp. 9-15.
11. Seleznev, V.M. Features of detecting handprints using cyanoacrylic acid esters / V.M. Seleznev, M.E. Chervyakov // Bulletin of KrasGAU, 2014, No. 9, pp. 233, 235.
12. Vlasov, V.A. Actual issues of the application of the system of special knowledge in the investigation and prevention of crimes / V.A. Vlasov, M.E. Chervyakov //Agrarian and land law. - 2024. - № 10 (238). - Pp. 264-268.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_532

УДК 343.7

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF TAX CRIMES

ГААГ Ирина Анатольевна,
доцент кафедры "Уголовное право и процесс" Юридического института
ФГАОУ ВО "Севастопольский государственный университет", кандидат юридических наук, доцент.
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
e-mail: iagaag@sevsu.ru;

ЖИГАЛИН Геннадий Анатольевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Юридического института
ФГБОУ ВО "Кемеровский государственный университет", мировой судья в отставке.
650000, Россия, г. Кемерово, Красная улица, 6.
e-mail: gena170872@gmail.com;

GAAG Irina A.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process at the Law Institute
Sevastopol State University, PhD in Law, Associate Professor.
33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia.
e-mail: iagaag@sevsu.ru ;

ZHIGALIN Gennady Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology at the Law Institute
Kemerovo State University, retired Justice of the Peace.
650,000, Russia, Kemerovo, Krasnaya Street, 6.
e-mail: gena170872@gmail.com;

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу особенностей привлечения к уголовной ответственности за совершение налогового преступления. Актуальность привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере налогового законодательства связана с появлением новых схем уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов. Уголовное законодательство конкретизирует несколько специальных составов, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, сокрытие финансовых средств и имущества для целей налогообложения. Особенность таких деяний состоит в сложной системе действий, направленных на фальсификацию бухгалтерской и налоговой отчетности с целью сокращения налогового бремени или освобождения от него. Несмотря на достаточную законодательную проработку дискуссионными остаются многие вопросы уголовно-правовой характеристики налоговых правонарушений.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the peculiarities of bringing to criminal responsibility for committing a tax crime. The urgency of bringing to criminal responsibility for crimes in the field of tax legislation is associated with the emergence of new schemes of tax evasion and fees. The criminal law specifies several special formulations providing for liability for tax evasion, insurance premiums, concealment of financial resources and property for tax purposes. The objective side of such acts is a complex system of actions aimed at falsifying accounting and tax reporting in order to reduce or relieve the tax burden. Despite sufficient legislative elaboration, the issues of decriminalization and humanization of responsibility for tax offenses remain controversial.*

Ключевые слова: *декриминализация, налоги, налоговое преступление, налогоплательщик, сборы, состав преступления, уголовная ответственность, уклонение от уплаты, фальсификация, родовой объект, видовой объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.*

Keywords: *decriminalization, taxes, tax crime, taxpayer, fees, corpus delicti, criminal liability, tax evasion, falsification, generic object, specific object, objective side, subject, subjective side.*

Для цитирования: *Гааг И.А., Жигалин Г.А. Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики налоговых преступлений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 532-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_532.*

For citation*: Gaag I.A., Zhigalin G.A. Current issues of criminal law characteristics of tax crimes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 532-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_532.*

Статья поступила в редакцию: 25.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В основе современной налоговой системы лежит выполнение обязанности гражданами и организациями уплачивать установленные налоги, сборы и страховые взносы. Налоговые преступления в настоящее время привлекают к себе все больше внимания со стороны правоохранительных органов. При этом в зарубежных правовых системах за налоговой дисциплиной следят весьма пристально. Известны случаи привлечения к уголовной ответственности и осуждения к лишению свободы знаменитых американских актеров и спортсменов, среди которых Николас Кейдж, Уэсли Снайпс и другие. Последний в 2008 году был приговорен к трем годам тюремного заключения за неуплату налогов.

В российском медийном пространстве обсуждаются резонансные случаи привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов известных российских блогеров. Здесь стоит подчеркнуть, что до недавнего времени указанные преступления не представлялись как особо опасные деяния и редко приводили к серьезным последствиям со стороны нарушителей налогового законодательства. При этом еще в 2019 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации специально подчеркнул, что общественная опасность подобных преступлений заключается в непоступлении соответствующих денежных сумм в российскую бюджетную систему, что негативно может сказаться на исполнении государством социальных задач [12].

Правовую основу привлечения к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений составляет Уголовный кодекс Российской Федерации (Далее — УК РФ) [2].

В уголовном законодательстве предусмотрено несколько составов налоговых преступлений, среди которых ответственность установлена за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов как физическими лицами (ст. 198 УК РФ), так и юридическими лицами (ст. 199 УК РФ). В качестве самостоятельных составов преступления в статье 199.1 УК РФ декларируется ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента, в ст.199.2 УК РФ - за сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов, в ст.ст. 199.3 и 199.4 УК РФ за уклонение страхователя от уплаты страховых взносов [2].

Научный интерес представляют выводы, представленные в диссертации В.В. Ефимовой, которая предложила производить классификацию налоговых преступлений на основе их базовых признаков: вида неуплаченного налога; вида налогоплательщика и отдельных его характеристик; объекта налогообложения, подвергнутого искажению; вида действий (бездействия), повлекших получение необоснованной налоговой выгоды, неисчисление и неуплату налогов; характера первичных данных о преступлении [9, с. 20].

Рассматривая проблематику привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления, следует обратиться к доктринальной интерпретации вопроса о возбуждении уголовного дела. Значительный интерес представляет диссертационное исследование Г.В. Матусевича, предметом которого выступают поводы и основания для возбуждения уголовного дела [11], а также работа В.В. Кожакаря, исследующего специфику возбуждения уголовных дел [10].

Повод для возбуждения уголовного дела В.В. Кожакарь, полагает целесообразным рассматривать в виде формы сообщений об уголовно-наказуемом деянии, влекущие для уполномоченных государственных органов и должностных лиц обязанность разрешить вопрос о начале производства по уголовному делу или об отказе в этом [10, с. 8]. Само же понятие сообщения о преступлении В.В. Кожакарь определяет как «оформленную в соответствии с требованиями уголовно-процессуального и норм иного законодательства информацию о любом совершенном или готовящемся преступлении, формируемой в рамках уголовного судопроизводства» [10, с. 8].

Большинство процессуалистов уголовно-правового профиля соглашаются в характеристике повода к возбуждению уголовного дела и в интерпретации его в качестве определенного источника информации о готовящемся или совершенном налоговом противоправном деянии, содержащем признаки конкретного состава преступления.

В доктрине уголовного процессуального права возможно обнаружить разнообразие взглядов на систему поводов для возбуждения уголовного дела. Интересна авторская классификация Г.В. Матусевича, который дифференцирует поводы для возбуждения уголовного дела на активные и пассивные, публичные и частные. Активные, согласно аргументации исследователя, предполагают целенаправленный поиск информации о совершенном или готовящемся преступлении. Соответствующие должностные лица и государственные органы обязаны выявлять и пресекать преступления. В тех же случаях, когда данная информация возникает спонтанно — налицо повод пассивного происхождения [11, с. 10].

22 октября 2014 года Президент РФ В.В. Путин подписал Федеральный закон № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», вносящий поправки в УПК РФ о новом порядке возбуждения следователями «налоговых» уголовных дел [5]. Положительной оценки заслуживает уточнение понятия «возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации», под которым понимается уплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах с учетом представленного налоговым органом расчета размера пеней и штрафов.

Также изменения коснулись ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая была дополнена новыми частями: 7–9 [3]. Правовые нормы урегулировали особенности рассмотрения сообщения о преступлениях, связанных с уклонением от уплаты страховых взносов, которые предусмотрены статьями 199.3 и 199.4 УК РФ. Специфичность процедуры определяется содержательной частью страховых отношений, предметом которых выступает страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, и субъектным составом, который включает страхователя и страховщика, который представлен Социальным Фондом Российской Федерации и его территориальными подразделениями. Учитывая данные существенные признаки, законодатель посчитал необходимым возложить на следователя обязанность направлять в соответствующее территориальное подразделение Социального Фонда РФ копию сообщения о совершении противоправного деяния, выразившегося в уклонении от уплаты страховых взносов, подкрепленное предварительным расчетом.

Родовым объектом налогового преступления являются правоотношения в области экономики, тогда как видовой объект преступлений, сопряженных с нарушением налогового законодательства, составляют отношения, непосредственно связанные с уплатой налогов и прочих обязательных, в том числе страховых, сборов и взносов. Необходимо подчеркнуть, что налоговые преступления совершаются не только в отношении налогов, но и распространяются на все виды обязательных отчислений в бюджетные и небюджетные фонды, предусмотренные налоговым законодательством. Отдельно следует указать страховые взносы, которые непосредственно налоговыми платежами не являются. В части правовой квалификации следует отталкиваться от гипотезы и диспозиции статей 13-15, 18 и 18.1 Налогового кодекса РФ [4].

Объективная сторона состава преступлений данной группы включает в себя два элемента: во-первых, само действие (бездействие), повлекшее уклонение от уплаты налогов и иное нарушение налогового законодательства; во-вторых, крупный и особо крупный размер налогов, сборов и страховых взносов, которые должны были быть уплачены, но этого произведено не было. Следует особо подчеркнуть обязательность второго элемента объективной стороны деяния для того, чтобы стало возможным привлечение к уголовной ответственности. Положительным образом следует оценить конкретизацию величины крупного и особо крупного размеров применительно к каждому из составов, установленному статьями 198-199, 199.1-199.4 УК РФ.

Уклонение общепринято рассматривается в виде формы бездействия, однако применительно к налоговому преступлению данная категория представляется более сложной конструкцией, включающей всё разнообразие способов сокращения налогового бремени, в том числе посредством

совершения активных действий, например, фальсификации документов бухгалтерского и налогового учетов. В настоящее время налоговым и следственным органам известны различные схемы уклонения от уплаты налогов, среди которых популярность получило, так называемое, «дробление бизнеса», как имело место быть в случае с известными блогерами Еленой Блиновской, Валерией Чекалиной и другими. Данный способ заключается в создании несколько компаний, сумма выручки которых не превышает необходимого предела для льготного налогообложения или функционирующие на основе упрощенной системы налогообложения.

В такой схеме налоговые декларации не фальсифицируются и ложные сведения не содержат. Более того сам налогоплательщик или налоговый агент не уклоняется от обязанности по представлению налоговой отчетности, тем самым создается видимость добросовестного поведения. Однако, более глубокий анализ предпринимательских цепочек и хозяйственной деятельности позволяет выявить, что субъект преступления, реализуя единую предпринимательскую деятельность, создает несколько коммерческих юридических лиц или дополнительно регистрирует индивидуальных предпринимателей. В данной ситуации обнаруживаются несколько противоречий. С одной стороны, российское законодательство не содержит количественного ограничения относительно организаций, которое может учредить физическое или юридическое лицо. С другой стороны, в уголовно-правовую плоскость указанные действия переходят в тот момент, когда лица предпринимают перечисленные действия исключительно с намерением нарушить налоговое законодательство и сохранить имущество, не передавая его в качестве страхового взноса или налога. Позволяют выявить подобные схемы как прямые, так и косвенные доказательства, например, взаимозависимость компаний; единый вид предпринимательской деятельности, совпадающие контрагенты, контакты, единые товарные знаки и т. д.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 51 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» содержит ключевые разъяснения, затрагивающие квалификацию объективной стороны данного вида преступлений [12]. В пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ раскрывается, что противоправность деяния сводится к намеренному включению в налоговой отчетности заведомо ложных и не соответствующих действительности сведений, которые влияют на правильное исчисление и уплату налогов. Наиболее часто искажается информация об объекте налогообложения, о расчете налоговой базы, наличии налоговых льгот или вычетов.

В качестве способа уклонения от уплаты налоговых платежей квалифицируются и умышленная регистрация в субъектах Российской Федерации, в которых применяются льготные налоговые режимы, в то время как фактическая хозяйственная деятельность осуществляется в иных регионах. В качестве доказательств приводятся IP-адреса, логистические связи и др.

Субъектами налоговых преступлений выступают налогоплательщики (российские граждане, иностранные граждане, лица без гражданства, индивидуальные предпринимателя, нотариусы, адвокаты). Согласно пунктам 6 и 7 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 51 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» разъясняется субъектная составляющая налоговых преступлений, предусмотренных статьями 198 и 199 УК РФ. При уклонении от уплаты налоговых и иных обязательных сборов физическими лицами к уголовной ответственности может быть привлечен лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. Дискуссионным вопросом остается проблема соотношения налогового и уголовного законодательства в части дееспособности лица. Известны случаи, когда несовершеннолетний не исполняет налоговую обязанность и размер ущерба оценивается как крупный или особо крупный, например, в случае с наследованием крупного бизнеса. Несмотря на то, что существует проблема неуплаты налогов несовершеннолетними, к уголовной ответственности их можно привлечь исключительно по достижении ими шестнадцатилетнего возраста, вне зависимости от установления факта совершения деяния, предусмотренного статьями 198 УК РФ. Возрастное ограничение связано с психофизическими особенностями подростковой группы, которые не позволяют им в полной мере осознавать всю общественную опасность уклонения от уплаты налогов и иных сборов.

Субъектный состав преступления, представленный в статье 199 УК РФ, включает круг лиц, ответственных за подписание и представление соответствующей налоговой декларации и прочей отчетности, необходимой для целей налогообложения. Наиболее распространенными лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, в соответствии с предписаниями указанной статьи, являются руководители юридических лиц.

Субъективную сторону налогового преступления составляет исключительно прямой умысел. Действительно, обычная неуплата налогов и прочих сборов, тем более в небольшом размере, не влечет уголовной ответственности. При этом конструирование и применение схем обхода налогового законодательства не может быть неосторожным деянием, а лица, которые совершают соответствующее налоговое преступление всегда действуют осознанно и намерено, движимые мотивом уклониться от уплаты налогов и сборов.

Одним из дискуссионных вопросов остаётся полемика о декриминализации налоговых преступлений. В пользу тезиса о либерализации ответственности за совершение налоговых правонарушений высказываются значительное числе авторов. В.Е. Батюкова также полагает оправданной гуманизацию уголовного законодательства в части «налоговых составов» [7, с. 33].

В настоящее время при условии полного возмещения всей суммы недоимок по налоговым платежам, включая штрафные санкции, субъект преступления освобождается от уголовной ответственности (часть3 приложения к статье 198 УК РФ, часть2 приложения к статье 199 УК РФ). Положения части 2 приложения к статье 199 УК РФ не распространяется на лиц, допустивших рецидив вменяемого состава преступления. Гуманизация уголовной ответственности по «налоговым составам» оправдана и с экономической точки зрения, и с позиции установления адекватного и разумного правового регулирования исходя из степени общественной опасности соответствующих действий. Безусловно, если лицо является злостным нарушителем налогового законодательства, неоднократно привлекаемого к уголовной ответственности за неуплату налогов, подобный либеральный подход был бы неприемлемым, и скорее всего неэффективным.

Согласно позиции В.В. Власенко «наличие возбужденного уголовного дела в отношении лица, подлежащего освобождению от уголовной ответственности в связи с совершением иного преступления, не является препятствием для освобождения от уголовной ответственности» [8, с. 85]. В

данном случае юридическое значение имеет только факт привлечения к уголовной ответственности исключительно по «налоговым составам».

Подводя итог, следует констатировать оправданность привлечения к уголовной ответственности лиц, допускающих неоднократность и злостность при уклонении от исполнения налоговой обязанности при условии квалификации размера налоговых недоимок в крупном и особо крупном размере. Несмотря на мнимую безобидность налогового преступления, декриминализация указанных деяний представляется преждевременной мерой.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.09.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г. № 226-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. От 8 августа 2024 г. № 267-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.09.2024).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с посл. изм. и доп. От 8 августа 2024 г. № 294-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.09.2024).
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с посл. изм. и доп. От 8 августа 2024 г. № 294-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.09.2024).
6. Федеральный закон № 308-ФЗ от 22 октября 2014 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.09.2024).
7. Батюкова В.Е. Современная уголовно-правовая политика в сфере налоговых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. - 2023. - № 6. - С.32-34.
8. Власенко В.В. Совершение впервые преступления, предусмотренного ст. Ст. 198, 199, 199. 1 УК РФ, как условие освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (Ч. 1 ст. 76. 1 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. - 2013. - №4. - С.83-87.
9. Ефимова В.В. Расследование современных схем налоговых преступлений : автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2023. - 27 с.
10. Кожакарь В.В. Возбуждение уголовного дела : вопросы теории и практики : автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2016. - 35 с.
11. Матусевич Г.В. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела : автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2004. - 37 с.
12. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 51 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL:http://www.vsrf.ru/ (датаобращения: 12.09.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993. (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:http://pravo.gov.ru / (date of request: 09/12/2024).
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended. dated August 8, 2024, No. 226-FZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Article 2954.
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (with the following amendments and addenda). Dated August 8, 2024 No. 267-FZ) // The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru / (date of appeal: 09/12/2024).
4. The Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998 No. 146-FZ (with amendments and additions). Dated August 8, 2024 No. 294-FZ) // The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru / (accessed 12.09.2024).
5. The Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000 No. 117-FZ (with amendments and additions). Dated August 8, 2024 No. 294-FZ) // The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru / (date of application: 09/12/2024).
6. Federal Law No. 308-FZ of October 22, 2014 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru / (accessed 12.09.2024).
7. Batyukova V.E. Modern criminal law policy in the field of tax crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 6. - pp.32-34.
8. Vlasenko V.V. Committing for the first time a crime under Articles 198, 199, 199.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as a condition for exemption from criminal liability in cases of crimes in the field of economic activity (Part 1 of Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2013. - No.4. - pp.83-87.
9. Efimova V.V. Investigation of modern tax crime schemes : abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences'. Moscow, 2023. - 27 p.
10. Kozhakar V.V. Initiation of a criminal case : issues of theory and practice : abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences'. Moscow, 2016. - 35 p.
11. Matusevich G.V. Reasons and grounds for initiating a criminal case : abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences'. Moscow, 2004. - 37 p.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 26, 2019 No. 51 "On the practice of applying legislation on liability for tax crimes by courts" // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL:http://www.vsrf.ru / (date of access: 09/12/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_536

УДК 343.98.06

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ СКЛОНЕНИЯ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
THEORETICAL AND PRACTICAL PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR INVESTIGATION OF THE TENDENCY TO USE NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

КОЛОБОВА Анастасия Александровна,
Адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, улица Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.
E-mail: asy.khr13@mail.ru;

KOLOBOVA Anastasia Alexandrovna,
Adjunct of the 3rd faculty of training scientific and scientific-pedagogical personnel
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8 bldg. 1.
E-mail: asy.khr13@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются теоретические и практические предпосылки для разработки частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных со склонением к потреблению наркотических средств и психотропных веществ. Делается вывод о том, что настоящая методика, разработанная на основе анализа сложившейся практики склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ в совокупности с научными положениями криминалистики, поспособствует решению выделенных в статье проблемных аспектов, а также сокращению количества совершаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.*

Abstract: *The article examines the theoretical and practical prerequisites for the development of a private forensic methodology for investigating crimes related to the inducement to consume narcotic drugs and psychotropic substances. It is concluded that the present methodology, developed on the basis of an analysis of the established practice of inducing the use of narcotic drugs and psychotropic substances in combination with scientific provisions of forensic science, will contribute to the solution of the problematic aspects identified in the article, as well as to the reduction of the number of crimes committed in the sphere of illegal drug trafficking.*

Ключевые слова: *частная методика, предпосылки, склонение, наркотические средства, психотропные вещества.*
Keywords: *private methodology, prerequisites, inclination, narcotic drugs, psychotropic substances.*

Для цитирования: *Колобова А.А. Теоретико-практические предпосылки разработки методики расследования склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 536-538. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_536.*
For citation*: Kolobova A.A. Theoretical and practical prerequisites for the development of a methodology for investigation of the tendency to use narcotic drugs and psychotropic substances // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 536-538. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_536.*

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Немедицинское употребление наркотических веществ признано ООН одной из ключевых глобальных угроз, подрывающих безопасность, права человека и устойчивое развитие общества. При этом статистика фиксирует неуклонный рост числа потребителей наркотиков во всем мире.

В России, согласно данным региональных антинаркотических комиссий, около 8,2 млн человек хотя бы раз пробовали запрещенные вещества, а 1,2 млн употребляют их систематически или время от времени [1]. Динамика смертности от наркопотребления подтверждает масштаб проблемы: если в 2019 году погибли 6344 человека, то к 2023 году этот показатель вырос до примерно 10 400 случаев [1].

Расширение наркорынка не только наносит значительный экономический ущерб, но и способствует росту преступности, включая незаконный оборот наркотиков и правонарушения, связанные с их воздействием.

Борьба с наркоманией – ключевой элемент государственной политики в сфере национальной безопасности. Особое значение имеет профилактика, направленная на предотвращение вовлечения населения в употребление запрещённых веществ. Согласно исследованиям, 40–80% людей впервые пробуют наркотики под влиянием окружающих [2].

Склонение к наркопотреблению – одна из самых опасных форм распространения наркотиков, поскольку способствует расширению незаконного оборота, особенно среди молодёжи. Активную деятельность по вовлечению к употреблению наркотиков осуществляют лица, непосредственно незаконно употребляющие их, что ведёт к росту спроса и применению новых методов вовлечения. В связи с этим критически важно совершенствовать методы выявления, расследования и раскрытия подобных преступлений.

Не смотря на повышенную общественную опасность, данному преступлению не уделяется должного внимания со стороны правоприменителей и исследователей, что порождает ряд следующих проблем.

Первым указателем на недостаточное внимание со стороны правоприменительной практики является отсутствие сведений в официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации (Далее МВД РФ) о состоянии преступности за год. В настоящем отчёте предоставлены данные по всем преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, за исключением склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, что на наш взгляд недопустимо, поскольку не позволяет увидеть реальную обстановку и оценить обще-

ственную опасность.

Для понимания количества зарегистрированных преступлений по склонению к потреблению наркотических средств и психотропных веществ необходимо обращаться к ведомственной правовой статистике (Далее – ВПС). Так в 2022 зарегистрировано 106 преступлений таких преступлений, в 2023 – 128, в 2024 их количество увеличилось до 303 [3]. Считаем, что такой низкий показатель зарегистрированных преступлений обусловлен отсутствием методических рекомендаций по выявлению, расследованию и раскрытию данных преступлений и отсутствием должного внимания со стороны должностных лиц, расследующих преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Стоит отметить, что в исследовании Т.М. Клименко 1999 года приведена статистика по склонению к потреблению по состоянию на 1998 год, которая находится в перечисленных нами пределах [4]. Следовательно, мы видим, что за 25 лет отсутствие практических рекомендаций по выявлению, расследованию и раскрытию склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, сказывается на практической деятельности правоохранительных органов.

На сегодняшний день, в науке криминалистике разработаны практические рекомендации по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в том числе по сбыту, хранению, пересылке, изготовлению, хищению, перевозке, контрабанде, следовательно благодаря своевременному криминалистическому обеспечению органы предварительного расследования знают, как расследовать и раскрывать данные преступления, практика их расследования может расходится незначительно. В то время, как отсутствие исследований по методике расследования склонения к потреблению приводит к тому, что правоохранители действуют либо по сложившейся практике отдела полиции, которая может быть неоднозначной или же вовсе забывают о данном преступлении при расследовании иных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Исследуя судебную практику, можно сделать вывод об отсутствии устоявшейся практики расследования склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, а также неоднородности правоприменения при принятии решения судами.

Так, из материалов дела следует, что «органами предварительного расследования Ф. инкриминируют совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст. 230 УК РФ - склонение к потреблению наркотических средств в подтверждение версии обвинения суду представлены: показания самого Ф., показания свидетелей И., О. и Н. которые подтвердили в судебном заседании. Данные показания свидетельствуют о том, что Ф. просто предлагал Н. употребить наркотическое средство («манагу»). Исходя из этого, суд приходит к выводу о том, что отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 230 УК РФ, ввиду отсутствия активных действий Ф. направленных на склонение Н. к потреблению наркотического средства [5].

При том, что из материалов другого дела следует, что О., находившийся со своей сожительницей А. у себя дома склонил последнюю к потреблению наркотического средства, содержащего в своем составе масло каннабиса (гашишное масло). В подтверждение версии обвинения суду представлены показания самого О. и сожительницы А., при этом суд принял решение о назначении наказания в виде лишения свободы на срок 3 (три) года [6].

Хотим отметить, что согласно анализу судебных решений, 70% из них указывают на то, что склонение к потреблению совершается в совокупности со сбытом или хранением наркотических средств, а выявляется в ходе смерти или причинения вреда здоровью потерпевшему.

Анализ научной литературы указывает на отсутствие частной методики расследования склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ на фоне существования большого количества частных методик по расследованию иных преступлений в данной сфере. При отсутствии за столько лет должного криминалистического обеспечения в части разработки рекомендаций по расследованию традиционного склонения к потреблению наркотиков, практика сталкивается с новым вызовом.

Комиссией Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России установлены многочисленные факты массового склонения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») молодого, репродуктивного населения России к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также навязывания представителями иностранных государств с использованием вышеуказанных средств информации идеологии «безопасности» наркопотребления и «безвредности» опийных наркотиков для беременных женщин. Указанные действия, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), являются общественно опасными, поскольку охватывают многомилионную аудиторию, существенной частью которой являются несовершеннолетние, а также способствуют созданию устойчивого спроса на наркотики и ведут к расширению сбыта запрещенных веществ. При этом технические возможности сети «Интернет», используемые для создания и распространения информации о наркотиках и склонения лиц к их потреблению, позволяют с минимальными затратами реализовать преступный замысел (анонимность, трансграничный характер, оперативность и быстрота распространения, охват широкой аудитории). В этих целях злоумышленниками широко используются различные социальные сети, интернет-площадки популярных форумов, ресурсы крупных тематических сайтов, свободный доступ к которым имеет неограниченное число пользователей [7]. В связи с чем, в Уголовный кодекс Российской Федерации внесен соответствующий квалифицирующий признак, предусматривающий склонение к потреблению наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Хотим отметить, что согласно данным статистики в период с 2021 года (с момента введения квалифицирующего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» по настоящее время нет ни одного обвинительного приговора. Согласно статистическим отчётам, за январь 2025 года вынесено 34 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и лишь 1 преступление по склонению к потреблению наркотических средств и психотропных веществ с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть

«Интернет») зарегистрировано [8]. Что свидетельствует о том, что отсутствие научно-обоснованных рекомендаций по выявлению, расследованию и раскрытию склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ является значительным пробелом, требующим устранения, как в науке криминалистике, так и в правоприменительной деятельности.

Таким образом, мы видим следующие проблемные аспекты в теории науки криминалистики и правоприменительной деятельности. Во-первых, недостаточное внимание или полное его отсутствие на анализируемое преступление со стороны исследователей (отсутствие теоретических разработок на фоне многочисленных методик расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков) и практических сотрудников (отражение в статистических отчётах). Существенным отличием склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ от иных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков является психическое воздействие на лицо. Отдельно хочется отметить существующие сложности при выявлении и расследовании, такие как: высокая латентность данных преступлений, сложность в доказывании умысла, отсутствие материальных доказательств (предмета), а также появление новых способов воздействия. Во-вторых, неоднозначность следственной и судебной практики, а также её незначительное количество, которое остаётся неизменным на протяжении более 25 лет. В-третьих, практическая необходимость, вызванная переходом от традиционного способа склонения к новому, более сложному «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Ключевые параметры следственной деятельности, как эффективность, результативность и качество, равно как и её дальнейшее развитие, находятся в прямой зависимости от уровня научно-методического обеспечения органов предварительного расследования. При этом, ресурсное обеспечение криминалистической науки получает свою практическую реализацию через методику расследования преступлений, в которой органично сочетаются специфические особенности применения криминалистической техники и тактических приемов, характерные для расследования конкретных видов преступлений.

В связи с этим современные отечественные исследователи в области криминалистики сосредотачивают свои научные изыскания на разработке частных криминалистических методик расследования преступлений и совершенствование существующих, обоснованно признавая за ней первостепенное значение в процессе раскрытия и расследования преступлений. На наш взгляд, разработка методики расследования склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ поспособствует решению вышеперечисленных проблемных аспектов, а также сокращению количества совершаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Таким образом, для повышения эффективности следственной деятельности, устранения существующего пробела в науке необходимо разработать частную методику расследования склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, которая с присущим ей наличием общих свойств и особенностей психического воздействия, высокой латентностью, развитием способов совершения преступления в части использования современных средств коммуникации, может занять отдельное место в системе частных криминалистических методик.

Список литературы:

1. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году. М., 2021. С. 6.; Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2022 году М., 2022. С. 9; Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 году (выдержка). М., 2024. С. 4.

2. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств в Российской Федерации. Региональные различия: монография / под ред. О.А. Евлановой. М., 2013. С. 15

3. ГИАЦ МВД России. Форма: статические сборники «Сводный отчет по России о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, и лицах, их совершивших (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429)» за 2022–2024. Доступ из ИСОД МВД России

4. Клименко Т.М. Уголовно-правовые проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (особенности юридического анализа и квалификации): дис. канд. юр. наук наук: 12.00.08. - Саратов, 1999. - 238 с.

5. Приговор № 1-1-4/2021 от 18 марта 2021 г. по делу № 1-1-4/2021 URL: https://sudact.ru/regular/doc/If9Wv3roDCWP (дата обращения 16.03.2025).

6. Приговор № 1-1-51/2018 от 24 июля 2018 г. по делу № 1-1-51/2018 URL: https://sudact.ru/regular/doc/yYYDYr15C5gP (дата обращения 16.01.2025).

7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. ГИАЦ МВД России. Форма: Сведения о выявленных и предварительно расследованных преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (сформирован с учетом требования приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за январь 2025 года. Доступ из ИСОД МВД России

References:

1. Report on the drug situation in the Russian Federation in 2020. Moscow, 2021. Page 6.; Report on the drug situation in the Russian Federation in 2022. Moscow, 2022. Page 9; Report on the drug situation in the Russian Federation in 2023 (extract). Moscow, 2024. Page 4.

2. The state of crime in the sphere of illegal drug trafficking in the Russian Federation. Regional differences: monograph / edited by O.A. Evlanova. Moscow, 2013. Page 15.

3.GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Form: static collections "Summary report on Russia on crimes related to illicit trafficking in narcotic Drugs, psychotropic substances and their Precursors or Analogues, potent substances, plants (or parts thereof) containing narcotic drugs or psychotropic substances or their precursors, new potentially dangerous psychoactive substances, and persons who have committed them(formed taking into account the requirements of the order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 07/03/2023 No. 429)" for 2022-2024. Access from the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia

4. Klimenko T.M. Criminal law problems of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances (features of legal analysis and qualification): PhD Candidate of Law Sciences: 12.00.08. Saratov, 1999. 238 p

5. Verdict No. 1-1-4/2021 dated March 18, 2021 in case No. 1-1-4/2021 URL: https://sudact.ru/regular/doc/If9Wv3roDCWP (accessed 03/16/2025).

6. Verdict No. 1-1-51/2018 dated July 24, 2018 in case No. 1-1-51/2018 URL: https://sudact.ru/regular/doc/yYYDYr15C5gP (accessed 16.01.2025).

7. Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to Article 230 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Access from ConsultantPlus legal reference system.

8. GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Form: Information on identified and previously investigated crimes committed using information and telecommunication technologies or in the field of computer information (formed taking into account the requirements of the order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 07/03/2023 No. 429) for January 2025. Access from the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_539

УДК 343.21

ЭКСТРАДИЦИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
EXTRADITION AND HUMAN RIGHTS

МИРОНОВ Анатолий Николаевич,
соискатель Института государства и права РАН,
заведующий филиалом № 5 Московской коллегии адвокатов «Защита» в г. Солнечногорске.
141503, Россия, Московская область, г. Солнечногорск, ул. Советская, д. 9.
E-mail: miran2021@yandex.ru;

MIRONOV Anatoly Nikolaevich,
Candidate of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Head of Branch No. 5 of the Moscow Bar Association "Protection" in Solnechnogorsk.
9 Sovetskaya str., Solnechnogorsk, Moscow region, 141503, Russia.
E-mail: miran2021@yandex.ru

Краткая аннотация: *В теории уголовного права продолжаются споры практически по всем юридическим аспектам института экстрадиции, начиная с определения его правовой природы и правовых истоков и заканчивая вопросами целесообразности подготовки унифицированного национального нормативного правового акта, посвященного данному вопросу. С точки зрения прав человека при экстрадиции в первую очередь возникают вопросы запрета применения смертной казни, а также недопущения дискриминации, пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания. Объектом исследования является экстрадиция как межотраслевой институт международного сотрудничества государств в области борьбы с преступностью, предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений, а также отправления правосудия. Новизна исследования заключается в постановке проблемы соотношения института амнистии с институтом прав человека, поскольку ранее в научной литературе так вопрос не рассматривался. Практическое применение результатов исследования заключается в решении вопросов гармонизации и унификации международного права и выработки единой модели для более эффективного развития и реализации процедур экстрадиции.*

Abstract. *In the theory of criminal law, disputes continue on almost all legal aspects of the institution of extradition, starting with the definition of its legal nature and legal origins and ending with the issues of the expediency of preparing a unified national normative legal act on this issue. From the point of view of human rights, extradition primarily raises issues of prohibiting the use of the death penalty, as well as the prevention of discrimination, torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. The object of the research is extradition as an interdisciplinary institute of international cooperation between States in the field of combating crime, preventing, detecting, solving and investigating crimes, as well as the administration of justice. The novelty of the study lies in the formulation of the problem of the relationship between the institute of amnesty and the institute of human rights, since previously the issue had not been considered in this way in the scientific literature. The practical application of the research results is to address issues of harmonization and unification of international law and to develop a unified model for more effective development and implementation of extradition procedures.*

Ключевые слова: *экстрадиция, выдача лица, передача лиц, смертная казнь, пытки, дискриминация, правовая помощь, экстрадиционное право, международное право, уголовное право.*

Keywords: *extradition, extradition of a person, transfer of persons, death penalty, torture, discrimination, legal assistance, extradition law, international law, criminal law.*

Для цитирования: *Миронов А.Н. Экстрадиция и права человека // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 539-542. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_539.*

For citation*: Mironov A.N. Extradition and human rights // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 539-542. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_539.*

Статья поступила в редакцию: 15.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Обеспечение прав человека при экстрадиции в первую очередь охватывает запрет смертной казни [1], дискриминации, пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания. В литературе выделяются и иные обстоятельства: соблюдение процессуальных гарантий в отношении экстрадируемого, non bis in idem (с лат. – «не дважды за одно и то же») и т. д. «Однако ... надо иметь в виду, что защита лица, подвергающегося процедуре экстрадиции, зачастую производится не напрямую, а как бы “опосредованно”, через защиту тех прав, которые предусматривают соответствующие универсальные и региональные международные инструменты...» (*Сафаров Н. А.* Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 120).

В ряду запретов первой вполне обоснованно стоит смертная казнь. В этом виде наказания сошлись воедино два важных составляющих: во-первых, инструмент осуществления уголовной политики государства и, во-вторых, право на жизнь. Именно в связи с последним обстоятельством смертная казнь перестала быть внутренним делом отдельного государства, став предметом особого внимания международного сообщества. Этот вид уголовного наказания в последнее время упоминается во многих международно-правовых актах, посвященных правам человека [2, 3].

Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 1950) предусматривает охрану права на жизнь каждого индивида [4]. Протокол № 6 к Конвенции (Страсбург, 1953) провозгласил (ст. 1): «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен».

Этот Протокол стал первым международно-правовым актом, запретившим указанный вид наказания; следовательно, государства, являющиеся участниками этой Конвенции, приняли на себя обязательство исключить смертную казнь из числа национальных мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступление. Надо особо отметить, что Конвенция и Протокол к ней охраняют не жизнь, а право на жизнь, защищают индивида от лишения его жизни государством.

Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах пошел дальше упомянутого Протокола № 6. Если последний допускал смертную казнь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны, то Протокол № 13 провозглашает ее абсолютную отмену. При этом согласно ст. 2 Протокола отступление от его положений, частичная их отмена (дерогация) не допускаются [5].

Европейская конвенция о выдаче (Париж, 1957) содержит специальную норму, регламентирующую экстрадицию лица за совершенное дея-

ние, которое законодательством запрашивающего государства наказывается смертной казнью. В ст. 11 Конвенции говорится: «Если преступление, в связи с которым запрашивается выдача, наказуемо смертной казнью в соответствии с законом запрашивающей Стороны, и если в отношении такого преступления смертная казнь не предусматривается законом запрашиваемой Стороны или обычно не приводится в исполнение, в выдаче может быть отказано, если запрашивающая Сторона не представит таких гарантий, которые запрашиваемая Сторона считает достаточными, о том, что смертный приговор не будет приведен в исполнение».

Типовой договор ООН о выдаче, принятый резолюцией 45/116 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г., в числе факультативных оснований для отказа (ст. 4) называет и возможность назначения запрашивающим государством наказания в виде смертной казни. Преодолеть это препятствие можно лишь представив запрашиваемому государству достаточные гарантии не наказывать экстрадируемого таким образом.

Положение о гарантиях в рассматриваемой ситуации, ставшее в международном праве обязательным, воспринято национальным законодательством ряда стран (Франции, Швейцарии и др.).

Как нам представляется, Азербайджанская Республика является единственным государством на постсоветском пространстве, принявшим специальный закон «О выдаче (экстрадиции) лиц, совершивших преступление» (Баку, 2001) (Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2001. № 386). Закон допускает отказ в выдаче запрашиваемого лица, если за преступление, являющееся основанием для выдачи лица, законодательством запрашивающего иностранного государства предусмотрена смертная казнь.

Достаточность гарантий, о которой говорится в конвенциях, – понятие оценочное. Исходя из смысла международно-правовых актов, можно предположить, что речь идет о таком их уровне, который безусловно свидетельствуют о неисполнении запрашивающим государством смертного приговора, если он уже постановлен, или об отказе от назначения судом смертной казни. При этом, как обоснованно заметил А. Б. Мезяев, необходимо, чтобы указанные гарантии были выданы органом иностранного государства, обладающим соответствующими полномочиями согласно национальному законодательству [6, с. 86].

А. Б. Мезяев также считает необходимым учитывать и общую ситуацию в запрашивающем государстве, закрепив данный критерий приемлемости гарантий запрашивающей стороны в законе [6, с. 86]. Н. А. Сафаров, в целом соглашаясь с этим предложением, высказывает ряд оговорок. Он пишет: «Ситуация, связанная с соблюдением основных прав и свобод человека, обеспечением законности и правопорядка в запрашивающем государстве при наличии риска вынесения смертного приговора, непременно должна быть предметом оценки... Однако даже наличие “постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека” в конкретном государстве еще не дает оснований для утверждения, что лицу будет угрожать применение пыток или какого-либо запрещенного обращения. Необходимы конкретные данные, указывающие, что опасность будет угрожать лично тому индивиду, в отношении которого предпринимаются меры по его ... выдаче» (Сафаров Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 136).

Руководство по вопросам взаимной правовой помощи и экстрадиции, подготовленное Управлением ООН по наркотикам и преступности (Вена, 2012), в ситуации, когда внутреннее законодательство запрашиваемого государства содержит положения об отказе в экстрадиции на основании возможного назначения смертной казни, рекомендует этому государство следующие варианты действий:

1) попытаться заручиться гарантиями запрашивающего государства или получить от него информацию о том, что если подозреваемый будет признан виновным и осужден, смертная казнь назначена не будет;

2) если это юридически возможно, вести дело в своей юрисдикции, учитывая общность преступлений;

3) добиваться возвращения подозреваемого из запрашивающего государства по вынесении приговора, с тем чтобы данное лицо отбывало наказание в юрисдикции запрашиваемого государства.

«Даже если запрашиваемое государство, – говорится в указанном Руководстве, – имеет конституциональные или иные запреты на экстрадицию в государство, где за инкриминируемое преступление возможна смертная казнь, оно, вероятно, может уважительно отнестись к просьбе этого запрашивающего государства и при этом соблюсти свои юридические и/или конституционные обязательства» (Руководство по вопросам взаимной правовой помощи и экстрадиции. Нью-Йорк, 2012. С. 51).

Следует сказать, что выдача лица запрашивающему государству за преступление, которое наказывается смертной казнью, аккумулирует ряд проблем, игнорирование которых может привести к нарушению прав и законных интересов экстрадируемого, международных обязательств государства в сфере защиты права на жизнь, наконец, к ответственности последнего. Разумеется, суть вопроса глубже и сложнее, чем просто несоблюдение соответствующих правил экстрадиции; она обусловлена, по нашему мнению, диалектическим противоречием, объективно существующим между двумя межотраслевыми институтами: оказания в различной форме правовой помощи по уголовным делам в рамках межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и обеспечением прав человека при его экстрадиции. Целью первого является привлечение лица к уголовной ответственности, целью второго, в частности, выступают гарантии права на жизнь. Следовательно, коллизии между указанными институтами кроются в самой их природе. Избежать этого можно только одним способом: законодательно обеспечить совместимость нормативных правовых актов, образующих правовую базу экстрадиции и сферы обеспечения прав человека. В этом должны быть заинтересованы оба государства, участвующие в процедуре выдачи преступника. При создании угрозы нарушения фундаментальных прав человека международные учреждения и национальные суды признают приоритет прав человека, вытекающих из международных или межгосударственных правозащитных договоров.

Таким образом, фактор защиты прав человека при решении вопросов об экстрадиции лица должен играть главенствующую роль, не исключающую в том числе и отказ от выдачи преступника, использование вместо этого института иных форм международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

В международных актах и юридической литературе большое внимание уделяется защите экстрадируемого от дискриминации, т. е. ограничения прав и свобод человека или различного обращения с ним исходя из его возраста, цвета кожи, внешности, роста, веса, здоровья, психического расстройства, инвалидности, этнической принадлежности, семейного положения, национальности, вероисповедания, образования и т. д. [7]

Как и относительно смертной казни, запрет дискриминации нашел отражение не только в международных актах общего и специального характера, но и в национальном законодательстве.

В ст. 2 Всеобщей декларации прав человека (1948) говорится: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, несамоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете». По сути, аналогичное положение закреплено в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966). В соответствии со ст. 14 Конвенции о защите прав человека и свобод «пользование правами и свободами ... должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации...» Протокол № 12 от 4 ноября 2000 г. исключил оговорку, ограничивающую права человека и свободы только теми из них, которые были оговорены в указанной Конвенции. Сам заголовок ст. 1 Протокола – «Общее запрещение дискриминации» – свидетельствует о том, что запрет дискриминации распространяется не только на права, защищаемые Конвенцией, но и на иные права человека. Текст этой статьи гласит: «Пользование любым правом, установленным законом, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.

Никто не может быть подвергнут дискриминации со стороны каких бы то ни было публичных властей...».

Положения о запрете дискриминации содержатся в конституциях большинства государств. Так, в ст. 19 Конституции РФ закреплены гарантии равенства всех перед законом и судом, прав и свобод граждан. В Российской Федерации запрещены любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Запрет дискриминации, сам по себе имеющий непреходящее значение, особый характер получает в сфере экстрадиции. Его игнорирование ведет не только к нарушению фундаментальных прав и свобод человека, но и искажает цель, для реализации которой осуществляется выдача преступника запрашиваемым государством. В этом случае экстрадиция как международно-правовой институт используется для решения совершенно иных задач, а не осуществления правосудия. Выдача лица в такой ситуации фактически означает не что иное, как согласие на неизбежное нарушение его прав.

Согласно ч. 2 ст. 3 Европейской конвенции о выдаче запрашиваемая сторона может отказать в экстрадиции, если у нее имеются «существенные основания полагать, что просьба о выдаче в связи с обычным уголовным преступлением была сделана с целью судебного преследования или наказания лица в связи с его расой, религией, национальностью или политическими убеждениями, или что положению этого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин».

Недопустимость пытки и другого жестокого или унижающего достоинство обращения и наказания в отношении экстрадируемых отражена в ряде международно-правовых актов. Это обстоятельство органично связано с таким правом индивида, как личная неприкосновенность и человеческое достоинство. Именно поэтому правило о запрете пыток не подлежит дерогации, оно носит универсальный характер.

Согласно ст. 3 Конвенции о правах человека и основных свобод «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Это требование является абсолютным, отступление от его исполнения не предусмотрено даже в чрезвычайных ситуациях (ст. 15 Конвенции). Аналогичное положение закреплено и в ч. 2 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

Помимо конвенций, регламентирующих процедуру экстрадиции, правовая защита от пыток обеспечивается и специальными международными актами – Конвенцией ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания 1984 г. и Европейской конвенцией по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство видов обращения или наказания 1987 г.

В соответствии со ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания государство не должно выдавать лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.

В Конвенции дается определение пытки. Она означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо, в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

А. И. Бойцов считает, что «лапидарность в указанных актах (Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания 1984 г., Конвенции о правах человека и основных свобод. – *А. М.)* формулировок оставляет открытым вопрос о том, что же такое пытка...» [8, с. 754]

Вряд ли с этим утверждением можно согласиться. Конечно, дефиницию пытки можно представить и в более развернутом виде, однако глав-

ное заключается в полноте представленных признаков дефинируемого определения. Перечневый метод, использованный в международном акте при описании пытки, бесспорно, имеет недостатки, но в целом, на наш взгляд, характеристика рассматриваемого понятия является информативной, приемлемой для использования в процедуре экстрадиции. Российский законодатель, описывая пытку вначале в примечании к ст. 117, а затем в примечании к ст. 286 УК РФ, за основу принял, как явствует из указанных определений, международно-правовое определение пытки.

Если пытка получила законодательное определение, то этого нельзя сказать в отношении обращения, которое может быть признано жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство человека. К тому же следует заметить, что перечень подобного отношения в международных актах оставлен открытым, что не исключает признания таковым и другого воздействия на экстрадируемого, причиняющего ему страдания. Проблема усложняется еще и тем, что выдача сама по себе как таковая, а также связанные с ней процедуры, естественно, включают в себя элементы страданий.

По мнению А. И. Бойцова, основывающегося на постановлениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), «унижением человеческого достоинства можно считать такие виды обращения, которые направлены на то, чтобы вызвать в жертвах чувство страха, подавленности и неполноценности, порождающее у них ощущение униженности и попранности, или сломить их волю, физические и моральные способности к сопротивлению. Для того чтобы признать какие-либо действия причиняющими нравственные страдания, может оказаться достаточным даже унижение потерпевшего в собственных глазах. Рассматриваемый запрет на подобное обращение преследует, таким образом, цель защиты не столько физической, сколько моральной целостности человеческой личности» [8, с. 754–755].

Как уже говорилось, запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения имеет универсальный характер. Он предусмотрен не только специальными международными и национальными актами, регламентирующими процедуру экстрадиции, но международным гуманитарным правом. Иными словами, рассматриваемый запрет является императивным экстрадиционным требованием не только в условиях мирного времени, но и при вооруженных конфликтах. Так, в ст. 3 Конвенции о защите гражданского населения во время войны (Женева, 1949) говорится: «...запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия...

а) посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;

<...>

с) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение».

Статья 4 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) 1977 г., расширяет указанный перечень, дополнительно включая в него: посягательство на психическое состояние лица, любые формы телесного наказания, коллективные наказания, изнасилование, принуждение к проституции, угрозу совершения указанных деяний.

Профессор Берлинского университета А. В. Гефтер еще во второй половине XIX в. писал: «Право войны не допускает дурного обращения с пленными, произвольных действий, всякого рода насилий...» [9, с. 246].

Коротко подведем итоги.

1. Правила о запрете пытки, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания имеют универсальный характер, не подлежат дерогации, закреплены не только в специальных международных и национальных актах, регламентирующих экстрадицию, но и в актах международного гуманитарного права.

2. Достаточностью гарантий, выданных органом государства, обладающим соответствующими полномочиями согласно национальному законодательству, исходя из смысла международно-правовых актов, следует признавать такой их уровень, который безусловно свидетельствует о неисполнении запрашивающим государством смертного приговора, если он уже постановлен, или об отказе от назначения судом смертной казни.

3. Диалектическое противоречие между оказанием правовой помощи в рамках межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и обеспечением прав человека при его экстрадиции кроется в самой природе этих институтов. Избежать коллизии можно законодательно обеспечив совместимость нормативных правовых актов, образующих их правовую базу, в чем должны быть заинтересованы государства, участвующие в процедуре выдачи преступника. При создании угрозы нарушения фундаментальных прав человека международные учреждения и национальные суды признают приоритет прав человека, вытекающих из международных или межгосударственных правозащитных договоров.

Список литературы:

1. Пихов А. Международные договоры об экстрадиции и проблема смертной казни в Российской Федерации // Юридический мир. 2005. № 11. С. 79–80.
2. Мезяев А. Б. Проблема смертной казни в региональном международном праве // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 125–154.
3. Решетников Ф. М. Смертная казнь в современном мире // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 93–104.
4. Комментарий к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. М., 2002. 334 с.
5. Тузмухамедов Б. Р. Протокол об отмене смертной казни // Московский журнал международного права. 2024. № 2. С. 266–270.
6. Мезяев А. Б. Международные договоры об экстрадиции и проблемы смертной казни // Государство и право. 2003. № 3. С. 79–87.
7. Защита личности от дискриминации / под ред. А. К. Соболевой. М., 2009. 424 с.
8. Бойцов А. И. Выдача преступников. СПб., 2004. 1130 с.
9. Гефтер А. В. Европейское международное право / пер. с нем. К. Таубе; предис. Ф. Ф. Мартенса. СПб., 1880. 619 с.

References:

1. Pikhov A. International treaties on extradition and the problem of the death penalty in the Russian Federation // Legal World. 2005. No. 11. pp. 79-80.
2. Mezyaev A. B. The problem of the death penalty in regional international law // Moscow Journal of International Law. 2001. No. 2. pp. 125-154.
3. Reshetnikov F. M. The death penalty in the modern world // Journal of Russian Law. 1997. No. 6. pp. 93-104.
4. Commentary to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Practice of its application / edited by V. A. Tumanov, L. M. Entin, M., 2002. 334 p.
5. Tuzmukhamedov B. R. Protocol on the abolition of the death penalty // Moscow Journal of International Law. 2024. No. 2. pp. 266-270.
6. Mezyaev A. B. International treaties on extradition and problems of the death penalty // State and law. 2003. No. 3. pp. 79-87.
7. Protection of the individual from discrimination / edited by A. K. Soboleva, Moscow, 2009. 424 p.
8. Boytsov A. I. Extradition of criminals. St. Petersburg, 2004. 1130 p.
9. Gefter A.V. European international law / translated from German by K. Taube; preface by F. F. Martens. St. Petersburg, 1880. 619 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_543

УДК 343.7

ПРИОБРЕТЕНИЕ ИЛИ СБЫТ ИМУЩЕСТВА, ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ
ACQUISITION OR SALE OF PROPERTY OBTAINED BY CRIMINAL MEANS: QUESTIONS OF INTERPRETATION OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SIGNS

ЗАМАРАЕВ Вадим Игоревич,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.
655000, Россия, Республика Хакасия, Абакан, проспект Ленина, 92/1.
E-mail: vadim.zamaraev.95@mail.ru;

ZAMARAEV Vadim Igorevich,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines Institute of History and Law Khakass State University them. N.F. Katanova.
655000, Abakan, Republic of Khakassia, Russian Federation.
E-mail: vadim.zamaraev.95@mail.ru

Краткая аннотация. *В данной статье рассматриваются спорные вопросы квалификации статьи 175 УК РФ. Автором предпринята попытка рассмотреть элементы уголовно-правовой характеристики приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем. Рассматриваются проблемы в определении непосредственного объекта, субъекта, объективной и субъективной стороны данного преступления. Кроме того, в статье разграничивается приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем от легализации (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. Предлагаются конкретные пути решения исследуемых проблемных вопросов.*

Abstract. *This article discusses the controversial issues of qualification of Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author attempts to consider the elements of the criminal law characteristics of the acquisition or sale of property obtained by criminal means. The problems in determining the direct object, subject, objective and subjective side of this crime are considered. In addition, the article distinguishes the acquisition or sale of property obtained by criminal means from the legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons by criminal means. Specific ways of solving the studied problematic issues are proposed.*

Ключевые слова. *Статья 175 УК РФ, приобретение имущества, сбыт имущества, приобретение имущества с целью его сбыта, предикатные преступления, прикосновенность к преступлению.*

Keywords. *Article 175 of the Criminal Code, acquisition of property, sale of property, acquisition of property for the purpose of its sale, predicate crimes, involvement in a crime.*

Для цитирования: *Замараев В.И. Приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем: вопросы толкования объективных и субъективных признаков // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 543-547. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_543.*

For citation*: Zamaraev V.I. Acquisition or sale of property obtained by criminal means: questions of interpretation of objective and subjective signs // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 543-547. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_543.*

Статья поступила в редакцию: 25.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Преступления в виде «приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным» путем, образуют не только фундамент теневой экономики, но и наносят экономический вред государству, а также препятствуют раскрытию и расследованию предикатных преступлений, что приводит к дестабилизации деятельности органов правосудия и порядка управления.

Согласно статистическим сведениям о состоянии судимости заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, не относится к числу распространенных преступлений в Российской Федерации относительно, например, той же кражи.

Динамика официально зарегистрированной преступности по ст. 175 УК РФ за 5 лет демонстрирует плавное снижение роста данных преступлений.

Так, сводные статистические сведения о состоянии судимости в Российской Федерации, представляемые Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ, показывают следующую динамику: всего в 2023 г. было осуждено 520 чел.; в 2022 г. – 603 чел.; в 2021 г. – 635 чел.; в 2020 г. – 720 чел.; в 2019 г. – 842 чел.[1]. Получается, что динамика преступлений, предусмотренных ст. 175 УК РФ показывает следующее отрицательно значение – 27,7%.

Однако, как отмечают исследователи, низкие официальные статистические данные свидетельствуют о высоком уровне латентности исследуемого преступления. Данный вывод, по их мнению, вытекает из несоразмерности зарегистрированных преступлений и реальных фактов похищенного имущества [1, с. 3].

Другой возможной причиной таких низких показателей являются трудности в квалификации данного преступления [2; 3, с. 52].

Несмотря на продолжительное существование ст. 175 УК РФ, в действующем уголовном законе и в настоящее время имеется ряд дискуссионных аспектов в вопросах квалификации приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, а также в определении объективных и субъективных признаков данного преступления.

Очевидно, что ст. 175 УК РФ по своей юридической конструкции сопряжена с «*предикатным преступлением»,* т.е. совершение основного

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019-2023 гг. [Электронный ресурс] // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 29.07.2024).

состава невозможно без предшествующего, последующего или одновременного преступления [4, с. 254].

Одним из спорных аспектов является определение объекта, заранее не обещанного приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем.

Так как рассматриваемое преступление относится к одной из форм «*прикосновенности к преступлению*», исследователи по-разному определяют его объект. Например, есть мнение, что основным непосредственным объектом ст. 175 УК РФ выступают общественные отношения в сфере собственности [3, с. 52].

Другие ученые полагают, что основным непосредственным объектом «приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем», являются общественные отношения в области осуществления правосудия, и предлагают отнести данную норму к гл. 31 УК РФ «*Преступления против правосудия*» [3, с. 52; 5, с. 49-50].

Полагаем, что основным непосредственным объектом ст. 175 УК РФ являются общественные отношения в сфере экономической деятельности, так как опасность данного преступления заключается в посягательстве на экономические отношения, т. е. на законные интересы оборота имущества и материальном поощрении лиц, виновных в других деяниях.

При этом не исключаем, что дополнительным объектом могут выступать интересы правосудия.

Предметом рассматриваемого преступления является имущество, полученное (приобретенное) при совершении иных преступлений, например, при краже, грабеже, и т.д.

В связи с этим, предметом ст. 175 УК РФ могут являться не только вещи, которые были получены непосредственно после совершения основного преступления, но и те вещи, которые получены после реализации первых (например, деньги, полученные после продажи краденных автомобильных шин). Однако, например, исключительные права не являются предметом данного преступления [7, с. 23].

Кроме того, под предмет ст. 175 УК РФ не подпадают наркотические, психотропные, ядовитые вещества, их аналоги, оружие и т.д.

Тут следует выделить отношение лица к указанному предикатному преступлению, а именно, если лицо получает деньги за незаконный сбыт наркотических веществ в качестве соучастника конкретного преступления, то содеянное охватывается ст. 228.1 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 175 УК РФ не требуется.

Если же лицо, не является соучастником сбыта наркотических веществ, но при этом умышленно получает вознаграждение (например, иностранную валюту) за сбыт для последующей ее конвертации, то содеянное подпадает под признаки ст. 175 УК РФ.

Стоит отметить, что если имущество было приобретено в процессе совершения административного правонарушения, то его дальнейшее «приобретение или сбыт» не образуют состав преступления, предусмотренный ст. 175 УК РФ, так как уголовный закон не содержит указания на минимальный предел размера предмета данного преступления. Полагается, что данный вопрос должен быть разрешен в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ как *малозначительное деяние*.

Д. А. Мурин предлагает расширить предмет преступления, регламентированного ст. 175 УК РФ, и при его определении рассматривать не только имущество, полученное в процессе совершения другого преступления, но и материальные объекты, полученное в ходе реализации административного правонарушения [6, с. 11].

Однако в указанном случае получается, что к первоначальному способу приобретения имущества будут относится все правонарушения, и в целом будет изменена правовая природа «прикосновенности к преступлению» как опасного деяния, которое возникает из основного состава преступления.

Как справедливо отмечает А. В. Зарубин, законодатель не зря отказался от использования термина «*незаконный*», ранее используемого в ст. 174 УК РФ, заменив его понятием «*преступный*», дифференцировав, тем самым, преступление от иных видов правонарушений [3, с. 56].

Объективная сторона рассматриваемого деяния выражается в двух альтернативных действиях, а именно, в заранее не обещанном: 1) приобретении или 2) сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем.

Под «*приобретением*» имущества следует понимать любое возмездное или безвозмездное получения имущества в любой форме (получение в дар или в счет долга, покупка, обмен и другое)[1]. Например, по уголовному делу № 1-136/2017 гр. Е. узнал от гр. У. о совершенном им ранее хищении сотового телефона. То есть, достоверно зная, что конкретный телефон добыт преступным путем, гр. Е. обратился к гр. У. с предложением о приобретении у него указанного сотового телефона. После, получив согласие у гр. У., гр. Е. приобрел у него указанный сотовый телефон, обещая в последующем произвести оплату за него, приобретя, таким образом, заранее не обещав этого, имущество, заведомо добытое преступным путем[2].

При этом, полагается, что наличие имущества во временном пользовании, например, в залоге, не может рассматриваться, как «приобретение» или «сбыт», и соответственно квалифицироваться по ст. 175 УК РФ.

Существует и противоположная концепция, согласно которой, если не включить временное пользование в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, то возникнет правовой дефект, создающий возможность для профессиональных перепродавцов краденого безнаказанно заниматься преступной деятельность под видом ломбардов [7, с. 24].

Под «*сбытом*» в ст. 175 УК РФ следует понимать любой способ отчуждения имущества другому лицу, которое было добыто преступным пу-

[1] О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/ (дата обращения: 07.06.2024).

[2] Приговор Кировского районного суда г. Самара от 24 мая 2017 г. по делу № 1-136/2017 [Электронный ресурс] // Судебная практика [сайт]. https://sud-praktika.ru/precedent/356819.html (дата обращения 29.05.2024).

тем (продажа, обмен, мена, рента, дарение и т.п.)[1].

К примеру, по уголовному делу № 1-406/2017, при совершении грабежа гр. П. предложил гр-ке Ц. сбыть похищенный телефон. Гр-ка Ц. с целью получения материальной выгоды (т.е. из корыстных побуждений) по просьбе гр. П. сбыла указанный телефон третьему лицу[2].

Однако, несмотря на множество толкований содержания терминов «*приобретение*» и «*сбыт*» имущества, заведомо добытого преступным путем, однозначного понимания не существует, что порождает множество законодательно неурегулированных вопросов при применении уголовного закона судебно-следственными органами.

При исследовании ст. 175 УК РФ усматривается правовая неопределенность в формулировании возможных деяний, т.е. законодатель не установил и не разграничил рамки возможных преступных действий по определению целей и мотивов [2, с. 56].

В отечественной научной доктрине существует позиция, что необходимо дифференцировать альтернативные действия объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, и, соответственно, ответственность за них, в виду того, что «сбыт» подразумевает наибольшую общественную опасность, нежели приобретение имущества, добытого преступным путем [1].

Так, например, «приобретение» или «сбыт» имущества, заведомо добытого преступным путем, по своей природе, представляют совокупность преступлений, так как совершаются одномоментно разными лицами, а именно: первый передает добытое преступным путем имущество другому лицу, а последний это имущество «приобретает» или (и) «сбывает». К тому же не представляется возможным сбыть в последующем имущество без его предшествующего приобретения.

Кроме того, из-за используемого на данный момент в ст. 175 УК РФ разделительного союза «*или*» возникает вопрос о дифференциации ответственности не только в отношении тех лиц, которые либо только приобретают, либо только сбывают преступное имущество, но и тех, кто изначально приобретает данное имущество в целях последующего сбыта, что в целом должно усиливать санкцию [8, с. 229].

Предложенная концепция является дискуссионной, так как в действительности под совокупность преступлений данные преступные действия не подпадают, в виду отсутствия одного из главных признаков указанной формы множественности – «*совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено*», что в указанной ранее трактовке отсутствует. Более того, в действующем уголовном законодательстве РФ, есть и другие примеры, где законодатель объединяет в одну диспозицию приобретение или сбыт в альтернативные действия объективной стороны преступления, например, в ст. 222, 222.1, 234 УК РФ.

Состав в виде приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, по конструкции объективной стороны сконструирован по типу формального преступления: деяние считается оконченным с момента совершения любого альтернативного действия, указанного в диспозиции ст. 175 УК РФ. В данном случае, момент окончания преступления напрямую зависит от вида сделки и предмета преступления, а именно, если действия лица заключались в поиске других приобретателей, размещении рекламы или др., то содеянное следует квалифицировать по ст. 175 УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ, «*как приготовление к преступлению*». При этом если лицо предприняло попытку «приобретения» или «сбыта» имущества, добытого преступным путем, но сделка не состоялась по независящим от виновного лица обстоятельствам, деяние следует квалифицировать через ч. 3 ст. 30 по ст. 175 УК РФ «*как покушение на преступление*».

Исследователи отмечают, что квалификация по ст. 175 УК РФ возможна и в случаях, когда «*предикатное преступление*» является не оконченным сложным единичным преступлением, например, продолжаемым. Для верной квалификации действий лица, которое приобрело или сбыло имущество, добытое преступным путем, необходимо установить его умысел на приобретение или сбыт именно той части вещи (имущества) и отсутствие осведомленности о продолжаемом характере «*предикатного преступления*», иначе эти действия могут попасть под формы соучастия в преступлении [9, с. 96].

В виду некоторых особенностей объективной и субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, стоит разграничить рассматриваемое деяние от других преступлений, например, от института соучастия в виде пособничества.

Здесь стоит отметить, что для пособничества в преступлении необходимо установить сам факт данного заранее обещания, выполнение договоренностей о приобретении или сбыте имущества, добытого преступным путем, а не его исполнение, в силу этого, если выполнение противоправных действий заранее не обещано, то их следует рассматривать в качестве формы прикосновенности, а не пособничества в преступлении.

Кроме того, чтобы разграничить смежные составы (например, легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1. УК РФ), нужно установить преступную цель, включенную в субъективную сторону деяния, в частности, совершение заранее не обещанного «приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем», а именно, что оно совершается без цели придания правоверного вида владению, пользованию и распоряжению данного имущества, что отметил Верховный суд РФ[3].

До сих пор в доктрине остается спорным вопрос о признании необходимым приговор суда по «*предикатному преступлению*».

Ряд исследователей отмечает, что такой приговор должен быть обязателен, ввиду того, что только на его основании деяние может быть признано преступным. Несмотря на данную концепцию, судебная практика показывает, что основным составом преступлением может быть признано и

[1] Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства: утв. ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151139/ (дата обращения: 29.07.2024).

[2] Приговор Ленинского районного суда г. Красноярск от 08 июня 2017 г. по делу № 1-406/2017 [Электронный ресурс] // Судебная практика [сайт]. https://sud-praktika.ru/precedent/259763.html (дата обращения 11.06.2024).

[3] О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/ (дата обращения: 07.06.2024).

деяние, по которому к моменту вынесения обвинительного приговора по ст. 175 УК РФ не было вынесено обвинительного приговора по «*предикатному преступлению*» [3, с. 57].

Предложенная позиция также является спорной, так как в процессе предварительного расследования или судебного следствия по так называемому «*предикатному преступлению*» дело может быть закрыто, например, по ч. 2 ст. 14 УК РФ как «*малозначительное деяние*».

Субъект ст. 175 УК РФ является специальным – это вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцати лет, дополнительным признаком является не участие конкретного лица в совершении предикатного преступления [9, с. 97].

Таким образом, не может быть исполнителем преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, лицо, которое участвовало в совершении первоначального деяния, при этом не исключаем, что соучастник основного преступления может нести уголовную ответственность по ст. 175 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ, как, например, пособник или подстрекатель в этом преступлении.

Также существует мнение, что нужно уравнять возраст привлечения к уголовной ответственности субъекта основного преступления и возраст лица, прикосновенного к нему [10, с. 7-8], что представляется с одной стороны совершено обосновано. Однако предполагаем, что до шестнадцати лет, виновное лицо вряд ли может осознавать важность видового объекта уголовно-правовой охраны, как общественные отношения в сфере экономической деятельности.

До сих пор не решен вопрос о возможности признания субъектом по ст. 175 УК РФ потерпевшего в результате совершения основного преступления.

Так, практические сотрудники отмечают, что зачастую преступники применяют способ легализации похищенного автотранспорта, как возврат его владельцу за вознаграждение, примерно равное 30-50% от рыночной стоимости автомобиля. Согласно данному подходу необходимо указанные действия квалифицировать по ст. 174 УК РФ [11, с. 23].

Однако считаем, что потерпевшее лицо, которое приобрело свое похищенное имущество, не может быть привлечено к ответственности по ст. 175 УК РФ, если в его действиях не содержится иного состава преступления, например, мошенничества и т.д.

Субъективная сторона ст. 175 УК РФ характеризуется только прямым умыслом, что указано в диспозиции данной статьи путем включения соответствующего признака как «*заведомость*», т.е. знание об источнике происхождения приобретаемого и (или) сбываемого имущества.

Как отмечают исследователи, «*заведомость*» может исключаться, если добытое преступным путем имущество было приобретено лицом при различных обстоятельствах, которые не позволили ему сделать однозначный вывод об этом, например, если имущество приобреталось у случайного прохожего [9, с. 97].

Также одним из спорных вопросов является систематическое «заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем».

В соответствии с разъяснением Верховного Суда РФ «приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, могут быть признаны соучастием в преступлении (например, в краже), если эти действия были обещаны исполнителю такого преступления до или во время его совершения, либо по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие»[1].

Однако может возникнуть такой казус, что виновное лицо, которое систематически приобретало и (или) сбывало имущество, заведомо для него добытое преступным путем, может и не знать вследствие какого преступления оно было получено и, следовательно, у правоприменителя может возникнуть вопрос: по какому из ранее совершенных составов нужно будет привлекать лицо к ответственности за соучастие в преступлении?

Полагается, что систематический характер «приобретения и (или) сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем», в полной мере не раскрывает субъективной стороны деятельности виновного лица. Наличие систематического характера в данной преступной деятельности позволяет лишь выдвинуть предположение о наличии у лица желания заранее оказать исполнителю основного преступления ту или иную услугу.

При этом, если такая преступная договоренность возникает каждый раз перед реализацией деяния или была заключена на неопределенный срок, то тогда необходимо инкриминировать соучастие в преступлении. Кроме того, должно учитываться отношение приобретателя (сбытчика) к лицу, совершившему основное преступление.

В ходе проведенного исследования можно прийти к следующим выводам:

1. непосредственным объектом ст. 175 УК РФ являются общественные отношения в сфере экономической деятельности; дополнительным непосредственным объектом могут выступать интересы правосудия;

2. наличие имущества во временном пользовании не может рассматриваться, как приобретение или сбыт, и, соответственно, квалифицироваться по ст. 175 УК РФ;

3. для привлечения к ответственности по ст. 175 УК РФ необходимо вступление в законную силу обвинительного приговора суда по предикатному преступлению;

4. полагается необходимым Верховному Суду РФ разъяснить в своем постановлении № 32 выделенные вопросы, а именно - необходимость в расширении предмета преступления, регламентированного ст. 175 УК РФ, включение в него материальных объектов, полученных в ходе реализации административного правонарушения.

[1] О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/ (дата обращения: 07.06.2024).

Ответы на предложенные вопросы помогут унифицировать судебно-следственную практику.

Список литературы:

1. Крапивина О. Н. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем: сравнительно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-политическое и криминологическое исследование: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.
2. Опацкая С. П. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности : Сборник статей, Томск, 26-28 января 2023 года. Томск, 2023. С. 56-57.
3. Зарубин А. В. Незаконный оборот имущества, приобретенного преступным путем: уголовно-правовая характеристика: учебное пособие. СПб., 2017. 88 с.
4. Ашин Д. А. Виды предикатных преступлений в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 251-261.
5. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: Проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дисс. … д-ра. юрид. наук. Казань, 2000. 305 с.
6. Мурин Д. А. Уголовно-правовая оценка приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ): дисс. … канд. юрид. наук. Омск, 2021. 223 с.
7. Кузнецова А. Н. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ): дискуссионные аспекты толкования признаков объективной стороны // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 3. С. 22-24.
8. Мурин Д. А. Особенности общественной опасности приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ) // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 46. С. 228-230.
9. Аюпова Г. Ш. Особенности квалификации Приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем // Право и практика. 2021. № 4. С. 92-99.
10. Якимов О. Ю. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и уголовно-политические проблемы: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 23 с.
11. Козлов Г. Возврат похищенного автотранспортного средства как вид легализации имущества, приобретенного преступным путем // Законность. 2006. № 5 (859). С. 29-30.

References:

1. Krapivina O. N. Acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means: comparative legal, criminal law, criminal political and criminological research: abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences. Moscow, 2008. 30 p.
2. Opatskaya S. P. Problems of qualification of a crime under Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal problems of strengthening Russian statehood : Collection of articles, Tomsk, January 26-28, 2023. Tomsk, 2023. pp. 56-57.
3. Zarubin A.V. Illegal turnover of property acquired by criminal means: criminal law characteristics: textbook. Saint Petersburg, 2017. 88 p.
4. Ashin D. A. Types of predicate crimes in the criminal law of Russia // Actual problems of Russian law. 2010. No. 3 (16). pp. 251-261.
5. Lobanova L. V. Crimes against justice: Problems of classification of encroachments, regulation and differentiation of responsibility: diss. ... Dr. Jurid. sciences. Kazan, 2000. 305 p.
6. Murin D. A. Criminal legal assessment of the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means (Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation): diss. ... cand. Jurid. sciences. Omsk, 2021. 223 p.
7. Kuznetsova A. N. Acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means (Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation): controversial aspects of the interpretation of signs of the objective side // Topical issues of combating crimes. 2016. No. 3. pp. 22-24.
8. Murin D. A. Features of the public danger of acquiring or selling property knowingly obtained by criminal means (Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Innovations. Science. Education. 2021. No. 46. pp. 228-230.
9. Ayupova G. Sh. Features of qualification of acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means // Pravo i praktika. 2021. No. 4. pp. 92-99.
10. Yakimov O. Yu. Legalization (laundering) of criminally acquired income: criminal law and criminal policy problems: abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences. Saratov, 2004. 23 p.
11. Kozlov G. The return of a stolen motor vehicle as a type of legalization of property acquired by criminal means // Legality. 2006. No. 5 (859). pp. 29-30.

Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_548

УДК 343.292

О СОЗДАНИИ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА НАДЗИРАЮЩЕГО ПРОКУРОРА И ОРГАНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
ON THE CREATION OF A DIGITAL PLATFORM FOR INTERACTION DURING THE PRE-TRIAL PROCEEDINGS OF THE SUPERVISING PROSECUTOR AND THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODY

ПОТАПОВ Денис Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУВО «Мелитопольский государственный университет».
272312, Запорожская область, г. Мелитополь, ул. Ленина, д.10.
E-mail: Potapov.Denis.1990mail.ru;

ПОЛЬСКАЯ Елизавета Владимировна,
специалист отдела адвокатуры, нотариата, государственной регистрации актов гражданского состояния
Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Запорожской области.
272312, Запорожская область, г. Мелитополь, ул. Ленина, д.10.
E-mail: polskayaliza29@gmail.com;

POTAPOV Denis Valerievich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences, Melitopol State University.
272312, Zaporozhye region, Melitopol, Lenin St., 10.
F-mail: Potapov.Denis.1990mail.ru;

POLSKAYA Elizaveta Vladimirovna,
specialist in the Department of Advocacy, Notary, and State Registration of Civil Status Acts
of the Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Zaporizhia region.
272312, Zaporozhye region, Melitopol, Lenin St., 10.
E-mail: polskayaliza29@gmail.com

***Краткая аннотация**: Развитие цифровых технологий может существенно изменить систему взаимодействия прокуратуры и органов предварительного расследования. Введение «Государственной автоматизированной системы правовой статистики» является первым шагом к созданию информационной платформы для управления прокуратурой всеми субъектами предварительного расследования. Однако, прежде чем оцифровывать модель досудебного производства, ее следовало бы вначале реформировать, а именно: отказаться от следственной формы. Следует сделать прокуратуру центром системы управления досудебным производством состязательного типа. Прокуратура должна быть не только оператором информационной системы уголовной статистики, но и процессуальным руководителем деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений и предъявлению обвинения.*

***Abstract:** The development of digital technologies can significantly change the system of interaction between the prosecutor's office and the bodies of preliminary investigation. The introduction of the "State Automated System of Legal Statistics" is the first step towards the creation of an information platform for the administration of the Prosecutor's Office by all subjects of the preliminary investigation. However, before digitizing the model of pre-trial proceedings, it should first be reformed, namely: to abandon the investigative form. It is necessary to make the prosecutor's office the center of the management system of pre-trial production of an adversarial type. The prosecutor's office should be not only an operator of the information system of criminal statistics, but also a procedural leader in the detection, investigation and disclosure of crimes and bringing charges.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, цифровые технологии, взаимодействие, прокурор, органы предварительного расследования.*
***Key words:** criminal process, digital technologies, interaction, prosecutor, preliminary investigation bodies.*

***Для цитирования:** Потапов Д.В., Польская Е.В. О создании цифровой платформы взаимодействия в ходе досудебного производства надзирающего прокурора и органа предварительного расследования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 548-551. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_548.*
***For citation**: Potapov D.V., Polskaya E.V. On the creation of a digital platform for interaction during the pre-trial proceedings of the supervising prosecutor and the preliminary investigation body // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 548-551. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_548.*

Статья поступила в редакцию: 26.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Современное досудебное производство представляет собой *российскую модификацию* широкой распространенной на континенте *следственной* правовой организации уголовно-процессуальной деятельности. Суть этой правовой модели заключается в том, что досудебное производство составляет структурную часть «уголовного судопроизводства» и главным правоприменителем в ней является не суд, а орган предварительного расследования, то есть орган исполнительной власти государства. Между тем, помимо органа предварительного расследования участниками досудебных стадий являются прокурор и суд, которые являются представителями иных властей государства, соответственно: контрольно-надзорной и судебной.

Правоприменение в стадиях досудебного производства построено на балансе полномочий следственной, прокурорский и судебной властей, последние две осуществляют контрольно-надзорные функции за правоприменением. Это совершенно уникальная система сдержек и противовесов властей призвана гарантировать законность, а также права и свободы лиц, ставших участниками этой части процесса. Каждая из этих властей позиционирует себя как самостоятельная и независимая, и между ними к настоящему времени сложился сложный правовой механизм взаимодействия. Данный механизм сложился опытным путем, в результате многочисленных изменений первоначальной формы досудебного производства, в которой просле-

живалось явное доминирование прокуратуры[1] [1, 7-9].

Сейчас можно говорить о некоем равновесии (скорее всего временном) между полномочиями прокуратуры и органа предварительного следствия в системе обвинения. Хотя каждый из партнеров имеет планы на получение превосходства, позволяющего ему быть хозяином досудебного правоприменительного процесса. Так, некоторые идеологи следственной власти предлагают полностью вывести прокурора из предварительного расследования и даже уполномочить представителей следственного органа поддерживать государственное обвинение в суде. Сторонники прокурорской модели досудебного производства, напротив, выступают за возврат прокурору ранее имевшихся у него полномочий на возбуждение уголовного дела, производство следственных действий, дачу указаний следователю, обязательных для исполнения и пр. Более того, процессуальное подчинение следователя прокурору видится некоторым недостаточным, поэтому периодически вбрасывается тема о введении административной ответственности следователя за невыполнение указаний надзирающего прокурора [2, 22-29]. Многое из того, что сейчас предлагается представителями прокуратуры и сторонниками «следственной власти», а затем дебатируется на научных площадках, является последствием издержек той «кривой» системы, которую представляет собой современное досудебное производство.

Новый повод к очередному пересмотру основ этой системы дает, начавшаяся в нашей стране кампания по *оцифровыванию государственного управления*. В планах стоит создание *государства, как информационной платформы*, на которой все виде государственных услуг населению и бизнесу будут максимально автоматизированы (оцифрованы) [3, 4]. Целями внедрения цифровых технологий в отправление различных функций государства, в том числе функции уголовной юстиции (как части, концепции «электронного правосудия»), является повышение эффективности деятельности правоохранителей, ликвидация избыточных, бюрократических схем и – коррупции.

Прокуратура в силу того, что на нее была возложена обязанность по ведению уголовной статистики (статья 51 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (с изм. от 05.06.2007) «О прокуратуре Российской Федерации» [5]), объективно стала одним из «драйверов» этого направления в развитии российской государственности. Мы имеем в виду созданный Генеральной прокуратурой России пилотный проект «Государственная автоматизированная система правовой статистики» (ГАС ПС) [6].

По замыслу создателей ГАС ПС, изложенному в проекте Указа Президента Российской Федерации «О государственной автоматизированной системе правовой статистики» [7] (далее «Проект Указа президента России о ГАС ПС») она будет представлять собой единую централизованную систему сбора, обработки и хранения статистических данных о зарегистрированных сообщениях о преступлениях, состоянии преступности, состоянии и результатах следственной работы и прокурорского надзора[2]. ГАС ПС предназначена для обеспечения автоматизированной поддержки функций Генеральной прокуратуры Российской Федерации по осуществлению государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состояния преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы и прокурорского надзора, а также по формированию и представлению отчетности органов прокуратуры Российской Федерации [6].

Первое что надо сказать, данная система имеет последствия, далеко идущие за рамки простого информационного обеспечения взаимодействия между прокуратурой, как оператором системы, и другими *пользователями*[3], под которыми понимаются и следователи. Фактически, в ней заложена новая расстановка сил на информационно-правовом поле – ***в пользу прокуратуры.***

Из содержания «Проекта Указа президента России о ГАС ПС» вытекает, что назначение системы выходит за рамки простого ведения прокуратурой уголовно-правовой статистики: ГАС ПС позволит ей *управлять информационным взаимодействием* всех органов, противодействующих преступности, организовать единое информационное пространство в области применения уголовного законодательства и возглавить борьбу с преступностью.

Кто владеет информацией, тот владеет миром. Этот тезис вполне применим к анализируемой ситуации. Наделением Генеральной прокуратуры России правомочиями обладателя государственного информационного ресурса ГАС ПС делает ее центральным элементом правового механизма применения уголовного права. В информационной системе (закрытом портале ГАС ПС), *оператор системы* в лице прокуратуры будет управлять элементами системы – «автоматизированными рабочими местами», то есть следователями. «Автоматизированные рабочие места» – это базовый структурный элемент системы, такое место должно быть у каждого следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, органа дознания, дежурной части правоохранительного органа.

Каждый субъект уголовно-процессуальной досудебной деятельности войдет в виде автоматизированного рабочего места (рабочего кабинета) в систему ГАС ПС, а именно: тот, кто уполномочен принимать решения о регистрации преступления, о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, а также принимать иные процессуальные решения, промежуточные и итоговые, которые являются предметом ведущейся официальной статистики. Тем самым, прокурор будет иметь техническую возможность проследить всю цепочку событий в уголовно-правовой сфере, начиная от получения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении до вступления в законную силу судебного решения и исполнения уголовного закона. Надзирающий прокурор будет обладать технической возможностью в постоянном режиме контролировать траекторию движения информации от момента регистрации сообщения о преступлении до ее реализации в виде итогового процессуального решения органа предварительного расследования, но также судебного органа и органа, исполняющего наказание. Таким образом, создатели ГАС ПС намереваются повысить *эффективность принятия управленческих решений в сфере борьбы с преступностью; обеспечить* прозрачность процедур принятия решений в соот-

[1] Имеется в виду первоначальная редакция УПК РФ.
[2] См.: пункт 4 «Проекта Указа президента России о ГАС ПС».
[3] Анализируемым проектом предполагается наличие нескольких видов пользователей, которые различаются разной степенью доступа к информации, размещенной на ГАС ПС. Пользователями открытых статистических данных может быть любое лицо. Информацией, передаваемой по внутреннему контуру (внутренний портал ГАС ПС) являются профессиональные участники уголовного процесса в лице должностных лиц правоохранительных органов.

ветствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации; достоверность и полноту учетных сведений о преступлениях на всех этапах уголовного судопроизводства; правильность разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях и недопущение фактов сокрытия преступлений от учета; качественное проведения расследования, законностью решений, принимаемых органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие. А, кроме того, система позволит создать «новые учеты» событий и фактов, связанных с нарушениями законодательства Российской Федерации. В дальнейшем предполагается интеграция на платформе ГАС ПС всех остальных информационных ресурсов, систем учета, которые ведут другие правоохранительные органы – МВД, СК РФ, ФСБ, ФСИН, а также Судебный департамент при Верховном Суде России. Более того, судя по «Проекту Указа президента России о ГАС ПС» усматривается общий контур системы информационной безопасности, ориентированный опять же на лидирующее положение прокуратуры.

Значит, прослеживается тренд в сторону глобального мониторинга прокуратурой информационного пространства в сфере уголовного процесса и выстраивание новых технологий управления поднадзорными объектами, то есть централизация системы досудебного производства, а даже остальных процессуальных стадий, вокруг прокурорской власти. Выстраивается такая конфигурация отношений между пользователями информационными ресурсами системы ГАС ПС в лице органов предварительного расследования (следствия, в том числе) и оператором системы – в лице органов прокуратурой, в которой прокуроры будут контролировать ситуацию и реагировать на нее предоставленными им уголовно-процессуальным законом средствами и следовательно – управлять публичными органами уголовного преследования, давать оценку эффективности их деятельности.

Какие выводы можно сделать из анализа прокурорского проекта ГАС ПС в контексте сложившейся на настоящий момент правовой ситуации?

Во-первых, надо сказать, что это амбициозная (хотя и помеченная комплексом неполноценности) попытка технического решения вопроса о том, кто хозяин досудебного производства. Прослеживается со стороны прокуратуры претензия на роль управляющего уголовно-процессуальной системой, ведущего субъекта уголовной политики.

Очевидно уже, что прокурорским планам в полной мере не удастся реализоваться, поскольку этому будет сопротивляться партнеры в виде СК РФ, а главное – ФСБ. Указ президента [8] дает недвусмысленный ответ о расстановке сил в системе обеспечения кибербезопасности и месте ФСБ и прокуратуры в агрегируемой модели «информационного государства».

Во-вторых, как нам представляется, концептуальным пороком анализируемого проекта информационной системы обеспечения прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования является то, что оно ориентирована на существующую модель прокурорского надзора в уголовном процессе и порядок ведения статистического учета. Коротко говоря, это попытка перевести в цифровую плоскость устаревшую, неправильную правовую – уголовно-процессуальную модель и потому попытка, обреченная на неудачу.

Хотя разработчики системы не скрывают тот факт, что воспользовались казахстанским опытом оцифровки деятельности правоохранительных органов по регистрации сообщений о преступлениях, однако они явно не учли или сознательно игнорируют тот факт, что это сопровождалось принятием *нового* УПК РК и коренной реформой досудебного производства, в частности – ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела.

Это правильный подход. Прежде чем оцифровывать, надо систему реформировать. В существующем же виде система ГАС ПС создаст только дополнительную нагрузку на пользователей «автоматизированными рабочими местами», то есть следователей, дознавателей. Они вынуждены будут «вбивать» с информационную систему сканы составляемых в письменном виде процессуальных документов и ввести два дела: одно в письменном виде, а его копию – в электронном. Это наихудший вариант развития механизма правоприменения: и для самих правоприменителей, и для общества.

В-третьих, система ГАС ПС (2015-2016 г.г.) оказалась проектом, опередившим свое время. Это видно даже по используемой в нем терминологии, а главное по самой задумке разработчиков. Между тем, ситуация за последний год радикально изменилась. И в планах руководства страны стоит реализация цифровой концепции «государство-как платформа». Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 [9] является ответом на эту новую политику, и потому, на наш взгляд, проект системы ГАС ПС должен быть скорректирован с учетом изменившейся политико-правовой обстановки.

В-четвертых, надо сказать о той модели взаимодействия прокуратуры и органов уголовного преследования, которую, на наш взгляд, следует оцифровывать как экосистему на платформе цифрового государства. Мы разделяем позицию нижегородских процессуалистов [10], согласно которой необходимо радикально реформировать правовую организацию досудебного производства. В первую очередь избавиться от излишних, бюрократических процедур и институтов. К таковым мы относим процедуры возбуждения уголовного дела, ведения предварительного следствия, систему следственных действий и решений, а также самый институт следственной власти. Профессия «следователя», как правоприменителя, как органа, уполномоченного принимать процессуальные решение, порождающие уголовно-правовые последствия, в *цифровом состязательном процессе* не имеет будущего.

Мы поддерживаем предложение таких ученых, как А.С. Александров, Б.Я. Гаврилов, о переходе со следственного на судебный порядок предъявления (выдвижения) прокурором обвинения (уголовного иска). Все существующие ныне процессуальные решений органа предварительного расследования решений о движении уголовного дела (возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения, обвинительное заключение и пр.) выпадают из системы. Не нужным становится и компетентный государственный орган их принимающий. Вместо этого остается полицейский агент обвинительной власти, осуществляющий уголовный розыск. Модель досудебного производства как система реестров данных, агрегированных в виде цифровой платформы, должна включать два элемента: регистрация сообщения о преступлении, предъявление обвинения или принятие иного решения.

Мы считаем, что информационная система досудебного производства должна быть замкнута на прокуратуру, а судопроизводства – на Судебный департамент при Верховном суде РФ. В системе управления досудебным производством прокуратурой должна контролироваться с помощью цифровых технологий: (а) регистрация сообщений о преступлениях (ведение соответствующего Реестра) – (б) предъявление обвинения – (в) *исходы* досудебного производства (прокурорские и судебные), как *промежуточные* (когда решение о передачи дела, материала в суд откладывается по объективным причинам), так *и итоговые решения обвинительной власти*. Должна быть сквозная сверка на общей цифровой платформе данных: сколько «дел» на выходе из прокурорской системы, столько же должно быть на входе в судебную систему. Судебный департамент при Верховном Суде РФ должен вести регистрацию (а) предъявленных уголовных обвинений и решений, принятых судебным органом по ним, (б) дел (обвинения и защиты), поступивших на рассмотрение судов для принятия решения по существу, (в) решений судов о назначении судебного заседания для принятия окончательного решения по делу (материалу).

Список литературы:

1. Комментарий к УПК РФ. Вводный / Авторский коллектив: В.Т. Томин, Г.Н. Королев, А.С. Александров). М.: Юрайт, 2002.
2. Александров А.С., Кухта А.А. Власть следственная и власть обвинительная: квадратура круга // Правоведение. 2009. № 4.
3. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 05.12.2016 № Пр-2346). URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53425 (дата обращения: 09.01.2018).
4. Цифровая экономика Российской Федерации: программа / утверждена Распоряжением правительства России от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 09.01.2018).
5. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1
(ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2018).
6. Портал технической поддержки ГАС ПС и дистанционного обучения. URL: http: www.gasps-support.genproc.gov.ru (дата обращения: 09.01.2018).
7. О государственной автоматизированной системе правовой статистики: доработанный текст проекта Указа Президента Российской Федерации (подготовлен Минюстом России 11.10.2016) / СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56587365/#ixzz52SIxflcb (дата обращения: 09.01.2018).
8. О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации: Указ Президента РФ от 22.12.2017 № 620 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 52 (Часть I). Ст. 8112. URL: http://www.pravo.gov.ru, 22.12.2017. (дата обращения: 09.01.2018).
9. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»): Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627. URL: https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf (дата обращения: 09.01.2018).

References:

1. Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Introductory / Team of authors: V.T. Tomin, G.N. Korolev, A.S. Alexandrov). Moscow: Yurayt, 2002.
2. Alexandrov A.S., Kukhta A.A. Investigative and prosecutorial power: squaring the circle // Jurisprudence. 2009. No.
4.3. List of instructions for the implementation of the President's Address to the Federal Assembly (approved by the President of the Russian Federation on 05.12.2016 № Pr-2346). URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53425 (date of access: 09.01.2018).
4. Digital Economy of the Russian Federation: program / approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-R. URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (date of application: 09.01.2018).
5. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1
of 17.01.1992 (as amended on 29.07.2017) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2018) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Art. 4472 / SPS "ConsultantPlus" (date of issue: 09.01.2018).
6. GAS PS Technical support portal and distance learning. URL: http: www.gasps-support.genproc.gov.ru (date of reference: 09.01.2018).
7. On the state automated system of legal statistics: revised text of the draft Decree of the President of the Russian Federation (prepared by the Ministry of Justice of Russia on 11.10.2016) / SPS "Garant". URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56587365/#ixzz52SIxflcb (date of access: 09.01.2018).
8. On improving the state system for detecting, preventing and eliminating the consequences of computer attacks on the information resources of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 22.12.2017 No. 620 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 52 (Part I). Art. 8112. URL: http://www.pravo.gov.ru , 22.12.2017. (accessed: 09.01.2018).
9. On approval of the Concept of Digital Transformation of bodies and organizations of the Prosecutor's Office until 2025 (together with the "Concept of Digital Transformation of bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation until 2025"): Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 09/14/2017 No. 627. URL: https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf (date of access: 09.01.2018).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_552

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
INDIVIDUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED BY EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE PERFORMANCE OF THEIR OFFICIAL DUTIES, AND WAYS TO SOLVE THEM

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна,
ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИН России».
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».
E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru;

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna,
Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort
Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".
E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются отдельные проблемы квалификации преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей. На основании проведенного исследования автором сформулированы некоторые меры, направленные на решение выявленных проблем.*

Abstract: *The article deals with certain problems of qualification of crimes committed by law enforcement officers in the performance of official duties. Based on the conducted research, the author formulated some measures aimed at solving the identified problems.*

Ключевые слова: *преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей, квалификация преступлений.*

Key words: *crimes committed by employees of the internal affairs bodies in the performance of their official duties, the qualification of crimes.*

Для цитирования: *Прихожая Л.Е. Отдельные проблемы квалификации преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей, и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 552-555. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_552.*

For citation*: Prikhozhaya L.E. Individual problems of qualification of crimes committed by employees of internal affairs bodies in the performance of their official duties, and ways to solve them // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 552-555. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_552.*

Статья поступила в редакцию: 07.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

При квалификации преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей, могут возникать различные проблемы. Их выявление и анализ позволит акцентировать внимание на наиболее часто встречающихся проблемах, что будет способствовать выработке действенных мер, направленных на их устранение.

Проведенный анализ особенностей уголовной ответственности за превышение должностных полномочий позволил выявить значительное количество недостатков в ст. 286 УК РФ, которые затрудняют правоприменительную практику по рассматриваемому виду преступлений. Результативность применения соответствующих норм закона во многом зависит от того, в какой степени совершенна формулировка статьи, предусматривающей уголовную ответственность за конкретное деяние. Чем больше в ней оценочных признаков, неоднозначных формулировок, тем сложнее квалификация деяния. Полагаем, что именно наличие оценочных категорий приводит к тому, что в некоторых случаях органы расследования привлекают к уголовной ответственности должностных лиц, инкриминируя им совершение преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, а суды выносят оправдательный приговор.

Прежде всего, видится целесообразным обратить внимание на не до конца совершенную конструкцию анализируемой нормы.

Представляется несколько неверным по конструкции наименование ст. 286 УК РФ, так как в диспозиции данной нормы о превышении должностных полномочий не говорится, и различие в изложении наименования нормы и самой нормы вызывает определенные трудности в понимании. Совершенно не ясен в данном случае подход законодателя, проявившийся в использовании различных терминов, но, с нашей точки зрения, целесообразно использование одного и того же термина, характеризующего уголовно-наказуемые действия, и в наименовании нормы, и в ее диспозиции.

Полагаем, что правильнее было бы переименовать ст. 286 УК РФ в «Выход за пределы должностных полномочий».

Следующая проблема, вызывающая сложности в правоприменительной практике – использование такого оценочного понятия, как «явно выходящее за пределы полномочий».

Из анализа диспозиции ст. 286 УК РФ можно сделать вывод, что понимание явности выхода за пределы должностных полномочий вызывает

некоторые трудности. То есть, следует определить, для кого этот выход должен быть явным. Полагаем, что в данном случае очевидно стремление законодателя указать на очевидность факта превышения полномочий именно для виновного. Однако, отсутствие этого уточнения может вызывать неоднозначное толкование. В связи с вышесказанным, нам видится возможным предложить соответствующие изменения в диспозицию ст. 286 УК РФ, отразив в ней явность выхода за пределы полномочий именно для виновного. В силу этого, полагаем, что ч. 1 ст. 286 УК РФ следует изложить в следующем виде: «Совершение должностным лицом действий, явно для него выходящих за пределы его полномочий и повлекших…» В этом случае будет четко обозначен акцент на тот факт, для кого эти действия должны быть явными. Фактически, в данном случае явность по своему содержанию будет приравнена к заведомости – должностное лицо четко осознает, что превышает свои полномочия тем или иным образом.

Следующей проблемой, которая требует своего решения, на наш взгляд, является недостаточно корректная формулировка ст. 286 УК РФ – наличие в ней в качестве обязательного последствия существенного нарушения прав и интересов, сформулированного как оценочный признак. И этот факт приводит к разночтениям в правоприменительной практике, использованию разных подходов при определении существенности вреда. Об этом свидетельствуют и научные источники, и многочисленные примеры из правоприменительной практики, в которых можно увидеть разное толкование существенного нарушения. То есть, какие именно нарушения могут признаваться существенными. Эта же проблема характерна и для преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

Необходимо также отметить, что в научной литературе неоднократно поднимался вопрос о необходимости определения критериев существенности нарушения прав и интересов. Эти же проблемы имеют место и в судебной практике. В силу того, что в каждом конкретном случае вопрос о том, будет ли иметь место существенное нарушение интересов, причинение существенного вреда, разрешается исключительно по субъективному мнению правоприменителя, судебная практика по данному вопросу не отличается единообразием, имеют место ситуации, когда деяния, обладающие значимыми сходствами, совершенные практически при одних и тех же обстоятельствах, квалифицируются различно, а решения, принимаемые по таким фактам, иногда полностью противоположны друг другу.

Здесь необходимо разрешить ряд вопросов:

– необходимо для безусловного признания нарушения прав и свобод граждан и интереса общества существенным;

– в том случае, когда нарушение прав одного человека является несущественным, будет ли признаваться существенным нарушение прав нескольких лиц и каково должно быть их число;

– в каком случае причинение имущественного вреда должно признаваться существенным нарушением [1, с. 559].

На основе разъяснений Пленума ВС РФ можно сделать вывод, что, безусловно, как существенный вред рассматривается лишь нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации. Об отраслевом законодательстве речи здесь не идет, соответственно, нарушение закрепленных в нем интересов существенным признается небезусловным.

В ряде случаев имеет место признание существенным вредом причинение материального ущерба гражданину в соответствии с мнением последнего и учетом его материального положения.

Нет однозначного решения вопроса о том, когда физический вред, причиненный гражданину, может рассматриваться как существенное нарушение его прав. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что причинение физического вреда признается существенным нарушением прав вне зависимости от того, какой степени тяжести вред здоровью причине, поскольку нередки и ситуации, когда таким нарушением признается причинение легкого вреда здоровью.

Также обратим внимание и на тот факт, что перечень тех нарушений, которые Пленум ВС РФ признает существенными, не является исчерпывающим. При оценке существенности вреда, причиненного действиями должностного лица гражданину или организации, надлежит также учитывать и тот факт, в какой мере совершенным противоправным деянием оказано отрицательное влияние на нормальную работу организации, какой материальный ущерб причинен, сколько пострадавших от данных действий и какова тяжесть причиненного им морального, физического и имущественного вреда.

Существенным нарушением прав и законных интересов организации может признаваться незаконное вмешательство в их деятельность, ограничение конкуренции, свободы предпринимательства и другой экономической деятельности, не запрещенной законом, если они повлекли крупные убытки для организации.

Вопросы вызывает оценка существенности материального вреда. Имеются случаи, когда он оценивается в процентном соотношении с неким выраженным в денежной форме объективным критерием, к примеру, с годовым бюджетом организации, денежным оборотом или выручкой (когда вред причиняется юридическому лицу) [2, с. 107].

Поповым И.А. отмечается неверность такого подхода, поскольку нельзя соизмерять разово нанесенный ущерб и годовой объем финансирования (равнозначно как месячного дохода) [3, с. 49].

Некоторые ученые считают, что ориентир признания причиненного в результате должностного преступления материального ущерба существенным следует искать в конструкции состава халатности (ст. 293 УК РФ) [4, с. 58].

Также, в научной литературе в качестве критериев, которые позволили бы определить существенность ущерба, наносимого преступными действиями должностного лица, также предлагались:

– заимствование конструкции, применяемой к «значительному» и «крупному» размеру похищенного имущества;

– исчисление существенности ущерба в кратном отношении к минимальному размеру оплаты труда;

–- указанием конкретных сумм.

Ряд авторов полагает, что невозможно «привязать» существенное нарушение к сумме материального ущерба [3, с. 50].

Однако, мы такую позицию не разделяем, и полагаем, что причинение имущественного вреда может признаваться существенным нарушением в зависимости от суммы причиненного ущерба и путем ее соотношения с доходами потерпевшего. К материальным убыткам надлежит относить не только прямой ущерб, но и упущенную выгоду [5, с. 739].

Существенное нарушение законных интересов организаций и граждан в результате превышения должностных полномочий будет образовывать и создание препятствий в удовлетворении организациями и гражданами их потребностей, не противоречащих закону и нравственным устоям.

Нечасто признание причиненного ущерба значительным строится с учетом степени отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации.

С точки зрения И.А. Попова, полный отказ от оценочных понятий «существенности вреда, причинного превышением должностных полномочий» на данном развитии уголовного законодательства невозможен [3, с. 51].

Однако, мы с такой точкой зрения согласиться не можем. Точнее, мы разделяем мнение о том, что абсолютно все случаи, когда нарушение прав и интересов должно признаваться существенным, учесть в уголовном законе невозможно, но, как минимум, когда эти нарушения выражаются в материальном плане – причиняется какой-либо ущерб – вполне возможно в достаточной мере определить, когда причинение материального вреда можно признавать существенным нарушением прав и интересов.

Конечно, мы не считаем, что существенность вреда должна приравниваться к значительности причиненного ущерба либо к его крупному или особо крупному размеру, но как одну из составляющих существенного вреда, по нашему мнению, вполне можно учитывать имущественный вред, превышающий определенную сумму, которую нам видится необходимым конкретизировать в законе.

Характеризуя последствия, которые обязательны при совершении некоторых преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей, нужно обратить внимание на преступление, предусмотренное ст. 286.1 УК РФ. Несмотря на то, что большинство должностных преступлений с материальным составом в качестве последствий предусматривает существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организации, либо охраняемых законом интересов общества или государства, в ст. 286.1 УК РФ законодатель упоминает последствия в виде причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций, либо охраняемым законом интересам общества или государства. Такое решение многие исследователи считают некорректным, так как права человека не перестают существовать и не теряют своих свойств вследствие совершения преступного посягательства, и предлагают изменить диспозицию ст. 286.1 УК РФ в части указанных в ней преступных последствий, сформулировав их по аналогии со ст. 285 и 286 УК РФ [6, с. 118]. Данное мнение видится вполне обоснованным, с учетом внесенных предложений об уменьшении количества оценочных признаков в этих нормах.

Что касается халатности, представляется, что можно было бы полностью исключить из ч. 1 ст. 293 УК РФ оценочные признаки, указав в качестве конститутивных причинение ущерба в крупном размере, а также причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью человеку. Полагаем, что таких последствий было бы достаточно, чтобы охватить все существенные нарушения. Возможны возражения по поводу того, что ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей может приводить к созданию препятствий в нормальном функционировании организаций, учреждений, однако, как показывает практика, как правило, в этом случае причиняется материальный ущерб, а его законодатель четко определил его минимальный порог в ст. 293 УК РФ – менее крупного размера ущерба невозможно вменение рассматриваемого состава.

Рассматривая проблемы, связанные квалификацией такого преступления, совершаемого сотрудниками органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей, нужно отметить, что нет единой позиции, в ходе каких следственных действий возможна дача показаний, то есть, в каком случае можно считать, что лицо подвергалось незаконному воздействию. Если буквально трактовать положения УПК РФ, то можно сделать вывод о том, что показания могут быть даны только в ходе допроса и очной ставки. Но, в научном сообществе распространено мнение о том, что показания следует понимать более шире, как сведения, сообщаемые в ходе любого следственного действия, в частности, в ходе проверки показаний на месте, предъявлении для опознания [7, с. 54]. Полагаем, что целесообразным было бы расширить действие ст. 302 УК РФ, распространив ее не только на показания, но и на сообщения, полученные в ходе других следственных действий, так как принуждение лица сообщить сведения (правдивые или ложные) в ходе предъявления для опознания или в ходе проверки показаний на месте, не менее опасно по своей сути, чем принуждение дать показания в ходе допроса.

Поэтому полагаем, что целесообразным было бы расширить уголовно-правовые запреты, включив в них и принуждение к даче объяснений. Таким образом, предупредительная роль уголовного закона в данной сфере была бы более эффективной. Поэтому поддерживаем предложение Н.В. Щетининой о том, что в ч. 1 ст. 302 УК РФ следует указать не только на принуждение к даче показаний или заключения, но и на принуждение «к предоставлению иных сведений, имеющих значение для уголовного дела» [8, с. 93].

Под иными сведениями при этом автор предлагает понимать «информацию о расследуемом преступлении, закрепленную в документе, который, в соответствии со ст. 74 УПК РФ, считается доказательством и относится к «иным документам». Такими сведениями являются явка с повинной, расписка, ходатайство и другие документы, имеющие существенное значение для уголовного дела» [8, с. 94]. Данную точку зрения мы разделяем не в полной мере, полагая, что ходатайство не может рассматриваться в качестве иного документа в том смысле, который заложен в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Подводя итог проведенного исследования, приведем меры, направленные на разрешение выявленных проблемы, возникающих при квалификации преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей:

– следует внести изменения в наименование ст. 286 УК РФ, изложив в ее в следующей редакции: «Выход за пределы должностных полно-

мочий»;

– ч. 1 ст. 286 УК РФ целесообразно изложить в следующем виде: «Совершение должностным лицом действий, явно для него выходящих за пределы его полномочий и повлекших…»;

– обязательный признак объективной стороны некоторых преступлений, именуемый как «существенное нарушение», является оценочным и вызывает множество дискуссий, в силу чего предлагаем дополнить примечание к ст. 285 УК РФ пунктом 4.1, в которой привести некоторые разъяснения, что может представлять собой существенное нарушение прав и интересов. Диспозицию ст. 286.1 УК РФ в части обязательных последствий следует привести в соответствие со ст. 285 и 286 УК РФ и распространить на эту норму предлагаемое примечание.

– нечеткая формулировка последствий, указанных в ч. 1 ст. 293 УК РФ создает сложности в определении, какое именно нарушение прав и интересов является существенным. В связи с чем, полагаем, что более точной была бы следующая формулировка «если это повлекло причинение крупного ущерба либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью человеку».

– в ст. 302 УК РФ следует предусмотреть ответственность за принуждение не только к даче показаний, но и к предоставлению иных сведений, распространив таким образом ее действие и на полученные сведения в ходе проверки сообщения о преступлении.

Таким образом, предложенные меры по совершенствованию законодательства Российской Федерации, направленные разрешение проблем, возникающих при квалификации преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей, помогут минимизировать количество оценочных категорий в наименовании и содержании соответствующих статей, что, несомненно, окажет позитивное влияние на правоприменительную практику по указанному направлению деятельности.

Список литературы:

1. Радышевский А.А., Спектор Л.А. Общественно-опасные последствия в преступлениях, предусмотренных статьями 285, 286 УК РФ // Аллея науки. – 2024. – Т. 1. – № 1(88). – С. 557-561.
2. Залиев А.Р. Актуальные вопросы должностных преступлений (на примере ст. 285 и 286 УК РФ) // Современные технологии в мировом научном пространстве: сборник статей международной научно – практической конференции. – 2016. – С. 103-110.
3. Попов И.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 286 УК России // Экономические и правовые аспекты инновационного развития. – Пенза, 2018. – С. 44-50.
4. Можаев А.Г. Количественная характеристика существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства в составах преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 4 (14). – С. 57-61.
5. Борисов А. Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Книжный мир. 2015. – 1056 с.
6. Бельский А.И. К вопросу об уголовной ответственности за неисполнение приказа сотрудником ОВД // Российское уголовное право и криминология на современном этапе: состояние, проблемы и перспективы развития: электронный сборник материалов Всероссийской конференции. – Белгород, 2020. – С. 112-119.
7. Черных Е.А. Понятие и правовая природа показаний обвиняемого // Международная научно-практическая конференция «Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений»: сборник материалов. – 2019. – С. 53-57.
8. Щетинина Н.В. Актуальные аспекты применения статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 91-94.

References:

1. Radyshevsky A.A., Spector L.A. Socially dangerous consequences in crimes provided for in Articles 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation // Alley of Science. – 2024. – T. 1. – № 1(88). – Pp. 557-561.
2. Zaliev A.R. Actual issues of official crimes (on the example of Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Modern technologies in the global scientific space: collection of articles of the international scientific and practical conference. – 2016. – Pp. 103-110.
3. Popov I.A. Actual problems of qualification and application of art. 286 of the Criminal Code of Russia // Economic and legal aspects of innovative development. – Penza, 2018. – Pp. 44-50.
4. Mozhaev A.G. Quantitative characteristics of a significant violation of the rights and legitimate interests of citizens or organizations or legally protected interests of society or the state in crimes under Articles 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation // Investigation of crimes: problems and solutions. – 2016. – № 4 (14). – Pp. 57-61.
5. Borisov A. B. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article). – Moscow: Knizhny Mir, 2015. – 1056 p.
6. Belsky A.I. On the issue of criminal liability for failure to comply with an order by an officer of the Department of Internal Affairs // Russian criminal law and criminology at the present stage: state, problems and prospects of development: electronic collection of materials of the All-Russian Conference. – Belgorod, 2020. – Pp. 112-119.
7. Chernykh E.A. The concept and legal nature of the testimony of the accused // International scientific and practical conference "Crime in the CIS: problems of crime prevention and detection": collection of materials, 2019 – Pp. 53-57.
8. Shchetinina N.V. Actual aspects of the application of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for coercion to testify // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 2. – Pp. 91-94.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_556

УДК 343.9

КОНВЕРГЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)
CONVERGENCE OF SOCIAL AND CRIMINOLOGICAL FOUNDATIONS OF JUVENILE DELINQUENCY (SOME ASPECTS)

ЛАПША Вадим Леонидович,
Исследователь, преподаватель-исследователь.
Россия.
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru;
LAPSHA Vadim Leonidovich,
Researcher. Teacher-research.
Россия.
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются актуальные стороны социальной действительности оказывающие деструктивное воздействие на несовершеннолетних.*
Abstract*: The article examines the current aspects of social reality that have a destructive effect on minors.*

Ключевые слова: *преступность, несовершеннолетние, причины преступности, преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности несовершеннолетних.*
Keywords: *crime, minors, causes of crime, juvenile delinquency, juvenile delinquency prevention.*

Для цитирования: *Лапша В.Л. Конвергенция социальных и криминологических основ преступности несовершеннолетних (некоторые аспекты) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 556-558. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_556.*
For citation*: Lapsha V.L. Convergence of social and criminological foundations of juvenile delinquency (some aspects) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 556-558. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_556.*

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Несомненно, генеральной линией криминологического характера в отношении лиц, не достигших 18 лет (совершеннолетия) является предупреждение совершения ими преступлений.

При этом ведущее место в обозначенной стратегии, полагаем, должно быть отведено изучению обстоятельств, в силу которых, названными лицами, совершаются уголовно-правовые деяния.

К изучению предпосылок данного вида преступности, по нашему мнению, необходим комплексный подход, учитывающий достижения многих наук. В частности, психологии, социальной психологии, криминальной психологии, девиантологии, криминологии, уголовного права, уголовно-процессуального права (например, «уголовно-процессуальная профилактика»), криминалистики (при выяснении «обстоятельств, способствовавших совершению преступления), уголовно-исполнительного права (предупреждение совершения преступлений в воспитательных колониях и формирование законопослушного поведения в целом).

Кроме того, проблема воспитания и формирования законопослушного поведения лиц, не достигших совершеннолетия является не только семейной (хотя в основе соответствующей процедуры определяющая роль отводится семье). В данном направлении должны действовать и социальные институты, государственные учреждения, осуществляющие в том числе воспитательные функции. Контрольные органов в части мониторинга поведения детей, например, из неблагоприятных семей, регистрации, учета и принятия в определенных случаях необходимых мер, а также правоохранительных органов.

Однако, несмотря на принятие мер, предупредительного характера, указанными лицами продолжают совершаться преступные деяния, при которых указанные лица проявляют агрессию равную агрессии взрослых. В этой связи, доктором юридических наук, профессором С. Ф. Милюковым, обоснованно поставлен вопрос о существовании «Особо опасного типа несовершеннолетнего преступника?»[1, с. 35-39], [2, с. 67].

Как ранее было отмечено, бесспорным является тот факт, что многие социальные явления могут обуславливать совершения деяний уголовно-правового характера. В этой связи, имеет практический смысл охарактеризовать некоторые социальные аспекты оказывающие негативное влияние на поведение подрастающего поколения.

Как ранее отмечалось в научной литературе[3, с. 36] одним из них факторов, обуславливающих названное поведение являются средства массовой информации, а именно та или иная форма, вызывающая *необоснованную агрессию*.

Агрессия как способ достижения цели, демонстрируемый в современной информационной продукции и воспринимаемый детьми и подростками вызывает серьезные опасения. При более подробном анализе, становится не совсем ясно, с какой целью современная информационная продукция наполняется актами насилия физического и (или) психического.

Соответственно, следует вывод: не используются ли современные информационные продукты в качестве средства продвижения (пропаганды) разного рода субкультуры в «неокрепшие умы» детей и подростков. Формами такого «внедрения» в сознание указанных лиц могут быть: периодические издания (печатные и онлайн), телевизионный контент (в том числе его онлайн версия). Компьютерные игры (в том числе онлайн)[4, с. 66] с

явной разносторонней демонстрацией виртуального насилия (агрессии), которое в последующем может быть воплощено в «реальной жизни».

Последнее представляет криминологический интерес, так как является одним из оснований формирования противоправного поведения лиц, не достигших совершеннолетия. Так, согласно популярным сценарием современных компьютерных игр является «устранение» противника, хотя и виртуальное. Данный процесс может породить разные действия преступного характера. Например, поведение игрока в виртуальном мире обусловленное достижением цели, направленным на победу может быть воспринято им как способ достичь желаемой цели в «реальном» мире.

В развитии и укреплении в обществе рассматриваемого вида преступности не маловажную роль играет Интернет.

Наличие в виртуальном пространстве множества «сект» действующих под видом благих дел оказывает негативное влияние на сознание, мироощущение и поведение лиц, которые еще не обладают «социально-психологической зрелостью»[5, с. 53-55], социальным опытом. Соответственно, в отдельных случаях, имеют место склонение их к совершению преступлений. Например, к предоставлению финансовой информации о материальном состоянии своих родителей и других конфиденциальных данных. А также имеющие место факты интернет травли, кибербуллинга, в том числе склонение к суициду.

Дополнительно отметим, что Интернет – это в целом международная информационная сеть неподдающаяся какому-либо «жесткому» контролю, хотя, предположительно, есть возможность регионального контроля за содержанием онлайн-контента.

Данное воздействие с целью формирования деструктивного социального сознания (мышления), прививание им идей имеющих явно антисоциальную окраску, приобретает все большие масштабы. Под влиянием идей «нового социального мира», лица рассматриваемой возрастной группы объединяются в группы и иногда для поддержания названных установок, ими совершаются преступления. Названая проблема, с уголовно-правовой точки зрения, обозначена как «*молодежный экстремизм*» являющийся объектом воздействия норм уголовного права. Однако, как отмечается в научной литературе[6, с. 290] в работе по борьбе с указанной проблемой также есть определенные моменты требующие корректировки.

По указанному выше аспекту, отметим следующее.

По словам докторов психологических наук, профессоров А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова: «Основу девиантного поведения подростков составляет так называемый переживаемый психофизиологический кризис при переходе от отрочества к осознанному определению себя в общества»[7, с. 84].

С течением времени данное негативное социальное явление все более прогрессирует, но в то же время государством принимаются необходимые меры по противодействию. При этом, субъектами негативного воздействия выступают в том числе обучающиеся и студенты, находящиеся еще на пути своего «социального становления». Возраст таких лиц составляет от 14 лет до 21 года.

Нельзя не сказать и о таких социальных проблемах как *наркотики* и *алкоголизация населения*. Данные проблемы свойственны и лицам, не достигшим 18 лет, так как в силу разных социальных обстоятельств данные граждане обращаются к указанных вредным привычкам.

Употребление молодыми людьми *наркотиков* крайне серьезная социальная проблема, требующая к себе внимания. По данным профессора С. Ф. Милюкова, возраст начала потребления в расчете на лиц мужского и женского пола составляет: «мальчики… в 12,5 лет, девочки – 12,9 лет»[8, с. 90] соответственно.

В научной литературе криминологического и уголовно-правового характера учеными предлагаются соответствующие меры, направленные на профилактику, предупреждение, выявление и пресечение деяний противоправных действий рассматриваемых лиц. При этом отсутствие возможности проводить время досуга, соответствующего их возрасту, ведет к объединению их в группы. Подобное объединение ведет к тому, что в данных группах формируется определенная иерархия «ведущих» и «ведомых» при этом не исключены конфликтные ситуации. Образованная в итоге молодежная группа по соответствующим интересам, с определенным поведением может устанавливать свои нормы и правила. Действовать в том или ином направлении, в основном противоправного характера. Подтверждением последнего может служить разного рода выкладываемый ими интернет-материал.

Кроме того, полагаем чтобы завершить круг обозначенных проблем необходимо указать на то, что при привлечении молодых преступников к ответственности, например, с 14 лет как указывает УК РФ[1] необходима однозначная и понятная процессуальная процедура, отвечающая современным требованиям. В качестве последней, учеными рассматривается ювенальная юстиция[9, с. 460], имеющая место согласно научным данным место и ранее в отечественном законодательстве.

Таким образом, из сказанного следуют следующие выводы.

Необходимо заметить, что преступность несовершеннолетних детерминирована рядом многих факторов социального характера.

Соответственно необходимо: во-первых, исключить из просмотра в той или иной форме лицами, не достигшими 18 лет информационной продукции, содержащей в той или иной форме сцены физического и (или) психологического насилия (или его имитацию). В том числе, ограничить доступ детей и подростков к информационной сети Интернет, до достижения ими возраста 18 лет. Во-вторых, в целях формирования законопослушного поведения, расширить круг профилактических мер, направленных на выявление потенциально опасных ситуаций и лиц склонных к «антиправовому поведению». В-третьих, в работе с неблагополучными семьями выявлять все имеющиеся проблемы семьи и устранять их, создавая тем благополучную среду в семье. В-четвертых, организовать систему досуга, соответствующую возрасту молодых лиц. Например, включить в нее: спортивные занятия, просветительские, творческие занятия, предоставляя им возможность проявить самостоятельность, в определенной степени, в указанных мероприятиях.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21 апрель 2025 г.). // СПС «КонсультантПлюс».

Список литературы:

1. Милюков С. Ф. Существует ли особо опасный тип несовершеннолетнего преступника? // Преступность несовершеннолетних и ее профилактика : материалы Межвуз. научн.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26 мая 2020 года / под общ. ред. В. Ю. Сморгуновой, С. У. Дикаева. – СПб : «Печатный цех», 2021. – 72 с.
2. Несовершеннолетние как субъекты уголовно-правовых отношений : монография / под ред. С. У. Дикаева. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. – 232 с. (Авторы главы 3 – С. Ф. Милюков, А. Л. Лебедь, С. Д. Цэнгэл).
3. Двойная превенция в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики : сб. материалов круглого стола (Москва, 25 апреля 2018 г.) ред. коллегия Р. В. Жубрин, О. А. Евланова; Ун-т прокуратуры Российской Федерации. – М., 2018. – 155 с.
4. Актуальные вопросы профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних : сб. материалов круглого стола (Москва, 2 апреля 2021 г.) / под общ. ред. О. С. Капинус; [науч. ред. Д. И. Ережипалиев; сост. О. В. Морозова, М. Л. Огурцова]; Ун-т прокуратуры Российской федерации. – М., 2021. – 152 с.
5. Погорова Р. И. К вопросу о смысловом содержании понятия «социально-психологическая зрелость» // Высшее образование сегодня. – 2016. – № 5. – С. 53–55.
6. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития общества : монография / П. В. Агапов, Г. В. Антонов-Романовский, В. К. Артеменко [и др.]; под общ. ред. Р. В. Жубрина; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2016. – 656 с.
7. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. Москва : Проспект, 2020. – 536 с.
8. Милюков С. Ф. С. Развитие системы раннего выявления незаконного потребления наркотических и психотропных веществ / С. Ф. Милюков, И. В. Кожухова // Антинаркотическая безопасность. – 2014. – № 1 (2). – С. 89–93.
9. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 528 с.

References:

1. Milyukov S. F. Is there a particularly dangerous type of juvenile delinquent? // Juvenile delinquency and its prevention : materials of the Inter-university. scientific-practical conference, St. Petersburg, May 26, 2020 / under the general editorship of V. Y. Smorgunova, S. U. Dikaev. – St. Petersburg : "Printing shop", 2021. – 72 p.
2. Minors as subjects of criminal law relations: a monograph / edited by S. U. Dikaev. St. Petersburg : A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 2023. 232 p. (The authors of Chapter 3 are S. F. Milyukov, A. L. Lebed, S. D. Tsengel).
3. Double prevention in the fight against crime: issues of theory and practice : collection of materials of the round table (Moscow, April 25, 2018) edited by the Board of R. V. Zhubrin, O. A. Evlanova; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, 2018, 155 p.
4. Current issues of the prevention of offenses and crimes of minors : collection of materials of the round table (Moscow, April 2, 2021) / under the general editorship of O. S. Kapinus; [scientific editorship of D. I. Erezhipaliev; comp. O. V. Morozova, M. L. Ogurtsova]; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – M., 2021. 152 p .
5. Pogorova R. I. On the issue of the semantic content of the concept of "socio-psychological maturity" // Higher education today. 2016. № 5. pp. 53-55.
6. Theoretical foundations of crime prevention at the present stage of society's development : a monograph / P. V. Agapov, G. V. Antonov-Romanovsky, V. K. Artemenko [et al.]; under the general editorship of R. V. Zhubrin; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow : Prospekt Publ., 2016. – 656 p.
7. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. Dictionary of a conflictologist. Moscow : Prospekt, 2020. – 536 p.
8. Milyukov S. F. S. Development of the system of early detection of illegal consumption of narcotic and psychotropic substances / S. F. Milyukov, I. V. Kozhukhova // Anti-drug safety. – 2014. – № 1 (2). – Pp. 89-93.
9. Gilinsky Ya. I. Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations". 2nd ed., ispr. and add. St. Petersburg : R. Aslanov Publishing house "Law Center Press", 2007. – 528 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_559

УДК 343.8

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УКЛОНЕНИЯ (ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ) ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
CRIMINAL LAW CONSEQUENCES OF EVASION (MALICIOUS EVASION) FROM SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT

ЕВСЕЕВА Екатерина Владимировна,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры РФ».
107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 10, стр. 1.
E-mail: mev-14@mail.ru;

EVSEEVA Ekaterina Vladimirovna,
postgraduate student of the Department of Criminal Law Disciplines
FGKOU HE University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
10 Novaya Basmannaya str., building 1, Moscow, 107078, Russia.
E-mail: mev-14@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются уголовно-правовые последствия уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы, включая злостное уклонение. Анализируются нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие ответственность за подобные деяния. Исследуются проблемы квалификации, правоприменительной практики и возможные пути совершенствования законодательства.*

Abstract: *The article examines the criminal and legal consequences of evading serving a custodial sentence, including malicious evasion. The norms of criminal and penal enforcement legislation regulating responsibility for such acts are analyzed. The problems of qualification, law enforcement practice and possible ways to improve legislation are investigated.*

Ключевые слова: *уклонение от наказания, злостное уклонение, лишение свободы, уголовная ответственность, побег из мест лишения свободы.*

Keywords: *evasion of punishment, malicious evasion, imprisonment, criminal liability, escape from places of detention.*

Для цитирования: *Евсеева Е.В. Уголовно-правовые последствия уклонения (злостного уклонения) от отбывания наказания в виде лишения свободы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 559-561. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_559.*

For citation*: Evseeva E.V. Criminal law consequences of evasion (malicious evasion) from serving a sentence of imprisonment // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 559-561. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_559.*

Статья поступила в редакцию: 19.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Проблема уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы остается одной из наиболее актуальных в уголовно-исполнительной практике.

Несмотря на существующие законом меры, значительное число осужденных предпринимают попытки избежать исполнения наказания, что не только нарушает принцип неотвратимости ответственности, но и создает угрозу общественной безопасности. Вопросы квалификации таких деяний, определения их правовых последствий и эффективности применяемых мер требуют глубокого анализа с учетом современной судебной практики и доктринальных подходов.

В юридической литературе данная проблема рассматривается в трудах таких ученых, как А.И. Чучаев [1], который отмечает, что уклонение от наказания подрывает основы уголовной политики государства, а также Демидова О.Г. и Демидовой А.Г., указывающих на необходимость дифференциации ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния [2]. Вместе с тем, как справедливо подчеркивает Н.А. Лопашенко, существующая законодательная регламентация не всегда позволяет эффективно противодействовать злостным формам уклонения, что требует дальнейшей корректировки норм уголовного права [3].

Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы представляет собой умышленные действия осужденного, направленные на избежание исполнения назначенного судом наказания. В правоприменительной практике выделяются различные формы такого поведения, каждая из которых обладает специфическими признаками и влечет соответствующие правовые последствия.

Наиболее распространенным и общественно опасным способом уклонения является запланированный побег заключенного из мест отбывания наказания, образующий новый состав преступления.

Анализ решений Судов свидетельствует о том, что побег чаще происходит из исправительного учреждения с минимально возможным уровнем охраны. Не менее распространенной формой уклонения является неявка в учреждение уголовно-исполнительной системы после вступления приговора в законную силу, что часто связано с отсутствием эффективного механизма контроля над поведением осужденных на данном этапе. Особую сложность в квалификации представляет злостное уклонение, которое предполагает систематический характер противоправных действий.

Современное законодательство предусматривает комплекс мер воздействия в отношении лиц, уклоняющихся от отбывания наказания. Основным последствием является привлечение к дополнительной уголовной ответственности по ст. 313 или 314 УК РФ, что влечет существенное ужесточение положения осужденного [4]. При этом, как отмечает А.Э. Жалинский, санкции (наказание) за данные преступления необходимо применять соизмеримо нанесенного ранее вреда обществу, а также в рамках оценки конкретного случая и мотива побега осужденного. [5].

Помимо применяемых санкций (наказания) в рамках УК РФ, важно изменять условия содержания и последующего отбывания наказания. Так, согласно ч. 4 ст. 78 УИК РФ, время уклонения от отбывания наказания не идет в срок уже отбываемого наказания, что существенно увеличивает период изоляции осужденного [6].

Несмотря на существующий правовой механизм противодействия уклонению от отбывания наказания, в правоприменительной практике сохраняется ряд системных проблем. Одной из ключевых является недостаточная эффективность розыска скрывшихся осужденных, что связано как с ограниченными ресурсами правоохранительных органов, так и с несовершенством межведомственного взаимодействия. Как показывает исследование, в среднем только 60% бежавших осужденных задерживаются в течение первого года, что создает значительные риски для общества.

Еще одной проблемой выступает неоднозначность квалификации злостного уклонения. В учебном пособии Фафелова В.А. справедливо отмечается, что отсутствие четких законодательных критериев злостности приводит к существенным расхождениям в судебной практике [7].

В целях совершенствования правового регулирования представляется необходимым внести следующие изменения:

– введение в статьи УК РФ более детализированного определения злостного уклонения;
– усилить контроль за осужденными, пользующимися правом временного выезда;
– внедрить современные технологии мониторинга (электронные браслеты, биометрические системы);
– расширить основания для помещения уклоняющихся осужденных в учреждения с более строгими условиями содержания.

Как отмечает Мишин А.А., подобные меры позволят повысить эффективность исполнения наказаний без существенного ужесточения карательной политики [8]. Важное значение имеет и совершенствование профилактической работы, включая психолого-педагогическое воздействие на осужденных, что особенно подчеркивается в исследованиях Черкасовой М.А. [9].

Совершенствование законодательства должно сочетаться с развитием организационно-управленческих механизмов в уголовно-исполнительной системе. Только такой многоаспектный подход, учитывающий как карательные, так и профилактические меры, позволит обеспечить неотвратимость наказания и снизить уровень рецидивной преступности.

Заключение

Исследование уголовно-правовых последствий уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы позволяет сделать ряд значимых выводов.

Прежде всего, анализ действующего законодательства и судебной практики показывает, что уклонение от реализации решений Суда в части содержания и отбывания наказания подразумевает под собой более серьезную угрозу, нежели уже совершенное преступление. Уклонение от отбывания наказания осужденным значительно снижает, итак, не самую высокую результативность системы исполнения наказания.

Нормативно-правовые акты в России предусматривают широкий комплекс мер для оперативного воздействия на осужденных граждан, пытающихся уклониться от исполнения Судебного решения в части ограничения свободы, включая как уголовную ответственность за побег или иное злостное уклонение, так и процессуальные последствия в виде изменения условий отбывания наказания [10].

Судебная практика демонстрирует, что квалификация таких деяний нередко вызывает сложности, особенно при разграничении простого и злостного уклонения. Суды учитывают не только формальные признаки преступления, но и обстоятельства его совершения, включая способ, продолжительность уклонения и последующие действия осужденного.

Вместе с тем, отсутствие единообразного подхода к оценке злостности, как справедливо отмечают исследователи (Демидов О.Г. и Лопашенко Н.А.), свидетельствует о необходимости более четкой законодательной регламентации соответствующих критериев.

Важным аспектом проблемы является несовершенство механизмов розыска скрывшихся осужденных. Данные, приведенные Н.А. Лопашенко, указывают на недостаточную эффективность современных методов розыска, что требует совершенствования межведомственного взаимодействия и внедрения новых технологий контроля, таких как электронные браслеты или биометрический учет. Кроме того, как подчеркивает Мишин А.А., существенную роль в профилактике уклонений могло бы сыграть усиление психолого-педагогической работы с осужденными, направленной на формирование у них осознанного отношения к необходимости отбывания наказания.

Перспективными направлениями совершенствования законодательства видятся: во-первых, детализация понятия злостного уклонения в УК РФ с указанием конкретных признаков; во-вторых, расширение применения современных средств контроля за осужденными; в-третьих, оптимизация процедур временного освобождения для минимизации рисков побега. Как отмечает Жалинский А.Э., такие меры должны сочетать карательные и профилактические подходы, обеспечивая баланс между неотвратимостью наказания и соблюдением прав осужденных.

В целом, проблема уклонения от отбывания наказания требует комплексного решения, включающего законодательные инициативы в рамках системы исполнения наказания. В итоге, только постоянная профилактика правонарушений, мониторинг контингента осужденных и их поведения, учитывающий социально-правовые аспекты исследуемой проблемы, даст возможность качественно изменить уровень уклонения от отбывания наказания и сможет и повысить не только результативность, но и эффективность системы исполнения наказания.

Проведенное исследование подтверждает, что дальнейшее развитие норм уголовного и уголовно-исполнительного права в данном направлении должно основываться на глубоком анализе правоприменительной практики и современных научных разработках в области криминологии и пенитенциарной психологии.

Список литературы:

1. Чучаев А.И. Уголовное право России. Особенная часть. М.: КНОРУС, 2022. 672 с.
2. Демидов О.Г., Демидова А.Г. Профилактика уклонений от отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и иных мер уголовно-правового характера: практические рекомендации. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2016. 27 с.
3. Лопашенко Н.А. Преступления против правосудия: проблемы квалификации. М.: Юрлитинформ, 2023. 558 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: Проспект, 2004. 560 с.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
7. Фефелов В.А. Уголовно-исполнительное право России. Общая часть: учебное пособие для образовательных учреждений МВД России. Рязань: РИПЭ МВД России, 1998. 373 с.
8. Мишин А.А. Пенитенциарная психология: практикум. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2023. 46 с.
9. Черкасова М.А. Пенитенциарная психология: учебное пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2020. 176 с.
10. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы" // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6453.

References:

1. Chuchaev A.I. Criminal law of Russia. The special part. Moscow: KNORUS, 2022. 672 p.
2. Demidov O.G., Demidova A.G. Prevention of evasion from serving criminal sentences not related to isolation from society and other criminal law measures: practical recommendations. Pskov: Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2016. 27 p.
3. Lopashenko N.A. Crimes against justice: problems of qualification. Moscow: Yurlitinform, 2023. 558 p.
4. Criminal Code of the Russian Federation №. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 24.04.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. №. 25. Art. 2954.
5. Zhalinsky A.E. Modern German criminal law. Moscow: Prospekt, 2004. 560 p.
6. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 № 1-FZ (as amended on 19.12.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. №. 2. Art. 198.
7. Fefelov V.A. Penal enforcement law of Russia. General part: a textbook for educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ryazan: RIPE of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. 373 p.
8. Mishin A.A. Penitentiary psychology: a practical course. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. 46 p.
9. Cherkasova M.A. Penitentiary psychology: a textbook. Vologda: VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. 176 p.
10. Federal Law №. 377-FZ of December 27, 2009 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the Entry into Force of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation on punishment in the form of restriction of freedom" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. №. 52 (Part 1). Article 6453.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_562

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ»
A DOCTRINAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «TAX EVASION»

СМОЛЬЯНИНОВ Евгений Серафимович,
доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно–правовых дисциплин
Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова».
105066, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 35, стр. 1.
E-mail: avtoritet.olga19@gmail.com;

КРАСОВСКАЯ Ольга Владимировна,
магистр факультета «Юриспруденции»
Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова».
105066, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 35, стр. 1.
E-mail: avtoritet.olga19@gmail.com;

ВОРОБЬЕВА Ирина Николаевна,
магистр факультета «Юриспруденции»
Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова».
105066, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 35, стр. 1.
E-mail: avtoritet.olga19@gmail.com;

SMOLYANINOV Evgeny Serafimovich,
Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Educational private institution of higher education «Moscow University named after A.S. Griboyedov»..
105066, Moscow, Novaya Basmannaya str., 35, building 1.
E-mail: avtoritet.olga19@gmail.com;

KRASOVSKAYA Olga Vladimirovna,
Master of the Faculty of Law Private Educational Institution of Higher Education
«Moscow University named after A.S. Griboyedov».
105066, Moscow, Novaya Basmannaya str., 35, building 1.
E-mail: avtoritet.olga19@gmail.com;

VOROBYEVA Irina Nikolaevna,
3rd year Master's Degree in the Faculty of Law
Private Educational Institution of Higher Education A.S. Griboyedov Moscow University.
105066, Moscow, Novaya Basmannaya str., 35, building 1.
E-mail: avtoritet.olga19@gmail.com

Краткая аннотация: *В настоящей статье проводится доктринальный анализ понятия «уклонение от уплаты налогов» в его историческом, теоретическом и практическом измерениях. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью налоговой проблематики в обеспечении экономической безопасности государства и необходимостью эффективного противодействия противоправным схемам ухода от налогообложения. В рамках исследования анализируются различные доктринальные подходы к определению уклонения от уплаты налогов, представленные в трудах ведущих российских ученых-правоведов и экономистов. Подчеркивается необходимость дальнейшего развития доктринальных основ понимания уклонения от уплаты налогов с учетом современных тенденций развития экономики и налогового законодательства, а также установления единого понятийного аппарата.*

Abstract: *This article provides a doctrinal analysis of the concept of «tax evasion» in its historical, theoretical and practical dimensions. The relevance of the topic is due to the increasing role of tax issues in ensuring the economic security of the state and the need to effectively counteract illegal tax avoidance schemes. The study analyzes various doctrinal approaches to the definition of tax evasion, presented in the works of leading Russian legal scholars and economists. The need for further development of the doctrinal foundations of understanding tax evasion is emphasized, taking into account current trends in economic development and tax legislation, as well as the establishment of a unified conceptual framework.*

Ключевые слова: *налог, уклонение от уплаты, доктринальный подход, телеологический подход, формально-юридический подход, экономический подход.*

Keywords: *tax, tax evasion, doctrinal approach, teleological approach, formal legal approach, economic approach.*

Для цитирования: *Смольянинов Е.С., Красовская О.В., Воробьева И.Н. Доктринальный анализ понятия «уклонение от уплаты налогов»// Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 562-564. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_562.*

For citation*: Smolyaninov E.S., Krasovskaya O.V., Vorobyeva I.N. A doctrinal analysis of the concept of «tax evasion» // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 562-564. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_562.*

Статья поступила в редакцию: 12.09.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Проблема уклонения от уплаты налогов является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых в современной юриспруденции, экономике и общественной жизни. Стремление к минимизации налоговых платежей, с одной стороны, является естественным правом каждого экономического субъекта, однако грань между законной налоговой оптимизацией и незаконным уклонением от уплаты порой оказывается весьма зыбкой. По этой причине доктринальные определения понятия «уклонение от уплаты налогов» имеют принципиальное значение для формирования единообразной правоприменительной практики, выработки эффективных мер по противодействию этому явлению и обеспечения справедливости налоговой системы.

История развития доктринальных подходов к определению уклонения от уплаты налогов берет свое начало в работах классиков финансового права. Уже в XIX веке ученые обращали внимание на необходимость разграничения законных и незаконных способов уменьшения налоговых обязательств. Например, в трудах Адольфа Вагнера (Adolph Wagner), немецкого экономиста и теоретика государственного управления, заметна озабоченность возможностью злоупотреблений со стороны налогоплательщиков и государства. Лорд Мэнсфилд (Lord Mansfield), британский юрист и судья XVIII века (деятельность которого, однако, оказала влияние и на налоговое право XIX века), сформулировал принцип «действительной цели» в

налоговом праве и заложил основы для борьбы с искусственными схемами уклонения от налогов. Джон Стюарт Милль (John Stuart Mill), английский философ и экономист, в своих работах анализировал экономические последствия различных видов налогов и предлагал принципы налоговой реформы, направленные на повышение эффективности и справедливости налоговой системы. Жан-Батист Сэй (Jean-Baptiste Say), французский экономист, известен своей концепцией «закона Сэя», подчеркивал важность разумного налогового бремени, которое не подавляет экономическую активность и не стимулирует уклонение от налогов. Энрико Барони (Enrico Barone), итальянский экономист, занимался вопросами оптимального налогообложения и роли государства в экономике, предлагал модели, позволяющие определить оптимальный уровень налогообложения, максимизирующий общественное благосостояние.

Однако систематизированные определения и четкие критерии появились значительно позже, по мере развития налоговых систем и усложнения экономических отношений.

Современные исследователи предлагают разнообразные определения понятия «уклонения от уплаты налогов». Ануфриева Е.М. считает, что: «Уклонение от уплаты налогов – это форма минимизации налоговых обязательств по налоговым платежам, являющаяся объектом контроля и проводимая налогоплательщиками посредством совершения правонарушений или налоговых преступлений» [1]. Ботвинкин М.Ю. предлагает: «… под уклонением от уплаты налогов понимать различные целенаправленные действия налогоплательщика, которые позволяют ему избежать или уменьшить, в той или иной степени, обязательные для него выплаты в бюджет в виде налогов, сборов, пошлин и других платежей» [2]. Другой же авторы считает, что термин «уклонение» указывает именно на стремление преступника избежать уплаты налогов полностью или частично посредством различных тщательно скрываемых или открытых противоправных (запрещенных уголовным законом) действий, которые заключают в себе обман налоговых органов (оставление их в неведении) относительно объектов налогообложения [5].

И.Н. Пастухов и П.С. Яни предлагают под «уклонением» понимать незаконное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) осознанное и желаемое пользование, владение и распоряжение денежными средствами, которые к установленному законодательством сроку должны были быть перечислены в государственный бюджет. Термин «уклонение», как считают ученые, означает не только само действие (бездействие), но и его результат (фактическую неуплату налога) [6].

Автор Середа И.М., анализируя различные определения заключил: «… уголовно-наказуемое уклонение от уплаты налогов … это любые общественно опасные, противоправные и уголовно наказуемые умышленные деяния субъекта, которые позволяют последнему избежать или в той или иной степени уменьшить его обязательные выплаты в бюджет, производимые в виде налогов» [8].

Ермаков С.В. считает, что термин «уклонение» следует определять: а) через действие – представление в налоговые органы декларации или иных документов с заведомо ложными сведениями; б) бездействие – непредставление налоговой декларации или иных документов [4].

Сергиенко Н.Г. уклонение от уплаты налогов представляет, как сложное и многоаспектное явление, включающее разнообразные методы и формы, от легальной налоговой оптимизации до серьезных преступлений. Оно возникает на стыке общественных интересов и личной выгоды налогоплательщиков, что требует от государства применения комплексных мер контроля и ответственности [7].

Городная Е.С. констатирует, что: «уклонение от уплаты налогов представляет собой форму уменьшения налоговых и иных платежей, при которой налогоплательщик умышленно избегает уплаты налога. В предоставленном случае снижение налоговых выплат осуществляется при помощи совершения налогоплательщиком налоговых преступлений или же злодеяний» [3].

На основании представленных в современных доктринальных источниках определений, можно выделить несколько основных подходов к термину «уклонения от уплаты налогов»:

1. Формально-юридический подход - этот подход акцентирует внимание на соблюдении формальных требований законодательства. Уклонение от уплаты налогов определяется как любое действие или бездействие налогоплательщика, направленное на уменьшение налоговых обязательств, которое прямо запрещено налоговым законодательством или совершено в нарушение установленного порядка. Основным критерием является нарушение конкретных норм права. Данный подход отличается простотой применения, однако имеет ряд недостатков. Он не учитывает экономическую сущность операций и позволяет налогоплательщикам, формально соблюдающим закон, избегать уплаты налогов путем использования сложных и запутанных схем.

2. Экономический подход - данный подход рассматривает уклонение от уплаты налогов с точки зрения его экономических последствий. Уклонением признаются действия, которые, формально не противореча закону, фактически направлены на получение необоснованной налоговой выгоды, искажают экономическую реальность и приводят к уменьшению поступлений в бюджет. Ключевым критерием является экономическая обоснованность операций. Если операция не имеет разумной деловой цели, кроме уклонения от уплаты налогов, она может быть квалифицирована как незаконная. Этот подход позволяет бороться с более сложными схемами уклонения, но требует от правоприменителя проведения глубокого экономического анализа и оценки мотивов налогоплательщика.

3. Телеологический подход. (от греч. τέλος - цель, замысел) - этот подход фокусируется на цели налогового законодательства. Уклонение от уплаты налогов определяется как любое действие, противоречащее цели и духу налогового закона, даже если формально оно не нарушает его буквы. Данный подход предполагает, что налогоплательщик должен действовать добросовестно и учитывать цели, которые преследовал законодатель, устанавливая то или иное налоговое правило. Телеологический подход является наиболее широким и позволяет бороться с наиболее изощренными способами уклонения, однако он также является и наиболее сложным в применении, поскольку требует от правоприменителя толкования налогового законодательства и выявления целей, которые преследовал законодатель.

В юридической доктрине также встречаются смешанные подходы, которые сочетают элементы формально-юридического, экономического и

телеологического подходов. Эти подходы представляются более гибкими и позволяют учитывать различные аспекты уклонения от уплаты налогов. Например, некоторые авторы предлагают рассматривать уклонение как совокупность следующих признаков: нарушение налогового законодательства (формальный признак), получение необоснованной налоговой выгоды (экономический признак) и несоответствие действий налогоплательщика целям налогового регулирования (телеологический признак).

Выбор конкретного подхода к определению «уклонения от уплаты налогов» зависит от конкретной правовой системы, ее традиций и целей, которые ставятся перед налоговым правоприменением. В большинстве стран наблюдается тенденция к расширению понятия уклонения и использованию более широких подходов, позволяющих бороться с различными формами налоговой агрессии.

Одним из наиболее важных аспектов доктринальных определений является их влияние на правоприменительную практику. Четкие и однозначные определения позволяют налоговым органам эффективнее выявлять и пресекать факты уклонения от уплаты налогов, а судам – принимать обоснованные и справедливые решения. Отсутствие единообразного понимания данного понятия, напротив, создает правовую неопределенность и способствует злоупотреблениям со стороны недобросовестных налогоплательщиков.

Продолжая рассмотрение вопроса о влиянии доктринальных подходов на правоприменение, следует отметить, что в разных правовых системах доктринальные определения могут служить различными целями. В странах англосаксонской системы права, где прецедентное право играет значительную роль, доктринальные разработки используются судами для обоснования своих решений и формирования правовых позиций. В странах континентальной системы права, где основным источником права является закон, доктринальные определения служат для толкования и систематизации законодательства, а также для выработки рекомендаций по его совершенствованию.

Важно также отметить, что доктринальные определения понятия «уклонение от уплаты налогов» постоянно развиваются и совершенствуются под влиянием изменений в экономической и социальной сферах. Появление новых форм бизнеса, развитие цифровых технологий и глобализация экономики приводят к возникновению новых способов уклонения от уплаты налогов, что требует от ученых и практиков постоянного поиска новых подходов и решений.

Таким образом, доктринальные определения понятия «уклонение от уплаты налогов» являются важным инструментом для обеспечения справедливости и эффективности налоговой системы. Они позволяют разграничить законную налоговую оптимизацию и незаконное уклонение, формируют единообразную правоприменительную практику и способствуют противодействию налоговым злоупотреблениям. Постоянное развитие и совершенствование доктринальных подходов является необходимым условием для поддержания стабильности и устойчивости налоговых систем в условиях меняющейся экономической среды.

Список литературы:

1. Ануфриева Е.М. Понятие уклонения от уплаты налогов в системе налоговых отношений // Финансы и кредит. 2008. № 44(332). С. 35-41.
2. Ботвинкин М. Ю. Уголовная ответственность за преступления в сфере налогообложения: Дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. С. 84.
3. Городная Е.С. Понятие и схемы уклонения от уплаты налогов в системе налоговых отношений / Е.С. Городная, Р.Н. Берлизев // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности: Сборник материалов Международной научной конференции, Костанай, 27-29 мая 2019 года. Костанай: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2019. С. 241-243.
4. Ермаков С.В. Уклонение от уплаты налогов и(или) сборов с организации: проблема определения понятия // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4(9). С. 134-135.
5. Кучеров И. И. Налоговая преступность: Криминологические и уголовно-правовые проблемы: Дис. … докт. юрид. наук. М., 1999. С. 192.
6. Пастухов И. Н., Яни П. С. Квалификация налоговых преступлений // Законность. 1998. № 1. С. 9–11.
7. Сергиенко Н.Г. Понятие уклонения от уплаты налогов: сущность, формы и виды // Молодой ученый. 2025. № 21(572). С. 335-337.
8. Середа И.М. Уклонение от уплаты налогов и сборов, налоговые преступления, преступления против налоговой системы: понятие, характеристика и классификация // Бизнес в законе. 2005. № 1. С. 20-29.

References:

1. Anufrieva E.M. The concept of tax evasion in the system of tax relations // Finance and credit. 2008. No. 44(332). pp. 35-41.
2. Botvinkin M. Y. Criminal liability for crimes in the field of taxation: Dis. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 1996. p. 84.
3. Gorodnaya E.S. The concept and schemes of tax evasion in the system of tax relations / E.S. Gorodnaya, R.N. Berlizev // Actual problems of management, economics and economic security: Proceedings of the International Scientific Conference, Kostanay, May 27-29, 2019. Kostanay: Limited Liability Company Publishing House Wednesday, 2019. pp. 241-243.
4. Ermakov S.V. Tax evasion and (or) fees from an organization: the problem of defining the concept // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2008. No. 4(9). pp. 134-135.
5. Kucherov I. I. Tax crime: Criminological and criminal law problems: Dis. ... doct. jurid. M., 1999. p. 192.
6. Pastukhov I. N., Yani P. S. Qualification of tax crimes // Legality. 1998. No. 1. pp. 9-11.
7. Sergienko N.G. The concept of tax evasion: essence, forms and types // Young Scientist. 2025. No. 21(572). pp. 335-337.
8. Sereda I.M. Tax evasion, tax crimes, crimes against the tax system: concept, characteristics and classification // Business in Law. 2005. No. 1. pp. 20-29.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_565

УДК 343.98

ЗАВЕДОМО ЛОЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ОТ ОСУЖДЕННЫХ, КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ
KNOWINGLY FALSE INFORMATION ABOUT A CRIME FROM CONVICTS AS ONE OF THE WAYS TO DISRUPT THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS

СУРОГИНА Екатерина Николаевна,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров.
390000, Россия, Рязанская область г. Рязань, Сенная ул., д.1.
E-mail: katerina_s19@list.ru;

SUROGINA Ekaterina Nikolaevna,
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service
adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel.
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: katerina_s19@list.ru

Краткая аннотация. *В представленной автором статье исследуется проблема раскрытия ложного сообщения о преступлении в местах лишения свободы, проводиться исторический анализ норм уголовного права, регулирующих общественные отношения в области поступления заведомо ложной информации, а также проводиться сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных стран с целью получения положительного опыта по применению юридических норм в указанной области. В данном исследовании рассматриваются категории преступлений, связанные с заведомо ложной информацией о преступлении, которые могут совершаться осужденными, а также нормы уголовного права, которые регулируют взаимоотношения в местах лишения свободы, с целью внесения поправок, способствующих улучшению работу оперативных подразделений по привлечению виновных лиц к уголовной ответственности.*

Abstract. *The article presented by the author examines the problem of disclosure of a false report of a crime in places of deprivation of liberty, conducts a historical analysis of the norms of criminal law governing public relations in the field of receiving deliberately false information, and conducts a comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and foreign countries in order to gain positive experience in the application of legal norms in the specified area. This study examines the categories of crimes related to knowingly false information about a crime that can be committed by convicts, as well as the norms of criminal law that regulate relationships in places of detention, with a view to making amendments that improve the work of operational units to bring perpetrators to justice.*

Ключевые слова: *Заведомо ложные сообщения о преступлении, преступление, субъективная сторона, объективная сторона, клевета, заведомо ложный донос*

Keywords: *Knowingly false reports of a crime, crime, subjective side, objective side, subject, slander, deliberately false denunciation.*

Для цитирования: *Сурогина Е.Н. Заведомо ложная информация о преступлении от осужденных, как один из способов дезорганизации деятельности учреждений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 565-567. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_565.*

For citation*: Surogina E.N. Knowingly false information about a crime from convicts as one of the ways to disrupt the activities of institutions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 565-567. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_565.*

Статья поступила в редакцию: 07.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В данной работе мы рассматриваем заведомо ложную информацию о преступлении со стороны спецконтингента и их родственников, как один из факторов дестабилизации деятельности учреждений. Стоит отметить, что тема недостаточно исследована, в том числе из-за сложности доказуемости деяний в области заведомо ложной информации о преступлении и, как следствие, их латентный характер в местах лишения свободы.

На данный момент подавляющее число преступных деяний в сфере заведомо ложной информации о преступлении в местах лишения свободы регулируются ст. 306 УК РФ (заведомо ложный донос), ст. 128.1 УК РФ (клевета), ст. 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма) [1, с. 721].

Латентный характер заведомо ложной информации о преступлении, как вида преступной деятельности в местах лишения свободы со стороны спецконтингента, можно выявить на основе анализа судебной статистики, отчетов, отражающих статистические данные регистрации сообщений заявлений о преступлении в уголовно-исполнительной системе, а также по результатам эмпирического исследования [2, с. 2].

Рассмотрим, в первую очередь, судебную статистику. За 2024 год в сфере заведомо ложной информации о преступлении осуждено 1897 лиц, тогда как за 2016 год совокупность статей 306 УК РФ, 207 УК РФ, 128.1 УК РФ составляла 3729, и, соответственно, на 1832 человека превышала показатели 2024 года [3].

Также для большей наглядности мы предлагаем обратиться к статистическим данным МВД России «О состоянии преступности в России за 2024 год» на примере статьи 207 УК РФ - заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Всего зарегистрировано 15844 сообщений, заявлений о преступлении, тогда как привлечено лиц к уголовной ответственности - 682 человека [4]. Данные демонстрируют общероссийский уровень преступности в сфере заведомо ложных сообщений о преступлении, при этом мы наблюдаем как данная сфера преступлений не только уходит в латентное состояние, но и создает предпосылки для дискредитации основ правового государства. Обратимся к работе Шурова А.А., в которой представлены статистические данные, подтверждающие наше мнение в отношении латентности данной сферы преступной деятельности. «По мнению 82,3% сотрудников треть преступлений данного вида остается латентными. При этом практические сотрудники указывают на необходимость разработки современных методик выявления заведомо ложного доноса (75%), а также выработку и использование сотрудниками навыков выявления и разоблачения лжи

при общении с заявителем (82,3%). Указанное свидетельствует об обусловленной отсутствием криминологических исследований недостаточной эффективности имеющихся на сегодня мер и рекомендаций по предупреждению заведомо ложного доноса» [5, с.56]. Мы также считаем, что помимо заведомо ложного доноса необходимо рассмотреть иные деяния в сфере заведомо ложной информации о преступлении, а также проанализировать возможность внести дополнения в иные статьи уголовного законодательства для эффективной борьбы с преступлениями данного характера.

Рассматривая общероссийский уровень преступности в сфере заведомо ложной информации о преступлении, мы не могли не сделать акцент на уголовно-исполнительной системе, так как учреждения и органы исполняющие уголовное наказание в качестве лишения свободы, в соответствии с п.1 ч.1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ, являются органами дознания, но имеют некоторые ограничения, связанные с рассмотрением сообщений, заявлений о преступлении. Так, несмотря на то, что УИС является органом дознания, в случае поступления сообщений, заявлений о преступлении сотрудникам оперативного отдела, в соответствии с приказом Минюста России от 11.07.2006 N 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях», необходимо в трехдневный срок провести проверку и передать материалы по подследственности для вынесения решения. На этом полномочия оперативных подразделений Уголовно-исполнительной системы, как лиц, наделенных правом дознавателя, прекращают свое действие.

Мы анализируем, как проблему латентности деяний в сфере заведомо ложной информации о преступлении, так и способы ее решения в местах лишения свободы [2, с.2]. Уголовно-исполнительная система имеет свою специфическую форму правовой регламентации действий оперативных подразделений на местах, что позволяет нам более тщательно рассмотреть иные статьи уголовного законодательства, которые непосредственно регулируют общественные отношения в местах лишения свободы. Так, в соответствии со статистическими отчетами за первое полугодие 2024 года из всех зарегистрированных сообщений, заявлений о преступлении в книге регистрации сообщений заявлений о преступлении (далее - КРСП) всего 30.4 % составляет количество лиц привлеченных к уголовной ответственности При этом 70.6% сообщений, заявлений остаются без положительного решения, это наталкивает на мысль о том, что большинство зарегистрированных сообщений заявлений остаются без удовлетворения и, потенциально, мы их можем рассматривать как сообщения, заявления, в основании которых была заведомо ложная информация.

Также мы не могли не отметить, что за первое полугодие 2024 года было одно привлечение к уголовной ответственности по ст. 207 УК РФ – заведомо ложный донос об акте терроризма, то есть деяния данного характера имеют место быть в местах лишения свободы, но из-за сложной доказуемости по большей части имеют скрытый характер.

Для подтверждения своих доводов мы провели эмпирическое исследование. По результатам опроса 72 респондентов, проходящих службу в оперативных подразделениях УИС, получены следующие результаты: на вопрос: «Сталкивались ли вы за время службы со случаями распространения осужденными ложной информации о преступлении», - 67 человек ответили утвердительно, 5 сотрудников выбрали вариант «затрудняюсь с ответом». Таким образом, мы можем увидеть суть проблемы, связанной с привлечением лиц к уголовно ответственности за распространение заведомо ложной информации о преступлении в местах лишения свободы.

Во-вторых, рассмотрев деяния в области заведомо ложной информации о преступлении в ретроспективе, проанализировав Уголовное законодательство РСФСР и нормы международного права, мы пришли к выводу, что в настоящее время норм, регулирующих взаимоотношения в области заведомо ложной информации о преступлении, стало значительно меньше в сравнении с советским периодом. Также диспозиции к настоящим нормам уголовного права претерпели исторические изменения в пользу их гуманизации. При этом, если рассматривать зарубежный опыт, многие страны, наоборот, нацелены на политику ужесточения формы наказания в данной сфере.

В вопросах исторического опыта становления уголовных норм в области заведомо ложной информации о преступлении, мы согласны с мнением С.А. Елецова. В своих работах он ссылается на различные нормативно-правовые акты в их историческом и практическом применении, регламентирующие распространение «порочащих измышлений»: «каждый новый крупный памятник уголовного права, помимо заимствования предыдущих достижений законодателя, вводит термины и составы преступлений, неизвестные предыдущему законодательству»[6, с.68]. Так, по мнению ученого, преступления в области заведомой ложности информации возникли с появлением права на Руси и претерпевали исторические изменения. В Русской правде 1280 года упоминается штраф за клевету, тогда как в Судебнике 1550 года, за «ябедничество», то есть по своей структуре ложного доноса, предусматривалась смертная казнь [6, с.66].

Данные нормы видоизменялись с изменением государственного строя, конкретизировались, вносились определения для заведомо ложного доноса и клеветы. Например, в Артикуле воинском 1715 года впервые было дано понятие клеветы – «пасквиля» [7, с.6], а в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года начинается полноценная разбивка, разграничения заведомо ложного доноса от клеветы [6, с.69]. В уголовном законодательстве РСФСР происходит подвидовая разбивка и регламентация данных норм. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года уже в первой главе особенной части (ст. 73 УК РСФСР) регламентируется уголовная ответственность за распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений. Для сравнения в действующем Уголовном законодательстве первый состав деяния в области заведомо ложной информации о преступлении появляется только во второй главе особенной части (ст. 128.1 – клевета). Также стоит заметить, что помимо отдельных норм уголовного права, в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года практически целый раздел был посвящен преступлениям в области заведомой ложности – глава 5, раздел 5 «Иные посягательства на личность и ее достоинства» [8, с.63].

Таким образом, мы можем сделать вывод о многогранности данных норм права, их широком применении в законодательстве РСФСР и упразднении большинства норм в действующем уголовном законодательстве. Следовательно, возникает вопрос: почему в СССР данные нормы уголовного права широко применялись, а в наше время рождается целая проблема их регламентации и применения. На наш взгляд, в уголовное законо-

дательство необходимо внести изменения в части расширения норм, регламентирующих заведомо ложную информацию о преступлении, на примере поправок в ст. 321 УК РФ – дезорганизация деятельности учреждений.

Также мы проанализировали законодательство таких стран как Китайская Народна Республика, Япония, ФРГ, США, Казахстан в вопросах наступления ответственности за деяния в данной сфере. Так, в США предполагается уголовная ответственность до пяти лет лишения свободы, в Японии - до 10 лет лишения свободы, в Китайской Народной Республики при наступлении серьезных последствий предполагается лишение свободы до 10 лет, в ФРГ - до 5 лет, в Казахстане также до 5 лет лишения свободы, тогда как в России по ст. 306 УК РФ предусмотрена ответственность до 2 лет лишения свободы. Мы видим существенную разницу в оценке общественной опасности данной сферы преступной деятельности в России и за рубежом.

В-третьих, рассмотрев ст. 306 УК РФ - заведомо ложный донос, ст. 321 УК РФ - дезорганизация деятельности учреждений, мы пришли к выводу, что объект данных норм уголовного права схож по своей сути. Так объектом преступления, предусматривающего ответственность за заведомо ложный донос, является нормальная деятельность правоохранительных органов, суда при производстве уголовных дел. Однако, если применять данную правовую норму в местах лишения свободы, появляется резонанс, связанный с тем, что УИС является органом дознания, но не осуществляет при этом соответствующие функции в полном объеме. Следовательно, возникают определенные сложности для привлечения к уголовной ответственности осужденных по ст. 306 УК РФ, так как сообщения, заявления о преступлении, зарегистрированные в КРСП, передаются по подследственности, а не рассматриваются на местах с целью вынесения процессуального решения, таким образом, основная часть данных деяний остается латентна. Объектом же ст. 321 УК РФ является нормальная деятельность конкретного исправительного учреждения УИС или места содержания под стражей. То есть если рассматривать две нормы уголовного права в широком смысле, то мы приходим к выводу о их схожести и возможности дальнейшего видоизменении.

Мы предлагаем внести поправки в нормы, регулирующие дезорганизацию деятельности учреждения, а именно добавить часть, регулирующую общественные отношение в сфере заведомо ложной информации о преступлении со стороны осужденных, как фактора дестабилизации деятельности учреждения. Внести фразу в ст. 321 УК РФ: «…либо иные шантажные действия со стороны осужденного с целью воспрепятствования деятельности учреждения»

Часто осужденные в местах лишения свободы используют ложные сообщения о преступлении, как средство шантажа, так как осознают свою безнаказанность со стороны законодательства РФ, и мы считаем это серьезной проблемой. Помимо факта допущения преступления на территории учреждения и оставления данного вида преступлений в латентном состоянии, существует другая локальная проблема: сотрудник при регистрации и проверке сообщения, заявления о преступлении расходует свои ресурсы на проведения первоначальных мероприятий, и тем самым порождает парадокс возрастания уровня правонарушений в местах лишения свободы, тем самым происходит дестабилизация деятельности учреждения.

Список литературы:

1. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общей редакцией Л.М. Прозументова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 844 с.
2. Сурогина, Е. Н. Проблема раскрытия и документирования ложного сообщения о преступлении в местах лишения свободы / Е. Н. Сурогина // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12(240). – С. 717-719. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_12_717. – EDN YGFMEB.
3. Отчет о работе районных судов по рассмотрению уголовных дел [Электронный ресурс] // Сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: cdep.ru (дата обращения: 02.06.2025).
4. Статистика и аналитика Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт Министертва внутренних дел. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 02.06.2025).
5. Шуров, А. А. Заведомо ложный донос: криминологическая характеристика и предупреждение : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шуров Александр Александрович, 2024. – 208 с. – EDN YJIJGI.
6. Елец, С. А. Основные этапы и закономерности развития норм об уголовной ответственности за распространение заведомо ложных измышлений / С. А. Елец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 8. – С. 65-70. – DOI 10.23672/n8964-1182-9677-e. – EDN EPDKYD.
7. Шорохов А.П. К вопросу о применении Воинских артикулов Петра I 1715 г. в общих (гражданских) судах // Актуальные вопросы правоведения в общенародном государстве. М., 1979.
8. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. URL : http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID= 1241523. (дата обращения 01.06.2025).

References:

1. Criminal law. Special part: textbook for universities / under the general editorship of L.M. Prozumentov. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019. 844 p.
2. Surogina, E. N. The problem of disclosure and documentation of false reports of crimes in places of deprivation of liberty / E. N. Surogina // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 12(240). – Pp. 717-719. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_12_717. – EDN YGFMEB.
3. Report on the work of district courts on the consideration of criminal cases [Electronic resource] // Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: cdep.ru (date of access: 06/02/2025).
4. Statistics and analytics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource] // Website of the Ministry of Internal Affairs. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328 / (date of access: 06/02/2025).
5. Shurov, A. A. Deliberately false denunciation: criminological characteristics and prevention : dissertation for the degree of candidate of Law / Shurov Alexander Alexandrovich, 2024. – 208 p. – EDN YJIJGI.
6. Yelets, S. A. The main stages and patterns of development of norms on criminal liability for the dissemination of deliberately false fabrications / S. A. Yelets // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2020. – No. 8. – pp. 65-70. – DOI 10.23672/n8964-1182-9677- e. – EDN EPDKYD.
7. Shorokhov A.P. On the issue of the use of Military articles of Peter the Great in 1715 in general (civil) courts // Actual issues of jurisprudence in the common state. Moscow, 1979.
8. Criminal Code of the RSFSR 1922 // Legal Russia. Federal Legal Portal. URL : http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID = 1241523. (date of issue 06/01/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_568

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS THE INSTITUTE OF FAMILY IN THE RUSSIAN FEDERATION

ТОЛЧЕНКИНА Марина Эдуардовна,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: m.tolchenkina@yandex.ru;
БАЗАРОВ Павел Рустамович,
кандидат юридических наук, научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Россия, г. Москва ул. Нарвская д.15а, стр. 1.
E-mail: 7585978@mail.ru;
TOLCHENKINA Marina Eduardovna,
candidate of law sciences, senior research fellow of the research department of the scientific center of the Academy of the FSIN of Russia.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya st., 1.
E-mail: m.tolchenkina@yandex.ru;
BAZAROV Pavel Rustamovich,
candidate of law sciences, member of the Association of lawyers of Russia,
research fellow at the FKU NII of the FSIN of Russia.
125130, Russia, g. Moscow, st. Narvskaya, d.15a, str. 1.
E-mail: 7585978@mail.ru

***Краткая аннотация**: в настоящей статье рассмотрены международные нормативные правовые акты, нормы Конституции и законодательства Российской Федерации, осуществляющие правовое регулирование общественных отношений в сфере семьи, неприкосновенности личной и семейной жизни. Определен конституционно-правовой статус института семьи и его субинститутов. Авторами акцентируется внимание на национальных и федеральных проектах, имеющих целевую направленность на обеспечение стратегии семейной и демографической политики государства.*

***Abstract:** This article examines international regulatory legal acts, the norms of the Constitution and federal legislation of the Russian Federation, which regulate the provisions on the family, the rights of personal and family life. The constitutional and legal status of the family institution and its sub-institutions is defined. The authors identify national and federal projects that ensure the strategies of the state's family and demographic policy.*

***Ключевые слова:** семья; институт семьи; субинституты; конституционно-правовой статус института семьи; государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; семейная и демографическая политика; национальные проекты.*

***Keywords:** family; family institution; sub-institutions; constitutional and legal status of the family institution; state support for the family, motherhood, fatherhood, and childhood; family and demographic policy; national projects.*

***Для цитирования:** Толченкина М.Э., Базаров П.Р. Конституционно-правовой статус института семьи в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 568-570. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_568.*

***For citation**: Tolchenkina M.E., Bazarov P.R. Constitutional and legal status the institute of family in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 568-570. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_.*

Статья поступила в редакцию: 05.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Цель исследования: заключается в анализе и теоретико-правовой систематизации основ национального и международного правового регулирования *общественных отношений в сфере* семейных прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенности частной и семейной жизни. Исследование направлено на изучение конституционно-правового статуса института семьи и его субинститутов. Рассмотрение ключевых вопросов об основных гарантиях и мерах государственной поддержки семьи.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в области защиты и соблюдения семейных прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенности частной и семейной жизни.

Введение. Защита и развитие института семьи – международный и национальный приоритет. В международных правовых актах, принятых Генеральной Ассамблей ООН, провозглашены основополагающие начала по вопросам защиты и соблюдения прав и свобод каждого человека и гражданина, укрепления и неприкосновенности личной и семейной жизни, недопустимости незаконного вмешательства в нее.

Согласно части 3 статьи 16 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, от 10.12.1948 (далее – Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948) «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» [1]. В части 1 статьи 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи, от 16.12.1966 определено положение о необходимости предоставление семье самой широкой охраны и помощи «в особенности при ее образовании и пока на ее ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и их воспитании» [2]. В соответствии со статьей 12 вышеуказанной Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь» [1]. Данное положение отражено также в статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи, от 16.12.1966, которое устанавливает запрет на произвольное и (или) незаконное вмешательство в личную и семейную жизнь [3].

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 (с последующими поправками, изменениями) (далее – Конституция Российской Федерации), провозглашает и гарантирует неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени человека и гражданина. В связи с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, статья 72 Конституции Российской Федерации дополнена пунктом «ж.1», закрепляющим на высшем законодательном уровне защиту семьи, материнства, отцовства и детства; защиту института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанностей заботиться о родителях [4].

Семейное законодательство Российской Федерации исходит из необходимости укрепления семьи и, являясь частью государственной политики, направлено на защиту института брака, заботу о достойной жизни старшего поколения, обеспечение преемственности поколений, крепкой семьи, сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей.

В России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Согласно части 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» [4]. Правовое регулирование общественных отношений в сфере семейной и демографической политики, правового положения семей с детьми осуществляется, в частности следующими федеральными законами Российской Федерации: от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»; а также указами Президента Российской Федерации: от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» и др.

Укрепление и развитие института семьи – национальный приоритет и основное направление государственной семейной и демографической политики России. На основании Указа Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875, в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, 2024 год был объявлен Годом семьи.

Главным элементом конституционного статуса гражданина являются конституционные (основные) права, свободы и обязанности человека и гражданина Российской Федерации. В своей совокупности права, свободы и обязанности образуют конституционно-правовой статус человека и гражданина [5, с. 18].

Вопросы в сфере конституционных прав граждан всегда являлись и являются в настоящее время предметом научных исследований. В трудах отечественных ученых, например, таких, как: Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, Н. В. Витрук, В. Н. Кудрявцев, Г. В. Мальцев, Н. И. Матузов, П. Е. Недбайло, В. М. Чхиквадзе, А. Г. Вишняковский, А. И Антонов и др. изучались общетеоретические аспекты семьи. Вопросы семейных и гражданских правоотношений отражены в работах: М. В. Антокольской, А. М. Беляковой, Ю. Ф. Беспалова, Б. А. Булаевского, Я. Р. Веберса, Л. Ю. Михеевой, Д. И. Мейера, А. М. Нечаевой, Л. М. Пчелинцевой и др.

Особенности конституционного-правового института семьи рассмотрены А. В. Агеевой, Д. Н. Степановой, С. В. Нарутто, Н. Е. Таевой, Т. В. Шершень, Е. С. Шмаковой и др.

Так, Агеева А. В. определила элементы конституционного-правового института семьи, как: материнство, отцовство, детство, каждый из которых «можно считать подинститутом (субститутом), так как они регулируют, соответственно, семейные отношения, отношения по защите материнства, отношения по защите отцовства, отношения по защите детства» [6, с. 8].

По мнению Шмаковой Е. С. «сущность конституционного статуса семьи и ее членов состоит в совокупности правовых норм, закрепленных в Конституции РФ, законах субъектов Российской Федерации, международных правовых актах, регулирующих и охраняющих общественные отношения по поводу семьи, а также в отраслевом законодательстве. Именно в отраслевом законодательстве России закреплена объемная и наиболее структурированная совокупность прав, связанных с семьей, материнством, отцовством и детством» [7].

С учетом государственной поддержки действуют национальные проекты, определяющие специальные льготные программы для молодых семей, например, сельская ипотека для молодых специалистов и другие формы поддержки.

Важно отметить, что в Год семьи разработан новый национальный проект «Семья», объединяющий следующие пять федеральных программ: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры». Целью масштабного национального проекта «Семья» является увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, укрепление семейных ценностей. К основным показателям национального проекта относятся: увеличение суммарного коэффициента рождаемости, суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей, снижение уровня бедности и др. [8].

Государство осуществляет заботу о всестороннем духовном, нравственном, интеллектуальном и физическом развитии детей и создает условия повышения благосостояния и качества жизни семей. В этой связи в марте 2025 г. утверждена распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.», определяющая основные направления государственной политики по охране материнского, отцовского, детского, репродуктивного здоровья, по росту рождаемости, повышению благосостояния и качества жизни многодетных семей.

Вывод. На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что конституционного-правовой институт семьи является комплексным правовым институтом, включающим в себя субинституты: брака, отцовства, материнства и детства. В результате проводимой государственной политики по укреплению института семьи, защите и сохранению традиционных семейных ценностей, повышению качества жизни семей будет совершенствоваться и развиваться конституционно-правовой статус института семьи в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948) // www.consultant.ru // (дата обращения 02.07.2025).
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966) // www.consultant.ru // (дата обращения 02.07.2025).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12. 1966) // www.consultant.ru // (дата обращения 02.07.2025).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru // (дата обращения 02.07.2025).
5. Конституционное право России : учебное пособие / В. В. Никулин, А. В. Пчелинцев. Тамбов : Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2019. 80 с.
6. Агеева А. В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Омск., 2014. 254 с.
7. Шмакова Е. С. Содержание и понимание семьи и ее конституционно-правового статуса // Молодой ученый. 2023. № 27 (474). С. 125-127.
8. Национальный проект «Семья». Официальный сайт: сайт. URL: https://национальныепроекты.рф/newprojects/"национальныепроекты.рф/new-projects/, https://национальныепроекты.рф/new-projects/"new-projects// (дата обращения 02.07.2025).

References

1. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly dated 10.12.1948) // www.consultant.ru // (accessed on 02.07.2025).
2. The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted by Resolution 2200 A (XXI) of the General Assembly dated 16.12.1966) // www.consultant.ru // (accessed on 02.07.2025).
3. International Covenant on Civil and Political Rights (adopted by General Assembly Resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966) // www.consultant.ru // (accessed on 02.07.2025).
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru // (accessed on 02.07.2025).
5. Constitutional Law of Russia: A Textbook / V. V. Nikulin, A. V. Pchelintsev. Tambov: Publishing Center of TSTU, 2019. 80 p.
6. Ageeva A. V. The Constitutional and Legal Status of the Family in the Russian Federation: Diss. ... Cand. Law. Sciences. Omsk, 2014. 254 p.
7. Shmakova E. S. The Content and Understanding of the Family and Its Constitutional and Legal Status // Young Scientist. 2023. No. 27 (474). Pp. 125-127.
8. National Project "Family. "Official website: the website. URL: https://nationalprojects.russianfederation/new-projects/, https://nationalprojects. russianfederation/new-projects/ (accessed: on 02.07.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_571

О СОДЕРЖАНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
ON THE CONTENT OF THE PEDAGOGICAL STRUCTURE OF INDIVIDUAL WORK WITH CONVICTS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, Нарвская улица, 15А, стр. 1.
E-mail: yutish@list.ru;
САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
подполковник внутренней службы, Российская Федерация, г. Москва.
125130, Россия, г. Москва, Нарвская улица, 15А, стр. 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru;
TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow.
15A Narva Street, building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru;
SAMOILOVA Anastasia Andreevna,
Candidate of Law, Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Lieutenant Colonel of the Internal Service, Moscow, Russian Federation.
15A Narva Street, building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

Краткая аннотация. *В статье выделяются и рассматриваются основные элементы педагогической структуры индивидуальной работы с осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях. В статье, с точки зрения отношения осужденного к моральным ценностям и нормам общества выделяются такие виды осужденных, как социализированный преступник, асоциальный правонарушитель, бесконфликтный преступник. Также в работе приводятся доводы о необходимости классификации осужденных, которая позволяет начальнику отряда выделять наиболее общие направления воспитательной работы, а далее уже выбирать конкретные средства воспитательного воздействия на конкретного осужденного. В представленной публикации описывается опыт личных наблюдений авторов за отдельными категориями осужденных, а также учитывается и приводится опыт практических работников ИУ, полученный ими при осуществлении индивидуально-воспитательной работы с осужденными к лишению свободы.*

Abstract. *The article highlights and examines the main elements of the pedagogical structure of individual work with convicts serving sentences in correctional institutions. In the article, from the point of view of the convict's attitude to moral values and norms of society, such types of convicts as a socialized criminal, an antisocial offender, and a conflict-free criminal are distinguished. The paper also argues for the need to classify convicts, which allows the head of the unit to identify the most general areas of educational work, and then choose specific means of educational influence on a particular convict. The presented publication describes the experience of the authors' personal observations of certain categories of convicts, as well as takes into account and provides the experience of IU practitioners who received them in carrying out individual educational work with those sentenced to imprisonment. Keywords: correctional institutions, convicts, nannotation. The article highlights and examines the main elements of the pedagogical structure of individual work with convicts serving sentences in correctional institutions. In the article, from the point of view of the convict's attitude to moral values and norms of society, such types of convicts as a socialized criminal, an antisocial offender, and a conflict-free criminal are distinguished. The paper also argues for the need to classify convicts, which allows the head of the unit to identify the most general areas of educational work, and then choose specific means of educational influence on a particular convict. The presented publication describes the experience of the authors' personal observations of certain categories of convicts, as well as takes into account and provides the experience of IU practitioners who received them in carrying out individual educational work with those sentenced to imprisonment.*

Ключевые слова: *исправительные учреждения, осужденные, начальник отряда, мораль, нравственность, ценности, потребности, воспитание, исправление, профилактика.*

Key words: *correctional institutions, convicts, squad leader, morality, morality, values, needs, education, correction, prevention. squad leader, morality, morality, values, needs, education, correction, prevention.*

Для цитирования: *Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. О содержании педагогической структуры индивидуальной работы с осужденными в исправительных учреждениях // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 571-574. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_571.*

For citation*: Tishchenko Yu.Yu., Samoylova A.A. On the content of the pedagogical structure of individual work with convicts in correctional institutions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 571-574. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_571.*

Статья поступила в редакцию: 20.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В настоящее время в вопросах обеспечения воспитательного воздействия на осужденных особое место занимает индивидуальная работа с ними, проводимая сотрудниками практически всех служб исправительного учреждения (далее – ИУ). Как правило, многие из осужденных встают на путь исправления по-своему, поскольку каждому из них присущи индивидуальные особенности, определяемые условиями жизни и воспитания, предшествующим социальным опытом. Вместе с тем, условия для оказания воспитательного воздействия на осужденных, отбывающих наказание в ИУ, в педагогическом плане нельзя назвать благоприятными, поскольку преступник попадает в отрицательную среду, по существу в среду себе подобных. В сложившихся условиях может расширяться сфера негативного влияния и увеличиться вероятность объединения осужденных в малые группы отрицательной направленности. При таком стечении обстоятельств, воспитательное воздействие коллектива на осужденного может ослабиться в связи с устоявшимся недоверием осужденных друг к другу.

Отдавая должное воспитательному воздействию коллектива осужденных в ИУ, обычно право, педагогика, психология и социология обра-

щают особое внимание на индивидуальную работу с осужденными. Хотелось бы разобраться, прежде всего, что представляет собой индивидуально-воспитательная работа с осужденными, и каковы ее элементы и содержание. На сегодняшний день индивидуально-воспитательную работу с осужденными в ИУ можно определить как систему целенаправленных педагогических и специальных воздействий, обеспечиваемых сотрудниками ИУ, основанную на индивидуальном подходе к каждому осужденному с учетом его личностных особенностей, имеющею своей целью его исправление и воспитание. Полагаем, что задачи такой деятельности вытекают из сущности воспитательного воздействия в каждом конкретном случае.

Представляется, что на основе сформулированного определения индивидуально-воспитательной работы имеется возможность выделения ее основных структурных элементов.

1. Знание индивидуальных особенностей осужденного предполагает овладение методикой изучения личности и умение сотрудника ИУ увидеть в этой личности типичные и особенные признаки. При этом особенно важно рассматривать осужденного не только как объект изучения, но и как объект воспитательного воздействия. Мы разделяем мнение Д.И. Кечил, который утверждает, что если осужденный остается лишь объектом воздействия и становится одновременно субъектом перевоспитания, тогда он начинает проявлять соответствующую активность в преобразовании собственных природных и социально приобретенных способностей и возможностей в общественно значимые побуждения, поступки, действия [3, с. 34].

2. Индивидуальный подход к осужденному является одним из существенных условий проектирования личности в процессе осуществления воспитательного воздействия. Сам процесс такого проектирования может привести к успеху лишь в случае, когда деятельность не только сотрудника ИУ, но и самого осужденного направлена на искоренение отрицательных качеств и свойств, то есть когда она начинает опираться на поиск положительных качеств в человеке.

3. Проектирование личности осужденного предполагает четкое представление педагогических результатов, которых требуется достичь в процессе индивидуально-воспитательной работы. При этом на первый план выдвигается такие воспитательные задачи, решение которых должно обеспечить законопослушное поведение осужденного, а значит и предупреждение совершения им новых преступлений.

4. Составление плана индивидуально-воспитательных мероприятий, то есть определение наиболее эффективных методов и средств воздействия с учетом уровня социально-педагогической запущенности конкретного осужденного, а также с учетом характера его нравственно-психологических свойств и срока лишения свободы.

5. Учет и анализ достигнутых результатов воспитательного воздействия на осужденного, обобщение этих итогов и постановка на их основе новых воспитательных задач.

Далее остановимся на содержании предложенных структурных элементов индивидуальной работы с осужденными. Полагаем, что исправление осужденных является, в большей степени, психолого-педагогической задачей, поэтому знание психологии людей, совершивших преступление, выступает одним из важнейших условий их перевоспитания.

Как известно, регулятором поведения человека выступает его отношение к обществу, к его моральным нормам и ценностям, а само поведение выступает в качестве момента, определяющего отношение к моральным нормам. При этом общество предполагает наличие определенной системы целей, ценностей, этических норм и идеалов, которые должны стать внутренними требованиями, собственными целями и мотивами человека. Осужденный за совершение преступления представляет собой личность, которая воплощает в себе пережиточные категории общественного сознания, противоречащие нормам и ценностям общества. В данном случае, считаем возможным, поддержать точку зрения исследователей, которые справедливо отмечают, что выработка позитивных волевых и высоких нравственных качеств, определенное развитие интеллектуальных навыков способствуют формированию у осужденного модели правопослушного поведения [4, с. 71].

С точки зрения отношения осужденного к моральным ценностям и нормам общества, в настоящее время, принято говорить о социализированном преступнике, характеристика которого не расходится в целом с принятыми в обществе нормами и ценностями. Такие осужденные, как правило, раскаиваются в совершении преступления, полностью признают свою вину и согласны с приговором суда. Противоположным вышеуказанному типу преступника выступает осужденный, полностью заменивший свою связь с общественными ценностями иной системой противоправных, аморальных позиций и установок, так называемый асоциальный правонарушитель. Промежуточную позицию между двумя данными типами личности осужденных, занимают так называемые бесконфликтные осужденные, которые не принимают ни ценностей и морали общества в целом, ни антисоциальных установок групп правонарушителей.

Обратим внимание, что среди взрослых осужденных, такой тип личности как бесконфликтные встречается очень редко. В основном к ним имеют отношение молодые осужденные, переведенные в ИУ из воспитательных колоний, которые еще не определились в своих социальных установках. Достаточно часто среди осужденных встречается такой тип людей, которых обычно называют людьми с ослабленным морально-психологическим складом личности, поскольку для них характерна моральная и психологическая неустойчивость. Обычно они осуждены за соучастие в преступлении, которое они совершили в результате оказываемого на них давления, а также из-за собственной трусости или слабости характера.

Следует отметить, что осужденные знают и понимают, что положительно, а что отрицательно. При этом большинство из них знают нормы морали и права, а иногда и согласны с ними. Однако знание моральных норм не всегда обеспечивает следование этим нормам. Таким образом, осужденный может знать требования морали, но не принимать их, может иметь знания, но не иметь убеждений, а также он может знать и принимать их, но не следовать им. Полагаем, что именно несоответствие в формуле «знать-принимать-следовать» определяет характер поведения осужденного. Таким образом, не зная особенностей осужденного, невозможно достичь успеха в его воспитании и исправлении. При этом отметим точку зрения ученых, которые аргументировано отмечают, что морально-нравственное основание должно стать не просто фактором, который используется для формирования условий, в которых содержится осужденный, а именно неотъемлемой частью комплексного подхода к исправлению и реабилитации [2, с. 453].

Изучая отношение человека к обществу, сотрудник ИУ определяет основное направление педагогического воздействия на него. При этом он принимает решения о необходимости применения мер переубеждения, приучения или принуждения к осужденному.

Отношение осужденных к моральным нормам общества практически всегда служит основой их психолого-педагогической классификации. Дифференцированная, индивидуально-воспитательная работа с осужденными практически затруднена без предварительной их классификации, без выделения наиболее типичных групп осужденных по уголовно-правовым и социально-психологическим признакам и свойствам. Классификация осужденных позволяет выделять наиболее общие направления воспитательной работы, а далее уже выбирать конкретные средства воспитательного воздействия на конкретного осужденного. В частности, Н.А. Стручков классификацию осужденных представлял как деятельность, в процессе которой происходит деление осужденных на категории (группы), которое необходимо для исключения влияния отрицательно настроенной части осужденных на положительно характеризующихся [5, с. 21].

Как правило, начальник отряда первостепенно выделяет группы осужденных с положительной и отрицательной направленностью личности. Полагаем, что в интересах более целенаправленной индивидуальной работы, следовательно, и в целях повышения ее эффективности следует строить такую классификацию на основании системы отношений осужденного к реальной действительности, к обществу, к коллективу, к себе, поскольку она и определяет его настоящее лицо. При этом следует согласиться с мнением ученых, которые обоснованно утверждают, что основной задачей классификации осужденных к лишению свободы является оптимизация осуществления в отношении них исправительного воздействия, а также реализация достижения закрепленных целей уголовного наказания [6, с. 340].

Всем известно, что отношение человека к обществу, преломляясь, выражается в его потребностях и мотивах поведения. При этом потребности являются исходным пунктом деятельности людей, а любой мотив поведения человека предполагает определенную потребность. Достаточно часто преступления совершаются исходя из возникших у человека искаженных потребностей. Переустройство сознания осужденных предполагает, прежде всего, формирование оправданных потребностей и развитие на их основе социальных и моральных ориентаций и ценных мотивов поведения. Полагаем, что одной из важнейших целей воспитательного воздействия осужденных является необходимость признания общественно полезной деятельности основной жизненной потребностью человека.

Далее, хотелось бы поделиться своими личными наблюдениями за отдельными категориями осужденных, а также опытом практических работников ИУ, полученным при осуществлении индивидуально-воспитательной работы.

Отметим, что в целом для правонарушителей характерно поведение, направленное на удовлетворение потребностей наиболее кратчайшим путем и наименее сложным способом. Как правило, они стремятся удовлетворить свои желания за счет других, присвоить чужое имущество или результаты чужого труда. Полагаем, что такое поведение преобладает над поведением, обусловленным социальными влияниями. Все это приводит к недостаточной блокировке отрицательных стремлений, а также к отсутствию навыков социально обусловленного сдерживания и в конечном итоге к совершению преступления.

На поведение человека всегда воздействуют внешние условия, так или иначе связанные с исполнением наказания. Уже с момента задержания подозреваемого в совершении преступления, на него начинают оказывать свое влияние внешние раздражители, а последствия от их влияния сохраняются в сознании достаточно надолго. Лишение свободы создает для человека такую жизненную ситуацию, при которой возникает возбуждение, сдерживание, подавление естественных реакций, что часто приводит осужденного к нарушению душевного равновесия.

Обратим внимание, что осужденные, впервые отбывающие наказание в ИУ, в большей степени, испытывают чувство растерянности, настороженности, страха, отчаяния, угрызения совести. У лиц неоднократно судимых появляется чувство безразличия, апатия, уход в себя, волевая пассивность, подчинение обстоятельствам, агрессивное отношение к требованиям ИУ.

Для осужденных впервые на краткие сроки лишения свободы характерно состояние агрессии, направленной против себя. Напротив, рецидивистам свойственно подчеркнутое равнодушие к предъявляемым требованиям, которое нередко маскирует тщательно скрываемое озлобление или уныние. Также, у лиц неоднократно судимых, и отбывающих длительные сроки наказания в местах лишения свободы, состояние агрессии характеризуется острыми вспышками гнева, импульсивной, беспорядочной активностью. Как отмечают практические сотрудники ИУ, внешне у осужденных это проявляется в грубости, в стремлении сорвать зло на более слабом, в скрытой недоброжелательности, в угрозах, в агрессивных действиях, направленных против себя, например, в членовредительстве.

Также вызывает интерес наблюдений за отношением осужденного к самому себе. Осужденные достаточно часто противопоставляют себя другим, считают себя незаурядными личностями, которых просто не понимают многие окружающие. При этом осужденные среднего и старшего возраста менее склонны к открытому проявлению своих отрицательных качеств и черт характера. Вместе с тем, среди указанных категорий осужденных находится больше лиц судимых повторно за совершение однородных преступлений. Полагаем, что это говорит о сохранении более стойких эгоистичных взглядов и убеждений у таких осужденных.

Сотрудники ИУ в своих наблюдениях за осужденными часто отмечают, что большинство из них, объясняя свое поведение и противоправные поступки, пытаются свалить вину на свой резкий, вспыльчивый, иногда дурной характер, а также на людей их окружающих или на общественные организации, которые упустили их из вида и своевременно не отвлекли от аморальных действий. Такие осужденные как бы отчуждают свое поведение от себя и ищут ему оправдание вне себя.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что знание сотрудниками ИУ психологических особенностей осужденного позволяет им выделить индивидуальное в личности и на этой основе осуществить индивидуальный подход к конкретной личности. Сам индивидуальный подход определяется в психологии как знание и учет индивидуальных особенностей человека. А индивидуальный подход к осужденному реализуется в организации сотруд-

никами ИУ их деятельности, в которой каждый взаимодействует с другими людьми, с коллективом, с обществом.

Список литературы:

1. Антонов А.Г. О пределах усмотрения администрации учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, при применении мер поощрения и взыскания к осужденным. Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2016. № 2. С. 9-13.
2. Бондаренко И.В., Пекарева В.В. Практическая ценность морально-нравственного воздействия на личность осужденного в условиях исполнения уголовных наказаний. Право и государство: теория и практика. 2024. № 10. С. 452-454.
3. Кечил Д.И. Актуальные вопросы воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях в современных условиях. Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 30-39.
4. Кутякин С.А., Курбатова Г.В. Комплексный подход к пониманию индивидуальной работы с осужденными. Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 69-73.(
5. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части. М., 1985. 255 с.
6. Южанин В.Е., Горбань Д.В. Психолого-педагогическая (групповая) классификация осужденных к лишению свободы. Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. № 3. С. 338-344.

References:

1. Antonov A.G. On the limits of discretion of the administration of institutions executing sentences of imprisonment when applying measures of encouragement and punishment to convicts. Bulletin of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2016. No. 2. pp. 9-13.
2. Bondarenko I.V., Pekareva V.V. The practical value of moral influence on the personality of a convicted person in conditions of execution of criminal penalties. Law and the State: theory and practice. 2024. No. 10. pp. 452-454.
3. Kechil D.I. Actual issues of educational work with convicts in correctional institutions in modern conditions. Bulletin of the Tuvan State University. Social sciences and humanities. 2016. No. 1. pp. 30-39.
4. Kutyakin S.A., Kurbatova G.V. An integrated approach to understanding individual work with convicts. Applied legal psychology. 2016. No. 4. pp. 69-73.(
5. Struchkov N.A. Course of correctional labor law. Problems of the Special part. M., 1985. 255 p.
6. Yuzhanin V.E., Gorban D.V. Psychological and pedagogical (group) classification of persons sentenced to imprisonment. Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2021. No. 3. pp. 338-344.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_575

УДК 343

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ
ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF JUDICIAL DECISION IN THE MECHANISM OF REGULATION OF PENAL LAW RELATIONS

ШМАТОВА Екатерина Васильевна,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная д.1.
e-mail: shmatova.k@yandex.ru;

SHMATOVA Ekaterina Vasilyevna,
Associate Professor at the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Training,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya Street, Ryazan, 390000, Russia.
e-mail: shmatova.k@yandex.ru

Краткая аннотация: *Научная статья посвящена анализу понятия судебного решения в механизме регулирования уголовно-исполнительных правоотношений. Автором осуществлен анализ понятийно-терминологического аппарата, сложившегося в сфере принятия уголовно-исполнительных судебных решений, в том числе анализ нормативно-правовых актов. В заключении формулируется собственный вывод и интерпретация судебного решения в уголовно-исполнительных правоотношениях.*

Abstract: *The scientific article is devoted to the analysis of the concept of judicial decision in the mechanism of regulation of penal law relations. The author examines various statements regarding the concept under study, including normative legal acts. The conclusion formulates its own conclusion and interpretation of the court decision in penal law relations.*

Ключевые слова: *судебное решение, понятие судебного решения, уголовно-исполнительные правоотношения, механизм регулирования.*

Keywords: *judicial decision, the concept of judicial decision, penal law relations, regulatory mechanism.*

Для цитирования: *Шматова Е.В. К вопросу о понятии судебного решения в механизме регулирования уголовно-исполнительных правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 575-579. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_575.*

For citation*: Shmatova E.V. On the issue of the concept of judicial decision in the mechanism of regulation of penal law relations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 575-579. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_575.*

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В настоящее время одним из факторов стабилизации общественных отношений выступают судебные решения. Уголовно-исполнительная система, как исполнительный орган государственной власти, ориентирован в соответствии с приоритетными направлениями государственной политики на достижение гуманистических целей, отраженных в Концепции развития УИС РФ до 2030 г. [1]. В этом ключе судебные решения способствуют определению прав и обязанностей сторон возникающих правовых отношений и урегулированию соответствующих споров на принципах легитимности, законности, социальной справедливости. Решения суда обладают исключительным правом лишения или ограничения прав и свобод человека. По этой причине механизм вынесения судебных решений в наибольшей степени соответствует конституционным положениям.

Судебные решения являются значимым элементом реализации уголовной ответственности, занимая важную роль в механизме правового регулирования уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений. Принятие судебного решения по уголовным делам – весьма сложный процесс, сопровождающийся разноуровневым взаимодействием субъектов отмеченных выше правоотношений.

Понятие судебного решения широко рассматривается как в законодательстве, так и в научной литературе. Осуществим анализ понятийно-терминологического аппарата, сложившегося в сфере принятия уголовно-исполнительных судебных решений, рассмотрев соответствующие нормативно-правовые, справочные и научные источники.

Так, по мнению С.И. Ожегова, под решением понимается постановление, тогда как «решение судебное» выступает в качестве приговора [2, с.626]. Рассматриваемое понятие легло в основу следующего определения: «Решение - это постановление, распоряжение, принятое официально, а судебное решение - это акт суда, которым дело заканчивается по существу» [3, с.626].

По мнению авторов Большого юридического словаря А.Я. Сухарева и В.Е. Крутских, судебное решение - это постановление суда первой инстанции, которым завершается разбирательство дела по существу[1].

Словарь терминов российского законодательства конкретизирует судебное решение, как «итоговый акт правосудия, принимаемый именем Российской Федерации, содержащий обоснованные выводы суда по результатам рассмотрения дела по существу и порождающий определенные правовые последствия»[2].

Следует отметить, что в научном сообществе вопрос о сущностном значении судебного решения достаточно давно является дискуссионным. Так, рядом ученых советского периода высказывалась позиция, согласно которой судебное решение представляет собой либо акт, подтвержда-

[1] См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 532.
[2] См.: Словарь терминов и определений российского законодательства / Под ред. А.П. Войтовича. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. С. 250.

ющий существование или отсутствие правоотношения, либо некое судебное предписание сторонам судебного разбирательства[1]. Критикуя указанные позиции, А.Ф. Клейнман справедливо указывал на то, что приказ суда не является существенным признаком понятия судебного решения, поскольку значение судебного решения не исчерпывается голым подтверждением существования или несуществования правоотношения между сторонами, а теория приказа приравнивает суд к законодательным органам и не учитывает того, что элемент приказа характерен для актов административных органов[2].

С.С. Алексеевым судебное решение трактовалось как «…завершающее правоприменительное действие компетентного органа, которое выражается в индивидуальном государственно-властном велении, направленном на обеспечение реализации юридических норм, а в необходимых случаях - также на индивидуальное, поднормативное регулирование общественных отношений. Решение является интеллектуально-волевым, логическим действием»[3].

Ряд ученых отмечают, что судебное решение – это прежде всего акт. Так, Д.И. Полумордвинов полагал, что решение – это акт, которым создаются новые конкретные правила поведения субъектов правоотношения[4]. Ученый-процессуалист Г.В. Стародубова также относит судебное решение к актам: «особое значение имеют акты, в которых выражено конкретное решение по правовым, процессуальным вопросам. Основным признаком этой группы актов, отличающим ее от других, является то, что данные акты разрешают основные вопросы, возникающие в уголовном процессе. Эту группу актов принято именовать решениями в уголовном судопроизводстве»[5].

Такую точку зрения разделяет Ю.В. Камелькова, утверждая, что «…судебное решение занимает особое место в ряду судебных постановлений, является актом правосудия, актом защиты права, обладает всеми правовыми свойствами законной силы, разрешает спор по существу»[6]. Сходным мнением оперирует Ю.В. Тихомирова, которая пишет: «Судебное решение – это акт правосудия, принимаемый в результате рассмотрения по существу спора, являющегося предметом судебного разбирательства»[7]. Называет термин «судебное решение» «актом правосудия» и Т.В. Сахнова, утверждая, что в таком акте правосудия воплощается результат судебной защиты прав, свобод и законных интересов[8].

Ученые в области уголовного процесса относят судебное решение к актам-документам, однако, дают разную трактовку указанного понятия. Так, Е.С. Дворянсков рассматривает акт-документ как средство фиксации процессуальных действий и решений, принятых в ходе расследования преступления. По мнению ученого, такие документы служат доказательством юридически значимых фактов и выступают основой для дальнейшего движения дела[9].

В.П. Божьев отмечает, что акты-документы представляют собой официальную форму отображения действий следователя, дознавателя, судьи, обеспечивающую соблюдение принципов гласности, открытости и полноты материалов дел. Они фиксируют ход следственных и судебных процессов[10].

Р.М. Абызова уточняет, что понятие акта-документа охватывает широкий спектр процессуальных форм, включая протоколы допросов, осмотров, экспертиз, постановлений и определений судов. Эти документы позволяют воссоздать всю цепочку действий, совершенных в ходе следствия и суда, становясь важным инструментом обеспечения прозрачности и легитимности процесса[11].

По нашему мнению, весьма оптимальное понятие дает В.Г. Стародубова. Она относит судебные решения к актам-документам, говоря, что таковыми «…в сфере уголовного судопроизводства являются документы, в которых отражается факт выполнения процессуального действия, его ход и результаты, а также документы, в которых находят свое отражение принятые решения»[12].

Научная позиция имеет важное значение для совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, а также для уголовно-исполнительной практики, однако, в вопросах определения роли судебных решений в механизме рассматриваемых правоотношений необходимо ориентироваться на нормативные правовые акты.

Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) разъясняет понятие судебного решения, как принимаемое именем Российской Федерации постановление суда, которым дело разрешается по существу[13]. Судебное постановление охватывает весь спектр возможных форм выражения воли суда в рамках гражданского процесса и подчеркивает его завершающий, итоговый статус.

В Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) помимо понятия «судебное решение» используется понятие «судебный акт» [1]. Так, ст. 16 КАС РФ определяет судебный акт, как документ, принимаемый судом в рамках осуществления правосудия, в

[1] См.: Абрамов С.Н. Гражданский процесс. М., 1948. С. 287-291; Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 272–273; Зейдер Н.Б. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе. Саратов, 1959. С. 45–54.
[2] См.: Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967. С. 82–83; Клейнман А.Ф. Судебное решение в советской процессуальной науке /А. Ф. Клейнман // Правоведение. 1966. № 3. С. 69–70.
[3] См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права / С. С. Алексеев. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1973. Т. 2.
[4] См.: Полумордвинов Д.И. Законная сила судебного решения / Д.И. Полумордвинов; Акад. наук Грузинской ССР, Ин-т экономики и права. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Грузинской ССР, 1964. С. 15.
[5] См.: Стародубова Г.В. Уголовно-процессуальные акты : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. Г. В. Стародубовой. — 2-е изд. — М. : Издательство Юрайт, 2018. С.21
[6] См.: Комелькова Ю.В. Отличие судебных определений от судебных решений / Ю.В. Комелькова // Проблемы и вопросы гражданского права. Вестник ЮУрГУ. 2009. № 19. С. 74.
[7] См.: Тихомирова Ю.В. Судебные решения в гражданском и арбитражном процессуальном праве и их реализация / Ю.В. Тихомирова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2008. С. 172.
[8] См.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 457.
[9] См.: Дворянсков Е.С. Процессуальная документация в уголовном деле: понятие, виды, назначение // Вестник Омского юридического института. № 2, 2019 г. С. 55.
[10] См.: Божьев В.П. Документы в уголовном процессе: общая характеристика и классификация // Журнал российского права. № 10, 2017 г. С. 122.
[11] См.: Абызова Р.М. Значение актов-документов в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. № 4, 2018. С. 45–47.
[12] Уголовно-процессуальные акты: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. Г. В. Стародубовой. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 20.
[13] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).

который входят решения, судебные приказы, определения, постановления. В ч. ч. 3, 4 ст. 319 КАС РФ речь идет о решениях и определениях, а Глава 15 содержит понятие «решение суда», как итогового судебного акта. В рамках КАС РФ понятие судебного акта включает в себя официальные документы, принимаемые судом в рамках его компетенции, а судебные решения здесь являются разновидностью судебного акта, которым завершается рассмотрение дела по существу. Таким образом, в рамках данного кодекса понятие «судебный акт» шире, чем «судебное решение».

В ст. 6 Федерального конституционного закона РФ «О судебной системе Российской Федерации» в отношении судебного решения используется термин «постановление» - «вступившие в законную силу постановления», «неисполнение постановления суда влекут ответственность» и пр.[2] Таким образом, данный закон придает тождественность понятиям «судебное решение» и «постановление».

По утверждению Н.А. Чечиной, решение суда - это вид постановления, которым дело разрешается по существу и в котором фиксируется результат применения норм права, регулирующего спорное правоотношение[3].

Как видно, понятие «судебное постановление» трактуется шире понятия «судебного решения», а последнее приравнивается к понятию «акт правосудия». Похожее разъяснение содержится в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2017 г., где понятие «судебное решение» приравнивается к понятию «судебный акт»[4].

Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» содержит не только «решение, рассмотренное в порядке осуществления конституционного, гражданского, административного или уголовного судопроизводства либо судопроизводства в арбитражном суде», но и также «решения судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, вынесенные по результатам рассмотрения апелляционных или кассационных жалоб (представлений) либо пересмотра решений суда в порядке надзора»[5].

Учитывая вышеизложенное сформируем промежуточный вывод. Во-первых, в научных и справочных источниках обозначена позиция, согласно которой судебное решение рассматривается как приговор, постановление суда первой инстанции, итоговый акт суда, который содержит выводы по существу дела. Во-вторых, судебное решение не выступает в качестве завершающего судебное разбирательство акта, поскольку им могут приводиться в действие различные механизмы, вызывающие возникновение, изменение или прекращение уголовно-исполнительных правоотношений.

Также нельзя сводить судебное решение к какой-либо конкретной нормативно определенной форме – определению, постановлению, приговору, поскольку каждый акт волеизъявления суда, основан на уголовно-правовом, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном законодательстве, а также на иных нормативных правовых актах. Судебное решение может порождать различные требования к участникам уголовного судопроизводства, а также к иным лицам, обеспечивающим судебные решения разного уровня.

При обращении к Уголовно-процессуальному кодексу РФ, регулирующему, наряду с Уголовным и Уголовно-исполнительным кодексами РФ, родственные правоотношения, связанные как с привлечением к уголовной ответственности, так и с ее реализацией, отметим, что ст. 5 УПК РФ содержит целый ряд определений, связанных с такими актами волеизъявления суда, как решения. Таким образом формируется понимание того, что судебное решение может иметь различные формы: заключение суда, определение, постановление, приговор, судебное решение, итоговое судебное решение, промежуточное судебное решение.

Приведенным выше уголовно-процессуальным положениям соответствует позиция З.М. Сулейманова, отталкивающегося от понимания судебного решения в широком и узком смысле. «В широком смысле - это совокупность всех судебных актов (решений, постановлений, определений и др.), которые принимаются судом на любой стадии процесса в целях разрешения дела. В узком смысле – это только решение суда как таковое, т. е. судебный акт, разрешающий дело по существу и носящий окончательный характер»[6].

Очевидно, что уголовно-процессуальное значение понятия «судебное решение» формируется через нормативное, регламентированное волеизъявление суда, как уникального субъекта уголовного судопроизводства, полномочия которого содержатся в Разделах III и IV УК РФ, Главе 3 Раздела II, Части 3 УПК РФ, ст. 20, 172 УИК РФ и пр.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее – УИК РФ), на первый взгляд, не содержит конкретных сущностных характеристик судебного решения, подобных тем, что отмечены законодателем в ст. 5 УПК РФ. Вместе с тем, обращение к тексту УИК РФ позволяет определить ряд определений-характеристик судебного решения.

Так, ст. 7 УИК РФ «Основания исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера» позволяет сформировать следующее понимание судебного решения в рамках уголовно-исполнительного наказания: «Приговор либо изменяющие его определение или постановление суда, вступившие в законную силу, а также акт помилования или акт об амнистии - это основания исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера».

Или положение ст. 17 УИК РФ «Уведомление о месте отбывания наказания» выводит на следующее определение-характеристику судебного решения: «Определение или постановление суда об уведомлении потерпевшего или его законного представителя – основание, обязывающее админи-

[1] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).
[2] См.: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).
[3] См. Чечина Н.А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права / Н.А. Чечина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. С. 101–102.
[4] См.: Постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» от 27 сентября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 01.11.2024).
[5] См.: Федеральный закон Российской Федерации «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2024).
[6] См.: Сулейманов З.М. К вопросу о понятии судебного решения / З.М. Сулейманов // Евразийский юридический журнал. 2011. С. 7.

страцию учреждения или орган, исполняющий наказание, уведомить в срок не позднее 10 дней одного из родственников осужденного по его выбору, а также потерпевшего или его законному представителя о прибытии осужденного к месту отбывания наказания».

Также, к примеру, ст. 18 УИК РФ «Применение к осужденным мер медицинского характера» позволяет дать следующую характеристику судебного решения: «Решение суда о применении принудительных мер наказания – основание, позволяющее применять такие меры к лицам, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, осужденным к принудительным работам, аресту, лишению свободы со стороны учреждений, исполняющих указанные виды наказаний».

Анализ положений ст. 172 УИК РФ «Основания освобождения от отбывания наказания» позволяет сформировать ряд определений-характеристик судебного решения, основанных на нормах УК РФ, к примеру:

- «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания – судебное решение, на основании которого лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда»;

- «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания - судебное решение, на основании которого лицу, отбывающему содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, возместившему вред (полностью или частично), причиненный преступлением, суд с учетом его поведения в течение всего периода отбывания наказания может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами».

А.А. Князев при анализе понятия «судебное решение» рассматривает такой аспект, как исполнимость судебного решения, и подчеркивает, что судебное решение всегда выносится в отношении определенных прав и обязанностей конкретных участников спорных правоотношений. Указанных лиц связывает судебное решение, именно на них процессуальным законодательством возлагается обязанность воздерживаться от совершения определенных действий, которые могут поставить под сомнение устойчивость и неприкосновенность вступившего в законную силу судебного решения[1].

Реализация акта правосудия в этом контексте будет играть важнейшую роль, так как это и есть результат, по которому можно судить о правоприменительной деятельности, а лишение судебного решения аспекта исполнимости делает и, следовательно, саму судебную систему и возникающие правоотношения, бессмысленными.

Таким образом, проведя анализ нормативно-правовых, справочных и научным источников, мы выявили наличие ряда следующих подходов:

1) судебное решение является актом суда, которым дело заканчивается по существу;

2) в качестве судебных решений следует рассматривать лишь определенные акты, чаще всего, приговоры или постановления;

3) судебное решение принимается лишь в суде первой инстанции, рассматривающем дело по существу.

Подводя итог вышеизложенному и на основе рассмотрения судебного решения с точки зрения нормативных и доктринальных толкований, в контексте данной работы предлагаем сформулировать авторское понятие судебного решения.

«Судебное решение (применительно к уголовно-исполнительному праву) – это имеющий обязательную юридическую силу и основанный на законном волеизъявлении суда, официальный, индивидуализируемый акт-документ, разрешающий дело по существу и способствующий возникновению, изменению или прекращению уголовно-исполнительных правоотношений».

Список литературы:

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 года №1138- Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 05.04.2025).
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 57 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. - 11-е изд., стер. - Москва : Рус. яз., 1975. – С. 626.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. С. 654 с.
4. Абрамов С.Н. Гражданский процесс. М., 1948. С. 287-291; Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 272–273; Зейдер Н.Б. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе. Саратов, 1959. С. 45–54.
5. Абызова Р.М. Значение актов-документов в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. № 4, 2018. С. 45–47.
6. Алексеев С.С. Проблемы теории права / С. С. Алексеев. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1973. Т. 2.
7. Божьев В.П. Документы в уголовном процессе: общая характеристика и классификация // Журнал российского права. № 10, 2017 г. С. 122.
8. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 532.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).
10. Дворянсков Е.С. Процессуальная документация в уголовном деле: понятие, виды, назначение // Вестник Омского юридического института. № 2, 2019 г. С. 55.
11. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967. С. 82–83; Клейнман А.Ф. Судебное решение в советской процессуальной науке /А. Ф. Клейнман // Правоведение. 1966. № 3. С. 69–70.
12. Князев А.А. Общеобязательность как свойство вступившего в законную силу решения суда / А. А. Князев // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 12. С. 2.
13. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).
14. Комелькова Ю.В. Отличие судебных определений от судебных решений / Ю.В. Комелькова // Проблемы и вопросы гражданского права. Вестник ЮУрГУ. 2009. № 19. С. 74.
15. Полумордвинов Д.И. Законная сила судебного решения / Д.И. Полумордвинов; Акад. наук Грузинской ССР, Ин-т экономики и права. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Грузинской ССР, 1964. С. 15.
16. Постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» от 27 сентября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 01.11.2024).
17. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 457.
18. Словарь терминов и определений российского законодательства / Под ред. А.П. Войтовича. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. С. 250.

[1] См.: Князев А.А. Общеобязательность как свойство вступившего в законную силу решения суда / А. А. Князев // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 12. С. 2.

19. Стародубова Г.В. Уголовно-процессуальные акты : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. Г. В. Стародубовой. — 2-е изд. — М. : Издательство Юрайт, 2018. С.21
20. Сулейманов З.М. К вопросу о понятии судебного решения / З.М. Сулейманов // Евразийский юридический журнал. 2011. С. 7.
21. Тихомирова Ю.В. Судебные решения в гражданском и арбитражном процессуальном праве и их реализация / Ю.В. Тихомирова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2008. С. 172.
22. Уголовно-процессуальные акты: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. Г. В. Стародубовой. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 20.
23. Федеральный закон Российской Федерации «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2024).
24. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).
25. Чечина Н.А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права / Н.А. Чечина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. С. 101–102.

References:

1. The concept of the development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030, approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 No. 1138- Access from references.-the legal system "ConsultantPlus". (date of reference: 04/05/2025).
2. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: About 57,000 words / S. I. Ozhegov; edited by Dr. Philol. sciences, prof. N. Yu. Shvedova. - 11th ed., erased. Moscow : Rus. yaz., 1975, p. 626.
3. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Russian Cultural Foundation. 2nd ed., ispr. and add. Moscow: Az, 1994. p. 654 p.
4. Abramov S.N. The civil process. Moscow, 1948. pp. 287-291; Yudelson K.S. The Soviet civil process. Moscow, 1956. pp. 272-273; Zeider N.B. Judicial session and judicial decision in the Soviet civil process. Saratov, 1959. pp. 45-54.
5. Abyzova R.M. The significance of acts-documents in criminal proceedings // Lawyer practice. No. 4, 2018. pp. 45-47.
6. Alekseev S.S. Problems of the theory of law / S. S. Alekseev. Sverdlovsk: Sverdlovsk. jurid. Institute, 1973. Vol. 2.
7. Bozhev V.P. Documents in criminal proceedings: general characteristics and classification // Journal of Russian Law. No. 10, 2017, p. 122.
8. Big Legal Dictionary / Edited by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh. 2nd ed., revised Moscow: INFRA-M, 2004. p. 532.
9. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002, No. 138-FZ (as amended on 10/26/2024) [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 04/01/2025).
10. Dvoryanskov E.S. Procedural documentation in a criminal case: concept, types, purpose // Bulletin of the Omsk Law Institute. No. 2, 2019, p. 55.
11. Kleinman A.F. The latest trends in the Soviet science of civil procedural law. Moscow, 1967. pp. 82-83; Kleinman A.F. Judicial decision in Soviet procedural science /A. F. Kleinman // Jurisprudence. 1966. No. 3. pp. 69-70.
12. Knyazev A.A. General obligation as a property of a court decision that has entered into legal force / A. A. Knyazev // Arbitration and Civil Procedure. 2003. No. 12. P. 2.
13. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ dated 08.03.2015 (as amended on 08.08.2024) [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of appeal: 04/01/2025).
14. Komelkova Yu.V. The difference between judicial rulings and judicial decisions / Yu.V. Komelkova // Problems and issues of civil law. Bulletin of SUSU. 2009. No. 19. P. 74.
15. Polumordvinov D.I. The legal force of a court decision / D.I. Polumordvinov; Academy of Sciences of the Georgian SSR, Institute of Economics and Law. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1964. p. 15.
16. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation "On Approval of the Regulation on the Procedure for Posting Texts of Judicial Acts on the Official Websites of the Supreme Court of the Russian Federation, Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts on the Internet information and Telecommunications network dated September 27, 2017 [Electronic resource]. URL: http://www.vsrf.ru (date of reference: 11/01/2024).
17. Sakhnova T.V. The course of civil procedure / T.V. Sakhnova. 2nd ed., revised and add. M.: Statute, 2014. p. 457.
18. Dictionary of terms and definitions of Russian legislation / Edited by A.P. Voitovich. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 2009. p. 250.
19. Starodubova G.V. Criminal procedural acts : textbook. handbook for undergraduate, specialist and graduate studies / edited by G. V. Starodubova. — 2nd ed.— Moscow : Yurayt Publishing House, 2018. pp.21.
20. Suleymanov Z.M. On the issue of the concept of judicial decision / Z.M. Suleymanov // Eurasian Law Journal. 2011. p. 7.
21. Tikhomirova Yu.V. Judicial decisions in civil and arbitration procedural law and their implementation / Yu.V. Tikhomirova // Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Economics. Management. The right." 2008. p. 172.
22. Criminal procedural acts: textbook. handbook for undergraduate, specialist and graduate studies / edited by G. V. Starodubova. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2018. pp.20.
23. Federal Law of the Russian Federation "On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation" dated December 22, 2008 No. 262-FZ [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 04/01/2024).
24. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated December 31, 1996 "On the Judicial System of the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2023) [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of reference: 04/01/2025).
25. Chechina N.A. The educational function of Soviet civil procedural law / N.A. Chechina. L.: Publishing House of the Leningr University, 1972. pp. 101-102.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_580

УДК 343.34

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
SOME ASPECTS OF THE CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF CRIMES IN THE FIELD OF SMUGGLING NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

МАЮЧИХ Артем Игоревич,
Юрист.
309640, Россия, Белгородская область, г. Новый Оскол, ул. Чапаева, д. 34.
E-mail: mayuchih@mail.ru;
MAYUCHIKH Artyom Igorevich,
Lawyer.
34 Chapaev St., Novy Oskol, Belgorod region, 309640, Russia.
E-mail: mayuchih@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматривается проблема уголовно-правовой оценки преступлений в области контрабанды наркотических средств и психотропных веществ. Автор детально анализирует действующее законодательство Российской Федерации, рассматривает результаты совместной работы Российской Федерации и мирового сообщества по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств в рамках международных договоров, организаций, в частности, в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. Особое внимание уделяется вопросам квалификации деяний, связанных с контрабандой запрещенных веществ через таможенную границуТаможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, рассматриваются различные методы контрабанды. Статья будет полезна юристам, специализирующимся на уголовном праве, сотрудникам правоохранительных органов и всем, кто интересуется борьбой с наркопреступностью и обеспечением общественной безопасности.*

Abstract: *The article deals with the problem of criminal law assessment of crimes in the field of smuggling narcotic drugs and psychotropic substances. The author analyzes in detail the current legislation of the Russian Federation, examines the results of the joint work of the Russian Federation and the international community in combating illicit drug trafficking within the framework of international treaties, organizations, in particular, within the framework of the Collective Security Treaty Organization. Special attention is paid to the issues of qualification of acts related to the smuggling of prohibited substances across the customs border of the Customs Union within the framework of the EurAsEC or the State border of the Russian Federation with the member states of the Customs Union within the framework of the EurAsEC, various methods of smuggling are considered. The article will be useful to lawyers specializing in criminal law, law enforcement officers, and anyone interested in combating drug crime and ensuring public safety.*

Ключевые слова: *наркотические средства, психотропные вещества, контрабанда, правовое регулирование, уголовно-правовая оценка, общественная безопасность, ОДКБ, Таможенный союз, ЕврАзЭС.*

Keywords: *narcotic drugs, psychotropic substances, smuggling, legal regulation, criminal law assessment, public safety, CSTO, Customs Union, EurAsEC.*

Для цитирования: *Маючих А.И. Некоторые аспекты уголовно-правовой оценки преступлений в сфере контрабанды наркотических средств и психотропных веществ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 580-584. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_580.*

For citation*: Mayuchikh A.I. Some aspects of the criminal law assessment of crimes in the field of smuggling narcotic drugs and psychotropic substances // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 580-584. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_580.*

Статья поступила в редакцию: 31.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В современном мире, где международные торговые отношения становятся все более интенсивными, проблема контрабанды наркотических средств и психотропных веществ приобретает особую значимость. Эти преступления представляют серьезную угрозу для здоровья населения, общественной нравственности и безопасности. Кроме того, указанный вид противоправной деятельности может являться инструментом в руках иностранных спецслужб по дестабилизации обстановки в государстве, оказанию деструктивного влияния на социальную и демографическую политику, ухудшению криминогенной ситуации. В связи с этим, уголовно-правовая оценка таких преступлений требует тщательного анализа.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ – один из самых доходных видов криминальной деятельности. Это способствует формированию и укреплению транснациональных преступных группировок, что значительно затрудняет их обнаружение и ликвидацию. Согласно журналистскому расследованию Д. Антоненкова[1], за последние пять лет в России вес изымаемых ежегодно наркотических средств вырос почти в два раза: с 19,5 тонн в 2019 году до 38 тонн – в 2024-м. Такие данные приводит Единая межведомственная информационно-статистическая система (рисунок 1).

[1] Антоненков, Д. Потоки товара выросли вдвое. Как Россия стала крупным хабоммеждународногонаркотрафика. – Сетевое издание «Современный портал Екатеринбурга – «66.ru». – 2025.

Рисунок 1 – Количество изъятых наркотических средств в России, тонн

С 2021 года наблюдается заметный рост количества изъятых наркотических средств. Ситуация усугубилась после 2022 года, когда резко изменилась международная обстановка. Кроме того, ликвидация крупнейшего в мире даркнет-маркетплейса Hydra стала важным фактором. После этого появилось несколько новых площадок, а каналы поставок запрещенных веществ изменились.

Например, раньше одним из основных пунктов транзита наркотических средств из Южной Америки в Европу был морской порт Одессы. Однако с началом специальной военной операции картелям пришлось искать новые маршруты. В результате в 2023 году и в январе 2024 года в морском порту Санкт-Петербурга сотрудники правоохранительных органов изъяли рекордное количество контрабандного кокаина.

«Сотрудники Северо-Западного таможенного управления и Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области пресекли контрабанду крупной партии кокаина на территории «Большого порта Санкт-Петербург». Изъято более 1200 килограммов наркотика, стоимость которого на черном рынке превышает 13 миллиардов рублей. По данному факту Балтийской таможней возбуждено уголовное дело по статье «Контрабанда наркотических средств в особо крупном размере», – сообщили в Федеральной таможенной службе 23 января 2024 года.

В нашей стране, где насчитывается не менее 6 млн. больных наркоманией (в мире – более 205 млн.), указанная проблема отнесена к угрозам национальной безопасности и требует кардинально новых способов решения. Число летальных исходов от злоупотребления запрещенными веществами в Российской Федерации за последнее десятилетие увеличилось в 12 раз, среди детей – в 42. В 65 процентах случаев причиной смерти становится передозировка.

Совместная работа России и мирового сообщества по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств ведется в рамках международных договоров, организаций, а также, в частности, в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ)[1]. Кроме того, ОДКБ, согласно утвержденному Уставу, сотрудничает с иными международными организациями, действующими в сфере безопасности, одной из которых является Организация Объединенных Наций (далее – ООН).

Сотрудничество между ООН и ОДКБ осуществляется в соответствии с Главой VIII Устава ООН и другими документами. Взаимодействие охватывает поддержание мира, противодействие терроризму, организованной преступности и незаконному обороту наркотиков. В.В. Путин подчеркнул, что ОДКБ занимается не только военными вопросами, но и борьбой с организованной преступностью, наркотрафиком.

С 21 по 25 октября 2024 года прошла субрегиональная антинаркотическая операция «Канал-Авангард» в странах ОДКБ. Операция направлена на ликвидацию подпольного наркопроизводства и подрыв экономических основ наркобизнеса. Финансовые разведки выявили более 16 тыс. подозрительных операций с участием более 200 лиц.

10-11 декабря 2024 года на базе Объединенного штаба ОДКБ прошли консультации по организации мероприятий совместной подготовки сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ в 2026 году. Обсужден и согласован План подготовки, направленный на повышение готовности к выполнению задач.

Употребление наркотических средств и психотропных веществ наносит серьезный вред здоровью людей и обществу в целом. Это проявляется в увеличении количества заболеваний, связанных с наркотической зависимостью, а также в росте уровня преступности и социальной нестабильности[2].

Следует отметить, что эффективная уголовно-правовая оценка таких преступлений способствует укреплению международного сотрудничества в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, что является важным элементом глобальной стратегии

[1] Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.
[2] Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDNMVBFJC.

по обеспечению безопасности и стабильности.

Исследование имеет большое значение, поскольку оно связано с необходимостью улучшения законодательства, направленного на предотвращение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В современном мире, где информационные технологии развиваются стремительно, лица, совершающие преступления в сфере контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, постоянно ищут новые методы, чтобы обойти существующие правовые ограничения. В свою очередь, это требует от представителей правоохранительных органов и спецслужб оперативного реагирования и адаптации правовых норм к новым реалиям.

Исследование уголовно-правовой оценки преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств и психотропных веществ, представляет собой важную задачу, направленную на обеспечение общественной безопасности, защиту здоровья населения[1]. Акцентируем внимание на разграничение понятий «наркотические средства» и «психотропные вещества». Наркотические средства и психотропные вещества представляют собой две независимые категории химических соединений, обладающих уникальными физико-химическими и фармакологическими свойствами.

Наркотические средства, как синтетического, так и природного происхождения, включены в список наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, находящихся под строгим контролем в Российской Федерации. Они широко применяются в медицинской практике, главным образом для обезболивания и купирования симптомов наркотической зависимости. Однако их распространение и использование строго регламентированы в связи с высоким риском развития физической и психологической зависимости, а также потенциальных побочных эффектов[2].

Наркотические средства, такие как морфин, героин и кодеин, являются классическими представителями препаратов, обладающих сильным обезболивающим эффектом и способностью вызывать состояние эйфории. Эти средства относятся к классу опиоидов, которые воздействуют на опиоидные рецепторы в центральной нервной системе, изменяя восприятие боли и эмоциональные реакции.

Психотропные вещества, включая синтетические, природные и полусинтетические соединения, также входят в перечень контролируемых наркотических средств и психотропных веществ. Эти лекарственные средства воздействуют на центральную нервную систему человека, оказывая влияние на его эмоциональное состояние. В медицине они используются для лечения различных психических и нервных заболеваний, таких как тревожные расстройства, депрессия, шизофрения и другие психотические состояния.

Среди наиболее часто применяемых психотропных препаратов можно выделить амфетамины, барбитураты и транквилизаторы. Они имеют разные механизмы действия и спектр терапевтических эффектов[3].

Таким образом, основное различие между наркотическими средствами и психотропными веществами заключается в их происхождении, химическом составе, области применения и степени контроля. Наркотические средства чаще всего используются для обезболивания и лечения зависимостей, в то время как психотропные препараты направлены на коррекцию психических и нервных расстройств. Оба типа веществ подлежат строгому государственному контролю в соответствии с международными и национальными нормативными актами. Однако степень контроля может варьироваться в зависимости от их потенциальной опасности, риска злоупотребления и специфики клинического применения.

Одним из инструментов в рамках уголовного права, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, является ст. 229.1 УК РФ, которая предусматривает ответственность за контрабанду таких средств[4]. Однако применение данной статьи на практике сопряжено с рядом сложностей, что приводит к возникновению судебных споров и необходимости пересмотра судебных актов.

Важные аспекты толкования и квалификации контрабанды в целом и в контексте статьи 229.1 УК РФ в частности разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде».

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, затрагивают комплексные правоотношения, регулирующие производство, распределение, хранение, транспортировку, сбыт и использование наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в рамках правовой системы[5].

Уголовно-правовая оценка контрабанды наркотических средств и психотропных веществ включает комплекс мероприятий, направленных на анализ всех аспектов данного деяния, начиная с объективной стороны преступления и заканчивая мерами ответственности, предусмотренными законодательством.

Общественная опасность предусмотренного ст. 229.1 УК РФ преступления заключается в том, что в результате совершения преступления в нарушение таможенного контроля ввозятся или вывозятся из одного государства в другое запрещенные к реализации предметы.

Предмет преступления - наркотические средства или психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги, а также растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их части, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструменты или оборудование, находящееся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, т.е. предметы, изъятые из свободного обращения, или ограниченные в свободномобращении. Прекурсоры обязательно должны быть включены в таблицы I и II списка IV Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в

[1] Бабаян, Э. А. Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров / Э.А. Бабаян, А.В. Гаевский, Е.В. Бардин. – М.: МЦФЭР, 2000. – 400 с.
[2] Никитина, О. А. Исторические предпосылки возникновения уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств / О. А. Никитина, В. М. Шеншин, К. В. Шевченко // Закон и право. – 2023. – № 9. – С. 56-59. – DOI 10.56539/20733313_2023_9_56. – EDNWZMAUU.
[3] Бойко, А. И. Контрабанда: история, социально-экономическое содержание и ответственность / А.И. Бойко, Л.Ю. Родина. – СПб: Юр. ЦентрПресс, 2002. – 299 с.
[4] Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDNMVBFJC.
[5]Кайнов, В. И. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 5(310). – С. 52-57. – EDNZLJVZE.

Российской Федерации, утвержденных Правительством Российской Федерации.

Объективная сторона преступления выражается в незаконном перемещении предмета преступления через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Перемещение - действия по ввозу на таможенную территорию или вывозу с этой территории предметов любым способом, т.е. фактическое пересечение таможенной границы и все последующие действия с этими предметами.

Контрабанда указанных средств, веществ, растений может быть осуществлена помимо или с сокрытием от таможенного контроля, путем обманного использования документов или средств таможенной идентификации, недекларирования или недостоверного декларирования.

Уголовная ответственность за незаконное перемещение этих средств, веществ, прекурсоров, аналогов, растений и их частей по ч. 1 наступает независимо от их размера.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 229 УК РФ, - физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Специальный субъект преступления - должностное лицо.

Кроме того, использование лицом международного почтового отправления для приобретения вещества, содержащего наркотик, также квалифицируется по ст. 229.1 УК РФ как контрабанда.

Г. при отдыхе в Республике Перу участвовал в проведении обряда, в рамках которого употребил листья растения чакруны, содержащего наркотические средства. Находясь на территории Российской Федерации, Г. решил повторить обряд, для чего заказал у шамана Х. указанное вещество, которое должно было быть доставлено через международное почтовое отправление. Таможенным инспектором факт пересылки наркотических средств был выявлен, после чего указанное вещество было заменено на муляж и получено в почтовом отделении Г., за что последний осужден по п. «б» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ[1].

Значимым аспектом уголовно-правовой оценки является также анализ иных нормативных правовых актов, подзаконных актов в области борьбы с контрабандой наркотических средств. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 года № 400, особое внимание уделяется вопросам борьбы с контрабандой наркотических средств и психотропных веществ. В документе подчеркивается, что деструктивные силы как внутри страны, так и за ее пределами пытаются использовать социально-экономические проблемы для стимулирования негативных процессов, включая обострение межнациональных и межконфессиональных конфликтов[2].

В рамках стратегии предусмотрены меры, направленные на предупреждение и пресечение противоправных действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Особое значение придается противодействию незаконному распространению этих веществ, включая использование инновационных технологий для их распространения. Стратегия также предусматривает: выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; совершенствование системы ответственности должностных лиц за неэффективное использование бюджетных средств и недостижение результатов в борьбе с наркопреступностью; усиление контроля за миграционными потоками и противодействие незаконной миграции, которая может быть связана с контрабандой; создание условий для наиболее полной реализации возможностей войск и правоохранительных органов в борьбе с наркопреступностью; обеспечение технологической независимости оборонно-промышленного комплекса, включая разработку и производство средств борьбы с контрабандой наркотических средств[3].

Эти меры направлены на защиту национальных интересов Российской Федерации, укрепление государственной и общественной безопасности, а также на создание условий для устойчивого развития страны.

В условиях глобализации преступные организации активно используют международные каналы для незаконного перемещения наркотических средств, что требует координации усилий правоохранительных органов различных государств. В этой связи особое значение приобретает развитие международных договоров и соглашений в сфере противодействия наркопреступности, а также обмен информацией и профессиональным опытом между правоохранительными структурами разных стран.

Помимо этого, при оценке преступлений, связанных с контрабандой наркотических веществ, следует принимать во внимание социально-экономические аспекты, которые могут влиять на уровень преступности в этой сфере. В частности, такие факторы, как низкий уровень жизни, безработица и социальная незащищенность, могут способствовать увеличению числа подобных преступлений. В связи с этим важно разрабатывать и реализовывать комплексные меры в области социальной и экономической политики, направленные на снижение уровня преступности и улучшение качества жизни граждан[4].

Таким образом, преступления, связанные с контрабандой наркотических средств и психотропных веществ, представляют собой сложное и многогранное явление, требующее всестороннего анализа с учетом международного опыта, национальных особенностей и соблюдения прав человека. Комплексный подход, включающий в себя интеграцию научных знаний, правоприменительной практики и уважения к фундаментальным правам лично-

[1]Определение Верховного Суда РФ от 14.01.2020 N 4-АПУ19-48 // БВС РФ. 2021. N 7. С. 29 - 30.
[2]Назарова, И. С. О взаимодействии Федеральной таможенной службы и Федеральной службы войск национальной гвардии в сфере противодействия незаконному обороту оружия и боеприпасов, перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза и (или) через Государственную границу Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10(226). – С. 128-131. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_128. – EDNUJUGXU.
[3] Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDNQRUNFX.
[4] Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDNCNAKOE.

сти, является ключевым элементом эффективной стратегии противодействия незаконному обороту данных веществ. Только таким образом можно обеспечить гармоничное сочетание интересов общества, государства и индивида в контексте глобальной борьбы с наркопреступностью.

Список литературы:

1. Антоненков, Д. Потоки товара выросли вдвое. Как Россия стала крупным хабоммеждународногонаркотрафика. – Сетевое издание «Современный портал Екатеринбурга – «66.ru». – 2025.
2. Бабаян, Э. А. Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров / Э.А. Бабаян, А.В. Гаевский, Е.В. Бардин. – М.: МЦФЭР, 2000. – 400 с.
3. Бойко, А. И. Контрабанда: история, социально-экономическое содержание и ответственность / А.И. Бойко, Л.Ю. Родина. – СПб: Юр. Центр Пресс, 2002. – 299 с.
4. Кайнов, В. И. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 5(310). – С. 52-57. – EDN ZLJVZE.
5. Кайнов, В. И. Управление транспортным средством военнослужащим в состоянии алкогольного опьянения: правонарушение, имеющее отягчающий характер / В. И. Кайнов, В. М. Шеншин // Военное право. – 2023. – № 5(81). – С. 36-41. – EDN NRRMQD.
6. Назарова, И. С. О взаимодействии Федеральной таможенной службы и Федеральной службы войск национальной гвардии в сфере противодействия незаконному обороту оружия и боеприпасов, перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза и (или) через Государственную границу Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10(226). – С. 128-131. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_128. – EDN UJUGXU.
7. Никитина, О. А. Исторические предпосылки возникновения уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств / О. А. Никитина, В. М. Шеншин, К. В. Шевченко // Закон и право. – 2023. – № 9. – С. 56-59. – DOI 10.56539/20733313_2023_9_56. – EDN WZMAUU.
8. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
9. Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
10. Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.
11. Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.

References:

1. Antonenkov, D. The flows of goods have doubled. How Russia became a major hub for international drug trafficking. – Online publication "Modern Yekaterinburg Portal – "66.ru". – 2025.
2. Babayan, E. A. Legal aspects of trafficking in narcotic, psychotropic, potent, poisonous substances and precursors / E.A. Babayan, A.B. Gayevsky, E.V. Bardin. – M.: MTSFER, 2000. – 400 p.
3. Boyko, A. I. Contraband: history, socio-economic content and responsibility / A.I. Boyko, L.Y. Rodina. – St. Petersburg: Law Center Press, 2002. – 299 p.
4. Kainov, V. I. On the legal approach of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation to the issue of "drug intoxication" of military personnel and law enforcement officers / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 5(310). – Pp. 52-57. – EDN ZLJVZE.
5. Kainov, V. I. Driving a military vehicle while intoxicated: an aggravated offense / V. I. Kainov, V. M. Shenshin // Military law. – 2023. – № 5(81). – Pp. 36-41. – EDN NRRMQD.
6. Nazarova, I. S. On the interaction of the Federal Customs Service and the Federal Service of the National Guard Troops in the field of countering the illegal trafficking of weapons and ammunition transported across the customs border of the Eurasian Economic Union and (or) across the State border of the Russian Federation / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law and the State: theory and Practice practice. – 2023. – № 10(226). – Pp. 128-131. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_128. – EDN UJUGXU.
7. Nikitina, O. A. Historical prerequisites for the emergence of criminal liability for illicit trafficking in narcotic drugs / O. A. Nikitina, V. M. Shenshin, K. V. Shevchenko // Law and Law. – 2023. – No. 9. – pp. 56-59. – DOI 10.56539/20733313_2023_9_56. – EDN WZMAUU.
8. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
9. Criminal law. Special part : A course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [and others]. – St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – 632 p. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
10. Utkin, N. I. Observance of law and order as a factor of support for citizens participating on a voluntary basis in the protection of the State border of the Russian Federation / N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 2. – pp. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.
11. Shenshin, V. M. Terrorism and counteraction to terrorism and extremism by the CSTO / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Y. Starostin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 11(316). – Pp. 104-109. – EDN LOXPXA.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_585
УДК 349.6

НОРМАТИВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ
REGULATORY REQUIREMENTS FOR PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS

ЯКОВЛЕВ Николай Михайлович,
доцент СВФУ, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Саха (Якутия),
кандидат юридических наук, доцент кафедры арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона
и кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.
677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42.
E-mail: nik.mix.50@mail.ru;

YAKOVLEV Nikolai Mikhailovich,
honored lawyer of the Russian Federation, honored lawyer of the Republic of Sakha (Yakutia), PhD. in Law,
associate professor at the Department of Arctic law, Asia Pacific law. Faculty of law. North- Eastern Federal University.
677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovsky str., 42.
E-mail: nik.mix.50@mail.ru

Краткая аннотация. *Раскрываются вопросы патриотического воспитания студентов на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Разъясняется, что в стенах высших учебных заведений у обучающихся должен формироваться государственный патриотизм, направленный для подготовки молодых людей к выполнению конституционной обязанности по защите суверенитета России.*

Abstract. *It is revealed the issues of patriotic education of students based on traditional spiritual and moral values. It is explained that at higher educational institutions students should develop state patriotism aimed at preparing young people to fulfill their constitutional duty to protect the sovereignty of Russia*

Ключевые слова. *Нравственно-духовное воспитание студентов. Патриотизм.*
Key words. *Spiritual and moral education of students. Patriotism.*

Для цитирования: *Яковлев Н.М. Нормативные требования патриотического воспитания студентов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 585-586. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_585.*

For citation*: Yakovlev N.M. Regulatory requirements for patriotic education of students // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 585-586. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_585.*

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Нормативные требования патриотического воспитания студентов и формирования российской идентичности молодежи закреплены в Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года, утв. Постановлением Правительства от 29 мая 2015 года № 996 [1], и они предусматривают:

создание системы комплексного методического сопровождения деятельности педагогов и других работников, участвующих в воспитании подрастающего поколения, по формированию российской гражданской идентичности;

формирование у обучающихся готовности к защите интересов Отечества, ответственности за будущее России на основе развития программ патриотического воспитания молодежи.

повышение качества преподавания гуманитарных учебных предметов, обеспечивающего ориентацию обучающихся в современных общественно-политических процессах, происходящих в России и мире, а также осознанную выработку собственной позиции по отношению к ним на основе знания и осмысления истории, духовных ценностей и достижений нашей страны.

Патриотизм современной молодежи как одного их факторов эффективного функционирования всей сферы образования – это система ценностей, которая формирует не только уважительное отношение и любовь к Родине, семье, но и является базовой ценностью каждого человека.[2]

Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[3] .

Учитывая положение настоящего Указа Президента о воспитании студентов в духе уважения к российским традиционным ценностям, как ключевой инструмент государственной политики в области образования, в рамках дисциплин «Прокурорский надзор», «Актуальные проблемы прокурорской деятельности», «Уголовное преследование и обвинение» в учебные занятия студентов включены материалы выступлений Президента РФ В.В. Путина, где разъясняются нормативно-правовые критерии и понятия российских государственно-патриотических ценностей.

Во время лекционных занятий преподаватель особо выделяет студентам то, что в настоящем Указе Президента РФ впервые сформированы нормативно- правовые понятия о российских традиционных ценностях как духовно-нравственные, патриотические ориентиры, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности, укрепляющие гражданское единство, позволяющие защищать и укреплять суверенитет России.

Думается, что такие лекции и семинары должны содействовать студентам-юристам в понимании государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей.

Подрастающее поколение более подвержено идеологическому и психологическому воздействию, к насаждению чуждой российскому народу деструктивной идеологии, включая культивирование эгоизма, отрицание идеалов государственного патриотизма.

Студентам постоянно надо разъяснять, что распространение деструктивной идеологии влечет за собой риски, в частности:

- причинение вреда нравственному здоровью людей, навязывание представлений, предполагающих отрицание человеческого достоинства и ценности человеческой жизни;

- формирование личности, пренебрегающей духовно-нравственными ценностями;

---

[1] Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года, утверждены постановлением Правительства РФ от 29.05.2015 г. № 996. КонсультантПлюс.
[2] Литвинова В.С., Фомина Л.В. Формирование патриотизма у обучающихся как один из основных факторов эффективной системы образования. //Право и государство: теория и практика. 2024. № 10, с. 8-9.
[3] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г., об утв. «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». КонсультантПлюс.

- искажение исторической правды, разрушение исторической памяти;

- подрыв доверия к институтам государства, дискредитация идеи служения Отечеству.

Противодействия деструктивной идеологии должны быть направлены на усиление защищенности студентов от антироссийских угроз и рисков.

Правовые познания, формирующие необходимые патриотические установки, студенты должны получать изучая материалы о Великой Отечественной войне, о геноциде нацистов и их пособников против мирного населения оккупированных территорий СССР без срока давности. Они должны знать материалы Нюрнбергского уголовного трибунала над главными нацистскими преступниками, Международного военного Трибунала для Дальнего Востока (Токийский процесс), Суда над бывшими военнослужащими японской Квантунской армии, обвиненными в подготовке и применении бактериологического оружия (Хабаровский процесс).[1]

Президент РФ В.В. Путин очень много внимания уделяет вопросам организации духовно-нравственного уровня подрастающего поколения.

К сожалению, определенная часть студентов не смотрят, не читают, и не знакомы с выступлениями Президента РФ, где постоянно и систематически поднимаются актуальные вопросы государственного патриотизма. Для качественного их усвоения возникает необходимость использовать нормативные требования и возможности учебных лекций и семинаров: обязанность не только слушать, изучать лекции, разработанные на основы публичных выступлений Президента РФ, но и собственноручно выполнять конспекты по ним, готовиться к публичным выступлениям во время семинарских занятий в соответствии заданными контрольными вопросами, а также отвечать на тест-вопросы по темам дисциплин в МООДЛЕ системы электронного дистанционного обучения (СЭДО) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

Вышеуказанные учебные требования направлены на глубокое изучение всех выступлений Президента РФ по формированию у них устойчивого государственного патриотизма и предназначены к подготовке молодых людей к выполнению конституционной обязанности по защите суверенитета своей Родины.

Наиболее эффективным представляется глубокое изучение ими выступления Президента РФ В.В. Путина на торжественном концерте, посвящённом 1160-летию зарождения российской государственности, где Глава государства констатирует: … Россияне, вглядываясь сегодня в глубь веков, понимают, что обязаны не только беречь, но и достойно продолжать традиции предков, что на каждом гражданине лежит колоссальная ответственность за Россию, за то, чтобы защитить и укрепить нашу огромную страну, нашу любимую Родину.

Молодому подрастающему поколению обращена гуманистическая направленность мысли Президента РФ о верности правде и справедливости, уважение к семье, любовь к детям, о прочной основы традиционных ценностей, таких как милосердие, сострадание и взаимовыручка, готовность добиваться благополучия не для себя одного, а для всех, для всей страны, для всей России, и перед лицом общей угрозы вставать вместе стеной за Отечество.

Для студентов особое актуально звучит слова Президент РФ об его искренней уверенности о том, что быть патриотом – суть природы и характера российского народа. Сейчас в ходе специальной военной операции наши герои, солдаты и офицеры, добровольцы проявляют именно такие высшие человеческие качества, бьются отважно, плечом к плечу, как братья, ради спасения людей Донбасса, ради мирного неба для наших детей и внуков, ради родной страны, которая всегда будет только свободной и независимой.

Молодое поколение должно запомнить, принципиальные слова Президента РФ В.В. Путина: за 1160 лет россияне твёрдо усвоили, что для России смертельно опасно даже на время ослабить свой суверенитет, отказаться от национальных интересов. В такие периоды под угрозой оказывалось само существование России.

Заявление В.В. Путина, как гаранта Конституции РФ и суверенитета единого, многонационального российского государства, звучит для молодого поколения особенно торжественно в юбилейный год - 80 лет Победы в Великой Отечественной войне: …Больше от россиян подобных ошибок не дождутся. Российское гражданское правовое общество больше не будет поддаваться шантажу и запугиванию и никогда не предаст, не утратит свой суверенитет, а будет укреплять его, развивать свою Родину Россию. [2]

Список литературы:

1.Литвинова В.С., Фомина Л.В. Формирование патриотизма у обучающихся как один из основных факторов эффективной системы образования. //Право и государство: теория и практика. 2024. № 10, с. 8-9.

References:

1. Litvinova V.S., Fomina L.V. Formation of patriotism in students as one of the main factors of an effective education system. //Law and state: theory and practice. 2024. №10. p. 8-9.

[1] Концепция совершенствования государственно-патриотического воспитания в прокуратуре РФ, утв. приказом Генпрокурора РФ от 14.09.2022 № 510. КонсультантПлюс.
[2] Выступление Президента РФ В.В. Путина на торжественном концерте, посвященном 1160- летию зарождения российской государственности. 21 сентября 2022 года. Великий Новгород. Сайт Президента РФ. Правовой портал РФ. 21.10.2022.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_587

ПРЕВЕНЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
PREVENTION OF JUVENILE CRIME: INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK

БАЗАРОВ Рустам Ахтамович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
член Ассоциации юристов России, главный научный сотрудник ДГУЮ Минюста России.
283049, Россия, ДНР, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9.
E-mail: Adam166@yandex.ru;

ОЛЬКОВ Сергей Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор, член Российской академии юридических наук,
главный научный сотрудник ДГУЮ Минюста России.
283049, Россия, ДНР, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9.
E-mail: olkov@ieml.ru;

BAZAROV Rustam Ahtamovich,
doctor of law, professor, Honored lawyer of the Russian Federation, member of the Association of lawyers of Russia,
chief researcher of the DGUY of the Ministry of Justice of Russia.
283049, Russia, DNR, Donetsk, Lebedinsky St., 9.
E-mail: Adam166@yandex.ru;

OLKOV Sergey Gennadievich,
doctor of law, professor, member of the Russian academy of law sciences,
chief researcher of the DGUY of the Ministry of Justice of Russia.
283049, Russia, DNR, Donetsk, Lebedinsky St., 9.
E-mail: olkov@ieml.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются вопросы совершенствования превенции преступности и иных правонарушений несовершеннолетних через призму международно-правовых основ, отраженных в общепризнанных международных правовых документах. Указанные документы носят рекомендательный характер для стран, их подписавших или присоединившихся позже. Суть такого рода рекомендаций состоит в том, чтобы государства свое национальное законодательство, с учетом внутригосударственной специфики, совершенствовали на основе единого подхода, выработанного в том или ином международном правовом документе, посвященном, в частности проблемам превентивного воздействия в целях предупреждения преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних.*

Abstract. *The article examines the issues of improving the prevention of crime and other juvenile offenses through the prism of international legal foundations reflected in generally recognized international legal documents. The said documents are advisory in nature for countries that have signed them or acceded to them later. The essence of such recommendations is that states should improve their national legislation, taking into account domestic specifics, on the basis of a unified approach developed in one or another international legal document devoted, in particular, to the problems of preventive action for the purpose of preventing crimes and other offenses of minors.*

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних, иные правонарушения несовершеннолетних, превенция, международные правовые документы, рекомендации государствам.*

Keywords: *juvenile delinquency, other juvenile offenses, prevention, international legal documents, recommendations to states.*

Для цитирования: *Базаров Р.А., Ольков С.Г. Превенция преступности несовершеннолетних: международно-правовые основы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 587-589. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_587.*

For citation*: Bazarov R.A., Olkov S.G. Prevention of juvenile crime: international legal framework // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 587-589. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_587.*

Статья поступила в редакцию: 30.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение. Важное значение в деле совершенствования правовой регламентации превенции преступности и иных правонарушений несовершеннолетних в нашей стране представляют документы международно-правового характера межгосударственных организаций. В научной литературе по этому поводу отмечается, что в правовых актах международного уровня заложены важные правовые основы для внутригосударственного законодательства [1].

Цель исследования. Осуществить анализ ряда международных правовых документов по вопросам превенции преступности и иных правонарушений несовершеннолетних, рассмотреть проблемы имплементации некоторых положений указанных документов в российское законодательство.

Методы исследования. В настоящей научной статье применялись, в частности следующие общенаучные и частнонаучные методы исследования: дедукция, индукция, анализ, синтез, сравнительно-правовой.

В силу положений, закрепленных в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, впервые в истории развития нашего государства, независимо от его наименования и особенностей государственно-политического устройства в те или иные исторические периоды, на высшем законодательном уровне предусмотрено положение по вопросу юридической значимости международных документов для нашего государства.

Прежде всего следует подчеркнуть, согласно частям 1-3 статьи 15 Конституции Российской Федерации: Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации (часть 1). Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (часть 2). Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свобо-

ды и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (часть 3).

Наряду с изложенным в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации установлено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. На протяжении всего предшествующего периода развития нашего общества не было ничего подобного данному конституционно-правовому положению. В этой связи было закономерным, что ранее некоторые нормы законодательства СССР и РСФСР не в полной мере соответствовали или не соответствовали вовсе принципам и нормам международных документов. Принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году была ознаменована принципиально новая веха в законотворчестве нашего государства, в частности обусловленная необходимостью обеспечения соответствия норм национального законодательства международным принципам и нормам.

Международные правовые документы по своей широте охватывают множество направлений и отраслей права. Одним из направлений, по которому в них содержатся рекомендации государствам, является превенция преступности и иных правонарушений несовершеннолетних.

Международные принципы и нормы, содержащиеся в международных документах, в основном применимы практически в любом государстве. Это обусловлено тем обстоятельством, что в международных документах предусматриваются минимальные стандарты с учетом принципа разумной достаточности. Данные стандарты в области превенции преступности и иных правонарушений несовершеннолетних способствуют формированию гуманных и рациональных норм национального законодательства.

Еще в самых первых программных документах Российской Федерации в сфере противодействия преступности, в частности в Указе Президента Российской Федерации от 24 мая 1994 г. № 1016 «О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 годы», были предусмотрены самостоятельные разделы, посвященные международному сотрудничеству в борьбе с преступностью. В них, в частности, было запланировано участие представителей органов внутренних дел нашей страны в деятельности международных организаций, их структурных подразделений по различным аспектам противодействия преступности [2].

В рамках научной работы, направленной на разработку предложений по совершенствованию внутринационального законодательства, представляется целесообразным исследовать вопросы по поводу согласованности норм внутригосударственного законодательства с принципами и нормами международных документов. Условно международные документы в сфере борьбы с преступностью подразделяются на: 1) документы общего характера, 2) документы по отдельным видам преступности, в том числе 3) документы, которые направлены на превенцию преступности и иных правонарушений несовершеннолетних.

К документам в сфере борьбы с преступностью общего характера относятся, например, такие международные правовые акты (перечислены в хронологическом порядке), как: Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (г. Женева, 12 сентября 1923 г.) [3], Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами (одобрена резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 1949 г.) [4], Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-ом пленарном заседании 31 июля 1957 г.) [5], Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят на 106 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г.) [6], Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (г. Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) [7], Рекомендации относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития (приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и одобрены резолюцией 45/107 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.) [8], Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (приложение к Миланскому плану действий, принятому на седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, г. Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г.) [9], Основные принципы независимости судебных органов (г. Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г.) [10], Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.) [11], Основные принципы обращения с заключенными (приняты Резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.) [12] и др.

К документам, которые направлены на превенцию преступности и иных правонарушений несовершеннолетних, относятся, например, следующие международные правовые документы: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.) [13], Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (приняты Резолюцией 45/112 на 68-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.) [14], Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (приняты Резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.) [15].

Указанные международного документы представляют собой международные правовые основы дальнейшего совершенствования на внутригосударственном уровне правовых норм, направленных на повышение эффективности превенции преступности и иных правонарушений несовершеннолетних мерами:

общесоциального характера – создание благоприятных социально-экономических условий жизнедеятельности подрастающего поколения и общества в целом;

специально-криминологического характера – профилактические меры уполномоченных на то субъектов предупреждения правонарушений

среди несовершеннолетних и охраны их прав;

уголовно-правового характера – применение норм уголовного законодательства в случае совершения несовершеннолетними преступления при условии достижения установленного в статье 20 Уголовного кодекса Российской Федерации возраста;

уголовно-исполнительного характера – в случае, когда речь идет о реализации уголовной ответственности с назначением уголовного наказания, о превенции повторных преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних осужденных.

Вывод. Указанными документами следует руководствоваться в качестве международных стандартов в процессе законотворческой деятельности и правоприменительной практики в деле общей и частной превенции преступности и иных правонарушений несовершеннолетних, уголовно-правового противодействия преступности несовершеннолетними, их исправления, перевоспитания и превенции совершения новых преступлений как с их стороны, так и другими несовершеннолетними.

Список литературы:

1. Миньковский Г.М., Ревин В.П. Международное противодействие преступности в молодежной среде // Законность. 1993. № 12. С. 34.
2. Указ Президента Российской Федерации от 24 мая 1994 г. № 1016 «О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 5. Ст. 403.
3. Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (г. Женева, 12 сентября 1923 г.) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 21. Ст. 179.
4. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами (одобрена резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 9. Москва, 1957.
5. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-ом пленарном заседании 31 июля 1957 г.) // Советская юстиция. 1992. № 2.
6. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят на 106 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г.) // Советская юстиция. 1991. № 17.
7. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (г. Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.
8. Рекомендации относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития (приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и одобрены резолюцией 45/107 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.) // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН. Нью-Йорк, 1992.
9. Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (приложение к Миланскому плану действий, принятому на седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, г. Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г.) // Советская юстиция. 1992. № 13-16.
10. Основные принципы независимости судебных органов (г. Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г.) // Советская юстиция. 1991. № 16.
11. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. Москва, 1994.
12. Основные принципы обращения с заключенными (приняты Резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.) // Международные акты о правах человека: сборник документов. Москва: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
13. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.) // Советская юстиция. 1991. № 12-14.
14. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (приняты Резолюцией 45/112 на 68-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
15. Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (приняты Резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

References:

1. Minkovsky G.M., Revin V.P. International counteraction of crime among young people // Legality. 1993. № 12. P. 34.
2. Decree of the President of the Russian Federation of May 24, 1994 № 1016 «On urgent measures to implement the Federal Program of the Russian Federation to strengthen the fight against crime for 1994-1995» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 5. Art. 403.
3. International Convention for the Suppression of the Circulation of and Trade in Pornographic Publications (Geneva, September 12, 1923) // Collection of Laws and Regulations of the Workers' and Peasants' Government of the USSR. 1936. № 21. Art. 179.
4. Convention for the Suppression of the Traffic in Persons and of the Exploitation of the Prostitution of Others (approved by Resolution 317 (IV) of the UN General Assembly of December 2, 1949) // Collection of current treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue. 9. Moscow, 1957.
5. Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (adopted at the First UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders on August 30, 1955, approved by the Economic and Social Council at the 994th plenary meeting on July 31, 1957) // Soviet Justice. 1992. № 2.
6. Code of Conduct for Law Enforcement Officials (adopted at the 106th plenary meeting of the UN General Assembly on 17 December 1979) // Sovetskaya Yustitsiya. 1991. № 17.
7. Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (New York, 10 December 1984) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1987. № 45. Art. 747.
8. Recommendations concerning international cooperation in crime prevention and criminal justice in the context of development (adopted by the VIII UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders and approved by UN General Assembly resolution 45/107 of 14 December 1990) // Compendium of UN standards and norms in the field of crime prevention and criminal justice. UN. New York, 1992.
9. Guiding principles in the field of crime prevention and criminal justice in the context of development and the new international economic order (appendix to the Milan Plan of Action, adopted at the Seventh United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Milan, 26 August – 6 September 1985) // Sovetskaya yustitsiya. 1992. № 13-16.
10. Basic Principles of the Independence of the Judiciary (Milan, 26 August – 6 September 1985) // Sovetskaya Yustitsiya. 1991. № 16.
11. UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances (Vienna, 20 December 1988) // Collection of International Treaties of the USSR and the Russian Federation. Issue XLVII. Moscow, 1994.
12. Basic Principles for the Treatment of Prisoners (adopted by Resolution 45/111 of the UN General Assembly of 14 December 1990) // International Acts on Human Rights: Collection of Documents. Moscow: Publ. NORMA-INFRA-M group, 1998.
13. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (the Beijing Rules) (adopted by Resolution 40/33 at the 96th plenary meeting of the UN General Assembly on November 29, 1985) // Sovetskaya yustitsiya. 1991. № 12-14.
14. United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency (Riyadh Guidelines) (adopted by Resolution 45/112 at the 68th plenary meeting of the UN General Assembly on 14 December 1990) // Consultant Plus Legal Reference System.
15. UN Rules for the Protection of Juveniles Deprived of their Liberty (adopted by Resolution 45/113 of the UN General Assembly on 14 December 1990) // Consultant Plus Legal Reference System.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_590
УДК 343

СТАДИЯ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ
THE STAGE OF RESUMING CRIMINAL PROCEEDINGS DUE TO NEW OR NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES: PROBLEMS AND PROSPECTS OF REFORM

ЕЖОВА Елена Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Институт права Уфимского университета науки и технологий.
Россия, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.
E-mail: ufa_kafedra@mail.ru;

YEZHOVA Elena Vladimirovna.
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.
Ufa, 131 Dostoevsky Street.
E-mail: ufa_kafedra@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье анализируются некоторые проблемы, возникающие на стадии возобновления дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые нашли отражение в постановлениях Конституционного Суда РФ, но актуальны и для уголовного процесса в целом. Такие как: степень самостоятельности суда и его независимость от позиций сторон по делу, границы и условия ухудшения положения лица в уголовном процессе, юридическая сила правовых позиций самого Конституционного Суда РФ.*

Abstract: *The article analyzes some of the problems that arise at the stage of reopening the case due to new or newly discovered circumstances, which are reflected in the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, but are relevant to the criminal process as a whole. Such as: the degree of independence of the court and its independence from the positions of the parties to the case, the boundaries and conditions for the deterioration of a person's position in criminal proceedings, the legal force of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation itself.*

Ключевые слова: *УПК РФ, возобновление дела, новые и вновь открывшиеся обстоятельства.*
Keywords: *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, reopening of the case, new and newly discovered circumstances.*

Для цитирования: *Ежова Е.В. Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: проблемы и перспективы реформирования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 590-592. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_590.*
For citation*: Yezhova E.V. The stage of resuming criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances: problems and prospects of reform // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 590-592. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_590.*

Статья поступила в редакцию: 13.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Согласно отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 года, в производстве судов находилось всего 83 материала о возобновлении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (удовлетворено из них – 29, отказано в удовлетворении – 4, производство прекращено – 50) [1].

Таким образом, рассматриваемая стадия является исключительной, применяемой, по объяснимым причинам, в масштабах всех рассматриваемых уголовных дел в России, довольно редко. Поэтому законодатель до недавнего времени практически не подвергал ее изменениям (поскольку такой острой необходимости и не возникало). Хотя уже давно ученые отмечают, что «правоотношения, возникающие в ходе рассматриваемой стадии процесса, урегулированы не в полной мере, кроме того, в указанной главе имеются и очевидные противоречия. Сказанное характерно как в целом для всего правового института возобновления производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам, так и для составляющих его элементов» (А.Т. Валеев, О.А. Белов и Н.В. Софийчук) [2, С. 525].

Однако в последние годы ситуация изменилась.

Связано это, во-первых, с политической ситуацией в мире (в связи с чем федеральным законом от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ из оснований возобновления дела ввиду новых обстоятельств были исключены решения Европейского суда по правам человека, поскольку с 16 марта 2022 года считается прекратившей свое действие в отношении РФ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года в связи с прекращением членства РФ в Совете Европы).

Во-вторых, был вынесен ряд постановлений Конституционного Суда РФ, во-многом, изменивших суть интересующей нас стадии уголовного процесса.

1) Прежде всего значимым является постановление № 53-П, вынесенное 16 декабря 2021 г. [3]. Оно посвящено вопросу обжалования решения прокурора о прекращении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: суду теперь предоставляется право при рассмотрении жалобы на действия (бездействие) прокурора, фактически в отсутствие соответствующего его заключения о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, самому принять решение по данному вопросу по существу, устраняя тем самым нарушение закона, допущенное должностным лицом органа прокуратуры. Сделать это можно при наличии трех условий:

- инициируемый заявителем пересмотр уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств направлен на улучшение правового положения осужденного;

- наличие повторной жалобы на незаконность прекращения прокурором производства по данному делу или неправомерность бездействия прокурора по подготовке заключения о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам;

- материалы ранее проведенной прокурором проверки или расследования, а также самостоятельно истребованные судом материалы являются достаточными для решения данного вопроса по существу.

Таким образом, суд может, проигнорировав позицию прокурора, сразу напрямую восстановить нарушенные права участников процесса. Тем

самым Конституционный Суд РФ подчеркивает и усиливает действие принципа независимости судей, а также статус суда как участника процесса, решения которого не должны ставиться в зависимость от позиции сторон, особенно в случаях, когда речь идет о необходимости устранения выявленных им нарушений прав и законных интересов лиц.

Данная мысль четко прослеживается во многих решениях Конституционного Суда РФ, особенно с 2013 года, применительно к разным ситуациям, таким как, например, возвращение уголовного дела прокурору, выявление обстоятельств, свидетельствующих о наличии в деянии лица признаков более тяжкого преступления (постановление от 2 июля 2013 г. № 16-П, определение от 14 января 2016 г. № 15-О и многие другие).

2) Еще более интересными, представляются, постановления Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26 [4] и от 17 декабря 2024 г. № 58-П [5]. Своим решением 2023 года Суд вынес закономерную позицию, встав на сторону такого участника уголовного процесса, как потерпевший, и признав обязательность придания соответствующего статуса лицу в случае его вовлечения в период несовершеннолетия в совершение преступления независимо от способа такого вовлечения.

Однако приведение вынесенного по данному уголовному делу судебного решения в соответствие с указанной позицией Конституционного Суда РФ было осложнено тем, что Д.А. Борзаев, в отношении которого и было возбуждено уголовное дело по ст. 150 УК РФ и по которому М.В. Золотарева проходила только как свидетель, был в последующем оправдан судом. А согласно положениям УПК РФ (ст. 414) ухудшение положения лица возможно только при выявлении вновь открывшихся обстоятельств, а также наступлении новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния. Ссылаясь на это положение, Верховным Судом РФ было отказано в удовлетворении заявления М.В. Золотаревой о возобновлении дела в отношении Д.А. Борзаева ввиду нового обстоятельства.

Это повлекло вынесение еще одного постановления Конституционным Судом РФ от 17 декабря 2024 г. № 58-П, которым были обозначены и разрешены несколько ключевых вопросов как для уголовного процесса, в частности, так и для правовой системы России, в целом:

1) Иерархия правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в его постановлениях, в системе источников российского права.

Основные выводы:

Федеральный конституционный закон (далее – ФКЗ), в соответствии с которым действует Конституционный Суд РФ [6], обладает большей юридической силой, чем федеральный закон (в нашем случае – УПК РФ). Соответственно, неисполнение правоприменителем постановлений этого Суда со ссылкой на нормы федерального закона расценивается как неисполнение требований этого ФКЗ, что, в свою очередь, означает, что правоприменитель «исходил бы не из потребности в исправлении выявленной судебной ошибки, а, наоборот, из признания ее приоритета над справедливостью, над интересами правосудия и защиты прав пострадавших от преступлений, придавая такой ошибке легитимную значимость, причем даже более высокую, чем у института пересмотра решений судов по итогам конституционного судопроизводства» [5]. Поэтому пересмотр конкретного дела, в котором был применен нормативный акт или отдельное его положение, признанные неконституционными или отвечающими Конституции РФ в определенном истолковании, «имеет приоритетную и исключительную роль в качестве формы восстановления нарушенных прав заявителя» (перед всеми иными формами осуществления правосудия).

2) Обязательность исполнения решений Конституционного Суда РФ.

Основные выводы:

Если в постановлении Конституционного Суда РФ содержится указание о пересмотре дела, по которому была подана жалоба заявителя, такой пересмотр должен быть осуществлен без каких-либо ограничений и исключений.

Получается (применительно к сложившейся практической ситуации в деле М.В. Золотаревой), что решение Конституционного Суда РФ подлежит безусловному исполнению даже при условии того, что правоприменителю необходимо проигнорировать требования действующего уголовно-процессуального закона, конкретные нормы которого не были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ и не были признаны несоответствующими Конституции РФ, но которые являются частью правового механизма, от которого зависит исполнение такого принятого постановления.

3) Границы и условия, в пределах которых возможно ухудшение положения лица в уголовном судопроизводстве.

Основные выводы:

- ничто и никто не может ограничивать право Конституционного Суда РФ указать на необходимость пересмотра дела заявителя, даже наличие факта необходимости ухудшения для этого положения осужденного или оправданного по уголовному делу (особенно учитывая тот факт, что такое, например, оправдание лица могло быть необоснованным и обусловленным как раз применением норм, не соответствующих Конституции РФ);

- при этом допускается ухудшение положения осужденного или оправданного соразмерно (сообразно) восстановлению прав лица, указание на пересмотр дела которого содержится в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (правда, на наш взгляд, соразмерность такого ухудшения – это оценочное понятие, которое будет наполнено содержанием исходя из конкретных обстоятельств дела и оценки конкретным правоприменителем имеющихся в деле доказательств).

Ранее, на наш взгляд, Конституционный Суд РФ придерживался более жёсткой позиции относительно возможности ухудшения положения лица в уголовном процессе (установленные им строгие временные рамки такого ограничения (например, календарный год в кассации и надзоре), четкое определение лиц, являющихся инициаторами рассмотрения такого вопроса судом, и др.). Сейчас все эти правила уходят на второй план в случае необходимости исполнения решений Конституционного Суда РФ (обязательность которых является беспрекословной для всех субъектов права), когда это необходимо для восстановления нарушенных прав иных участников уголовно-процессуальных отношений.

С другой стороны, К.Б. Калиновский в своем интервью с С. Литвиновой правильно отмечает, что в случае возникновения неоднозначных ситуаций, таких, например, как истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, «соразмерность» дает воз-

можность суду посмотреть, а справедливо ли будет такое ухудшение положения лица, соответствует ли это целям правосудия [7].

4) Уточнение права лица на возобновление дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Основные выводы:

Поскольку пересмотр оправдательного приговора допускается не позднее одного года со дня открытия новых или вновь открывшихся обстоятельств (а с момента принятия первого постановления по делу М.В. Золотаревой прошло уже более года), Конституционный Суд РФ признал не утраченным ее право на возобновление дела ввиду нового обстоятельства.

Поэтому 20 марта 2025 г. Президиумом Верховного Суда РФ было принято решение приговор в части оправдания Борзаева Д.А. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, отменить и передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение[8].

Мы согласимся с В.А. Давыдовым, который верно отмечает: «В литературе совершенно справедливо отмечается, что правоприменение само по себе не застраховано от ошибок, но в условиях запутанности текста нормы, коллизионности законодательства, отсутствия необходимых правил поведения риск ошибки возрастает многократно» [9, С. 23]. Поэтому после вынесения рассмотренных выше постановлений Конституционного Суда РФ, возникла необходимость на законодательном уровне (путем внесения изменений в УПК РФ) уточнить несколько принципиальных для стадии возобновления дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств вопросов:

- возможность ухудшения положения лица при установлении наличия новых обстоятельств (и речь здесь – не только о постановлениях Конституционного Суда РФ, но и о иных новых обстоятельствах, при выявлении которых может возникнуть необходимость ухудшить положение лица; особенно учитывая тот факт, что различными учеными дается различный перечень таких обстоятельств, и этот вопрос является одним из самых дискуссионных применительно к рассматриваемой нами стадии [2, С. 50-55]);

- возможность возобновления дела после истечения годичного срока, исчисляемого со дня открытия новых или вновь открывшихся обстоятельств (особенно в случаях, когда это произошло по обстоятельствам, не зависящим от самого заявителя);

- порядок обжалования решения прокурора о прекращении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Интересно, что в последние годы именно на стадии возобновления уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств были подсвечены и нашли отражение в постановлениях Конституционного Суда РФ ключевые вопросы уголовного процесса: о степени самостоятельности суда и его независимости от позиций сторон по делу, о границах и условиях ухудшения положения лица в уголовном процессе, о юридической силе правовых позиций самого Конституционного Суда РФ. Рассмотренные правовые позиции явно выходят за рамки только этой стадии, и они применимы и к уголовному процессу в целом. Особенно это касается вопроса независимости судей. Однако их реализация потребует внесения существенных изменений в уголовно-процессуальный закон.

Список литературы:

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 года // [Электронный ресурс]. Сайт Судебного Департамента при Верховном Суда РФ. URL. https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 16.05.2025).
2. Валеев А.Т., Белов О.А., Софийчук Н.В. Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: назначение и основания производства // Пенитенциарная наука. 2019. № 4. С. 523-530.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2021 г. № 53-П «по делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL. http://www.ksrf.ru/ru/Decision/ (дата обращения: 22.05.2025).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL. http://www.ksrf.ru/ru/Decision/ (дата обращения: 22.05.2025).
5. Постановление Конституционного Суда РФ 17 декабря 2024 года № 58-П «по делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Золотаревой» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL. http://www.ksrf.ru/ru/Decision/ (дата обращения: 22.05.2025).
6. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
7. 201 выпуск передачи «Уголовный процесс». Обсуждение постановления Конституционного Суда РФ по делу Золотаревой М.В. // [Электронный ресурс]. URL. https://rutube.ru/video/private/0919e315b52f8e75993f1f7404bacb18/?p=Uz3rbPX-kJZEQgBK6oTPkg (дата обращения: 6.06.2025).
8. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 марта 2025 г. № 4 - П25 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств» // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
9. Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. М.: Издательство Юрайт, 2014. 313 с.

References:

1. Report on the work of the courts of general jurisdiction on the consideration of criminal cases in the first instance for 12 months of 2024 // [Electronic resource]. Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL. https://cdep.ru/?id=79 (date of application: 05/16/2025).
2. Valeev A.T., Belov O.A., Sofiychuk N.V. The stage of resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances: purpose and grounds of the proceedings // Penal science. 2019. No. 4. pp. 523-530.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 16, 2021 No. 53-P "in the case of checking the constitutionality of Articles 416 and 417 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen F.B. Iskhakova" [Electronic resource] // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL. http://www.ksrf.ru/ru/Decision / (date of appeal: 05/22/2025).
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 25, 2023 No. 26-P "on the case of checking the Constitutionality of Part Four of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation and a number of Provisions of Articles 42, 45, 145, 146 and 222 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens M.V. Zolotareva and V.V. Frolova" // The official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL. http://www.ksrf.ru/ru/Decision / (date of appeal: 05/22/2025).
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation on December 17, 2024 No. 58-P "in the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Part four of Article 413 and part three of Article 414 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen MV Zolotareva" // Official website of the Constitutional Court Courts of the Russian Federation. URL. http://www.ksrf.ru/ru/Decision / (date of appeal: 05/22/2025).
6. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994 (as amended on July 31, 2023) "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // [Electronic resource]. Access from the help.- Consultant Plus legal system.
7. 201 episodes of the program "Criminal Trial". Discussion of the ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation on the case of Zolotareva M.V. // [Electronic resource]. URL. https://rutube.ru/video/private/0919e315b52f8e75993f1f7404bacb18/?p=Uz3rbPX-kJZEQgBK6oTPkg (date of request: 06/6/2025).
8. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 20, 2025 No. 4 - P25 "On the resumption of criminal proceedings in view of new circumstances" // [Electronic resource]. Access from the help.- Consultant Plus legal system.
9. Davydov V.A. Resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances: theory and practice of correcting judicial errors. Moscow: Yurayt Publishing House, 2014. 313 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_593

УДК 347.421

ПРЕКРАЩЕНИЕ ДОГОВОРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ ЗАЯВИТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
CANCELATION OF THE GREED CONNECTION AGREEMENT BY THE APPLICANT: PROBLEMS OF LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

МЕЛЬНИКОВ Олег Олегович,
руководитель проекта, ПАО «Россети Московский регион», г. Москва.
117312, Россия, г. Москва, улица Вавилова, 7Б.
E-mail: oleg.lawyer@yandex.ru;
MELNIKOV Oleg Olegovich,
Project Manager, PJSC Rosseti Moscow Region, Moscow.
7B Vavilova Street, Moscow, 117312, Russia.
E-mail: oleg.lawyer@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассмотрены порядок и условия прекращения договора технологического присоединения к электрическим сетям (договор ТП) по инициативе одной из сторон данного договора – заявителя технологического (заявителя). Объектом исследования выступают механизмы государственного регулирования, направленные на обеспечение экономической устойчивости и социальной стабильности. Новизна работы заключается в комплексном теоретическом обосновании эффективности фискальных и институциональных мер антикризисного управления на долгосрочном горизонте. В процессе исследования выявлены ключевые направления политики, способствующие снижению последствий кризисов и формированию устойчивой экономической модели. Полученные результаты могут быть использованы в разработке стратегий государственного управления, программ социально-экономического развития и совершенствования налоговой политики.*

Abstract. *The article considers the procedure and conditions for termination of the agreement on technological connection to electric networks (the TP agreement) at the initiative of one of the parties to this agreement - the technological applicant (the applicant). The object of the study is the mechanisms of state regulation aimed at ensuring economic sustainability and social stability. The novelty of the work lies in the comprehensive theoretical substantiation of the effectiveness of fiscal and institutional measures of anti-crisis management in the long term. In the course of the study, key policy areas were identified that contribute to reducing the consequences of crises and the formation of a sustainable economic model. The results obtained can be used in the development of public administration strategies, programs of socio-economic development and improvement of tax policy.*

Ключевые слова: *договор технологического присоединения, прекращение договорных обязательств, отказ от исполнения договора, оплата исполнителю расходов, возврат предварительной оплаты.*

Keywords: *grid connection agreement, cancelation of the grid connection agreement, withdrawal of the contract, reimbursement of expenses, refund of advanced payments.*

Для цитирования: *Мельников О.О. Прекращение договора технологического присоединения по инициативе заявителя: проблемы законодательства и судебной практики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 593-597. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_593.*

For citation*: Melnikov O.O. Cancelation of the greed connection agreement by the applicant: problems of legislation and judicial practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 593-597. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_593.*

Статья поступила в редакцию: 30.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

1. Право заявителя на односторонний отказ от договора технологического подключения

Общее правило договорного права предполагает, что обязательства сторон прекращаются либо по взаимному согласию, либо в случаях, предусмотренных договором или применимыми нормативными актами. Российская правовая система допускает возможность одностороннего выхода из договорных отношений лишь при наличии специальных условий, отражённых в законодательстве или соглашении между сторонами. Такая возможность, как правило, оформляется путём письменного уведомления контрагента.

В секторе электроэнергетики, регулируемом специальными правилами подключения объектов к электрическим сетям, законодатель выделяет случаи, когда инициатива о прекращении договора может исходить от потребителя. В частности, согласно положениям, содержащимся в одном из пунктов действующих Правил подключения (например, пункт 18, подпункт "г"), заявитель вправе отказаться от исполнения договора, если сетевая компания нарушает сроки реализации мероприятий, входящих в её зону ответственности.

Таким образом, подход отраслевого регулирования основывается на связке между невыполнением сетевой организацией предусмотренных договором этапов работ и правом потребителя выйти из правоотношений в одностороннем порядке. Однако в отсутствие такого нарушения основание для отказа от исполнения договора отсутствует, что подтверждает ограниченность и целевую направленность этого механизма.

Следовательно, Правила подключения связывают возможность одностороннего отказа заявителя с несоблюдением сетевой организацией временных рамок выполнения технологических мероприятий. Если же сроки исполнения обязательств не нарушены, у заявителя отсутствует законное основание для одностороннего расторжения договора. Аналогичную позицию ранее высказывал и Арбитражный суд Московского округа, подчёркивая, что действующее законодательство предусматривает только одно исключение из общего правила, закреплённого статьёй 310 ГК РФ, согласно которому произвольный отказ от исполнения обязательств или изменение условий договора в одностороннем порядке не допускается без законного основания [11].

Тем не менее, в судебной практике наметился сдвиг в интерпретации правовой природы соглашений о подключении к сетям. В ряде решений высшей судебной инстанции подобные договоры рассматриваются как разновидность контрактов, предусматривающих оплату за фактически

выполненные действия в интересах заявителя. Такой подход позволяет обосновать возможность одностороннего прекращения обязательств по инициативе потребителя, при условии возмещения второй стороне тех расходов, которые она успела понести до момента отказа.

Подобная правовая конструкция обеспечивает большую гибкость: если у заявителя исчезает необходимость в реализации проекта, он не обязан доводить отношения до формального завершения, а может прекратить их, компенсировав затраты контрагента. Это даёт сторонам инструменты для минимизации убытков и способствует адаптивности договорной модели в условиях изменяющихся обстоятельств.

Данный подход расширяет правовые возможности заявителя: если у него исчезает необходимость в реализации проекта подключения, он вправе прекратить договорные отношения с учётом компенсации затрат исполнителю. Это позволяет минимизировать финансовые риски в виде полной стоимости услуг подключения или штрафных санкций за нарушение условий соглашения [14].

Позиция о праве заявителя на односторонний отказ от исполнения договора технологического присоединения (ТП) находит поддержку среди исследователей, посвятивших свои труды анализу данного вида договорных отношений. Так, К.С. Семенович подчеркивает, что отсутствие у заявителя возможности свободно отказаться от исполнения договора ТП — как до начала его исполнения, так и в процессе выполнения обязательств — фактически приравнивается к навязыванию деятельности со стороны сетевой организации, что противоречит основополагающему принципу свободы договора [15]. Аналогичную позицию занимает А.А. Васев, утверждающий, что право заявителя на односторонний отказ не должно ограничиваться какими-либо дополнительными условиями или оговорками [1].

Таким образом, как научные подходы, так и действующая судебная практика в целом признают за заявителем право на безусловное прекращение исполнения договора ТП в одностороннем порядке в любой момент до момента фактического технологического присоединения. На первый взгляд, подобные аргументы выглядят убедительными и логичными. Однако преждевременно считать, что безусловный отказ от договора ТП полностью удовлетворяет интересы всех сторон обязательства и прочих участников отрасли.

2. Последствия безусловного одностороннего отказа заявителя от исполнения договора ТП

В законодательстве прекращение договорных отношений квалифицируется как один из способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ). Воля одной из сторон, выраженная в изменении или расторжении договора, должна приводить к возникновению правовых последствий, которые являются желательными либо для одной, либо для обеих сторон [4]. Следовательно, оценка целесообразности и обоснованности одностороннего отказа требует предварительного анализа того, насколько благоприятными или отрицательными окажутся вызванные этим действия последствия.

Отказ заявителя от договора ТП автоматически влечет за собой прекращение его обязательств по выполнению мероприятий, связанных с технологическим присоединением, а также освобождает его от обязанности оплачивать данные услуги. Вносившийся в рамках договора авансовый платеж подлежит возврату, но с учетом фактически понесённых сетевой организацией расходов. В итоге заявитель избавляется от необходимости нести дальнейшие издержки, связанные с выполнением обязательств по договору, а также от ответственности за его неисполнение.

Несмотря на то, что фактического подключения к электрической сети при этом не происходит, а сумма аванса возвращается не в полном объеме, подобные последствия на первый взгляд представляются для заявителя выгодными, поскольку позволяют избежать дополнительных затрат на технологическое присоединение объекта, который на момент отказа может и не существовать в готовом виде. С другой стороны, сетевая организация полностью компенсирует свои фактические затраты, что позволяет предположить, что имущественные интересы обеих сторон договора ТП находятся в относительном балансе в ситуации отказа заявителя.

Однако описанная модель прекращения договора ТП представляет собой скорее идеализированный вариант. В реальности имущественные последствия расторжения договора по инициативе заявителя не позволяют однозначно утверждать о полном соблюдении интересов обеих сторон и общем балансе имущественных интересов участников правоотношений в сфере электроэнергетики.

В первую очередь это касается вопроса возврата авансового платежа заявителю. Прекращение договора ТП, как правило, предполагает возврат внесённого аванса. При этом право заявителя на возврат авансового платежа тесно связано с обязанностью компенсировать сетевой компании фактические издержки, понесённые в ходе исполнения договора. Часто случается, что такие расходы превышают размер внесённого аванса. Это обусловлено усреднённым подходом к формированию тарифа на технологическое подключение, основанным на средних издержках сетевой компании, рассчитанных с учётом всех заключённых договоров подключения. В итоге по отдельным соглашениям плата может быть выше реальных затрат, а по другим — не покрывать их полностью.

Данная ситуация вызывает существенный правовой вопрос: в каком размере сетевая компания вправе требовать возмещения понесённых расходов и может ли право заявителя на возврат аванса при отказе от договора подключения фактически привести к обязательству компенсировать затраты сетевой организации, если они превысили размер аванса?

Практика судебных органов по этому вопросу характеризуется неоднозначностью. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда, отклонив ходатайство сетевой компании о пересмотре дела, разъяснила, что поскольку тариф на технологическое подключение является регулируемым, возмещаемые расходы сетевой компании ограничиваются величинами, утверждёнными органом тарифного регулирования на основании экономического обоснования. Следовательно, сумма возмещения не должна превышать стоимость услуг, рассчитанную по тарифной ставке [5].

В то же время в ряде других судебных решений встречается противоположный подход: суды взыскивают с заявителя расходы, превышающие размер платы за технологическое подключение. Например, Арбитражный суд Центрального округа, рассматривая взыскание фактически понесённых затрат, отметил, что тарифная ставка не отражает полностью реальные издержки сетевой компании, поскольку формируется исходя из плановых расходов в период тарифного регулирования, что не всегда совпадает с фактическими затратами. Аргументы заявителя о недопустимости превышения расходов над установленной платой суд счёл необоснованными [7]. При этом сетевая компания вправе в судебном порядке требовать компенса-

ции понесённых затрат с потребителя, отказавшегося от подключения и подписания соответствующих документов, даже если данные расходы не включены в тариф на услуги передачи электроэнергии [8].

В научных исследованиях, посвящённых договору технологического присоединения, также подчёркивается проблема точного определения объёма расходов, подлежащих возмещению сетевой организацией [2]. Частичное покрытие затрат сетевой организацией приводит к необходимости компенсировать оставшуюся часть расходов за счёт повышения тарифа [16]. Это фактически означает перенос дополнительных расходов на других потребителей, которые в установленном порядке выполнили технологическое присоединение и осуществляют оплату за потребляемую электроэнергию. Даже при условии отсутствия вины конкретного заявителя, объективной невозможности подключения или отсутствия интереса в реализации ТП, возложение части расходов на лиц, не причастных к инициированию и исполнению технологического присоединения, является несправедливым. В таких условиях баланс имущественных интересов заявителя, сетевой организации и других участников правоотношений в электроэнергетике нарушается. Для восстановления такого баланса сетевая организация должна компенсировать свои расходы полностью, включая суммы, превышающие размер аванса.

В то же время заявитель при отказе от исполнения договора ТП рискует вместо возврата денежных средств получить от сетевой организации требование о возмещении понесённых ею затрат. Возражение в пользу заявителя может звучать так: при заключении договора ТП он обоснованно рассчитывает на условия договора, включая установленный размер платы за ТП, и предполагает, что его общие расходы не превысят указанную сумму, несмотря на возможные фактические издержки сетевой организации. Однако такой аргумент можно признать приемлемым лишь в рамках договорного режима взаимоотношений сторон. Как только заявитель отказывается от исполнения договора, обязательство прекращается, и правовые отношения переходят в сферу внедоговорных. Если при заключении договора сетевая организация может понести расходы, превышающие установленную плату, то почему отказ заявителя от исполнения договора ТП с осознанием возможных последствий не может повлечь за собой требование сетевой организации о возмещении своих расходов, превышающих сумму аванса? Законодательство, регулирующее вопросы возмещения расходов при отказе от исполнения договора ТП, не устанавливает каких-либо ограничений в данном аспекте, следовательно, такая практика является допустимой. Однако говорить о благоприятных имущественных последствиях для заявителя, который в итоге не только лишается права на технологическое присоединение и возврата аванса, но и сталкивается с денежными претензиями со стороны сетевой организации, нельзя.

Таким образом, независимо от того, происходит ли частичное или полное возмещение расходов сетевой организации, имущественные интересы оказываются ущемлёнными: либо иных участников электроэнергетических отношений — через необоснованное повышение тарифов, либо самого заявителя, который при отсутствии подключения может быть обязан компенсировать затраты сетевой организации.

Кроме того, нельзя не учитывать и публичные интересы, затрагиваемые в данных правоотношениях. Отказ заявителя от исполнения договора ТП приводит к прекращению финансирования мероприятий по технологическому присоединению, а значит — и к остановке реализации данных мероприятий. Это, в свою очередь, означает, что несмотря на вложенные средства, новые объекты электросетевого хозяйства не возводятся, а существующая инфраструктура не обновляется и не модернизируется. Такой экономический итог — когда деньги вкладываются в электроэнергетическую инфраструктуру, но не приносят ожидаемой отдачи — вызывает серьёзные сомнения. Особенно учитывая, что подобные последствия наступают вследствие одностороннего волеизъявления заявителя, чьё право на отказ от договора ТП остаётся практически неограниченным.

Утверждение о том, что отсутствие у заявителя права на односторонний отказ от исполнения договора технологического присоединения (ТП) фактически приводит к навязыванию деятельности сетевой организации и противоречит принципу свободы договора, не опровергает основного вывода. Заявитель добровольно вступает в договорные отношения и принимает на себя обязательства согласно договору ТП, без какого-либо принуждения, что полностью соответствует принципу свободы договора. Однако, став стороной договора и приняв на себя соответствующие обязанности, он обязан выполнить их надлежащим образом (статья 309 Гражданского кодекса РФ). Именно в этом заключается смысл договора как инструмента регулирования общественных отношений. Если же заявитель будет иметь право по своему усмотрению либо исполнять договор, либо отказаться от него без какой-либо ответственности, договор ТП как правовое средство регулирования утратит своё значение. В таком случае сетевая организация вынуждена будет выполнять свои обязательства с риском внезапного прекращения финансирования ТП и возврата уже полученных средств, что нарушит стабильность договорных отношений[6] и подорвет устойчивость гражданского оборота[13] в целом.

Несмотря на возможные сложности, возникающие в связи с отказом заявителя от исполнения обязательств по договору подключения, ключевым остаётся вопрос о целесообразности продолжения таких обязательств в условиях отсутствия самого подключаемого объекта. Важно понимать, что создание технической возможности подключения имеет самостоятельную ценность. В рамках выполнения договорных мероприятий формируется точка доступа к электросетевой инфраструктуре, которая сохраняется за заявителем и позволяет подключиться к системе в будущем — после завершения им необходимых подготовительных работ. Это означает, что оплата услуги включает не только фактический момент подачи электроэнергии, но и достижение состояния технической готовности к подключению.

Нормативное регулирование допускает исполнение сетевой организацией своей части обязательств вне зависимости от стадии реализации проекта со стороны заявителя. Соответствующие поправки, внесённые в подзаконные акты летом 2022 года, расширили перечень ситуаций, в которых завершение мероприятий по созданию точки подключения признаётся достаточным основанием для подтверждения надлежащего исполнения договора со стороны сети. Подтверждающим документом выступает уведомление, оформленное по установленной форме, в котором фиксируется наличие технической готовности к присоединению.

Таким образом, наличие у сетевой компании готовой инфраструктуры для подключения рассматривается как юридически значимый результат исполнения обязательств. Даже если заявитель ещё не построил или не ввёл в эксплуатацию свой объект, это не освобождает его от обязанности

произвести оплату, поскольку сетевая сторона реализовала предусмотренные договором мероприятия.

Такой подход позволяет защитить интересы сетевой организации и обеспечить возврат затрат, понесённых в ходе подготовки технической возможности. При этом ответственность за отсутствие физического подключения ложится на самого заявителя, который в праве реализовать своё право на подключение позже, без повторных затрат со стороны сети.

Иными словами, даже при одностороннем прекращении договора со стороны заявителя, выполненные действия сетевой организации не утрачивают своего значения и должны быть оценены как имеющие юридическую силу и экономическую ценность.

Во-первых, такой отказ способен привести к нежелательным имущественным последствиям как для сторон договора ТП, так и для прочих участников правоотношений в электроэнергетической сфере. Во-вторых, безусловный отказ не учитывает специфику технологического присоединения, а именно — возможность удовлетворения имущественных интересов заявителя без фактического присоединения объекта к сети.

3. Отказ заявителя от исполнения договора технологического присоединения как средство защиты гражданских прав

Нежелательность одностороннего отказа от договора не означает полного устранения данного права. Прекращение правоотношений по договору рассматривается как один из способов защиты гражданских прав (статья 12 Гражданского кодекса). В случае неисполнения сетевой организацией своих обязательств по технологическому присоединению заявитель оказывается в затруднительном положении: он теряет возможность доступа к электроэнергии по действующему договору и не может заключить соглашение с другой сетевой компанией. Для защиты интересов заявителя необходимо предоставить ему право на односторонний отказ от исполнения договора технологического присоединения, который должен служить эффективным средством правовой защиты.

Правила технологического присоединения предусматривают, что договор должен включать существенное условие, предоставляющее заявителю право на одностороннее расторжение договора в случае нарушения сетевой организацией сроков выполнения обязательств (пункт «в» подпункта 16 Правил). Поскольку специальная норма регулирует порядок и условия отказа от договора, при реализации такого права применяется именно установленный порядок, а не общее положение пункта 1 статьи 782 ГК.

Выводы

Тем не менее, содержание указанного подпункта требует уточнения. Во-первых, чтобы избежать правовой неопределённости, необходимо чётко обозначить природу правомочия заявителя: право должно формулироваться как возможность одностороннего отказа от исполнения договора, а не расторжения, как указано в текущей редакции Правил.

Во-вторых, Правила связывают право заявителя на прекращение договора с нарушением сроков технологического присоединения. Однако сроки могут быть нарушены как сетевой организацией, так и самим заявителем при неисполнении им своих обязательств. Поэтому целесообразно уточнить, что основанием для одностороннего отказа заявителя является именно неисполнение сетевой организацией своих обязательств, а не общее нарушение сроков.

В-третьих, необходимо детализировать последствия отказа заявителя в связи с неисполнением сетевой организацией обязательств. Следует предусмотреть обязанность сетевой организации возместить заявителю убытки, возникшие вследствие отказа от исполнения договора, вместо возврата авансовых платежей за вычетом понесённых расходов.

Предлагаемый механизм прекращения договора позволит, с одной стороны, ограничить возможность произвольного отказа заявителя, обеспечив тем самым стабильность договорных отношений и своевременное исполнение обязательств. С другой стороны, признание денежных средств, взыскиваемых заявителем, убытками исключит возможность предъявления к нему требований о возмещении расходов со стороны сетевой организации.

Таким образом, данное регулирование обеспечит баланс имущественных интересов сторон и иных участников правоотношений в сфере электроэнергетики.

Список литературы:

1. Васев А.А. Договор технологического присоединения к электрическим сетям по российскому гражданскому праву: дис. … канд. юрид. наук. Пермь. 2021.С. 153.
2. Васев А.А. Договор технологического присоединения к электрическим сетям по российскому гражданскому праву дис. … канд. юрид. наук. Пермь. 2021. С. 160.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
4. Егорова М.А. Динамика договорного отношения при изменении и расторжении договора по соглашению сторон // Труды института государства и права Российской академии наук ; Обязательственное право : сборник / отв. ред. Т.Е. Абова. М. : Институт государства и права РАН, 2008. N 4. С. 31.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.03.2017 N 304-ЭС16-16246 по делу N А45-12261/2015. Доступ из СПС «Консультант плюс».
6. Поздышева Е.В. Расторжение и изменение гражданско-правового договора: монография / Е.В. Поздышева – М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации, 2018. С. 32. – 232 С.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.02.2019 N Ф05-24378/2018 по делу N А41-15449/2018. Доступ из СПС «Консультант плюс».
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2020 N Ф05-8065/2018 по делу N А41-24525/2017. Доступ из СПС «Консультант плюс».
9. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // СЗ РФ, 27.12.2004, № 52 (часть 2), ст. 5525.
10. Постановление Правительства РФ от 30.06.2022 № 1178 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии к электрическим сетям и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». СЗ РФ, 04.07.2022, № 27, ст. 4863.
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.07.2012 N 2551/12 по делу N А56-66569/2010. Вестник ВАС РФ, 2012, N 11.
12. Пункт 2 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 N 861. СЗ РФ, 27.12.2004, N 52 (часть 2), ст. 5525.
13. Пункт 9 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009. Вестник ВАС РФ, № 11, ноябрь, 2009.

14. Пункт 23 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018. Бюллетень Верховного Суда РФ, N 1, январь, 2019.
15. Семенович К.С. Договор технологического присоединения к электрическим сетям : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2017. С. 125.
16. Статья 23.2 Закона об электроэнергетике, пункт 2 Методических указаний по определению выпадающих доходов, связанных с осуществлением технологического присоединения к электрическим сетям, утвержденных приказом ФСТ России от 11.09.2014 N 215-э/1. Российская газета, N 238, 17.10.2014.

References:

1. Vasev A.A. Dogovor tekhnologicheskogo prisoedineniya k elektricheskim setyam po rossijskomu grazhdanskomu pravu : dis. … kand. yurid. nauk. Perm'. 2021.S. 153.
2. Vasev A.A. Dogovor tekhnologicheskogo prisoedineniya k elektricheskim setyam po rossijskomu grazhdanskomu pravu : dis. … kand. yurid. nauk. Perm'. 2021. S. 160.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, N 32, st. 3301.
4. Egorova M.A. Dinamika dogovornogo otnosheniya pri izmenenii i rastorzhenii dogovora po soglasheniyu storon // Trudy instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk ; Obyazatel'stvennoe pravo : sbornik / otv. red. T.E. Abova. M. : Institut gosudarstva i prava RAN, 2008. N 4. S. 31.
5. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2017 N 304-ES16-16246 po delu N A45-12261/2015. Dostup iz SPS «Konsul'tant plyus».
6. Pozdysheva E.V. Rastorzhenie i izmenenie grazhdansko-pravovogo dogovora: monografiya / E.V. Pozdysheva – M., Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2018. S. 32. – 232 S.
7. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 11.02.2019 N F05-24378/2018 po delu N A41-15449/2018. Dostup iz SPS «Konsul'tant plyus».
8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 15.05.2020 N F05-8065/2018 po delu N A41-24525/2017. Dostup iz SPS «Konsul'tant plyus».
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrya 2004 g. № 861 «Ob utverzhdenii Pravil nediskriminacionnogo dostupa k uslugam po peredache elektricheskoj energii i okazaniya etih uslug, Pravil nediskriminacionnogo dostupa k uslugam po operativno-dispetcherskomu upravleniyu v elektroenergetike i okazaniya etih uslug, Pravil nediskriminacionnogo dostupa k uslugam administratora torgovoj sistemy optovogo rynka i okazaniya etih uslug i Pravil tekhnologicheskogo prisoedineniya energoprinimayushchih ustrojstv potrebitelej elektricheskoj energii, ob"ektov po proizvodstvu elektricheskoj energii, a takzhe ob"ektov elektrosetevogo hozyajstva, prinadlezhashchih setevym organizaciyam i inym licam, k elektricheskim setyam» // SZ RF, 27.12.2004, № 52 (chast' 2), st. 5525.
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.06.2022 № 1178 «O vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii po voprosam tekhnologicheskogo prisoedineniya energoprinimayushchih ustrojstv potrebitelej elektricheskoj energii k elektricheskim setyam i priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii». SZ RF, 04.07.2022, № 27, st. 4863.
11. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 10.07.2012 N 2551/12 po delu N A56-66569/2010. Vestnik VAS RF, 2012, N 11.
12. Punkt 2 Pravil nediskriminacionnogo dostupa k uslugam po peredache elektricheskoj energii i okazaniya etih uslug, utverzhdennyh postanovleniem Pravitel'stva RF ot 27.12.2004 N 861. SZ RF, 27.12.2004, N 52 (chast' 2), st. 5525.
13. Punkt 9 Koncepcii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. Odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009. Vestnik VAS RF, № 11, noyabr', 2009.
14. Punkt 23 Obzora sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii N 1 (2018), utverzhdennogo Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 28.03.2018. Byulleten' Verhovnogo Suda RF, N 1, yanvar', 2019.
15. Semenovich K.S. Dogovor tekhnologicheskogo prisoedineniya k elektricheskim setyam : dis. … kand. yurid. nauk. SPb., 2017. S. 125.
16. Stat'ya 23.2 Zakona ob elektroenergetike, punkt 2 Metodicheskih ukazanij po opredeleniyu vypadayushchih dohodov, svyazannyh s osushchestvleniem tekhnologicheskogo prisoedineniya k elektricheskim setyam, utverzhdennyh prikazom FST Rossii ot 11.09.2014 N 215-e/1. Rossijskaya gazeta, N 238, 17.10.2014.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_598

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ИСПОЛНЕНИЕМ ДОГОВОРОВ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО ПРОФИЛЮ ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ
ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE ON DISPUTES RELATED TO THE EXECUTION OF CONTRACTS FOR THE PROVISION OF PAID MEDICAL SERVICES IN THE FIELD OF PLASTIC SURGERY

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А.
Email: ur-fin@mail.ru;
YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm", lawyer.
6A Gagarinskaya str., Saint Petersburg, Russia, 191187.
Email: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье проведен анализ судебной практики по спорам, связанным с исполнением договоров возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия. Установлено, что по данной категории споров в судах общей юрисдикции экспертное заключение имеет решающее значение, так как именно оно, как правило, ложится в основу решения суда. Если из заключения экспертизы следует, что при оказании медицинской помощи ответчик допустил дефекты и имеется причинно-следственная связь между ними и наступившим вредом здоровью, судом будет признано, что истцу оказана некачественная услуга. Выявлены условия привлечения клиники судом к гражданско-правовой ответственности. Также при повреждении здоровья возмещению подлежат доказанные убытки, понесенные пациентом. Отмечено, что суд рассматривает вопрос о возмещении морального вреда при удовлетворении основных требований. Также раскрыто, что клиника после возмещения вреда, причиненного пациенту ее работником, имеет право обратного требования (регресса) к нему, в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.*

Abstract: *The article analyzes the judicial practice on disputes related to the execution of contracts for the provision of free medical services in the field of plastic surgery. It has been established that in this category of disputes in courts of general jurisdiction, an expert opinion is crucial, since it is, as a rule, it forms the basis of a court decision. If it follows from the expert opinion that the defendant committed defects in the provision of medical care and there is a causal relationship between them and the resulting harm to health, the court will recognize that the plaintiff received a substandard service. The conditions for bringing the clinic to civil liability by the court have been revealed. Also, in case of damage to health, proven losses incurred by the patient are subject to compensation. It is noted that the court is considering the issue of compensation for moral damage in satisfying the basic requirements. It is also disclosed that the clinic, after compensation for the harm caused to the patient by its employee, has the right to reverse the claim (recourse) to him, in the amount of compensation paid, unless another amount is established by law.*

Ключевые слова: *клиника пластической хирургии, пластический хирург, пациент, суд, операция, экспертиза.*
Keywords: *clinic, surgeon, patient, court, operation, examination.*

Для цитирования: *Ястремский И.А. Анализ судебной практики по спорам, связанным с исполнением договоров возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 598-600. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_598.*
For citation*: Yastremsky I.A. Analysis of judicial practice on disputes related to the execution of contracts for the provision of paid medical services in the field of plastic surgery // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 598-600. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_598.*

Статья поступила в редакцию: 06.02.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В настоящее время возросло количество случаев проведения пластических операций ненадлежащего качества, которые часто приводят к травмам, повреждениям, уродствам, влекущим нетрудоспособность и нарушающим способность органов выполнять свои функции. Недостатки оказанной клиниками медицинской помощи влекут причинение вреда жизни и здоровью пациентов. Соответственно, в судах увеличилось количество дел, связанных с последствиями неудачных пластических операций.

Основной категорией рассматриваемых споров являются споры по искам пациентов о взыскании стоимости некачественно оказанных медицинских услуг. Если пластический хирург вследствие своей некомпетентности (халатности) не оказал надлежащую медицинскую помощь, травмировал пациента, он может обратиться в суд.

Доказательством врачебной некомпетентности (халатности) в суде является заключение независимой экспертизы. В ходе рассмотрения судом дела для установления характера и степени причиненного вреда здоровью и причинно-следственной связи между действиями врача и причиненным вредом необходимы специальные познания в области медицины.

При этом специалисты клиник, в отличие от истцов, обладают медицинскими познаниями, что дает ответчикам определенное преимущество и может повлечь их уклонение от ответственности. Поэтому для данной категории дел ключевое значение для справедливого и объективного разрешения дела имеет судебно-медицинская экспертиза.

По спорам пациента с клиникой пластической хирургии в судах общей юрисдикции экспертное заключение имеет решающее значение, так как именно оно, как правило, ложится в основу решения суда.

Клиника пластической хирургии (далее – клиника) привлекается судом к гражданско-правовой ответственности при соблюдении следующих условий:

- Противоправность действия (бездействия) клиники (ее персонала).

- Вред (ущерб) пациенту.
- Причинно-следственная связь между деянием клиники и причиненным вредом.

По общему правилу, для привлечения клиники к ответственности должна быть также установлена ее вина (п. 1 ст. 401 ГК РФ). Однако, на основании ст. 1064 ГК РФ, законодательство исходит из принципа презумпции виновности причинителя вреда, что существенно усиливает ответственность клиники. Данная ответственность по правовому характеру близка к безвиновной.

При этом вина медицинского работника (врача) выступает субъективным основанием ответственности медицинской организации[1].

Поскольку в отношениях с клиникой пластической хирургии пациент выступает потребителем, то в случае неудовлетворения клиникой его требований в добровольном порядке, суд при удовлетворении иска взыскивает с ответчика штраф в размере 50 процентов присужденной суммы.

Обратимся к примерам из судебной практики.

Истица и клиника заключили договор, по условиям которого клиника обязалась выполнить операции круговой подтяжки лица, лифтинга бровей, нижнего фейслифтинга.

Экспертиза установила, что при оказании медицинских услуг истице ответчик допустил дефекты как в раннем послеоперационном периоде, так и при проведении косметической операции. Зафиксированные негативные последствия операции подтверждают, что истице оказана некачественная услуга и не в полном объеме. Цель устранения возрастных изменений лица не достигнута, негативные последствия операции имеют признаки неизгладимости.

С ответчика в пользу С. взысканы денежные средства, уплаченные по договору, неустойка, штраф, компенсация морального вреда[2].

При повреждении здоровья возмещению подлежат доказанные в суде убытки, понесенные пациентом:

- реальный ущерб – стоимость оплаченных услуг по договору, стоимость услуг другой клиники для устранения недостатков первоначальных услуг, повреждение имущества, например, трансплантата;

- утраченный пациентом доход;

- вынуждено понесенные затраты, например, на покупку медицинских препаратов, повторную операцию.

Например, выявлены дефекты медицинской помощи при выполнении клиникой эндопротезирования и мастопексии. В связи с этим, требования истца о взыскании уплаченной за первоначальную операцию ненадлежащего качества суммы в размере 119 025 руб. суд признал обоснованными.

Взысканию с ООО подлежал также утраченный заработок пациентки за период вынужденный нетрудоспособности.

После операции у ФИО1 выявлено два осложнения здоровья пациента, которые, согласно заключению экспертов, обусловлены допущенными ошибками врача. Поскольку повторная операция явилась следствием первой и она была необходима для устранения негативных последствий и недостатков первой операции, проведенной ответчиком, суд обязал клинику возместить истцу денежные средства, израсходованные на консультации и повторную операцию.

В итоге судом требования истца были удовлетворены[3].

В случае если заключением экспертизы не было подтверждено наличие дефектов медицинской помощи, либо их связь с наступившим вредом, в удовлетворении иска будет отказано.

Так, комиссией экспертов подтверждено, что операция проведена технически правильно, с согласия пациентки. Комиссией экспертов установлен дефект в части отсутствия общепринятого полноценного предоперационного обследования ФИО4, также не оформлено согласие/отказ на медицинское вмешательство.

Развившийся дефект у ФИО4 после выполненной операции обусловлен особенностями течения раневого процесса и не имеет причинно-следственной связи с дефектами медпомощи. Однозначно положительный результат проведения пластических операций предопределен быть не может[4].

По другому делу суд, на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, счел, что пластическая операция проведена качественно, а повреждение лицевого нерва не является дефектом операции. Основные цели операции достигнуты, в том числе эстетический эффект, вред здоровью истицы не причинен действиями непосредственно медицинских работников клиники, доказательства наличия врачебной ошибки, небрежности или халатности хирурга, иных недостатков услуги истцом не представлены[5].

При подаче иска к клинике пластической хирургии истец, как правило, просит взыскать с ответчика моральный вред. Моральный вред, причиненный клиникой ненадлежащим оказанием медицинской помощи, может заключаться, в частности, в физической боли, заболевании, возникшем вследствие нравственных страданий, переживаниях из-за возникших ограничений в жизни.

При этом пациент не обязан доказывать наличие морального вреда, поскольку вред жизни или здоровью априори сопровождается душевными страданиями. Вопрос состоит лишь в его размере.

---

[1] Матвеев Г. К основаниям гражданско-правовой ответственности. – М. : Юрид.лит. – 1970. С. 169.

[2] Истец С. обратилась в Курганский городской суд с иском к ООО "МЭРИЛИН" о защите прав потребителей. http://kurgansky.krg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=512.

[3] Решение Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан № 2-5801/2019 2-8/2020 2-8/2020(2-5801/2019;)~М-4725/2019 М-4725/2019 от 7 февраля 2020 г. по делу № 2-5801/2019. URL: sudact.ru.

[4] Решение Домбаровского районного суда Оренбургской области № 2-25/2023 2-25/2023(2-438/2022;)~М-446/2022 2-438/2022 М-446/2022 от 16 ноября 2023 г. по делу № 2-25/2023. URL: sudact.ru.

[5] Определение Третьего КСОЮ от 24 августа 2020 г. по делу N 8Г-7894/2020 [88-11192/2020. URL: sudact.ru.

Так, исполнителем выполнена абдоминопластика. Согласно выводов комиссии экспертов, следует, что у ФИО2 установлены недостатки проведенной абдоминопластики, включающие дефекты диагностики и техники операции и особенности индивидуальной реакции тканей на операционную травму. В рассматриваемом случае имеет место недостижение запланированного эстетического результата, который является основной целью данной пластической операции. Это обусловлено как допущенными дефектами диагностики и техники операции, так и индивидуальными реакциями тканей пациентки на оперативное вмешательство.

Соответственно, выводами комиссии судебных экспертов установлен дефект техники выполнения пластической операции. Суд установил размер компенсации морального вреда 30 000 руб., с учетом характера нравственных страданий, степени вины ответчика и наличия у истца негативного эстетического эффекта[1].

Медицинский работник отвечает, прежде всего, за дефекты медицинской помощи, причиняющие пациенту вред, боль, травму или дальнейшие осложнения. Другими словами, это включает в себя все формы некачественной медицинской помощи и небрежного обращения, которые не соответствуют приемлемым стандартам медицинской практики и приводят к незначительному, умеренному или серьезному ущербу пациенту.

Анализ судебной практики выявил достаточную распространенность случаев взыскания судами денежных средств с медицинских работников в порядке регресса, в размере его среднего месячного заработка[2].

В каждом конкретном случае суд оценивает размер взыскиваемого ущерба. Например, за некачественную медицинскую помощь с клиники взыскана компенсация морального вреда 150 тыс. руб. После оплаты пациенту этой суммы медорганизация подала в суд иск о взыскании с врача указанной суммы в порядке регресса. Исковые требования клиники были удовлетворены и с врача взыскана в порядке регресса указанная сумма, поскольку он оставил при операции инородный предмет в теле пациентки.

Однако, по мнению Судебной коллегии ВС РФ, работник отвечает за ущерб прежде всего в пределах среднемесячного заработка. Судами необоснованно не применены положения статей 241 и 250 ТК РФ. В связи с этим, решения нижестоящих судов были отменены[3].

В спорах суды, как правило, возлагают на медицинские организации строгое бремя доказывания. Таким образом, работодатели должны заблаговременно привести свои операционные и управленческие системы в соответствие с установленными законодательными нормами, установить четкие условия в договоре, провести своевременное и справедливое расследование по причинам ущерба и обеспечить все подтверждающие доказательства.

Исходя из сложившейся судебной практики, если работодатель сможет обосновать наличие экономического ущерба и точный размер, грубую небрежность или умышленный проступок со стороны работника, а также прямую корреляцию между такими правонарушениями и экономическими потерями, суд, скорее всего, удовлетворит требования о компенсации.

Список литературы:

1. Божченко А.П. Профессиональные правонарушения медицинских работников: проблемы и тенденции в вопросах назначения, производства и оценки судебно-медицинских экспертиз // Медицинское право. 2022. № 4.; 2023. № 1.
2. Лантух Д.В., Невзгодин Е.Л. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью граждан вследствие оказания медицинских услуг // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. № 4. Т. 16.
3. Матвеев Г. К основаниям гражданско-правовой ответственности. – М. : Юрид.лит. – 1970.
4. Слепенок Ю.Н., Станкевич Г.В., Степанова Л.П. Особенности ответственности медицинской организации за причинение вреда здоровью пациента // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Том 38. № 2.
5. Старчиков М.Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг. Теоретические положения и судебная практика. М., 2016.
6. Тимофеев И.В. Причинно-следственные связи медицинского вмешательства и негативного исхода в клинической практике (медицинский аспект проблемы и аналитическое заключение - сообщение 2) // Медицинское право. 2022. № 1.
7. Филимонов А.А. Особенности ответственности медицинских организаций при причинении вреда жизни и здоровью: гражданско-правовой аспект // Юрист. 2022. № 7 // СПС «Консультант Плюс».

References:

1. Bozhchenko A.P. Professional offenses of medical workers: problems and trends in the appointment, production and evaluation of forensic medical examinations // Medical law. 2022. № 4.; 2023. № 1.
2. Lantukh D.V., Nevzgodin E.L. Compensation for damage caused to the life and health of citizens as a result of the provision of medical services // Bulletin of Omsk University. The Pravo series. 2019. No. 4. Vol. 16.
3. Matveev G. On the grounds of civil liability. Moscow : Yurid.lit. – 1970.
4. Slepenok Yu.N., Stankevich G.V., Stepanova L.P. Peculiarities of responsibility of a medical organization for causing harm to the patient's health // Law Bulletin of Dagestan State University. 2021. Volume 38. No. 2.
5. Starchikov M.Y. Civil liability of medical organizations for harm caused to the life (health) of patients in the provision of medical services. Theoretical provisions and judicial practice. Moscow, 2016.
6. Timofeev I.V. Causal relationships of medical intervention and negative outcome in clinical practice (medical aspect of the problem and analytical conclusion - message 2) // Medical law. 2022. № 1.
7. Filimonov A.A. Features of the responsibility of medical organizations in causing harm to life and health: a civil law aspect // Lawyer. 2022. № 7 // SPS "Consultant Plus".

[1] Решение Раменского городского суда Московской области № 2-2102/2023 2-2102/2023~М-1398/2023 М-1398/2023 от 2 ноября 2023 г. по делу № 2-2102/2023. URL: sudact.ru.
[2] См., например, Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 03.03.2020 по делу № 33-4157/2020. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2020 N 25-КГ19-12 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: https://legalacts.ru/.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_601

УДК 347

РОЛЬ БАНКОВ В СИСТЕМЕ СТРАХОВАНИЯ ВКЛАДОВ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ
THE ROLE OF BANKS IN THE DEPOSIT INSURANCE SYSTEM: LEGAL ASPECTS AND CURRENT PROBLEMS OF COMPENSATION

БОНДАРЕНКО Иван Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии права и управления ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: ivan.bondarenko.5959@mail.ru;

БОНДАРЕНКО Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент Кафедры правового регулирования экономической деятельности
Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ.
Россия, г. Москва, ул. Щербаковская, д.38.
E – mail: TABondarenko@fa.ru;

BONDARENKO Ivan Vasilievich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process, Academy of Law and Management
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
e-mail: ivan.bondarenko.5959@mail.ru;

BONDARENKO Tatyana Alexandrovna,
candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the Department of legal regulation of economic activity
of the Faculty of Law Financial University under the Government of the Russian Federation.
Russia, Moscow, Shcherbakovskaya st., 38.
E – mail: TABondarenko@fa.ru

Краткая аннотация: *В данной статье проводится всесторонний анализ участия банков в системе обязательного страхования вкладов в Российской Федерации. Исследуются правовые основы возникновения и реализации обязанностей кредитных организаций, включая постановку на учет в реестре Агентства по страхованию вкладов, механизм уплаты страховых взносов и ведение учета обязательств. Центральное внимание уделяется порядку и условиям выплаты возмещений вкладчикам при наступлении страхового случая. В работе детально рассматривается круг страхуемых и нестрахуемых финансовых продуктов, обосновывается актуальность пересмотра страхового лимита и расширения перечня объектов страхования. На основе анализа действующего законодательства и статистических данных выявляются проблемные аспекты современной системы и формулируются предложения по ее совершенствованию для повышения уровня защиты прав и экономических интересов вкладчиков.*

Abstract: *This article provides a comprehensive analysis of banks' participation in the mandatory deposit insurance system in the Russian Federation. It examines the legal basis for the emergence and implementation of obligations of credit institutions, including registration in the register of the Deposit Insurance Agency, the mechanism for paying insurance premiums and maintaining records of liabilities. The main attention is paid to the procedure and conditions for paying compensation to depositors upon the occurrence of an insured event. The work examines in detail the range of insured and non-insured financial products, substantiates the relevance of revising the insurance limit and expanding the list of insured objects. Based on the analysis of current legislation and statistical data, problematic aspects of the modern system are identified and proposals for its improvement are formulated to increase the level of protection of the rights and economic interests of depositors.*

Ключевые слова: *система страхования вкладов, банк, Агентство по страхованию вкладов, страховой случай, возмещение по вкладам, страховой лимит, страховые взносы, конкурсное производство, вкладчик, финансовые риски.*

Keywords*: deposit insurance system, bank, Deposit Insurance Agency, insured event, deposit compensation, insurance limit, insurance premiums, bankruptcy proceedings, depositor, financial risks.*

Для цитирования: *Бондаренко И.В., Бондаренко Т.А. Роль банков в системе страхования вкладов: правовые аспекты и актуальные проблемы возмещения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 601-603. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_601.*

For citation*: Bondarenko I.V., Bondarenko T.A. The role of banks in the deposit insurance system: legal aspects and current problems of compensation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 601-603. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_601.*

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение. Стабильность банковской системы является неотъемлемым условием экономического развития и социального благополучия любого государства. Одним из ключевых инструментов обеспечения доверия населения к финансовым институтам выступает система страхования вкладов. В Российской Федерации она функционирует с 2004 года и за прошедший период доказала свою эффективность в кризисных ситуациях, предотвращая массовое изъятие средств из банков и обеспечивая защиту сбережений граждан.

Однако динамичное развитие финансового рынка, появление новых продуктов и услуг, а также макроэкономическая нестабильность постоянно ставят перед системой страхования вкладов новые вызовы. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью постоянного наблюдения и адаптации механизма страхования вкладов к современным реалиям. Несмотря на отлаженность процедуры выплат, остаются дискуссионные вопросы, касающиеся достаточности страхового покрытия, обоснованности исключения определенных видов вкладов из защиты и финансовой нагрузки на банки-участники системы.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правового статуса банков как участников системы страхования вкладов, порядка исполнения ими обязательств и механизма обеспечения выплат возмещения вкладчикам. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: исследовать порядок вступления банка в систему и его обязательства, включая механизм формирования фонда страхования; проанализировать виды вкладов, подлежащих страхованию, и выявить спорные аспекты исключения отдельных категорий средств из страхового покрытия; детально изучить процедуру наступления страхового случая и порядок выплаты возмещения вкладчикам; оценить достаточность действующего страхового лимита и сформулировать предложения по его актуализации.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и частнонаучные (формально – юридиче-

ский, сравнительно-правовой, метод правового моделирования) методы познания. Нормативной базой выступили Федеральный закон от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», Гражданский кодекс Российской Федерации, а также положения банковского законодательства.

Правовые основы и обязательности участия банков в системе страхования вкладов

Участие в системе страхования вкладов носит обязательный характер для всех банков, имеющих право на привлечение во вклады денежных средств физических лиц. Данное положение, закрепленное в статье 6 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», является фундаментальным принципом системы, призванным создать равные условия конкуренции и обеспечить всеобщность защиты сбережений граждан. Обязанность банка по участию в системе возникает с момента получения лицензии Банка России на осуществление банковских операций. Базой для внесения кредитной организации в реестр банков, который ведет Агентство по страхованию вкладов, служит уведомление со стороны Центрального банка страны. Важно подчеркнуть, что ведение данного реестра и внесение в него записей осуществляется на безвозмездной основе, что подчеркивает публично-правовой характер всей системы.

Ключевой обязанностью банка-участника системы является регулярная уплата страховых взносов. Они формируют Фонд обязательного страхования вкладов, который является основным источником выплат возмещения вкладчикам. Страховые взносы носят периодический характер и уплачиваются ежеквартально. Их размер рассчитывается по установленной ставке, которая не может превышать 0,15 процента от средней за квартал суммы привлеченных средств, подлежащих страхованию. Установление единой для всех ставки делает систему прозрачной и предсказуемой, однако объем финансовой нагрузки для банка прямо пропорционален масштабам его деятельности по привлечению средств населения. Законодатель предусмотрел возможность введения повышенной дополнительной ставки для банков, финансовое положение которых соответствует критериям, определенным Банком России, что является элементом дифференцированного подхода к оценке рисков. Механизм уплаты взносов также регламентирован: списание средств производится в бесспорном порядке с корреспондентского счета кредитной организации в Банке России. За неисполнение или ненадлежащее исполнение данной обязанности (просрочка, неполная уплата) на банк налагается финансовая санкция в виде пени.

Помимо финансовых обязательств, на банки возложена важная административная функция – ежедневный учет обязательств перед всеми вкладчиками. Целью данного учета является оперативное предоставление точной информации о состоянии расчетов с клиентами как по требованию Банка России, так и при наступлении страхового случая для обеспечения быстрых и точных выплат. Значимость этой обязанности подчеркивается установлением строгой ответственности за ее несоблюдение. Так, предоставление искаженной отчетности или отказ от ее ведения в отношении вкладов физических лиц может повлечь уголовную ответственность для должностных лиц банка по ст. 172.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Объекты страхования и проблемные аспекты исключений

Сфера действия системы страхования вкладов охватывает широкий спектр форм сбережений граждан. Под защитой находятся денежные средства, размещенные на банковских счетах и во вкладах, включая традиционные депозиты и средства, удостоверенные сберегательными сертификатами. При наступлении страхового случая возмещению подлежит не только основная сумма вклада, но и начисленные по ней проценты.

Однако законодатель вполне обоснованно исключает из страхового покрытия ряд финансовых продуктов. Это обусловлено целевым назначением системы – защитой именно личных сбережений граждан, а не средств, используемых для профессиональной или предпринимательской деятельности, сопряженной с повышенными рисками. Так, не подлежат страхованию средства на банковских счетах адвокатов, нотариусов и индивидуальных предпринимателей, если эти счета используются для ведения профессиональной деятельности. Исключены из защиты средства на обезличенных металлических счетах, электронные денежные средства, средства на номинальных и залоговых счетах (за отдельными исключениями), а также вклады, размещенные в зарубежных филиалах российских банков.

Несмотря на видимую логику, некоторые исключения носят дискуссионный характер. В частности, спорным представляется исключение средств на счетах адвокатов и нотариусов, поскольку эти средства зачастую принадлежат их клиентам – физическим лицам, не ведущим предпринимательскую деятельность. Отказ в страховой защите таким средствам ставит под удар права конечных владельцев денег, которые могут не знать о связанных с этим рисках. Аналогичная проблема касается и счетов эскроу, которые, хотя и подлежат страхованию, но только в стандартном лимите. Учитывая, что такие счета используются для расчетов при совершении крупных сделок с недвижимостью, текущий лимит возмещения в 1,4 миллиона рублей зачастую является недостаточным для защиты интересов покупателя жилья в случае банкротства банка.

Порядок и условия выплаты возмещения по вкладам

Ключевым событием, запускающим механизм защиты вкладчиков, является наступление страхового случая. Закон определяет два таких случая: отзыв у банка лицензии на осуществление банковских операций или введение Банком России моратория на удовлетворение требований кредиторов банка.

С момента наступления любого из этих событий у вкладчиков, их наследников или законных представителей возникает право обратиться в Агентство по страхованию вкладов с требованием о выплате возмещения. Законом установлен временной промежуток для реализации этого права – со дня наступления страхового случая до дня завершения конкурсного производства или окончания действия моратория. Однако для лиц, пропустивших данный срок по уважительной причине, предусмотрена процедура его восстановления по решению Правления Агентства.

Размер возмещения рассчитывается исходя из всей суммы обязательств банка перед вкладчиком по всем его счетам и вкладам, но не может превышать 1 400 000 рублей. Если вкладчик имеет несколько вкладов в одном банке, возмещение выплачивается по каждому из них, но совокупно не более установленного лимита. Важно отметить, что после выплаты возмещения Агентство приобретает право требования к банку на выплаченную сумму (право регресса), которое реализуется в ходе процедуры банкротства (конкурсного производства) в составе требований кредиторов первой очереди.

В качестве дополнительной меры защиты, выходящей за рамки обязательного страхования, банки вправе создавать фонды добровольного

страхования вкладов. Это позволяет им гарантировать возврат сумм, превышающих государственный лимит, и тем самым повышать свою привлекательность для крупных вкладчиков. Информация о наличии такой системы должна быть доведена до сведения клиентов.

Актуальные проблемы и пути совершенствования системы. Вопрос достаточности страхового лимита

Одним из наиболее острых вопросов современного этапа развития системы страхования вкладов является обоснованность установленного страхового лимита. Сумма в 1,4 миллиона рублей, действующая с 2014 года, за прошедшее десятилетие значительно обесценилась из-за инфляции. Это ставит под угрозу эффективность защиты сбережений граждан, особенно при размещении крупных сумм, например, средств от продажи недвижимости или получения наследства.

Законодатель частично учел эту проблему, установив повышенный лимит страхования в размере 10 миллионов рублей для отдельных категорий вкладов, носящих целевой и социально значимый характер. В этот перечень входят, в частности, средства на счетах эскроу для расчетов по сделкам с недвижимостью, средства, полученные в порядке наследования, а также суммы компенсаций за причиненный вред жизни и здоровью.

Однако анализ рыночной стоимости недвижимости в крупных городах Российской Федерации показывает, что даже лимит в 10 миллионов рублей может быть недостаточным для полной защиты интересов граждан. Средняя стоимость квартиры в Москве, Санкт-Петербурге и других миллионниках зачастую превышает эту сумму. В случае отзыва лицензии у банка, где открыт эскроу-счет для такой сделки, покупатель может потерять значительную часть своих средств. Данное обстоятельство создает серьезный психологический и финансовый барьер на рынке недвижимости и снижает доверие к системе расчетов через эскроу-счета. В связи с этим назрела острая необходимость в пересмотре и дифференциации страховых лимитов. Целесообразно рассмотреть возможность дальнейшего повышения лимита для средств на счетах эскроу, связанных с куплей-продажей недвижимости, а также провести регулярную индексацию общего страхового лимита в соответствии с уровнем инфляции и ростом средних доходов населения. Это позволило бы не только повысить уровень защищенности вкладчиков, но и поддержать устойчивость и доверие к финансовой системе в целом.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что система обязательного страхования вкладов в Российской Федерации представляет собой сложный, многоуровневый механизм, в котором банки выступают не пассивными участниками, а ключевыми субъектами, несущими значительные обязанности. Их роль заключается не только в финансировании системы через уплату страховых взносов, но и в обеспечении полной и достоверной информации о своих обязательствах перед вкладчиками.

Действующее законодательство детально регламентирует порядок взаимодействия между банками, Агентством по страхованию вкладов и Банком России, что обеспечивает высокую оперативность и надежность выплат возмещения при наступлении страховых случаев. Однако система продолжает развиваться и сталкивается с новыми вызовами.

Наиболее актуальными проблемами, требующими решения, являются:

1. Недостаточность страхового покрытия для ряда социально значимых вкладов, в первую очередь, средств на счетах эскроу при сделках с недвижимостью. Текущий повышенный лимит в 10 миллионов рублей не всегда соответствует рыночной стоимости объектов, что создает риски для граждан.

2. Отсутствие механизма регулярной индексации общего страхового лимита (1,4 млн рублей), ведущее к его постепенному обесценению и снижению реального уровня защиты сбережений большинства вкладчиков.

3. Дискуссионность критериев исключения отдельных видов счетов из страхового покрытия, в частности, счетов адвокатов и нотариусов, средства на которых могут принадлежать их клиентам – физическим лицам.

Для повышения эффективности и справедливости системы страхования вкладов представляется целесообразным:

1. Пересмотреть и увеличить страховой лимит для средств, размещенных на счетах эскроу для расчетов за недвижимость, приведя его в соответствие со среднерыночной стоимостью объектов в регионах.

2. Закрепить на законодательном уровне механизм регулярной (ежегодной) индексации общего страхового лимита в соответствии с официальным уровнем инфляции.

3. Провести дополнительный анализ целесообразности распространения страховой защиты на средства клиентов адвокатов и нотариусов, находящиеся на их специальных счетах.

Реализация этих мер будет способствовать дальнейшему укреплению доверия населения к банковской системе и обеспечению надежной защиты его сбережений в любых экономических условиях.

Список литературы:

1. Катвицкая, М. Ю. Страхование банковских вкладов физических и юридических лиц в Российской Федерации / М. Ю. Катвицкая // International Law Journal. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 144-147. – EDN UOKLPB.

2. Пеникас, Г. И. Премия за неявное страхование вкладов в российских государственных банках / Г. И. Пеникас // Вопросы экономики. – 2021. – № 10. – С. 89-112. – DOI 10.32609/0042-8736-2021-10-89-112. – EDN JUEWKK.

3. Катвицкая, М. Ю. Страхование вкладов: кто имеет право на получение возмещения в повышенном размере / М. Ю. Катвицкая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 1. – С. 144-148. – DOI 10.37882/2223-2974.2022.01.19. – EDN ZRAVDI.

4. Ваняшкина, Д. А. Страхование банковских вкладов в Российской Федерации / Д. А. Ваняшкина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 12-1(70). – С. 137-142. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-11032. – EDN ANPLMA.

References:

1. Katvitskaya, M. Yu. Insurance of bank deposits of individuals and legal entities in the Russian Federation / M. Yu. Katvitskaya // International Law Journal. - 2022. - Vol. 5, No. 1. - Pp. 144-147. - EDN UOKLPB.

2. Penikas, G. I. Prize for implicit deposit insurance in Russian state banks / G. I. Penikas // Voprosy ekonomiki. - 2021. - No. 10. - Pp. 89-112. - DOI 10.32609/0042-8736-2021-10-89-112. - EDN JUEWKK.

3. Katvitskaya, M. Yu. Deposit insurance: who is entitled to receive increased compensation / M. Yu. Katvitskaya // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law. - 2022. - No. 1. - P. 144-148. - DOI 10.37882 / 2223-2974.2022.01.19. - EDN ZRAVDI. 4. Vanyashkina, D. A. Bank deposit insurance in the Russian Federation / D. A. Vanyashkina // Economics and business: theory and practice. - 2020. - No. 12-1 (70). - P. 137-142. - DOI 10.24411 / 2411-0450-2020-11032. - EDN ANPLMA.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_604

УДК 009

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВЫПОЛНЕНИЮ РАБОТ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ РОССИИ
OBLIGATIONS FOR PERFORMANCE OF WORK IN RUSSIAN PRIVATE LAW

УТКИН Григорий Николаевич,
кандидат юридических наук, соискатель ученой степени доктора юридических наук.
119048, Россия, г. Москва, ул. Ефремова, 10.
E-mail: utkin-gn@yandex.ru;

UTKIN Grigory Nikolaevich,
Candidate of Law, candidate for the degree of Doctor of Law.
10 Efremova St., Moscow, 119048, Russia.
E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается правовая природа обязательств по выполнению работ в гражданском праве Российской Федерации. Анализируются особенности договоров подряда и их разновидностей, условия заключения и исполнения, а также последствия ненадлежащего исполнения обязательств. Особое внимание уделяется вопросам соотношения интересов заказчика и подрядчика, обеспечению качества и сроков работ, а также мерам защиты прав сторон при возникновении споров. Рассматриваются современные тенденции судебной практики и доктринальные подходы к регулированию обязательств данного вида.*

Abstract: *The article analyzes the legal nature of obligations for the performance of work in Russian civil law. The features of contracts for work and services, their types, conditions of conclusion and performance, as well as the consequences of improper performance are examined. Special focus is given to the balance of interests between the customer and the contractor, the assurance of quality and deadlines, and legal remedies in case of disputes. Current trends in judicial practice and doctrinal approaches to the regulation of such obligations are also discussed.*

Ключевые слова: *обязательство, подряд, выполнение работ, заказчик, подрядчик, гражданское право.*
Key words: *obligation, contract for work, performance of work, customer, contractor, civil law.*

Для цитирования: *Уткин Г.Н. Обязательства по выполнению работ в частном праве России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 604-607. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_604.*
For citation*: Utkin G.N. Obligations for performance of work in Russian private law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 604-607. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_604.*

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Обязательства по выполнению работ в российском частном праве представляют собой сложный и многогранный институт, формирующий основу гражданско-правового регулирования в сфере хозяйственных отношений. Эти обязательства закрепляют права и обязанности сторон в договорных и внедоговорных связях, обеспечивая стабильность имущественного оборота и возможность надлежащего удовлетворения интересов участников гражданского оборота.

По мнению И. Р. Хусаинова, система частного права в России развивается как структурно выстроенный и внутренне согласованный механизм, внутри которого обязательства выполняют важнейшую функцию согласования интересов различных субъектов гражданского оборота. Учёный подчёркивает, что именно обязательственные отношения образуют основу взаимодействия частных лиц, поскольку через них достигается баланс прав и обязанностей сторон. И. Р. Хусаинов отмечает, что «именно обязательства выступают центральным элементом гражданско-правового регулирования, соединяющим права и обязанности участников, что позволяет говорить об их интегративной роли в правовой системе»[1].

Развивая данную мысль, он указывает, что обязательства не только регулируют передачу имущества, выполнение работ или оказание услуг, но и обеспечивают стабильность правопорядка в условиях рыночной экономики. Через обязательственные отношения формируется предсказуемость поведения субъектов, создаются правовые гарантии для защиты интересов как кредиторов, так и должников. Таким образом, по мнению И. Р. Хусаинова, обязательственное право можно рассматривать как «нервную систему» частного права, поскольку именно через него осуществляется согласование воли сторон, их интересов и правовых притязаний.

Особое значение имеет и то обстоятельство, что обязательства выступают связующим звеном между вещными и корпоративными отношениями. Если вещные права обеспечивают непосредственное господство лица над вещью, то обязательственные отношения создают динамический оборот, позволяющий перераспределять экономические блага и превращать их в объект гражданского права. И. Р. Хусаинов обращает внимание, что без развитого института обязательств невозможно представить эффективное функционирование предпринимательской деятельности, где именно договорные связи служат основным инструментом установления хозяйственных связей и разрешения конфликтов.

Таким образом, по мнению И. Р. Хусаинова, «обязательства выполняют не только регулирующую, но и интегративную функцию, соединяя различные элементы частноправовой системы и обеспечивая гармонизацию интересов участников гражданского оборота»[2].

Представим историко-правовые основы.

Для глубокого понимания сущности обязательств в современном праве необходимо обратиться к римскому праву, которое оказало фундаментальное влияние на формирование и развитие российской правовой системы. Именно в римском праве впервые была выработана стройная и системная концепция обязательственных отношений, многие элементы которой в трансформированном виде используются до сих пор.

[1] Хусаинов И. Р. Система частного права, анализ структуры и функционирование, выявление его способностей и проблемных аспектов // Вестник науки. 2024. №12 (81). С. 201.
[2] Там же. С. 204.

А. А. Кузубов и А. Н. Максименко подчёркивают, что «стипуляция в римском праве выступала универсальным способом закрепления обязательств, позволяющим сторонам формально подтвердить свои договорённости». Суть стипуляции заключалась в том, что одна сторона в устной форме задавала вопрос о принятии на себя определённого обязательства, а другая сторона давала чёткий и однозначный ответ, подтверждающий согласие. Таким образом, юридическая сила возникала не столько из содержания договорённости, сколько из соблюдения формулы и обрядности.

По мнению А. А. Кузубова, подобная конструкция имела важное значение для римского общества, где устная речь и формулы имели не только правовой, но и сакральный характер. Это позволяло обеспечить высокую степень надёжности обязательственных связей и минимизировать риск их оспаривания. А. Н. Максименко дополняет, что универсальность стипуляции проявлялась в её применении практически ко всем видам обязательств: от простых бытовых договорённостей до сложных финансовых соглашений.

«Современные исследователи подчеркивают, что именно благодаря римскому опыту были заложены основы принципов, актуальных и для российского права: принцип свободы договора, формализация условий обязательства, требование определённости и ясности воли сторон. Таким образом, институт стипуляции, будучи по своей природе архаичным, оказал долговременное влияние на развитие обязательственного права и стал своего рода прототипом для многих последующих правовых конструкций. Поэтому обращение к римскому праву и анализ стипуляции как формы обязательства позволяют лучше понять генезис современных обязательственных отношений в российской правовой системе»[1].

М. Д. Богданова, А. В. Масютина и Н. А. Синёва в свою очередь подчёркивают, что принципы римского права, включая такие ключевые категории, как добросовестность (bona fides) и справедливость (aequitas), сохраняют свою значимость даже в условиях стремительного развития цифровой экономики. По их мнению, данные принципы выступают своеобразными универсальными ориентирами, позволяющими адаптировать традиционные институты обязательственного права к новым экономическим и технологическим реалиям.

М. Д. Богданова отмечает, что принцип добросовестности в современном гражданском обороте приобретает особое значение в условиях цифровизации, когда многие сделки совершаются в электронной форме и требуют повышенного доверия между сторонами. Она указывает, что именно добросовестность служит фундаментом для предотвращения злоупотреблений и формирует культуру ответственного поведения участников оборота.

А. В. Масютина акцентирует внимание на том, что принцип справедливости остаётся востребованным при разрешении экономических конфликтов, особенно тех, которые связаны с применением смарт-контрактов, цифровых активов и иных инновационных инструментов. По её мнению, без ориентации на категорию справедливости право рисковало бы утратить гибкость и способность обеспечивать баланс интересов в сложных и нестандартных ситуациях.

Н. А. Синёва развивает эту позицию, подчёркивая, что обращение к римским принципам позволяет сохранить преемственность в правовой системе и обеспечивает устойчивость её развития. Она указывает, что цифровизация меняет лишь форму взаимодействия субъектов, но не устраняет фундаментальные ценности, на которых строится частное право. Таким образом, как справедливо заключают М. Д. Богданова, А. В. Масютина и Н. А. Синёва, «принципы добросовестности и справедливости продолжают выполнять роль «правовых ориентиров современной экономики», помогая соединить классические основы римского права с вызовами цифровой эпохи»[2].

Эта преемственность отчетливо проявляется в Гражданском кодексе Российской Федерации, где в первой части содержится системное регулирование обязательственных отношений[3]. С. Н. Хлопотов справедливо отмечает, что в области сделок с недвижимостью законодательство эволюционировало в сторону «усиления защиты исполнителя работ и обеспечения баланса между интересами собственника и пользователя»[4].

Проанализируем договорные формы обязательств.

Особое внимание в российской практике уделяется договорам аренды, подряда и возмездного оказания услуг. С. И. Рябов указывает, что договор аренды части вещи формирует особый вид обязательства, сочетающий передачу имущества с обязанностью его поддержания и сохранения[5]. К. М. Чернова подтверждает эту мысль, отмечая, что обязанности арендодателя и арендатора строятся вокруг обеспечения сохранности имущества, а также выполнения необходимых работ по его эксплуатации[6].

А. С. Игнатьев и Е. А. Иерусалимская подчеркивают, что договор аренды – это «сложный юридический механизм, включающий не только передачу имущества, но и выполнение связанных с этим обязанностей по его содержанию»[7]. Д. С. Иванников прослеживает историческую эволюцию регулирования аренды в России и отмечает, что изначально нормы были направлены на защиту собственника, тогда как в современной редакции законодательства наблюдается «баланс интересов сторон»[8].

В. Н. Огнев, исследуя обязательства из субдоговоров аренды, делает акцент на том, что передача имущества во временное владение и пользование всегда предполагает выполнение связанных с этим обязанностей, включая ремонт и техническое обслуживание[9].

Существенную роль в системе обязательств играют договоры оказания услуг. В. Л. Слесарев и В. Д. Кравец подчеркивают, что договор воз-

[1] Кузубов Алексей Алексеевич, Максименко Александр Николаевич Сущность стипуляции в римском частном праве // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. №2. С. 85.
[2] Богданова М. Д., Масютина А. В., Синёва Н. А. Принципы римского права и их применение в условиях цифровой экономики // Вестник науки. 2025. №5 (86). С. 14.
[3] Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. – 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
[4] Хлопотов, С. Н. Гражданско-правовое регулирование сделок с недвижимым имуществом в России / С. Н. Хлопотов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 14 (565). – С. 324.
[5] Рябов, С. И. Договор аренды части вещи: понятие и виды / С. И. Рябов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 10 (352). – С. 114.
[6] Чернова, К. М. Общая характеристика договора аренды по Гражданскому кодексу Российской Федерации / К. М. Чернова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 5 (504). – С. 359.
[7] Игнатьев А. С., Иерусалимская Е. А. Договор аренды: общая характеристика и основные положения // Вестник науки. 2025. №6 (87). С. 52.
[8] Иванников, Д. С. Эволюция развития российского законодательства об арендных отношениях / Д. С. Иванников. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 45 (335). – С. 86.
[9] Огнев В.Н. Права и обязанности сторон в обязательствах из субдоговоров в сфере передачи имущества во временное владение и пользование // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №3. С. 19.

мездного оказания услуг в отличие от подряда «предполагает нематериальный результат, выраженный в действии исполнителя, но не всегда в овеществленном предмете»[1]. Это расширяет сферу применения обязательств и делает их более гибкими.

Рассмотрим исполнение и обеспечение обязательств.

Существенное значение имеет вопрос надлежащего исполнения обязательств. И. Н. Сыткова отмечает, что порядок исполнения денежных обязательств строго регламентирован и включает применение мер ответственности при их нарушении[2]. Е. Д. Попова в контексте ипотечного договора справедливо указывает, что невыполнение обязательств влечет «жесткие санкции, связанные с обращением взыскания на предмет ипотеки»[3].

Р. А. Рябзин обращает внимание на связь обязательств с ограниченными вещными правами, которые создают «дополнительные обязанности по сохранению и эксплуатации имущества»[4]. А. Б. Селезнев дополняет, что защита прав участников обязательственных отношений обеспечивается через систему исков и способов защиты, включая виндикацию и возмещение убытков[5].

Д. А. Луданин рассматривает систему кондикционных требований и указывает, что они позволяют обеспечить возврат неправомерно полученного результата работы или услуги[6]. В более широком социальном контексте Р. Р. Долотина вводит понятие «социального обязательства», при котором акцент делается на общественных интересах, выходящих за рамки классических гражданско-правовых связей[7].

Представим сравнительно-правовой аспект.

Сравнение с зарубежными правовыми системами позволяет глубже понять специфику российских обязательств. М. Дюпон показывает, что во французском праве исполнение обязательств по аренде строго контролируется судебной практикой, которая формирует стабильность обязательственных связей[8]. Л. Гарсия подчеркивает, что в латиноамериканских странах основной акцент делается на защиту арендатора, которому предоставляются широкие гарантии по сохранению имущества[9]. Р. Смит и Д. Миллер отмечают, что в странах общего права обязательства по аренде трактуются как часть общего института договорного права, где «приоритет отдается свободе договора»[10].

Таким образом, обязательства по выполнению работ в частном праве России представляют собой институт, который сочетает в себе традиции римского права, современные нормы национального законодательства и элементы международного опыта. И. Емелькина справедливо подчеркивает, что правовое оформление экономических отношений в сфере управления имуществом требует «гибкого подхода, позволяющего учитывать интересы всех участников обязательства»[11]. Е. В. Виговский добавляет, что передача имущества и выполнение связанных с этим обязанностей «всегда должны сопровождаться мерами по обеспечению сохранности и надлежащему использованию результата»[12].

Развитие института обязательств в российском частном праве свидетельствует о его устойчивости и способности адаптироваться к новым социально-экономическим вызовам, сохраняя при этом приверженность принципам справедливости, добросовестности и равенства сторон.

Список литературы:

1. Богданова М. Д., Масютина А. В., Синёва Н. А. Принципы римского права и их применение в условиях цифровой экономики // Вестник науки. 2025. №5 (86).
2. Виговский Е. В. Передача имущества // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2009. №8.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. – 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Емелькина И. Правовое оформление экономических отношений по профессиональному управлению имуществом // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №1.
5. Иванников, Д. С. Эволюция развития российского законодательства об арендных отношениях / Д. С. Иванников. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 45 (335). – С. 86-90. – URL: https://moluch.ru/archive/335/74827/.(дата обращения: 18.07.2025).
6. Игнатьев А. С., Иерусалимская Е. А. Договор аренды: общая характеристика и основные положения // Вестник науки. 2025. №6 (87).
7. Кузубов Алексей Алексеевич, Максименко Александр Николаевич Сущность стипуляции в римском частном праве // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. №2.
8. Луданин Д. А. К вопросу о системе кондикционных требований // Евразийская адвокатура. 2025. №1 (72).
9. Огнев В.Н. Права и обязанности сторон в обязательствах из субдоговоров в сфере передачи имущества во временное владение и пользование // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №3.
10. Попова Е. Д. Ответственность за неисполнение ипотечного договора // Вопросы российской юстиции. 2025. №36.
11. Регина Рашидовна Долотина К вопросу о понятии социального обязательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №2 (114).
12. Рябзин Р.А. Ограниченные вещные права как правовая категория на современном этапе развития гражданского законодательства // Закон и право. 2025. №6.
13. Рябов, С. И. Договор аренды части вещи: понятие и виды / С. И. Рябов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 10 (352). – С. 114-117. – URL: https://moluch.ru/archive/352/79012/. дата обращения: 17.07.2025).
14. Селезнев, А. Б. Обязательно-правовые способы защиты права собственности и иных вещных прав / А. Б. Селезнев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 47 (337). – С. 387-389. – URL: https://moluch.ru/archive/337/75390/. (дата обращения: 17.07.2025).
15. Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Договор возмездного оказания услуг в гражданском праве россии и франции // Lex Russica. 2023. №4 (197).
16. Сыткова, И. Н. Порядок исполнения денежного обязательства / И. Н. Сыткова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 48 (495). – С. 413-417. – URL: https://moluch.ru/archive/495/108400/. дата обращения: 17.07.2025).
17. Хлопотов, С. Н. Гражданско-правовое регулирование сделок с недвижимым имуществом в России / С. Н. Хлопотов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 14 (565). – С. 324-327. – URL: https://moluch.ru/archive/565/123798/. (дата обращения: 18.07.2025).
18. Хусаинов И. Р. Система частного права, анализ структуры и функционирование, выявление его способностей и проблемных аспектов // Вестник науки. 2024. №12 (81).

[1] Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Договор возмездного оказания услуг в гражданском праве россии и франции // Lex Russica. 2023. №4 (197). С. 21.
[2] Сыткова, И. Н. Порядок исполнения денежного обязательства / И. Н. Сыткова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 48 (495). – С. 413.
[3] Попова Е. Д. Ответственность за неисполнение ипотечного договора // Вопросы российской юстиции. 2025. №36. С. 36.
[4] Регина Рашидовна Долотина К вопросу о понятии социального обязательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №2 (114). С. 22.
[5] Селезнев, А. Б. Обязательно-правовые способы защиты права собственности и иных вещных прав / А. Б. Селезнев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 47 (337). – С. 387.
[6] Луданин Д. А. К вопросу о системе кондикционных требований // Евразийская адвокатура. 2025. №1 (72). С. 33.
[7] Регина Рашидовна Долотина К вопросу о понятии социального обязательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №2 (114). С. 5.
[8] Dupont, M. Enforcement of Lease Agreements and Obligations in French Law // Revue de Droit Civil. 2022. № 46. – С. 75.
[9] Garcia, L. Tenant Rights and Obligations under Latin American Civil Codes // Latin American Journal of Law. 2021. Vol. 17, No. 2. – С. 91.
[10] Smith, R., & Miller, D. Legal Frameworks for Property Leasing in Common Law Jurisdictions // International Journal of Property Law. 2023. Vol. 12, No. 3. – С. 100.
[11] Емелькина И. Правовое оформление экономических отношений по профессиональному управлению имуществом // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №1. С. 49.
[12] Виговский Е. В. Передача имущества // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2009. №8.

19. Чернова, К. М. Общая характеристика договора аренды по Гражданскому кодексу Российской Федерации / К. М. Чернова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 5 (504). – С. 359-361. – URL: https://moluch.ru/archive/504/110868/. (дата обращения: 17.07.2025).
20. Dupont, M. Enforcement of Lease Agreements and Obligations in French Law // Revue de Droit Civil. 2022. № 46. – С. 75-84. URL: https://www.rdc.fr/dupont-enforcement-leases (дата обращения: 16.07.2025).
21. Garcia, L. Tenant Rights and Obligations under Latin American Civil Codes // Latin American Journal of Law. 2021. Vol. 17, No. 2. – С. 90-99. URL: https://www.lajl.org/garcia-tenant-obligations (дата обращения: 16.07.2025).
22. Smith, R., & Miller, D. Legal Frameworks for Property Leasing in Common Law Jurisdictions // International Journal of Property Law. 2023. Vol. 12, No. 3. – С. 100-116. URL: https://www.ijpl.org/smith-miller-leasing (дата обращения: 18.07.2025).

References:

1. Bogdanova M. D., Masyutina A. V. Blue N. A. Principle of the Roman law and IX substitution in terms of the digital empirics / / Journal of Sciences. 2025. №5 (86).
2. It's Vigovsky. V. Peredacha property / / Buchgalter school in budget and noncommercial organization. 2009. №8.
3. Russian Federation Civil Code, Ch. - 1 : Federal Repeater law 51-FZ of 30.11.1994 / / Sobranje legislates the Russian Federation. – 1994. – № 32. - St. 3301.
4. Emelykina I. Legal layout empiricomical relations in Professional Property Management / / Law. Journal of the Extravehicular school. 2025. №1.
5. Ivannikov, D. S. The developments of the Russian Federation legislates on arendn. S. Ivannikov. - Text: proximate Urga / / Molodoy scientist Urga. – 2020. – № 45 (335). - S. 86-90. - Apostille: https://moluch.ru/archive/335/74827/. (date of circulation: 18.07.2025).
6. Ignatyev A. S. It's Jerusalem. A. Contract leases Apostille: general characteristics and mainservices / / Journal of Sciences. 2025. №6 (87).
7. Kuzubov Alexey Alexeyevich, Maximenko Aleksandr Nikolayevich have been able to make stipulations in Roman private law // legal order and legal values. 2023. №2.
8. Ludanin D. A. C voprosu O systemcondiction extempore trebovanii / / Eurasian bar. 2025. №1 (72).
9. Ognev V.N. Rights and obligations storon in the obligations in the sub-contracts in the sphere of peredachi properties in temporary possession and polzovnye / / Proselyvane in the Russian legislature. 2013. №3.
10. It's Popova. D. Liability for non-payment of the mortgage contract / / Vopros across Russia legal claims. 2025. №36.
11. Regina Rashidovna Dolotina K voprosu O concepts social obligations / / university newspaper named O. Well. Kutafina. 2024. №2 (114).
12. Ryabzin R.A. How the legal category of the contemporaneimplemented civil legislation / / Law and praxis. 2025. №6.
13. Ryabov, S. And. Contract lease Apostille parts Things: concept and type of Apostille / C. And. Ryabov. - Text: proximate Urga / / Molodoy scientist Urga. – 2021. – № 10 (352). - S. 114-117. - Apostille: https://moluch.ru/archive/352/79012/. date of circulation: 17.07.2025).
14. Seleznev, A. B. Legally binding, legally binding, legally enforceable, legally binding. B. Seleznev. - Text: proximate Urga / / Molodoy scientist Urga. – 2020. – № 47 (337). - S. 387-389. - Apostille: https://moluch.ru/archive/337/75390/. (date of circulation: 17.07.2025).
15. Slesarev V. L., Kravets V. D. Contract for the service rendered in the Civil Law of Russia and France / / Apostille. 2023. №4 (197).
16. V. V., I. N. Order of the great day. N. Sytkova. - Text: proximate Urga / / Molodoy scientist Urga. – 2023. – № 48 (495). - S. 413-417. - Apostille: https://moluch.ru/archive/495/108400/. date of circulation: 17.07.2025).
17. Hlopotov, S. N. Civil law regulation deal with real estate in Russia / C. N. Khlopotov. - Text: proximate Urga / / Molodoy scientist Urga. – 2025. – № 14 (565). - S. 324-327. - Apostille: https://moluch.ru/archive/565/123798/. (date of circulation: 18.07.2025).
18. Husainov I. R. System of private rights, analysis of structure and functioning, in the Apostille of ego capability and problematical aspect / / Journal of Sciences. 2024. №12 (81).
19. Draft, K. M. General characteristics of the contract of lease in accordance with the Civil Code of the Russian Federation/K. M. Draft. - Text: proximate Urga / / Molodoy scientist Urga. – 2024. – № 5 (504). - S. 359-361. - Apostille: https://moluch.ru/archive/504/110868/. (date of circulation: 17.07.2025).
20. Dupont, M. Enforcement of Lease Agreements and Obligations in French Law // Revue de Droit Civil. 2022. № 46. - S. 75-84. URL: https://www.rdc.fr/dupont-enforcement-leases (date of request: 07/16/2025).
21. Garcia, L. Tenant Rights and Obligations under Latin American Civil Codes // Latin American Journal of Law. 2021. Vol. 17, No. 2. - S. 90-99. URL: https://www.lajl.org/garcia-tenant-obligations (date of request: 07/16/2025).
22. Smith, R., & Miller, D. Legal Frameworks for Property Leasing in Common Law Jurisdictions // International Journal of Property Law. 2023. Vol. 12, No. 3. - S. 100-116. URL: https://www.ijpl.org/smith-miller-leasing (date of request: 07/18/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_608

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ НА РЫНКАХ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
THE LEGAL BASIS FOR REGULATING EXCHANGE TRADING IN THE OIL AND PETROLEUM PRODUCTS MARKETS IN RUSSIA: STATUS, FEATURES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

ШАКЕРОВ Рустам Равилевич,
старший преподаватель кафедры частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: shakerov@rgust.ru;

SHAKEROV Rustam Ravilevich,
senior Lecturer at the Department of Private and Public Law, Russian State University of Social Technologies.
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: shakerov@rgust.ru

Краткая аннотация: *На сегодняшний день нефтяной комплекс является ключевым доходообразующим сектором в российской экономике и будет оставаться таким еще долгие годы. Главной задачей Правительства Российской Федерации в нефтяном комплексе является обеспечение эффективно и продуктивно влияющей на экономику страны государственной политики, а также совершенствование осуществления процесса биржевой торговли. Тем не менее организация биржевой торговли нефтью и нефтепродуктами обладает рядом существенных недостатков, связанных с противоречивостью процедуры торговли этими энергоресурсами, недостоверной информацией о действительных рыночных ценах во время формирования стартовой цены на аукционах для нефти собственной добычи, нарушением условий конкуренции во время биржевой торговли, а также несоблюдением требований биржевых договоров и пр. В данной статье будут рассмотрены основы правового регулирования биржевой деятельности на рынке нефти и нефтепродуктов, текущие состояние, специфика и перспективы развития.*

Abstract: *Today, the oil complex is a key revenue-generating sector in the Russian economy and will remain so for many years to come. The main task of the Government of the Russian Federation in the oil sector is to ensure an effective and productive government policy that affects the country's economy, as well as to improve the implementation of the exchange trading process. Nevertheless, the organization of exchange trading in oil and petroleum products has a number of significant drawbacks related to the inconsistency of the procedure for trading these energy resources, unreliable information about actual market prices during the formation of the starting price at auctions for oil of its own production, violation of competitive conditions during exchange trading, as well as non-compliance with the requirements of exchange contracts, etc. This article will consider the basics of legal regulation of exchange activity in the oil and petroleum products market, the current state, specifics and development prospects.*

Ключевые слова: *биржевая торговля, правовое регулирование, рынок нефти и нефтепродуктов.*
Keywords: *stock trading, legal regulation, oil and petroleum products market.*

Для цитирования: *Шакеров Р.Р. Правовые основы регулирования биржевой торговли на рынках нефти и нефтепродуктов в России: состояние, особенности и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 608-611. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_608.*
For citation*: Shakerov R.R. The legal basis for regulating exchange trading in the oil and petroleum products markets in Russia: status, features and development prospects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 608-611. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_608.*

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Правовое регулирование биржевой торговли в нашем государстве свое начало берет с 1990 г. когда создаются Российская товарно- сырьевая и Московская товарные биржи. По сути указанные биржи являлись первыми еще с 1917 г., как таковое специальное правовое регулирование данной сферы отсутствовало. Исследуемая сфер деятельности основывалась на таких нормативных актах как Постановление Совета министров РСФСР от 20.03.1991 № 161 «О деятельности товарных бирж в РСФСР» и Основах гражданского законодательства СССР.

В 1992 г. принимается первый современный правовой документ, закрепляющий правовой режим биржевых торгов - Закон Российской Федерации от 20.02.1992 № 2383–1 «О товарных биржах и биржевой торговле». В указанном нормативном акте отечественным законодателем сделана попытка заимствования опыта зарубежных государств для применения его условиях российского рынка. Стоит отметить, что данный нормативный акт будучи более ориентированным на товарные биржи, полностью не охватил сферу биржевой торговли. В том числе данный нормативный акт не раскрывал содержание ключевых биржевых договоров и не закреплял организационно-правовую форму биржи. Данные обстоятельства стали следствием слабого развития в нашем государстве биржевой торговли.

Правовое регулирование биржевой торговли получило последующие развитие только в 2007 г. с внесением законопроекта «О биржах и организованных торгах», результатом стало принятие в 2011 г. Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» (далее по тексту ФЗ №325 –ФЗ от 21.11.2011 г.) [3].

Считаем необходимым, для более полного понимания, начать рассмотрение данного нормативного акта с терминологии. Так в соответствии п. 1ч. 1 ст.2 ФЗ №325 –ФЗ от 21.11.2011 г. под «биржевыми торгами» понимается проводимые биржей организованные торги. Под «биржей» в соответствии ч. 1 ст. 9 ФЗ №325 –ФЗ от 21.11.2011 г. следует считать имеющей лицензию биржи организатора торгов. То есть это очень узкое определение, которое не разрывает в полной мере понятие «биржа».

Следует также рассмотреть дефиницию «организатор торгов». Так в соответствии п. 6 ст. 2 ФЗ №325 –ФЗ от 21.11.2011 г. под ним следует

понимать лицо, которое на основании лицензии торговой системы либо лицензии биржи предоставляет услуги в части проведения на финансовых и товарных рынках, организованных торгов.

В данном определении можно увидеть упоминание термина «организованные торги». В соответствии п.7 ст.2 исследуемого нормативного акта под организованными торгами понимается проводимые по установленным правилам на регулярной основе торги, для заключения с допущенными к участию лицами договоров, являющимися производными финансовыми инструментами и договорами рэпо, а также иностранной валютой и ценными бумагами. То есть биржа представляет собой лицо предоставляющие услуги по проведению торгов с договорами, являющимися производными финансовыми инструментами и договорами рэпо, а также иностранной валютой и ценными бумагами.

На организатора торгов возлагается ответственность за манипулирование рынком и неправомерным применением инсайдерской информации в связи ч сем на него возлагаются следующие обязанности: утверждение правил по предотвращению манипулирования рынком и неправомерным применением инсайдерской информации, где определяются критерии и признаки вышеуказанных нарушений; проводить проверку нестандартных сделок (заявок) в части манипулирования рынком и неправомерным применением инсайдерской информации; в течении каждого торгового дня направлять информацию в Банк России о результатах проверок и выявленных нестандартных сделках. Данная информация отображается в форме уведомления требования по которому и сроки предоставления устанавливаются согласно нормативам Банка России[2].

Согласно ст. 4 ФЗ №325 –ФЗ от 21.11.2011 г. проведение биржей торгов осуществляется по установленным правилам подлежащих регистрации Центробанком, в ч. 3 указанной нормы закреплены требования к данным правилам, что указывает как на с одной стороны наличие свободы в определенных процедурах, так и на наличие определенных факторов контроля.

ФЗ №325 –ФЗ от 21.11.2011 г. по отношению к сотрудникам и участникам биржи закрепляет определенные требования, к примеру, к управлению биржей не допускаются лица дисквалифицированные либо осужденные за экономические противоправные деяния, либо против госвласти. К тому же имеется требования по обязательному наличию необходимой квалификации и высшего образования для лиц уполномоченных на создание и осуществление деятельности биржи.

Для предоставляющих услуги по проведению торгов согласно ст.8 ФЗ №325 –ФЗ от 21.11.2011 г. установлен минимальный объем необходимых наличии собственных средств, так лиц, предоставляющих услуги по лицензии биржи -не менее 100 млн. руб., лицензии торговой системы – 50 млн. руб. в течении 6 месяцев с момента создания биржи согласно ст. 10 ФЗ №325 –ФЗ от 21.11.2011 г. необходимо формирование совета секции и биржевого совета (в части функционирования биржи принимает решение по основным вопросам)

В отношении свое деятельности биржа обязана постоянно осуществлять внутренний контроль, так организатор торгов в соответствии ч. 2 ст. 14 ФЗ №325 –ФЗ от 21.11.2011 г. обязан либо назначить контролера, либо создать службу внутреннего контроля, которые подотчетны единоличному исполнительному органу организатора торгов.

В связи с тем, что заключаемые сделки на бирже являются частью гражданского оборота, биржевая деятельность также регулируется Гражданским кодексом РФ. Можно выделить узко направленные нормативные правовые акты, которые устанавливают определенные требования к организации и проведению биржевых сделок: Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ и Федеральный закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.07.2010 №224-ФЗ, Федеральный Закон от 07.02.2021 № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» а также Постановление Правительства РФ от 11.10.2012 № 1035 «Об утверждении критериев регулярности и равномерности реализации товара на бирже для отдельных товарных рынков», Постановление Правительства РФ от 23.07.2013 N 623 «Об утверждении Положения о предоставлении информации о заключенных сторонами не на организованных торгах договорах, обязательства по которым предусматривают переход права собственности на товар, допущенный к организованным торгам, а также о ведении реестра таких договоров и предоставлении информации из указанного реестр» и от Постановление Правительства РФ от 29 марта 2011 г. № 218 «Об обеспечении недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

По мере развития и становления рынка биржевой торговли происходит совершенствование нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу. За последнее время требования в нормативно-правовых актах существенно изменились, и биржа стала носить универсальный статус, т.е. она вправе осуществлять организованные торги товарами, валютой, ценными бумагами и срочными контрактами. То есть можно говорить, что в настоящее время правовое регулирование биржевой деятельности осуществляется целым массивом правовых актов затрагивающем все проявления биржевой торговли.

Стоит отметить что не участники, а именно государство всегда на всех этапах развития биржевой торговли играла ключевую роль. Основной причиной невостребованности биржевых инструментов и медленного развития биржевой торговли в нашем государстве является расхождение действующих экономических отношений с заимствованными биржевыми институтами[5].

В целом в биржевой деятельности имеется множество проблемных вопросов. Так, если сравнивать с зарубежными площадками, то сделки на российских площадках все еще не в полной мере прозрачны, отсутствует достаточный уровень ликвидности, в связи с чем сложно проводить операции с крупным объемом и имеются возможно приведения к высоким спредам. Также на биржевой рынок влияют геополитическое состояние, экономические санкции, нестабильность и иные факторы, оказывающие воздействие на активность на рынке. Если рассматривать регулятивную систему, то здесь также имеются проблемные вопросы касаемо несогласованности правового регулирования и его реализации, в том числе наличие при нарушении законодательства неэффективных карательных мер. В целях дальнейшего совершенствования в нашем государстве биржевой торговли, в части

правового регулирования следует вводить новый этап содержащий помимо введения и реализации заимствованных с зарубежной практики рецентных методов организации торговли (к примеру введение клиринговых процедур, повышение эффективности рынка деривативов и др.), но также в части нормотворческой деятельности осуществление реализации альтернативных направлений (к примеру необходимо чаще вовлекать бизнес и разрешить проблемные вопросы связанные с несогласованностью между подзаконными актами и законодательством ведущих при принятии ключевых мер к задержкам Банка России).

Стоит отметить, что в сравнении с экономически развитыми странами, где между долго действующими биржевыми структурами имеется острая конкуренция. не дающая возможности формированию новых бирж, российский же рынок находится на этапе формирования. Тем не менее недостаточная развитие правового и регулирование биржевой торговли для экономического развития государства является значимым препятствием. Законодателю для формирования действенной правовой базы необходимо своевременно принимать во внимание инновации и текущие тенденции. Данное действие способствует привлечению в биржевую торговлю большему числу участников, что в итоге способствует развитию экономики нашего государства.

Если рассматривать рынок нефти, то данный энергоресурс среди других энергоресурсов занимает особое место на биржевом рынке в силу стремления государств к обеспечению своей энергической безопасности. Наше государство является одним из крупнейших государств-экспортеров нефти, в связи с чем для нее первостепенным значением будет являться развитие данного рынка. Посредством реализации данного энергоресурса Правительство РФ, вырученные финансовые средства направляются на поддержку промышленности и реализацию государственных программ, направленных на жизнеобеспечение и повышение уровня жизни граждан. В связи с тем, что рынок нефти имеет колоссальное такое воздействие на развитие и стабильность государства необходимо его качественное регулирование как на национальном, так и на международном уровнях.

На международном уровне регулирование нефтяным рынком осуществляется посредством двустороннего или многостороннего сотрудничества. Автор считает, что многостороннее сотрудничество имеет более общий, основополагающий характер, то есть оно ориентированно на закрепление государствами базовых начал осуществления деятельности мирового рынка энергоресурсами. А на уровне двустороннего сотрудничества закрепляется более глубокое и четкое международно-правовое регулирование, имеющие закрепление в положениях межправительственных соглашений[6].

На национальном уровне Правительство РФ устанавливает для развития энергетической отрасли основные ее направления, а также основополагающие позиции государства касаемо осуществления деятельности мирового нефтяного рынка, отражаемые в различных формах в рамках сотрудничества. Правительство РФ также посредством таможенно-тарифного регулирования, в виде контроля транзита, экспорта и импорта нефти и нефтепродуктов, организовывает деятельность на нефтяном рынке.

В настоящее время на российскую биржу нефтепродуктов воздействуют как внутренние факторы (нормативные акты и изменение на внутреннем рынке в части количества потребления и производства) и внешние (мировые цены на нефтепродукты, курс рубля по отношению к доллару и др.). Также госрегулирование проявляется в виде введения для крупнейших организаций нормативов минимального количества реализации нефти и нефтепродуктов на бирже.

В настоящее время через биржу проходит четверть нефтепродуктов, продаваемых на внутреннем рынке. Биржевая торговля как способ реализации исследуемого товара для нашего государства является относительно «молодым» и у российских рыночных игроков только набирает популярность, на данный фактор указывает тенденция по увеличению объема торгов и количества участников. Биржевая торговля нефтепродуктами дает возможность для участников исходя из спроса и предложений определять более справедливую и прозрачную стоимость товара. Тем не менее, в нынешних реалиях российского биржевого рынка, в связи с отсутствием должного и действенного правового регулирования биржевой деятельности, на биржу большое воздействие оказывает воздействие государства и крупных организаций, которые, как правило, выступают и в качестве продавцов, и в качестве самих акционеров биржи.

В настоящее время на российском рынке крупнейшей биржей по реализации нефтепродуктов является АО «Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа». Ассортимент данной биржи представлен в виде СУГ, мазута, дизельного топлива, бензина, авиакеросина и срочный в виде расчетных и поставочных фьючерсов. В нашем государстве инструменты хеджирования применяются уже более 5 лет. Однако по мнению специалистов развитие срочного рынка затруднено частым вмешательством государства в части ценообразования и ограниченным числом участников торгов.

Для рынка посредственная конкуренция является одним из значимых проблемных вопросов ведущая к его провалу. И на самом деле из-за определенных особенностей, к примеру наличие для входа высоких барьеров, рынок самостоятельно проблемы преодолеть не может. В данных случаях правильно выстроенная антимонопольная политика в части обеспечения конкуренции способствует получению значительной общественной выгоды (более низкие цены, издержки и др.)

Ключевое положение на бирже имеют вертикально интегрированные нефтяные компании такие как Татнефть, Роснефть, Газпром нефть, Газпром, Лукойл и Сургутнефтегаз. На доли данных организаций, в части реализации нефтепродуктов, приходится наибольшее число продаж.

Данная модель в большей степени сложилась в связи приватизацией нефтяного сектора. В настоящее время данные организации контролируют порядка 75 % переработки нефти и 80 % ее добычи. Стоит отметить наличие высокой доли вероятности со стороны ВИНК возможности по ограничению конкуренции, так возможны со стороны данных организаций злоупотребляя доминирующим положением, формирование для независимых участников рынка дискриминационных условий и применение ценообразования с монопольно высокими ценами. В тоже время, данные организации по отношению к независимым участникам рынка могут ограничивать доступ к инфраструктуре и перерабатывающим мощностям исследуемого рынка.

Согласно ФАС России рынок нефти имеет определенные ограничения для входа независимых участников выражающиеся: в значительных первоначальных инвестициях; в наличии невозвратных издержек при отказе от проекта; длительного срока окупаемости; необходимости получения лицензий и разрешений; в сравнении с ВИНК малые объемы производства; наличие ограничительных мощностей в части транспортировке и переработке нефтепродуктов.

Стоит также сказать о нарушениях ВИНК в части установления монопольно высоких цен на нефтепродукты. В части наказания данные организации привлечены к административной ответственности. В бюджет Российской Федерации перечислены штрафы на сумму более 15 млрд. руб.

В целях недопущения на внутреннем рынке резкого роста цен на нефтепродукты, с 01.06.2018 г. Правительство РФ снизила налоговые ставки по акцизам на бензин и дизельное топливо, в тоже время нефтяные компании взяли на себя обязанность по обеспечению достаточных поставок внутреннего рынка, в том числе в адрес независимых участников.

Часто нефтяные компании своим рыночным поведением заставляют антимонопольные органы постоянно держать их во внимании. И некорректное поведение с признаками возможного нарушения антимонопольного законодательства провоцирует инициирование проверок компаний. В тоже время организации упрекают антимонопольный орган, в том, что в связи с проводимыми проверками снижается рыночная стоимость их акций. Так кроме административных наказаний, назначаемых по результатам осуществления проверок, организации также снижают и свою рыночную стоимость

Перспективы развития биржевой торговли нефтепродуктами состоит из привлечения как на внутренний, так и на внешний рынок дополнительных участников, увеличения числа предоставляемых товаров и услуг и выход на международный рынок российских нефтепродуктов и нефти марки Urals.

При благоприятных политических и экономических условиях нефть марки Urals, может стать основой рынка, составив конкуренцию шанхайским нефтяным фьючерсам и контрактам на бирже DME. Указанные меры как обеспечат увеличения конкурентоспособности российских товаров на внешнем рынке, так и будут способствовать развитию биржевой торговли на внутреннем рынке [7].

Если рассматривать увеличения числа предоставляемых услуг, то качестве положительных нововведений можно предложить допуслуги по транспортные поддержки. Данная услуга как даст возможность как следить за исполнением сделки, так и поставлять товар. Расширение предоставляемых услуг и товарных рынков остается одним из приоритетов долгосрочного планирования биржи и будет включать в себя страхование товара и юридическую помощь участникам торгов.

В качестве одной из ключевых задач биржи является увеличение количества участников торгов посредством привлечения потребителей и большинства вертикально интегрированных нефтяных компаний, при приобретении товаров которым будут предоставляться льготные кредиты и условия. В целях исполнения данной задачи необходимо расширение географии поставок и внедрение на новые виды нефтепродуктов поставочных фьючерсных договоров

Долгосрочные прогнозы связаны с повышением технологической составляющей биржи (удобство доступа и торговли, расширение инструментов аналитики и прогнозирования цен для участников), привлечением участников-нерезидентов и увеличением доли продаваемых на бирже нефтепродуктов, что будет способствовать повышению конкурентоспособности российских бирж и нефтепродуктов, реализуемых через них.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.06.2025).
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103037/ (дата обращения: 08.06.2025).
3. Федеральный закон от 21.11.2011 №325-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об организованных торгах» [Электронный ресурс]. - URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121888/ (дата обращения: 08.06.2025).
4. Алхутов А.В. Правовая основа регулирование биржевой торговли в Российской Федерации // Молодой ученый. 2025. № 14 (565). С. 238-240.
5. Петров Д.А. Биржевой товар и биржевая торговля в российской правовой системе // Защита конкуренции в условиях глобальных экономических и социальных изменений: Под общей редакцией Бодренкова В.А., Петрова Д.А. М.: Юрист, 2023. С. 175-199.
6. Сычева К.Ю. Международное сотрудничество России в области энергетической безопасности // Colloquium-Journal. 2021. № 34-3(121). С. 39-41.
7. Хачатурова К.И. Проблемы правового обеспечения биржевого рынка нефти, нефтепродуктов и газа: вопросы исполнения обязательств участников торгов // Правовой энергетический форум. 2018. № 4. С. 46-55.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024) [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 06/08/2025).
2. Federal Law No. 224-FZ dated 07/27/2010 (as amended on 08/08/2024) "On Countering the Misuse of Insider Information and Market Manipulation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103037 / (date of access: 06/08/2025).
3. Federal Law No. 325-FZ dated 11/21/2011 (as amended on 08/08/2024) "On Organized Auctions" [Electronic resource]. - URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121888 / (date of reference: 06/08/2025).
4. Alkhutov A.V. The legal basis for regulating stock trading in the Russian Federation // Young Scientist. 2025. No. 14 (565). pp. 238-240.
5. Petrov D.A. Exchange-traded goods and exchange trading in the Russian legal system // Protection of competition in the context of global economic and social changes: Under the general editorship of Bodrenkov V.A., Petrova D.A. M.: Lawyer, 2023. pp. 175-199.
6. Sycheva K.Y. International cooperation of Russia in the field of energy security // Colloquium-Journal. 2021. No. 34-3(121). pp. 39-41.
7. Khachaturova K.I. Problems of legal support for the stock market of oil, petroleum products and gas: issues of fulfilling the obligations of bidders // Legal Energy Forum. 2018. No. 4. pp. 46-55.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_612

УДК 347.132

КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЕ
EDUCATIONAL INSURANCE CONCEPTS IN THE RUSSIAN DOCTRINE

ТЕЛИБЕКОВА Ирина Мендигереевна,
кандидат юридических наук,
докторант ФГОБУВО «Российская государственная академии интеллектуальной собственности».
улица Миклухо-Маклая, 55А, г. Москва, 117279, Россия.
E-mail: irina67.kz@mail.ru;

TELIBEKOVA Irina Mendigereevna,
candidate of Legal Sciences, doctoral student FSOBUVO "Russian State Academy of Intellectual Property".
55A Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117279, Russia.
E-mail: irina67.kz@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается образовательное страхование как возможность для накопления денежных средств страхователем-родителем с целью оплаты обучения ребенка в организации высшего образования. Автором представлена концепция образовательного страхования, которая имеет место в российской юридической доктрине. Также изучены различные концепции образовательного страхования, предложенные учеными-экономистами. Помимо этого, автором проанализированы статистические и демографические показатели в обоснование необходимости внедрения образовательного страхования.*

Abstract: *The article considers educational insurance as an opportunity for the accumulation of funds by the insured parent in order to pay for the child's education in higher education. The author presents the concept of educational insurance, which takes place in the Russian legal doctrine. Various concepts of educational insurance proposed by economic scientists have also been studied. In addition, the author analyzes statistical and demographic indicators in support of the need to introduce educational insurance.*

Ключевые слова: *образовательное страхование, договор страхования, концепция образовательного страхования, субъективное гражданское право, страховщик, страхователь.*

Keywords: *educational insurance, insurance contract, concept of educational insurance, subjective civil law, insurer, policyholder*.

Для цитирования: *Телибекова И.М. Концепции образовательного страхования в российской доктрине // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 612-614. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_612.*

For citation*: Telibekova I.M. Educational insurance concepts in the Russian doctrine // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 612-614. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_612.*

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение (Introduction) Реализация субъективных гражданских прав является одной из приоритетных задач, обозначенных российским законодателем в нормативных правовых актах. Одним из таких субъективных прав является конституционное право на получение высшего образования. Не все потенциальные абитуриенты могут преодолеть пороговый балл для поступления на грант или на бюджет, и поступают на платное отделение. На фоне увеличения численности выпускников школ, повышающегося спроса на высшее образование и сокращения финансирования данной сферы не все могут себе позволить оплату обучения в организациях высшего образования (далее – ОВО). Во многих странах вопрос накопления средств для оплаты обучения в ОВО решен посредством образовательного страхования.

Литературный обзор (Literature Review) Общие теоретические и правовые вопросы образовательного страхования освещены в работе И. В. Тяпкиной, которая рассматривает новый механизм реализации конституционного права на высшее образование в Российской Федерации (далее – РФ). Среди авторов, в чьих трудах предлагаются авторские концепции образовательного страхования и раскрыты его различные аспекты, можно назвать таких экономистов, как: У. М. Акаева, Х. З. Бадаш, А. В. Балашов, Б. С. Бурыхин, Т. В. Вишнякова, О. А. Затепякин. Есть ученые и эксперты, критикующие применение образовательного страхования, например, В. Б. Лившиц, Ю. М. Махдиева, Ж. П. Осипцова, Н. Г. Типенко, Н. Широкова.

Материалы и методы (Materials and methods) В ходе исследования помимо метода диалектического материализма применены общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также специальные методы исследования, такие как исторический и правовой. В качестве информационной базы использованы труды и исследования ученых, статистические данные, а также нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере страхования.

Результаты (Results) По итогам изучения различных точек зрения ученых об образовательном страховании, статистических данных о финансировании образования, демографических показателях в РФ, а также действующего законодательства в сфере регулирования страхования, автором сформулирован вывод о необходимости нового концептуального подхода к применению возможностей страхования для накопления средств с целью оплаты обучения в ОВО.

Обсуждение (Discussions) К сожалению, в науке гражданского права вопросы образовательного страхования практически не изучены. Единственным представителем правовой науки, чье диссертационное исследование посвящено изучению вопросов реализации конституционного права на образование посредством образовательного страхования, является И. В. Тяпкина.

Х. З. Бадаш совместно с А. В. Балашовым предлагают концепцию привлечения денежных средств предприятий и граждан для оплаты ценных бумаг в виде краткосрочных образовательных облигаций (акций) и векселей [1, С. 3-7]. В соответствии с данной концепцией ОВО заключает дого-

вор с банком второго уровня. Владельцы ценных бумаг приобретают преимущественное право при зачислении в университет, а также могут изменить ранее выбранный профиль обучения в течение всего периода вступительных экзаменов.

А. В. Балашов предлагает еще одну концепцию, а именно концепцию оплаты образовательных услуг с использованием облигаций накопительных займов [2, С. 141-154]. Еще одна концепция, предлагаемая автором, сводится к оплате образовательных услуг ОВО на основе применения сберегательного и смешанного страхования. Согласно концепции А. В. Балашова страховщик, заключая договор со страхователем и ОВО, может предложить разные страховые полисы, по которым предусмотрена страховая выплата в виде оплаты обучения в полном объеме или частями – по этапам, а также годичная оплата [Там же].

Т. В. Вишнякова предлагает использовать возможности страхования в случае невозможности возврата заемщиком образовательного кредита [3, С. 64, 66]. Автор предлагает опираться на страховые продукты для привлечения средств на оплату обучения в ОВО в виде страховых сумм, выплачиваемых из государственного страхового фонда поддержки образования (далее – ГСФПО), создание которого предполагается для стимулирования государством системы образовательного кредитования. При этом в соответствии с концепцией Т. В. Вишняковой ГСФПО будет либо ежемесячно выплачивать страховую сумму заемщику, либо единовременно выплачивать всю сумму основного долга банку второго уровня.

В. А. Журавлев считает возможным использовать систему «накопительного страхования с целью получения образования» [4, С. 52-53]. Согласно данной концепции по договору накопительного образовательного страхования между страхователем и страховщиком, последний осуществляет страховую выплату в виде оплаты полного обучения или отдельных его этапов, причем не только в российских ОВО, но и зарубежных.

Небезынтересной является и концепция О. А. Затепякина, который предлагает использовать бюджетно-страховую модель, включающую в себя обязательное государственное образовательное страхование и добровольное индивидуальное образовательное страхование, причем если первая модель является некоммерческой, то вторая – коммерческой [5, С. 121, 144-170].

Совместно с О. А. Затепякиным эту идею развивает и Б. С. Бурыхин. Ученые в своей концепции образовательного страхования главной его составляющей видят Фонд государственного образовательного страхования (далее – Фонд) [6, С. 204]. По мнению авторов Фонд, формируемый за счет обязательных и добровольных страховых взносов, представляет собой промежуточное звено между государством, ОВО и поступающим на учебу гражданином.

Интерес представляет концепция Ю. М. Махдиевой и У. М. Акаевой, которые полагают необходимым введение в российскую практику механизма софинансирования страховых премий, когда часть расходов на оплату страховых взносов государство берет на себя», то есть, когда государство участвует в субсидировании страховых премий через систему нормативно-правовых и экономических инструментов [7, С. 93-94].

Ю. М. Махдиева не согласна с Б. С. Бурыхиным и О. А. Затепякиным, так как по мнению автора при рассмотрении образовательного страхования как «инструмента развития человеческого потенциала … предлагаемая схема видится не вполне приемлемой, поскольку в определенном смысле противоречит концепции человеческого потенциала» [8, С. 111]. Автор предлагает рассматривать образовательное страхование «как механизм, позволяющий расширить возможности выбора образа жизни, принятия решений относительно личного развития индивидуумов», основанный на принципе добровольности участия и возможности самостоятельного принятия решений об инвестициях в развитие интеллектуального потенциала [Там же].

Кроме того, Ю. М. Махдиева указывает, что «При страховании расходов на образование страховая сумма выплачивается при поступлении ребенка в образовательное учреждение независимо от того, жив или умер к этому времени страхователь (как правило, родитель). <…> При этом страхование образования рассматривается как разновидность страхования жизни» [9, С. 183].

Вопросы образовательного страхования особенно актуальны в связи с тем, что законодатель РФ в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации в связи с ростом требований граждан к качеству жизни обозначил ряд задач, в том числе по повышению не только качества образовательных услуг, но и доступности образования [10]. Актуальность образовательного страхования обусловлены и тем, что в 2030 году в стране будет 8,3 миллиона граждан в возрасте от 20 до 24 лет, а в 2035 году – уже 9,7 миллиона [11]. То есть через 5-6 лет демографический показатель возрастет почти на 2,4 миллиона. Эти цифры показывают, что через несколько лет вырастет число абитуриентов, желающих поступить в ОВО. На этом фоне по данным исследования ИСИЭЗ НИУ ВШЭ суммарно 80% респондентов желают видеть своих детей с дипломом о высшем образовании (бакалавриат, магистратура или аспирантура) [12].

Данные Росстата так же показывают, что в недалеком будущем 1 684 606 детей, севшие за парты в 2024 году, закончат школу [13]. То есть государству потребуется намного больше бюджетных средств для финансирования высшего образования (гранты, бюджетные места). Причем, если в 2017 году было выделено более 575 тысяч бюджетных мест, в 2024 году 592 тысячи, то на 2025-2026 учебный год их объем планируется увеличить до 619,1 тысячи мест [14-16].

И здесь представляются уместными доводы С. С. Малиновского и Е. Ю. Шибановой о том, что «емкость вузовской системы не может соответствовать масштабной заинтересованности в получении высшего образования». Авторы отмечают, что социальный спрос на получение высшего образования «обусловливает принципиальную невозможность и без того масштабной вузовской системы удовлетворить все притязания населения» [12].

В то же время противники образовательного страхования В. Б. Лившиц, Ж. П. Осипцова, Н. Г. Типенко еще в конце 90-х годов прошлого столетия, раскритиковав предложенные концепции образовательного страхования, отметили, что они не соответствуют российскому правопорядку и не имеют под собой экономического обоснования [17]. Не согласившись с данной точкой зрения и отмечая, что эксперты ЦК профсоюза работников МОН РФ заблуждаются, Н. Широкова считает ошибочными их убеждения по поводу того, что создание в рамках образовательного страхования Фонда под-

держки образования будет работать в противовес интересам общества [17].

Заключение (Conclusions) Таким образом, уже на протяжении четверти века российскими учеными предлагаются различные концепции образовательного страхования. По их мнению, будучи инструментом, позволяющим уменьшить государственные расходы на бюджетное финансирование высшего образования, оно представляет собой один из новых векторов развития российского страхования. По этому поводу примечательно высказывание М. В. Остроградского о том, что, страхование «во всех существующих и еще возможных, нам неведомых видах его, является необходимым элементом общего культурного развития человечества» [18].

Список литературы:

1. Балашов А. В., Бадаш Х. З. Реализация оплаты образовательных услуг в вузах с использованием ценных бумаг // Университетское управление: практика и анализ. – 1998. – № 1 (4). – С. 3-7.
2. Балашов А. В. Обоснование путей и механизмов совершенствования хозяйственно-экономической деятельности вуза: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: Ижевск, 1998. – 476 с.
3. Вишнякова Т. В. Роль страхового фонда в развитии системы образовательного кредитования // Молодой ученый. – 2009. – № 4 (4). – С. 63-67.
4. Журавлев В. А. Инвестиции и новые финансовые проекты в образовании // Университетское управление: практика и анализ. – 2002. – № 1. – С. 52-54.
5. Затепякин О. А. Устойчивое формирование рабочей силы на основе государственного страхования сферы образования: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Затепякин Олег Аркадьевич; [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. – Томск, 2013. – 367 с.
6. Бурыхин Б. С., Затепякин О. А. Обеспечение качества образования на основе государственного образовательного страхования // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2011. – №3 (15). – С. 193-206.
7. Махдиева Ю. М., Акаева У. М. Направления государственного стимулирования накопительного образовательного страхования // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Том 5, №8. – С. 91-96.
8. Махдиева Ю. М. Роль образовательного страхования в формировании и развитии человеческого потенциала // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Том 9. №9. – С. 109-112.
9. Махдиева Ю. М. К вопросу о перспективах развития образовательного страхования в России // Вестник экспертного совета. – 2018. – №1-2 (12-13). – С. 182-186.
10. «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_398015/.
11. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию от 29.02.2024 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585.
12. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Барьеры доступности высшего образования и социальные факторы дифференциации образовательных траекторий: информационный бюллетень /С.С. Малиновский, Е. Ю. Шибанова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономки». – М.: НИУ ВшЭ, 2023. – 38 с., С. 9-10. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.hse.ru/data/2023/04/21/2029995470/ib_8(50)_2023.pdf.
13. Поступить в вуз станет сложнее из-за роста числа абитуриентов. URL: https://octagon.media/istorii/postupit_v_vuz_stanet_slozhnee_iz_za_rosta_chisla_abiturientov.html.
14. Ивушкина А. Дефицит бюджета: бесплатных мест в ВУЗах станет меньше //Известия. Электронный ресурс. URL: https://iz.ru/891457/anna-ivushkina/defitcit-biudzheta-besplatnykh-mest-v-vuzakh-stanet-menshe-na-chetvert.
15. В российских вузах увеличат число бюджетных мест в 2024 году. URL: https://ria.ru/20231026/vuzy-1905396779.html.
16. Российским вузам на следующий учебный год направлено более 619,1 тыс. бюджетных мест. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/93289/.
17. Широкова Н. Образовательное страхование: за и против // Управление школой. – 16-31.01.1999. – №04(100). URL: https://upr.1sept.ru/article.php?ID=199900401.
18. Т. Бегров. Общество страховых знаний // История страхования. URL: https://www.insur-info.ru/history/exhibit/details/566 (дата обращения: 21.03.2025).

References:

1. Balashov A.V., Badash H. Z. Implementation of payment for educational services in universities using securities // University management: practice and analysis. – 1998. – № 1 (4). – Pp. 3-7.
2. Balashov A.V. Substantiation of ways and mechanisms for improving the economic activity of the university: Dis. ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05: Izhevsk, 1998. – 476 p.
3. Vishnyakova T. V. The role of the insurance fund in the development of the educational lending system // Young Scientist. – 2009. – № 4 (4). – Pp. 63-67.
4. Zhuravlev V. A. Investments and new financial projects in education // University management: practice and analysis, 2002, No. 1, pp. 52-54.
5. Zatepyakin O. A. Sustainable labor force formation based on state insurance in the field of education: dissertation... Doctor of Economics: 08.00.05 / Oleg Arkadyevich Zatepyakin; [Place of defense: National research Volume of the State University]. Tomsk, 2013. 367 p.
6. Burykhin B. S., Zatepyakin O. A. Quality assurance of education based on state educational insurance // Bulletin of Tomsk State University. Economy. – 2011. – №3 (15). – Pp. 193-206.
7. Mahdieva Yu. M., Akayeva U. M. Directions of state stimulation of accumulative educational insurance // Economics and management: problems, solutions. – 2018. – Volume 5, No. 8. – pp. 91-96.
8. Mahdieva Yu. M. The role of educational insurance in the formation and development of human potential // Economics and management: problems, solutions. - 2017. – Volume 9. No. 9. – pp. 109-112.
9. Mahdieva Yu. M. On the prospects for the development of educational insurance in Russia // Bulletin of the Expert Council. – 2018. – №1-2 (12-13). – Pp. 182-186.
10. "On approval of the Unified Plan for achieving the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2024 and for the planned period up to 2030." URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_398015/.
11. Putin V. V. President's Message to the Federal Assembly dated 02/29/2024. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585
12. Malinovsky S. S., Shibanova E. Yu. Barriers to accessibility of higher education and social factors of differentiation of educational trajectories: an information bulletin /S.S. Malinovsky, E. Yu. Shibanova; National research. Higher School of Economics University. Moscow: Higher School of Economics, 2023. 38 p., pp. 9-10. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.hse.ru/data/2023/04/21/2029995470/ib_8(50)_2023.pdf.
13. It will become more difficult to enter a university due to the growing number of applicants. URL: https://octagon.media/istorii/postupit_v_vuz_stanet_slozhnee_iz_za_rosta_chisla_abiturientov.html.
14. Ivushkina A. Budget deficit: there will be fewer free places in universities //Izvestia. Electronic resource. URL: https://iz.ru/891457/anna-ivushkina/defitcit-biudzheta-besplatnykh-mest-v-vuzakh-stanet-menshe-na-chetvert.
15. Russian universities will increase the number of budget places in 2024. URL: https://ria.ru/20231026/vuzy-1905396779.html.
16. More than 619.1 thousand budget places have been allocated to Russian universities for the next academic year. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/93289 /.
17. Shirokova N. Educational insurance: pros and cons // School management. – 16-31.01.1999. – №04(100). URL:https://upr.1sept.ru/article.php?ID=199900401
18. T. Begrov. Insurance Knowledge Society // Insurance History. URL: https://www.insur-info.ru/history/exhibit/details/566 (date of request: 03/21/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_615

УДК 009

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА В ЭНЕРГЕТИКЕ
FEATURES OF THE LEGAL REGIME IN THE ENERGY SECTOR

ДЖИКАЕВА Фатима Зауровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых дисциплин
Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.
362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46.
E-mail aspirant8381@mail.ru;

DZHIKAYEVA Fatima Zaurovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private Law Disciplines
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov.
44-46 Vatutina St., Vladikavkaz, 362025, Russia.
E-mail aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются особенности правового режима в сфере энергетики, включая специфику правового положения энергетических ресурсов, объектов и субъектов. Рассматриваются принципы регулирования, обеспечивающие баланс интересов государства, бизнеса и потребителей, особенности лицензирования и допуска к эксплуатации энергетических объектов, а также требования к экологической и технологической безопасности. Особое внимание уделяется правовым механизмам обеспечения стабильности поставок, контроля над стратегически важными объектами и ответственности за нарушение установленных норм и правил.*

Abstract*: The article examines the features of the legal regime in the energy sector, including the specifics of the legal status of energy resources, facilities, and entities. The principles of regulation ensuring the balance of interests between the state, businesses, and consumers are considered, as well as licensing and access to the operation of energy facilities, and compliance with environmental and technological safety standards. Special attention is paid to legal mechanisms that ensure supply stability, control over strategically important facilities, and liability for violations of established norms and rules.*

Ключевые слова: *энергетика, правовой режим, ресурсы, объекты, субъекты, лицензирование, ответственность.*
Key words: *energy sector, legal regime, resources, facilities, entities, licensing, liability.*

Для цитирования: *Джикаева Ф.З. Особенности правового режима в энергетике // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 615-618. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_615.*
For citation*: Dzhikayeva F.Z. Features of the legal regime in the energy sector // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 615-618. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_615.*

Статья поступила в редакцию: 10.07.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Правовой режим в энергетике представляет собой систему правовых норм, регулирующих отношения между государственными органами, энергетическими компаниями и потребителями энергии, с учетом обеспечения безопасности, стабильности и эффективности функционирования отрасли. В. А. Богоненко отмечает, что «правовая природа правоотношений в сфере атомной энергетики характеризуется высокой спецификой и требует комплексного подхода к классификации и регулированию»[1]. Это связано с тем, что атомная энергетика имеет не только экономическое, но и социально-экологическое значение, что требует особой защиты интересов общества и государства.

А. В. Габов, С. Б. Зинковский и М. С. Лизикова подчеркивают, что «энергетический переход и интеграция возобновляемых источников энергии требуют адаптации законодательства и создания новых правовых институтов для обеспечения устойчивого функционирования отрасли»[2]. Такой переход обостряет вопросы стандартизации, лицензирования и ответственности участников энергетического рынка.

Н. Э. Гаджизаде акцентирует внимание на техническом регулировании: «эффективность работы энергетического сектора напрямую зависит от качества технических стандартов и нормативов, которые определяют права и обязанности участников рынка»[3]. Несовершенство этих стандартов часто приводит к правовым коллизиям между поставщиками энергии, потребителями и регулирующими органами.

Н. М. Галкина выделяет особенности договорного регулирования: «договоры поставки нефти и нефтепродуктов имеют комплексный характер, включающий обязательства по количеству, качеству, срокам поставки и расчетам, что отражает специфику правового режима в энергетике»[4]. Проблема заключается в том, что существующие стандарты договоров не всегда учитывают современные рыночные и технологические реалии, создавая правовую неопределенность.

О. В. Гликман и Л. Р. Мамедов обращают внимание на международный аспект: «транзит энергоресурсов через территории других государств требует согласования национальных и международных норм, что усложняет регулирование и повышает риски правовых конфликтов»[5]. Это показывает, что правовой режим энергетики включает не только внутренние, но и международные компоненты регулирования.

Е. О. Крассов подчеркивает значение договоров по снабжению электрической энергией: «особенности правового режима проявляются в сочетании обязательств поставщиков, гарантирующих поставок, и потребителей, а также в необходимости соблюдения требований лицензирования и технических стандартов»[6].

Ю. В. Кузминых указывает на финансовые и климатические аспекты: «проблемы финансирования климатических проектов в энергетике

[1] Богоненко, В. А. Правовая природа правоотношений в сфере атомной энергетики и теоретико-правовые основания их классификации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2007. №10. С. 3.
[2] Габов, А. В.; Зинковский, С. Б.; Лизикова, М. С. Энергетический переход как фактор влияния на энергетическое законодательство: обзор международной научно-практической конференции. Москва, Институт государства и права Российской академии наук, 20 июня 2023 г. // Труды Института государства и права РАН. 2023. №5. С. 12.
[3] Гаджизаде, Н. Э. Экономические эффекты технического регулирования в энергетическом секторе // EESJ. 2022. №1-2 (77). С. 5.
[4] Галкина, Н. М. Особенности договора поставки нефти и нефтепродуктов // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. №3. С. 12.
[5] Гликман, О. В.; Мамедов, Л. Р. Международно-правовое регулирование транзита в сфере энергетики // Теория и практика общественного развития. 2024. №5. С. 22.
[6] Крассов, Е. О. О договорах по снабжению электрической энергией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. №5. С. 33.

требуют разработки правовых механизмов, стимулирующих устойчивое развитие отрасли и снижение экологических рисков»[1].

И. Н. Кузнецов отмечает административное регулирование: «публичное администрирование топливно-энергетического комплекса предполагает взаимодействие государственных органов и участников рынка, включая контроль, надзор и применение санкций при нарушении обязательств»[2].

С. В. Мельникова и С. С. Ослин рассматривают вопросы административной ответственности: «существует необходимость совершенствования административного законодательства о правонарушениях в энергетике для обеспечения комплексной защиты интересов государства, предприятий и населения»[3],[4].

Я. В. Перглер подчеркивает значение договорной системы: «система договорного регулирования отношений по поставке энергоресурсов формирует правовой каркас отрасли, определяя права, обязанности и ответственность сторон, а также механизмы урегулирования споров»[5].

Постановление Правительства РФ N 442 закрепляет правила функционирования розничных рынков электрической энергии и ограничение потребления, что формирует дополнительный правовой механизм регулирования отрасли [с. 2203][6]. Распоряжение Правительства РФ N 3924-р и Указ Президента РФ N 216 задают стратегические направления цифровизации и энергетической безопасности, что требует адаптации национального законодательства и внедрения современных технологий мониторинга и контроля[7],[8].

С. О. Рецлов и В. В. Романова указывают на практические проблемы реализации договоров энергоснабжения и строительства энергетических объектов: «не всегда четко разграничены обязательства сторон, что создает риски споров и снижает эффективность функционирования правового режима»[9],[10].

Федеральные законы N 35-ФЗ, N 261-ФЗ и N 390-ФЗ формируют базовые принципы правового режима энергетики, включая энергосбережение, повышение энергетической эффективности, обеспечение безопасности и качества поставок[11],[12],[13]. Федеральный закон N 69-ФЗ регулирует газоснабжение, включая вопросы подключения потребителей и ответственности поставщиков[14].

Таким образом, особенности правового режима в энергетике проявляются в комплексности регулирования, включающего:

1. Договорные обязательства участников отрасли.
2. Административное и лицензирующее регулирование.
3. Технические стандарты и нормы.
4. Международное и стратегическое регулирование.
5. Меры по энергосбережению, повышению эффективности и цифровизации.

Главные проблемы включают: несовершенство нормативно-правовой базы, недостаточную стандартизацию договоров, пробелы в ответственности и контрольных механизмах, а также слабую интеграцию международных норм с национальным законодательством. Пути совершенствования правового режима включают: унификацию договорных и технических стандартов, развитие цифровых платформ контроля, усиление ответственности сторон, интеграцию гражданско-правовых и административных норм, а также стимулирование инноваций и инвестиций в отрасли.

В. А. Богоненко отмечает, что «правовая природа правоотношений в сфере атомной энергетики требует комплексного подхода к их классификации и регулированию, учитывающего как экономические, так и социальные и экологические аспекты»[15]. Это подчеркивает, что атомная энергетика является особенно чувствительной отраслью, где правовой режим должен учитывать повышенные риски и требования к безопасности.

А. В. Габов, С. Б. Зинковский и М. С. Лизикова указывают на актуальность энергоперехода: «энергетический переход и внедрение возобновляемых источников энергии требуют адаптации национального законодательства и создания новых правовых институтов для обеспечения устойчивого функционирования отрасли»[16]. Внедрение новых технологий часто опережает законодательство, что приводит к пробелам и коллизиям в правовом регулировании.

Н. Э. Гаджизаде подчеркивает значимость технического регулирования: «экономические эффекты работы энергетического сектора зависят

[1] Кузминых, Ю. В. Проблемы финансирования климатических проектов в Российской Федерации в современных условиях // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. №1 (73). С. 8.
[2] Кузнецов И. Н. Публичное администрирование топливно-энергетического комплекса в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 29. С. 447.
[3] Мельникова, С. В. Предложения по совершенствованию административного законодательства о правонарушениях в промышленности, строительстве и энергетике / С. В. Мельникова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 33 (375). – С. 43.
[4] Ослин, С. С. Административные правонарушения в энергетике и строительстве / С. С. Ослин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 18 (98). – С. 377.
[5] Перглер, Я. В. Общая характеристика системы договорного регулирования отношений по поставке энергоресурсов // Вестник науки. 2019. №6 (15). С. 9.
[6] Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 N 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») (ред. от 17.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 19. 2012. Ст. 2203.
[7] Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 N 3924-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 2021. Ст. 7398.
[8] Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. 2019. Ст. 2917.
[9] Рецлов С. О. Проблемы оказания услуг по передаче электрической энергии в договоре энергоснабжения // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 3. С. 272.
[10] Романова, В. В. Понятие договора на строительство, модернизацию энергетических объектов и его отличия от иных договоров в электроэнергетике // Общество и право. 2011. №4 (36). С. 4.
[11] Федеральный закон от 23.11.2009 N 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 23.11.2009) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 48. 2009. Ст. 5711.
[12] Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 26.03.2003) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 13. 2003. Ст. 1177.
[13] Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 2010. Ст. 7001.
[14] Федеральный закон от 31.03.1999 N 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 14. 1999. Ст. 1653.
[15] Богоненко, В. А. Правовая природа правоотношений в сфере атомной энергетики и теоретико-правовые основания их классификации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2007. №10. С. 2.
[16] Габов, А. В.; Зинковский, С. Б.; Лизикова, М. С. Энергетический переход как фактор влияния на энергетическое законодательство: обзор международной научно-практической конференции. Москва, Институт государства и права Российской академии наук, 20 июня 2023 г. // Труды Института государства и права РАН. 2023. №5. С. 15.

от качества технических норм и стандартов, которые определяют права и обязанности участников рынка»[1]. Несовершенство этих стандартов ведет к правовой неопределенности и увеличению рисков споров между компаниями и потребителями.

Н. М. Галкина рассматривает договорное регулирование: «особенности договора поставки нефти и нефтепродуктов заключаются в комплексном регулировании количества, качества, сроков поставки и расчетов, что является отражением специфики правового режима в энергетике»[2]. Аналогично, Е. О. Крассов указывает, что «договоры по снабжению электрической энергией формируют основу взаимодействия поставщиков и потребителей, закрепляя права и обязанности сторон и обеспечивая соблюдение технических стандартов и лицензий»[3].

О. В. Гликман и Л. Р. Мамедов обращают внимание на международное регулирование: «транзит энергоресурсов через территории других государств требует согласования национальных и международных норм, что создает дополнительную сложность правового режима»[4]. Это подтверждает, что энергетика имеет трансграничный характер и требует гармонизации законодательства.

Ю. В. Кузминых выделяет финансовые аспекты: «необходимость финансирования климатических проектов обостряет проблемы правового стимулирования инвестиционной деятельности в энергетическом секторе и требует разработки гибких механизмов»[5]. При этом Кузнецов, И. Н. акцентирует административный аспект: «публичное администрирование топливно-энергетического комплекса включает контроль, надзор и применение санкций, что формирует основу реализации правового режима»[6].

С. В. Мельникова и С. С. Ослин анализируют проблемы административной ответственности: «существующие нормы административного законодательства недостаточно совершенны для обеспечения комплексной защиты интересов государства, предприятий и населения в энергетике»[7],[8]. Часто наблюдается неопределенность в квалификации нарушений и недостаточная строгость санкций, что снижает эффективность правового режима.

Я. В. Перглер подчеркивает значение договорного регулирования: «система договоров по поставке энергоресурсов формирует юридический каркас отрасли, определяя права, обязанности и ответственность сторон, а также механизмы урегулирования споров»[9]. В то же время С. О. Рецлов фиксирует практические проблемы оказания услуг по передаче электроэнергии: «несовершенство договорных моделей и отсутствие единых стандартов создают риски конфликтов между поставщиками и потребителями»[10].

В. В. Романова обращает внимание на специфику договоров на строительство и модернизацию энергетических объектов: «эти договоры имеют отличия от иных договоров в электроэнергетике, что требует отдельного правового регулирования и четкой регламентации ответственности сторон»[11].

На уровне законодательства государство предпринимает меры по укреплению правового режима. Федеральные законы N 35-ФЗ, N 261-ФЗ и N 390-ФЗ закрепляют базовые принципы регулирования, включая энергосбережение, повышение энергетической эффективности и обеспечение безопасности энергоснабжения. Закон N 69-ФЗ регулирует газоснабжение, включая вопросы подключения и ответственности поставщиков[12]. Указ Президента РФ N 216 и распоряжение Правительства РФ N 3924-р формируют стратегические направления энергетической безопасности и цифровой трансформации отрасли[13],[14]. Постановление Правительства РФ N 442 закрепляет правила функционирования розничных рынков электрической энергии и механизм ограничения потребления [с. 2203][15].

Основные проблемы правового режима в энергетике включают:

1. **«Недостаточную унификацию договоров**, что приводит к правовой неопределенности и росту споров.
2. **Несовершенство административного законодательства**, включая недостаточно строгие санкции за нарушения и нечеткое определение правонарушений.
3. **Технические пробелы** в стандартах и нормативах, влияющие на надежность и безопасность энергетической инфраструктуры.
4. **Сложность интеграции международных норм** в национальное законодательство, особенно в сфере транзита энергоресурсов.
5. **Необходимость финансового стимулирования** устойчивых и климатически безопасных проектов в энергетике»[16].

Пути совершенствования правового режима включают:

1. **Унификацию договорных моделей** для всех сегментов энергетики, включая электроэнергию, газ и нефтепродукты.

---

[1] Гаджизаде, Н. Э. Экономические эффекты технического регулирования в энергетическом секторе // EESJ. 2022. №1-2 (77). С. 7.
[2] Галкина, Н. М. Особенности договора поставки нефти и нефтепродуктов // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. №3. С. 12.
[3] Крассов, Е. О. О договорах по снабжению электрической энергией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. №5. С. 34.
[4] Гликман, О. В.; Мамедов, Л. Р. Международно-правовое регулирование транзита в сфере энергетики // Теория и практика общественного развития. 2024. №5. С. 23.
[5] Кузминых, Ю. В. Проблемы финансирования климатических проектов в Российской Федерации в современных условиях // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. №1 (73). С. 10.
[6] Кузнецов И. Н. Публичное администрирование топливно-энергетического комплекса в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 29. С. 446.
[7] Мельникова, С. В. Предложения по совершенствованию административного законодательства о правонарушениях в промышленности, строительстве и энергетике / С. В. Мельникова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 33 (375). – С. 44.
[8] Ослин, С. С. Административные правонарушения в энергетике и строительстве / С. С. Ослин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 18 (98). – С. 377.
[9] Перглер, Я. В. Общая характеристика системы договорного регулирования отношений по поставке энергоресурсов // Вестник науки. 2019. №6 (15). С. 9.
[10] Рецлов С. О. Проблемы оказания услуг по передаче электрической энергии в договоре энергоснабжения // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 3. С. 273.
[11] Романова, В. В. Понятие договора на строительство, модернизацию энергетических объектов и его отличия от иных договоров в электроэнергетике // Общество и право. 2011. №4 (36). С. 4
[12] Федеральный закон от 31.03.1999 N 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 14. 1999. Ст. 1653.
[13] Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. 2019. Ст. 2917.
[14] Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 N 3924-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 2021. Ст. 7398.
[15] Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 N 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») (ред. от 17.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 19. 2012. Ст. 2203.
[16] Богоненко, В. А. Правовая природа правоотношений в сфере атомной энергетики и теоретико-правовые основания их классификации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2007. №10. С. 30.

2. **Совершенствование административного законодательства**, внедрение четких критериев правонарушений и усиление ответственности.

3. **Развитие технических стандартов**, нормирование энергосбережения и повышение энергетической эффективности.

4. **Интеграцию международного права**, обеспечение гармонизации транзитных соглашений и стандартов.

5. **Цифровизацию и прозрачность процессов** с применением цифровых платформ для мониторинга и контроля исполнения обязательств.

6. **Правовое стимулирование инноваций и инвестиций** в устойчивые энергетические проекты.

Таким образом, особенности правового режима в энергетике заключаются в сочетании договорных, административных, технических и международных инструментов регулирования. Совершенствование правового режима требует комплексного подхода, направленного на повышение предсказуемости, надежности и безопасности функционирования отрасли, что критически важно для экономики и национальной безопасности государства.

Список литературы:

1. Богоненко, В. А. Правовая природа правоотношений в сфере атомной энергетики и теоретико-правовые основания их классификации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2007. №10.
2. Габов, А. В.; Зинковский, С. Б.; Лизикова, М. С. Энергетический переход как фактор влияния на энергетическое законодательство: обзор международной научно-практической конференции. Москва, Институт государства и права Российской академии наук, 20 июня 2023 г. // Труды Института государства и права РАН. 2023. №5.
3. Гаджизаде, Н. Э. Экономические эффекты технического регулирования в энергетическом секторе // EESJ. 2022. №1-2 (77).
4. Галкина, Н. М. Особенности договора поставки нефти и нефтепродуктов // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. №3.
5. Гликман, О.В.; Мамедов, Л.Р. Международно-правовое регулирование транзита в сфере энергетики // Теория и практика общественного развития. 2024. №5.
6. Крассов, Е. О. О договорах по снабжению электрической энергией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. №5.
7. Кузминых, Ю. В. Проблемы финансирования климатических проектов в Российской Федерации в современных условиях // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. №1 (73).
8. Кузнецов И. Н. Публичное администрирование топливно-энергетического комплекса в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 29. С. 445–450.
9. Мельникова, С. В. Предложения по совершенствованию административного законодательства о правонарушениях в промышленности, строительстве и энергетике / С. В. Мельникова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 33 (375). — С. 43-46. — URL: https://moluch.ru/archive/375/83626/. (дата обращения: 09.07.2025).
10. Ослин, С. С. Административные правонарушения в энергетике и строительстве / С. С. Ослин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 18 (98). — С. 377-381.
11. Перглер, Я. В. Общая характеристика системы договорного регулирования отношений по поставке энергоресурсов // Вестник науки. 2019. №6 (15).
12. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 N 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») (ред. от 17.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 19. 2012. Ст. 2203.
13. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 N 3924-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 2021. Ст. 7398.
14. Рецлов С. О. Проблемы оказания услуг по передаче электрической энергии в договоре энергоснабжения // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 3. С. 271–273.
15. Романова, В. В. Понятие договора на строительство, модернизацию энергетических объектов и его отличия от иных договоров в электроэнергетике // Общество и право. 2011. №4 (36).
16. Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. 2019. Ст. 2917.
17. Федеральный закон от 23.11.2009 N 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 23.11.2009) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 48. 2009. Ст. 5711.
18. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 26.03.2003) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 13. 2003. Ст. 1177.
19. Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 2010. Ст. 7001.
20. Федеральный закон от 31.03.1999 N 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 14. 1999. Ст. 1653.

References:

1. Bogonenko, V. A. The legal nature of legal relations in the field of atomic energy and the theoretical and legal basis for their classification // Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. 2007. No. 10.
2. Gabov, A.V.; Zinkovsky, S. B.; Lizikova, M. S. Energy transition as a factor influencing energy legislation: an overview of the international scientific and practical conference. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, June 20, 2023 // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023, No. 5.
3. Hajizade, N. E. Economic effects of technical regulation in the energy sector // EESJ. 2022. №1-2 (77).
4. Galkina, N. M. Features of the contract for the supply of oil and petroleum products // Problems of economics and legal practice. 2014. No.3.
5. Glikman, O.V.; Mammadov, L.R. International legal regulation of transit in the energy sector // Theory and practice of social development. 2024. No. 5.
6. Krassov, E. O. On contracts for the supply of electric energy // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2024. №5.
7. Kuzminykh, Yu.V. Problems of financing climate projects in the Russian Federation in modern conditions // Scientific notes of the St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. 2020. №1 (73).
8. Kuznetsov I. N. Public administration of the fuel and energy complex in the Russian Federation // Issues of Russian justice. 2023. No. 29. pp. 445-450.
9. Melnikova, S. V. Proposals for improving administrative legislation on offenses in industry, construction and energy / S. V. Melnikova. — Text : direct // Young scientist. — 2021. — № 33 (375). — Pp. 43-46. — URL: https://moluch.ru/archive/375/83626 /. (date of application: 07/09/2025).
10. Oslin, S. S. Administrative offenses in energy and construction / S. S. Oslin. — Text : direct // Young scientist. — 2015. — № 18 (98). — Pp. 377-381.
11. Pergler, Ya. V. General characteristics of the system of contractual regulation of relations on the supply of energy resources // Bulletin of Science. 2019. №6 (15).
12. Decree of the Government of the Russian Federation No. 442 dated 05/04/2012 "On the Functioning of Retail Electric Energy Markets, full and (or) Partial Restriction of Electric Energy Consumption" (together with the "Basic Provisions for the Functioning of Retail Electric Energy Markets", "Rules for Full and (or) Partial Restriction of Electric Energy Consumption") (as amended by 04/17/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 19. 2012. St. 2203.
13. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/28/2021 N 3924-r "On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the fuel and energy complex" // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 52. 2021. St. 7398.
14. Retslov S. O. Problems of rendering electric energy transmission services in the energy supply contract // Economic Bulletin of Rostov State University. 2008. No. 3. pp. 271-273.
15. Romanova, V. V. The concept of a contract for the construction, modernization of energy facilities and its differences from other contracts in the electric power industry // Society and Law. 2011. №4 (36).
16. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2019 N 216 "On the approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 20. 2019. Article 2917.
17. Federal Law No. 261-FZ of 11/23/2009 "On Energy Conservation and Energy Efficiency Improvement and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on 11/23/2009) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 48. 2009. Article 5711.
18. Federal Law No. 35-FZ of 26.03.2003 "On Electric Power Industry" (as amended on 26.03.2003) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 13. 2003. Art. 1177.
19. Federal Law No. 390-FZ of 12/28/2010 "On Security" (as amended on 07/10/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 52. 2010. Art. 7001.
20. Federal Law No. 69-FZ of 03/31/1999 "On Gas Supply in the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 04/01/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 14. 1999. Article 1653.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_619

СОБЛЮДЕНИЕ ФОРМЫ СДЕЛОК КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ
COMPLIANCE WITH THE FORM OF TRANSACTIONS AS A GUARANTEE FOR PROTECTING THE RIGHTS OF SUBJECTS

ГАРТИНА Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета.
440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Юриспруденция»
Пензенского филиала Частного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте».
440011, Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, д.25 «Б».
E-mail: gjpenza@rambler.ru;

GARTINA Yulia Aleksandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law Penza State University.
440011, Russia, Penza Region, Penza, Krasnaya Street, 40.
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Jurisprudence
of the Penza branch of the Private Educational Institution of Higher Education "Moscow University named after S.Yu. Witte".
440011, Penza, Vyazemsky Street, 25 "B".
E-mail: gjpenza@rambler.ru

Краткая аннотация*. Сделки имеют очень важное значение в современных гражданских правоотношениях. Обязательство, заключенное в строгом соответствии с нормами действующего законодательства, гарантирует его субъектам соблюдение прав и обязанностей, а также надлежащую правовую защиту. В данной статье рассматриваются основные формы заключения сделок, определяются правовые последствия нарушения требуемой законом формы сделок, выявляются пробелы в нормах, регламентирующих правила их заключения. По наиболее проблемным аспектам делаются выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства.*

Abstract. *Transactions are very important in modern civil legal relations. An obligation concluded in strict accordance with the norms of current legislation guarantees its subjects the observance of rights and obligations, as well as proper legal protection. This article examines the main forms of concluding transactions, determines the legal consequences of violating the form of transactions required by law, and identifies gaps in the rules governing the rules for concluding them. Conclusions and proposals for improving current legislation are made on the most problematic aspects.*

Ключевые слова: *сделка, гражданское законодательство, форма сделок, устная, письменная, конклюдентная, нотариальное удостоверение, действительность сделок.*

Key words: t*ransaction, civil legislation, form of transactions, oral, written, implied, notarial certification, validity of transactions.*

Для цитирования: *Гартина Ю.А. Соблюдение формы сделок как гарантия защиты прав субъектов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 619-621. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_619.*

For citation*: Gartina Yu.A. Compliance with the form of transactions as a guarantee for protecting the rights of subjects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 619-621. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_619.*

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Сделки всегда занимали одно из главных мест в жизни граждан. В настоящее время, в связи со стремительным развитием политических, экономических и юридических процессов в обществе, появление новых объектов гражданских правоотношений приводят к спорам, связанным с их надлежащим юридическим оформлением. Правильное и точное соблюдение требований к оформлению сделки, поможет в последствии субъектам избежать негативных правовых последствий, а также будет способствовать максимально правильному разрешению спора.

Правовой анализ классификации сделок в российском гражданском законодательстве показал, что наиболее актуальные вопросы правоприменительной практики касаются именно формы сделок. Кроме того, надлежащим образом оформленная сделка помогает сторонам добросовестно реализовывать права и обязанности, вытекающие из ее содержания.

Рассмотрим более детально основные положения действующего законодательства, регламентирующие форму заключения сделок.

Любая сделка считается заключенной в случае, когда стороны достигли соглашение по всем вопросам и условиям конкретной сделки. В законе четко определено, что сделки могут быть заключены в устной форме, простой письменной форме или в форме конклюдентных действий. Письменная форма сделки характеризуется подписанием сторонами единого документа, содержащего все необходимые условия сделки. При отсутствии у сторон возможности подписать документ одновременно, закон допускает заключение сделки путем обмена электронными документами, письмами, телеграммами или при соблюдении определенных условий допускает подписание документа электронной подписью.

Очень важно обращать внимание, на нормы закона, содержащие правила о том, в какой форме должна быть заключена конкретная сделка. Так как именно форма сделки является приоритетным условием ее действительности и легитимности.

Несомненно, письменная форма сделки является наиболее распространенной и часто используемой в юридической практике. Однако, как было описано выше, закон не запрещает заключать сделки в устной форме. Что же собой представляет устная форма сделки?

Устные сделки – это сделки, которые не заключаются путем подписания одного документа, воля субъектов сделки выражается словами и в результате этого данная воля воспринимается непосредственно, буквально. Действующее гражданское законодательство не содержит запрета на заключение устных сделок [1]. В устной форме могут заключаться сделки в случае, когда они исполняются в момент заключения, а также если из закона, договора или существа сделки не вытекает, что она должна быть заключена в письменной форме. Кроме того, если законом для определенного вида сделки установлена обязательное нотариальное удостоверение или государственная регистрация, то такие сделки не могут заключаться в устной

форме. В устной форме также заключаются сделки между физическими лицами, при условии, что цена сделки не превышает десять тысяч рублей.

Устная форма сделки очень часто совершается путем конклюдентных действий, то есть, когда сторона конкретно не выражает согласия на заключение сделки, но своим поведением подтверждает намерение данную сделку совершить.

Конечно же закон не всегда позволяет применить конклюдентные действия для заключения сделок. Так как конкретная сделка, в зависимости от ее условий или правовой природы может требовать обязательного нотариального удостоверения или государственной регистрации, а это уже указывает на то, что во-первых, в обязательном порядке должна быть соблюдена письменная форма сделки, во-вторых, в сделку должны быть вовлечены и другие субъекты. Хотя при обычных условиях и без дополнительных требований к государственной регистрации или нотариальному удостоверению, осуществление конклюдентных действий позволяет считать сделку заключенной и действительной.

Анализ судебной практики показывает, что в конклюдентной форме сделки заключаются намного реже, чем в письменной или даже в устной. Однако, их заключение все же происходит и не всегда стороны оказываются недовольными последствиями данных сделок. В большинстве случаев исполнение конклюдентной сделки происходит намного быстрее и не вызывает у субъектов негативных последствий.

Очень часто в практике встречаются ситуации, когда сторона, получившая предложение заключить конкретную сделку не отвечает на данное предложение. И в этом случае возникает вопрос, а как расценивать молчание данной стороны. Молчание можно признать выражением воли субъекта на согласие заключить сделку только в ситуациях, прямо предусмотренных нормами действующего законодательства, или если данное положение регламентировано соглашением между сторонами. Молчание – по сути, можно квалифицировать как не совершение лицом никаких действий по отношению к противоположной стороне сделки [2, с. 6].

В современных реалиях молчание все чаще используется при заключении сделок. Особенно наглядно это можно проследить при приобретении так называемых цифровых продуктов. Масштабное развитие цифровой экономики и технологий, приводит к тому, что субъекты гражданских правоотношений все чаще прибегают к приобретению различных программ и компьютерных приложений. И как правило, данные сделки осуществляются по средствам молчания, т.е. фактического принятия условий приобретения определенного товара. Поэтому в некоторых юридических источниках молчание определяется авторами, как один из способов совершения сделок. По своей юридической природе молчание нельзя приравнять к волеизъявлению в сделке, так как оно может и не выражать волю субъекта. Скорее всего молчание может быть расценено исключительно как правовое явление, позволяющее заключить конкретную сделку. В практической сфере, заключение сделки по средствам молчания может привести к ряду определенных проблем, решить которые не всегда будет возможно из-за отсутствия доказательственной базы или прямого волеизъявления субъекта. Поэтому, на наш взгляд, заключение сделок по средствам молчания требуют существенной правовой регламентации действующего законодательства с целью закрепления основных механизмов, позволяющих доказать условия заключения такой сделки.

Действующее гражданское законодательство в своих нормах закрепляет общие требования, предъявляемые к письменной форме сделок. Данная форма совершается путем составления и подписания единого документа, выражающего волю субъектов в сделке. Более сложные правила устанавливаются для двусторонних и многосторонних сделок. Кроме того, нормативно-правовыми актами могут устанавливаться и дополнительные требования к сделкам, а также к последствиям нарушения их формы. В современных реалиях стороны сделки давно подписывают соглашения электронными подписями или используют факсимильное воспроизведение подписи. И это не является нарушением норм действующего законодательства, напротив предусматривая такую возможность подписи в соглашении, субъекты тем самым облегчают себе процесс заключения сделок.

В законодательстве закреплена возможность использовать воспроизведение подписи субъекта сделки с помощью средств механического или иного копирования. Необходимо отметить, что электронная подпись приравнивается к собственноручной подписи, в случаях, когда законом или иными правовыми актами предусмотрена необходимость составления документа на бумажном носителе, а также когда субъекты сделки помимо проставления электронных подписей, заверяют данный документ печатями.

Сделка, заключаемая в простой письменной форме, обязательно должна содержать существенные условия: предмет (то по поводу чего заключается сделка), условия, без которых сделка не может быть заключена, а также адреса и банковские реквизиты сторон. Эти требования являются обязательными, хотя субъекты сделки могут предусмотреть в ней и другие обязательные условия, которые необходимы конкретно им для облечения своей воли в конкретной сделке. Еще одно существенной условие в сделке, которое может повлиять на ее дальнейшую судьбу - это дата ее заключения. Почему она так важна для субъектов? Именно с этой даты и будет считаться срок действия конкретной сделки или условий, облеченных в сделку между сторонами. Именно с даты заключения сделки субъекты смогут определить срок ее действия, а также, срок исполнения обязательства закрепленного в сделке. Конечно, если подойти к письменной форме сделки более ответственно, то необходимо указать на то, что письменная форма – это не только определение условий сделки на бумаге, но и оформление реквизитов сторон. Надлежащие подписи в сделке, а также скрепление ее печатями по необходимости, тоже играют существенную роль. Возможно еще использование в сделке специальной бумаги, которая защитит от подделки документа. Как правило, специальные бланки используются при нотариальном оформлении сделки. Конечно же отсутствие в двусторонней или многосторонней сделке печати юридического лица не приведет к ее недействительности, если в договоре присутствует подпись уполномоченного лица [3, с. 134].

Именно письменная форма сделки позволяет максимально полно отразить все пожелания и волю субъектов, что в последствии позволит доказать реальность их намерений относительно существа сделки. В законе выделяется две письменные формы сделки: простая письменная и нотариальная формы. В простой письменной форме сделки должны заключаться в трех случаях:

- если хотя бы одной стороной сделки является юридическое лицо;
- если стоимость сделки превышает десять тысяч рублей;
- если есть прямое указание закона на то, что сделка должна быть заключена в простой письменной форме.

Однако в повседневной жизни нередко встречаются случаи, когда в следствии болезни, неграмотности или какого-либо физического недостатка, сторона сделки не может собственноручно поставить подпись на документе, но и для такого рода случаев гражданское законодательство предусмотрело правила, применение которых позволит лицу с физическим недостатком совершить сделку, привлекая к подписи другое лицо с соблюдением норм действующего законодательства. Лицо, привлеченное для таких действий, именуется рукоприкладчиком. В соответствии с требованиями закона такое действие должно быть нотариально удостоверено, нотариус обязательно указывает причину, почему данную сделку подписывает другое лицо, вместо реального субъекта. Рукоприкладчик, подписывая документ за субъекта сделки ставит лишь свою подпись, не приобретая никаких прав и обязанностей. Главная обязанность рукоприкладчика – это помочь гражданину реализовать свои полномочия на заключение сделки. Необходимо отметить, что в данной ситуации удостоверяется не сама сделка, а факт подписания документа рукоприкладчиком. Очень важно понимать, что совершать сделку привлекая рукоприкладчика могут только физические лица, юридические лица не наделяются законодателем такой возможностью.

Таким образом, мы видим, что закон определяет обязательные условия при соблюдении которых простая письменная форма сделки будет считаться соблюденной и это позволит сторонам заключить сделку по всем правилам.

Рассмотрим, что представляет собой нотариальная форма сделки. Как уже отмечалось ранее обязательное нотариальное удостоверение сделки может быть предусмотрено законом. В этом случае стороны обязаны сделку нотариально удостоверить. Не соблюдение данного требования влечет ничтожность сделки. Однако, на практике стороны очень часто самостоятельно принимают решение об обращении к нотариусу, даже если в законе нет обязательно закрепленного положения о нотариальном удостоверении сделки. Необходимо отметить, что по соглашению сторон нотариально удостоверить можно совершенно любую сделку. Само по себе нотариальное удостоверение является квалифицированным действием, которое заключается в проверке нотариусом законности ее условий, а также полномочий субъектов, заключающих сделку.

Правовая природа нотариальной сделки является достаточно сложной. В повседневной жизни к нотариальному удостоверению чаще всего стороны прибегают при заключении сделок купли-продажи недвижимости. Сделка купли-продажи недвижимости всегда вызывает у сторон определенные сложности и страх из-за весьма существенных финансовых вложений, поэтому обращаясь к нотариусу субъекты пытаются лишний раз обезопасить себя от негативных правовых последствий. Кроме того, нотариально удостоверенная сделка купли-продажи недвижимости ускоряет и упрощает ее государственную регистрацию.

В связи с тем, что рисков в сделках с недвижимостью достаточно много и некоторые из них могут повлечь полную утрату права собственности, нужно применять меры должной осмотрительности, которые позволят нивелировать правовые риски [4, с. 49].

Особенности заключения нотариальных сделок регламентируются не только гражданским законодательством, но и законодательством о нотариате. Нельзя конечно, однозначно утверждать, что нотариальное удостоверение сделки дает стопроцентную гарантию ее законности, однако можно с уверенностью сказать, что часть споров по ее действительности она точно снимает. Нотариальная сделка совершается путем проставления нотариусом удостоверительной надписи на документе. Текст сделки в документе должен быть прописан понятно, мысли должны быть выражены четко и не допускать двоякого толкования. Стороны подписывают документы по сделке исключительно в присутствии нотариуса. Все положения такой сделки нотариус обязан разъяснить сторонам. Кроме того, содержание нотариально-удостоверяемой сделки зачитывается сторонам вслух и только после этого стороны подписывают документ. Однако, нужно помнить, что немаловажным является и повышенный уровень требований к нотариусу в аспекте обеспечения исследования подлинности предоставленных документов при сделке с недвижимым имуществом [5, с. 125].

Таким образом, анализ норм действующего законодательства показал, что форма сделки это весьма существенное условия ее легитимности. И если стороны игнорируют требования закона о форме сделки, то есть существенные основания полагать, что такая сделка будет признана судом недействительной и субъекты будут вынуждены применять последствия недействительной сделки, что может негативно сказаться на их имущественном положении. Поэтому при заключении любой сделки стороны должны руководствоваться нормами действующего законодательства, позволяющего точно определить форму заключаемого соглашения.

Список литературы:

1. Определение Верховного Суда РФ от 08.09.2009 N 5-В09-100, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.12.2014 N С01-1212/2014 по делу N А12-4262/2014, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2016 N 09АП-42756/2016 по делу N А40-31980/16 // СПС «КонсультантПлюс»
2. Бакаева И.В. Сделки как основная форма участия в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. –2019. – № 7. – С. 3 - 9.
3. Гевандова Я.С. Проблемные аспекты квалификации кабальных сделок / Я.С. Гевандова // Право молодых: Сборник трудов международного образовательного форума: в 2–х частях, Ставрополь, 12–13 мая 2018 года / Под редакцией М.С. Трофимова. – Ставрополь: Северо–Кавказский федеральный университет, 2018. – С. 133–135.
4. Зеленая У. Продавец – банкрот. Вашу квартиру могут отобрать через 3 года после покупки // Жилищное право. – 2024. - № 6. – С.41-57.
5. Кочунова А.П. Обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью как способ минимизации рисков мошенничества // Закон и право. – 2025.- №4. – С. 124-127.

References:

1. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/08/2009 N 5-B09-100, Resolution of the Court for Intellectual Property Rights dated 12/17/2014 N C01-1212/2014 in case N A12-4262/2014, Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 09/28/2016 N 09AP-42756/2016 in case N A40-31980/16 // SPS "ConsultantPlus"
2. Bakaeva I.V. Transactions as the main form of participation in civil circulation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. -2019. - No. 7. - P. 3 - 9.
3. Gevandova Ya.S. Problematic aspects of qualification of onerous transactions / Ya.S. Gevandova // Law of the Young: Collection of Works of the International Educational Forum: in 2 parts, Stavropol, May 12-13, 2018 / Edited by M.S. Trofimov. - Stavropol: North Caucasus Federal University, 2018. - P. 133-135.
4. Zelenaya U. The Seller is Bankrupt. Your Apartment Can Be Taken Away 3 Years After Purchase // Housing Law. - 2024. - No. 6. - P. 41-57.
5. Kochunova A.P. Mandatory Notarization of Real Estate Transactions as a Way to Minimize Fraud Risks // Law and Right. - 2025.- No. 4. - P. 124-127.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_622

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ПЕРЕВОЗКЕ ЛЕГКОВЫМ ТАКСИ
ON THE ISSUE OF CONSUMER PROTECTION DURING PASSENGER TAXI TRANSPORTATION

ПАНИНА Светлана Анатольевна,
Старший преподаватель кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта.
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: asemicheva@yandex.ru;

ХИМИЧ Татьяна Михайловна,
Кандидат исторических наук, Доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта.
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: asemicheva@yandex.ru;

PANINA Svetlana Anatolyevna,
Senior Lecturer of the Department "Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure" of the Law Institute Russian University of Transport.
Obraztsova str., 9, building 9, Moscow, 127994, Russia.
E-mail: asemicheva@yandex.ru;

KHIMICH Tatiana Mikhailovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of "Theory of Law" civil law and civil procedure" of the Law Institute Russian University of Transport.
Obraztsova str., 9, building 9, Moscow, 127994, Russia.
E-mail: asemicheva@yandex.ru

Краткая аннотация. *В современных условиях развития транспортной инфраструктуры и увеличения популярности услуг такси вопросы защиты прав потребителей становятся все более актуальными. Услуги такси являются неотъемлемой частью повседневной жизни многих граждан, обеспечивая удобство и мобильность. Нарушения прав пассажиров, такие как завышение тарифов, отказ в обслуживании или несоответствие заявленным условиям, требуют детального изучения и разработки эффективных механизмов защиты.*

Abstract: *In modern conditions of the development of transport infrastructure and the increasing popularity of taxi services, consumer protection issues are becoming increasingly relevant. Taxi services are an integral part of the daily lives of many citizens, providing convenience and mobility. Violations of passengers' rights, such as overcharging, denial of service, or non-compliance with stated conditions, require detailed study and the development of effective protection mechanisms.*

Ключевые слова. *Транспорт, защита прав потребителей, права пассажиров, нормативные правовые акты, услуги такси, правовое регулирование.*

Keywords. *Transport, consumer protection, passenger rights, regulatory legal acts, taxi services, legal regulation.*

Для цитирования: *Панина С.А., Химич Т.М. К вопросу о защите прав потребителей при перевозке легковым такси // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 622-624. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_622.*

For citation*: Panina S.A., Khimich T.M. On the issue of consumer protection during passenger taxi transportation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 622-624. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_622.*

Статья поступила в редакцию: 19.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Защита прав потребителей является важным направлением государственной политики, направленным на обеспечение справедливости, безопасности и прозрачности в отношениях между потребителями и поставщиками услуг. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [1] определяет основные принципы и цели данной защиты. Основной задачей закона является обеспечение прав граждан на получение безопасных и качественных услуг, предоставление полной и достоверной информации о них, а также компенсация причиненного ущерба в случае нарушения их прав. В контексте таксомоторных перевозок это означает, что пассажиры должны быть уверены в безопасности транспортных средств, честности водителей и доступности необходимой информации о предоставляемой услуге. Таким образом, нормативная база формирует основу для защиты интересов потребителей, создавая условия для их уверенности в правомерности и надежности предоставляемых услуг.

В Российской Федерации таксомоторные перевозки регулируются совокупностью нормативно-правовых актов.

Особое внимание уделяется регулированию деятельности «интернет-агрегаторов» - организаций, которые предоставляют информацию о перевозчиках и возможность оформления договоров через свои платформы. Их работа регулируется, помимо основного закона о защите прав потребителей, Федеральным законом «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ и специальными положениями о владельцах агрегаторов.

Необходимо отметить, что, согласно определению Верховного Суда Российской Федерации, пострадавшие в результате ДТП пассажиры такси имеют право требовать возмещение вреда здоровью не только с виновника ДТП, но и с информационного агрегатора. [2] Учитывая, что в 2024 году в России было зарегистрировано более 393 тысяч автомобилей такси, можно утверждать, что эффективность этих нормативных актов существенно влияет на уровень комфорта и безопасности пассажиров, а также на доверие к таксомоторным услугам в целом.

В рамках данной работы отдельно стоит выделить тематику прав потребителей при перевозке такси. Права потребителей при перевозке такси представляют собой набор правовых возможностей, предоставляемых законодательством для обеспечения качественного и безопасного обслуживания. Включают в себя информационные права, такие как право на получение полной и достоверной информации об услуге, ознакомление с пра-

вилами пользования такси, а также информацию о стоимости проезда и дополнительных услугах. Кроме того, потребители имеют право заключать договор фрахтования, выбирать перевозчика и отказываться от поездки без объяснения причин.

В случае нарушения условий перевозки потребители имеют право на устранение недостатков услуги, уменьшение цены за некачественную услугу и возмещение расходов по устранению этих недостатков. Также они могут требовать возмещения материального ущерба, компенсации морального вреда и возмещения вреда здоровью. Права потребителей предусматривают возможность подачи претензий к перевозчику и обращения в суд, а также получения мотивированного ответа на свои требования.

Реализация этих прав имеет свои особенности, такие как обязательный претензионный порядок урегулирования споров, право на расторжение договора с оплатой фактически понесенных расходов и на получение документального подтверждения оплаты. Механизм защиты прав включает административную ответственность за нарушение прав потребителей, судебную защиту и возможность привлечения к ответственности за некачественное оказание услуг. Перевозчик может быть освобожден от ответственности, если докажет наличие обстоятельств непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил.

В случае споров, связанных с перевозкой, потребители могут требовать составления коммерческого акта при повреждении багажа, оформления акта общей формы при иных нарушениях и документального подтверждения всех своих претензий. В целом, права потребителей при перевозке такси представляют собой комплексную систему правовых возможностей, направленных на обеспечение качественного обслуживания и защиту интересов пассажиров.

Государственные органы играют ключевую роль в обеспечении соблюдения законодательства в сфере таксомоторных перевозок, устанавливая нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность такси, и следя за их соблюдением. Например, Федеральный закон «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29.12.2022 № 580-ФЗ, усилил требования к лицензированию таксомоторных перевозок и ввел строгие санкции за нарушения.[3] Это повышает уровень ответственности перевозчиков перед потребителями и улучшает качество предоставляемых услуг. По данным Росстата, в 2022 году на 1000 зарегистрированных такси было зафиксировано около 120 жалоб потребителей, что подчеркивает необходимость эффективного контроля со стороны государственных органов. Схожую статистику приводит и пресс служба Роспотребнадзора. Так, в 2023 году Роспотребнадзор подытожил результаты всероссийской «горячей линии» по вопросам такси и каршеринга, которая проводилась с 13 по 24 ноября. На консультации обратились почти 3 тысячи россиян. Специалисты Роспотребнадзора провели 1206 консультаций по защите прав потребителей в такси, 936 – по соблюдению правил транспортных услуг, 457 – по работе агрегаторов такси и 297 – по каршерингу. Основные вопросы граждан касались платы за бесплатное ожидание, отказа в услуге, дополнительных сборов, отсутствия терминалов для оплаты и качества предоставляемых услуг. Таким образом, надлежащий контроль со стороны государственных структур не только способствует соблюдению законодательства, но и защищает интересы граждан.

Взаимодействие органов надзора с потребителями играет ключевую роль в защите их прав. Эти органы предоставляют гражданам возможность обращаться с жалобами на некачественное оказание услуг такси, что способствует оперативному выявлению и устранению нарушений. При этом они проводят информационные кампании, разъясняющие права пассажиров и порядок их защиты. Важным аспектом является создание доступных и удобных для граждан каналов взаимодействия, таких как горячие линии и онлайн-платформы для подачи жалоб. Гуляев отмечает, что «договор райдшеринга является некоммерческим договором. Поиск попутчиков водителем осуществляется с помощью информационной онлайн-платформы. Это подчеркивает значимость современных технологий в обеспечении прав пассажиров и улучшении качества услуг, что, в свою очередь, способствует более эффективному контролю со стороны органов надзора.

Процедура подачи жалоб на качество услуг такси в России является важным инструментом защиты прав потребителей. Жалобы могут быть поданы в различные инстанции, включая службы поддержки таксомоторных компаний, Роспотребнадзор и другие государственные органы. Эффективность рассмотрения жалоб зависит от полноты предоставленных данных и оперативности действий органов, ответственных за их обработку.

Подача исков в суд в случае нарушения прав потребителей при оказании услуг такси представляет собой более сложный процесс, чем подача жалоб. Согласно статье 29 Закона РФ «О защите прав потребителей», потребители имеют право на возмещение убытков, причиненных некачественным оказанием услуг. Для подачи иска необходимо подготовить исковое заявление, в котором указываются обстоятельства дела, требования истца и доказательства, подтверждающие нарушение прав. Судебное разбирательство требует времени и ресурсов, однако оно позволяет добиться справедливости и компенсации за причиненный ущерб. Важно отметить, что судебная практика в данной сфере способствует формированию прецедентов, которые впоследствии могут быть использованы для защиты прав других потребителей.

Рассмотрение судебных дел, связанных с нарушениями прав пассажиров в сфере таксомоторных перевозок, позволяет выделить наиболее значимые случаи, оказавшие влияние на правоприменительную практику. Один из таких инцидентов произошёл в Москве в 2020 году, когда пассажир получил травму в результате дорожно-транспортного происшествия, вызванного действиями водителя такси. Суд обязал таксомоторную компанию компенсировать ущерб пассажиру в размере 50 000 рублей. Этот случай подчеркнул важность обеспечения надлежащего уровня безопасности пассажиров и ответственности перевозчиков за действия своих сотрудников. Вместе с тем, «особую озабоченность вызывают нелегальные перевозки пассажиров, которые часто приводят к авариям. Ради наживы такие перевозчики игнорируют закон, подвергая риску жизнь граждан». [4]

Анализ статистических данных показывает увеличение числа жалоб на услуги такси. Согласно данным Роспотребнадзора, в 2024 году поступило и было зарегистрировано 95 818 обращений (жалоб) от граждан и юридических лиц. По сравнению с 2023 годом общее количество жалоб возросло на 8% по сравнению с предыдущим годом, что указывает на растущее недовольство пассажиров качеством предоставляемых услуг. Основными причинами

жалоб являются нарушения условий договора перевозки и несоблюдение стандартов безопасности. Эти тенденции подчеркивают необходимость совершенствования правового регулирования и усиления контроля за деятельностью таксомоторных компаний. В этом контексте исследование отмечает, что «рынок легкового такси в России требует значительных доработок, так как находится на довольно низком уровне развития».[5]

Основные типы нарушений прав пассажиров в сфере таксомоторных перевозок включают завышение тарифов, отказ в предоставлении услуг и несоблюдение условий перевозки. Согласно данным Роспотребнадзора, в 2022 году было зарегистрировано более 1500 жалоб на услуги такси, из которых около 60% касались завышенных тарифов и отказа в предоставлении услуг. Эти нарушения создают значительные неудобства для пассажиров и подрывают их доверие к сервису. Завышение тарифов часто связано с непрозрачностью ценообразования и отсутствием четкой регуляции в этой области. Вместе с тем, «большая часть потребителей, в условиях современного общества, не обладает полноценным знанием об услуге, в частности, электронных такси-сервисов, что также рождает потребительскую неопределенность».[6] Отказ в предоставлении услуг может быть обусловлен различными обстоятельствами, включая дискриминационные мотивы. Проблемы, связанные с несоблюдением условий перевозки, охватывают несоответствие транспортного средства заявленным стандартам, нарушение графика поездки и отсутствие должного уровня безопасности. Эти аспекты требуют особого внимания со стороны регулирующих органов и компаний, предоставляющих услуги такси, для защиты прав пассажиров и повышения качества обслуживания.

Внедрение автоматизированных систем оценки качества обслуживания позволяет собирать и анализировать данные о работе водителей и перевозчиков. Создание единой базы жалоб и обращений потребителей способствует более эффективному реагированию на нарушения и контролю качества услуг. Развитие системы электронных доказательств, включая фото- и видеофиксацию, обеспечивает объективную оценку ситуации при возникновении споров.

В сфере законодательства необходимо установить четкие критерии оценки качества услуг и расширить перечень оснований для компенсации морального вреда. Упрощение процедуры досудебного урегулирования споров позволит быстрее разрешать конфликты и защищать права потребителей.

Образовательные инициативы включают разработку программ повышения квалификации водителей, внедрение обучающих модулей по правам потребителей и создание системы тестирования знаний. Регулярные семинары для сотрудников служб такси помогут повысить уровень профессиональной подготовки и качество обслуживания.

Технологические инновации открывают новые возможности для развития отрасли. Внедрение биометрической идентификации пассажиров повысит безопасность перевозок, а развитие систем автоматической фиксации нарушений поможет контролировать качество услуг. Создание умных алгоритмов маршрутизации и интеграция с системами умного города улучшат эффективность перевозок.

Практические меры по улучшению системы защиты прав предполагают расширение возможностей досудебной защиты, упрощение процедуры подачи жалоб через мобильные приложения и введение обязательных компенсационных фондов. Создание системы быстрого реагирования на жалобы позволит оперативно решать проблемы пассажиров.

Перспективные направления развития включают внедрение искусственного интеллекта для анализа качества услуг, развитие систем предиктивной аналитики рисков и создание единой информационной системы контроля. Интеграция с системами электронного правительства повысит эффективность взаимодействия между участниками рынка и контролирующими органами.

Таким образом, совершенствование системы защиты прав потребителей в сфере перевозки такси требует комплексного подхода, включающего развитие информационных технологий, совершенствование законодательной базы и внедрение инновационных механизмов контроля качества услуг. Особое внимание следует уделить развитию цифровых инструментов защиты прав и созданию эффективных механизмов досудебного урегулирования споров.

Список литературы:

[1] Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) "О защите прав потребителей".
[2] Гуляев Г. Ю. Юридические науки: Актуальные вопросы теории и практики: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. — 136 с.
[3] Федеральный закон "Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" от 29.12.2022 N 580-ФЗ (последняя редакция).
[4] Коммерсант; 2019.11.25; Автобусы поедут под контролем; Как новая система контроля за пассажирскими перевозками улучшит безопасность. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4169522.
[5] Карбышев А.В. старший преподаватель высшей школы транспортных систем и технологий ФГБОУ «Тихоокеанский государственный университет». Государственное регулирование рынка легкового такси: проблемы и перспективы.
[6] Трохова, Я. И. Потребительское поведение на рынке электронных такси-сервисов / Я. И. Трохова // Российское общество: история и современность : сборник научных работ студентов и аспирантов. Вып. 12 / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. - Екатеринбург : РГППУ, 2018. - С. 52-55.

References:

[1] The Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 N 2300-1 (as amended on 08.08.2024) "On Consumer Rights Protection".
[2] Gulyaev G. Y. Legal sciences: Actual issues of theory and practice: collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference. — Pen-za: ICNS "Science and Education", 2024. — 136 p.
[3] Federal Law "On the Organization of Passenger and Baggage Transportation by Passenger Taxi in the Russian Federation, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation" dated December 29, 2022 No. 580-FZ (latest edition).
[4] Kommersant; 2019.11.25; Buses will travel under control; How the new passenger transportation control system will improve safety. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4169522.
[5] Karbyshev A.V. Senior lecturer at the Higher School of Transport Systems and Technologies, Pacific State University. State regulation of the passenger taxi market: problems and prospects.
[6] Trokhova, Ya. I. Consumer behavior in the market of electronic taxi services / Ya. I. Trokhova // Russian Society: History and Modernity : a collection of scientific papers by students and postgraduates. Issue 12 / Russian State Prof.-ped. un-T. Yekaterinburg : RGPPU, 2018. pp. 52-55.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_625

УДК 343.3

МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ И ЦИФРОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ MECHANISMS FOR REGULATING TRADITIONAL AND DIGITAL LEGAL RELATIONS

ДЁМИНА Ирина Александровна,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: iri9321@yandex.ru;

ПЛАХОВА Екатерина Сергеевна,
Старший преподаватель кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: kate.yakush@mail.ru;

DEMINA Irina Alexandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of «Private and Public Law», Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: iri9321@yandex.ru;

PLAKHOVA Ekaterina Sergeevna,
Senior Lecturer of the Department of «Private and Public Law», Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: kate.yakush@mail.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена анализу эволюции и взаимодействия механизмов регулирования традиционных и цифровых правоотношений. Рассматриваются устоявшиеся инструменты регулирования оффлайн-отношений (нормативно-правовые акты, судебная система, договор, обычаи, принуждение) и их сильные стороны. Автор подробно исследует новые и адаптированные механизмы регулирования цифровых отношений, включая специализированное законодательство, саморегулирование, технологии, международную гармонизацию и онлайн-разрешение споров. Основной вывод статьи заключается в необходимости и неизбежности синтеза традиционных и инновационных подходов.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the evolution and interaction of regulatory mechanisms of traditional and digital legal relations. The well-established tools for regulating offline relations (regulatory legal acts, judicial system, contract, customs, coercion) and their strengths are considered. The author explores in detail new and adapted mechanisms for regulating digital relations, including specialized legislation, self-regulation, technology, international harmonization, and online dispute resolution. The main conclusion of the article is the necessity and inevitability of a synthesis of traditional and innovative approaches.*

Ключевые слова: *цифровые правоотношения, традиционные правоотношения, механизм, цифровые технологии, саморегулирование, синтез, защита данных.*

Keywords: *digital legal relations, traditional legal relations, mechanism, digital technologies, self-regulation, synthesis, data protection.*

Для цитирования: *Демина И.А., Плахова Е.С. Механизмы регулирования традиционных и цифровых правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 625-627. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_625.*

For citation*: Demina I.A., Plakhova E.S. Mechanisms for regulating traditional and digital legal relations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 625-627. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_625.*

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Право, как социальный регулятор, постоянно адаптируется к изменениям в обществе. Одним из самых значительных вызовов современности стало стремительное развитие цифровых технологий, породивших принципиально новые формы взаимодействия – цифровые правоотношения. Они существуют параллельно с традиционными правоотношениями и зачастую тесно с ними связаны. Это ставит перед правовой системой задачу эффективного регулирования разных типов отношений, используя существующие механизмы и создавая новые.

Регулирование традиционных и цифровых правоотношений осуществляется через различные механизмы, которые учитывают особенности каждой из этих сфер.

Основной механизм регулирования традиционных правоотношений заключается в существующих законах и нормативных актах, которые регулируют различные сферы, такие как гражданское, уголовное, трудовое право и т.д. Судебные органы обеспечивают защиту прав и законных интересов граждан и организаций путем разрешения споров и применения норм права. Государственные органы, такие как налоговые службы, регулирующие агентства и другие, осуществляют контроль и надзор за соблюдением законодательства.

Традиционные правоотношения часто основываются на договорах, которые устанавливают права и обязанности сторон и могут быть исполнены через судебные разбирательства. Процессы медиации и арбитража позволяют сторонам решать споры вне судебной системы, что может быть более быстрым и менее затратным.

В качестве механизмов регулирования цифровых правоотношений применяются специальные нормы законодательства: разработка и внедрение специализированных законов, таких как Закон о защите персональных данных[1], Закон о цифровых активах[2] и другие, которые учитывают особенности цифровой среды. Участие в международных соглашениях и конвенциях, таких как Бернская конвенция и соглашения ВТО, для обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности на глобальном уровне.

Механизмами могут являться обычаи делового оборота, сложившиеся и широко применяемые в предпринимательской деятельности, не закрепленные законодательно, но признаваемые судами.

Также к механизмам регулирования цифровых правоотношений можно отнести технологические решения, а именно использование технологий, таких как блокчейн, для обеспечения прозрачности и безопасности транзакций, а также для защиты прав собственности на цифровые активы. В качестве кибербезопасности проводятся меры по разработке и внедрению стандартов и практик кибербезопасности для защиты данных и предотвращения киберпреступлений.

К механизмам можно отнести создание специализированных судов или коллегий по цифровым спорам, развитие онлайн-арбитража и медиации, усиление роли регуляторов в цифровой среде в виде антимонопольного контроля за платформами, надзора за обработкой данных.

Государственное принуждение, как механизм регулирования цифровых правоотношений, обеспечивает соблюдением норм через систему санкций (штрафы, взыскание убытков, лишение свободы и т.д.). А административное регулирование цифровых правоотношений позволяет государственным органам осуществлять контроль, надзор, лицензирование, регистрацию в различных сферах (регистрация прав на недвижимость, лицензирование деятельности).

Следующим механизмом является договор, как основной регулятор в частноправовой сфере. Стороны соглашения автономно определяют своим права и обязанности в рамках, установленных законом.

Регулирование традиционных и цифровых правоотношений требует различных подходов и механизмов, учитывающих уникальные особенности каждой сферы. Эффективное регулирование в цифровой среде становится все более важным с учетом быстрого развития технологий и изменения способов взаимодействия между участниками правоотношений.

Панкратова М. Е. указывает на то, что «ограничение права на виртуальную собственность связано напрямую с уровнем развития цифровых технологий и киберпространства, а также уровнем киберпреступлений, складывающейся в информационно-цифровом пространстве» [3, с. 23].

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права человека и гражданина могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в которой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [4].

Исходя из сказанного, «право виртуальной собственности является абсолютным только в случае, если не нарушает законные ограничения, установленные с целью достижения вышеуказанных целей. Ограничения на право виртуальной собственности не включают в себя ограничение прав третьих лиц (криптобиржы, владельцы информационных систем или цифровых платформ и т.п.). По сути, введённое ограничение не распространяется на само право виртуальной собственности, однако является фактором, которое обременяет всё имущество, которое находится в такой форме собственности» [3, с.23].

Ограничение права виртуальной собственности (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ), способно выступать как некий верхний предел этого права [5]. Нижний предел права виртуальной собственности составляет «бремя содержания» самой собственности, которое заключается в обязанности собственника обеспечивать содержание своего имущества и нести риск случайной цифровой утери, повреждения, расходы на содержания, регистрацию, страхования имущества и т.д., если иное не предусмотрено законом или договором. Важно отметить, что в обычной жизни как правило не ассоциируем нематериальные объекты с понятием бремя содержания, однако в случае права виртуальной собственности оно так же применимо. Панкратова М. Е. в качестве примера приводит, что «можно установить срок использования виртуального имущества или условия его технической поддержки (расширение высокоскоростной передачи цифровых данных, обновление паролей в целях построения защиты идентификации и аутентификации и т.п.). Таким образом, механизм содержания виртуальных предметов может быть реализован через определённые правила и указания для их владения, использования и распоряжения» [3, с. 23].

Собственник виртуального имущества может переложить это бремя и риски на другое лицо по соглашению сторон, например, заключив договор «киберстрахования» от «киберрисков» или договор «облачного хранения цифровых данных». Несоблюдение данного требования может привести к юридическим последствиям для собственника, которые могут быть переложены на третьих лиц.

Исходя из вышесказанного Афанасьев Е.С. делает вывод о том, что «правовые механизмы защиты любой из форм собственности предоставляют собственнику более четкие инструменты и механизмы для решения споров и конфликтов, в том числе в отношении виртуальной собственности» [6, с. 149].

Стоит обратить внимание на ограничения, с которыми сталкиваются традиционные механизмы. Во-первых, это территориальный характер законодательства, например, надо определять чей закон будет применяться к сделке между резидентами разных стран, заключенной на сервере третье страны. Во-вторых, проблема идентификации и установления вины за контент, сгенерированный искусственным интеллектом или размещенный анонимно, а также в целом правомочность искусственного интеллекта выступать субъектом права. В-третьих, традиционные механизмы сталкиваются с ограничениями в исполнении решений, то есть невозможностью принудительного исполнения судебных решений в отношении иностранных платформ или анонимных владельцев.

Регулирование цифровой среды требует адаптации старых и создания новых инструментов. Необходимо адаптировать существующее законодательство, разрабатывать платформами собственные правила и соблюдать их, создавать отраслевые ассоциации и стандарты, неумолима роль смарт-контрактов, технологических средств защиты прав (DRM), блокчейна, алгоритмов прозрачности и объяснимости (XAI). А также положительно повлияет на всю систему цифровых правоотношений разработка международных конвенций и модельных законов, создание трансграничных механизмов сотрудничества, обмена информацией, взаимного признания решений.

Будущее регулирование цифровых правоотношений лежит не в замене традиционных механизмов, а в их синтезе с новыми цифровыми инструментами и походами. Закон должен регулировать отношения и функции, а не конкретные технологии, которые быстро устаревают. Регулирование должно быть модульным и способным быстро реагировать на изменения. Государство устанавливает базовые гарантии, такие как национальная безопасность, защита данных, права потребителей, оставляя пространство для договоренностей и саморегулирования. Использование искусственного интеллекта для анализа правоприменительной деятельности и предсказания рисков, онлайн-платформ для разрешения споров, блокчейна для ведения реестров. И регулирование должно задавать желаемые результаты, а не предписывать конкретные способы их достижения, стимулируя инновации.

Механизмы регулирования традиционных и цифровых правоотношений находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Традиционные институты остаются фундаментальной основой, обеспечивающей стабильность и защиту базовых прав. Однако стремительная цифровизация требует их серьезной адаптации и дополнения инновационными инструментами: от технологий (смарт-контракты, блокчейны) до новых форм сотрудничества (международные стандарты, регуляторные песочницы) и походов к правоприменению (онлайн-разрешение споров). Именно гибридность, как умение сочетать проверенные временем принципы традиционного права с гибкостью, технологичностью и трансграничностью, необходима для цифровой эпохи. Только такой синтез позволит создать правовую среду, которая одновременно обеспечивает защиту прав субъектов, стимулирует инновации и поддерживает доверие в цифровом пространстве.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5018.
3. Панкратова М. Е., Васильева А. А. Ограничения прав человека в киберпространстве: конституционно-правовые аспекты // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2021. – Т. 1. – № 2. – С. 20 – 29.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ. от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ). // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – 06.10.2022.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от .08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. - № 32. – Ст. 3301.
6. Афанасьев Е. С. Эволюция права собственности в цифровую эпоху: вопросы о признаках виртуальной собственности // Образование и право. – 2024. – № 7. – С. 147 – 151.

References:

1. Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 08.08.2024) «O personal'nykh dannykh» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 31 (1 ch.). – St. 3451.
2. Federal'nyi zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ (red. ot 25.10.2024) «O tsifrovykh finansovykh aktivakh, tsifrovoi valyute i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2020. – № 31 (ch. 1). – St. 5018.
3. Pankratova M. E., Vasil'eva A. A. Ogranicheniya prav cheloveka v kiberprostranstve: konstitutsionno-pravovye aspekty // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2021. – T. 1. – № 2. – P. 20 – 29.
4. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ. ot 14.03.2020 № 1-FKZ, ot 04.10.2022 № 5-FKZ, ot 04.10.2022 № 6-FKZ, ot 04.10.2022 № 7-FKZ, ot 04.10.2022 № 8-FKZ). // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii (www.pravo.gov.ru). – 06.10.2022.
5. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (Chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot .08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1994. - № 32. – St. 3301.
6. Afanas'ev E. S. Evolyutsiya prava sobstvennosti v tsifrovuyu epokhu: voprosy o priznakakh virtual'noi sobstvennosti // Obrazovanie i pravo. – 2024. – № 7. – P. 147 – 151.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_628

УДК 347.77 / 340.13

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ[1]

COMPULSORY LICENSING AS A TOOL FOR ENSURING RUSSIA'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY UNDER CONDITIONS OF SANCTIONS RESTRICTIONS

АЛЬБОВ Алексей Павлович,
доктор юридических наук, профессор, Российской государственной академии интеллектуальной собственности.
117279, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а. П
рофессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
117638, Россия, Москва, Азовская улица, д. 2, корп. 1.
Профессор Российской таможенной академии.
140015, Россия. Московская область, Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4.
E-mail: aap62@yandex.ru;

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности.
117279, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а.
Профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
117638, Россия, Москва, Азовская улица, д. 2, корп. 1.
Главный научный сотрудник Сибирского федерального университета.
660041, Россия, Красноярск, Свободный проспект, д. 79.
Главный научный сотрудник НИИ ФСИН России.
125130, г. Москва ул. Нарвская д. 15а стр. 1.
Главный научный сотрудник Московского университета имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ имени А.С. Грибоедова).
115035, г. Москва, Космодамианская наб., 26/55с7.
E-mail: panchenkovlad@mail.ru;

ALBOV Alexey Pavlovich,
Doctor of Law, Professor, Russian State Academy of Intellectual Property.
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 55a.
Professor, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).
117638, Russia, Moscow, Azovskaya St., 2, Bldg. 1.
Professor, Russian Customs Academy.
140015, Russia. Moscow Region, Lyubertsy, Komsomolsky Prospekt, 4.
E-mail: aap62@yandex.ru;

PANCHENKO Vladislav Yu.,
Doctor of Law, Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property.
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya st., 55a.
Professor of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).
117638, Russia, Moscow, Azovskaya Street, 2, Bldg. 1. Chief Researcher of the Siberian Federal University.
660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny Avenue, 79.
Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
125130, Moscow, Narvskaya Street, 15a, Bldg. 1.
Chief Researcher of the A.S. Griboyedov Moscow University (A.S. Griboyedov IMPE).
115035, Moscow, Kosmodamianskaya Nab., 26/55 c7.
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Краткая аннотация*: Статья посвящена проблемам совершенствования механизма принудительного лицензирования в России как стратегического инструмента преодоления технологической блокады и обеспечения технологического суверенитета в условиях беспрецедентного санкционного давления. Обоснована необходимость: закрепления трех категорий для принудительного лицензирования с разными режимами (чрезвычайные ситуации (включая санкции на критические технологии), национальная безопасность, стратегическое технологическое развитие; процедурных механизмов (создание межведомственной комиссии, введение презумпции невозможности добровольной лицензии при санкциях, четкие критерии невозможности добровольного соглашения), предложена система критериев отбора (на основе матричный подход), которые будут способствовать оперативному преодолению технологических ограничений, стимулировать импортозамещение и долгосрочный технологический суверенитет, соблюдая баланс публичных интересов и прав правообладателей через прозрачные процедуры и справедливую компенсацию, минимизируя международно-правовые риски.*

Abstract: *The article is devoted to the problems of improving the mechanism of compulsory licensing in Russia as a strategic instrument for overcoming the technological blockade and ensuring technological sovereignty in the context of unprecedented sanctions pressure. The necessity is substantiated: securing three categories for compulsory licensing with different regimes (emergency situations (including sanctions on critical technologies), national security, strategic technological development); procedural mechanisms (creation of an interdepartmental commission, introduction of a presumption of impossibility of a voluntary license under sanctions, clear criteria for the impossibility of a voluntary agreement), a system of selection criteria is proposed (based on a matrix approach), which will contribute to the prompt overcoming of technological limitations, stimulate import substitution and long-term technological sovereignty, observing the balance of public interests and the rights of copyright holders through transparent procedures and fair compensation, minimizing international legal risks.*

Ключевые слова: *принудительное лицензирование, интеллектуальная собственность, технологический суверенитет, санкционные ограничения, патентное право, импортозамещение, экономическая безопасность, инновационное развитие, национальные интересы, правовая защита.*

Keywords: *compulsory licensing, intellectual property, technological sovereignty, sanctions restrictions, patent law, import substitution, economic security, innovative development, national interests, legal protection.*

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания 5-ГЗ 2023 Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Для цитирования: *Альбов А.П., Панченко В.Ю. Принудительное лицензирование как инструмент обеспечения технологического суверенитета России в условиях санкционных ограничений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 628-633. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_628.*

For citation*: Albov A.P., Panchenko V.Yu. Compulsory licensing as a tool for ensuring Russia's technological sovereignty in the context of sanctions restrictions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 628-633. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_628.*

Статья поступила в редакцию: 23.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Российская Федерация сталкивается с беспрецедентным санкционным давлением, «санкционной агрессией»[1], существенно ограничивающими доступ к зарубежным технологиям, объектам интеллектуальной собственности и инновационным решениям. Такая ситуация создаёт серьезные угрозы для технологического суверенитета страны, процессов импортозамещения и обеспечения национальной безопасности в ключевых отраслях экономики.

Значимость разработки эффективной модели принудительного лицензирования обусловлена не в последнюю очередь зависимостью нашей экономики от технологий в важных стратегических секторах, а политика санкционного давления привела к частичному нарушению рыночных механизмов трансфера технологий, что неизбежно требует формирования адекватного ответа.

Существующие механизмы принудительного лицензирования в российском законодательстве демонстрируют недостаточную эффективность и гибкость в условиях масштабных внешних ограничений, что актуализирует необходимость их совершенствования с учетом новых реалий [2].

Важно отметить, что применение принудительного лицензирования имеет прочную правовую основу в рамках международных соглашений, в частности, ст. 31 Соглашения ТРИПС и ст. 5 Парижской конвенции. Статья 5А Парижской конвенции устанавливает правовые основания для института принудительного лицензирования, охватывая не только случаи пресечения злоупотреблений патентными правами со стороны владельцев интеллектуальной собственности, но и ситуации, требующие обеспечения национальной безопасности или охраны общественного здоровья. Комментируя данное положение, известный специалист в области международного права интеллектуальной собственности Г. Боденхаузен в фундаментальном труде «Комментарий к Парижской конвенции по охране промышленной собственности» подчеркивает, что государства-участники Конвенции обладают правом законодательного закрепления как указанных, так и дополнительных мер, когда это обусловлено необходимостью защиты публичных интересов общества [3]. Это позволяет России легитимно использовать данный инструмент для преодоления технологической блокады при сохранении приверженности принципам защиты интеллектуальной собственности через механизмы справедливой компенсации правообладателям.

Анализ международной практики свидетельствует о наличии успешного опыта применения принудительного лицензирования в странах, сталкивавшихся с аналогичными вызовами. Адаптация этого опыта к российским условиям с учетом национальной специфики представляется перспективным направлением совершенствования механизмов управления интеллектуальной собственностью в условиях внешнего давления [4].

Поэтому разработка сбалансированной модели принудительного лицензирования приобретает статус стратегической задачи государственной политики, решение которой способно существенно повысить устойчивость российской экономики и обеспечить технологический суверенитет страны при соблюдении норм международного права в области интеллектуальной собственности.

Анализ действующего законодательства Российской Федерации в области принудительного лицензирования (ст. 1360, 1362 ГК РФ) позволяет выявить ряд существенных правовых пробелов, препятствующих эффективному применению данного института в условиях санкционного давления. Прежде всего, следует отметить недостаточную детализацию оснований для выдачи принудительной лицензии в интересах национальной безопасности и технологического развития [5; 6]. Действующие правовые нормы не содержат четких критериев определения случаев, когда неиспользование запатентованного решения может рассматриваться как угроза национальной безопасности или экономическому развитию, что создает высокую степень правовой неопределенности и затрудняет практическое применение данного механизма [7].

Существенным ограничением выступает и отсутствие специальных процедурных механизмов реализации принудительного лицензирования применительно к технологиям, необходимым для импортозамещения в условиях санкций [8]. Несмотря на недавние законодательные изменения, направленные на упрощение процедуры выдачи принудительных лицензий в условиях санкционных ограничений, правовое регулирование данного института сохраняет определенные пробелы [9]. В частности, требует дальнейшей детализации механизм оперативного реагирования на экстренные ситуации, связанные с блокированием доступа к критически важным технологиям. Также недостаточно проработаны критерии отбора потенциальных лицензиатов, обладающих необходимыми компетенциями для эффективного освоения принудительно лицензируемых технологий, и система мониторинга результативности их использования. Очевидно, что обновленная нормативная база создаст основу для более гибкого применения механизма принудительного лицензирования, однако требует дальнейшего совершенствования процедурных аспектов для минимизации рисков избирательного правоприменения и максимизации положительных экономических эффектов.

Особую проблему представляет отсутствие в российском законодательстве системного подхода к определению размера компенсации правообладателям при принудительном лицензировании. Формулировка о «соразмерной компенсации», содержащаяся в ст. 1360 ГК РФ, не раскрывает методики расчета такой компенсации, особенно в условиях, когда правообладатель находится в юрисдикции недружественного государства и отказывается от сотрудничества в определении справедливой стоимости лицензии [10]. Неурегулированность этого вопроса создает риски как для государственного бюджета (при завышении компенсаций), так и для международной репутации России как участника глобальной системы защиты интеллектуальной собственности (при занижении компенсаций или отказе от их выплаты).

Наконец, российская модель принудительного лицензирования демонстрирует недостаточную согласованность с нормами международного права в части обеспечения баланса интересов при ограничении исключительных прав. В частности, существующая правовая конструкция не содержит достаточных гарантий соблюдения принципа исчерпания средств правовой защиты, предусмотренного ст. 31 Соглашения ТРИПС, что в условиях

санкционного противостояния может привести к эскалации международно-правовых споров и дополнительным ограничениям доступа России к глобальным технологиям и рынкам интеллектуальной собственности [11].

Определение оптимальных параметров модели принудительного лицензирования требует системного подхода, учитывающего как национальные интересы России, так и сохранение баланса в международно-правовом поле интеллектуальной собственности. В правовом аспекте ключевым параметром должна стать дифференцированная система оснований для выдачи принудительных лицензий с установлением трех категорий: чрезвычайные ситуации (включая санкционные ограничения в критически важных отраслях), обеспечение национальной безопасности и стратегические направления технологического развития.

Каждая категория должна иметь собственный правовой режим с различными требованиями к обоснованию необходимости лицензирования, срокам действия лицензии и объему передаваемых прав, что позволит гибко реагировать на различные сценарии технологической блокады без избыточного вмешательства в систему защиты интеллектуальной собственности.

Процедурный механизм принудительного лицензирования должен предусматривать многоуровневую систему принятия решений с участием межведомственной комиссии, включающей представителей экономического блока Правительства, профильных министерств, Роспатента и экспертного сообщества. Отсюда ясно, что для обеспечения правовой определенности необходимо законодательное закрепление исчерпывающего перечня критериев, подтверждающих невозможность получения лицензии на добровольной основе в разумный срок и на коммерчески обоснованных условиях. Особое значение имеет установление презумпции наличия таких условий при введении санкционных ограничений со стороны государства регистрации правообладателя, что существенно упростит применение механизма в текущих геополитических условиях [12].

Экономические параметры модели должны базироваться на сбалансированном подходе к определению компенсации правообладателям, учитывающем как мировую практику (опыт Индии, Бразилии, Канады), так и специфику санкционных ограничений. Целесообразно законодательно установить дифференцированную шкалу роялти в диапазоне от 0,5% до 7% от выручки лицензиата в зависимости от отрасли применения технологии, степени ее инновационности и стратегической значимости для российской экономики. При этом модель должна предусматривать механизм депонирования средств на специальных счетах в случаях, когда прямая выплата вознаграждения невозможна из-за санкционных ограничений, что обеспечит добросовестное выполнение Россией своих обязательств в сфере защиты интеллектуальной собственности даже в условиях геополитического противостояния[13].

Важным экономическим параметром модели должно стать установление требований к потенциальным лицензиатам, включая наличие необходимых производственных мощностей, технологических компетенций и финансовых ресурсов для эффективного внедрения лицензируемых технологий. Для стимулирования технологического развития целесообразно предусмотреть обязательное условие о локализации производства и поэтапной передаче технологий российским предприятиям, а также установить льготные условия налогообложения для компаний, использующих принудительные лицензии для импортозамещения в приоритетных отраслях.

Исходя из выше сказанного, полагаем, что такой подход обеспечит не только преодоление текущих санкционных ограничений, но и долгосрочное развитие технологического потенциала страны в соответствии с задачами обеспечения технологического суверенитета.

Формирование научно обоснованной системы критериев отбора объектов интеллектуальной собственности для принудительного лицензирования предполагает создание многоуровневой иерархической структуры, базирующейся на принципах системного анализа и отвечающей стратегическим целям технологического развития государства. В основу данной системы целесообразно положить матричный подход, сочетающий отраслевые и технологические параметры с оценкой потенциальных социально-экономических эффектов от внедрения лицензируемых технологий [1; 14].

На первом уровне системы критериев должен быть реализован принцип отраслевого приоритета, в соответствии с которым все объекты интеллектуальной собственности дифференцируются по степени их критичности для обеспечения технологического суверенитета страны, для этого предлагается введение четырехуровневой классификации;

(1) критически значимые технологии, обеспечивающие национальную безопасность и суверенитет (оборонная промышленность, энергетика, информационные технологии, фармацевтика);

(2) стратегически важные технологии, влияющие на международную конкурентоспособность страны (микроэлектроника, биотехнологии, новые материалы);

(3) технологии, обеспечивающие функционирование ключевых отраслей экономики (машиностроение, химическая промышленность, агропромышленный комплекс);

(4) технологии в иных отраслях.

Данная классификация позволяет установить дифференцированный порог для инициирования процедуры принудительного лицензирования в зависимости от стратегической значимости отрасли [15; 16].

Вторым уровнем системы критериев является оценка технологической детерминанты, включающая анализ следующих параметров:

(1) степень инновационности и потенциал диффузии технологии в смежные отрасли;

(2) наличие или отсутствие технологических альтернатив, включая возможность разработки отечественных аналогов в среднесрочной перспективе;

(3) степень зависимости производственных цепочек от данной технологии (коэффициент технологической связанности);

(4) уровень сложности имплементации технологии в существующие производственные процессы.

Каждый из данных параметров должен оцениваться по шкале от 0 до 5, где 5 соответствует максимальной значимости параметра для при-

нятия решения о принудительном лицензировании. Итоговый технологический индекс, рассчитываемый как средневзвешенное значение указанных параметров, должен превышать пороговое значение 3,5 для рассмотрения вопроса о принудительном лицензировании.

Третьим уровнем системы критериев выступает экономическая целесообразность принудительного лицензирования, оцениваемая на основе комплексного анализа следующих факторов:

(1) потенциальный экономический эффект от внедрения технологии, выраженный в приросте ВВП, налоговых поступлений или создании новых рабочих мест;

(2) соотношение затрат на выплату компенсации правообладателю и экономических выгод от использования технологии (коэффициент экономической эффективности);

(3) уровень спроса на продукцию, производимую с использованием данной технологии, и степень импортозависимости в данном сегменте рынка;

(4) наличие производственных мощностей и компетенций для эффективного внедрения технологии.

Принудительное лицензирование признается экономически целесообразным при положительном значении чистой приведенной стоимости проекта (NPV > 0) с учетом всех затрат на приобретение и внедрение технологии, а также при сроке окупаемости инвестиций не более 5 лет.

Четвертый уровень системы критериев охватывает правовой анализ объекта интеллектуальной собственности и включает:

(1) оценку правового статуса объекта (действительность патента, срок его действия, территория правовой охраны);

(2) анализ предшествующих попыток получения лицензии на добровольной основе, включая документальное подтверждение отказа правообладателя или установление необоснованно высоких роялти;

(3) оценку соответствия предполагаемого использования объекта условиям статей 31 и 31bis Соглашения ТРИПС;

(4) анализ возможных правовых последствий принудительного лицензирования, включая риски международных споров. Принудительное лицензирование допускается только при отсутствии правовых препятствий или при наличии убедительных аргументов о превалировании публичного интереса над частным в конкретных обстоятельствах.

Научно обоснованный механизм справедливой компенсации правообладателям при принудительном лицензировании должен базироваться на теоретико-методологическом фундаменте, сочетающем принципы экономического анализа права с доктриной баланса конституционно значимых ценностей.

В основу данного механизма целесообразно положить многокомпонентную модель расчета компенсации, учитывающую как объективные рыночные параметры, так и специфику геополитического контекста, в котором реализуется процедура принудительного лицензирования [17].

Предлагаемый механизм включает дифференцированную методику определения размера компенсации, основанную на каскадном алгоритме расчета. На первом этапе устанавливается базовая ставка роялти, определяемая на основе отраслевых стандартов лицензионных платежей с применением метода сравнительного анализа рыночных сделок (comparative royalty analysis). Для этого формируется репрезентативная выборка добровольных лицензионных соглашений в соответствующей технологической области за последние 5 лет, на основе которой определяется медианное значение ставки роялти [18].

Исходя из выше сказанного можно предположить, что базовая ставка корректируется с учетом уровня инновационности технологии по пятибалльной шкале (фактор технологической ценности) и степени ее интеграции в производственные цепочки (фактор технологической связанности). Формализованное выражение данного этапа можно представить формулой: $R_0 = Rm \times (1 + TIF \times 0.1) \times (1 + TCF \times 0.05)$, где R_0 – базовая ставка роялти, Rm – медианная рыночная ставка, TIF – индекс технологической инновационности, TCF – коэффициент технологической связанности.

Приведенная формула представляет собой модификацию базового метода «Georgia-Pacific» для определения роялти, широко признанного в международной практике, но с адаптацией для специфических условий принудительного лицензирования в контексте технологического суверенитета [19].

Медианная рыночная ставка (Rm) – отражает типичные ставки роялти в соответствующей отрасли. Использование медианы, а не среднего значения, позволяет исключить влияние экстремальных значений и обеспечивает более справедливую базовую оценку [20].

Индекс технологической инновационности (TIF) – оценивает уникальность и инновационный уровень технологии. Вес 0.1 выбран на основе эмпирических исследований, показывающих, что инновационность увеличивает стоимость лицензии в среднем до 10% в зависимости от отрасли.

Коэффициент технологической связанности (TCF) – учитывает интеграцию технологии в существующие производственные цепочки и системы. Вес 0.05 отражает меньшее, но существенное влияние данного фактора на итоговую ставку.

Формула соответствует требованиям соглашения ТРИПС (ст. 31), обеспечивая «адекватное вознаграждение в конкретных обстоятельствах каждого случая с учетом экономической ценности разрешения». Данный подход также можно рассматривать как развитие методологии, представленной в работах по экономике интеллектуальной собственности, с адаптацией к специфическим задачам технологического суверенитета.

На втором этапе производится корректировка базовой ставки с учетом специфики принудительного характера лицензирования и публичного интереса в использовании технологии. Вводится понижающий коэффициент публичного интереса (PIF), значение которого варьируется от 0,6 до 0,9 в зависимости от категории критичности технологии согласно предложенной ранее классификации. Одновременно применяется корректирующий коэффициент рыночного потенциала (MPF), отражающий прогнозируемый объем рынка продукции, производимой с использованием лицензируемой технологии. Итоговая ставка роялти рассчитывается по формуле: $R = R_0 \times PIF \times (1 + MPF \times 0.1)$, где R – итоговая ставка роялти, PIF – коэффициент публичного интереса, MPF – коэффициент рыночного потенциала.

Институциональная структура механизма компенсации предполагает создание специализированного органа – Комиссии по компенсации при принудительном лицензировании, функционирующей на принципах независимости и профессионализма.

В состав Комиссии должны входить представители Роспатента, Министерства экономического развития Российской Федерации, независимые эксперты в области оценки интеллектуальной собственности и представители судейского сообщества. Комиссия обеспечивает объективность расчета компенсации через процедуру многоступенчатой экспертизы, включающую независимую оценку экономической стоимости технологии, анализ рыночного потенциала ее использования и юридическую экспертизу правомерности заявленных требований. Решение Комиссии подлежит обязательной публикации с подробным экономическим обоснованием, что обеспечивает транспарентность процедуры и формирование единообразной практики.

Механизм выплаты компенсации должен предусматривать гибкий инструментарий, адаптируемый к условиям санкционных ограничений. В стандартных случаях компенсация выплачивается в форме периодических платежей (роялти) от выручки, полученной лицензиатом от использования технологии.

В случаях, когда прямая выплата правообладателю невозможна вследствие санкционных ограничений, предусматривается система депонирования средств на специальных счетах в российских банках с возможностью последующей выплаты при нормализации отношений или использования альтернативных механизмов взаиморасчетов, включая клиринговые схемы и взаимозачеты.

Кроме того, дополнительно можно предложить внедрение механизма трансформации денежной компенсации в неденежные формы, включая предоставление правообладателю преференциальных условий доступа на российский рынок для иных продуктов или технологий, не затронутых процедурой принудительного лицензирования, что особенно актуально для транснациональных корпораций с диверсифицированным портфелем интеллектуальной собственности.

Таким образом, разработанная методология оценки компенсаций при принудительном лицензировании представляет собой определенный вклад в развитие экономико-правового инструментария обеспечения технологического суверенитета. Предложенный матричный подход с интеграцией дифференцированной шкалы роялти и многофакторной математической модели восполняет методологический пробел в отечественной доктрине и практике лицензирования стратегически значимых технологий. Предложенный подход сочетает количественные экономические параметры с оценкой публичного интереса, что способствует более сбалансированному учету интересов правообладателей и общества при определении размера компенсации.

Практическая значимость представленной позиции проявляется в возможности имплементации разработанного инструментария в систему принятия управленческих решений на государственном уровне при реализации политики технологической независимости, кроме того такой подход может стать основой для формирования единой государственной политики в области принудительного лицензирования, обеспечивая баланс стимулов для инновационной деятельности и императивов технологического развития страны в условиях глобальных вызовов.

Список литературы:

1. Путин назвал «санкционной агрессией» внешние ограничения в отношении России // URL: https://www.m24.ru/news/vlast/25042022/455089?utm_source=CopyBuf (дата обращения 25.05.2025).
2. Озманян, Ю. З., Карунная, Я. А. Принудительное лицензирование результатов интеллектуальной деятельности как мера обеспечения национальных интересов научно-технического прогресса // Respublica Literaria. 2025. Т. 6. № 1. С. 159-169.
3. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: Комментарий. Пер. с фр. Тумановой Н. Л., под ред. проф. Богуславского М. М. М.: Прогресс. 1977. 310 с.
4. Николаенко, Н. К. Правовое регулирование принудительного лицензирования изобретений и некоторые аспекты правоприменения в области фармацевтики // Вестник ФИПС. 2024. Т. 3, № 4. С. 374–383.
5. Ворожевич, А.С. Принудительное лицензирование в сфере авторского права (часть 1) // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 11. С. 45–51.
6. Гаврилов, Э.П., Городов, О.А., Гришаев, С.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая. М: «Проспект», 2009. 784 с.
7. Абашидзе, А.Х., Маличенко, В.С. Применение принудительного лицензирования лекарственных средств в соответствии с международными и национальными нормами права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1. С. 62-79.
8. Котенко, Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт. М.: Проспект, 2014. 128 с. // URL: https://ibooks.ru/bookshelf/357176/reading (дата обращения: 15.06.2025).
9. Жарова, А. К. Интеллектуальное право. Защита интеллектуальной собственности: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 384 с.
10. Манташов, Т.И. Проблема определения размера компенсации за нарушение исключительного права на произведение // URL: https://conf.siblu.ru/problema-opredeleniya-razmera-kompensacii-za-narushenie-isklyuchitelnogo-prava-na-proizvedenie (дата обращения 25.05.2025).
11. Шугуров, М.В. Защита прав интеллектуальной собственности и/или право на свободу выражения и информации. Международно-правовые коллизии Интернета // Закон. 2012. № 7. С. 54-65.
12. Ворожевич, А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты. М.: Статут, 2022. 594 с.
13. Леонтьев, Б. Б., Мамаджанов, Х.А. Лицензирование научно-технических разработок и передача технологий. М.: ТПП РФ; СОИС, 2013. 136 с.
14. Иванов, А.Ю. Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав. Закон. 2017. № 5. С. 78-93.
15. Трансфер технологий. Методические указания по оценки уровня зрелости технологий. URL: https://решение-верное.рф/sites/default/files/2022-01/Методика%20оценки%20уровня%20зрелости%20УГТ.pdf (дата обращения 25.05.2025).
16. ГОСТ Р ИСО 56002-2020 Инновационный менеджмент. Системы инновационного менеджмента. Руководящие указания // URL: https://gostassistent.ru/doc/d94d28a2-0089-4999-a7a2-c874f89c9b64 (дата обращения 25.05.2025).
17. Финансовые и денежно-кредитные методы регулирования экономики : учебник / Н.А. Истомина, Е.А. Смородина, Т.Д. Одинокова, Ю.С. Долганова и др. ; под общ. ред. Н. А. Истоминой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 302 с.
18 Панова, Е.А. Методика оценки устойчивости инновационного развития промышленного предприятия с использованием интегрального показателя. Креативная экономика, 2015. № 9(12). С. 1527-1540.
19. Rapid Insights with Data Analytics – Georgia Pacifi.Experiments // URL: https://cdn.osisoft.com/corp/en/media/presentations/2014/RegionalSeminars/RS2014_Atlanta/PDF/RS2014_Atlanta_GeorgiaPacificLLCandOSIsoft_SavoieGopalGopalkrishnan_RapidInsightswithDataAnalyticsGeorgiaPacificExperiments.pdf (дата обращения 25.05.2025).
20. Основы теории кодирования и сжатия сообщений: учебно-методическое пособие. М: МИИГАиК, 2020. 87 с. // URL: https://www.miigaik.ru/upload/iblock/519/519bf9657cf3c1cd4326082d4f8c6e0d.pdf (дата обращения 25.05.2025).

References:

1. Putin called external restrictions against Russia “sanctions aggression” // URL: https://www.m24.ru/news/vlast/25042022/455089?utm_source=CopyBuf (date of access 05/25/2025).

2. Ozmanyan, Yu. Z., Karunnaya, Ya. A. Compulsory licensing of the results of intellectual activity as a measure to ensure national interests of scientific and technological progress // Respublica Literaria. 2025. Vol. 6. No. 1. Pp. 159-169.

3. Bodenhausen, G. Paris Convention for the Protection of Industrial Property: Commentary. Translated from French by N. L. Tumanova, edited by prof. M. Boguslavsky. M. M.: Progress. 1977. 310 p.

4. Nikolaenko, N.K. Legal regulation of compulsory licensing of inventions and some aspects of law enforcement in the field of pharmaceuticals // FIPS Bulletin. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 374–383.

5. Vorozhevich, A.S. Compulsory licensing in the field of copyright (part 1) // Patents and licenses. Intellectual rights. 2020. No. 11. — P. 45–51.

6. Gavrilov, E.P., Gorodov, O.A., Grishaev, S.P. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (article by article). Part four. M.: “Prospect”, 2009. 784 p.

7. Abashidze, A.Kh., Malichenko, V.S. Application of Compulsory Licensing of Medicines in Accordance with International and National Legal Norms // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2019. Vol. 23. No. 1. Pp. 62-79.

8. Kotenko, E. S. Copyright on a Multimedia Product. Moscow: Prospect, 2014. 128 p. // URL: https://ibooks.ru/bookshelf/357176/reading (date accessed: 15.06.2025).

9. Zharova, A. K. Intellectual Property Law. Protection of Intellectual Property: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 384 p.

10. Mantashov, T.I. The Problem of Determining the Amount of Compensation for Violation of the Exclusive Right to a Work // URL: https://conf.siblu.ru/problema-opredeleniya-razmera-kompensacii-za-narushenie-isklyuchitelnogo-prava-na-proizvedenie (date of access 05/25/2025).

11. Shugurov, M.V. Protection of Intellectual Property Rights and/or the Right to Freedom of Expression and Information. International Legal Conflicts of the Internet // Law. 2012. No. 7. Pp. 54-65.

12. Vorozhevich, A.S. Boundaries of Exclusive Rights, Limits of Their Exercise and Protection. Moscow: Statut, 2022. 594 p.

13. Leontiev, B.B., Mamadzhanov, H.A. Licensing of Scientific and Technical Developments and Technology Transfer. Moscow: RF CCI; SOIS, 2013. 136 p.

14. Ivanov, A.Yu. Compulsory licensing for innovative development: on the need to balance the intellectual property rights regime. Law. 2017. No. 5. P. 78-93.

15. Technology transfer. Guidelines for assessing the maturity level of technologies. URL: https://ресение-верное.рф/sites/default/files/2022-01/Всего%20поключение%20уровня%20мерости%20УГТ.pdf (accessed 25.05.2025).

16. GOST R ISO 56002-2020 Innovation management. Innovation management systems. Guidelines // URL: https://gostassistent.ru/doc/d94d28a2-0089-4999-a7a2-c874f89c9b64 (date of access 05/25/2025).

17. Financial and monetary methods of economic regulation: textbook / N.A. Istomina, E.A. Smorodina, T.D. Odinokova, Yu.S. Dolganova et al.; under the general editorship of N. A. Istomina. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2020. 302 p.

18 Panova, E.A. Methodology for assessing the sustainability of innovative development of an industrial enterprise using an integral indicator. Creative Economy, 2015. No. 9 (12). P. 1527-1540.

19. Rapid Insights with Data Analytics – Georgia Pacifi.Experiments // URL: https://cdn.osisoft.com/corp/en/media/presentations/2014/RegionalSeminars/RS2014_Atlanta/PDF/RS2014_Atlanta_GeorgiaPacificLLCandOSIsoft_SavoieGopalGopalkrishnan_RapidInsightswithDataAnalyticsGeorgiaPacificExperiments.pdf (accessed 05/25/2025).

20. Fundamentals of the Theory of Message Coding and Compression: a teaching aid. M: MIIGAiK, 2020. 87 p. // URL: https://www.miigaik.ru/upload/iblock/519/519bf9657cf3c1cd4326082d4f8c6e0d.pdf (accessed 05/25/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_634

УДК 347.447.72

РАСТОРЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
TERMINATION OF A CIVIL LAW CONTRACT IN CONDITIONS OF MATERIAL CHANGE OF CIRCUMSTANCES

СТАРОДУБОВА Людмила Валерьевна,
старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»,
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия).
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: starodubova72@bk.ru,

СОКОЛОВА Анастасия Александровна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия).
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: starodubova72@bk.ru,

STARODUBOVA Lyudmila Valeryevna,
scientific supervisor, senior lecturer of the department «Civil Law and Process»
Togliatti State University, Togliatti (Russia).
14 Belorusskaya St., Tolyatti, 445020, Russia.
E-mail: starodubova72@bk.ru;

SOKOLOVA Anastasia Alexandrovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process,
Tolyatti State University, Tolyatti (Russia).
14 Belorusskaya str., Tolyatti, 445020, Russia.
E-mail: starodubova72@bk.ru

Краткая аннотация: *в рамках данной статьи обсуждаются актуальные проблемы правового регулирования расторжения договора в случае существенного изменения обстоятельств. Актуальность исследуемой темы обусловлена тем фактом, что в современном деловом обороте Российской Федерации договоры составляют огромную часть от правоотношений между его субъектами. От реального и надлежащего исполнения договоров, добросовестности сторон зависит поддержание и рост экономических факторов. В рамках данного исследования изучен институт расторжения договора по основанию существенного изменения обстоятельств. Выявлены такие проблемы, как: недостаточность правового регулирования, избыточное количество оценочных понятий, неоднозначность судебной практики, редкое использования судами данного механизма и пр. В качестве решения вышеуказанных проблем предлагается расширить и конкретизировать институт расторжения гражданско-правового договора, с целью усовершенствования норм, которые в нем содержаться для того, чтобы повысить количество правильных судебных решений, которые будут учитывать интересы контрагентов, справедливо устанавливая обстоятельства каждого конкретного дела, снизив процент судебных актов, вынесенных с нарушением норм материального права. Такой инструмент как расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств может помочь стороне договора, попавшей в непростую ситуацию, возникновение которой она не могла предвидеть, даже действуя с должной степенью заботливости и осмотрительности.*

Abstract: *this article discusses topical problems of legal regulation of contract termination in case of a significant change of circumstances. The relevance of the topic under study is conditioned by the fact that in the modern business turnover of the Russian Federation contracts form a huge part of the legal relations between its subjects. On the real and proper fulfillment of contracts, good faith of the parties depends on the maintenance and growth of economic factors. Within the framework of this study the institute of contract termination on the basis of a material change of circumstances is studied. Such problems as: insufficiency of legal regulation, excessive number of evaluative concepts, ambiguity of judicial practice, rare use of this mechanism by courts, etc. are revealed. As a solution to the above problems, it is proposed to expand and specify the institute of termination of civil law contract, in order to improve the norms that it contains in order to increase the number of correct judicial decisions that will take into account the interests of counterparties, fairly establishing the circumstances of each case, reducing the percentage of judicial acts issued in violation of substantive law. Such a tool as termination of the agreement due to a sharp change in circumstances will help the counterparty who finds himself in a difficult situation, which he could not prevent even by acting prudently.*

Ключевые слова: *договор, обязательство, существенное изменение обстоятельств, расторжение договора.*
Keywords: *contract, obligation, material change of circumstances, termination of the contract.*

Для цитирования: *Стародубова Л.В., Соколова А.А. Расторжение гражданско-правового договора в условиях существенного изменения обстоятельств // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 634-636. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_634.*
For citation*: Starodubova L.V., Sokolova A.A. Termination of a civil law contract in conditions of material change of circumstances // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 634-636. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_634.*

Статья поступила в редакцию: 23.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

ВВЕДЕНИЕ

В современных реалиях договорные отношения составляют значительную часть гражданского делового оборота. Именно благодаря данному факту институт расторжения договора остается крайне актуальным на сегодняшний день.

В соответствии с принципом pacta sunt servanda (договоры должны соблюдаться) предполагается, что исполнение обязательств, предусмотренных договором, будет реальным и надлежащим. Однако, на практике, в условиях возможного резкого изменения экономической обстановки, нередко возникают ситуации, в результате которых надлежащее исполнение обязательства не представляется возможным.

Для решения данной проблемы законодательством предусмотрен ряд механизмов, позволяющих сторонам урегулировать возникший спор, сохранив при этом баланс экономических интересов. Одним из таких инструментов является предусмотренная статьей 451 Гражданского кодекса

Российской Федерации, возможность стороны расторгнуть имеющееся между сторонами соглашение в случае, если обстоятельства изменились существенно. Данный механизм помогает контрагенту разрешить проблемную ситуацию, при возникновении непредвиденных обстоятельств.

Методы исследования, используемые в работе: теоретические - анализ, синтез. Эмпирические: наблюдение, сравнение.

В качестве цели работы устанавливается необходимость произвести анализ норм, которые регулируют расторжения договора на основании непредвиденного изменения обстоятельств.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Когда сторона договора выражает намерение расторгнуть заключенное между сторонами соглашение в связи с резкой и непредвиденной сменой обстоятельств, субъект договорных отношений сталкивается с рядом проблем:

В соответствии с пунктом 2 статьи 451 ГК РФ прежде, чем предъявлять в судебную инстанцию исковое заявление с требованием расторгнуть заключенное между сторонами соглашение, контрагенты обязаны предпринять меры, направленные на разрешение конфликта до непосредственного обращения в суд.

В связи с тем фактом, что в случае существенного изменения обстоятельств, возникают такие условия, которые стороны договора не могли предсказать в случае, если они действовали в соответствии с тем уровнем заботливости и осмотрительности, который от них предполагался в связи с осуществлением ими деловой деятельности, последующее выполнение обязательств, которые установлены соглашением между контрагентами влечет за собой большие убытки. И в случае, если контрагенты не смогли договориться между собой, на соблюдение досудебного порядка урегулирования спора уходит большое количество времени, которое может причинить стороне, желающей расторгнуть договор убытки в гораздо большем размере.

На практике зачастую встречаются случаи, когда уведомление о расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств либо игнорируется другой стороной, либо используется контрагентом в целях увеличения сроков до обращения в суд, что противоречит статье 10 ГК РФ, в которой указано, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно и не допускать злоупотребление правами.

С учетом разъяснений вышестоящих судов, а также анализируя судебную практику, можно составить список обстоятельств, которые с большей вероятностью признают существенным изменением. Так, к таким условиям относятся:

-сокращение бюджетного финансирования госоргана;

-изменения правового режима земельного участка, переданного стороне по договору на праве пользования в случае, если его использование в соответствии с тем назначением, которое было определено сторонами в заключенном между ними соглашении, невозможно.

-резкое глобальное изменение эпидемиологической обстановки, в том числе введение режима самоизоляции или иных ограничительных мер;

-наложение санкций иностранными государствами.

В то же время, список обстоятельств, которые не будут признаны существенным изменением выглядит следующим образом:

-инфляционные процессы;

-финансовые кризисы;

-изменение курса иностранных валют;

-ухудшение финансового состояния контрагента, в том числе, уменьшения количество работников или признание такого контрагента неплатежеспособным;

-нарушение указанных в соглашении между сторонами периодов исполнения обязательств;

-изменение обстоятельств, которое было вызвано в связи с умышленными действиями одним или несколькими контрагентами;

Однако, вышеуказанные перечисления изложены не в конечной редакции и являются открытыми, в связи с тем, что указать абсолютно каждое основание, по которому соглашение между контрагентами будет подлежать расторжению в связи с существенным изменением обстоятельств, в действительности, не представляется возможным, поскольку точно предсказать изменения экономической и политической ситуации в рамках целого государства крайне затруднительно.

Следующей проблемой является неоднозначность понятий, приведенных в статье 451 ГК РФ.

Так, в вышеуказанной статье содержится ряд оценочных понятий, которые не позволяют сделать точного вывода о возможности сторон прекратить действие заключенного между ними соглашения в случае, если обстоятельства, установленные контрагентами, резко изменились.

Поскольку вышеуказанная норма содержит в себе массу субъективных и неконкретных формулировок, (к примеру, обеспечения баланса экономических интересов сторон, должный уровень заботливости и осмотрительности, невозможность предугадать изменение обстоятельств) со стороны судов демонстрируется различный подход к вынесению решений и иных актов.

По нашему мнению, наличие различных мнений со стороны судебных органов, при разрешении дел, связанных с расторжением гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств, свидетельствует о несовершенстве, и недостатке конкретизации законодательства в данной области.

Таким образом, судами порой демонстрируются полностью противоположные судебные акты, не смотря на идентичную фабулу дела. Суды могут аргументировать принятие противоположных судебных актов одними и теми же нормами права, но трактуя их, в отношении конкретного спора, совершенно по-другому.

Приведем пример из практики: Ухудшение финансового состояния юрлица - стороны договора, сокращение его штата не признаются суще-

ственным изменением обстоятельств, (так как относятся к предпринимательским рискам). (Позиция ВАС РФ, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2024 по делу N А41-42807/2022).

Но, невзирая на вышеизложенный подход, судами демонстрирует другой подход к данному вопрос. Например - Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.02.2019 № Ф10-1424/2018 по делу № А23-6522/2017 – снижение экономических показателей и активов контрагента суд признал в качестве условия, которое свидетельствует о резком изменении обстоятельств. Вышеуказанный судебный акт вынес суд кассационной инстанции (который и должен следить за нарушением нижестоящими судами норм материального права). Такой пример, по нашему мнению, доказывает необходимость конкретизации норм, регулирующих расторжение и изменение гражданско-правового договора, так как даже при наличии разъяснений от вышестоящих судов, возникают ошибки при применении норм права.

С учетом вышеизложенного примера, можно сказать, что при разрешении подобных категорий дел, из-за низкого уровня конкретизации данной области законодательства, у судей остается значительная доля неопределенности при вынесении решения, которая заставляет их руководствоваться не только словом закона и сложившейся судебной практикой, но и субъективным взглядом на обстоятельства спора.

Недостаточность правового регулирования расторжения договора, в связи с существенным изменением обстоятельств, находит свое выражение и в том факте, что в ГК РФ только одна статья (451) посвящена данному механизму.

Еще одним фактором, усложняющим использование данного механизма, является то, что при обращении в суд стороны, желающей расторгнуть заключенное между контрагентами соглашение, в связи с существенным изменением обстоятельств, такой стороне будет достаточно проблематично доказать реальность и существенность влияния изменения обстоятельств на договор.

Необходимо отметить, что в случае, если договор был удостоверен нотариусом, стороны не лишаются возможности его расторгнуть. Подобное ограничение не содержится в главе 29 ГК РФ. Нотариальное заверение договора повышает доказательную силу, но не препятствует расторжению договора, если обстоятельства резко изменились. Однако, в ситуации, когда договор был предварительно заверен нотариусом суд может с большей осторожностью отнестись к оценке изменения условий, поскольку нотариус должным образом установил изначальные обстоятельства и зафиксировал волеизъявление сторон на реальное исполнение договора в соответствии со статьей 163 ГК РФ. В случае, если нотариально заверенный договор расторгается по соглашению сторон, соглашение о расторжении должно быть также заверено нотариусом, во избежания противоречий статье 452 ГК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / ВЫВОДЫ

В целях решения проблем института расторжения договора по причине резко изменившихся обстоятельств, предлагаем расширить и конкретизировать правовое регулирование законодательства в данной области. В первую очередь – ввести открытый (неисчерпывающий) список обстоятельств, которые должны быть признаны судами в качестве существенного изменения обстоятельств в статью 451 ГК РФ. Открытость перечисления обусловлена стремительными темпами изменений в экономической сфере. Например, как было при пандемии COVID-19. Ожидается, что подобные изменения позволят судам применять данные нормы с большей эффективностью, а также снизит количество нарушений материального и процессуального права.

Хочется также отметить важность рассматриваемого института для существования и бесперебойной работы гражданского делового оборота. Повышение детализации норм вышеуказанного института значительно облегчит его применение как для судов, так и для участников экономический отношений.

Список литературы:

1. Андреев Ю.Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование / Ю.Н. Андреев - М.: Норма, 2017 - 272 с.;
2. Бакаева И.В. Гражданское право. Общая часть. Учебник / И.В. Бакаева - М.: Феникс, 2018 - 574 с.;
3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»;
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 22.12.1995 № 39-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Демичев А.А., Карпычев М.В., Пчелкин А.В. Гражданское право. Учебник в 2-х томах. Том 2 / А.А. Демичев, М.В. Карпычев, А.В. Пчелкин - М.: Инфра-М, 2018, 559 с.;
6. Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2015. 30 с.;
7.Позднышева Е.В. Расторжение и изменение гражданско-правового договора: монография. М.: ИЗиСП, 2018. 232 с.;
8. Постановление 6 ААС по делу № А04-7528/2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»;
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2024 по делу N А41-42807/2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»;
10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.02.2019 № Ф10-1424/2018 по делу № А23-6522/2017 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Andreev Y.N. Contract in the civil law of Russia: a comparative legal study / Y.N. Andreev - M.: Norma, 2017 - 272 p.;
2. Bakaeva I.V. Civil law. General part. Textbook / I.V. Bakaeva - M.: Phoenix, 2018 - 574 p.;
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 № 51 FZ [Electronic resource] // JPS «ConsultantPlus»;
4. The Civil Code of the Russian Federation (part two) from 22.12.1995 № 39-FZ [Electronic resource] // JPS «ConsultantPlus»;
5. Demichev A.A., Karpychev M.V., Pchelkin A.V. Civil Law. Textbook in 2 volumes. Volume 2 / A.A. Demichev, M.V. Karpychev, A.V. Pchelkin - M.: Infra-M, 2018, 559 p.;
6. Ochkhaev T.G. Modification and termination of the contract in connection with a material change of circumstances: Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. M., 2015. 30 c.;
7. Pozdnysheva E.V. Dissolution and change of the civil-law contract: a monograph. Moscow: IZiSP, 2018. 232 c.;
8. Resolution 6 AAS on the case № A04-7528/2018 [Electronic resource] // JPS «ConsultantPlus»;
9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District from 15.03.2024 on the case № A41-42807/2022 [Electronic resource] // JPS «ConsultantPlus»;
10. Resolution of the Arbitration Court of the Central District from 27.02.2019 № F10-1424/2018 on the case № A23-6522/2017 [Electronic resource] // JPS «ConsultantPlus».

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_637

УДК 346.9

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕДИАЦИИ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
THE RELEVANCE OF MEDIATION IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT

ТОМАШУК Нинэля Алиевна,
Магистр, юрист-исследователь, помощник судьи Ленинградского районного суда г. Калининграда.
236029, Россия, г. Калининград, ул. Озерная, д. 34.
E-mail: ninel-1.01@ mail.ru;

TOMASHUK Ninel Alievna,
Master's degree, research lawyer, assistant judge of the Leningrad District Court of Kaliningrad.
34 Ozernaya str., Kaliningrad, 236029, Russia.
E-mail: ninel-1.01@ mail.ru

Краткая аннотация. *Проведен анализ сформулированных стратегий развития искусственного интеллекта Китаем, США и Россией в контексте необходимости пересмотра вопросов международной правовой политики в области глобального распространения ИИ. Целью работы является показ возможностей международной медиации в качестве универсального «мягкого инструментария», способного наиболее эффективно согласовать интересы государств в вопросах развития ИИ в глобальных масштабах. Проведен анализ подходов Китая, США и России к развитию ИИ с объединяющей общей оценкой необходимости особого внимания к вопросам обеспечения безопасности развития ИИ путем непрерывного мониторинга, оценки и исключения рисков. Международная медиация может стать основным инструментом формирования международных стандартов и проведения новой международной правовой политики в области развития ИИ.*

Abstract. *The analysis of formulated strategies for the development of artificial intelligence by China, the United States and Russia in the context of the need to review issues of international legal policy in the field of global AI dissemination is carried out. The aim of the work is to show the possibilities of international mediation as a universal "soft toolkit" capable of most effectively coordinating the interests of states in the development of AI on a global scale. The analysis of the approaches of China, the United States and Russia to the development of AI is carried out with a unifying general assessment of the need for special attention to the issues of ensuring the safety of AI development through continuous monitoring, assessment and exclusion of risks. International mediation can become the main tool for the formation of international standards and the implementation of a new international legal policy in the field of AI development.*

Ключевые слова: *бифуркация, всемирная организация сотрудничества в области ИИ, инклюзивность, национальная политика, риски, эффективность.*

Keywords: *bifurcation, world AI cooperation organization, inclusivity, national policy, risks, efficiency.*

Для цитирования: *Томашук Н.А. Актуальность медиации в эпоху развития искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 637-640. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_637.*

For citation*: Tomashuk N.A. The relevance of mediation in the era of artificial intelligence development // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 637-640. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_637.*

Статья поступила в редакцию: 10.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение

Актуальность темы. Динамика развития искусственного интеллекта (ИИ) значительно опережает изменения в международном праве в этой области. Между тем, ИИ находится в центре глобального внимания и нарастающих по экспоненте перемен, так как становится определяющим фактором дальнейшего развития человечества [1]. В материалах Всемирной конференция по ИИ 2025 года (далее WAIC-2025) отмечается, что ИИ является новым рубежом в развитии человечества, ключевой движущей силой современной экономики, общественным благом, приносящим пользу человечеству, но несёт одновременно беспрецедентные риски и вызовы для человечества[1]. США, Китаем, Россией - ведущими странами в области ИИ приняты основополагающие документы по развитию ИИ, которые различаются подходами в вопросах стратегирования[2]. Этим определяется актуальность вопросов развития международного права в области ИИ, в среде которого медиация может стать ключевым инструментом обеспечения глобального согласия всех участников развития ИИ.

Объектом исследований является проблема международного сотрудничества в области развития ИИ на примере Китая и США и возможной роли России как важного субъекта в мировом правовом пространстве ИИ, предметом исследования – возможности медиации в международных отношениях в цифровую эпоху.

Конкурентоспособность хозяйствующих субъектов разного масштаба в области ИИ, - от небольших креативных компаний с гигантскими концернами типа OpenAI, NVIDIA, Baidu, Huawei Technologies при различающихся на несколько порядков затратах ставит задачу ускоренного принятия мировым сообществом общих правовых норм регулирования исследований в области ИИ и применения его результатов.

Целью работы является исследование возможностей медиации в качестве универсального «мягкого инструментария», способного снять противоречия между компаниями, странами, союзами, иными объединениями государств и привести их к всеобщему консенсусу в вопросах развития ИИ в интересах всего человечества.

[1] *The 2025 World Artificial Intelligence Conference - WAIC-2025. https://english.shanghai.gov.cn/en-2025WAIC/index.html (дата обращения 01.08.2025).*
[2] *Global AI Governance Action Plan. Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. July 26, 2025. https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202507/t20250729_11679232.html (дата обращения 05.08.2025 г.).*
Winning the Race America's AI Action Plan. The White House. Washington, July 2025, 28 p. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf. (дата обращения 05.08.2025 г.).

План действий США по развитию ИИ

Лейтмотивом «America's AI Action Plan» является вступительное слово к нему Президента США Дональда Дж.Трампа: "Сегодня перед нами лежит новый рубеж научных открытий, определяемый преобразующими технологиями, такими как ИИ… Тот, у кого будет самая большая экосистема ИИ, установит глобальные стандарты ИИ и получит широкие экономические и военные выгоды. Точно так же, как мы выиграли космическую гонку, крайне важно, чтобы США и их союзники выиграли эту гонку» [3].

В этом документе выделены 3 компоненты: ***I: Ускорение инноваций в области искусственного интеллекта, II: создание американской инфраструктуры ИИ, III: Лидерство в международной ИИ-дипломатии и безопасности.*** На основе анализа этих компонент можно кратко сформулировать следующие наиболее существенные моменты американского плана развития ИИ:

-устранение обременительного регулирования и бюрократической волокиты, поощрение и обеспечение внедрения ИИ с открытым исходным кодом, создание экосистемы оценки ИИ, инвестиции в прорывные направления развития ИИ, ускорение внедрения ИИ в систему государственного управления, защита коммерческих и правительственных инноваций в области ИИ;

-стимулирование внедрения ИИ в Министерство обороны, борьба с синтетическими носителями в правовой системе, восстановление американского производства полупроводников, развитие строительства объектов и энергетической инфраструктуры, внедрение упрощенных разрешений для строительства высокозащищенных центров обработки данных (ЦОД) для использования военными и разведывательными сообществами;

- развитие науки об ИИ, создание технических средств мирового уровня и поддержка производства, развитие сетей, соответствующих динамике развития инноваций в области ИИ, подготовка квалифицированной рабочей силы для инфраструктуры ИИ, укрепление кибербезопасности критической инфраструктуры, продвижение технологий и приложений ИИ, защищенных по дизайну, развитие федерального потенциала реагирования на инциденты с использованием ИИ;

-экспорт американского ИИ союзникам и партнерам, противодействие влиянию Китая в международных органах управления; усиление контроля над экспортом вычислений с использованием ИИ, устранение лазеек в существующем контроле над экспортом полупроводниковой продукции, согласованные меры защиты на глобальном уровне и обеспечение первенства правительство США в вопросах оценки национальной безопасности;

-новые риски систем ИИ для национальной безопасности, связанные с кибератаками и разработкой химического, биологического, радиологического, ядерного оружия, взрывчатых веществ, понимание природы этих рисков по мере их возникновения для национальной обороны и внутренней безопасности, решение проблемы в виде многоступенчатой организации системы защиты, включая новые инструменты и методы;

-инвестиции в биологическую безопасность, так как ИИ открывает безграничный потенциал в биологии, в фармацевтике, включая лекарства от новых болезней, но может быть использован для создания новых путей синтеза вредных патогенов и других биомолекул злоумышленниками.

Подходы Китая к развитию ИИ в мире

Подходы Китая к развитию ИИ сформулированы в виде Глобального плана действий по управлению ИИ и озвучены в докладе премьера Госсовета КНР Ли Цзяна на открытии WAIC-2025. Он включает 13 основных пунктов активного международного сотрудничества, суть которых заключается в реализации следующих целей:

- совместное развитие ИИ, цифровой инфраструктуры, использование возможностей ИИ в целях решения проблем человечества в парадигме устойчивого развития, пересмотр правовой и нормативной базы и стандартов в области ИИ;

- формирование благоприятной для инновационного развития ИИ политической среды, устранение технологических барьеров и содействие технологическому сотрудничеству и трансформации результатов, укрепление координации работ в мире;

- создание и совместное использование интеллектуальной цифровой инфраструктуры, различных международных сетей и платформ для н/т сотрудничества, открытых сценариев применения «ИИ Плюс», обмен достижениями и передовым опытом;

- создание открытой инновационной экосистемы, поддержка стран, в первую очередь, глобального Юга, в разработке технологий и предоставлении услуг ИИ в соответствии с их национальными условиями, инклюзивным и выгодным образом;

- содействие развитию и предоставлению высококачественных данных (ВКД), сотрудничество для обеспечения законного, упорядоченного и свободного потока данных, расширение разнообразия структур данных ИИ, устранение любой дискриминации;

- решение энергетических и экологических проблем в концепции устойчивого развития ИИ, совместное установление стандартов энергоэффективности и водосбережения для ИИ, международный обмен передовым опытом в смежных областях;

- содействие общему пониманию стандартов и норм, повышение роли международных организаций: МСЭ, ИСО, МЭК, устранение алгоритмической предвзятости, повышение функциональной совместимости систем стандартов;

- лидерство государственных секторов в области применения и управления ИИ, совершенствование государственного управления и услуг, уважение прав интеллектуальной собственности (ИС), активное изучение законности;

- совершенствование управления безопасностью ИИ, изучение категорированных и многоуровневых подходов к управлению, выработка целевых мер профилактики и реагирования для создания общепризнанной структуры управления безопасностью;

- создание систем тестирования и оценки рисков для ИИ, проведение своевременной оценки рисков, связанных с ИИ, содействие обмену информацией и разработке мер экстренного реагирования на риски и угрозы безопасности ИИ;

- создание инклюзивной, справедливой глобальной системы цифрового управления, основанной на соблюдении международного права и уважении суверенитета стран и различий в развитии, сотрудничество в вопросах этики и безопасности;

- создание совместных лабораторий, платформ взаимного признания для оценки безопасности, организация образовательных и учебных

программ для наращивания потенциала в области ИИ, совместная разработка ВКД, структур и баз данных по ИИ.

Национальные цели и Стратегия развития ИИ России

В Указах Президента РФ №309[1] от 07.05.2024 № 309 и №490[2] от 10.10.2019 г. сформулированы основные принципы развития и использования технологий ИИ, создания комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений (НПРОО), связанных с развитием и использованием технологий ИИ. Основными направлениями создания комплексной системы НПРОО являются закрепление благоприятных нормативно-правовых условий для выполнения НИР, правовое обеспечение доступа специалистов по ИИ к данным, устранение необоснованных нормативно-правовых ограничений для разработки, внедрения и использования отечественных моделей ИИ. Сделан акцент на необходимость совершенствования правовых режимов, перечень областей применения ИИ, в которых может быть нанесен ущерб безопасности государства, требования информационной безопасности в отношении технологий ИИ, создание системы оценки соответствия технологий ИИ требованиям законодательства России. В Стратегии развития ИИ определены следующие задачи и направления для развития международного сотрудничества в области использования технологий ИИ:

- укрепление позиций России в международных органах и организациях, формирующих политику и стандарты в области ИИ, включая ООН, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, "БРИКС плюс" и другие международные организации;

-продвижение в мире ценностей и принципов, обеспечивающих равные права и возможности наций в области ИИ, формирование "единого пространства" доверенных технологий ИИ при лидирующей роли России в международном и региональном сотрудничестве;

- продвижение политики и стандартов, обеспечивающих доступ разработчиков технологий ИИ и потребителей к рынкам, технологиям и ресурсам, развитие равноправного сотрудничества с иностранными партнерами;

- развитие сотрудничества российских ученых с ведущими иностранными НИИ и НИЦ по вопросам перспективных фундаментальных исследований в области ИИ, создание российскими организациями совместно с иностранными партнерами международных НИЦ по проблемам развития технологий ИИ, а также центров компетенций и лабораторий в области ИИ;

-развитие совместно с иностранными партнерами объединенной инфраструктуры ВТ, международной базы решений в области ИИ на основе российского депозитария безопасных и функционально корректных решений, развитие сотрудничества в системе высшего и профессионального образования;

- продвижение России в качестве лидера в области принятия и реализации нормативно-правовых, этических и технических мер регулирования использования технологий путем повышения эффективности участия России в определении направлений международной политики и разработке НПА, продвижение российских подходов, норм и стандартов в области ИИ.

Обсуждение

Из китайского документа следует высокая озабоченность фрагментарностью управления ИИ в глобальных масштабах и существенными различиями в концепции регулирования и институциональных правилах в различных странах и транснациональных компаниях, способных вывести развитие ИИ из-под контроля человеком. Целью американского документа является устранение «бюрократической волокиты» и установление доминирования США в глобальном масштабе управления ИИ. Директивный план действий США в области ИИ характеризуется как комплекс мероприятий, направленный на обеспечение единоличного лидерства страны в политической, экономической и военной областях. В Стратегии развития ИИ в России, обращая также внимание на риски развития ИИ, основное место уделяется развитию ИИ в стране, его защите от внешнего воздействия, а вопросы международного сотрудничества рассматриваются в контексте стран-партнеров.

В Дорожной карте ИИ Китай предлагает немедленно начать координацию работ по ИИ между странами, университетами, НИИ, предприятиями и компаниями, и как можно скорее сформировать глобальную нормативно-правовую систему управления ИИ, основанную на широком консенсусе, то есть, сделать все достижения в области ИИ достоянием всего человечества без каких-либо дискриминационных ограничений. Целью Американского плана является создание американской инфраструктуры ИИ, открытая декларация лидерства в международной ИИ-дипломатии и безопасности развитие сетей, высокозащищенных ЦОД для экспорта союзникам и партнерам, противодействия влиянию Китая в международных органах управления, усиления контроля над экспортом данных с использованием ИИ, использования военными и разведывательными сообществами.

В документах США и Китая дается одинаковая оценка новым глобальным рискам для человечества по мере роста числа и мощности создаваемых новых систем ИИ, способных оказать существенное влияние на неконтролируемое развитие химического, биологического, радиологического, ядерного оружия, взрывчатых веществ. Все страны – Китай, США и Россия едины во мнении о необходимости системной подготовки квалифицированной рабочей силы для инфраструктуры ИИ, которая подразумевает не только профессиональные знания, умения и навыки в определенной области производства, владение инструментарием ИИ, но и обладание широким кругозором, для правильного принятия решений в случае возникновения нестандартной ситуации.

Китай предложил многосторонний подход и объединение усилий всех заинтересованных стран в решение глобальной проблемы минимизации рисков развития ИИ, США нацелены на создание доминантной структуры в области глобального ИИ под своим руководством, опасаясь быстро растущего возвышения Китая. Очевидно, такая ситуация может привести к контрпродуктивному взаимодействию основных игроков в пространстве ИИ – США и Китая, росту напряженности между ними и их сторонниками в сфере высоких технологий, стремлению к обеспечению самодостаточности в

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года". Опубл.07.05.2024. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=1 (дата обращения 02.08.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124. http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения 02.08.2025).

решении ключевых проблем. К ним относятся обеспечение сырьем и материалами полупроводниковой техники и электроники, техникой, технологиями и оборудованием по производству наноэлектроники и ВТ, привлечение лучших профессионалов со всего мира на каждом этапе и сегменте развития ИИ.

Различие в подходах объясняется, возможно, разными уровнями развития программной и физической продукции с применением ИИ. В части производства программной продукции США являются лидерами, а Китай лидирует в массовом производстве материальной продукции с применением ИИ, в частности, интеллектуальных промышленных роботов и роботов, занятых в сфере услуг.

Россия оказалась в сложной ситуации в силу ряда причин, главным из которых на сегодня является беспрецедентные санкции, принятые западными странами в отношении неё. Оказывая существенное влияние практически на все отрасли экономики страны путем изоляции от финансовых центров, передовых технологий, техники и оборудования, материалов и комплектующих изделий, существенно снизив обмен новыми знаниями, информацией, производственным опытом они поставили сверхзадачу перед экономикой, промышленным производством, инфраструктурой ИИ России, где наблюдается отставание, за исключением ВПК [2].

Различия в стратегиях развития ИИ США, Китая, России, которые осуществляются самостоятельными органами законодательной, исполнительной и судебной власти этих стран, могут стать причиной нестабильности развития человечества и потому предопределяют создание новой единой концепции развития ИИ и международного правового пространства его устойчивого развития с минимизацией рисков. Международная медиация является универсальным «мягким инструментарием», способным снять противоречия между компаниями, странами, союзами, иными объединениями государств и привести их к всеобщему консенсусу в вопросах развития ИИ в интересах всего человечества. Она может стать основным ресурсом формирования международных стандартов и проведения новой международной правовой политики в области развития ИИ. При этом, как отмечают Виноградова Е.В. и Захарцев С.И., одним из важнейших факторов, предопределяющих перспективы развития отечественной правовой системы, является систематизация нормативно-правовых актов, которая может быть проведена в процессе цифровизации и внедрения интеллектуальных инструментов ИИ в правовую систему развития ИИ [3].

Ранее, автором в работе [4] было показано, организация взаимосвязи интеллектуальных ресурсов, права и институтов для создания оптимальной творческой среды для развития ИИ в условиях санкций представляет собой сложную задачу, связанную с созданием современной инфраструктуры ИИ и ростом профессиональных кадров. Причем кадров, специализирующихся в определенном производственном секторе экономики, уровне управления, а также юристов-исследователей, способных успешно работать в различных областях цифровой экономики будущего.

Методы АРС в международной практике имеют свою специфику, связанную, помимо норм права, с культурой, этикой, духовностью, ментальностью различных народов, которую необходимо учитывать и использовать в процессе разрешения споров. Международный арбитраж, как правило, принимает решение в пользу одной из сторон. Во многих азиатских культурах проигрыш равноценен «потере лица». Применение ИИ в международной практике позволяет составить картину специфики сторон, определяемой нормами права, культурой, этикой, духовностью, ментальностью и рекомендовать наиболее приемлемые тактику ведения медиации и содержание Соглашения сторон. Возникающий синергетический эффект применения ИИ в медиации объясняется несколькими факторами: предоставление большого массива ВКД; управление знаниями, анализ предоставленной сторонами информации; обеспечение инклюзивности медиации; снижение влияния непреднамеренной субъективности медиатора; непрерывное пополнение базы ВКД и автоматическое совершенствование процесса медиации.

В медиации нет проигравшей стороны, искусный медиатор «сохраняет лицо» обеим сторонам, а использование им инструментария ИИ ускоряет принятие наиболее оптимального решения, удовлетворяющего обе стороны [5,6]. В частности, в спорах по объектам ИС технология блокчейна обеспечивает анализ процесса сотворчества сторон с объективным разделением вклада каждой из них [7]. В целом, ИИ меняет весь процесс медиации, быстро совершенствуется [8], и как новая технология, нуждается в новых международных правовых нормах.

Список литературы:

1. Ray Kurzweil on how AI will transform the physical world. The changes will be particularly profound in energy, manufacturing and medicine, says the futurist // The Economistm, Jun 17th 2024. https://www.economist.com/by-invitation/2024/06/17/ray-kurzweil-on-how-ai-will-transform-the-physical-world (дата обращения: 16.05.2025).

2.Волков Р., Артёменко В. Мониторинг и анализ технологического развития России и мира. М., ЦМАКП, №42, 2 кв. 2025 г. 40 с. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/HT_Mons/2025/II2025.pdf (дата обращения 28.07.2025).

3. Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Актуальные мысли о праве. М.; Юрлитинформ, 2023. 220 с. ISBN: 978-5-4396-2491-1 EDN: WNFFOX.

4. Томашук Н.А. Взаимосвязь интеллекта, права и институтов в создании адаптационной среды для инновационного предпринимательства в условиях санкций. Материалы XI Международного Балтийского морского форума. Калининград. Изд-во БГАРФ 2023. Т.7. С.26-34.

5. Яфасов А. Я., Томашук Н. А. Медиация как ресурс устойчивого развития // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. 2025. № 2(72). С. 18–30.

6.Гайдаенко-Шер, Н. И. Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран). ИЗСП. – М. : Инфра-М, 2018. – 246 с.

7. Yafasov, A., Kibalnikov, S., Merkulov, A. and Gordeeva, E. Additive Technologies for Adaptive Creativity Flexible Express Design in an Exponential Economy. Lecture Notes in Networks and Systems. – Springer, 2022. – Vol. 474. – pp. 231-242. – ISBN 978-3-031-05777-9.

8. Katharina E.H.. Mediation and artificial intelligence: Notes on the future of international conflict resolution. DiploFoundation. Geneva, Switzerland. 2019. 24pp. https://www.academia.edu/126290385/Mediation_and_artificial_ intelligence_Notes_on_the_future_of_international_conflict_resolution.

References:

1. Ray Kurzweil on how AI will transform the physical world. The changes will be particularly profoundly in energy, manufacturing and medicine, says the futurist // The Economistm, Jun 17th 2024. https://www.economist.com/by-invitation/2024/06/17/ray-kurzweil-on-how-ai-will-transform-the-physical-world (date of access: 16/05/2025).

2.R. Volkova., Artemenko V. N. Monitoring and analysis of technological development in Russia and the world. M. N., CMAKP, no.42, sq. 2. 2025. 40 pp. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/HT_Mons/2025/II2025.pdf (accessed 07/28/2025).

3. E. Vinogradova.V. N., Zakhartsev S. N.I. N. Actual Thoughts on Law. M. N.; Jurlitinform, 2023. 220 pp. ISBN: 978-5-4396-2491-1 EDN: WNFFOX.

4. Tomashuk N.A. N. The interrelation of intelligence, law and institutions in creating an adaptive environment for innovative entrepreneurship in the context of sanctions. Proceedings of the XI International Baltic Sea Forum. Kaliningrad. Publishing house of BGARF 2023. 7. pp.26-34.

5. A. Yafasov. Ya. N., Tomashuk N. A. N. Mediation as a resource for sustainable development // Proceedings of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet. 2025. No. 2(72). pp.18-30.

6.Gaidaenko-Sher, N. I. Alternative dispute resolution mechanisms as a tool for creating a favorable environment for entrepreneurial activity (the experience of Russia and foreign countries). Moscow : Infra-M, 2018. 246 pp.

7. Yafasov, A., Kibalnikov, S., Merkulov, A. and Gordeeva, E. Additive Technologies for Adaptive Creativity Flexible Express Design in an Exponential Economy. Lecture Notes in Networks and Systems. – Springer, 2022. – Vol. 474. - pp. 231-242. – ISBN 978-3-031-05777-9.

8. Katharina E.H.. Mediation and artificial intelligence: Notes on the future of international conflict resolution. DiploFoundation. Geneva, Switzerland. 2019. 24pp. https://www.academia.edu/126290385/Mediation_and_artificial_ intelligence_Notes_on_the_future_of_international_conflict_resolution.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_641

УДК 347

ИНСТИТУТ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ
INSTITUTE OF SHARED CONSTRUCTION: HISTORICAL EVOLUTION AND MODERN CHALLENGES OF LEGAL REGULATION IN RUSSIA

БОНДАРЕНКО Иван Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса
Академии права и управления ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: ivan.bondarenko.5959@mail.ru;

РЕШЕТНИКОВА Татьяна Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного права
ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России».
Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125.
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ.
Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38.
E-mail: Prokhorko@yandex.ru;

BONDARENKO Ivan Vasilievich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of
Civil Law and Process, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: ivan.bondarenko.5959@mail.ru;

RESHETNIKOVA Tatyana Nikolaevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Private Law
Federal State Educational Institution of Higher Education Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Perm, Karpinsky St., 125.
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law.
National Research University Higher School of Economics.
Perm, Studencheskaya St., 38.
E-mail: Prokhorko@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье проводится комплексный анализ института долевого строительства как ключевого механизма жилищного обеспечения и фактора экономического развития. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации правового регулирования к новым вызовам, включая экономическую нестабильность и санкционное давление. Целью работы является выявление исторических закономерностей и современных проблем в становлении и развитии данного института в России и за рубежом. На основе применения историко-правового и сравнительно-правового методов авторами прослежены этапы эволюции нормативной базы, выявлены системные риски для участников и оценена эффективность действующих механизмов защиты прав дольщиков. В результате исследования определены перспективные направления совершенствования законодательства, направленные на повышение прозрачности, снижение мошенничества и обеспечение устойчивости строительной отрасли в условиях изменяющейся социально-экономической реальности.*

Abstract: *The article provides a comprehensive analysis of the shared construction institute as a key mechanism for housing provision and a factor in economic development. The relevance of the study is due to the need to adapt legal regulation to new challenges, including economic instability and sanctions pressure. The purpose of the work is to identify historical patterns and modern problems in the formation and development of this institution in Russia and abroad. Based on the application of historical-legal and comparative-legal methods, the author traced the stages of the evolution of the regulatory framework, identified systemic risks for participants and assessed the effectiveness of existing mechanisms for protecting the rights of equity holders. As a result of the study, promising areas for improving legislation aimed at increasing transparency, reducing fraud and ensuring the sustainability of the construction industry in the context of a changing socio-economic reality were identified.*

Ключевые слова: *долевое строительство, правовое регулирование, защита прав дольщиков, эскроу, жилищное строительство, историко-правовой анализ, сравнительное правоведение, экономика строительства.*

Key words: *shared construction, legal regulation, protection of the rights of shareholders, escrow, housing construction, historical and legal analysis, comparative law, construction economics.*

Для цитирования: *Бондаренко И.В., Решетникова Т.Н. Институт долевого строительства: историческая эволюция и современные вызовы правового регулирования в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 641-644. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_641.*

For citation*: Bondarenko I.V., Reshetnikova T.N. Institute of shared construction: historical evolution and modern challenges of legal regulation in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 641-644. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_641.*

Статья поступила в редакцию: 17.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Введение. Актуальность исследования института долевого строительства в современной России обусловлена его системообразующей ролью в решении жилищной проблемы и значительным влиянием на экономическое развитие страны. В условиях, когда вопросы доступности жилья, защиты прав граждан и устойчивого развития строительной отрасли приобретают особое значение, комплексный анализ исторических этапов становления и развития долевого строительства, а также особенностей его правового регулирования представляется крайне важным и своевременным.

Мировой опыт демонстрирует, что институт долевого строительства является эффективным инструментом решения жилищных проблем, однако его внедрение и функционирование сопряжены с существенными рисками, требующими постоянного совершенствования законодательства и

механизмов защиты участников рынка. Российская практика последних лет наглядно иллюстрирует эту закономерность, показывая необходимость адаптации правовых механизмов к изменяющимся экономическим условиям.

В последнее десятилетие в России наблюдаются кардинальные изменения в правовом регулировании долевого строительства, обусловленные необходимостью повышения прозрачности, снижения уровня мошенничества и обеспечения гарантий для дольщиков. Однако сохраняются серьезные вызовы, связанные с экономической нестабильностью, санкционным давлением, ростом ключевой ставки и ограниченной доступностью ипотечного кредитования, что требует поиска новых подходов к развитию отрасли.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ исторического развития и современного состояния института долевого строительства в России и за рубежом, а также выявление ключевых проблем и перспектив его дальнейшего совершенствования в условиях меняющейся социально-экономической среды.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: проследить основные этапы становления и развития долевого строительства в мировой и российской практике; проанализировать эволюцию правового регулирования института долевого строительства; выявить основные проблемы, возникающие в процессе реализации долевого строительства; оценить эффективность действующих механизмов защиты прав участников долевого строительства; определить перспективные направления развития института с учётом современных вызовов.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза, историко-правовой и сравнительно-правовой подходы, а также изучение нормативных правовых актов, научной литературы и статистических данных, отражающих динамику развития института долевого строительства.

Историко-правовые аспекты становления долевого строительства: мировой и отечественный опыт

Историческое развитие института долевого строительства демонстрирует разнообразие подходов к организации финансирования жилищного строительства в разных странах. Мировая практика показывает, что в большинстве развитых государств аналогичные механизмы формировались в условиях зрелой финансовой системы и строгого банковского надзора. Основной акцент был сделан не на прямом привлечении средств населения, а на развитии кредитных и страховых механизмов, что позволяло минимизировать риски инвесторов.

В Германии, например, сложилась эффективная система поэтапного финансирования строительства, где средства граждан аккумулируются на специальных защищенных счетах и поступают застройщику только после завершения определенных этапов строительства. Такая модель обеспечивает высокий уровень защиты прав участников и снижает риски недобросовестного поведения застройщиков. Аналогичные системы с различными модификациями действуют во Франции, Великобритании и других европейских странах.

В Соединенных Штатах Америки развитие института долевого участия в строительстве происходило в рамках общей системы регулирования рынка недвижимости с акцентом на страховые механизмы защиты и развитую систему escrow accounts. Американский опыт интересен тем, что здесь большое внимание уделяется предварительной проверке финансовой состоятельности застройщиков и наличию достаточного обеспечения по их обязательствам.

В России институт долевого строительства возник стихийно в 1990-е годы как ответ на острейший жилищный кризис и отсутствие адекватных государственных программ финансирования жилищного строительства. Правовой вакуум, существовавший в этот период, приводил к многочисленным злоупотреблениям и нарушениям прав граждан. Ситуация начала меняться только с принятием Федерального закона № 214-ФЗ от 30.12.2004 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости».

Данный закон стал первым системным актом, регулирующим отношения в области долевого строительства. Он ввел обязательную государственную регистрацию договоров участия в долевом строительстве, установил требования к застройщикам, ввел необходимость получения разрешения на строительство и представления проектной декларации. Эти меры были направлены на повышение прозрачности отношений и защиту прав дольщиков.

Однако, как показала практика применения Закона № 214-ФЗ в первоначальной редакции, введенные меры оказались недостаточными для полного предотвращения рисков недобросовестности застройщиков и банкротства строительных компаний. Дольщики по-прежнему оставались в уязвимом положении при срыве сроков строительства или реализации мошеннических схем. Многочисленные случаи обмана дольщиков и незавершенного строительства свидетельствовали о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Анализ исторического развития института долевого строительства в России позволяет выделить несколько ключевых этапов. Первый этап (1990-е - 2004 год) характеризовался стихийным развитием отношений при отсутствии адекватного правового регулирования. Второй этап (2005-2017 годы) связан с действием Закона № 214-ФЗ в первоначальной редакции, который, несмотря на определенные недостатки, заложил основы правового регулирования отрасли. Третий этап (2018 год - настоящее время) ознаменован переходом на новую модель финансирования с использованием эскроу-счетов, что кардинальным образом изменило схему взаимодействия между участниками долевого строительства.

Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта позволяет сделать вывод о том, что развитие института долевого строительства в России шло особым путем, обусловленным спецификой экономического развития и правовой системы страны. Если в западных странах данный институт формировался постепенно, на основе развитых финансовых механизмов, то в России он возник как вынужденная мера в условиях переходной экономики и недостатка инвестиционных ресурсов.

Эволюция правового регулирования и современная модель с использованием эскроу-счетов

Кардинальный перелом в правовом регулировании долевого строительства в России произошел в 2017-2019 годах. Это было напрямую связано с чередой громких банкротств крупных застройщиков и массовых нарушений прав дольщиков, которые приобрели системный характер и потребовали

радикальных мер со стороны государства. Ответом на эти вызовы стал поэтапный переход на проектное финансирование через механизм эскроу-счетов.

Суть новой модели, внедренной в рамках масштабной реформы долевого строительства, заключается в коренном изменении схемы финансирования и разрыве прямой финансовой связи между дольщиком и застройщиком. В соответствии с новой моделью, гражданин заключает договор участия в долевом строительстве (ДДУ), но денежные средства не передаются застройщику напрямую, а размещаются на специальном эскроу-счете в банке. Банк, в свою очередь, осуществляет кредитование застройщика под конкретный строительный проект исключительно под залог прав на земельный участок и строящийся объект.

Застройщик получает средства от банка не единовременно, а поэтапно, только после завершения определенных этапов строительных работ и предоставления соответствующих подтверждающих документов. Это создает действенные стимулы для своевременного и качественного выполнения работ. Расчеты по эскроу-счету происходят только после подписания передаточного акта и государственной регистрации права собственности дольщика на квартиру.

Введение эскроу-модели потребовало существенных изменений в законодательстве. Были внесены поправки в Федеральный закон № 214-ФЗ, Гражданский кодекс Российской Федерации, а также приняты подзаконные нормативные акты, регулирующие порядок открытия и ведения эскроу-счетов, требования к банкам-кредиторам и процедуру контроля за целевым использованием средств.

Важным элементом новой системы стало создание Фонда защиты прав граждан - участников долевого строительства (Фонд ДДУ), который выполняет функции компенсационного механизма на случай неисполнения застройщиком своих обязательств. Финансирование фонда осуществляется за счет обязательных взносов застройщиков, что создает дополнительную систему гарантий для дольщиков.

Переход на новую модель финансирования осуществлялся поэтапно, с учетом региональных особенностей и готовности участников рынка к изменениям. С 1 июля 2019 года использование эскроу-счетов стало обязательным для всех новых проектов в большинстве регионов России, что завершило процесс трансформации отрасли.

Новая модель перекладывает основные риски с граждан на профессиональных финансовых участников рынка - банки, которые обладают значительно большими компетенциями и ресурсами для оценки надежности застройщика, анализа экономической целесообразности проекта и контроля за целевым использованием средств. Это позволило существенно повысить уровень защищенности дольщиков и прозрачность всего процесса строительства.

Однако внедрение эскроу-модели потребовало от застройщиков адаптации к новым условиям работы. Значительно повысились требования к их финансовой устойчивости, прозрачности бизнеса и качеству проектной документации. Банки, выступая в роли кредиторов, стали осуществлять тщательный отбор застройщиков и постоянный мониторинг хода строительства.

Анализ практики применения новой модели показывает, что она действительно способствовала снижению количества случаев мошенничества и нарушений прав дольщиков. Система поэтапного финансирования через банки-кредиторы обеспечивает более строгий контроль за использованием средств и выполнением строительных работ. В случае возникновения финансовых трудностей у застройщика, банк имеет возможность принять меры по финансовому оздоровлению проекта или его передаче другому застройщику для завершения строительства.

Тем не менее, как показывает практика, новая модель не является панацеей от всех проблем долевого строительства. Сохраняются риски, связанные с некорректной оценкой банками надежности застройщиков, ошибками в расчете стоимости проектов и изменением рыночной конъюнктуры. Кроме того, возникли новые проблемы, связанные с повышением стоимости жилья и сокращением числа участников рынка.

Ключевые проблемы и перспективы развития института в современных условиях

Несмотря на безусловный прогресс в области защиты прав дольщиков, переход на эскроу-счетную модель породил новые системные вызовы, требующие комплексного решения.

Во-первых, произошел резкий рост стоимости жилья, что существенно снизило его доступность для широких слоев населения. Затраты застройщика на обслуживание кредита (процентная ставка) и обязательные взносы в компенсационные фонды (Фонд защиты прав граждан - участников долевого строительства) были включены в цену квадратного метра. Это, в сочетании с ростом ключевой ставки Банка России и общей инфляцией, сделало новостройки менее доступными для значительной части потенциальных покупателей.

Во-вторых, значительно повысился порог входа на рынок для самих застройщиков. Требования банков к финансовой устойчивости, наличию собственного капитала и залоговой базы отсекли от рынка множество мелких и средних компаний, что привело к его концентрации и монополизации крупными игроками. Это, в свою очередь, может привести к снижению конкуренции и дальнейшему росту цен.

В-третьих, сохраняются риски, связанные с экономической нестабильностью и внешнеполитическими факторами. Санкционное давление, инфляция, рост цен на строительные материалы и оборудование создают угрозу срыва сроков строительства и даже банкротства застройщиков, несмотря на новые механизмы. В такой ситуации даже выданные банком кредиты могут оказаться недостаточными для завершения объекта, что потребует реструктуризации или дофинансирования, создавая сложную цепочку взаимных требований.

В-четвертых, возникли проблемы регионального характера. В многих субъектах Российской Федерации, особенно с низкой платежеспособностью населения, новая модель оказалась труднопримени мой. Банки неохотно кредитуют проекты в таких регионах, а застройщики не имеют достаточного собственного капитала для соответствия ужесточенным требованиям.

В-пятых, сохраняются проблемы, связанные с качеством строительства и соблюдением сроков. Несмотря на усиление контроля, многие застройщики продолжают нарушать сроки сдачи объектов и допускать отступления от проектной документации. Механизмы ответственности за такие нарушения нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

В качестве перспективных направлений развития института долевого строительства можно выделить:

1. Диверсификация моделей финансирования. Развитие ипотечных продуктов, адаптированных под эскроу-модель, а также стимулирование других форм привлечения средств (например, облигационные займы надежных застройщиков). Это позволит снизить нагрузку на банковскую систему и предложить альтернативные источники финансирования.

2. Государственная поддержка. Не только через систему компенсационных фондов, но и через прямое участие в инфраструктурных проектах, что снизит нагрузку на застройщика. Развитие программ льготного кредитования для застройщиков в социально значимых проектах и проблемных регионах.

3. Цифровизация процессов. Внедрение сквозных цифровых платформ для контроля за ходом строительства и расходованием средств, обеспечивающих максимальную прозрачность для всех участников процесса, включая регулятора.

4. Совершенствование градостроительного планирования. Развитие механизмов публично-частного партнерства в области комплексного развития территорий, что позволит оптимизировать издержки застройщиков и создать более сбалансированную городскую среду.

5. Усиление контроля за качеством строительства. Внедрение независимых институтов технического надзора, развитие системы страхования ответственности застройщиков за качество работ, ужесточение требований к послепродажному обслуживанию.

6. Адаптация к новым экономическим реалиям. Разработка гибких механизмов реагирования, включая возможность реструктуризации кредитов застройщиков в случае резкого ухудшения рыночной конъюнктуры.

Реализация этих мер потребует скоординированных действий со стороны законодателей, регуляторов, банковского сообщества и самих участников строительной отрасли. Важно найти баланс между интересами дольщиков, застройщиков, банков и государства.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сложном и многогранном характере института долевого строительства в России. Его эволюция от стихийной, высокорисковой модели к регулируемой системе с использованием эскроу-счетов демонстрирует осознание государством высокой социальной значимости данного механизма и необходимости создания надежных правовых гарантий для участников.

Современная российская модель, безусловно, является более зрелой и безопасной для конечного потребителя, перенося основные риски на профессиональных финансовых участников рынка. Статистика последних лет показывает снижение количества незавершенных объектов и случаев прямого мошенничества с средствами дольщиков. Это свидетельствует об эффективности предпринятых мер по защите прав граждан.

Однако новая модель не лишена серьезных недостатков, главными из которых являются снижение общей доступности жилья и повышение концентрации на рынке. Рост стоимости квадратного метра, обусловленный увеличением финансовой нагрузки на застройщиков, и вытеснение с рынка мелких и средних компаний создают новые вызовы для отрасли.

Дальнейшее развитие института долевого строительства видится в поиске баланса между тремя ключевыми элементами: безопасностью дольщиков, экономической доступностью жилья и финансовой устойчивостью самих застройщиков. Достижение этого баланса возможно лишь при гибком сочетании рыночных механизмов и взвешенной государственной поддержки, адаптированной к новым экономическим реалиям.

Перспективы развития института связаны с диверсификацией источников финансирования, внедрением цифровых технологий, совершенствованием градостроительного планирования и развитием механизмов публично-частного партнерства. Особое внимание должно уделяться региональной специфике и созданию условий для работы малого и среднего бизнеса в строительной отрасли.

Учитывая сохраняющиеся внешнеэкономические вызовы и внутренние структурные проблемы, можно прогнозировать дальнейшую эволюцию правового регулирования долевого строительства. Вероятно, нас ждет постепенная адаптация существующей модели к новым условиям, а не кардинальная смена парадигмы. Важнейшей задачей остается обеспечение стабильности правового регулирования и предсказуемости условий работы для всех участников рынка.

Список литературы:

1. Ecology and safety in the field of national economy / E. Ananyeva, I. Bondarenko, Ju. Frolovskaia, G. Kurbatova // Bio web of conferences : EBWFF 2024 - International Scientific Conference Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna, Blagoveschensk, 22–25 мая 2023 года. Vol. 116. – Les Ulis: EDP Sciences - Web of Conferences, 2024. – P. 07014. – DOI 10.1051/bioconf/202411607014. – EDN XCPVEU.
2. Фроловская, Ю. И. Применение норм гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств по выполнению строительных работ : Монография / Ю. И. Фроловская. – Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2023. – 166 с. – ISBN 978-5-907568-57-0. – EDN JYYPOL.
3. Фроловская, Ю. И. Применение норм гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств по выполнению строительных работ : Монография / Ю. И. Фроловская. – Рязань : Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2023. – 166 с. – ISBN 978-5-907568-57-0. – EDN JYYPOL.
4. Тарасов, С. М. Долевое участие в строительстве в 2023 году: новые требования к застройщикам, актуальные нововведения и перспективы правового регулирования / С. М. Тарасов // Закон и право. – 2024. – № 2. – С. 182-185. – DOI 10.24412/2073-3313-2024-2-182-185. – EDN KQCPUN.
5. Рыженкова, Е. А. Долевое участие в строительстве: плюсы и минусы долевого участия в строительстве / Е. А. Рыженкова, А. А. Харлова, В. В. Олейник // Инструменты, механизмы и технологии современного инновационного развития : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Ижевск, 30 января 2023 года. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью "Агентство международных исследований", 2023. – С. 172-174. – EDN FXSDJT.

References:

1. Ecology and safety in the field of national economy / E. Ananyeva, I. Bondarenko, Ju. Frolovskaia, G. Kurbatova // Bio web of conferences : EBWFF 2024 - International Scientific Conference Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna, Blagoveschensk, May 22–25, 2023. Vol. 116. – Les Ulis: EDP Sciences - Web of Conferences, 2024. – P. 07014. – DOI 10.1051/bioconf/202411607014. – EDN XCPVEU.
2. Frolovskaya, Yu. I. Application of civil liability rules for violation of obligations to perform construction work: Monograph / Yu. I. Frolovskaya. – Ryazan: Individual entrepreneur Konyakhin Alexander Viktorovich, 2023. – 166 p. – ISBN 978-5-907568-57-0. – EDN JYYPOL.
3. Frolovskaya, Yu. I. Application of civil liability norms for violation of obligations to perform construction work: Monograph / Yu. I. Frolovskaya. – Ryazan: Individual entrepreneur Konyakhin Alexander Viktorovich, 2023. – 166 p. – ISBN 978-5-907568-57-0. – EDN JYYPOL.
4. Tarasov, S. M. Shared participation in construction in 2023: new requirements for developers, current innovations and prospects for legal regulation / S. M. Tarasov // Law and right. – 2024. – No. 2. – P. 182-185. – DOI 10.24412/2073-3313-2024-2-182-185. – EDN KQCPUN.
5. Ryzhenkova, E. A. Equity participation in construction: pros and cons of equity participation in construction / E. A. Ryzhenkova, A. A. Kharlova, V. V. Oleynik // Tools, mechanisms and technologies of modern innovative development: a collection of articles based on the results of the International scientific and practical conference, Izhevsk, January 30, 2023. - Sterlitamak: Limited Liability Company "Agency for International Research", 2023. - P. 172-174. - EDN FXSDJT.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_645

УДК 343.3

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ СОБСТВЕННОСТИ
GENERAL CHARACTERISTICS AND FEATURES OF DIGITAL PROPERTY

ДЁМИНА Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: iri9321@yandex.ru;

ПЛАХОВА Екатерина Сергеевна,
Старший преподаватель кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: kate.yakush@mail.ru;

DEMINA Irina Alexandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of «Private and Public Law», Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: iri9321@yandex.ru;

PLAKHOVA Ekaterina Sergeevna,
Senior Lecturer of the Department of «Private and Public Law», Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: kate.yakush@mail.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена комплексному анализу феномена цифровой собственности как нового вида имущественных отношений в условиях цифровой трансформации. Определяется понятие цифровой собственности, выделяются ее основные объекты. Подробно исследуются ключевые особенности цифровой собственности, кардинально отличающие ее от традиционной: нематериальность, зависимость от технологических платформ, сложное взаимодействие с правами интеллектуальной собственности, проблемы доказательства и защиты прав, глобальность и экстерриториальность, специфика наследования. Делается вывод о необходимости формирования адекватного правового регулирования для развития цифровой экономики и защиты прав владельцев цифровых активов.*

Abstract: *The article is devoted to a comprehensive analysis of the phenomenon of digital property as a new type of property relations in the context of digital transformation. The concept of digital property is defined, and its main objects are highlighted. The key features of digital property that radically distinguish it from traditional property are examined in detail: immateriality, dependence on technological platforms, complex interaction with intellectual property rights, problems of proving and protecting rights, globality and extraterritoriality, and the specifics of inheritance. It is concluded that it is necessary to form adequate legal regulation for the development of the digital economy and the protection of the rights of owners of digital assets.*

Ключевые слова: *цифровая собственность, цифровые активы, цифровое имущество, криптовалюта, цифровые правоотношения.*
Keywords: *digital property, digital assets, digital property, cryptocurrency, digital legal relations.*

Для цитирования: *Демина И.А., Плахова Е.С. Общая характеристика и особенности цифровой собственности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 645-648. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_645.*
For citation*: Demina I.A., Plakhova E.S. General characteristics and features of digital property // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 645-648. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_645.*

Статья поступила в редакцию: 21.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Понятие собственности, столетиями базировавшееся на физических объектах (земля, здания, вещи), претерпевает революционную трансформацию в цифровую эпоху. Возникновение и стремительное распространение цифровых активов поставили перед правом, экономикой и обществом сложный вопрос о сути цифровой собственности и ее особенностях. Авторы исследуют общую характеристику и ключевые особенности этого формирующегося, но критически важного явления.

Цифровая собственность представляет собой совокупность прав, связанных с созданием, использованием и распоряжением цифровыми активами, которые существуют в электронной форме. Это может включать в себя различные виды контента, программное обеспечение, данные, а также права на использование технологий и платформ, которые обеспечивают доступ к этим активам. В условиях цифровизации экономики понятие цифровой собственности становится все более актуальным, поскольку она охватывает широкий спектр правовых отношений и требует разработки новых подходов к регулированию.

Цифровая собственность (или «виртуальная собственность») – это право владения, пользования и распоряжения уникальными цифровыми активами, существующими в электронной форме.

Как отмечает Н.А. Галкин «Научно-технический прогресс за последние 30 лет позволил кардинально изменить уклад жизни человека. Благодаря цифровизации и новым интернет-ресурсам появляются общественные отношения, о которых раньше нельзя было и подумать. Из-за обилия новых технологий появляются проблемы с правовым регулированием возникающих общественных отношений» [1, с.108].

В отличие от традиционных форм собственности объектами цифровой собственности являются виртуальные предметы в играх и метавселенных (аватары, земля, оружие, скины), электронные книги, музыка, фильмы, программное обеспечение, криптовалюты (битокин, эфир), токены и цифровые доли в активах, уникальные адреса в интрнете, цифровое искусство, коллекционные карточки в форме NFT. Также к объектам можно отнести учетные записи и данные, хотя права на данные часто регулируются отдельно законами о персональных данных и интеллектуальной собственно-

сти, а не собственностью в чистом виде.

Н. А. Галкин выделяет следующие признаки цифрового имущества: отсутствие физической оболочки и доступ через специальное устройство, а также цифровое имущество должно подлежать обороту, то есть возможности или праву отчуждения… следует выделить еще один признак: цифровое имущество удовлетворяет потребности пользователя. Подразумевается, что приобретение или отчуждение объектов, относимых к цифровому имуществу, каким-либо образом удовлетворяет личные интересы, при этом не обязательно в экономическом, но и в духовном смысле, без такого признака правовая охрана цифрового имущества будет нецелесообразна [1, с.112].

Обобщив указанное выше, приведем собственный порядок разграничения признаков. Цифровая собственность обладает несколькими ключевыми признаками: электронной формой, интеллектуальным характером, легкостью копирования и распространения, доступностью и глобальностью, динамичностью. Раскроем все эти признаки подробнее.

1. Электронная форма цифровой собственности выражается в том, что цифровые активы существуют в виде данных, программного обеспечения или контента, который может быть передан и использован только с помощью цифровых технологий.

2. Многие виды цифровой собственности защищены авторским правом, патентами или другими формами интеллектуальной собственности, что обеспечивает правообладателям контроль над использованием их произведений.

3. Цифровые активы могут быть легко скопированы и распространены, что создает риски для защиты прав собственников и требует разработки эффективных механизмов регулирования.

4. Цифровая собственность доступна через интернет, что позволяет пользователям со всего мира взаимодействовать с ней, но также создает сложности в правоприменении из-за различий в национальных законодательствах.

5. Цифровая собственность подвержена динамичному изменению и эволюции, что требует постоянного обновления правовых норм и механизмов защиты.

Систематизировав рассмотренные признаки, можно сделать вывод, что основным признаком цифрового имущества является его нематериальный характер, то есть то, что он существует только в киберпространстве.

В контексте понимания цифровой собственности речь идет не о владении файлом как таковым, а о владении уникальным правом или идентификатором, который подтверждает принадлежность конкретного цифрового актива определенному лицу и наделяет его специфическими полномочиями в отношении этого актива.

Д.М. Климушкин обращает внимание на то, что «разными исследователями уже предпринимались попытки дать определение термину «цифровой актив», большинство из них было связано с правовым статусом таких активов. В некоторых штатах США были приняты соответствующие законы, которые, в основном, описывали цифровые активы путём перечисления относящихся к ним категорий электронной информации. Отсутствие единого определения и подхода к регулированию создаёт значительные трудности для развития электронных денег на международном уровне. В целом наиболее объективным определением «цифровых активов», которое может быть дано до настоящего времени, будет определение их как информации в цифровом формате, имеющей внутреннюю или приобретенную ценность и представляющую собой цифровое или физическое лицо» [2, с.86 – 89].

Цифровая собственность представляет собой важный и быстро развивающийся аспект современной экономики. Понимание ее понятия, признаков и видов является необходимым для эффективного регулирования правоотношений в этой области. Разработка адекватных правовых механизмов защиты цифровой собственности позволит обеспечить справедливые условия для создателей контента и пользователей, способствуя устойчивому развитию цифровой экономики.

Соотношение понятий «цифровое право» и «цифровое имущество» заключается в том, что цифровое право, выступая обязательственным правом, возникает на определенный объект, то есть на цифровое имущество, а цифровое имущество, в свою очередь, является конкретным объектом, находящимся в цифровой среде [3, 4, с. 110].

Н. А. Галкин приходит к мнению, что «термин «цифровое имущество» является наиболее емким при определении всей терминологической совокупности описания цифровых объектов, его следует понимать как совокупность объектов кибернетического пространства, находящихся в активном обороте, удовлетворяющих интересы пользователя, доступ к которым возможен через специальное устройство» [4, с.110].

Под цифровыми правоотношениями, согласно подходу Р. Б. Головкина, следует понимать «разновидность общественных отношений, урегулированных правом и имеющих цифровую форму выражения и цифровое содержание, когда взаимные субъективные права и юридические обязанности участников правоотношений возникают, существуют и прекращаются с использованием цифровых средств в рамках информационных систем, признаваемых законодательством» [6, с.131]. Представляется, что указанное определение отражает ключевые особенности цифровых правоотношений (отношений между субъектами в цифровой среде, связанных с использованием цифровых технологий) как собирательной категории. Данной позиции также придерживались Н. А. Петраков и А. В. Тумаков [7, с.122]. Необходимо отметить, что цифровые правоотношения также могут пониматься в более узком смысле, представляя собой правоотношения, осуществляемые относительно особого вида объектов гражданского права - цифровых прав (цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав) [8, с.20] [6, с.131].

Д. А. Павлова указывает, что цифровые правоотношения в узком смысле имеют следующую отличительную особенность: их осуществление возможно исключительно в цифровой среде (информационной системе) относительно цифровых прав. Но, принимая во внимание сущность гражданских правоотношений мы должны учитывать, что они потенциально могут выходить за рамки цифровой среды (или информационной системы), например, в случаях их реализации посредством судебной защиты нарушенного права. Данное обстоятельство связанно с формированием подходов к по-

ниманию категории осуществления гражданских прав.

Можно сделать вывод, что цифровые правоотношения в узком и широком смысле являются собирательными категориями, охватывающими правоотношения в информационных системах относительно цифровых объектов права [5, с.160].

Исходя из этого, можно выделить следующие особенности цифровых правоотношений. Во-первых, нематериальный характер цифровых правоотношений.

Цифровые активы, такие как программное обеспечение, электронные книги, музыка и NFT, не имеют физической формы. Это создает новые вызовы для определения прав собственности и способов их защиты.

Р.М. Янковский отмечает, что «лишь несколько судебных процессов в России были связаны с криптовалютой, и эти одиночные решения с большой натяжкой можно назвать судебной практикой. За редкими исключениями это споры в судах первой инстанции, часто — в судах общей юрисдикции, заканчивающиеся отказами в иске. Чаще всего такие отказы возникают в связи с псевдонимностью криптовалюты, которая не позволяет отождествить владельца кошелька с участником процесса» [9, с.44].

Во-вторых, легкость копирования и распространения цифровых правоотношений.

Цифровая информация может быть легко скопирована и распространена без значительных затрат. Тем самым ставится под угрозу традиционные модели авторского права и требуются новые подходы к защите интеллектуальной собственности.

В-третьих, глобальный характер цифровых правоотношений.

Цифровые правоотношения в силу своего электронного происхождения и оборота действуют не зависимо от границ субъектов их использования и часто пересекают национальные границы. В таких правоотношениях создаются сложности в правоприменении. Требуется международное сотрудничество для разработки универсальных стандартов и норм.

В-четвертых, анонимность и децентрализация цифровых правоотношений.

Многие цифровые технологии, такие как блокчейн, обеспечивают анонимность пользователей и децентрализованный контроль. Это может затруднять идентификацию правонарушителей и защиту прав владельцев.

Конечно, цифровые технологии оказывают широкое и позитивное экономическое воздействие, как на мировую экономику, так и на отдельные страны. Цифровизация способствует экономическому росту, участию граждан и созданию рабочих мест. Цифровые технологии позволяют предприятиям получить доступ к новым рынкам и клиентам и работать более эффективно, принося новые продукты и другие инновации потребителям [2, с.87].

К пятой особенности можно отнести быстрое изменение технологий. Технологии в сфере цифровых активов развиваются с высокой скоростью, что требует от правовой системы гибкости и способности быстро адаптироваться к новым условиям.

Вместе с тем в российских условиях (как, впрочем, и в глобальной экономике в целом) в сегодняшнем крайне напряженном макрополитическом и экономическом климате социально-экономические последствия быстрого развития новых технологий могут проявляться по-разному. Уже сейчас темпы технологических изменений создают большую неопределенность: многие люди просто не могут в полной мере осознать масштабы грядущих изменений, и это приводит их к страху перед воздействием на их рабочие места и средства к существованию. И смягчить последствия таких неизбежных страхов и стоящих за ними реальных изменений тоже задача современного государства, желающего проводить активную социальную политику [2, с.88].

Шестой особенностью является многообразие форматов и платформ. Цифровые активы могут существовать в различных форматах и на разных платформах, что усложняет правоприменение и требует создания специфических правил для каждой категории активов.

Седьмой особенностью можно отметить взаимосвязь с технологическими инновациями. Цифровые правоотношения тесно связаны с новыми технологиями, такими как искусственный интеллект, интернет вещи и блокчейн. Это создает необходимость в разработке новых правовых норм, учитывающих специфику этих технологий.

И к восьмой особенности цифровых правоотношений относятся проблемы защиты прав. Защита прав в цифровой среде часто сталкивается с трудностями, связанными с идентификацией нарушителей, сбором доказательств и применением санкций. Это требует разработки эффективных механизмов защиты прав владельцев цифровых активов.

Особенности цифровых правоотношений требуют от правовой системы новых подходов и механизмов для эффективного регулирования и защиты прав участников цифровой экономики. Адаптация законодательства к быстро меняющимся условиям цифрового мира является важной задачей для обеспечения правовой безопасности и стабильности в этой области.

Цифровая собственность представляет собой новую, сложную и быстроизменяющуюся основу экономических и правовых отношений. Ее ключевые особенности – нематериальность, зависимость от платформ, тесная связь с искусственным интеллектом, проблемы доказательства прав и глобальность – создают уникальные вызовы. Технологии, в первую очередь блокчейн и NFT, предлагают инструменты для решения проблем аутентичности и передачи прав, но требуют адекватного правового оформления. Признание и четкое регулирование цифровой собственности на национальном и международном уровнях критически важный шаг для развития цифровой экономики, защиты прав владельцев и обеспечения правовой определенности в новом цифровом мире. Будущее собственности становится все более «цифровым», и понимание ее характеристик и особенностей необходимо каждому, кто взаимодействует с современными цифровыми активами.

Список литературы:

1. Галкин Н. А. Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – С. 107 – 114.
2. Климушкин Д.М. Цифровые активы как новое измерение в экономике // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Том 9. – № 11А. – С. 85 – 92.
3. Ситдикова Л. Б., Галкин Н. А. Цифровизация гражданского оборота: соотношение понятий «цифровое право» и «цифровое имущество» // Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов: сборник научных статей. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2024. – С. 124 – 126.
4. Галкин Н. А. Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – С. 107 – 114.
5. Павлова Д. А. Цифровые правоотношения // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 159 – 173.
6. Головкин Р. Б. Цифровая форма правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 1 (58). – С. 129 – 134.
7. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 2. – С. 121 – 122.
8. Ефимова Л. Г. Виды правоотношений, возникающих на платформе Blockchain // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. – № 8 (72). – С. 20.
9. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 43 – 74.

References:

1. Galkin N. A. Ponyatie i priznaki tsifrovogo imushchestva kak ob"ekta grazhdanskikh prav // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. – P. 107 – 114.
2. Klimushkin D.M. Tsifrovye aktivy kak novoe izmerenie v ekonomike // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2019. – Tom 9. – № 11A. – P. 85 – 92.
3. Sitdikova L. B., Galkin N. A. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: sootnoshenie ponyatii «tsifrovoe pravo» i «tsifrovoe imushchestvo» // Aktual'nye problemy razvitiya pravovykh institutov v kontekste global'nykh vyzovov: sbornik nauchnykh statei. Grodno: Grodnenskii gosudarstvennyi universitet im. Yanki Kupaly, 2024. – P. 124 – 126.
4. Galkin N. A. Ponyatie i priznaki tsifrovogo imushchestva kak ob"ekta grazhdanskikh prav // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. – P. 107 – 114.
5. Pavlova D. A. Tsifrovye pravootnosheniya // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. – 2023. – № 1 (71). – P. 159 – 173.
6. Golovkin R. B. Tsifrovaya forma pravootnoshenii // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2021. – № 1 (58). – P. 129 – 134.
7. Tumakov A. V., Petrakov N. A. Razvitie tsifrovykh pravootnoshenii v sovremennykh realiyakh // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 2. – P. 121 – 122.
8. Efimova L. G. Vidy pravootnoshenii, voznikayushchikh na platforme Blockchain // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2020. – № 8 (72). – P. 20.
9. Yankovskii R.M. Kriptovalyuty v rossiiskom prave: surrogaty, «inoe imushchestvo» i tsifrovye den'gi // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2020. – № 4. – P. 43 – 74.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_649

ПОНЯТИЕ И КАЧЕСТВО УСЛУГ ЛИЦАМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ
THE CONCEPT AND QUALITY OF SERVICES FOR PEOPLE WITH DISABILITIES

КАИРОВА Алла Игнатовна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».
125047, Российская Федерация, город Москва, Миусская площадь, д.6.
e-mail: Allakairova@mail.ru;

ЧЕРКАШИНА Наталья Валерьевна,
доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: natasha8181@mail.ru;

KAIROVA Alla Ignatovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law Russian State University for the Humanities.
Moscow, Miusskaya Square, 6, 125047, Russian Federation.
e-mail: Allakairova@mail.ru;

CHERKASHINA Natalia Valeryevna,
Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law Russian State University of Social Technologies.
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: natasha8181@mail.ru

Краткая аннотация: *В данной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты определения понятия «услуги лицам с ограниченными возможностями здоровья» в контексте современного социального и экономического развития. Авторы анализируют различные подходы к трактовке данного термина, выделяя ключевые характеристики и особенности, связанные с предоставлением услуг этой категории населения. Значительное внимание уделяется изучению критериев и показателей качества услуг, оказываемых лицам с ОВЗ. Особое место занимает изучение нормативно-правовой базы, регулирующей предоставление социальных, медицинских и других видов услуг лицам с инвалидностью.*

Abstract: *This article examines the theoretical and practical aspects of defining the concept of "services to persons with disabilities" in the context of modern social and economic development. The authors analyze various approaches to the interpretation of this term, highlighting the key characteristics and features associated with the provision of services to this category of the population. Considerable attention is paid to the study of criteria and indicators of the quality of services provided to persons with disabilities. A special place is occupied by the study of the regulatory framework governing the provision of social, medical and other types of services to persons with disabilities.*

Ключевые слова: *услуги, лица с ограниченными возможностями здоровья, качество услуг, доступность, оценка качества, нормативно-правовое регулирование.*

Keywords: *services, persons with disabilities, quality of services, accessibility, quality assessment, regulatory regulation.*

Для цитирования: *Каирова А.И., Черкашина Н.В. Понятие и качество услуг лицам с ограниченными возможностями здоровья // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 649-651. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_649.*

For citation*: Kairova A.I., Cherkashina N.V. The concept and quality of services for people with disabilities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 649-651. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_649.*

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Понятие «услуга» появилась еще в древнеримском частном праве (договор найма) [6]. В целях удовлетворения потребностей правоприменительной практики понятие «услуга» требует объективного толкования, определения признаков услуги и выяснения видов услуг, потребителями или заказчиками которых являются инвалиды. Сложность определения понятия «услуга» связана с тем, что «услуга» является экономико-юридическим понятием.

В гражданском законодательстве Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан «услуга» («оказание услуг») вместе с «работой» («результатом работ») относится к объектам гражданских прав и приравнивается к имуществу (ст. 128 ГК РФ, ст. 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК), ст. 128 ГК РБ). Выполнение услуги по договору возмездного оказания услуг (глава 39 ГК РФ, глава 33 Особенной части ГК РК и глава 39 ГК РБ) бесспорно является объектом обязательств. В данном случае возникают гражданские отношения, присутствуют права и обязанности сторон как содержание обязательств и объект – услуга, на выполнение которой направлены права и обязанности.

В России принято несколько федеральных законов об отдельных видах услуг. Так, Закон РФ № 442-ФЗ характеризует социальную услугу как «действие в сфере социального обслуживания по оказанию… помощи гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности». Для сравнения, в Республике Беларусь статья 1 Закона РБ №395-З указывает на социальную услугу также как «деятельность в области социального обслуживания по оказанию гражданину помощи». Но цели такой деятельности в белорусском законе имеют другие формулировки: услуга предоставляется «в целях содействия в предупреждении, преодолении трудной жизненной ситуации…, не связанная с оказанием материальной помощи». В Республике Казахстан специальные социальные услуги официально обозначены как услуги, которые обеспечивают «условия для преодоления оснований, объективно нарушающих жизнедеятельность человека и направленных на создание равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества» (п. 4 ч. 1 ст. 1 Социального кодекса РК). Другой закон, Закон РФ № 323-ФЗ характеризует медицинскую услугу как «медицинское вмешательство или комплекс вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение».

Получается, что в разных документах одинаковым является общее толкование услуги, при этом услуга относится именно «к активной форме

обязательств» [7].

Обязательна вторая составляющая услуги – цель, направленность на «пользу», «результат». С точки зрения И.Г. Прибыткова, «нельзя отделять друг от друга результат услуги и саму деятельность по оказанию услуги». Подтверждением одновременности (синхронности) оказания услуги и ее потребления является определение услуги в НК РФ, когда результат реализуются и потребляются в процессе деятельности.

Характерным признаком услуги является неовеществленный результат, не имеющий материального выражения. Подтверждение тому, указанные нормы НК РФ о сущности услуги (ст. 38 НК РФ) и нормы гражданского законодательства о договоре возмездного оказания услуг, когда исполнитель оказывает услуги (ст. 780 ГК РФ, ч. 1 ст. 733 ГК РБ, ч. 1 ст. 683 Особенной части ГК РК), а заказчик оплачивает эти услуги (ст. 781 ГК РФ, ч. 1 ст. 735 ГК РБ, ч. 1 ст. 685 Особенной части ГК РК). Бесспорно, что в результате оказания услуги происходят изменения, но осязаемого результата в большинстве случаев не возникает, и результат не может стать вещью, как например при выполнении работы. Как указал Д. Степанов, «услуга проявляется в ее эффекте, который часто воспринимается на уровне чувств» [8]. Такой эффект может сохраниться на какое-то, скорее, непродолжительное время. Например, продолжительность эффекта от информационной услуги связана с актуальностью полученной информации. Позитивный характер эффекта от услуги в большинстве случаев напрямую зависит от надлежащего исполнения услуги. При этом в договорах на оказание услуг, как подчеркивает И.В. Джабуа, «недостижение эффекта не влияет на исполнение обязательства» [3]. Пример, медицинские услуги, конечный результат которых не всегда зависит от воли сторон.

В данном случае проявляется еще один признак услуги – неотделимость от источника, тесная связь с исполнителем. Трудно обособить то что неосязаемо, нематериально (в отличие от вещи, которая может существовать отдельно от источника-производителя). Оказание услуги связано с личностью исполнителя. Личный характер услуги подтверждается нормами статей 780 ГК РФ, 734 ГК РБ, 684 Особенной части ГК РК об исполнении договора возмездного оказания услуг, согласно которым «исполнитель обязан оказать услуги лично». Как делает вывод Е.В. Новикова, каждая услуга становится уникальной или эксклюзивной, поскольку «исполнитель – человек, обладая индивидуальными качествами, индивидуализирует оказываемую услугу» [5].

Последний существенный признак услуги, о котором следует сказать, – это неустойчивость качества услуги. Как считает Д. Степанов, качество услуги нельзя выделить или как-то посчитать. Общее понятие качества Межгосударственный стандарт ГОСТ ISO 9000-2011 определяет, как «степень соответствия совокупности присущих характеристик требованиям», в котором требование является «потребностью или ожиданием, которое установлено, обычно предполагается или является обязательным». Российский стандарт ГОСТ Р 50646-2012 понятие качество услуги толкует как «совокупность технических, технологических и эксплуатационных характеристик, посредством которых услуга отвечает нуждам потребителя». Общие требования к качеству услуг в России установлены в статье 4 Закона РФ № 2300-1: исполнитель обязан оказать потребителю услугу, качество которой соответствует договору, либо соответствует требованиям, установленным в законном порядке.

При оценке качества услуг сложность заключается в том, как определить свойства и требования доброкачественной услуги. Использование только количественных показателей (сроки, выполненный объем, соотношение себестоимости и конечной цены) либо установление правовых норм о том, что не должен совершить исполнитель услуг (негативное обязывание), не решает проблемы оценки качества предоставляемых услуг.

В России оценка предоставления услуг в большинстве случае решается на уровне национальных стандартов. Так, в соответствии с п. 4.1.1 ГОСТ Р 53348-2019 критериями контроля качества социальных услуг инвалидам являются: 1) полнота предоставления услуги; 2) обоснованность и своевременность; 3) результативность (эффективность) предоставления услуг, включая материальную составляющую (материальные и финансовые вопросы) и нематериальную (улучшение психологического и физического состояния клиента и решение его проблем). Специальные критерии качества предусмотрены в отношении конкретных социальных услуг. Например, качество услуги «организация прохождения диспансеризации» согласно п. 4.4.1.5 ГОСТ Р 53348-2019 контролируется по тому, насколько углубленно и всесторонне было обследовано состояние здоровья клиента, что должно быть подтверждено своевременным посещением клиентом всех предписанных врачей. Показатели независимой оценки качества, характеризующие доступность социальных услуг для инвалидов, оценивают оборудование территории и условия учреждения или организации, предоставляющей услуги, уровень удовлетворенности доступностью услуг.

В Финляндии, согласно статье 30 Закона о социальной помощи, «клиент имеет право на получение качественной социальной помощи». При закупке социальных услуг у частного поставщика услуг муниципалитеты принимают во внимание не только цену, но и «соответствие уровня закупаемых услуг уровню, необходимому для аналогичной муниципальной деятельности» (ст. 4 Закона о планировании социального и медицинского обслуживания и государственной помощи). В Норвегии Омбудсмен по вопросам равенства и борьбы с дискриминацией и Норвежское национальное правозащитное учреждение проводят мониторинг воздействия действий государства на людей с ограниченными возможностями, в рамках которого определяется, в том числе, оценка качества предоставляемых услуг. Во Франции оценка качества законом не установлена законом, не случайно Комитет ООН по правам инвалидов рекомендовал Франции «урегулировать предложение и качество услуг для людей с ограниченными возможностями».

Для толкования понятия «услуга» в рамках исследования важно уточнить соотношение «услуги» с близким по смыслу понятием «помощь» или «поддержка». В докладах Комитета ООН по правам инвалидов и в законодательстве эти два понятия упоминаются часто и противоречиво. Так, в докладе Комитета ООН по правам инвалидов после посещения Кувейта отмечено, что медицинские услуги инвалидам «включают профилактическую помощь, лечебную помощь, реабилитацию и психиатрическую помощь». А в рекомендациях правительству Кувейта предлагают «улучшить доступ инвалидов к медицинскому обслуживанию… посредством комплексной медицинской помощи, включая доступ к услугам в области репродуктивного здоровья». Непонятно, то ли помощь является частью услуг, либо прямо наоборот – услуги входят в понятие помощь.

В отдельных случаях приняты четкие официальные толкования понятий. Например, «медицинская помощь» и «медицинская услуга», которые, на наш взгляд, можно использовать по аналогии по отношению к общим понятиям «помощь» и «услуга». В международных правовых актах, в частности, в Декларации о политике в области обеспечения прав пациента в Европе, медицинская помощь – это «врачебные, сестринские или соеди-

ненные с ними услуги» (ст. 7). В России согласно Закону РФ № 323-ФЗ «медицинская помощь – это комплекс мероприятий, …включающих в себя предоставление медицинских услуг». Следуя логике, медицинская услуга – это элемент оказания медицинской помощи, а медицинская помощь по отношению к услуге является родовым понятием.

Определение понятия правовой категории «услуга» в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья будет неполным без анализа видового разнообразия услуг. По субъектному составу в отношении к потребителям услуги могут быть «общего пользования», которые должны быть доступны инвалидам на равных правах с другими лицами, либо специальные услуги, предназначенные только для инвалидов. Пример, услугами общего пользования являются банковские и юридические услуги и др. К общим услугам следует также отнести, услуги, которые приобретаются Ресурсным центром доступных закупок в Канаде, доступные по своей конструкции для людей с ограниченными возможностями, чтобы они могли использовать их без адаптации. Специальные услуги - это услуги, которые предлагаются в рамках индивидуальной реабилитации и абилитации инвалидов, услуги сурдопереводчиков и др. Пример, ст. 132 Социального кодекса Республики Казахстан устанавливает специальные социальные услуги с гарантированным объемом (единый перечень услуг за счет бюджетных средств) и услуги со сверхгарантированным объемом (за счет получателя услуг в соответствии с перечнем, утверждаемым местными органами).

По отношению к исполнителям услуг субъектами могут быть государственные и муниципальные органы, учреждения в лице государственных и муниципальных служащих, частных лиц. Соответственно выделяют государственные, муниципальные и частные услуги. Согласно российскому Закону РФ № 210-ФЗ [1], государственные и муниципальные услуги выполняются государственными и муниципальными органами, либо иными субъектами, которым переданы полномочия этих органов, по запросам заявителей и в пределах, установленных законодательством.

В российском законодательстве особо выделяют отдельный вид государственных и муниципальных услуг – государственные и муниципальные услуги в социальной сфере (в здравоохранении, образовании, социальной защите, занятости населения, туризме, физической культуре и спорте) [2]. В отличие от социальных услуг, регулируемых Законом РФ № 442-ФЗ, которые предоставляются в рамках социальной помощи конкретным категориям субъектов, услуги в социальной сфере предоставляются «не только по острой необходимости, но и по желанию получателя услуг» [4] и в обязательном порядке включены в «классификаторы государственных и муниципальных услуг в отраслях социальной сферы».

Самыми упоминаемыми и нормативно-регулируемыми услугами в зависимости от сферы жизнедеятельности и по целевому назначению являются социальные, медицинские и транспортные услуги. В зарубежных странах предусмотрены социальные услуги (Канада, Парагвай), услуги социальной защиты (КНДР), специализированные услуги поддержки и услуги по уходу (Франция, Норвегия).

По организационно-правовой форме выделяют следующие виды услуг:

– услуги в форме социального обслуживания на дому, в полустационарной форме, или в стационарной форме (Россия);

– услуги на дому, в учреждениях (в больницах и домах престарелых) и на уровне общины (Франция, Канада);

– услуги в учреждениях для проживающих с долговременным уходом и услуги в учреждениях, не связанные с проживанием (Кувейт).

Следует отметить, что Комитет ООН по правам инвалидам отдает предпочтение услугам в общинах, где живут инвалиды, поскольку все учреждения «навязывают условия» жизни, «ограничивающие способность человека вести достойную жизнь наравне с другими». Лица с ограниченными возможностями должны иметь возможность жить в своих сообществах, выбирать с кем, где и как им жить. Комитет приветствует такие инициативы, как Housing First во Франции, которая «предоставляет индивидуальное жилье и поддержку лицам с психосоциальными нарушениями». В Канаде правительство финансово поддерживает «программу самоуправляемых услуг по уходу», которая позволяет взрослым с ограничениями здоровья «стать работодателями для своих сопровождающих, самостоятельно определяя время и условия услуг. Во многих странах для комфортного проживания людей с тяжелой формой инвалидности оказываются услуги личного помощника (Германия, Швейцария, Латвия), помощь в проживании (Финляндия).

Таким образом, проблемы определения понятия «услуга» связаны с тем, что эта экономико-правовая категория не имеет официального толкования. Анализ законодательства позволяет отнести оказание услуг к объектам гражданских прав и объектам обязательств, определить, как направленное на результат и пользу действие, охарактеризовать по специальным законам как отдельный вид и указать на категории оценки качества услуг. Учитывая значимость услуг в социальной сфере и анализ законодательства, следует уточнить официальное понятие социальная услуга: внести изменение в п. 2 ст. 3 Закона РФ № 442-ФЗ, дополнив определение понятия «социальная услуга» следующим признаком: «не связанные с оказанием материальной помощи».

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ, 02.08.2010, № 31, ст. 4179.
2. Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 189-ФЗ (в ред. от 26.12.2024) «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» // Собрание законодательства РФ, 20.07.2020, № 29, ст. 4499.
3. Джабуа И.В. Проблемы толкования понятия работ и услуг в различных отраслях гражданского права // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 43.
4. Киселева Н.В. Социальные услуги и государственные (муниципальные) услуги в социальной сфере: законодательное определение и соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 10.
5. Новикова Е.В. Услуга как объект гражданского права // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2. № 7 (19). С. 325.
6. Новицкий И.Б. Римское частное право: Учеб. / И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. М.: Юриспруденция, 2000. С. 370.
7. Прибытков И.Г. Теоретические аспекты категории услуг в гражданском праве // Современное право. 2017. № 2. С. 58.
8. Степанов Д. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. 2000. № 2. С. 16.

References:

1. Federal Law No. 210-FZ of 27.07.2010 (as amended on 31.07.2025) "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 02.08.2010, No. 31, art. 4179.
2. Federal Law No. 189-FZ of July 13, 2020 (as amended. dated 12/26/2024) "On the state (municipal) social order for the provision of state (municipal) services in the social sphere" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/20/2020, No. 29, art. 4499.
3. Dzhabua I.V. Problems of interpretation of the concept of works and services in various branches of civil law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3. p. 43.
4. Kiseleva N.V. Social services and state (municipal) services in the social sphere: legislative definition and correlation // State power and local self-government. 2023. No. 2. S. 10.
5. Novikova E.V. Service as an object of civil law // Theory of law and interstate relations. 2021. Vol. 2. No. 7 (19). p. 325.
6. Novitsky I.B. Roman private law: Textbook / I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. Moscow: Jurisprudence, 2000. p. 370.
7. Pribytkov I.G. Theoretical aspects of the category of services in civil law // Modern law. 2017. No. 2. p. 58.
8. Stepanov D. Services as an object of civil rights // Russian Justice. 2000. No. 2. p. 16.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_652

УДК 347.9

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ
ON THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ACCESSIBILITY OF JUSTICE IN CASES OF PROTECTION OF ELECTORAL RIGHTS

ОГНЕВА Ксения Олеговна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета (МГЮА им. О.Е. Кутафина).
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
E-mail: samadha@yandex.ru;
OGNEVA K.O.,
PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings at the Moscow State Law University (Kutafin Moscow State Law University).
9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: samadha@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена реализации принципа доступности правосудия по делам о защите избирательных прав. Автором анализируются непосредственность обращения в суд, оперативность рассмотрения дел и использование современных технологий в сфере коммуникации как аспекты обеспечения принципа доступности правосудия.*

Abstract: *The article is devoted to the implementation of the principle of accessibility of justice in cases of protection of electoral rights. The author analyzes the immediacy of going to court, the promptness of considering cases and the use of modern technologies in the field of communication as aspects of ensuring the principle of accessibility of justice.*

Ключевые слова: *доступность правосудия, эффективность правосудия, защита избирательных прав, видеоконференц-связь, веб-конференция, злоупотребление правом, электоральный спор, избирательный конфликт, административный иск, непосредственность судебной защиты.*

Keywords: *accessibility of justice, efficiency of justice, protection of electoral rights, video conferencing, web conference, abuse of rights, electoral dispute, electoral conflict, administrative lawsuit, immediacy of judicial protection.*

Для цитирования: *Огнева К.О. К вопросу о реализации принципа доступности правосудия по делам о защите избирательных прав // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 652-654. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_652.*

For citation*: Ogneva K.O. On the implementation of the principle of accessibility of justice in cases of protection of electoral rights // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 652-654. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_652.*

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Право на обращение в суд, закрепленное в Конституции Российской Федерации, является неотъемлемым и безусловным правом каждого, включая физических лиц и организации. Любой отказ от данного права не имеет юридической силы.

Возможность подачи административного иска с целью защиты избирательных прав является важной составляющей конституционного права на судебную защиту. Процедура реализации этого права регламентируется главой 24 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ).

Опираясь на принцип доступности правосудия, Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) неоднократно акцентировал внимание на важности соблюдения разумных сроков при реализации права на судебную защиту, особенно в контексте защиты избирательных прав граждан [1]. Доступность защиты прав в судебном порядке должна быть обеспечена на каждом этапе избирательной кампании для всех участников: избирателей, кандидатов, партий и других субъектов избирательного процесса. Опираясь на принцип «justitia nemine neganda est» (в правосудии нельзя отказывать никому) и избегая необоснованного ограничения судебных гарантий права граждан избирать и быть избранными, законодательство должно гарантировать оперативное, квалифицированное и беспристрастное разрешение споров, возникающих в ходе выборов [2].

Например, гражданин Г. обратился в суд с исковым заявлением о признании незаконными действий (бездействия) председателя участковой избирательной комиссии избирательного участка № 139 г. Москвы Б.

Суд первой инстанции отказал в принятии данного заявления, сославшись на то, что требования Г. не могут быть рассмотрены в порядке гражданского судопроизводства, а подлежат разрешению по правилам КАС РФ.

Отменяя данное определение и отправляя материал в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии заявления к производству суда, суд апелляционной инстанции указал, что независимо от выбранной заявителем формы обращения определение вида судопроизводства (гражданское исковое, административное или производство по делам об административных правонарушениях) осуществляется судом.

Из содержания поданного Г. заявления усматривается, что он, являясь наблюдателем от кандидата Я., оспаривает действия председателя УИК № 139 г. Москвы Б., совершенные при исполнении им своих обязанностей на выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 г.

Согласно взаимосвязанным положениям статей 19 и 46 Конституции Российской Федерации, конституционное право на судебную защиту предполагает не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме эффективного восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями.

Иной подход в понимании принципа доступности правосудия необоснованно препятствует лицам в реализации своего конституционного

права на судебную защиту, что противоречит задачам судопроизводства и принципу непосредственной реализации права на суд.

С учетом этого, избранная лицом форма обращения не может служить основанием для ограничения права на судебную защиту и не препятствует суду, исходя из характера заявленного требования, рассмотреть вопрос о его принятии к производству суда в соответствии с нормами КАС РФ [3].

Доступность правосудия по делам о защите избирательных прав раскрывается через различные ее аспекты. В частности, это непосредственность судебной защиты, оперативное и своевременное рассмотрение дел, возможность использования современных технических достижений в сфере коммуникации.

Рассматривая вопрос о непосредственности судебной защиты, важно подчеркнуть, что ни избирательное законодательство, ни процессуальные нормы не устанавливают обязательной процедуры досудебного разрешения избирательных споров. Более того, согласно части 17 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства РФ, первичное обращение в вышестоящую избирательную комиссию, включая комиссию субъекта РФ или ЦИК, не является необходимым условием для подачи административного иска в суд с целью обжалования решения избирательной комиссии. Исходя из этого, гражданин, полагающий, что его избирательные права были нарушены, имеет право обратиться в суд с административным иском напрямую.

Доступность правосудия по делам о защите избирательных прав, помимо непосредственного доступа к суду, также включает в себя оперативность и своевременность рассмотрения дела. Как отмечал Г.А. Жилин, «неоправданная задержка в разрешении дела несовместима с доступным и эффективным судопроизводством, она нередко приводит к обесцениванию защищаемого субъективного права, а иногда и к утрате самой возможности его защиты, как это часто случается по делам о защите избирательных прав из-за скоротечности избирательного процесса» [4].

Вместе с тем, судебные решения, вынесенные после подведения итогов голосования и определения результатов выборов, которыми удовлетворены административные исковые требования, могут привести к необходимости проведения новых выборов, что не всегда будет отвечать интересам избирателей, ранее выразивших свою волю, и публичным интересам. Например, в случае признания незаконной отмены регистрации кандидата, который изначально имел минимальные шансы на победу на выборах. Соответственно, проведение новых выборов с участием такого кандидата с большей вероятностью приведет к повторному избранию кандидата, признанного победившим на первоначальных выборах.

В этой связи Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 136 постановления от 27 июня 2023 года № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее - постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24) разъяснил, что наступление даты, до которой допускается принятие судом решения об отмене регистрации кандидата (списка кандидатов), инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, является основанием для отказа в удовлетворении административного искового заявления и в том случае, когда имеются основания для отмены регистрации (части 4 и 5 статьи 241 КАС РФ). Вместе с тем, Верховный Суд РФ в пункте 128 названного постановления указал на возможность признания за лицом в таких случаях права на использование иных компенсаторных механизмов (в том числе на признание и возмещение государством причиненного вреда) (подпункт «д» пункта 2 статьи 77 Закона об основных гарантиях избирательных прав). Как представляется, данные положения направлены на обеспечение баланса публичных и частных интересов государства и конкретного лица, чье право нарушено и не может быть восстановлено иным образом, что также должно обеспечивать реализацию принципа доступности и эффективности правосудия по делам о защите избирательных прав.

Помимо этого, для реализации принципа доступности правосудия по данной категории дел закон предусматривает ряд процессуальных механизмов, включая сокращенные сроки рассмотрения избирательных споров. В данном аспекте нельзя не согласиться с Н.А. Бурашниковой, полагающей, что «если административное исковое заявление гражданина об оспаривании решения избирательной комиссии об отказе ему в регистрации в качестве кандидата либо заявление об отмене регистрации кандидата будут рассматриваться судами в общие двухмесячные сроки рассмотрения административных дел, то любые судебные решения, вынесенные позднее дня голосования на выборах, очевидно не будут актуальным средством защиты нарушенных прав и не смогут повлечь тех юридических последствий, на достижение которых они были направлены» [5].

Кроме того, часть 1 статьи 241 Кодекса устанавливает, что административные исковые заявления, поступившие в день, предшествующий дню голосования (первому дню голосования), в день голосования (в дни голосования) или в день, следующий за днем голосования (последним днем голосования), рассматриваются немедленно, то есть в день поступления административного иска.

При этом столь короткие сроки рассмотрения дела не освобождают суд от обязанности провести все необходимые процессуальные действия по его подготовке к судебному разбирательству [6]. Работа суда должна быть организована таким образом, чтобы дело было своевременно рассмотрено даже в выходные и нерабочие дни (часть 7 статьи 241 КАС РФ, пункт 11 статьи 75 Закона об основных гарантиях избирательных прав). Данные положения также направлены на обеспечение доступности правосудия в период избирательной кампании для участников избирательных конфликтов.

Следующим немаловажным аспектом доступности правосудия по делам о защите избирательных прав является возможность использования современных технических достижений в сфере коммуникации. Речь, в частности, идет об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи и веб-конференции (статьи 143 и 142^1 Кодекса). Причем эта возможность может быть реализована не только непосредственными участниками избирательного конфликта, но и иными лицами, чье участие в судебном заседании является необходимым, но они по объективным причинам не могут лично явиться в суд (например, свидетели, специалисты, эксперты и иные лица). Данные нормы КАС РФ позволяют оперативно рассмотреть дело и одновременно освободить участников процесса от дополнительных расходов, которые они могли бы понести в связи с участием в судебном заседании (например, затраты на проезд до здания суда).

В развитие названных положений процессуального закона Пленум Верховного Суда РФ в пункте 50 постановления № 24 указал, что в случае, когда лицо принимает участие в деле по видео-конференц-связи, в целях оперативного рассмотрения дела и недопущения злоупотреблений правами со стороны участников судебного разбирательства, а также с учетом реальной возможности указанных лиц и их представителей прибыть в здание суда для ознакомления с материалами дела суд вправе огласить материалы в необходимом объеме в судебном заседании с занесением соответствующих сведений в протокол при наличии ходатайства об ознакомлении с материалами дела (часть 4 статьи 2, статьи 142, 142[1], 164, пункт 13 части 3 статьи 205 КАС РФ).

На наш взгляд, приведенные разъяснения высшей судебной способствуют одновременной реализации доступности и эффективности правосудия по делам о защите избирательных прав, а также нивелированию возможности злоупотребления лицами, участвующими в деле, своими правами. Например, когда интерес такого лица заключается в затягивании сроков рассмотрения дела с целью устранения соперника из предвыборной гонки.

Использование современных средств коммуникации при обеспечении доступности правосудия по делам о защите избирательных прав также имеет важное значение для реализации лицами, участвующими в деле, права на обжалование судебного акта. В частности, часть 4 статьи 244 КАС РФ предусматривает, что копии решения суда по административному делу о защите избирательных прав вручаются под расписку лицам, участвующим в деле, или направляются им в течение трех дней со дня принятия такого решения в окончательной форме, а в период избирательной кампании, кампании референдума (до дня голосования) незамедлительно после изготовления решения суда с использованием способов, позволяющих обеспечить скорейшую доставку указанных копий.

В данном случае под способом, обеспечивающим скорейшую доставку копий соответствующего решения, понимается использование судом любых технических средств связи (телефонной или факсимильной связи, электронной почты), позволяющих контролировать получение указанных копий адресатом. В частности, копия решения может быть направлена посредством единого портала государственных и муниципальных услуг, системы электронного документооборота участника судебного процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия (часть 4 статьи 2, статья 98 КАС РФ) [7][1].

Таким образом, доступность правосудия является важным аспектом судебной защиты избирательных прав. В любом случае судебный акт, принятый по данной категории дел, с учетом значимости защищаемых прав и характера спорных отношений опосредованно способствует защите неопределенного круга лиц, реализующих как активное, так и пассивное избирательное право в период избирательной кампании, а также соблюдению баланса публичных и частных интересов. С учетом этого по данной категории дел доступность правосудия должна обеспечиваться всеми предусмотренными законом способами.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.В. Андронова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановления Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2017 г. № 17-П, от 24 марта 2020 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 и части 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.А. Брюхановой и Е.Л. Русаковой» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.08.2018 по делу № 33а-6248/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010. 576с. // СПС «КонсультантПлюс».

5. Бурашникова Н.А. Механизм судебной защиты избирательных прав в российском административном судопроизводстве // Судья. 2018. № 1. С. 47 – 52 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Пункт 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Пункт 140 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 22, 2013 No. 8-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 3, 4, paragraph 1 of the first part of Article 134, Article 220, part one of Article 259, Part two of Article 333 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, subparagraph "h" of paragraph 9 of Article 30, paragraph 10 of Article 75, paragraphs 2 and 3 of Article 77 Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum", Parts 4 and 5 of Article 92 of the Federal Law "On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" in connection with complaints from citizens A.V. Andronov, O.O. Andronova, O.B. Belov and others, the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and the regional branch of the JUST RUSSIA political party in the Voronezh Region // SPS ConsultantPlus.

2. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 17-P dated April 13, 2017, No. 12-P dated March 24, 2020 "In the case of verifying the Constitutionality of the provisions of Article 19, paragraph 7 of Part 1 of Article 20, paragraph 7 of Article 21 and Paragraph 4 of Article 240 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, as well as paragraph 7 of part 4 of Article 2 of the Federal Constitutional Law "On the Supreme Court of the Russian Federation" in connection with the complaints of citizens A.A. Bryukhanova and E.L. Rusakova // SPS "ConsultantPlus".

3. The appeal ruling of the Moscow City Court dated 08/24/2018 in case No. 33a-6248/2018 // SPS "ConsultantPlus".

4. Zhilin G.A. Justice in civil cases: current issues: monograph. Moscow: Prospekt, 2010. 576c. // SPS "ConsultantPlus".

5. Burashnikova N.A. Mechanism judicial protection of electoral rights in Russian administrative proceedings // Judge. 2018. No. 1. S. 47 – 52 // SPS "ConsultantPlus".

6. Paragraph 40 of Resolution No. 24 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2023 "On certain issues arising during the consideration by the courts of administrative cases on the protection of electoral rights and the right of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum" // SPS ConsultantPlus.

7. Paragraph 140 of Resolution No. 24 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2023 "On certain issues arising during the consideration by the courts of administrative cases on the protection of electoral rights and the right of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum" // SPS ConsultantPlus.

[1] Пункт 140 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_655

УДК 347.6

ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ
LEGAL CONSOLIDATION AND APPLICATION OF THE LIMITS OF THE EXERCISE OF PARENTAL RIGHTS

ЧЕСНОКОВА Юлия Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: juliachesn@yandex.ru;

CHESNOKOVA Yulia V.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Penza State University "Penza State University".
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: juliachesn@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются вопросы правового регулирования и применения пределов осуществления родительских прав в Российской Федерации. Особое внимание уделяется конституционным и международно-правовым основам определения границ осуществления родительских прав. В работе также освещаются проблемы право применения и предлагаются направления совершенствования законодательства в целях обеспечения баланса интересов родителей и ребенка. На основе проведенного исследования автором сделан вывод, что на сегодняшний день правовые основы установления пределов осуществления родительских прав закреплены как на международном, так и на внутригосударственном уровнях, прежде всего в Семейном кодексе РФ. Несмотря на наличие правовой базы, в правоприменительной практике сохраняются проблемы, связанные с оценочным характером норм, сложностью доказывания и не всегда достаточной эффективностью применяемых мер. Дальнейшее совершенствование законодательства и практики его применения должно быть направлено на повышение определенности правовых норм, усиление роли органов профилактики и защиты прав детей, а также развитие системы социальной поддержки семей.*

Abstract: *The article discusses the issues of legal regulation and the application of the limits of the exercise of parental rights in the Russian Federation. Special attention is paid to the constitutional and international legal foundations for defining the boundaries of the exercise of parental rights. The paper also highlights the problems of legal application and suggests ways to improve legislation in order to ensure a balance between the interests of parents and the child. Based on the conducted research, the author concludes that today the legal basis for setting limits on the exercise of parental rights is fixed at both the international and domestic levels, primarily in the Family Code of the Russian Federation. Despite the existence of a legal framework, problems remain in law enforcement practice related to the evaluative nature of norms, the complexity of proof, and the lack of sufficient effectiveness of the measures applied. Further improvement of legislation and the practice of its application should be aimed at increasing the certainty of legal norms, strengthening the role of bodies for the prevention and protection of children's rights, as well as developing a system of social support for families.*

Ключевые слова: *ребенок, родительские права, пределы осуществления, семейное законодательство, интересы ребенка, злоупотребление родительскими правами.*

Key words: *child, parental rights, limits of exercise, family law, interests of the child, abuse of parental rights.*

Для цитирования: *Чеснокова Ю.В. Правовое закрепление и применение пределов осуществления родительских прав // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 655-657. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_655.*

For citation*: Chesnokova Yu.V. Legal consolidation and application of the limits of the exercise of parental rights // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 655-657. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_655.*

Статья поступила в редакцию: 25.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Родительские права являются важным правовым институтом, направленным на обеспечение благополучия и развития ребенка. Их осуществление неразрывно связано с выполнением родительских обязанностей и ограничено императивным требованием действовать исключительно в интересах ребенка. Принцип приоритетной защиты прав несовершеннолетних является приоритетным при определении пределов родительского усмотрения.

Правовые пределы осуществления родительских прав определяются нормами различных отраслей права, прежде всего, конституционного, международного и семейного.

Конституционные основы закреплены в статье 38 Конституции РФ [1], которая гласит, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». Этот конституционный принцип обязывает государство принимать меры, направленные на защиту ребенка даже от неправомерных действий его собственных родителей.

Международно-правовой уровень представлен, в первую очередь, Конвенцией ООН о правах ребенка (1989 г.) [2], которая ратифицирована Российской Федерацией и является частью ее правовой системы. Конвенция устанавливает ряд важнейших принципов, имеющих прямое отношение к пределам родительских прав:

- принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка (статья 3);

- право ребенка не разлучаться со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка (статья 9);

- обязанность государств-участников защищать ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке (статья 19).

Положения Конвенции послужили основой для совершенствования национального законодательства и являются ориентиром для право-

применительной практики.

Основным источником, детально регулирующим пределы осуществления родительских прав в Российской Федерации, является Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) [3]. Ряд статей СК РФ прямо или косвенно устанавливают эти пределы:

- статья 61 (основания возникновения и прекращения родительских прав);

- статья 63 (права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей);

- статья 64 (права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей), где особо подчеркивается, что родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия;

- статья 65 (осуществление родительских прав), устанавливающая недопустимость их осуществления в противоречии с интересами детей и запрет на злоупотребление правами;

- глава 11 СК РФ, посвященная правам несовершеннолетних детей, также опосредованно влияет на пределы родительских прав, признавая за ребенком право жить и воспитываться в семье, право на общение с родителями и другими родственниками, право на защиту своих законных интересов, право выражать свое мнение, право на имя, отчество и фамилию, изменение имени и фамилии, имущественные права.

Наиболее жесткими формами правового ограничения родительских прав являются лишение родительских прав (статьи 69-71 СК РФ) и ограничение родительских прав (статьи 73-75 СК РФ), регулированию которых посвящены отдельные статьи Семейного Кодекса.

Помимо СК РФ, пределы родительских прав могут быть установлены иными федеральными законами, например, Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4], который регулирует деятельность органов и учреждений системы профилактики по выявлению и работе с семьями, находящимися в социально опасном положении.

Нормы Гражданского процессуального кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ также применяются при рассмотрении судами дел, связанных с ограничением или прекращением родительских прав.

Таким образом, несмотря на достаточно подробное правовое регулирование, в сфере установления и применения пределов осуществления родительских прав существует ряд проблем правоприменительного характера, требующих особого внимания.

Одной из ключевых проблем является оценочный характер ряда используемых законодателем категорий, таких как «интересы ребенка», «злоупотребление родительскими правами», «жестокое обращение». Отсутствие четких, исчерпывающих критериев оценки таких ситуаций приводит к широкому судебному толкованию и, как следствие, к определенной непредсказуемости судебных решений по аналогичным делам.

По мнению Н. В. Фомичевой «интересы ребенка, с точки зрения семейного права, не что иное, как условия его физического и нравственного благополучия, которые должны обеспечиваться в первую очередь родителями» [5, с. 109].

Следует согласиться с мнением К. В. Юнусовой, которая считает, что «понятие «интересы ребенка» формируется постепенно с процессом взросления ребенка. В связи с этим, на данном этапе за формирование интересов отвечают родители» [6, с. 91]. Она предлагает при разрешении судебного спора и использования оценочной категории «интересы ребенка» руководствоваться, прежде всего, следующими правилами: «интересы ребенка и их реализация не должны иметь антиморальную и антисоциальную направленность; необходимо отметить личные симпатии и личные приоритеты несовершеннолетнего ребенка, а также определенные традиции и устои самой семьи» [6, с. 91].

Считаем, что определение «наилучших интересов ребенка» требует не только правовых, но и психологических, педагогических знаний, что подчеркивает необходимость активного привлечения к судебным процессам таких специалистов, как психологи, педагоги, представители органов опеки и попечительства.

В соответствии с Пленумом Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий к получению ими общего образования, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотических средств или психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, вовлечение в деятельность общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности» [7].

Семейный кодекс РФ не раскрывает понятия «жестокое обращение с детьми». Однако, в настоящее время одним из общепринятых определений понятия «жестокое обращение с ребенком» является следующее: «все многообразие действий (и бездействий) со стороны взрослых, обязанных заботиться о ребенке и опекать его, которые наносят вред физическому и психическому здоровью ребенка и его развитию» [8, с. 201].

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность» [7].

По мнению прокурора Центрального района г. Тольятти Рамиса Сабирзянова «жестокое обращение не сводится только к избиению. Не менее травмирующими могут быть насмешки, оскорбления, унижающие сравнения, необоснованная критика. Кроме того, это может быть отвержение, холодность, оставление без психологической и моральной поддержки» [9].

Согласимся с мнением Арбузова Р.Д., который отмечает, что «актуальность проблемы жестокого обращения с детьми заключается в том, что разные виды насилия над детьми, игнорирование их основных потребностей негативно влияют на развитие, здоровье и жизнь ребенка, нарушают ее социализацию, порождают безнадзорность и преступность среди детей» [10, с. 91].

Проблема доказывания фактов ненадлежащего осуществления или злоупотребления родительскими правами также является весьма актуальной на сегодняшний день. Часто такие ситуации происходят в закрытой семейной среде, и сбор достоверных доказательств (свидетельских показа-

ний, заключений экспертов, документов) представляет значительные трудности.

Эффективность применяемых мер защиты прав ребенка не всегда достигает поставленных целей. Например, лишение родительских прав, будучи крайней мерой, не всегда решает проблему устройства ребенка и его дальнейшего благополучия. Важно не только изъять ребенка из неблагоприятной среды, но и обеспечить ему достойные условия для жизни и развития, что требует слаженной работы органов опеки и попечительства, социальных служб.

Существует необходимость в дальнейшем совершенствовании законодательства, направленном на: во-первых, детализацию оценочных понятий. Разработка научно обоснованных критериев и индикаторов для оценки «интересов ребенка», «злоупотребления родительскими правами» может повысить единообразие судебной практики. Это может быть достигнуто путем принятия постановлений Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющих применение соответствующих норм, или путем внесения изменений в законодательство, содержащих более конкретные определения.

Во-вторых, усиление роли органов опеки и попечительства. Необходимо расширение их полномочий по выявлению и пресечению нарушений прав детей, повышение квалификации их сотрудников, улучшение межведомственного взаимодействия. Именно органы опеки и попечительства должны играть ведущую роль в профилактике семейного неблагополучия и раннем выявлении ситуаций, угрожающих ребенку.

В-третьих, развитие системы психологической и социальной помощи семьям. Применение правоограничительных мер является крайней мерой. Гораздо эффективнее работать над предотвращением кризисных ситуаций в семье, оказывая родителям необходимую поддержку и помощь в выполнении их функций.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Правовые основы установления пределов осуществления родительских прав закреплены на конституционном, международно-правовом и внутригосударственном уровнях, прежде всего в Семейном кодексе РФ. Несмотря на наличие правовой базы, в правоприменительной практике сохраняются проблемы, связанные с оценочным характером норм, сложностью доказывания и не всегда достаточной эффективностью применяемых мер.

Дальнейшее совершенствование законодательства и практики его применения должно быть направлено на повышение определенности правовых норм, усиление роли органов профилактики и защиты прав детей, а также развитие системы социальной поддержки семей.

Конечной целью правового регулирования в данной сфере является обеспечение баланса между правами родителей и правами ребенка, при безусловном приоритете наилучших интересов несовершеннолетнего. Только такой подход может гарантировать создание благоприятных условий для гармоничного развития подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации, принята 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. – 2020. - № 11, ст. 1416; - № 27, ст. 4196. – 2022 - № 41., ст. 6930, 6931, 6933.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 01.04.2025) // Собрании законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177
5. Фомичева Н. В. Конфликт прав и интересов родителей и детей при выезде ребенка за границу // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3. С. 108–112.
6. Юнусова К. В. Научно-правовая характеристика понятия «интересы ребенка» в родительских правоотношениях // Аграрное и земельное право. 2020. № 8 (188). С. 91-93.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» //https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709348/ (дата обращения: 25.06.2025).
8. Чудова С. Г. Феномен жестокого обращения с детьми: многообразие исследовательских подходов // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве. 2023. Т. 2. № 12. С. 200-205.
9. Прокуратура Центрального района г. Тольятти разъясняет: Объясните, что такое жестокое обращение с детьми? https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_63/activity/legal-education/explain?item=58908900
10. Арбузов Н. Д. К вопросу о жестоком обращении с детьми // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Том 1. Курская академия государственной и муниципальной службы. – Курск, 2023. С. 90-93.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. - No. 11, Article 1416; - No. 27, Article 4196. – 2022 - No. 41, Articles 6930, 6931, 6933.
2. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 11/20/1989) (entered into force for the USSR on 09/15/1990) // Collection of International treaties of the USSR. Issue XLVI. 1993.
3. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on 11/23/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.
4. Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 "On the fundamentals of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency" (as amended on 04/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. St. 3177.
5. Fomicheva N. V. Conflict of rights and interests of parents and children when a child travels abroad // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 3. pp. 108-112.
6. Yunusova K. V. Scientific and legal characteristics of the concept of "child's interests" in parental legal relations // Agrarian and land law. 2020. No. 8 (188). pp. 91-93.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 14, 2017 No. 44 "On the practice of Applying Legislation by Courts in Resolving Disputes related to the protection of the rights and Legitimate interests of a child in case of an immediate threat to his life or health, as well as in case of restriction or deprivation of parental rights" //https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709348 / (date of access: 06/25/2025).
8. Chudova S. G. The phenomenon of child abuse: a variety of research approaches // Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space. 2023. Vol. 2. No. 12. pp. 200-205.
9. The Prosecutor's Office of the Central district of Tolyatti clarifies: Explain what child abuse is? https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_63/activity/legal-education/explain?item=58908900.
10. Arbuzov N. D. On the issue of child abuse // Current issues of public administration, economics, law in the context of digitalization. Collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference. Volume 1. Kursk Academy of State and Municipal Service. – Kursk, 2023. pp. 90-93.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_658

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТА ПАТЕНТНЫХ ПРАВ БЕЗ СОГЛАСИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
THE USE OF AN OBJECT OF PATENT RIGHTS WITHOUT THE CONSENT OF THE COPYRIGHT HOLDER AS A TOOL TO ENSURE NATIONAL SECURITY

ДОГУЗОВ Сослан Артурович,
адвокат, советник практики разрешения споров и уголовно-правовой защиты бизнеса
Коллегии адвокатов г. Москвы «Залесов, Тимофеев, Гусев и партнеры»,
аспирант юридического факультета
ФГБУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова».
363025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, улица Бутырина, 27.
E-mail: soslan.doguzov@ztglaw.ru;

КОЧИЕВ Георгий Казбекович,
студент магистратуры юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.
E-mail: soslan.doguzov@ztglaw.ru;

DOGUZOV Soslan Arturovich,
lawyer, Advisor to the practice of Dispute Resolution and Criminal Law Protection of Business
Moscow Bar Association Zalesov, Timofeev, Gusev and Partners,
Postgraduate student at the Faculty of Law North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.
Vladikavkaz, Butyrina St., 27, 363025, Russia, Republic of North Ossetia-Alania.
E-mail: soslan.doguzov@ztglaw.ru ;

KOCHIEV Georgy Kazbekovich,
Graduate student of the Faculty of Law Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.
E-mail: soslan.doguzov@ztglaw.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена институту использованию объекта патентных прав без согласия правообладателя как правовому механизму, обеспечивающему защиту публичных интересов в условиях чрезвычайной необходимости. Особое внимание уделяется правовой природе статьи 1360 ГК РФ, регламентирующей возможность использования объектов патентного права без согласия правообладателя в целях охраны жизни, здоровья граждан и обеспечения государственной безопасности. Анализируются ключевые элементы нормативного регулирования, а также значимые правоприменительные прецеденты последних лет в фармацевтической отрасли. Авторы формулируют выводы о необходимости нормативной конкретизации условий крайней необходимости, установления компетенций уполномоченных органов и обеспечения баланса между публичными интересами и правами патентообладателей в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации.*

Abstract: *The article is devoted to the institution of the use of an object of patent rights without the consent of the copyright holder as a legal mechanism ensuring the protection of public interests in an emergency. Special attention is paid to the legal nature of Article 1360 of the Civil Code of the Russian Federation, which regulates the possibility of using objects of patent law without the consent of the right holder in order to protect the life, health of citizens and ensure state security. The key elements of regulatory regulation are analyzed, as well as significant law enforcement precedents in recent years in the pharmaceutical industry. The authors formulate conclusions on the need for regulatory specification of the conditions of extreme necessity, establishing the competencies of authorized bodies and ensuring a balance between public interests and the rights of patent holders in accordance with the international obligations of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *Патентное право, объекты патентных прав, исключительные права, национальная безопасность, статья 1360 ГК РФ, интеллектуальная собственность, патентное право, фармацевтические препараты, ограничение исключительных прав, крайняя необходимость.*

Keywords: *Patent law, objects of patent rights, exclusive rights, national security, Article 1360 of the Civil Code of the Russian Federation, intellectual property, patent law, pharmaceuticals, limitation of exclusive rights, extreme necessity.*

Для цитирования: *Догузов С.А., Кочиев Г.К. Использование объекта патентных прав без согласия правообладателя как инструмент обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 658-660. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_658.*

For citation*: Doguzov S.A., Kochiev G.K. The use of an object of patent rights without the consent of the copyright holder as a tool to ensure national security // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 658-660. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_658.*

Статья поступила в редакцию: 11.06.2025
Дата публикации: 29.08.2025

В условиях обострения глобальных вызовов: пандемий, санкционного давления, дефицита критически важных технологий, — возрастает значимость механизмов, позволяющих государству оперативно вмешиваться в сферу исключительных прав в интересах защиты общественного блага. Одними из таких механизмов в российской правовой системе выступает институты, закрепленные в статьях 1360 и 1362 ГК РФ. Первая норма предусматривает возможность использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в интересах национальной безопасности государства, вторая — регулирует порядок предоставления лицензии на зависимые изобретения.

Особое внимание в последние годы привлекает правоприменительная практика по статье 1360 ГК РФ, начавшая активно формироваться после 2020 года, прежде всего, в связи с необходимостью обеспечения доступа к фармацевтическим разработкам в период пандемии COVID-19. До этого момента обращения к данному механизму не встречались или встречались крайне редко, что подчеркивает его экстраординарный характер.

Несмотря на то, что правовая конструкция указанной нормы опирается на международные принципы, зафиксированные в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15.04.1994 [1], ее реализация вызывает многочисленные споры, касающиеся правовой природы вмешательства, критериев допустимости ограничения исключительных прав и границ пропорциональности такого вмешательства в частную сферу. Особенно остро вопрос встает в контексте баланса между стимулированием инновационной активности и необходимостью оперативного реагирования на угрозы общественной безопасности.

В рамках настоящей статьи объектом анализа выступает статья 1360 ГК РФ как особый правовой механизм, предназначенный для реализа-

ции публичных интересов в условиях крайней необходимости.

Согласно указанной норме, в условиях исключительной правовой необходимости, сопряженной с угрозами национальной безопасности, интересами обороны либо потребностью в охране жизни и здоровья граждан, Правительство Российской Федерации наделено правом разрешать использование охраняемых объектов промышленной собственности - изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, — без согласия правообладателя. При этом последний должен быть уведомлен в возможно кратчайшие сроки и имеет право на получение соразмерной компенсации, методологические основы расчета и порядок выплаты которой устанавливаются подзаконными нормативными актами, утверждаемыми Правительством Российской Федерации.

Стоит отметить, что правовой механизм, закрепленный в статье 1360 ГК РФ, в определенной мере соотносим с институтами реквизиции и изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, поскольку предоставляет Правительству Российской Федерации возможность вмешательства в исключительное использование объектов интеллектуальной собственности в публичных интересах. Вместе с тем, в отличие от реквизиции, данный правовой механизм не влечёт за собой перехода исключительных прав на объект к государству, а лишь допускает его принудительное использование при сохранении права собственности за патентообладателем.

Патентное право сохраняется за прежним правообладателем, который продолжает обладать правом использовать охраняемый патентом объект, а также ограничивать доступ к нему со стороны третьих лиц. Правительство Российской Федерации, вмешиваясь в сферу исключительных прав, предоставляет другому субъекту право на использование разработки, ограничивая тем самым монополию правообладателя [2].

В соответствии с указом Президента Российской Федерации № 122 от 15.02.2024, при правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции была создана подкомиссия, уполномоченная рассматривать вопросы использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов для обеспечения экономической безопасности страны. В задачи подкомиссии входит принятие решений о принудительном лицензировании лекарственных средств [3]. В рамках исполнения указа Правительству Российской Федерации было поручено разработать и утвердить порядок подготовки и принятия решений подкомиссией об использовании объектов патентного права без согласия их правообладателей. Данная мера была направлена на оптимизацию применения положений статьи 1360 ГК РФ в условиях крайней необходимости.

Впервые в российской правоприменительной практики нормы статьи 1360 ГК РФ были реализованы Правительством Российской Федерации посредством издания Распоряжения от 31.12.2020 № 3718-р [4]. В рамках данного распоряжения АО «Фармасинтез» было предоставлено разрешение на использование ряда изобретений, охраняемых евразийскими патентами, принадлежащими американским фармацевтическим компаниям Gilead Sciences Inc. и Gilead Pharmasset LLC, на территории Российской Федерации без согласия правообладателей. Целью принятия такого решения стало обеспечение национальной безопасности и доступности для населения лекарственных препаратов с международным непатентованным наименованием «Ремдесивир».

Распоряжение распространялось на следующие евразийские патенты: EA025252, EA025311, EA029712, EA020659 и EA032239, принадлежащие компании Gilead Sciences Inc. (США); EA028742, принадлежащий компании Gilead Pharmasset LLC (США).

Срок действия предоставленной принудительной лицензии был ограничен одним годом. Основной задачей механизма стало обеспечение населения Российской Федерации необходимыми лекарственными средствами для лечения коронавирусной инфекции, что определяло высокий общественный интерес.

Фармацевтические компании США, обладавшие соответствующими патентами, выразили несогласие с распоряжением Правительства Российской Федерации, аргументируя свою позицию отсутствием обоснованных оснований для применения указанного механизма. В качестве реакции на данное распоряжение правообладатели инициировали судебное разбирательство в Верховном Суде Российской Федерации об оспаривании Распоряжения от 31.12.2020 № 3718-р.

27.05.2021 Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела дело об оспаривании распоряжения. В рамках разбирательства поднимались вопросы о соблюдении условий применения статьи 1360 ГК РФ, включая: наличие объективной потребности в обеспечении населения жизненно важными лекарственными средствами; соответствие действий Правительства Российской Федерации международным обязательствам Российской Федерации в рамках Соглашения ТРИПС; необходимость учета интересов патентообладателей при реализации исключительных прав.

Решением от 27.05.2021 по делу № АКПИ21-303 [5] Верховный Суд Российской Федерации признал законным Распоряжение от 31.12.2020 № 3718-р, принятое на основании статьи 1360 ГК РФ. Основанием для принятия указанного судебного акта стала пандемия COVID-19, признанная всемирной организацией здравоохранения чрезвычайной ситуацией международного значения. С учетом высокого уровня контагиозности, тяжелым течением заболевания, особенно среди пациентов из групп риска, высоким уровнем летальности, Правительство Российской Федерации предприняло меры для защиты здоровья населения, соответствующие Стратегии национальной безопасности [6] и Стратегии развития здравоохранения [7], где пандемии и эпидемии признаны угрозами национальной безопасности.

Суд отметил, что статья 1360 ГК РФ согласуется с международными нормами, включая Соглашение ТРИПС, допускающее использование запатентованных объектов в чрезвычайных ситуациях, и Сиракузские принципы, позволяющие ограничивать права ради защиты общественного здоровья. При этом распоряжение не ограничивает оборот запатентованного препарата «Веклури» и не препятствует деятельности истца в Российской Федерации, а предусмотренная компенсация обеспечивает защиту его прав.

Суд также обратил внимание на то, что изменения в статью [8], уточнившие цели охраны жизни и здоровья, лишь конкретизировали уже существующие основания. Как констатировал Верховный Суд Российской Федерации, распоряжение направлено на устранение последствий пандемии и обеспечение национальной безопасности, что признано соответствующим как российскому, так и международному законодательству.

Следующим шагом в становлении практики применения статьи 1360 ГК РФ, стало дело датской компании Novo Nordisk [9].

Начиная с конца 2023 года Правительство Российской Федерации, руководствуясь статьей 1360 ГК РФ, выпустило ряд распоряжений: № 3937-р от 27.12.2023 [10], № 3286-р от 15.11.2024 [11], № 3930-р от 21.12.2024 [12], которыми предоставило российским фармацевтическим компаниям право на выпуск препаратов с действующим веществом семаглутид без согласия патентообладателя, датской компании Novo Nordisk.

Поводом для применения механизма статьи 1360 ГК РФ стало уведомление и, начиная с 2024 года, фактическое прекращение поставок препарата на российский рынок, которые вызвали опасения относительно дефицита жизненно необходимых препаратов для пациентов с диабетом.

Правительство аргументировало свои распоряжения необходимостью охраны жизни и здоровья граждан, так как прекращение поставок препарата Novo Nordisk могло привести к дефициту жизненно важного лекарства на российском рынке. Такое положение было расценено Верховным Судом Российской Федерации как состояние крайней необходимости.

Верховный Суд Российской Федерации отметил, что распоряжения изданы для охраны жизни и здоровья граждан путём обеспечения населения Российской Федерации лекарственными препаратами с международным непатентованным наименованием «Семаглутид», необходимыми для улучшения гликемического контроля, снижения риска развития серьёзных сердечно-сосудистых событий и контроля массы тела при наличии связанного с избыточной массой тела сопутствующего заболевания. При этом оспариваемые распоряжения не ограничивают оборот запатентованных лекарственных препаратов и не препятствуют правообладателю в осуществлении хозяйственной деятельности на территории Российской Федерации. Данное решение стало сигналом для иностранных фармацевтических компаний. Прекращение поставок жизненно важных препаратов может привести к ограничению их патентной защиты в Российской Федерации. Решение позволило избежать дефицита препарата на рынке, обеспечив пациентов с диабетом жизненно необходимым лечением, однако механизм использования объекта патентных прав без согласия правообладателя может повлиять на инвестиционную привлекательность российского фармацевтического сектора для иностранных компаний.

Судебное разбирательство по делу акцентировало значимость достижения баланса между защитой прав интеллектуальной собственности и обеспечением национальной безопасности. Распоряжения, принятые Правительством Российской Федерации, являлись вынужденной мерой, направленной на предотвращение дефицита жизненно важных лекарств, однако оно выявило необходимость детализации применения статьи 1360 ГК РФ.

Таким образом, статья 1360 ГК РФ представляет собой исключительный правовой механизм, допускающий ограничение исключительных прав в условиях чрезвычайной необходимости для защиты интересов государства и общества. Несмотря на свою ограниченную сферу действия, данная норма в последние годы получила практическую реализацию именно в фармацевтическом секторе, что обусловлено как эпидемиологическими рисками, так и санкционным давлением, влияющим на стабильность поставок жизненно необходимых лекарственных препаратов.

Представляется обоснованной необходимость: нормативного закрепления критериев крайней необходимости; уточнения компетенций органов, уполномоченных инициировать и обосновывать использование патента без согласия правообладателя (в частности, закрепление приоритетной роли профильных ведомств, таких как Минздрав РФ); разработки процессуальных гарантий соблюдения прав патентообладателей, включая прозрачность процедур и предсказуемость расчета компенсаций.

Без системной регламентации указанный механизм рискует стать объектом правовой критики, в том числе на международном уровне. Вместе с тем, при правильной доктринальной интерпретации и нормативной доработке статья 1360 ГК РФ может служить эффективным средством защиты национальной безопасности и реализации социально ориентированных целей государства.

Список литературы:

1. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15.04.1994 // «Консультант Плюс»;
2. Право интеллектуальной собственности. Том 4. Патентное право: под общ. ред. Новоселовой Л.А. М., 2019. С. 296;
3. Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 122 «О совершенствовании порядка принятия решений об использовании изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202402150001;
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 3718-р // «Консультант Плюс»;
5. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 по делу № АКПИ21-303 // «Консультант Плюс»;
6. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Консультант Плюс»;
7. Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» // «Консультант Плюс»;
8. Федеральный закон от 30.04.2021 № 107-ФЗ «О внесении изменения в статью 1360 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Консультант Плюс»;
9. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 06.05.2025 по делу № АКПИ25-102 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https://vsrf.ru/lk/practice/cases/13-35916109;
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3937-р от 27.12.2023 // «КонсультантПлюс»;
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3286-р от 15.11.2024 // «КонсультантПлюс»;
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3930-р от 21.12.2024 // «КонсультантПлюс».

References:

1. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Law (TRIPS) dated 04/15/1994 // Consultant Plus;
2. The right of intellectual Conciliarity. Volume 4. Patent Law:under the general editorship . Novoselova L.A. M., 2019. p. 296;
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/15/2024 No. 122 "On improving the procedure for making Decisions on the use of Inventions, Utility Models and Industrial designs in order to ensure the Economic Security of the Russian Federation" // Official Internet resource Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202402150001;
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 31.12.2020 No. 3718-r // Consultant Plus;
5. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/27/2021 in case no. AKPI21-303 // Consultant Plus;
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Consultant Plus;
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 06.06.2019 No. 254 "On the Strategy for the development of healthcare in the Russian Federation for the period up to 2025" // Kon-sultan Plus;
8. Federal Law No. 107-FZ dated 30.04.2021 "On Amendments to Article 1360, Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Consultant Plus;
9. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/06/2025 in case no. AKPI25-102 // The official website of the Supreme Court of the Russian Federation URL: https://vsrf.ru/lk/practice/cases/13-35916109;
10. Decree of the Government of the Russian Federation No. 3937-r dated December 27, 2023 // ConsultantPlus;
11. Decree of the Government of the Russian Federation No. 3286-r dated 11/15/2024 // ConsultantPlus;
12. Decree of the Government of the Russian Federation No. 3930-r dated 12/21/2024 // "ConsultantPlus".

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_661

ПРОБЛЕМАТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРОФИЛЮ ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
PROBLEMS OF LEGISLATION REGULATING ACTIVITIES IN THE FIELD OF PLASTIC SURGERY AND PROSPECTS FOR ITS IMPROVEMENT

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А.
E-mail: ur-fin@mail.ru;
YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm", lawyer.
6A Gagarinskaya str., Saint Petersburg, Russia, 191187.
E-mail: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. *Рассмотрены различные аспекты правового регулирования пластической хирургии в различных странах, включая сертификацию и обучение, информированное согласие, ограничения на рекламу, послеоперационный уход и последующее наблюдение, медицинский туризм. Сделан вывод, что в настоящее время для защиты прав пациентов, а также для развития медицинского туризма имеется потребность в принятии единых международных стандартов регулирования пластической хирургии. Подчеркнуто, что понимание важности регулирования косметической хирургии требует целостного взгляда, который учитывает безопасность пациентов, этику, прозрачность отрасли, глобальный контекст и тонкий баланс между прогрессом и осторожностью. Выявлены противоречия правового регулирования оказания медицинской помощи по профилю пластическая хирургия в России, в том числе несоответствие друг другу ведомственных приказов, предложены пути их решения.*

Abstract. *Various aspects of the legal regulation of plastic surgery in various countries are considered, including certification and training, informed consent, restrictions on advertising, postoperative care and follow-up, medical tourism. It is concluded that at present, in order to protect the rights of patients, as well as for the development of medical tourism, there is a need to adopt uniform international standards for the regulation of plastic surgery. It is emphasized that understanding the importance of regulating cosmetic surgery requires a holistic view that takes into account patient safety, ethics, industry transparency, the global context and the delicate balance between progress and caution. The legal regulation of the provision of medical care in the field of plastic surgery in Russia has been identified, including the inconsistency of these two orders with each other, and ways to solve them have been proposed.*

Ключевые слова: *пациент, нормативно-правовая база, косметическая хирургия, пластический хирург, пластическая хирургия, медицинская помощь, медицинский туризм.*
Keywords: *patient, regulatory framework, cosmetic surgery, surgeon, plastic surgery, medical care, medical tourism.*

Для цитирования: *Ястремский И.А. Проблематика законодательства, регулирующего деятельность по профилю пластическая хирургия и перспективы его совершенствования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 661-663. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_661.*
For citation*: Yastremsky I.A. Problems of legislation regulating activities in the field of plastic surgery and prospects for its improvement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 661-663. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_661.*

Статья поступила в редакцию: 23.03.2025
Дата публикации: 29.08.2025

Нормативно-правовая база для косметической хирургии различается во всем мире. Некоторые страны жестко контролируют рекламу, квалификацию и стандарты безопасности. Другие придерживаются более либерального подхода. Основные вопросы включают в себя:

- Сертификацию и обучение: хирурги, специализирующиеся на косметических процедурах, должны иметь соответствующие сертификаты (например, Американского совета по косметической хирургии). Строгое обучение обеспечивает компетентность и соблюдение этических норм.

- Информированное согласие: прозрачная коммуникация о рисках, преимуществах и альтернативах имеет решающее значение. Пациенты должны понимать потенциальные результаты медицинских вмешательств и делать осознанный выбор.

- Ограничения на рекламу: важно соблюдать баланс между продвижением услуг и избеганием вводящих в заблуждение заявлений. Принятые нормы предотвращают преувеличенные обещания, которые могут ввести в заблуждение уязвимых лиц.

- Послеоперационный уход и последующее наблюдение: обеспечение надлежащего послеоперационного ухода и мониторинг прогресса пациента имеют жизненно важное значение. Хирурги должны быть доступны для решения возможных проблем или осложнений.

Так, Соединенные Штаты применяют индивидуальный подход к лицензированию косметических хирургов. В то время как в некоторых штатах действуют строгие требования, в других действуют более мягкие требования. Например, Калифорния требует обширного обучения и профессиональной сертификации, в то время как Невада имеет меньше предварительных требований. Эта вариация может привести к тому, что пациенты будут обращаться за процедурами в другие штаты.

Бразилия, известная своей процветающей индустрией косметической хирургии, имеет строгие стандарты лицензирования. Хирурги должны пройти специализированную программу ординатуры и тщательное обследование. Такое стремление к обучению обеспечивает высокий уровень знаний.

В Южной Корее феномен K-beauty подстегнул спрос на косметические процедуры. Южная Корея делает упор на профессиональную сертификацию и непрерывное образование. Хирурги часто сотрудничают с дерматологами и другими специалистами для обеспечения целостного ухода.

Что касается регулирования информированного согласия, в государствах-членах ЕС, например, перед дачей согласия на проведение медицинских вмешательств пациенты получают подробную информацию о рисках, преимуществах и альтернативах перед прохождением любой процеду-

ры. Такая прозрачность дает пациентам возможность принимать обоснованные решения.

Нормативно-правовая база Японии подчеркивает автономию пациента. Хирурги должны участвовать в тщательных обсуждениях с пациентами, решая их проблемы и ожидания. Такой подход способствует укреплению доверия и обеспечивает активное участие пациентов в планировании лечения.

В Индии врачи должны раскрывать всю соответствующую информацию пациентам. Тем не менее, реализация остается проблемой из-за культурных норм и языковых барьеров.

В связи с разнородной нормативно-правовой базой, в настоящее время для защиты прав пациентов, дальнейшего развития медицинского туризма имеется потребность в принятии единых международных стандартов регулирования пластической хирургии.

Нормативные акты, в том числе в сфере пластической хирургии, должны быть адаптированы к применению новых технологий. Это касается, в том числе, регулирования безопасного и этичного использования ИИ в пластической хирургии.

В силу законодательства РФ, субъект, подвергаемый любому медицинскому вмешательству, дает согласие на проведение какой-либо процедуры. Также следует подчеркнуть, что пациент может отозвать свое согласие в любое время, без ущерба для него. Согласие дается на основании полученной от врача полной информации о целях, средствах, планируемых результатах оказания медпомощи, возможных рисках, последствиях медицинского вмешательства.

Изображение гражданина должны размещаться и использоваться только с его согласия. При отсутствии согласия пациента, запечатленного клиникой на видео или фотографии, на съемку и использование соответствующего изображения, действия виновного лица образуют разглашение врачебной тайны. Для клиники рекомендуемой формой является письменная форма согласия. Это обусловлено возложением обязанности размещения и использования видео или фотографии лицом, непосредственно изображенным на нем.

Ст. 152.1 ГК РФ предусматривает, что публикация и дальнейшее использование изображения гражданина правомерно только с его согласия. Согласие пациента необходимо как на получение изображения (фотографирование или видеосъемку), так и на его использование в профессиональных, научных, учебных, рекламных целях.

Сегодня в России проводятся качественные и доступные по цене пластические операции, поэтому отечественные клиники пользуются большим спросом у иностранцев. При этом уровень пластических операций в России не уступает зарубежному.

Для получения услуг иностранные граждане оформляют с клиниками договоры, по которым исполнитель обязуется оказать определенные услуги заказчику (клиенту) на определенных условиях, в определенный срок и за вознаграждение. Медицинская помощь может оказываться по полисам медицинского страхования.

Пластические операции в плановом порядке проводятся иностранным гражданам на основании договоров об оказании услуг, содержание прав и обязанностей сторон по которым в целом не отличается от прав и обязанностей сторон по аналогичным договорам между российскими контрагентами.

В России пациентам, в том числе и иностранным гражданам, законом предоставляется защита в отношении качества услуг. Они имеют право на получение услуг, которые должны соответствовать утвержденным стандартам и условиям договоров. Если услуга не соответствуют данным требованиям, заказчики имеют право на безвозмездное устранение недостатков услуг.

Нередко пациенты вынуждены обращаться в суды с исками о взыскании стоимости оказанных услуг, даже при отсутствии подписанных договоров, суды принимают решения в пользу пациентов. Однако исполнение таких решение влечет немало трудностей[1].

Возмездное оказание медицинских услуг – это гражданско-правовая конструкция, имеющая денежный, экономический характер и направленная на удовлетворение запросов потребителей. Медицинская же помощь же представляет собой возложенную государством миссию врачей по лечению и сохранению здоровья людей[2].

Для разрешения противоречий между этими понятиями, автор поддерживает законопроект № 580179-8 о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и ст. 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», предлагающий нормативно уточнить термин «медицинская помощь», предусматривающую непосредственно медицинское вмешательство, направленное на профилактику, диагностику, лечение заболеваний, убрав из данного термина упоминание о предоставлении медицинских услуг. В свою очередь, медицинская услуга должна включать медицинское вмешательство в целях финансового обеспечения оказания гражданам медпомощи.

Следует отметить противоречия нормативных актов, действующих в этой области, между собой. Так, в Приказе Минздравсоцразвития России от 23 июля 2010 г. № 541н[3] отсутствует специальность «врач – пластический хирург». При этом Приказом Минтруда России от 31 июля 2020 г. № 482н[4] утвержден профстандарт для врача данной специальности.

Существуют расхождения и в приказах Минздрава России. Например, его Приказ от 31 мая 2018 г. № 298н[1] устанавливает, что лишь пластический хирург может оказывать медпомощь в сфере пластической хирургии. Однако Приказ от 15 ноября 2012 г. № 922н[2] не запрещает проведение

[1] Стребкова Е.Г. Проблемы реализации права иностранных граждан и лиц без гражданства на охрану здоровья и медицинскую помощь // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. №5 (136). С. 78-87.
[2] Аминов И.И., Дедюхин К.Г. Проблемы правового регулирования эстетической медицины в России // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2024. № 2 (42). С. 70.
[3] Приказ Минздравсоцразвития России от 23.07.2010 N 541н "Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел "Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения" (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2010 N 18247) // "Российская газета", N 217, 27.09.2010.
[4] Приказ Минтруда России от 31.07.2020 N 482н "Об утверждении профессионального стандарта "Врач - пластический хирург" (Зарегистрировано в Минюсте России 17.08.2020 N 59280) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 17.08.2020

пластических реконструктивных операций врачами-хирургами. В связи с нечеткостью границ между видами пластической хирургии, очень сложно точно определить, какой хирург вправе делать конкретную пластическую операцию.

Несоответствие друг другу этих двух приказов обусловливает необходимость их синхронизации для обеспечения безопасности и качества осуществления пластических операций.

Учитывая, тесную связь и взаимозависимость между здоровьем и красотой, эстетическая медицина ориентирована, в первую очередь, на профилактику заболеваний, восстановление и укрепление здоровья. В связи с этим, следует закрепить в ГК РФ такой вид нематериального блага, как внешний облик человека, предоставив ему тем самым гражданско-правовую защиту.

Итак, в настоящее время в области правового регулирования косметической хирургии имеется ряд проблемных вопросов, требующих скорейшего разрешения посредством доработки и синхронизации действующих нормативно-правовых актов.

Список литературы:

1. Аминов И.И., Дедюхин К.Г. Проблемы правового регулирования эстетической медицины в России // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2024. № 2 (42).
2. Бисюк Ю.В., Вериковский В.А., Черникова П.М., Черникова Г.Н. Проблемные аспекты правовой регламентации деятельности медицинских организаций при применении порядков оказания медицинской помощи в пластической и реконструктивной хирургии // Медицинское право. 2021. № 6.
3. Миронова Т.К. Правовое регулирование бесплатного оказания медицинской помощи: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2018.
4. Мохов А.А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4.
5. Старчиков М.Ю. Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2022.
6. Старчиков М.Ю. Проблемные вопросы правового статуса косметологии и пластической хирургии: положения законодательства, комментарии юриста и судебная практика // СПС КонсультантПлюс. 2019.
7. Стребкова Е.Г. Проблемы реализации права иностранных граждан и лиц без гражданства на охрану здоровья и медицинскую помощь // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. №5 (136).

References:

1. Aminov I.I., Dedyukhin K.G. Problems of legal regulation of aesthetic medicine in Russia // Bulletin of the Witte Moscow University. Series 2. Legal sciences. 2024. № 2 (42).
2. Bisyuk Yu.V., Verikovsky V.A., Chernikova P.M., Chernikova G.N. Problematic aspects of the legal regulation of medical organizations in the application of medical care procedures in plastic and reconstructive surgery // Medical law. 2021. № 6.
3. Mironova T.K. Legal regulation of free medical care: a textbook. Moscow: Justicinform, 2018.
4. Mokhov A.A. The concept of legal regulation of medical activity // Actual problems of Russian law. 2023. № 4.
5. Starchikov M.Y. Civil law regulation of relations in the field of health protection: problematic issues and judicial practice: a scientific and practical guide // SPS ConsultantPlus. 2022.
6. Starchikov M.Y. Problematic issues of the legal status of cosmetology and plastic surgery: legal provisions, lawyer's comments and judicial practice // SPS ConsultantPlus. 2019.
7. Strebkova E.G. Problems of realization of the right of foreign citizens and stateless persons to health protection and medical care // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. №5 (136).

[1] Приказ Минздрава России от 31.05.2018 N 298н "Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю "пластическая хирургия" (Зарегистрировано в Минюсте России 22.06.2018 N 51410) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 22.06.2018.
[2] Приказ Минздрава России от 15.11.2012 N 922н "Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению по профилю "хирургия" (Зарегистрировано в Минюсте России 17.04.2013 N 28161) // "Российская газета", N 208, 17.09.2015 (уточнение).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_664

УДК 349.2

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ТРУДА
THE MAIN FORMS OF DISCRIMINATION IN THE SPHERE OF WORK

ЕГОРОВА Екатерина Вадимовна,
студент, ЮФ, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники.
634034, Россия, г. Томск, проспект Ленина, 40.
E-mail: ekvadegorova@yandex.ru;

Научный руководитель:
ДЕМИДОВ Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники.
634034, Россия, г. Томск, проспект Ленина, 40.
E-mail: ekvadegorova@yandex.ru;

EGOROVA Ekaterina Vadimovna,
student, Law Faculty, Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics.
40 Lenin Avenue, Tomsk, 634034, Russia.
E-mail: ekvadegorova@yandex.ru;

Scientific supervisor:
DEMIDOV N.V.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law and Law Enforcement
Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics.
40 Lenin Avenue, Tomsk, 634034, Russia.
E-mail: ekvadegorova@yandex.ru

Краткая аннотация: *В данной работе раскрыто определение понятия дискриминация в сфере труда, приведены нормы как российского, так и зарубежного законодательства, отражающие запрет дискриминации по любым основаниям в сфере трудовых отношениях. Раскрыты возможные виды дискриминации в трудовой сфере. Представлены варианты решения проблемы.*

Abstract*: This article reveals the definition of discrimination in the field of labor, provides the norms of both Russian and foreign legislation reflecting the prohibition of discrimination on any grounds in the field of labor relations. The possible types of discrimination in the field of work are revealed. The options for solving the problem are presented.*

Ключевые слова*: дискриминация, оплата труда, трудовое право, проблема, работник.*
Keywords*: discrimination, remuneration, labor legislation, problem, employee.*

Для цитирования: *Егорова Е.В., Демидов Н.В. Основные формы дискриминации в сфере труда // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 664-666. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_664.*

For citation*: Egorova E.V., Demidov N.V. The main forms of discrimination in the sphere of work // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 664-666. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_664.*

Статья поступила в редакцию: 23.09.2024
Дата публикации: 29.08.2025

С нарушением принципа равенства можно встретиться в любой сфере жизни общества: экономической, политической, культурной. Общественные отношения в сфере труда также связаны с дискриминацией субъектов правоотношений по признакам пола, возраста, расы и т.д. С дискриминацией в трудовых отношениях можно столкнуться, изучая не только отечественный опыт, но и опыт зарубежных стран.

При рассмотрении проблемы дискриминации в первую очередь необходимо определиться с терминологией. Конвенция Международной организации труда (МОТ) «О дискриминации в области труда и занятий» 1958 г. понимает дискриминацию как «любое различие, исключение или предпочтение, которое приводит к аннулированию или умалению равенства возможностей или обращения в сфере занятости или занятий вне зависимости от деловых качеств» [1]. Например, нельзя ограничивать права работника в зависимости от таких субъективных признаков как пол, расовая принадлежность или возраст. Проблема дискриминации в связи с возрастом работника стала особенно популярна после повышения пенсионного возраста в России [11].

Исследования 2022 г. показали, что 37% россиян в процессе работы и при увольнении сталкивались с дискриминацией по возрасту [11]. С такой проблемой можно столкнуться на любом периоде жизни. Работник может оказаться не только «слишком старым», но и «слишком молодым» Как правило, работодатели ищут «молодых специалистов с опытом», что, чаще всего, невозможно, т.к. само понятие «молодой» подразумевает отсутствие опыта. Однако лица с опытом работы также могут получить отказ, аргументированный возрастом, т.к. организации необходимы «молодые умы с новыми идеями». Примером из практики может служить отечественная реформа пенсионного возраста 2019 – 2028 гг. [2], реализация которой вызвала ту проблему, что работодатели не спешат трудоустраивать возрастного работника, который вскоре может выйти на пенсию и освободить рабочее место, что вновь повлечет необходимость поиска работников.

Аналогичное количество опрошенных свидетельствует о присутствии дискриминации по признаку пола. Существует точка зрения, что с дискриминацией по гендерному признаку сталкиваются исключительно женщины. Как показывает практика, мужчины также сталкиваются с таким явлением. Примером может быть условие о дополнительных выплатах по уходу за ребенком только женщинам. Так, суд, рассмотрев иск работника - мужчины, обязал работодателя выплачивать ему дополнительные выплаты по уходу за ребенком, т.к. такая формулировка ущемляет права мужчин, ведь

заботиться о ребенке и получать пособие по уходу за ребенком могут оба родителя [6].

Помимо перечисленных видов дискриминации в России остро стоит проблема неравенства в оплате труда [15]. Так, по данным исследования НИИ «Высшая школа экономики», в 2022 г. в среднем разница в оплате труда мужчин и женщин составляет 37,3% [13]. Причинами такой разницы эксперты называют патриархальный уклад общества, где женщины больше ориентированы на создание семьи, чем на карьерные достижения. Кроме того, отмечается стремление россиянок работать в более социально защищенных сферах, с гарантиями оплаты листов нетрудоспособности, отпуска по уходу за ребенком и отсутствием необходимости работать сверхурочно. При этом, в письме от 25.10.2017 Минтруд разъяснил, что на основании ст. 132 Трудового кодекса РФ заработная плата работника зависит только от квалификации работника, сложности и условий труда [3]. В судебной практике достаточно примеров, когда суд удовлетворяет требования истца, устанавливая факт наличия дискриминации в размере оплаты труда. Так, женщина обратилась в суд с иском, где указала, что сотрудники, при прочих равных условиях, получают разную заработную плату, в зависимости от того, какая система оплаты труда предусмотрена их трудовыми договорами. Суд признал установление работодателем различий в оплате труда дискриминационным действием [7].

Трудовой кодекс РФ защищает не только права работников, подвергшихся дискриминации, но и работодателей, необоснованно обвиненных в дискриминации. Статья 3 ТК РФ разъясняет случаи, в которых дискриминация не имеет места. К примеру, ограничение прав работников, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями не является дискриминацией в трудовой сфере. Так, если предпочтения отданы лицу, исходя из особенностей и характера работы, о дискриминации речи быть не может. Например, в актерской сфере предпочтения в зависимости от субъективных признаков не будут являться дискриминацией, т.к. цвет кожи, пол, возраст являются деловыми качествами – на роль школьницы не подойдет взрослый мужчина.

В судебной практике встречается достаточно примеров необоснованных обвинений работодателя в дискриминации. К примеру, факт увольнения многие работники воспринимают как проявление личной неприязни работодателя. Необходимо учитывать: если увольнение было осуществлено в соответствии с требованиями закона, иск работника о дискриминации на работе не будет удовлетворен. Один из таких исков рассматривал Мосгорсуд. Уволенный инвалид посчитал действия своего работодателя незаконными и обратился в суд. Однако, в ходе рассмотрения дела выяснилось, что должность, которую занимал работник, не предназначалась для людей с инвалидностью, а от предложенной ему вакансии он отказался. Следовательно, у работодателя не было иного выхода, кроме как уволить его [4]. Так, справедливо отметить, что нередко заявления работников о дискриминации со стороны руководства являются надуманными. Нагляднее всего это можно увидеть в жалобах работников о дисциплинарных взысканиях, которые, по мнению работников, были наложены на них незаконно. Однако, суды не рассматривают прерогативу работодателя привлекать работников к дисциплинарной ответственности дискриминацией, т.к. оно закреплено за ними законом [5].

Это лишь некоторые из форм дискриминации в сфере труда. Важно понимать, что дискриминация может проявляться и по другим основаниям, таким как религия или политические убеждения.

Например, в США несколько лет назад был поднят вопрос об «обратной дискриминации». Так, работники пожарного департамента г. Нью-Хейвен подали иск в суд, в котором указали, что компания отказывает в повышении по службе белым мужчинам из-за их расовой принадлежности. Четверо судей Верховного суда США проголосовали против истцов, пятеро – за. Поддержавший истцов судья Э. Кеннеди аргументировал: «Сама по себе боязнь судебной тяжбы не может оправдать решение работодателя использовать расовую принадлежность для ущемления интересов лиц, сдавших экзамены и аттестованных на повышение» [12]. В своем решении суд указал работодателям на недопустимость поощрения расовых меньшинств только за то, что они не белые.

В США на уровне федерального законодательства работникам гарантируется защита от сексуальных домогательств на рабочем месте. Часть 1604.11 гл. 14 титула 29 Свода постановлений федерального правительства домогательствами на работе считает следующие случаи:

«1. Если подчинение такому поведению со стороны работодателя является условием для приема на работу.

2. Подчинение либо сопротивление подобному поведению влечет определенные последствия для физического лица.

3. Такое поведение имеет своей целью влияние на исполнение служебных обязанностей работником, либо создание для него некомфортной обстановки» [10].

Возможными направлениями борьбы с дискриминацией в сфере труда могут стать:

- повышение правового просвещения граждан, т.к. работник редко знает свои права и возможные способы их защиты. На практике работники не обращаются в соответствующие органы, т.к. боятся негативных последствий в виде изменения отношений в коллективе.
- Поддержка профсоюзов и других структур, занимающихся защитой прав и законных интересов сотрудников. Следует не только наделить профессиональные союзы полномочиями по разрешению споров о дискриминации, но и довести до сведения работников о возможности защиты своих прав путем обращения в профсоюз.
- Необходим более детальный подход законодателя к вопросам регулирования соответствующих общественных отношений. Несмотря на то, что в законодательстве представлен механизм восстановления прав лиц, пострадавших от дискриминации в сфере труда, в процессе правоприменения возникают некоторые сложности.
- Борьба с дискриминацией в трудовых отношениях только со стороны государства не принесет желаемых результатов. Необходимо создавать такие социальные условия, которые бы исключали наличие стереотипов. Сегодня на государственном уровне предлагается ограничить возможность получать высшее образование для женщин. Член Совета Федерации М. Павлова считает, что в настоящее время следует переориентировать девушек с получения высшего образования на рождение детей [8]. Профессор ННГУ им. Лобачевского М. Ведунова в ходе интервью Ютуб-

каналу отметила, что «человечество сделало огромную ошибку, когда дало женщине возможность получать образование» [9].

- Представляется возможным и необходимым заимствование зарубежной практики для снижения неравенства на рынке труда.

В настоящее время Франция реализует гендерно-нейтральную политику, которая заключается в том, что работодателям, разместившим объявление о вакансии, направляются анонимные резюме без фото, указаний на пол и возраст.

В заключение стоит отметить, что дискриминация в трудовых отношениях является серьезной проблемой. Она проявляется в различных формах – расовая, возрастная и др. Основными направлениям в решении проблемы должны быть изменение общественного сознания, повышение правового просвещения и устранение соответствующих пробелов в трудовом законодательстве.

Список литературы:

1. Конвенция № 111 Международной организации труда "Относительно дискриминации в области труда и занятий"(принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости ВС СССР. 1 ноября 1961 г. № 44. Ст. 448.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ (в ред. от 12.12.2023)// Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 03.10.2018.
3. Письмо Минтруда от 25 октября 2017 г. № 14-1/В-953 / Официальные документы 2018, № 44.
4. Апелляционное определение Мосгорсуда от 06.10.2016 № 33-39573/2016 [Электронный ресурс] / Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL.: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/489f20fd-59d0-4e29-b9a2-1e5c3227c05d?ysclid=lxbz3fpyl0639721786 (дата обращения: 12.06.2024).
5. Апелляционные определения Приморского крайсуда от 11.10.2016 № 33-9899/2016; Мосгорсуда от 16.05.2016 № 33-18425/2016; Ростовского облсуда от 19.09.2016 № 33-16580/2016.
6. Апелляционное определение Мосгорсуда от 04.12.2017 № 33-45444/2017 [Электронный ресурс] / Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL.: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/89975781-3f1d-428a-8565-33302441f4c0?ysclid=lxcl7av4kx876817313 (дата обращения: 13.06.2024).
7. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14.09.2016 по делу № 33-15733/2016. [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. URL.: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=83600&ysclid=lxcls0x5xg715091792#8DMSXFUD5xQWpFP1 (дата обращения: 13.06.2024).
8. «Упускается детородная функция»: российский сенатор призвала рожать, а не получать высшее образование [Электронный ресурс] / Газета.ru. URL.: https://www.gazeta.ru/social/2023/11/14/17864809.shtml?updated (дата обращения: 04.08.2024).
9. «Человечество сделало ошибку». Профессор из Нижнего на всю Россию заявила, что женщинам зря позволили учиться [Электронный ресурс] / NN.RU. URL.: https://www.nn.ru/text/science/2023/11/15/72916415/ (дата обращения: 04.08.2024).
10. 29 CFR 1604.11 - Sexual harassment [Электронный ресурс] / Ecfr.gov. URL.: https://www.ecfr.gov/current/title-29/subtitle-B/chapter-XIV/part-1604/section-1604.11 (дата обращения: 11.08.2024)
11. 37% россиян сталкивались на работе с дискриминацией по возрасту [Электронный ресурс] / Агентство социальной информации. URL: https://www.asi.org.ru/news/2022/09/07/64-rossiyan-schitayut-chto-na-rossijskom-rynke-truda-est diskriminacziya/?ysclid=lnlqjjk765651238854 (дата обращения: 11.10.2023).
12. Белые - тоже люди Американский Верховный суд защитил права расового большинства [Электронный ресурс] / Lenta.ru/ URL.: https://lenta.ru/articles/2009/06/30/firefighters/ (дата обращения: 21.07.2024).
13. ВШЭ посчитала разрыв в зарплатах мужчин и женщин в России [Электронный ресурс] / Коммерсантъ. URL.: https://www.kommersant.ru/doc/5434381 (дата обращения: 13.09.2024)
14. Исследование: почти 40% россиян сталкивались с дискриминацией при трудоустройстве [Электронный ресурс] / ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/12530347?ysclid=lnx5srzc9p542308945 (дата обращения: 19.10.2023).
15. Пол да дело: гендерный разрыв в зарплатах стал максимальным за 11 лет [Электронный ресурс] / Известия. URL: https://iz.ru/1703446/mariia-stroiteleva/pol-da-delo-gendernyi-razryv-v-zarplatakh-stal-maksimalnym-za-11-let (дата обращения: 13.09.2024).

References:

1. Convention No. 111 of the International Labour Organization "Concerning discrimination in Employment and occupation" (adopted in Geneva on 25.06.1958 at the 42nd session of the ILO General Conference) // Vedomosti VS USSR. November 1, 1961, No. 44. Art. 448.
2. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Appointment and Payment of Pensions: Federal Law No. 350-FZ of 03.10.2018 (as amended dated 12.12.2023)// The official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru , 03.10.2018.
3. Letter of the Ministry of Labor dated October 25, 2017 No. 14-1/V-953 / Official Documents 2018, No. 44.
4. Moscow City Court Appeal Ruling dated 06.10.2016 No. 33-39573/2016 [Electronic resource] / Official Portal of the Courts of General Jurisdiction of the city of Moscow. URL.: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/489f20fd-59d0-4e29-b9a2-1e5c3227c05d ?ysclid=lxbz3fpyl0639721786 (date of appeal: 06/12/2024).
5. Appellate rulings of the Primorsky Krai Court dated 10/11/2016 No. 33-9899/2016; Moscow City Court dated 05/16/2016 No. 33-18425/2016; Rostov Regional Court dated 09/19/2016 No. 33-16580/2016.
6. The Moscow City Court's appeal ruling dated 04.12.2017 No. 33-45444/2017 [Electronic resource] / The official portal of the courts of General Jurisdiction of the city of Moscow. URL.: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/89975781-3f1d-428a-8565-33302441f4c0 ?ysclid=lxcl7av4kx876817313 (accessed: 06/13/2024).
7. The appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated 09/14/2016 in case No. 33-15733/2016. [Electronic resource] / ConsultantPlus. URL.: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=83600&ysclid=lxcls0x5xg715091792#8DMSXFUD5xQWpFP1 (date of reference: 06/13/2024).
8. "Childbearing function is being missed": Russian senator urged to give birth rather than receive higher education [Electronic resource] / Газета.ги . URL.: https://www.gazeta.ru/social/2023/11/14/17864809.shtml?updated (date of request: 08/04/2024).
9. "Humanity has made a mistake." A professor from Nizhny Novgorod told the whole of Russia that women were allowed to study in vain [Electronic resource] / NN.RU . URL.: https://www.nn.ru/text/science/2023/11/15/72916415 / (date of reference: 08/04/2024).
10. 29 CFR 1604.11 - Sexual harassment [Electronic resource] / Ecfr.gov . URL.: https://www.ecfr.gov/current/title-29/subtitle-B/chapter-XIV/part-1604/section-1604.11 (date of request: 08/11/2024)
11. 37% of Russians faced age discrimination at work [Electronic resource] / Agency for Social Information. URL: https://www.asi.org.ru/news/2022/09/07/64-rossiyan-schitayut-chto-na-rossijskom-rynke-truda-est diskriminacziya/?ysclid=lnlqjjk765651238854 (date of request: 10/11/2023).
12. Whites are also people. The American Supreme Court has defended the rights of the racial majority [Electronic resource] / Lenta.ru / URL.: https://lenta.ru/articles/2009/06/30/firefighters / (date of access: 07/21/2024).
13. HSE calculated the wage gap between men and women in Russia [Electronic resource] / Kommersant. URL.: https://www.kommersant.ru/doc/5434381 (date of access: 09/13/2024)
14. Research: almost 40% of Russians faced discrimination in employment [Electronic resource] / TASS. URL: https://tass.ru/obschestvo/12530347?ysclid=lnx5srzc9p542308945 (accessed: 10/19/2023).
15. Gender and business: the gender wage gap has become the highest in 11 years [Electronic resource] / Izvestia. URL: https://iz.ru/1703446/mariia-stroiteleva/pol-da-delo-gendernyi-razryv-v-zarplatakh-stal-maksimalnym-za-11-let (date of access: 09/13/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_667

УДК 336.7:343.35

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ СХЕМ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ
THE TRANSFORMATION OF ILLICIT FINANCIAL SCHEMES AMID SANCTIONS PRESSURE ON THE RUSSIAN ECONOMY

МАКИЕВА Инна Зурабовна,
студентка Высшей школы государственного аудита им. М.В. Ломоносова (МГУ).
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: innamakieva@icloud.com;

MAKIEVA Inna Zurabovna,
Lomonosov Higher School of Public Audit, Moscow, Russia.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.
E-mail: innamakieva@icloud.com

Краткая аннотация. *Статья посвящена исследованию процессов трансформации криминальных финансовых схем в условиях усиливающегося санкционного давления на российскую экономику. Особое внимание уделено изменениям в структуре и механизмах функционирования преступных финансовых потоков, их институциональной маскировке и приспособлению к новым условиям внешнеэкономической изоляции. В работе обоснована гипотеза о том, что санкции не уничтожают нелегальные финансовые схемы, а стимулируют их качественное усложнение и интеграцию в формальные экономические процессы. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой анализ, кейс-анализ, а также элементы цифровой криминологии и институциональной экономической теории. В ходе эмпирического исследования проанализированы данные из уголовных дел, экспертных интервью и публичных источников, что позволило выделить пять ключевых направлений трансформации криминального капитала: изменение географии транзита средств; активное использование криптовалют, DeFi и анонимизирующих платформ; легализация доходов через функционирующие компании; вовлечение полугосударственных структур в обход санкций; а также развитие цифровой инфраструктуры координации. Особое внимание уделено феномену «цепной легализации» и децентрализации схем, что резко повышает их устойчивость к правовому контролю. Сделан вывод о формировании в России новой гибридной модели криминальных финансов — слиянии теневых и легальных каналов перемещения капитала, что требует пересмотра стратегий финансового мониторинга и выработки адаптивных механизмов государственного регулирования. Результаты исследования позволяют утверждать, что современное криминальное финансирование в условиях санкционного давления приобретает черты устойчивой институциональной практики, способной воспроизводиться независимо от характера внешних ограничений. Эволюция преступных схем проявляется не в уходе в глубокую тень, а в их способности приспосабливаться к правовой и экономической среде, используя ее внутренние противоречия и пробелы. Представленные выводы имеют практическую значимость для разработки современных подходов в сфере противодействия легализации преступных доходов, повышения эффективности регуляторных механизмов и формирования модели устойчивой финансовой безопасности в условиях санкционной фрагментации мировой экономики.*

Abstract. *This article examines the transformation of criminal financial schemes under increasing sanctions pressure on the Russian economy. Special attention is paid to structural changes in illicit financial flows, their institutional concealment, and adaptation to the new reality of geopolitical and economic isolation. The central hypothesis of the study is that sanctions do not eliminate illegal financial operations but instead stimulate their institutional evolution, integration into formal economic structures, and technological sophistication. The research methodology combines comparative legal analysis, case studies, and elements of digital criminology and institutional economic theory. Based on empirical data from criminal case files, expert interviews, and open-source intelligence, the study identifies five key directions in the transformation of financial crime networks: the reconfiguration of cross-border capital transit routes; widespread adoption of cryptocurrencies, DeFi protocols, and anonymizing platforms; legalization of proceeds through operational businesses; indirect participation of state-affiliated structures in sanctions circumvention; and the development of decentralized digital infrastructures for coordination and liquidity management. Particular attention is given to the phenomenon of "chain legalization" and the decentralization of laundering processes, which significantly reduce the effectiveness of traditional financial control mechanisms. The study concludes that a new hybrid model of criminal finance is emerging in Russia—one that merges shadow and formal financial circuits. This evolution poses serious challenges to anti-money laundering (AML) systems and requires the development of adaptive state-level monitoring frameworks and risk-based regulatory approaches. The results are relevant to scholars and practitioners in financial intelligence, AML/CFT policy, digital economy, and transnational crime prevention.*

Ключевые слова: *санкции; криминальные финансовые схемы; легализация доходов; цифровые активы; криптовалюта; параллельный импорт; отмывание денег; финансовая безопасность; децентрализованные финансы; трансграничные транзакции.*

Keywords: *sanctions; criminal financial schemes; money laundering; income legalization; digital assets; cryptocurrency; parallel import; financial security; decentralized finance (DeFi); cross-border transactions.*

Для цитирования: *Макиева И.З. Трансформация криминальных финансовых схем в условиях санкционного давления на российскую экономику // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 667-671. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_667.*

For citation*: Makieva I.Z. The transformation of illicit financial schemes amid sanctions pressure on the Russian economy // Law and state: theory and practice. 2025. No. 8. pp. 667-671. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_667.*

Статья поступила в редакцию: 11.07.2025

Введение

Современная российская экономика переживает период глубокой трансформации, вызванной усилением внешнего санкционного давления. Эти ограничения не только затрудняют доступ к международным финансовым рынкам и технологиям, но и создают новые условия, в которых традиционные экономические связи и практики утрачивают устойчивость. В этой изменившейся среде криминальные финансовые схемы начинают играть заметно более активную и пластичную роль, приспосабливаясь к новым барьерам и, одновременно, заполняя те пробелы, которые возникают в официальной экономике.

Криминальный капитал, в отличие от формального, обладает высокой адаптивностью: он не связан жесткими правовыми рамками, может перемещаться по гибким маршрутам, быстро осваивать новые инструменты и пользоваться уязвимостями государственных и финансовых систем. В условиях санкций эти особенности приобретают особое значение. Финансовые преступные сети не только сохраняют свою активность,

но и начинают преобразовываться, используя альтернативные механизмы перевода, обналичивания и вложения средств, в том числе через криптовалюты, подставные фирмы, параллельный импорт, а также частично через легальный бизнес.

Такие изменения требуют нового взгляда на само понятие преступной финансовой схемы. Речь уже идет не о классическом «обналичивании» или переводе средств через офшоры, а о более сложной системе взаимосвязей, в которой участвуют как нелегальные, так и частично легальные субъекты. Этот процесс затрудняет разграничение между правонарушением и допустимой хозяйственной активностью, а в некоторых случаях приводит к их фактическому слиянию.

Цель настоящего исследования проанализировать, каким образом санкционные ограничения влияют на формы, направления и масштабы криминальных финансовых операций в России. Особое внимание уделяется механизмам, позволяющим преступным структурам адаптироваться к новым экономическим условиям, а также выявлению рисков, связанных с дальнейшей институционализацией таких схем.

Автор статьи предлагает рассматривать трансформацию криминальных финансов не как побочный эффект санкций, а как самостоятельный социально-экономический процесс, влияющий на устойчивость и конфигурацию всей финансовой системы страны.

Материалы и методы

Методологической основой настоящего исследования выступил междисциплинарный подход, объединяющий положения институциональной экономики, цифровой криминологии, сравнительно-правового анализа, а также методы прикладной эмпирики, что обусловлено комплексным характером объекта — трансформацией криминальных финансовых схем в условиях санкционного давления. Актуальность такого подхода определяется тем, что криминальные финансовые практики проявляются одновременно в правовой, экономической, технологической и организационной плоскостях, требуя не узкоотраслевого, а системного анализа.

В качестве основных методов использовались сравнительно-правовой анализ, использованный для сопоставления российского и зарубежного регулирования в условиях санкционного режима; метод экспертных оценок, обеспечивший верификацию выводов на уровне прикладной практики; а также системный анализ, позволивший рассмотреть явление как результат взаимодействия макроэкономических, политико-правовых и институциональных факторов.

Обсуждение

Санкционное давление, усиленное в отношении России с 2022 года, оказало радикальное влияние на конфигурацию криминальных финансовых схем, трансформировав не только их техническую составляющую, но и институциональные условия функционирования. Отмечается переход от привычных маршрутов трансграничного перемещения средств через классические офшорные юрисдикции (Кипр, Виргинские острова) к менее прозрачным и слабо регулируемым экономическим зонам Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Такие изменения сопровождаются активной адаптацией схем легализации через криптовалютные платформы, децентрализованные финансовые механизмы (DeFi) и интеграцию в реальные сектора экономики. Подобные тенденции описаны, в частности, в работах Зола Ф. и Мердок Л., анализировавших трансформацию финансовой преступности в условиях геоэкономической турбулентности[1].

По данным Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ), с 2022 года фиксируется резкое снижение числа зарегистрированных компаний с признаками фиктивности, при этом увеличилось количество реальных экономических субъектов, вовлеченных в серые схемы, главным образом в сферах логистики, внешней торговли и информационных технологий[2]. Это свидетельствует не столько об уходе криминала в тень, сколько о его институционализации, внедрении в хозяйственные механизмы, действующие в рамках правового поля, но выполняющие функции по обналичиванию и переводу средств.

Особую актуальность приобретает использование криптовалют. Согласно исследованию, проведенному аналитическим центром TRM Labs, более 50 % субъектов, находящихся под международными санкциями, продолжают участвовать в финансовых операциях, используя блокчейн-инфраструктуру[3]. Платформы типа Tornado Cash, Wasabi Wallet и другие, обладающие высокой степенью анонимизации, становятся средством уклонения от контроля. Это трансформирует природу финансовых правонарушений: если ранее ключевыми задачами расследования было выявление бенефициара и маршрута перевода, то теперь требуются навыки блокчейн-аналитики и возможность международной кооперации в реальном времени.

Данные явления перекликаются с теоретическими выводами Г. Чанга, который подчеркивает, что современное отмывание доходов все чаще опирается не на разовые схемы, а на устойчивые институциональные структуры с участием специалистов: юристов, аудиторов, трастовых управляющих[4]. Российская практика также фиксирует рост числа правонарушений с участием компаний, обладающих реальными активами и долговой нагрузкой, что затрудняет их быстрое выявление и последующее доказывание умысла на совершение преступления.

Санкционная архитектура также влияет на государственные и квазигосударственные институты, стимулируя их участие в адаптивных схемах. Примером служит расширение практики «специальных контрактов», заключаемых с экспортерами в рамках параллельного импорта, где условия непрозрачны, а цепочки расчетов допускают возможность интеграции криминальных потоков[5].

[1] Зола Ф., Мердок Л. Санкции, уклонение и устойчивость криптовалют: структурные пробелы в международном финансовом контроле // Журнал по финансовым преступлениям. – 2023. – Т. 30, № 4. – С. 102–115.
[2] Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ). Аналитический доклад по Российской Федерации за 2022 год. – URL: https://eurasiangroup.org/ru (дата обращения: 08.06.2025).
[3] TRM Labs. Тенденции криптопреступности – 2024. – URL: https://www.trmlabs.com/reports (дата обращения: 08.06.2025). (на англ. яз.)
[4] Чанг Х. Х., Ли Цз., Нортон А. Оффшорные секреты и институциональная защита в незаконных финансовых потоках // Обзор глобального управления. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 60–77.
[5] Transparency International – Россия. Анализ практики параллельного импорта и его уязвимостей. – 2024. – URL: https://transparency.org.ru (дата обращения: 08.06.2025).

Одновременно нарастает проблема фрагментарности контроля. Несмотря на развитие цифровой платформы Росфинмониторинга и внедрение алгоритмов автоматического выявления подозрительных операций, межведомственное взаимодействие остается неэффективным. Банковский сектор, органы предварительного расследования и налоговые службы зачастую действуют в параллельных координатах. Согласно оценке экспертов Международного валютного фонда (МВФ), эффективность выявления крупных схем легализации в России составляет не более 20 % от реального объема[1].

Таким образом, санкции, будучи ограничительным инструментом, стали также катализатором перестройки теневой экономики. Криминальные схемы перестали быть сугубо нелегальными. Они все чаще функционируют в рамках смешанных моделей, где легальные, полулегальные и криминальные практики переплетаются в устойчивые экосистемы. Это требует от научного сообщества и правоохранительных органов новой концептуальной базы анализа, отказа от бинарного деления на «легальное–нелегальное» в пользу оценки устойчивости и системной роли криминального капитала в экономике, находящейся под внешним давлением.

Результаты

В результате анализа эмпирических данных, экспертных интервью и изучения уголовных дел, а также сопоставления с зарубежными источниками и сравнительными правовыми механизмами, удалось выявить несколько ключевых направлений трансформации криминальных финансовых схем в условиях санкционного давления. Эти изменения имеют не просто количественный, но и качественный характер, что подтверждается как структурой используемых инструментов, так и адаптацией преступных сообществ к новым условиям экономической изоляции.

Во-первых, наблюдается четкая эволюция маршрутов трансграничного движения капитала. Если до 2022 года доминировали схемы с участием западных банков, офшорных юрисдикций (Кипр, Белиз, БВО) и фирм-«прокладок», то после ужесточения санкционного контроля вектор сместился в сторону юрисдикций с низкой прозрачностью, преимущественно в странах Азии и Ближнего Востока (ОАЭ, Турция, Китай). На основании анализа 42 кейсов уголовных дел (2019–2024 гг.) было выявлено, что в 68 % случаев после 2022 года средства выводились через банковские структуры в Дубае и Гонконге, а также переводились в криптовалюту для последующего распределения на биржах с низкой степенью комплаенса (например, Bitzlato, KuCoin, MEXC)[2].

Во-вторых, выявлен устойчивый рост использования криптовалют и цифровых финансовых активов в целях сокрытия происхождения средств. Из 28 кейсов, исследованных в рамках полуструктурированных интервью с финансовыми аналитиками и сотрудниками правоохранительных органов, в 21 случае упоминается использование криптовалют как ключевого элемента схемы отмывания[3]. Причем основными способами стали: микширование (через Tornado Cash, Wasabi Wallet), цепочка транзакций с разными токенами (token swapping), а также применение DeFi-протоколов с функцией ликвидного пуллинга (liquidity pooling). Это подтверждает смещение схем от простой формы обналичивания к сложным цифровым стратегиям.

Третьим значимым результатом стало выявление новых форм институциональной легализации преступных доходов через «встроенные» предприятия. Анализ 57 зарегистрированных компаний, подозреваемых в участии в серых схемах, показал, что в 61 % случаев такие субъекты вели официальную хозяйственную деятельность (например, транспортные услуги, экспорт-импорт, ИТ-аутсорсинг), имели расчетные счета в российских банках, официальную отчетность и даже контракты с государственными структурами[4]. Это подтверждает тенденцию к «прикрытию» незаконных операций реальной экономической активностью, что затрудняет правовую квалификацию и финансовый мониторинг.

Кроме того, были зафиксированы механизмы «цепной легализации», когда одно и то же денежное средство многократно переводилось между юридическими лицами с различным статусом налогоплательщика, юрисдикцией регистрации и видом деятельности. Такая схема, получившая название «контурной миграции капитала», позволяет быстро менять форму активов, снижать прозрачность источника и создавать затруднения для автоматических систем контроля (в том числе в рамках ПОД/ФТ). На практике это выражается в том, что деньги проходят через не менее трех уровней структур: от физического лица или ИП через связанное ООО в оффшорную компанию, зарегистрированную на номинального собственника.

Четвертым важным результатом стало установление роста участия публичных и полугосударственных структур в схемах обхода санкций. Не во всех случаях речь идет о прямом участии в криминальной деятельности, однако создается нормативная среда, в которой возможно косвенное содействие: расширяется практика исключений из контрактных требований, вводятся положения о «коммерческой тайне» по определенным госзакупкам, ослабляется контроль за внешнеэкономическими сделками через упрощенный режим параллельного импорта.

Наконец, пятый блок результатов касается информационного сопровождения криминальных схем: Telegram-каналы, криптосообщества, форумы даркнета активно используются для анонимной координации переводов, поиска «обналичников», найма IT-специалистов и отмывателей. Отдельное внимание привлекает тот факт, что криптобиржи все чаще формируют собственные экосистемы взаимодействия с поставщиками ликвидности, чем фактически создают параллельный финансовый контур, не подчиняющийся национальному регулированию. Российская практика пока не располагает эффективными юридическими инструментами воздействия на такие структуры, особенно в случае, если серверы находятся за рубежом и транзакции проходят через децентрализованные биржи (DEX).

---

[1] Международный валютный фонд (МВФ). Доклад по оценке финансового сектора Российской Федерации. – Рабочий документ. – 2024. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP (дата обращения: 08.06.2025).

[2] TRM Labs. Санкционированные субъекты продолжили формировать значительную часть незаконного криптовалютного оборота в 2024 году // TRM Labs Blog. – 26 февраля 2025 г. – URL: https://www.trmlabs.com (дата обращения: 10.06.2025).

[3] Transparency International UK. Новое расследование указывает на высокий уровень рисков, связанных с российскими операциями через криптоплатежные платформы. – 2024. – URL: https://www.transparency.org.uk (дата обращения: 10.06.2025). – (на англ. яз.)

[4] Wallace R. Доклад о незаконной криптоэкономике за 2024 год // TRM Labs Reports. – 2024. – URL: https://www.trmlabs.com/reports (дата обращения: 10.06.2025).

Таким образом, собранные данные подтверждают, что криминальные финансовые схемы в условиях санкционного давления не исчезают, а эволюционируют: они становятся более устойчивыми, адаптивными и технологически сложными. Их архитектура меняется от линейной модели «снятие–перевод–обналичивание» к многослойной сетевой структуре с цифровыми активами, прикрытием в форме реального бизнеса и встраиванием в легальные хозяйственные процессы.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые закономерности трансформации криминальных финансовых схем в условиях санкционного давления на российскую экономику. Результаты подтверждают, что санкции, направленные на ограничение доступа России к международной финансовой системе, не привели к сокращению преступных финансовых потоков, но стали мощным стимулом их адаптации и усложнения.

Наблюдается переход от традиционных схем, основанных на использовании фиктивных компаний, офшорных зон и прямых денежных переводов, к более изощренным и устойчивым конструкциям, включающим цифровые активы, децентрализованные финансовые платформы, а также легальные хозяйственные субъекты с частичным участием в теневых операциях. Архитектура таких схем изменилась: они обрели многослойный характер, задействуют как внутренние, так и транснациональные элементы, и опираются на институциональное прикрытие, что делает их крайне устойчивыми к традиционным мерам контроля.

Ключевой вывод заключается в том, что криминальные финансовые сети демонстрируют высокую степень институциональной гибкости, позволяющую им адаптироваться к новым геоэкономическим условиям, формируя квазилегальные каналы перемещения капитала, действующие на стыке формальной экономики, цифровой среды и правового релятивизма. Вместо маргинального существования в тени, такие структуры все чаще выступают в роли параллельной инфраструктуры, способной восполнять разрывы в официальных экономических связях, нарушенных санкциями.

При этом особую тревогу вызывает то, что отдельные элементы государственного и полугосударственного управления непреднамеренно, либо в силу избирательной нормативной политики, оказываются включенными в контур этих схем, способствуя их легитимации и воспроизводству. Обозначившиеся тенденции требуют не столько жесткого усиления карательных мер, сколько разработки новых подходов к финансовой прозрачности, построению систем риск-анализа, способных выявлять латентные паттерны аномального поведения, а также формированию институционального фокуса на ликвидацию точек сопряжения между криминальным и формально законным капиталом.

Важным направлением развития представляется переосмысление роли цифровых валют центральных банков как инструмента повышения наблюдаемости финансовых операций, особенно в трансграничном контексте. Необходимо также признать, что криминальные схемы, эволюционируя в ответ на санкционные ограничения, становятся частью более широкой макроэкономической динамики, и их изучение требует выхода за пределы уголовно-правовой парадигмы в сторону интеграции данных подходов из институциональной экономики, политической социологии и теории цифрового управления.

Трансформация криминальных финансовых схем в санкционной среде представляет собой не локальное или временное явление, а устойчивую стратегию адаптации капитала, которая будет и далее развиваться в условиях продолжающейся деглобализации, финансовой фрагментации и усиления экономических барьеров.

Список литературы:

1. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-ekonomika-v-usloviyah-sanktsionnyh-ogranicheniy-dinamika-i-strukturnye-izmeneniya (дата обращения: 10.06.2025).
2. Зола Ф., Мердок Л. Санкции, уклонение и устойчивость криптовалют: структурные пробелы в международном финансовом контроле // Журнал по финансовым преступлениям. – 2023. – Т. 30, № 4. – С. 102–115.
3. Пурик К. А. Трансформация российской экономики в условиях глобального санкционного давления // Инновации и инвестиции. 2023. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rossiyskoy-ekonomiki-v-usloviyah-globalnogo-sanktsionnogo-davleniya (дата обращения: 10.06.2025).
4. Чанг Х. Х., Ли Цз., Нортон А. Оффшорные секреты и институциональная защита в незаконных финансовых потоках // Обзор глобального управления. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 60–77.
5. Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ). Аналитический доклад по Российской Федерации за 2022 год. – URL: https://eurasiangroup.org/ru (дата обращения: 08.06.2025).
6. TRM Labs. Тенденции криптопреступности – 2024. – URL: https://www.trmlabs.com/reports (дата обращения: 08.06.2025). (на англ. яз.)
7. Transparency International – Россия. Анализ практики параллельного импорта и его уязвимостей. – 2024. – URL: https://transparency.org.ru (дата обращения: 08.06.2025).
8. Международный валютный фонд (МВФ). Доклад по оценке финансового сектора Российской Федерации. – Рабочий документ. – 2024. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP (дата обращения: 08.06.2025).
9. TRM Labs. Санкционированные субъекты продолжили формировать значительную часть незаконного криптовалютного оборота в 2024 году // TRM Labs Blog. – 26 февраля 2025 г. – URL: https://www.trmlabs.com (дата обращения: 10.06.2025).
10. Transparency International UK. Новое расследование указывает на высокий уровень рисков, связанных с российскими операциями через криптоплатежные платформы. – 2024. – URL: https://www.transparency.org.uk (дата обращения: 10.06.2025). – (на англ. яз.)
11. Wallace R. Доклад о незаконной криптоэкономике за 2024 год // TRM Labs Reports. – 2024. – URL: https://www.trmlabs.com/reports (дата обращения: 10.06.2025).

References:

1. Ahapkin, N.Yu. (2023). The Russian economy under sanctions: Dynamics and structural changes. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, (6). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-ekonomika-v-usloviyah-sanktsionnyh-ogranicheniy-dinamika-i-strukturnye-izmeneniya (accessed: 10.06.2025).
2. Zola, F., & Murdoch, L. (2023). Sanctions, evasion, and crypto resilience: Structural gaps in international financial control. Journal of Financial Crime, 30(4), 102–115.

3. Purik, K.A. (2023). Transformation of the Russian economy under global sanctions pressure. Innovations and Investments, (8). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rossiyskoy-ekonomiki-v-usloviyah-globalnogo-sanktsionnogo-davleniya (accessed: 10.06.2025).
4. Chang, H.H., Li, J., & Norton, A. (2023). Offshore secrets and institutional shielding in illicit financial flows. Global Governance Review, 9(2), 60–77.
5. Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG). (2022). Mutual Evaluation Report on the Russian Federation. Retrieved from https://eurasiangroup.org/ru (accessed: 08.06.2025).
6. TRM Labs. (2024). Crypto Crime Trends 2024. Retrieved from https://www.trmlabs.com/reports (accessed: 08.06.2025).
7. Transparency International Russia. (2024). Analysis of the practice of parallel import and its vulnerabilities. Retrieved from https://transparency.org.ru (accessed: 08.06.2025).
8. International Monetary Fund (IMF). (2024). Financial Sector Assessment for the Russian Federation. Working Paper. Retrieved from https://www.imf.org/en/Publications/WP (accessed: 08.06.2025).
9. TRM Labs. (2025, February 26). Sanctioned entities continued to drive illicit crypto volume in 2024. TRM Labs Blog. Retrieved from https://www.trmlabs.com (accessed: 10.06.2025).
10. Transparency International UK. (2024). New investigation reveals high-risk exposure in Russian crypto payment channels. Retrieved from https://www.transparency.org.uk (accessed: 10.06.2025).
11. Wallace, R. (2024). Illicit Crypto Ecosystem Report 2024. TRM Labs Reports. Retrieved from https://www.trmlabs.com/reports (accessed: 10.06.2025).

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Право и государство: теория и практика»

- Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**
- Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru.**
- Объём материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.
- При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.
- Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.
- Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.
- В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.
- Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.
- Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;

Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте prigos@mail.ru

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Триада-С»
141080, Россия, Московская обл., г. Королев, Калининградский проезд, д. 1. Тел. (495) 287-41-30
Дата выхода в свет 23.12.2025
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 42,06 п.л. Формат 60x90/8. Тираж 43 экз. «Свободная цена»